

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

ТОМ I

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

С. А. КОЗИН

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С. А. КОЗИН

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ

МОНГОЛЬСКАЯ ХРОНИКА 1240 г.
ПОД НАЗВАНИЕМ
MONGΓOL-UN NIΓUČA TOBČIYAN

ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ

МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

ТОМ I

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА
ПЕРЕВОД, ТЕКСТЫ, ГЛОССАРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, Т. XXXIV

Ответственный редактор: акад. А. П. Баранников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5
От автора 8
Введение в изучение памятника 9
I. Общие положения . . . . —
II. Способы перетранскрибирования Юань чао би ши, написанного монгольским письмом китайской системы, в системы уйгуро-монгольского письма 17
III. Юань чао би ши как памятник монгольской художественной литературы 29
IV. Хроника 1240 г. и позднейшие памятники монгольского эпоса 47
Перевод текста
Монгольский обыденный изборник 79
I. Родословная и детство Темучжина . . . . —
II. Юность Чингиса 87
III. Разгром Меркитов. Наречение Темучжина Чингис-ханом 98
IV. Борьба с Чжамухой и Тайчиудцами 111
V. Разгром Татар. Разрыв с Ван-ханом 120
VI. Конец Кереитского царства 130
VII. Кереиты и их монгольские союзники, во главе с Чжамухой, передаются Найманам. Смерть Ван-хана. Разгром Найманов и Меркитов 140
VIII. Кучулук бежит к Гур-хану Хара-Китадскому на реку Чуй, а Тохтоа — к Кипчакам. Чжебе послан преследовать Кучулука, а Субеетай — Тохтоая. Смерть Чжамухи. Воцарение Чингиса. Награды и пожалования сподвижникам 151
IX. Продолжение предыдущей. Преобразование гвардии 163
X. Гвардия Чингис-хана. Похвала гвардии. Покорение Уйгуров и Лесных народов. Распределение уделов. Расправа с волхвом Теб-Тенгрием . . . 171
XI. Покорение северного Китая, Си-ся, Туркестана, Багдадского халифата и Руси 179
XII. Смерть Чингис-хана. Царствование Огодая 189
Тексты
Транслитерация китайско-монгольского письма памятника 203
Параллельные тексты Aƚtan tobči nova 321
Транскрипция китайско-монгольского письма, переложенного на уйгуро-монгольское письмо, переданное знаками академической латинизованной транскрипции 399
Словари
В порядке следования параграфов текста 523
В порядке монгольского алфавита 579

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Сокровенное сказание монголов», этот ценнейший памятник древнемонгольской литературы, открытый в середине XIX ст. одним из крупнейших русских востоковедов, синологом Палладием Кафаровым, неоднократно привлекал внимание ученых исследователей. Однако, хотя со времени открытия этого памятника прошло уже почти 100 лет, «Сокровенное сказание» не может считаться исследованным и изученным. Более того, до настоящего времени оно не было даже удовлетворительным образом издано. Не было также перевода этого произведения на русский или какой-либо другой язык. Сам Палладий Кафаров подготовил в свое время к изданию текст «Сказания» в русской транскрипции, но он не был опубликован. Пролежав много лет неизданным, его труд в настоящее время является уже сильно устаревшим, так как и синология и монголоведение за эти десятилетия шагнули далеко вперед. Палладий Кафаров успел опубликовать лишь русский перевод китайского перевода «Сокровенного сказания». Но китайский перевод, как это теперь установлено, представляет собою сильно сокращенный перевод монгольского подлинника и, помимо этого, местами неточен.

В течение многих десятилетий монголоведы были вынуждены пользоваться этим сильно сокращенным и неточным переводом. Совершенно недоступным был им подлинный текст, писанный китайскими иероглифами.

Сознавая исключительную важность издания подлинного монгольского текста в общедоступной транскрипции знаками какого-либо европейского алфавита и полного перевода монгольского текста, эту работу предприняли западноевропейские ученые — французский академик П. Пеллио и немецкий профессор Е. Хениш. Первый из них приступил к работе уже свыше 20 лет тому назад, но до сих пор еще не издал ни текста, ни перевода, ограничившись рядом небольших статей, в которых разбираются отдельные монгольские слова, засвидетельствованные в «Сокровенном сказании». Второй из них — проф. Хениш — успел издать одну главу текста с переводом и комментариями и затем полный текст и словарь без перевода и без какого бы то ни было исследования. Таким образом до выхода в свет настоящего труда С. А. Козина положение со времени издания работы Кафарова по существу изменилось лишь очень незначительно.

Нужно отдать справедливость: издание полного текста, перевода и исследования «Сокровенного сказания» — труд, требующий огромного напряжения, а главное чрезвычайно широких познаний в области и китайского и монгольского языков, знания истории и высокой литературоведной

квалификации. Издание такого труда открыло бы новую страницу в данной области науки.

Факт появления такого труда по значимости своей не уступил бы факту открытия и первого издания «Илиады» и «Одиссеи», «Песни о Нибелунгах» или «Слова о Полку Игореве». И совершенно ясно, что не каждому дано осуществить такой план.

Мы можем с чувством глубокого удовлетворения отметить, что выполнение этой большой и трудной задачи блестяще удалось нашему советскому ученому С. А. Козину, первый том труда которого вышел теперь в свет. Это исследование С. А. Козина является плодом упорного труда в течение 15 лет. Том I содержит полное издание древнемонгольского текста с относящимся к нему исследовательским аппаратом и переводом. Том II, содержащий комментарии и указатели, выйдет в свет в ближайшее время. Весь же труд в целом должен дать полное и всестороннее представление об этом памятнике: здесь и текст и примечания к нему, словарь, издание разных летописных текстов, являющихся, как установил С. А. Козин, извлечениями и отрывками из «Сокровенного сказания», здесь и лингвистическое и литературоведное исследование его и т. д. Как видно, этот многотомный труд является своего рода энциклопедией по всем вопросам, связанным с древними монголами.

Труд С. А. Козина представляет собою исключительное явление в истории монголоведения не только по своим масштабам, но и по качеству работы, обнаруживая многосторонние и глубокие знания предмета. Мы можем смело утверждать, что в настоящее время едва ли кто-либо мог бы выполнить эту работу с таким же успехом, как С. А. Козин.

Этим мы не хотим, однако, сказать, что после выхода в свет труда С. А. Козина все связанные с памятником вопросы могут считаться раз и навсегда решенными. Мы отдаем себе полный отчет в том, что многие древнемонгольские слова могут читаться иначе, чем их читает С. А. Козин, что перевод автора не исключает иной передачи ряда мест и т. д. Однако труд С. А. Козина не из разряда тех, которым оценка дается на основании частностей. Если мы скажем, что такое-то слово С. А. Козиным не так понято, что такое-то место мы перевели бы иначе, это не было бы настоящей критикой труда в целом. К такого рода работе нужен другой подход: нужно показать ее роль, ее значение в целом. А в этом отношении едва ли кто-нибудь не согласится с тем, что этот труд открывает перед монголоведением новые перспективы, новые горизонты, что он продвинет науку вперед и поможет ей подняться на много ступеней выше. В сущности, только теперь историки получат надежный материал для своих исследований, в то время как до сих пор они должны были черпать свои данные из сокращенного и местами неточного перевода Кафарова. О лингвистах, занимающихся историей монгольского языка, нечего и говорить: им этот древнейший памятник монгольского языка был до сих пор, вообще, недоступен. А литературоведы тоже только теперь получат не только прекрасно поданный материал, но и ценное исследование этого памятника. Словом,

С. А. Козину будут благодарны не только монголисты, но и китаисты и историки востока.

Со своей стороны мы хотели бы еще заметить, что только тот, кто сам отдавал много сил и времени научной работе, способен понять, какого труда и напряжения требует та работа, которую проделал С. А. Козин.

Том I труда С. А. Козина выходит в свет как раз в то время, когда дружественная нам Монгольская Народная республика отмечает 700-летие этого первого литературного памятника на монгольском языке. Мы можем с гордостью констатировать, что наши друзья — монгольские историки и лингвисты — получили издание и исследование этого памятника из рук советской науки.

Член-корреспондент Академии Наук СССР *Н. Поппе*

ОТ АВТОРА

Относящийся к моей работе над памятником материал, по его размерам, не мог быть включен в одну книгу, почему и распределен на три приблизительно равные по объему части, которые включают в себе:

Том I — вступительные замечания о памятнике и работе над ним; русский перевод; тексты в транскрипции китайско-монгольского письма памятника, в транскрипции параллельных мест из «Altan tobči nova», а также в транскрипции текста в таком виде, как он мог бы быть изображен уйгуро-монгольским письмом (по системе акад. Б. Я. Владимирцова), и Index verborum в последовательном порядке, а также и в алфавитном.

Том II — текстологические и филологические комментарии и общие замечания по сравнительной морфологии и синтаксису монгольского письменного языка древнего, среднего и нового периодов монгольской литературы; алфавитные указатели.

Том III — исследование о принципах китайско-монгольского письма как национального письма монголов; текст памятника в китайско-монгольском письме; комментарии, словари и указатели.

С. А. Козин

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Не следует особенно сетовать по поводу полустолетнего пребывания под спудом манускрипта П. Кафарова с полной русской транскрипцией монгольского текста Юань чао би ши, написанного китайским письмом.[1] Дело в том, что до выхода в свет китайских публикаций 1903 г. (Юань чао би ши с комментариями Ли-Вэнь-тянь) и 1908 г. (изд. Гуань гутан по рукописному экземпляру Юаньского периода, с предисловием издателя Е Дехой'я) рукопись П. Кафарова,[2] вместе с китайским списком текста, оставалась, в сущности, единственным объектом текстологического исследования памятника. Более того, сам П. Кафаров, в совершенстве изучивший памятник в его чисто китайских версиях (сокращенный перевод и подстрочный монголо-китайский словарь), настойчиво и авторитетно предостерегал и предупреждал монголистов о тех, по существу непреодолимых в его время, затруднениях, которые лежали на пути научного восстановления текста памятника по его китайской транскрипции в упомянутом списке. В предварительном примечании к своей рукописи[3] он писал: «К сожалению, транскрипция монгольского текста китайскими знаками и подстрочный перевод его в копии, которую я имею, обилуют описками переписчика; этот недостаток, в соединении с своеобразным переложением монгольских звуков, представляет немаловажное затруднение к полному восстановлению монгольского текста. В настоящем переложении (т. е. в русской транскрипции П. Кафарова, — *С. К.*) я ограничился присоединением вариантов в транскрипции монгольских слов и в подстрочном переводе, предоставляя нашим ученым монголистам труд исправления ошибок. По замечанию здешних монголистов, текст писан разговорным монгольским языком (книжного, конечно, и не могло быть в XIII в.) и содержит в себе немало архаизмов».

П. Кафаров ничего не сообщает об источниках, послуживших ему для соответствующих вариантов. Возможно поэтому предположить, что, кроме собственных его познаний в монгольском языке, источники эти ограничивались консультацией тех же местных, т. е. пекинских монголистов, которые характеризовали ему и монгольский язык памятника. Отдавая, конечно, себе полный отчет во всей трудности, а вернее непреодолимости, предстоящей монголистам восстановительной работы по одному только, заведомо неудовлетворительному списку китайской транскрипции текста

---

[1] E. Haenisch. Die geheime Geschichte der Mongolen, Leipzig, 1935, p. IV.

[2] Копия с печатного экземпляра XIV века, см. В. Л. Котвич. К изданию Юань чао би ши. Зап. Колл. востоковедов, т. I, 1925, стр. 233—241.

[3] См.: Index Sectionis III Musei Asiatici (III 966 nova).

и основанной на ней русской, П. Кафаров ограничился лишь серьезным предостережением о необходимости пользования этим источником со всею возможною осторожностью. Основательность этих предупреждений лучше всего, повидимому, доказал на своем опыте проф. А. М. Позднеев в своей работе[1] над восстановлением текста памятника.

За истекший более чем полувековой период со времени опубликования П. Кафаровым русского перевода китайского текста памятника (1866) и выполнения им же русской транскрипции его текста (1872), еще задолго до выхода в свет упомянутых китайских изданий его, памятник привлек к себе внимание целого ряда ученых, которые в той или иной форме немало трудились над ним и пролили много света во все области научного исследования этого важнейшего памятника монгольской литературы XIII ст. Оставалась при этом весьма мало освещенной текстологическая сторона вопроса. Приводя в своем месте соответствующие библиографические сведения, достаточно будет отметить здесь, что, кроме знаменитого П. Кафарова, с памятником связали свои имена такие ученые, как В. В. Бартольд, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, P. Pelliot, Н. Н. Поппе, Бретшнейдер, A. Mostaert, Б. Лауфер, E. Haenisch и др.

Если бы П. Кафарову суждено было продолжать свою научную деятельность и в нашем XX ст., он несомненно снял бы им самим поставленные рогатки для монголистов, проделав всю ту необходимую предварительную, чисто синологическую работу над изданием единого, критически установленного текста китайской транскрипции и словаря, которая становится посильной только теперь. Но такой именно источник единственно и в состоянии широко открыть двери для исследований монголистов. Для осуществления же подобного предприятия имеется уже достаточный материал в виде следующих известных в настоящее время[2] и достаточно доступных источников: 1) транскрипция П. Кафарова с китайской рукописью, к ней относящейся (ms. Института востоковедения Акад. Наук СССР, Рукописный отдел, Mus. As. Sect. III 966; китайский ms. в Рукописном отделе Библиотеки Ленинградского Государственного университета; 2) литографное издание с комментариями Ли-Вэнь-тянь (1903); 3) печатное издание Гуань гутан, с предисловием Е Дэхой'я (1908); 4, 5, 6, 7) три пекинские рукописи памятника и один фрагмент (35 л.), о которых упоминает в своем исследовании о выборе китайских знаков для транскрипции текста Юань чао би ши китайский историк Чен Юань (Пекин, 1934);[3] 8) находящийся в Киото список рукописи текста памятника, с которого сделан японский перевод Нака (Токио, 1907); 9) шанхайская рукопись, принадлежащая издательству «Коммерческая пресса»; 10) список, принадлежащий проф. P. Pelliot; 11) текст летописи Лубсан Данзана («Altan tobči nova»), в частях ее, полностью воспроизводящих §§ 1—176 и 208—265 из общего числа 282 параграфов памятника.

---

[1] Транскрипция палеографического текста Юань чао би ши (Литогр. изд. отрывка. Дата не указана).

[2] E. Haenisch, op. cit., pp. I—IX.

[3] E. Haenisch, op. cit., p. IV.

Необходимо также иметь в виду и упомянутое печатное издание Юаньского периода. Возможно, что к нему именно и должен относиться постскриптум к транскрипции китайской рукописи П. Кафарова, о которой он говорит: «Составитель сей копии упоминает в одной заметке о печатном экземпляре транскрипции монгольского текста, но не видно, чтобы он воспользовался им для проверки своей копии».

Незаменимым пособием в этом предприятии послужили бы при этом многочисленные работы проф. P. Pelliot по отдельным вопросам текста как уже опубликованные, так и ожидающие публикации; работы проф. В. Л. Котвича, исследования A. De Smedt и A. Mostaert, суммирующиеся в отношении лексикологическом в части III «Le dialecte Monguor», наконец весьма тщательная транскрипция E. Haenisch, хотя и выполненная им по одному лишь изданию Е Дэхой'я без привлечения каких бы то ни было других рукописей или изданий памятника, но с учетом, однако, всей имеющейся литературы, относящейся к тексту его. Уже из самого перечня источников и пособий для критического издания китайских текстов транскрипции, словаря и сокращенного перевода, в особенности если учесть, что по всем признакам монгольский текст «Altan tobči nova», в параллельных его частях, представляет собою самостоятельную попытку монгольских ученых восстановить ту же китайскую транскрипцию памятника монголоуйгурскими знаками, — необходимо заключить, что настоятельно требующееся объединение работы китаистов и монголистов в известной мере уже осуществлено стихийно.

Что касается меня, то, ознакомившись ближайшим образом с манускриптом П. Кафарова по работе своей над рукописными фондами б. Азиатского архива Академии Наук СССР в 1927 г. и будучи осведомлен отчасти о тех работах, которые ведутся над памятником во Франции, Китае и Германии, я предполагал вначале ограничиться исследованием многочисленных стихотворных частей памятника, которые почти полностью исключены китайским переводчиком, а за ним и П. Кафаровым, имевшим дело только с китайским переводом в той своей работе, которая увидела свет. Равным образом эта сторона памятника не привлекла к себе внимания и названных выше ученых и до сих пор оставалась совсем почти не освещенной. Как будет видно из дальнейшего изложения, интересы мои в отношении памятника и в настоящее время лежат, главным образом, в области чисто литературоведческой. Я учитывал также, что в этой области, при незавершенности текстологической работы, менее важно впасть даже и в существенные ошибки из-за не поддавшихся бесспорной дешифровке отдельных мест. Здесь, в особенности при правильно понятой общей тенденции, далеко не так опасны погрешности, как, например, в области оценки сообщаемых памятником исторических сведений. Далее, я более подробно остановлюсь на примерах сомнительной, с моей точки зрения, интерпретации тех мест памятника, которые послужили для некоторых капитально важных обобщений о наличии, например, в Монголии еще до-Чингисовой эпохи института земельной собственности, равно как о существовании при Чингисе хотя бы и прототипа монгольской демократической партии, возглавлявшейся князем

и Гур-ханом Чжамухой. Общие тенденции автора и значение изображенных им литературных типов значительно менее могут быть связаны с тем или иным пониманием отдельных деталей, фраз или выражений, так как чрезвычайно редки случаи, когда данное лицо или группа могут быть охарактеризованы художником всего лишь в одной фразе или случайно обмолвленном выражении, как это, напротив, обычно и имеет место в сообщениях и намеках исторического характера, например в отмеченном уже случае о земельной собственности, где вопрос окончательно и непосредственно решается правильным или неправильным истолкованием всего трех-четырех слов в одной фразе: понимать ли слова Ejed burχan bosχaγsan — 'земельные собственники горы Бурхан' или 'на горе Бурхан были поставлены ее «собственники», духи-владыки, ее Ejed'ы'.

Само собою разумеется, что при выполнении своей задачи я штудировал весь текст памятника, к каковой работе были привлечены: манускрипты П. Кафарова, текст китайской транскрипции Е Дэхой'я, текст с комментариями Ли-Вэнь-тяня, монгольская рукопись «Altan tobči nova» и отрывки восстановленного текста Юань чао би ши по труду A. De Smedt и A. Mostaert — Le dialecte Monguor (3-me partie). Текст, перевод и словарь были мною закончены в сентябре 1935 г., а в феврале 1936 г. приступлено к подготовке работы в печать. В апреле 1936 г. мне стала доступна только что перед тем появившаяся у нас транскрипция по Е Дэхой'ю, выполненная E. Haenisch, которая точно так же была принята во внимание при окончательной редакции текста.

Особенный интерес в манускриптах П. Кафарова представляет так называемый подстрочный китайский перевод, вернее русский перевод китайских значений монгольских слов, проставленных в самом тексте китайской транскрипции. Правильнее называть эти надписи подстрочным монголо-китайским словарем XIII—XIV вв., который, будучи выделен из текста издания, может быть представлен в виде монголо-китайского или монголо-русского словаря, русские значения которого передаются в китайском их понимании, соответствующем монгольскому словоупотреблению именно XIII—XIV вв., если по П. Кафарову относить составление словаря к XIV в.

Словарь этот интересен в том отношении, что регистрирует очень много исчезнувших монгольских слов, а также нередко дает иные, теперь уже не усваивающиеся, значения целому ряду бытующих в современном языке монгольских слов. К сожалению, словарь этот дает, обычно, для данного слова одно какое-нибудь значение, подчас и не соответствующее контексту; нередко же П. Кафаров, далеко не подготовивший, а может быть, и не думавший подготовлять эту свою работу для печати, был очень скуп, а иногда тороплив и небрежен в проставлении значений. Приведу для примера несколько слов из этого словаря. Так, в § 96 (ms., л. 40) для слова šidkül дано значение 'подарок', тогда как надо бы: 'предметы церемоний при представлении свекрови, теще'. В § 105 (ms. л. 48) gölme — 'подседельник', надо: 'сбруя, конский убор, попона (?)'. Ibid.: kökideg — 'легко встревоженный', надо бы: 'пугливый, трус'. В § 111 (ms., л. 54) χoriyan — 'и конец (?)', надо бы: 'подворье'. Ibid.: dayiǰu — 'обернуться', надо бы:

'бунтовать, восставать; назад, обратно'. § 112 (ms. л. 55) tübejü — 'соединить', надо бы: 'сочетаться, спариться'. § 114 (ms. л. 56) saoχua — 'подарок', надо бы: 'подарок вещами'.[1] § 116 (ms., л. 57) ši'a — 'бедряной, животный камень(?)', надо: 'бедренная кость, крестец'. § 116 (ms., л. 57) arca — 'ель', надо: 'туя, кипарис, Cypressus funebris'. Ibid.: arici — 'спасать', надо: 'помощник, спаситель'. § 160 (ms., л. 104) bildu'ur — 'птица, кричащая в небесах', надо бы: 'пташка, возносящая к небу ропот'.

Переработка этого словаря потребует от синологов немалых усилий при ревизии наскоро проставленных П. Кафаровым китайских значений монгольских слов, тем более, что значения эти, как и сокращенный перевод-пересказ, даны на одном из китайских диалектов XIII—XIV вв. Незначительная часть этой работы, в отношении ряда трудно поддававшихся раскрытию выражений, выполнена мною при компетентном и любезном содействии научного сотрудника Института востоковедения К. К. Флуга. В большинстве же случаев китайские эквиваленты, в прилагаемых мною словарях постраничном и алфавитном, оставлены мною почти в том самом виде, в каком они даны в манускрипте П. Кафарова. При этом в словарях намеренно сохранены и те общеизвестные монгольские слова, которые в китайском их понимании хоть сколько-нибудь отличаются от нашей современной трактовки. Везде, по возможности, даны соответствия в современном монгольском письменном языке, при широком использовании данных Mostaert по диалектам монгорскому и ордосскому.

Со всем тем мы в праве ожидать в этом отношении более совершенных работ от синологов и в первую очередь от E. Haenisch, который по техническим условиям ограничился пока лишь весьма скромными лексическими данными в своих предварительных примечаниях к своей транскрипции издания Е Дэхой'я.[2]

Не приходится говорить также и о том, что выпуск в свет давно ожидаемой публикации проф. P. Pelliot, в связи с наличными работами A. Mostaert, вероятно, сделал бы излишними всякие дальнейшие предприятия в деле окончательного установления текста нашего памятника, столь важного по своему значению, что всякие попытки к его посильному разъяснению, как, например, и мои, не могут пока почитаться излишними.

В конце концов моя работа над памятником была реализована в составе следующих частей.

I. Исследование о Начальной монгольской летописи 1240 г. как о произведении монгольской художественной литературы, с предварительными соображениями о способах перетранскрибирования ее текста с наличной китайской транскрипции.

II. Текст русского перевода, с возможно полным и точным выделением стихотворных частей памятника.

III. Текст памятника в научной транскрипции, выражающей китайскую его транскрипцию, которая закрепила один из монгольских диалектов XIII в. типа современного монгорского.

[1] Ср. P. Pelliot.
[2] Его Wörterbuch вышел в Лейпциге лишь в 1939 г.

IV. Текст памятника в том виде, как он инкорпорирован монгольской летописью XVII—XVIII вв. под наименованием «Altan tobči nova», в принятой у наших монголистов транскрипции.

V. Текст памятника, как он мыслится написанным письмом уйгуро-монгольской системы в принятой у нас транскрипции для современного монгольского письменного языка.

VI. Перевод на русский язык монголо-китайского словаря к Юань чао би ши, как он выводится из манускрипта П. Кафарова, с исправлениями и дополнениями его по данным современных китайско-европейских словарей и с добавлением соответствий в современном монгольском письменном языке.

VII. Филологические и историко-литературные примечания к текстам и их сопоставления с параллельными текстами «Altan tobči nova».

VIII. Издание памятника в подлинном его китайско-монгольском письме.

IX. Алфавитные index'ы: verborum, nominum et terminorum.

X. Библиографические сведения.

В части II, т. е. в русском переводе, все стихотворные места, за небольшими исключениями, разбиты на строфы и переданы русской речью, приближающейся к стихотворной же, с единственной целью несколько приподнять тон этих поэтических мест над прозою памятника и в надежде, что их обработка некогда привлечет, быть может, и внимание поэтов. Однако параллельно все же даются прозаические буквальные переводы этих мест.

Что касается затем китайской транскрипции монгольского текста памятника, то таковая, в сущности, не переложима на уйгуро-монгольскую, так как эти две системы монгольского письма различны между собою по самому принципу их построения. Уже Б. Лауфер регистрировал для монголов XIII в. четыре способа употреблявшегося тогда монголами письма и даже пытался точно приурочить введение каждой письменности к определенному году, а именно: 1) уйгурское письмо — к 1204 г.; 2) китайско-монгольское — к 1210—1223 гг. (эдикт Чингис-хана написан этим письмом 11 апреля 1223 г.); 3) квадратное письмо — к 1269 г., и 4) уйгуро-монгольское — к 1311 г.[1]

Констатируя факт наличия в XIII—XIV вв. этих видов монгольского письма и подвергая детальному изучению частные особенности каждого из них, никто, кажется, с достаточной определенностью не подчеркнул их различия общего, качественного, принципиального характера, такого же точно, какое монголы впоследствии видели между общемонгольской письменностью и ойратской, называемой по самому существенному признаку этого различия — todo bičig, т. е. ясное письмо, в отличие, следовательно, от общемонгольского — неясного. При этом не было сделано и всех вытекающих отсюда выводов. Смысл этих терминов достаточно определенно раскрывается уже самым значением слова todo ~ todorχai — 'ясный, явный, прозрачный, отчетливый, определенный, толковый, четкий, соглас-

[1] Dr. Berthold Laufer. Skizze der mongolischen Literatur. Keleti Szemle. Revue Orientale, VIII, 1907, pp. 165—261.

ная буква'. Казалось бы, что подчеркивание этого признака именно мало существенно, так как в принципе всякая алфавитная письменность стремится ясно и отчетливо передать звуки родной речи. Однако в специальных условиях развития монгольской письменности, видимо, происходили весьма значительные колебания и борьба взглядов и интересов политических и социальных на почве решения вопроса о выборе той или иной системы письма, именно по признаку большей или меньшей ее ясности. Специфические же социальные и политические условия заключались, прежде всего, в исконной раздробленности монгольского народа на племена, колена и родовые группы с более или менее дифференцированными диалектами, а также и с центробежными и центростремительными силами внутри них, толкавшими то к объединению в единую государственность, то к распаду и раздроблению на союзные объединения племенных групп. Каждая из этих сил стремилась к своему выражению в письменности, закрепляющей более или менее четко в письме звуковой состав одного какого-нибудь диалекта — todo bičig (ясное письмо, т. е. наиболее приближенное к звукам речи данного живого диалекта), или к выражению в письменности, способной раскрепостить письмо от диалектов, к письменности неясной, факультативной, условной или компромиссной письменности, допускающей различное произношение всех, по возможности, звуков, которыми выражается в живом говоре различие диалектов.

Представителями ясного монгольского письма в XIII в. являлись, повидимому, системы китайская и позднее квадратная. Обе они стремились закрепить в письме, как это пыталась сделать позднее, в XVII в., с таким же малым успехом, система ойратского, зая-пандитовского, письма, — закрепить один или несколько близких между собою южномонгольских, в современном аспекте, диалектов из группы так называемых чакающих диалектов, находившихся в стадии еще неразвившегося гласного из комплексов v+γ ~ g ~ ï ~ i+v, с резко дифференцированной, с другой стороны, артикуляцией o — ö и u — ü, с неотпавшим инициальным h и пр. Тогда как письмо древнейшей, вероятно значительно более древней, чем мы о ней знаем, письмо уйгурской или уйгуро-монгольской системы, наоборот, стремилось раскрепостить письменность от принудительной связи с диалектами, стремилось сделать его всеобщим, общемонгольским, путем искусного компромисса, путем усвоения спорным литерам факультативного чтения применительно к любому диалекту, для чего многим литерам усваивалось значение полифонов. Так, для говоров, «чакающих» литера c̱ могла давать в чтении нужный им русский «ч»; для «цокающих» — русский «ц»; для диалектов с недоразвившимся долгим гласным служил полифон-комплекс v+γ+v; придыхание в начале слов, начинающихся с гласного, свойственное и ныне в живом произношении немногим лишь диалектам, поэтому и не нуждалось в особом выражении в письме этой системы; гласные o — ö и u — ü могли произноситься факультативно, получая общее начертание; и даже многоразличные суффиксы глагольных форм, как -mui, -suγai, -tuγai, -γtun, -tχun и т. п., могли произноситься применительно к диалектам, хотя при общей для всех письменности, на ряду с местным чтением, вырабаты-

валось, естественно, и общее традиционное чтение, чтение, так сказать, литературное.

Изложенными основными особенностями двух противоположных по методу и целям систем монгольского письма и объясняется невозможность полного перетранскрибирования «ясного» письма в «неясное».

Не говоря уже об отсутствии в «неясной» письменности некоторых знаков «ясной», как, например, знака для начального h, неясное письмо закрепляет в себе, в свою очередь, некоторое явление более теоретического порядка, нежели существующее в практике живых диалектов явление так называемого сингармонизма, подобие правила, по которому в словах, имеющих гуттуральный слог, нельзя иметь еще и слог из звуков, свойственных палатальному слогу, и наоборот, тогда как письменность ясных систем это вполне допускает. Так, например, невозможно передать неясным письмом такие слова ясного, как kemeba, mergan, nikan, так как их все равно надо будет читать: kemebe, mergen, nigen, в силу сингармонизма письма и общей традиции чтения, которые могут быть отчасти преодолеваемы лишь позднейшим особым монгольским алфавитом, созданным исключительно для транскрипции иностранных слов.

В виду изложенного, процесс перетранскрибирования из одной системы письма в другую перерастал бы уже, в нашем представлении, в процесс перевода с одного языка или диалекта на другой, как, например, перевод слов и фразы с украинского на русский: «hбрел, стіл; ой як крикне старый hбрел, що под хмари вьеться» — «в орёл, стол; гей как крикнет старый орёл, что под тучей вьётся».

Но в монгольском понимании транскрипции этот процесс гораздо более ограничен и закономерен и не является собственно переводом с языка на язык или с диалекта на диалект хотя бы уже потому, что обе системы монгольского письма (и письма универсальной, унифицированной системы как по форме, так и по существу — системы уйгуро-монгольской, и системы китайской и квадратной, частной, дифференцированной по существу и стремившейся стать универсальной по форме), — обе эти системы существовали исторически одновременно и параллельно и в той или иной степени являлись достоянием если не монгольского народа, то монгольской государственности.

Можно заключить, поэтому, что системы так называемого ясного письма, todo bičig, начиная с китайской и продолжая квадратной и ойратской, только потому не имели успеха, что в эпоху их введения панмонгольские стремления преобладали в мире монгольских племен, и наоборот, имели соответственный успех и долгое существование у тех монгольских народностей, которые искони отличались наибольшим и последовательным сепаратизмом, как, например, группа племен ойратских. То же явление происходит и теперь на наших глазах, когда резко обострившиеся стремления к национальному самоопределению реализовались все большей дифференциацией в начале более или менее общего латинизированного письма и приспособлением его к потребностям возможно более близкого выражения фонетических особенностей живых диалектов.

Таким образом все существовавшие у монголов системы письма распадаются на две принципиально различные группы, из коих системы todo bičig можно бы назвать монофоническими, а системы уйгурские — полифоническими.

II. СПОСОБЫ ПЕРЕТРАНСКРИБИРОВАНИЯ ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ, НАПИСАННОГО МОНГОЛЬСКИМ ПИСЬМОМ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ, В СИСТЕМЫ УЙГУРО-МОНГОЛЬСКОГО ПИСЬМА

Прежде чем перейти к обсуждению поставленного вопроса, необходимо высказать несколько общих соображений, относящихся к происхождению и истории памятника, который, как выше упомянуто, состоит из трех частей: a) транскрипция китайскими знаками, b) подстрочный монголо-китайский словарь и c) сокращенный китайский перевод-пересказ. Кроме того, по свидетельству китайских источников, существовала некогда при «транскрипции», но утрачена, еще и четвертая часть: d) текст памятника, написанный письмом уйгурской системы, список которого ныне, как полагают некоторые исследователи, в значительной своей части обнаружен в составе вновь открытого текста летописи «Altan tobči nova».

Если бы мы даже и не имели многих свидетельств китайских источников, относящихся к истории текстов Юань чао би ши,[1] все же мы, путем непосредственного изучения и сопоставления их, должны были бы притти к заключению, что все они составлены разновременно и что дата колофона (1240) относится только к тексту *a* (транскрипции) или *d* (проблематическому уйгуро-монгольскому тексту), или к ним обоим вместе. К такому именно заключению приводит, во-первых, отсутствие всяких показаний в подстрочном словаре для многих слов, которые являлись, быть может, провинциализмами или же как в настоящее время, так возможно уже и во время составления словаря стали архаизмами и были поэтому непонятными для истолкователей текста, чего ни в коем случае не могло произойти при одновременном составлении в 1240 г. и «транскрипции» текста и словаря к нему; и во-вторых, в очень многих случаях «сокращенный перевод» явно уклоняется от передачи неясных мест не только в случаях намеренно, как будто бы, подлежавших сокращению отрывков (как, например, многочисленные стихотворения), но и в тех неясных местах, которые снабжены вполне достаточными словарными пояснениями, как и стихотворения, но ни по каким иным соображениям, кроме непонимания текста, не могли быть выключены из текста без его более или менее существенного искажения. Опять-таки ничего подобного, казалось бы, не могло произойти при одновременном составлении текстов, когда руководители по составлению «транскрипции» (выполненной в общем прекрасно, если не считать искажений, несомненно происшедших в дальнейшем при многочисленных переписках заведомо непонятного текста), те же руководители и с такими же хорошими

[1] См.: П. Кафаров. Предисловие к «Старинному Монгольскому сказанию о Чингис-Хане».

результатами должны были консультировать и при составлении других частей работы — словаря и перевода. И действительно, уже П. Кафаровым, хотя и по несколько сбивчивым показаниям китайских ученых, доказано, что обе последние части работы или во всяком случае последняя (перевод) выполнены около 150 лет спустя после даты колофона (1240), которую П. Кафаров, вслед за китайскими учеными, относит лишь к проблематической, в действительности не существующей рукописи, выполненной уйгурским письмом, а следовательно, берет под сомнение дату 1240 и для китайской транскрипции, без достаточной критики принимая на веру показания довольно темных китайских источников. Для нас же принять на веру эти сообщения представляется крайне затруднительным, так как не сообщается, с какой же именно системы монгольского письма в 1382—1388 гг. сделана китайская транскрипция? Если с квадратной, то в это время она уже фактически не существовала, сведений же о предварительном переложении памятника на квадратное письмо никогда нигде не приводилось. Если эта работа выполнена по уйгурскому тексту, то откуда взялись особенности транскрипции, несвойственные никакому периоду письма уйгурской системы? Наконец, неприемлемо также и предположение о первоначальном написании памятника квадратным письмом, так как в 1240 г. такой письменности не могло существовать. Итак, квадратное письмо неприемлемо для 1240 г., так как его тогда *еще не* существовало, и для 1382—1388 гг., так как его тогда *уже не* существовало. Остается только одно предположение, что китайская «транскрипция», если только она не является для нашего памятника и единственной версией, современна его не существующей ныне уйгуро-монгольской версии. Как видно будет из дальнейшего изложения, все факты становятся на свои места, как только мы сделаем предположение, что наш памятник был написан (монголом, знавшим китайский язык и письмо, или китайцем, обладавшим такими же познаниями в монгольском, — безразлично) при помощи практиковавшейся тогда у монголов и вполне при этом сложившейся[1] системы китайско-монгольского письма, единственным крупным текстом на котором он пока и является.

Однако это все же пока предположение, основанное лишь на косвенных показаниях, добытых из самого памятника и не подкрепленных прямыми и определенными историческими свидетельствами. Тогда как, быть может, и мнимый факт существования первоначального уйгуро-монгольского письма, наоборот, опирается не только на такой крупный научный авторитет, каким является П. Кафаров, но и на прямые, определенные, в большей или меньшей степени, исторические показания.

Поэтому, не отвергая совсем и этого предположения, я пытаюсь даже подыскать и для него сколь возможно достаточные внутренние обоснования.

Но здесь вполне закономерным и своевременным представляется поставить вопрос о том, не даст ли исчерпывающего решения этой проблемы вновь отысканный текст монгольской летописи «Altan tobči nova»,

[1] П. Кафаров, op. cit., предисл. стр. 5.

куда, по заключению P. Pelliot и Б. Я. Владимирцова, вошло около половины оригинального монгольского текста «Сокровенного сказания».[1] Необходимо, прежде всего, внести поправку: включена не половина, а 233 (1—176 и 208—265) параграфа из общего количества 282 поpаграфов, т. е. 83% всего текста. Есть, однако, подозрение, что 30 параграфов (с 177 по 208) в данном списке пропущены при переписке случайно[2] и что найдется список, в котором они окажутся налицо. Тогда процент включенных частей окажется значительно выше.

В дальнейшем, в примечаниях к текстам, даны подробные сопоставления и сравнительный разбор обоих текстов — китайской транскрипции и монголо-уйгурской версии по «Aḱtan tobči» Лубсан Дандзана. Поэтому здесь достаточно ограничиться общими выводами, вытекающими из такого сравнительного изучения этих двух текстов. Текст «Aḱtan tobči ṅova»[3] отличается следующими главнейшими особенностями: 1) он достаточно насыщен интерполяциями, выполнение которых просто и непритязательно до того, что не возникает ни затруднений, ни колебаний при их выделе. При том же и явно буддийская тенденция большинства из них свидетельствует, с полной несомненностью, о позднем их появлении; 2) в именах собственных наблюдается явная тенденция сколько возможно придерживаться текста китайской транскрипции; 3) решительно во всех случаях архаизмов, испорченных или неясных мест в китайской транскрипции и монгольский текст, и именно в этих самых местах, оставляет нас в том же затруднении, в каком находится его автор, прибегая в этих случаях или к простому пропуску неясных мест, или к возможно более близкому перетранскрибированию слов, хотя бы при этом получилось и непонятное и даже никак не могущее быть поясненным слово или выражение, или к перефразировке, совершенно произвольной; 4) часто вносятся такие поправки в китайскую транскрипцию, при этом явно неудачные поправки, которые выдают существовавшее у автора подозрение, будто бы та транскрипция, с которой они делают свою, исходила из монголо-уйгурского письма, причем авторы ее, китайцы, по незнанию языка, не умели верно прочесть недиакритизированное n и принимали его за коронку или наоборот; 5) архаические или диалектические формы, например формы склонения личного местоимения 3-го лица, встречающиеся в памятнике почти во всех падежах и числах, а не только в родительном, а также форма с описательным суффиксом -t, полностью опущены и заменены соответствующими формами и словами общемонгольского письменного языка и при том более позднего периода; 6) последовательность изложения текста китайской транскрипции, и притом буквально в тех же выражениях, сохранена полностью, если не считать некоторой синтаксической переработки, приближающей текст к более позднему монгольскому литературному стилю, и 7) инкорпорированный текст Юань чао би ши так же снабжен, как и его китайский прототип, подстрочным словарем, но уже не монголо-китайским,

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 16.
[2] По сходству фраз, заканчивающих § 176 и начинающих § 208.
[3] Кроме фотокопии рукописи мы располагаем теперь и Уланбаторским ее изданием 1938 года, в двух томах.

а монголо-монгольским, с предельной ясностью обнаруживающим как весьма слабую степень познаний автора в старописьменном монгольском языке, так и самое время его составления. Так, нуждаются в пояснении и получают их такие, например, слова: aɣisui, переводящееся 'iremüi' (далеко не точно); negüri ~ negüdel (§ 118); χoriƛaƛduju ~ esergü tesergü (§ 8); široƛγa ~ ireküi-eče; ečine ~ daƛda (18); daγuliχu ~ dobtuƛχu (§ 35), и т. п.

Все это заставляет в отношении текста «Aƛtan tobči nova» сделать два заключения различной, по-моему, степени достоверности: или этот текст составлен по одному из списков, сделанных с первоначального уйгуро-монгольского текста, написанного некогда трудно читаемым уставным письмом, или же он восходит непосредственно к переложениям на уйгуро-монгольское письмо рукописей или ксилографов китайской транскрипции. Со своей стороны, я считаю более приемлемым второе допущение, склоняясь к тому, чтобы рассматривать работу по включению текста Юань чао би ши в текст монгольской летописи XVII в. как самостоятельную попытку монгольских буддийских схоластов XVII в. восстановить монгольский текст памятника по китайской его транскрипции, попытку, равнозначущую с таковыми же попытками европейской науки, причем и самые методы этой работы на первых порах оказываются тождественными, исходя из единого уйгурско-монгольского письма и письменного языка и не учитывая диалектов и систем письма.[1]

Для иллюстрации изложенного выше приведу здесь всего один параграф из китайской транскрипции и параллельное ей место из «Aƛtan tobči», сравнение которых вскрывает многое во взаимозависимости этих двух текстов.

§ 79 китайской транскрипции: Tedüi ataƛa Tayici'ud-un Tarġutai-Kiriltuġ Turχa'ud-iyen uduridcu: «Xoluχad xo'ojiju'u! Shilüged shiberijü'ü!» ke'en irejü.[2] В подстрочном словаре (китайском) дано:

Xoluχad ~ χoruġat ~ mo: χurγad — 'ягнята-однолетки, кургашки'; χo'ojiχu ~ mo: γuujiχu — 'линять, облинять'; turχaχ — 'стража, гвардия'; shilüged — 'слюни'; mo: šilüsün — 'idem'; shiberiġü — 'убрать'; mo: šiberikü — 'загородить'. Едва ли можно ошибиться, предположив, что китайский подстрочный словарь, написанный особым китайским стилем — диалектом XIII—XIV вв.,[3] был недоступен уже монголам в XVII в. Ошибки же монгольского переложения, повидимому, и объясняются, главным образом, недоступностью этого словаря. В «Aƛtan tobči» это место изложено так: Tedüi ataƛa Tayičiγud-un Tarγutai-Kirƛtuγ turaχad-iyen uduridudču irejü, χuƛaγun sočiju, šilügen šiberčijü irejüküi».

По китайской транскрипции это место должно быть переведено так: «Тайчиудский Таргутай-Кирилтух нагрянул к ним во главе своей стражи — Турхаутов. Он думал:

---

[1] Такой же точно характер имеет и приобретенная недавно Институтом востоковедения монгольская рукопись Ценде-гуна (монгольский текст Ючбши с монгольским же пересказом), относящаяся к 1910—1915 гг. и связанная, несомненно, с китайским изданием 1908 г., с которого выполнялась транскрипция.

[2] Транскрибировано по системе акад. Б. Я. Владимирцова (см. ниже).

[3] См.: П. Кафаров, op. cit., предисл., стр. 17, 18.

«Овечки-то должно быть облиняли,
Слюни свои с возрастом подобрали».

Текст «Aĺtan tobči» пытается слово в слово воспроизвести эту не совсем ясную фразу и опускает одно только слово в конце: перед irejükü̈i опускает kemen. Имя Tarγutai-Kiriĺtuγ воспроизводится в точности, хотя kiriĺtuγ и звучит не по-монгольски, вызывая ассоциацию χaraĺtuγ — 'завистник, ненавистник', как это прозвище и пояснено у Рашид-Эддина.[1] Древнее слово turχa'ud воспроизведено turaχaγud, вероятно механически, без понимания его, и с лишним вставным a. Слово uduridču переделано в uduridudču по ошибке ли, или с целью изменить залог. Слову χoluχad соответствует в «Aĺtan tobči» слово χuĺaγun — 'крадучи(сь)', тогда как в китайской транскрипции, что ясно по китайскому переводу, стоит plur. от слова χurγan — 'кургашек, ягненок однолетка', причем χuĺuγad вышло от того, что у китайского переписчика перед знаком ĺ оказался пропущенным, как это часто в тексте, знак «шэ» — 'язык', превращающий ĺ в r. Слово χo'ojiju'u ~ mo: γuujijuχui — 'слиняли, облиняли', переиначено в «Altan tobči» в слово sočiju, допускающее также чтение χojiju, т. е. 'испугавшись или опоздав', за неимением китайского словаря, показывающего здесь значение '«линять»', и трудностью узнать сразу в транскрипции χo'ojiju'u монгольское литературное γuujijuχui.

Таким образом во фразе текста «Aĺtan tobči» почти утрачен всякий смысл, и она, примерно, может обозначать: «Тайчиудский Таргутай Кирилтух, заставив своих Турахахов вести себя, прибыл крадучись, со страхом подобрав слюни». Далее в тексте Юань чао би ши значится: «Ayuju ekes kö'üd aχa-nar de'ü-ner shiğui hoi χorğolaju, Belgütai modud χuğuru tatalaju shibe'e bariju, Xasar χarbulalduju, Xaci'un, Temüge, Temülün ğurban-i jaba-ja'ura dürüjü bulχaldun büküi-tür, Taiici'ud ungshiju ügülerün: Aχaban Temüjin-i ile! busud-i tano kereg ugai! ke'en ungshiğdaju, Temüjin-i morila'ulju buru'udχan hoi-tur duta'aju odχui-i Taiici'ud üjejü hüldejü Tergüne'ündür-ün shiğui-tur shirğuju orobasu, Taiici'ud oron yadaju, shiğui-tur horcin sakiji,...».

Этому месту в «Aĺtan tobči» соответствует следующий текст: «Tedüi ayuju, Ögelen-üjin-eke köbegüd aχa-nar degüüner Onan-u šiγui oi-dur širγulju, Belgetei modun χuγura tataĺaju sibege (küriye) bariba. Xasar χarbuĺaĺduju, Xačuχun, Temüge, Temüjin γurban-i jaba jaγura dürüjü, buĺχaĺdun (dayiĺun) büküi-dür, Tayičiγud daγudaju ögülerün: Aχa-yuγan Tömujin-i ilege! Busud tanu kereg ügei!' kemegdejü, Temüjin-i moriĺaγuĺju sem-iyer buruγudχan oi dutaχun ilegekü yi Tayičijud üjejü üldeküi-dür, Tegün-e öndür-ün šiγui dur orobasu, Tayičiγud orun yadaju, šiγui orčin-a sakiba».

Здесь над текстом проделана такая работа. При дословном почти порядке изложения разорван в двух местах период при помощи окончательных форм (bariba, sakiba). В эпизод борьбы произвольно включена мать Ögelen-üjin. Для уточнения прибавлено к слову «лес» слово «Ононский».

[1] Собрание летописей, ч. I, стр. 25.

Вероятно, по ошибке переписчиков Temülün превратилось в Temüjin, отчего получилось, что с малышами вместе в ущелье запрятали и Темучина. Слово buł̌χałdun над строкой пояснено dayilun, т. е., вместо 'оказывал сопротивление', переведено не совсем точно 'сражаясь'. Непонятное более в значении 'кричать' слово ungšiju дважды заменено словом daγudaju. В противоречие со словом üjejü вставлено слово sem-iyer, так как, видимо, смысл всей фразы был неясен и т. п.

Таким образом «Ałtan tobči nova», за исключением интерполяций и новых текстов, написанных вполне четким и местами очень хорошим языком XVII ст., в текстах, параллельных Юань чао би ши представляет, возможно, не более как довольно слабую попытку восстановления нашего памятника по китайской его версии, а потому лишь в незначительной степени может содействовать текстологической работе над ним. Тем не менее, и самые ее ошибки, не говоря уже о встречающихся удачных толкованиях, могут давать очень ценные указания и приводить к важным выводам. Поэтому я считал в особенности целесообразным полностью привести, в виде особого текста, все параллельные места «Ałtan tobči», исключив лишь из текста новейшие напластования летописи во второй части, а также и все крупные, особняком стоящие вставки в первой ее части, с тем, однако, чтобы отметить их в той части работы, где излагаются результаты сравнительного изучения текстов этих памятников по главам и параграфам, сведенным к единой нумерации.

Переходя затем к вопросу о способах передачи китайской транскрипции, необходимо, прежде всего, установить, какие именно правила и с какими целями положены в основание китайской транскрипции, назначавшейся для фонетического выражения настолько чуждой языковой системы, что для этого в китайском во многих случаях не имеется ни фонетических, ни графических соответствий и средств. В этом отношении надо иметь в виду следующие коренные несходства. Китайское письмо и язык — моносиллабические, в то время как монгольские — полисиллабические. Количество и звуковой состав китайских слогов, по сравнению с монгольскими, чрезвычайно ограничены. Качество составляющих слог гласных и согласных звуков в китайском и монгольском различны, причем способы диакритизации, по самой природе китайского письма, очень ограничены. В виду этого выражение монгольских фонем при помощи китайского письма иногда крайне затруднительно, вследствие чего китайская транскрипция, в значительно большей степени, чем, например, наша, является условной, выражая только тенденцию к адэкватной передаче монгольских фонем, а не самую их передачу. Однако в той мере, в какой мы обнаруживаем ее тенденции, они полностью совпадают с таковыми же и в наших транскрипциях, а следовательно, как правило, не должны будут и вызывать надобности в каких-либо новых знаках, кроме тех, которые для тех же целей применяем и мы. Сказанное станет более ясным на тех примерах, которые приводятся ниже при анализе китайской транскрипции. Так, слово Mongγoł-un состоит из трех монгольских слогов: Mong-γoł-un, но ни один из них по своему составу

не имеет соответственных в ограниченном фонде китайских слогов. Поэтому в китайской транскрипции необходимо применить иную разбивку на слоги: Mong-γo-ƚun. Но и при этом все же слог Mong не находит полного соответствия в китайском. В этом случае для слога Mong используются фонетически близкие к нему слоги mang или meng, где e приближается к русскому «о». Монгольские смычные χ и γ в китайской транскрипции, как часто и в монгольском письме, не различаются или различаются непоследовательно, при явной же тенденции китайской транскрипции нет надобности передавать это слово в китайской транскрипции как-нибудь иначе, чем это передаем мы в своих транскрипциях. Например: Mangγoƚ-un.

Состав гласных звуков монгольского языка представлен в китайской транскрипции следующим образом.

a. Одинаково слыша и фиксируя его там же, где и мы, транскрипция, кроме того, улавливает и закрепляет его во всех эмфатически повышенных конечных слогах, независимо от ряда, к которому слово относится. Это в особенности касается суффиксов = tai || tei, -dai || dei;-γai || gei; -ya || ye; ƀa || be; -ƚuγa; || lüge.

Примечание. По общему правилу китайской диакритизации монгольских гласных, таковая не обозначается в тех случаях, когда по другим признакам очевидна принадлежность слова к данному ряду. Например: Ogodai. Наличие в слове смычного заднеязычного g, соответствующего монголо-уйгурской литере g, свойственной словам переднего ряда, показывает, что в первом слоге o = ö, второй слог go = gö; третий — dai ∼ däi ∼ dei.

e. Для слогов, начинающихся с согласной, кроме k, č, ǰ, китайская транскрипция находит соответствие лишь в дифтонге ye, а для слогов, начинающихся с k, č, ǰ, — в гласном, среднем между русским «э» и «о». Нет поэтому надобности передавать литерально: dye-myei, Dyei-Syečen, а так же, как и мы: demei, Dei-Sečen.

i. Этот гласный имеет полное фонетическое и графическое соответствие.

o — ö. Различие между ними не выражается, а только подразумевается по принадлежности слова к переднему или заднему ряду.

u и ü. Различаются таким же способом, однако в некоторых, преимущественно двухсложных, словах иногда различаются, так же как и в монгольском письме, посредством приставки сзади i или e. Например: sueni ∼ süni ∼ mo: söni; kuiluk ∼ külük ∼ mo: külüg. Наблюдающееся смешение o и u, ö и ü — возможно мнимое смешение, в действительности же точная передача диалекта.

Согласные:

n и ng — последовательно и строго различаются; однако n служит также и для выражения m в конце слога. Например: tendek ∼ temdek ∼ temdeg; enƀüle ∼ emƀüle; dunda ∼ dumda; Senggün ∼ Senggüm и т. д. Так как n и m и в монгольских живых диалектах, а иногда и в письме, также смешиваются, то предпочтительнее последовательно сохранить китайскую транскрипцию.

χ, γ и h без различия передаются звуком χ, явно носящим следы более древнего q. При этом наблюдается некоторая тенденция различать χ и γ,

но крайне непоследовательно; в отношении же h таковой не наблюдается вовсе, а, следовательно, ему усваивается особое качество, которому и должен при перетранскрибировании соответствовать h. Таким образом, при последовательном проведении китайской транскрипции, имели бы соответствие:

χ γ h
q q̇ h.

Здесь же необходимо отметить, что при передаче монгольских слов китайская транскрипция, как правило, считает пустыми, непроизносящимися, нулевыми и потому не подлежащими никакому изображению γ, g, m и b, когда они находятся в положении между двумя гласными, почему изображаются только эти последние. Исключение составляют те монгольские слова, в произношении которых стяжения не происходит. Вслед за китайской транскрипцией я не вижу оснований прибегать к гнатусу, точно так же как и в нашей же транскрипции не пользуются этим знаком в таких, например, многочисленных и принципиально тожественных случаях, как при транскрипции слов: tauɫai, teüke, χauli и т. п. Поэтому и такие слова, как oede, maou∼mau, deere, и следовало бы воспроизводить с китайской транскрипции без всяких изменений.

b. Этот согласный не дает расхождений, кроме, например, случаев положения его между двумя гласными, когда он, наравне с γ, g, и m, часто подвергается закону стяжения, т. е. в китайской транскрипции трактуется как «пустая» буква. Например: keeesu, keeed∼kemebesü, kemeged, iree∼irebe.

s и š. Эти звуки находят себе полное выражение в китайской транскрипции, причем, однако, знак s нередко служит и для выражения монгольского č, когда оно соответствует русскому «ц». Например: sotan∼čotan.

t и d. В случаях последовательного смешения их возможно усматривать подлинное отражение диалекта памятника.

m. Случаи выпадения или замены его звуком n пояснены выше.

l и ɫ. Изображаются, как и в монгольском письме, одним знаком, причем ɫ подразумевается в словах заднего ряда. Кроме того, этим же знаком, с особой диакритической отметкой, изображается и знак r, причем отметка часто пропускается, отчего происходит путаница в транскрипции, иногда крайне затемняющая текст. Например γar — 'рука'; без отметки читается γaɫ — 'огонь'.

č. В китайской транскрипции во всех случаях звучит как русское «ч».

ǰ — всегда как русское «дж» или «чж», причем č и ǰ нередко смешиваются, что может объясняться как влиянием диалекта, так и сходным начертанием этих литер в монгольском письме древнего периода.

yod. В китайской транскрипции находит полное соответствие, но почти никогда не удваивается в середине слов, в противоречие с монгольским правописанием, что нуждается в своем отражении при перетранскрибировании.

kāph (k) разумеется в древнем его фонетическом значении, сближающемся с русским «к», и никогда не имеется в виду возможность его теперешнего халхасского произношения, близкого к русскому «х».

v. Употребляется в китайской транскрипции только для передачи немонгольских слов.

Таким образом при оценке приемов и методов китайской транскрипции, очень часто надлежит принимать не те звуки, которые в действительности показывают их знаки, но те звуки и знаки монгольского языка, которые она стремится изобразить. Иными словами, китайская транскрипция имела в виду тот же самый, известный нам, уйгуро-монгольский алфавит, полифонам которого она придавала, по сравнению с нами, несколько иное значение и применяла несколько иные методы транскрипции. А именно ālepH, различаемый нами как $\bar{a}leph_1$ (a) и $\bar{a}leph_2$ (e), китайская транскрипция различает как $\bar{a}leph_1$, $aleph_2$ и $aleph_3$, что при переводе, так сказать, к одному алфавитному знаменателю дает соответствие:

наша транскрипция	a	—	e
китайская транскрипция	a	ä	e

yod_1 и yod_2 дадут подобное же соответствие:

наша транскрипция	ī	i	ǰ	y
китайская транскрипция	—	i	—	y

waw_1 и waw_2 дают соответствие:

наша транскрипция	o	u	ö	ü
китайская транскрипция	o	u	—	ü

nūn и nūn + kaph дают соответствие:

наша транскрипция	n	ng
китайская транскрипция	n	ŋ

В соответствии с китайской транскрипцией, мне кажется, предпочтительнее передавать, так же как это принято в некоторых наших транскрипциях, одним знаком ŋ.

$h\bar{e}th_1$ и $heth_2$ дают соответствие:

наша транскрипция	q > χ	γ	g	g̬	
китайская транскрипция	q	q̇	—	q	(пустая буква)

pē дает соответствие:

наша транскрипция	p	b	w
китайская транскрипция	p	b	w

šīn дает соответствие:

наша транскрипция	s	š
китайская транскрипция	s	š

taw, daleth дают соответствие:

наша транскрипция	t	d		
китайская транскрипция	t	d	t	(конечное)

Повидимому, китайская транскрипция последовательно учитывает существовавшую в XIII в. уйгурскую традицию письма и чтения в конце знака taw, что могло бы давать некоторое основание для предположения, что китайская транскрипция имела дело с соответствующей рукописью на уйгуро-монгольском алфавите.

Lāmedh дает полное соответствие:

наша транскрипция	ł	l
китайская транскрипция	ł	l

причем китайская транскрипция не применяет особой литеры ł, так как китайский слог и без того ее показывает при помощи своего гласного.

Mēm дает соответствие:

наша транскрипция	m	—	
китайская транскрипция	m	m > w	(пустая буква)

sādhē дает соответствие:

наша транскрипция	č	ǰ
китайская транскрипция	č	ǰ

kāph дает соответствие:

наша транскрипция	k	g	—	
китайская транскрипция	k	k̇	k̇	(пустая буква)

т. е., по аналогии с некоторыми монгольскими рукописями, единый знак для k и g диакритируется знаком над k:

rēš дает соответствие:

наша транскрипция	r	—
китайская транскрипция	l_1	l_2

bēth дает соответствие:

наша транскрипция	v	w
китайская транскрипция	v	w

Монгольский слог ǰu передается в китайской транскрипции слогом ǰou. Слог oa нередко передает монгольский слог a. Например: oloan ~ ołan.

В отношении транскрипций я решил, в общем, воспользоваться любезно сообщенными мне замечаниями проф. Н. Н. Поппе о необходимости выполнения в данном случае трех транскрипций: 1) транскрипции, приближающейся, по возможности, к транскрипциям китайского письма памятника, с наименьшим при этом количеством надстрочных диакритических знаков, как это и свойственно китайскому письму текста; 2) транскрипции типа, принятого для текстов квадратного письма, и 3) принятой у монголистов транскрипции для текстов монголо-уйгурской письменности вообще.

Давая в настоящем издании две из указанных транскрипций, а именно первую и третью, я по недостатку времени отложил пока во вторую очередь транскрипцию типа, принятого для квадратного письма, имея при этом в виду, что система этой транскрипции применена уже в ряде работ проф. Н. Н. Поппе, а в отношении Юань чао би ши — проф. Б. Я. Владимирцовым в его посмертной работе «Общественный строй монголов», где цитирован в этой именно транскрипции целый ряд мест из текстов памятника с несовсем понятным, к сожалению, изменением многих транскрипционных знаков, едва ли дающим в результате «более упрощенную и облегченную транскрипцию на основе латинского алфавита, чем та, которою пользуются в последнее время русские ориенталисты».[1]

Из всех суждений по вопросам транскрипции наименее приемлемыми, с моей точки зрения, представлялись те, которые сводились к желательности и даже необходимости полностью отразить в транскрипции памятника все те фонетические особенности, которые свойственны китайским идеограммам вообще и их звучанию в китайских диалектах (или диалекте) XIII в. в частности.

Не говоря уже о том, что этой темы хватило бы на совершенно специальное задание группы специалистов и притом на весьма продолжительный период времени, необходимо заметить лишь, что, на мой взгляд, подобная постановка вопроса могла бы иметь место лишь в отношении какого-либо фонетически закрепленного китайского разговорного текста, а не в отношении тех китайских знаков, которые при этом адоптированы, вероятнее всего, самими же монголами в качестве условных звуковых символов, имеющих лишь тенденцию к изображению на письме звуков монгольской речи, с ее совершенно чуждой фонетической системой. Такое направление работы повело бы лишь к углублению тех фонетических извращений, которые и без того, по самой природе китайского письма, в изобилии искажают, подчас до неузнаваемости, монгольскую речь памятника, и внесло бы в дело невероятные осложнения и путаницу, едва ли при этом возместив ее сколько-нибудь ценными эквивалентами.

С другой стороны, поскольку мы, монголисты, уже на основе далекой от совершенства русской транскрипции П. Кафарова, а также капитальных работ A. Mostaert'а по «архаическим» монгольским диалектам, в громадном и потому решающем большинстве случаев распознаем не только монгольскую речь памятника, но и прослеживаем полностью его архаические фонемы, постольку именно эти самые, воспроизводимые нами, монгольские фонемы XIII в. сами могут служить базой и источником для фонетических исследований в области современной им китайской диалектологии.

Само собою разумеется, что только что высказанным отнюдь не имеется в виду отрицать большую важность и интерес специальной работы, которая могла бы быть посвящена вопросам китайско-монгольской фонетики по данным китайской транскрипции такого большого и важного текста, каким является Юань чао би ши.

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 4.

В данном же случае, при восстановлении монгольского текста памятника, я предпочел итти по следам всех работавших в этой области ученых, а именно П. Кафарова, Dr. Kotwicz'a, проф. P. Pelliot, Б. Я. Владимирцова, E. Haenisch, из которых никто, для подобной же цели, не делал попыток точного воспроизведения совокупности китайских фонем (в роде цин-цзи-сы, хэ-хань, то-ча-ань, дунь-да, хэ-ча и т. п.), для чего пришлось бы, прежде всего, изобрести специальную транскрипционную систему, так как существующими в настоящее время в монголистике совершенно не покрывались бы вновь выдвигаемые потребности.

За всем тем необходимо сделать еще несколько добавлений к вышеприведенным объяснениям по вопросу транскрипций.

На мой взгляд нет никаких затруднений рассматривать Юань чао би ши как памятник монгольского национального письма (XIII ст.) при помощи китайских знаков, письма, существовавшего у монголов одновременно и параллельно с другим письмом при помощи уйгурских знаков. Эта гипотеза, как по соображениям исторического характера, так и по причине относительного совершенства и внутренней устойчивости, последовательности этого вида письма, достижимых не иначе, как в условиях монгольской национальной среды и долговременной практики, — эта гипотеза представляется мне достовернее, во всяком случае, гипотезы о перетранскрибировании китайцами текста памятника, написанного первоначально уйгуро-монгольским письмом.

В непреодолимом противоречии с этой последней гипотезой, помимо целого ряда других фактов, находится хотя бы наличие в китайской транскрипции таких чисто диалектических моментов, как употребление h инициального, замещение некоторых слогов (gür вместо обычного kür), резкое различие в письме ö и ü, а также систематическое нарушение сингармонизма (Ögedai, ireba) — моментов, не могущих найти своего выражения в письме уйгуро-монгольском по причине его «несовершенства», обусловленного целым рядом полифонов в его алфавите. Однако это кажущееся несовершенство и было причиною торжества этой именно письменности, по самому принципу своему наиболее пригодного для тех объединительных целей, которые ставила себе монгольская имперская власть в XIV ст.

С этой точки зрения и наша транскрипция текстов уйгуро-монгольского письма, будь то даже и так называемые транслитерации, является, в сущности, не чем иным, как интерпретацией монгольского письма применительно к звуковому составу какого-либо в данное время господствующего диалекта (например халха-монгольского) или так называемого «грамотного чтения». Так, различение в письме двузначных символов может означать не что иное, как раскрытие, интерпретацию монгольского письма, т. е. отмену и нарушение всей его системы, сущностью которой именно и является двузнаменательность символов, как единственный способ сделать эту письменность пригодной для всех монгольских диалектов и говоров. Для транскрипции иноязычных слов позднее введен монофонный уже галик. Инициальное h не получило в уйгуро-монгольском письме особого знака по той, очевидно, причине, что наличие его вело бы часто к извращению

смысла речи (например haulχu, χaulχu, aγulχu), между тем как отсутствие этого знака, имеющего значение придыхания, маловажно, так как легко может подразумеваться теми читающими, в диалекте которых это придыхание имеется.

По этой причине, вслед за проф. Владимирцовым,[1] я счел необходимым отразить в «транслитерации» китайско-монгольского письма h инициальное, хотя таковое, по самому свойству китайского письма или еще и другим причинам, в тексте трактуется одинаково с q > x, а в переложении текстов на современную транскрипцию — отразить также и упомянутые диалектические моменты памятника и его орфографические особенности (в особенности имен собственных). Далее, для звуков k и g в транслитерации приняты сходные k и k̇ в виду постоянного диалектического их взаимосмещения, а для звуков q и q̇ ~ χ и γ, почти не различающихся[2] в основном тексте, приняты написания q и q̇. В общем же, как в той, так и в другой транскрипциях я придерживался транскрипционных систем проф. Б. Я. Владимирцова, видоизменив лишь некоторые знаки и устранив изображение гиатуса. Самые же транскрипции названы, в виду изложенных соображений: первая — «транскрипция китайско-монгольского письма» и вторая — «транскрипция китайско-монгольского письма, переложенная на уйгуро-монгольское».

В отношении текста русского перевода необходимо пояснить, что, в связи с пересмотром вопроса о примечаниях и для большей наглядности, я решил поместить дословный прозаический перевод в самом тексте вслед за переводом, сделанным ритмической речью.

Наконец, примечания, собственно предназначавшиеся для второго выпуска, я свернул до минимальных размеров, предполагая в дальнейшем восполнить недостающее в этом отношении.

III. ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ КАК ПАМЯТНИК МОНГОЛЬСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Недостаточно обоснованное мнение П. Кафарова о том, что заглавие нашего памятника придумано китайскими его переводчиками, могло бы быть подкреплено отсутствием его в кратком колофоне, содержащем только дату и место его составления, и необычайным расположением заглавия в начале рукописи и притом в терминах, нигде более в монгольской летописной литературе не встречающихся: «Mongγol-un niγuča tobčiyan». Необычным здесь является слово niγuča — 'тайный, секретный'. Между тем как слово tobčiyan, отождествленное проф. О. Ковалевским[3] со словом tobči, — обычная составная часть заглавных формул в монгольских летописях-хрониках. Сближение значений tobčiyan ~ tobči 'сокращение, резюме, извод, изборник'

[1] Op. cit., стр. 37, 39, 52, 54, 61.
[2] Кафаров в своей транскрипции применяет x и ẋ.
[3] Словарь, стр. 1821, 1822.

со значением 'пуговица', независимо от источников, на которых основывается проф. Ковалевский, может быть выведено и этимологически из единого √ tobči — 'сокращать, стягивать', откуда tobčiγa ~ tobčiya ~ tobčo ~ tobči — 'всё, что стягивает, сокращает, собирает, в том числе и пуговица, как то, что сокращает, собирает разошедшееся, распахнувшееся'. Niγuča не значит ничего другого, как 'секретный, скрываемый от всех (например скрываемые органы), келейный, потайной'. Но ни о каких тайнах, сокровенных заветных преданиях или наказах и ни о чем подобном в самом памятнике нет речи. А потому, быть может, было бы правильнее понимать это слово в одном из тех значений, какие могут быть даны соответственным словам китайского перевода — 'пи ши' т. е. 'неофициальная история, неофициальный исторический изборник'.[1]

Впрочем, вопрос о заглавии памятника, дошедшего до нас в удивительной сохранности, может иметь лишь второстепенное значение, так как характеризует его содержание лишь с некоторых сторон, предоставляя ближайшее его определение из него самого. Из заглавия мы должны сделать лишь два вывода: о том, что данная хроника не является подлинным историческим документом, а только кратким извлечением, изборником, составленным притом не для официального применения, а для удовлетворения обыденных потребностей в чтении для возможно широких масс народа, а быть может, и для начального обучения юношества. Памятники официального значения, повидимому по традиции, идущей от глубокой древности, обозначались термином defter ~ debter, а позднее — teüke, с таким же древним определением aĺtan или köke, т. е. 'золотой или синий', а позднее — šira или čaγan, т. е. 'желтый или белый', причем aĺtan и köke восходят, возможно, к шаманской цветовой символике («Вечное Синее Небо, Животворящий Эфир и Золотая поверхность Мать-Земля Этуген») точно так же, как могут выявлять позднейшую буддийскую символику цветов (šira — 'желтая вера' и čaγan — 'белые добродетели, как ее необходимые спутники'). Остается добавить к этому, что в широком народном употреблении эпитет aĺtan очень близок семасиологически с таковым же русским «красный».

Общеизвестны определения, дававшиеся нашему памятнику начиная с П. Кафарова, который озаглавил его «Старинным Монгольским сказанием о Чингис-хане», а позднее[2] — «Анекдотическими сказаниями о Чингисхане». Березин, по мнению акад. Бартольда,[3] неудачно назвал его «Монголо-китайской летописью», между тем как сам В. В. Бартольд предпочитал сохранить за памятником название сказания и относить его к произведениям богатырского эпоса, в котором «выдающиеся богатыри прославляются автором гораздо больше, чем Чингис-хан и его род», что видно из нескрываемого автором эпопеи братоубийства Чингиса и «вероломного уничтожения одного из своих верных слуг». Речь, впрочем, идет об убий-

[1] Мою догадку в этом смысле относительно слов niγuča tobčiyan вполне подтвердил акад. В. М. Алексеев, задолго до работы E. Haenisch'а толковавший термин «пи ши» как 'неофициальная история'.

[2] В 1872 г., в пометке карандашом на полях манускрипта транскрипции.

[3] Туркестан, 1900, стр. 43, 44.

стве Бури-Боко, который не был слугою Чингиса, а представителем могучего враждебного племени. О создании нашей эпопеи именно в среде монгольской военной аристократии акад. Бартольд заключает из того факта, что самому Чингис-хану влагается в уста завет относиться с уважением к ханской гвардии, т. е. к военной аристократии. Юань чао би ши представляется В. В. Бартольду поэмой, в которой «рельефно очерчен идеал степного богатыря с его неукротимой храбростью, непоколебимой верностью главе народа и безграничным гостеприимством». В дальнейших своих исторических концепциях, в связи с данными нашего памятника, В. В. Бартольд первый обратил внимание на изображенную в нем упорную борьбу Чжамухи с Чингис-ханом, причем, на основании усмотренных В. В. Бартольдом демократических тенденций в некоторых высказываниях Чжамухи (гл. III, § 118), о которых будет сказано ниже, он пришел к выводу о том, что Чжамуха стоял во главе демократического движения против руководимой Чингисом аристократической партии.[1] Б. Я. Владимирцов, который вначале всецело поддерживал и развивал все эти предположения, впоследствии отказался от них, оставаясь все же при взгляде на памятник как на «эпическую хронику», и особенно настаивал на переводе ее заглавия — «Сокровенное сказание», так как цель ее — «сделаться заветным преданием дома Чингис-хана, его историей, так как это сказание действительно сокровенный источник рассказов о мрачных событиях, происшедших внутри одного рода, одной семьи, одной кости».[2] Б. Я. Владимирцов доказал, что и Чжамуха также опирался на аристократическую знать, и обратил при этом внимание на его характеристику как человека, который «хотя и имел демократические тенденции, но в жизнь их проводить не мог за неимением подходящей среды и соответствующих условий, который сам не знает, чего хочет, и мечется из одной стороны в другую».[3]

Все же надо отдать должное названным ученым, которые сумели сделать так много плодотворных обобщений и выводов как историко-литературного, так и социально-исторического характера из памятника в том его китайском сокращенном и искаженном пересказе, каким в значительной мере признавалась китайская его версия и самим ее блестящим переводчиком, П. Кафаровым, называвшим китайский перевод и «сокращенным» и «неполным» и «не совсем точным».[4] Насколько этот перевод неточен — можно судить уже по отрывку, касающемуся монгольской письменности. Китайские ученые, а за ним и П. Кафаров, весьма непоследовательно настаивают на существовании ныне затерянного списка летописи, выполненного монгольскими письменами, полностью отрицая в то же время существование монгольской литературы и даже письменности во время Чингис-хана или почти полностью.[5]

[1] В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана. Зап. Вост. отд. Росс. археол. общ., т. X, 1896, стр. 111.
[2] Общественный строй, 1934, стр. 7, 62, 83 и др.
[3] Ibid., стр. 84, 85.
[4] См. предварительное примечание к манускрипту транскрипции.
[5] Ср. стр. 207, 223 и 224 Старинного сказания.

«Передавать (посольские речи) на словах было в обычае у монголов, не знавших письменности. Китайские писатели удивляются точности, с какою монголы передавали речи других по пальцам». Чингис сказал Шиги-хутуху:... «Решенные дела записывай на черные дщицы, дабы после другие не изменяли». К этому отрывку китайского перевода летописи П. Кафаров делает замечание о деревянных таблицах sambar, и ныне ведущихся у монголов в качестве записных книжек из дощечек, пропитанных маслом, натертых золою аргала, сшитых ремнем, и вспоминает при этом старинный китайский стих: «Монголы, рассекая дщицы, писали на них историю».

Все это говорится об эпохе 1206—1240 гг., т. е. за 60 лет до перевода на вполне развитой монгольский литературный язык целого буддийского канона, много ранее которого нам известен целый ряд памятников этой литературы, вполне удостоверяющих уже достаточно высокое развитие этого языка, на котором, несомненно, имелась в соответственном объеме и литература, не дошедшая до нас, а может быть, только еще пока не открытая нами.

Что же касается вышеприведенной цитаты из Юань чао би ши в китайском переводе,[1] то в действительности она основана на грубом искажении текста, возможно что и вполне сознательном искажении следующего замечательного места из нашей летописи, где совершенно ничего не говорится ни о каких дщицах, а содержится следующее повеление императора (записанное под 1206 г.), обращенное к Sigi-χutuχu:

«Müngke Tenggeri-de ihe'egdejü, gür ulus-i jügle'ülјü bükü-tür, či üjegü-in nidün, sonosχu-in cikin bolju, gür ulus-i Eke-de Bidano de'ü-ner kö'üd-te χubi irgenö nere'er ishiğai tu'urχatan-i iriceüljü, χabdasun e'üdeten-i χağaja'ulju χubilaju ög! Ken ber cino üge bushi bu bolğatuğai! ke'en jarliğ bolba. Basa šhigiχutuχu-i: Gür ulus-un χulağai-i kese'ejü, χudal-i moχa'aju, ükü'üldekün yosutan-i ükü'ül, alda'uldaχun yosutan-i alda'ul! ke'en Gür De'ere-in jarğu tüshiba. Basa gür irgen-ö χubi χubiyalağsan-i Kökö Debter bicig bicijü debterlejü, uruğ-un uruğ-a gürtele Shigi-χutuχu-in Natur eyetüljü yosulaju kökö bicig cağa'an ca'arsun-tur debterlegsen-i bu ye'üdketügai! Ye'üdkekün haran aldaltan boltuğai! ke'en jarliğ bolba», т. е.:

«В теперешнем с помощью Вечного Неба преобразовании всенародного государства будь ты оком смотрения и ухом слушания. Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и царевичам выдели их долю, состоящую из людей, проживающих в войлочных стенах, так называемых подданных-irgen, а затем выдели население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения».

Кроме того, на Shigi-χutuχu он возложил заведывание Всегосударственным верховным трибуналом, повелевая так: «Искореняй воровство, уничтожай обман во всем государстве. Повинных смерти — казни, повинных штрафу — штрафуй».

[1] См.: Юань чао би ши, текст и прим. П. Кафарова, стр. 115, прим. 311 и 441.

Затем он издал такой указ: «Пусть записывают в Синюю книгу, брошируя ее затем в томы, и вносят в нее реестры по районированию всесословного и всеязычного населения (gür irgen-i), а также все судебные решения и приговоры. И на веки веков да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Shigi-χutuχu и внесено затем в книги синим письмом на белой бумаге. Подлежит наказанию всякий виновный в изменении таковых» (текст, § 203).

Переходя к исследованию состава памятника, необходимо, прежде всего, отметить, что все его стихотворные части полностью исключены из китайского перевода и лишь изредка представлены в самом сжатом схематическом изложении. Для примера возьмем перевод § 106, как он представлен в китайском переводе по П. Кафарову и как его следует передать в точном соответствии с подлинником.

§ 106 (по П. Кафарову, стр. 53). «Чжамуха говорил еще: „Ты скажи Темучжиню и Ван-ханю, что я уже снарядил свое войско. Брат Ван-хань, тронувшись в поход, пусть пройдет и т. д.“».

§ 106 (по монгольскому тексту в моем переводе). «Чжамуха продолжал: „Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: обо мне скажите, что я-

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь,
В битву с Меркитом-Хаáтай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите —
К бою с Меркит-Удуи́том.

Пусть Тоорил-хан, следуя южным склоном и т. д.“». Таких стихотворений, вместе с 2—3—4-стишиями, в произведении насчитывается 122. Если сопоставить это количество с общим числом звеньев (282), на которые более или менее искусственно разбито все произведение, то на каждые два звена или параграфа придется по одному стихотворению, учитывая при этом, что одно из больших подразделений или глав (числом 12) представляет

сплошной эпический отрывок, наполовину составленный в стихах (с аллитерацией) и на половину ритмической прозой.

Уже из обзора памятника с этой, чисто технической стороны необходимо заключить, что авторами или автором ему придавалось, прежде всего, литературное значение. Что касается характера этих стихотворений, которые по своему обилию, разнообразию сюжетов, жанров и конструктивным особенностям должны явиться предметом специального исследования, то лишь меньшинство их по форме и содержанию может быть отнесено к разряду так называемый народной лирики. Таковы, например, сватальная Унгиратская песня (§ 64), о которой в другом месте почти прямо и сказано, что это — народная песня (§ 176): Чингис велит своему полководцу напомнить Унгиратам эту их народную песню. Или сатирическая народная песенка на неудачливого Дон-Жуана (§ 111, песня о Чильгире, охотнике до великосветских дам). Эпическим складом отличается вся глава VII, в которую включены отрывки исторических песен или сказаний о монгольских героях, сокрушивших Найманское царство (§§ 186—197). Далее — эпический отрывок из исторической песни о снаряжении Чингисом своего знаменитого полководца Субеетая в дальний поход за Урал (§ 199). Народная сатирическая песенка на оседлый Тангутский народ (§ 265). Прочие стихотворения распадаются на две группы, из коих одна, несомненно, представляет образцы монгольской литературной лирики, а другая, возможно, является результатом литературной обработки народной поэзии. Так, все стихотворения типа позднейших yöröl'ей, maγtal'ов, surγal'ов, ǰoriγ'ов[1] должны быть отнесены к этому излюбленному жанру монгольской книжной поэзии, хотя и восходят к таковым же прототипам народной поэзии, утратив лишь специальные народные черты и элементы чудесного, сверхнатурального. Таковы: maγtal'ы вроде «Похвалы добродетельной вдове» (§ 74), «Кочевая загадка Чжамухи» (§ 118), «О Чжиргинских богатырях». Наконец, все прочие стихотворения носят все признаки искусственного их составления придворными поэтами и певцами или для «посольских слов», заменявших послания в стихах, но почти всегда с примесью изящной прозы (§§ 126, 179, 180, 181, 200, 201), или для так называемых присяг, т. е. формул феодальных клятв (§§ 123, 124, 164 и др.), или для «похвальных слов» (§§ 208—214) и т. п. Особняком стоят, несомненно, искусственные лирические стихотворения, включенные в посольские речи, так сказать в «переписку», например, между Чингис-ханом и Чжамухой (§§ 105, 200, 201). В общем же, по самой грубой классификации, вся масса стихотворений распадается, примерно, на следующие группы: эпические отрывки — 24 [§§ 139, 149, 170, 186—197, 199, 254 (2), 255 (6), 260]; посольские слова-письма — 5 (§§ 105, 106, 108, 265, 266); maγtal'ы — 9 (§§ 74, 75, 146, 208, 209, 210—214); surγal'ы — 5 (§§ 78, 126, 174, 276, 277); обрядовые — 3 (§§ 96, 102, 164); сатирические — 3 (§§ 111, 174, 265); сватальные песни — 1 (§ 64); кочевые — 1 (§ 118); присяжные, обетные речи — 3 (§§ 123, 137, 147); элегии: предсмертное слово Чжамухи, предсмертное

[1] О них cf. A. Mostaert. L'ouverture de sceau et les adresses chez les Ordos. Monumenta Serica, vol. I, 1935, fasc. 2, p. 317.

слово Толуя — 2 (§ 201, 272); сетование — 1 (§ 203); гимн гвардии — 1 (§ 230); увещательные слова цариц к царю — 2 (§§ 245, 254); мелкие стихотворения — пословицы, поговорки, гномы.

Независимо от того, что многие стихотворения носят все признаки индивидуального литературного творчества определенного дарования и вкуса, резко бросается в глаза еще одна общая всем разительная черта: все они, как будто бы, прошли единую цензуру отбора и оценки, будучи лишены обычных в подобных произведениях элементов сказочного, чудесного или даже чрезмерно гиперболического, которыми так ярко отмечены произведения монгольской народной словесности позднейшего периода. Исключение могли бы представлять несколько эпических отрывков главы VII (§§ 186—197), в которых с чисто народной меткостью и яркостью изображены герои Найманского побоища. Но, во-первых, по замыслу, все это — лишь «дружественные шаржи» на простых героев сражения, преподносимые при этом Чжамухою Таян-хану, чтобы поглумиться над ним и напугать, о чем Чжамуха в ту же ночь и сообщает тайно Чингису, рассказывая со смехом, как он одурачил Найманского хана и еще до сражения «убил его ртом своим». Самые отрывки также мало вызывают сомнения в их народно-эпическом происхождении, как несомненно и явно ироническое отношение автора памятника к этим наивным созданиям народной поэзии. Все это с предельной ясностью показано при помощи искусного конструктивного приема зарисовки всей сцены Найманского побоища, несколько напоминающей прием описания в песне III «Илиады».

Надо со многих сторон всматриваться в этот крайне своеобразный и крайне сложный памятник монгольской литературы, чтобы охарактеризовать его хотя бы со стороны конструктивной. Так, по общему типу двухчленной конструкции византийских вульгарных хроник и таких, находящихся под их непосредственным влиянием, творений как, например, русская, так называемая Начальная или Несторова летопись, и наш памятник содержит, в основном, две части, из коих первая по преданиям реализует народную память о своем прошлом, примерно, за 4—5 протекших веков, и так же, как и Начальная русская летопись, с определенной великодержавной тенденцией пытается связать единым родством многоразличные монгольские племена, как бы они ни были далеки друг от друга и по языку, и территориально и даже этнически. Вторая часть также имеет тенденцию к погодной записи происшествий, иногда быть может и далеким задним числом включая их в искусственную хронологическую сетку, несмотря на то, что эта последняя часть обнимает всего сорок лет жизни летописца и главнейших героев его повести Чингиса и Чжамухи, так что, скажем, 65-летний автор хроники (возможно Коко-Цос) мог не особенно затрудняться установлением и более точной хронологической сетки как по собственным воспоминаниям, так и на основании местных и общегосударственных летописных сводов и документов, по показаниям самовидцев и прочим многоразличным источникам. Что автор хроники таковыми широко пользовался, в этом едва-ли может быть сомнение хотя бы по наличию в тексте подлинных указов и распоряжений, а также недоступных простому запоминанию таких актов, каким,

например, является акт о назначении 95 тысячников, с точным перечислением их имен и происхождения, достаточно точный и обширный перечень географических названий по Средней Азии, Южной Руси и т. п.

Далее необходимо отметить, что в хронику искусно вплетено множество сцен, с художественным драматизмом передающих выдающиеся события изображаемой эпохи. Сцены эти ярко вырисовываются своими выпуклыми художественными формами на фоне обычно сухого повествования хроники. Наконец, через весь памятник сквозною красною нитью проходит вплетенное в него с большим мастерством изображение трагической борьбы между двумя великими личностями, вызывающими преклонение и восхищение автора, борьбы между Чингис-ханом и Чжамухой. Изображение этой трагедии, как и самые портреты героев, представляют, правда, лишь подобие набросков карандашом, но своим чувством меры и удивительной яркостью обнаруживают гениальную руку художника. Беглость и схематичность рисунка, а также присущий монгольской манере письма лаконизм с трудом позволяют усмотреть сущность развивающейся трагедии и отношение автора произведения к своим героям.

При всем том мне представляется, что движущие идеи той и другой борющейся стороны вырисовываются достаточно ясно. Уже под 1206 г., после разгрома основных противников Чингиса — Татар, Меркитов, Керентов и Найманов, — записаны слова Чингис-хана: «Ныне, когда я пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в мощи своей небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел под единые бразды свои, и вы учреждайте для меня гвардию» (§ 224). Эта основная идея Чингиса высказана им еще с большей ясностью и силой под конец жизни, в пору искания элексира бессмертия, в письмах к даосскому философу Чан-чуню: «В семь лет я совершил великое дело, я во всех странах света утвердил единодержавие... За непокорность владетелей (государей, глав) я громлю их грозно... Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов... Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в степях, не имею роскошных наклонностей и следую умеренности; у меня — одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях (по преданию, Чингис-хан носил простое холщевое платье; холщевый кафтан его хранился как драгоценность при дворе монгольских государей в Китае) и то же ем, что коровьи и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении воинских сил — тем[1] (10 000) я впереди других; в ратных боях не помышляю о тыле... Прошу тебя подвигнуть святые стопы твои. Не думай о дали песчаных степей... Сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе».[2]

1 Тьма — 10 000.

2 П. Кафаров. Си ю цзи. Тр. Чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 370—374, прим.

В Юань чао би ши образ Чингиса как неутомимого созидателя единодержавия очерчен в следующих словах мудреца Коко-Цоса:

«Родитель твой царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил.
Черную кровь свою ведрами лил,
Черных очей никогда не смежал,
Тонких ушей на подушку не клал:
На рукаве он при нужде дремал.
Жажду слюною своей утолял,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался...»

В этом же стихотворении Коко-Цос рисует и картину степных феодальных нравов, с которыми покончил Чингис, установив единодержавие. Усовещевая Чаадая, намекнувшего в присутствии отца, матери и братьев на происхождение Чжочи от матери их во время меркитского ее пленения, он говорит: «Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас (детей Чингиса) еще на свете не было:

Небо звездное бывало
Поворачивалось —
Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Всё добычей поживлялися.
Мать широкая Земля
Содрагалася —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал,
Вольной-волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать.
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы матери.
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною.
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало,
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?»

Таким образом в приведенных документах мы находим и автопортрет Чингиса и сходную с ним зарисовку, сделанную придворным поэтом; присутствуем также при его собственных высказываниях о главной задаче своей жизни и о главных препятствиях, стоявших на пути ее выполнения. Задача эта — установление всемирного единодержавия, как миссии, «внушенной ему самим небом». Главные препятствия на пути к ее выполнению — многочисленные властители, т. е. крупные и мелкие феодалы, владетельные князья. Против них-то малым еще нервным ребенком затаил непримиримую ненависть Чингис и уверовал на всю жизнь, что само небо внушило ему борьбу против их неистощимых кровавых неистовств. Это они, князьки-феодалы соседнего племени Татар, отравили его отца в цвете сил, оставив на руках матери-вдовы пятерых детей, старшим среди которых был девятилетний Чингис. Это они, родичи Тайчиудские феодалы, бросили на произвол судьбы его мать-вдову, отобрав предварительно всех крепостных. Из-за них же ребенка Чингиса отдали под опеку и в ученье в чужие люди, к знатному побратиму покойного отца, Кереитскому владетельному хану Тоорилу, где он своими глазами видел все ужасы кровавых междоусобий при этом дворе. Подростком его похищает князь Таргутай-Кирилтух Тайчиудский и, боясь в нем подрастающего мстителя, держит его в кандалах и позорном ошейнике-канга, пока счастливый случай не помог ему бежать с великими трудностями. Далее, не успел юноша Чингис ввести в дом свою невесту Борте, как меркитские князья, из-за старинных феодальных счетов, налетают на его дом, разоряют его, похищают жену и мачеху и много дней и ночей облавят его, словно дикого зверя, укрывшегося в непроходимые дебри и ущелья горы Бурхан-халдун. Наконец, путем длительных усилий и хитроумных дипломатических комбинаций и, главным образом, путем использования влияния и силы кереитского Ван-хана, покровительствовавшего ему как по личной приязни, так и по долгу побратимства с отцом его Есугай-Баатыром, Темучжин добивается положения, приблизительно равного положению своего покойного отца: целый ряд феодалов монгольского племени из потомков Бодончара провозглашают его племенным ханом, т. е. вождем своим, с династическим именем Чингис, а гиньский государь удостаивает его почетного титула чжао-хури (пограничный военный комиссар). Но тут его постигают наибольшие разочарования и злоключения феодальной смуты. Сначала ему изменяют наиболее сильные из признававших его племен, Чжуркинцы, с крупнейшими феодалами Сача-беки и Тайчу во главе. Когда же ему удалось со всею строгостью наказать изменников, со строгостью, не лишенною впрочем и коварства, то против него объединяются в грозный союз не признававшие его остальные монгольские феодалы, во главе с другом детства Чингисовым — Чжамухою, которого те провозглашают в самом высоком звании степного феодала, в звании Гур-хана, и толкают на борьбу с Чингисом. Воспользовавшись самым пустым поводом, Чжамуха открывает военные действия и на голову разбивает армию Чингиса, который вынужден скрываться в ущельях от мести своего присяжного друга-анды и нежного друга своей юности. Оба они клялись многократно друг другу в вер-

ности еще в детстве, когда вместе играли в бабки или в «альчики» на льду реки Онона, когда вместе воспитывались при дворе кереитского Ван-хана и пили «из синей чаши» названного отца-хана или пировали первые победы в урочище Хорхонах-чжубур.

Этих одареннейших людей своего племени, а может быть, и своей эпохи, разделяли, прежде всего, складывавшиеся условия современного им феодального быта с его беспрерывным соперничеством и борьбой феодальных владельцев. По обычаю избирать союзного монгольского хана, всесоюзного вождя, правда только по имени, монгольские князья после Хутулы-хана не могли сойтись в этот раз на единой личности. Выбор одной части, видимо, останавливался на даровитом и знатном по происхождению Темучжине, а другой — на Чжамухе, также родовитом и в своем роде, быть может, не менее одаренном. Дружба не выдержала этого испытания честолюбием. Чжамуха, в пору этих выборных колебаний, жил под одной кровлей с Чингисом, в глубокой приязни к нему, к своему анде, скрепленной уже не детскими клятвами, и, по обычаю анды, бывало, и ночевал с другом «под одним одеялом». Юань чао би ши рисует нам прекрасный портрет этого вечно скучающего изящного барина с ног до головы, рыцаря и поэта, острого и насмешливого, щеголяющего стихотворными импровизациями, то сатирическими, то простонародно-меткими и хлесткими, то загадочными присказками-прибаутками, то прекрасными элегиями. Всё почти, что говорит Чжамуха, представлено в памятнике стихотворной речью. Сказанного выше о трезвом, расчетливом, настойчивом, но уравновешенном Чингис-хане, с неослабевающей последовательностью, и притом всякими средствами и путями, стремившегося воплотить идею своего призвания, а не только грезившего о торжестве всемирного единодержавия над хаосом феодальных смут, стремившегося «во главе воинов и колесниц сокрушить всех феодальных господ силою призывавших его небес», поставить народы «на правый путь» и быть «отцом народов», — сказанного об этом завоевателе мира, ходившем в рубище, достаточно, чтобы видеть, сколь различны характеры этих двух замечательных людей. Прожить с Чингисом и его семьей неразлучно более двух лет значило для Чжамухи смертельно устать и соскучиться в чуждой ему атмосфере трезвенных фанатиков деловитости и стяжания, какими были, прежде всего, Чингис с его женой и матерью, которая «мудрой вдовой родилась». К тому же явно назревала пора, когда путям их трудно было не разойтись: обе стороны, конечно, прекрасно знали о той предвыборной борьбе, которая шла около их имен. А честолюбием едва ли кто из них превосходил другого. Разве только настойчивость в достижении целей да уменье удержать и укрепить за собою достигнутое, несомненно, были на стороне Чингиса. Этот момент расхождения друзей описан в хронике так:

«В полном мире и согласии прожили Темучжин с Чжамухою один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали верхами впереди телег.

И говорит Чжамуха: Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая смысла этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга, и как только те подошли, говорит матери Оэлун: Вот что мне сказал анда Чжамуха:

В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют.
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут.

Не понимая, что он этим хочет сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки. Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается. Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами. Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет. Так-то будет лучше. Одобрив совет Борте-учжин, ехали всю ночь без сна...» (§ 118, 119).

Едва ли в этих загадочных словах Чжамухи, доставивших столько затруднений не одному только простому сердцем и умом Чингису, но впоследствии и ученым исследователям памятника, едва ли в них содержалось что-либо, кроме того, что в них тотчас открыла жена Чингиса — Борте: наскучив семьею Чингиса и тяготясь неусыпным надзором своих слишком внимательных и неотступных друзей, Чжамуха, в виду предстоявшего избрания его в Гур-ханы сильнейшей монгольской партией феодалов, вдвойне тяготился теперь гостеприимством Чингисовой семьи, тяготился как пленом. Поэтому он подчеркнуто проявляет глубокое безразличие и равнодушие скучающего человека даже в таком животрепещущем в степной жизни вопросе своих друзей, как выбор общего кочевья в то время, как от него ждут дружеской инициативы, по крайней мере хоть интереса к общему делу, к общей жизни. При этом нарочито подчеркнутое равнодушие граничит с явным желанием отделаться от надоевшей опеки друзей. Чуткая женщина сразу поняла и разъяснила Чингису, что общие пути ее мужа и скучающего барина Чжамухи разошлись и что чем скорее они расстанутся, тем лучше. И Чингис и мать его не стали оспаривать правильности заключения Борте, и с той же ночи пути друзей действительно разошлись. Чингис все же опередил своего соперника и ранее его добился у своей партии провозглашения ханом. Чжамуху также избирают его сторонники в Гур-

ханы, т. е. предоставляют ему титул и положение выше Чингисовых. Однако Чжамуха не умеет по-новому, по-чингисовски объединить вокруг себя своих самовластных феодальных князей, и после первых же неудачных или нерешительных столкновений со своим противником борьба его с Чингисом принимает какой-то странный, непонятный, даже иногда непоследовательный характер. Между тем Чингис громит феодалов одного за другим, не давая им соединяться, и шаг за шагом укрепляет лишь свое единодержавие. Он привлекает на свою сторону племя за племенем, переманивая их от Чжамухи щедростью и высокими пожалованиями талантливых и нужных людей, к какому бы классу они не принадлежали по своему происхождению. Так, например, награждая Сорган-Шира с сыновьями и Бадая с Кшиликом, спасших когда-то его в смертельной опасности, Чингис-хан говорит: «Кто был Сорган-Шира? Крепостной холоп, арат у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишликом? Цереновскими конюхами. Ныне же вы мои приближенные. Благоденствуйте же в дархатстве вашем, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток». (§ 219). И это — не исключительный случай, а норма, принцип. Видимо, этот замечательный человек, одетый в «холщевый кафтан», также выдвигал нечто вроде лицемерного лозунга: «Долой средостение между царем и народом, долой бояр-феодалов». И в этом только смысле он тоже был за «демократию» без удельных бояр, но и без народа, не считая «приближенных», «излюбленных» покорных людей. Чжамуха же стоял, видимо, за «демократию» для князей без самодержавного деспота. В этом и заключалась мнимая «противоположность» их политических и социальных взглядов. Сближала же их одинаковая классовая ненависть и жестокость по отношению к простому народу, к этим холопам-аратам, которые подлежали казни за всяческое «поднятие рук» на своих господ, если даже подчас таковое производилось и в интересах этих самых господ. Случаи подобных расправ настолько часто показаны в памятнике, что создают впечатление неписанного закона, существовавшего в отношении крепостных у феодалов всех направлений.

С момента своего избрания в Гур-ханы (1201) и до своей трагической гибели (1206) мы видим Чжамуху в стане всех врагов, которые только ополчились на Чингиса: он на стороне Сангума и Ван-хана в кереитских войнах, он с полками Таян-хана в найманском походе. Но поведение его в этой распре трудно разгадать: или он понял, что исход этих войн предрешен энергией накопившейся мощи великого вождя монголов, или он, по рыцарству своего характера, даже и разойдясь с Чингисом, не находит в себе, однако, сил на прямую измену своей нации и своему другу-анде, или он колеблется и мечется из стороны в сторону «просто по неустойчивости своего характера».[1] Как бы то ни было, он тайно открывает Чингису, в ночь перед боем, диспозицию его врагов, грубыми баснями сеет панику в найманском войске и, сообщая Чингису о настроении и местонахождении неприятеля, призывает его «дерзать». С другой стороны, он недостойно клевещет на своего друга перед Ван-ханом, заведомо ложно приписывая Чингису тайную связь с общим врагом (§ 160).

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 85.

Найманская битва изображена посредством диалога между Таян-ханом и Чжамухой, которые наблюдают за ее развитием с пункта на горе. Этот отрывок дан в нарочито сказочно-былинных тонах и обрисовывает известных читателю простых сподвижников Чингиса сказочно-богатырскими чертами с единственной целью напугать панического неженку Таян-хана.

В 1206 г. наступает конец борьбы этих двух «друзей»: все враги Чингиса разгромлены, и он в простоте своей уверен, что, покончив с царьками меркитскими, кереитскими и найманскими, он стал уже «единодержавцем народов», не зная еще, на какую высоту величия вознесут его походы в дальние западные земли по пятам бежавших остатков вражеских сил. Выданный своими же стражниками, Чжамуха попадает в руки Чингиса. И вот как описан конец его в нашей хронике, между прочими важными обстоятельствами вскрывающей здесь, на мой взгляд, один из существеннейших моментов в психологии Чжамухи (§§ 200, 201).

(§ 200) «Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Взобравшись на гору Танну, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами! Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингисхану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Селезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка[1] серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?

На эти слова Чжамухи Чингис-хан изволил ответить: Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного

[1] Хулду — ленивый заевшийся коршун (калм. сарыч).

хана? И кому нужна дружба подобных людей"? И тотчас же повелел: „Аратóв, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их". И тут же, на глазах у Чжамухи, предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгалчжит,
Мне предстоявшей со всем Кереитом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал.

(§ 201) Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорханаке,
Братство свое мы скрепили.
Тра́пезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой
Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!"
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадной рукою коснулся.
Думал я: Клятвой ведь мы незабвенной клялись!
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,

Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня, государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрест замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлука́
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,
Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоим
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.

Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний.

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую причину. Скажите ему: Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Дзеренево ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-балчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его прах, но с подобающей почестью предайте погребению. Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, подняли кости его».

Итак, Чжамуха — сам конечно, а не жена только его, — был «сказителем былей», т. е. поклонником феодальной старины и убежденным, следовательно, противником нового дела Чингиса, который именно этой самой «старине» объявил беспощадную войну до конца. При этом, по собственному признанию Чжамухи, он «дальше анды своей мыслью стремился», т. е. был не менее его честолюбив, не менее его стремился к господству, к власти, но только к обычной власти степных царьков, роскошествующих и прожигающих жизнь «по старинке». В числе преимуществ Чингиса, которыми он «превзошел и раздавил» Чжамуху и всех своих соперников, от внимания Чжамухи не ускользнуло, конечно, и еще одно важнейшее обстоятельство:

Семьдесят три на конях орлука́
Служат в дружине твоей.

Это тот самый институт орлуков, который впоследствии вошел в эпические сказания монголов под сакраментальным термином «девяти орлуков» и о котором я высказал свои соображения в другой работе.[2] К этим соображениям необходимо добавить, что в эпоху расцвета могущества Чингиса кадры орлуков, этой охранной стражи или гвардии Чингиса, были развер-

[2] См. Уч. зап. Филфака ЛГУ за 1939 г., № 20, вып. 1.

нуты в 10 000-й корпус личной императорской гвардии, главное назначение которой, как видно из приведенных в памятнике многочисленных указов о принципах и формировании ее, состояло в осуществлении охраны внутреннего порядка, т. е. в подавлении внутренних смут и народных восстаний. Гвардия могла, по статуту, участвовать во внешних войнах и действовать лишь в исключительных обстоятельствах, когда на фронт выступал лично сам император и находил при этом ее присутствие в походе необходимым.

Само собою разумеется, эта гвардия являлась главной опорой единодержавной диктатуры, которую установил Чингис-хан в своей империи. При этом необходимо отметить, что как институт орлуков, так и весь состав гвардии далеко не были пополнены одними «аристократами». По статуту, основными кадрами ее, конечно, должны были явиться те люди «свободного состояния» (urtu dura-in — 'длинной воли'), привлечение коих в гвардию прямо предусматривается указами (§ 224).

Судя по статутам, внутренний режим этой военной корпорации, несмотря на суровую дисциплину, был проникнут таким своеобразным «демократизмом», такою относительной свободой и независимостью низших чинов от высших, входившие в состав ее воины облечены такими исключительными правами и преимуществами, что преданность верховному главе корпуса, казалось, была весьма прочно обеспечена.

Подводя итоги характеристики памятника, необходимо притти к заключению, что вышеизложенные замечания позволяют считать эту монгольскую хронику XIII ст. резко отличающейся от общего типа подобных же произведений мировой литературы. Она является в некотором роде универсальным по своему синкретизму произведением монгольской литературы, включая в себя многоразличные элементы: и документально-исторические и эпические, и элементы литературной лирики, и повести, и даже зачатки драмы и трагедии. При благоприятном развитии монгольской государственности и культуры неизбежно должны были вырасти из этих зачатков соответствующие формы литературного творчества. Однако послеюаньский упадочный период заморозил эти молодые побеги монгольской литературы, которая в эпоху возрождения в XVII в. пошла уже по бесплодному руслу буддийской схоластики. В светской же литературе жанр эпической хроники надолго остался преобладающим.

Со стороны языка памятник отличается такою яркостью, полнотой форм и изяществом, которые предполагают уже установившуюся традицию. Трудно поэтому рассматривать его как первобытное творение только еще начинающей складываться литературы. Возможно, что мы еще будем свидетелями открытия многих подобных памятников эпохи расцвета юаньской династии в бездонных тайниках китайской литературы, которая вобрала в себя памятники литератур многих соседних культур, пользовавшихся китайскою письменностью.

IV. ХРОНИКА 1240 г. И ПОЗДНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЭПОСА

Всеми исследователями монгольской литературы отмечены, как господствующие вершины, три выдающиеся самобытные произведения — это так называемое «Сокровенное сказание», которое, с некоторыми оговорками, может быть названо поэмой о Чингис-хане; западномонгольская или ойратско-калмыцкая поэма о Джангаре и монголо-ойратская поэма о Гесер-хане.

В той мере, в какой трудно и даже невозможно изучать исторические и историко-литературные факты и явления монгольского мира без учета их движения и развития среди отдельных его составлявших народов, в той же мере невозможно рассмотрение и этих трех главнейших литературных памятников вне исторического аспекта и вне взаимной связи и соотношения их между собою.

Всем известно, что «Сокровенное сказание», как и «Гесериада», являются памятниками литературными и вместе с тем памятниками монгольского письменного языка, между тем как «Джангариада» есть произведение устного народного творчества. Поэтому может показаться методологически не совсем правильным рассмотрение этих памятников в одном ряду. Однако, в дальнейшем изложении я хотел бы оправдать такую возможность.

С самого начала XIII ст., т. е. с самого выхода своего на историческую арену, в течение 700 слишком лет затем монголы говорят о себе письменными документами. Таковы для древнего периода монгольской литературы: «Чингисов камень» 1219 г., огромная поэма-хроника 1240 г., дипломатические документы персидских иль-ханов 1260—1305 гг., памятники квадратного письма второй половины XIII и первой половины XIV ст., грандиозная философская поэма «Бодичарияватāра» в монгольской версии 1305 г., трактат по грамматике и истории монгольской письменности того же времени.

Имея в виду принятые в монголоведении даты 1204 г. для введения у монголов уйгурского письма, 1210—1219 гг. для введения китайского письма и 1269 г. — для квадратного письма, а также учитывая одни лишь обнаруженные до сего времени памятники, мы должны притти к заключению, что XIII в. принес монголам, вместе с рядом письменностей, и свою национальную литературу и выработанный письменный язык. Обширный памятник этого языка, каким является «Сокровенное сказание», уже в 1240 г. представляет нам этот язык во всей силе и красоте настолько сформировавшегося письменного, литературного языка, что невольно сам собою возникает вопрос: где же его предшественники? Но вопрос этот упирается в немой тупик даты 1204 г. о первом появлении у монголов уйгурской письменности. Нетрудно, конечно, было бы опрокинуть эту шаткую дату, основанную на дате покорения Найманского государства и о пленении мифического найманского канцлера Тата-тунга — мифического праотца уйгуро-монгольской письменности, нетрудно было бы отодвинуть эту дату хоть на столетие назад, как, вероятно, в действительности и обстояло дело с возникновением у монголов письма, но этим еще отнюдь не был бы

снят с очереди вопрос: где же литературные прототипы «Сокровенного сказания», которое не могло же возникнуть из пепла первоначальной пустоты? А между тем нет, повидимому, никакой надежды когда-либо найти монгольский литературный памятник древнее «Сокровенного сказания», так как трудно допустить даже и самую возможность существования литературы в дочингисовых патриархальных родовых объединениях. И вдруг в XII ст., как deus ex machina, сразу и несколько активизированных письменностей и развитой литературный язык.

Попытка преодоления этого весьма серьезного затруднения принадлежит инициативе акад. Б. Я. Владимирцова, который остроумно использовал миф о найманском Тата-тунгае и развил теорию о найманском происхождении уже не письма только, но и самого монгольского письменного языка. Теория эта дала возможность решить многие узловые вопросы монголоведения.

Исходя из предположения о том, что по наследию от найманов и монголо-уйгурская письменность и литературный язык монгольский явились, вне всякого сомнения, достоянием господствующего в монгольском обществе класса степной аристократии, естественно было заключить, что источники всякого литературного творчества у монголов надобно искать для XIII в. в ставке степного феодала — «черного феодала», а для более поздних периодов — еще и в монастырях, среди князей церкви, или «желтых феодалов».

Далее, установив с полным и глубоким знанием дела «литературность» устного языка монголо-ойратского эпоса, равно как и дружинный характер этого эпоса, Б. Я. Владимирцов объяснял это явление созданием самого эпоса монгольского в среде «проникнутого эпическими настроениями» класса монгольской аристократии, которая одна и владела традицией монгольского литературного языка. Отсюда и все другие вопросы монгольской исторической поэтики, как, например, о классовой принадлежности рапсодов, об эпических персонажах, об иноязычных влияниях, — все эти вопросы решались в свете основных предположений о происхождении монгольского письменного языка.

Само собою разумеется при этом, что изложенная система предположений была выдвинута и принята в монголоведении не больше, как рабочая гипотеза, и что в качестве таковой она настоятельно требует скорейшего обновления, так как застойное ее положение в дальнейшем не только уже не сможет помогать постановке и разрешению важнейших вопросов монгольского литературоведения, а скорее будет тормозить их.

В этом отношении мне представляется, что некоторые давно установленные факты не привлекли к себе всего внимания, какого они заслуживают по своему значению в истории монгольского письменного языка и литературы. Один из таких хорошо установленных фактов обнаружен еще Рашид-Эддином и сформулирован им в следующем замечании по поводу своеобразных «устных» писем у монголов: «Монгольский обычай в древние времена был таков, что по большей части известия передавались словами (т. е. изустно), словами, искусственно рифмованными

и трудно понятными». И еще об обычаях и языке найманов и кереитов: «Государи их были древлеславные. Они имели сродство с племенами монгольскими; и обыкновения, обычаи, речь и слова близки у одних с другими».[1] В этих словах Рашид-Эддин отмечает, в сущности, тот же самый факт искусственности т. е. «литературности» некоторых видов устного творчества монголов, который шесть веков спустя был установлен Б. Я. Владимирцовым путем тщательного изучения языка монгольского эпоса. Далее, Рашид-Эддин устанавливает существование у монголов этого устно-письменного языка в дописьменный период и, следовательно, в некоторой мере указывает на один из источников современного ему письменного монгольского языка. Наконец, у Рашид-Эддина не находится сведений, которые бы свидетельствовали об исключительно высокой степени культурного развития названных монгольских племен.

Рашид-Эддин, писавший в XIV в., под «монгольским обычаем в древние времена» не мог разуметь ничего иного, кроме письменных и устных сообщений из эпохи XIII и частью XII ст., которыми он пользовался при составлении своего исторического труда. При этом не замечалось, что эти самые «устные известия», в виде рифмованных устных посольских наказов и легенд, приводятся им же самим чуть не в каждой главе его литературного труда частью по современным ему письменным монгольским источникам, частью по устным сказаниям монгольских старцев-«эмиров» и в отношении событий не так давно минувших времен: настолько традиция «устных писем» представляется ему отжившей и сугубо «древней» по сравнению с близким ему дипломатическим аппаратом и канцеляриями современных ему персидских иль-ханов. Он забывает, что приводимые им «устные письма» имеют «древность» немногим больше или немногим меньше всего лишь одного столетия. Ему представляется уже, что по своим письменным источникам он приводит не те же самые устные письма, а какие то иные, в свое время, века за два до Чингис-хана, уже принявшие письменные формы.

А между тем, «Сокровенное сказание», содержа в себе очень много таких же «устных писем», которыми обменивались между собою и Чингисхан с Чжамухой, и Ван-хан кереитский и Таян-хан найманский с Чингисханом и т. п., во всех случаях поясняет, что такое-то «слово» было «сказано» такому-то или таким то, и в дальнейшем рассказывается, как и при каких обстоятельствах послы «сказывали» это слово кому надлежало и какое «слово» было сказано в ответ и при каких обстоятельствах было, наконец, передано пославшему.

Таким образом, обычай сообщаться «устными письмами» широко практиковался не только в бесписьменный период монгольской истории, но и, на ряду с существованием письменности, в XIII в. Из бурятской же летописи усматриваем, что обычай этот сохранился как пережиток еще и в XVII ст. в виде своего рода шифрованных депеш, посылавшихся

[1] Рашид-Эддин. Собрание летописей, в переводе И. Н. Березина, Тр. Вост. отд. Археол. общ., ч. XII, 1868, стр. 119.

в исключительных случаях и именно «словами, искусственно рифмованными и трудно понятными». Так, одна бурятская летопись[1] со скорбью рассказывает, как одна такая «шифрованная депеша», устное письмо-стихотворение, в котором аллегорически указывалось место и время встречи бурятов с их монгольскими соплеменниками, была слишком буквально, т. е. неверно понята, что повлекло за собою трагические последствия.

Изучая эти «устные письма» в составе «Сокровенного сказания» или параллельных ему записей Рашид-Эддина, мы приходим к заключению, что они принадлежат к специфически-кочевым жанрам монгольского народного творчества, различные элементы которого проникают всю ткань «Сокровенного сказания», как и позднейшей монгольской летописи, унаследовавшей все основные черты этой начальной монгольской хроники. Устные письма эти представляют такое же устное народное творчество, как и включенные в памятник многочисленные пословицы, поговорки, изречения и гномы, лирические народные песни, отрывки исторических песен, былин, фрагменты эпических циклов и т. п.

Таким образом уже Рашид-Эддин констатировал существование у монголов устного литературного языка, относя лишь это своеобразное явление к древнему, дописьменному периоду, мы же должны добавить, что этот устный литературный язык существовал и существует еще на ряду с письменным литературным языком: типичный пример обусловленности всех надстроечных явлений культуры экономическим базисом.

Необходимым условием кочевого хозяйства является размещение примитивного экстенсивного животноводства на огромных пространствах, для обеспечения его содержания на подножном прокорме, путем беспрерывного передвижения поголовья скота с пастбища на пастбище вместе со своими хозяевами. При таких условиях все орудия хозяйственного производства должны обладать максимальной простотой и мобильностью. В соответствии с этим и литературные ценности, создаваемые в этой среде, в значительно меньшей степени реализуются в памятниках письма, нежели сохраняются в памяти, передаваясь из поколения в поколение, передвигаясь по большим торговым и стратегическим путям и приобретая в процессе этого движения значение устно-литературного сверхдиалекта, общепонятного литературного языка, κοινή. Этот-то устно-литературный κοινή и берется главным творящим элементом в основу письменного монгольского языка, а из письменных форм, при ограниченности и малой сохранности и подвижности их, снова возвращается в устную среду для того, чтобы отсюда снова отлиться в письменные памятники.

Таким мне представляется процесс первоначального сложения монгольского письменного языка, лишь в позднейшую пору своего развития осложняющийся иноязычными литературными влияниями, элементы которых уже без особого труда поддаются точному учету и выяснению.

Анализируя простейший повествовательный, иногда погодный, текст «Сокровенного сказания» или Начальной монгольской летописи 1240 г.,

[1] Dam sonostaγsan üliger öge inu (А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия, 1900, стр. 54, 55).

мы находим, что вся его большая вводная часть есть не что иное, как положенная на письмо «словесная устная наука родословий», о которой Рашид-Эддин пишет: «Каждому новорожденному дитяти, так как у них нет религии и веры, в которой они наставляли бы детей, подобно другим, отец и мать объясняют колено и растолковывают род. Таковое правило всегда они хранили, и ныне то правило в уважении у них. У арабов означен и утвержден такой же приведенный путь».[1]

В дальнейшем в этот повествовательный текст включено, не считая многочисленных пословиц, поговорок и гномов, много отрывков исторических песен, былин и т. п.

Отсюда ясно, что и первый памятник монгольской литературы, слагаясь из элементов местного фольклора, поднявшегося в своем развитии до общеплеменного устно-литературного языка, κοινή, представляет не что иное, как положенный на письмо, уже сложившийся, устный литературный язык.

Совершенно теми же чертами устного литературного языка характеризуются и два другие позднейшие памятника монгольского эпоса, «Джангариада», и «Гесериада», с теми лишь особенностями, что и «Сокровенное сказание», и «Гесериада» носят на себе отчетливые следы отбора и редакционной работы над текстами народного творчества, тогда как «Джангариада» свободна от такого рода посторонних влияний, поскольку она непосредственно записана со слов сказителей-джангарчинов только в середине XIX и начале XX ст.

«Сокровенное сказание», при всем синкретизме его содержания, все же можно назвать эпическим произведением (со многими, конечно, оговорками) и именно эпической поэмой о Чингис-хане точно так же, как две другие поэмы, посвященные мифическим кесарям Джангару и Гесеру, называем «Джангариадой» и «Гесериадой».

Эти три крупнейших произведения монгольского народного творчества относятся к трем узловым этапам исторического развития монгольских народов, то объединявшихся, то вновь распадавшихся, и, тая в себе основные идеи своих эпох, выражают собою те чаяния монгольских народных масс, которые свойственны были каждой из этих эпох. Таким образом с этих трех вершин, созданных монгольским эпосом, мы можем проследить весь путь развития истории монголов, как он выражается в процессе развития социально-политического сознания монгольских народных масс — творцов трех эпопей о кесарях Чингисе, Джангаре и Гесере.

С другой стороны, народное сознание, свойственное данной эпохе, настолько ясно отражено во всех этих памятниках, что приурочение каждого из них, по крайней мере в отношении основных элементов сложения, не представляло бы особых трудностей даже при отсутствии датировки у всех этих памятников.

Основная политическая идея поэмы о Чингис-хане вложена поэтом в уста самого Чингис-хана. Уже под 1206 г., т. е. после разгрома основ-

[1] Рашид-Эддин, там же, стр. 28.

ных противников Чингиса — татар, меркитов, кереитов и найманов, записаны такие слова Чингис-хана: «Ныне, когда я, пред лицом вечной небесной силы будучи умножаем в мощи своей и Небом и Землею, направил на путь истины всеязычное государство и *все народы ввел под единые бразды свои*, и вы учреждайте для меня гвардию», (§ 224).

Замечательно, что та же самая идея выражена в дошедших до нас, по запискам даосского философа Чан-чуня, письмах к нему Чингис-хана от 1220 г. Письма эти, как свидетельствует П. Кафаров,[1] составлены по всем правилам изысканного китайского стиля и, очевидно, изготовлены в придворной канцелярии Чингис-хана учеными из передававшихся ему гиньцев.[2] Кафаров был склонен[3] частично разделять скептицизм в отношении подлинности некоторых из этих писем Чингис-хана. Однако, не говоря уже о том, что этот скептицизм китайских критиков из лагеря антидаосистов не заслуживает серьезного внимания, именно как узко сектантский и тенденциозный, письма эти в свете прямых показаний и общих оценок и характеристик Юань-чао би ши приобретают силу глубокой внутренней достоверности. Они так приходятся к тону нашего памятника, что стоило их выдумать, если бы этих писем не было в действительности. На вершине своей славы, которой достиг он только к 60-летнему возрасту, Чингис-хан со всею страстью своей натуры отдался идее отыскания элексира бессмертия. Зная о китайских даосах как о специалистах этого дела, Чингисхан завел переписку с главой даосской школы Чан-чунем и добился приезда этого 72-летнего старца в свою походную ставку, к границам Индии. Чанчунь, по всей видимости, глубоко разочаровал положительного Чингис-хана своими наставлениями о способах «внутреннего преображения посредством управления дыханием».[4] На прямой вопрос «какие у тебя есть *лекарства для вечной жизни*, чтобы снабдить меня ими» — он получил всего навсего «исторический» ответ: «Есть средство хранить свою жизнь, но *нет лекарства бессмертия*».[5]

Вот этому-то старцу Чан-чуню Чингис-хан писал: «В семь лет я совершил великое дело: я *во всех странах света утвердил единодержавие*... За непокорность государей я громил их грозно... Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов»...

Поэма о Чингис-хане, являясь одновременно и летописным сказанием, рассказывает нам о том, как он водворил единодержавие среди монгольских народов — tabun öngge, dörbön χari ulus — и как довел их до полного благоденствия: γar γaǰar-a köl köser-e amurliba. Замечательно при этом, что

[1] П. *Кафаров*. Си ю цзи. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 270—274.
[2] Там же, стр. 395.
[3] Там же, стр. 432.
[4] Там же, стр. 419.
[5] Там же, стр. 320, 414.

хроника-эпопея мало интересуется завоевательными предприятиями Чингис-хана за пределами монгольских стран и народов: сухо и сбивчиво, без малейшего энтузиазма, едва регистрирует она эти предприятия. И, наоборот, все ее внимание поглощено изображением драматического развития борьбы Чингис-хана и сторонников новых созидаемых им государственных порядков с представителями старых порядков во главе с его названным другом Чжамухою. Старый феодальный порядок достаточно ярко охарактеризован в приведенных выше словах, влагаемых в уста Ко̆ко̆-Цоса — наставника чингисовых сыновей.

Тот же наставник царевичей восторженно изображал и державный труд Чингис-хана.

Всем известны попытки истолковать борьбу между Чингис-ханом и Чжамухой как социально-политическую борьбу сил демократии в лице Чжамухи с силами аристократии в лице Чингис-хана. Действительно, мы нигде в поэме не встречаем резко отрицательного отношения к Чжамухе и его сторонникам, кроме разве довольно спокойно рассказанного эпизода варения пленных в семидесяти котлах, как не видим и никакого восхваления его «народнических» убеждений в произносимом им народном стихотворении: «В горы что-ли покочуем? Там» и т. д.

Две черты сближают, однако, судьбу Чжамухи и его партии с судьбой наших, например, народников: Чжамуха так же был разгромлен своим противником, с которым пытался бороться террором, и также был головою выдан врагу своему своим же народом. Очевидно, и Чжамуха принадлежал к разряду таких же самых героев-неудачников и по тем же самым причинам, что стал «переть против исторических потребностей общества, возомнив себя делателем истории». Но победил и попал в герои и выдающиеся личности Чингис-хан и только потому, что «сумел правильно понять условия развития современного ему общества, понять, как их изменить к лучшему».[1]

Каковы же, в основном, были эти условия развития монгольского общества в начале XIII в.? Пережитки родового строя и натурально-хозяйственной автаркии давно миновали. Бывшие роды давно переросли в крупные племенные объединения, подобные славянским, например, племенным союзам в пору передвижения их к Днепру и сложения в VIII в. Южнорусского государства. Такие институты, как патриархат, родовой культ, родовая месть, сохраняются уже только в далеких воспоминаниях народа и приводятся в поэме-хронике именно только в ее начальных родословных памятях. Но монгольское общество к началу XIII в. переросло уже и рамки феодально-племенных объединений и пытается прорваться за них и разместиться по всем своим территориям в качестве единого государства с единой государственной властью. Межплеменного обмена продуктами их местного производства становится недостаточно; возникли и возросли потребности в произведениях соседних промышленно-оседлых народов («сибирский» хлеб, китайские ткани, металлические и фарфоровые изделия, посуда, обработанные продукты животноводческого сырья и т. д. и т. п.), и эти потребности

[1] История ВКП(б), 1938, стр. 13.

тянули к более широкому обмену и делали далее невыносимыми узкие рамки феодально-племенных хозяйственных автаркий. Прорыв же этих преград, выводивший на большие исторические пути движения, был сопряжен с величайшими опасностями беспрерывных грабежей и разбоев или грабительских обложений на многочисленных заставах, в свою очередь обусловленных удельно-родовым дроблением. С другой стороны, в монгольских племенных объединениях или княжествах — Меркитском, Татарском, Кереитском, Найманском и других — наблюдаем уже сложноразвитые системы административного аппарата в виде различных ведомств, сходных с нашими средневековыми ведомствами или «путями»: дворцовым, конюшенным, столовым, чашничьим, сокольничьим и т. п.

Чингис-хан понял, в какую сторону растет развитие исторических потребностей и сил современного ему монгольского общества и направил всю свою энергию на борьбу с отживающими остатками родового строя, рассеивая наиболее сплоченные родовые группы по другим инородным объединениям и находя себе мощную опору в организованном им десятитысячном охранном корпусе. Корпус этот, или гвардия, был укомплектован при содействии и из состава класса средних собственников крестьян-аратов, «людей длинной воли» (utu duri-yin güün), как они называются в памятнике. Во главе корпуса стояли семьдесят два ӧрлюка: так назывались «излюбленные люди», сотрудники Чингис-хана из людей того же класса «длинной воли», а частично и из «аристократов», разделявших убеждения Чингисхана.

В китайском переводе разряд людей «utu duri-yin güün» назван «бай шень», т. е. 'белотелые', а в русской трактовке П. Кафарова — 'люди свободного состояния'.[1] Из приведенных в «Сокровенном сказании» фрагментов положения об охранном корпусе (§§ 191, 224, 225 и далее) необходимо заключить, что представители этого формировавшегося класса, вместе с простыми аратами, т. е. бывшими крепостными людьми, составляли основной контингент этого корпуса. Наблюдаем, следовательно, удачную попытку организовать эти группы сверху, пока они сами не начали организовываться снизу. Чингис-хан явно стремился опереться на эти сословия в своей борьбе с крепостническим боярством или аристократией, яростно отстаивавшей свои местноудельные интересы, против попыток ликвидации и поглощения ее организующимся надплеменным государством. Приходится поэтому признать, что делавшиеся ранее предположения (В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов) об аристократической базе чингисханового единодержавия не так близки к действительности.

Несомненно далее, что в происходившей дифференциации монгольского общества XIII ст. расслоение шло по линии наибольшего сосредоточения капитала, т. е. в данном случае поголовья скота в руках, главным образом, «людей свободного состояния», а также и на периферии этого возникавшего класса: в руках отдельных крепостных владельцев и простых аратов. Эти группы одинаково уже осуществляли экономическую эксплоа-

[1] П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Тр. членов Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 215.

тацию ниже и рядом стоящих общественных групп, как и одинаково были заинтересованы в должной организации сбыта излишков своего скотоводческого хозяйства. Они-то и тянули в сторону ликвидации удельно-родового дробления и связанных с ним смут и беспорядков на торговых путях.

Биография Чингис-хана начинается описанием разгрома, который учинило родственное племя тайджиутов, угнав скот и крепостных у матери его, вдовы Огелен, оставшейся после мужа с пятерыми детьми. Чингису тогда было всего девять лет. Затем, еще в юности он много пострадал от феодальных смут, пока сам, с подобранной дружиной молодцов из зажиточных аратов, не добыл себе состояния силою оружия. И чисто личные и имущественные интересы заглушали в Чингисе его родовые симпатии наследственного боярина и повелительно толкали его навстречу интересам возникающего прототипа класса сельской буржуази, которая сама, вместе с другими экономически близкими группами, стремилась к объединению, «под сильной рукой» для наилучшей защиты своих экономических интересов.

Надо при этом добавить, что социальный термин «utu duri-yin güün», трижды засвидетельствованный в Юань чао би ши, доселе никем, кроме Кафарова, не был отмечен, в работе Б. Я. Владимирцова не принят во внимание и, вообще, в монголоведении не учтен и не исследован. В словаре Erich Haenisch'a (стр. 39 и 167) «utu duri-yin güün» или «duri-yin güün» поясняется как 'люди из простого народа', 'простонародье'.

Эпоха Чингис-хана прекрасно характеризуется в монгольском народном сознании любопытной легендой, записанной в поздней монгольской летописи. Брат Чингиса, Бельгутай, в бою спас его, усадив на чужого коня. Однако за то, что Бельгутай подсаживал государя левой, а не правой рукой, Чингис-хан приказал запречь Бельгутая, вместо лошади или осла, в арбу, а простого человека, на чьей лошади он спасся, пожаловал дархатством. Услыхав, что братья Бельгутай и Хасар резко осуждают такое его неправосудие, Чингис-хан решил «смирить их гордость» (omoγ-i daruγuluγa) и явился к ним под видом убогого странника, предлагая купить у него старинный лук. Те поиздевались и над стариком и над его луком, однако не сумели даже и тетивы этого лука натянуть, а старик на их глазах так пустил из него стрелу, что насквозь пронзил скалу. И уходя проворчал: «Yeke ögületele — yeke ömkü, gelē!» Братья тотчас сообразили, что это был sülde (дух-покровитель Чингиса) и с той поры прекратили свои пересуды. Иносказание легенды прозрачно. Никто, кроме Чингиса, не в состоянии был так натянуть тугие бразды единодержавия, чтобы пробить скалу удельного многовластия путем обуздания прежде всего знатнейших князей, вроде братьев самого кагана. Их непочтительность к своему кагану, по мысли легенды, наказана справедливым уничижением их боярской спеси: «Чем больно величаться — побольше жуй».[1]

Таким образом поэма о Чингис-хане и Чжамухе, как ни синкретична она по своему содержанию и композиции, все же является точным отра-

[1] Altan tobči, текст Г. Гомбаева. Тр. Вост. отд. Археол. общ., т. VI, СПб., 1858, стр. 19—20.

жением современных ей социально-политических отношений в зарождавшихся исторических классах монгольского общества XIII в. Мы должны быть уверены, что и две другие монгольские эпопеи также отражают современные им исторические условия и по ним могут быть, следовательно, достаточно точно приурочены к определенным историческим периодам.

Монгольские летописцы единогласно объясняют падение Юаньской династии денационализацией правивших в Китае слоев монгольского общества. В действительности, это явление было, конечно, только одной из многих причин, хотя, возможно, и главнейшей. Денационализацию эту монгольские историки приписывают влиянию подавляющей китайской среды, упуская из виду при этом, что в этом же направлении должны были действовать и суровые насильственные меры по искусственному разложению родо-племенных объединений, так энергично начатые еще во времена Чингис-хана.

Единственным оазисом монгольского мира, где разноплеменные объединения не подверглись разгрому, являлся в начале XV в. Ойратский союз, или Джунгария, добровольно, на правах федерации, входившая в состав Юаньского государства. Однако для детального изучения исторического развития Джунгарии мы не располагаем даже и таким самобытным источником, каким для восточных монголов является Начальная летопись 1240 г. Поэтому весьма ограниченные сведения наши о внутреннем строе ойратства почерпываются, главным образом, из монгольских источников, достаточно бедных и притом нередко тенденциозно враждебных.

Основные факты, которые мы здесь можем установить, таковы. Развитие феодального строя у ойратов шло не на развалинах разбитых и разрушенных родоплеменных объединений, как у восточных монголов, а путем врастания в них. К началу XV ст. ойратство представляет мощный союз четырех крупных объединений — «Dörbön χari uḷus», в то время как восточная Монголия лежит во прахе насильственно распыленных еще при Чингис-хане родоплеменных групп с номинальным ханом-изгоем во главе; власть этого кагана редко простирается за пределы своего родового удела. У ойратов же народное сознание своего племенного единства настолько действенно и сильно, что уже в XV в. они выдвигают таких предводителей, как Тогон-тайши и Эсень-хан, которые оказываются в силах не только установить гегемонию ойратства в Монголии, но поднять соединенные силы на борьбу с Китаем. О крепости родового строя у ойратов с особой разительностью свидетельствует факт родового строя, существовавшего у поволжских калмыков до самой Октябрьской революции.

Обращаясь к рассмотрению «Джангариады», этого замечательнейшего памятника ойратско-калмыцкого эпоса, мы прежде всего наблюдаем в нем высоко развитое национальное сознание и готовность сознательной борьбы за национальное самоутверждение. С другой стороны, поэма в таких ярких красках разворачивает картину степного феодального строя и свежих пережитков родового быта, что историческая среда ее возникновения вызывала бы мало сомнений.

Однако первые тексты поэмы, хотя и далекие от точности, впервые открыты лишь в самом начале XIX ст. Вениамином Бергманном в приволжских степях калмыков, и с этим обстоятельством приходится серьезно считаться при разрешении вопроса о месте и времени сложения поэмы о Джангаре.

Первые исследователи памятника, основываясь на калмыцком народном предании, связывали возникновение поэмы с эпохой обратного ухода части поволжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. Таким образом выходило бы, что достаточно было всего около четверти века для того, чтобы сложилось и сцикловалось огромное устно-народное эпическое произведение и глубочайшим образом внедрилось в широкие народные массы. Однако, независимо от малой вероятности подобного допущения, необходимо было бы также предположить, что эпоха разгрома и угасания Ойратского государства, как раз выпадающая на вторую половину XVIII ст., психологически могла быть благоприятной для сложения этой жизнерадостной, полной силы и блеска эпопеи. А такое предположение представлялось бы еще менее правдоподобным.

С другой стороны, наши сведения о зоне распространения «Джангариады», охватывающей всех ойратов как приволжских так и джунгарских, относятся только к началу XX ст., и мы не имеем возможности, с неоспоримыми документами в руках, ответить на вопрос, существовала ли эта поэма у ойратов в Джунгарии до 1630 г. т. е. до переселения торгутского племени ойратов в Приволжье. Не можем оттого еще, что обнаружение поэмы в Джунгарии только теперь — может свидетельствовать и о перенесении ее туда из Приволжья одновременно с возвращением торгутов.

По этим соображениям вопрос о месте и времени сложения поэмы приходится решать путем ближайшего изучения элементов самой поэмы, результаты же этого изучения дают следующие показания:

1) Язык поэмы есть тот самый устно-письменный общеойратский эпический язык, который представлен в эпопеях джунгарских ойратов и который за 300-летнее изолированное пребывание калмыков в Приволжье, среди мощных иноязычных влияний, должен бы был уже значительно деформироваться. Однако обнаруживаемые в «Джангариаде» русские лексические заимствования настолько незначительны да к тому же еще и вызывают сомнение в непосредственном заимствовании (ура, князь, джулук-башмак, ведер), что не могут серьезно учитываться.

2) В поэме исчерпаны главнейшие топонимические элементы Джунгарии: Алтай, Тянь-шань, бассейн верхнего Иртыша, хр. Минрох и т. д.), и при этом замечательно, что в текст не просочилось ни одного географического названия из Приволжья или Приуралья.

3) Вся совокупность эпических персонажей, как то: ханы, нойоны, старшие и младшие богатыри ханской дружины, конюшие, дворецкие, придворные певцы, ткачи, вышивальщицы, шумные поселки «челяди» (цахар) при ставках вельмож — представляют живой сколок феодального быта эпохи его расцвета в Джунгарии.

4) Волшебное царство Бумбайское, страна счастливого богатства и вечной молодости, воспроизводит идеализированную картину Джунгарии с такою свежестью впечатлений и такою полнотою социально-бытовых черт, какие недоступны далеким воспоминаниям на чужбине.

5) Политически поэт мыслит себе Джунгарию как Ойратское четырехцарствие (Dörbön χari ułus), употребляя при этом именно послеюаньскую государственно-правовую формулу для обозначения ойратства, какая принята и в монгольской летописи. При этом ойратство, при внутренней самостоятельности четырех его племенных слагаемых, внешне мыслится настолько единым, что его составные части нигде в поэме не получают конкретного изображения. Совершенно так же, как в позднейшей исторической песне ойратов 1587 г. об отроке ойратском, положившем жизнь свою за родину:

Словно зубья пилы или иглы ежа,
Сомкнутым строем в четыре угла
Вечно ойраты стоят.

Параллельные названия Бумбайской страны (Тангад-Бумбайская, сорок два нойона, семьдесят два далай-хана, четыре правительствующих хана, четыре независимых ойрата) только лишь упоминаются в поэме и привлечены для того только, чтобы подчеркнуть единство ойратского народа при многосоставности его политического строя.

6) Большинство эпических трафаретов «Джангариады» совершенно сближает ее с композицией героических поэм кобдосских ойратов, однако целый ряд трафаретов, чуждых кобдосскому эпосу (например феодально-дружинные присяги, изображения битв) роднит «Джангариаду», с одной стороны, с «Сокровенным сказанием», т. е. с монгольской народной поэзией XIII в., а с другой стороны, и с исторической песнью ойратов конца XVI в.

7) Циклование поэмы, как это показал акад. Б. Я. Владимирцов, прошло, по крайней мере, три стадии, которые, несомненно, предполагают длительные периоды развития, а стало быть, и значительную древность основных элементов поэмы.

Переходя к обсуждению поэзии Джангара со стороны идеологического ее содержания, необходимо, прежде всего, отметить чувство восторженной любви поэта к свой стране и глубокое сознание народного единства ойратства. Этими чувствами в наивысшей мере наделен и воспеваемый в поэме предводитель ойратства мифический хан Джангар, который, во главе дружины своих богатырей, ведет многочисленные и упорные войны в защиту народной независимости ойратства. Все войны Джангара представлены как войны исключительно оборонительные, как войны народные. В свете этой идеи поэмы самое имя героя ее — Джангар — не нуждалось бы более в истолковании его в качестве иранского заимствования («джехан-гир», т. е. 'завоеватель мира'), легко раскрываемое этимологически и на монгольской почве в смысле, приблизительно соответствующем русским: 'колокольчик мой звонкий', 'дорогой', 'любимый', 'родной' от √jingnaχu 'звучать, гре-

меть'. Тем более, что такое понимание, трудно оспоримое этимологически, в то же время раскрывало бы и замысел поэта изобразить именно идеального народного предводителя, близкого народу и родного; не «исторических» Тогона-тайши и не Эсеня, например, а идеального хана с народным прозваньем «Джангар».

Из самой же «Джангариады» усматриваем, что песни ее исполняются рапсодами или джангарчинами на пирах и народных собраниях и что даже вдали от певцов народ слышит их песни, «как будто бы пели возле него и для него».

Таким образом не остается никаких сомнений в том, что «Джангариада» является великим эпическим произведением калмыцкого народа поднявшегося до высоты осознания своего национального единства и необходимости борьбы за национальное самоутверждение. Вместе с тем исследование элементов поэмы приводит к результатам, вполне достаточным для приурочения ее сложения к эпохе наивысшего развития Ойратского союзного государства, которое наблюдаем в эпоху хана Эсеня около 1440 г., т. е. ровно пять веков до нашего времени. Однако древнейшие элементы поэмы, сближающие ее с «Сокровенным сказанием», восходят к эпохе этого памятника, т. е. к первой половине XIII ст.

Остается сказать несколько слов о третьем замечательном памятнике монголо-ойратского творчества — о «Гесериаде», разумея в данном случае не разнообразные и многоязычные народноэпические поэмы о Гесере,[1] как, например, сказания тибетские, монголо-бурятские и пр., а письменный памятник, впервые опубликованный в Китае в 1716 г. и переизданный у нас акад. Я. Шмидтом в 1839 г., а также и параллельные калмыцкие рукописи, представляющие ту же версию «Гесериады». Факт параллельного существования памятника в монголо-уйгурской и калмыцко-заяпандитовской версиях не может не представляться многозначительным даже в том случае, если бы было установлено, что калмыцкая версия является простым переводом с монгольского или тибетского.[2] Во всяком случае, факт литературной традиции памятника на монгольском и калмыцком языках дает основание считать его принадлежностью как монгольской, так и калмыцкой литератур.

Издавая в 1935 г. впервые на русском языке перевод и исследование памятника, я имел в виду показать, что литературная версия памятника представляет искусственную обработку народного эпоса с такой группировкой и концентрацией сюжетов, которая сгущает и подчеркивает его сатирическую направленность против господствующего класса нойоната и высшего ламства или, по современной монгольской терминологии, против черных и желтых феодалов. Как и в «Сокровенном сказании» и в «Джангариаде», здесь также воспевается идеальный предводитель, но уже не грозный единодержец, не борец за национальное самоутверждение, но Гесер — кесарь-каратель социальных неправд, борец за народную социаль-

[1] В особенности рукописи так называемого продолжения поэмы о Гесере, подделанного в буддийском стиле монахами знаменитого Джанджа-хутухты (песни VIII—XV).

[2] Б. Я. Владимирцов, Монгольская литература. Литература востока, вып. II. Изд. «Всемирная литература», СПб., 1920, стр. 118.

ную правду. Воцариться на земле его посылает тэнгрий Хормуста-Ормузд для того, чтобы уничтожить на земле звериный закон пожирания слабых сильными. Поэтому-то он ведет борьбу то с обобщенным в лице Цотон-нойона феодальным крепостничеством, то с ламами-кудесниками, которые откусывают у младенцев языки, то с демонами, засевшими на высоких башнях и заслоняющими от народа свет солнечный, то с осами и вшами социального насилия и политического бесправия.

Мы знаем, что XVII в. является веком торжества и победного шествия по всем монгольским странам самума ламайско-буддийской религии, оседавшего многотысячными монастырями. В восточной Монголии, на ряду с поглощающим наступлением манчжурской династии и китайским колонизационным движением, мы наблюдаем бурный процесс распада и разложения феодализма, который, в союзе с буддийской церковью, изобретает соломинку спасения в подновлении чингисова культа, культа «восьми белых дворцов» (naiman čaγan ordo) в качестве религиозного обоснования державных прав его выродившихся наследников, т. е. тайджиев-крепостников.

Манчжурская династия искусными мерами дробления уделов, усиления влияния буддийской церкви и через нее упрочения своего влияния в Халхе, эффективно содействовала разложению халхасского феодализма. Вместе с тем, объединяя халхасцев под своей гегемонией, манчжурская династия направляла их силы против ойратства.

Джунгария XVII в., еще более сплотившись против надвигающегося национального и политического поглощения манчжуро-китайским деспотизмом при помощи Халхи, обратившейся в вассала манчжурского дома, выдвинула в 40-х годах крупнейших политических и военных деятелей в лице Батур-хун-тайджи, Хо-Öрлöка и буддийского схоласта Зая-пандиты. В 1640 г. Батур-хун-тайджи попытался заключить с большинством халхасских чингисханидов договор, который мы назвали бы теперь договором о ненападении и взаимной помощи, но скоро же убедился, что предприятие это не имеет никаких перспектив, так как вслед за первенствующим аймаком Дзасакту-хана и верховным главою халхасской церкви все халхасские князья один за другим впрягаются в колесницу манчжурской династии.

Желая обеспечить себе глубокий тыл, Батур-хун-тайджи двинул сильное ойратское племя торгутов, во главе с ханом Хо-Öрлöком, через казахские степи в пределы Приуралья и Приволжья, а сам стал подготовлять силы для военной борьбы с халха-манчжурами. Зая-пандита становится во главе ойратского националистического движения и в 1648 г. создает на базе уйгурской свою особую ойратскую письменность и в короткий срок, при помощи большой группы своих фанатических сотрудников, кладет начало своей национальной ойратской литературе. С этого времени ойратство как бы отмежевывается от халхасцев и других монгольских народов.

Вторая половина XVII ст. открывается длиннейшей почти столетней цепью войн ойратства с халха-манчжурами, начатых ойратским предводителем Галдан-Бошокту, сыном Батура-хун-тайджия, за независимость Джунгарии; однако ойратские феодалы, руководившие этими войнами,

внесли в дело национальной борьбы своекорыстные цели и задачи и превратили их в кровавые междуусобия, бросая массы народа то на взаимное истребление внутри самой Джунгарии, то на братоубийственную бойню с халхасами из-за личных интересов феодалов, которые они пытались прикрыть лозунгами народного дела. Поглощение Халхи и полный разгром Джунгарии были плодом этих войн, который достался в руки третьего радующегося, т. е. манчжурской династии. Но плодом этих же феодальных смут и войн явилась поэма о герое социальной правды Гесере, которая созрела в сознании широких монголо-ойратских масс, до конца постигших социальную природу господствующих классов и тогда уже начинавших прозревать приближение социальной правды и приход ее вождей.

Таким образом, переходя от вершины к вершине этих мощных творений гения монгольских народов, от идеи предводителя единодержца, Чингисхана, к идее Джангара как героического борца за национальную независимость и, наконец, к идее Гесера как прозреваемого вождя социальной правды, мы можем с высоты этих прекрасных произведений монгольского народного искусства ясно обозревать во всей их социально-политической среде пути развития исторического процесса, как равно и пути развития литературы монгольских народов.

После того как установлена в общих чертах историческая обстановка сложения своеобразной монгольской эпической трилогии о Темучжине, Джангаре и Гесере, создававшейся монгольскими народами в течение 700 лет, становится ясным, что все эти три поэмы могут и должны быть рассматриваемы во взаимной связи по следующим основаниям.

Во-первых, все три памятника являются произведениями единой вначале монгольской литературы, несмотря на то, что поэма о Джангаре есть произведение устного народного творчества. Во-вторых, все они представляют живые сколки с современной им исторической действительности и, следовательно, отражают отдельные моменты единого исторического процесса, так или иначе связавшего воедино судьбы различных монгольских народов. В-третьих, все эти памятники, независимо от случайного факта заключения двух из них в письменную форму и «бесписьменного», так сказать, пребывания третьего, являются, прежде всего, именно памятниками устного народного творчества, равно реализованными сначала в «неписанном литературном» языке монгольского эпоса. В-четвертых, памятники эти генетически связаны между собою не только родством, так сказать, историческим, но и родством чисто литературным. Наконец, в-пятых, художественная пластичность и законченность образов этой эпической трилогии ярко и сознательно выражает основные народные идеи эпох сложения отдельных памятников.

Отдавая себе полный отчет в том, что художественная характеристика этих произведений, в меру их исключительного значения, должна бы служить для каждого из них предметом большого исследования, в дальнейшем изложении я должен буду, по необходимости, свести эту характеристику

к самой общей схеме с тем, чтобы показать, что и анализ художественных образов трилогии, как и анализ отражаемых в ней исторических моментов, приводит к тем же самым выводам, а именно: в поэме о Темучжине-Чингисхане выражена монгольская народная идея XIII в. о предводителе-единодержце, в Джангаре — народные чаяния ойратства XV в. о герое-борце за национальное самоутверждение, и, наконец, в Гесере — порожденная смутами и междоусобиями XVII в. идея о народном герое, борющемся за социальную правду.

Необходимо, однако, еще раз коснуться общей характеристики монгольских источников, имея в виду, с одной стороны, «литературность» монгольского эпоса и, с другой стороны, «эпичность» самобытной монгольской литературы.

Монгольский народный эпос сложился и окреп задолго, разумеется, до образования Монгольского государства и, вместе с ним, монгольской письменности и литературы. Однако, при изолированности и разобщенности монгольских родовых и племенных объединений, эпос этот первоначально должен был носить все черты эпоса местного, родо-племенного, и реализоваться только в местных же диалектах. Выйдя с созданием общемонгольского государства на обновленные, упорядоченные и охраняемые исторические пути, связывавшие центральноазиатские нагорья и гобийские степи с Китаем, Туркестаном, Тибетом и Сибирью, монгольский народный эпос неизбежно должен был в процессе этого движения нивелироваться, утрачивать свои местные диалектические черты и принимать характер надплеменного эпоса, создавая при этом, в путях бессознательного языкового творчества, особый сверхдиалект, специфический общемонгольский κοινή, обработанный до степени общемонгольского «литературного» языка, который был готов уже влиться в письменные, «литературные» формы. В первом же памятнике монгольской литературы, каким является «Сокровенное сказание 1240 г.», мы и присутствуем при самом процессе этого оформления эпоса в литературу, так как уже при самом поверхностном анализе памятника наблюдаем, что слагается он едва ли не целиком и полностью из фрагментов устного народного творчества, начиная с пословиц и поговорок и кончая историческими песнями и былинами.

Навстречу этому бессознательному процессу сложения общемонгольского эпоса и общемонгольского сверхдиалекта, с полной в данном случае очевидностью принимаемого в основу письменно-литературного языка, идет уже вполне сознательный процесс, обусловленный при этом различными причинами социально-политического порядка, процесс создания такой общемонгольской письменности, которая удобнее всего могла бы стать таким же письменным общеплеменным κοινή, каким явился и созданный устно-эпический общеплеменной сверхдиалект.

В длительной, более чем 100-летней борьбе за утверждение диалектного («ясного») или сверхдиалектного («неясного», т. е. условного) письма одержала верх письменность κοινή — уйгуро-монгольская письменность. «Худшая» из всех конкурировавших письменностей (китайской, квадратной и уйгурской), худшая в смысле отсутствия в ней должной фонетической

локализации графем, письменность эта, по своей полифонности и условности произношения письменных знаков, являлась наиболее приемлемой для всех монгольских диалектов, так как только она открывала возможность каждому диалекту фонетически оформлять чтение по-своему при единой графической системе для всех монгольских народов. Эта единая письменность, в свою очередь, питала, поддерживала и укрепляла процесс создания единого эпического языка устной народной поэзии. Таким образом элемент сознательности в выборе графической системы выступает с полной ясностью.

В итоге исследования социально-исторической обстановки, отраженной в монгольском эпосе, необходимо было притти к заключению, что «Сокровенное сказание», как эпическая поэма о Темучжине-Чингис-хане отображает борьбу нарождавшегося в восточной Монголии уже в начале XIII ст. прототипа класса деревенской буржуазии (utu duriyin güün) с родовыми князьями и пережитками родового строя, борьбу за сплочение родоплеменных групп в единое государственное целое и за создание сильной централизованной власти прежде всего для организации военной охраны путей, необходимых для развивавшейся торговли.

Поэма о Джангаре, во всех своих элементах, представляет яркое и живое отображение расцвета и силы ойратского феодального строя первой половины XV ст., когда Ойратское четырехцарствие сложилось уже в крепкое кочевое государство и, осознав свое национальное единство и силу свою среди раздробленных после крушения юаньской державы монгольских племен, должно было начать борьбу за свою национальную независимость. Этой независимости угрожали тогда величайшие опасности как с востока от китайско-манчжурской лавины, так и с запада от сильных казахских племен. Современные народные лозунги о национальном сплочении и стойкой борьбе за национальную независимость и нашли свое выражение в народной эпической поэме о Джангаре и его богатырях, в которой воспеваются родина ойратов и борьба за нее народных героев — богатырей во главе с идеальным ханом Джангаром.

Во второй половине XVIII ст. резко обозначились вырождение и развал ойратского феодального строя и, вместе с ним, перерастание войн, вначале освободительных национальных, в междуусобные бойни, руководимые своекорыстными интересами обособившихся феодальных деспотов. Народный монгольский эпос отразил эту эпоху в своей полународной, полукнижной поэме о Гесере — искоренителе социальных бед, из коих первым злом является звериный феодальный закон «пожирания слабых сильными».

Как «Сокровенное сказание», так и «Гесериада» несмотря на явные следы некоторой искусственности, выражающейся в концентрации и переработке сюжетов устного эпоса при письменном его оформлении, являются все же в полной мере произведениями монгольского народного эпоса.

Обращаясь к вопросу о том, в какой мере эти идеи монгольского эпоса находят должную полноту своего художественного выражения в образах главнейших его героев, а также о том, в каких именно элементах проявляется генетическое родство главнейших памятников эпоса, необходимо остановиться на следующих данных.

«Сокровенное сказание» в той редакции, которая дошла до нас, возможно представляет сокращенный извод несколько более древнего общегосударственного засекреченного свода, который был известен под именем «Altan Debter» и представлял, очевидно, официальный летописный свод юаньской династии. Кроме того, характерной особенностью этого памятника является строго ограниченный отбор из цикла народных былин, легенд и сказаний о Чингис-хане.

Внешний облик Темучжина схвачен в следующих общих чертах. Покровитель юноши Темучжина в тайджиутском плену, Сорхон-Шира, говорит ему: За то, видно, ты и не мил своим братьям, что у тебя

Во взгляде огонь,
А лицо что заря —
Nidün-dür-iyen γaltu,
Niγur-tur-iyen gere tü. (§ 82)

Или в изображении Найманского побоища: «Спрашивал тут Таян-хан найманский у Чжамухи: А кто же это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол? Отвечал ему Чжамуха:

Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин,
Снизу до верха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это — мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец. (§ 195)

Зато характер Темучжина обрисован в эпосе обильными и всегда существенными штрихами, раскрывающими его личность в самых разнообразных условиях и в различные поры его жизни. Так, отмечается с виду незначительный эпизод из жизни 9-летнего мальчика Темучжина, когда отец оставил его нареченным зятем в доме Дэй-Сечена. Есугей настойчиво предупреждает Дэй-Сечена о том, что мальчик очень боится собак, и просит его проявить в этом отношении особенную заботу о ребенке. Для тех, кто жил среди монголов и ежедневно наблюдал, как 4—5-летние монгольские ребята, с отцовской или материнской трубкой в зубах, без малейшего страха, одним взмахом длинного рукава своего халатика разгоняют целые стаи свирепых монгольских собак, спокойно бродят среди табунов полудиких коней или легко ставят на колени верблюда, для тех станет совершенно очевидным, что в данном случае дело шло о совершенно исключительной, болезненно повышенной нервности ребенка. Отсюда станут понятны те почти маниакальные особенности характера Темучжина, которые развились из детской болезненной нервозности и так ярко обрисованы во множестве эпизодов монгольской эпической хроники: бешеная вспыльчивость

(например: приказ казнить Аргасун-Хорчина, данный сгоряча и вскоре же отмененный; обнажение меча на брата Хасара за промах в стрельбе по «зловещей» сове; мрачная подозрительность и ревность: подозрение в измене и Аргасуна, и Хасара и Джочи; расправа с женихом ханши Есуй; заточение Хасара по подозрению в любовной интриге с ханшей Хулан) и вместе с тем ребяческий страх и ужас перед материнскими «назиданиями», подавляющий грозного Чингиса даже и в 50-летнем возрасте. Вообще наши народно-эпические источники дают удивительно яркий, обильный и обладающий всею полнотой внутренней достоверности материал для психологической биографии Чингис-хана, которая не написана как следует еще даже и в хронологическом отношении.

Среди многих других эпизодов религиозную экзальтированность Темучжина хорошо изображает цитированный выше эпизод благодарственной его молитвы горе Бурхан-Халдун за спасение от осаждавших его на этой горе меркитских феодалов.

Известно затем, как усердно замалчивает Рашид-Эддин так простодушно сообщаемый в монгольской хронике-эпосе случай братоубийства, в яростной запальчивости совершенного Чингисом еще в юношеском возрасте. Мать Огелен, почуяв беду, тут же бросает:

«Этот вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился».

И именно в назидание буйному Темучжину она

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

Видно, что на всю жизнь Чингис остался самым нелюбимым сыном у матери и всю жизнь трепетал перед ее гневным укоризненным словом бесстрашный на поле брани Чингис. В семье только отец Есугей больше всех любил, жалел и понимал болезненного Темучжина, называя его своим «единственным сыном» (γaγča köbegün). Но уже в 9-летнем возрасте он лишился отца, который был отравлен из мести феодалами сильнейшего монгольского племени — Татар. Мать и братья всю жизнь чуждались властного, раздражительного и неуравновешенного Темучжина, над которым тяготело семейное предание, будто он и родился-то с кровавым сгустком в руке, в чем усматривалась какая-то страшная, роковая обреченность. Легко представить себе, что̀ творилось в душе юноши Темучжина, острая пытливая мысль которого, видимо, была надолго прикована к этому зловещему предзнаменованию и претворила его, наконец, в предопределение свыше о его особой миссии на земле. События детства и юности вскоре же дали созреть и оформиться этой вере в свое особое предназначение, показав со всею ясностью, в чем именно оно заключается и какие пути ведут к его осуществлению. Эпос-хроника рассказывает, как у праха отца

Темучжин «пал ниц на землю и горько рыдал и скорбел, а хонхотанский старец Чарха, утешая его, говорил:

Зачем, словно с грохотом ныряющая
Рыба кит, ты убиваешься?
Разве не уговорились мы об укреплении твоих
войск-тухурга?
Зачем, словно рыба налим
Потемнев, убиваешься ты?
Разве не уговорились мы об устроении
своего государства?

И от слов старца унялась его скорбь» («Altan tobči nova», § 69).

Так, значит, вот какая миссия суждена ему: организовать войско и с его помощью Монгольское государство. Но как и какими путями итти ему к этой небывало огромной цели? Старец Чарха указал ему только одно средство: укрепить и организовать тот вид охранного войска, который существовал тогда при дворах всех значительных феодалов и назывался охранным войском тухурга или турхауд.

Выполнение Чингисом этих заветов старца и составляет главное содержание деятельности Чингис-хана, как она представлена в «Сокровенном сказании»: в центре внимания его всегда стоят вопросы, связанные с набором и устроением так называемой гвардии или охранного корпуса турхаудов, и представленные в «Сокровенном сказании» целым рядом определяющих его устройство актов и документов и, наконец, гимном в честь гвардии, влагаемым в уста самого Чингис-хана. Наконец, мудрость века, олицетворенная поэтом в старце Чарха, указывала на конечную цель этого, по-новому лишь устрояемого, института турхаудов — создание единодержавного Монгольского государства, а сама жизнь указала Чингису, по какому пути следует итти для достижения этой цели.

Родичи, тайджиутские князья-феодалы, чуя в необыкновенном мальчике Темучжине птенца высокого полета и не дожидаясь поэтому пока он оперится, разграбили все имущество вдовы Есугея, а потом и его самого, юношу лет 15, угнали в неволю и заковали в кандалы. При помощи простых людей, так же как и он сам томившихся в неволе у тайджиутских феодалов, Темучжин удачно бежит из плена и тотчас же принимается за поиски добрых молодцев в свою дружину. Пути устроения личной судьбы и выполнения выношенной в себе «особой миссии» вдруг совпали: надо вести борьбу не на жизнь, а на смерть с боярами-феодалами, которые одновременно, в лице сильных племен Тайджиутов и Татар, являются и его личными смертельными врагами и врагами устроения единого и единовластного Монгольского государства; надо разгромить и уничтожить анархию разложившегося феодально-родового строя путем истребления сильнейших его представителей и вместе с тем и личных врагов и подчинить единой власти всех остальных.

Темучжин женился на девушке, с которой еще в детстве соединил его отец. Снова — налет на его дом, на этот раз со стороны меркитских фео-

далов, которые разоряют его имущество и забирают в плен жену и мачеху. И опять и опять нападают то Тайджиуты, то Меркиты, облавой охотясь за Темучжином, словно за диким зверем. Ужасы личной жизни, связанные с разрухой вырождающегося общественного строя, как будто бы действительно по некоему «изволению свыше», обрушиваются с особой силой именно на голову умного и впечатлительного Темучжина, который лучше и скорее всех других был в состоянии понять причину нестроений и найти средства к замене их лучшими порядками, которых жаждут многие и многие из окружающих людей и на него возлагают свои надежды. Но эти люди не из князей и не из бояр, а из среды, главным образом, простых людей, людей «длинной воли», нуждавшихся в защите и охране своих накопленных личных имуществ и не уживавшихся уже с бесправием феодально-родового многовластия. Эти ужасы личной судьбы закаляют к боям сильную натуру Темучжина и усиливают его веру в помощь и водительство «Вечного синего неба» и «Матери сырой земли Этуген».

При первых же успехах своего оружия, добытых с помощью организованной им дружины турхаудов, Чингис-хан прилагает все усилия к развертыванию ее в особый охранный корпус, который, при возведении его в ханы, достигает уже 10 тыс. человек и, оставаясь, в основном, силой для охраны внутреннего порядка, в то же время является основным ядром построения настоящей армии. При этом Чингис-хану явилась счастливая мысль связать армию, выраставшую в его руках из старого института турхаудов, с другим древнейшим родо-племенным институтом — с родовыми облавами на дикого зверя, который он и на самом деле смелыми, последовательными и энергичными действиями превращает именно в государственный военный институт, так же строго и точно регламентированный, как и самая армия и ее главнейшая часть — корпус турхаудов. Эта идея и твердое ее проведение в жизнь в дальнейшем и явилась основным фактором его победоносного шествия по всем странам тогдашнего мира, из которых громадное большинство даже и в чисто военной культуре стояло значительно выше монголов. Превращенные в военно-государственный институт облавы на дикого зверя, предвосхищая идею маневров, осуществляли их не «потешными» войсками и не с воображаемым «потешным» врагом, а подлинно вооруженной борьбой с подлинным врагом, притом врагом даже более сильным и более опасным, чем сам человек. Мы имеем точные и ясные свидетельства о военных облавах на зверя целыми армейскими соединениями кавалерии и пехоты, которые в труднейших условиях гобийских пустынь и дремучей горной тайги производили операции охвата и окружения зверя на пространстве нескольких сот и даже тысяч километров.[1] В инструкциях Чингис-хана, которые он давал армейской группе Субеетая, отправлявшейся в дальний поход на Россию, содержатся, как это мы видим из полуэпического рассказа «Сокровенного сказания» (§ 199), прежде всего указания на облавные охоты войск, которые, таким образом, с первого же дня похода переходят в наступление на зверя, прежде чем встретят и вступят в бой с войсками настоящего неприятеля. Такое обу-

[1] Г. В. Бернадский. О составе Великой Ясы Чингис-хана. Брюссель, 1939.

чение войска на подлинной и полной всяких опасностей и лишений войне со зверем, прежде всего, почти исключало всякую необходимость в интендантских частях и, следовательно, придавало армии никем не превосходимую подвижность и в то же время закаляло армию наилучшим образом во всех отношениях. Только организованность и строжайшая дисциплина в состоянии принести успех в облавах на дикого зверя. И эти именно качества, отмечавшиеся в монгольском войске всеми современниками, воспитывались в нем сочетанием военного обучения с облавной охотой.

Направление деятельности Чингис-хана на создание сильной, сплоченной и хорошо организованной армии преимущественно из верхних слоев крестьянства, прежде всего, для борьбы с феодалами, для подавления феодалов всех рангов и для создания в своем лице единой независимой, государственной власти с полной ясностью отражено в целом ряде картин и кадров монгольского эпоса. Таковы, например: расправа с крупнейшими феодалами в лице родных братьев Хасара и Бельгутая и наместника ханского, племянника Аргасун-Хорчина («Altan tobči» — Гомбоев), разгром феодально-племенных объединений Тайджиутов, Меркитов, Татар, Кереитов и Найманов; обращение к народу о создании охранного корпуса («Сокровенное сказание»), легенда о ниспослании Чингису чаши с расаяной — питьем могучих («Altan tobči» — Гомбоев) и т. д. Горячее сочувствие поэта в этой титанической борьбе всецело на стороне Чингиса и его «народных», по тогдашним понятиям и обстановке, армий. Поэт саркастически высмеивает при этом неудачливое бунтарство феодальных братьев и собратьев Чингиса, которым не по вкусу пришлась чаша с расаяной («в рот-то попадает, да в глотке застревает»), этим символом высшей власти, пожалованной от народа только ему одному. Со всею душевной теплотой поэт неоднократно в различных образах возвращается к прославлению державных трудов Чингис-хана по созданию Монгольского государства. Таковы, например, приведенные выше «похвалы» Коко-Цоса («Сокровенное сказание»), посмертное слово Чингиса и надгробная ода-мактал Хелегудуя Сунитского («Altan tobči» — Гомбоев).

«В городе Турмегей Богдо-Эдзен тяжело занемог горячкою, и говорил он на исходе своей золотой жизни: слушайте четверо братьев моих, подобные кабарге; слушайте четверо моих сыновей, подобные боевым аргамакам; слушай ты, народ пяти одноцветных и четверых иноплеменных. С великими трудами и скорбями я собирал и поселял свой великий народ. До того я доезживался, что ремни в стременах растягивались, а железо в них распаивалось. И тогда не испытывал я теперешних мук. С великим трудом и скорбями я собирал и поселял свой великий народ, сидя верхом на белой своей яловой кобыле, с козьей дохой в тороках. И тогда не испытывал я теперешних мук».

В уста Хелегудуя Сунитского эпос влагает такую народную память — плач о Чингисе:

Обернувшись крыльями парящего ястреба,
Отшел ты, государь мой.

Ужели стать и тебе, государь мой,
Добычей гремучей телеги?
. . . .
Обернувшись крыльями щебечущей птицы,
Отшел ты, государь мой,
Став поклажей скрипучей телеги.
О рожденный по воле Вечного синего неба,
О государь мой, священный аргамак,
Достиг ты верховных обителей,
Покинув всеязычный великий народ свой.
Там (на севере) на равенстве основанная
держава твоя;
Там на главенстве твоем основанное
государство твое;
Там родная царица и царевичи твои,
Там родная царственная отчизна твоя.
Там держава твоя, воздвигнутая на чистоте,
Там царство твое, воздвигнутое служением.
. . . .
Ужели и прах твой так вот восхочет[1]
Покинуть старых монголов своих
Из-за теплой погоды на Харугун-хане,
Из-за многолюдья Тангутского царства,
Из-за красы ханши-Гурбелджин?

В образе щебечущей птицы (ǰirgekü šibaγun) содержится намек на самое имя Чингиса, которое, по преданию монгольскому, было дано ему оттого, что при рождении появилась какая-то волшебная птица и щебетала над ним так, как будто бы произносила звуки, похожие на ǰinggis ǰinggis.

В филологической дискуссии о происхождении этого имени Б. Я. Владимирцов уже давно указал на тибетскую версию этого имени в форме ǰinggir, встречающуюся также в памятниках квадратного письма и перешедшую в Европу именно в этой форме с начальным ǰ.[2]

Это обстоятельство, на которое обратил мое внимание К. М. Черемисов, позволяет сближать восточномонгольское ǰinggir с калмыцко-ойратским ǰangγar с тем большим основанием и достоверностью, что сама ойратская поэма о Джангаре и во многих поэтических образах и сюжетах и в самом замысле своем сближает образы этих двух народных героев, хотя один из них является мифическим по имени. И у Джангара сиротское детство, и Джангара, как и Чингиса, хотят извести опекуны бояре, и Джангар идет к единодержавию, но только без тяжелой борьбы с феодалами:

[1] Однажды Чингис-хан на три года покинул царство, увлеченный солонгодской царевной. Другой раз, незадолго до смерти, прельстился южным урочищем Мона, отчего, по поверью монголов, и телега с гробом увязла на этом урочище и нельзя ее было сдвинуть с места.

[2] О прозвище «Dayan»-qaγan (Даян-хан). Докл. Акад. Наук, 1924, стр. 119—121. Ср. также: Dr. Georg Huth. Geschichte des Buddhismus, Bd. I, p. 10; Bd. II, p. 16.

последние сами решают покориться ему, как скоро убеждены в бесполезности сопротивления этому отмеченному судьбою юноше в виде всяческих внешних и внутренних примет совершенства.

Сама мудрость народная, в лице богатыря и волхва Алтан-Цэджия, подсказывает князьям-феодалам ойратским добровольно покориться главенству Джангара, рожденного со всеми приметами покорителя мира, чтобы не вынудить его прибегнуть к силе. В эпическом иносказании хорошо отражен исторический факт естественного перерастания ойратского родо-племенного феодализма в феодализм централизованный с сохранением известной автономности за крупнейшими родо-племенными объединениями при военном единовластии стоящего надо всеми хана. При таких условиях устраняются все поводы для междоусобных войн, и хану (Джангару) самим союзом предоставляются заботы об укреплении «державы и веры», разумея под последней простую функцию единой государственной власти.

И когда вступил нойон
В пятое лето жизни своей,
Захватил его в плен Шикширгей,
Завидущий Мэнгун-Шикширгей,
Заложником сделал его.[1]

По приметам мальчика Шикширгей дознается через прорицателей, что Джангару, единственному из всех людей, суждено стать великим ханом, и он решает уничтожить мальчика. Для этого посылает его угнать табун у могучего, вещего Алтан-Цэджия с тем умыслом, что в этом опасном деле Джангар неминуемо погибнет от руки Цэджия. Но Джангар вернулся, хотя и тяжело раненый стрелою Цэджия. Тогда Шикширгей велит жене изрубить мальчика, а сам уезжает из дому. Сын Шикширгея, мальчик Хонгор, упрашивает мать пощадить товарища его игр, и ребята, отправившись по следу Шикширгея, застают его уже в руках Алтан-Цэджия. Хитрый Цэджи, видя неминуемую гибель свою, уговаривает Шикширгея примириться с Джангаром и сообща признать верховенство Джангара, чтобы в качестве первых признавших его получить при дворе Джангара высшие должности:

Только вот этому Джангару богдо
Семь исполнится юных лет,
С ним сравниться не сможет никто,
Силой своей удивит он свет.
Сонмы врагов подавит он.
Имя свое прославит он.
Станут пред ним трепетать враги.
Счастливы станут народы его.
Слушайте, Мэнген-Шикширги:
В эти прекрасные годы его
Пожените на ханше вы,

[1] С. И. Липкин. Джангар, Вступление. Москва, 1940.

Обручите с Ага-Шавдал,
Перейдите пораньше вы,
Первым пойдите в подданство к нему.
Передайте все ханство ему,
Все мирские свои дела,
Все святые свои дела.
И когда великий нойон
Даст блаженство мира стране,
В радости вечной пребудет он,
В изобилии пира в стране, —
Мне тогда поручит нойон,
Мне, Алтан-Цэджи, возглавлять
Правую сторону богатырей.
Сорок мы покорим держав.
В руки свои навеки взяв
Все дела вселенной всей,
В красоте нетленной всей
Бумбы величие распространив —
Воссияет из рода в род.
И в золотом совершенстве тогда, —
В мире, в довольстве, в блаженстве тогда
Заживет могучий народ.[1]

Как видим, изображение первой поры жизни Джангара довольно сходно с эпической биографией юного Темучжина. И там и здесь сиротство и обиды от князей-феодалов, вынужденных, наконец, признать над собою единую ханскую власть свыше одаренного юноши.

В дальнейшем жизненные пути героев расходятся. Темучжин вступает в борьбу с яростно восставшими против его единовластия многочисленными монгольскими феодалами, которые не хотят новых порядков, тогда как Джангар без ропота и борьбы признан всеми и, сплотив вокруг себя пятьдесят два круга дружины богатырей из сыновей ханов, а не так, как чингисов охранный корпус из людей «длинной воли», обращает эту силу не на межплеменные войны, как Темучжин, а на мирное устроение своего цветущего царства и на защиту его от внешних врагов. Любовь к родине, к своей счастливой Бумбайской стране, настолько переполняет душу поэта, что нет песни в поэме, где бы по многу раз не выступали в многочисленных вариантах все те же похвалы Бумбайской стране и ее хану Джангару с дружиной, верным ее стражам и защитникам. Возьмем трафарет вступительного запева к дербетской версии. в переводе С. И. Липкина:

Про землю Джангара так говорят:
Это была Бумбы страна,
Искони так звалась она.
Из коней находились там
Аранзалы одни, говорят.

[1] С. И. Липкин. Джангар, песнь I. Москва, 1940.

Из людей находились там
Исполины одни, говорят,
Сорокаханная это страна,
Обетованная это страна.
После двадцати пяти лет
Не прибавлялись там года,
Не умирали там никогда.
Родина вечной юности там,
Жили до бесконечности там.
Осень была незнакома им
И совсем не знали зим.
Морозов не знали, чтоб холодать
И зим не знали, чтобы страдать.
Ветер слабым веяньем был,
Дождь благоуханьем был.
Рассказывают, было там
Разных людей пятьсот тём,
Размещались они с трудом.
Расстоянье длиной
В пятимесячный трудный путь
Узким было для тьмы такой.
Выпукло, как пуп земли,
Высилась лысая там гора,
Видимая издали.
Там океан Орген-Шартак,
Подобно синему кругу, лежал.
К северу и к югу бежал,
Потоки навстречу друг другу шли.

Или торгутский вариант (песнь I, 1,2): «Гора Орок-ёндон-орза, где полдник полдничают тьмы тем будд. Средоточие земли и неба, сверкает сребробелый Алтай у подножия восхода желтого солнца. Навстречу друг другу струятся воды широкого моря Шартак. Волны его плещут серебром, кораллы и жемчуга у него на поверхности. Цветет оно водяными лилиями-бадма. Кто испил от воды того моря — тот навеки бессмертен, ибо возрождается в стране тридцати трех тэнгриев в тот самый час, когда надлежало б ему умереть.

«От того моря пошло восемь тысяч рек. И бегут они и журчат у каждой двери сорока миллионов подданных песчано-голышевыми реками, испокон веков никогда не замерзая во все четыре времени года. Всем водопой разносят. Студеная река Домбо, водопой самого государя Джангара, подмывая с боку красный яр асуриев, вовек не замерзает во все четыре времени года.

«Коричнево-сизые берега у нее. Тут пускают на волю коней своих его богатыри. Ни летом, ни зимой не вянут, не блекнут там травы. В такт своему колыханью творят они молитву мāни».

Джангара, точно так же, как и Темучжина, с дружиною связывает чувство личной приязни и дружбы, а возведение Джангара на ханский престол, вернее собственно в родоплеменные каганы, делает Джангара всего лишь только «первым среди равных». Точно так же и первое возведение Чингиса в каганы (1206) сопровождается взаимной присягой в верности и помощи, связывающей одинаково обе стороны: и кагана и его избирателей — вассалов. Мы и наблюдаем поэтому, что когда, например, витязь Хонгор признается Джангару в тоске бессемейного одиночества, то этим вынуждает самого хана Джангара тотчас же седлать коня и лично отправляться на поиски невесты для Хонгора. В более позднюю пору, уже при окрепшей ханской власти, Джангар все же обязан лично выступить на помощь своим богатырям, попавшим в трудное положение. Этими чертами хорошо обрисовывается характер и значение ханской власти в Ойратском четырехцарствии, напоминающей именно раннюю пору Чингисова единовластия, еще до образования Монгольского государства, когда власть ханская покоилась более на древнем обычае взаимных феодальных присяг между сеньером и подчиненными ему феодальными владельцами, нежели на личном единовластном авторитете кагана и его военной силе.

Хотя поэт «Джангариады» и наделяет своего героя некоторыми сверхчеловеческими свойствами (способность превращений, вечная юность и мощь, неземное величие), однако мало где он дает этим свойствам проявляться в действительности и этим приемом сводит их до значения обычных эпических гипербол. Напротив, показывая своих героев в живом повседневном действии, поэт на самом деле, а не средствами реплик, отступлений и рассуждений, раскрывает образы героев в таких правдивых, живых и подлинно индивидуальных чертах, что, несмотря на трафаретность некоторых внешних линий, образы героев приобретают всю полноту художественной убедительности, законченности и пластичности.

В Джангаре, как и во всякой живой личности, сочетаются и величие, и слабость, и самоотверженное служение долгу, и отступничество, и мужество и малодушие. «Вечный сирота», или «сирота у веков» (üyeyin önčin), т. е. и в прямом смысле — круглый сирота, и в аллегорическом — единственный во всем монгольском мире борец за национальное утверждение своего бумбайского народа, Джангар однажды покидает свое царство на произвол судьбы и уходит неизвестно куда в поисках за недостающим ему личным счастьем отцовства. Замечательно, что этот сюжет является общим для всех трех монгольских эпических поэм. Таковы: трехлетнее оставление державы Темучжином ради прелестей солонгосской царевны «Altan tobči» — Гомбоев) и отступничество Гесера под очарованием «забвенных» напитков красавицы Аралго-гоа. Из гордости и ложного стыда Джангар не открывает своей личной тайны даже ближним своим богатырям и тем навлекает гибель и порабощение своего народа и любимого народного героя Хонгора. «В некотором царстве, в некотором государстве» у Джангара родился сын-богатырь, и через него бумбайский ясновидец Алтан-Цэджи сумел вывести Джангара из «забвенных» личных утех и напомнить ему о долге защиты родины и спасения ее богатыря. С удвоенной энергией Джангар бросается

на поиски Хонгора даже в самую «седьмую преисподнюю земли» и воскрешает его «зельем» самоотверженного подвига. В блужданьях своих по преисподним могучий и незнающий страха герой Джангар впадает в такую нищету духовную, что и «воробья принимает за помощь», в такое малодушие, что «мышь врагом ему стала».

В изображении героя социальной правды народный поэт прибегает к общечеловеческому сказочному трафарету в виде своего рода дружественного шаржа на подлинного народного героя, иначе говоря дружественного шаржа на себя самого. Однако за гротескным изображением внешнего облика героя ярко выступают и подлинное величие героя и искренняя народная любовь к своему герою. Гесер, этот кесарь социальной правды, который должен родиться по суждению высшей воли для упразднения на земле звериного закона пожирания «слабых сильными», этот Гесер, под именем Дзуру — страдалец, появляется на свет настолько невзрачным и даже уродливым, что и родная мать едва удерживается от искушения живым зарыть в землю «чортово отродье». В дальнейшем не без основания зовется он у друзей ласкательным прозвищем «соплячок», которое в устах вельможных его врагов близко к господскому «хам». Все его шутки и выходки в грубом «простонародном» духе всюду и везде встречают восторженно сочувственный смех толп народных. Эти внешние черты сближают образ Гесера с любимым богатырем Джангара Хонгором — хмельным. Неприглядная бедность — вот удел Гесера в детстве, точно так же как и Темучжина и Джангара. Последних с малолетства пытаются извести князья и бояре, а Гесера — даже и сама мать родная, а потом и ее покровители ламы и нойоны.

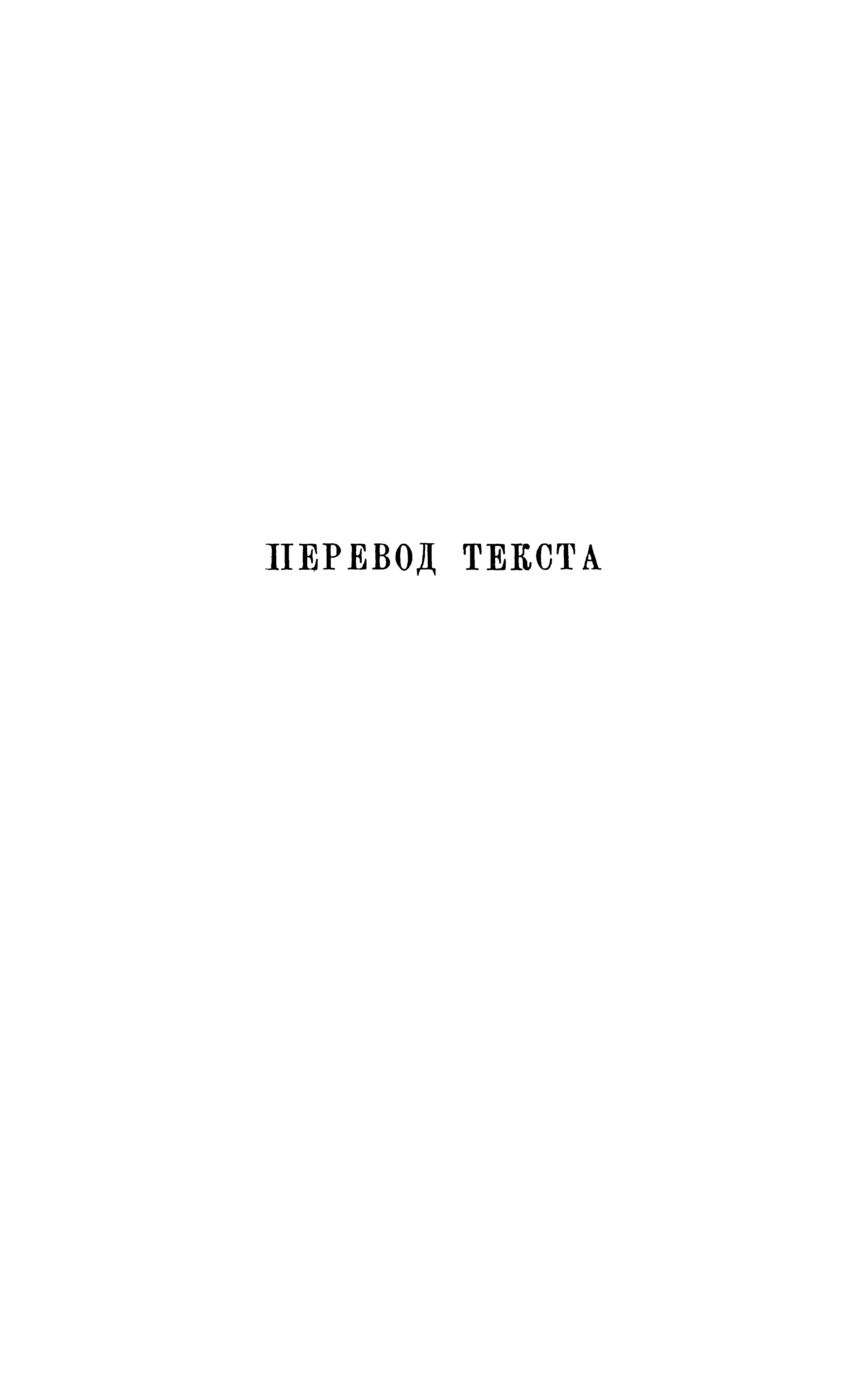
Направляя богатырскую энергию Темучжина и Джангара по пути вооруженной борьбы с внешними врагами, поэт использует все силы Гесера именно на борьбу и словом и хитростью, а подчас и оружием, на борьбу с внутренней социальной нечистью в образе всевозможных гадов и паразитов, и ведет его в этой борьбе от победы к победе. Когда же Гесер, поддавшись «забвенным» чарам, надолго уходит с поля брани, гении-сестрицы пробуждают его и ведут на новые подвиги. Иногда Гесер впадает в слабость потворства прихотям жены — любительницы бесед со «святыми» старцами-ламами, и даже сам решается однажды, по настоятельной просьбе жены, пойти под благословение ламы. Но за это поэт подвергает Гесера жестокой каре: лама превращает Гесера в осла, употребляемого специально для перевозки нечистот.

Гесеровы «хождения по мукам» в различных адских ямах китайского богдохана по сюжету сходны с подобными же пытками Хонгора у мангусова хана и со скитаньями Джангара по преисподним земли.

Можно, наконец, отметить еще целый ряд сюжетных параллелей в обрисовке главных героев всех трех памятников, а также указать на легко сближаемые персонажи и композиционные сходства. Таковы: женитьба Джангара и Гесера с умыканием и даже убийством; молодеческие подвиги

этих героев в виде угонов чужих табунов; типы мудрецов-богатырей Коко-Цоса (в «Сокровенном сказании»), Алтан-Цэджи (в «Джангариаде») и Буйдона-вещего (в «Гесериаде»); богатыри-исполины: Хасар («цепной пес» — в «Сокровенном сказании»), Сабар («звериная лапа» — в «Джангариаде»), Шумар (в «Гесериаде»); богатырские племена: Урууд и Мангуд (в «Сокровенном сказании») и Хонгор Ородский, т. е. Уруудский (в «Джангариаде»); описание найманского побоища (в «Сокровенном сказании») и битвы Санала (в третьей песне «Джангариады» торгутской версии); богатырь «избавитель» Темучжина Сорхон-Шира (в «Сокровенном сказании») и такой же «избавитель» Джангара — богатырь Хонгор (в «Джангариаде»).

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо притти к следующим заключениям: 1) три главнейших памятника монгольского народного эпоса, а именно поэмы о Темучжине, Джангаре и Гесере, с достаточной полнотой отражая в себе современную каждому из них социально-политическую обстановку, непременно обусловлены ею и, следовательно, в полной мере историчны; 2) близкое сходство сюжетов и композиции этих памятников указывают на известную историко-литературную преемственность в монгольском народном эпосе; 3) в художественной целенаправленности образов этих произведений видна сознательная воля поэта-народа выразить господствующие идеи своей поры: в поэме о Чингисе — идею единого Монгольского государства; в «Джангариаде» — идею народно-национального единства ойратов и в «Гесериаде» — народно-демократическую идею об установлении социальной справедливости во всем мире.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА

МОНГОЛЬСКИЙ ОБЫДЕННЫЙ ИЗБОРНИК

I. РОДОСЛОВНАЯ И ДЕТСТВО ТЕМУЧЖИНА (ЧИНГИСА) [1]

§ 1. Предком Чингис-хана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал. Явились они, переплыв Тенгис (внутреннее море). Кочевали у истоков Онон-реки, на Бурхан-халдуне, а потомком их был Бата-Чиган.

§ 2. Сын Бата-Чигана — Тамача. Сын Тамачи — Хоричар-Мерган. Сын Хоричар-Мергана — Аучжам-Бороул. Сын Аучжам-Бороула — Сали-Хачау. Сын Сали-Хачау — Еке-Нидун. Сын Еке-Нидуна — Сим-Сочи. Сим-Сочиев сын — Харчу.

§ 3. Сын Харчу — Борчжигидай-Мерган — был женат на Монголчжин-гоа. Сын Борчжигидай-Мергана — Тороголчжин-Баян — был женат на Борохчин-гоа, имел отрока-слугу, по имени Боролдай-Суялби, да двух скаковых меринов — Дайир и Боро. У Тороголчжина было двое сыновей: Дува-Сохор и Добун-Мерган.

§ 4. У Дува-Сохора был один-единственный глаз, посреди лба, которым он мог видеть на целых три кочевки.

§ 5. Однажды Дува-Сохор, вместе со своим младшим братом Добун-Мерганом, взобрался на Бурхан-халдун. Наблюдая с высоты Бурхан-халдуна, Дува-Сохор усмотрел, что вниз по течению речки Тенгелик подкочевывает какая-то группа людей.

§ 6. И говорит: «Хороша молодица в кибитке крытой повозки среди этих подкочевывающих людей!» И он послал своего младшего брата Добун-Мергана разузнать, намереваясь сосватать ее Добун-Мергану, если окажется, что она незамужняя.

§ 7. Добун-Мерган побывал у тех людей, и в самом деле там оказалась молодица, по имени Алан-гоа, красивая, очень знатного рода и еще даже ни за кого не просватанная.

§ 8. А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бархудай-Мергана, владетеля Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Хорилартай-Мергана, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун.

§ 9. По той причине, что на родине, в Хори-Туматской земле шли взаимные перерекания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями,

[1] Оглавления всех двенадцати разделов даны мною. Родо-племенные названия, следуя П. Кафарову и Б. Я. Владимирцову, в тексте перевода пишутся с большой буквы, если даже они и в форме прилагательных, соответствующих родительному падежу имен. *С. А. К.*

Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род-обок, под названием Хорилар. Прослышав о знаменитых Бурхан-халдунских звероловлях и прекрасных землях, он теперь и пододвигался, оказывается, кочевьями своими к Шинчи-баян-урянхаю, на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-халдуна. Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алан-гоа, дочери Хори-Туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арих-усуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился.

§ 10. Войдя в дом к Добун-Мергану, Алан-гоа родила двух сыновей. То были Бугунотай и Бельгунотай.

§ 11. У старшего же брата, Дува-Сохора, было четыре сына. Тем временем старший его брат Дува-Сохор скончался. После кончины Дува-Сохора, четверо его сыновей, не признавая даже за родственника своего дядю Добун-Мергана и всячески понося его, отделились, покинули его и откочевали. Образовалось особое поколение Дорбен. Отсюда-то и пошло четвероплемение Дорбен-ирген.

§ 12. Однажды, затем, Добун-Мерган взошел поохотиться на возвышенность Тогоцах-ундур. В лесу ему повстречался какой-то Урянхаец, который, зарезав трехлетку-оленя, готовил жаркое из его ребер, из верхних коротких ребер.

§ 13. Добун-Мерган и говорит: «Дружище, дай на жаркое!» «Дам и тебе!» — отвечал тот и, оставив себе шкуру и легочную часть животного, остальное мясо трехлетки-оленя отдал Добун-Мергану.

§ 14. Завьючив оленину Добун-Мерган уехал. По дороге встречается ему какой-то бедняк, который ведет за собою своего сынишку.

§ 15. На вопрос Добун-Мергана, кто он такой, тот отвечал: «Я — Маалих, Баяудаец («богатей»), а живу, как нищий. Удели мне из этой дичины, а я отдам тебе вот этого своего паренька».

§ 16. Тогда Добун-Мерган отделил и отдал ему половину оленьего стегна, а того мальчика увел к себе домой; он-то и стал у него домашним работником.

§ 17. Долго-ли, коротко-ли — Добун-Мерган скончался. После смерти Добун-Мергана, Алан-гоа, будучи безмужней, родила трех сыновей. То были: Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончар-простак.

§ 18. Бельгунотай и Бугунотай, старшие сыновья, родившиеся еще от Добун-Мергана, стали втихомолку говорить про свою мать Алан-гоа: «Вот наша мать родила троих сыновей, а между тем при ней нет ведь ни отцовых братьев, родных или двоюродных, ни мужа. Единственный мужчина в доме — это Маалих, Баяудаец. От него-то, должно быть, и эти три сына». Алан-гоа узнала об этих их тайных пересудах.

§ 19. И вот однажды весной сварила дожелта провяленного впрок барана, посадила рядом своих пятерых сыновей, Бельгунотая Бугунотая, Бугу-Хадаги, Бухату-Салчжи и Бодончара-простака, и дала всем им по одной хворостинке, чтоб они переломили. По одной без труда переломили. Тогда она опять дала им, с просьбой переломить, уже штук по пяти хворостинок, связанных вместе. Все пятеро и хватали сообща и зажимали в кулаках, а сломать все же не смогли.

§ 20. Тогда мать их, Алан-гоа, говорит: «Вы, двое сыновей моих, Бельгунотай да Бугунотай, осуждали меня и говорили между собой: „Родила, мол, вот этих троих сыновей, а от кого эти дети?" Подозрения-то ваши основательны.

§ 21. «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло),[1] входит, бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится,[2] процарапываясь, уходит, словно желтый пес. Что ж болтаете всякий вздор? Ведь если уразуметь все это, то и выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения. Как же вы могли болтать о них как о таких, которые под пару простым смертным? Когда станут они царями царей, ханами над всеми, вот тогда только и уразумеют все это простые люди!»

§ 22. И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: «Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единодушны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?» Долго ли, коротко ли — мать их, Алан-гоа, скончалась.

§ 23. По смерти матери пятеро братьев стали делить между собою имущество. При этом вышло так, что четыре брата — Бельгунотай, Бугунотай, Бугу-Хадаги и Бухату-Салчжи — забрали себе все, а Бодончару совсем не дали его доли, считая его глупым и неотесанным и не признавая даже за родственника.

§ 24. «Раз меня и родней не признают, что мне тут делать?» — сказал Бодончар. Оседлал он Орок-шинхула, со ссадинами на спине, с жидким хвостом, наподобие свистун-стрелы, и пустил его куда глаза глядят вниз по течению Онон-реки. «Умереть, так умереть! Живу быть, так быть живу!» — сказал он. Ехал-ехал и добрался до урочища Балчжун-арал. Тут построил он себе из травы балаган и стал жить-поживать.

§ 25. Стал он тут примечать, как сизая самка сокола ловит и пожирает куропаток. Сделал ловушку из волос хвоста своего голохвостого, со ссадинами на спине, Орок-шинхула, заманил, поймал птицу и стал приручать.

§ 26. Не имея другого пропитания, он стрелял по ущельям загнанных туда волками зверей, а нет — так питался и волчьими объедками. Так он благополучно перезимовал тот год, прокормив и себя и своего сокола.

§ 27. Пришла весна. С прилетом уток он стал запускать на них своего сокола, сперва проморив его голодом. Диких уток и гусей понасадил он: на каждый пень — задние части (хоншиут), а на каждый сук — смрадные части (хуншиут), и столько понавешал, что запах шел.[3]

§ 28. По северному склону гор, из-за темного бора, подкочевало, продвигаясь вниз по течению речки Тунгелик, какое-то родовое колено[4]

[1] Солнце закатилось, а луна еще не взошла.
[2] Луна закатилась, а солнце еще не взошло.
[3] Он — «гузнами на сучки, смердящими — на шестки, так что дух пошел.»
[4] Положение народца (ср.: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй, стр. 66).

болюк. Днем Бодончар стал заходить к ним напиться кумысу, когда случалось пускать своего сокола в их сторону. Ночью же уходил, бывало, на ночлег к себе в травяной шалаш.

§ 29. Когда, случалось, люди те просили у Бодончара его сокола, он никак не давал. А жили между собою так, что у Бодончара не спрашивали, откуда и кто он, а тот взаимно не пытался узнавать, что они за люди.

§ 30. Старший брат его, Бугу-Хадаги, зная, что младший брат, Бодончар-простак, отправился вниз по течению реки Онона, пришел сюда поискать брата. Стал он расспрашивать тех людей, что прибыли сюда, кочуя вниз по речке Тунгелик: не бывал-ли тут такой-то и такой-то человек, на таком-то и таком-то коне?

§ 31. Люди те отвечали: «Тут есть и человек и конь, как раз такие, как ты спрашиваешь. Он соколиный охотник. Каждый день заходит к нам: угостится кумысом и уходит. А ночами где-то ночует. При северо-западном ветре летят сюда, словно снежные хлопья по ветру, пух и перья гусей и уток, пойманных соколом. Должно быть, он здесь недалеко: сейчас подходит время его обычного прихода. Подожди минутку». Так говорили они.

§ 32. Тем часом подъезжает какой-то человек, следуя вверх по течению речки Тунгелик. То и был Бодончар. Как увидел, так сейчас же и признал его старший брат, Бугу-Хадаги. Забрал он брата с собою и пустился рысью вверх по реке Онону.

§ 33. Труся рысцой за братом своим, Бугу-Хадаги, говорит ему Бодончар: «Брат, а брат! Добро человеку быть с головой, а шубе — с воротником». Брат его, Бугу-Хадаги, не понял, к чему эти его слова.

§ 34. Когда он повторил те же самые слова, брат его все же ничего не понял и ничего не сказал ему в ответ. А Бодончар ехал и все повторял одно и то же. Тогда старший его брат говорит: «Что это ты все твердишь одно и то же?»

§ 35. Тогда Бодончар говорит: «Давешние-то люди, что стоят на речке Тунгелик, живут — все равны: нет у них ни мужиков, ни господ; ни головы, ни копыта. Ничтожный народ. Давайте-ка мы их захватим!»

§ 36. «Ладно! — отвечал старший брат. — Но только сначала съездим домой да посоветуемся со всеми братьями, а тогда и пойдем полонить тех людей». Так они беседовали.

§ 37. Воротясь домой, посовещались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара.

§ 38. Идя лобовым, захватил Бодончар в половину беременную женщину: «Кто ты такая?» — спросил он. — «Я, — говорит она, — я из племени Чжарчиут, по имени Аданхан-Урянхачжина».

§ 39. Тогда братья впятером полонили тех людей, и стали те у них слугами-холопами, при табуне и кухне.[1]

§ 40. Бывшая в половине беременности женщина, войдя к Бодончару, родила сына. Так как его считали сыном чужого племени, то и назвали его Чжадарадай. Он и стал предком рода Чжадаран. У того Чжадарана был сын, по имени Тухуудай. Сыном Тухуудая был Бури-Бульчиру, сын Бури-

[1] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй, стр. 68.

Бульчиру — Хара-Хадаан. Сыном Хара-Хадаана был Чжамуха. Таково происхождение рода Чжадаран.

§ 41. Эта женщина родила еще одного сына, уже от Бодончара. И оттого, что происходил он от пленницы, — и сына прозвали Бааридай. Он стал предком рода Бааринцев. Сын Бааридая — Чидухул-Боко. У Чидухул-Боко было много жен. Родилось у него и сынов что-то около этого. Они-то и стали родоначальниками племени Менен-Баарин.

§ 42. Бельгунотай стал родоначальником племени Бельгунот. Бугунотай стал родоначальником племени Бугунот. Бугу-Хатаги стал родоначальником племени Хатаги. Бухуту-Салчжи стал родоначальником племени Салчжиут. Бодончар стал родоначальником поколения Борчжигин.

§ 43. Тот потомок Бодончара, который родился от первой, старшей жены,[1] носил имя Барин-Ширату-Хабичи. Бодончар же еще имел наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданым матери этого самого Хабичи-Баатура. И она произвела на свет одного сына. Имя ему было Чжоуредай. Сначала Чжоуредай пользовался правом участия в родовом жертвоприношении чжугели.

§ 44. Однако по смерти Бодончара этого Чжоуредая отстранили от участия в родовых жертвоприношениях чжугели под тем предлогом, что-де некий Аданха-Урянхадаец был домашним завсегдатаем и что, должно быть, от него-то он и произошел. Он и образовал особое родовое подразделение-обох, под наименованием Чжоуреид и таким образом стал родоначальником Чжоуредцев.

§ 45. Сын Хабичи-Баатура был Менен-Тудун. У Менен-Тудуна было семеро сыновей: Хачи-Кулюк, Хачин, Хачиу, Хачула, Хачиун, Харандай и Начин-Баатур.

§ 46. Сын Хачи-Кулюка, Хайду, по матери происходил от Намолуны. Хачинову же сыну дали имя Ноягидай. Из-за его крайнего чванства (noyanšiγ aburitu)[2] и род его стал прозываться Ноякин. Сына Хачиу звали Барулатай. Ростом он был велик и горазд до еды. Род его прозвали Барулас. Сыновья Хачулы также образовали род Барулас, и из-за жадности обоих братьев к еде пошли родовые прозвища Еке-Барула и Учуган-Барула, а отсюда пошли уже и родовые подразделения Баруласов: Эрдемту Барулас, Тодоен-Барулас и др. Дети Харандая стали родоначальниками племени Будаад-кашников, которое назвали так по той причине, что у них, наподобие перемешанной каши, не было ни старшего, ни главы. У Хачиуна был сын, по имени Адаркидай. Он стал родоначальником племени, прозванного Адаркин-сутяги из-за тех распрей, которые он заводил между братьями. Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд. У Начин-Баатура от первой, старшей жены родились еще Шичжуудай и Дохолодай.

§ 47. У Хайду было три сына: Байшингор-Докшин, Чарахай-Линху и Чаочжин-Ортегай. Сын Байшингор-Докшина — Тумбинай-Сечен. Сыновья Чарахай-Линху — Сенгун-Билге, Амбагай и другие — образовали племя

[1] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 48, прим. 8: aburin eme.
[2] Б. Я. Владимирцов, op. cit., стр. 78.

Тайчиудов. Потомка Чарахай Линху, происшедшего от его снохи, звали Бесутай. Отсюда идет род Бесуд. От сыновей Чаочжин-Ортегая пошли племена: Оронар, Хонхотан, Арулад, Сӧнид, Хабтурхас и Генигес.

§ 48. У Тумбинай-Сечена было два сына: Хабул-хаган и Сим-Сечуле. Сим-Сечулеев сын — Бультегу-Баатур. А у Хабул-хагана было семеро сыновей, а именно: самый старший — Окин-Бархаг, далее Бартан-Баатур, Хутухту-Мунгур, Хутула-хаган, Хулан, Хадаан и самый младший — Тодоен-отчигин.

§ 49. У Окин-Бархага — сын Хутухту-Юрки. У Хутухту-Юрки было два сына: Сече-беки и Тайчу. От них пошло поколение Юркинцев.

§ 50. У Бартан-Баатура было четверо сыновей: Мангету-Киян, Некун-тайчжи, Есугай-Баатур, Даритай-отчигин. Хутухту-Мангуров сын был Бури-Боко. Это он-то и рассек Бельгутаю плечо на пиру в Ононской Дубраве.

§ 51. Сыновья Хутула-хагана — Чжочи, Гирмау и Алтан. У Хулан-Баатура — сын Еке-Церен. Это он был нойо́ном Бадая и Кишлика (сделавшихся впоследствии свободными из рабов), дарханами. Ни Хадаан, ни Тодоен потомства не имели.

§ 52. Всеми Монголами ведал Хабул-хаган. После Хабул-хагана, имевшего семерых сыновей, всеми Монголами стал ведать, по слову Хабул-хагана, сын Сенгун-Бильгея, Амбагай-хаган, хотя Хабул-хаган имел собственных семь сыновей.

§ 53. Однажды Амбагай-хаган лично отправился провожать свою дочь, которую он выдавал в замужество к Татарам из племени Айриуд-Буйрууд, что на реке Уршиун между озерами Буюр-наур и Колен-наур. В это-то время Амбагай-хагана и схватили Татары Чжуинского племени и повезли к Алтан-хагану Китадскому. Тогда Амбагай через посланника своего Балагачи, человека из Бесудского рода, велел передать среднему из семи сыновей Хабул-хагана, Хутуле, с тем, чтобы он, в свою очередь, передал следующее Хадаан-тайчжию из всех десятерых сыновей: «Отомстите за меня, который самолично провожал свою дочь, как всенародный каган и государь народа. Мстите и неустанно воздавайте за меня не только до той поры, что с пяти пальцев ногти потеряете, но и пока всех десяти пальцев не станет».

§ 54. В ту пору, охотясь однажды по реке Онону за птицей, Есугай-Баатур повстречал Меркитского Эке-Чиледу, который ехал со свадьбы, взяв себе девушку из Олхонутского племени. Заглянув в возок и поразившись редкой красотой девушки, он поспешно вернулся домой и привел с собой старшего своего брата, Некун-тайчжия, и младшего — Даритай-отчигина.

§ 55. В виду их приближения, Чиледу испугался, но под ним был скакун Хурдун-хуба. Хлещет он своего хуба по ляжкам, старается скрыться от них за холмами, но те втроем неотступно следуют за ним по пятам. В то время когда Чиледу, объехав мыс, вернулся к своему возку, Оэлун-учжин говорит ему: «Разве ты не разгадал умысла этих людей? По лицам их видно, что дело идет о твоей жизни. Но ведь был бы ты

жив-здоров, девушки же в каждом возке найдутся, жены в каждой кибитке найдутся. Был бы ты жив-здоров, а девицу-жену найдешь. Придется, видно, тебе тем же именем Оэлун назвать девушку с другим именем. Спасайся, поцелуй меня и езжай!» С этими словами она сняла свою рубаху, и когда он, не слезая с коня, потянулся и принял ее, то из-за мыса уже подлетели те трое. Пришпорив своего Хурдун-хуба, Чиледу помчался, убегая от преследования вверх по реке Онону.

§ 56. Трое бросились за ним, но, прогнав его за семь увалов, вернулись. Есугай-Баатур повел за поводья лошадь Оэлун-учжин, старший его брат, Некун-тайчжи, ехал впереди, а младший, Даритай-отчигин, ехал вплотную рядом с ней. Едут они так, а Оэлун-учжин приговаривает: «Батюшка мой, Чиледу!

Кудрей твоих встречный ветер никогда не развевал
В пустынной земле никогда ты не голодал.

Каково-то теперь?» И роняя обе косы свои то на спину, то на грудь, то вперед, то назад так громко она причитала «каково-то теперь уезжаешь?» так громко, что

Онон-река волновалась
В перелесье эхо отдавалось.

Уж близко к дому, стал унимать ее плач Даритай-отчигин:

«Лобызаемый твой много перевалов перевалил,
Оплакиваемый твой много вод перебродил.
Сколько ни голоси, — он не бросится взглянуть на тебя,
Сколько ни ищи, — его и след простыл.

Замолчи уже». Так унимал он ее. Тут же Есугай и взял Оэлун-учжин в дом свой. Вот как произошло умыкание Есугаем Оэлун-учжины.

§ 57. Так как Амбагай-хаган в присланном известии назвал имена Хадаана и Хутулы, то все Монгол-Тайчиуды, собравшись на Ононском урочище Хорхонах-чжубур, поставили хаганом Хутулу. И пошло у Монголов веселие с пирами и плясками. Возведя Хутулу на ханский стол, плясали вокруг развесистого дерева на Хорхонахе. До того доплясались, что, как говорится, «выбоины образовались по бедро, а кучи пыли — по колено».

§ 58. Когда Хутула стал хаганом, Хадаан-тайчжи пошел на обоих Татар. Тринадцать раз он бился у обоих, у Котон-Бараха и у Чжали-Буха, но не мог все же за Амбагай-хагана отмщением отмстить, воздаянием воздать.

§ 59. Тогда-то Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Темучжин-Уге, Хори-Буха и других. Тогда-то ходила на последях беременности Оэлун-учжин, и именно тогда родился Чингис-хаган в урочище Делиун-балдах, на Ононе. А как пришло родиться ему, то родился он, сжимая в правой руке своей запекшийся сгусток крови, величи-

ною в альчик. Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Темучжин-Уге, его и нарекли поэтому Темучжином.

§ 60. От Оэлун-учжины родилось у Есугай-Баатура четверо сыновей: Темучжин, Хасар, Хачиун и Темуге. Родилась и одна дочь, по имени Темулун. Когда Темучжину было девять лет, то Чжочи-Хасару в это время было семь лет, Хачиун-Эльчию — пять лет, Темуге-отчигин был по третьему году, а Темулун — еще в люльке.

§ 61. Когда Темучжину было девять лет, Есугай-Баатур собрался сватать ему невесту у дядей по матери его Оэлун, у ее родни из Олхонутского рода, куда и отправился вместе со своим сыном Темучжином. По дороге, между урочищами Цекцер и Чихургу, повстречал он Хонхирадского Дэй-Сечена.

§ 62. «Куда держишь путь, сват Есугай?» — спрашивает его Дэй-Сечен. — «Я еду, — говорит Есугай-Баатур, — еду сватать невесту вот этому своему сыну у его дядей по матери, у Олхонутского племени». Дэй-Сечен и говорит: «У твоего сынка взгляд — что огонь, а лицо — что заря».

§ 63. «Снился мне, сват Есугай, снился мне этою ночью сон, будто снисшел ко мне на руку белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. По поводу этого своего сна я говорил людям: Солнце и луну можно ведь видеть только лишь взглядом своим; а тут вот прилетел с солнцем и луной в когтях этот сокол и снисшел ко мне на руку, белый спустился. Что-то он предвещает? — подумал лишь я, как вижу: подъезжаешь, сват Есугай, ты со своим сыном. Как случиться такому сну? Не иначе, что это вы — духом своего Киятского племени — являлись во сне моем и предрекали!

§ 64. Мы, Унгиратское племя,
С древних времен знамениты
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью[1] верблюд вороной
Запряжен, и рысью пустили его...
К вам на царское место усадим ее.
Браней не ищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,
В крытый возок уместим,
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогой половиной усадим.
Искони унгиратские жены
Как щит неприступны, а девы—смиренны.
Красотою же дев от жены-унгиратки
Издревле мы знамениты.

§ 65. Отроки наши за степью глядят,
Девы у нас красотой взор пленят.

[1] Казачья телега — арба.

[«Унгиратское племя, с давних времен мы славимся, не имея в том соперников, красотою наших внучек и пригожестью дочерей. Мы к вашему царственному роду своих прекрасноланитных девиц, поместивши в арбу (казачью телегу), запряженную черно-бурым верблюдом и пуская его рысью, доставляем к вам, на ханское ложе. С племенами-народами не спорим. Прекраснолицых дев своих вырастив, в крытый возок поместив и увозя на запряженном сизом верблюде, пристраиваем на высокое ложе, (дражайшей) половиною пристраиваем. С давних времен у нас, Унгиратского племени, жены славны щитом, а девы — кротостью. Славны мы прелестью внучек и красою дочерей. Ребята у нас за кочевьем глядят, а девушки наши на свою красу обращают взоры всех...»]

Зайди ко мне, сват Есугай. Девочка моя — малютка, да свату надо посмотреть». С этими словами Дэй-Сечен проводил его к себе и под локоть ссадил с коня.

§ 66. Взглянул он на дочь его, а лицо у нее — заря, очи — огонь. Увидал он девочку, и запала она ему в душу. Десятилетняя на один год была она старше Темучжина. Звали Борте. Переночевали ночь. На утро стал он сватать дочь. Тогда Дэй-Сечен говорит: «В том ли честь, чтоб отдать после долгих сговоров, да и бесчестье ль в том, чтоб по первому слову отдать? То не женская доля — состариться у родительского порога. Дочку свою согласен отдать. Оставляй своего сынка в зятьях-женихах». Когда дело покончили, Есугай-Баатур говорит: «Страсть боится собак мой малыш! Ты уж, сват, побереги моего мальчика от собак!» С этими словами подарил ему Есугай своего заводного коня, оставил Темучжина в зятьях и поехал.

§ 67. По дороге, в Цекцерской степи — Шира-кеере, пировали Татары. Повстречавшись с ними, Есугай-Баатур решил задержаться на празднике, так как томился жаждой. Татары же, оказывается, его знали. «Это Есугай-Киян явился», — рассуждали они и вспомнили свои старые обиды и счеты. И вот, с умыслом тайно его извести отравой, они подмешали ему яду. Уезжая от них он почувствовал себя дурно, и через трое суток, добравшись домой, сильно занемог.

§ 68. Говорит тогда Есугай-Баатур: «Мне дурно. Есть тут поблизости кто-нибудь?» Ему сказали, что неподалеку находится Мунлик, сын Хонхотанского старца Чарахая. Позвав его к себе, Есугай-Баатур сказал ему: «Дитя мое, Мунлик! Ведь у меня малые ребята. Извели меня тайно Татары, когда я заехал к ним по дороге, устроив в зятья своего Темучжина. Дурно мне. Прими же ты под свое попечение всех своих: и малюток и покидаемых младших братьев, и вдову, и невестку. Дитя мое, Мунлик! Привези ты поскорей моего Темучжина!» Тут он и скончался.

II. ЮНОСТЬ ЧИНГИСА

§ 69. В точности исполняя распоряжение Есугай-Баатура, Мунлик отправился и сказал Дэй-Сечену: «Старший брат Есугай-Баатур очень болеет душой и тоскует по Темучжину. Приехал взять его!» Дэй-Сечен отвечал: «Раз сват так горюет по своем мальчике, то пусть себе съездит, повидается, да и скорехонько сюда». Тогда отец-Мунлик и доставил Темучжина домой.

§ 70. В ту весну обе супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохатай, ездили на кладбище, в «Землю Предков». Оэлун-учжин тоже поехала, но приехала поздно, опоздав при этом не по своей вине. Тогда Оэлун-учжин, обращаясь к Орбай и Сохатай, сказала: «Почему вы заставили меня пропустить и жертвоприношение предкам и тризну с мясом и вином? Не потому ли, что Есугай-Баатур умер, рассуждаете вы, а дети его и вырасти не смогут? Да, видно, вы способны есть на глазах у людей, способны и укочевать без предупреждения!»

§ 71. Ханши же Орбай и Сохатай ей ответили так:

«Хоть бы и позвали, так не стоит давать:
Ешь, что найдется!
Хоть бы и просила, так не стоит давать:
Ешь, что придется!

[«Ты и заслуживаешь того, чтобы тебя не звали (или: позвав, ничего не дали). Тебе и следует есть то, что найдешь (что попадется). Ты и заслуживаешь того, чтобы тебе отказывали даже в просимом. Видно, из-за того, что умер Амбагай-хан, нас может оговаривать даже Оэлун».]

Не потому ли, что скончался Амбагай-хаган, даже и Оэлун смеет с нами так говорить?»

§ 72. Согласно уговору — откочевать, бросив в нутуке этих (Есугаевских) матерей с детьми и уйти, никого из них не взяв с собой, — Таргутай-Кирилтух, Тодоен-Гиртай и прочие Тайчиудцы на другой же день тронулись вниз по реке Онону. Когда они покинули, таким образом, Оэлун-учжин, матерей с детьми и откочевали, Хонхотанский Чарха-ебуген поехал их уговаривать. Но Тодоен отвечал ему: «Тут

Ключевые воды пропали,
Бел-камень треснул!

А ты-то как смеешь отговаривать людей?» — сказал ему Тодоен-Гиртай и при этом сзади кольнул его в спину копьем.

§ 73. Тяжело раненый Чарха-ебуген лежал у себя дома. Когда Темучжин приехал его проведать, Хонхотанский Чарха-ебуген сказал ему: «Я подвергся такой напасти, уговаривая людей, когда те откочевали, захватив с собою весь наш улус, улус собранный твоим благородным родителем». Темучжин уехал от него в слезах. Оэлун-учжин, покинутая народом, сама подняла знамя и выступила. Многих ей удалось воротить, однако и тот возвращенный народ не устоял и снова ушел вслед за Тайчиудцами.

§ 74. Когда же укочевали Тайчиудские братья, покинув в старом кочевьи вдову Оэлун-учжин с малыми детьми, вот как пошло:

Мудрой женой родилась Оэлун.
Малых детей своих вот как растила:
Буденную шапочку покрепче приладит,
Поясом платье повыше подберет,
По Онон-реке вниз и вверх пробежит,

По зернышку с черемухи да яблонь-дичков сберет
И день и ночь своих деток пестует.

* * *

Смелой родилась наша мать-Учжин.
Чад своих благословенных вот как растила:
С лыковым лукошком в степь уйдет,
На варево деткам корней накопает,
Корней судун да корней кичигина.

* * *

Черемухой да луком вскормленные
Доросли до ханского величия.
Корнем чжаухасуна вспоенные
Праведной матери дети
Стали правосудными и мудрыми.

* * *

§ 75. Голым чесноком у матери вскормлены
Поднялись отважными сынами,
Вознеслись высокими сайдами,
Из всех выдались и мужеством и отвагою.

* * *

А обетом себе поставили — мать кормить.
На крутом берегу матушки Онон-реки
Вместе усядутся, друг для друга крючья ладят,
На крючья рыбешку негожую приправливают,
Ленков да хайрюзов выуживают,
Невода ли сплетут, плотву неводят.
С сыновней любовию матушку напитают.

[Оэлун-фужень мудрой женой родилась. Воспитывая своих малых детей, крепко прилаживала рабочую вдовью шапочку, коротко поясом платье подбирала, бегала по Онон-реке и вниз и вверх, по зернышку собирала с диких яблонь и с черемухи, день и ночь кормила.

Смелая (возможно и счастливая, не простая, причастная миру духов) от роду мать-Учжин, пестуя своих благословенных (счастливо-блаженных, августейших) детей, брала с собой лыковое лукошко, копала коренья судуна и кичигине и кормила.

У матери-Учжин черемухой да луком вскормленные дети доросли до ханского достоинства. У праведной матери-Учжин корнями растений вскормленные дети стали и справедливыми, и мудрыми.

Те, которых голым чесноком вскормила прекрасная Учжин, стали отважными сынами, стали высоко вознесенными сайдами-сановниками. А как стали мужами-сайдами, выдавались они мужеством и отвагою.

И дали друг другу слово прокармливать свою мать. Стали сиживать на крутом берегу Онон-матушки, друг для друга стали ладить крючья-удочки. Наживляя негодную рыбешку, стали удить. Притравляя игольные крючья-удочки, стали выуживать ленков да хайрюзов. Сплетая сети-невода, стали вылавливать рыбку-плотвичку. В знак сыновней почтительности стали и сами кормить свою мать.].

§ 76. Таким-то образом сидели однажды на берегу Онона Темучжин, Хасар, Бектер и Бельгутай. И вот на один из закинутых крючьев попалась блестящая рыбка-сохосун. Бектер с Бельгутаем отняли ее у Тему-

чжина с Хасаром. Те пошли домой и стали жаловаться матери, Учжин-эхе: «Братья Бектер с Бельгутаем насильно отобрали у нас блестящую рыбку, которая клюнула на крюк». — «Ах, что мне с вами делать? — говорит им мать Учжин-эхе. — Что это так неладно живете вы со своими братьями! Ведь у нас, как говорится,

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Нам надо думать о том, как бы отплатить за обиду Тайчиудским братьям, а вы в это время так же не согласны между собою, как некогда пятеро сыновей праматери вашей Алан-эхэ. Не смейте так поступать!»

§ 77. Не по вкусу пришлись эти слова Темучжину с Хасаром, и стали они роптать: «Ведь совсем недавно они точно таким же образом отняли у нас жаворонка, подстреленного детской стрелой-годоли; а теперь вот опять отняли! Как же нам быть в согласии?» И, хлопнув дверью, они поспешно ушли. Бектер в это время стерег на холме девять соловых меринов. Темучжин подкрался к нему сзади, а Хасар — спереди. Когда они приблизились, держа наготове свои стрелы, Бектер обратился к ним с такими словами: «Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные Тайчиудскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас

Ресница в глазу
Иль заноза в зубах.

Чего же стóят такие рассуждения, когда у нас

Нет друзей, кроме своих теней,
Нет хлыста, кроме скотского хвоста.

Не разоряйте же моего очага, не губите Бельгутая!» С этими словами он покорно присел на корточки. Темучжин же с Хасаром тут же в упор пронзили его выстрелами спереди и сзади и ушли.

§ 78. Как только они вернулись домой, мать-Учжин сразу же поняла все по лицам обоих своих сыновей: «Душегубцы! — сказала она. — Не даром этот-вот яростно из утробы моей появился на свет, сжимая в руке своей комок запекшейся крови!

Этот-вот видно не даром,
Из чрева яростно вырвавшись,
Сгусток кровавый в руке зажимая,
На свет появился!
Темное дело свое вы свершили
Словно дикие псы,
Что лоно у матки своей прогрызают.
Словно свирепый хаблан,
На скалу налетающий.
Львам вы подобны,

Чью ярость ничто не уймет.
Демонам-змеям, мангусам,[1]
Живьем, говорят, пожирающим.
Или же — кречеты вы:
Те свою тень поражают.
Щуки коварные вы:
Из засады вы жертву глотаете.
Или — верблюжьи самцы:
Верблюженку лодыжки грызете.
Волкам подобны голодным:
Те за добычей в ненастье следят.
Птица турпан пожирает птенцов своих,
Если увлечь за собой их не может.
Смел на защиту трусливый шакал,
Если гнездо его кто потревожит.
Барс не замедлит схватить.
Зря нападает дворняга.
Вот с кем вы сходны в злодействе своем!

[«Вы сгубили его, словно дикие псы, прогрызающие материнскую утробу; словно хаблон (птица ?), бросающийся на скалы даже; словно львы, не могущие унять свою ярость; словно демон-мангус, глотающий живьем; словно кречет, бросающийся на свою собственную тень; словно щука, хватающая исподтишка; словно верблюд, кусающий сгиб задней ноги у своего же одногодовалого верблюженка; словно волк, заглядывающий в ненастный день; словно турпан, пожирающий своих птенцов, когда он не в силах увести их за собой; словно обороняющийся шакал, когда потревожили его логово; словно тигр, не мешкающий в своей хватке; словно дворняга, кидающаяся без разбору... Нет у вас друзей, кроме собственной тени; нет у вас плети, кроме (конского) хвоста...»]

Речь ведь о том, кто вам поможет отмстить Тайчиудцам, раз вы не в силах сами с обидой покончить. У вас же сейчас

Нет дружеской сени, кроме собственной тени,
Нет другого хлыста, кроме хвоста.

О чем же вы думаете, так поступая?» И долго она с великим гневом говорила им,

Древние речи распускала,
Старые слова развивала.

[Вскрывала она, разъясняла (распарывала) старые слова, распространяла древние слова.]

§ 79. Тогда является во главе своей охранной (турхаут) стражи Таргутай-Кирилтух. Он сообразил теперь:

Видно овечки-то, кургашки, облиняли,
Слюни свои подобрали.

Тут матери с детьми и все братья в ужасе бросились прятаться в тайгу. Бельгутай построил укрепление из поваленных деревьев, а Хасар пере-

[1] П. Кафаров переводит — удав; E. Haenisch (p. 16) — исполинский змей.

отреливался с неприятелем. Хачиуна, Темугея и Темулуну спрятали в ущелье, а сами вступили в бой. Тогда Тайчиудцы стали громко кричать им: «Выдайте нам своего старшего брата, Темучжина! Другого нам ничего не надо!» Этим они и побудили Темучжина обратиться в бегство. Заметив, что Темучжин пустился в лес, Тайчиудцы бросились за ним в погоню, но он уже успел пробраться в густую чащу на вершине Тергуне. Не умея туда проникнуть, Тайчиудцы окружили этот бор и стали его сторожить.

§ 80. Проночевал Темучжин трое суток в тайге и решил, наконец, выходить. Взял свою лошадь под уздцы и пошел. Вдруг — неожиданная задержка: с лошади сползло седло. Стал он рассматривать — и видит: седло сползло при туго подтянутой подпруге и нагруднике. Вот так причина задержки. Тогда стал он раздумывать: «Подпруга еще туда-сюда, но как могла сползти также и подгрудная шлея? Не иначе, что само небо меня удерживает». И он вернулся назад и провел в лесу еще трое суток. Решил было опять выходить, как смотрит: у самого выхода из тайги, у самого выхода лежит белый валун-кремень, величиной с походную юрту, и вплотную закрывает выход. «Не ясно ли, — подумал он, — не ясно ли, что само небо меня удерживает». Провел он в лесу еще девять суток, без всякой пищи, и думает: «Ужели довести себя до бесславной смерти? Выйду теперь!» И принялся срезать своим ножом для очинки стрел, срезать деревья, которые не давали прохода, окружая тот белый валун, величиной с юрту, что свалился откуда-то и заслонил проход. Кое-как провел он свою спотыкавшуюся лошадь и уже стал было выходить на прогалину. А Тайчиудцы тут-как-тут, сторожат. Схватили его и повели с собой.

§ 81. Таргутай-Кирилтух привез Темучжина к себе в улус и там подверг его законному наказанию. На ночлег при этом он должен был скитаться из юрты в юрту. 16-го числа Первого летнего месяца, по случаю праздничного дня полнолуния, Тайчиудцы праздновали веселым пиршеством на крутом берегу Онона и расходились, когда уже заходило солнце. На это празднество Темучжина привел какой-то слабосильный парень. Выждав время, когда все праздновавшие разошлись, Темучжин бежал от этого слабосильного парня, вырвавшись у него из рук и всего раз ударив его по голове шейной своей колодкой. Он прилег было в Ононской дубраве, но, опасаясь, как бы его не заметили, скрылся в воду. Он лежал в заводи лицом вверх, а шейную колодку свою пустил плыть вниз по течению.

§ 82. Между тем упустивший его человек громко вопил: «Упустил колодника!» На его крики со всех сторон стали собираться Тайчиудцы. Они тотчас же принялись обыскивать рощу Ононскую: светил месяц, и было светло, как днем. Сулдусский Сорган-Шира проходил как раз мимо того места, где Темучжин лежал в заводи. Он заметил его и говорит: «Вот это дело! За то, видно, ты и не мил своим братцам, что так хитер; что

Во взгляде — огонь,
А лицо — что заря.

Но не робей, так и лежи, а я не выдам!» и проехал дальше. Когда стали уговариваться о дальнейших поисках, Сорган-Шира посоветовал: «Давайте

снова хорошенько обыщем каждый свой участок обратным путем». Все согласились и пошли каждый обратно тем же своим путем, снова тщательно его обыскивая. Вторично проезжая мимо него, говорит Сорган-Шира: «Лежи себе. Неподалеку тут твои братцы точат на тебя свои зубы и языки. Но не робей!», — и поехал дальше.

§ 83. И опять уговариваются они о новых поисках, и опять советует Сорган-Шира: «Сынки Тайчиудцы![1] Среди белого дня вы потеряли целого человека, как же можем мы найти его темною ночью? Давайте напоследок хорошенько просмотрим, на обратном пути, каждый свою долю, да и по домам; а завтра утром опять сойдемся на поиски. Куда может уйти этот человек, с колодкой на шее?» Все согласились и пошли снова повторным поиском. Опять подъехал к нему Сорган-Шира и говорит: «Уговорились кончать поиски, утром будем искать. Теперь ты выжди, когда мы разойдемся, да и беги домой. Если же тебя кто увидит, смотри не проговорись, что я тебя видел». И с этими словами уехал.

§ 84. Выждав пока они разошлись, Темучжин пошел вниз по Онону разыскивать юрту Сорган-Ширая. Он размышлял так: «Еще позавчера, когда мне пришла очередь ночевать тут, ночую я в юрте Сорган-Ширая. Сыновья его Чимбай с Чилауном жалеют меня. Ночью, видя мои мученья, ослабляют колодку и дают возможность прилечь. А теперь вот и Сорган-Шира хоть и заметил меня, а проехал мимо. Не донес. Не спасут ли они меня также и в настоящем положении?»

§ 85. Юрта Сорган-Ширая была приметная: все время переливали молоко и всю ночь до самого рассвета пахтали кумыс. Примета — на слух. Идя поэтому на стук мутовки, он и добрался до юрты. Только он вошел, как Сорган-Шира говорит: «Разве я не велел тебе убираться восвояси? Чего ты пришел?» Тогда оба его сына, Чимбай и Чилаун стали говорить: «Когда хищник загонит малую пташку в чащу, то ведь и чаща сама ее спасает. Как же ты можешь говорить подобные слова человеку, который к нам пришел?» Не одобряя слов своего отца, они сняли с него колодку и сожгли ее на огне, а самого поместили в телегу, нагруженную овечьей шерстью и стоявшую за юртой. Они поручили его заботам своей младшей сестры, по имени Хадаан, строго наказав ей не проговориться об этом деле ни одной живой душе.

§ 86. На третий день, подозревая, что его скрывает кто-нибудь из своих же, стали всех обыскивать. У Сорган-Ширая обыскивали в юрте, в повозках и всюду вплоть до исподов сидений. Забрались потом и в телегу, загруженную овечьей шерстью, позади юрты. Разобрали шерсть сверху и стали уж добираться до дна, как Сорган-Шира говорит: «В такую-то жару как можно усидеть под шерстью?» Тогда люди, производившие обыск, слезли и ушли.

§ 87. Когда обыск окончился, Сорган-Шира говорит Темучжину: «Чуть было не развеял ты меня прахом. Ступай-ка теперь и разыскивай свою мать и братьев!» Он дал Темучжину беломордую рыжую яловую кобылу, сварил двухгодовалого барана, снабдил его бурдюком и боченком,

[1] У В. Я. Владимирцова — «Сыновья Тайчиудские» (Общественный строй, стр. 70).

но не дал ни седла, ни огнива. Дал только лук да пару стрел. С таким снаряжением он его отпустил.

§ 88. Так выступивши, Темучжин добрался до тех мест, где они скрывались в устроенных заграждениях. Следом, по примятой траве, пошел дальше вверх по течению реки Онона. След привел к речке Кимурха, впадающей в Онон с запада. Идя далее тем же следом, он нашел своих в урочище Хорчухуй-болдак, у Кимурхинского мыса Бедер.

§ 89. Соединившись там, они тронулись дальше и расположились кочевьем в Хара-чжируханском Коконуре, у речки Сангур, в глубине урочища Гулельгу, по южному склону Бурхан-халдуна. Там промышляли ловлей тарбаганов и горной крысы-кучугур, чем и кормились.

§ 90. Однажды явились грабители и, на глазах у всех, угнали восемь соловых меринов, находившихся недалеко от юрты. И видели, да ничего не могли поделать: на куцом бегунце савраске Бельгутай уехал на охоту за тарбаганами. После заката солнца приходит Бельгутай, шажком ведя за собой куцого бегунца савраску, с навьюченными на нем тарбаганами. Когда ему рассказали об угоне соловых меринов, Бельгутай говорит: «Я еду в погоню». А Хасар говорит: «Ты не справишься, в погоню отправлюсь я». — «Вам не справиться, — говорит Темучжин. — Погонюсь-ка я». И с этими словами Темучжин сел на саврасого бегунца и поехал по следу, оставленному на траве соловыми меринами. Трижды он ночевал в пути, и вот рано утром встречает на следу, в шалаше при табуне, какого-то молодца, который в это время доил кобылу. На вопросы о соловых меринах парень отвечал: «Сегодня, рано утром, перед восходом солнца, тут действительно прогоняли восемь соловых меринов. След я отведу».[1] И с этими словами он пустил в табун куцого савраску, а Темучжина посадил на белоспинного вороного, Орох-шинхула. Сам же сел на буланого бегунца, Хурдун-хуби. Не заехав даже к себе домой, он бросил в степи свои подойники и бурдюки, кое-как их прикрыв, и говорит: «Друг, ты ведь сильно измаялся в пути, а у добрых молодцев горе-то общее. Поеду-ка я с тобой в товарищах. Мой отец прозывается Наху-Баяном. Я его единственный сын, зовусь Боорчу». И поехали они по следу. На четвертый день пути их, вечером, в ту пору, когда солнце начинает скрываться за горизонтом, они подъехали к куреню какого-то племени и тут увидели восьмерых соловых, которые паслись на краю этого большого куреня. Темучжин и говорит: «Ты, друг, постой здесь, пока я угоню вон тех соловых». — «Я, — отвечал Боорчу, — я ведь пошел с тобой в товарищах. Чего же это я буду стоять тут?» И они бросились вместе и угнали соловых меринов.

§ 91. Вслед за ними один за другим бросаются в погоню люди. Кто-то на белом коне, с укрюком в руке, уже настигает их в одиночку. «Товарищ, — говорит Боорчу, — давай мне лук и стрелы, я буду отстреливаться!» — «Нет, — отвечает Темучжин. — Недоставало, чтобы ты еще из-за меня и погиб. Я сам буду отстреливаться!» И он, обернувшись, начал пускать стрелы назад. Всадник на белом коне приостановился и стал своим укрюком подавать знаки. Тогда задние бросились было к нему вскачь. Но

[1] Специальный термин «отводить след», см. примечание в томе II.

к этому времени солнце уже закатилось и стало темнеть. Застигнутые темнотою, задние приостановились, и отстали все.

§ 92. Ехали они напролет всю ту ночь, ехали потом напролет еще три дня и три ночи, пока наконец не доехали. «Друг, — говорит Темучжин. — Разве я без тебя вернул бы этих своих лошадей? Давай разочтемся. Сколько ты хотел бы?» Но Боорчу отвечал на это: «Ведь я почему поехал с тобой? Потому что видел, как страдает мой добрый товарищ; потому что хотел оказать услугу своему доброму товарищу. Разве я за барышом гнался? Ведь мой отец не зря зовется Наху-Баяном. И я не даром его единственный сын. Я ничего не возьму. Иначе моя услуга — что же это была бы за услуга? Ничего не возьму!»

§ 93. За этим разговором подъехали к юрте Наху-Баяна. А тот уже проливал слезы по своем пропавшем сыне Боорчу. Вдруг тот является Глядя на своего сына, то плачет он, то бранится. А Боорчу говорит: «В чем дело? С горем приехал добрый товарищ, я и съездил с ним в товарищах. А вот и вернулся». С этими словами он слетал в степь и привез припрятанные там бурдюки и подойники. Затем они как следует снарядили Темучжина в дорогу: зарезали на харчи ягненка-кургашку, дали полный бурдюк питья, и говорит тогда Наху-Баян: «Вы оба — молодые ребята. Любите же друг друга и никогда друг друга не покидайте!» Простившись с ними, Темучжин в три ночи и в три дня доехал домой, на речку Сангур. Тем временем и мать Оэлун и Хасар с прочими братьями горевали, не находя себе места. За то и обрадовались, увидав теперь Темучжина.

§ 94. Потом Темучжин, вместе с Бельгутаем, поехал вниз по Келурену разыскивать Дэй-Сеченову Борте-учжину: он не видал ее с тех пор, как побывал у них еще девятилетним мальчиком. Дэй-Сечен, как и все Унгираты, попрежнему оказался между урочищами Чекчер и Чихурху. Увидав Темучжина, Дэй-Сечен очень обрадовался и говорит: «Наконец-то вижу тебя. Я уж совсем было потерял надежду и загоревал, зная, как ненавидят тебя Тайчиудские братцы». Потом, обручив его с Борте-учжин, стал снаряжать проводы. Поехал провожать и сам, воротясь домой с Келуренских Урах-чжолнудов. А жена его, мать Борте-учжины, по имени Цотан, та, провожая свою дочь, доставила ее прямо в семью мужа, когда кочевали на речке Сангур, в глубине урочища Гурельгу.

§ 95. Когда пришло время провожать домой Цотан, то он послал Бельгутая позвать в товарищи и Боорчу. Выслушав Бельгутая, Боорчу даже отцу своему не сказался: сел на своего горбатого савраску, бросил через седло свой серый армяк и явился вместе в Бельгутаем. Вот какие услуги он оказал и вот как стал другом.

§ 96. В то время когда уезжали с речки Сангур и расположились кочевьем на Келурене у подмытого водоворотом яра Бурги-ерги, то Цотан подарила черного соболя доху, в качестве свадебного подношения ее — шидкуль, свекрови своей. Эту свою доху Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, повез к Ван-хану, рассудив так: «Ведь когда-то Ван-хан Кереитский побратался, стал андой с батюшкой Есугай-ханом. А тот, кто доводится андой моему батюшке, все равно что отец мне». И он поехал

к Тульскому Темному Бору — Хара-тун, узнав, что Ван-хан находится там. Приехав к Ван-хану, Темучжин сказал: «Когда-то вы с родителем моим побратались, а стало быть, вместо отца мне; в таком рассуждении я и женился; поэтому я тебе привез свадебный подарок — одежду». И с этими словами он поднес ему соболью доху. Растроганный Ван-хан дал такой ответ:

«За соболью доху отплачу,
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу!
За соболью доху отплачу,
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там».

[«В благодарность за черную соболью доху объединю твой разъединенный улус. В благодарность за соболью доху соберу твой рассеянный улус. Пусть лопатка пойдет к передней части (почетной), а почки — к задней части».]

§ 97. Когда, возвратясь оттуда, находились у подмытых яров, Бурги-эрги, приходит с Бурхан-халдуна старик Урянхадаец, Чжарчиудай, с раздувальным мехом за плечами, и приводит своего сынишку, по имени Чжелме. «Я когда-то поднес вам, — говорил Чжарчиудай, — поднес вам в Делиун-болдохе соболыи пеленки по случаю рождения Темучжина. Тогда же я отдавал вам и вот этого сынка своего, Чжелме, но увел обратно, потому что сказали: маловат. Теперь же отдаю своего Чжелме вот для чего:

Вели ему ко́ней седлать,
Вели ему дверь открывать».

§ 98. Однажды, во время кочевки у Бурги-эрги, в истоках реки Келурена, чуть свет, в ту пору, когда начинает только желтеть воздух, поднялась Хоахчин-эмген, служанка в юрте матери Оэлун, поднялась и говорит: «Поскорее вставай, мать. Слышен топот конский, земля дрожит. Уж не едут ли опять эти неотвязные Тайчиудцы? Тотчас вставай, мать!»

§ 99. Тотчас же встала и мать Оэлун, встала и велит поскорей разбудить ребят. Темучжин и другие ребята тоже не замедлили встать. Поймали лошадей и сели верхом: на одной лошади — Темучжин, на другой — Оэлун-эке, на третьей — Хасар, на четвертой — Хачиун, на пятой — Темуге-отчигин, на шестой — Бельгутай, на седьмой — Боорчу и на восьмой — Чжелме. Темулуну же мать Оэлун держала у себя на руках, у груди. Одну лошадь приспособили в качестве заводной, так что для Борте-учжины не оставалось лошади.

§ 100. Темучжин с братьями тронулись и еще до зари поднялись на Бурхан. Спасая Борте-учжину, Хоахчин-эмген усадила ее в крытый возок, запрягла рябую в почках корову и тронулась вверх по речке Тенгели. Еще темнел бор по северным склонам. Светало. Вдруг навстречу им скачут, озираясь кругом, ратные люди. Подъехали к старухе и спраши-

вают: «Ты кто такая?» — «Я темучжиновская!» — говорит старуха Хоахчин. — «Езжу в большую юрту стричь овец. А сейчас еду домой». — «А Темучжин-то дома? Далеко ль до его юрты?» — спрашивают те. — «Юрта-то его близко, — говорит Хоахчин, — а дома ли он, нет ли, — того не знаю: я выехала с заднего двора».

§ 101. Ратники тотчас ускакали. Тут старуха Хоахчин принялась хлестать, подгонять свою рябобокую корову, да от спешки-то ось тележная и сломалась. Оставшись со сломанной осью, давай они уговариваться пешком пробраться в лес. Как вдруг подлетают к ним вскачь те самые, что и давеча ратники, а с ними Бельгутаева мать, которую вдвоем с одним из них посадили за седло: ноги ее свисали без опоры в стременах. Подлетают: «А в телеге у тебя что?» — спрашивают. — «Везу овечью шерсть!» — отвечает старуха Хоахчин. Тогда военные начальники говорят: «Слезай-ка, ребята, да посмотри!» Ребята слезли и приоткрыли дверцу крытого возка: «Да тут сама госпожа!» — говорят они и выволокли ее. Они посадили ее на коня сундлатом, вдвоем с Хоахчин, и поднялись на Бурхан, идя по следу Темучжина, по примятой траве.

§ 102. По следам Темучжина трижды они обошли Бурхан-халдун, но не могли его поймать. Метались туда и сюда, шли по его следу по таким болотам, по такой чаще, что сытому змею и не проползти. Однако изловить его все же не смогли. Оказывается, то были люди из трех Меркитских родов: Тохтоа из Удууд-Меркитского рода, Даир-Усун из Увас-Меркитского рода и Хаатай-Дармала из Хаат-Меркитского рода. За то, что когда-то у Чиледу была отнята Оэлун-эке, теперь они, в свою очередь, пришли отомстить. «Ну, теперь мы взяли пеню за Оэлун, забрали у них жен. Взяли-таки мы свое!» — сказали Меркиты и, спустившись с Бурхан-халдуна, тронулись по направлению к своим домам.

§ 103. Тогда Темучжин велел Бельгутаю, Боорчу и Чжелме трое суток следовать по пятам за тремя Меркитами, чтобы убедиться, действительно ли они возвращаются домой, или хотят устроить ловушку. Сам же, дав Меркитам подальше углубиться в степь, сошел с Бурхана и, ударяя себя в грудь, сказал:

«А все оттого, что у доброй Хохчин
Кротовые уши видать,
У матушки доброй Хохчин
Хорьковое зренье подстать.

* * *

На тяжко-подъемном коне,
Кляня свою тяжесть вдвойне,
Бродами изюбрей бредя,
Из ивы шалаш городя,
Взошел я на гору Бурхан.

* * *

Но жизнь моя — прах ей цена!
Бурханом изблевана, мне отдана,
Бурханом одним спасена.

* * *

С одним лишь, единым конем,
Одну только жизнь возлюбя,
Бродами сохатых бредя,
Из прутьев шалаш возводя,
Взошел я на гору Халдун.

* * *

Но жизнь моя — капля она!
Халдуна щитом хранена,
Халдуном одним спасена.

* * *

Заутра хваления жертв,
По вся дни молитв он достоин
Во веки и в роды родов».

* * *

Сказал, и на солнце смотря,
С кропленьем молитву творя,
На шею он пояс, как четки, привесил,
А на руку шапку поддел,
И грудь широко распахнув,
Он трижды три крат до земли поклонился.

[«Благодаря тому, что у матушки Хоахчин слух такой, будто она обращается в крота, а зрение такое, будто она обращается в хорька, я, в бегстве ища спасенья своему грузному телу, верхом на неуклюжем коне, бредя оленьими бродами, отдыхая (сооружая) в шалаше из ивовых ветвей, взобрался на (гору) Бурхан.

«На Бурхан-халдуне спас я (отсрочил) вместе с вами жизнь свою, подобную (жизни) вши (или: Бурхан-халдуном изблевана...)

«Жалея одну лишь (единственно) жизнь свою, на одном-единственном коне, бредя лосиными бродами, отдыхая (городя) в шалаше из ветвей, взобрался я на Халдун. Бурхан-халдуном защищена (как щитом) жизнь моя, подобная (жизни) ласточки. Великий ужас я испытал. Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!» И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки повязал на шею свой пояс, за тесьму повесил на руку шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропленье и молитву.]

III. РАЗГРОМ МЕРКИТОВ. НАРЕЧЕНИЕ ТЕМУЧЖИНА ЧИНГИС-ХАНОМ

§ 104. Вскоре после этого Темучжин, вместе с Хасаром и Бельгутаем, отправился в Темный Бор на реке Тууле, к Кереитскому Тоорил Ван-хану и сказал ему: «Внезапно напали на нас три Меркита и полонили

жен и детей. Я пришел просить тебя, хан и отец, спасти моих жен и детей». — «Разве же я, — говорит Тоорил Ван-хан, — разве я в прошлом году не говорил тебе? Вот что сказал я тебе, помнишь, тогда, когда ты, в знак сыновней любви, облачал меня в соболью доху и говорил, что отцовской поры побратим-анда — все равно что отец тебе. Вот что сказал я тогда:

„За соболью доху отплачу:
Твой разбитый народ сколочу,
Соберу, ворочу.
За соболью доху отплачу:
Разбежавшийся люд ворочу,
Полным счетом вручу.
Пусть все станет по местам:
Здесь — почетный; челядь — там“.

Не так ли я сказал? А теперь и сдержу свое слово.

За соболью доху отплачу,
Всех Меркитов мечу я предам,
А Учжину твою ворочу.
За соболью доху отплачу:
Супостатов предам я огню и мечу,
А царицу твою ворочу.

[«За твою соболью доху я соберу для тебя твой рассеянный улус. За черную твою соболью доху я соединю для тебя разлученных людей твоих. Так я говорил и прибавил: пусть же почечная часть идет к заду, а лопаточная (почетная) — к переду. Теперь же, по этим словам своим, в благодарность за соболью доху, я истреблю для тебя всех Меркитов дотла и спасу для тебя твою Борте-учжин. За черную соболью доху, предав огню всех без исключения Меркитов, доставим мы тебе твою Борте, возвратим ее тебе . . .»]

Пошли ты известие Чжамухе. Младший брат Чжамуха находится сейчас в Хорхонах-чжубуре. Я с двумя тьмами выступлю отсюда и буду правым крылом, а Чжамуха со своими двумя тьмами пусть будет левым крылом. Место и время встречи назначает Чжамуха!» — Так он сказал.

§ 105. От Тоорил-хана Темучжин, Хасар и Бельгутай вернулись домой, и уже из дому Темучжин послал к Чжамухе Хасара и Бельгутая, наказав им: «Вот как скажите анде моему Чжамухе:

„Ложе мое — воздух пустой,
Мы ль не единого рода с тобой?
Как же мы кровную месть совершим?
В сердце зияет глубокая рана.
Нам ли с тобою родство не охрана?
Как же свою мы обиду отмстим?“».

[«Ложе мое обращено в пустой воздух. Принадлежа к одной большой семье (родства), разве мы чужие с тобой? Как выместим свою месть? Лоно (грудь) мое ущерблено. Будучи кровной родней, чужие ли мы (друг другу)? Как же воздадим воздаяние свое?»]

Не только это наказывал он передать своему анде Чжамухе, но также и собственные слова Кереитского Тоорил-хана: «Памятуя, что я в свое время был облагодетельствован отцом Есугай-ханом, я буду блюсти дружбу. Со своими двумя тьмами я выступаю правым крылом. Пошли переговорить с младшим братом Чжамухой, не поднимется ли он со своими двумя тьмами. Место же и время встречи пусть назначит сам брат Чжамуха». Выслушав все это, Чжамуха сказал так: «Только услышал я про Темучжина,

Только услышал про друга-анду,
Что воздух пустой — его ложе,
Сердце мое заскорбело.
Только услышал про рану в груди,
Печень моя заболела.
Кровную месть мы свою совершим,
Меркит-Удуит и Увáс истребим,
Милую сердцу Борте возвратим.
Правою местью своей отомстим:
Хáат-Меркитов огню предадим,
Ханшу спасем и домой возвратим.
Плещут чуть слышно попоны коней,
Гром барабанный на бой нас зовет
На Тохтоа, на зачинщика, в Бýра-кеéре.
Длиннотетивные луки волнуются рея.
На супостата, на Дáир-усýна, — скорее.
Орхон с Селенгой где слилися, на остров Талхýн.
Катится по ветру желтый бурьян.[1]
Чуть что — в тайгу, Хаатáй-Дармала.
Ныне в степи Харачжи́ должен быть.
Двинемся ж дружно кратчайшим путем,
Бурный Хилок напрямки перейдем!
Пусть себе знатные бороды гладят...
Наши тем часом плоты свои ладят...[2]
На Тохтоа, на зачинщика-труса,
Бурей внезапною грянем.
В прах обратим и высоких и знатных,[3]
Жен и детей полоним.
Мы их святыни растопчем ногами,[4]
Целым народом в полон уведем».

[«Когда я услыхал, что ложе его обратилось в пустой воздух, сердце (внутри) у меня заболело. Когда узнал я, что лоно его ущербили, печень у меня заболела. Отмщая месть свою и истребив Удуитских и Увасских Меркитов, освободим свою Учжин-Борте. Воздавая свое возмездие, предадим огню всех Хаат-Меркитов и ханшу Борте свою воз-

[1] Перекати-поле — трава.
[2] Или иная трактовка:
Пусть только чáкан (камыш) будет высок —
Свяжем плоты, перейдем мы Хилóк.
[3] Разом почетный заслон сокрушим.
[4] Разом священный заслон разобьем.

вратим — спасем. Теперь, когда у нас похлопывают чепраки (попоны), когда гремят у нас барабаны, задира и трус Тогтога находится, должно быть, в степи Буура. Теперь, когда у нас волнуются длиннотетивные луки, вояка Даир-Усун находится, должно быть, на острове Талхун-арал, у слиянья Орхона и Селенги. Теперь, когда по ветру развевается желтый полынь (перекати-поле), поскорее поспешающий в лес, Хаатай-Дармала находится, должно быть, в степи Харачжи. Теперь, когда напрямик мы пойдем поперек реки Хилхо — пусть в это время будут богаты и благополучны их бороды! — Мы, связав плоты, перейдем. У того беспечного Тогтогая, обрушившись на него прямо через дымовое отверстие, на самое почетное у него налетим и впрах сокрушим. Женщин и детей в полон всех заберем; самое святое у него ногами потопчем, весь народ до конца истребим».]

§ 106. Чжамуха продолжал: «Вот что еще прошу вас передать анде Темучжину и старшему брату Тоорил-хану: „А обо мне скажите, что я

Издали видное знамя свое окропил,
В громко рокочущий свой барабан я ударил,
Кожей обтянут он крепкой,
Кожей быка вороного.
И вороного коня-скакуна оседлал я,
Жесткий походный тулуп свой одел,
Поднял стальное копье высоко,
Дикого персика стрелы наладил.
В битву — скажите — готов я теперь.
В битву с Меркúтом-Хаáтай.
Издали видное знамя свое окропил,
В густо ревущий ударил я свой барабан,
Кожей коровьей обтянут он.
С черною гривой скакун мой оседлан.
Панцырь ремнями прошитый на мне,
Меч с рукоятью высоко я поднял,
Стрелы свои зарубные наладил.
К смертному бою готов я — скажите
К бою с Меркит-Удуúтом.

[«Я уже окропил издали видное знамя свое, я ударил уже в свой барабан, обтянутый кожей черного вола и издающий рассыпчатый звук. Я оседлал своего вороного скакуна, одел свой жесткий тулуп, поднял свое стальное копье. Приладил я свои дикого персика стрелы, и готов я выступить в поход на Хаатай-Меркитов — сразиться. Так скажите. Издали видное длиннодревковое знамя свое окропил я, ударил я в свой густоголосый барабан, обтянутый воловьей кожей. Черноспинного скакуна своего оседлал я, прошитый ремнями свой панцырь одел. С рукоятью меч свой я поднял, приладил я свои стрелы с зарубинами и готов смертным боем биться с Удуит-Меркитами. Так передайте...»]

Пусть Тоорил-хан, мой старший брат, следуя южным склоном Бурхан-халдуна, заедет к анде Темучжину. Местом нашего соединения пусть будет Ботоган-боорчжи, в истоках реки Онона. На пути отсюда, вверх по Онону, есть люди, принадлежащие к улусу анды. Из улуса анды составится одна тьма. Да одна тьма отсюда, всего будет две тьмы. Пойдем вверх по Онону и соединимся в условленном месте, на Ботоган-боорчжи“».

§ 107. Когда, возвратясь домой, Хасар с Бельгутаем пересказали эти слова Чжамухи Темучжину, он послал уведомление Тоорил-хану. Тоорил-хан двинулся в поход. Темучжин в это время находился в урочище Бурги-эрги, но рассчитав, что он окажется как раз на пути его следова-

ния, так как, двигаясь южным склоном Бурхан-халдуна, неминуемо попадет к Бурги-эрги, Темучжин отошел в сторону с дороги[1] и, пройдя вверх по течению речки Тунгелик, расположился по речке Тана, на южном склоне Бурхан-халдуна. Отсюда Темучжин начал поход, и в то время когда одна тьма Тоорил-хана да одна тьма его младшего брата Чжаха-Гамбу, всего две тьмы, стояли лагерем в Аил-хара-голе, на речке Кимурха, он присоединился к ним.

§ 108. Отсюда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу двинулись соединенными силами к истокам реки Онона, в Ботоган-боорчжи. Когда они прибыли туда, оказалось, что Чжамуха прибыл в условленное место тремя днями раньше. При виде этих войск Темучжина, Тоорила и Чжаха-Гамбу, он выстроил в боевой порядок свои две тьмы. Тогда Темучжин, Тоорил-хан и Чжаха-Гамбу так же выстроили и свои войска. Когда сблизились и распознали друг друга, Чжамуха стал говорить: «Разве не было у нас такого уговора, чтоб

И в бурю на свидание
И в дождь на собрание
Приходить без опоздания.

Разве отличается чем от клятвы монгольское да? И разве мы не уговаривались также, что за опоздание

Из строя вон,
Кто бы ни был он».

На эти слова Чжамухи ответил Тоорил-хан: «Волен нас судить и взыскивать с нас младший брат, Чжамуха, за то, что опоздали явкой на три дня!» Тем и покончили пререкания по поводу срока прибытия.

§ 109. Они выступили из Ботоган-боорчжи и достигли реки Килхо. На связанных плотах переправились через реку, и в степи Буура-кеере ударили на Тохтоа-беки.

Бурей внезапной нагрянули.
Разом заставу почестную сбили,
Жен и детей у него полонили.
Разом святую заставу смели, —
Для Тохтоа будет много ли, мало ли —
Целый народ мы в полон увели.

[Вторгнувшись через дымник (как снег на голову) и сокрушив главные ворота (запоры, заставы), жен и детей до последнего полонили. Священные врата (запоры, заставы) у него прочь мы снесли, весь улус его дочиста (досуха) полонили.]

Оказалось, что Тохтоа-беки мог быть захвачен во время сна, но его успели предупредить о приближении неприятеля. Предупредили же его, проскакав всю ночь напролет, находившиеся на работе его люди, которые занимались кто рыбной ловлей в реке Килхо, кто ловлей соболей или звериной охотой.

[1] Разминулся с ним.

Будучи, таким образом, предупрежден, Тохтоа, вместе с Увас-Меркитским Даир-Усуном и небольшим числом людей, поспешно бежал вниз по реке Селенге в страну Баргучжинскую.

§ 110. Тою же ночью и весь Меркитский улус в панике бросился бежать вниз по течению реки Селенги, а наши войска ночью же гнали, губили и забирали в плен беглецов. Темучжин же, забегая навстречу бежавшим, все время громко окликал: «Борте, Борте!» А Борте как раз и оказалась среди этих беглецов. Прислушавшись, она узнала голос Темучжина, соскочила с возка и подбегает. Обе женщины, Борте и няня Хоахчин, сразу ухватились за знакомые оброть и поводья Темучжинова коня. Было месячно. Взглянул он на Борте-учжину — и узнал. Обняли они друг друга.[1] В ту же ночь Темучжин послал сказать Тоорил-хану и анде Чжамухе: «Я нашел, что искал. Прекратим же ночное преследование и остановимся здесь». А относительно Меркитских беглецов надобно добавить, что и заночевали они на тех же местах, где ночь застигла их беспорядочное бегство. Вот как произошла встреча Темучжина с Борте-учжин и освобождение ее из Меркитского плена.

§ 111. Как перед тем было рассказано, Меркитский Тохтоа, Увас-Меркитский Даир-Усун и Хаатайский Дармала, эти трое Меркитских вождей, с тремястами людей совершили поход с целью отомстить за то, что некогда Есугай-Баатур отбил Оэлун-эке у Еке-Чиледу, который доводился младшим братом Тохтоа-беки. Тогда они трижды облагали гору Бурхан-халдун для поимки Темучжина и тогда же захватили в плен Борте-учжин. Ее они передали на волю младшего брата Чиледуя, по имени Чильгир-Боко. В его-то воле она все время и находилась. А теперь, спасаясь бегством, он говорил так:

«Черной бы вороне падаль и клевать,
Вздумалось же черной гуся пощипать.
Дурень я, Чильгир, дурнем уродился,
К благородной, к ханше зря я прицепился:
Весь Меркитский род ликом помрачился.
Дурень я, холоп, холопом родился,
Холопской башкою своей поплатился.
Лишь бы только жизнь мне как-нибудь спасти,
Убегу в ущелья — тесные пути.
Где же мне защиту иначе найти?

* * *

Птице-мышелову мышей бы трепать.
Вздумала ж поганая лебедя щипать.
Дурень мешковатый — таким я родился —
К пресветлейшей ханше зря я прилепился:
Весь Меркитский род лицом помрачился.
Дурень я, Чильгир, никчемным родился,

[1] Другое чтение: «Обняли они и озарили друг друга».

Пустою башкою своей поплатился.
Жизнь моя не краше, чем овечий кал,
Но и ту бы надо как-нибудь спасти:
В темные ущелья! Иначе пропал!
Другое убежище где же мне найти?»

* * *

«Черной вороне положено кормиться дерном да корой, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Грубый я мужик, Чильгир! Подцепил себе ханшу Учжин — навлек беду на все Меркитское племя. Простоволосый я мужик, Чильгир! Не поплатиться бы мне своею простоволосой головой. Только бы мне спасти свою жизнь: проберусь-ка в темные ущелья. Где же еще мне найти убежище?

«Поганой птице мышелову-хулду положено кормиться мышами да полевыми грызунами, а она вздумала покушать гусей да журавлей. Смердящий я, Чильгир! Прибрав к рукам священную Учжин, на всех Меркитов навлек я беду. Захудалый я (дрянь мужиченко), Чильгир. Придется, видно, мне поплатиться засохшей своей головой (засохнет). Спасая свою жизнь, такую (по цене, как) овечий помет, заберусь-ка я в зубчатые, мрачные ущелья. Где же еще мне найти убежище?»]

Так приговаривал он, озираясь и убегая во всю прыть.

§ 112. Хаатай-Дармалу поймали, надели ему шейную колодку и повезли к Бурхан-халдуну.

Из досок на шее колоду замкнули,
На гору Халдун молодца потянули.

[Колодки из досок на него надели, в Халдун-бурхан отправили.]

Бельгутаю указали аул, в котором находилась его мать, и он отправился за нею. Но она, в рваном овчинном тулупе ушла через левую половинку двери, в то время как сын входил через правую. Вышла на двор и, обращаясь к посторонним людям, говорит: «Мои сыновья поделались, говорят, ханами, а я тут маюсь около мужика. Как же мне теперь смотреть в глаза своим сыновьям?» И с этими словами она убежала и скрылась в тайге. Сколько ни искали ее, так и не нашли. Тогда Бельгутай возложил возвращение своей матери на ответственность именитых Меркитов, пригрозив костяною стрелою, а тех триста Меркитов, которые совершили внезапный налет на Бурхан, он предал полному истреблению со всей их родней. Оставшихся же после них жен и детей: миловидных и подходящих — забрали в наложницы, а годных стоять при дверях — поставили прислугой, дверниками.

Детей их и жен, после них что остались,
К утехе пригодных в подруги забрали;
Другим же — за дверью сидеть наказали
Затем, что к тому лишь пригодны казались.

[Оставшихся после них жен и детей: миловидных (подходящих для лона) забрали в наложницы (поместили на лоно), а годных только в привратницы поделали привратницами.]

§ 113. И сказал Темучжин благодарственное слово Тоорил-хану и Чжамухе:

«Хан Тоорил и анда Чжамуха дружбу свою доказали.
Небо с землею нам мощь умножали,

Тенгрий могучий призвал,[1] а Земля —
Мать-Этуген — на груди пронесла.
Мужам Меркитским как должно воздав,
В руки свои их наследье прияв,
Лона их в воздух пустой обратя,
Печень и им глубоко ущербили;
Ложа и им в пустоту обратя,
Род мы их весь до конца разорили».

[При дружественной помощи моего хана-отца и Джамухи-анды, умножаемые в силе Небом и Землей, нареченные могучим Тенгрием и споспешествуемые (доставляемые) Матерью Землей (Эке-Этуген), мы, мужам Меркитским в возмездие, в воздух обратили лоно их, ущербили печень у них; в воздух обратили и ложе их, искоренили и родню их мы. А именье их мы сберегли себе».]

Затем, полагая, что довольно покарали Меркитский народ, они порешили возвращаться домой.

§ 114. Когда бежали Удуит-Меркиты, то наши ратники подобрали брошенного в их кочевье пятилетнего мальчика, по имени Кучу. Он был в собольей шапочке, в сапогах из маральих лапок и в шубке, подобранной из беленых обрезков соболиных шкурок. Взгляд у него был, как огонь. Ратники увезли его и поднесли в подарок Оэлун-экэ.

§ 115. Соединенными силами Темучжин, Тоорил-хан и Чжамуха у Меркитов

Крутоверхие юрты разбили,
Знатных красавиц пленили

[Клином сшибли замки у юрт, красавиц для себя забрали знаменитых... (Иначе: снесли их крутоверхие юрты).]

и тронулись с острова Талхун-арала, что у слияния рек Орхона и Селенги. Тоорил-хан взял направление к Тульскому Черному Бору, по северным лесистым склонам Бурхан-халдуна, через урочище Хачаурату-субчит и Уляту-субчит, попутно совершая звериные облавы.

§ 116. Темучжин с Чжамухою сообща расположились на Хорхонах-чжубуре. Стали они вспоминать про свою старую дружбу-побратимство и уговорились еще сильнее углубить свою взаимную любовь. В первый раз ведь они поклялись друг другу быть андами еще когда Темучжину было 11 лет. Чжамуха подарил тогда Темучжину альчик от козули, а Темучжин ему в знак дружбы — свинчатку, и они вместе играли в альчики на льду реки Онона. После этого, когда они весною стреляли из детских луков-алангир, Чжамуха подарил Темучжину свою свистун-стрелу-й о р и, сделанную из двух склеенных рогов бычка двухлетки, с просверленными дырочками, а Темучжин отдарил его детской стрелой-г о д о л и с кипарисовым лобком, и они поклялись друг другу в верности, как анды. Так-то они побратались вторично.

§ 117. Они слышали от старших, что закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности. Уговорившись теперь еще

[1] Нарек.

раз подтвердить свое побратимство, они обменялись подарками. Темучжин опоясал Чжамуху золотым поясом, захваченным у Меркитского Тохтоа, и посадил его на Тохтоаеву кобылу, по прозвищу Эсхель-халиун (Выдра). А Чжамуха опоясал анду Темучжина золотым поясом, добытым у Меркитского Даир-Усуна, и посадил Темучжина на Даир-Усунова же коня Эбертуунгун (Рогатый жеребчик). Затем, на южном склоне Хулдахаркуна, что на урочище Хорхонах-чжубур, под развесистым деревом, они устроили пир по случаю побратимства. Плясали и веселились, а ночью по обычаю спали под одним одеялом.

§ 118. В полном мире и согласии прожил Темучжин с Чжамухой один год и половину другого. И уговорились они откочевать из того нутука, в котором жили, в один и тот же день. Тронулись они 16-го числа, в день полнолуния первого летнего месяца. Темучжин с Чжамухою вместе ехали впереди телег. И говорит Чжамуха: «Друг, друг Темучжин!

Или в горы покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!»

[«Покочуем-ка возле гор — для табунщиков наших шалаш готов. Покочуем-ка возле реки — для овчаров наших в глотку (еда) готова!»]

Не понимая этих слов Чжамухи, Темучжин незаметно поотстал от него и стал поджидать телег, шедших в центре кочевого круга. Как только те подошли, он и говорит матери Оэлун: «Вот что мне сказал анда Чжамуха:

„В горы что ли покочуем? Там
Будет нашим конюхам
Даровой приют!
Или станем у реки?
Тут овечьи пастухи
Вдоволь корм найдут!“.

Не понимая, что он хочет этим сказать, я ему ничего не ответил и думаю себе, спрошу-ка у матушки?» Не успела еще Оэлун-эке слова молвить, как говорит Борте-учжин: «Не даром про анду Чжамуху говорят, что он человек, которому все скоро приедается! Ясно, что давешние слова Чжамухи намекают на нас. Теперь ему стало скучно с нами! Раз так, то нечего останавливаться. Давайте ехать поскорее, отделимся от него и будем ехать всю ночь напролет! Так-то будет лучше».

§ 119. Одобрив совет Борте-учжины, ехали всю ночь без сна. По пути проезжали через Тайчиудские кочевья. Те перепугались и, в ту же ночь поднявшись, откочевали в сторону Чжамухи. В покинутых кочевьях Тайчиудцев и Бесудцев наши подобрали маленького мальчика, по имени Кокочу, и представили его матушке Оэлун, а та приняла его на воспитание.

§ 120. Проехали без сна всю ночь. Рассвело. Осмотрелись — и видим, что к нам подошли следующие племена: из Чжалаиров — три брата Тохурауны: Хачиун-Тохураун, Харахай-Тохураун и Харалдай-Тохураун. Тархудский Хадаан-Далдурхан с братьями, всего пять Тархудов. Сын Мунгету-Кияна — Унгур со своими Чаншиутами и Баяудцами. Из племени Барулас — Хубилай-Худус с братьями. Из племени Манхуд — братья Чжетай и Дохолху-черби. Из племени Арулад выделился и пришел к своему брату, Боорчу, младший его брат, Огелен-черби. Из племени Урянхан выделился и пришел к своему брату, Чжельме, младший его брат, Чаурхан-Субеетай-Баатур. Из племени Бесуд пришли братья Дегай и Кучугур. Пришли также и принадлежавшие Тайчиудцам люди из племени Сульдус, а именно Чильгутай-Таки со своими братьями. Еще из Чжалаиров: Сеце-Домох и Архай-Хасар-Бала со своими сыновьями. Из племени Хонхотан — Сюйкету-черби. Из племени Сукеген — Сукегай-Чжаун, сын Чжегай-Хонгодора. Неудаец Цахаан-Ува. Из племени Олхонут—Кингиядай. Из племени Горлос—Сечиур. Из племени Дорбен — Мочи-Бедуун. Из племени Икирес — Буту, который состоял здесь в зятьях. Из племени Ноякин — Чжунсо. Из племени Оронар — Харачар со своими сыновьями. Кроме того, прибыли одним куренем и Бааринцы: старец Хорчи-Усун и Коко-Цос со своими Менен-Бааринцами.

§ 121. Хорчи сказал: «Мы с Чжамухой происходим от жены, которую имел священный предок Бодончар. Стало быть, у нас, как говорится,

Чрево одно
И сорочка одна.

Мне никак не следовало бы отделяться от Чжамухи. Но было мне ясное откровение. Вот вижу светлорыжая корова. Всё ходит кругом Чжамухи. Рогами раскидала у него юрты на колесах. Хочет забодать и самого Чжамуху, да один рог у нее сломался. Роет и мечет она землю на него и мычит на него — мычит, говорит-приговаривает: „Отдай мой рог!“ А вот вижу комолый рябой вол. Везет он главную юрту на колесах, идет позади Темучжин, идет по большому шляху,[1] а бык ревет-ревет, приговаривает: „Небо с землей сговорились, нарекли Темучжина царем царства. Пусть, говорит, возьмет в управление царство!“ Вот какое откровение явлено глазам моим! Чем же ты, Темучжин, порадуешь меня за откровение, когда станешь государем народа?» — «Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — ответил Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником!» — «Что за счастье стать нойоном-темником для меня, который теперь предрек тебе столь высокий сан! Мало поставить нойоном-темником, ты разреши мне по своей воле набирать первых красавиц в царстве да сделай меня мужем тридцати жен. А кроме того, преклоняй ухо к моим речам». Так он сказал.

§ 122. Пришли к Темучжину еще и следующие. Один курень Генигесцев — Хунан и прочие, одним же куренем — Даритай-отчигин, один курень

[1] Проторенной дороге.

Унчжин-Сахаитов. В ту пору, когда, отделившись и уйдя от Чжамухи, стояли в Аил-харагана, на речке Кимурха, отделились также от Чжамухи и пришли на соединение с нами еще и следующие: одним куренем — Сача-беки и Тайчу, сыновья Чжуркинского Соорхату-Чжурки; одним куренем — Хучар-беки, сын Некун-тайчжия; одним куренем — Алтан-отчигин, сын Хутала-хана. Оттуда передвинулись кочевьем в глубь Гурельгу и расположились близ Коко-наура, по речке Сангур и Хара-чжуркену.

§ 123. Посоветовались между собою Алтан, Хучар, Сача-беки и все прочие и сказали Темучжину: «Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как будем мы поступать:

На врагов передовым отрядом мчаться,
Для тебя всегда стараться
Жен и дев прекрасных добывать,
Юрт, вещей вельмож высоких,
Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статьями знаменитых брать
И тебе их тотчас доставлять.

* * *

От охоты на зверей в горах
Половину для тебя мы станем выделять.
Тех зверей, что водятся в степях,
Брюхо к брюху будем мы сдавать.
А в норах которые живут,
Те стегно к стегну тебе пойдут.

* * *

Кто твоей руки хоть мановенья
На войне ослушаться дерзнет,
Не давай и тени снисхожденья —
От детей и жен им отлученье!
Пусть, как смерд, как твой холоп,
От тебя опалы дальней ждет.

* * *

Кто из нас твой мир нарушит,
Хоть бы мир кругом царил, —
Значит, тем очаг не мил:
От дружины их, от смердов,
От семьи нещадно отрывай,
В земли чуждые далеко отсылай!»

* * *

[«Когда же Темучжин станет ханом, то мы, передовым отрядом преследуя врагов, будем доставлять ему, пригонять ему прекрасных дев и жен, дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жен и девиц, прекрасных статей меринов.

«При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху (сполна), сдавать стянувши стегна.

«В дни сеч, если мы в чем нарушим твой устав, отлучай нас от наших стойбищ, жен и женщин, черные (холопские) головы наши разбросай по земле, по полу.

«В мирные дни, если нарушим твой мир-покой, отлучай нас от наших мужей-холопов, от жен и детей, бросай нас в безхозяйной (безбожной) земле!»]

Так они высказались, такую присягу приняли. Темучжина же нарекли Чингис-хаганом и поставили ханом над собою.

§ 124. По воцарении Чингис-хана приняли обязанность носить колчан: Оголай-черби, младший брат Боорчу, и братья Чжетай и Дохолху-черби. Онгур же, Сюйкету-черби и Хадаан-Далдурхан были поставлены кравчими-бавурчинами, так как они говорили:

«Что утром пить — не заставим ждать,
Что в обед испить — не будем зевать!»

[«Утреннего питья на заставим ждать, об обеденном питье не позабудем!»]

Дегай же сказал:

«Жирного барашка
Супу наварить
Утром не замедлю,
В ужин не забуду.
Не вместить в загоне —
Пестрого барана столько разведу.
Не вместить в хотоне —
Желтого барана столько распложу.
На еду не горд я!
Требухою сыт!»

[«Поутру не упущу я сварить [супу из отборного барана, к ужину (с едой) не опоздаю. Так буду пасти пестрых овец, что все промежутки заполню, так буду пасти бело-желтых овец, что весь загон переполню. Я ведь плохой обжора (лакомка): на попасе овец буду кормиться и требухой!»]

Поэтому Дегаю он поручил заведывать овечьим хозяйством. Младший его брат Гучугур сказал:

«У коляски с замком
И чеке потеряться не дам я.
Я коляску искусной работы
На шляху проведу без изъяна».

[«У замочной телеги — чеки ее не запропащу; телегу с осью на большой дороге (на шляху) не растрясу».]

Ему и было поручено заведывать кочевыми колясками. Додай-черби получил в свое ведение всех домочадцев и слуг. Мечниками, под командой Хасара, были назначены Хубилай, Чилгутай и Харгай-Тохураун. И сказал им хан:

«Тем, кто на шею другому садится,
Шею наотмашь рубите!

Тем, кто не в меру кичлив,
Напрочь ключицу смахните!»

[«Облегчайте шею тем, кто будет насильничать; рубите ключицы тем, кто будет зазнаваться!»]

Бельгутею и Харалдай-Тохурауну было повелено:

«Вы меринов принимайте,
Актачинами ханскими будьте!»

[«Пусть эти двое примут меринов, пусть будут конюшими-актачинами!»]

Тайчиудцев Хуту, Моричи и Мулхалху он назначил заведывать табуном. Архай-Хасару, Тахаю, Сукегаю и Чаурхану повелел: «Вы же будьте моими разведчиками, будьте моими

Дальними стрелами-хоорцах,
Ближними стрелами-одора!»

[«Вы будьте дальними стрелами-хоорцах да ближними-одора!»]

А Субеетай-Баатур сказал так:

«Для тебя обернуся я мышкой —
Буду в дом собирать-запасать.
Обернувшися черной вороной —
Все, что под руку, в дом загребать.
Обернуся я теплой попоной —
Буду тело твое согревать.
Обернусь я покровной кошмою —
Буду юрту твою покрывать».

[«Обернувшись мышью, буду собирать-запасать вместе с тобою. Обернувшись черным вороном, буду вместе с тобою подчищать все, что снаружи. Обернувшись войлоком-нембе, попробую вместе с тобой укрываться им; обернувшись юртовым войлоком-герисге, попробую вместе с тобой им укрыться».]

§ 125. Взойдя на ханский престол, так сказал Чингис-хан, обращаясь со словом к этим двоим, к Боорчу и к Чжельме:

«Было ведь время, что кроме теней
Не имели иных мы друзей.
Тут-то вы тенью моею и стали!
Думам моим вы покой принесли,
Быть же вам в думах моих навсегда!
Было ведь время, что, кроме хвоста,
Не имел я другого хлыста.
Тут-то хвостом у меня вы и стали!
Сердцу вы дали тихий покой,
В сердце и быть вам всегда у меня!

[«Да пребудете вы в сердце моем, ибо когда у меня не было иных друзей, кроме (собственной) тени, вы оба стали тенью моей и успокоили мою душу. Да пребудете вы на лоне моем, ибо когда у меня не было иной плети, кроме (конского) хвоста, хвостом моим стали вы и успокоили мое сердце».]

Вы пришли ко мне и пребывали со мной прежде всех. Не вам ли и подобает быть старшими над всеми здесь находящимися». И затем, обратясь ко всем, Чингис-хан продолжал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли он анды Чжамухи, душою стремясь ко мне и вступая в мои дружины. И разве не положено судьбою быть вам старой счастливой дружиной моей? Потому я назначил каждого из вас на свое место!»

§ 126. К Кереитскому Тоорил-хану были отправлены послами Тахай и Сукегай, чтобы уведомить его об избрании Чингис-хана на ханский престол. И пришел от Тоорил-хана такой ответ: «Зело справедливо, что посадили на ханство сына моего, Темучжина! Как можно монголам быть без хана?

Мир учредивши взаимный,
Никому не давайте нарушить!
Мира свой узел надежный
Никому не давайте распутать!
Так воротник своей шубы
Никому не дают оборвать».

[«Не разрушайте же этого своего согласия, не развязывайте того узла единодушия, который вы завязали; не обрезайте своего собственного ворота».]

IV. БОРЬБА С ЧЖАМУХОЙ И ТАЙЧИУДЦАМИ

§ 127. С таким же сообщением к Чжамухе были посланы Архай-Хасар и Чаурхан. Чжамуха дал такой ответ: «Передайте от меня Алтану и Хучару: „Зачем вы, Алтан и Хучар, разлучили нас с андой, вмешиваясь в наши дела,

Одного в живот бодая,
А другого — под ребро.

И почему это вы не возводили в ханы моего друга-анду Темучжина в ту пору, когда мы были с ним неразлучны? И с каким умыслом поставили его на ханство теперь? Блюдите ж теперь, Алтан и Хучар, блюдите данное вами слово покрепче! Да получше служите другу моему, анде моему!“».

§ 128. Вскоре после того вышло такое дело. Младший брат Чжамухи, Тайчар, находясь в Олегай-булахе, что по южному склону Чжалама, вздумал отогнать у нашего Чжочи-Дармалы табун с урочища Саари-кеере. Он отправился туда и действительно угнал у Чжочи-Дармалы табун. Ограбленный Чжочи-Дармала вынужден был отправиться в погоню один, так как его товарищи не осмеливались. Ночью же он догнал свой табун. Затем, припав к луке своего коня, он настиг Тайчара и наповал убил его, прострелив ему спину. Захватив свой табун, Чжочи-Дармала тою же ночью вернулся домой.

§ 129. Затем к Чингис-хану на урочище Гулелгу пришло такое известие от Мулке-Тотаха и Боролдая из племени Икирес: «За убийство своего младшего брата Тайчара Чжамуха решил воевать с Чингис-ханом. Чжадаранцы, во главе с Чжамухою, объединили вокруг себя тринадцать племен и составили три тьмы войска, которое переправляется через перевал Алаут-турхаут и собирается напасть на Чингис-хана». При получении этого известия с Чингис-ханом было тоже тринадцать куреней, и он так же составил три тьмы войска и пошел навстречу Чжамухе. Сражение произошло при Далан-балчжутах, причем Чжамуха опрокинул и потеснил Чингис-хана, который укрылся в Цзереновом ущелье при Ононе. «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!» — сказал Чжамуха, и прежде, чем вернуться домой, он приказал сварить в семидесяти котлах княжичей из рода Чонос,[1] а Неудайскому Чахаан-Ува отрубил голову и уволок ее, привязав к конскому хвосту.

§ 130. Тогда Уруудский Чжурчедай и Мангудский Хуюлдар, выждав время, когда Чжамуха отступил оттуда, отстали от него и явились к Чингис-хану во главе своих Уруудцев и Мангудцев. Тогда же отстал от Чжамухи и присоединился со своими семью сыновьями к Чингис-хану и Хонхотанский Мунлик-эцигe, который в это время, оказывается, был с Чжамухой. На радостях, что к нему добровольно перешло столько народа, Чингис-хан, вместе с Оэлун-учжин, Хасаром, Чжуркинскими Сача-беки и Тайчу и со всеми прочими, решил устроить пир в Ононской дубраве. На пиру первую чару наливали, по порядку, Чингис-хану, Оэлун-учжине, Хасару, Сача-беки с его родными. Затем кравчий стал наливать чару по очереди, начиная с молодой жены[2] Сача-беки по имени Эбегай. Тогда ханши Хорочжинхатун и Хуурчин-хатун нанесли оскорбление действием кравчему Шикиуру со словами: «Как ты смел начинать не с нас, а с Эбегай?» Побитый кравчий громко заплакал, причитая: «Не потому ли меня и бьют так вот, что не осталось в живых ни Есугай-Баатура, ни Некун-тайчжия?»

§ 131. От нас на этом пиру был распорядителем Бельгутай. Он находился при Чингис-хановых конях. А от Чжуркинцев был распорядителем празднества Бури-Боко. Какой-то Хадагидаец покушался украсть оброть с нашей коновязи. Вора задержали. Бури-Боко стал вступаться за этого своего человека, а Бельгутай, по привычке к борьбе, спустил правый рукав и обнажил плечо. Тут Бури-Боко и рубнул его мечом по голому плечу. А Бельгутай никак не ответил на этот удар и не обратил внимания на рану, хотя истекал кровью. Все это видел Чингис-хан из-под сени деревьев, где он сидел, пируя с гостями. Он выскакивает из-за стола, подходит к Бельгутаю и говорит: «Как мы можем допустить подобные поступки?» — «Пустяки! — говорит Бельгутай. — Сущие пустяки! Опасного ничего со мной нет, и я сохраняю хладнокровие и дружелюбие. Одного только и боюсь, как бы из-за меня не перессорились младшие и старшие братья, которые

[1] Юношей царской крови из рода Чонос. Ср. у ойратов кость Чонос и Чорос.
[2] См.: П. Кафаров. Старинное сказание, стр. 65.

только что примирились и соединились. Братец, подожди-же, оставь, удержись!» — просил он.

§ 132. Сколько ни уговаривал его Бельгутай, Чингис-хан остался непреклонен. Обе стороны наломали дубин, похватали бурдюки и колотушки, и началась драка. Чжуркинцев одолели и захватили обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун. После того Чжуркинцы просили нас о примирении, и мы, возвратив им обеих ханш, Хоричжин-хатун и Хуурчин-хатун, известили их о своем согласии помириться. Как раз в это время Алтан-хан Китадский, как о том стало известно, приказал Вангин-чинсяну немедленно выступить с войском против Мегучжин-Сеульту с его союзниками за то, что те не соблюдали мирных договоров. В виду этого Вангин-чинсян наступал вверх по Ульчже, гоня перед собою Мегучжин-Сеульту и прочих Татар, уходивших вместе со своим скотом и домашним скарбом. Осведомившись об этом,

§ 133. Чингис-хан сказал: «Татары — наши старые враги. Они губили наших дедов и отцов. Поэтому и нам следует принять участие в настоящем кровопролитии». И он послал Тоорил-хану следующее оповещение: «По имеющимся сведениям, Алтан-ханов Вангин-чинсян гонит перед собою, вверх по Ульчже, Мегучжина-Сеульту и прочих Татар. Давай присоединимся к нему и мы против Татар, этих убийц наших дедов и отцов. Поскорее приходи, хан и отец мой, Тоорил». На это известие, Тоорил-хан отвечал: «Твоя правда, сын мой. Соединимся!» На третий же день Тоорил-хан собрал войско и поспешно вышел навстречу Чингис-хану. Затем Чингис-хан с Тоорил-ханом послали извещение Чжуркинцам Сача-беки, Тайчу и всем Чжуркинцам: «Приглашаем вас ополчиться вместе с нами для истребления Татар, которые испокон века были убийцами наших дедов и отцов». И они прождали Чжуркинцев лишние шесть дней против того срока, в который тем следовало явиться. Более не имея возможности ждать, Чингис-хан с Тоорил-ханом соединенными силами двинулись вниз по Ульчже. В виду продвижения Чингис-хана и Тоорил-хана на соединение с Вангин-чинсяном, Мегучжин и прочие Татары укрепились в урочищах Хусуту-шитуен и Нарату-шитуен. Чингис-хан с Тоорил-ханом выбили Мегучжина с его Татарами из этих укреплений, причем Мегучжина-Сеулту тут же и убили. В этом деле Чингис-хан взял у Мегучжина серебряную зыбку и одеяло, расшитое перламутрами.

§ 134. Чингис-хан и Тоорил-хан послали известие о том, что Мегучжин-Сеульту ими убит. Узнав о смерти Мегучжин-Сеульту, Вангин-чинсян очень обрадовался и пожаловал Чингис-хану титул чаутхури, а Кереитскому Тоорилу — титул вана. Со времени этого пожалования он и стал именоваться Ван-ханом. Вангин-чинсян говорил при этом: «Вы оказали Алтанхану величайшую услугу тем, что присоединились ко мне против Мегучжин-Сеульту и убили его. Об этой вашей услуге я доложу Алтан-хану, так как ему одному принадлежит право дать Чингис-хану еще более высокий титул — титул чжао-тао». После того Вангин-чинсян отбыл, весьма довольный. А Чингис-хан с Ван-ханом, поделив между собою полоненных Татар, воротились домой, в свои кочевья.

§ 135. Когда наши воины громили и опустошали татарские стойбища в укреплении Нарату-шитуен, они нашли брошенного в стойбище маленького мальчика. На нем была надета подбитая соболем телогрейка штофной парчи, с золотыми кольцами на шнурах. Чингис-хан подарил его матери Оэлун, которая сказала: «Это, должно быть, ребенок благородных родителей, видно сразу, что он благородной крови!» И она взяла его к себе на воспитание в качестве младшего, шестого по счету, к пятерым детям своим. А назвала она его именем Шикикан-Хутуху.

§ 136. Старики и дети Чингис-ханова куреня, так называемый Аурух, находились в ту пору при озере Харилту-наур. Так вот, из этих людей, оставленных в Аурухе, Чжуркинцы донага обобрали пятьдесят человек, а десятерых при этом еще и убили. Чингис-хану доложили о том, как Чжуркинцы поступили с нашими людьми, оставленными в Аурухе. Выслушав донесение, Чингис-хан пришел в великий гнев и сказал: «Мыслимо ли простить Чжуркинцам их дела? Ведь никто, как они же, на пиру в Ононской дубраве, избили кравчего Шикиура. Они же рассекли плечо Бельгутею. Потом мы, в виду их извинения, любомудро вернули им обеих ханш их, Хоричжин-хатун и Хуурчин. Когда же мы предложили им участвовать в походе на Татар, этих исконных врагов и убийц наших отцов и дедов, то они не явились, и мы напрасно прождали их шесть дней. Ныне же, на глазах у врагов, они сами стали нашими врагами». С этими словами Чингис-хан выступил в поход против Чжуркинцев и совершенно разгромил их при Келуренском Долон-болдаут. Сача-беки и Тайчу с небольшим числом людей бежали, но оба были пойманы посланной им вслед погоней при устье Телету. У схваченных Сача и Тайчу Чингис-хан спросил: «Помните, что вы говорили когда-то?» — «Если мы в чем не сдержали своего слова, то докажи!» — отвечали те. Тогда он напомнил им их речи и, уличив их, тут же с ними покончил.

§ 137. Когда он возвращался домой, покончив с Сача и Тайчу и гоня перед собою пленных Чжуркинцев, то среди них оказались сыновья Чжалаирского Тергету-Баяна: Гуун-Ува, Чилаун-Хайчи и Чжебке. Гуун-Ува представил тогда Чингис-хану двух своих сыновей, Мухали и Буха, и сказал так:

«У царских ступеней твоих
Рабами пусть будут они.
Шалить-непоседничать станут —
Ты ноги им в сгибе подрежь.
Побег-ли замыслят — беда! —
Им печени вырви тогда.
У врат твоих царских они
Рабами пусть будут навек».

[«Да будут они рабами у порога твоего. Если отстанут от порога твоего, пусть перережут им подколенники. Пусть будут они собственными твоими рабами у порога твоего. Если нерадиво отлучатся от порога твоего, выбрось их вон, вырвав печень».]

А Чилаун-Хайчи также представил Чингис-хану своих двух сыновей, Тунке и Хаши с такими словами:

«Золотой твой порог
Повели им стеречь.
Золотой твой порог
Коль покинут они,
Смертью лютой казни.

* * *

Им широкие врата твои
Повели открывать.
От широких от врат твоих
Если б к кому отошли, —
Сердце вырвать вели».

[«Я отдаю их с тем, чтобы они были стражей у золотого порога твоего. Если отстанут от золотого порога твоего, выбрось их вон, лишив жизни.

«Я отдаю их для того, чтоб они поднимали (открывали) для тебя твои широкие двери. Если самовольно уйдут от широких дверей твоих, выбрось их, вырвав сердце (раздавив внутренности?)».]

Чжебкея же отдали Хасару. Представляясь Оэлун-эке, Чжебке подарил ей маленького мальчика, Бороула, которого он захватил в Чжуркинских стойбищах.

§ 138. Итак, Оэлун-экэ воспитывала в своем доме четверых ребят: 1) Кучу, подобранного в кочевьях у Меркитов; 2) Кокочу, взятого в кочевьях Бесудцев, находившихся у Тайчиудцев; 3) взятого из Татарских стойбищ мальчика, прозванного Шикикан-Хутуху, и 4) найденыша из Чжуркинских кочевий — Бороула. Воспитывала их она и говорила: «Кто же вам заменит ту, которая

Днем —
Недреманное око,
Ночью —
Вся внемлющий слух?»

[«Кто же будет им оком смотрения — днем, ухом слышания — ночью?»]

И потому воспитывала их, как мать.

§ 139. Название же Чжуркинцы и образование рода-племени Чжуркин пошло вот как. Старшим из семерых сыновей Хабул-хана был Окин-Бархах. У него был сын Сорхату-Чжурки. Когда образовывалось особое Чжуркинское колено, то отец его, как старший сын Хабул-хана, отобрал из своего улуса и отдал ему вот каких людей:

Каждый из мужей искусен,
Силой — могучий борец.
Печень их желчью полна,
Пальцы далеко стрелой поражают,
Сердце их ярость съедает,
Гневом их дышат уста.

[Выбрал и отдал ему людей с печенью, полной желчи; мастеров владеть большим пальцем руки (искусных стрелков); яростных (с полными гнева легкими); отважных сердцем; с устами, исполненными гнева; во всех искусствах сведущих, силою могучих.]

Одним словом, это были все люди действительно неукротимые, мужественные и предприимчивые. Вот почему их и прозвали Чжуркинцами. Таких-то знаменитых людей сокрушил Чингис-хан и уничтожил самое имя и род их. Чжуркинцев и народ их Чингис-хан сделал своими наследственными рабами.

§ 140. Однажды Чингис-хан назначил борьбу Бури-Боко с Бельгутаем. Бури-Боко был между Чжуркинцами. Он обладал такою силой, что мог повалить Бельгутая, действуя только одною рукою и одной ногой. Был он борец на весь улус. И вот Бельгутаю велено бороться с Бури-Боко. Бури-Боко, притворяясь, будто не в силах сладить с Бельгутаем, упал. Бельгутай же, будучи не в силах его притиснуть к земле и держа его за плечи, взобрался на кожаную повязку на его крупе и дал условный знак Чингис-хану, а тот взглянул на него и прикусил нижнюю губу. Бельгутай понял. Он оседлал Бури-Боко, перехватил и зажал оба его во̀рота, изо всей силы рванул, упираясь коленями, и переломил ему позвонок. Уже с переломленной спиной, Бури-Боко успел сказать перед тем как испустил последний вздох: «Нет, не Бельгутай меня победил! Я боялся ханского гнева, я нарочно, в шутку упал, и вот поплатился за это жизнью». Переломив противнику позвонок, Бельгутай уволок его труп и выбросил. Из семи сыновей Хабул-хана старший был Окин-Бархах. Следующий за ним по старшинству — Бартан-Баатур, у которого сын — Есугай-Баатур. А следующим по старшинству был Хутухту-Мунлер. Его-то сыном и был Бури-Боко. В борьбе он далеко превосходил сыновей Бартан-Баатура и был в содружестве с отважными сыновьями Бархаха. Так Бельгутай погубил улусного борца Бури-Боко, переломив ему позвонок.

§ 141. После того, в год Курицы (1201), в урочище Алхуй-булах, собрались (на сейм) следующие племена: Хадагинцы и Сальчжиуты совместно; Баху-Чороги Хадагинский со своими; Хадагин-Сальчжиутский Чиргидай-Баатур со своими; договорившись с Дорбен-Татарами, Дорбенский Хачжиул-беки со своими; татарин Алчи и татарин Чжалик-Буха со своими; Икиресский Туге-Маха со своими; Унгиратский Дергек-Эмель-Алхуй со своими; Горлосский Чоёх-Чахаан со своими; из Наймана — Гучуут: Найманский Буирух-хан; Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки; Худуха-беки Ойратский; Таргутай-Кирилтух Тайчиудский, Ходун-Орчан, Аучу-Баатур, и прочие Тайчиудцы. Уговорившись возвести Чжачжирадайского Чжамуху в ханы, они приняли присягу, рассекая при этом с разбега жеребца и кобылу. Оттуда все они покочевали вниз по течению реки Эргуне и совершили обряд возведения Чжамухи в Гур-ханы на вершине поросшей лесом горы при впадении в Эргуне реки Кан-мурен. По окончании обряда возведения в Гур-ханы они уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана. Чингис-хан находился в Гурельгу в то время, когда прибыл Горлосский Хоридай и сообщил ему об их уговоре воевать. Получив это известие, Чингис-хан передал его Ван-хану, а тот немедля поднял войско и прибыл к Чингис-хану.

§ 142. По прибытии Ван-хана решили соединенными силами итти навстречу Чжамухе и тронулись вниз по течению реки Келурена. В передовую разведку Чингис-хан отрядил Алтана, Хучара и Даритая, а Ван-

хан — Сангума, Чжаха-Гамбу и Билге-беки. Эти разведчики выставили от себя постоянный караул, подальше вперед, на урочище Энегенгуйлету. Еще дальше — другой постоянный караул на Гекчере. И еще дальше, на урочище Чихурху, — третий постоянный караул. Как только наши разведчики Алтан, Хучар, Сангум и прочие, дойдя до урочища Уткия, собрались было здесь расположиться, с караула на урочище Чихурху прибежал вестовой и сообщил о приближении неприятеля. Тогда наши решили не останавливаясь ехать навстречу, чтобы взять языка. Сблизившись, захватив языка и допросив его, узнали, что у Чжамухи передовой разведкой идут четверо: Монгольский Аучу-Баатур, Найманский Буирух-хан, сын Меркитского Тохтоа-беки, Хуту, и Ойратский Худуха-беки. Пока наши разведчики перекликались с неприятельскими, наступил вечер, и наши, в ожидании завтрашнего боя, отступили на ночлег к главным силам.

§ 143. Утром наше войско двинулось и, сблизившись с неприятелем, вступило в бой при урочище Койтен. Теснили друг друга, поднимаясь в гору и спускаясь в долину. С боем перестраивались. Тут оказалось, что эти самые Буирух и Худуха могут волшебством вызывать ненастье. Принялись они за свое волшебство, но ненастье-то обернулось наоборот и разразилось над ними самими ливнем и ураганом. Стали они тут сами, спотыкаясь и скользя, валиться в пропасти. И рассыпались все кто куда, говоря: «Видно мы прогневали небеса».

§ 144. Найманский Буирух-хан отделился от Чжамухи и направился по южному Алтаю к Улух-таху. Хуту, сын Меркитского Тохтоа-беки, двинулся к Селенге, а Ойратский Худуху-беки поспешил к лесам в направлении Шисгиса. Тайчиудский Аучу-Баатур пошел вниз по реке Онону. А Чжамуха, разграбив его же возводивший в ханы народ, стал отступать вниз по течению Эргуне. При таком их разброде Ван-хан обратился к преследованию Чжамухи вниз по течению Эргуне, а Чингис-хан к Онону, на Аучу-Баатура. Тайчиудцы Аучу-Баатур и Ходун-Орчин, построив на другой стороне Онона своих отборных смельчаков, ждали готовые к бою. Подойдя к ним, Чингис-хан вступил в бой. Сражались с переменным успехом и с наступлением темноты заночевали на месте боя. Бежавший народ расположился на ночлег тут же в куренях, вместе со своими ратными людьми.

§ 145. В этом сражении Чингис-хан получил ранение в шейную артерию.[1] Кровь невозможно было остановить, и его трясла лихорадка. С заходом солнца расположились на ночлег на виду у неприятеля, на месте боя. Чжельме все время отсасывал запекавшуюся кровь. С окровавленным ртом он сидел при больном, никому не доверяя сменить его. Набрав полон рот, он то глотал кровь, то отплевывал. Уж за полночь Чингис-хан пришел в себя и говорит: «Пить хочу, совсем пересохла кровь». Тогда Чжельме сбрасывает с себя все: и шапку и сапоги, и верхнюю одежду. Оставаясь в одних исподниках, он почти голый пускается бегом прямо в неприятельский стан, напротив. В напрасных поисках кумыса он взбирается на телеги

[1] Далее (§ 147) говорится о саврасом беломордом, который был в этой битве ранен Чжебеем в ш е й н ы й п о з в о н о к. Очевидно, эпизод ранения Чингиса скрывают.

Тайчиудцев, окружавших лагерь своими становьями. Убегая второпях, они бросили своих кобыл недоенными. Не найдя кумыса, он снял, однако, с какой-то телеги огромный рог кислого молока и притащил его. Само небо хранило его: никто не заметил ни того, как он уходил, ни того, как он вернулся. Принеся рог с кислым молоком, тот же Чжельме сам бежит за водой, приносит, разбавляет кислое молоко и дает испить хану. Трижды переводя дух, испил он и говорит: «Прозрело мое внутреннее око!» Между тем стало светло, и осмотревшись, Чингис-хан обратил внимание на грязную мокроту, которая получилась от того, что Чжельме во все стороны отхаркивал отсосанную кровь. «Что это такое? Разве нельзя было ходить плевать подальше?» — сказал он. Тогда Чжельме говорит ему: «Тебя сильно знобило, и я боялся отходить от тебя, боялся, как бы тебе не стало хуже. Второпях всяко приходилось: глотать — так сглотнешь, плевать — так сплюнешь. От волнения изрядно попало мне и в брюхо». — «А зачем это ты, — продолжал Чингис-хан, — зачем это ты, голый, побежал к неприятелю, в то время как я лежал в таком состоянии? Будучи схвачен, разве ты не выдал бы, что я нахожусь в таком вот положении?» — «Вот что я придумал, — говорит Чжельме. — Вот что я придумал, голый убегая к неприятелю. Если меня поймают, то я им (врагам) скажу: «Я задумал бежать к вам. Но те (наши) догадались, схватили меня и собирались убить. Они раздели меня и уже стали было стягивать последние штаны, как мне удалось бежать к вам. Так я сказал бы им. Я уверен, что они поверили бы мне, дали бы одежду и приняли к себе. Но разве я не вернулся бы к тебе на первой попавшейся верховой лошади? „Только так я смогу утолить жажду моего государя!" — подумал я. Подумал и во мгновенье ока решился». Тогда говорит ему Чингис-хан: «Что скажу я теперь? Некогда, когда нагрянувшие Меркиты трижды облагали Бурхан, ты в первый раз тогда спас мою жизнь. Теперь снова ты спас мою жизнь, отсасывая засыхавшую кровь, и снова, когда томили меня озноб и жажда, ты, пренебрегая опасностью для своей жизни, во мгновение ока проник в неприятельский стан и, утолив мою жажду, вернул меня к жизни. Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!» Так он соизволил сказать.

§ 146. С наступлением дня оказалось, что противостоявшее нам войско разбежалось за ночь. А стоявший возле него народ не тронулся еще с места, не будучи, видимо, в состоянии поспеть за войском, бежавшим налегке. Чингис-хан выступил из места кочевки, чтобы задержать беглецов. В это время Чингис-хан заметил какую-то женщину в красном халате, которая стояла на перевале и громким голосом, со слезами, вопила: «Сюда, Темучжин!» Сам слыша ее вопли, Чингис-хан послал человека спросить, что это за женщина так голосит. Посланный отправился, и на его вопросы женщина эта сказала: «Я дочь Сорган-Ширая — Хадаан. Ратники схватили моего мужа и хотели убить. В такой опасности я громко звала Темучжина, чтобы он спас моего мужа». Когда посланный вернулся и передал ее слова Темучжину, тот поскакал к ней. Около Хадаан Чингис-хан слез с коня, и они обнялись. Оказалось же, что ее мужа наши ратники перед тем уже убили. Возвратив беженцев, Чингис-хан с главными силами расположился на ночлег

в том же самом месте. Он пригласил к себе Хадаану и посадил ее рядом с собою. На следующее утро является Сорган-Шира и Чжебе, которые состояли крепостными у Тайчиудского Тодоге. Тогда, обратясь к Сорган-Шира, Чингис-хан говорит:

«С шеи моей
Тяжкое древо
Под ноги сбросили вы.
С ворота ж
Древо позорное
Прочь удалили.
Ваше добро —
Благость отцов иль детей.[1]
Что же так поздно пришли?»

[«Вы те, кто сбросил наземь шейное тяжкое древо (мое), кто удалил на вороте висевшее древо-джарбиял (колодку). Такой добрый поступок свойствен лишь отцам или детям. Но почему же так поздно пришли ко мне?»]

На это Сорган-Шира ответил: «Уж давно я втайне был предан тебе. Но как мне было спешить? Поторопись я перейти к тебе раньше, Тайчиудские нойоны непременно прахом пустили бы по ветру все, что осталось бы после меня: и семью и скот, и имущество мое. Вот почему я не мог торопиться. А вот теперь-то я поторопился наверстать упущенное, и вот являюсь воссоединиться со своим ханом». Чингис-хан одобрил его речь.

§ 147. Потом Чингис-хан говорит: «Во время сражения при Койтене, когда мы, тесня друг друга, перестраивались, с горного кряжа летели в нас стрелы. Не знаете ли, кто это прострелил тогда шейный позвонок моему беломордому саврасому боевому коню? С горы-то». На эти слова так отвечал Чжебе: «Это я стрелял с горы! Если хан повелит казнить меня, то останется от меня только мокрое место в ладонь. Если же хан на то соизволит, то вот как послужу ему:

Трясины и топи пройду,
С налету бел-камень пробью,
Мне молвишь: громи, на врага!
Синь-камень я в прах сокрушу.
Назад-ли прикажешь подать,
Я черный кремень разнесу».

[«Перескочу тинистые воды, с налету разобью бел-камень. По приказу «вперед» — синь-камень сокрушу. По приказу «отбой» — черный камень в прах разнесу».]

Тогда Чингис-хан сказал: «Подлинный враг всегда таит про себя свое душегубство и свою враждебность. Он придерживает свой язык. Что же сказать об этом вот? Он не только не запирается в своем душегубстве и вражде своей, но еще и сам себя выдает головой. Он достоин быть това-

[1] То есть, вы поступили по-отечески или по-сыновнему, по-родственному (ср. § 149: eciges-kööt — 'родные').

рищем. Прозывался он Чжиргоадай, а мы прозовем его Чжебе за то, что он прострелил моего Чжебельгу, моего саврасого, беломордого. Ну, Чжебе, мы еще повоюем пиками-чжебе! Называйся ты теперь Чжебе и будь при мне!» Вот как перешел к нам от Тайчиудцев Чжебе и вступил в Чингисханову дружину.

V. РАЗГРОМ ТАТАР. РАЗРЫВ С ВАН-ХАНОМ

§ 148. Чингис-хан покарал Тайчиудцев: перебил и пеплом развеял он Аучу-Баатура, Ходан-Орчана, Худуудара и прочих именитых Тайчиудцев вплоть даже до детей и внуков их, а весь их улус пригнал к себе и зазимовал на урочище Хубаха.

§ 149. Ничугут-Бааринец Ширгуету-эбуген, со своими сыновьями Алахом и Наяа, поймали Тайчиудского нойона Таргутай-Кирилтуха, который не мог ездить верхом и, по их мнению, собирался скрыться в лесах, чтобы спастись от возмездия; поймали они Таргутая Толстого и посадили в телегу. Когда же Ширгуету-эбуген со своими сыновьями Алахом и Наяа повезли Таргутай-Кирилтуха, то их стали нагонять дети и младшие братья Таргутай-Кирилтуха, с намерением его отбить. Вот настигают они, а Таргутай Толстый, не сумевши соскочить, растянулся на телеге ничком. Тогда Ширгуету-эбуген вскочил на него сзади и, оседлав, выхватил нож и говорит: «Твои сыновья и братья собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня убьют все же за поднятие руки на своего хана. А убью — так мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру-ка лучше на подушке!» И с этими словами он, продолжая сидеть верхом на Толстом, приставил нож к его горлу, собравшись полоснуть. Тогда Таргутай-Кирилтух громким голосом закричал своим братьям и сыновьям: «Ширгуету зарежет меня! Для чего вы собираетесь отбивать мое мертвое, бездыханное тело? Сейчас же поворачивайте назад! Ведь Темучжин не может, не должен меня убить! Когда он был малышом, я привозил его к себе, зная, что он остался сиротой, без отца, и что у него

Во взгляде — огонь,
А лицо — как заря.

Привез я его к себе —

К науке способен — я знал.
И вот пестовал, обучал.
Так учат у нас жеребят,
Двухлеток, коль стоят того.
Меня он сгубить не решится,
Хотя бы сгубить и хотел.
Ведь слышно, что в разум он входит,
И мыслию крепнет своей.

[«Полагая, что он в состоянии выучиться, если его учить, я и учил-наставлял его, наподобие того, как обучают породистых жеребят. Убьет ли он меня? Нет, он не может, не должен убить меня: говорят, ныне он входит в разум и мысль его проясняется...»]

Нет, Темучжин не погубит меня. Поворачивайте же детки и братцы, поворачивайте сейчас же назад, а то не убил бы меня Ширгуету!» Стали тогда они совещаться: «Ведь мы затем и поехали, что бы спасти жизнь отцу. Если же Ширгуету лишит его жизни, то к чему нам одно лишь его бездыханное тело? Не лучше ли поскорее повернуть назад, пока его еще не убили?» И они вернулись домой. Тогда подъезжают и сыновья Ширгуету-эбугена — Алах и Наяа, которые убежали было, настигаемые Тайчиудцами. Когда же они подъехали, все тронулись дальше своею дорогой. Доехали до Хутхулноутов. Тут Наяа и говорит: «Если мы приедем с этим захваченным нами Таргутаем-Толстым, то Чингис-хан присудит нас к смертной казни. „Они — скажет он — наложили руки на своего природного хана. Какое может быть доверие, скажет он, какое может быть доверие к холопам, которые наложили руки на своего природного государя? Такими же верными друзьями будут они и нам! Холопов же, нарушивших верность, холопов, наложивших руки на своего природного хана, только и следует, что укорачивать на голову!“ — скажет он. И вы думаете он не снесет нам головы? Давайте-ка лучше поступим не так. Давайте отпустим отсюда Таргутая, поедем и скажем, что мы пришли с тем, чтобы отдать себя целиком на служение Чингис-хану. Что мы схватили было Таргутая и везли сюда, но видим, что не в силах погубить своего природного государя. И мы отпустили его. Как могли мы предать его на смерть? И вот мы, с полною верой в тебя, пришли отдать свои силы. Вот как давайте мы скажем!» Родные согласились с предложением Наяа, и с Хутхулноутов же отпустили Таргутай-Кирилтуха. Когда этот самый Ширгуету-эбуген прибыл со своими сыновьями к Чингис-хану и тот спросил его, зачем он прибыл, Ширгуету-эбуген говорит Чингис-хану: «Захватили мы и везли сюда Таргутай-Кирилтуха. Но, памятуя, что он нам природный государь, и не решаясь предать его на смерть и погубить, мы отпустили его и пришли отдать свои силы Чингис-хану». — «Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана! — сказал Чингис-хан. — Ибо я должен бы был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. еслиб вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая». И он принял с особою милостью Наяая.

§ 150. После того, когда Чингис-хан находился в урочище Терсут, к нему в сотоварищи прибыл Кереитский Чжаха-Гамбу. Общими силами они отразили нападение Меркитов. Тогда они привели в покорность Чингис-хану Тумен-Тубеган, Дунхаит, а также и бывший в расселении Кереитский народ. Что же касается до Кереитского Ван-хана, то необходимо пояснить следующее. Прежде, во времена Есугай-хана, живя с ним во взаимном мире, Ван-хан побратался с Есугай-ханом, и они стали андами. И вот по какому случаю они сделались андами. Ван-хан убил младших братьев отца своего Хурчахус-Буируха. Из-за этого он вступил в борьбу со своим дядей Гур-ханом, который принудил его бежать и скрываться в ущелье Хараун-

хабчал. Он выбрался оттуда с сотнею людей и явился к Есугай-Баатуру. Есугай-Баатур, по его личной просьбе, сам выступил в поход и прогнал Гур-хана в Хашин, а отбитых людей и имущество его отдал Ван-хану. Это и было поводом для заключения ими договора о братстве.

§ 151. После этого Ван-ханов младший брат Эрке-Хара, под угрозой убийства со стороны Ван-хана, бежал и передался на сторону Найманского Инанча-хана. А когда тот послал против Ван-хана свое войско, Ван-хан ушел к Хара-Китадскому Гур-хану, пробравшись к нему через Гурбан-балахат (Троеградие). Оттуда, из-за неурядиц, он пошел через Уйгурские и Тангутские города, и в полном оскудении пришел к озеру Гусеур-наур, так как всю дорогу кормился тем, что кое-как держал у себя пять коз для подоя да точил на еду кровь верблюда. Чингис-хан же, в силу братского договора с Есугай-ханом, выслал к нему двух послов, Тахай-Баатура и Сукегай-Чжеуна, а потом и сам вышел к нему навстречу с истоков Келурена. Видя, что Ван-хан прибыл в полном изнеможении от голода, он произвел для него особую разверстку по улусу, ввел его в свой курень и содержал на свой счет. На эту зиму Чингис-хан расположился в урочище Хубахая, куда постепенно подкочевывал.

§ 152. Между тем Ван-хановы младшие братья и нойоны рассуждали так: «Этот наш хан и старший брат — негодный человек, бродяга, он поступает как человек со смердящею печенью.[1] Погубил своих братьев. То переметывается к Харакитадам, то истязает свой народ. Что нам с ним делать теперь? Если же поминать прошлое, то вот он каков. В семилетнем возрасте его угнали в плен Меркиты, и там он, в кожухе из черно-рябого козленка, в Селенгинской пустыне Буури-кеере толок ведь просо в Меркитских ступах. Хурчахус-Буирух хан, отец его, разгромил, однако, Меркитов и спас из плена своего сына. Но вскоре же, когда ему минуло тринадцать лет, его опять увел в плен, вместе с его матерью, Татарский хан Ачжа, увел и заставил пасти своих верблюдов. Прихватив с собой Ачжаханова чабана, пастуха овец, он спасся оттуда бегством и вернулся домой. Потом опять должен был бежать из страха перед Найманцами. Бежал же он к Гур-хану Хара-Китадскому, на реку Чуй, в Сартаульскую землю. Там он не усидел и года, как поднял смуту и ушел. Скитался он по Уйгурским и Тангутским землям, пришел в совершенное убожество и кормился только тем, что кое-как выдаивал досуха пять штук коз да вытачивал верблюжью кровь. Является он к сынку Темучжину, как нищий, на единственном своем чернохвостом буланом коне. Тот собрал для него оброк и содержит на свой счет. Но они теперь позабудет о том, как к нему отнесся сынок Темучжин, и поступит обязательно так, как поступает человек со смердящей печенью. Что нам делать?» — совещались они. Обо всех этих разговорах взял да и доложил Ван-хану Алтун-Ашух. Он сказал также: «Я и сам был участником этих совещаний, но не решился на измену тебе, своему хану». По причине этого доноса Ван-хан тотчас взял под стражу участников этих разговоров Эльхутура, Хулбари, Арин-тайчжия и других младших своих братьев и нойонов. При этом оказалось, что из всех его младших братьев

[1] Злобен и злопамятен.

один только Чжаха-Гамбу успел бежать и передаться на сторону Найманцев. Ван-хан приказал привести к себе взятых под стражу, в кандалах, и говорит им: «А что мы говорили друг другу, когда шли по Тангутским землям? И что мне после этого думать о таких, как вы?» И с этими словами, наплевав им в лицо, приказал снять с них кандалы. Тогда, по примеру хана, поднялись и все находившиеся в юрте араты и стали плевать им в лицо.

§ 153. Перезимовали ту зиму, а на осень в год Собаки Чингис-хан положил воевать с Татарами: Чааан-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. Прежде чем вступить в битву при урочище Далан-нэмургес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления[1] все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места!» В сражении при Далан-нэмургесе мы погнали Татар. Тесня их, мы вынудили Татар соединиться в их улусе при урочище Улхуй-шилугельчжит и там полонили их. Мы истребили тут Татарских главарей поколений Чаган-Татар, Алчи-Татар, Дутаут-Татар и Алухай-Татар. В нарушение указа задержались, оказывается, у добычи трое: Алтан, Хучар и Даритай. За несоблюдение приказа у них отобрано, через посланных для этого Чжебе и Хубилая, отобрано все, что они успели захватить, как то: отогнанные в добычу табуны и всякие захваченные вещи.

§ 154. Покончив с казнями главарей и сбором пленных Татар, Чингис-хан созвал в уединенной юрте Великий семейный совет, для решения вопроса о том, как поступить с полоненным Татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим делом так:

Искони был Татарский народ
Палачом наших дедов-отцов.
Отомстим же мы кровью за кровь.
Всех мечом до конца истребим:
Примеряя к тележной оси,
Всех, кто выше, мечу предадим,
Остальных же рабами навек
Мы по всем сторонам раздарим.

[Татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом к тележной чеке, в отмщение и в воздаяние за дедов и отцов. Дотла истребим их, а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам.]

Когда, по окончании совета, выходили из юрты, татарин Еке-Церен спросил у Бельгутая: «На чем же порешил совет?» А Бельгутай говорит: «Решено всех вас предать мечу, равняя по концу тележной оси». Оказалось потом, что Еке-Церен оповестил об этих словах Бельгутая всех своих

[1] Если (не)приятель вынудит к отступлению.

Татар, и те собрались в возведенном ими укреплении. При взятии этих укреплений наши войска понесли очень большие потери. Перед тем же как наши войска, с трудом взяв Татарские укрепления, приступили к уничтожению Татар, примеривая их по росту к концу тележной оси, — перед тем Татары уговорились между собою так: «Пусть каждый спрячет в рукаве нож. Умирать, так умрем по крайней мере на подушках (из вражеских тел)». Вследствие этого наши опять понесли очень много потерь. Тогда, по окончании расправы с Татарами, которых примерили-таки к тележной оси и перерезали, Чингис-хан распорядился так: «Вследствие того, что Бельгутей разгласил постановление Великого семейного совета, наши войска понесли очень большие потери. А потому в дальнейшем он лишается права участия в Великом совете. Вплоть до окончания заседаний совета он обязуется наблюдать за порядком близ места заседаний, а именно: улаживать ссоры и драки, разбирать дела о воровстве, обманах и т. п. Бельгутай с Даритаем имеют право доступа в совет лишь по окончании его заседаний, после того как выпита чара-оток».

§ 155. В ту именно пору Чингис-хан принял к себе Есуган-хатуну, дочь татарина Еке-Церена. Войдя у него в милость, Есуган-хатун говорила ему: «Каган может почтить и меня своим попечением и сделать настоящей ханшей, если будет на то его каганская милость.[1] Но ведь более меня достойна быть ханшей моя старшая сестра, по имени Есуй. Она только что вышла замуж. Куда ей деваться теперь, при настоящей-то суматохе?» На эти слова Чингис-хан заметил: «Если уж твоя сестра еще краше, чем ты, то я велю ее сыскать. Но уступишь ли ты ей место, когда она явится?» — «С каганского дозволения, — отвечала Есуган-хатун — с каганского дозволения, я тотчас же уступлю сестре, как только ее увижу». Тогда Чингисхан отдал приказ о розыске, и ее, вместе с нареченным зятем, наши ратники перехватили при попытке скрыться в лесах и доставили. Есуган-хатун, увидав свою сестру, тотчас же встала и, как и сказала хану раньше, посадила ее на свое место, а сама села ниже. Она очень понравилась Чингисхану, так как была именно такой, как ее описала Есуган-хатун, и он принял к себе Есуй-хатуну и возвел ее в супружеский сан.

§ 156. Однажды, уже после окончания Татарской кампании, Чингисхан сидел на дворе за выпивкой. Тут же, по обе стороны, сидели ханши Есуй и Есуган. Вдруг Есуй-хатун глубоко со стоном вздохнула. Чингисхан сообразил в чем дело и тотчас вызвал Боорчу и Мухали. «Расставьте-ка, — приказал он, — расставьте-ка по аймакам всех вот этих собравшихся здесь аратов. Людей, посторонних для своего аймака, выделяйте особо». Все стали по своим аймакам, а отдельно от аймаков остался стоять всего один человек. Это был молодой человек с волосами, заплетенными в косу, как у благородных людей. Когда этого человека спросили, кто он такой, он отвечал: «Я нареченный зять дочери Татарского Еке-Церена, по имени Есуй. Враги громили нас, и я в страхе бежал. Сейчас же ведь, как будто бы, успокоилось, и я пришел. Я был уверен, что меня не

[1] Ханское величество соизволяете возводить меня в (ханскую) особу для хана.

опознают среди такой массы народа». Когда Чингис-хану доложили эти его слова, он сказал: «Что ему еще здесь шпионить, этому непримиримому врагу и бродяге? Ведь подобных ему мы уже примерили к тележной оси. Чего тут судить да рядить? Уберите его с глаз долой!» И ему не замедлили снести голову.

§ 157. Пока Чингис-хан был занят Татарским походом, Ван-хан ходил на Меркитов, причем прогнал Тохтоа-беки в сторону Баргучжин-токума, убил его старшего сына Тогус-беки, захватил двух его дочерей и жен его, а двух его сыновей, Хуту и Чилауна, полонил вместе с народом их. Из этой добычи он не дал Чингис-хану ничего.

§ 158. Потом Чингис-хан с Ван-ханом вдвоем пошли на Гучугудун-Буируха Найманского. Не будучи в силах им противостоять, Буирух-хан двинулся через Алтай из местности Сохох-усун на Улух-тахе, где они его настигли. Отсюда они и начали его преследовать. Дали перевалить через Алтай и погнали вниз по течению Хумшигирской реки Урунгу. Здесь наши захватили его нойона, Едитублуха, который шел в караульном охранении. Теснимый нашим караульным отрядом, он пытался было бежать в горы, но у коня его лопнула подпруга. Прогнав Буирух-хана вниз по Урунгу, настигли его у озера Кишилбаш-наур и тут прикончили его.

§ 159. Когда Чингис-хан с Ван-ханом тронулись в обратный путь, то оказалось, что Найманский храбрец Коксеу-Сабрах на урочище Байдарах-бельчир приготовил войско и готовится дать им бой. Решив принять бой, Чингис-хан с Ван-ханом построили войско и подошли к расположению противника, но так как уже наступил вечер, они условились переночевать в строю, чтобы утром вступить в бой. Тогда Ван-хан приказал зажечь на своей стоянке огни, а сам в ту же ночь, как это потом выяснилось, ушел вверх по Хара-сеулу.

§ 160. Тогда вместе с Ван-ханом двинулся и Чжамуха. По дороге он стал говорить Ван-хану: «Известное дело, что анда мой, Темучжин, издавна обменивается послами с Найманом. Вот почему он не подтянулся к нам теперь.

О хан, о добрейший мой хан!
Выходит, что верная чайка-то я.
Зато перелетная пташка — [1]
Мой друг, мой анда.

[«Хан, хан! Я-то вот оказываюсь постоянно пребывающей чайкой, а мой анда — перелетной пташкой-жаворонком».]

Ясно, что он переметнулся к Найману. Вот и опоздал!» На эти слова Чжамухи возразил Убчихтаев Гурин-Баатур: «Зачем же ты из угодничества так бесчестишь и поносишь своих честных братьев?»

§ 161. А Чингис-хан переночевал ночь на том самом месте. Рано утром, готовый уже к бою, он увидел, что Ван-хана нет на его стоянке. Тогда Чингис-хан тоже двинулся оттуда, сказав только: «Оказывается,

[1] Жалующийся небесам жаворонок (кит.).

они-то задумали вовлечь нас в беду-пожарище». Он перешел через Эдер-Алтайский расстанок-бельчир и, все время двигаясь в этом направлении, остановился и расположился лагерем в Саари-кеере. Вскоре Чингис-хан с Хасаром узнали, каких хлопот наделали Найманцы, но никому об этом не говорили.

§ 162. Дело в том, что Коксеу-Сабрах пустился преследовать Ван-хана. Он захватил Сангумову семью вместе с народом и юртом их, а также угнал с собою и добрую половину тех Ван-хановых людей и скота, которые находились в падях Телегету. Пользуясь таким их несчастьем, сыновья Меркитского Тохтоа, Хуту и Чилаун, забрав людей, отделились от Ван-хана и пошли вниз по течению Селенги на соединение со своим отцом.

§ 163. Разоренный Коксеу-Сабрахом, Ван-хан отправил к Чингис-хану посла, сообщая: «Найманы полонили у меня жен и детей. Почему и посылаю просить у тебя, сына своего, твоих богатырей-кулюков. Да спасут они мой народ!» Тогда Чингис-хан снарядил войско и послал четырех своих богатырей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилауна. Но еще до прибытия этих четырех кулюков Сангум уже вступил в битву при Улаан-хуте. Под ним уже пала его лошадь с простреленной голенью, когда подоспели четыре кулюка и спасли его. Спасли они и народ Ван-ханов и Сангумов и семьи их. Тогда Ван-хан сказал: «Некогда его благородный родитель точно так же вот спас мне мой окончательно потерянный было народ. Теперь я снова принимаю дар от своего сына, который послал своих четырех богатырей-кулюков и спас мой утраченный было навсегда народ. Да помогут же мне Небо и Земля воздать ему долг моей благодарности!»

§ 164. И еще говорил Ван-хан: «Итак, один раз мой утраченный улус спас мне мой анда Есугай-Баатур, а в другой раз погибший улус спас мне сын Темучжин. Эти отец с сыном, собирая мне утраченный улус, для кого же трудились они собирать и отдавать? Ведь я уже стар. Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины. Когда же я в преклонных летах взойду на горы, на скалы, кто же примет в управление весь мой улус? Младшие братья мои — негодные люди. Сыновей у меня все равно что нет: один-единственный Сангум. Сделать бы мне сына моего Темучжина старшим братом Сангума! Вот тогда бы и стало у меня два сына, и тогда — на покой». После этих речей Ван-хан сошелся с Чингис-ханом в Тульском Темном Бору, и они дали друг другу обеты отцовства и сыновства. Наподобие того, какие слова произносились некогда при обряде братания Ван-хана с отцом Есугай-ханом, так же и теперь обряд усыновления состоял в произнесении таких слов:

На врага ли поспешно ударить —
Как один, общей силой ударим.
Или дикого зверя облавить —
Как один общей лавой облавим.

[Ратуя с многочисленным врагом, будем ратовать вместе, как один. Ведя облаву на дикого зверя, будем вести облаву вместе, как один.]

Затем Чингис-хан и Ван-хан дали друг другу вот какое слово: Будем уповать только друг на друга, а потому

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, —
Мы клевете не поверим.
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.
Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

[Когда будет терзать нас зубастая змея клеветы, не будем доверять клевете: будем верить только тогда, когда лицом к лицу объяснимся. Когда будет терзать нас клыкастая змея злобы, не будем предаваться злобе: будем верить только тогда, когда в личной беседе удостоверимся.]

Произнеся эти обрядные речи, стали жить они во взаимном дружелюбии.

§ 165. Чингис-хан же задумал еще усугубить их взаимную приязнь. Для этого он решил попросить для Чжочи руки Сангумовой младшей сестры, Чаур-беки, и в свою очередь, выдать нашу Хочжин-беки за Тусаху, сына Сангума. С этим предложением он и обратился. Тут Сангум, вздумав повеличаться своею знатностью, сказал такие слова: «Ведь нашей-то родне придется, пожалуй, сидеть у вас около порога, да только невзначай поглядывать в передний угол. А ваша родня должна у нас сидеть в переднем углу да глядеть в сторону порога». Эти слова говорил он с явным умыслом почваниться собой и унизить нас. Видимо, вовсе не соглашаясь на брак Чаур-беки, они не хотели связать себя словом. Во время этих переговоров Чингис-хан внутренно охладел и к Ван-хану и к Нилха-Сангуму.

§ 166. Об этом охлаждении Чингис-хана проведал Чжамуха, и вот, в год Свиньи (1202), отправились к Нилха-Сангуму на урочище Берке-элет, что на лесистом склоне Чжечжеерских высот, отправились следующие лица: Чжамуха, Алтан, Хучар, Харакидаец Эбугечжин-Ноякин, Сюйгеетай-Тоорил и Хачиун-беки. Тут Чжамуха первый повел хулительные речи. Он говорил: «Мой анда Темучжин явно и постоянно обменивается послами с Найманским Таян-ханом.

На словах Темучжин
Все отцом вас честит
На душе ж у него
Знать, иное лежит.

[«С языка у него не сходят слова отец и сын, но в душе у него — совсем другое, он таков только на словах».]

Ужели вы доверяетс ему? Что с вами станется, если только вы не опередите его? Если же вы пойдете на анду Темучжина, то я присоединюсь к вам и ударю ему на перерез».[1]

[1] Во фланг.

Алтан же с Хучаром высказались так: «А мы для вас — Оэлуновых сынков:

Старших —
Перебьем,
Младших —
Изведем».

[А мы для вас убьем старших, прикончим младших сыновей Оэлен-эхэ».]

Эбугечжин-Ноякин Хартаат говорил: «Для тебя я ему

Руки руками заплету,
Ноги ногами пригнету».

Сказал тогда Тоорил: «Пойдем лучше и захватим у Темучжина его улус. Что ему делать, когда улус его будет отобран и останется он без улуса?» Так, оказывается, говорили эти люди. Наконец, Хачиун-беки говорил: «Что бы ты ни задумал, сын мой, Нилха Сангум, а я пойду с тобой

До края далекого,
До дна глубокого».

§ 167. Выслушав эти предложения, Нилха-Сангум послал Сайхан-Тодеена сообщить о них отцу своему Ван-хану. Ван-хан же, известясь об этом, прислал такой неодобрительный ответ: «Зачем вы так судите-рядите о моем сыне, Темучжине? Ведь он доселе служит нам опорой, и не будет к нам благоволения Неба за подобные злые умыслы на сына моего. Чжамуха ведь — перелетный болтун. Правду ли, небылицы ли плетет он — не разобрать!» Тогда Сангум опять послал сказать ему: «Как можно не верить тому, о чем болтает уже теперь всякий, у кого только есть рот и язык?» В таком роде еще и еще посылал он к отцу, но все безуспешно. Тогда он самолично, без свидетелей, отправился к отцу и говорит ему: «Уже и теперь, когда ты таков, каков есть, нам ничего не позволяется. Когда же на самом деле ты, государь мой и родитель „белому покропишь, черному запретишь", нам ли будет вверен улус твой — улус, с такими трудами собранный твоим родителем, Хурчахус-Буирух-ханом? Кому же и как будет передан улус?» На это Ван-хан ответил: «Как могу я покинуть своего сына, свое родное детище? Но ведь в нем доселе была опора наша, возможно ли злоумышлять на него? Ведь мы заслужим гнев небесный». Рассерженный этими его словами, сын его Нилха-Сангум, хлопнул дверьми и вышел вон. Тогда стало ему жаль Сангума, и Ван-хан велел его опять позвать и говорит: «Я ведь думаю только о том, как бы чего добраго не прогневить нам Неба, но сына-то своего, как же мне оставить своего сына? Это — ваше дело: делайте что только вам под силу!»

§ 168. Тогда Сангум говорит: «Они же ведь просят у нас руки Чаур-беки. Теперь и надобно послать им приглашение на сговорную пирушку, под этим предлогом заманить сюда в назначенный день да и схватить». На этом решении они и остановились и послали извещение

о своем согласии на брак Чаур-беки, вместе с приглашением на сговорный пир. Получив приглашение, Чингис-хан поехал к ним с десятком людей. На дороге остановились переночевать у отца Мунлика; отец Мунлик и говорит: «Сами же они только что нас унижали и отказывались выдавать Чаур-беки. Как же это могло случиться, что теперь, наоборот, они сами приглашают на сговорный пир? Как это может быть, чтобы люди, которые только что так чванились, теперь вдруг соглашались отдавать и сами еще и приглашали? Чистое ли тут дело? Вникнув в это дело, неужели ты, сын, поедешь? Давай-ка лучше пошлем извинение в таком роде, что, мол, кони отощали, надо подкормить коней». В виду этих советов, Чингис-хан сам не поехал, а послал присутствовать на угощении Бухатая и Киртая. Сам же из дому отца Мунлика повернул назад. Как только Бухатай и Киртай приехали, у Ван-хана решили: «Мы провалились! Давайте завтра же, рано утром, окружим и схватим его!»

§ 169. Пришел к себе домой Алтанов младший брат, Еке-Церен, и стал рассказывать о принятом, таким образом, решении окружить и схватить. «Решено, — говорил он, — решено завтра рано утром окружить его и схватить. Воображаю, чего бы только не дал Темучжин тому человеку, который отправился бы да передал ему эту весть?» Тогда жена его Алахчит, и говорит: «К чему ведет эта твоя вздорная болтовня? Ведь крепостные, чего доброго, примут твою болтовню за правду». Как раз при этом разговоре заходил в юрту подать молоко их табунщик Бадай, который, уходя, слышал эти слова. Бадай пошел сейчас же к своему товарищу, табунщику Кишлиху, и передал ему Цереновы слова. «Пойду-ка и я! — сказал тот. — Авось что-нибудь смекну!» И он пошел к господской юрте. На дворе у дверей сидел Церенов сын, Нарин-Кеень, и терпугом очищал свои стрелы. Сидит он и говорит: «О чем давеча шла у нас речь? Кому бы это завязать болтливый язык?» После этого он обратился к Кишлиху: «Поймай-ка да приведи сюда обоих Меркитских коней: Беломордого и Белогнедого. Привяжите их, ночью чуть свет надо ехать». Кишлих пошел тотчас и говорит Бадаю: «А ведь твоя правда, все подтвердилось. Теперь давай-ка мы поедем дать знать Темучжину!» Так они и уговорились. Поймали они, привели и привязали Меркитских Беломордого и Белогнедого, поздно вечером зарезали у себя в хоше ягненка-кургашку, сварили его на дровах из своей кровати, оседлали стоявших на привязи и готовых к езде Меркитских коней Беломордого и Белогнедого и ночью же уехали. Тою же ночью прибыли они к Чингис-хану. Стоя у задней стены юрты,[1] Бадай с Кишлихом по-порядку рассказали ему все: и слова Еке-Церена и разговор его сына, Нарин-Кееня, за правкой стрел, и приказ его поймать и держать на привязи Меркитских меринов Беломордого и Белогнедого. Речь свою Бадай с Кишлихом кончили так: «С позволения Чингис-хана, тут нечего сомневаться и раздумывать: они порешили окружить и схватить!»

---

[1] По правилу.

VI. КОНЕЦ КЕРЕИТСКОГО ЦАРСТВА

§ 170. Так он был предупрежден. Вполне доверяя Бадаю с Кишлихом, он в ту же ночь спешно поставил в известность самых надежных и близких людей своих, а сам в эту же ночь бежал, побросав все, что было при себе тяжелого. Направился он северным лесистым склоном Мау-ундурских гор. В Мау-ундурском бору он оставил позади себя заслон и расположил караул под начальством Урянхадайского Чжельме-гоа, на которого полагался вполне, а сам двинулся далее. Идя все в том же направлении, на другой день, когда солнце склонялось уже за полдень, он доехал до Харахалчжин-элет, где и остановился отдохнуть и покормить лошадей. На стоянке табунщик при Алчидайских меринах, Чикитай-Ядир, выпасывая своих меринов, бродил с места на место в поисках лучших кормов. Он-то и заметил пыль неприятеля, который подходил следуя через урочище Улаан-бурхат. Убежденный, что это подходит неприятель, он тотчас пригнал своих меринов. Узнав от него о приближении неприятеля, стали всматриваться.[1] Оказалось, что это за ними по пятам следует с погоней Ван-хан, стеля пыль по северному лесистому склону Мау-ундурских высот, через урочище Улаан-бурхат. Чингис-хан же, едва увидав пыль, поймал своего мерина, завьючил и уехал. Еще немного — и было бы поздно. Подъехал, оказывается, Чжамуха, который успел присоединиться к Ван-хану. Тут Ван-хан спросил Чжамуху: «А кто у сынка Темучжина в состоянии принять с нами бой?» Чжамуха и говорит: «У него, говорят, Уруудцы с Манхудцами. Эти, пожалуй что, примут бой.

Окружить-забрать
Им одним подстать.
А подстилку слать —
В пору помощь звать.
Привыкать ли им?
С малых лет друзья
Для меча, копья.
Береженый сам,
Чорно-пестрый стяг
Их хранит в боях».

[«Окружить кого — это им как раз подобает; подстилку стлать — помощь им подобает. Люди — с малых лет привычные к мечу да копью. Знамена у них — черно-пестрые. Этих, пожалуй, не взять врасплох: осторожны.]

«В таком случае, — говорит Ван-хан, — мы бросим против них Хадаги с его Чжиргинскими богатырями. В помощь[2] Чжиргинцам бросим Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь Тубегенцам бросим Олан-Дунхаитов. В помощь Дунхаитам пусть скачет Хоришилемун-тайчжи, во главе тысячи Ван-хановских гвардейцев-турхаудов. А в помощь тысяче турхаудов пойдем уж мы, Великий средний полк». Потом Ван-хан говорит: «Управляй ты, брат Чжамуха, нашим войском!» Чжамуха отъехал немного

[1] Послали разведку.
[2] В затылок.

в сторону и, обращаясь к своим товарищам, говорит: «Ван-хан просит меня управлять этим своим войском. Я ведь не могу сражаться с андой, а он велит мне управлять этим войском. Как ни прыток был Ван-хан, а оказался-то позади меня. Значит, и друг-то он на час. Давай-ка я подам весть анде — пусть анда воспрянет духом!» И Чжамуха тайно послал Чингисхану такое уведомление: «Спрашивал меня Ван-хан, кто у сынка Темучжина в состоянии принять бой. А я ответил ему, что передовым отрядом „туму" пойдут Уруудцы и Манхудцы. В виду этого и они тоже порешили сделать передовым отрядом своих Чжиргинцев и пустить их впереди всех. За Чжиргинцами по уговору назначили Тумен-Тубегенского Ачих-Шируна. В помощь к Дунхайтам назначили Хоришилемун-тайчжия, начальника Ван-хановской тысячи турхаудов. В тылу же его будет стоять, согласно этому уговору, Ван-ханов Великий средний полк. Потом Ван-хан сказал мне: „Управляй этим войском ты, брат Чжамуха!" и таким образом возлагал управление на меня. Если в это дело вникнуть, то выходит, что друг-то он на час. Как можно вместе с ним править своим войском? Я и раньше не мог сражаться с андой. Но Ван-хан, пошел, видно, дальше меня. Не бойся же, анда, дерзай!»

§ 171. Получив это известие, Чингис-хан сказал: «Что скажешь ты, дядюшка Чжурчедай Уруудский, если тебя назначим передовым?» Не успел еще Чжурчедай и рта раскрыть, как Манхудский Хуилдар-Сечен говорит: «Я сражусь перед очами анды! Воля анды — позаботиться потом о моих сиротах!» — «Нет, — говорит Чжурчедай, — перед лицом Чингисхана будем сражаться мы оба: и Урууд и Манхуд!» И с этими словами Чжурчедай и Хуилдар выстроили перед лицом Чингис-хана своих Уруудцев и Манхудцев. Не успели они выстроиться, как подошел неприятель, имея во главе Чжуркинцев. Подошел он, и Урууд с Манхудом ударили на него и смяли Чжуркинцев. Смяли и несутся вперед. Тут ударил на них Тумен-Тубегенский Ачих-Ширун. Ударил и сбил копьем Хуилдара Ачих-Ширун. Отступили Манхудцы и окружили Хуилдара. Чжурчедай же со своим Уруудом несется вперед и сбивает Тумен-Тубегенцев. Сбивает и, устремившись, далее, встречает встречный удар Олан-Дунхаита. Поразил Чжурчедай и Дунхаитов. Поразил и принимает встречный удар Хоришилемунова полка турхаудов. Потеснил Чжурчедай и Хоришилемун-тайчжия, потеснил, разбил — и вперед. Тут Сангум, не посоветовавшись даже с Ван-ханом, ударил, было, навстречу, но, пораженный в румяную щеку, тут же упал Сангум. Видя паденье Сангума, повернули назад все Кереиты и обступили Сангума. Мы все продолжаем теснить, а солнце уже заходит за горные кряжи. Тогда наши повернули назад, взяли Хуилдара, упавшего от раны Хуилдара, и отступили на прежние места. Когда наши отошли от Ван-хана, с места боя, Чингис-хан, продвинувшись несколько в темноте, заночевал на новых местах.

§ 172. Стали и расположились на ночлег. С наступлением дня стали считать своих. Оказалось, что нет Огодая, нет Борохула, нет Боорчу. «Вместе с Огодаем, — говорит Чингис-хан, — вместе с Огодаем остались и верные Боорчу и Борохул. Почему же все они отстали: живы ли, или

погибли?» Наши провели ночь при своих конях, и Чингис-хан, стоя в боевой готовности, сказал: «Если вздумают преследовать, примем бой». Вдруг, при полном свете дня, видим, подъезжает какой-то человек с тыла. Подъехал — и видим Боорчу. «О, Вечное Небо, твоя воля!»[1] воскликнул Чингис-хан, подозвав Боорчу и обнажая грудь свою. Тут Боорчу стал рассказывать: «Во время боя подо мною был убит конь, и я бежал пеший. Как раз в это время Кереиты обступили Сангума. Тут в суматохе вижу вьючную лошадь, которая стоит с покосившимся своим вьюком. Я срезал у нее вьюк, вскочил на ее вьючное седло и выбрался. Долго я шел по следу нашего отходившего войска. Наконец-то нашел вот!»

§ 173. Прошло немного времени, как опять подъезжает какой-то человек; едет, а ноги у него навесу болтаются. Издали глядеть — будто один, а как подъехали близко, оказывается это — Борохул, а сзади него «сундлатом» (вдвоем) сидит и Огодай. Подъехали. У Борохула по углам рта струится кровь. Оказывается, Огодай ранен стрелою в шейный позвонок, а Борохул все время отсасывал у него запекавшуюся кровь, и оттого-то по углам его рта стекала спертая кровь. Как увидал все это Чингис-хан, заскорбел душой и слезы полились из глаз его. Он приказал тотчас же развести огонь, прижечь рану и напоить Огодая. Сам же стоял наготове на случай наступления врага. Тут Борохул и говорит ему: «А неприятельская-то пыль назад стелется. Далеко назад расстилается его пыль по южному склону Мау-удурских высот, в сторону Улаан-бурхатов. Он подался туда!» Когда Борохул дошел до этих слов, он все продолжал стоять наготове к бою. Потом он тронулся, говоря: «Раз неприятель бежит, мы нападем на него в обход!» Двинулись затем, пошли вверх по Улхуй-шилугельчжит и вступили в Далан-нэмургес.

§ 174. Но тут с тылу, от Ван-хана, в половину перешел к нам, т. е. без жены и детей, перешел на нашу сторону Хадаан-Далдурхан. Он сейчас же рассказал о Ван-хане вот что: «Когда Ван-ханов сын Сангум упал, пораженный стрелой в румяную щеку, и войско обступило его, Ван-хан и говорит:

Большого задиру
Много и дерут.
Зачинщику в драке
Первый кнут дают!
За то и сыночку
В румяную щечку
Вбили-таки гвоздь!

[«Тем, кто чересчур занозист, — чересчур и попадает. Тем, кто занозист, — заноза и попала: вот и милому сынку моему в щеку занозу (гвоздь) загнали».]

Кинемся же выручать сынка!» Тут Ачих-Ширун и говорит ему: «Полно-те хан, государь мой!

[1] Да будет воля Вечного Неба!

Втайне о сыне — ты помнишь? — мечтал,
Жертвы-курения духам ты слал,
Слезно молитвы святые творил
Да неотступно ты „Авва“ твердил.

[«Все мы, втайне домогаясь сына, моления и жертвы приносим, „абай-бабай“ твердим, вознося усердные молитвы...»]

Будь же ты милостив к Сангуму. Ведь по молитвам твоим он родился на свет. При том же ведь с нами большинство Монголов, с Чжамухой, с Алтаном и Хучаром. А те, Темучжиновцы — в леса ведь загнали мы их; и потому вот каковы они теперь:

Вся их тяга — конь,
Вся защита — лес!

[«Средством передвижения у них — конь; покровом-плащом — лес...»]

Покажись только они нам на глаза, так мы загребем их в полы халатов, словно скотский помет. Мы им покажем!» После этих слов Ачих-Шируна Ван-хан молвил: «Ладно. Пусть будет так! Усердно ухаживайте за сыном да смотрите, чтобы его не растрясло!» Сказал и начал отступать с поля сражения.

§ 175. Между тем Чингис-хан, двинувшись с Далан-Нэмургеса вниз по течению Халхи, произвел подсчет войска. По подсчету оказалось всего 2600 человек. Тогда 1300 человек он отрядил по западному берегу Халхи, а 1300 человек Уруудцев и Манхудцев — по восточному берегу реки. По дороге продовольствовались облавами на дикого зверя. У Хуилдара еще не зажила рана, и сколько Чингис-хан его не удерживал, он все продолжал скакать за зверем. Тут рана его снова открылась, и он скончался. Тогда Чингис-хан тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах.

§ 176. Зная, что в низовьях Халхи, в том месте, где она впадает в Буюр-наур, кочует племя Терге-Амельтен-Унгират, он отрядил к ним Чжурчедая с Уруудцами и дал такой наказ: «Если они помнят свою песнь:

Мы Унгиратское племя
С давних времен знамениты
Красою и статностью дев...

если помнят, то обойдемся с ними по-хорошему. Если же они выкажут непокорство, то будем биться!» Мирно вступил к ним Чжурчедай и мирно был принят. А потому Чингис-хан никого и ничего у них не тронул.

§ 177. После замирения Унгиратов Чингис-хан ушел и расположился стойбищем по восточному берегу речки Тунге. Здесь он стал готовить нижеследующие посольские речи для послов своих Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна: «Стою на восточном берегу речки Тунге. Травы здесь — прекрасные. Кони наши блаженствуют. А хану, отцу моему, говорите так:

Что это ты, хан и отец мой, вздумал пугать нас во гневе своем? Если уж нужно было кого напугать, так что бы тебе не потревожить сладких снов у дурных ребят своих да у дурных невесток? С чего это ты так пугаешь, что под сиденьем скамьи оседают, а кверху идущий дым в стороны разлетается?

Под сиденьем скамейка разселася,
Кверху дым шел — по ветру развеялся.

то с тобою, батюшка мой, хан?

Иль мутят тебя лукавые,
Иль расстроили неправые?
Иль мутят тебя неистовые,
Иль науськали завистливые?

Помнишь ли, о чем мы говорили с тобой, хан и отец мой?

Змеи ль зубастые
Нам клеветою шипят, —
Мы клевете не поверим,
С другом увидимся,
Другу мы веру дадим.

Разве не было такого уговора? А ныне, хан и отец мой, разве ты объяснился со мною лицом к лицу, прежде чем разойтись вот так?

Змеи ль клыкастые
Злобу внушают нам, —
Злобу отбросим мы,
Друга послушаем,
Другу лишь веру дадим.

Разве не было такого уговора? А теперь разве, хан и отец мой, разве ты переговорил со мною с глазу на глаз прежде, чем расходиться со мною? Хан и отец мой! Тебе ведь известен я:

Как ни мал я числом,
Многолюдных не стану молить.
Как я родом ни худ,
Благородных не буду просить.

[«Хоть я и мал числом, а не занимать мне многолюдства. Хоть и низок я родом, а не занимать мне благородства . . . »]

Когда у повозки о двух оглоблях сломается одна оглобля, — и волу ее не свезти. Не так ли и я был твоею второю оглоблей? Когда у двухколесной телеги сломается одно колесо, — нельзя на ней ехать. Не так ли и я был у тебя вторым колесом? Начнем с самого начала нашу повесть. После родителя твоего, хана Хурчахус-Буируха, ты, как старший из его сорока

сыновей, стал ханом, и утвердившись на ханстве, ты убил двух своих младших братьев, Тай-Темур-тайчжия и Буха-Темура. Опасаясь за жизнь свою от руки твоей, брат твой Эрхе-Хара бежал и поддался Найманскому Инанча-Билге-хану. Дядя твой Гур-хан ополчился на тебя за твое братоубийство и подошел к твоим пределам. Тогда ты, с сотнею своих людей, искал спасения в бегстве. Ты бросился убегать вниз по Селенге и схоронился в ущелье Хараун-хабчал. Затем, чтобы как-нибудь оттуда выбраться, ты подольстился к Меркитскому Тохтоа, отдав ему свою дочь Хучжаур-учжин. Когда же ты выбрался из Хараун-хабчала, ты явился к родителю моему, Есугай-хану, и говорил ему: „Спаси мой улус из рук дяди моего, Гур-хана". Приняв тебя и выслушав тебя, находившегося в таком бедственном положении, отец мой, Есугай-хан, снарядил войско и выступил во главе двух отрядов под командою Хунана и Бахарчжи, из Тайчиудцев. Я спасу для тебя твой улус! — сказал он. И, действительно, он спас твой улус и возвратил тебе, прогнав Гур-хана, всего с 20—30 его людьми, из Гурбан-телесутов, где он тогда находился, в страну Хашин. По возвращении из похода вы побратались с отцом моим, Есугай-ханом, в Тульском Темном Бору. И тогда, хан и отец мой, ты так выразил свои чувства признательности и почтения к отцу моему: да помогут мне Всевышнее Небо и Земля воздать благодеянием за твое благодеяние, воздать сынам твоим и сынам сынов их! Далее, Эрке-хара выпросил у Найманского Иначчи-Билге-хана войско, ополчился против тебя и подступил к твоим пределам. Ты же, спасая свою жизнь, покинул свой улус и бежал в Сартаульскую землю, на реку Чуй, к Хара-Китадскому Гурхану. Не усидев там и одного года, ты поднял вражду с Гурханом и, убежав от него, скитался по Уйгурским и Тангутским землям. В это время ты кормился тем, что до капли отдаивал пять коз да вытачивал из верблюда кровь. И вот ты опять явился к отцу на единственном кривом кауром. Узнав о столь бедственном прибытии твоем, хан и отец, я, ради прежнего братского соглашения твоего с отцом моим Есугай-Баатуром, выслал навстречу тебе Тахая и Сюкегая, а потом и сам вышел к тебе навстречу с Келуренского Бурги-эрги и свиделся с тобой на озере Гусеур-науре. В виду твоего бедственного положения, я произвел сбор с народа и вручил тебе. И разве в то время не состоялся у нас обряд усыновления, в Тульском Темном Бору, по примеру прежнего твоего братания с моим родителем? В ту зиму я включил тебя в свой курень и содержал на свой счет. Минули зима и лето, а осенью мы пошли на Меркитов, на Меркитского Тохтоа-беки. Битва произошла при Муруче-сеуле, у горного кряжа Хадыхлих. Мы прогнали Тохтоа-беки в страну Баргучжинскую и захватили у Меркитов все: и многочисленные табуны и княжеские юрты, и хлебные запасы. И все это я отдал своему отцу хану.

Не давал я тебе голодать
И до полудня.
Не давал я тебе бедовать.
И с полмесяца.

Потом мы с тобой загнали за Алтай из Улух-тахского Сохох-Усуна, загнали Гучугуртай-Буирух-хана. Преследуя его, мы спустились вниз по реке Урунгу, и у озера Кичил-баши захватили и уничтожили его. На обратном пути, в Байдарик-бельчире, поджидал нас, с войском наготове, Найманский Коксеу-Сабрах. Из-за вечернего времени мы отложили сражение на утро и ночевали в строю. Но ты, мой хан и отец, велел зажечь огни на своей стоянке и тою же ночью тронулся вверх по Хара-сеулу. Поутру, убедившись, что на твоей стоянке никого нет и что ты, таким образом, покинул нас, я тоже ушел, промолвив лишь: „Они-то, оказывается, хотели вовлечь нас в беду!“ Пройдя затем Эдер-Алтайским Бельчиром, я расположился лагерем в Саари-кеере. Тебя же Коксеу-Сабрах стал преследовать. Он захватил Сангумову семью и весь его народ, да и у тебя, хан и отец, он полонил добрую половину людей и скота, которые находились в Телегетуйских падях. Забрал и ушел. При этом случае, находившиеся у тебя, с народом их, сыновья Меркитского Тохтоа — Худу и Чилаун — поднялись и ушли от тебя в страну Баргучжинскую на соединение со своим отцом. Тогда ты, отец и государь мой, прислал ко мне такую весть: „Найманский Коксеу-Собрах полонил мой народ. Сын мой, пришли мне на помощь своих четырех витязей-кулюков“. Не мысля так, как ты, я тотчас же по твоей просьбе послал к тебе с войском четырех своих витязей-кулюков: Боорчу, Мухали, Борохула и Чилаун-Баатура. Еще до прибытия этих четырех витязей, Сангум завязал было бой в урочище Улан-хуте. Лошадь под ним была ранена в бедро, и его самого уже схватили, когда подоспели эти мои четыре витязя. Они отбили Сангума, отбили его семью и народ и все это вручили тебе. Тут, хан и отец мой, ты стал выражать свою глубокую признательность. Ты говорил: Вот я получаю в дар от сына своего Темучжина свой утраченный народ, который спасли присланные им его четыре витязя. За какую же вину мою прогневался ты на меня теперь, хан и отец мой? Пошли ко мне посла для объяснения твоего неудовольствия. Если пошлешь, то посылай Хулбари-Хури и Идургена. Если нельзя двоих, то посылай последнего».

§ 178. Выслушав эту речь, Ван-хан сказал: «О, погибнуть мне!

Сына ли только забыл я?
Правды закон я забыл.
Сына ли только отверг я?
Долг платежа я отверг.

Если теперь я увижу своего сына да умыслю против него худое, то пусть из меня вот так выточат кровь!» и с этими словами он, в знак клятвы, уколол свой мизинец зеркальным ножичком для сверления стрел и, выточив из ранки берестяной бурачок крови, попросил передать его своему сыну.

§ 179. Чжамухе же, анде своему, Чингис-хан наказывал сказать так: «Ты из ненависти разлучил меня с ханом и отцом моим. Бывало тому

из нас, кто вставал раньше, полагалось пить из синей чаши хана и отца. Вставая раньше, я и получал право пить из нее. Вот ты и возненавидел меня с тех пор из зависти. Осушайте же теперь отцову ханскую синюю чашу! Не много отнимете у меня!» А Алтану с Хучаром он велел сказать: «Открыто ли вы хотите покинуть меня, или надумали покинуть коварно и лицемерно? Тебе, Хучар, как сыну Некун-тайчжия, мы предлагали быть ханом, но ты ведь сам отказался. И тебе, Алтан, мы предлагали: „Хутула-хан правил ведь всеми нами. Будь же и ты ханом, ведай всеми, как и отец твой!“ — говорили мы. Но ты тоже отказался. Не мог же я повелеть и другим из более высоких по происхождению: „Будьте ханами вы, Сача и Тайчу, как сыновья Бартан-Баатура“. Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой. И если бы, с божьей помощью, полонил врагов, то вот как я поступал бы:

Дев и жен прекраснощеких,
Меринов статей высоких
Вам послушный доставлял бы.
При охотничьих облавах
Зверя горного добычу
Я, стегно к стегну прижав,
Вам почтительно сдавал бы.
Зверя, что живет в берлогах,
Я, бедро к бедру прижав,
Вам бы полностью сдавал.
Зверя дикого степного,
Брюхо к брюху приложив,
Вам сдавал бы без изъяна.

* * *

Ныне ж хану и отцу
Верой правдой вам служить!
Вам, как будто, не к лицу
Нерадивыми прослыть.
Рот заткните болтовне,
Будто суть тут вся во мне.
А Трехречье, у истока,
Стерегите пуще ока».

[«Я предоставлял бы вам прекрасноланитных дев и жен, прекрасных статей меринов. Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я предоставлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя — предоставлял бы ляжка в ляжку; степного зверя — доставлял бы, притиснув брюхо к брюху.

«Ныне служите хорошенько отцу моему — хану. Поговаривают о вашей нерадивости. Не допускайте подобных толков: ведь вы родственники д ж а о т х у р и (т. е. мои). Никому не позволяйте стоять (располагаться кочевьем) у истоков Трех рек».]

Такие слова он приказал сказать им.

§ 180. Еще наказывал он передать младшему брату Тоорилу: «Причина прозвания „младший брат“ вот какова. Вернулись из похода некогда Тумбинай и Чарахай-Линху, вернулись с пленным рабом по имени Охда. У раба Охдая был сын — раб Субегай. Субегаев сын — Кокочу-Кирсаан. Кокочу-Кирсаанов сын — Егай-Хонтохор. Егай-Хонтохоров сын — ты, Тоорил. Чей же улус надеешься ты получить, что так угодничаешь? Ведь моего улуса Алтан с Хучаром, конечное дело, никому не дадут. Только потому ведь и зовут тебя младшим братом.

Только затем, что прапрадеду нашему
Предок твой был у порога рабом.
Только затем, что и прадеду нашему —
Стал по наследству рабом-вратарем.

Вот это я только и хотел сказать тебе».

§ 181. И еще наказывал он: «А вот что передайте вы другу Сангуму-анде:

Видно, в рубашке на свет я родился.
Ты ж голышом, как и все, появился.

Наш хан и родитель равно заботился об нас обоих. Ты же, друг мой Сангум-анда, ревновал и гнал меня, лишь только я появлялся около отца. Теперь же ты обязан и утром и вечером, и входя и выходя от отца и хана нашего, должен ты веселить, а не терзать его сердце. Не мучь же и не расстраивай хана и родителя нашего, не отвращай лица его своими настойчивыми и неуклонными притязаниями стать ханом еще при жизни родителя!» А после этих слов присовокупите: «Когда ты, друг Сангум-анда, будешь снаряжать ко мне посольство, то шли двоих: Билге-беки и Тодоена. Итак, пусть шлют ко мне по двое от каждого: Родитель-хан, друг Сангум-анда, Чжамуха, Алтан, Хучар, Ачих-Ширун и Хачиун». Такие посольские речи возложил он на Архай-Хасара и Сукегай-Чжеуна. Когда же эти речи были выслушаны, Сангум сказал: «Когда это он имел в обычае говорить: хан-родитель? Не именовал ли он отца старым разбойником? А меня-то, когда он называл меня другом-андой? Не предрекал ли ты мне в будущем закручивать хвосты у туркестанских овец, Тохтоа-боо? Смысл этих его речей понятен, не требует пояснений. Дело идет о войне.[1] Поднимайте же боевое знамя, Бильге-беки и Тодоен! Откармливайте коней — нечего судить-рядить». Тогда Архай-Хасар сейчас же стал собираться уезжать. А у Сукегай-Чжеуна семья, оказывается, находилась здесь, у Тоорила. Не решаясь поэтому уехать, Сукегай-Чжеун отстал от Архая. Архай же приехал и сообщил Чингис-хану об этих речах.

§ 182. Тогда Чингис-хан тотчас же ушел с речки Тунге и расположился лагерем при озере Балчжуна. Во время здешней стоянки нам добровольно покорились Горлосцы, после того как Горлосский Цоос-Цаган вступил с нами в переговоры. Здесь же на водопое произошла встреча

[1] Эти слова — начало (голова) войны.

с Туркестанцем Асаном, который на белом верблюде гнал от Онгудского Алахуш-дагитхури тысячу кладеных баранов и попутно скупал соболей и белок у охотников вниз по течению реки Эргуне.

§ 183. На этой же стоянке при водопое подошел к Чингис-хану и Хасар. Он бросил у Ван-хана свою жену и троих сыновей — Егу, Есунке и Туху, и с несколькими товарищами ушел. В поисках своего старшего брата Чингис-хана он прошел наугад по его следам весь Хараун-чжидунский хребет, но не мог найти его. Далее шел он, питаясь с голоду сухими жилами, пока, наконец, не набрел на него у Балчжуна. На радостях, что с ним теперь Хасар, Чингис-хан предложил отправить к Ван-хану посла. И решили они послать Харидара-Чжауредайца и Чахурхана-Урянхайца, которым поручили сказать хану-отцу, от имени Хасара, следующее:

«Брата родного я долго искал.
Видом, однако, его не видал.
Следом за ним неустанно следил,
След же его, надо думать, простыл.
Голосом громким к нему я взывал,
Но без ответа мой голос звучал.
Ночью, с рукой в изголовье, лежу,
В небо на звезды печально гляжу.
Если б у хана я милость снискал,
Он бы надежного мужа прислал,
К хану обратно помчался бы я:
Там ведь заждалась родная семья».

[«Я потерял всякий след своего старшего брата, которого выглядывал-высматривал. Искал, но и следа (пути бега) его не мог сыскать. Взывал, но никто не внял моему голосу. Смотря на звезды, лежу я с рукою в изголовье вместо подушки. Жена и дети — у хана-отца. Если бы обрел (от хана) верного мужа, то отправился б к хану-отцу».]

Отправляя с этим поручением Хариудара и Чахурхана, разъяснили им вот что: «Сейчас же вслед за вами выступим и мы. Условным местом встречи будет урочище Аргал-гоуги на Келурене, куда вы и явитесь на обратном пути, по исполнении поручения». После того, пустив передовыми Чжурчедая и Архая, Чингис-хан выступил с войском вслед за ними и достиг урочища Аргал-гоуги на Келурене.

§ 184. Хариудар же с Чахурханом прибыли к Ван-хану и от имени Хасара передали ему то, что им было наказано. А Ван-хан в ту пору, оказывается, беспечно пировал, воздвигнув себе золотой терем. На речи Халиудара и Чахурхана он ответил: «Раз так, пусть себе Хасар приезжает!» И он приказал послать к нему, по общему согласию, верного человека, Итургена. Тотчас же их всех и отправили. Подъезжая к условленному месту, к урочищу Аргал-гоуги, Итурген сразу заметил там, как будто бы, большое скопление людей и круто поворотил назад, но у Хариудара была быстрая лошадь. Хариудар нагнал его, но, не решаясь схватить его, то забегал ему навстречу, то немного приотставал. Тут-то Чахурхан, у которого лошадь была не так хороша на бегу, выстрелом сзади осадил

на круп Итургенову лошадь с золотым седлом. Тогда Хариудар с Чахурханом схватили Итургена и доставили к Чингис-хану. Но тот не пожелал с ним разговаривать, а только молвил: «Это — дело Хасара, отведите его к нему!» Отвели к Хасару, и тот, не проронив ни слова, тут же на месте изрубил его.

§ 185. Хариудар же и Чахурхан сказали Чингис-хану: «Ван-хан, в совершенной беспечности, пирует и веселится в золотом терему. Двигаясь без остановки день и ночь, мы можем накрыть его внезапным налетом». Одобрив это предложение, он послал с передовым отрядом Чжаурчедая и Архая. Не делая даже ночных остановок, подошли и окружили Ван-хана в Чжер-кабчигайской пади Чжечжеерских высот. Три дня и три ночи шел бой. Наконец, окруженный со всех сторон, неприятель на третий день сдался. Недоумевали, каким образом Ван-хану с Сангумом ночью удалось спастись бегством. Оказалось, что это — дело рук известного храбреца, Чжиргинца Хадах-Баатура. Сдавшись, Хадах-Баатур явился к Чингисхану и сказал: «Мы бились три дня и три ночи. Увидав своего природного государя, я подумал: „Возможно ли схватить его и предать на смерть?“ Нет! сказал я себе. Я не могу покинуть своего государя. Буду биться еще, чтобы дать ему возможность прорваться, налегке бежать и спасти свою жизнь. Теперь же, если повелишь умереть — умру, а помилуешь — послужу». Чингис-хану понравилась речь Хадах-Баатура, и он соизволил сказать в ответ следующее: «Разве не настоящий муж-воин тот, кто не мог покинуть своего природного государя, кто сражался для того, чтобы дать ему возможность налегке уйти и спасти свою жизнь? Это — человек, достойный дружбы». И не дозволил его казнить, но милостиво соизволил повелеть: «За жизнь Хуилдара пусть Хадах-Баатур и сто Чжиргинцев служат его семье. И сыновья их пусть служат детям и внукам Хуилдара. А дочерей своих родители, Чжиргинцы, не должны выдавать замуж по своей воле. Пусть они служат членам семьи Хуилдаровой, как предваряя, так и сопровождая их». И повелел при этом Чингис-хан, жалуя семью Хуилдара: «За то, что Хуилдар-Сечен раньше всех произнес слова преданности, повелеваю сиротам его, из поколения в поколение, потомственно пользоваться сиротским жалованьем-абулиха за службу Хуилдара».

VII. КЕРЕИТЫ И ИХ МОНГОЛЬСКИЕ СОЮЗНИКИ, ВО ГЛАВЕ С ЧЖАМУХОЙ ПЕРЕДАЮТСЯ НАЙМАНАМ. СМЕРТЬ ВАН-ХАНА. РАЗГРОМ НАЙМАНОВ И МЕРКИТОВ.

§ 186. Ниспровергнув таким образом Кереитский народ, он приказал раздавать его во все концы. Одну сотню Чжиргинцев он пожаловал за службу Сулдесцу Тахай-Баатуру. Отдавая дальнейшие распоряжения, Чингис-хан отдал Толую Сорхахтани-беки, младшую из двух дочерей Ванханова брата Чжаха-Гамбу, а старшую, по имени Ибаха-беки, взял себе. По этой-то причине он не только не позволил разорить Чжаха-Гамбу,

но милостиво позволил ему, со всеми его наследственными крепостными, служить как бы второю оглоблей своей колесницы.

§ 187. И еще изволил повелеть Чингис-хан: «В награду за подвиг Бадая с Кишлыхом пусть будут у них сменной стражей, кешиктенами, Ванхановы Кереиты, вместе с золотым теремом, в котором жил Ван-хан, с Винницей, утварью и прислугой при них. И пусть Бадай с Кишлыхом, в роды родов их, пользуются свободным дарханством, повелевая своим подданным носить свой сайдак и провозглашать чару на пирах. Во всяком военном деле пусть они пользуются тою военной добычей, какую только нашли!» И присовокупил: «Благодаря подвигу Бадая с Кишлихом, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Кереитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!» Всех вдоволь оделил он Кереитскими пленниками. Тумен-Тубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали Олон-Дунхаитов и все еще не покончили с ними. А кровавых разбойников Чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать. По таковом истреблении Кереитского племени, зазимовали в ту зиму на урочище Абчжя-кодегери.

§ 188. Непокорные же Ван-хан с Сангумом спасались бегством. Ван-хан, намереваясь напиться, подошел к речке Некун-усун в урочище Дидик-сахал и как раз наткнулся на караул Найманов под командой Хорису-бечи. Хорису-бечи схватил Ван-хана. Тот стал уверять его, что он Ван-хан, но Хорису-бечи, не зная его в лицо, не поверил и тут же убил. Чтобы не попасть в Дидик-сахальский Некун-усун, Сангум пошел в обход и забрел в пустыню. В поисках за водой, Сангум увидал хуланов, которые стояли, отбиваясь хвостами от оводов. Он стал подбираться к ним. При Сангуме же был только его конюший Кокочу с женой. Только трое их и было всего. Тут-то Кокочу вдруг вскачь повернул домой, уводя с собою и Сангумова мерина. А жена говорит ему:

«Что ж от хана ты бежал?
„Мой Кокчу“ тебя он звал.
Сладко ел ты, сладко пил,
Шитый золотом ходил!»

И стала, было, жена его отставать. «Уж не собралась ли ты спутаться с Сангумом?» — говорит ей Кокочу. — «Пусть же, — говорит она, — пусть я буду по вашему баба с собачьей мордой, но ты должен вернуть ему хоть золотую чашку его, в чем бы ему воды-то хоть напиться». Тогда Кокочу швырнул назад золотую чашку и поскакал дальше, крикнув лишь: «Получай свою золотую чашку!» Вскоре же они вернулись домой. Явившись к Чингис-хану, конюший Кокочу первым делом похвалился, что вот-де я вернулся, бросив Сангума в пустыне. Потом он рассказал все, как было. Государь же, взыскав своею милостью жену его, самого Кокочу приказал зарубить и выбросить. «Этот самый конюх Кокочу явился ко мне, предав

так, как он рассказывал, своего природного хана! Кто же теперь может верить его преданности?» — сказал Чингис-хан.

§ 189. Гурбесу, мать Найманского Таян-хана, говорила: «Ван-хан ведь был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову. Если это действительно он, мы принесем ей жертву». Послали к Хорису-бечи, и тот отрезал и доставил его голову, которую и опознали. Разослали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать пред нею жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуки лютни-хура. Как вдруг голова при этом жертвоприношении рассмеялась: «Смеешься!» — сказал Таян-хан и приказал вдребезги растоптать голову ногами. Тогда Коксеу-Сабрах и говорит: «Вы же ведь приказывали отрезать голову покойного хана и доставить ее сюда; с чем же это сообразно самим же и попирать ее ногами? Недаром наша собака что-то не к добру начала лаять. Говаривал, бывало, Инанча-Билге-хан:

„Жена молода,
А я уж старик.
Таян же, мой сын,
Мне даром чудесным
Молитвы ниспослан.
Увы! Благодетельным духом
Торлуком ниспосланный сын мой!
И сонмом вельмож знаменитых
И смердов несметной семьею
Тебе ли, нездешнему, править?“

[«Жена молода, а я состарился. Этого Таяна родила по молитвам. Ах, сын мой, которого произвел на свет Торлук (гений-хранитель). Сможешь ли ты пещись и править благородными, а также и многочисленными холопами-чернью моего улуса?»]

Не к добру что-то стала лаять у нас собака. Прозорливо правит наша государыня Гурбесу. Но ты, хан мой Торлук-Таян, ты больно изнежен. Нет у тебя других ни забот, ни сноровки, кроме птичьей охоты да звериных облав!» Стерпев эти слова, Таян-хан говорит: «Сказывают, что в северной стороне есть какие-то там ничтожные монголишки и что они будто бы напугали своими сайдаками древлеславного великого государя Ван-хана и своим возмущением довели его до смерти. Уж не вздумал ли он, Монгол, стать ханом? Разве для того существует солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе разом? Так же и на земле. Как может быть на земле разом два хана? Я вот выступлю и доставлю сюда этих, как их там, Монголов!» Тут мать его, Гурбесу, и говорит: «Еще чего не хватало!

Костюм у Монголов невзрачен на вид,
От них же самих нестерпимо смердит.

Пожалуйста, подальше от них! Пожалуй, что их бабы и девки годятся еще доить у нас коров и овец, если только отобрать из них которые получше да велеть им вымыть руки и ноги!» — «Ну, хорошо! — говорит Таян-хан. —

Каковы бы там ни были эти Монголы, мы пойдем и доставим сюда их сайдаки».

§ 190. На эти слова Коксеу-Сабрах заметил: «Очень уже надменно вы говорите! Ах, Торлух-хан! Надо бы воздержаться. Приличны ли такие речи?» И долго еще отговаривал его Коксеу-Сабрах, но он отправил к Онгудскому Алахуш-дигитхури посла, по имени Торбидата, с таким сообщением: «Сказывают, что там на севере есть какие-то ничтожные Монголы. Будь же моей правой рукой. Я выступлю отсюда, и мы соединимся. Отберем-ка у этих, как их там, Монголов их сайдаки!» Алахуш-дигитхури ответил: «Я не могу быть твоею правой рукой». Дав ему такой ответ, Алахуш-дигитхури отправил к Чингис-хану посла, по имени Ю-Хунана, и сообщил: «Найманский Таян-хан собирается притти и отобрать у тебя сайдаки. Он присылал просить меня быть у него правой рукою, но я отказался. Теперь же посылаю тебя предупредить. А то, чего доброго, явится он, и не остаться бы тебе без сайдаков!» Как раз в это время Чингис-хан охотился в степи Темен-кеере. Когда пришел с вестями от Алахуш-дигитхури его посол Ю-Хунань, облавы шли вокруг урочища Тулкин-чеуд. Тут же на охоте стали совещаться, как быть, причем многие указывали на отощалость наших коней и недоумевали, что теперь делать. Тогда Отчигин-нойон говорит: «Так неужели можно отговариваться словами вроде того, что наши кони тощи? У меня кони — жирны! Ужели спокойно выслушивать подобные речи?» Затем слово взял Бельгутай-нойон. Он сказал вот что:

«Жизнь мне нужна ли, если с живого
Снял неприятель сайдак у меня?
Разве не лучше для воина-мужа
В битве погибнуть и кости сложить свои
Рядом с сайдаком и луком своим?
„Царство великое, подданных множество“:
Найманов дерзость вот чем питается!
Если ж на эти надменные речи
Мы им ответим внезапным ударом,
Трудно ли нам их сайдаки отнять?
Выхолить надо несметный табун им:
Где же тут в срок к выступленью успеть?
Нужно дворцы да хоромы грузить:
Как же им срока не пропустить?
Разве спасаться в горы высокие
Толпы Найманские не побегут?
Раз попустили мы дерзкие речи,
Что же тут думать, что тут гадать?
Тотчас же на-конь, Монгольская рать!»

[«Если, заживо, попустить „товарищу“ отнять свой сайдак, то какая польза и живу быть? Не добро ли рожденному мужем лечь костьми рядом со своим луком и прахом витязей? Найманцы хвастают, уповая на то, что улус их велик и многолюден. А трудно ли нам у них у самих позабирать сайдаки, выступив в поход не мешкая. Если же выступят

они, то не пристанут ли у них кони и не опоздняться ль они? Не опоздняться ль они, взваливая себе на плечи свои юрты-дворцы? Не побежит ли многолюдье их спасаться в высокие (горные) страны? Как можно усидеть при подобных надменных речах их? На коней не медля!»]

§ 191. Понравилось это слово Бельгутая Чингис-хану. Остановив охоту, он выступил из Абчжиха-кодегера и расположился лагерем по Халхе, в урочище Орноуйн-кельтегай-хада. Произвели подсчет своих сил. Тут он составил тысячи и поставил нойонов, командующих тысячами, сотнями и десятками. Тут же поставил он чербиев. Всего поставил шесть чербиев, а именно: Додай-черби, Дохолху-черби, Оголе-черби, Толун-черби, Бучаран-черби и Сюйкету-черби. Закончив составление тысяч, сотен и десятков, тут же стал он отбирать для себя, в дежурную стражу, кешиктенов: 80 человек кебтеулов, — ночной охраны, и 70 человек турхаудов, — дневной гвардейской стражи. В этот отряд по выбору зачислялись самые способные и видные наружностью сыновья и младшие братья нойонов, тысячников и сотников, а также сыновья людей свободного состояния (уту-дурайн). Затем была отобрана тысяча богатырей, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами. Семьюдесятью турхаудами повелено управлять Оголе-черби̇ю, по общему совету с Худус-Халчаном.

§ 192. Кроме того, Чингис-хан издал такое повеление: «Стрельцы, турхауты, кешиктены, кравчие, вратари, конюшие, вступая в дежурство утром, сдают должность кебтеулам перед закатом солнца и отправляются на ночлег к своим коням. Кебтеулы, расставив кого следует на дежурство при вратах, несут ночную караульную службу вокруг дома. Наутро, в ту пору, когда мы сидим за столом, вкушая суп-шулен, стрельцы, турхауты, кравчие и вратари, сказавшись кебтеулам, вступают каждый в свою должность и располагаются по своим постам. По окончании своего трехдневного и трехнощного дежурства, они сменяются указанным порядком и, по истечении трех ночей, вступают ночными кебтеулами и несут караульную службу вокруг». Итак, покончив с составлением тысяч, поставив чербиев, учредив отряд кешиктенов в 80 кебтеулов и 70 турхаудов, отобрав богатырей для Архай-Хасара, он выступил в поход на Найманский народ с урочища Орноуйн-кельтегай-хада на Халхе.

§ 193. Выступив, по окроплении знамени, 16-го числа первого летнего месяца, в красный день полнолуния года Мыши (1204), он послал передовыми-алхумчинами Чжебе и Хубилая вверх по реке Келурену. Достигли Саари-кеере, где в истоках Канхархи оказался уже Найманский караул. Начались столкновения караулов, причем Найманам удалось захватить у нашего караула одну пегую лошаденку с плохоньким на ней седлом. Тогда у Найманов пошли разговоры, что-де кони у Монголов совсем тощие. Наши же, задержавшись в степи Саари-кеере, стали совещаться, как быть дальше. Тут Додай-черби внес Чингис-хану такое предложение: «Наших-то мало. А сверх того, что мало, уже изрядно утомились. Давайте же широко развернемся и постоим в этой степи Саари-кеере, пока не войдут в тело

кони. А тем временем пусть по ночам у нас, у каждой живой души, у каждого ратника, зажигается по пяти костров сразу в различных местах. Будем наводить на неприятеля страх множеством костров! Найманов-то, как слышно, много. Но для хана их, который еще никуда из дому не выходил, для хана их и малого довольно. Так мы и Найманов вгоним в пот кострами да и коней своих откормим. А как откормим коней, то сразу же обратим в бегство их караул, разобьем его, прижмем к главному среднему полку и в этой-то суматохе ударим на них. Что скажете на это?» Чингис-хан одобрил это предложение и тотчас отдал по войску приказ зажигать костры. Тотчас армия широко развернулась по степи Саари-кеере, и каждый человек зажег костры в пяти различных местах. Ночью, с высоты у истоков Канхархи, Найманские дозорные увидали множество огней и говорят: «Не сказывали ль нам, что Монголов мало? А костров-то у них больше, чем звезд!» Представили они тогда к Таян-хану пегую лошаденку с плохоньким седлом и докладывают: «Монгольское войско запрудило уже всю степь Саари-кеере. Не прибывает ли их с каждым днем? Огней у них больше звезд!»

§ 194. Таян-хан находился в Канхайском Хачир-усуне, когда пришло это донесение. Получив его, он послал сообщить своему сыну, Кучулук-хану: «Монгольские кони, как видно, плохи. Но огней у них, доносят, больше звезд. Стало быть, Монголов-то много.

Если с Монголом сейчас нам связаться,
Просто ли будет от них отвязаться?
Если теперь же сойтись и сразиться,
Глазом ведь те не мигнут уклониться:
В щеку коли ты их острым копьем,
Черная кровь потечет с них ручьем —
С места, однако, Монгол не сойдет.
Стоит ли нам в настоящую пору
С диким Монголом в сраженье ввязаться?

[«Если мы теперь же с ними сойдемся, то не будет ли трудно отступить? Стоит ли сейчас связываться с этими свирепыми Монголами, которые глазом не моргнут, когда их рубят в щеку; которые непоколебимы даже и тогда, когда струится их черная кровь?..»]

Известно, что кони у Монголов тощи. Давайте мы сделаем вот что: переправим свой народ на ту сторону Алтая, а сами, подтянувшись и двигаясь налегке,[1] будем продвигать войска слева направо и завлекать их в засаду. Так, вовлекая их в мелкие стычки, мы дойдем до высот южного склона Алтая. За это время наши табуны откормятся. Тогда-то мы, изнурив таким образом Монголов и еще больше истощив их коней, тогда-то мы и ударим[2] им прямо в лицо!» Ознакомившись с этим планом, Кучулук-хан и говорит: «Ну, так и есть![3] Эта баба Таян разглагольствует так из трусости. Откуда это у него появилось множество Монголов? Ведь большинство Монголов.

[1] Подсучившись.
[2] Плеснём.
[3] Неисправим, опять за свое!

с Чжамухой вместе, здесь, у нас!» И велел он через посла ответить отцу такою язвительной и обидной речью:

«Разве не трусости ради своей
Так разглагольствует баба Таян,
Та, что подальше еще не ходила,
Нежели до-ветру баба брюхатая.
Дальше еще и не хаживал он,
Нежели в поле теленок кружоный».[1]

[«Не из трусости ли прислал ты такое предложение, баба Таян, который не выходил из дому даже на расстояние отхожего места для беременной бабы; не доходил даже на расстояние бега кружоного теленка».]

Выслушав, как его обзывают бабой, Таян-хан и говорит:

«О мой могучий отважный Кучлук!
Пусть он отваги своей не покинет
В день, когда в битве сойдемся с врагом.

Сойтись-то мы сойдемся, а вот легко ли разойдемся!» Тут вступился подчиненный Таян-хана, великий нойон Хорису-бечи, и говорит: «Твой родитель, Инанча-Билге-хан, равному врагу не показывал ни молодецкой спины, ни конского тылу. Что же ты-то нынче теряешь голову перед завтрашним днем? Если б только знали, что ты такой трус, так лучше бы привезли сюда твою мать, — даром, что она женщина! Разве не управилась бы она с войском? Устарел у тебя бедняга Коксеу-Сабрах, и что за негодное управление стало у нашего войска! Разве не видно, что пробил час счастливой судьбы для Монголов? Ах ты, Торлук-хан, никчемный ты, видно, человек!» И он ударил по своему сайдаку и, показав тыл, ускакал.

§ 195. Разгневался на эти слова Таян-хан и говорит:

«Что смерть,
Что страданья,
Не все ли равно?

Итак — в бой!» И он тронулся с Хачир-усуна, прошел вниз по Тамиру, переправился через Орхон и, следуя нижним склоном Наху-гуна, подошел к Чахирмаутам. Тут приближение Найманов заметил Чингис-ханов дозор и тотчас послал ему извещение. Чингис-хан выступил против Найманов со словами: «Ведь и вреда же бывает от многих так много; а от немногих — немного!» Наши погнали неприятельский караул. Строясь в боевой порядок, наши ратники говорили друг другу:

«Бегом пробежим хоть по терниям,
А строем построимся хоть и в озере,
Битву же пробьемся хоть долотами!»

[«Будем биться, хотя бы пришлось пролезать по тропам через заросли дикой акации — харагана; хотя бы пришлось строиться среди озера; хотя бы пришлось наносить удары долотом».]

[1] Телячья «кружоная болезнь» или «вертячка».

Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Хасару поручил главные силы центра, а Отчигину поручил тыл с заводными конями. Отойдя от Чахирмаудов, Найманы расположились по южному полугорью Наху-гуна. Наш караул, гоня перед собою Найманский караул, вплотную прижал его к их главным силам на полугорье Наху-гуна. Таян-хан, наблюдая за этим преследованием, обратился к Чжамухе, который принимал участие в походе на стороне Найманов: «Что это за люди? Они подгоняют так, как волк подгоняет к овчарне многочисленное стадо овец. Что это за люди, которые так подгоняют?» На это Чжамуха, ответил: «Мой анда Темучжин собирался откормить человеческим мясом четырех псов и привязать их на железную цепь. Должно быть, это они и подлетают, гоня перед собою наш караул. Вот они, эти четыре пса:

Лбы их — из бронзы,
А рыла — стальные долота.
Шило — язык их,
А сердце — железное.
Плетью им служат мечи,
В пищу довольно росы им,
Ездят на ветрах верхом.
Мясо людское — походный их харч,
Мясо людское в дни сечи едят.
С цепи спустили их. Разве не радость?
Долго на привязи ждали они!
Да, то они, подбегая, глотают слюну.
Спросишь, как имя тем псам четырем?
Первая пара — Чжебе с Хубилаем.
Пара вторая — Чжельме с Субетаем».

[«У этих четырех псов лбы—бронзовые, морды — как долото, языки — что шила, сердца — железные, а плети — мечи. Питаются росою, а ездят верхом на ветрах. Во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной. Это они сорвались с цепей и ныне, ничем не сдерживаемые, ликуют и подбегают, брызжа слюной. Это они!» — «Кто же они, эти четыре пса?» — спросил хан. — «Это две пары: Джебе с Хубилаем, да Джельме с Субеетаем».]

— «Ну, так подальше, — говорит Таян-хан, — подальше от этих презренных тварей!» и, поднявшись выше, остановился на полугорье. Тут заметил Таян-хан, что вслед за ними, ликуя, мчатся и окружают их витязи. И спросил Таян-хан Чжамуху:

«Кто же вон те и зачем окружают?
Будто с зарей сосунков-жеребят
К маткам своим припустили.
Маток они обегают кругом,
Жадно к сосцам приникая».

[«А кто эти и зачем окружают их, наподобие жеребят, которые выпущены рано поутру и теснятся вокруг своих маток, приникая к сосцам их».]

10*

И Чжамуха отвечал так:

«То по прозванью Манхуд-Урууд.
Страшной грозой для злодея слывут.
Витязя, мужа с тяжелым копьем,
Им, заарканив, поймать нипочем.
Витязя ль, мужа с булатным мечом,
Или в крови своих жертв палача
Свалят, нагнав, и порубят с плеча.
Это с восторгом они обступают,
Это, ликуя, они подлетают».

[«Это — так называемые Уруудцы и Манхудцы, которые, настигая, валят с ног, убивают и ограбляют носящих мечи кровавых грабителей, которые осыпают проклятьями носящих копья: то приближаются они, ликуя и блистая».]

— «Лучше всего, — говорит Таян-хан, — лучше сего подальше от этих презренных! И поднимается еще выше на гору. И спрашивает тут Таян-хан у Чжамухи: «А кто же это позади них? Кто это едет, выдавшись вперед и глотая слюну, словно голодный сокол?» Чжамуха же сказал ему в ответ:

«Тот, кто передним несется один,
То побратим мой, анда Темучжин.
Снизу доверха в железо одет:
Кончику шила отверстия нет.
Бронзой сверкающей весь он залит:
Даже иглою укол не грозит.
Это мой друг, мой анда Темучжин,
Словно голодная птица-ловец,
Мчится, глотая слюну, молодец.

[«Это подъезжает мой анда Темучжин. Все тело его залито бронзой: негде шилом кольнуть; железом оковано: негде иглою кольнуть. Разве не видите вы, что это он, что это подлетает мой друг Темучжин, глотая слюну, словно голодный сокол...»]

Смотрите же, друзья Найманы. Не вы ль говорили, что только бы увидать вам Монголов, как от козленка останутся рожки да ножки?» Тогда Таян-хан говорит: «А ну, взберемся-ка по этой пади на гору». И взбирается повыше на гору и опять спрашивает Чжамуху: «А кто это так грузно двигается позади него?» Чжамуха отвечает:

«Мать Оэлун одного из сынков
Мясом людским откормила.
Ростом в три сажени будет,
Трехгодовалого сразу быка он съедает,
Панцырь тройной на себя надевает,
Трое волов без кнута не поднимут.
Вместе с сайдаком людей он глотает:
В глотке у витязя не застревает.
Доброго молодца съест он зараз:
Только раздразнит охоту.

Если ж во гневе — не к часу сказать! —
Пустит, наладив стрелу-анхуа он —
Насквозь пройдя через гору, к то́му ж
Десять иль двадцать пронзит человек.
Если ж повздорит он с другом каким —
Будь между ними хоть целая степь —
Кейбур-стрелу, ветряницу, наладив,
Все ж на стрелу он нанижет его.
Сильно натянет — на девять сотен алданов сшибет,
Слабо натянет — на пять он сотен достанет.
Чжочи-Хасар прозывается он.
То не обычных людей порожденье:
Сущий он демон — мангус Гурельгу».

[«Мать Оэлун откормила одного своего сына человеческим мясом. Ростом он в три алдана, моховых сажени. Съедает трехлетнюю корову. Одет в тройной панцырь. Трех быков понукают везти его. Глотнет целого человека вместе с колчаном — в глотке не застрянет; съест целого мужика — не утолит сердца. Осердится, пустит стрелу свою, стрелу анхуа, через гору — десяток-другой людей на стрелу нанижет. Поссорится с приятелем, живущим по ту сторону степи, пустит стрелу свою кейбур-ветряницу, так и нанижет того на стрелу. Сильно потянет тетиву — на 900 алданов стрельнет. Слегка натянет тетиву — на 500 алданов стрельнет. Не человеком он порожден, а демоном Гурельгу-мангусом. По прозванью — Хасар. То, должно быть, он!»]

— «Раз так, — говорит Таян-хан, — давай-ка поспешим мы еще выше в гору!» Поднялся выше и спрашивает у Чжамухи: «А кто же это идет позади всех?» На это говорит ему Чжамуха:

«Будет, наверное, то Отчигин:
У Оэлуны он на́именьший сын.
Смелым бойцом у Монголов слывет,
Рано ложится да поздно встает.
Из-за ненастия не подкачает,
А на стоянку — глядишь — опоздает!»

[«А это — Отчигин, малыш матушки Оэлун. Слывет он смельчаком. Из-за непогоды не опоздает, из-за стоянки отстанет!»]

— «Ну, так давайте, мы взойдем на самый верх горы!» сказал Таян-хан.

§ 196. Наговорив таких слов Таян-хану, Чжамуха отделился от Найманов и, отойдя на особую стоянку, послал передать Чингис-хану следующее известие:

«Почти уморил я Таяна словами:
Все выше со страху он лез,
Покуда, до смерти напуган устами,
Он на гору все же не влез.
Дерзай же, анда мой! Ведь тут
Все в горы спасаться бегут.

[«От слов моих падал в обморок, а потом спешил лезть повыше на гору. Разговорами до смерти напуган, на гору лезет. Дерзай анда! Они на гору лезут...»]

Никакой стыд не вынудит их больше к сопротивлению, почему я ныне и отделился от Найманов!» Тогда Чингис-хан, в виду позднего вечера, ограничился оцеплением горы Наху-гун. Между тем Найманы тою же ночью вздумали бежать, но, срываясь и соскальзывая с Наху-гунских высот, они стали давить и колоть друг друга на смерть: летели волосы и трещали, ломаясь, кости, словно сухие сучья. Наутро захватили совершенно изнемогавшего Таян-хана, а Кучулук-хан, который стоял отдельно, с небольшим числом людей успел бежать. Настигаемый нашей погоней, он построился куренем у Тамира, но не смог там удержаться и бросился бежать дальше. На Алтайском полугорье наши забрали весь Найманский народ, который находился в состоянии полного расстройства. Тут же сдались нам и все бывшие с Чжамухой: Чжадаранцы, Хатагинцы, Салчжиуты, Дорбены, Тайчиудцы и Унгираты. Когда же к Чингис-хану доставили Таян-ханову мать Гурбесу, он сказал ей: «Не ты ли это говоришь, что от Монголов дурно пахнет? Чего же теперь-то явилась?» Гурбесу Чингис-хан взял себе.

§ 197. В том же году Мыши (1204), осенью, Чингис-хан вступил в бой с Меркитским Тохтоа-беки при урочище Харадал-хучжаур. Он потеснил Тохтоая, и в Сара-кеере захватил весь улус его, со всеми подданными и жильем их. Но Тохтоа, вместе со своими сыновьями Худу и Чилауном, а также с небольшим числом людей, спасся бегством. Когда, таким образом, Меркитский народ был покорен, Хаас-Меркитский Даир-Усун повез показать Чингис-хану свою дочь, по имени Хулан-хатун. Встречая на пути всякие препятствия от ратных людей и увидав случайно нойона Бааридайца Наяа, Даир-Усун сообщил ему, что везет показать свою дочь Чингис-хану. Тогда нойон Наяа и говорит ему: «Едем вместе и покажем твою дочь Чингис-хану». Задержал он их и продержал у себя три дня и три ночи. При этом задержку эту объяснял Даир-Усуну так: «Если ты поедешь как есть один, то в дороге, в такое-то смутное военное время, не только тебя самого в живых не оставят, но так же и с дочерью твоею может случиться недоброе». Когда же, потом, Даир-Усун, вместе с Хулан-хатун и нойоном Наяа, прибыли к Чингис-хану, он в страшном гневе обратился прямо к Наяа и сказал: «Как ты смел задержать их? Тотчас же подвергнуть его самому строгому допросу и предать суду!» Когда же его стали было допрашивать, Хулан-хатун говорит: «Наяа сказал нам, что состоит у Чингис-хана в больших нойонах. А задерживал нас объясняя, что поедем, мол, показать свою дочь хагану вместе. Потому что на дороге, говорит, неспокойно. Попадись мы в руки не нойона Наяа, а к другим каким военным, не иначе, что вышло бы недоброе. Кто знает? Может быть, встреча с Наяа нас и спасла. Если бы теперь, государь, пока опрашивают Наяа-нойона, соизволил вопросить ту часть тела, которая по небесному изволению от родителей прирождена»[1]... Наяа же на допросе показал:

«Хану всегда я служил от души.
Жен ли прекрасных, иль дев у врага

[1] Coeli voluntate a parentibus nata epiderma tota conservata est. Interroga pusito epidermam! (П. Кафаров, op. cit., стр. 218).

Только завидев, я к хану их мчу.
Если иное что было в уме,
Я умереть тут всечасно готов».

[«Что говорил при хане, то и сейчас скажу: нет у меня другого лица против того, что было при хане! Когда попадаются иноплеменные красавицы или добрых статей мерина, я всегда мыслю, что они хановские. Если есть что другое, кроме этого, в мыслях моих, то пусть умру я».]

Чингис-хану понравились слова Хулан-хатуны. Ее освидетельствовали тотчас же, и все оказалось, как она говорила намеком. Очень пожаловал Чингис-хан Хулан-хатуну и полюбил ее. А так как и слова Наяа-нойона оказались справедливыми, то Чингис-хан милостиво сказал ему: «За правдивость твою я поручу тебе большое дело».

VIII. КУЧУЛУК БЕЖИТ К ГУР-ХАНУ ХАРА-КИТАДСКОМУ НА РЕКУ ЧУЙ, А ТОХТОА — К КИПЧАКАМ. ЧЖЕБЕ ПОСЛАН ПРЕСЛЕДОВАТЬ КУЧУЛУКА, А СУБЕЕТАЙ — ТОХТОАЯ. СМЕРТЬ ЧЖАМУХИ. ВОЦАРЕНИЕ ЧИНГИСА. НАГРАДЫ И ПОЖАЛОВАНИЯ СПОДВИЖНИКАМ

§ 198. При покорении Меркитов Огодаю была отдана Дорегене, дочь Худу, старшего сына Тохтоа-беки. У Худу было две дочери: Тугай и Дорегене. Половина же Меркитского улуса, засев в укреплении Тайхая, не сдавалась. Тогда Чингис-хан приказал осадить засевших в крепости Меркитов войском Левой руки под командою Чимбо, сына Сорган-Шрая. Сам же Чингис-хан выступил преследовать Тохтоа-беки, который бежал со своими сыновьями Худу и Чилауном и небольшим числом людей. Зимовал Чингисхан на южном склоне Алтая. Затем, когда весною, в год Коровы (1205), он перевалил через Алтай и двинулся далее, то у истоков Эрдышской Бухдурмы оказалось стоящим наготове соединенное войско Тохтоа и Кучулука: Найманский Кучулук-хан, потеряв свой улус, решил присоединиться к Меркитскому Тохтоа в то время, когда тот сошелся с ним на пути своего бегства с небольшим отрядом людей. Подойдя к ним, Чингис-хан завязал бой, и тут же Тохтоа пал, пораженный метательной стрелой-шибайн-сумун. Сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли. Тут уж было не до общего отпора, и Найманы вместе с Меркитами обратились в бегство. При переправе через Эрдыш они потеряли утонувшими в реке бо́льшую часть людей. Закончив переправу через Эрдыш, Найманы и Меркиты с небольшим числом спасшихся пошли далее разными дорогами, а именно Найманский Кучулук-хан пошел на соединение с Хара-Китадским Гур-ханом на реку Чуй, в страну Сартаульскую, следуя через землю Уйгурских Хурлуудов. А Меркитские Тохтоаевы сыновья, Худу, Гал, Чилаун, как и все прочие Меркиты, взяли направление в сторону Канлинцев и Кипчаудов. Возвратясь оттуда через тот же Арайский перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ауруутах. Тем временем Чимбо выну-

дил к сдаче Меркитов, сидевших в крепости Тайхал. Этих Меркитов, по повелению Чингис-хана, частью истребили, а частью роздали в добычу ратникам. Но тут попытались восстать и бежать из Ауруутов также и те Меркиты, которые ранее добровольно покорились. Находившиеся в Ауруутах наши кетченеры-домочадцы подавили это восстание. Тогда Чингис-хан приказал пораздавать всех этих Меркитов до единого в разные стороны. «Это им за то, — говорил он, — за то, что мы, ради покорности их, позволили им жить как раньше жили; а они еще вздумали поднимать восстание!»

§ 199. В том же, Воловьем, году Чингис-хан
Отдал приказ воеводе Субе́таю
Всех сыновей Тохтоая Меркитского —
Гала, Худу с Чилауном — поймать.
Слал он его в колеснице окованной,
Требовал всех беглецов отыскать.
Слово ж в напутствие так говорил:
«Выйдя из боя бежали Меркиты.
Так иногда и с арканом хулан,
Так и олень со стрелою уйдет.
Пусть же хоть с крыльями будут они,
Пусть в поднебесье высоко летят,
Ты обернись тогда соколом ясным,
С неба на них, Субетай, ты ударь.
Пусть обернутся они тарбаганами,
В землю глубоко когтями зароются.
Ты обернися тут острой пешнѐй,[1]
Выбей из нор их и мне их добудь.
В море ль уйдут они рыбой проворной,
Сетью ты сделайся, неводом стань,
Частою мрежей словн их, достань.
Ты перережь мне и горы высокие,
Вплавь перейди мне и реки широкие.
Но береги ты коней у служивых,
Помни о дальней дороге-пути.
Так же и харч сберегай им разумно.
Конь обезножит — так поздно жалеть,
Кончится харч — его поздно беречь.
Зверь в изобилии будет в пути.
Ты ж понапрасну народ не томи
И на облавы их зря не гони,
Чаще умом ты вперед забегай.
В меру такую должна быть облава,
К общим котлам чтоб была лишь приправа.
Кроме ж законных облав, не вели

[1] Лом, кирка.

Коням подхвостник к седлу ты вязать:
Люди пусть вольною рысью идут,
Оброти скинув, узду опустив.
Как же иначе ты сможешь скакать?
Если ж такой распорядок уставишь,
То виноватых нещадно ты бей.
Тех же, кто наши указы нарушит,
К нам ты и шли, коли знаем их мы.
Тех же, кто явственно нам неизвестен,
Там же на месте ты казнью казни.
Так поступайте, как будто бы вас
Только река от меня отделяет.
Вы и помыслить не смейте о том,
Будто бы горные дали меж нами.
Если же Вечное Синее Небо,
Силу и мощь вам умножа,
В руки предаст вам сынов Тохтоа,
К нам посылать их не стоит труда,
Там же на месте прикончить их».
Лично к Субéтаю вновь обратясь,
Молвил ему государь Чингис-хан:
«Вот почему посылаю тебя.
Есть три Меркитские рода. Из них
В детстве напуган я был Удуитским:
Трижды он гору Бурхан облагал.
Ныне же враг ненавистный бежал,
Клятвой поклявшись о мщеньи.
Пусть далеко — до конца достигай,
Пусть глубоко он — до дна доставай!
Вот для чего я, в поход снаряжая,
Всю из железа коляску сковал;
Вот для чего я, людей ободряя,
Строгий наказ сего года вам дал.
Так поступай ты у нас за глазами,
Как поступал пред моими очами.
Так же служи ты, отъехав далеко,
Как и вблизи ты служил без упрека.
Будет тогда вам удачлив поход:
Помощь придет к вам с небесных высот!»

[В том же году Коровы (1205) отдавал Чингис-хан приказ. Посылал он Субеетая, посылал в железной колеснице преследовать Тогтогаевых сынов, Худу, Гал, Чилауна и прочих. Посылая же, наказывал Чингис-хан Субеетаю: «Тогтогаевы сыны, Худу, Гал, Чилаун и прочие, в смятении бежали, отстреливаясь. Подобны они заарканенным диким коням-хуланам или изюбрям, убегающим со стрелой в теле. Если бы к небу поднялись, то разве ты, Субеетай, не настиг бы, обернувшись соколом, летя как на крыльях. Если б они, обернувшись тарбаганами, даже и в землю зарылись когтями своими, разве ты, Субеетай, не поймаешь их, обернувшись пешнею, ударяя и нащупывая. Если б они и в море ушли, обернувшись рыбами, разве ты, Субеетай, не изловишь их, обернувшись-

сетью-неводом и ловя их. Велю тебе, потом, перевалить через высокие перевалы, переправиться через широкие реки. Памятуя о дальней дороге, берегите у ратников коней их, пока они еще не изнурены. Берегите дорожные припасы, пока они еще не вышли. Поздно беречь коней, когда те пришли в негодность; поздно беречь припасы, когда они вышли. На пути у вас будет много зверя. Заглядывая подальше в будущее, не загоняйте служивых людей на звериных облавах. Пусть дичина идет лишь на прибавку и улучшение продовольствия людей. Не охотьтесь без меры и срока. Иначе, как для своевременных облав, не понуждайте ратных людей надевать коням подхвостные шлеи. Пусть себе ездят они, не взнуздывая коней. Ведь в противном случае как смогут у вас ратные люди скакать? Сделав потребные распоряжения, наказывайте нарушителей поркою. А нарушителей наших повелений, тех кто известен нам, высылайте к нам, а неизвестных нам — на месте же и подвергайте правежу. Наступайте так, будто бы нас разделяет только река. Но не мыслите инако и особо, будто бы вас отделяют горные хребты (будто бы вы «за горами — за долами»). Не мыслите один одно, другой — другое. Тогда Вечное Небо умножит силу и мощь вашу и предаст в руки ваши Тогтогаевых сыновей. К чему непременно хлопотать о доставке их к нам? Вы сами прикончите их на месте». И еще наказывал Чингис-хан Субеетаю: «Посылаю тебя в поход ради того, что в детстве еще я трижды был устрашаем, будучи обложен на горе Бурхан-халдун Удуитами, из трех Меркитов. Эти столь ненавистные люди ушли опять, произнося клятвы. Достигайте же до конца далекого, до дна глубокого». Так, возбуждая дух его к преследованию, приказал он выковать ему железную колесницу и в год Коровы напутствовал его в поход словами: «Если вы будете поступать и мыслить за глазами у нас так, как бы на глазах наших, вдали — как будто бы вблизи, то Вечное Небо будет вам покровительствовать!»]

§ 200. Когда было покончено с Найманами и Меркитами, то и Чжамуха, как бывший вместе с ними, лишился своего народа. И он также стал бродить и скитаться с пятью сотоварищами. Убили как-то, взобравшись на гору Танлу, убили дикого барана, зажарили его и ели. Тут Чжамуха и говорит своим сотоварищам: «Чьи и чьи сыновья, каких родителей сыновья кормятся теперь вот так охотой за дикими баранами!» Тогда пять спутников Чжамухи, тут же за едой, наложили на него руки да и потащили к Чингис-хану. Приведенный к Чингис-хану, Чжамуха сказал им: «Приказываю вам доложить государю вот как:

Собралася галка,
Загадала черная
Сéлезня словить.
Вздумал простолюдин,
Чернокостный раб,
На его владыку
Руку поднимать.
Друг мой, государь мой.
Чем же наградишь?
Мышеловка[1] серая
Курчавую утку
Собралась словить.
Раб и домочадец
Вздумал государя
Своего предать.
Друг ты мой священный,
За отцеубийство
Чем ты наградишь?»

[1] Хулду — ленивый, заевшийся коршун.

[«Черные вороны вздумали поймать селезня. Рабы-холопы вздумали поднять руку на своего хана. У хана, анды моего, что за это дают? Серые мышеловки вздумали поймать курчавую утку. Рабы-домочадцы на своего природного господина вздумали восстать, осилить, схватить. У хана, анды моего, что за это дают?»]

На эти слова Чжамухи, Чингис-хан изволил ответить: «Мыслимо ли оставить в живых тех людей, которые подняли руку на своего природного хана? И кому нужна дружба подобных людей?» И тотчас же повелел: «Аратов, поднявших руку на своего хана, истребить даже до семени их!» И тут же на глазах у Чжамухи предал казни посягнувших на него аратов. И сказал Чингис-хан: «Передайте вы Чжамухе вот что:

Вот и сошлись мы. Так будем друзьями.
Станем в одной колеснице оглоблями.
Разве помыслишь тогда своевольно отстать ты?
Напоминать мы забытое станем друг другу,
Будем друг друга будить, кто заспится.
Пусть ты иными путями ходил,
Все же ты другом священным мне был.
Если и бились подчас не на шутку,
Дружеским сердцем ты горько скорбел.
Пусть иногда не со мною ты был,
Все же в дни битв роковых
Сердцем, душой ты жестоко болел.
Вспомним, когда это было меж нами.
В ночь перед битвой в песках Харгальчжит,
Мне предстоявшей со всем Кереитом,
Ты мне Ван-хановы речи сполна
Передал, сил расстановку раскрыл мне.
Но и другая услуга твоя — первой не меньше была.
Помнишь, как образно ты извещал:
Наймана словом своим уморил я,
На смерть его своим ртом напугал!».

[«Вот мы сошлись с тобою. Будем же друзьями. Сделавшись снова второю оглоблей у меня, ужели снова будешь мыслить инако со мною? Объединившись ныне, будем приводить в память забывшегося из нас, будить — заспавшегося. Как ни расходились наши пути, всегда все же был ты счастливым, священным другом моим. В дни поистине смертных битв болел ты за меня и сердцем и душой. Как ни инако мыслили мы, но в дни жестоких боев ты страдал за меня всем сердцем. Напомню, когда это было. Во-первых, ты оказал мне услугу во время битвы с Кереитами при Харахалджит-элетах, послав предупредить меня о распоряжениях (перед боем) Ван-хана; во-вторых, ты оказал мне услугу, образно уведомив меня о том, как ты напугал наймана, умерщвляя словом, убивая ртом».]

§ 201. Когда эти слова передали Чжамухе, он ответил так:

«Некогда в юные дни,
В счастливом Чжубур-хорхонаке,
Братство свое мы скрепили.
Трапезе общей вовек не свариться,
Клятвам взаимным вовек не забыться!
Помнишь одним одеялом с тобой

Ночью мы дружно делились.
Нас разлучили завистники злые,
Подлые слуги коварно поссорили.
Думал потом в одиночестве я:
„Мы же от сердца ведь клятвы твердили!“
Другу в глаза я не мог посмотреть —
Жег меня теплый очей его взгляд,
Будто бы к сдернутой коже с лица
Кто беспощадный рукою коснулся.
Думал я: „Клятвой ведь мы незабвенной клялись!“
Будто мне кожу содрали с лица,
Жег меня взгляд проницательных глаз,
Глаз Темучжина правдивых.
Ныне пожалуй меня государь:
В путь проводи поскорее,
В путь невозвратно далекий.
Я и в дни дружбы с тобою не смог
Все же как должно сдружиться.
Ныне ж, народы окрéст замирив,
Всех чужедальних к себе ты склонил.
Ханский престол присудили тебе.
Что тебе ныне от дружбы моей —
Мир пред тобою склонился!
Только ведь сны твои в темную ночь
Буду напрасно тревожить.
Только ведь думы твои белым днем
Я утруждать буду даром.
Вошью на шее я стал у тебя
Или колючкой в подкладке.
Велеречива жена у меня.
Дальше анды своей мыслью стремясь,
Стал я обузой для друга.
Ныне ведь в целой вселенной прошла,
С краю до края везде пронеслась
Слава об наших с тобой именах.
Мудрая мать у анды моего,
Младшие ж братья и витязи с виду
И с просвещенным умом.
Семьдесят три на конях орлукá
Служат в дружине твоей.
Вот чем, анда, ты меня превзошел.
Я ж с малых лет сиротой,
Даже без братьев остался.
Сказывать были жена мастерица.
Верных друзей я не встретил.
Вот почему побежден я андой,

Взысканным милостью неба.
Если меня ты пожалуешь, друг,
Если меня поскорей ты отправишь,
Сердце тогда ты свое, о мой друг,
Сердце свое успокоишь.
Если казнишь, то казни ты меня
Лишь без пролития крови.
Смертным забудусь я сном.
Мертвые ж кости в Высокой Земле
Будут потомкам потомков твоих
Благословеньем во веки.
Ныне же весь я молитва.
Был одинок от рождения я.
Счастьем анды, одаренного всем,
Я побежден и раздавлен.
Этих последних речей моих вы, —
Буду просить — не забудьте.
Утром и вечером их вы всегда
В память мою повторите.
Ныне ж скорей отпустите меня!
Вот вам ответ мой последний».

[«В далекой юности, на урочище Хорхонах-джубур, в ту пору, когда побратались мы с ханом, другом моим, ели мы пищу, которой не свариться, говорили речи, которым не забыться, делились одним одеялом. Но вот подстрекнули нас противники, науськали двоедушные, и мы навсегда разошлись. „Мы ж говорили друг другу задушевные речи!“ — думал я, и будто бы кожу содрали с темного лица моего, я не терпел к нему прикосновенья, я не мог выносить горячего взгляда хана, анды моего. „Говорили друг другу незабвенные слова!“ — думал я, и будто бы содрана была кожа с моего кроваво-красного лица, я не мог выносить правдивого взгляда проницательного друга моего. Ныне, хан мой, анда, ты милостиво призываешь меня к дружбе. Но ведь не сдружился же я с тобою тогда, когда было время сдружиться. А теперь, друг, теперь ты замирил все окрестные царства, ты объединил разноплеменные народы, тебе присудили и царский престол. К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир? Ведь я буду сниться тебе в сновидениях темных ночей; ведь я буду тяготить твою мысль среди белого дня. Я ведь стал вошью у тебя за воротом или колючкой в подоле. Болтлива больно старуха у меня, и в тягость я стал, стремясь мыслью дальше анды. Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца. У друга моего — умная мать, сам он — витязь от роду; братья — с талантами; д а с т а л о у т е б я в д р у ж и н е 73 о р л ю к а — 73 мерина: вот чем ты победил меня. А я, я остался круглым сиротой с одной лишь женой, которая у меня с к а з и т е л ь н и ц а с т а р и н ы. Вот почему ты победил меня. Сделай же милость, анда, поскорей «проводи» меня, и ты успокоишь свое сердце. Если можно, мой друг, то, предавая меня смерти, казни без пролития крови. Когда буду лежать мертвым, то и в земле, Высокой Матери нашей, бездыханный мой прах во веки веков будет покровителем твоего потомства. Молитвенно обещаю это. Моя жизнь одинока с самого рождения, и вот я подавлен Великим Духом (Счастливым Духом) многосемейного друга моего. Не забывайте же сказанных мною слов, вспоминайте и повторяйте их и вечером и утром. Ныне поскорей отпустите меня».]

Выслушав эти слова, Чингис-хан сказал: «Как ни различны были наши пути, но не слышно было, как будто бы, ни об оскорбительных речах моего друга-анды, ни о покушениях на самую жизнь. И мог бы человек исправиться, да вот не хочет. Гадали уж о предании его смерти, но жребьем то не показано. Человек же он высокого пути. Не должно посягать на его жизнь без основательной причины. Пожалуй что, выставьте ему вот какую

причину. Скажите ему: «Друг Чжамуха, помнишь ли ты, как некогда загнал меня в Цзереново ущелье и навел тогда на меня ужас? Ты тогда несправедливо и коварно поднял брань по делу о взаимном угоне табуна между Чжочи-Дармалой и Тайчаром. Ты напал, и мы бились в урочище Далан-бальчжут. А теперь — скажите — ты не хочешь принять ни предложенной тебе дружбы, ни пощады твоей жизни. В таком случае да позволено будет тебе умереть без пролития крови. Так скажите ему и, позволив ему умереть без пролития крови, не бросайте на позорище его праха, но с подобающей почестью предайте погребению». Тогда предали смерти Чжамуху и погребли его прах, «подняли кости его».

§ 202. Когда он направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм, и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом — Чингис-хана. Тут же и Мухалия нарекли Го-ваном. И тут же повелел он Чжебею выступить в поход для преследования Найманского Кучулук-хана. По завершении устройства Монгольского государства, Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мною в созидании государства». И нарек он и поставил нойонами-тысячниками нижепоименованных девяносто и пять нойонов-тысячников: 1) Мунлик-эциге; 2) Боорчу; 3) Мухали-Го-ван; 4) Хорчи; 5) Илугай; 6) Чжурчедай; 7) Хунан; 8) Хубилай; 9) Чжельме; 10) Туге; 11) Дегай; 12) Толоан; 13) Онгур; 14) Чулгетай; 15) Борохул; 16) Шиги-Хутуху; 17) Гучу; 18) Кокочу; 19) Хоргосун; 20) Хуилдар; 21) Шилугай; 22) Чжетай; 23) Тахай; 24) Цаган-Гова; 25) Алак; 26) Сорхан-Шира; 27) Булган; 28) Харачар; 29) Коко-Цос; 30) Суйкету; 31) Наяа; 32) Чжунсу; 33) Гучугур; 34) Бала; 35) Оронартай; 36) Даир; 37) Муге; 38) Бучжир; 39) Мунгуур; 40) Долоадай; 41) Боген; 42) Худус; 43) Марал; 44) Чжебке; 45) Юрухан; 46) Коко; 47) Чжебе; 48) Удутай; 49) Бала-черби; 50) Кете; 51) Субеетай; 52) Мунко; 53) Халчжа; 54) Хурчахус; 55) Гоуги; 56) Бадай; 57) Кишлык; 58) Кетай; 59) Чаурхай; 60) Унгиран; 61) Тогон-Темур; 62) Мегету; 63) Хадаан; 64) Мороха; 65) Дори-Буха; 66) Идухадай; 67) Ширахул; 68) Давун; 69) Тамачи; 70) Хауран; 71) Алчи; 72) Тобсаха; 73) Тунгуйдай; 74) Тобуха; 75) Ачжинай; 76) Туйгегер; 77) Сечавур; 78) Чжедер; 79) Олар-гурген; 80) Кинкиядай; 81) Буха-гурген; 82) Курил; 83) Ашихгурген; 84) Хадай-гурген; 85) Чигу-гурген; 86) Алчи-гурген; 87—89, (три тысячника на) три тысячи икиресов; 90) Онгудский Алахушдигитхуригурген и 91—95) (пять тысячников на) пять тысяч Онгудцев. Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из Монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из Лесных народов.

§ 203. Однако в этом числе полагаются и ханские зятья. Учредив тысячи и назначив нойонов-тысячников, тут же Чингис-хан повелеть соизволил: «Пусть позовут ко мне нойонов Боорчи, Мухали и других, которых я намерен пожаловать за особые заслуги!» В юрте же оказался при этом

случае один Шиги-Хутуху. Чингис-хан и говорит ему: «Сходи, позови!». Тогда Шиги-Хутуху ответил: «А эти Боорчу с Мухалием и прочие

Больше кого потрудились,
Больше кого заслужили они?
Чем же и я недостоин награды,
В чем недостаточно я послужил?

* * *

Кажется, я с колыбели
Вот до такой бороды
Рос у тебя за порогом высоким
И своего никогда не помыслил.

* * *

Помню в штаны еще крошкой пускал,
Но уж стоял у тебя за порогом златым.
Вот и усами закрылись уста —
Разве роптал на усталость когда?

* * *

Ведь на коленях баюкая,
Сыном растили меня.
Рядом постель постилали,
Братом считая родным.

[«Больше кого же они потрудились? А у меня разве не хватает заслуг для снискания милости? Разве я в чем-либо не довольно потрудился?

«С колыбели я возрастал у высокого порога твоего до тех пор, пока бородой не покрылся подбородок, и никогда, кажется, я не мыслил инако с тобою.

«С той поры еще, как я пускал в штаны, состоял я у золотого порога твоего, рос, пока рот не закрыли усы, и никогда, кажется, я не тяготился трудами (заботами).

«На коленях укачивая, выростили ведь меня здесь, как сына. Рядом спать постилали; вырастили ведь здесь меня, как брата...»]

Итак, какую же награду пожалуешь ты мне?» На эти слова Чингис-хан ответил Шиги-Хутуху: «Не шестой ли ты брат у меня? Получай же в удел долю младших братьев. А за службу твою да не вменяются тебе в вину девять проступков!» — сказал он и продолжал: «Когда же, с помощью Вечного Неба, будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания! Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!» Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заведывание Верховным общегосударственным судом — Гурдерейн-дзаргу, указав при этом: «Искореняй воровство, уничто-

жай обман во всех пределах государства. Повинных смерти — предавай смерти, повинных наказанию или штрафу — наказуй». И затем повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись „Коко Дефтер-Бичик", связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных „гурирген", а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности». Говорил ему Шиги-Хутуху: «Как же может приемный брат, как, например, я сам, получать наследственную долю наравне с единокровными младшими братьями? Не благоугодно ли будет кагану выделить мне долю из городов с населением, пользующимся глинобитными стенами?» — «Сам будешь производить исчисление, сам и сделай это по своему усмотрению!» — ответил на это государь. Добившись для себя таких милостей, Шиги-Хутуху вышел, позвал и ввел нойонов Боорчи, Мухали и прочих.

§ 204. Тогда Чингис-хан, обратясь к Мунлику-отцу, сказал:

«У тебя на глазах я родился.
У тебя на глазах я и рос.
Сколько раз ты покровом мне был,
Благовещий, святой, мой Мунлик.

[«Тот, с которым я, рождаясь, будто бы вместе родился; тот, при котором, возрастая будто бы, вместе возрастал, — благовещий, блаженный ты...»]

Напомню же. Не удержи меня ты, Мунлик-отец, когда я заночевал у тебя по дороге к заманившим меня хитростью отцу Ван-хану и другу Сангуму, не отговори меня ты, отец Мунлик, попал бы я, как говорится, в полую воду да в жаркое полымя. И одну помянутую услугу как забыть и потомкам потомков? В память этой-то заслуги буду сажать тебя на самом высоком месте, вот в этом углу, и усердно буду думать о том, какою бы милостью или наградой взыскать тебя сообразно времени года или месяца. Многая лета тебе, исполать!»[1]

§ 205. Потом, обращаясь к Боорчи, Чингис-хан сказал: «Ты повстречался мне на дороге после трехдневного преследования ограбивших у нас восьми соловых меринов. Ты сказал тогда: „Я поеду в товарищах, ты ведь и так намучился один". И, не сказавшись даже отцу, ты спрятал в степи свои подойники и кадки, которые служили тебе при подое кобыл, пустил на пастьбу моего куцого светлосолового, посадил меня на своего черногривого белого, сам сел на своего быстрого буланого и, оставив на произвол судьбы свой табун, поспешил со мною. Вместе мы тронулись из степи и еще трое суток шли по следам, пока не подъехали к куреню похитителей соловых и не увидали их на краю куреня. Мы отбили их тут же, грабежом, с тобою вдвоем. Ведь отец твой — богач Наху, а ты у него единственный сын. Что такое знал ты обо мне, что поехал со мною в товарищах? Нет, ты оказывал мне услугу, как рыцарь, как герой. Когда же потом, помня

[1] Εἰς πολλὰ ἔτη!

все времена об этом, я послал к тебе Бельгутая с предложением моей дружбы, ты и явился ко мне как друг:

На горбуна ты буланого сел,
Серый армяк за седло перекинул.

Как раз в это время пожаловали к нам и три Меркита. Трижды они облагали Бурхан, и ты был в осаде со мною. И еще. Ночевали мы в Далан-нэмургесе, стоя против Татар. День и ночь шел проливной дождь. И вот ночью, чтобы дать мне уснуть, ты, прикрывая меня своим плащом и не давая дождю попадать на меня, как вкопанный простоял до утра и только единственный раз ты переменил ногу. Это ли не доказательство твоего рыцарства! И стоит ли после того перечислять другие твои рыцарские поступки? Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к нынешнему сану моему. Сиди же ныне всех выше, и да не вменятся тебе девять проступков. Пусть Боорчу ведает тьмою Правого корпуса, прилегающей к Алтаю».

§ 206. Затем, обратясь к Мухали, Чингис-хан сказал ему: «Когда-то, в Хорхонак-чжубуре, мы расположились под тем развесистым деревом, где некогда плясал хан Хутула. По той печати Перста Небесного, которою были запечатлены в ту пору слова Мухали, я вспомнил отца его Гуун-гоа, и вот полностью сбываются слова Мухали. Потому при восшествии на престол и дан ему титул го-ван с тем, чтобы это звание го-вана, т. е. князя языков, усвоялось и потомкам потомков Мухали. Пусть же Мухали Го-ван ведает тьмою Левого корпуса, примыкающей к Хараун-чжидуну».

§ 207. Сказал Чингис-хан Хорчию: «Ты предсказал мне будущее, и с юности моей и по сей день в мокроть мок со мною, в стужу — коченел. Ты, Хорчи, помнишь, говорил: „Когда сбудется мое предсказание, когда Небо осуществит твои мечты, дай мне тридцать жен“. А так как ныне все сбылось, то я и жалую тебя: выбирай себе тридцать жен среди первых красавиц этих покорившихся народов». И он повелел: «Пусть Хорчи ведает не только тремя тысячами Бааринцев, но также и пополненными до тьмы Адаркинцами, Чиносцами, Тоолесами и Теленгутами, совместно, однако, с (тысячниками) Тахаем и Ашихом. Пусть он невозбранно кочует по всем кочевьям вплоть до при-Эрдышских Лесных народов, пусть он также начальствует над тьмою Лесных народов. Без разрешения Хорчи Лесные народы не должны иметь права свободных передвижений. По поводу самовольных переходов — нечего задумываться!»

§ 208. Затем обратился Чингис-хан к Чжурчедаю: «Вот главная заслуга твоя. Перед битвой с Кереитами при Харахалчжит-элетах друг Хуилдар произнес обет. Исполнение же его принадлежит тебе, Чжурчедай. Исполняя его, ты, Чжурчедай, ударил на врага. Ты опрокинул всех: и Чжиргинцев, и Тубеганцев, и Дунхаитов, и тысячу отборной охраны Хори-Шилемуна. Когда же ты продвинулся до Главного среднего полка, то стрелою-учумах ты ранил в щеку румяного Сангума. Вот почему Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как поверну-

лось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчедая. После того, как мы, отступая оттуда, шли вниз по течению Халхи, я чувствовал себя с Чжурчедаем, как за сенью высокой горы. Далее пришли мы к водопою на озере Бальчжуна-наур. Потом, выступая в поход с Бальчжуна-наура, я выслал Чжурчедая с передовым отрядом. В Кереитском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Кереитский народ. Когда же мы, таким образом, выключили из объединения главнейший улус, то Найманы и Меркиты пали духом и не смогли уже оказать нам сопротивления. Они были полностью рассеяны и разорены. В погибельной судьбе Меркитов и Найманов уцелел Кереитский Чжаха-Гамбу с улусом своим, благодаря двум своим дочерям. Но он вторично возмутился и ушел. Чжурчедай же заманил его, искусным движением захватил его и прикончил. Таким образом улус Чжаха-Гамбу был отвоеван. Вот это — другая заслуга Чжурчедая.

Жизнью он жертвовал в сечах кровавых,
Изнемогал он в боях роковых».

[«За то, что он в смертном бою жертвовал жизнью своей; за то, что в кровавых сечах изнемогал (не щадил живота»).]

И в воздаяние за эти заслуги Чингис-хан отдавая ему супругу Ибахабеки, сказал ей: «Я не пренебрегал ни разумом твоим, ни красотою. И если я от сонма находящихся у лона моего и подножия ног моих отдаю тебя, как высшую милость мою к нему, отдаю тебя Чжурчедаю, то это потому, что я памятую о великом долге благодарности. Ведь Чжурчедай

В дни боевые
Щитом мне служил,
А для врагов
Невидимкою был.
Разъединенный народ
Он воедино собрал,
А раздробленный народ
Он в одно тело спаял.

[«В дни битв был щитом моим, был щитом моим против врагов; разделенное царство соединил, разъединенное царство собрал...»]

И вот за эти-то заслуги и памятуя о законе долга, я и отдаю тебя ему. В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои. Пусть же помнят они об этих заслугах, пусть помнят о законе долга и да будут нерушимы мои слова! Сан Ибахи никогда не должен пресекаться!» Потом Чингис-хан обратился лично к Ибахе: «Твой отец, Чжаха-Гамбу, дал тебе в приданое двух поваров — Ашик-Темура-бавурчи и Алчих-бавурчи, да две сотни крепостных-инчжес. Теперь ты уходишь к Уруутам. Подари ж мне на память своего Ашик-Темура и сотню людей!» И он принял этот подарок. Потом Чингис-хан сказал Чжурчедаю: «Вот я отдал тебе свою Ибаху. Не тебе ли и начальствовать над четырьмя тысячами своих Уруутов?» И он соизволил отдать об этом приказ.

IX. ПРОДОЛЖЕНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГВАРДИИ

§ 209. Потом говорил Чингис-хан, обратясь к Хубилаю:

«Сильным ты шею сгибал,
Борцов на лопатки ты клал.

[«Сильным ты пригнетал выю, борцам пригнетал ягодицы...»]

А этих вот четверых моих дворовых псов — Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, когда бывало отправлял в поход, то

Им молвишь: „Вперед, на врага!"
И кремень они сокрушат.
Назад ли прикажешь подать —
Хоть скалы раздвинут они,
Бел-камень с налету пробьют,
Трясины и топи пройдут.

[«Скажешь: „кюр!" (вперед, нападай) — кремень сокрушали. Скажешь „гар!" (выходи, отбой) — скалы разделяли, бел-камень дробили, топи пересекали...»]

И рассеивались, бывало, все мои тревоги и заботы, когда в надлежащее место я посылал вас, четырех моих дворовых псов Хубилая с Чжельме да Чжебе с Субеетаем, или когда в день битвы около меня четыре моих витязя-кулюка Боорчу с Мухали да Борохул с Чилаун-Баатыром, а впереди, со своими Уруутами и Мангутами, — Чжурчедай с Хуилдаром. Не тебе ль, Хубилай, и стать во главе всего военного дела?» — сказал он и дал повеление. «А Бедууном, — продолжал он, — Бедууном я недоволен за его упрямство, и потому не дал ему тысячи. Вразуми его ты сам, и пусть под твоим руководством начальствует над тысячью, а потом мы посмотрим!»

§ 210. Генигесскому же Хунану Чингис-хан сказал так: «Я скажу, чем был для вас этот Хунан. Для вас Боорчу с Мухалием и прочими нойонами, как и для вас Додай с Дохолху и прочими чербиями:

В черную ночь обернется он волком,
Белым же днем — черным вороном станет.
Коли стоянка — не тронется с места,
Коли поход — остановок не знает.
Перед высоким — не знал лицемерья,
Как откровенности — перед врагом.

[«Черною ночью — черным вороном; белым днем — волчьим кобелем оборачивался. Кочевать — так не отдыхал; отдыхать — так не кочевал. С гордым (знатным) человеком — в другую личину не рядился (не менял лица). С человеком врагом — лица не ронял...»]

А потому ничего не предпринимайте, не посоветовавшись с Хунаном и Коко-Цосом!» — сказал он и продолжал: «Чжочи — мой старший сын, а потому тебе, Хунан, надлежит, оставаясь во главе своих Генигесцев в должности

нойона-темника, быть в непосредственном подчинении у Чжочи». Так повелел он и сказал: «Эти четверо — Хунан с Коко-Цосом да Дегай с Усун-Евгеном — из таких людей они, которые виденного не скроют, слышанного не утаят».

§ 211. Обратился тогда Чингис-хан к Чжельмею и сказал: «При самом моем рождении спустился к нам с Бурхан-халдуна Чжардчиудай-Евген, с кузнечным мехом за плечами и со своим Чжелмеем, малюткой от колыбели. Он подарил для меня собольи пеленки. Вступив в дружину мою вот с каких пор, Чжельме,

Рабом при пороге,
Моим вратарем ты служил.

И много заслуг у Чжельме!

О счастья предвестник святой,
В собольих пеленках рожден.
Родиться — со мной ты родился,
Расти — так со мною ты рос.
За девять проступков взысканья
Минуют тебя, мой Чжельме!»

[«О блаженный счастливый Чжелме, родившийся в собольих пеленках! Когда родился я — и ты родился; я рос — и ты рос вместе. Будь же ты свободен от взысканий за девять проступков!»]

§ 212. Затем, обращаясь к Тулуну, Чингис-хан сказал: «Зачем вам, отцу с сыном, ведать отдельными тысячами? Ведь в собирании государства ты трудился словно второе крыло у отца твоего. За собирание царства ты и получил сан чербия. Ныне из тех людей, что стяжал ты своими трудами, составилась тысяча. Тебе и править ею общим советом с Туруханом». Сказал и отдал повеление.

§ 213. Потом сказал Чингис-хан Онгуру-кравчему: «Ты ведь был со мною одним куренем. Ты, Онгур, сын Мунгету-Кияна, со своими Чаншиутами и Баяутами, да еще три Тохураута да пять Тархутов. Ты, мой Онгур,

В туман не терял ты дороги,
А в смуту был верен ты мне.
Со мною ты мокнул в ненастье,
Со мною в мороз коченел.

[«В туман — не терял дороги, в схватках не отставал ты. В мокроть — мокнул вместе со мной, в стужу — мерз вместе со мной...»]

Какую же ныне награду ты хочешь?» — «Если мне дозволено, — отвечал Онгур, — если мне дозволено выбирать, то дозволь мне собрать воедино братьев моих Баяутов, которые разбросаны и разметаны по всем концам». — «Хорошо — изволил он повелеть, — разрешаю тебе собрать твоих братьев Баяутов. Будь у них тысячником». И еще сказал Чингис-хан: «Когда вы, двое моих кравчих Онгур и Бороул, так раздаете яства

направо и налево, что не обнесены ни те, что сидят направо, ни те, кто сидит налево, тогда я спокоен душой и не першит у меня в горле. Теперь вы будете распределять всем пищу и в походное время. Занимая положенное вам место, внимательно наблюдайте за раздачею яств направо и налево от Великой винницы, сами же помещайтесь прямо напротив Толуна с его помощниками». И он сам указал им место.

§ 214. Обратился потом Чингис-хан к Борохулу: «Четверо вас у матери моей: Шиги-Хутуху с Борохулом да Кучу с Кокочуем.

Вас четверых на полу подобрали.
Мать же баюкала вас на коленях,
Словно родных сыновей пестовала.
За ворот каждого кверху тянула —
К людям равнять все старалась, родная.
За плечи каждого кверху тащила —
К мужам равнять все старалась, болезная.

[«С полу поднятых на коленях своих няньчила; как родных детей пестовала. За шею тянула — с людьми равняла; за плечи тащила с мужами равняла...»]

Воспитывала же вас она с надеждою, что станете вы для ее сыновей дружеской сенью. За то и отблагодарили же вы мою мать! И вот каким другом был ты мне, Борохул:

В дальних походах ли,
В ночи ль ненастные
Лечь натощак не давал.
Враг ли напротив нас —
Супу не выпивши
Ты мне уснуть не давал.

[«В спешных походах, в ненастные ночи не оставлял меня на ночь голодным. Стояли лицом к лицу с неприятелем, и ты не оставлял меня на ночь без похлебки-шолюна...»]

Потом, когда мы сокрушили ненавистных врагов-Татар, этих убийц дедов и отцов наших, когда мы, в справедливое возмездие за их злодеяния, поголовно истребили Татарский народ, примеряя детей их к тележной оси, тогда спасся и скитался одиноким бродягой татарин Харгил-Шира. Но и его голод загнал к нам. Вошел он в материнскую юрту и говорит: „Лишь подаянья прошу я“. А мать говорит ему: „Раз ты просишь подаянья, то сядь там“. И по ее указанию он сел на край скамьи, стоявшей направо, у дверей. В это время вошел со двора пятилетний Толуй. Когда же потом он стал опять выбегать на двор, Харгил-Шира встал, схватил ребенка под мышку, выскочил и, пошарив на ходу, выхватил нож. А Борохулова жена Алтани в ту пору сидела в материнской юрте, слева. Не успела мать вскрикнуть «погубит ребенка», как Алтани выскочила, бросилась за Харгил-Шираем, догнала и, ухватив его сзади за косу, другою рукой так рванула его за руку, заносившую нож, что нож выпал. В это время Чжетай с Чжельмеем

за юртой резали, распялив, черную комолую корову. Услыхав крики Алтани, Чжетай с Чжельмеем бросились к ней на помощь с топорами в окровавленных руках. Тут же топорами и ножами своими они прикончили Харгил-Шираея. И заспорили тут все трое — Алтани да Чжетай с Чжельмеем. Заспорили о том, кто главный виновник спасения ребенка. Чжетай с Чжельме говорят: „Не будь нас да не подоспей мы прибежать и уложить его, что могла бы поделать с ним одна женщина, одна Алтани? Ясно, что он успел бы сгубить ребенка. Заслуга-то, выходит, наша!“ Алтани же и говорит им: „Не услышь вы моего крика о помощи, чего бы вам и бежать было? А вот если бы я не догнала его да не вцепилась ему в косу, да не рванула за руку, так что выпал уже занесенный нож, то он непременно успел бы погубить ребенка раньше, чем подоспели бы Чжетай с Чжельмеем“. В конце концов заслугу спасения ребенка оставили за Алтани. Итак, Борохулова жена, его вторая оглобля, спасла жизнь Толую. Далее, в битве с Кереитами при песках Хара-халчжит упал раненый в шейную артерию Огодай. Спешившись около него с отрядом, Борохул стал отсасывать у него из раны запекавшуюся кровь. Он провел ночь около раненого, а утром, так как Огодая невозможно было посадить на коня одного, он сел с ним вместе сундлатом. Обнимая Огодая сзади, он все время отсасывал запекавшуюся кровь, пока благополучно не доставил его на место, издали краснея окровавленными углами своего рта. Так, в благодарность за труды и заботы моей матери, он спас жизнь двоим моим сыновьям! И был он мне таким другом, который не медлил откликнуться на призыв или вопль о помощи. Пусть же не вменяются в вину Борохулу девять проступков!»

§ 215. Затем он обещал пожаловать награды также и женщинам, членам ханского рода.

§ 216. Потом сказал Чингис-хан, обратясь к старцу Усуну: «Усун, Хунан, Коко-Цос и Дегай — из таких людей, которые не скрывают и не таят слышанного и виденного и говорят то, что думают. По Монгольской Правде существует у нас обычай возведения в нойонский сан — беки. В таковой возводятся потомки старшего сына Бодончара, Баарина. Сан беки идет у нас от самого старшего в роде. Пусть же примет сан беки — старец Усун. По возведении его в сан беки, пусть облачат его в белую шубу, посадят на белого коня и возведут затем на трон. Итак, пусть назначает и освещает нам годы и месяцы!»

§ 217. Потом Чингис-хан повелел: «За то, что друг Хуилдар на брани живот свой положил, пусть получают сиротское пособие даже и потомки потомков его!»

§ 218. Сказал затем Чингис-хан Нарин-Тоорилу, сыну Чаган-гоа: «Твой отец, Чаган-гоа, пал в бою при Далан-балчжутах от руки Чжамухи, пал, ревностно сражаясь пред моими очами. Пусть же теперь Тоорил, за службу своего отца, получает сиротское пособие». Тогда Тоорил и говорит: «Как изволит то ведать государь, мои братья — племя Негус — рассеяны по всем концам. Не будет ли мне оказана милость — собрать воедино моих братьев — племя Негус?» — «Быть по сему» —

отвечал Чингис-хан. «Не подобает ли тебе и править наследственно собранными воедино твоими братьями, племенем Негус?» — сказал и отдал повеление.

§ 219. Потом Чингис-хан обратился к Сорхан-Шираю и сказал ему: «В юности моей я был схвачен братоненавистником Таргутай-Кирилтухом. Зная, что я схвачен из-за братской зависти и ненависти, Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, спрятал меня, поручив заботам своей дочери Хадаан. Об этой услуге, об этом вашем благодеянии я не забываю ни темною ночью — во сне, ни белым днем — наяву. Вы же поздновато перешли ко мне от Тайчиудов. Какая же награда вам будет теперь по душе?» Тогда Сорхан-Шира, с сыновьями своими Чилауном и Чимбо, сказал: «Не благоволишь ли разрешить, пожаловать нам дарханное кочевье? Не предоставишь ли нам в дарханное кочевье Меркитские земли по Селенге? Если же и другая какая милость будет, — на то воля государя Чингис-хана». На это Чингис-хан сказал: «Занимайте же вы своим кочевьем Селенгу, Меркитскую землю, и будьте вы ее невозбранными, дарханными пользователями. Дарханствуйте даже до потомков ваших и приказывайте носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток. Будьте свободны от взысканий за девять проступков». И затем Чингис-хан обратился с милостивым словом к Чилауну и Чимбо: «Как мне отблагодарить вас, Чилаун и Чимбо, за те незабвенные слова, которые вы сказали когда-то, Чилаун и Чимбо! Если когда вам понадобится высказать мне свои пожелания, если когда вам придется попросить меня о какой нужде своей, никогда не обращайтесь ко мне через посредников. Сами лично приходите ко мне и сами лично с глазу на глаз высказывайте мне желания свои и просите о нуждах своих!» Так он повелел и присовокупил: «Дарханствуйте же вы Сорхан-Шира, как и Бадай с Кишлихом, а посему получайте в свое единоличное и нераздельное пользование всю ту добычу, которую найдете в походе ли на врага, или в облавах на дикого зверя. Кто был Сорхан-Шира? Крепостной холоп, арат, у Тайчиудского Тодеге. А кем были Бадай с Кишлыком? Цереновскими конюхами. Ныне же вы — мои приближенные. Благоденствуйте же в вашем дарханстве, велите носить свой сайдак и провозглашать у себя чару-оток».

§ 220. Потом обратился Чингис-хан к Наяа и сказал: «Когда Ширгету-Евген схватил, вместе со своими сыновьями Алахом и Наяа, схватил Таргутай-Кирилтуха и вез его к нам, то по дороге, в Кутухулноудах, Наяа сказал: „Как можно ехать со схваченным нами же природным своим ханом?“ И вот, по его совету, отпустили Таргутая, не причинив ему никакого зла. А когда затем Ширгету-Евген явился ко мне со своими сыновьями, Наяа-бильчиур сказал: „Мы наложили, было, руки на своего хана Таргутая-Кирилтуха и везли его к тебе, но потом отпустили его, не смея причинить ему зла, а сами вот пришли предложить свою службу государю Чингис-хану“. Тогда я сказал ему: „Если бы только вы пришли ко мне со своим ханом, на которого сами же наложили руки, то что̀ бы иное можно было сказать про вас, кроме следующего: какое может быть доверие к крепостным людям после того, как они сами наложили руки на своего природ-

ного государя? Но раз вы уверяете, что не посмели причинить зла своему хану, то это значит, что вы памятовали о Законе, о Великой Правде, Еке-Торе". И я обещал тогда поручить тебе какое-нибудь дело. Теперь я поручил тьму Правого корпуса ведению Боорчу, а тьму Левого корпуса — Мухалию, коему присвоил звание го-ван. Ведай же ты, Наяа, Центральною тьмою». И он отдал повеление.

§ 221. «Пусть равно также и Чжебе с Субеетаем начальствуют над теми тысячами, которое они стяжали своими собственными трудами» — сказал он.

§ 222. Тысячу же поручил также и в ведение овечьего пастуха Дегая, приказав набрать ее с разных концов.

§ 223. Потом недоставало людей для плотника Гучугура. Тогда собрали по разверстке с разных концов и просто присоединили их к Мулхалху из племени Чжадаран. «Пусть Гучугур начальствует тысячей общим советом с Мулхалху» — приказал он.

§ 224. Итак, он поставил нойонами-тысячниками людей, которые вместе с ним трудились и вместе созидали государство; составивши же тысячи, назначил нойонов-тысячников, сотников и десятников, составил тьмы и поставил нойонов-темников; оказав милости нойонам-темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулсунов и 70 турхах-кешиктенов. Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои, ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов-темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойных при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе, как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого, сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах, по разверстке от тысяч и сотен, для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах, по разверстке, отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников,

вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лиц свободного состояния, отправляющихся на службу также в сопровождении трех товарищей». Так гласил указ, и далее: «Нойоны-тысячники, сотники и десятники обязуются довести об этом нашем указе до всеобщего сведения. После же надлежащего обнародования сего указа все виновные в его нарушении подлежат строгой ответственности. Буде окажутся люди, проявляющие нерадение в деле пополнения состоящей при нас гвардейской стражи или даже выражающие несогласие состоять при нас, то в таковых случаях надлежит командировать к нам, вместо них, других людей, а тех подвергать правежу и ссылать с глаз долой в места отдаленные». Так повелевалось с присовокуплением: «Никоим образом не удерживать направляющихся к нам крепостных — аратов, которые хотели бы обучаться во дворце и состоять при нас».

§ 225. Во исполнение указа Чингис-хана произвели набор от тысяч, отобрали также, согласно указу, сыновей сотников и десятников и откомандировали их. Раньше, как известно, было 80 человек кебтеулов — ночной стражи. Теперь их число довели до 800, а затем повелено было пополнить их до 1000. При этом повелено никому не возбранять вступления в кебтеулы. Командующим гвардейским полком кешиктенов ночной стражи был назначен Еке-Неурин. Еще прежде было набрано 400 кешиктенов-стрельцов, хорчи-кешиктен. По сформировании их, командующим стрельцами был назначен Есунтее, Чжельмеев сын, совместно с Тугаевым сыном, Букидаем. При этом было повелено: «Вместе с дневной стражей турхаутов, в каждую очередь вступают также и стрельцы-лучники в следующем порядке: в первую очередь вступает во главе своих стрельцов — Есунтее; во вторую — Бугидай; в третью — Хорхудак, и в четвертую — Лаблаха. Под своим же начальством они вводят в каждую очередь и смену турхаутов, носящих сайдаки. Отряд стрельцов пополнить до 1000 и передать под команду Есунтее».

§ 226. «Прежний отряд турхаутов, вступивший в службу вместе с чербием Оголе, пополнить до 1000 и передать под команду чербия Оголе же, из родичей Боорчу. Один тысячного состава полк торхаутов передать под команду Мухалиева родича — Буха; другую тысячу турхаутов передать под команду Алчидая, из родичей Илугая; третью — чербию Додаю; четвертую — чербию Дохолху; пятую — родичу Чжурчедая — Чанаю; шестую — Ахутаю, из родичей Алчи. В седьмой полк, из отборных богатырей, поставить командиром Архай-Хасара. Этому полку быть несменяемым, повседневным полком — гвардии турхаутов. В военное время быть ему передовым отрядом богатырей». Итак, командированные по избранию от тысяч гвардейцы турхауты составили отряд в 8000. Ночной стражи — кебтеулов, вместе со стрельцами-лучниками, также стало 2000. И всего — отряд в 10 000 человек — тьма кешиктенов. Чингис-хан повелеть соизво-

лил: «Наша личная охрана, усиленная до тьмы кешиктенов, будет в военное время и Главным средним полком».

§ 227. Старейшинами четырех очередей Дневной стражи турхаутов Чингис-хан назначил следующих лиц и установил следующий порядок дежурств: в первую очередь вступает со своими кешиктенами и командует ими — Буха; во вторую — Алчидай, в третью — Додай-черби и в четвертую — Дохолху-черби. По назначении старейшин очередей был назначен во всеобщее сведение следующий распорядок несения дежурной службы: «Вступив в дежурство, дежурный начальник делает перекличку дежурным кешиктенам и сменяется затем по истечении трех суток с момента вступления в дежурство. За пропуск дежурства пропустившего оное дежурство наказывать тремя палочными ударами. Того же дежурного за вторичный пропуск дежурства наказывать семью палочными ударами. Того же дежурного за пропуск дежурства в третий раз, если при этом он был здоров и не испросил разрешения на отлучку у дежурного начальника, наказать тридцатью и семью палочными ударами и, по признании его не желающим состоять при нас, сослать в места отдаленные. Дежурные старейшины обязуются объявлять этот приказ каждой трехдневной смене. Если приказ не объявлялся, ответственность за последствия будут нести дежурные старейшины. Кешиктены же подвергаются законным взысканиям лишь в том случае, если они пропускают дежурства вопреки объявленному им приказу. Дежурные старейшины, невзирая на их старшинство, не должны учинять самовольной расправы, без особого нашего на то разрешения, над теми моими кешиктенами, которые вступили на службу одновременно со мною, с ровесниками моими по службе. О случаях предания кешиктенов суду надлежит докладывать мне. Мы сами сумеем предать казни тех, кого следует предать казни, равно как и разложить и наказать палками тех, кто заслужил палок. Те же лица, которые, уповая на свое старшинство, позволят себе пускать в ход руки или ноги, такие лица получат возмездие: за палки — палки, а за кулаки — кулаки же!»

§ 228. И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не чинятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники: в возникающих по этому поводу ссорах с моими кешиктенами ответственность падет на тысячников».

§ 229. И еще повелел государь Чингис-хан: «Ко всеобщему сведению дежурных офицеров. Вступив в дежурство и отбыв каждый на своем посту дневную службу, стрельцы-турхауты еще засветло сменяются кебтеулами и проводят ночь вне дворца. При нас же ночной караул несут кебтеулы, которым, при своей смене, и сдают: стрельцы — свои сайдаки, а повара-бавурчины — свою посуду. Проведя ночь вне дворца, стрельцы-турхауты и повара-бавурчины, пока мы кушаем бульон-шилюн, размещаются сидя у коновязи и договариваются с кебтеулами. После завтрака они расходятся по своим местам: стрельцы — к своим сайдакам, турхауты — к своим помещениям, бавурчины — к своей посуде. По этому пра-

вилу и в том же порядке вступает в дежурство каждая очередь. Тех людей, которые после заката солнца будут ходить без разрешения сзади или спереди дворца, кебтеулы обязаны задерживать на ночь, а утром подвергать допросу. Кебтеулы, сменяя друг друга, вступают в дежурство по сдаче своих значков. По сдаче же таковых они и уходят, сменяясь с дежурства. На ночь кебтеулы размещаются на своих постах вокруг дворца. Кебтеулы, стоящие на страже у ворот, обязаны рубить голову по самые плечи и плечи на-отвал всякому, кто попытался бы ночью проникнуть во дворец. Если кто явится ночью с экстренным сообщением, обязан сказаться об этом кебтеулам и затем, вместе с кебтеулом же, передавать сообщение, стоя у задней стены юрты. Никто не смеет садиться выше места расположения кебтеулов, никто не смеет входить, не сказавшись кебтеулам. Никто не должен ходить мимо постов кебтеулов. Никто не должен ходить и возле кебтеулов. Не дозволяется также расспрашивать о числе кебтеулов. Проходящего мимо кебтеулов последние обязаны задержать, равно как и того, кто ходил возле кебтеулов. У того, кто расспрашивал о числе кебтеулов, кебтеулы должны отобрать лошадь, на которой тот ехал в тот день, вместе со всей сбруей и одетым на нем платьем. Помните, как был задержан за хождение ночью мимо кебтеулов даже и сам верный наш Элчжигидай».

X. ГВАРДИЯ ЧИНГИС-ХАНА. ПОХВАЛА ГВАРДИИ. ПОКОРЕНИЕ УЙГУРОВ И ЛЕСНЫХ НАРОДОВ. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УДЕЛОВ. РАСПРАВА С ВОЛХВОМ ТЕБ-ТЕНГРИЕМ

§ 230. «Тучами небо ночное закрыто,
Ты ж на посту, моя верная стража:
С дымником юрту мою стережешь ты,
Плотным ее облегаешь ты кругом —
Сон навеваешь на вежды мне крепкий.
Ты ведь и в сан возвела меня царский.

* * *

Звездами небо ночное горит.
Ты же мой сон безмятежный в постели
Чутко блюдешь, моя стража ночная,
Юрту-дворец мой кругом обступая.
К сану высокому ныне меня
Ты, благовещая стража, взнесла!

* * *

Сетью ль сплетутся дожди в непогоду,
Иль все живое мороз цепенит,
Ливень ли льет непрерывным потоком —
Ты ж — все вокруг моей юрты сетча́той,

О благоверная стража ночная.
Сердцу ты радость, моя легкокрылая,
Стража ночная моя, Кебтеу́л!
В радостный сан ты меня вознесла.

* * *

В бурю-невзгоду военную
Юрту с подблом мою окружала
Ты, во мгновение ока встающая,
Верная стража моя, Кебтеу́л!

* * *

Берестяного сайдака
Только рукою коснись —
Вся во мгновение ока встает
Бодрая стража моя, Кебтеу́л.

* * *

Звучным колчаном из ивы
Только ударь еле слышно —
Медлить не станешь ты,
Быстрая стража моя,
О благовещий ты мой, Кебтеу́л!

* * *

Славьте же старою стражей ее!
И турхаутом великим зовите
Семьдесят тех турхаутов, что вместе
С чербием Оголе в службу вступили.

* * *

Славьте же старыми богатырями
Богатырей под началом Архая!
Также Хорчином Великим зовите
Есунтеѐ с Бугидаем стрельцов!»

[«В пасмурнооблачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облегала ты крепко убаюкивала меня во дворце, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня.

«В звездные ночи дворцы мои кругом облегала, на постели моей не давала метаться в тревоге, благословенная стража моя. На высокий престол возвела меня ты!

«В переплетающиеся дожди, в трескучие морозы, в проливные дожди решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднималась, верная стража моя, упокоившая сердце. Ты и на радостный трон возвела меня.

«Среди коварных врагов, окружая юрты мои с подолами, ты во мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!

«На малейший стук берестяного колчана немедлительно откликавшаяся стража моя!

«На едва заметный стук березовых луков не запаздывавшая, быстроходная стража моя, благословенная стража моя!

«Называйте ж ее старою стражей, называйте Великим Турхаутом — тех 70 турхаутов, которые вступили в службу вместе с Оголе-чербием.

«Называйте же старыми богатырями Архаевых богатырей. Зовите великими стрельцами Есунтеевых и Бугидаевых стрельцов!»]

Так он изволил говорить.

§ 231. «Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов, которые избраны от девяноста и пяти тысяч, чтобы состоять лично при мне. Разве не превыше добрых гениев хранителей были мне эти десять тысяч кешиктенов!» Так он изволил говорить.

§ 232. Еще говорил Чингис-хан: «В ведении кебтеулов состоят придворные дамы-чербин и девушки, домочадцы, верблюжьи пастухи — темечины и коровьи пастухи — хукерчины; на попечении тех же кебтеулов находятся и дворцовые юрты-телеги. Знамена, барабаны и копейные древка также хранят кебтеулы. Они же имеют наблюдение и за нашим столом. Равным образом кебтеулы имеют наблюдение за тем жертвенным мясом и пищей, которые предназначаются для тризн на могильниках. Всякие растраты продовольственных припасов взыскиваются с заведывающих таковыми кебтеулов. При раздаче питья и кушаний, стрельцы-хорчины обязаны начинать раздачу с кебтеулов, самую же раздачу производить не иначе, как по разрешению кебтеулов. Кебтеулы имеют наблюдение за всеми входящими и выходящими из дворца. При дверях должен постоянно дежурить дверник-кебтеул, около самой юрты. Двое из кебтеулов состоят при Великой виннице. От кебтеулов же назначается кочевщик-нунтуучин, который устраивает на стоянку и дворцовые юрты. Когда мы отбываем на соколиную охоту или звериную облаву, в таковых наших занятиях принимают участие и кебтеулы, оставляя, однако, известную часть кебтеулов, сообразжаясь с обстоятельствами и временем, при юртовых телегах».

§ 233. И еще говорил Чингис-хан: «Если мы самолично не выступаем на войну, то и кебтеулы без нас да не выступают на войну. При таковом нашем ясном повелении будем привлекать к строжайшей ответственности тех ведающих военными делами чербиев, которые пошлют кебтеулов на войну, злонамеренно нарушив наше повеление. Вы спросите, почему же не подлежат посылке на войну кебтеулы? Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей златой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу? Легко ли попечение о Великом Аурухе и во время кочевок и на стоянках? Итак, без нас самих не отправлять на войну людей, обремененных столь сложными и многоразличными обязанностями. Быть по сему!»

§ 234. И еще повелеть соизволил государь Чингис-хан: «Кебтеулы принимают участие в разрешении судебных дел в Зарго, совместно с Шиги-Хутуху. Под наблюдением кебтеулов производится раздача сайдаков, луков, панцырей и пик. Они же состоят при уборке меринов и погрузке вьючной клади. Совместно с чербиями кебтеулы распределяют ткани. При назначении стоянки для стрельцов-хорчинов и Дневной стражи турхаутов,

с правой стороны от дворца надлежит располагать Есунтеевых и Букидаевых стрельцов и Алчидаеву, Оголееву и Ахутаеву Дневную стражу. С левой стороны от дворца располагаются турхауты Буха, Додай-чербия, Дохолху-чербия и Чаная. Архаевы богатыри должны занимать пост перед дворцом. Кебтеулы, на попечении которых находятся дворцовые юрты-телеги, держатся возле самого дворца, с левой стороны от него. Додай-черби, управляя дворцовыми делами, заведует также и всеми окружающими дворец кешиктенами-турхаутами, дворцовыми домочадцами, конюхами, овчарами, верблюжьими и коровьими пастухами. Заведуя всем этим, Додай-черби располагается в тылу. Он, как говорится, „отбросом питается, конским пометом отопляется“».

§ 235. Нойону Хубилаю было повелено отправиться к Харлуутам. Харлуутский хан Арслан явился к Хубилаю с выражением покорности. Взяв с собою Арслан-хана, Хубилай-нойон представил его государю Чингис-хану. Во внимание к его добровольной покорности, Чингис-хан милостиво принял его и обещал выдать за него дочь.

§ 236. Преследуя по повелению государя сыновей Тохтоа Меркитского — Худу, Чилауна и других, Субеетай, в своей кованой из железа колеснице, настиг их на реке Чуй, уничтожил и возвратился.

§ 237. Чжебе, преследовавший Найманского Кучулук-хана, настиг его в Сарик-хуне, уничтожил и возвратился.

§ 238. Уйгурский Идуут прислал к Чингис-хану посольство. Через послов Аткираха и Дадая он извещал: «С великой радостью слышу я о славе Чингис-ханова имени! Так ликуем мы, когда рассеются тучи и явит себя матерь всего — солнце. Так радуемся мы, когда пройдет лед и откроются вновь воды реки. Не пожалует ли меня государь Чингис-хан. Не найдет ли и для меня хоть шнурка от золотого пояса, хоть лоскутка от своей багряницы. Тогда стану я твоим пятым сыном и тебе отдам свою силу!» На эти речи послов Чингис-хан милостиво соизволил передать такой ответ: «Дочь за него отдам, и быть ему пятым сыном моим. Пусть Идуут приезжает, взяв с собой золота, серебра, жемчугов, перламутров, златотканной парчи, узорчатых штофов и шелковых тканей». Обрадованный такою милостью к нему, Идуут набрал золота, серебра, жемчугов, перламутров, шелков, златотканной парчи, штофов узорчатых и, явившись, представился Чингис-хану. Чингис-хан пожаловал Идуута и выдал за него Ал-Алтуну.

§ 239. В год Зайца (1207) Чжочи был послан с войском Правой руки к Лесным народам. Проводником отбыл Буха. Прежде всех явился с выражением покорности Ойратский Худуха-беки, со своими Тумен-Ойратами. Явившись, он стал провожатым у Чжочия. Проводил его к своим Тумен-Ойратам и ввел в Шихшит. Подчинив Ойратов, Бурятов, Бархунов, Урсутов, Хабханасов, Ханхасов и Тубасов, Чжочи подступил к Тумен-Киргизам. Тогда к Чжочи явились Киргизские нойоны Еди, Инал, Алдиер и Олебек-дигин. Они выразили покорность и били государю челом белыми кречетами-шинхот, белыми же меринами да белыми же соболями. Чжочи принял под власть Монгольскую все Лесные народы, начиная оттуда по направле-

нию к нам, а именно народы: Шибир, Кесдиин, Баит, Тухас, Тенлек, Тоелес, Тас и Бачжиги. Взял он с собою Киргизских нойонов-темников и тысячников, а также нойонов Лесных народов и, представив Чингис-хану, велел бить государю челом своими белыми кречетами да белыми ж меринами, да белыми ж соболями. За то, что Ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности, вместе со своими Ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его, Инальчи, царевну Чечейген. Царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата — Торельчи, а царевну Алаха-беки отдали в замужество к Онгудцам. Милостиво обратясь к Чжочи, Чингис-хан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми Лесные народы. Жалую их тебе в подданство». И повелел так.

§ 240. Борохул же был послан против Хори-Туматского племени. Хори-Туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора, — Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон, с тремя людьми, пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, Туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингис-хан очень разгневался и стал сам собираться в поход на Туматов. Насилу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал Дорбетского Дорбо-Докшина и наказал ему: «В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя». Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся Туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих. Вооружив ратников топорами, тесаками, пилами и долотами и всяким потребным инструментом, он приказал прорубать просеку по следу буйволов, пилить и рубить деревья. И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно Туматов и полонил их.

§ 241. Тут же, у Ботохой-Толстой, в плену у Туматов находились и Хорчи-нойон с Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять себе в жены тридцать самых красивых Туматских девушек. Он и поехал за Туматскими девушками. Тогда покорившиеся было перед тем Туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к Туматам Худуху, как хорошего знатока Лесных народов. Но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно Туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки.

§ 242. Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». В виду этого

он, выделяя уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт. Потом говорит: «А Даритай (-отчигин) был на стороне Кереитов. Долой его с глаз моих! Истребить». Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали говорить ему: «Это ли не значило бы угашать свой собственный очаг или разрушать свой собственный дом! Ведь он единственный дядя твой и заветная память твоего блаженного родителя. Уничтожить его — как можно допустить подобное? Прости же неразумному, и пусть вьется дымок над детским кочевьем твоего блаженного родителя!» Долго они уговаривали его, один за другим, и так горячились и сокрушались, что дым шел из ноздрей. Наконец, вспомнил он своего блаженного родителя и, успокоенный речами Боорчу с Мухалием, сказал: «Ну пусть будет так!»

§ 243. Чингис-хан продолжал: «Отдавая в удел матери с Отчигином 10 000 юрт, я приставляю к ним четырех нойонов: Гучу, Кокочу, Чжунсая и Аргасуна. К Чжочию приставляю троих: Хунана, Мункеура и Кете. К Чаадаю — троих: Харачара, Мунке и Идохудая». И еще говорил Чингис-хан: «Чаадай крут и скрытен характером. Пусть же Коко-Цос вместе с ним обсуждает задуманное, состоя при нем и навещая его и утром и вечером». К Огодаю он приставил двоих: Илугея и Дегея. К Толую — Чжедая и Бала и к Алчидаю — Чаурхана.

§ 244. У Хонхотанского Мунлик-эчиге было семеро сыновей. Старший из семерых, по имени Кокочу, был Теб-Тенгри, волхв. Эти семеро Хонхотанцев стакнулись как-то и избили Хасара. Тот пал на колени перед Чингисханом и стал ему жаловаться. Но попал он как раз под сердитую руку, и говорит ему Чингис-хан: «Слывешь непобедимым, а вот и оказался побежденным». Роняя слезы, Хасар поднялся и ушел. В сердцах он три дня не был у Чингис-хана, а тем временем Теб-Тенгри говорит Чингис-хану: «Вечный Тенгрий вещает мне свою волю так, что выходит временно править государством Темучжину, а временно Хасару. Если ты не предупредишь замыслы Хасара, то за будущее нельзя поручиться». Под влиянием этих наговоров, Чингис-хан в ту же ночь выехал, чтобы схватить Хасара. Но Гучу с Кокочуем предупредили об этом мать, и она тотчас же, следом за ним, выехала в крытом возке, запряженном белым верблюдом. Проехав всю ночь без остановки, на восходе солнца доехала она до места и захватила Чингисхана в тот самый момент, как он, завязав у Хасара рукава и отобрав у него шапку и пояс, подвергал его допросу. Будучи так накрыт матерью, Чингисхан смутился. А мать, пылая гневом, вышла из возка и подходит к ним. Развязала она у Хасара рукава, отдала ему шапку с поясом и, не в силах унять своего раздражения, присела на корточки, растегнулась и, выложив обе груди на колени свои, говорит: «Видите? Вот груди, которые сосали вы. О пожиратели матерней утробы, о братоубийцы! Что сделал вам Хасар? Темучжин опорожнял когда-то одну полную грудь. Хачиун с Отчигином вдвоем не могли опорожнить и одной. А Хасар успокаивал меня и ублажал, опорожняя обе груди мои. Вот почему мой Темучжин взял умом, а Хасар — меткой стрельбой и силой.

Кто в перестрелку вступал,
Тех покорял он стрельбою.
Тех, кто робел перед битвой,
Выстрелом вверх забирал!

Не за то ли и возненавидели вы Хасара, что это он раздавил врагов!» Успокоив мать, Чингис-хан сказал: «Страшно и стыдно мне материнского гнева. Давай уедем!» И они уехали. Однако потом он, тайно от матери, отобрал у Хасара людей, оставив ему только 1400 юрт. Но мать узнала, и огорчение этим поступком ускорило ее кончину. А Чжалаирский Чжебке с испугу бежал в страну Баргузинскую.

§ 245. После этого случая стали собираться к Теб-Тенгрию подданные всех девяти языков. Тут и от Чингис-хановой коновязи многие подумывали уйти к Теб-Тенгрию. Уходили к Теб-Тенгрию и крепостные Темуге-Отчигина в таковом народном движении. Тогда Отчигин отправил своего посла Сохора потребовать обратно своих беглых холопов. Но Теб-Тенгрий, всячески надругавшись над послом Сохором, отослал его обратно пешком, заставив нести на спине свое седло, и сказал при этом: «Будешь послом как раз под пару Отчигину!»[1] Вынужденный принять обратно своего посла в таком унижении, Отчигин на другой же день отправился к Теб-Тенгрию сам и сказал: «Посла Сохора вы с поношением отправили обратно пешим. Требую своих крепостных!» При этих его словах семеро Хонхотанцев обступили его со всех сторон и говорят: «А в праве ты был посылать своего посла Сохора?» В страхе, как бы они чего над ним не сделали, Отчигин-нойон ответил: «Да, я тут поступил неправильно, виноват!» — «А раз виноват, то проси прощения на коленях!» И велели ему стать на колени сзади Теб-Тенгрия. Крепостных, конечно, ему не отдали, и Отчигин на следующее утро чуть свет отправился к Чингис-хану. Когда он вошел, Чингис-хан еще лежал в постели. Отчигин пал на колени и со слезами сказал: «К Теб-Тенгрию стали стекаться крепостные всех девяти языков. И вот я послал к Теб-Тенгрию своего посла Сохора потребовать обратно своих собственных крепостных. Когда же он, всячески оскорбив моего посла Сохора, выслал его обратно пешим с седлом на спине, я сам отравился требовать их. Но семеро Хонхотанцев обступили меня со всех сторон и заставили просить прощения у Теб-Тенгрия, стоя сзади него на коленях». Рассказывая все это, он рыдал. Чингис-хан не успел еще произнести ни слова, как Борте-учжин привстала на постели и села, прикрывая грудь свою концом одеяла. Слезы закапали у нее из глаз, как только увидала она, что Отчигин в самом деле плачет. И она заговорила: «Что же это они делают, эти Хонхотанцы! Только на днях стакнулись и избили Хасара, а теперь опять. Как смеют они ставить позади себя на колени Отчигина? Что это за порядки такие? Так, пожалуй, они изведут всех твоих братьев, подобных лиственницам или соснам. Ведь несомненно, что долго ли, коротко ли:

Падет как увядшее древо
Тело твое, государь.

[1] Трудно передаваемая игра слов.

Кому же дадут они править
Царством смятенным твоим?
Столпом сокрушенным падет
Тело твое, государь.
Кому же дадут они править
Царством разбитым твоим?

[«Когда, подобно высохшему дереву, падает твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится разметанной конопле? Когда, подобно колонне, обрушится твое тело, кому дадут они править твоим царством, которое уподобится стае птиц»].

Как дадут они мне, худо-бедно, вырастить трех-четырех малюток моих, эти люди, способные извести даже и братьев твоих, подобных лиственницам или соснам? Что же это такое творят Хонтотанцы! И как можешь ты спокойно смотреть на такое обращение с своими же братьями?» После этих слов Борте-учжины Чингис-хан сказал Отчигину: «Теб-Тенгрий ужо явится. Я разрешаю тебе поступить с ним по своему усмотрению». Тогда Отчигин встал, отер слезы и, выйдя, поставил наготове трех борцов-силачей. Вскоре же является Мунлик-отец со своими семерыми сыновьями. Все входят, причем Теб-Тенгрий усаживается справа от Винницы. Но тут же Отчигин хватает его за ворот: «Вчера ты, — говорит он, — вчера ты заставлял меня молить о прощении. Давай же попытаем жребия!» И, держа его за ворот, поволок к дверям. Теб-Тенгри, в свою очередь, схватил его за ворот, и началась борьба. Во время борьбы Теб-Тенгриева шапка упала перед самым очагом. Мунлик-отец поднял шапку, поцеловал и сунул к себе за пазуху. Тут Чингис-хан и говорит: «Ступайте меряться силами на дворе!» Отчигин потащил Теб-Тенгрия, а тем временем стоявшие наготове, в сенях за порогом, трое борцов переняли у него Теб-Тенгрия, выволокли на двор и разом переломив ему хребет, бросили у края телег на левой стороне двора. Отчигин же вернулся в юрту и говорит: «Теб-Тенгрий заставляет меня молить о пощаде, а сам не хочет принимать моего приглашения попытать жребья: притворяется лежачим. Видно, что друг он на час!» Сразу понял Мунлик-отец, в чем дело, слезы покапали из глаз его, и он говорит: «Нет у Великой Матери Земли-Этуген столько камьев, нет у моря и рек столько ручьев, сколько было моих дружеских услуг!» При этих словах шестеро его сыновей, Хонхотанцев, загородив дверь, стали кругом очага, засучив рукава. Все более теснимый ими Чингис-хан, со словами «Дай дорогу, расступись!», вышел вон. Тут Чингис-хана обступили стрельцы и дневной караул гвардии. Он увидал Теб-Тенгрия, который валялся с переломленным хребтом с краю телег. Приказав принести с заднего двора запасную серую юрту, он велел поставить ее над Теб-Тенгрием, а затем, приказав заложить подводы, укочевал с этого места.

§ 246. Людям было приказано сторожить юрту, поставленную над Теб-Тенгрием, закрыв дымник и заперев двери. И вот в третью ночь, на рассвете, дымник раскрылся, и он вознесся телесно. Стали дознаваться по приметам, и дознались, что тут дело в его волховстве. Чингис-хан сказал при этом: «Теб-Тенгрий пускал в ход руки и ноги на братьев моих. Он распускал между ними неосновательные и клеветнические слухи. Вот за что

Тенгрий не взлюбил его и унес не только душу его, но и самое тело!» Потом Чингис-хан гневно стал выговаривать отцу Мунлику: «Ты не удерживал нрава своих сыновей, и вот они, возомнив себя равными, поплатились головой Теб-Тенгрия. Давно бы с вами было поступлено по образу Чжамухи да Алтана с Хучаром, знай я о таких ваших повадках!» Долго бранил он отца Мунлика, а под конец и говорит: «Было бы недостойно и стыдно утреннее слово менять вечером, а вечернее слово менять утром. Так уж и быть: данное слово крепко!» И уже милостиво присовокупил: «Кто мог бы равняться с Мунликовой породой, не будь у нее таких широких замашек». Когда не стало Теб-Тенгрия, Хонхотанцы присмирели.

XI. ПОКОРЕНИЕ СЕВЕРНОГО КИТАЯ, СИ-СЯ, ТУРКЕСТАНА, БАГДАДСКОГО ХАЛИФАТА и РУСИ

§ 247. Затем, в год Овцы, Чингис-хан выступил в поход против народа Китад. После занятия Фу-чжоу и переправы через Хунегенский перевал (Ехулин, в 30 ли к западу от Калгана) он занял Сюнь-дэ-фу и выслал далее передовой отряд под командою Чжебе и Гунгунека. Достигнув Чабчияла (Цзюй-юн-гуань), который оказался сильно укрепленным, Чжебе отступил с намерением вызвать этим способом выступление неприятеля и дать ему бой. Заметив его отступление, Китадское войско на самом деле двинулось его преследовать, выступив из крепости и запрудив до самой горы всю долину реки. Между тем Чжебе, дойдя до Сюнь-дэ-фуского мыса, повернул обратно и стремительной лавиной обрушился на рассыпавшегося в беспорядке неприятеля. В это время на Китадцев вслед за Чжебе ударил с главными силами Чингис-хан и погнал их. Он разбил самые лучшие части неприятельского войска, состоявшие из Хара-Китадцев, Чжурчедов и Чжуинцев. Тут до самого Чабчияла пошло такое истребление, что кости трещали словно сухие сучья. Когда Чжебе взял крепость Чабчиял и перешел перевал, Чингис-хан расположился лагерем в Ширадеке (совр. Нанькоу). Он осадил Чжунду (совр. Пекин или Бей-пин), а для осады других городов послал особые отряды. Чжебе был отряжен для осады Дун-чана (Дун-цзин, т. е. Восточная столица). Подойдя к Дун-чану и осадив его, Чжебе в виду невозможности его прямого захвата, отступил на расстояние в шесть суток пути, внезапно повернул назад и, пройдя это расстояние ускоренным ходом, при заводных конях, захватил город Дун-чан внезапным нападением.

§ 248. По взятии города Дун-чана, Чжебе возвратился обратно и присоединился к Чингис-хану. Во время осады Чжунду Алтан-хановский вельможа, Вангин-чинсян, представил своему государю такой доклад: «Не пробил ли час падения династии соизволением на то неба и земли? Монголы, чрезвычайно усилившись, разбили наши главные части Хара-Китадские, Чжурчедские и Чжуинские и полностью их истребили. Они захватили и наш опорный пункт Чабчиял. Если теперь мы вновь соберем и снарядим войско

и оно опять будет разбито Монголами, то несомненно рассеется по своим городам и деревням. Дальнейшие сборы окажутся невозможными в такой же мере, в какой невозможным станет и заключение мира с неприятелем. Не соблаговолит ли посему Алтан-хан согласиться на временное перемирие с Монголами. А когда Монголы примут наши мирные предложения и уйдут, тогда мы поведем с ними иные речи. Кстати же у Монголов, как слышно, и люди и лошади сильно страдают от непривычно жаркого климата. Дадим же их хану царевну, а военоначальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?» Одобрив и утвердив этот доклад Вангин-чинсяна резолюцией «быть по сему», Алтан-хан вступил с Чингис-ханом в мирные переговоры. Он отправил к Чингис-хану для ведения переговоров Вангин-чинсяна, выслав с ним из Чжунду царевну, или гун-чжу, для Чингис-хана, а также золота, серебра, тканей и всяких товаров для войска в таком количестве, какое только им было под силу увезти с собою. Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел, причем Вангин-чинсян провожал его до мыса, называемого Мочжоу-Фучжоу. Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже вьюки перевязывали шелковыми кипами.

§ 249. В этот же поход побывали и у народа Хашин (Хэ-син, Си-ся). Когда подступали к его пределам, Хашинский Бурхан, вступив в мирные переговоры, выслал для Чингис-хана царевну, по имени Чаха, и предложил свои услуги быть у Чингис-хана правой рукой. Кроме этого, Бурхан сообщал: «Ужасались мы слухом о славном имени Чингис-хана. Ныне же мы пребываем в страхе перед величием самоличного пришествия твоего. Тангутский народ готов стать твоею правой рукой и отдать тебе свои силы. Но как их отдать? Кочуем мы недалеко,[1] а городища у нас глинобитные. Если взять нас в товарищи, то мы

Быстрый налет учинить ли,
В жаркой ли сече рубиться,
В быстром набеге твоем
Явно врага не нагнать нам;
В жарких же сечах подавно
Нам устоять невозможно.

[«Когда случатся спешные походы или жаркие боевые схватки, то мы в спешном походе — не в силах угнаться, а в жарких схватках не в силах противостоять...»]

А потому вот о чем мы, Тангуты, просили бы соизволения государя Чингис-хана:

Сделай-ка нас ты своею прислугою.
Много верблюдов тебе мы пригоним.
Вырастив их на ковыльных просторах.
Сукон и тканей тебе мы доставим,

[1] То есть, живем мы оседло.

Сбоколов будем прилежно учить мы,
Лучшую птицу к тебе высылая».

[«Среди высоких дересунов-ковылей откормим и пригоним тебе множество верблюдов; будем служить у тебя оруженосцами — хя, будем ткать для тебя сукна и прочие ткани; будем добывать ловчих птиц, обучать их и наилучших поставлять тебе».]

Так докладывал Бурхан. И он сдержал свое слово: собрал со своих Тангутов столько верблюдов, что с трудом их доставили к нам.

§ 250. В один поход были приведены к покорности Китадский Алтан-хан, с которого взято множество тканей, и Хашинский Бурхан, доставивший нам множество верблюдов. Итак, в год Овцы (1211) Чингис-хан, покорив Китадского Алтан-хана, по имени Ахутая, и Тангутского Илаху-бурхана, расположился кочевьем в Саари-кеер.

§ 251. Затем, Чингис-хан вторично выступил в поход против Китадского Алтан-хана Ахутая за то, что он учинил препятствия нашему посольству во главе с Чжубханом, посланному для мирных переговоров с Чжао-Гуанем (т. е. государем династии Сун, по фамилии Чжао). Он говорил: «Как смели они, находясь с нами в мире, не пропускать нашего мирного посольства к Чжао-Гуаню?» Выступив в поход, Чингис-хан направился к Тунгуаньскому проходу, а Чжебея отрядил через Чабчиял. Узнав, что Чингис-хан намерен пройти через Тунгуаньскую заставу, Алтан-хан возложил командование войсками на трех военачальников: Иле, Хада и Хобегетура. Выслав передовой заслон под командою Улаан-дегиленя, он приказал Иле, Хадаю и Хобегетуру итти спешным походом и, таким образом, не допустить взятия Тунгуаньского прохода и перехода Монголов через его перевал. Китадские войска подоспели как раз к тому времени, как мы подходили к Тунгуаньскому проходу. Тогда Чингис-хан вступил в бой с войсками Хадая, Иле и Хобегетура и потеснил Иле и Хадая. Тулуй же с Чугу-кургеном ударили наперерез (с фланга) и вынудили к отступлению Улаан-дегиленя. Тесня войска Иле и Хадая, наши разбили их, — и началось такое истребление Китадцев, как будто бы мы ломали сухие сучья. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжунду в Наньгин (Бянь-лян, т. е. Южная столица). Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо. «Толуй с Чугу-кургеном действовали прекрасно!» — сказал Чингис-хан и оказал обоим великие милости.

§ 252. Остановившись в Хэ-си-ву,[1] Чингис-хан расположил войска в Шара-кеере, близ Чжунду. Чжебе же, разрушив Чабчиялские укрепления и взяв Чабчиял, отвел войска и присоединился к Чингис-хану. Оказалось, что, покидая Чжунду, Алтан-хан оставил в нем своим наместником «Лю-шоу» вельможу Хадая. Чингис-хан отправил в Чжунду Онгура-бавурчи, Архай-Хасара и Шиги-Хутуху, поручив им подсчитать наличность золота и серебра, а также поштучно проверить наличность тканей. Когда они подъезжали, Хада вышел к ним навстречу, захватив с собою из Чжундуских кладовых шитые золотом узорчатые ткани для встречных подношений. Тут Шиги-Хутуху сказал Хадаю: «Раньше эти вещи, как

[1] По П. Кафарову, местечко между современным Пекином и Тяньцзинем.

и самый Чжунду, были ведь Алтан-хановы. А ныне Чжунду — Чингис-ханов. Как же ты смеешь, крадучись как вор, раздавать Чингис-ханово добро?» И сказав так, Шиги-Хутуху не принял подарков, а Онгур-бавурчи с Архай-Хасаром приняли. Проверив поштучно наличность запасов, все трое вернулись, и когда Чингис-хан стал спрашивать у Онгура, Архая и Хутуху, не дарил ли им чего Хада, то Шиги-Хутуху и говорит: «Он принес и одаривал нас златотканными травчатыми шелками. Но я сказал ему: „Прежде этот Чжунду был Алтан-ханов, а теперь — Чингис-ханов. Зачем же ты, Хада, крадучись как вор, раздаешь Чингис-ханово добро?“ И я не принял подарков, но Онгур с Хасаром приняли его подношения». Тогда Чингис-хан сделал очень строгий выговор Онгуру с Архаем, а Шиги-Хутуху милостивейше соизволил сказать: «Ты держишь в мыслях твоих Великую Ясу — Еке-Йосу. Не ты ли, Шиги-Хутуху, — око смотрения моего и ухо слышания моего!»

§ 253. Вступив в Наньгин, Алтан-хан отправил к Чингис-хану посольство, униженно прося мира и выслав своего сына с сотнею дружины его для службы в гвардии Чингис-хана. Приняв его мирные предложения, Чингис-хан, предполагая сам возвратиться через Чабчиял, отрядил Хасара с войском Левого корпуса, дав ему такое поручение: «Следуя вдоль по берегу моря, привести к покорности город Бегин (Да-дин-фу, т. е. Северная столица). Далее следовать через земли Чжурчедского Фухано и, в случае его сопротивления, покарать, а в случае миролюбивого приема пройти мимо его пограничных городов, направиться по берегу рек Ула и Нау, затем перейти в ее верхнем течении реку Таоур и присоединиться к главным силам, в Великом Аурухе». Вместе с Хасаром из нойонов были отряжены Чжурчедай, Толун-черби и Алчи. Приведя к покорности город Бегин, замирив Чжурчедского Фухано путем переговоров, Хасар, покорив попутные города, перешел в верховьях реку Таоур и соединился на стоянке с Великим Аурухом.

§ 254. Затем, когда Сартаульцы задержали и перебили сто человек наших посольских людей, отправленных к ним во главе с Чингис-хановым послом Ухуна, государь Чингис-хан сказал: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?» Перед тем как ему выступить в поход, ханша Есуй обратилась к нему с таким словом: «Государь, каган!

О благе народном все мысли твои:
Проходишь ли ты перевалом высоким,
Широкие ль реки ты вплавь переходишь,
Иль в дальний поход ты, как ныне, идешь.

Но в мире не вечно ведь все, что родилось.

Как семя, народ твой развеется,
Когда упадешь ты, владыко,

Как падает в бурю высокое древо.
Кому же ты царство свое завещаешь?
Как стая испуганных птиц, разлетится
Народ твой, когда, пошатнувшись,
Падет его царственный столп и опора.
Кому же ты царство свое завещаешь?

[«Высокие перевалы переваливая, широкие реки переходя, долгие походы исхаживая, помышлял ты заботливо о многолюдном царстве своем. Кто рождался, тот не был вечным среди живых. Когда же и ты станешь падать, как увядающее дерево, кому прикажешь народ свой, уподобившийся развеваемой конопле? Когда покачнешься и ты, подобный столпу, кому прикажешь народ свой, уподобившийся стае птиц?..»]

Чье имя назовешь ты из четверых твоих витязями родившихся сыновей? Просим мы о вразумлении твоем для всех нас: и сыновей твоих и младших братьев, да и нас недостойных. Да будет на то твое царское изволение!» Когда она так представила государю, Чингис-хан соизволил сказать: «Даром что Есуй — женщина, а слово ее справедливее справедливого. И никто-то ведь, ни братья, ни сыновья, ни вы, Боорчу с Мухалием, подобного мне не доложили!

Сам же я видно забылся.
Будто за предками мне не итти!
Сам же я видно заспался.
Будто бы смерть и меня не возьмет!

[«А я-то забылся: будто бы мне не последовать вскоре за праотцами. А я-то заспался: будто бы никогда не похитит меня смерть!..»]

Итак, — продолжал он, — итак старший мой сын — это Чжочи. Что скажешь ты? Отвечай!» Не успел Чжочи открыть рта, как его предупредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Чжочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Чжочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику Меркитского плена?»[1] При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадая за ворот, говорит: «Родитель государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами ты отличаешся? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за вороты, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадая, и разнимают. А Чингис-хан — ни слова. Тогда заговорил Коко-Цос, который стоял с левой руки: «Куда ты спешишь, Чаадай? Ведь государь, твой родитель, на тебя возлагал надежды изо всех своих сыновей. Я скажу тебе, какая жизнь была, когда вас еще на свете не было:

Небо звездное бывало
Поворачивалось —

[1] Трудно передаваемый намек иносказанием.

Вот какая распря шла
Всенародная.
На постель тут не ложилися,
Все добычей поживлялися.
Мать широкая земля
Содрогалася —
Вот какая распря шла
Всеязычная.
В одеяло тут не кутались,
Все мечами переведывались.
Друг на друга всяк посягал
Вольной волею никто не живал.
В общей свалке ли кому уйти,
В смертной сече ли кому сдобровать?
Губишь ты речами ядовитыми
Масло благости царицы-матери!
Молоко ее сердечное
Квасишь дерзостью бесчинною!
Не одно ли чрево материнское
Вас вынашивало?
Не одна ли породила
Вас утроба материнская?
Вас под сердцем своим она выносила!
Коли мать прогневишь,
То ничем не согреть
Охладевшей души.
Всех вас чревом своим породила она!
Коли мать огорчишь,
Не развеять ничем
Материнского горя.
Родитель твой, царь,
Великий улус созидая,
Черной своей головы не щадил,
Черную кровь свою ведрами лил;
Черных очей никогда не смежая,
Тонких ушей на подушку не клал,
На рукаве он при нужде дремал,
Жажду слюною своей утоляя,
Голод десной промеж зуб унимал.
Пот ото лба до подошв доходил,
А от подошв и ко лбу поднимался.
В те поры как государь подвизался,
Вместе трудилась и мать ваша с ним.
Высоко бывало причешется,
Пояс повыше подтянет.
Плотно бывало причешется,

Пояс потуже затянет.
Вот как бывало растит она вас:
Что взглотнуть бы самой —
В рот половину вам сунет.
В рот положить бы себе —
Все вам одним отдаст.
Голодом ходит бывало.
Дума-забота одна у нее:
Как бы за плечи вас вытянуть,
С мужами в ровень поставить,
Как бы за шею вас вытянуть,
Людям в обиду не дать вас.
Мыла все вас она, чистила,
Крепко вас на ноги ставила.
До молодецких плечей дотянула,
К конской стати пригнала.
Наша священная мать и царица
Светлому солнцу душою подобна,
Мыслью ж, как море, она широка».

[«Звездное небо поворачивалось — была всенародная распря. В постель свою не ложились — все друг друга грабили (забирали добычу). Вся поверхность земли содрогалась — всесветная брань шла. Не прилечь под свое одеяло — до того шла общая вражда. Некогда было раздумывать — надо было вместе дело делать. Некогда было бежать — надо было вместе биться. Некогда было миловаться — приходилось смертным боем биться. Ты же так говоришь, что у своей матери убавляешь масло ее благоволения; так говоришь, что у священной государыни сквашиваешь молоко ее сердца. Не родились ли вы из одного и того же чрева, не поднялись ли вы от одного и того же лона? Если вы оскорбите свою мать, которая носила вас под сердцем, то душа ее охладеет к вам, и никогда того не исправить. Если вы огорчите свою мать, из чрева которой родились, то скорби ее никогда уж не развеять. Государь ваш родитель вот как созидал всенародное царство: черной головы своей не щадил (?), черную кровь свою щедро лил (?), черным очам своим мигнуть не давал, сплюснутых ушей своих на подушку не клал — рукав клал вместо подушки, полу подстилал; слюной своей жажду утолял, десной между зубов голод унимал, со лба его пот лил до самых подошв, а от подошв до лба поднимался. В упорных трудах его, с подтянутой всегда подпругой, страдала с ним заодно и мать же наша: плотно-наплотно косы стягивала, туго-натуго подпоясывалась, крепко-накрепко косы стягивала, сильно-насильно подпоясывалась и вот как растила вас: что самой проглотить — половину вам отдаст; что кусок откусить — то все про вас пойдет, сама голодная будет ходить. И все-то думает, бывало, как бы вас за плечи вытянуть да с мужами поровнять; как бы вас за шею вытянуть да с людьми сравнять. Тела ваши обмывала-обчищала, пяту вашу возвышала, доводила вас до богатырских плечей, до мериновых статей. Разве не помышляет она: теперь только и нагляжусь на своих деток. Священная государыня наша светла душой — словно солнце, широка мыслию — словно озеро».]

Так сказал Коко-Цос.

§ 255. Тогда обратился к сыновьям Чингис-хан: «Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей? Впредь не смейте произносить подобных слов!» Улыбнулся при этих словах Чаадай и говорит: «Никто не оспаривает ведь ни заслуг Чжочиевых, ни его достоинств, но ведь и то сказать: за убийство на словах не полагается тяжкого наказания, точно так же как за причинение смерти языком с живого человека кожи не дерут. Ведь оба мы с Чжочием старшие сыновья. Вот и будем мы парою служить батюшке-государю. И пусть каждый из нас руку по самое плечо отхватит тому, кто будет фальшивить,

пусть ногу по жилам отхватит по самую голень тому, кто отставать станет. Огодай у нас великодушен, Огодая бы и наречь. Добро быть Огодаю при особе батюшки-государя, добро государю и батюшке преподать ему наставление о Великой темной шапке!» На эти слова Чингис-хан заметил: «А ты, Чжочи, что скажешь?» Чжочи, говорит: «Чаадай уж сказал. Будем служить парой с Чаадаем. Высказываемся за Огодая!» — «К чему же, — говорит Чингис-хан, — к чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья. Да смотрите же вы оба, Чжочи с Чаадаем, крепко держитесь только что данного друг другу слова! Не давайте подданным своим поводов для насмешек или холопам — для пересудов. Помните, как некогда было поступлено с Алтаном и Хучаром, которые точно так же давали крепкое слово, а потом его не сдержали! Что с ними сталось тогда, помните? Теперь же вместе с вами будут выделены в ваши уделы и некоторые из потомков Алтана и Хучара. Авось не сойдете с пути правого, постоянно имея их перед глазами!» Так сказав, он обратился к Огодаю: «А ты, Огодай, что скажешь? Говори-ка!» Огодай сказал: «Как мне ответить, что я не в силах? Про себя-то я могу сказать, что постараюсь осилить. Но после меня. А что как после меня народятся такие потомки, что, как говорится „хоть ты их травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом обложи — собаки есть не станут!“ Не выйдет ли тогда дело по пословице: „Лося-сохатого пропустил, а за мышью погнался!“ Что еще мне сказать? Да только всего я и могу сказать!» «Вот это дело говорит Огодай — сказал Чингис-хан. — Ну, а ты, Толуй, что скажешь? Говори!» Толуй отвечал: «А я, я пребуду возле того из старших братьев, которого наречет царь-батюшка. Я буду напоминать ему то, что он позабыл, буду будить его, если он заспится. Буду эхом его, буду плетью для его рыжего коня. Повиновением не замедлю, порядка не нарушу. В дальних ли походах, в коротких ли стычках, а послужу!» Чингис-хан одобрил его слова и так повелеть соизволил: «Хасаровым наследием да ведает один из его наследников. Один же да ведает наследием Алчидая, один — и наследием Отчигина, один же — и наследием Бельгутая. В таковом-то разумении я и мое наследие поручаю одному. Мое повеление — неизменно. И если оное не станете как-нибудь перекраивать, то ни в чем не ошибетесь и ничего никогда не потеряете. Ну, а уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго и не родится?» Так он соизволил повелеть.

§ 256. Собираясь в поход, Чингис-хан отправил к Тангутскому Бурхану посла с такою просьбой: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды». Не успел еще Бурхан дать ответа, как Аша-Гамбу и говорит: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» И не дали они подкрепления, воротив посла с высокомерным ответом. Тогда Чингис-хан сказал: «Мыслимо ли стерпеть подобное оскорбление от Аша-

Гамбу? За подобные речи, что стоило бы прежде всего пойти войною на них? Но отставить это сейчас, когда на очереди другие задачи! И пусть сбудется это тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды. Довольно!»

§ 257. Вслед затем, в год Зайца (1219), Чингис-хан через Арайский перевал пошел войною на Сартаульский народ. С собою в этот поход он взял из ханш Хулан-хатуну, а управление Великим Аурухом возложил на младшего брата, Отчигин-нойона. Чжебе был послан во главе передового отряда, вслед за ним — отряд Субеетая, а за Субеетаем — отряд Тохучара. Отправляя этих трех полководцев, он дал им такой наказ: «Идите стороною, в обход, минуя пределы Солтана, так чтобы по прибытии нашем вы вышли к нам на соединение». Чжебе так и пошел. Он обошел стороною, никак не задевая города Хан-Мелика. Вслед за ним точно так же прошел и Субеетай, никого не затронув. Но следовавший за ними Тохучар разорил пограничные Хан-Меликовы города и полонил его землепашцев. Вследствие разорения его городов, Хан-Мелик открыл военные действия и двинулся на соединение с Чжалалдин-солтаном. Соединенными силами Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик двинулись навстречу Чингис-хану. В передовом отряде Чингис-хана шел Шиги-Хутуху. Вступив с ним в бой, Чжалалдин-Солтан и Хан-Мелик потеснили отряд Шиги-Хутуху и, преследуя его, уже подошли к Чингис-хану, когда Чжебе, Субеетай и Тохучар общими силами ударили на Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика с тыла и в свою очередь нанесли им полное поражение, гоня их и не давая им соединиться ни в городе Бухаре, ни в Несгябе или Отраре; по пятам преследуемые до самой реки Шин, те стремительно бросились в реку, и тут в реке Шин погибло множество Сартаульцев. Спасая свою жизнь, Чжалалдин-солтан и Хан-Мелик бежали вверх по течению реки Шин. Чингисхан же, пройдя вверх по течению реки Шин и разорив Баткесен, ушел. Достигнув речек Эке-горохан и Геун-горохан, он раскинул стан в степи Баруан-кеер. Преследовать Чжалалдин-солтана и Хан-Мелика он послал Чжалаирского Бала. Всемилостивейше он похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе-Пикой!» Тохучара же за то, что он самочинным разорением городов втянул в войну Хан-Мелика, Чингис-хан совсем уж было приговорил к смертной казни, но потом, сделав ему строжайший выговор, отставил от командных должностей и тем ограничил его наказание.

§ 258. Затем, на обратном пути из степи Баруан-кеер Чингис-хан отправил Чжочи, Чаадая и Огодая, приказав им переправиться через реку Амуй и, расположившись лагерем у города Урунгечи, осадить его. Толуя же он послал осаждать города Иру, Исебур и многие другие города. Когда Чжочи, Чаадай и Огодай, донося Чингис-хану о том, что наши войска сосредоточены у города Урунгечи, просили указаний, под чьей командою им состоять, Чингис-хан ответил им, что следует им состоять под командой Огодая.

§ 259. Тем временем, покорив город Отрар, Чингис-хан двинулся оттуда и осадил город Семисгяб. А отсюда пошел осаждать город Бухар. Затем, в ожидании прибытия Бала, он проводил лето в летней резиденции Солтана, в горах у речки Алтан-горохан. Оттуда он послал Толую извещение: «Время жаркое. Расположи должным образом войска, а сам присоединяйся к нам». Как раз в эту пору Толуй взял города Иру, Исепур и другие. Разгромив город Систен, он громил город Чухчерен, когда прибыл посол с этим известием. Разрушив город Чухчерен, он вернулся на стоянку и присоединился к Чингис-хану.

§ 260. Царевичи Чжочи, Чаадай и Огодай, взяв город Орунгечи, поделили между собою, на троих, и поселения и людей, причем не выделили доли для Чингис-хана. Когда эти царевичи явились в ставку, Чингис-хан, будучи очень недоволен ими, не принял на аудиенцию ни Чжочи, ни Чаадая, ни Огодая. Тогда Боорчу, Мухали и Шиги-Хутуху стали ему докладывать: «Мы ниспровергли непокорствовавшего тебе Сартаульского Солтана и взяли его города и народ. И все это ведь Чингис-ханово: и взятый город Орунгечи и взявшие его и делившиеся царевичи. Все мы, и люди твои и кони, радуемся и ликуем, ибо небеса и земля умножили силы наши, и вот мы сокрушили Сартаульский народ. Зачем же и тебе, государь, пребывать во гневе? Царевичи ведь сознали свою вину и убоялись. Пусть будет им впредь наука. Но как бы тебе не расслабить воли царевичей. Не признаешь ли ты за благо, государь, принять теперь царевичей!» Когда они так доложили, Чингис-хан смягчился и повелел Чжочию с Чаадаем и Огодаем явиться и принялся их отчитывать. Он приводил им древние изречения и толковал старину. Они же, готовые провалиться сквозь землю, не успевали вытирать пота со лбов своих. До того он гневно стыдил их и увещевал. Тут обратились к Чингис-хану стрельцы Хонхай, Хонтохор и Сормаган: «Государь! Царевичи еще ведь только обучаются бранному житью, наподобие тех серых соколов, которых только еще начинают напускать на хватку. Добро ли смущать их подобным образом? Не впали бы они со страху в нерадение. А ведь у нас — всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ, и мы, умножаемые в силах небесами и землей, мы доставили б тебе и вражеского золота с серебром и тканей с товарами, и людей с жилищами их. Ты спросишь, что это за народ такой? А есть, говорят, в западной стороне Халибо-Солтан Багдадского народа. На него бы мы и пошли!» Когда они так докладывали, государь все возражал, но при этих последних словах смягчился Чингис-хан и стал отдавать им приказания. Он милостиво обошелся со всеми троими и повелел Адаркидайцу Хонхаю и Долунгирцу Хонтохору оставаться при нем, а Сормахона отправил в поход на Багдадский народ, на Халибо-Солтана.

§ 261. Затем, он отправил в поход и Дорбетца Дорбо-Докшина на город Абту, принадлежащий народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад.

§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжи-

гит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура.

§ 263. После окончательного покорения Сартаульского народа Чингис-хан стал ставить по всем городам охранных воевод, даругачинов. В это время явились к нему из города Урунгечи двое Сартаульцев, по фамилии Хурумши, по именам Ялавачи и Масхут, отец с сыном. Они беседовали с Чингис-ханом о городских законах и обычаях, и он убедился в их сходстве с Законом-Йосун. Посему он и поручил сыну его, Масхут Харумшию, совместно с нашими даругачинами, ведать городами Бухар, Семисген, Урунгечи, Удан, Кисхар, Уриян, Гусендарил и прочими. А Ялавачия увез с собою и поручил ему ведать Китадским столичным городом Чжунду. Из Сартаульских же людей он поставил советников-соправителей при Монгольских даругачинах в Китае, так как они имели возможность получить указания о городских законах и установлениях у Ялавачия с Масхутом.

§ 264. Среди Сартаульского народа Чингис-хан провел семь лет. Тут он дождался возвращения Чжалаиртайского Бала, который, переправясь через реку Шин, преследовал Чжалалдин-Солтана и Хан-Мелика до самой Хиндусской земли. Потеряв с ними соприкосновение, в поисках беглецов он дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный Хиндусский народ и набрав множество верблюдов и легченых козлов, прибыл к Чингис-хану. Тогда государь Чингис-хан вернулся на родину, проведя на пути одно лето на Эрдиши, и на седьмой год похода, в год Курицы (1225), расположился в царских дворцах, в Тульском Темном Бору — Хара-тун.

XII. СМЕРТЬ ЧИНГИС-ХАНА. ЦАРСТВОВАНИЕ ОГОДАЯ

§ 265. Порешив итти на Тангутов по окончании зимнего периода того же года, Чингис-хан провел новый переучет войска и осенью года Собаки (1226) выступил в поход на Тангутов. Из ханш за государем последовала Есуй-хатун. По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингис-хан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов, его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат. Прошла ночь, а на утро Есуй-хатун сказала царевичам и нойонам: «У государя ночью был сильный жар. Надо обсудить положение». Тогда царевичи и нойоны собрались на совет, и Хонхотайский Толун-черби подал такое мнение: «Тангуты — люди оседлые, живут в глинобитных городищах. Ужели они могут куда уйти, взвалив на спины свои глинобитные городища? Ужели они решатся бросить свои насиженные места? Поэтому нам следовало бы отступить, а по излечении

государя от недуга, снова выступить в поход». Все царевичи и нойоны одобрили это мнение. Когда же представили его на усмотрение государя, Чингис-хан сказал: «Тангуты чего-доброго подумают, что мы ушли из трусости. Поэтому мы, возможно, и отступим, но не ранее, чем пошлем к Тангутам посла и тут же в Цоорхатах дождемся от них ответа и сообразим его». Тут же он продиктовал послу следующее: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета». На это послание Бурхан отвечал послу: «Оскорбительных слов я не произносил!» Но тут вмешался Аша-Гамбу и говорит: «Это я произнес оскорбительные слова! А теперь, если вы, Монголы, как любители сражений, хотите сражаться, то есть у меня для этого Алашайское кочевье, есть и решетчатые юрты, есть и вьючные верблюды. Ступайте в Алашай и жалуйте ко мне. Там и сразимся мы. Если же вам нужны золото с серебром да ткани с товарами, то идите в Эрихай (Нин-ся), в Эричжоу (Си-лян)». Такой ответ он дал послу. Когда этот ответ доложили Чингис-хану, он, все еще больной, сказал: «Довольно! Как можно думать об отступлении, снеся такие оскорбительные речи? Меня и мертвого стали бы преследовать эти надменные слова. За них и идем. Да будет воля Вечного Неба!» Стремительно двинувшись на Алашай, он разбил в сражении Аша-Гамбу, загнал в Алашайские горы и там захватил его самого и в прах развеял и полонил его народ с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами. Истребив Тангутских витязей и Бинсайдов их, он отдал всех прочих Тангутов на поток и разграбление войску.

§ 266. Проводя лето в снежных горах, Чингис-хан, разослав отряды, приказал до конца выловить тех Тангутов с решетчатыми юртами и вьючными верблюдами, которые при отступлении Аша-Гамбу вместе с ним забрались в горы. Боорчу с Мухалием он при этом милостиво разрешил брать, сколько хватит сил. Сверх того повелеть соизволил: «Я жаловал Боорчу с Мухалием, но еще не давал им доли из Китадской добычи. Разделите же вы между собою пополам Китадских Чжуинцев. Их благородных юношей берите себе в сокольничие и в свиту свою. А благородных девиц приучайте служить сенными девушками при женах ваших. Ведь Хара-киданьские Чжуинцы были излюбленными и доверенными людьми у Китадского Алтан-хана. Ну, а у меня излюбленными и доверенными людьми состоите вы, Боорчу с Мухалием!»

§ 267. Из снежных гор Часуту Чингис-хан двинулся к городу Урахай и осадил его. Выступив же из Урахая, он предпринял осаду города Дормехай (Лин-чжоу), когда явился к нему просить аудиенции Бурхан. Готовясь к представлению Чингис-хану, Бурхан подобрал для подношения государю, подобрал по мере, цветам и мастям всяких предметов и вещей

в девятикратном числе, как то: золота с серебром, посуды с утварью, юношей с девушками, меринов с верблюдами и, во главе всего этого, золотые кумирни. И вот, разрешив ему представиться, государь принял Бурхана в сенях, за дверьми. Во время же этой аудиенции Чингис-хан почувствовал себя дурно. На третий день после аудиенции Чингис-хан соизволил повелеть: «Переименовать Илуху-Бурхана в Шидургу-Честного. А так как вместо Илуху-Бурхана будет теперь на свете Шидургу-Честный, то Чингис-хан и повелевает проводить на тот свет Илуху. Проводить же его на тот свет повелевается лично Толун-чербию!» Когда Толун-черби доложил государю, что он наложил руки на Илуху и покончил с ним, Чингис-хан соизволил повелеть: «Когда я шел потребовать отчета у Тангутского народа и по дороге предпринял известную облаву на Арбухайских хуланов, то никто иной, как Толун-черби, подал мнение о необходимости прежде всего излечить мою болезнь. Так он болел душою о моем здоровье! Ныне Вечное Небо умножило мои силы и предало в руки мои такого друга, который прислал мне яду в речах своих. Мы совершили свое отмщение. Пусть же возьмет Толун себе в дар тот походный дворец, вместе со всею утварью, который доставил сюда Илуху».

§ 268. Разгромив Тангутский народ и покончив с Илуху-Бурханом, переименованным в Шидургу, государь соизволил повелеть: «Так как я истребил Тангутов до потомков потомков их и даже до последнего раба — мухули-мусхули утай болган, то пусть напоминают мне о таковом поголовном истреблении за каждым обедом, произнося слова: «Мухули-мусхули утай!» Дважды ополчаясь на Тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома Тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи (1227). Из Тангутской добычи он особо щедро наградил Есуй-хатун при самом отшествии своем.

§ 269. В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичи Левой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан. Старший его брат Чаадай, возведя своего младшего брата Огодая на ханский престол, вместе с Толуем, передал во власть его телохранителей государя и отца своего — кебтеулов, стрельцов и 8000 турхаутов: «Состоявшую при особе моего родителя и государя тьму собственных его кешиктенов». Точно таким же образом он передал во власть Огодая и Голун улус (удел центра).

§ 270. Будучи, в качестве младшего брата, возведен на престол и поставлен государем над тьмою императорской гвардии кешиктенов и Центральною частью государства, Огодай, по предварительному соглашению со своим старшим братом Чаадаем, отправил Оготура и Мункету в помощь Чормахану, который продолжал военные действия против Халибо-Солтана, не законченные еще при его родителе, Чингис-хане. Точно так же он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было

поручено еще при Чингис-хане, а именно — народов Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, Асут, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях, как то: Мекетмен, Кермен-кеибе и прочих. При этом на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса. В отношении всех посылаемых в настоящий поход было повелено: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны и зятья». При этом Огодай-хан присовокуплял: «Точно так же и настоящее положение, о посылке на войну старшего из сыновей, исходит от старшего брата, Чаадая. Старший брат, Чаадай, сообщал мне: царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю. По отправке в поход старших сыновей получится изрядное войско. Когда же войско будет многочисленно, все воспрянут и будут ходить с высоко поднятой головой. Вражеских же стран там много, и народ там свирепый. Это — такие люди, которые в ярости принимают смерть, бросаясь на собственные мечи. Мечи же у них, сказывают, остры. Вот почему я, Огодай-хан, повсеместно оповещаю о том, чтобы нам, со всею ревностию к слову нашего старшего брата Чаадая, неукоснительно выслать на войну старших сыновей. И вот на основании чего отправляются в поход царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все прочие».

§ 271. Затем, Огодай-хан послал испросить совета у старшего своего брата Чаадая, которому сообщал: «Воспринял я все уготованное родителем Чингис-ханом. И спрашивается: ради каких же достоинств своих? Посему я испрашивал бы совета и согласия у брата своего Чаадая, не выступить ли мне в поход на Китай, так как государь наш батюшка оставил незаконченным дело покорения Алтан-хана Китадского». Одобряя это намерение, Чаадай отвечал: «Зачем откладывать дело в долгий ящик? Поставьте хорошего человека в Ауруке и выступайте, а я пошлю войско отсюда». Тогда Огодай-хан оставил Олдахара правителем Великой орды—Еке Ордос.

§ 272. Сам же Огодай-хан, в год Зайца (1231), выступил в поход на Китай. Чжебе был отправлен передовым. Огодай-хан сразу же разгромил Китадскую рать и, ломая ее как сухие сучья, перешел через Чабчияльский перевал и разослал в разные стороны отряды для осады различных Китадских городов. Но тут Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-

дзолик — золота с серебром, или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды. Выпил он и спрашивает: «Ну, что же вышло?» Тогда шаманы доложили ему: «Духи, владыки Китадских земель и вод, жестоко неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ. Мы предложили им в качестве выкупа все, что только они могли бы пожелать. Но они соглашаются перестать только за выкуп родным человеком, а иначе угрожают поднять еще более свирепое неистовство. Докладываем об этом на усмотрение его величества». Когда они так доложили, государь спросил: «А кто при мне из царевичей?» Был же при нем Толуй, который и сказал ему: «Блаженной памяти родитель наш, государь, Чингис-хан, выбрав тебя, старший брат мой и царь, выбрав, как выбирают мерина, и ощупав, как ощупывают барана, тебе лично указал на великий царский престол и на твое величество возложил всенародное бремя. А мне ведь повелено только быть возле хана, старшего брата, чтобы будить его от сна и напоминать позабытое. И еслиб теперь я не уберег тебя, то кого же стал бы будить от сна и напоминать позабытое. И именно сейчас я заступлю своего брата и государя, когда на самом деле с ним еще ничего не случилось, но все Монголы уже полны сиротской скорби, а китайцы — ликования. Я ломал хребет у тайменя, я сокрушал хребет у осетра. Я побеждал пред лицом твоим, я сражался и за глазами. Высок я станом и красив лицом. Читайте ж, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Когда он так сказал, шаманы, произнеся заклинания, заговорили воду, а царевич Толуй выпил и говорит, посидев немного молча: «Опьянел я сразу! Побереги же, государь и старший брат мой, побереги до тех пор, пока очнусь я, малых сирот своего младшего брата и вдову его Беруде, побереги до тех пор, пока я не приду в себя. Все, что хотел сказать, я сказал. Опьянел!» И проговорив эти слова, он вышел вон. Дело же обстояло так, что в действительности (кончины Толуя) не последовало.

§ 273. Вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку — Сяосы, т. е. половой, прислужник. Набрав золота, серебра, златотканных узорчатых штофов, тканей и товаров, коней и прислуги, поставив всюду разведчиков — алгинчинов и воевод — баскаков-танмачинов, а в столичных городах, Наньгин и Чжунду, поставив даругачинов, Огодай-хан благополучно возвратился на родину и поселился в Харахоруме.

§ 274. Между тем Чормахан-хорчи привел к покорности Багдадский народ. Получив известия, что тамошняя земля хороша и славится хорошими товарами, Огодай-хан повелел Чормахан-хорчину оставаться там в должности баскака-танмачи и ежегодно поставлять ему следующие местные произведения: желтое и литое золото, златотканные парчи и штофы с золотыми вышивками, жемчуга, перламутры, длинношеих и длинноногих западных коней, темногнедых верблюдов-элеут, павлинов, верблюдов-кичидут,

вьючных мулов-хачидут и обыкновенных мулов-луусут. Посланные в помощь Субеетаю царевичи Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевичи, покорив народы Канлин, Кипчаут и Бачжигит, разрушили города Эчжил, Чжаях и Мегет, а также совершенно разгромили и полонили Орусутов. Они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и прочих городов, поставили даругачинов и танмачинов и возвратились на родину. Относительно Есудер-хорчина, который был послан в помощь Чжалаиртай-хорчину, уже давно находившемуся в походе против Чжурчжетских Солонгосцев, относительно Есудер-хорчина последовало повеление о назначении его тамошним баскаком танма.

§ 275. Из Кипчакского похода Батый прислал Огодай-хану следующее секретное донесение: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!» Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди».

§ 276. Из-за этого Батыева доклада государь до того сильно разгневался, что не допустил (старшего своего сына) Гуюка к себе на прием. Он говорил: «У кого научился этот наглец дерзко говорить со старшими? Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата.[1] Вот поставлю-ка тебя разведчиком-алгинчином да велю тебе карабкаться на городские стены, словно на горы, пока ты не облупишь себе ногтей на всех десяти пальцах! Вот возьму да поставлю тебя танмачином-воеводой да велю взбираться на стены крепко кованые, пока ты под корень не ссучишь себе ногтей со всей пятерни! Наглый ты негодяй! А Аргасун у кого выучился дерзить нашему родственнику и оскорблять его? Сошлю обоих: и Гуюка и Аргасуна. Хотя Аргасуна просто следовало бы предать смертной казни. Да, скажете вы, что я не ко всем одинаков в суде своем. Что касается до Бури, то сообщить Батыю, что он отправится объясняться к (своему отцу) Чаадаю, нашему старшему брату. Пусть его рассудит брат Чаадай!»

[1] Бату — старший сын Чжочи, старший двоюродный брат Гуюка.

§ 277. Тогда приступили к нему с докладом царевич Мангай, нойон Алчидай-Хонхортай-цзанги и другие нойоны, и сказали: «По указу твоего родителя, государя Чингис-хана, полагалось: полевые дела и решать в поле, а домашние дела дома и решать. С вашего ханского дозволения сказать, хан изволил прогневаться на Гуюка. А между тем дело это полевое. Так не благоугодно-ли будет и передать его Батыю? Выслушав этот доклад, государь одобрил его и, несколько смягчившись, позвал Гуюка и принялся его отчитывать: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата. Не сказано ли в поучениях нашего родителя, государя Чингис-хана, что множество — страшно, а глубина — смертоносна? То-то вы всем своим множеством и ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца не добыл. Благодари ближних друзей моих Мангая да Алчидай-Хонхотай-цзангина с товарищами за то, что они уняли трепетавшее сердце, как дорогие друзья мои, и, словно большой ковш, поуспокоили бурливший котел. Довольно! Дело это, как полевое дело, я возлагаю на Батыя. Пусть Гуюка с Аргасуном судит Батый!» И с этими словами, он отослал его, а Бури передал в распоряжение старшего брата Чаадая.

§ 278. Затем, Огодай-хан изволил повелеть: «Подтверждаем к неуклонному исполнению все опубликованные ранее указы и распоряжения нашего родителя и государя Чингис-хана относительно состоявших при его особе кебтеулах, хорчинах, турхаутах и всей гвардии кешиктенов, а именно: хорчины и турхауты попрежнему несут свою дневную службу на установленных постах, каковые передают еще засветло кебтеулам и ночуют вне дворца. Ночью кебтеулы занимают посты вокруг нашего дворца. После заката солнца кебтеулы задерживают на всю ночь всех прохожих. Кебтеулы, которые остановят человека, пытающегося проникнуть самовольно за ограду дворца в то время, когда все люди уже разошлись по домам, обязаны срубить тому человеку голову по самые плечи. Если кто придет ночью по спешному делу, то обязан, сказавшись предварительно кебтеулам, говорить свое дело в присутствии их, стоя с задней стороны юрты. За входом и выходом из дворца наблюдают, совместно с кебтеулами, ясаулы Хонхортай и Ширахан с товарищами. Надежен только тот кебтеул, который ни на шаг не отступает от слов приказа. Как ни был верен Эльчжигидай, но все же был схвачен кебтеулами за то, что вечером проходил мимо кебтеулов! Не дозволяется расспрашивать о числе кебтеулов. Не дозволяется проходить мимо кебтеулов или между ними. Подлежит задержанию всякий, кто попытается пройти мимо

или через кебтеулов. У того, кто будет расспрашивать о числе кебтеулов, отбирается Кебтеулами лошадь с седлом и обротью, а также и платье. Никто не смеет помещаться выше кебтеульских постов. Кебтеулы заведуют хранением знамен, барабанов, пик, посуды и утвари, а также распоряжаются мясом для поминальных тризн. Они же хранят дворцовые юрты-телеги. Когда мы не выступаем в поход, то без нас не должны выступать и кебтеулы. Когда мы отправляемся на соколиную охоту или звериную облаву, с нами отправляется и известная часть кебтеулов, оставляя при дворцовых юртах-телегах потребное количество кебтеулов, смотря по обстоятельствам. Распорядители кочевьями, из числа кебтеулов, отводят места для стоянки Двора государева. У дверей дворца дежурят кебтеулы-дверники. Все кебтеулы находятся под ведением Хадаана-тысячника. Порядок кебтеульских очередей устанавливается следующий: в первую очередь вступают на дежурство и располагаются равными частями, справа и слева от дворца, Хадаан с Булхадаром, во вторую очередь — Амал с Чанаром, которые располагаются так же, в третью — Хадай с Хори-Хачаром, располагаясь в том же порядке, в четвертую — Ялбах с Харнударом — в том же порядке. Первые две очереди — Хадаана с Булхадаром и Амала с Чанаром — выступают на дежурство со своих квартир, находящися слева от дворца, а вторые две очереди — Хадая с Хори-Хачаром и Ялбаха с Харнударом — выступают на дежурство со своих квартир, находящихся справа от дворца. Всеми этими четырьмя очередями кебтеулов ведает Хадаан. Располагаясь постами вокруг дворца, кебтеулы имеют особое наблюдение за дверьми. Хорчины-стрельцы Есунтеея, Бугидая, Хорхудаха и Лаблахая, также составляя четыре очереди, вступают в дежурство совместно с подлежащими четырьмя командами турхаудов для ношения сайдаков. Точно так же попрежнему распределяются и очереди назначенных на прежних основаниях из принцев крови старейшин турхаудских дежурств, а именно: в первую очередь вступают в дежурство со своими турхаудами старые командиры Алчидай с Хонгор-Тахаем, по взаимному соглашению; во вторую очередь, в таком же порядке, — Темудер с Гучжеем. Мангутай, имея в своем подчинении запасную команду, вступает со своими турхаудами в третью очередь. Во главе всех нойонов стоит Эльчжигидай, распоряжениям которого подчиняются все. Дежурный, пропустивший дежурство, согласно прежнему указу, наказуется тремя палочными ударами. Тот же дежурный, пропустивший дежурство во второй раз, наказуется семью палочными ударами. Тот же дежурный, в третий раз пропустивший дежурство без разрешения старейшины или не по болезни, а по другим не заслуживающим уважения причинам, признается нежелающим служить у нас и, по отбытии наказания в тридцать и семь палочных ударов, подлежит высылке в места отдаленные, с глаз долой. Если пропуск дежурства произошел вследствие несоблюдения дежурными старейшинами правила об обязательной перекличке, то ответственность падает на старейшину. Старейшины обязаны в каждую третью очередь, при смене, объявлять кешиктенам настоящий приказ. Законному взысканию подлежат лишь те провинившиеся кешиктены, которые слушали приказ.

За необъявление же приказа несут ответственность старейшины. Старейшины дежурств, невзирая на свое высокое положение, не имеют права чинить каких-либо самоуправств по отношению к ровесникам нашим кешиктенам, не доложив нам. О привлечении виновных к ответственности они обязаны представлять нам. Мы сами покараем смертною казнью тех, кто повинен смерти, и подвергнем должному наказанию тех, кто его заслужил. Но те лица, которые, уповая на свое высокое положение, вместо доклада нам, будут прибегать к рукоприкладству, те получат должное возмездие: за кулак — кулак, и за палки — палки. Мой кешиктен по положению своему выше армейского нойона-тысячника, а котчин-оруженосец кешиктена — выше армейских нойонов-сотников и десятников. Поэтому подлежит ответственности всякий тысячник, который вздумает тягаться с моим кешиктеном».

§ 279. Затем Огодай-хан сообщил на одобрение брата Чаадая о нижеследующем: «Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингис-ханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки — на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки необременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность — ш у л е н — будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взыскивают в налог в пользу неимущих и бедных. Затем, как можно допускать такой порядок, когда с народа же в каждом отдельном случае, взимается и питьевая натуральная повинность — у н д а н — при сборах с него очередных нарядов людьми и лошадьми. В устранение этого необходимо повсюду от каждой тысячи выделить кобыл и установить их подой; поставить при табунах доильщиков, выставить постоянно сменяемых распорядителей кочевьями, нунтукчинов, которые одновременно будут и унгучинами, заведующими конским молодняком. Далее, при каждом созыве сейма князей надлежит раздавать подарки. Для этой цели мы учредим охраняемые городища с магазинами, наполненными тканями, серебряными слитками, сайдаками, луками, латами и прочим оружием. Для несения охраны выделим отовсюду городничих — балагачинов и интендантских смотрителей — амучинов. В дальнейшем необходимо произвести по всему государству раздел земельно-кочевых и водных угодий. Для этого дела представлялось бы необходимым избрать от каждой тысячи особых нунтуучинов — землеустроителей по отводу кочевий. Затем, в нашем гобийском районе — Цоль гачжар — ныне никто, кроме диких зверей, не обитает. Между тем там на широком просторе могли бы селиться и люди. Посему следовало бы, по надлежащем изыскании, устроить в гобийском районе колодцы, обложенные кирпичом, возложив это дело на нунтуучинов, во главе с Чанаем и Уйгуртаем. Далее, при настоящих способах передвижения наших послов, и послы едут медленно и народ терпит немалое обременение. Не будет ли поэтому целесообразнее раз навсегда установить в этом отношении твердый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций — ямчины и верховые почтари — улаачины; в определенных

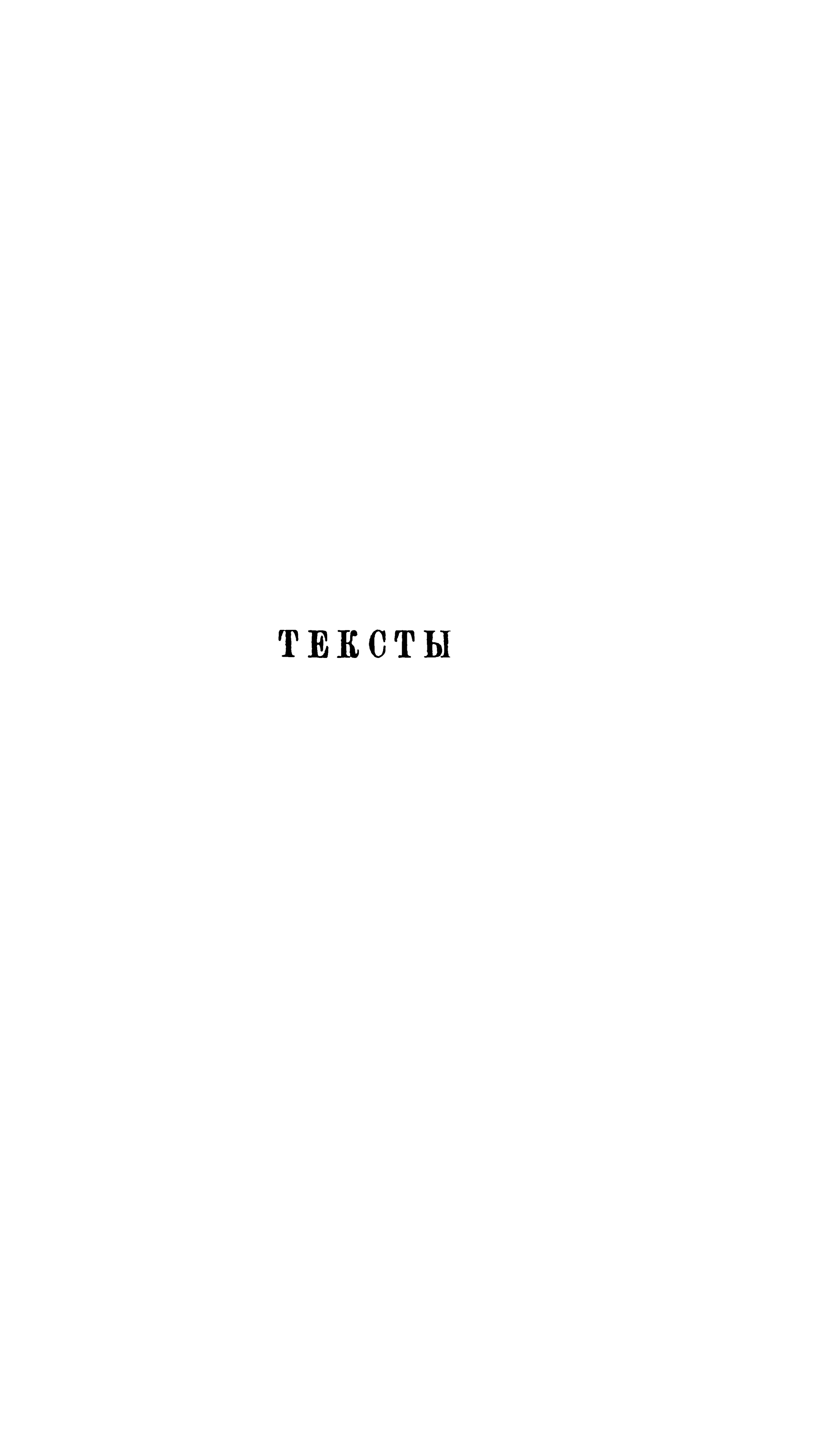
местах устанавливаются станции — ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу. Я полагал бы правильным возложить доклады нам по этому делу на Чаная и Болхадара, как на людей, понимающих это дело, представляя об изложенном на усмотрение старшего брата Чаадая и на его одобрение в случае признания им предложенных мероприятий целесообразными». Все эти предложения брат Чаадай, после надлежащих вопросов, одобрил и ответил: «Так именно и сделайте». При этом он присовокупил с своей стороны: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий я считаю самым правильным учреждение ямов».

§ 280. Тогда Огодай-хан издал следующий указ: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князья Левой руки; царевны и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники. Слушали и полностью одобрили вопросы: относительно целесообразности выдела по одной двухлетней овце с каждого стада в год в натуральную повинность — ш у л е н — для государя, Далай-хагана; о желательности сбора по одной годовалой овце с каждой сотни овец в качестве налога в пользу неимущих и бедных; об ускорении движения послов а вместе с тем и облегчении тягот для населения государства посредством установления ямов и выдела ямчинов и улаачинов. В виду этого, высочайшим указом моим, по соглашению с братом Чаадаем и с его одобрения, вводится ежегодная натуральная повинность, со всего народа, со всех тысяч, по одному двухлетнему барану со стада на царское продовольствие и по одной годовалой овце с каждой сотни овец в пользу неимущих и бедных. Учреждается выдел кобыльего стада и прикрепление к нему унгучинов — надсмотрщиков за молодняком. Учреждаются должности унгучинов, балагачинов и амучинов. Начальствующими лицами над учреждением ямов поставлены Арацян и Тохучар, которые, сообразно с местными условиями, установят станционные пункты и укомплектуют их ямчинами и улаачинами. При этом на каждом яме должно быть по двадцати человек улаачинов. Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов, лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа».

§ 281. Огодай-хан говорил: «Взойдя на родительский великий престол, вот что совершил я после деяний государя и родителя. Я окончательно покорил Лихудский народ (Гиньское царство) — это во-первых. Во-вторых, я учредил почтовые станции для ускорения передвижения наших послов, а также и для осуществления быстрейшей доставки всего необходимого. В-третьих, я приказал устроить колодцы в безводных землях, чем доставлю народу воду и корма, и, наконец, учредив должности

алгинчинов и танмачинов, установил полный покой и благоденствие для всего государства. Итак, я прибавил четыре своих дела к деяниям своего родителя, государя. Но вот и погрешности мои. Будучи возведен на государев родительский великий престол и восприяв на плечи свои все государственное бремя, бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина. А вторая вина моя состоит в тех упущениях, которые проистекли от захватов по наущению беспутных женщин, девиц из улуса дяди Отчигина. Непристойно было императору впадать в беззаконные упущения и пороки. Вы спросите затем, что за вина такая извести, как я извел тайно, Дохолху. Да, это было тяжкое преступление погубить Дохолху, который всегда шел впереди всех пред очами своего государя, моего родителя-хана. Кому же теперь предварять всех, указуя путь, на глазах моих? Признаю вину свою в том, что по неразумной мести погубил человека, который пред очами хана-родителя опережал всех в ревностном исполнении Правды-Торе. Наконец, есть и еще вина. Из жадности я все боялся, как бы дикий зверь, который плодится изволением Неба и Земли, как бы этот зверь не перебежал к моим братьям. И вот, чтобы создать для него преграды, я приказывал строить глинобитные стены и выслушивал упреки от братьев. Итак, я прибавил четыре дела к деяниям государя-отца и в четырех же делах погрешил».

§ 282. Написано во время пребывания Двора в урочище Долоан-болдах Келуренского Кодее-арал'а, что между двумя урочищами (?) Шильгим и Цек, в седьмой месяц Хуран-сара, года Мыши (1240), во время происходившего там Великого сейма — Хурилтая.

ТЕКСТЫ

Moŋq̇olun Niuča Tobčaan

I

§ 1. Čiŋk̇is-qaq̇an-no huǰaur Deere Teŋk̇eri-eče ǰayaatu toreksen Borte-Cino aǰuu. K̇erk̇ai ino Qoai-Maral aǰiai. Teŋk̇is k̇etulǰu ireba. Onan-muren-no teriune Burqan-qaldun-na nuntuqlaǰu, toreksen Bata-Čiqan aǰuu.

§ 2. Bata-Čiqan-no koun Tamača. Tamača-in koun Qoričar-Merk̇an. Qoričar-Merk̇an-no koun Auǰan-Boroul. Auǰan-Boroulun koun Sali-Qačau. Sali-Qačau-in koun Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no koun Sin-Soči. Sin-Soči-in koun Qarču.

§ 3. Qarču-in koun, Borǰiq̇idai-Merk̇an, Moŋq̇olǰin-q̇oa k̇erk̇aitu aǰuu. Borǰiq̇idai-Merk̇an-no koun, Toroq̇olǰin-Bayan, Boroqčin-q̇oa kėrk̇aitu, Boroldai-Suyalbi ǰalautu, Dair Boro qoyar küluut aqtas tü bulee. Toroq̇olǰin-no koun Duwa-Soqor, Dobun-Merk̇an qoyar bulee.

§ 4. Duwa-Soqor maŋlai dunda q̇aqča nidutu, q̇urban neurit q̇aǰar-a qaraqu bulee.

§ 5. Nik̇an udur Duwa-Soqor Dobun-Merk̇aŋ deu-lue-been Burqan-qaldun deere q̇arba. Duwa-Soqor Burqan-qaldun deereče qaraǰu, Tuŋk̇elik-q̇oroqan huruu nik̇an bölek irk̇an nouǰu oroǰu aisuqui qaraǰu uǰeǰu,

§ 6. uk̇ulerun: «Tede nouǰu aisuqun irk̇en-no dotora, nik̇an qarautai terge-no olǰik̇e-de, nik̇an okin sain biyu! K̇uun-ne ese okdeksen boesu, Dobun-Merk̇an deu-deen čimada q̇uyuya!» keeǰu, Dobun-Merk̇an deu-yüen uǰere ilebe.

§ 7. Dobun-Merk̇an tede irk̇en-dur k̇uruesu, unen-k̇u q̇oa sain, aldar nere yeke tai, Alan-q̇oa neretai, k̇uun-ne ber okdeai-uduui okin aǰuu.

§ 8. Tede bölek irk̇en ber, Kol-Barq̇uǰin tok̇um-un Eǰen Barqudai-Merk̇an-no okin, Barq̇uǰin-q̇oa neretài okin ni, Qori-Tumad-un noyan Qorilartai-Merk̇an-ne okdeksen aǰuu. Qori-Tumadun q̇aǰara Ariq-usun-na Qorilartai-Merk̇an-no Barq̇uǰin-q̇oača toreksen, Alan-q̇oa neretai okin tere.

§ 9. Qorilartai-Merk̇an Qori-Tumadun q̇aǰar-turiyan buluq̇an keremun k̇oree-tai q̇aǰar-iyan qorilalduǰu maoulalduǰu, Q̇orilar oboqtu bolǰu, Burqan-qaldun-no k̇oreesun k̇oruuli saitu, q̇aǰar sain, keen, Burqan-qaldun-no Eǰet Burqan bosqaqsan Šinči-bayan-uriyaŋqai-tur nouǰu aisun aǰuu. Qori-

Tumadun Qorilartai-Merkan-no okin, Ariq-usun-na toreksen, Alan-qoa-i, tende quyuju, Dobun-Merkan-no abuqsan yosun teyimu.

§ 10. Alan-qoa Dobun-Merkan-tur ireju, qoyar koun toreulbi. Bukunotai, Belkunotai nereten bulee.

§ 11. Duwa-Soqor aqa ino dorben koutu bulee. Tedui atala, Duwa-Soqor aqa ino ukai boluba. Duwa-Soqor ukai boluqsano qoina, dorben kout ino, Dobun-Merkan abuqa-yüan uruqa ulu bolqan doromjilaju, qaqačaju keju nouuba. Dorben oboqtan bolju, Dorben irgen tede bolba.

§ 12. Teuno qoina nikan udur Dobun-Merkan Toqočaq-undur deere koreelere qarba. Hoai dotora Uriyaəqadai kuun jao buqu alaju, qabirqar ino abit ino širaju bukuy-i joluqaju;

§ 13. Dobun-Merkan ukulerun: «Nokor, širolqa da!» keeju, «Oksu!» keeju, aušiqitu jildu arasun ino abču, jao buqu-in miqa kubčini Dobun-Merkan-ne okba.

§ 14. Dobun-Merkan tere jao buqu-i ačiju, aisuqa jaura, nikan yadau kuun, koun-been kotolju yabuqu-i jolqaju;

§ 15. Dobun-Merkan: «Yaun kuun či?» keen asaquasu, tere kuun ukulerun: «Bi Maaliq-Bayaudai, yadaju yabulai! Tere korcesuno miqanača nada ok, bi ene koun-been čimada oksu!» keejuu.

§ 16. Dobun-Merkan tere uke-tur jao buqu-in orele quya ino ququlju okču, tere koun-ni ino ačiraju, ker dotora jaruju aqu bulee.

§ 17. Tein atara, Dobun-Merkan ukai bolba. Dobun-Merkan-i ukai boluqsano qoina, Alan-qoa, ere ukaiui boet, qurban kout toreulbi. Buqu-Qadaqi, Buqatu-Salji, Bodončar-muəqaq nere ten bulee.

§ 18. Urida Dobun-Merkan-eče toreksen Belkunotai, Bukunotai qoyar kout ino eke-yüen Alan-qoa-in ečine ukuleldurun: «Ene eke bidano, aqa-deu uye-qaya kuun ukai, ere ukaiui boetele, ede qurban kout toreulbi. Ker dotora qaqča Maaliq-Bayaudai kuun biyu. Ede qurban kout teunoai bi je!» keen, eke-yüen ečine keleldukui-i eke ano Alan-qoa uqaju;

§ 19. qabur nikan udur, koəšilemel qonin činaju, Belkunotai, Bukunotai, Buqu-Qataki, Buqatu-Salji, Bodončar-muəqaq, ede tabun koudiyen jerkelen saulju, nijiel musut ququlutqun, keeju okba. Nijieli yau baiunqun? ququčiju oorba. Basa tabun musut qantu čuqlaju: ququlutqun! keeju okba. Tabuula tabun čuqtai musut kuuleldun bariju bituulju, ququlun yadaba.

§ 20. Tende Alan-qoa eke ino ukuleba: «Ta, Belkunotai, Bukunotai, qoyar kout mino, nama-i — Ede qurban koud-i toreulbi; keno yauno kout biyu? — keen sereldun keleldumui. Serekui ber tano job!

§ 21. «Sünit buri čaoken šira kuun kerun eruke dotoqa-in kekeer oroju, keeli mino wiliju, kekeen ino keeli-tur mino šiəkeku bulee. Qarurun,

naran sarain kiriyer, šira noqai metu šičabalǰaǰu q̇arqu bulee. Deleme yek̇in uk̇ulet ta? Teou-ber uqaasu, temdek ino. Teək̇iri-in kout biyu ǰe. Qara teri-utu k̇uun-tur qanitqan yek̇in uk̇ulet ta? Qamuq̇-un qat boluasu, qaraču̇s tende uqat ǰe!» keeba.

§ 22. Basa Alan-q̇oa kout-teen süyuer uk̇e uk̇ulerun: «Ta, tabun kout mino, q̇aqča keeli-eče toreba. Ta, tuq̇arun musut metu q̇aqča q̇aqča boluasu, tere niǰiel sumut (musut) metu, kene-ber qilbara ququldaqun ta. Tere čuqtai musut mete qantu, nik̇an eye ten boluasu, k̇ene-ber qilbara yekin bolqun ta?» keebi. Atara Alan-q̇oa, eke ano, uk̇ai bolbi.

§ 23. Eke-yüen Alan-q̇oa uk̇ai boluqsan-no qoina aqa-nar deu-ner tabuula adusun idee-ben qubiyaldurun, Belk̇unotai, Buk̇unotai, Buqa-Qadaq̇i, Buqatu-Salǰi dorbeule abulčaba. Bodončar-a-muəqaq, budawu biyu, keen, uruq-a ulu toan, qubi ese okba.

§ 24. Bodončar, uruq-a ese toaqdaǰu: Ende atara yaun? keeǰu, q̇ol daaritu, q̇odoli seultu oroq-šiəq̇ula-i unoǰu: Ukuesu ino ukusuk̇ai. Aasu ino asuq̇ai! keeǰu, Onan muren huruu yorčiǰu talbiba. Yorčiǰu, Balǰun-aral k̇urču, tende ebesun embule k̇er kiǰu, tende aba sauba.

§ 25. Teyin aqui-duriyen boroqčin qarčiq̇ai qarqiru bariǰu iden bukui-i uǰeǰu, q̇ol daaritu q̇odoli seultu oroq-šiəqula-in qilq̇asun-bar huraq̇alaǰu bariǰu asaraba.

§ 26. Idekui ideen uk̇ai arun, čina-in k̇un-dur qorq̇aqsan k̇oreesun mariyaǰu qarbuǰu alaǰu idelduet, čina-in ideksen-ni teək̇ulduǰu ideed, oerun q̇oolai-daan, qarčiq̇ai-baan ber teǰiyeldun tere hon q̇arba.

§ 27. Qabur boluba. Naqod irekui caq-tur, qarčiq̇ai-baan teileulǰu oorba. Naqod q̇alaout —

Qoǰiulas tutun qoaəšiut,
Huəǰiules tutun quəšiut
Hünistele talbiba.

§ 28. Tuiren k̇eru-dača, Tuək̇elik-q̇oroqan huruu, bölek irk̇en nouuǰu ireba. Bodončar tede irk̇en-tur qarčiq̇ai-baan ooruat otču, udur esuk čileǰu, süni ebesun embule k̇er-duriyen ireǰu qonaqu bulee.

§ 29. Tede irk̇en Bodončar-un qarčiq̇ai quyuasu, ese okba. Tede irk̇en Bodončar-i «Kenoai ba yaunoai be?» keen asaqqu uk̇ai, Bodončar ber tede irgen-i «Yaun irk̇en?» keen asaulčaqu uk̇ai yabulduba.

§ 30. Buq̇u-Qadaq̇i, aqa ino, Bodončar-muəqaq deu-yüen, ene Onan-muren huruu odulaa, keen, erin ireǰu, Tuək̇elik-q̇oroqan huruu nouǰu ireksel irk̇en-tur teyimu teyimu k̇uun, teyimu morin tu bulee, keen suraasu,

§ 31. tede irk̇en uk̇ulerun: «K̇uun ber, morin ber čino suraqu-tur adali biyu. Qarčiq̇ai tu biyu. Udur buri man tur ireǰu, esuk čileǰu,

odumu. Süni maqa qaa qonoajuu. Horene umere-eče kei boluasu, qarčiqai-bar bariyluqsan naqut qalaoudun odun hüsun ano burqaliq časun metu butarajn keisču iremu. Ende oire biyu je! Edoe ireku čaq bolba. Qorumut kuliče!» keeba.

§ 32. Qoram atara Tunkeli-qoroqan oede nikan kuun aisun biyu. Kurču ireasu, Bodončar mun ajuu. Buqu-Qataqi, aqa ino, ujeed taniju abuat, uduritču Onan-muren oede qataraju yorčiju talbiba.

§ 33. Bodončar Buqu-Qadaqi aqa-yuan, qoinača daqaju qataraju yabuju, ukulerun: «Aqa, aqa! Beye teriku tu, deel jaqa tu sain», keeba. Aqa ino Buqu-Qadaqi tere uke ino yauna ber ese bolqaba.

§ 34. Basa mun uke ukuleesu, aqa ino yauna ber ulu bolqan, qariu ino ese doonqotba. Bodončar yabuju basa mun-ku uke ukuleba. Tere uketur aqa ino ukulerun; «Tuqarača mun mun yaun uke ukulemu či?» keeba.

§ 35. Tendeče Bodončar ukulerun: «Tuqarun Tunkelik-qoroqan-a bukun irken yeke učukan, maoui sain, teriu šira ukaiun: sačaun bi. Qilbar irken bi. Bida teden-i qauliya!» keeba.

§ 36. Tendeče aqa ino ukulerun: «Je, teyin boesu, kerturiyen kurču, aqa-nar deu-ner eyetulduju, tede irken-i qauluya!» keelduju,

§ 37. ker-turiyen kuruet, aqa-nar deu-ner kelelduju morilaju, mun Bodončar-i alqinči haulqaba.

§ 38. Bodončar alqinči haulju, dunda keeli tai eme-i bariju, «Yaujin kuun či?» keen hasaqba. Tere eme ukulerun: «Jarčiut Adanqan-Uriyanqajin bi!» keeba.

§ 39. Tede irken-i aqa-nar deu-ner tabuula daouliju, aduun, ideen-e, haran tutqara aqui sauqui-a kurba.

§ 40. Tere dunda keeli tai eme Bodončar-tur ireju kou torebi. Jad irkeno koun bulee, keen, Jadaradai nere okba. Jadarano ebuke tere boluba. Tere Jadaradai-in koun Tukuudai neretu bulee. Tukuudai-in koun Buri-Bulčiru bulee. Buri-Bulčiru-in koun Qara-Qadaan bulee. Qara-Qadaano koun Jamuqa bulee. Jadaran oboqtan tede boluba.

§ 41. Tere eme basa Bodončar-ača nikan koun toreulbi. Bariju abuqsan eme bulee, keen, tere koun-i Baaridai nereitba. Baarino ebuke tere boluba. Baaridai-in koun Čiduqul-boko. Čiduqul-boko emes olotu bulee. Koun ino mene metu toreba. Menen-Baarin oboqtan tede boluba.

§ 42. Belkunotai Belkunot oboqtan boluba. Bukunotai Bukunot oboqtan boluba. Buqu-Qataqi Qataqin oboqtan boluba. Buqutu-Salji Saljiut oboqtan boluba. Bodončar Borjiqin oboqtan boluba.

§ 43. Bodončar-un aburin eme-deče toreksen Barin-Siiratu-Qabiči neretu bulee. Tere Qabiči-Baaturun eke-in inje ireksen Bodončar tataju

bulee. Nikan koun toreba. J̌aouredai neretu bulee. J̌aouredai urida ǰukeli-tu orun bulee.

§ 44. Bodončar ukai boluqsano qoina tere J̌aouredai-i ker darua Adaŋga Uriyaŋqadai kuun alua, teunoai bi ǰe, keeǰu, ǰukeli-deče qarqaǰu, J̌aoureit oboqtu boluqaǰu, J̌aoured-un ebuke tere boluba.

§ 45. Qabiči-Baatur-un koun Menen-Tudun bulee. Menen-Tudun-no koun Qači-Külük, Qačin, Qačiu, Qačula, Qačiun, Qalandai, Način-Baatur, doloan bulee.

§ 46. Qači-Külük-un koun Qaidu Namolun eke-deče toreksen bulee. Qačin-no koun Noyaqidai neretei bulee. Noyanšiq aburitu tula Noyaqin oboqtan boluba. Qačiu-in koun Barulatai neretu bulee. Yeke beyetu, ideen-e baruq bulee. Barulas oboqtan boluba. Qačula-in koun ideen-e baruq tula Yeke-Barula, Učukan-Barula nereitču, Barulas oboqtan bolqaǰu, Erdentu-Barula, Todoen-Barula teriuten Barulas tede boluba. — Qarandain kout budaan qutqulaqu eki teriu ukeun tula Budaat oboq tan tede boluba. — Qačiun-no koun Adarqidai neretu bulee. Aqa deu ǰaura adaruqči tula Adarqin oboqtan bolba. — Način-Baatur-un kout Uruudai, Maŋqutai nereten bulee. Uruut, Maŋqut oboqtan tede boluba. — Način-Baatur-un aburin eme-dece toreksen Šiǰuudai, Doqoladai nereten bulee.

§ 47. Qaidu-in koun Baišiŋqor-Doqšin, Čaraqai-Liŋqu, Čaoǰin-Ortekai, qurban bulee. Baišiŋqor-Doqšin-o koun Tunbinai-Sečen. Čaraqai-Liŋqu-in koun Seŋkun-Bilge, Anbaqai tan Taičiu oboq tan boluba. Čaraqai-Liŋquin beriken eme-deče toreksen Besutai neretu bulee. Besut oboq tan tede boluba. Čaoǰin-Ortekai-in kout Oronar, Qoŋqotan, Arulat, Soenit, Qabturqas, Kenikes oboq tan tede boluba.

§ 48. Tunbinai-Sečen-no koun Qabul-qaqan, Sin-Sečule qoyar bulee. Sin-Sečule-in koun Bulteču-Baatur bulee. Qabul-qaqan-no kout doloan bulee. Aŋqa yeke ino Okin-Barqaq, Bartan-Baatur, Qutuqtu-Muŋkur, Qutula-qaqan, Qulan, Qadaan, Todoen-otčiqin, — ede doloan bulee.

§ 49. Okin-Barqaq-un koun Qutuqtu-Yürki bulee. Qutuqtu-Yürki-in kout Sečе-beki, Taiču qoyar bulee. Yürki oboq tan tede boluba.

§ 50. Bartan-Baaturun kout Maŋketu-kiyan, Nekun-taiǰi, Yesukai-Baatur, Daritai-otčiqin, — ede dorben bulee. Qutuqtu-Maŋqur-un koun Buri-boko bulee. Onan-na tun-tur qulinlaqui-tur Belkutai-in muru qanqas čabčiqsan tere bulee.

§ 51. Qutula-qaqan-no kout J̌oči, Qirmau, Altan, — qurban bulee. Qulan-Baatur-on koun Yeke-Ceren bulee; Badai, Kišilik, qoyar darqan-dun noyan tere bulee. — Qadaan, Todoen qoyar uruq ukeun bulee.

§ 52. Qamuq Moŋqoli Qabul-qaqan meden aba. Qabul-qaqan-no qoina, Qabul-qaqan-no uke-ber, doloan koudiyan boetele, Seŋkun-Bilke-in koun, Anbaqai-qaqan qamuq Moŋqoli meden aba.

§ 53. Buyür-naur, Kolen-naur qoyar ǰaura Uršiun-murenne bukun Airiut Buiruut Tatar irkene Anbaqai-qaqan okin okču, oesun okinien hüdeǰu otqu bolun, Tatar J̌uin irken Anbaqai-qaqan-ni bariǰu, Qitadun Altan-qaqan-na abču otqui-tur, Anbaqai-qaqan Besutai kuun Balaqači elčiniyer ukuleǰu ilerun, Qabul-qaqan-no doloan koudun dundadu, Qutula-da, ukulerun: «Harban koudun dotora Qadaan-taiǰi-da ukule, keen ukuleǰu ilerun: Qamuqun qaqan, Ulusun Eǰen boluǰu, oki-ben oesun hüdekui-ben namaar kesetkun! Tatar irkene bariqdaa bi. Tabun quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qimul tamutala, harban quruudiyen qauttala hači mino aburan soritqun!» keeǰu ileǰuu.

§ 54. Tere čaq-tur Yesukai-Baatur Onan-muren-ne šibaoulan yabuquitur, Merkidun Yeke-Čiledu Olqonout irgen-eče oki abču euskeǰu aisuqun-i ǰoluqaǰu, oŋkeiǰu uǰeesu, oŋke ǰisu buši tai oki qatu uǰeǰu, ker-turiyen qarin haoulǰu, Nekun-taiǰi aqa-yüan, Daritai-otčiqin deu-ben uduritču ireǰuui.

§ 55. Kurkui-lue Čiledu ayüǰu, qurdun qubi tu aǰuu. Qubi-yüan quya ino deletču, quburi dabalis (nambalis) burutqui-lua, qoinača ino qurbaula udaaralduba. Čiledu qošiun qučilis qariǰu tergen-duriyen irekui-lue, tende Hoelun-uǰin ukulerun: «Tede qurban harani uqaba-u či? Čirai čirai-ača busut bi. Amin-tur čino kurkui čirai-tan bi! Amin ele čino boesu, olǰaike tutun okit, qarau tutun qatut bi! Amin ele čino boesu, oki qatu olui ǰe! Či busu nerete-i Hoelun taqi nereiduyu ǰe! Či amin-iyen qoroq! Hunar mino hunasču yabu!» keen, čanča-ban multulǰu, mori deereče naruitču abuqui-lua, qurbaula qošiun qučilduǰu kurču aisuqu-lua, Čiledu qurdun qubi-in quya ino deletču ǰuqus dutaaǰu, Onan-muren oede dutaaba.

§ 56. Qurbaula qoinača nekeǰu, doloan quburi dabatala huldeǰu qariǰu ireǰu, Hoelun-uǰin-i Yesukai-Baatur delbeke-deče kotolǰu, Nekun-taiǰi, aqa ino uduritču, Daritai-otčiqin deu ino qili ku derkečeǰu aisuqui-tur. Hoelun-uǰin ukulerun: «Aqa minu, Ciledu!

Kei oede kokul-iyen keisumuser,
Keer qaǰar-a keeli-ben olosumuser

bulii! Edoe ker-ele?» — Qoyar šiburked-iyen nikan-te aru deereen oorču, nikan-te eburan deere oorču, nikan-te uruqši-da, nikan-te qoinaqši-da — «Ker-ele kiǰu odumui?» keeet,

Onan-muren-ni tolqistala,
Hoai ǰubur daouristala,

yeke dau-ber uilaǰu aisuqui-tur, Daritai-otčiqin derkečeǰu yabuǰu ukulerun:

«Teberiku čino dabaat oloan dababa,
Uilaqdaqu čino usut oloan ketulba.
Qailaasu, qaraiǰu ulu uǰeku čimayi,
Qaibasu, hauluqa ino ulu oluqu či!

Sin boli!» keeǰu itqaba. — Hoelun-uǰini Yesukai tedui ker-duriyen abčiraba. Hoelun-uǰini Yesukai-in abčiraqsan yosun teimu.

§ 57. Anbaqai-qaqan-no (ni?) Qadaan, Qutula qoyari nereitču ilekseer, qamuq Moŋqol Taičiut Onan-no Qorqonaq-ǰubur quriyaǰu, Qutula-i qaqan bolqaba. Moŋqolun ǰirqalaŋ debsen qurimlan ǰirqaqu bulee. Qutula-i qan erkuet, Qorqonaqun saqlaqar modun horčin «qabirqa-ta — hauluqa, ebuduk-te — olkek bolutala» debseba.

§ 58. Qutula qaqan boluad, Qadaan-taiǰi qoyar Tatar irken-tur morilaba. Tatar-un Kotoan-Baraqa, J̌ili-buqa qoyar-tur harban qurban-ta qatqulduǰu, Anbaqai-qaqan-no osül osün, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesukai-Baatur Tatar-un Temuǰin-Uke, Qori-Buqua teriuten Tatar daouliǰu ireasu, tende Hoelun-uǰin keelitai burun, Onan-no Deliun-boldaq-a bukui-tur, ǰob tende Ciŋkis-qaqan toreǰuui. Torekui-tur baraun qar-turiyen šia-in tedui nodun qatqun toreǰuui. Tatar-un Temuǰin-Uke-i abčiraqsan-tur toreba, keen, Temuǰin nere okkui teimu.

§ 60. Yesukai-Baatur-un Hoelun-uǰineče Temuǰin, Qasar, Qačiun, Temuke — ede dorben kout toreba. Temulun nere tai nikan oki torebi. Temuǰin-ni yesun nasutu bukui-tur, J̌oči-Qasar doloan nasutu bulee. Qačiun-Elči tabun nasutu bulee. Temuke-otčiqin qunan nasutu bulee. Temulun oleketai bulee.

§ 61. Yesukai-Baatur, Temuǰin ni yesun nasutu bukuitur, Hoelun-eke-in torkut, Olqunout irken-tur, naqaču-nar-ača ino oki quyusu, keen, Temuǰin-i abuat yorčiba. Otqui-tur, Čekčer Čiqurqu qoyar-un ǰaura, Uŋqiradai Dei-Sečen-i ǰolqaba.

§ 62. Dei-Sečen ukulerun: «Yesukai quda ken-tur ǰoriǰu aisulaa?» keeǰuu. Yesukai-Baatur ukulerun: «Ene koun-no mino naqaču-nar Olqunout irkentur oki quyusu, keen, aisulaa!» keeǰuu. Dei-Sečen ukulerun: «Ene koun čino nidun-turiyen qaltu, niurturiyen keretu koun bi».

§ 63. Yesukai-quda, bi ene süni ǰaoudun ǰaoudulebe bi. Čaqan šiŋqor naran sara qoyar-i atqun nisču ireǰu, qar deere mino tuuba. Ene ǰaoudun-

niyen k̆uun-e uk̆ulerun: Naran sara-i qaraǰu uǰekden bulee. Edoe ene šinqor atquǰu abčiraǰu q̇ar-tur mino tuuba. Čaqan baouba. Yambar ele sai uǰeulumu, keeǰu, Yesuk̆ai quda ene ǰaoudun mino čimayi ele kou-been uduritču irek̆ui uǰeksen aǰuu. J̌aoudun sain ǰaoudulebe. Yaun ǰaoudun aqu? Ta, Qiyat irk̆en-o sulder ireǰu ǰaaq̇aqsan aǰuu».

§ 64. «Ba Unqirat irk̆en

Erte udur-eče ǰee-in ǰisun okin-o
Onk̆eten; ulus ulu temečet;
Qačar qoa okid-i
Qaq̇an boluqsan-a tano,
Qasaq terk̆en-tur unoulǰu,
Qara buura kolk̆eǰu,
Qataraulǰu otču,
Qatun saurin-tur
Qamtu saulumu ba!
Ulus irk̆en ulu temečet ba
Onk̆e sait okid-iyen osk̆eǰu,
Olǰik̆e tai terk̆en-tur unoulǰu,
Ole buura kolk̆eǰu
Eusk̆eǰu otču,
Undur saurin-tur
Oreele etet saulqui ba!
Erteneče Unqirat irk̆en
Qatun qalqa tan, okit očil ten;
J̌ee-in ǰisun okin-o
Onk̆e-ber buk̆ee ba!

§ 65. «Noun kout mano
Nuntuq qarayu,
Okin kou mano
Onk̆e uǰekdeyu!

Yesukai quda, k̆er-tur mino oduya! Okin mino učuuk̆en biyu, quda uǰetuk̆ai!» keeǰu, Dei-Sečen k̆er-tur-iyen uduritču baoulba.

§ 66. Oki ino uǰebesu, niur-tur-iyen gere tai, nidun-tur-iyen q̇altai. Okin-i uǰeǰu, oin-tur-iyen oroulba. Temuǰin-eče nik̆an nasun yeke, harban tai aǰuu. Borte nere tai. Süni qonaǰu, manaq̇aši oki ino q̇uyübasu, Dei-Sečen uk̆ulerun: «Oloan-taou q̇uyüulǰu okbesu, deeǰilekdek̆u, čoen-taou q̇uyüulǰu okbesu doranǰilaqdaqu. Okin k̆uun-no ǰayaan toreksen euden-tur otolk̆u uk̆ai. Okin-iyen be oksu, kouniyen be k̆ureket-te talbiǰu ot!» keeba. J̌e bolul-

čaju, Yesukai-Baatar ukulerun: «Kou-ben kurekete talbisu! Kou mino noqai-yača čočimtaou bulee. Quda, kou mino noqai-yača bu čočiun!» keeet, kotual morin-iyen belke okču, Temujin-i kureket-te talbiju otču,

§ 67. Yesukai-Baatur jaura Čekčerun Šira-keere Tatar irken qurinlan bukui-tur joluqaju, undasču qurin-tur ano baouba. Tede Tatar tanin ajuu. «Yesukai Qiyan ireai!» keeet, uridano daouliqdaqsan kekelen-ben duratču, oisuladun qujirju, qoro qoliju okčiui. Jaura maoui otču, qurban qonoq yabuju, ker-tur iyen kuruet maoui boljü,

§ 68. Yesukai-Baatur ukulerun: «Dotora mino maoui bi. Derkedeken bi?» keeju, Qonqotadai Čaraqa ebukeno kou Munlik oira bi, keeju, uriju ireulju ukulerun: «Čaqa mino, Munlik! Kout učuketu bulee bi. Kou-ben Temujin-i kuriket-te talbiju irerun, jaura Tatar irken-e oisulaqdaa bi. Dotora mino maoui biyu. Učuket qočoruqsat deu-ner-iyen, belbisun, berken-iyen asaraqu-i či mede! Kou mino Temujin-i otorkan otču abču ire, čaqa mino Munliq! «keeet nokčiba.

II

§ 69. Yesukai-Baatur-un uke-i buši ulu bolqan, Munlik otču, Dei-Sečen-ne ukulerun: «Yesukai aqa Temujin-i maši morelju ore-ben ebedumu. Temujin-i abura ireba!» keeju, Dei-Sečen ukulerun: «Quda kou-ben morelku boesu, ottuqai! Ujeju, otor iretukai!» keeju, Munlik ečike Temujin-i abču ireba.

§ 70. Tere qabur Anbaqai-qaqan-no qatut Orbai Soqatai jirin yekes-e qajaru ineru qaruqsan-tur, Hoelun-ujin otču, qojit kurču qojidauuldaju, Hoelun-ujin Orbai Soqatai jirin-e ukulerun: «Yesukai-Baatur-i ukubeu? keeju, koudi mino yeke ulu boluqui-yača yekes-un kešikeče, bileur-eče, sarqud-ača yekin qojidaulumui ta? Ujeet idekui ulu serkuulun noukun bolba ta!» keeju,

§ 71. tere uke-tur Orbai Soqatai jirin qatut ukulerun:

Uriju ulu oktekui mor tai či,
Učiraasu ideku yosutai či,
Kureju ulu okteku či,
Kurteesu ideku yosutai či!

Anbaqai-qaqan-ni ukuleu či, keeju, Hoelun-ne kurtele ein keekdekui bolbi!»

§ 72. Arqa-eče: «Eden-i ekes, koud-i nuntuq-tur keju noutqun, ta ber bu abču yabutqun!» keeet manaqarši udureče Taičiud-un Tarqutai-Qiriltuq, Todoen-Kirte tan Taičiut Onan-muren huruu kodolba. Hoelun-ujin-ni ekes

koud-i k̇eǰu noukderun, Qoaŋqotadai Čaraqa-ebuk̇en otču itqaqu-tur, Todoen-K̇irte uk̇ulerun:

«Čeel usuu niduralua,
Čaok̇en čilaoun čaourelua!»

keeet nouuǰeai. Čaraqa-ebuk̇en-i «Ker itqaqu či?» keen qoinača ǰida-bar ǰoqudus qatquǰuu.

§ 73. Čaraqa-ebuk̇an, yaratu bolǰu, k̇er-tur-iyen ireǰu berke kebdekui-tur, Temuǰin uǰere otču, tende Qoaŋqotan Čaraqa-ebuk̇au uk̇ulerun: «Sain Ečik̇e-in čino q̇uriyaqtaqsan ulus-i mano burino ulus abču noukderun, itqaqu bolun ein kikdebe!» keeǰu, teun-tur Temuǰin uilaat q̇arču yorčiba. Hoelun-uǰin k̇eǰu noukderun, tuqlaǰu beye-ber morilaǰu, ǰarimut irk̇en-i ičuq̇aba. Tede ber ičuq̇aqdaqsan irk̇en ulu toqtan, Taičiud-un qoinača nouǰuui.

§ 74. Taičiud aqa deu Hoelun-uǰin-ni belbisun kout učuk̇et, ekes koud-i nuntuq-tur k̇eǰu noukdeǰu, —

Hoelun-uǰin eme merk̇an toreǰu,
Učuk̇et koud-iyen teǰierun,
Uqitala boqtalaǰu, qoǰitala buseleǰu,
Onan-muren oede irada k̇uiyiǰu,
Olirsun moilsun teŋk̇uǰu,
Udur sueni qoolai teǰiebe.
Suelsu tai toreksen uǰin-eke,
Sutan koud-iyen teǰierun,
Čik̇orsun širo bariǰu, sudun,
Čičiq̇ina uquǰu teǰiebe.
Eke Uǰin-no
Qaliyarsun maŋqirsun-iyar teǰiekset kout
Qat bolura k̇urbei.
J̌arčintai Uǰin-eke-in
J̌auq̇asu-bar teǰiekset kout
J̌asaq tan sečet bolba.
§ 75. Qoa-uǰin-no
Qoqosun maŋqirsuar teǰiekset
Hauluqat kout
Hoilaut sait bolba.
Eres sait bolun baraǰu,
Erekun omoqun ele boldaba.
Eke-yüen teǰieya keeelduǰu,

Eke-onan-no erki deere sauju,
Elkuur kouki jasalduju,
Erendek jendek jiqasu
Elkuju keukileju
Jeu-ber keuki ekeulju,
Jebke qadara keukileju;
Čilume qubčiur huyaju,
Jiramut jiqasu šiuju,
Jiči eke-yüen hači tejiebe.

§ 76. Nikan udur Temujin, Qasar, Bekter, Belkutai dorben qantu sauju kouki tataqui dotora nikan kekeen soqosun orojuui. Temujin Qasar qoyar-ača Bekter Belkutai qoyar buliju abuba. Temujin Qasar qoyar kertur ireju, Ujin-eke du ukulerun: «Nikan kekeen soqosun keuki jauqsan-i Bekter Belkutai aqa deu qoyar-a buliju abdaba ba!» keeesu, Ujin-eke ukulerun: «Yekuujeai? Aqa-nar deu-ner yekin tein kildumui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
Seul-eče busu čičua ukai bi bida!

Taičiut aqa-deu-yeen qašiu ker aburaqun bida? keeju bukui-tur, Erte Alan-eke-in tabun kout metu yekin eye ukeun bi ta? Butukai!» keebai.

§ 77. Tendeče Temujin Qasar qoyar ulu taalan ukulerun: «Očiken nikante biljiur qodoliduqsan-i tein-ku buliju abulaa. Edoe basa tein-ku buliba. Qantu ker alduqun bida?» keeet, euden oorču qarču yorčiba. Bekter hulqun deere širqa aqtatan yesun mori qaraju sau bukui-tur, Temujin umereče daldatču, Qasar emuneče daldatču sumu-ban sambaju kurkui-tur, Bekter ujeet ukulerun: «Taičiut aqa deu-in qašiun daousun yadan hači ken-e aburan čidaqun-o? keeju bukui-tur, nama-i yekin —

Niduno surimusun
Amano qaqasun —

bolqamui ta?

Seuder-eče busu nokor ukai,
Seul-eče busu čičua ukai-tur,

yekin tein setkiba ta? Qolumta mino bu burelketkun, Belkutai-i bu tebčitkun!» keeet, jabilan sauju kuličaba. Temujin, Qasar qoyar emuneče umereče otermeleju otba.

§ 78. Ker-tur ireju oroqui-lua, Ujin-eke qoyar kouked-uen čirai uqaju ukulerun: «Baraqsat!

Qalaunača mino
Qalat qarurun,
Qar-tur-iyen qara nodun
Qatqun toreliki, ene!
Qarbisu-ban qaǰaqu
Qasar noqai metu,
Qada-tur dobtulqu
Aur-iyen darun yadaqu
Arslan metu;
Amidu ǰalqisu keeku
Manqus metu;
Seuder-tur-iyen dobtulqu šinqor metu;
Semiyer ǰalqiqu čuraqa metu;
Botoqan-iyen borbi qaǰaqu buura metu;
Boroqan-tur šiqaqu čino metu;
Koud-iyeu kelin yadaǰu,
Koud-iyen ideku anqir metu;
Kebteši-en koandeesu omerku ǰoeburi metu;
Bariǰu ulu saaraqu bars metu;
Balamut dobtulqu baru (q) metu —
Baraba!
Seudereče busu nokor ukai-tur,
Seuleče busu čičua ukai-tur,

Taičiut aqa deu-in qašiun daousun yadan bukui-tur, hači kene aburaqun-o?» keeǰu bukui-tur, «Ker aya, keen, ein kildumui ta?» keen koudiyen

Qaučin ukes qadarun,
Otokus ukes orkidun,

maši maouilabai.

§ 79. Tedui atala, Taičiud-un Tarqutai-Qiriltuq Turqaud-iyen uduritču, «Qoruqat qooǰiǰuu. Šiluket šiberiǰuu!» keen ireǰuu. Ayüǰu, ekes kout aqa-nar deu-ner šiqui hoai-tur qorqolaǰu, Belkutai mudut ququru tatalaǰu šibee bariǰu, Qasar qarbulalduǰu, Qačiun, Temuke, Temulun qurban-ni ǰaba ǰaura duruǰu bulqaldun bukui-tur, Taičiut unšiǰu ukulerun: «Aqa-ban, Temuǰin-i ile, busud-i tan-o kerek ukai!» keen unšiqdaǰu, Temuǰin-i morilaulǰu buruutqan, hoai-tur dutaaǰu otqui-i Taičiut uǰeǰu huldeǰu, Terkune undur-un šiqui hoai-tur širquǰu orobasu, Taičiut oroan yadaǰu, šiqui hoaitur horčin saqiǰu.

§ 80. Temujin šiqui dotora qurban qonoju, qarsu keen moriyen kotolju aisuqui-tur, morin-ača emeel ino multureju qočorčuu. Qariju ujeesu emeel komuldurkelekseer olanlaqsaar multureju qočorčuu. «Olan či boltuqai! komuldurke basa ker multureku bulee? Tenkri itqan aquyu?» keeju, qariju, basa qurban qonoba. Basa qarču aisuqui-tur, šiqui-in amsar-a qošiliq-un tedui čaqan kuru amasar-a boklen unajuu. «Tenkeri itqan aquyu?» keeju, basa qurban qonaba. Basa yesun qonoq ideen ukai aju: «Nere ukai ker ukukdekui? Qarsu!» keeju, tere amasar boklen unaqsan qošiliq-un tedui čaqan kuru horčin qarbasu ulu bolqu modudi sumuči qituqaiyer-iyen hoqturiat moriyan qaltariuluat, qarqui-lua, Taičiut saqin ajuu. Bariju abču otba.

§ 81. Temujin-i Tarqutai-Qiriltuq abču otču, ulus irkenduriyen jasaqlaju, ail-tur nikan qonaulun qonaulun bituulun yabuqui-tur, jun-o teriun sara-in harban jirwuan-a hulaan terkel udur, Taičiut Onan-na erki deere qurinlalduju, naran šinkeesu tarqaba. Temujin-i tere qurin-tur kelbure koun kuun abčiraju bulee. Qurin-un haran-i tarqaulun, tere kelbure koun-eče buqau tataju abču, heki ino nikante deleduet kuiju, Onan-no tun dotora kebteesu, ujekdeke, keeju, usun-o qarqi-tur kederku kebteju, buqauban usun huruu urusqan, niur ile kebtebe.

§ 82. Tere aldaqsan kuun yeke dawu-bar: «Bariya kuun aldaba!» Keen, qailaqui-tur, tarqaqsat Taičiut quriju ireju, udur metu saraul-a Onan-no tun-ni bederebe. Qarqi-tur kebteju bukui-i Sorqan-Sira job daariju ujeju ukuleryn: «Job ele eimu arqatu-in tula nidun-duriyen qaltu, niur-turiyen keretu, keen, Taičiut aqa deudeen tein ele naidaqdan ajuu. Ci tein ču kebte! Ulu jaaqu bi!» keeet nokčibe. Basa qarin bedereye! Keeldukui-tur, Sorqan-Šira ukulerun: «Mun mun morieren ese ujeksen qajariyen ujeet, qarin bedereye!» Keeba. Je ku!» keelduba. Mun mun moriyer qarin bedereju, basa Sorqan-Šira daariju, ukulerun: «Aqa deu čino amaan šidu-ben bileuden aisu. Tein kebte, qadauji-ku!» keeet nokčiba.

§ 83. Basa qarin bedereye keeldukui-tur, Sorqan-Sira basa ukulerun: «Taičiut kout, ta kekeen čaqaan udur kubčin kuu aldaba. Edoe qaranqui süni (sueni) ker olqun bida? Basa mun mun mor-iyer ese ujeksen qajariyen ujeet, qarin bedereet tarqaju, manaqar udur čiulju eriye! Qaa otqu, tere buqautu kuun?» keebe. Je keelduju, qarin bedereju, Sorqan-Sira basa daariju ukulerun; «Edui bedereet, qariju, manaqar eriye keelduba. Edoe mani tarqaulun baraju, eke-ben, deu-ner-iyen erin ot! Nama-i ujeba, keen kuun-e ujekdeesu, ujekdebe, keen, bu kelele!» Keeet nokčiba.

§ 84. Ani tarqaulun baraju, dotora-ban setkiju: Očikan ail bituulju qonaulqui-tur, Sorqan-Šira-in ker-tur qonabasu, Činbai, Čilaun, qoyar kout

ino, oro ǰiruke-ben ebetču, sueni nama-i uǰeǰu, buqau mino abču sularaǰu qonaaulubai. Edoe basa Sorqan-Šira nama-i uǰeǰu, ulu ǰaan nokčin aba. Edoe mun-ku tede nama-i aburamu ǰe!» keeǰu, Sorqan-Šira-in ker erin, Onan-muren huruu yorčiba.

§ 85. Ker-un belke sün tusuruet, esuk-iyen sueni-de udur čaitala buleku bulee. Tere belke sonasču yabubasu, buleur-un daou sonasču kurču, ker-tur ino orobasu, Sorqan-Šira: «Eke-ben, deu-ner-iyen erin ot eseu kelelue bi? Yekin ireba či?» Keeba. Činbai, Čilaun, qoyar kout ino ukulerun: Šibaouqan-i turintai buta-tur qorqobasu, buta mun aburaǰuui. Edoe bidan-tur ireksen-i yekin tein kemu či?» keen, ečike-yüen uke ulu taalan, buqau-qi ino čučalǰu, qal-tur tuliyeǰu, qoitu (n)unqasutu terken-tur unoulǰu, Qadaan neretai duiiben: «Amitu kuun-e bu kelele!» keeǰu asaraulba.

§ 86. Qutuar udur «kuun niuba ǰe!» keelduǰu, «Oer ǰaura nenǰilel-duya!» keelduǰu nenǰilelduba. Sorqan-Šira-in ker-tur terkan-tur iseri-in doro kurtele nenǰiǰu, qoitu (n)unqasutu terkan-tur unoǰu, amasara bukui (n)unqasu tatalaǰu, kol-tur kurkui-tur, Sorqan-Šira: «Ene basa eimu qalaun-a (n)unqasun dotora ker dausqu?» keeesu, nenǰiulsun baouǰu yorčiba.

§ 87. Nenǰiul-i oduqsan-o qoina Sorqan-Šira ukulerum: «Nama-i hunesu-er keiskan aldaba! Edoe eke-ben deuner-ijen erin ot!» keeǰu, aman čaqan eremuk hulaqči-ni unoulǰu, tel quriqan bolqaǰu, kour nanbuqa ǰasaǰu, emeel ulu okun, kete ulu okun, qoyar sumu okbe. Tedui ǰasaǰu ileba.

§ 88. Temuǰin tein oduat, šibeeleǰu qorqolaqsan qaǰar-duriyen kurču, ebesuno alurqai-bar Onan-muren oede močikiǰu (morkiǰu), horoneče Qimurqa-qoroqan oroǰu, iren aǰuu. Tere oede močikied (morkiet), Qimurqa-qoroqan-no Beder qošiun-a Qorčuqui-boldaq-a bukui-tur ǰoluqalduba.

§ 89. Tende neilelduǰu otču, Burqan-qaldun-o ebur-e Kulelku dotora, Sankur-qoroqan-no Qara-ǰirukeno Koko-naur nuntuqlaǰu aqui-tur, tarabaqat kučukur alaǰu iden bulee.

§ 90. Nikan ndur širqa aqtatan naiman morit ker-un dergede baiǰu bukui-i deerme ireǰu, uǰetele deermetču yorčiba. Yabuqat uǰeǰu qočorba. Belkutai oqodur darki qonqor-i unoǰu tarbaqačilara odču bulee. Udeši, naran šinkeksen-o qoina, Belkutai darqi oqodur qonqor-tur tarbaqat ačiǰu niqsaqalǰatala yabuqan kotolǰu ireba. Sirqa aqtatan-i deerme abču otba keeesu, Belkutai ukulerun: «Bi nekesu!» keeba. Qasar ukulerun: «Či ulu čidaqu, bi nekesu!» keeba. Temuǰin ukulerun: «Ta ulu čidaqu, bi nekesu!» keeǰu, darqi qonqor-i Temuǰin unoǰu, širqa aqtatan-i ebesun-o alurqai bar močikiǰu (morkiǰu), qurban qonaǰu, manaqar erte mor-tur oloan aduun-tur, nikan kurumel-e, koun kuun keu saan aqu-i ǰolqaǰu,

širqa aqtatan-i surabasu, tere koun ukulerun: «Ene manaqar, naran urququ-in urida širqa aqta tan naiman morit euber huldeju yorčiba. Mor ino bi ǰaaǰu oksu!» keeet, oqodur qoəqor-i talbiulǰu, Temuǰin-ni oroq šiəqula-i unoulba. Mun oesun qurdun qubi-i unoba. Ker-turiyen ba ulu odun, nanbuqa sauluqa-ban keere buquǰu talbiba. «Nokor, či burun muəqaniǰu aisu aǰuu. Ere-in muə nikan bi ǰe! Bi čima-tur nokočesu! Ečike mino Naqu-Bayan keekdeyu. Bi qaqča koun ino bi, Boorču neretu bi!» keeet, širqa aqta tano mor-iyar ino močikiǰu (morkiǰu), qurban qonaǰu, udeši naran quburi tašin bukui-tur, nikan kuriyen irken-tur kurba. Širqa aqta tan naiman morit tere yeke kuriyen-o qiǰaar-a ebesulen baiǰu buqui-i uǰeba. Temuǰin ukulerun: «Nokor, či ende baii! Bi širqa aqta tan, tende bi, huldeǰu qarsuqai! keeba. Boorču ukulerun: «Nokočesu keen irelee bi; ende yekin baiqu?» keeet, qantu dobtulǰu oroat, širqa aqta tan-i huldeǰu qarba.

§ 91. Qoinača haran ubur-subur nekeǰu aisu. Nikan čaqaan moritu kuun uurqa bariǰu qaqčaar kuyičeǰu aisu. Boorču ukulerun: Nokor, numu sumu nada ača, bi qarbulaldusu!» keeba. Temuǰin ukulerun: «Mino tula či erusteuǰei, bi qarbulaldusu!» keeǰu, eserku qarin qarbulalduba. Tere čaqaan moritu kuun uurqa-bar-iyen doqiǰu bayiba. Qoitus nokot kuyičeǰu ireba. Naran šiəkeǰu otba. Duušin bolǰu aisu. Qoitu tede haran baruan boldaǰu baiǰu qočorba.

§ 92. Tere sueni duliet, qurban udur, qurban sueni duliǰu kurba. Temuǰin ukulerun: «Nokor, bi čimadača aəqida ede morid-iyen abuqu-u bulee? Qubiyalduya, kedui-i abqu keemu?» keebe. Boorču ukulerun: «Bi sain nokor-i čima-i muəqaniǰu aisu, keen, sain nokor-e tusa bolsu, keen, nokočaǰu ireba bi: olǰeu keeǰu abqu bi? Ečike mino Naqu-Bayan neretu biyu. Naqu-Bayan-no qaqča koun ino bi bei-u? Ečike-in mino ǰueksen nada tuketele bi. Bi ulu abqu! Tusa boluqsan mino yaun tusa bolqu? Ulu abqu!» keeba.

§ 93. Naqu-Bayan-no ker-tur kurba. Naqu-Bayan kou-ben Boorču-i ǰabqaǰu, nisun nilbusu-iyer aǰuu. Kenete kurteǰu, kou-ben uǰeǰu, nikan-te uilamu, nikan-te doəqodumu. Koun ino Boorču ukulerun: «Yaun bolba? Sain nokor muəqaniǰu aisun aǰuu. Nokočeǰu odulaa bi. Edoe ireba!» keeet, haulǰu otču, buquqsan nanbuqa sauluqaban ačiraba. Temuǰin-ne tel quriqan alaǰu, kunesu okuet, nanbuqa deurke(n)ǰasaǰu kunesuleulba. Naqu-Bayan ukulerun: «Qoyar ǰalaus bei ta. Uǰelduktut, mona qoina bu tebčilduktut!» keeba. Temuǰin otču, qurban sueni, qurban udur yorčiǰu, Saəkur-qoroqan-a ker-tur-iyen kurba. Hoelun-eke, Qasar kiet deu-ner ino keruǰu aǰu, uǰeǰu bayasba.

§ 94. Tendeče Temuǰin, Belk̇utai qoyar Dei-Sečen-no Borte-uǰin-i yesun nasutu bukui-tur uǰeǰu irekseer qaqačaǰu bulee. Keluren-muren huruu erin otba. Čekčer-Čiqurqu qoyar ǰaura Dei-Sučen Uŋqırat tende aǰuu. Dei-Sečen Temuǰin-i uǰeju maši yeke bayasču uk̇ulerun: «Taičiut aqa deu činu naitamu, keen, medeǰu, maši keruǰu ǰokoleai. Aran uǰebe ǰe, čima-i!» keeet, Borte-uǰin-i neileuleet eusk̇eba. Eusk̇en aisurun, Dei-Sečen ǰaura Keluren-o Uraq-ǰol-nudača qariba. K̇erk̇ai ino, Borte-uǰin-o eke, Sotan neretei bulii. Sotan oki-yen hüdeǰu, K̇urelk̇u dotora Saŋqur-qoroqan-a bukui-tur k̇urk̇eǰu ireba.

§ 95. Sotan-ni qariuluat, Belk̇utai-i, Boorču-i nokočeye keen, uriǰu ileba. Boorču, Belk̇utai-i k̇urk̇euluet, ečik̇e-duriyen ulu kelelen, Bok̇otur-qoŋqor-i unoat, boro ormuk̇e-ben bokturuet, Belk̇utai-lue ireba. Tere noko-čekseer nokočekui yosun teimu.

§ 96. Saŋqur-qoroqan-ača nouuǰu, Keluren-muren-o teriun, Burqi-erk̇i-de, nuntuqlan baouǰu, Sotan-eke-in šitkul, keen, qara buluqan daqu abčiraǰu bulee. Tere daqu-an Temuǰin, Qasar, Belk̇utai qurban abču otču: «Erte udur Yesuk̇ai-qan ečik̇e-lue Kereit irk̇en-o Vaŋ-qan anda keelduksen aǰuu; ečik̇e-lue mino anda keelduksen ečik̇e metu bei ǰe!» keen, Vaŋ-qan-i Tuula-in Qara-tun-ne bei-yu, keen medeǰu, otba. Vaŋ-qan-tur Temuǰin k̇urču uk̇ulerun: «Erte udur ečik̇e-lue mino anda keelduksen aǰuu. Ečik̇e-k̇u metu beiyu ǰe!» keeǰu, K̇erk̇ai baoulǰu emusk̇el čimada awčiraba!» keen, buluqan daqu okba. Vaŋ-qan maši bayasču uk̇ulerun:

«Qara buluqan daqu-in qariu
Qaqačaqsan ulus-i čino
Qantutqaǰu oksu!
Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Buk̇utkelduǰu oksu!
Bokere-in bokse tur,
Čekere-in čeeǰi-tur —

atuqai!» keeba.

§ 97. Tendeče qariǰu, Burqi-erki-de bukui-tur, Burqan-qaldunača Uryaŋqadai k̇uun, J̌arčiuadai-ebuk̇an kuurk̇e-ben urču, J̌elme neretu koun-iyen uduritču ireǰu, J̌arčiudai uk̇ulerun: Onan-no Deliun-boldaq-a bukui-tur, Temuǰin-i torokui-tur buluqan nelk̇e ok̇ulee bi. Ene kou-ben J̌elme-i ok̇ulee-k̇u bi. Učuk̇an, keen, abču odulua.» Edoe J̌elme-i:

«Emeel-iyen toquul,
Eude-iyen nekuul!»

keeǰu okba.

§ 98. Keluren-muren-no teriun-e, Burqi-erki-de, baouǰu bukui-tur, nikan manaqar, erde kerel širal (an) udur kein bukui-tur, Hoelun-eke-in ker dotora kodolkui Qoaqčin-emeken bosču ukulerun: «Eke, oter bos! Qaǰar derbelumui, tuburiun sonastamui! J̌alqanšiq tan Taičiut aqun-o? Eke, oter bos!» keebi.

§ 99. Hoelun-eke ukulerun: «Koudi oter seriulutkun!» keeet, Hoelun-eke oter-ku bosbi. Temuǰin tan kout oterlen-ku bosuat, moridiyen bariǰu, Temuǰin nikan mori unoba. Hoelun-eke nikan mori unoba. Qasar nikan mori unoba. Qačiun nikan mori unoba. Boorču nikan mori unoba. J̌elme nikan mori unoba. Temulun-ni Hoelun-eke ebur-turiyen deurba. Nikan mori kotol ǰasaba. Borte-uǰin-e mori dutaba.

§ 100. Temuǰin aqa-nar deu-ner morilaǰu, erte boet, Burqan ǰuk qarba. Qoaqčin-emeken, Borte-uǰin-i niusu keen, bokan qarautai terken-tur unoulǰu, boere alaq huker kolǰu, Teǝkeli-qoroqan oede kodolǰu auisun bukui-tur heru-baru-da, udur kein bukui-tur, eserkuneče čerik haran qataraǰu herkiǰu kurču ireǰu: «Yaun kuun či?» keen hasaqba. Qoaqčin-emeken ukulerun: «Bi Temuǰinoai bi! Yeke ker-tur qonin qirqara irelee. Ker-turiyen qariǰu aiši!» keeba. Tendeče ukulerun: «Temuǰin ker-tur biyu-u, ker keǰie biyu?» Qoaqčin-emeken ukulerun: «Ker-či oira biyu! «Temuǰin-i bukui-i ukai ese uqabai. Qoinača bosuat irebi bi!» keebi.

§ 101. Tede čeriut tedui, qatariba. Qoaqcin-emeken boere alaq hukeriyen deleduet, oterlen neuku bolun, terken-o teǝkeli ququs otba. Teǝkeliben ququraqdaǰu, yabuqadiyar hoai-tur kuyiǰu oroya keeldun bukui-tur, daruča mut čerikut Belkutai-in eke-i sundalaulduǰu qoyar kol ino čerbekelduulǰu, qataraǰu kurču ireet: «Ene terken dotora yaun teeǰu amu!» keeba. Qoaqčin-emeken ukulerun: «Ǔǝqasun teeǰu amu!» keebi. Tede čeriǔdun aqanar ino ukulerun: «Deu-ner, koudiyen baouǰu uǰetkun!» keeba. Deu-ner kout ino baoǔǰu, qaatai terken-o qaalqa abqui-lua, dotora qatun(q) ǰe kuun saquǰu, ima-i terkeneče čirču, baoulǰu, Qoaqčin ǰirin-i sundalaulǰu abǔat, Temuǰin-o qoinača ebesun-o alurqai-bar močikiǰu (morkiǰu), Burqan ǰǔk qarba.

§ 102. Temuǰino qoinača Burqan-qaldun-ni qurbanta qučiulǰu, erusun yadaba. Ein-tein bolǰiasǔ, ǔmubǔ šıbar berke hoai ino čatqulaǝ moqai-a širquasu ulu bolqu berke šiqui qoinača ino daqaǰu, erusun yadaǰuui. — Tede qurban Merkit aǰuu. Uduit-Merkidun Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun, Qaat-Merkidun Qaatai-Darmala. Ede qurban Merkit erten-o Hoelǔn-eke-i

Čiledu-daca buliǰu abtalaai, keen, edoe tere osuel osuen irekse(n) aǰuu. Tede Merkit ukuleldurun: «Hoelun-no hači aburan, edoe emes-i ano abuba. Hači-yen aburaba bida!» keelduǰu, Burqan-qaldun-nača baouǰu, keit-turiyen aǰiraba.

§ 103. Temuǰin: «Tede qurban Merkit maqat keyjt-tur-iyen aǰirabayu, bukču-u amui?» keen, Belkutai, Boorču, J̌elme, qurban-i, Merkid-un qoinača uqauta qurban qonoq daqaulǰu, Merkid-i kunkeulǰu, Temuǰin Burqan deereče baouǰu, ebčeu-ben moeletču, ukulerun: «Qoaqčin-eke-i

Solonqa bolǰu
Sonosqu-in tula,
Unen bolǰu
Ujeku-in tula,
Budun beye-en buruudun,
Buqiya moritu,
Buqu-in horin horinlaǰu,
Burqasun ker kerlen,
Burqan deere qarulaa.
Burqan-qalduna
Boesuno tedui amin-iyen
Bulǰiuldaba bi!
Qaqčaqan aminiyen qairalan,
Qaqča moritu,
Qandaqai horin horinlaǰu,
Qalqasun ker kerlen,
Qaldun-deere qarulaa bi!
Qaldun-burqan-na
Qarča-in tedui amin-iyen
Qalqalaqdaba ǰe bi,
Maši ayuuldaba bi!
Burqan-qaldun-i
Manaqar buri maliyasuqai,
Udur buri očisukai!
Uruq-un uruq mino uqatuqai!.»

keen, naran eserku buse-ben kuǰuun-duriyen erikeleǰu, malaqai-ban qarturiyen seeǰikeleǰu, qar-iyen ebčeun-duriyen moeletču, naran ǰuk yesunte soketču, sačuli očiuli okba.

III

§ 104. Teuni keleleǰu, Temuǰin, Qasar, Belk̇utai qurban Kereidün Vaŋ-qan-tur, Tuula-muren-no Qara-tün-na bukui-tür, otču ük̇ulerun: «Qurban Merkit-te k̇enen bukui-tur ireǰü, eme kou-ben daoliǰu abdaba. Qan ečike mino, eme kou aburaǰü oktuk̇ai, keen, ireba bi!» keeba. Tere uk̇e-in qarin Tooril Vaŋ-qan ük̇ulerun: «Bi nidoni čimada eseu uk̇ulelee? Buluqan daqü nada ačilarun, ečike-in čaq-ün anda keelduksen ečik̇e metü biyu ǰe, keen, emüsk̇ekdeesü, tende bi uk̇ulerun:

Buluqan daqu-in qariu
Butaraqsan ulus-i čino
Buk̇utk̇elduǰü oksu!
Qara büluqan daqu-in qariu
Qaqačaqsan ulüs-i čino
Qantutqalduǰü oksu! keen,
Cekerai-in čeeji-tur atuqai,
Bokorai-in bokse-tur atüqai!

eseu keelee bi? Edoe tere uk̇en-duriyen k̇urun:

Buluqan daqu-in qariu
Buk̇ude Merk̇idi bureltele,
Borte-üǰini čino aburaǰu oksü bi!
Qara büluqan daqu-in qariu
Qamuq Merk̇idi qaltačiǰu,
Qatun Borte-i čino
Qariülǰu abčiraya bida!

Ci J̌amüqa deu-de kelen kiǰu ile. J̌amuqa deu Qorqonaq-ǰubür-a bi ǰe. Bi endeče qoyar tumet morilasu, baraun qar bolun, J̌amuqa deu qoyar tumet bolǰu, ǰaoün qar bolün morilatuqai! Bidan-o bolǰaan J̌amuqa-dača boltüqai!» keeba.

§ 105. Temuǰin, Qasar, Belk̇utai qurban Tooril-qan-nača qariǰu, k̇erturyen k̇urču, Temuǰin, J̌amuqa-tur Qasar Belk̇utai qoyr-i ilerun, J̌amuqa anda-da uk̇ule, keen, uk̇üleǰu ilerün:

«Oro-ban hoqtorqu bolqaqdaa bi!
Onar nikan tan büsut-ü bida?
Osüeliyen ker osuekun?
Ebur-iyen hentuldee bi.
Helik̇eno uruq busut-u bida?
Hači-iyen ker hačilaqun bida?»

keeǰü ileba. — J̌amuqa anda-da ükuleǰu ileksen üke edüi, basa Kereid-ün Tooril-qan-no ükuleksen ükes-i J̌amuqa-da ükuleǰu ilerün: «Erde üdur Yesükai-qan ečike-de mino tusa sayi kikdeksen-i setkiǰü, nokočesu bi! Qoyar tumet bolǰu, baraün qar bolun, morilasü! J̌amuqa deu-de keleleǰu ile. J̌amuqa deu qoyar tümet morilatuqai; qantütqü bolǰaan J̌amuqa deü-deče boltuqai!» keeba. Ede ükes-i dausqan baraǰu, J̌amuqa ükulerun: «Temuǰin-anda-i

Oro hoqtorqu bolba, keen medeǰu,
Orc mino ebetba.
Ebur henterebe, keen medeǰu,
Helike mino ebetba.
Osuel-iyen osuen,
Uduit, Uwas Merkid-i ulutkeǰu,
Ujin-Borte-yuen aburaya!
Hači-yen aburan,
Qamuq Qaad-Merkid-i qaltačiǰu,
Qatun Borte-yuen
Qariulün aburaya! Edoe tere
Kolme dabšiqüi-tur,
Kourke-in daqu bolqaǰu,
Kokidek Toqtoa Buura-keere bei ǰe.
Dabčitü qor darbalǰaqui- tür,
Daiǰiqči Dair- usun edoe
Orqon Selenke qoyar-un (ǰaura)
Talqun aral-a bei ǰe.
Qamqaulsün keiskui-tur,
Qara hoai temečekči
Qaatai-Darmala edoe
Qaraǰi-keere bei ǰe.
Edoe bida dotelen,
Qilqo-muren-ni kinkus, —
Saqal bayan esen atuqai —
Sal huyaǰu oroya!
Tere kokidek Toqtoa-in
Eruke deere ino oroǰu,
Erkin oede ino
Anbürü daariǰu,
Eme-koun ino
Ečültele qaoulüya!

Qutuq oede ino
Quq̇uru daariǰu,
Qotola ulus-i ino
Q̄oosun boltala qaoulūya!»

§ 106. J̌amuqa basa ukulerun: «Temuǰin-anda, Tooril-qan-aqa, qoyara, ukule keen ukulerun: Bi burun,

Qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
Qara buqa-in arasun-niyer
Buriksen burkiren bukui
Daoutu kourke-ben deletba bi.
Qara qurdun-iyen unoba bi.
Qataŋq̇u deel-iyen emusba bi.
Qatan ǰida-ban bariba bi.
Qatqurasutu sumun-iyen onolaba bi.
Qaatai-Merkit-tur
Qatquldun morilaya boet keen ukule!
Urtu qaraatu tuq-iyen sačuba bi.
Huker-un arasu-bar buriksen
Otkan daoutu kourke-ben deletbe bi.
Oroq qurdun-iyen unoba bi.
Hudesutu quyaq̇iyen emusba bi.
Oŋq̇itu uldu- been bariba bi.
Onatu sumuniyen onalaba bi.
Uduit-Merkit-tur
Ukulduya boet keen ukule.»

Tooril-qan-aqa morilarun; «Burqan-qaldun-o eburiyer Temuǰin-anda-i daariat, ireǰu, Onan-muren-no terīun-e, Botoqan-boorǰi-da, bolǰalduya. Endeće morilarun, Onan-muren oede, anda-in ulus bi. Anda-in ulus-ača nikan tumen bi. Endeče nikan tumen, qoyar tumen bolǰu, Onan-muren oede otču, Botoqan-boorǰi-da, bolǰal q̇aǰar-a, neilelduya!» keen ukuleǰu ileba.

§ 107. J̌amuqa-in ede ukes ino Qasar, Belkutai qoyar ireǰu, Temuǰin-ne ukuleǰu, Tooril-qan-na (kelen) kurkeba. Tooril-qan J̌amuqa-in ede ukes kurukeluet, qoyar tumet morilaba. Tooril-qan morilarun, Burqan-qalduno ebur Kelureno Burq̇i-erki, ǰorin aiši, keen, Temuǰin, Burq̇i-erki-de burun, mor-tur bi, keen, ǰailan, Teŋkelik oede nouuǰu, Tana-q̇orqon-a Burqan-qalduno ebur baouǰu, Temuǰin tendeče čerik euskeǰu, Tooril-qan nikan tumen, Tooril-qan-no deu, J̌aqa-Kanbu nikan tumen-diyer Qimurqa-q̇oroqono, Ail-qara-qol-da baouǰu bukui-tur, neilen baouba.

§ 108. Temujin, Tooril-qan, Jaqa-Kanbu, qurban qamtutču, tendeče kodolju, Onan-no teriun, Botoqan-Boorji-da kurbesu, Jamuqa boljal qajar-a qurban udur urida kurčuui. Jamuqa, ede Temujin, Tooril, Jaqa-Kanbu tan-o čeriud-i ujeet, Jamuqa qoyar tumet čeriudiyen jasaju baijuui. Ede ber Temujin, Tooril-qan, Jaqa-Kanbu tan čeriudiyen jasaat-ku, kurulceju, jiči tanilduju, Jamuqa ukulerun:

«Boroan ber boluasu, —
Boljal-tur,
Qura ber boluasu, —
Qurul-tur bu qojidaya!

Eseu keelduleai bida? Monqol je andaqar tan busut-u?

Je-deče qojidaqsan-i
Jerke-deče qarqaya!

keelduleai!» keeba. Jamuqa-in uke-tur Tooril-qan ukulerun: «Boljal qajar-a qurban udur qojit baiba„ keen, qodulaqu-i čimarlaqu-i Jamuqa-deu medetukai!» keeba. Boljal-un čimar edui ukulelduju,

§ 109. Botoqan-boorjinača kodolju; Qilqo-muren-ne kurču, sal huyaju ketuluet, Buura-keer-e, Toqtoa-beki-in —

Eruke deereče
Erkin oede anburu daarin oroju,
Eme-kou ino
Ečultele daoliba.
Qutuq oede ino
Ququru daariju
Qotola ulus ino
Qoqiratala daoliba.

Toqtoa-beki-i kebtee boetere kurku-i Qilqo-muren-ne bukun jiqačin, bulaqačin koreulučin talbiqsat dain iši, keen, sueni dulin kelen kurken otčuui. Tere kelen kurkeuluet, Toqtoa, Uwas-Merkidun Dair-Usun qoyar qantutču, Selanke huruu Barqujin oron čoen beyes-iyen dutaan buruutčuui.

§ 110. Merkidun ulus Selanke huruu sueni-de durbeju yabuqui-tur, bidan-o čeriut durbeju yabuqun Merkid-i sueni-de-ku daruju durbeju daoulin talan yabuqui-tur, Temujin durbeju aisuqun irken-tur: Borte, Borte! keen unšiju yabuqui-tur, učiraju, Borte-ujin tede durbekun irken-tur bujuui. Temujin-no daou sonosču, taniju, terken- eče baouat, kuyiju ireju, Borte-ujin, Qoaqčin, jirin, Temujin-o jilua ilbur sueni taniju barijuui.

Saraul bulee. Ǔjebesu, Borte-ǔjin-i taniǰu teberildun tuyalčaba. Tendeče Temuǰin, Tooril-qan J̌amuqa-anda, qoyar-a mun sueni boet ukuleǰu ilerun: «Eriku kerekiyen olba bi. Sueni bu duliya! Ende baouya bida!» keeǰu ılebe. Merkidun ulus durbeǰu aisuqu-yi sueni-de sandurču aisuqui ǰaura mun tende baouǰu qonoba. Borte-uǰin-ni tein ǰoluqalduǰu Merkid-eče aburaqsan yosun eimu.

§ 111. Turun urida Uduit-Merkidun Toqtoa-beki, Uwas-Markidun Dair-Usun, Qaatai-Darmala, ede qurban Merkit qurban ǰaut haran: «Udur-un erte Toqtoa-beki-in deu, Yeke-Čiledu-deče, Yesukai-baatur-a Hoelun-eke-i buliǰu abtalai», keen, teun-i osuen hačilan otčuui. Temuǰin-i Burqan-qaldun-ni qurban ta qučiulqui-tur, Borte-uǰin-i tende erusču. Čiledu-in deu, Čilker-boko-de asarauluqsan aǰuu. Tere asaraqsan-ar aǰu, Čilker-boko, daičiǰu qarurun ukulerun:

«Qara keree
Qalisu korisu ideku
J̌ayaatu boetele,
Qalaoun tokuraun-i
Idesu! keen
J̌ešin aǰuu.
Qatar maoui Čilker, bi
Qatun Uǰin-tur
Qalqu bolun,
Qamuq Merkit-te huntaou!
Qaraču maou Čilker
Qara teriun-duriyen
Kurteku bolba.
Qaqčaqan aminiyen qoroqun,
Qaraəqu qabčal širkusu,
Qalqa ken-e
Boldaquyu bi?

* * *

Quladu, maou šibaoun,
Quluqana kučulune
Ideku ǰayaatu boetele,
Quə toquraun-i
Idesu, keen ǰešin aǰuu.
Hunar maoui Čilqer bi

Qutuqtai sutai Ujin-i
Quriyajü ireku bolun,
Qotola Merkit-te
Huntaou bolba.
Qoqir maou Čilker
Qoqimai teriun-durıyen
Kurteku bolba bi.
Qorqosun-o tedui amin-iyen
Qoroqun haratu qaraŋqü qabčal-a širqusu!
Qorqosun-o tedui amin-a mino
Qoriyaan ken-e boldaquyu bi?»
keet daijin dutaajuu.

§ 112. Qaatai-Darmala-i erüsba. Abčiraju,
Qabtasun buqau emuskeju,
Qaldun-burqan-na joriulba.

Belkutai-in eke tere ail-tur beiyu, keen jaaqdaju, Belkutai eke-yueu otču, ker-tur ino Belqutai baraun euden-ber oroqü-lua, eke ino nabtarqai nekei deeltai jaoün euden ber qaruat, qadana busu kuun-ne ukülerun: «Kout mino qat boljuu! keekdemui. Bi ende maoui kuun-tur tubeju, edoe koudiyen niur ker ujekui bi? keeet kuyijü, šiqui hoai-tur širquju, tedui eriju ese oldalai. Belkutai-noyan Merkidai ele yasutu kuun-ni «Eke-i mino abčira!» keeju qodolitqu bülee. Burqan-ni qučilduqsat qurban jaut Merkidi uruqun uruqa kurtele hunesuer keistele ülitkeba.

Hülekset (huilekset) eme koun ano
Eburitkun medus-i
Eburitba,
Euden-tur orouldaqun medus-i
Euden-duriyen oroulba!

§ 113. Tooril-qan Jamuqa, qoyar-i, Temujin buširen ukulerun:

«Qan ečike mino, Jamuqa-anda qoyara nokočekdeju,
Teŋkeri Qajar-a kuču nemekdeju,
Erketu Teŋqeri-de nereitču,
Eke Etuken-e kurkeju,
Ere hačitu Merkit irken-i
Ebur ba ano hoqtorqui bolqaba,
Helike ba ano hemtelbe bida.

Oro ba ano hoqtorqui bolqaba,
Uruqun ba kuun-ni ulutkebe bida,
Huileksedi ba ano arbilaba ǰe bida!»

Merkit irken-i tedui busaŋqaǰu, ičuya keeldüba.

§ 114. Uduit-Merkit durberun, buluqan maqalaitu, maralun qodun qudusutu, ičiduŋ ǰarqaqusun-o buluqan ǰalqaqsan deeltu, tabun nasutu, Kuiču (Küču) neretu, nidun-duriyen qaltu kouken-i bidan-o čeriut nuntuqtur qočoruqsan-i olǰu abčiraǰu, Hoelun-eke-de saoqua abču okču otba.

§ 115. Temuǰin, Tooril-qan, J̌amuqa, qurban qantutču, Merkidun

Čorqan ker čoqoriulǰu,
Coqtai eme-i arbilaǰu,

Orqan, Selaŋke qoyar-un Talqun-aral-ača ičurun, Temuǰin, J̌amuqa, qoyar qantutču, Qorqonaq-ǰubur ǰorin ičuba. Tooril-qan ičurun, Burqan-qaldun-no keru-ber Hokortu-ǰubur daarin, Qačauratu-subčit, Huliyatu-subčit daarin, koruen ino abalaat, Tuula-in Qara-tuŋ-ni ǰorin ičuba.

§ 116. Temuǰin J̌amuqa qoyar Qorqonaq-ǰubur-a neilen baouǰu, erten-o anda bolulčaqsan-iyen duradulčan, anda tuŋqulduǰu, amaralduya keeldüba. Aŋqa urida anda bolulčarun, Temuǰin harban nikan nasutu bukui-tur, J̌amuqa quraltuq šia Temuǰin-e okču, Temuǰin-o čiŋqultuqtu šia anda bolulčaǰu, anda keelduksen; Onan-no molsun-tur šialǰaqui-tur, tende anda keelduleai. Teuno qoina qabur alaŋqir numutan qarbiyaldun bukui-tur, J̌amuqa burau-in qoyar eber niaǰu nukeleǰu daoutu qoriyen Temuǰin okču, Temuǰin-no arča maŋlaitu qodoli araljiǰu andačilalduba. Nokote anda keelduksen yosuu teimu.

§ 117. Uridus otokus-un uke sonosču, anda kuun amin nikan ulu tebčildun, amin-o ariči (~aburaqči) boluya, keen amaralduqui yosun teimu. Edoe basa tuŋqulduǰu amaraya keelduǰu, Temuǰin Merkidun Toqtoa-i arbilaǰu abuqsan altan buse J̌amuqa-anda-da buseleulba. Toqtoa-in eskel qaliuni J̌amuqa-anda-da unoulba. J̌amuqa Uwas-Merkidun Dair-Usuni arbilaǰu abuqsan altan buse Temuǰin-anda-da buseleulba. Dair-usun-o-ku Ebertu-unokun-čaqaani Temuǰin-e unoulba. Qorqonaq-ǰubur-un Quldaqarkun-no ebur-e saqlaqar modun-a anda keelduǰu amaralduǰu, qurinlan toilan ǰirqalduǰu, sueni (süni) konǰile-deen qaqča qonolduqun bulee.

§ 118. Temuǰin J̌amuqa qoyar amaraldurun, nikan hon nokoe hon-o ǰarin amaralduǰu, tere aqsan nuntuq-ača nikan udur nouuye keelduǰu nouurun, ǰun-o teriun sara-in harban ǰirqoan-a Hulaan-terkel udur nouuba. Temuǰin, J̌amuqa, qoyar qantu, terkedun urida yabuǰu aisurun, J̌amuqa ukulerun: Temuǰin anda, anda!

Aula-šiqan baouya,
Aduučin bidan-o
Alačuq-a kurtukai!
Qol-tur-šiqan baouya,
Qoničit quriqačit bidan-o
Qoolai-a kurtukai!»

keebe. Temujin Jamuqa-in ene uke-i uqan yadaju, semiyer baiju, qočorču, (ne)uri dunda terket kuličeju, neuri boet Temujin Hoelun-eke-de: «Jamuqa-anda ukulemu:

Aula-tur šiqan baouya,
Aduučin bidan-o
Alačuqa kurtukai!
Qol-tur šiqan baouya,
Qoničit quriqačit bidan-o
Qoolai-a kurtukai!

keen ukulemu. Bi ene uke ino uqan yadaju, qariu ino yauba ese ukuleba bi. Eke-deče asaqsu, keen ireba bi!» keeba. Hoelun-eke-i dunqodua-eduuye Borte-ujin ukulerun: «Jamuqa-anda uidanqa keekden bulee. Edoe bidanača uitqu čaq bolba! Tuqarun Jamuqa-anda-in keleleksen kelen bida-tur boet ješiku uke beyu. Bida bu baouya! Ene kodolukseer šiliu-ya, qaqačan, sueni (süni) dulin kodoluya boet!» keeba.

§ 119. Borte-ujin-o uke-ber jobšiyeju, ulu baoun sueni dulin kodolju aisuqui-tur, jaura mor-tur Taičiud-i daariba. Taičiut ber kokiju, mun sueni boet joričan, Jamuqa juk kodolba-ku. Taičiudun-Besudun nuntuq-tur nikan učukan Kokoču neretu kouni nuntuq-tur qočoruqsani bidanoai abuat, ireju Hoelun-eke-de okba. Hoelun-eke tejiyeba.

§ 120. Tere sueni duliju, udur keiesu ujeesu, Jalairun Qačiun-Toquraun, Qaraqai-Toquraun, Qaraldai-Toquraun, ede qurban Toquraun aqa-nar deuner sueni dulilduju aisun ajuu. Basa Tarqudun Qadaan Daldurqan aqa-nar deu-ner tabun Tarqut aisun-ku ajuu. Basa Munketu-Qiyan-o koun Unkur tan Čanšiut, Bayaudiyaran-ku ajuu. Barulas-ača Qubilai-Qudus aqa-nar deu-ner irebe. Manqudača Jetai, Doqolqu-čerbi aqa deu qoyar ireba. Boorču-in deu, Okelen-čerbi, Aruladača qaqačaju, aqaduriyen neilen, Boorču-tur, ireba-ku. Jelme-in deu, Čaurqan, Subeetai-Baatur, Uryanqanača qaqačaju, Jelme-tur neilen ireba. Besudeče Dekai, Kučukur aqa deu qoyar ireba-ku. — Suldusača Čilkutai-Taki, Taičiudai aqa-nar deu-ner ireba-ku-jalair-un Seče-Domoq, Arqai-Qasar-Bala, qoyar, koudiyeren ireba-ku.

Qoɘqotan-ača Süiketu- čerbi ireba-ku. Sukeken-o Ǯekai Qoɘdoqorun koun Sukekai Ǯeun ireba-ku. — Neudai Čaqaan-uwa ireba-ku. Olqonudun Qiɘqiyadai, Qorlos-ača — Sečiur, Dorben-eče — Moči-Beduun ireba-ku. Ikires-un Butu, ende kurekete yabuqsaar ireba ku. Noyaqin-ača Ǯuɘso ireba-ku. Oronar-ača Ǯirqoan irebe ku. Barulas-ača Suqu-Sečen, Qaračar koun-bue-ben ireba-ku. Basa Baarin-o Qorči-Usun-obuken, Koko-Čos, Menen-Baariniyeren, nikan kuriyen ireba-ku.

§ 121. Qorči ireǰu ukulerun: «Bodončar-boqdo-in bariǰu abuqsan emedeče toreksen ba Ǯamuqa-lua

Keeli nike ten,
Keke qaqča tan

buleai ba. Ǯamuqa-dača ulu qaqačaqun bulee ba. Ǯaarin ireǰu, nadur nidunduriyen uǰeulba. Qoaqčin uniyen ireǰu, Ǯamuqa-i horčiǰu yabuǰu, ker terkan ino murkuleet, Ǯamuqa-i murkuǰu, oreele eber-iyen ququraǰu, solǰir-ebertu bolǰu: Eber mino ača! Keen-keen, Ǯamuqa-in ǰuk mooren-mooren, široai sačun-sačun baimu. Muqular qoa huker yeke kerluke deere erkuǰu kolǰu ǰiktuǰu (ǰidkuǰu), Temuǰin-o qoinača yeke terkeur-iyer mooren-mooren aisurun: Tenkeri Qaǰar eyetulduǰu, Temuǰin-i Ulus-un Eǰen boltuqai! Keen, Ulus teeǰu abču aisu! keen, ǰaarit nidun-dur uǰeulǰu, nadur ǰiana. Temuǰin, či Ulus-un Eǰen boluasu, nama-i ǰiaqsan-o tula, ker ǰirqaulqu či?» keeba. Temuǰin ukulerun: «Unen tere Ulus medeuluesu, Tumen-o Noyan bolqasu!» keeba. «Ele edu Tore-i ǰiaqsan kuun-ni nama-i Tumen-o Noyan bolqa(ba)su, yaun ǰirqalaɘ bei? Tumen-o Noyan bolqaat, ulus-un qoas sait okit darqalan abqaulǰu, qučin ba emestu bolqa! Basa yau keleleksen-i mino eserku sonos!» keeba.

§ 122. Qunan teriuten Kenikes nikan kureyen ireba-uk. Basa Daritai-otčiqin nikan kureyen ireba-ku. Ǯadaranača Mulqalqu ireba-ku. Basa Uɘǰin Saqait nikan kureyen ireba-ku. Ǯamuqa-dača tedui qaqačan kodoluet, Qimurqa-qoroqon-a, Ail-Qaraqana, baouǰu bukui-tur, basa Ǯamuqa-dača qaqačaǰu, Ǯurkin-o Soorqatu-Ǯurki-in koun, Sača-beki, Taiču, qoyar, nikan kureyen; basa Nekun-Taiǰi-in koun, Qučar-beki, nikan kureyen; basa Qutala-qan-o koun, Altan-otčiqin, nikan kureyen — ede, basa Ǯamuqa-dača qaqačan kodelǰu, Temuǰini Qimurqa-qoroqan-o Ail-qaraqanada baouǰu bukui-tur, neilen baouba. Tendeče nouuǰu, Kurelku dotora Saɘqur-qoroqan-o Qaraǰuruken-o Koko-naur baouba.

§ 123. Altan, Qučar, Sača-beki bulun eyetulduǰu, Temuǰin-e ukulerun: «Čima-i qan bolqaya!» Temuǰin-i qan boluasu, ba —

Olon dain-tur alqinči haulǰu,
Onke sain
Okin qatun,
Ordo ker qari irkeno
Qačar qoa qatun oki,
Qarqan sain aqta
Qataraulǰu ačiraǰu oksu ba!

* * *

Oroa koreesun abalaasu,
Uturaǰu oksu ba.
Keerun koreesun-o
Keeli ino niketele šiqaǰu oksu.
Qun-o koreesun-o
Quya ino niketele šiqaǰu oksu ba!

* * *

Qatqulduqui udur
Qala čino buši bolqaasu,
Qari-širi-deče,
Qatun eme-deče mino
Qaqačaulǰu,
Qara teriu mano
Qaǰar-kosuer-tur keǰu ot!

* * *

Enke udur
Eye čino ebdeesu,
Eres haradača,
Eme koudeče mano
Heričeulǰu (erisleulǰu)
Eǰeukai qaǰar-a keǰu ot!»

Edui uke baralduǰu, ein aman-aldaǰu, Temuǰin-i Činkis-qaqan keen nereitču, qan bolqaba.

§ 124. Činkis qaqan boluat, Boorču-in deu Okolai-čerbi qor aqsaba. Qačiun-Toquraun qor aqsaba. J̌etai, Doqulqu čerbi, aqa deu qoyar, qor aqsaba. Onkur, Süiketu-čerbi, Qadaan-Daldurqan qurban akulerun:

«Manaqar-un undan
Bu mekusdeulsukai!
Ude-in undan
Bu osoldosukai!»

keen, baurčin bolba. — Dekai ukulerun:

Šileku irke,
Šulen bolqaju,
Manaqar bu mekudesu,
Qonoq-tur bu qojidasu,
Alaqčiut qonid-i aduulaju,
Alan duurkesu,
Qoaəqoqčiut qonid-i aduulaju
Qotan duurkesu!
Qoolančar maoui bilee bi:
Qonit aduulaju
Qoəjyasun idesu bi!»

Dekai qonit aduulaba. Deu ino Kučukur ukulerun:

«Čoorqatai terken-i
Čiu ino bu čiudeulsu.
Teəkisketai terken-i
Terkeur deere bu teuleulsu!»

keeju, «ker-terken jasasu!» keeba.
Dodai-čerbi ker dotora kerken tutqar-i basaalasuqai! keebe. Qubilai, Čilqutai, Harqai-Toquraun qurban-ni Qasar-lua bolun uldus aqsaju:

Kučurkekun-i —
Kujuut ano kiəkuritkun!
Omorqaqun-i —
Omoriut oəlajitqun!»

keeba. — Belkutai, Qaraldai-Toquraun qoyar-i:

«Aqta barituqai,
Aqtačin boltuqai!»

keeba. — Taičiudai Qutu, Moriči, Mulqalqu qarban-ni:

«Aduu adulatuqai!» keeba. Arqai-Qasar, Taqai, Sukekai, Čaurqan dorben-ni:

«Qola-in hoorčaq,
Oira-in odola —

boltuqai!» keeba. — Subeetai-Baadur ukulerun:

«Quluqana bolǰu,
Quriyaldusu!
Qara-kerie bolǰu,
Qadaun bukun-i
Qarmaldusu!
Nenbe isekai bolǰu,
Nemurleldun sorisu!
Keriske isekai bolǰu,
Ker ǰuk keriskeleldun sorisu!»

keeba.

§ 125. Tende Činkis-qaqan, qan bolǰu, Boorču, J̌elme qoyara ukulerun:

«Seuder-eče busu nokor-ukai-tur,
Seuder bolǰu,
Setkil mino amuulba ǰe ta.
Setkil-tur atuqai! keeba.
Seul-eče busu čičua-ukai-tur,
Seul bolǰu,
J̌iruke mino amuulba ǰe ta.
Ceeǰi dotora mino atuqai!»

keeba. «Ta qoyar, urida baiqsaar, ede bukun-i aqalaǰu uluu aqun ta?» keeba. Basa Činkis-qaqan ukulerun: «Tenkeri Qaǰar-a kuču nemeǰu iheekdeesu, ta J̌amuqa-anda-ača nama-i keen setkiǰu, nokočesu keen irekset otokus olǰeten nokot mino uluu boluuǰai ta!» keeba «J̌uk-ǰuk tušiba tani!»

§ 126. Činkis-qaqan-ni qan balqaba, keen, Kereidun Tooril-qan-tur Taqai, Sukekai qoyar-i elči ileba. Tooril-qan: «Temuǰin koun-i mino qan bolqaǰu — nai ǰob! Monqol qat ukeun ker aqun ta?

Ene eye-ben
Bu obdetkun!
Eye ǰanqi-ben
Bu talutqun!

J̌aqa-ban
Bu tantulutqun!»

keeǰu ileǰu;

IV

§ 127. Arqai-Qasar, Čaurqan qoyar-i J̌amuqa-tur elči ileesu, J̌amuqa ukulernn: «Altan, Qučar qoyar-a ukule, keen, ukuleǰu ilerun: Altan, Qučar! Ta qoyar Temuǰin-anda ba qoyar ǰaura anda-in

Subee sečiǰu,
Qabirqa qatquǰu,

yekin qaqačaulba ta? Anda ba qoyar-i ulu qaqačaulun qantu bukui-tur, Temuǰin-anda-i qan yekin ese bolqaba ta? Edoe yambar-ele setkil setkiǰu, qan bolqaba ta! Altan, Qučar! Ta qoyar ukuleqsen ukes-turiyen kurun, anda-in setkil amuulǰu, anda-da mino saiqatur-ku nokočeǰu okutkun!» keeǰu ileǰu;

§ 128. Teuno qoina J̌amuqa-in deu, Taičar, J̌alama-in ebur Olekai-bulaq-a burun, bidan-o Saari-keer-e buku, J̌oči-Darmala-in aduun deermedure otčuui. Taičar, J̌oči-Darmala-in aduun deermetču, abču otčuui. J̌oči-Darmala, aduu-ban deermetču otdaǰu, nokodiyen ǰuruke yadaqdaǰu, mun J̌oči-Darmala nekeǰu odču, sueni (süni) aduunoan qiǰiar-a kurču, morinoan del deere helike-beriyen kebteǰu kurču, Taičarun niruu ino ququru qarbuǰu alaat, aduu-ban abuat ireǰuu.

§ 129. «Deu-ben Taičar-i alaqdaba, keen, J̌amuqa teriuten J̌adaran, harban qurban qarin nokočeǰu, qurban tumet bolǰu, Alauut turqaut-iyar dabaǰu, Činkis-qaqan-tur morilaǰu aisai!» keen, Ikires-eče Mulke-totaq, Boroldai qoyar Činkis-qaqan-ni, Kurelku-de bukui-tur, kelen kurken ireǰuui. Ene kelen medeet, Činkis-qaqan harban qurban kureet bulcai. Qurban-ku tumet bolǰu, J̌amuqa-in eserku ino morilaǰu, Dalan-balǰut bailduǰu, Činkis-qaqan J̌amuqa-da tende kodolkekdeǰu, Onan-o J̌erene-qabčiqaya qorba. J̌amuqa ukulerun: «Onan-o J̌erene-de qorqaba bida!» keeǰu qarirun, Činas-un koudi dalan toqoot bučalqaǰu, Neudai-Caqaan-ua-in teriu ino hoqtolǰu, morino seul-tur čirču otčuui.

§ 130. Tende J̌amuqa-i tendeče qariuluat, Uruud-un J̌určedai, Uruudiyen uduriduat, Manqud-un Quyüldar, Manqudiyen uduriduat, J̌amuqa-dača qaqačaǰu, Činkis-qaqan-tur ireba. Qonqodadai Munlik-ečike, tende J̌amuqa-tur aǰu, Munlik-ečike doloan qout-lue-ben J̌amuqa-dača qaqačaǰu, tende, Činkis-qaqan-tur neilen ireba. J̌amuqa-dača edun irken ireba, keen, Činkis-qaqan orturiyen ulus ireba, keen bayasču, Činkis-qaqan, Hoelun-uǰin, Qasar, J̌urkin-o Sača-beki, Taičutan bolun, Onan-o tuntur qurimlaya

keelduju qurimlarun, Čiɒkis-qaqan-na Hoelun-ujin-ne, Qasar-a, Sača-beki-de kiet teriulen nikan tusurke tusurčuui. Basa Sača-beki-in učuuken-eke Ebekai-i teriulen nikan tusurke tusurqu-in tula, Qorijin-qatun, Quurčin-qatun jirin: «Nama ulu teriulen, Ebekai-i teriulen ker tusuruyu?» keen, baourči Šikiur-i ašiqijuui. Ačiqiqdaju baourči ukulerun: «Yesukai-Baadur Nekun-taije qoyar-i ukuku-in tula, ein ašiqiqdaqui mino yaun?» keeet yeke daou-bar uilajuui.

§ 131. Tere qurin bidanača Belkutai jasaat, Čiɒkis-qaqan-no aqta bariju bain bulee. Jurkin-eče Buri-boko tere qurin jasan bulee. Bidan-o kilues-eče Qadaqidai kuun čilbur qulaquqsan-i qulaqai barijuui. Buri-boko tere kuuben hoimasču, (hömosču) Belkutai nasuda abaldurun, baraun qančuban multulju ničukun yabuqu bulee. Tere multuluksen ničukun muru ino Buri-boko ilduer qanqas čabčiju, Belkutai tein čabčiqdaju boet yaunaba ulu bolqan, ulu seɒkeren, čisun čuburiqulju yabuqui-i Čiɒkis-qaqan seudertur sauju qurin dotorača ujeju, qarču ireju ukulerun: «Ker ein kikden buleai bida?» keekui-tur, Belkutai ukulerun: «Mer uduui bulee! Mino tula aqa deu-tur maouqalin bolulčaujai! Bi ulu aljaqu bi. Ilaari biyu: aqa deu-tur sai ijilidulčan bukui-tur, aqa butukai, qorumut bai!» keeba.

§ 132. Čiɒkis-qaqan, Belkutai tedui itqaasu, ulu bolun; modun-o kešiut ququru tatalaju, itukesun buleut suqučiju abču ašiqilalduju, Jurkin-i ilaju, Qorijin-qadun Quurčin-qadun jirin-i buliju abuba. Jiči mut joqilduya keekdeju, Qorijin-qadun, Quurčin-qadun jirin-i ičuaju joqilduya keen ebčileldun bukui-tur, Qitat irken-o Altan-qan Mekujin-Seultu ten eye-duriyen ulu oroqdarun, Vaɒqiɒ-čiɒsyaɒ-a: «Čeriut jasaju bu saara boet!» keeju ilejuui. «Vaɒqiɒ-čiɒsyaɒ Mekujin-Seultu teriuten Tatar-i Ulja oede, aduu ideen salte, turiju aiši!» keen kelen medeba. Tere kelen medeet,

§ 133. Čiɒkis-qaqan ukulerun: «Erte udureče Tatar irken ebukes ečikes-i baraqsat ošiten irken bulee. Edoe ene qanalqa-tur qansaya bida!» keeet, Tooril-qan-tur: «Altan-qan-o Vaɒqiɒ-čiɒsyaɒ Tatar-un Mekujin-Seultu teriuten Tatar-i Ulja oede turiju aiši, keemui. Ebukes ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansaya bida. Tooril-qan-ečike, oter iretukai!» keen, ene kelen kurken elčin ileba. Ene kelen kurkeuluet, Tooril-qan ukulerun: «Koun mino job keleleju ilejuu. Qansaya bida!» keeet qutuar udur čerikiyen čiulqaju, čerik euskeju, Tooril-qan oterlen uqtun (ir)eju; Čiɒkis-qaqan Tooril-qan qoyar Sača-beki, Taicu teriuten Jurkin-e keleleju ilerun: «Erte edureče ebukes-i bidano baraqsat Tatar-i edoe ene qanalqa-tur qansaya, qantu morilaya!» keeju ileba. Jurkin-e irekdekui-eče jirqoan udut kuličeju yadaju, Čiɒkis-qaqan, Tooril-qan, qoyar qantu, čerik eusču, Ulja burun Vaɒqiɒ-Čiɒsyaɒ-lua qansan aisuqui-tur, Ulja-in Qusutu-šituen,

Naratu-šituen-e, Tatar-un Mekujin teriuten Tatar tende qorqa barijuui. Činkis-qaqan. Tooril-qan qoyar tein qorqalaqsad-i Mekujin-Seultu-i qoranača ino bariju, Mekujin-Seultu-i tende alaju, munkun olekai, tana tu konjile ino Činkis-qaqan tende abulaai.

§ 134. Mekujin-Seultu-i alaba, keen, Činkis-qaqan, Tooril-qan qoyar ireba. Vanqin-činsyan Mekujin-Seultu-i alajuui, keen medeet, maši bayasču, Činkis-qaqan-a Čautquri nere okba. Kereid-un Tooril-a Van nere tende okba. Van-qan nere Vanqin-činsyan-un nereidukseer tendeče bolba. — Vanqin-činsyan ukulerun: «Mekujin-Seultu-i qansaju alaqsan tano Altan-qan-e maši yeke tusa kiba ta. Ene tusa-i tano Altan-qan-a očisu bi. Činkis-qaqan-a euneče yeke nere nemekui-i Jao-tao nere okku-i Altan-qan medetukai!» keeba. Vanqin-činsyan tendeče tedui bayasču ičuba. Činkis-qaqan, Van-qan qoyar tende Tatar-i dauliju, 'qubiyalduju abulčaju, kerturiyen qariju baouba.

§ 135. Tatar-un qorqalaqsan Naratu-šituen-e baouqsan nuntuq-tur talaqui-tur, nikan učukan kouken-i keksen-i bidano čeriut nuntuq-ača oljuui. Altan eemek dorebčitu da-je torqan buluqaar dotorlaqsan helikebčitu učuukan koukeni abčiraju, Činkis-qaqan, Hoelun-eke-de saoqoa, keen, okba. Hoelun-eke ukulerun: «Sain kuun-o koun ajuu je! Hujaur saitu kuun-o uruq beiyu je!» Tabun koudiyen deu jirqoduar koun bolqan, Šikikan-Quduqu keen nereitču, eke asaraba.

§ 136. Činkis-qaqan-no auruq Qariltu-naur-a buleai. Auruut-tur qočoruqsan-i Jurkin tabin haran-o qubčan tonojuui. Harban haran-i alajuui. Jurkin-e tein kikdeba, keen, bidan-o auruut-tur qočoruqsat Činkis-qaqan-a jaabasu, ene kelen sonosuat, Činkis-qaqan maši kilinlaju ukulerun: «Jurkin-e ker ein kikden buleai bida? Onan-no tun-tur qurinlaqui-tur, baourči Šikiur-i mut-ku ašiqiba. Belkutai-in muru mut-ku cabčiba. Joqilduya keekdeju, Qurijin-qadun, Quurčin jirin-i ičuaju okba bida. Teuno qoino erteno ošiten kisten ebuke ečikes-i bidan-o baraqsat Tatar-i qansan morilaya, keen, Jurkin-i jirqoan udut kuličeju ese-ku irekdeba. Edoe basa daisun-tur šiqan daisun mut-ku bolui!» keeet, Činkis-qaqan Jurkin-tur morilaba, Jurkin-i, Keluren-o Doloan-boldaut-ta bukui-tur, irken ino daoulibà. Sača-beki, Taiču qoyar joen beyesiyen dutaaba. Qoinača ano nekeju, Teletu amasar-a kuičeju, Sača-beki Taiču qoyari bariba. Bariju Činkis-qaqan Sača, Taiču qoyar-a ukulerun: «Erte udur bida yau keelduleai?» keekdeju, Sača, Taiču ukulerun: Ukuleksen uke-duriyen ba ese kurba, ukes-tur mano kurke! keeet, ukesiyen medereulju, tušiju okba. Ukes-tur ano kurken buteeju, mun tende keba.

§ 137. Sača, Taiču qoyar-i buteet, qariju ireju, Jurkin-o irke kodolkekui-tur, Jalair-un Teleketu-Bayan-o koun, Kuun-ua, Čilaun-Qaiči, Jebke,

q̇urban tede J̌urkin-tur aǰuui. K̇uun-ua Muqali, Buq̇a qoyar koud-iyer-iyen auljaǰu, uk̇ulerun:

«Bosoqa-in čino
Bool boltuq̇ai!
Bosoqa-dača čino
Bulǰiasu,
Borbi ino hoqtol!
Euden-o čino
Enču bool boltuqai!
Euden-eče čino
Heiluesu,
Elik̇et ano
Etkeǰu k̇etkun!»

keeǰu okba.—Čilaun-Qaiči Tunk̇e, Qaši qoyar koudiyen basa Činkis-qaq̇an-tur aulǰaǰu uk̇ulerun:

«Altan bosoqa čino saqiǰu
Atuqai, keen, okba bi.
Altan bosqa-dača čino
Anq̇ida oduasu,
Ami ino tasulǰu k̇etkun!

* * *

Ork̇en euden erk̇uǰu
Oktuk̇ai, keen, okba bi
Ork̇en euden-neče čino
Oere oduasu,
Ore ino midereǰu k̇etkun!» (mek̇eǰileǰu, cf. 140)

keeba, J̌ebke-i Qasar-a okba. J̌ebke J̌urkin-o nuntuq-ača Boroul neretu učuk̇an kouken-i abčiraǰu Hoelun-ekede aulčan okba.

§ 138. Hoelun-eke Merkid-un nuntuq-ača oldaqsan K̇uču neretu kouken-i; Tayičiudun dotora Besudun nuntuq-ača oldaqsan Kokoču neretu kouken-i; Tatarun nuntuq-ača oldaqsan Šik̇ikan-Qutuqu neretu kouken-i,— J̌urkin-o nuntuq̇-ača oldaqsan Boroul neretu kouken-i ede dorben-i k̇er dotora teǰierun, Hoelun-eke kout-teen:

«Udur —
Ujeku-in nidun,

Sueni —
Sonosqu-in čikin

ken-e bolqaquyu?» keen, ker dotora tejieba.

§ 139. Ede Jurkin irken-o yosun. Jurkin bolurun, Qabul-qano doloan koudun anqa aqa Okin-Barqaq bulee. Kou ino Sorqatu-jurki bulee. Jurkin bolurun, Qabul-qano koud-un, aqā keeju, irkenoen dotorača ilqaju,

Helike-tur suelsutu,
Herekai-tur hončitan,
Aušiqi duuren jiruketu,
Aman duuren aurtan
Ere tutun erdemutten,
Bokos kučuten-i ilqaju okču, —

aurtan, suelsutan, omoqtan, jorkimes tula, Jurkin keekdeku yosun teimu. Teimun omoqtan irken-i doraitaulju, Jurkin oboqtu-i ulitkeba. Irken-i ulus-i ino Činkis-qaqan oerun enču irken bolqaba.

§ 140. Činkis-qaqan nikan udur Buri-boko Belkutai qoyar-i abalduuluya keeba. Buri-boko Jurkin-tur bulee. Buri-boko Belkutai-i oroele qariyar bariju, oroele koliyer tuitču unaqaju ulu kodolken daruqu bulee. Buri-boko ulus-un boko. Tende Belkutai Buri-boko qoyar-i abalduulba. Buri-boko ulu ilaqdaqu kuun unoju okba. Belkutai darun yadan murudeju, saari deere qarču, kinčas-kiju Činkis-qaqan-ni ujeku-lue, qaqan ilukai-iyen jauba. Belkutai uqa olju, deere ino aqtalaju, qoyar jaqas ino solbin mekejilen tataju, niruu ino ebudukleju ququju ireba. Buri-boko niruu-ban ququraju ukulerun: «Belkutai-e ulu ilaqdaqu bulee bi! Qaqan-nača ayüju arqadan unaqu aliyaqu bolun, amin-duriyen kurteba bi!» keeet, ukuju ireba. Belkutai niruu ino ququru tataat, čirču oorqiju yorčiba. Qabul-qano doloan koudun aqa Okin-Barqaq bulee. Udaadu Bartan-Baatur bulee. Koun ino Yesukai-Baatur bulee. Teun-o udaadu Qutuqtu-Munler bulee. Koun ino Buri bulee. Barildua Bartan-Baaturun koun-eče alus Barqaq-un omoqtan kout-tur nokočekun bolun, Buri-boko, ulus-un boko, Belkutai-e niruu-ban ququldaju ukuba.

§ 141. Teun-o qoina, Taqiya jil, Qadaqin, Saljiut qantutču, Qadaqin-o Baqu-Coroqi teriuten; Qadaqin Saljiudun Čirkidai-Baatur teriuten; Dorben Tatar tur joqilduju Dorben-o Qajiun-beki teriuten; Tatarun Alči, Tatar-un Jalin-Buqa teriuten; Ikires-un Tuke-Maqa teriuten; Unqiradun Derkek-Emel-Alqui tan; Qorolas-un Čoyoq-Čaqaan teriuten; Naiman-ača Kučuut, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun, Qutu; Oiradun Quduqa-beki; Taičiudun Tarqutai-Kiriltuq, Qodun-Orčan, Auču-Baatur tan

Taičiut, — edun qarin, Alqui-bulaa čiulǰu; J̌aǰiradai J̌amuqa-i qa erkuye, keen, aǰirqa keun keus čabčilalduǰu, andaqalduǰu; tendeče, Erkune-muren huruu nouuǰu, Kan-muren Erkune-de čitququ Šinaa-in aunou-da, J̌amuqa-i tende Kur-qa erkuba. Kur-qa erkuet, Činkis-qaqan, Vaŋ-qan qoyar tur morilaya keelduba. Morilaya keelduksen-i Qorolas-un Qoridai Činkis-qaqan-ni, Kurelku-de bukui-tur, ene kele kurkeǰu ireǰu, ene kele ireuluet, Činkis-qaqan Vaŋ-qantur ene kele kurkeǰu ileesu, Vaŋ-qan kele kurkeuluet, čerik eusču, otorlen Činkis-qaqan-tur Vaŋ-qan kurču ireba.

§ 142. Vaŋ-qan-ni ireuluet, Činkis-qaqan, Vaŋ-qan, qoyar qantutču, J̌amuqa-in eserku ino morilaya keelduǰu, Keluren-muren huruu morilarun, Činkis-qaqan Altan, Qučar, Daritai qurban-i maŋlai yabuulba. Vaŋ-qan Saŋqun, J̌aqa-Kanbu, Bilke-beki qurban-i maŋlai yabuulba. Ede maŋlanača uruqši basa qaraul ilerun, Eneken-kuiletu-de nikan saurin qaraul talbiba. Teun-o činana, Čekčer-e, nikan saurin qaraul talbiulba. Teun-o činana, Čiqurqu-da, nikan saurin qaraul talbiba. Bidan-o maŋlan, — Altan, Qučar, Saŋqun tan, — Utqiya kurču, baouya keeldun bukui-tur, Čiqurqu-da talbiqsan qaraul-ača kuun haulǰu ireǰu, dain aiši, keen, kele kurken ireba. Tere kele ireet, ulu baoun dain-o eserku kele abuya, keen, yabuǰu, qurulčeǰu kele abču, ket bi? keen asaquasu, J̌amuqa-in maŋlan Moŋqol-ača Auču-Baatur, Naiman-o Buiruq-qan, Merkidun Toqtoa-beki-in koun Qutu, Oiradun Quduqa-beki, ede dorben J̌amuqa-in maŋlan yabuǰuui. Bidan-o maŋlan teden-tur uŋšilalduǰu uŋšiǰu, ǰilda boldaǰu, manaqar qatqulduya keeǰu, ičuǰu, qol-tur neilen qonoba.

§ 143. Manaqarši yabuulǰu kurulčeǰu, Koiten bailduǰu, doroqši deekši iquriqaldun ǰibšierulčan bukuitur, mut Buiruq-qan, Quduqa qoyar ǰada medekun aǰuui. J̌adalaqun bolun, ǰada hurbaǰu, mut ano deere ǰada bolǰuui. Mut yabun yadaǰu noras-tur huladuat: «Teŋkeri-de ese talaqdaba bida!» keelduet butaraǰuui.

§ 144. Naiman-o Buiruq-qan Altai-in ebur Uluq-taq ǰorin qaqačan kodolǰuui. Merkidun Toqtoa-in koun Qutu Selaŋke ǰorin kodolǰuui. Oiradun Quduqa-beki hoai temečen Šiskis ǰorin kodolǰuui. Taičiudun Auču-Baatur Onan ǰorin kodolǰuui. J̌amuqa oeriyen qa erkukset irken-i daouliet, Erkune huruu J̌amuqa qarin kodolǰuui. Ani, tein butaraqdaǰu, Vaŋ-qan Erkune huruu J̌amuqa-i nekeba. Činkis-qaqan Onan ǰuk Taičiudun Auču-Baatur-i nekeba. Auču-Baatur ulus-tur-iyen kuruet, ulus-iyen durbeulun kodolkeet, Auču-Baatur, Qodun-Orčaŋ Taičiut, Onan-o činaǰi eteet, hüleut turastan čeriudiyen ǰasaǰu, qatqulduya keen, ǰasaǰu baiǰuui. Činkis-qaqan kuruet Taičiut-lua qatqulduǰu, ǰilda boldaǰu, mun qatqulduqsan qaǰar-a šitul-

duǰu qonoba. Ulus ba durbeǰu aisurun munku tende čeriut-lue-ben qantu kureeleǰu qonolduba.

§ 145. Čiŋkis-qaqan tere qatqulduan-tur suǰiasu-ban šilurteǰu, čisun toritkeesu ulu bolun, yanduriqdarun, naran šiŋkeulun, mun tende šitulduǰu baouǰu; bokleksen čisun-i J̌elme šimin-šimin, amaan čisudaǰu; J̌elme busu kuun ulu iteken saqilduǰu sauǰu, sueni duli boltala bokleksen čisun-i amaar duureŋ ǰalqiat-asqaat, sueni duli nokčiesu, Čiŋkis-qaqan dotoraan serkuǰu ukulerun: «Čisun qaqču baraba, undaasumu bi!» keeba. Tendeče J̌elme malaqai, qudusun, deel-qubčasuniyen bukude-i talǰu, qaqča dotoaǰitu čurama ničukun šitulduǰu baiqun dain dotoraun kuyiǰu, činana kureleksen irken-o terken-tur ano unoǰu, esuut eriǰu yadaǰu: durberun keudiyen ulu saan talbiqsat aǰuu. Esuk olun yadaǰu nikan yeke burietai taraq terkeneče ino abuat, erkuǰu ireba. J̌aura, odurun-ba, irerun-ba kuun-ne ese uǰekdeba. Teŋkeri-ku ilheeba ǰe! Taraq burietu-i abčirat, mun J̌elme oesun-ku usun eriǰu abčiraǰu, taraq ǰiuraǰu, qaan-a uulba. Qurban-ta amuǰu uǰu, ukulerun: «Dotora nidun mino keiba!» Keken bolǰu, uǰeesu — tere sauqsan horčin J̌elme-in šimin-šimin bokleksen čisun asqaqsan horčin namurqan bolǰuu. Čiŋkis-qaqan uǰeǰu ukulerun: «Ene yaun bolumu? Qolo asqaasu yanbar aǰuu?» keeba. Tendeče J̌elme ukulerun: «Čimai, yanduriqdarun, qolo oduasu, čimadača alǰiyaqui-ača ayüǰu, yaaraǰu ǰalqiqu-i ǰalqiat, asqaqu-i asqaat anduriǰu keeli-tur mino teki kedui oroba!» keeba. Čiŋkis-qaqan basa ukulerun: «Nama-i eimu bolǰu kebten boetele ničukun yekin kuyiǰu oroba či? Bariqdaasu, nama-i eimu-i uluu ǰiaqu bulee či?» keeba. J̌elme ukulerun: «Mino setkil: Ničukun odurun kerber bariqdaasu, bi: dan-tur oroqu duratu bulee! Uqaǰu bariǰu alaya keen, qubčasun mino bukude-i talǰu, qaqča omudun talua-uduuy-e multus aldaulǰu, dan-tur edui iduraǰu ireba bi! keeku bulee. Nama-i unen bolqaǰu, qubčasun nada okču, asaraqu bulee bi. Morin unoat uǰetele edui ǰaura uluu ireku bulee bi? Tein setkiǰu, qaan-o qaŋqaqsan setkil erussukai, keen, nidun-qara ein setkiǰu odulua bi!» keebe. Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Edoe yaun keeku? Erte udur Merkit ireǰu, Burqan-ni qurban-da qučiulqui-tur, amin mino nikan-te abcu qaruluqa či. Edoe basa qaliǰu (qaqču) bukui čisun-i amaar šiminǰu, amin mino sentelba či. Basa kaŋqaǰu yanturin bukui-tur, amin-niyen oreǰu, daisun kuun-tur nidun-qara oroǰu, undan qaŋqaǰu amin mino oroulba či. Ede qurban tusas-i čino setkil dotora mino atuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 146. Udur kein baraasu, šitulduǰu qonoqsat čeriut sueni boet butaraǰuui. Kyreelekset irken kuŋken ulu čidaqun, keen, kureelekset qaǰar-ača ese kodolǰuui. Durbekset ulus-i ičuqaya keen, Čiŋkis-qaqan qonoqsan qaǰar-

ača morilaǰu, durbekun irken-i ičuan yabuqui-tur, dabaan deeře nikan hulaan deeltu eme kuun: «Temujin ǰe!» yeke daouar qailan uilan baiqu-i Čiŋkis-qaqan oesun sonosču: «Yaun kuun-no eme tein qailan biyu?» keen, asaura kuun ileba. Tere kuun otču asaqbasu, tere eme kuun ukulerun: «Sorqan-Šira-in okin bi, Qadaan neretai! Ere-i mino ende čeriut bariǰu alan biyu. Ere-yüen alaqdarun, Temujin-i ere-i mino aburatuqai! keen unšiǰu qailaǰu uilaba bi!» keeba. Tere kuun ireǰu, Čiŋkis-qaqan-a ene uke ukuleesu, Čiŋkis-qaqan ene uke sonosdaǰu, (sonosuat) qataraǰu kurču, Čiŋkis-qaqan Qadaan-tur baouǰu teberilduba. Ere-i ino bidan-o čeriut urida alaǰuui. Tede irken ičuqaat, Čiŋkis-qaqan yeke čerik mun tende baouǰu qonoba. Qadaan-i uriǰu ireulǰu derkečan saulba. Manaqarši udur Sorqan-Šira, J̌ebe qoyar, Taičiud-un Todokein haran aqsat, tede qoyar-ber ireba-ku. Čiŋqis-qaqan Sorqan-Šira-i ukulerun:

«Kuǰukun-deki
Kundu modun-i
Koser-e ooruqsan;
J̌aqa-daqi
J̌arbiyal modun-i
J̌ailauluqsan, ta!
Ečikes koudun tusa
Aǰuui ǰe ta!
Yekin udaba ta?»

keeba. Sorqan-Šira ukulerun: «Bi dotoraan belen itkel setkiǰu buleai. Yekin yaaraqu bi? Yaaraǰu urit ireesu, Taičiut, Noyat mino, qočoruqsan eme-koun aduun-ideen-i mino hunesuer keiskekun tede! keeǰu, ulu yaaran, edoe qaqan-duriyen neilen idureǰu ireba bi!» keeba. Kelelen baraasu, ǰob! keeba.

§ 147. Basa Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Koiten bailduǰu, iquriqaldun-ǰibčiyerulčan bukui-tur, tede niruun deereče sumun ireǰu, mino ǰebeleku aman čaqan Qula-in aman-niruu-ino ququs ken qarbulaa? Aula deereče!» keeba. Tere uke-tur J̌ebe ukulerun: «Aula deereče bi qarbulaa! Edoe qaan-a ukuuldeesu, halaqano tedui qaǰar koeǰu qočorsu! Soyürqaqdaasu, qaan-o emune

Čoel usun-i hoqtoru,
Čaoken čilaoun čaoru
Dobtulǰu oksu!
Kur keeksen qaǰar-a
Koko kuru keuru,

Qar keeksen-tur
Qara kuru qanqaru
Dobtulju oksu!»

keeba. Čiəkis-qaqan ukulerun: «Daisun yabuqsan kuun alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen beye-en niuju, kele-ben bučaju ayu. Ene burun, keeesu, munda alaqsan-iyen, daisurqaqsan-iyen ulu bučan, munda jian biyu! Nokočeltu kuun biyu. Jirqoadai neretu ajuu. Mun jebeleku aman čaqan Qula-i mino aman-niruu qarbuqsano tula Jebe nereitču; jebelee imai! keen, Jebe nereitču, derkede mino yabu!» keen jarliq bolba. Jebe Taičiudača ireju nokočekšen yosun teimu.

V

§ 148. Čiəkis-qaqan tende Taičiudi daouliju (dawuliju) Taičiutai yasutu kuun-i Auču-Baatur, Qotan-Orčaə, Quduudar taa Taičiudi uruqun uruqa kurtele hunesuer keisken qiduba. Ulus irken-i ano kodolkeju ireju, Čiəkis-qaqan Qubaqay-a ubuljeba.

§ 149. Ničukut-Baarino Širkuetu-ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarqutai Qiriltuq, hoailaju bukui-i ošitu kuun bulee, keen, morilan ulu čidaqu Tarqutai-i bariju, terken-tur unoulju, Širkuetu ebuken, Alaq, Nayaa kout-lue-ben, Tarqutai-Qiriltuqi bariju aisuqui-tur, Tarqutai-Qiriltuqun kout deuner ino buliju abuya, keen, kuyičeju irejuui. Kout deuuer (i) ino kuyičeju irekui-lue, Širkuetu-ebuken bosun yadaqu Tarqutai-i terken deere unoju, kederku deere ino aqtalan sauju, qituqai qarqaju ukulerun: «Koun deuner čino čimai buliju abura ireba. Čimai qan-iyen qardaba, keen, eseteqi alaasu, qaniyen qardaba, keen, alaqu-ku. Alaasu-teqi, mun-ku alaqdaqu-ku bi! Mun-ele ukukui-dur-iyen, dere abun ukusu!» keeet, aqtalaju, yeke qituqai-yaran qoolai ino ququlura kurkui-tur, Tarqutai-Qiriltuq yeke daouar deuner koudiyen qailaju kelelerun: «Širkuetu namai alan biyu! Alan baraasu, ukuksen amin ukai beye mino abču otču yekiujei ta? Namai alaai-uduuy-e oter qaritqun! Temujin namai ulu alaqu. Temujin-i, učukan čaq-tur:

Nidun-duriyen qaltu,
niur-duriyen keryetu

bulee, keen, ejen ukai nuntuq-tur qočorču amui, keen, abura otču; abčiraju,

Surqaasu — surqu metu buyu keen
Sonin ure daaqan
Surtaqu metu

Surqan suein yabulaa!
Ukuulsu keeesu,
Ukuulun yadaquyu bulee bi.
Edoe Oi ino
Oroǰu amu,
Setkil ino
Senteleǰu (seŋkereǰu) amu!

keekdemui! Temuǰin namai ulu ukuulku! Ta, kout deuner mino, oter qaritqun, Širkuetu namai alaǰu ireuǰei!» keen, ukuleldurun: «Ečike-in amin ino aburaya keen, ireba bida. Širkuetu amin ino ukuulun baraasu, qoosun aminukai beye ino yekikun bida? Munda alaai-uduuye oter qariya!» keelduǰu qariba.-Teden-i irekui-tur, Alaq Nayaa tan Širkuetu-ebuken-o kout ino heilukset ireba. Teden-i ireuluet, kodolǰu aisurun, ǰaura, Qutuqul-nouda kuruesu, tende Nayaa ukulerun: «Bida ene Tarqutai-i bariǰu kuruesu, Čiŋkis-qaqan bidan-i: tus qaniyen qardaǰu ireǰuui! keen, Čiŋkis-qaqan bidan-i tus-iyen qardaǰu irekset yaun itekelten haran? Ede bidautur basa ker nokočekun? Nokocel ukeun haran, tus qan-iyen qardaqsat haran-i mokoriuldekun! keeǰu, mokoriuldekun-ou bida? Munda Tarqutai-i endeče talbiǰu ireǰu: Bida beyes-iyen Čiŋkis-qaqan-a kuču okura ireba ba! keeǰu oduyá. Tarqutai-i bariǰu aisulaa. Tus qan-iyen tebčin yadaǰu uǰeet, ker ukuulqun? keeǰu, talbiǰu ileǰu ba buširen kuču oksu keen ireba ba! keeye!» keeba. Nayaa-in ene uke ečikes-kout ǰobšiyelduǰu, Tarqutai-Qiriltuq-i Quduqul-noudača talbiǰu ileǰu, mut Širkuetu-ebuken Alaq Nayaa kout-luebenireesu: Yekin ireǰu? keeba. Širkuetu-ebuken Čiŋkis-qaqan-a ukulerun: «Tarqutai-Qiriltuq-i bariǰu aisurun, ǰiči: tus qan-iyen uǰeet, ker ukuulkui? keeǰu, tebčin yadaǰu, talbiǰu ileǰu, Čiŋkis-qaqan-a kuču oksu, keen, ireba!» keeba. Teun-tur Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Qan-iyen Tarqutai-i qardaǰu irekset boesu, tus qan-iyen qardaqsat haran-i tan-i uruq-iyar mokoriuldekun bulee ta! Tus qaniyen tebčin yadaqsan setkil tano ǰob bi!» keen Nayaa-i soyürqaba.

§ 150. Teun-o qoina Čiŋkis-qaqan-tur Kereidun J̌aqa-Kanbu, Tersut-te bukui-tur, nokočere ireba. Tere ireksen-tur, Merkit qatquldura ireesu, Čiŋkis-qaqan, J̌aqa-Kanbu kiet qatquldǰu ičuaba. Tende Tumen-Tubekan, olan Duŋqait, butaraqsan Kereit irken ber Čiŋkis-qaqan-tur oroǰu ireuleai. — Kereidun Vaŋ-qan burun, urida Yesukai-qaano čaq-tur, saibar, el alduqsan tur, Yesukai-qan-lua anda keelduksen aǰuu. Anda keeldukui yosun ino: Vaŋ-qan ečikeyüen Qurčaqus-Buiruq-qan-o deumeriyen alaqu-in tula Kur-qan abaqa-lua-ban bulqa bolulčaǰu, Qaraun-qabčal širquuldaǰu ǰaun kuun qarču

Yesukai-qan-tur ireesu, Yesukai-qan imai oer-duriyen irekdeju, oesun čerik morilaju, Kur-qan-i Qašin-juk huldeju, irke-orqa ino Vaɒ-qan-na abču okuksen-o tula anda bolulčaqu tere.

§ 151. Teun-o qoina Vaɒ-qan-no deu, Erke-Qara, Vaɒ-qan aqa-daan alaqdarun, buruutču otču, Naimano Inanča-qan-tur orojuui. Inanča-qan čeriut ileju, jiči Vaɒ-qan qurban balaqat bitun yorčiju, Qara-Qitadun Kur-qan-tur oduqsan ajuu. Tendeče, bulqa bolun, Uiqudun Taɒqudun balaqat daariat, tabun imaat širkueleju saalduju, temeen-o čisun qanaju ideet, yadaju Kuseur-naur-a ireesu, Čiɒkis-qaqan, uridu Yesukai-qan-lua anda keelduksen yosuar, Taqai-Baatur, Sukekai-Jeun qoyar-i elči ileet, Keluren-o teriun-eče Čiɒkis-qaqan oesun eserku otču, olesču turuju ireba, keen, Vaɒ-qan-na qubčir-i qubčiju okču, kureen dotora oroulju tejieba. Tere ubul jerkeer nouuju, Čiɒkis-qaqan Qubqaya-i ubuljeba.

§ 152. Tende Vaɒ-qan-no deuner noyat kiet ukulerun: «Ene qan aqa bidan-o

Ukeu aburitu
Humekai helike
Eburitču yabuyu!

Aqa deu-i baraba. Qara-Qitat-tur ba oroba-ku, ulus ba jobaamu. Edoe euniker kikun bida? Erte udur keeesu, doloan nasutu-i Merkit irken daoulju otču, qara alaq ešike daqu emuskeju, otču, Selaɒke-in Buura-keer-e Merkidun aur nodube-ku! Qurčaqus-Buiruq-qan, ečike ino, jiči Merkit irke qaulju, kou-ben tende aburaju ireesu, basa, Tatarun Aje-qan harban qurban nasuta-i, eke selte, basa daouliju otču, temeedi-yen adulaulun yabuqui tur, Aje-qan-o qoniči ubauat horquju irebe je. Basa teuno qoina, Naiman-ača ayüju, buruutču, Sartaul-un qajar-a, Čui-muren-e Qara-Qitadun Kur-qan-tur otba je. Tende nikan hon ulu dausun jiči daijin kodolju, Ui-ud-un Taɒ-ud-un qajar-iyar bituju yaburun, yadaju, tabun imaat širkueleju saaju, temeeno čisun qanaju ideju, qaqča čoqor qariun moritu yadaju, Temujin koun-tur ireesu, qubčir-i qubčiju tejiebe je. Edoe Temujin koun-tur ireesu, tein yabuqsan-iyen umartaju, humekai helike eburitču yabumu. Ker kikun bida?» keelduba. Tein ukulelduksen ukes-i Altun- Ašuq Vaɒ-qan-a ailatqajuu. Altun-Ašuq ukulerun: «Bi ber ene eye-tur oroldulaa-ku! jiči qanien, čimai, tebčin yadaba!» keeju, tande Vaɒ-qan ein ukulelddukset Elkutur, Qulbari, Arin-taije tan deuneriyen noyadiyen bariuljuui. Deuner-eče Jaqa-Kanbu buruutču, Naiman-tur orojuu. Tedeni barias selte ker-tur oroulju, Vaɒ-qan ukulerun: «Bida Ui-udun, Taɒ-udun qajariyar aisuqui-tur, yau keelduleai? Tano metu yau setkiku bi?» keeet, niur-tur ano nilbuju, barias ano talbi-

ulba. Qan-a ele nilbuqdaǰu, k̇er-tur buk̇un baran buk̇udeer bosču nilbuǰuui.

§ 153. Tere ubul ubulǰeǰu, Noqai ǰil, namur ino, Čiŋk̇is-qaqan Čaaan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut (Tatar), Aluqai-Tatar, tede Tatar-tur, Dalan-nemurk̇es bailduǰu qatqulduqui-in urida Čiŋk̇is-qaqan ǰasaq uk̇uleldurun: «Daisun k̇uu daruasu, olǰa-tur bu baiya! Darun baraasu, tere olǰa bida-noai bi ǰe, qubiyaldut ǰe bida! Nokor k̇uun-e ičuaqdaasu, turun-o dobtu-luqsan qaǰar-duriyen ekeuruye. Turun-o dobtulqan-tur ese ekeeruksen k̇uun-i mokoriuluye!» keen ǰasaqlalduba. Dalan-nemurk̇es qatqulduǰu, Tatar-i kodolk̇eba. Daruǰu, Ulqui-šiluk̇elǰit-te, ulus-tur ano neileulǰu, daou-liba. Čaqan-Tatar, Alči-Tatar, Dutaut-Tatar, Aluqai-Tatar erkit irk̇e tende muqutqaǰu, ǰasaq uk̇ulelduksen uk̇es-tur (ulu k̇urun) Altan, Qučar, Daritai qurban uk̇es-tur ulu k̇urun olǰa-tur baiǰuui. Uk̇es-tur ese k̇urbe, keen, J̌ebe Qubilai qoyar-i ileǰu, olǰalaqsat aduun yauke abuqsadi buk̇ude-i abqaulba.

§ 154. Tatar-i muqutqaǰu daolin baraǰu, ulus irk̇en ano k̇er kikun? keen, Čiŋk̇is-qaqan Yeke Eye uruq-iyar-iyan, qaqča k̇er-tur oroǰu, eyetul-duba. Eyetuldurun: «Erde udur-eče Tatar-irk̇en

Ebuk̇es-ečik̇es baraqsan bulee.
Ebuk̇es-ečik̇es-un
Osuel osueǰu
Kisal kisaǰu,
Čiun-tur uliǰu
Qiduǰu alaǰu ok̇uya!
Ulittele qiduya,
Hüleksedi booliduya,
J̌uk-ǰuk qubiyalduya!»

keen, eye baralduǰu, k̇erteče qaruasu, Tatar-un Yeke-Čeren Belk̇utai-eče: Yambar eye eyetulduba? keen asaqǰuu. Belk̇utai uk̇ulerun: «Tani buk̇ude-i čiuntur uliǰu kiduǰa» keelduba, keeǰuu. Belk̇utai-in ene uk̇e-tur Yeke-Čeren Tatar-duriyen tuŋqaq talbiǰu, qorqaqlaǰuu. Qorqaqsat Tatar-tur bidan-o čeriut eerekun bolun, maši sanšiǰuu. Qorqalaqsat Tatar-i ǰoboǰu ulutkan čiun-tur uliǰu qiduquitur, Tatar uk̇uleldurun: «K̇uun tutun qančun-duriyen qituqai qančulaǰu, dere abun ukuye!» keelduǰu, basa maši-k̇u sanšiǰuu. Tedui Tatar-i čiun-tur uliǰu qidun baraǰu, Čiŋk̇is-qaqan ǰarliq bolurun: «Bida uruq-iyar-iyen Yeke Eye baralduqsan-i Belk̇utai-in ǰaaqu-in tula, bidan-o čeriut maši sanšiyaba. Eun-o qoina Yeke Eyetur Belk̇utai bu oro-tuqai! Eye baratala qadana buk̇uni ǰasatuqai! J̌asaat kereur-i qulaqai qudal

uyileten-i ǰarqulatuqai. Eye baraasu, otoq uqsan-o qoina Belkutai Daritai qoyar tende orutuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-o okin Yesukan-qatun-i Čiŋkis-qaqan tende abuba. Taalaqdarun, Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, nama-i kuun-e bodada bolqaǰu asaramu. Nadača ekeči, Yesui nere tei, nadača deere, qan kuun-e ǰoqiqui aǰiai ǰe. Sai kurekan kurekelen buliki. Edoe maqa ene bodulqan-tur qaaqši ǰorčibi!» keebi. Ene uke-tur Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Ekeči čino čimadača sain buksen boesu, eriuluye! Ekeči-en ireesu, ǰailaǰu okkuyu či?» keeba. Yesukan-qatun ukulerun: «Qaqan soyürqaasu, ekečien-ele uǰeesu, ekeči-deen ǰailasu!» keeba. Ene uke-tur Čiŋkis-qaqan ǰarliq tuŋqaaǰu eriuluesu, okteksen kurekan-lue qantu hoailaǰu yabuqu-i bidan-o čeriut ǰolqaǰuui. Ere ino tudaaǰu, Yesui-qatun-i tende abčiraba. Yesukan-qadun ekečien uǰeet, urida ukuleksen uke-tur kurun, bosču sauqsan saurin-duriyen saulǰu, mun oesun doro saubi. Yesukan-qatun-o uke-tur adali bolqaǰu, Čiŋkis-qaqan oin-duriyen oroulǰu, Yesui-qatun-i abcu, ǰerke-tur saulba.

§ 156. Tatar-irken-i daolin baraǰu, nikan udur Čiŋkis-qaqan qada sauǰu undalaldurun, Yesui-qatun Yesukan-qatun ǰirin-o dunda sauǰu undalaldun bukui-tur, Yesui-qadun yekede seourelbei. Tende Čiŋkis-qaqan dotoraan setkiǰu, Boorču Muqali tan noyadi uriǰu ireulǰu, ukulerun: «Ta endeele čiuluqsat haran bukudeer aimaq aimaq saitqun! Oereče busu aimaqun kuun-i oere boldeitketkun!» keen ǰarliq bolba. Tedui aimaq aimaqiyer-iyen baiasu, nikan ǰalaui sain kurumele kuun aimaudača oere baiba. «Či yaun kuun bi?» keeesu, tere kuun ukulerun: «Tatar-un Yeke-Čeren-o Yesui neretai okin okdeksen kurekan kuun bulee bi. Daisun-a daouliqdarun, ayüǰu buruutču yabuǰu, edoe amurliba ǰe, keen, ireǰu, oloan haran dotora yau taniqdaqu keeǰu yabulaa!» keeba. Ene uke-i Čiŋkis-qaqan-a očiesu, ǰarliq bolurun: «Mun-ku daisu setkiǰu oorčaq bolǰu yabuǰu, edoe yau korure ireǰuu? Ino metus-i čiun-tur uliba! Yau saaramui? Nidun-o ečine ketkun!» keeba. Tedui-ku mokoriulba.

§ 157. Mun Noqai ǰil Čiŋkis-qaqan ni Tatar-irken tur morilaqsan-tur, Vaŋ-qan Merkit-irken-tur morilaǰu, Toqtoa-beki-i Barquǰin-tokum ǰuk hulleǰu, Toqtoa-in yeke koun Toqus-beki-i alaǰu, Toqtoa-in Qutuqtai Čaarun ǰirin okit ino qatut ino abču, Qutu, Čilaun qoyar koudi ino, irke selte, daouliǰu, Čiŋkis-qaqan-a yau ber ese okba.

§ 158. Teun-o qoina Čiŋkis-qaqan Vaŋ-qan qoyar Naiman-o Kučukudun Buiriq-qan-tur morilaǰu, Uluq-taq-un Soqoq-usun-a bukui-tur, kurču, Buiruq-qan baildun yadaǰu, Altai-daban kodolba. Soqoq-usun-ača Buiruq-qan-ni nekeǰu. Altai dabaulun, Qumšiqir-un Uruŋku huruu huldeǰu yabu-

qui-tur, Yedi-tubluq neretu, noyan ino, qaraul yabuǰu, bidan-o qaraul-a uldekdeǰu, aula oede tutaaqu bolun, olan-niyan tasuraqdaǰu, tende bariqdalua. Uruŋku huruu huldeet, Kišil-baši-naura kuičeǰu, Buiruq-qan-ni tende muqutqaba.

§ 159. Tendeče Čiŋkis-qaqan Vaŋ-qan qoyar qariǰu aisuqui-tur, Naiman-o qatqulduqči, Kokseu-Sabraq, Baidaraq-belǰir-e čerik ǰasaǰu, qatqulduqu bolun aǰuu. Čiŋkis-qaqan Vaŋ-qan qoyar qatqulduya keen, čerik ǰasaǰu kurču, ǰilda boldaǰu, manaqaru qatqulduya keen, ǰerkeer qonoba. Tende Vaŋ-qan baidal-duriyen qalnout tuleulǰu, sueni boet Qara-šeul oede kodolǰuui.

§ 160. Tende J̌amuqa, Vaŋ-qan-lua qantu kodolulčeǰu yaburun, Vaŋ-qan-na J̌amuqa ukulerun: «Temuǰin, anda mino, uridača Naiman-tur elčitu bulee. Edoe ese irebe.

Qan(a)-qan(a)!
Aqu qairuqana bi buyu ǰe.
Aǰiraqu bilduur —
Anda mino buyu!

Naiman-tur otčuui ǰe! Oroqu bolun qočorba!» keeǰuui. J̌amuqa-in tere uketur Ubčiqtai Kurin-Baatur ukulerun: «J̌usuritču yekin tein šiliun aqa deuyüen ulqin ǰiŋkun ukuleyu?» keeba.

§ 161. Čiŋkis-qaqan sueni mun tende qonoǰu, qatqulduya keen, manaqar erte udur keiulun, Vaŋ-qan-no baidaltur uǰeesu, ukai boldaǰu: «Ede či bidan-i tulešilen aǰuu!» keeet, tendeče Čiŋkis-qaqan kodolǰu, Eder-Altai-in belǰiriyer ketulǰu, tere kodolukseer kodolǰu, Saari-keer baouba. Tendeče Čiŋkis-qaqan Qasar qoyar, Naiman-o tubuudi uqaǰu, haran-a ese toolai.

§ 162. Kokseu-Sabraq Vaŋ-qan-no qoinača nekeǰu, Saŋkumun emekou, irke-orqa selte daouliǰu abču, Vaŋ-qan-no Teleketu-amsar-a bukun ǰarimut irke, aduun, idee daouliǰu abuat qariǰuui. Tere soor-tur Merkidun Toqtoa-in Qutu Čilaun qoyar kout tende burun, irke-ben abuat qaqačaǰu ečike-duriyen neilen Selaŋke huruu kodolǰuui.

§ 163. Kokseu-Sabraq-a daouliqdaǰu, Vaŋ-qan Čiŋkis-qaqan-tur elči ileǰuui. Elči ilerun: «Naiman-a irke-orqo-ban, eme-kou-ben daouliqdaba bi. Koun-neče-iyen dorben küluudi čino quyüǰu ileba bi. Irke-orqo mino (irke-orko mino) aburaǰu oktukai!» keeǰu ileǰuui. Čiŋkis-qaqan tende Boorču, Muqari, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede dorben külunt-iyan čerik ǰasaǰu ileba. Ede dorben küluud-i kurku-in urida, Hulaanqut-da, Saŋkun bailduqu bolun, morin-oan quya qaqdaǰu abdaqu bolǰu bukui-tur,

ede dorben küluut kurču aburaat, irke-orqo (orko), eme-kou bukude-i abu raju okba. Tende Vaɒ-qan ukulerun: «Erde Sain Ečike-de ino, ene metu odun baraqsan ulusiyen aburaju oktelee. Edoe basa kounoen odun baraqsan ulus-i mino, dorben küluudiyen ireju (ileju), aburaju okteba. Hači qariulqu-i Teɒkeri Qajarun Iheel medetukai!» keeba.

§ 164. Basa Vaɒ-qan ukulerun: «Yesukai-Baatur, anda mino, odun baraqsan ulus mino nikante aburaju okba. Temujin-koun basa oduqsan ulus mino aburaju okba. Ede ečike koun qoyar odun baraqsan ulus nada quriyaju okurun, keno emune quriyaju okun jobomui? Bi ber edoe otolba. Namai otolju undut-te ḁaruasu, qaučitba bi. Qaučiju ḁaldut-ta ḁaruasu, qamuq ulus ken medeku? Deu-ner mino aburi ukaiun bi. Ḁaqča koun mino ukai metu. Saɒḁun ḁaqča biyu. Temujin-koun-i Saɒḁum-un aqa bolḁaju, qoyar koutu bolju amusuḁai» keeju, Čiɒkis-qaḁan-lua Vaɒ-qan, Tuula-in Qara-tun-ne quriju, ečike kou keeldüba. Ečike koun keeldukui yosun. Urida erte udur Yesukai-qan ečike-lue Vaɒ-qan anda keelduksen yosuar ečike metu keeju, ečike koun keeldukui yosu teimu. Uke-ukuleldurun:

«Oloan dayisun-tur haulurun,
Qantu niken-e hauluya!
Oroa korekesun-tur abalarun,
Niken-e ku qantu abalaya!»

keelduba. Basa Čiɒkis-qaqan Vaɒ-qan qoyar ukuleldurun: «Bida qoyar-i naiḁaju,

Sudutu moqay-a
Suedurteesu,
Suedurken-tur bu oroya!
Suduer-amaar ukuleldu̯ju bušireya!
Araatu moḁaya
Adarqaasu, (Atarqaqdaasu)
Adarqani ino bu abulčaya!
Amaar-keleer olulčaju bušireya!»

keen, tein uke baralduju amaaralin alduba.

§ 165. Amaraq deere dabqur amaraq boluya, keen, Čiɒkis-qaḁan setkiju, Joči-de Saɒkumun do-i, Čaurbeki-i, ḁuirun, Saɒkumun koun, Tusaqa-da, bidan-o Qojin-beki-i araljin okuye, keen ḁuiasu, tende Saɒkun ore-en yekejilen setkiju, ukulerun: «Bidan-o uruq an-dur oduasu, alaun-a baiju, eenekče qoimar qaraqu ajuu. Ano uruq bidan-tur ireesu, qoimara sauju, alaun-a qaran ajuu!» keen, oeriyen yekejilen setkiju, bidan-i doranjilan

ukuleju, Čaur-beki-i ulu okun ese taalajuui. Tere uke-tur Čiŋkis-qaqan dotoraan Vaŋ-qan, Nilqa-Saŋkun qoyar-tur dura qočorčuu.

§ 166. Tein dura qočoruqsan-i Jamuqa uqaju, Qaqai jil qabur, Jamuqa, Altan, Qučar, Qardaqidai Ebukejin Nobuqin, Süekeetai-Tooril, Qačiun-beki, tede bolun, nikan eyeten bolju, nouju otču Jejeer-undur-un kerude, Berke-elet-te, Nilqa-Saŋkun-tur otču, Jamuqa ulqin ukulerun: «Temujin, anda mino, Naiman-o Tayaŋ-qantur keletu elčitu buyu.

Aman ino
Ečike kou keeju amu.
Aburi ino
Oere buyu!

Itekeju-u amui ta? Ese neŋdeesu, tan-a yau bolqu? Tamujin anda-tur morilaasu, bi kuedelen- eče oroldusu!» keejuui. Altan, Qučar qoyar ukulerun: «Ba Hoelun-eke-in koun-i

Aqa-i —
Alaju
Deu-i —
Tebčiju oksukai!»

keejuui. Ebuke in Noyaqin Hartaat ukulerun:

«Qar ino
Qardaju,
Kol ino
Koldeju oksukai!»

keejuui. Tooril ukulerun: «Arkača otču Temujin-i ulus ino abuya! Ulusiyen abdaasu, ulus ukaiu boluasu yekikun tede?» keejuui. Qačiun-beki ukulerun: Nilqa-Saŋqun-koun, čima-i-yan setkiesu, —

Urtu-in — ujuur-e,
Kun-o — hiraur-a —

kurulčesu!» keeju;

§ 167. Ede ukes ukulekdeju, Nilqa-Saŋkun ečike-duriyen, Vaŋ-qantur tedeer ukes, Saiqan-Todee-niyer, ukuleju ilejuui. Edeer ukes ukulekdeju, Vaŋ-qan ukulerun: «Koun-i mino Temujin-tur yekin tein setkin biyu ta? Ejiye turuq imaar-i bolju boet, edoe koun-tur mino tein maoui setkiesu, Teŋkeri-de ulu taalaqdaqun bida! Jamuqa yabudaq keletu bulee! Job-uu

tab-uu ukulen buyu?» keen ese taalaǰu ileǰuui. Basa Saŋkun ukuleǰu ilerun: «Amatu, keletu kuun ukulen boetele, yekin ulu buširekdeku?» keen, ǰiči-quči ukuleǰu ileet, yadaǰu oesun beyen kedun otču, ukulerun: «Bol, čima-i edui bukui čaq-tur, bidan-i yaunaber ulu bolqan buyu! Unen-ber qan ečike-yen čima-i

Čaqaan-a čačaasu,
Qara-da qaqaasu,

Qurčaqus-Buiruq qan-ečike-in čino ǰoban edui quriyaǰu aqsan ulus-i čino man-a-uu medeulku? Kene-ber, yekin medeulku?» keeǰuui. Tere uke-tur Vaŋ-qan ukulerun: «Čaqa-yan, kou-ben, ker tebčiku? Eǰie tuluq imaar-i bolǰu, maoui setkiesu ǰokiqu-yu? Teŋkeri-de ulu taalaqdaqun bida!» keeǰuui. Tere uke-tur koun ino Nilqa-Saŋkun maouilaǰu euden oorču qarčuu. J̌iči kounoen Saŋkumun duran qairalaǰu uriǰu ireulǰu, Vaŋ-qan ukulerun: «Teŋkeri-de maqa taalaqdaqun-o bida? koun-i ker tebčisu? keemui. Ta čidan-ele uiledutkun! Ta medetkun!» keeǰuui.

§ 168. Tendeče Saŋkun ukulerun: «Mut-lu bidan-o Čaur-beki-i quyui bulee. Edoe buulǰar idere iretkun, keen, udur bolǰaǰu, uriǰu ireulǰu, tende bariya keelduǰu, ǰe keen, eye baralduǰu: Čaur-beki-i okuye, buulǰar idere uretkun! keen ileba. Uriqdaǰu, Čiŋkis-qaqan harban haran aisurun, ǰaura Muŋlik-ečike-in ker-tur qonoasu, tende Muŋliq ečike ukulerun: Čaur-beki-i quyüasu, mut-lu bidan-i doranǰilaǰu ulu okun bulee. Edoe ker buruuya buulǰar idere uriǰuu? Oed-iyen yekeǰilekun buruuya yekin oksu, keen uriqun buleai? ǰob-uu,tab-uu — setkil bi! Koun uqaǰu otdaqu? Qabur bolba, aduun bidan-o turuqat bi; aduuban teǰiye! keen šiltaǰu ileye! keeǰu, ulu odun, Buqatai, Qiratai qoyar-i buulǰar idetkun keeǰu, ileǰu, Čiŋkis-qaqan Munlik-ečike-in ker-teče qariba. Buqatai, Qiratai qoyar-i kurqui-lue: Serakdeba bida; manaqar erte bučiǰu bariya!» keelduba.

§ 169. Tein bučiǰu bariya, keen, uke barilduqsan-i Altan-o deu Yeke-Čeren ker-tur-iyen ireǰu ukulerun: «Manaqar erte Temuǰin-i bariya!» keelduba. Ene uke-i Temuǰin-e kelen kurken otqu kuun-i yanbar-ele bolqaqdayu keeǰuui. Tein ukulekui-tur, eme ino Alaqit ukulerun: «Tere deleme uke čino yaun bolumui? Haran ba unen mikeuǰei (unemšikeuǰei).» keeǰuui. Tein kelelekui-tur, aduuči ino Badai sün kurkere ireǰu, ene uke-i sonosču qariba. Badai yorčiǰu, nokor aduuči Qišliq-a Čeren-o ukuleksen ukes ukuleǰuu. Qišliq ukulerun: «Bi basa otču uqasuqai!» keeǰu ker-tur otčuui. Čeren-o koun, Narin-Keen, qada sauǰu, sumudiyan hurun sauǰu, ukulerun: «Duqar bida yau keelduleai? Kele-ben abdaqun keno ama itqaqun?» keeǰuui. Tein keeet, Narin-Keen basa aduuči-daan Qišliq-a ukulerun:

«Merkidai Čaqaan-Aman, Čaqaan-keer, qoyar-i bariǰu abčira! Huyaǰu, sueni erte morilaqu (morilasu)!» keeǰuui. Qisliq yorčiǰu Badaya ukulerun: «Tuqarun kelen čino bolqaaba, maqat bolba! Edoe bida qoyar Temuǰin-e kelen kurken yorčiya!» keen uke baralduǰu, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyari bariǰu ireǰu, huyaǰu, udeši boet qoš-duriyan nikan quriqa-ban alaǰu, iseri-iyeren bolqaǰu, Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan-keer qoyar belen huyaqsad-i unoǰu, sueni-de yorčiǰu, Čiŋkis-qaqan-tur sueni kurču, ker-un umereče Badai Qišliq qoyar ukulerun; Yeke-Čereno ukuleksen ukes, kouni ino Narin-Keen-no sumudiyan hurun sauǰu ukuleksen-i: «Merkidai-Čaqaan, Aman-čaqaan Keer qoyar aqtas bariǰu huya!» keeksen ukes, — bukude-i ukuleǰu okba. Basa Badai Qišliq qoyar ukulerun: «Čiŋkis-qaqan-ni, Soyurqaasu, ariyal ukai bui, bučiǰu bariya keen uke baralduba!» keeba.

VI

§ 170. Tein ukulekdeǰu, Čiŋkis-qaqan, Badai Qisliq qoyar-un ukes bušireǰu, sueni boet, derkedeun bukun itekelten-e kelen kiet, koaŋkelen, yauke-ben keet, buruilan, sueni boet kodolba. Maou-undur-un keru-er kodolurun, keru-de Uryaŋqadai Jelme-qoa-i itekeǰu, qoina-an čaqduulsun bolqan, qaraulsun talbiǰu kodolǰu; tere kodolukseer manaqarši udur duli naran kelweriulun, Qara-qalǰit-elet kurču uderin bauba. Uderitču bukui-tur, Alčidai-in aqtas aduulaulsun Čikitai-Yadir ǰuile-ǰuile noqoan-tur aqtas-iyan aduulan yabuqui-tur, qoinača Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin aisuqui dain-o toosun-i uǰeǰu: dayin kurba! keeǰu, aqtas-iyan ǰuldeet, ireǰu-daiyn kurba! — keekdeǰu uǰeesu: Mao-undur-un eburier Hulaan-buruqat daarin, toosun qarqaǰu; Vaŋ-qan tere nekeǰu aisun aǰuui! keeǰu, tendeče Čiŋkis-qaqan toosun uǰeet, aqtasiyan bariuluat, ačaalaǰu morilaba. Tedui ese uǰeesu, kenet buleai. Tere aisuqui-tur, Jamuqa Vaŋ-qan-lua qantu aisulčaǰu aisun aǰuui. Tende Vaŋ-qan Jamuqadača asaqčuu: «Temuǰin-koun-tur qatqulduqun-metus ket bi?» keen asaqčuu. Jamuqa ukulerun: «Tende Uruut Maŋqut, keen, irken ano bi. Tede irken ino qatquldumui ǰe!

Tooriqui tutum —
Tob ǰoqiyu!
Derelku-ku tutum — (dekelku-ku tutum)
Dem ǰoqiyu!
Učuken-eče
Uldu-ǰida-tur
Daduqsan irken!
Tede qaraqčiut-alaqčiut tuqtan bi,
Tede serelten irken bi ǰe!»

keeǰuui. Tere uke-tur Vaɒ-qan ukulerun: «Tein boesu, bida teden-tur J̌irkin-baatudiyan Qadaqi tušiyaldun, J̌irkin baatudiyan dobtulqaya. J̌irkino kejike Tumen-Tubeken-o Ašiq-Širun-i dobtulqaya. Tubeken-i kejike Olon-Duɒqait-baatudi dobtulqaya. Duɒqaidun kejike Vaɒ-qan-no Miɒqan Turqaud-i uduridun, Qori-Šilemun-taiǰe dobtultuqai! Miɒqan Turqaudun kejike bida, Yeke Qol, dobtulai ǰe!» keeǰuui. Basa Vaɒ-qan ukulerun: «J̌amuqa-deu, bidan-o čerik či ǰasa!» keeǰuui. Tere uke-tur J̌amuqa, ore boldeitču qarču, nokodiyen ukulerun: «Vaɒ-qan ene čerik-iyan nama-i ǰasa keemu! Anda-tur bi qatqulduqun yadan yabulaa! Vaɒ-qan dulet nadača činaru aǰuu. Čaqtu nokor biyu. Anda-tur kele orouluya. Anda qadaučituqai!» keeǰu, J̌amuqa doloun Čiɒkis-qaqan-tur kele oroulǰu ukuleǰu ilerun: «Vaɒ-qan nadača asaqba — Temuǰin-koun-tur qatqulduqun metus ket bi? — keen asaquasu, bi ukulerun: Uruut Maɒqudi tumubulan ukuleba bi. Mino uketur mut J̌irkin-iyan tumbulaǰu (tumulaǰu, tumubulaǰu) maɒlailan ǰasalduba. J̌irkino kejike Tumen-Tubeken-o Ačiq-Širuni keelduba. Duɒqaidun kejike Vaɒ-qan-no Miɒqan Turqaudun Noyan Qori-Šilemun-taiǰe-i keelduba. Teuno kejike mun Vaɒqan-no Yeke Qol čerikiyer baisu keelduba. Basa Vaɒ-qan ukulerun: J̌amuqa deu, ene čerik či ǰasa! keen namai tušin ukulemui. Euber uqaasu, čaqtu nokor biyu. Čerikiyen ǰasaldun yau čidaqun? Erte bi anda-tur qatquldun yadaǰu yabulua. Vaɒ-qan nadača činaru aǰuu. Anda, bu ayu, qadauǰi!» keeǰu ileǰuku.

§ 171. Ene kele ireuluet, Čiɒkis-qaqan ukulerun: «Uruudun J̌určedai-ebin či yau keemu? Čimai maɒlailaya!» keeba. J̌určede-i duɒqatqu-in urida Maɒqudun Quildar-Sečen ukulerun: «Anda-in emune bi qatquldusu! Mona qoina onečit koudi mino asaraqu-i anda medetuqai!» keeba. J̌určedai ukulerun: «Ciɒkis-qaano emune ba Uruut Maɒqut maɒlailan qatquldusu!» keeǰuui. Tein keeet, J̌určedai Quildar qoyar Uruut Maɒqudiyar-iyan Čiɒkis-qaano emune ǰasaǰu baiba. Baiqui-lua dain J̌irkin-i maɒlailaǰu kurču ireba. Irekui-lue Uruut Maɒqut eserku dobtulǰu, J̌irkin-i daruba. Daruǰu aisuqui-tur, Tumen-Tubeken-o Ačiq-Širun dobtulba. Dobtulǰu, Ačiq-Sirun Quildar-i qatquǰu, — baoulǰu, Maɒqut Quildarun deere ekeerčuui. J̌určedai Uruudiyeryen dobtulǰu, Tumen-Tubeken-i daruba. Daruǰu kodolkeǰu aisuqui-tur, Oloan-Duɒqait eserku dobtulba. J̌určedai basa Duɒqaidi daruba. Daruǰu aisuqui-tur, Qori-Šilemun-taiǰe Miɒqan Turqaudiyar dobtulba. J̌určedai basa Qori Čilemun-taiǰi ičuaǰu daruǰu aisuqui-tur, Vaɒ-qan-nača eye ukai-u Saɒkun eserku dobtulqu bolun, aɒkeske qačariyan qaqdaǰu Saɒqun mun tende unaǰuu. Saɒkumi unaqdaǰu, Kereit bukudeer Saɒkumun deere ekeerču baiba. Ani daruǰu, šiɒkekui naran quburi deere tašin bukui-tur, bidanoai ekeerču, Quildari unaqsan yaratu-i abuat, qariǰu

Čiŋkis-qaqan bidanoai Vaŋ-qan-ača qatqulduqsan qajar-ača qaqačaju, udeši-de kodolju, qaqačan qonoba.

§ 172. Baiju qonoju, udur keiulun bukutkeesu, Okodai, Boroqul, Boorču, qurban ukai ajuu. Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Okodai-lue itekelten Boorču, Boroqul qoyar qočorčuu! Aju ber, ukuju ber yau qaqačaqum tede?» keeba. Bidanoai sucni-de aqtas-iyen bariju qonoju, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Qoinača bidano nekeju ireesu, qatqulduya!» keen jasaju baiba. Udur kekeen bolqaju ujeesu, qoinača nikan kuun aisu. Kurču ireesu, Boorču ajuu. Boorču kurču ireuluet, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Muŋke Teŋkeri medetukai!» keeju, ebčeu-ben mokoeletba (mököritba). Boorču ukulerun: «Dobtulqui-tur, moriniyan unatala qaqdaju, yabuqan kuyiju yabuqui-tur, mun Kereit Saŋkumun deere ekeer baiqui soor čolo-tur ačiatu morin ačiaban kelweriulju bain bukui-i ača ino hoqtolju iŋqirčaq-tur unoju qarču, bidano qaqačaqu qaruqsan mor mutkin yabuju olju edui ireba bi!» keeba.

§ 173. Basa qorumut atala basa nikan kuun aisu. Kurču aisuqui-tur, doro ino kolien unjiljaju aisu. Ujeesu, qaqča kuun metu biyu. Iren baraasu, Okodai-in qoinača Boroqul sundulaju, amano jabajin-iyar čisum čuburiulju, kurču ireba. Okodai sujiyasu-ban sumun-a tusdaju, čisun ino qaqdarun, Boroqul amaariyen šimiju, bokleksen čisun jabajiniyar-en čuburiulju ireba. Čiŋkis-qaqan ujeesu, niduneče-en nilbusun čuburiulju, duran aljaat; «Qal otor tuleuluet, qalaun daauluat, Okodeye undan eriulju okekeulju, daisun ireesu qatqulduya» keeju buleai. Boroqul ukulerun: «Daisuno toosun činaqši Mao-undurun eburiyer Hulaan-boluqat (buruqat) juk toosun urtuda qarču, činaqši yorčiba!» keeba. Boroqul tere uke-tur ireesu, qatqulduqun buleai. «Dain-a buruuilan kodoldeesu, bida čerikiyen jibšierču, qatquldut je!» keeju kodolba. Kodolurun, Ulqui-šilukeljit oede kodoluet, Dalan-nemurkes oroba.

§ 174. Tende qoinača Qadaan-Daldurqan eme-koun-eče qaqas irebe. Ireju Qadaan-Daldurqan Vaŋ-qan-o uke keen ukulerun: «Vaŋ-qan kou-ben Saŋkum-i učumaar aŋkeske qačar unatala qaqdaju, deere ino ekeerču, tende ukulejuui:

«Hilu qatqutan metu-tur
Hilu qat(qu)ba!
Qalqutan metu-tur
Qalqun bolun,
Qairan kouno mino
Qačar-tur
Qadaasun qadaulba!

Kouno ami erusun dobtulduya! Keeesu, teun-tur Ačiq-Širun ukulerun: Qan, qan! Butukai!

Ečine buku, kou erirun,
Elbiesun ǰalama kiǰu,
Abi-Babi! keen,
Erin ǰalbarimui bida,
Edun-torun-baraqsan,

kou Sanǩumi asaraya! Monqolun oloankin, J̌amuqa-lua, Altan, Qučar-lua bidan-tur bi! Temuǰin-lue daičiǰu qaruqsan Monqol qaa otqun tede?

Morin unoa tan
Modun nemure ten

bolba tede! Ani ese ireesu, otču, — morino ǰundaul metu qormailaǰu ačirat ǰe bida tedeer-il» keeba. Ačiq-Širuno ene uke-tur Van-qan ukulerun: «J̌e, tein boesu, koun alǰauǰai! Kouni ulu denselken asaratqun! keeet, qatqulduqsan qaǰarača qarin ičuba». Keeba.

§ 175. Tendeče Činkis-qaqan, Dalan-nemurkes-eče Qalqa huruu kodolurun, too tooalalduba. Tooalaldubasu, qoyar minqan qurban ǰaut ǰirwaan ǰaut bolba. Nikan minqan qurban ǰaut Činkis-qaqan Qalqa-in horoneǰi eteediyer nouuba. Nikan minqan qurban ǰaut Qalqa-in doronoǰi eteediyer Uruut Manqut nouuba. Tein nouuǰu aisuqui-tur, kunesun-e abalan yabuquitur, Quildar, yarasiyan anaai-uduuye, Činqis-qaqan itqaasu ulu bolun, koreesun-tur dobtulqu bolun, hukdereǰu nokčiba. Tende Činkis-qaqan Qalqa-in Ornau-in keltekai qada-da yasun ino talbiulba.

§ 176. Qalqa-in Buyür-naur-tur čitququ huǰaur-a Terke-Amelten-Unqirat bi, keen medeǰu, J̌určede-i Uruudiyar ileba. Ilerun: «Unqirat-irken erte udur-eče ǰein ǰisuer, okino onkeer... keeesu, elset ǰe! Mut bulqa ino keeesu, qatquldut ǰe bida!» keeǰu ilebesu, J̌určedai-tur elsen oroǰuui. Elsen oroqdaǰu, Činkis- qaqan yau-ber ano ese kondeba.

§ 177. Tende Unqiradi orouluat, otču, Tunqe-qoroqano doron-a baouǰu, Činkis-qaqan Arqai-Qasar-a Sukekai-J̌eun qoyar-a daou bariulurun: «Tunkeqorqano dorona baouba. Ebesun ber ino sain bolǰuui. Aqtas mano uyeleba. Qan-ečike-de mino ukule, keen, ukulerun: Qan-ečike mino! Yaun čimar-tur nama ayüulba či? Ayüulqu boesu, maoun koudiyen, maou berinediyen noirqanqan yekin ulu ayüulu(m) či?

Din (den) sauqui iseri boqunitqaǰu,
Deekši qarqui huni doluskeǰu,

yekin tein ayüulba či? Qan-ečike mino

Q̇alǰirq̇u-yu k̇uun-e
Qatquqdaba či?
Kondeleduku-yu k̇uun-e
Kokiuldeba či?

Qan-ečik̇e mino, bida qoyar yau k̇eelduleai? J̌orqalqun-o Hulaá-nout Bolqaut-ta (Burqaut-ta) bida ese-u uk̇ulelduluȧi?

Sudutu moq̇aya suedurteesu,
Suederk̇en-tur bu oroya!
Suduer amaar olulčaǰu bušireya!

Ese-u keeldulek̇ai? Edoe, qan-ečik̇e mino, suduer amaar-u olulčaǰu qaqačaba-či?

Araatu moq̇aya adartaasu,
Adarqan-tur bu oroya,
Amaar keleer olulčuǰu bušireya!

ese-u keeldulek̇ai? Edoe, qan-ečik̇e mino, amaar keleer olulčaǰu aəq̇ičiraba či? Qan ečike mino! Bi

Čoen ber boesu,
Oloan-ni ulu eriulk̇u bulee.
Maoui-ber boesu,
Saini ulu eriulk̇u bulee bi.
Qoyar kiluk̇utai terk̇en
Nokoe kiluk̇u-ben ququraasu,
Huker ino ǰikdun yadayu.

Tere metu nokoe kilukun činu bi ese-u aǰuu?

Qoyar k̇urdutai terk̇en
Nokoe k̇urdu-ben ququraasu,
Nouun yadaǰu.

Tere metu nokoe k̇urdun čino bi ese-u aǰuu? Erte udur keeesu Qurčaqus-Buiruq, qan-ečike-yüen, qoina dočin koudun aqa keeǰu, qan bolǰuu ǰe či. Qan bolun baraǰu, deuner-iyen Tai-Ṭemur-taiǰe, Buqa-Temur qoyar-i alaba ǰe či. Erke-Qara deu čino alaqdarun, ami-en qoroqču q̇arču, Naimano Inanča-Bilke-qan-tur buruutču oroǰuu ǰe. Deuner-iyen alaqči bolba keeǰu, K̇ur-

qan abaq̇a čino čimadur morilaǰu ireesu, či ǰaun k̇uun ami-en qoroqun buruutču, Selanke huruu tutaaǰu, Qaraun-qabčal širq̇uldaba ǰe či. J̌iči tendeče q̇arurun, Merkidun Toqtoa-da Huǰaur-Ujin okiniyen niurqan okču. Qaraun-qabčal-ača q̇arču, Yesuk̇ai, qan-ečik̇e-tur mino, ireesu, či tende uk̇ulerun: K̇ur-qan abaq̇a-dača ulus mino aburaǰu ok! keekdeǰu, Yesuk̇ai qan-ečik̇e mino čimada tein keen irekdeǰu Taičiud-ača Qunan, Baqaǰi qoyar-i uduritču, ulus čino aburaǰu oksu, keen, čerik ǰasaǰu otču, Q̇urban-telesut-te bukun K̇ur-qani qorin q̇učin k̇uun-i Qašin ǰuk huk̇deǰu, ulus čino aburaǰu okba ǰe. Tendeče ireǰu Tuula-in Qara-tune qan-ečik̇e mino Yesuk̇ai-qan-lua anda bolulčaǰu, tende Van-qan ečik̇e mino buširen uk̇ulerun: Ene tusa-in čino hači uruqun uruqa čino hači qariulqu-i Deere Tenk̇eri, Q̇aǰarun Iheel medetuk̇ai! keen bušireksen aǰuu ǰe či. Teuno qoina Erke-Qara Naimano Inanča-Bilk̇e-qan-nača čeriut q̇uyüǰu čima-tur morilaǰu ireesu, či ami-an qoroqan, ulusiyen k̇eǰu ǰoeen k̇uun tutaaǰu q̇arču, Qara-Qitadun K̇ur-qan-tur Čui-muren-e Sartaulun q̇aǰara otba ǰe či. Nik̇an hoan ulu daousun, basa K̇ur-qan-nača daiǰiǰu q̇arču, Ui-udun, Tan-udun q̇aǰariyar yadaǰu aisurun, tabun imaat širk̇oleǰu saaǰu ideǰu, temeen-o čisun qanaǰu ideǰu, qaqča soqor qaliun moritu ireba ǰe či. Qan-ečik̇e-in čimai tein yadaǰu aisu keen medeǰu, Yesuk̇ai qan-ečik̇e-lue mino anda keelduksen-o tula, setkiǰu, Toqai Sukek̇ai qoyar-i eserk̇u čino elči ileet, basa bi oesun Kelureno Burk̇i-erk̇i-deče uqtun ẏorčiǰu, K̇useur-naur-a ǰoluq̇alduba ǰe bida. Čimai yadaǰu ireba keen, qubčiri qubčiǰu čimada ok̇uet, uridu ečik̇e-tur mino anda keelduksen yosuar Tuula-in Qara-tun-ne bida qoyarum ečik̇e koun keelduksen yosun tere ulu-u bi? Tere ubul čimai k̇uryeen dotora oroulǰu teǰieba ǰe. Ubul ubulǰeǰu, ǰasaǰu namur ino Merkit-irk̇eno Toqtoa-beki-tur morilaǰu, Qadiqliq-niruun-o Muruče-seul qatqulduǰu, Toqtoa-beki-i Barquǰin-tok̇um ǰuk huldeǰu, Merkit irk̇e daouliǰu, oloan aduu, ordo-k̇er ano, tariyat ano buk̇ude-i abču, qan-ečik̇e-de okba ǰe bi.

Oleksen-i čino
Udur duli-de
Ese k̇urk̇eba ǰe bi!
Turuqsan-i čino
Sara-in ǰarim-a
Ese k̇urk̇eba ǰe bi!

Basa bida K̇učuk̇urtai-Buiruq-qani Uluq-taq̇-un Soqoq-usunača Altai dabaulun huldeǰu, Urunq̇u huruu oduat, Qičil-baši-naur-a muqutqaǰu abuai ǰe bida. Tendeče qariǰu aisuqui-tur, Naimano Kokseu-Sabraq Baidariq-belčire čeriudiyen ǰasaǰu bailduqui-tur, udeši ǰilda boldaǰu, manaqaru erde qatqulduya

keen ǰasalduǰu qonoasu, qan ečike mino, či baidal-duriyan qalnaut tuleulǰu; suenide Qara-seul oede kodolba ǰe či. Manaqar erde uǰeesu, baidal-duriyan ukai boldarun, čimai kodoldeǰu: ede-či bidan-i tulešilen aǰuu! keeǰu, bi ber kodolǰu, Eder-Alta-in Belčiriyer ketulǰu, ireǰu, Saari-keer-e baouba ǰe. Tende čimai Kokseu-Sabraq nekeǰu, Saɒkumun eme-kou irke-orqa bukude-i abuat, qaŋ-ečike-in čino Teleketu-amasar-a bukun ǰarimut irken aduun-ideen čino daouliǰu oduasu, Merkidun Toqtoa-in koun, Qudu Čilaun qoyar, irke-orqa-bar-iyan čima-tur burun, tere soor-tur ečike-duriyen neilen Bar-quǰin oroan, čima-dača dayiǰin kodolǰuui ǰe. [Tende, qan-ečike mino, či: Naimano Kokseu-Sabraq-a irke-orqa-ban daouliqdaba bi. Koun mino, Dorben Küluudien okču ile! keeǰu ileesu, čino metu ulu setkin, tende bi Boorču, Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur, ede Dorben Küluudien, čeriut ǰasaǰu ileesu, ede Dorben Küluudun mino urida ʽHulaan-qut-da Saɒkun bailduqu bolun, morino-an quya qaqdaǰu aldaqu bolǰu bukui-tur, ede Dorben Küluut mino kurču, Saɒkumi aburaat, eme-kou irke-orqa selte bukude-i aburaǰu okuesu, tende qan-ečike mino buširen ükulerun: Kouno-en Temuǰin-e odun baraqsan irke orqo-ban Dorben Küluudien ileǰu aburaǰu okteba! keeǰu bulee či. Edoe, qan-ečike mino yanbar čimar-tur mino čimatba či? Čimarun yosun-tur elčin ile. Ilerun, Qubariquri, Idurken qoyar-i ile. Qoyari ese ileesu nokoǰi-i ile!» keeǰu ileesu;

§ 178. Ede ukes-tur Vaɒ-qan ukulerun: «Ai soiluq!

Kouneče-en qaqačaquyu?
Tore-deče qaqačaba!
Hiričeku-yu?
Uyile-deče hiričeba bi!»

keen, dura alǰaat ukulerun: «Edoe kou-ben uǰeǰu, maoui setkiesu, ene metu čisu-ban qarqaqdasu!» keen, andaqaǰu šiki quruunoan toli onubči qituqai-bar qatquǰu, čisun čiburiulǰu učuukan daqtai-tur kiǰu: koun-e mino ok! keeǰu ileba.

§ 179. Basa Čiɒkis-qaqan J̌amuqa-anda-da ukule keen ukulerun: «Qan-ečike-deče mino uǰen yadaǰu qaqačaulba či. Urida bosuqsan bidan-o qan-ečike-in Koko Čuɒ uuǰu bulee. Nada urida bosču uqdarun, naidaba ǰe či. Edoe qan-ečike-in Koko Čuɒ baratqun! Kedui ǰe qoroqun ta!» keeǰu ileba. Basa Čiɒkis-qaqan Altan Qučar qoyar-a ukule keen ukulerun; «Ta qoyar nama tebčiǰu ileu-u kesu keeleai ta? J̌uqaǰuu kesu keeleai ta? Qučar-i čima-i Nekun-taiǰe-in koun keeǰu bidanača: či qan bol! keeesu, ese bolba ǰe či. Altan-i čima-i: Qutula-qan-lu meden yabulua; ečike-yüen meden aqsaar — či qan bol! keeesu, ese ku bolba ǰe či. Deere-eče Bartan-Baatur-un

koun keeǰu Sača, Taiču qoyar-i: ta qat bolutqun! keeǰu yadaba ǰe bi! Tan-i qat bolutqun keeǰu yadaǰu, tan-a: či qan bol! keekdeǰu, meden yabuba ǰe bi. Tan-i qat boluqsan boesu, oloan ḋain-tur alq̇inči haulqaqdaasu, Teŋkeri-de iheekedesu, daisun kuun-i daouliqui-tur,

Qačar q̇oa oki qatun eme-i,
Qarqan sain aqta abčiraǰu,
Okuai bulee ǰe bi.
Oroa koreesun-tur uturauldaasu,
Qada-in koreesun
Qa ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
K̇un-no koreesu
Q̇uya ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
Ķeer-un koreesu
Keeli ino niketele šiqaǰu
Okuai bulee ǰe bi.
Edoe qan-ečike-de mino
Saitur nokočeǰu okutkun!
Uidaŋqa keekdeu ǰe ta.
Čautquri-in turuq-ele aǰuui —
Bu keelutkun!
Q̇urban mured-un teriun
Ken-e ber bu baoulutqun!»

keeǰu ileba.

§ 180. Basa Čiŋkis-qaqan Tooril-deu-de ukule keen ukulerun! «Deu keeku yosun. Tumbinai, Čaraqai-Liŋqu qoyar-un Oqda-bool-iyar bilaǰu ireba ǰe. Oqda-bool-un koun Subekai-bool bulee. Subekai-bool-un koun Kokoču-Qirsan bulee. Kokoču-Qirsan-o koun Yekai-Qoantaqar bulee. Yekai-Qoantaqarun koun-Tooril, či: Ken-o ulus-ut oksu, keen, ǰusuridun ẏabuyu či? Mino ulus Altan Qučar qoyar kene-ber ulu medeulkun buyu ǰe! Čima-i deu keeku yosun:

Borqai-in mino
Bosoqa-in bool,
Elinčuk-un mino
Eudeno enču bool!

keeǰu ilekui mino eimu.»

§ 181. Basa Činkis-qaqan Sankun-anda-da ukule keen ukulerun:

«Dekeltu toreksen koun —
Bi ajuu je.
Ničukun toreksen koun —
Či ajuu je».

«Qan-ečike bidau-o bida qoyar-i sačau asaraun bulee. Jaura oroqdaquiača Sankun-anda nama naidaju huldeba je či. Edoe qan-ečike-in bidan-o juruke ino ulu joboan ude manaqari oroju qarču serkueju yabu! Uyen-o setkil-iyen ulu talbin, qan-ečike-i amitu boetele qan bolsu keen, qan-ečike-in bidan-o setkil joboaju bu alqasaul!» keeet: «Sankun-anda elči ile! Ilerun, Bilke-beki Todoen qoyar-un nokod-i ile!» keeju ileba. «Nadur elčin ilerun, qan-ečike qoyar elčin ile! Sankun-anda qoyar-ku elčin ile. Jamuqa-anda qoyar ku elčin ile. Altan qoyar-ku elčin ile. Qučar qoyar-ku elčin ile. Ačiq-Širun qoyar-ku elčin ile. Qačiun qoyar-ku elčin ile!» keen, Arqai-Qasar Sukeqai-Jeun qoyari, edui ukes daou bariulju, ileba. Ede ukes ein ukulekdeju, Sankun ukulerun: «Keli qan-ečike keeku bulee? Qiduači-ebuken ese-u keeku bulee? Nama keli anda keen bulee? Toqtoa-boe Sartaqčin qonino seul jubčiju yabuyu ese-u keeku bulee? Edeer ukes-un arqas uqaqdaba. Qatqulduano teriut ukes bi. Bilke-beki Todoen qoyar qatqulduqui tuq bosqatqun! Aqtas tarqulaulutqun, ariyal ukai bi je!» keeba. Tedui Van-qan-nača Arqai-Qasar qariqui-tur, Sukekai-Jeuno eme- koun tende, Tooril-tur, ajuu. Otqu juruke yadaju, Sukekai-Jeun Arqaiača qočorčuui. Arqai ireju, ede ukes Činkis-qaqan-na ukuleba.

§ 182. Tedui Činkis-qaqan oduat, Baljuna-naur baouba. Tende baouquitur, Čoos-Čaqan Qorulas job tende učiralduba. Tende Qorulas ulu bulqan elsen ireba. Onqudun Alaquš-diqitquri-dača Asan Sartaqtai čaqan temeetu minqan irkes tauju, Erkune-muren huruu buluqat keremun qudalduju abura aisurun. Baljuna usulan oroqui-tur, učiraba.

§ 183. Činkis-qaqan mun Baljuna usulan bukui-tur, Qasar, eme kouben Yeku, Yesunke, Tuqu tan qurban koudiyen Van-qan-tur keju, čoen beyes nokod-iyer iyen qarču, aqa-yüan keen Činkis-qaqan-i erin Qaraunjiduno niruut kiquriju, olun yadan, yadaju širi širbusun ideju yabuat, Baljuna-da Činkis-qaqan-tur neileba. Qasari ireuluat, bayasču Činkis-qaqan Van-qan-tur elčin ileya keen eyetuju, Jaouriedai Qariudar, Uryanqadai Čaqurqan qoyariyar ukuleju ilerun, qan-ečike-de Qasarun uke keen ukuletkun, keen ukulerun: «Aqa-an qaraju, — qaraa ino jabqaba. Qaiju — hauluqa ino olun yadaba. Qailaju — daou-ban ese sonosdaba. Hot qaraju, urban deretu bolju, kebtemu bi. Eme-koun mino qan-ečike-tur bi. Itekenji

ereen oluasu, qan ečike-tur otqu bi! keeǰu ileba», keen ukuletkun. Basa ukulerun: «Ba tan-i udaarin kodolǰu, Kelureno Arqal-keoki-de bolǰalduya! Ta tende iretkun!» keen bolǰalduǰu, tedui Qariudar, Čaqurqan qoyar-i ileet, J̌určedai, Arqai qoyar-i alqinčilaǰu, Balǰuna-naurača Čiŋkis-qaqan udaarin eusulčeǰu, qarun morilaqsaar, Kelureno Arqal-kouki-de kurba.

§ 184. Qariudar, Čaqurqan qoyar Vaŋ-qan-tur kurču, Qasarun uke keen, endeče ukuleǰu ileksen ukes ukuleǰuui. Vaŋ-qan altan terme bosqaǰu, kenet qurinlan aǰuui. Qariudar Čaqurqan qoyarun uke-tur Vaŋ-qan ukulerun: «Tein boesu, Qasar iretukai!» keeǰu «Itekenǰi Iturken-i ilcye!» keen ileldujuui. Tedui ireet, bolǰal qaǰar-a Arqal-kouki-de kurkui-lue, barua yeke-i uǰeǰu, Iturken-elčin qarin dutaaǰu, Qariudarun morin qurdun aǰuu. Qariudar kuyičeǰu, bariqu ǰuruke yadaǰu, uridaun-qoinaun ino hoqtoriqan yabuqui-tur, Čaqurqano morin udaan aǰuu. Qoinača sumun-o kurkui uǰuur-a Iturken-o altan emeeltu qara aqta-in quyaŋ huǰaur sautala qarbuǰuu. Tende Iturken-i Qariudar, Čaqurqan qoyar bariǰu, Čiŋkis-qaqan-tur abčiraba. Čiŋkis-qaqan Iturken-tur ulu keleldun: «Qasar-tur abču odutqun! Qasar medetukai!» keeba. Abču oduasu, Qasar Iturken-tur ulu keleleldun, mun tende čabčiǰu keba.

§ 185. Qariudar Čaqurqan qoyar Čiŋkis-qaqan-a ukulerun: «Vaŋ-qan kenet bi. Altan terme bosqaǰu qurinlamui. Oterlen iqulǰu, suenit duliličeǰu neŋden bučiye!» keeba. Ene uke-i ǰobšiyeǰu, J̌určedai Arqai qoyar-i alqinčilaulǰu, suenit duliet kurču, J̌eǰeer-undurun J̌er-qabčiqai-in amasara bukuitur, bučiba. Qurban sueni, qurban udut bulqaldarun, bučiǰu baibasu, qutuar udur yadaǰu mut oroba. Vaŋ-qan Saŋkun qoyar-i ker-ber qaruqsan-i ese medekdeba. Ene bulqalduqsan J̌irkin-o Qadaq-Baatur aǰuu. Qadaq-Baatur oroǰu ireǰu ukulerun: «Qurban sueni, qurban udut bulqaldurun, tus qaniyan uǰeet bariǰu ker alaulqu? keen tebčin yadaǰu, amiyan qoroqun kuŋketukai, keen, suoraulun bulqaldulua bi. Edoe ukuulduesu — ukusu! Čiŋkis-qaqan-a soyürqaqdaasu — kuču oksu!» keeba. Činŋkis-qaqan Qadaq-Baaturun uke-i ǰobšiyeǰu, ǰarliq bolurun: «Tus qaniyan tebčin yadaǰu, amin qoroqun kuŋketukai, keen, bulqalduqu ere tere ulu-u-bi? Nokočekdeku kuun bulee!» keeet, soyürqaǰu ulu ukuulun, «Quildarun amino tula, Qadaq-Baatur-i ǰaun J̌irkin-i Quildarun eme-koun-e ino kuču oktukai! Noun-koun toreesu, Quildarun uruq-un uruq-a kürtele daqaǰu, kuču oktukai! Okin-noun toreesu, ečike eke ano oerun duraar bu qudalatuqai! Quildarun eme-koun-o emune umere-en ǰarutuqai!» keen soürqan ǰarliq bolba. Quildar-Sečeno aman urida nekeksen-o tula, Čiŋkis-qaqan soyürqaǰu ǰarliq bulurun: «Quildarun uruqun uruqa kurtele, Quildarun tusa-in tula, onečidun abuliqa abun atuqai!» keen ǰarliq bolba.

VII

§ 186. Tedui Kereit-irke doraitaulǰu, ǰuk-ǰuk qubiyaǰu talaulba. Suldudai Taqai-Baaturun tusa-in ino tula nikan ǰaun J̌irkin-i okba. Basa Čiŋkis-qaqan ǰarliq bolurun, Vaŋ-qan-no deu J̌aqa-Kanbu ǰirin okit aǰuu. Ekečimet ino Ibaqa-beki-i Čiŋkis-qaqan oesun aburun, doimet (dočimet, doimet) Sorqaqtani-beki-i Toluya okba. Tere šiltaaniyar J̌aqa-Kanbu-i: «Imada qariyatan enču irke ber tumdaa, nokoe qilqun bol!» keeǰu soyürqaǰu ese talaulba.

§ 187. Basa Čiŋkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Badai Qisliq qoyarun tusa-in ano tula, Vaŋ-qan-no altan terme sauqsaat, altan kurue, ayaqa-saba asaraqsat haran selte, Vaŋqojit Kereidi: kešikten ano boltuqai! Qorčilaulǰu, otokleulǰu, uruqun uruqa kurtele darqalan ǰirqatqun!

Oloan dain-tur hauluasu
Olǰa oluasu,
Oluqsaar abutqun!»

keen ǰarliq bolba. Basa Čiŋkis-qaqan ǰarbiq bolurun: «Badai Qišliq qoyarun amin ǰaura tusa kurkeksen-o tula, Muŋke Teŋkeri-de iheekdeǰu, Kereit-irke doraidaulǰu, Undurun Oroan-tur kurba ǰe. Monaqoina uruqun uruqa mino Oroan-tur sauǰu ene metu tusa kurkeksed-i ulam-ulam uqatuqai!» keen ǰarliq bolba.
Kereit-irke daouliǰu, kene ber eše dutatala tukeelduba. Tumen-tubeen-i tukeelduǰu tuketele abulčaba. Oloan Duŋqait oquqa udur-e ulu kurken talaulba ǰe. Čisutu tonaq abuqči J̌irkin baatud-i ǰisuǰu qubiyaǰu kurkeldun yadaba. Kereit irke tedui qoruaǰu, tere ubul Abǰya-kodekeri ubulǰeba.

§ 188. Vaŋ-qan Saŋkun qoyar beyes-iyen daičiǰu qarču oduat, Didiq-saqal-un Nekun-usun-a Vaŋ-qan qaŋqaǰu oroqu bolun, Naiman-o qaraul Qorisu-beči-tur oroǰuui. Qorisu-beči Vaŋ-qan-ni bariǰu, «Bi Vaŋ-qan biyu!» keeesu, ulu tanin ese bušireǰu tende alaǰuu. Saŋkun Didiq-saqal-un Nekun-usun-a ulu oroan, qadaun yorčiǰu, čül-tur (čöl) oroǰu usurqarun qulat hiluatuǰu baiqun-i, Sankun baouǰu mariyaǰu, Saŋkumun nokor Kokoču-aqtači emetu Saŋkun-lue qurbaula aǰuu. Kokoču-aqtači aqta ino kotoluet, qarin qataraǰuui. Eme ino ukulerun:

«Altata-i emuskui-tur,
Antata-i idekui-tur,
Kokoču mino keeku bulee!

Qaniyan Saŋkum-i yekin tein tebčiǰu keǰu odun biyu či?» keeǰu, eme ino baiǰu qočorčuu. Kokoču ukulerun: «Saŋkumi erelesu, keen, biyu ǰe či!»

keeǰuui. Tere uke-tur eme ino ukulerun: «Eme kuun noqai niurtai keekdeei ǰe bi. Altan ǰan-taou ber ino ok! Usun ber utquju uutuqai!» keeǰuui. Tendeče Kokoču-aqtači: «Altan-ǰan-taou ab!» keen qoinaqši oruat qataraǰuu. Tedui ireet, Čiŋkis-qaq̇an-tur Kokoču-aqtači ireǰu: «Saŋkümi tein cöl-tur keǰu ireba bi!» keen, tende ukuleksen ukes-iyen bukude-i tekus ukuleǰu okuesu, Čiŋkis-qaq̇an ǰarliq bolurun, eme-i ino soyürqaǰu, mun Kokoču-aqtači-i: «Tus qaniyan ein tebčiǰu ireǰuui. Eimu kuun edoe ken-tur nokočeesu itekekdeku?» Čabčiǰu keba.

§ 189. Naiman-o Tayaŋ-qan-no eke K̇urbesu ukulerun: «Vaŋ-qan erten-o otoku yeke qan bulee. Teriu ino abčiratqun! Mun boesu taiya bida!» keeǰu, Qorisu-beči-tur elči ileǰu, teriu ino hoqtolǰu abčiraulǰu, taniǰu, čaq̇an toloq deere talbiǰu berinediyen berileulǰu otokleulǰu quurdaulǰu, ayaq̇a bariǰu taiǰuui. Tende teriun, tein taiqdarun, iniyeǰu iniyeba, keen, Tayaŋ-qan kemkeru kečikileulǰuui. Tende Kokseu-Sabraq ukuleǰuu: «Ukuksen qan-kuuno teriun ino ta-ku hoqtolǰu abčirat, nokoete ta-ku kemkerit yaun ǰoqiqui? Noqano bidano qučiqui daoun maoui bolbi. Inanča-Bilke-qan ukulelee:

Eme ǰalaui,
Ere bi otolba.
Ene Tayaŋ-i
Elbesuer toreulelue. Ayi!
Torluq toreksen, koun mino
Torulmiši, oloan
Doromǰin maouĭ ulus mino
Asaraǰu barin čidaqu-yu?»

keelee. «Edoe noqano daoun idurekui qučal qučamui. Qatun-no bidano K̇ur-besu-in ǰasaq qurča bolbi. Qan mino, Torluq-Tayaŋ ǰoolen biyu či. Šibaou-laqu abalaqu qoyaraca buši setkil erden ukai bi!» keekdeǰu, tende Tayaŋ-qan ukulerun: «Ene dorona ǰueeket Moŋq̇ol bi keekdemui. Tede irken otoku yeke erteno Vaŋ-qan-ni qoriyariyan ayüulǰu daiǰiulǰu ukuulba. Edoe mun qan bolsu, keen, aqun-o tede? Teŋkeri deere naran saran qoyar keryeten kekeen boltuq̇ai, keen, naran sara qoyar bi ǰe. Q̇aǰar deere qoyar qat ker bolqu bida? Otču, tede ket Moŋq̇ol-i abčiraya!» keeǰuui. Teun-tur eke ino K̇urbesu ukulerun: «Yekiuǰe(i)! Tedeer-i Moŋq̇ol-irken

Hunor maoutan,
Qubčasu baratutan

buleai! Aŋq̇ida qolo buǰu butukai! Šiliun berinet okidi ano maqa abčiraulǰu, q̇ar-kol ano uqiyaulǰu, uniet qonidiyan maqa saaulqun ele!» keeǰuui.

Teun-tur Tayaɒ-qan ukulerun: «Tein boesu, yautan aqun tede Moɒq̇ol-tur otču, qor ino abčiraya! keeǰuui».

§ 190. Edeer ukes-tur Kokseu-Sabraq ukulerun: «Ayi! Yeke uke ukulet ta! Ayi, Torluq-qan, ǰoqiquyu bi? Niutqun!» keeǰuui. Kokseu-Sabraq-a itqauluat burun, Torbidaš neretu elči Oɒq̇udun Alaquš-diq̇itquri-da ukuleǰu ilerun: «Ene doγona ǰueekan Moɒq̇ol bi keekdemui. Či baraun q̇ar bol, bi endeče qansaǰi, tede-ket Moɒq̇olun qor ano abuya!» keeǰu ileǰuui. Tere uke-tur Alaquš-diq̇itquri qariu ukulerun: «Baraun q̇ar bolun ulu čidaqu bi!» keeǰu ileet, Alaquš-diq̇itquri Yue-Qunan neretu elči-iyer-iyen Čiɒkis-qaq̇an-a ukuleǰu ilerun: «Naimano Tayaɒ-qan qor čino abura iremui. Nama-i: baraun q̇ar bol! keeǰu ileǰu, bi ese bolba. Edoe bi čimada sereulǰu ileba. Ireǰu, qoriyan abdauǰe či!» keeǰu ileǰuui. J̌ob tende Čiɒkis-qaq̇an Temeen-keer-i abalaǰu, Tulkin-čeu-i qomorču bukui-tur, Alaquš-diq̇itquri-in ileksen Yue-Qunan-elči ene kelen kurken ireba. Ene kelen-tur, aba deere boet, kerkikun keelduesu, oloan kuun ukulerun: «Aqtas bidano turuqat bi. Edoe yekikun bida?» keelduǰuui. Teun-tur Otčiq̇in Noyan ukulerun: «Aqtas turuqat bi, eimu ukes sonosču yekin sauqdaqu?» keeba. Basa Belkutai Noyan ukulerun:

«Amidui boetele
Nokor-e qor-iyan abdaasu,
Aqsan yaun tusa bi?»

«Toreksen ere-de ukuesu, taqi qor-numun-lua-ben, yasun-lua nikan-e kebteesu uluu sain bi? Naiman-irken

Ulus yeke-tu
Irke olotu

keen yeke uke ukulen aǰuu. Bida ene ano yeke uke-tur šiqan(m) morilaǰu otcu, ano qor abuasu berkeduu aǰuu? Oduasu, oloan aduun ano ǰoqsaǰu uluu qočoruuǰei? Ordo-ker ano eureǰu uluu qočoruuǰei? Oloan ulus ano undur etuket-tur qorura uluu q̇aruuǰei? Mut ene eimu yeke uke ukuleulǰu, ker sauqdaqu? Morilaya boet!» keeba.

§ 191. Belkutai-Noyano ene uke-i ǰobšiyeǰu, Čiɒkis-qaq̇an aba baouat, Abǰiqa-koteker-eče kodolǰu, Q̇alqa-in Ornou-in Keltekai-qada baouǰu, toaban toolalduǰu, miɒǰan tende miɒq̇alaǰu, Miɒq̇ano-Noyan, J̌auno Noyan, Harbano Noyan tende tušiba. Čerbini tende-ku tušiba. Dodai-čerbi, Doq̇olqu-čerbi, Okele-čerbi, Tolun-čerbi, Süiketu-čerbi, Bučaran-čerbi, ede ǰirwaan-čerbi tende tušiba. Miɒqan miɒq̇alan, ǰau ǰaulan, harban harbalan baraǰu, nayan

kebteut, dalan turqaut tende kešikten ilqaǰu oroulurun, Minqad-un, J̌aud-un Noyad-un koud-i deuner-i utu duru-in kuun-o koud-i deuner-i oroulurun, erdemten beyešil saitan ilqaǰu oroulba. Tende Arqai-Qasar-i soyürqaǰu, baatudi ilqaǰu minqalatuqai! Qatqulduan udur emune mino baiǰu qatquldutuqai! Oloan udur turqaq kešikten mino boltuqai! keen ǰarliq bolba. Dalan turqaudi Okole-čerbi aqalaǰu atuqai! Qudus-Qalčan-lua eyetulduǰu atqun!» keeba.

§ 192. Basa Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Qorčin, turqaut, kešikten, baourči, eudenči, aqtači udur kešik oroǰu, naran šinkeku-in urida kebteul-e ǰailaǰu, aqtas-turiyan qarun qonotuqai! Kebteul sueni ker horčin kebtekuniyan kebteulǰu, euden-tur baiquniyan kešiklen baiultuqai! Qorčin turqaut manaqari ino bidani šulen ideesu, kebteultur keleleǰu, qorčin turqaut baourčin eudečin mun-mun mor-duriyan yabutuqai, saurin-duriyan sautuqai! Qurban sueni, qurban udur kešik uduriyan daousču, mun-ku yosuar qurban sueni qonolduǰu yeutkelduǰu sueni kebteul atuqai! Qorčin kebteǰu qonatuqai!» Keen ǰarliq bolba. Tedui minqan-minqalan baraǰu, čerbi tušiǰu, nayan kebteul dalan turqaut kešikten oroulǰu, Arqai-Qasar-a baatut ilqaǰu, Qalqa-in Ornou-in Keltekai-qada-dača Naiman-irken-tur morilarun;

§ 193. Quluqana ǰil ǰaun-no teriun sara-in harban ǰirwaan udur hulaan terkel-e tuq sačuat morilarun, Keluren oede J̌ebe Qubilai qoyar-i alqinǰilaǰu yabuat, Saari-keer-i kuruesu, Kanqarqa-no teriut-e Naimano qaraul tende aǰuu. Bidano qaraul-a huldelduǰu, bidano qaraulača nikan šinqula morin maouqan emeltu-i Naimano qaraul-a abtaǰuui. Naimano qaraul tere morin abču ukuleldurun: «Monqolun aqtas turuqat aǰuu!» keelduǰuui. Bidanoai Saari-keer-i kurču, tende toritču, ker kikun keelduesu, tende Dodai-čerbi Činkis-qaqan-a duratqarun: «Bidan-lu ǰoen bi, ǰoen deere čileǰu ireba. Ein-ku toritču, aqtasiyan čattala, ene Saari-keer-i delken baouǰu, amitu-ele kuun tutun ere-in tabun anqida qalnout tuleǰu, qaliyar oqǰatqaya! Naiman-irken oloan keekdemui. Qan ano ker-teče ese qaruqsan tanqi keekdemui. Qal-iyar hulurikeultele (kulurikeultele), bidano aqtas ber čadumuǰe. Aqtasiyan čatqan, Naimano qaraul-i huldeet, daručaǰu, qol-tur ano neileulun, tere samaoui-tur qatqulduasu bolqu-yu?» keen duratqaasu, ene uke-i ǰobšiyeǰu, Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Tein boet qal-nout tuleulutkun!» keen, čeriut-te ǰasaq tunqaba. Tedui Saari-keeri delken baouǰu, amitu-ele kuun tabun anqida qal-nout tuleulba. Sueni Naimano qaraul Qanqarqano teriun-eče sueni oloan qal uǰeǰu: «Monqol-i ǰoekan ese-ku keen buleai? Hod-un-nača oloan qaltan bi!» keen. Tayan-qan-tur maouqan emeltu šinqulaqan morin okču ileet «Monqol-un čeriut Saari-keeri butetele baoulua. Udur-tur undur-un aqun-o? oloan qaltan bi!» keeǰu ileǰuui.

§ 194. Qaraul-un ene kele ḱurteǰu, Tayaɒ-qan Qaɒqai-in Qačirusun-a aǰuui. Ene kele ḱurḱeuluet, Ḱučuluk-qan koun-duriyan keleleǰu ilerun: «Moɒq̇ol-un aqtas turuqat aǰuui. Hod-un-nača oloan q̇altan! keemui. Moɒq̇ol oloan aǰuui. Edoe bida

Qantudun baraasu,
Qaq̇ačaqui berke bolquno?
Qantudun baraasu,
Qara niduniyan
Kirmes ulu ḱiḱun tede.
Qačariyan qatquldaasu,
Qara čisun q̇aruasu,
Qaltaril uḱai,
Qataɒq̇in Moɒq̇ol-tur
Qantuduasu bolqu-yu?

Moɒq̇ol-un aqtas turuqat keekdemui. Bida ulusiyan Altai dabaulun, seḱuulun ḱodolǰu, čeriḱiyen ǰibšierču, ani uduǰu yabuǰu, Altain olkes ḱurtele noqai kerel kereǰu yabuǰu, bidano aqtas tarqut bi. Keeli seḱuulun, Moɒq̇olun aqtas čaɒqardaulun, niur deere ano asqaya bida!» keeǰu ileǰuui. Tere uḱe-tur Ḱučuluk-qan uḱulerun: «Anaai in, eme Tayaɒ ǰiruḱe yadarun ene uḱes uḱuleǰuui! Moɒq̇ol-un oloan qaača ireǰuui? Moɒq̇ol-un oluɒqin J̌amuqalua ende bidan-tur bi.

Kundu eme-in šeekui q̇aǰar-a
Ese q̇aruqsan,
Ḱurdun-o tuq̇ul-un belǰiel-tur
Ese ḱuruksen,
Eme Tayaɒ ǰiruḱe yadarun
Ese-u ede uḱes uḱuleǰu ileǰuui?»

keen, elčin-eče ečiḱe-yüen eberetele bertetele uḱuleǰu ileǰuui. Ene uḱe-tur Tayaɒ-qan oerien emečilekden uḱulekdeǰu, Tayaɒ-qan uḱulerun:

«Kučutu, omoqtu Ḱučuluk
Ḱurulčekui alalduqui udur
Maq̇a ene omoq̇iyan bu talbituq̇ai!

Ḱurulčan qantudun baraasu, qaq̇ačaqui maq̇a berke bi ǰe!» keeba. Tere uḱetur Tayaɒ-qano doro medeḱu Yeke Noyan Qorisu-beči uḱulerun: «Inanča-Bilḱe-qan, ečiḱe čino, sača nokor-e

Ere-in aru
Aqta-in qarqan(m)

ese ujeululee! Edoe či manaqar erte boet yekin jiruke yadamu či? Čimai ein jiruke yadaqui-i medeksen boesu, qadun ber kuun boesu, eke-i čino Kurbesu-i abčiraju, čerik ulu-u jasaulqu bulee? Čima qairan Kokseu-Sabraq-a otoldekui, yaun čerikun bidano jasaq sulberkui bolbi. Monqolun čaq-jayaan bi je ese bolbi. Ayi, Turluq Tayan, yadaqu metu ele biyu či!» keeet qoriyan deleduet, buruu qataraba.

§ 195. Teun-tur Tayan-qan qilinlaju ukulerun:

«Ukuku amin,
Joboqu beye —
Bukude nikan bi je!

Tein boesu qatqulduya!» keeju, Qačir-usunača kodolju, Tamir huruu yabuat, Orqon-i ketulju, Naqu-kun-no doroñaji qormai daarin, Čaqirmaut kurču aisuqui-tur, Činkis- qaqano qaraul ujeju: Naiman kurču aisai! keen kelen kurkeesu, ene kelen kurkeuluet, Činkis-qaqan jarbiq bolurun:

«Oloan-nača —
Oloan,
Joen-neče —
Joen qor bolumu je!»

keeet, eserku ano morilaju, qarauli ano huldeet, čerik jasarun:

Qaraqana yorčil yorčiju,
Naur baidua bailduju,
Šiuči qatquldua qatqulduya!

keelduba. Tein keeet, Činkis-qaqan, oesun alqinjilaju, Qasar-i qol jasaulba. Otčiqin-Noyan-i kotot jasaulba. Naiman Čaqirmaudača iču ju, Naqu-kun-no ebur aulain qormai qijin baijuui. Tedui Naimano qaraul-i bidano qaraul huldeet, Naqu-kun-no ebur Yeke-Qol-tur ano neiletele huldeet kurčuui. Tein huldeju kurkui-i Tayan-qan ujeju, Jamuqa tende Naiman-lua čerik morilaju irelduju, tende ajuu. Tayan-qan Jamuqa-dača asaqčuui: «Tede yaut oloan qonit čina huldeju, qotoan-tur kurtele huldeju, ireku metu, ede haran tein huldeju aisai?» keen asaqba. Jamuqa ukulerun: «Temujin-anda mino dorben noqaisi kuun-no miqaar tejiyeju, kinjileju huyaju aqu bulee. Tede qaraul-i bidano huldeju aisuqun tede bi je! Tede dorben noqais

Širemun maɒlaitan,
Šiuči qošiutan,
Šibuke keleten,
Temur oreten,
Uldu minaatan,
Šiuder-i ideǰu,
Kei unoǰu yabut tede!
Alalduqui udur
Harano miqa idet tede!
K̇urulčeǰu udur
K̇uun-o miqa
K̇unesulet tede!

K̇inǰi-ben multuldeǰu, odoe ese-u buqsaǰu aqsat bayasču tein šilemelǰen aisai tede!» keeǰuui. «Tede dorben noqais ket tede?» keeesu:

«J̌ebe, Qubilai qoyar,
J̌elme, Subeetai qoyar, —

tede dorben bi!» keeǰuui. Tayaɒ-qan uk̇ulerun: «Ele tede doromǰi-ača qolo baïya!» keeǰu, qoinaqši ihuriǰu, aula asan baiba. Teun-o qoinača duyalǰu tooriqaǰu aisuqun-i uǰeǰu, basa Tayaɒ-qan J̌amuqa-dača asaqčuu: «Tede yaut

Erte talbiqsat unoq̇an,
Eke-yüen sün kokoǰu,
Eke-yüen horčin torolun
K̇uyik̇u unoqat metu,
Yekin tede tooriqan aisai tede?

keen asaqčuu. J̌amuqa uk̇ulerun:
«Tede —

J̌idatu ere-i ǰiuǰu,
Čisutu tonoq tonoqčin,
Uldutu ere-i huldeǰu,
Unaq̇aǰu alaǰu,
Ub tonoq abuqčin
Uruut, Maɒq̇ut keekdet tede!
Edoe ese-u bayasču tede,
Duyalun aisai tede?»

keeǰuu. Tendeče Tayaŋ-qan uk̇ulerun: «Ele tein boesu, tede doromǰi-ača qolo baiya!» keeǰu, basa qoinaqši aula abarin baiba. «Teuno qoinača aisuqun oeseksen šibaoun metu šilemelčeǰu qušiuraǰu aisuqun ken biyu?» keeu, Tayaŋ-qan J̌amuqa-dača asaqčuu. J̌amuqa uk̇ulerun:

«Ene aisuqu — Temuǰin anda mino!
K̇ubčin beye ino
Širemuer širekdeksen,
Šibuk̇e-de qatququya čolo uk̇aiu.
Temuriyer dabtaqsan,
Tebene-de qatququya čolo uk̇aiu.
Temuǰin anda mino,
Oeseksen šibaoun metu,
Ein šilemelǰan aisu lu!

Naiman-nokot: «Moŋq̇oli uǰeesu, ešik̇e-in q̇odu huleulkui-eče buleai ta. Uǰektun!» keeba. Ene uk̇e-tur Tayaŋ-qan uk̇ulerun: «Ele amusaari aula abarin baya!» keeǰu, aula abariǰu baiǰu, basa Tayaŋ-qan J̌amuqa-dača asaq̇urun: «Basa tere qoinača ǰuǰaana aisuqun ken biyu?» keen asaqba. J̌amuqa uk̇ulerun:

«Hoelun-eke nikan kou-ben
K̇uuno miqabar teǰiyeǰu bulee.
Q̇urban alda beyetu,
Q̇unaǰin bodo idešitu,
Q̇urban dabqur quyaq emusču,
Q̇urban buqa ǰitk̇uulǰu aisu ǰe.
Qortu k̇uun-i
Qotola-i ǰalq̇iasu,
Qoolai-duriyan ulu tordayu.
K̇ubčin ere-i emk̇uesu,
Ore ulu ǰasayu.
Aurlaasu,
Aŋqua sumuban deliǰu talbiasu,
Aula alus bukun
Harban-qorin haran-i
Ulk̇etele qarbuyu,
Kerelduksen nokor-i
Keer ketus bukun-i
Keibur-sumu-ban deliǰu talbiasu,

Kelkitele-ulketele qarbuyu.
Yeke-de deliǰu qarbuasu,
Yesun ǰaut alda q̇aǰara qarbuyu.
Tatan deliǰu qarbuasu,
Tabun ǰaut alda q̇aǰara qarbuyu.
K̇uun k̇uun-neče busu,
K̇urelk̇u-maŋq̇us toreksen,
J̌oči-Qasar keekdeyu!

Tere biyu je!» keeǰuui. Tendeče Tayaŋ-qan uk̇ulerun: «Ele tein boesu, aula-in undur temečeye! Deekši abaritqun!» keeǰu, aula abarin baiba. Basa Tayaŋ-qan J̌amuqa-dača asaq̇urun: «Teuno qoinača aisuqun ken biyu?» keeǰuui. J̌amuqa uk̇ulerun: «Tere —

Hoelun-eke-in nilqa-koun, Otčiq̇in!
Helik̇etu keekdeyu.
Erte untaqči,
Oraya bosuqči,
Boruanača ber ulu qočoruyu,
Baidalača-ber (ulu) qočodayu!»

keeǰuui. Tayaŋ-qan uk̇ulerun: «Tein boesu, aula-in horq̇il deere q̇aruya!» keeǰuui.

§ 196. J̌amuq̇a Tayaŋ-qan-a ede uk̇es ein uk̇uleet, Naimanača qaq̇ačan bolteitču q̇arču Čiŋk̇is-qaqan-a kele oroulǰu ilerun, anda-da uk̇ule, keen, uk̇uleǰu ilerun:
«Tayaŋ-qan —

Uk̇e-tur mino ukutkuǰu
Oede temečen urq̇uǰu q̇arba.
Amaar alaqdaǰu ayüǰu,
Aula abarin q̇arba.
Anda, qadauči! Mut
Aula-tur q̇arba!

Ede eserk̇ulek̇u čirai ukaiun bi. Bi burun Naimanača qaq̇ačaba!» keeǰu ileǰuui. Čiŋk̇is-qaq̇an, naran ǰilda boldaǰu Naqu-k̇un-no au'a-i buselk̇un, baiǰu qonoba. Tere sueni Naiman buruulan k̇odolkun bolun, Naqu deereče qulalču (qulq̇uǰu, qulq̇ulčaǰu), deere deereen qutaqlalduǰu (qotaq̇alalduǰu), yasu hüsu-ben kenkeru unalduǰu qunǰiu (quǰiula) baitala daručaǰu, ukulduǰuui. Manaqaši ino Tayaŋ-qan-i muqutqaǰu abuba. K̇učuluk-qan oere

aqsaar, ǰoen kuun daiǰin kodolǰu kuičekderun, Tamir-a kureeleǰu, tere kureen-duriyen bain yadaǰu, kodolǰu tutaaǰu qarču otba. Naiman-irken-o ulus-i Altai-in olke-de muqutqaǰu quriyaba. J̌amuqa-lua aqsat J̌adarin, Qataqin, Salǰiut, Dorben, Taičiut, Unqirat kiet tende ku oroba. Tayan-un eke Kurbesu-i Činkis-qaqan abčiraulǰu ukulerun: «Či Monqolun hunir maoui keeǰu ese-u bulee? Edoe yekin irebe či?» keeǰu, Činkis-qaqan abulaa.

§ 197. Mun Quluqana ǰil namur Qara-dal huǰaur-a Merkidun Toqtoa-beki-lue Činkis-qaqan bailduǰu, Toqtoa-i kodolkeǰu, Saari-keer-e irke-orqa ulus ino daouliba. Toqtoa Qudu Čilaun kout-lue-ben, ǰoen kuun beyesiyen, tutaaǰu qarba. Tedui Merkit-irken daoliqdarun, Hoas-Merkidun Dair-Usun oki-en Qulan-qatun-i Činkis-qaqan-na uǰeulsu keen abču aisurun, ǰaura čeriut-te ǰetkukdeǰu, Baaridai Naya-Noyan-tur učiraǰu, Dair-Usun ukulerun: «Ene oki-en Činkis- qaqan-na uǰeulsu keen aisu bi!» keeǰuui. Tende Naya-Noyan ukulerun: «Okini čino bida qantu uǰeuluya!» keen torit-keǰuui. Toritkerun, Dair-Usuni: «Či qaqčaar oduasu, ǰaura čeriut samaoui čaq-tur čimaiber ulu aulqu, oki taki čino samaouraqu!» keeǰu, qurban udur, qurban süeni toritkeǰuui. Tendeče Qulan-qadun-lua Dair-Usuni abuat qantu Naya-Noyan Činkis-qaqan-tur kurkeba. Tendeče Činkis-qaqan Naya-i: «Yekin todeeǰu aba či?» keen, maši qilinlaǰu: «Qatanquya maraan asaqču, ǰasaq bolqaya!» keen asaqun bukui-tur, Qulan-qadun ukulerun: «Nayaa ukulelee: Činkis-qaqan-no Yeke Noyan biyu bi! Bida qantu oki čino qaqan na uǰeuluye! J̌aura čeriut samaouraqu! keen itqalua. Edoe Nayaa-dača busut čeriut-tur učiraasu, samaou-tur oroquyu aǰuu. Qai, ene Nayaa-tur učiraqui mano sain bolba. Edoe Nayaa-dača asaqtala, Qaqan soyürqaasu, Tenkeri-in ǰayaar ečike eke toreuluksen mariyan-nača asaquasu...» keen očiulǰuui. Nayaa asaqdarun:

«Qaqan-nača busu niur mino ukai bi ǰe!
Qari irkeno qačar qoa oki qadun,
Qarqa(m) sain aqta učiraasu,
Qaqan-noan ku keeǰu amu ǰe bi!
Eun-eče busu setkil mino boesu,
Ukusu bi!»

keeǰuui. Činkis-qaqan Qulan-qadun-no očil ǰobšiyeǰu, mun udur-iyer boet bolqan soriasu, Qulan-qadun-no očil adali boldaǰu, Činkis-qaqan Qulan-Qadun-ni soyürqaǰu taalaba. Nayaa-in ukes adali boldaǰu ǰobšiyeǰu: «Unen uketu aǰuu! keen, yeke uile tušisu!» keen soyürqaba.

VIII

§ 198. Merkid-irken daoliju, Toqtoa-beki-in yeke koun Qudu-in qatut Tuqai Dorekene jirin-eče Dorekene-i tende Okodai-qan-na okba. Merkidun jarimut ulus daijiju, taiqal qorqa qorqalajuui. Tende Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun, — Sorqan-šira-in koun Činbo-i noyalaju, jaoun qarun čeriudiyer qorqalaqsad Merkidi eereulun ileba. Toqtoa, Qudu, Čilaun koudiyeriyen joen beyes daičiju qaruqsan-i Čiɒkis-qaqan nekeju, Altai-in ebur-e ubuljeju, Huker jil qabur Araiyar dabaju oduasu, Naimano Kučuluk-qan ulusiyan abqaulju, tere daijiju qaruqsaar joen kuun Merkidun Toqtoa qoyar neileju, Erdiš-un Buqdurma hujaura qantutču, čerikiyen jasaju ajuui. Čiɒkis-qaqan kurču bailduasu, Toqtoa tende šiba-in sumun-a tusdaju unajuu. Kout ino yasu ino barin yadaju, beye-i ino abču odun yadaju, teriu ino hoqtolju, abču yorčijuu. Tende Naiman Merkit bolun qantutču baildun yadaju, buruuilan kodolurun, Erdiši kotulurun čubtusču oloanqi-yen usuntur ukuuljuui. Joen qaruqsat Naiman Merkit Erdiši ketulun baraju, qaqačan kodoljuui. Naimano Kučuluk-qan Ui-urtai Qarluudi daarin Sartaulun qajar-a Čui-muren-e bukun Qara-Qitadun Kur-qan-tur neilen otčuui. Merkidun Toqtoa-in kout, Qudu, Qal, Čilaun teriuten Merkit Qaɒlin-i Qibčaud-i daarin yorčijuui. Tendeče Čiɒkis-qaqan qariju, Araiyar dabaju, auruut-tur baouba. Činbo taiqal qorqalaqsat Merkidi muqutqajuui. Tende Merkidi Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun, — Qiduquni ano qiduulju, hüleksedi ano čeriutte talaulba. Basa urida oroqsan Merkit auruudača daijin bosču, auruut-tur bukun kotočin bidan-o teden-i darujuu. Tende Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun: «Tuɒdaqa ba auluya! keelue; mut-ele daijin ajuu!» keen, Merkidi jukjuk hulittele qubiyaulba.

§ 199. Mun Huker jil

Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun,
Subeetai-i, temur terketu-i,
Toqtoa-in Qudu, Qal, Čilaun
Teriuten koudi ino
Nekeulun ilerun,
Subeete-i Čiɒkis-qaqan
Jarliq bolju, daou bariulurun;
«Toqtoa-in Qudu, Qal, Čilaun
Teriuten kout ino
Odun oqjatču, qarin qarbulčaju,
Uqurqatu qulan, sumutu buqu
Bolju otba. Teden-i

J̌iurtu bolǰu nisču
Teŋkeri-tur q̇aruasu,
Či, Subeetai, šiŋqor bolǰu,
Nisču ulu-u bariuǰii?
Tarbaq̇an bolǰu, qimusuariyan maltaǰu,
Q̇aǰar-tur oroasu,
Čalir bolǰu čoqiǰu eriǰu
Ulu-u kuičeku či?
J̌iq̇asu bolǰu tenkis-dalai-tur oroasu,
Či, Subeetai, kolmi qubčiur bolǰu,
Šiuǰu-qubčiǰu ulu-u abqu či?
Basa undur dabaa daban,
Orken muren ketulun ileba čima-i.
Q̇aǰarun qola-i setkiǰu čerikun ulaa
Turuai-uduuya qairala(t)qun!
K̇unesu-ben baraai-uduuya qučiatqun!
Aqta turun baraasu
Qairalaasu ulu bolui.
K̇unesun baran baraasu,
Q̇učaasu ulu bolui.
Mor-tur tano koreesun oloan bi ǰe.
Alus setkiǰu yabuqui-tur
Čerikun kuun-i koreesuntur
Bu haulqatqun!
Kem ukai bu abalatqun!
Čerikun kuun-e kunesun-e nemeesun
Oŋkeku-en boltuq̇ai, keen,
Abalabasu, kemleǰu abalatqun!
Kemten abadača aŋq̇ida
Čerikun kuuno emeelun qudurq̇a
Bu qudurq̇alaul!
Qadaar ulu nemurken,
Sudalbiǰu yabutuq̇ai!
Tein ǰasalduǰu yabuasu,
Čerikun kuun haulun ker čidaqu?
Ein ǰasaqlaǰu boet,
J̌asaq dabaqsadi bariǰu nišituq̇ai!
Bidano ǰarliq dabagsad-i,
Bidan-a taniqdaqun metus-i,

Bidan-a okču iletkun!
Bidan-a ulu taniqdaqun olon-i
Mun tende boet mokoriulutkun!
Muren-o činaun moseldukun,
Ta mun`yosuar yabutqun!
Aula-in činaun alqasalduqun,
Ta anqida oere bu setkitkun!
Munke Tenkeri-de
Kuču auqa nemekdeju,
Toqtoa-in koudi
Qar-turiyan orouluasu,
Bidan-tur abčiratala yaun bi?
Tende ta ketkun!»
Keen jarliq bolba.
Subeetai-e basa
Činkis-qaqan ukulerun:
«Čima-i ayalaulurun,
Bi učukan čaq-tur
Qurban Merkidun Uduit-ta
Burqan-qaldun-ni qurbanta
Qučiulju ayüuldalaa bi.
Teimu ošiten irken-i
Edoe basa aman kelen
Aldaju otčuui.
Urtu-in ujuur-e
Kun-o hiruar-a
Kurulčetukai!» keen,
Nekeulun ujuulen,
Temur tereke deletču,
Huker jil čauraulba.
«Bidan-i ečine-ber boesu,
Ile metu; qolo-ber boesu,
Oira metu setkiju yabuasu,
Deere Tenkeri-de ber
Iheekdemui je ta!»
Keen jarliq bolba.

§ 200. Naiman, Merkidi muqutqan baraasu, Jamuqa Naiman-lua burun tende ulusiyan abdaasu, mun tabun nokottu oorčaq bolju, Tanlu

deere q̇arču, uqulǰa alaǰu širaǰu iderun, tende J̌amuqa nokot-teen uq̇uleǰuu: «Keno kout ene udur uqulǰa alaǰu ein idemu?» keeǰu, tere uqulǰa-in miqa iden bukui ǰaura tabun nokot ino J̌amuqa-i q̇ardaǰu bariǰu, Čiŋkis-qaqan-tur abčıraǰuu. J̌amuqa nokot-teen bariǰu irekdeǰu: qaq̇an-anda-da ukule:

«Qara keriye
Qaranbai noqosun
Bariqu bolba.
Qaraču bool
Qan-tur-iyan
Q̇ar kurkeku bolba.
Qaq̇an-anda mino
Yau okdeku?
Boro quladu
Borčin sono
Bariqu bolba.
Bool nekun
Bodun Ejeniyen
Bosoǰu neŋdeǰu
Bariqu bolba.
Boqda anda mino
Yau okdeku?»

keen ukuleesu, J̌amuqa-in tere uke-tur Čiŋkis-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Tus-qan-duriyen q̇ar kurkeksen kuun-i ker auldaqu? Teimun kuun ken-tur nokočeku? Tus qan-duriyan q̇ar kurkekset haran-i uruq-a ano kurtele mo-koriulutkun!» keen ǰarliq bolba. Mun J̌amuqa-in, ile ima-i qardaqsan, haran-i mokoriulǰu okba. Čiŋkis-qaq̇an J̌amuqa-da ukule keen ukulerun:

«Edoe bida qoyar qantutba. Nokočeya!
Oreele kilkun bolulčaǰu aasu,
Oermičilen qaq̇ačan setkimu či.
Edoe nikene qantu aǰu,
Umartaqsan-iyan duratqalduǰu,
Untaraqsan-iyan seriulčeǰu aya!
Oere ber aŋq̇ida yabuasu,
Olǰeitu qutuqtu anda mino bulee.
Unen ukuldukui udur
Ore-ǰiruke-ben ebetku bulee či.
Aŋq̇ida ber oere yabuasu,

Alalduqui udur
Aušiqi jiruke-ben ebetku bulee či.
Keli keeesu:
Kereit-irken-lue
Qara-qaljit elet-te
Qatqalduqui-tur,
Van-qan-ečike-de
Ukulekset ukes-iyen sereulju
Ileksen tusa čino bi je.
Basa Naiman-irken-i
Ukeer ukuulju,
Amaar alaju,
Ayüuluqsan-iyan
Adalitqatuqai! keeju
Kele ileksen čino
Tusa boljuui je!» keen

§ 201. ukuleesu,

Jamuqa ukulerun:
«Erte udur, učuket čaq-tur,
Qorqonaq-Jubur-a
Qan-anda-lua anda keeldurun,
Ulu šinkekui idee idelduju,
Ulu umartaqu ukes ukuleldujų,
Koanjile-deen
Qaqaldaju aqdajuu je.
Koandoled-e kokiuldeju,
Qaljirqud-a qatquldaju,
Qaqačan baraju,
Qadaqatu ukes ukuleldulee, keen,
Qara niur-iyan,
Qauldaqui-ača
Qalidun yadan,
Qan-anda-iyan
Qalaun čirai ujen yadaju
Yabuba je bi.
Ulu umartaqu ukes
Ukuleldulee, keen,

Hulaan niur-iyan
Ubčikdekui-eče
Urtu setkiltu anda-iyan
Unen čirai ujen yadaju
Yabuba je bi.
Edoė qan-anda mino
Soyurqaju nama-i
Nokočeye! keejuui.
Nokočekui čaq-tur
Ese nokočeldube bi.
Edoe anda
Toqoriqai ulus-i
Tubšitkeba (či).
Qari tutum-i
Qantutqaba či.
Qan oro čimadur joriba.
Delekai edoe belen boluqsan-tur,
Nokočeju yaun tusa bolqu bi?
Munda anda-in qara sueni-no
Jaoudun-tur čino oroqu bi!
Kekeen udur-un setkil čino
Jobaasu bi!
Jaqa-in čino boesun,
Jaqiə-un čino orukesun bolqu bi!
Arbin emeketu bulee bi.
Anda-ača alus-i setkiku bolun
Aljiyas boldaba bi.

Edoe ene torelki-tur anda ba qoyar-un urququi naran-nača šiəkekui narantur kurtele nere mino kurbe je. Anda sečen eketu torulki küluk toreju, erdemuten deuneritu, Orluut nokodiyariyan dalan qurban aqtasiyariyan bolju, anda-da hülekdeba je. Bi burun, eke-ečike-deče učukan qočorču, deuner ukai. Eme mino-domoqči. Itekel ukaiyu nokottu. Taouber Teəkeri-eče jayaatu anda-da hülekdeba je.

Anda soyurqaasu
Nama-i otor nokčeesu,
Anda jiruke-ben
Amumu je či.

Anda soyrqaǰu,
Alaurun, čisu ulu qarqan
Alaul! Ukuǰu kebteesu,
Oluk yasun mino
Undur Etuken-tur
Euri turuq
Uruq-un uruq-a čino kurtele
Iheǰu oksu,
Hiruel(r) boluyu ǰe bi!
Huǰaur oere torulkitu bulee bi.
Hüleu torulkitu anda-in suldere
Daruqdaba ǰe bi.
Ukuleksen ukes mino
Ulu umartan
Ude manaqar duratču
Ukuleldukun ta!
Edoe nama-i
Otorletukai!

keen ukuleesu, edeer ukes-tur ino Činkis-qaqan ukulerun: «Anda mino aŋqida ber yabuǰu, bidan-tur aman duuren keleleǰu, amin-tur qor setkikui ino ese sonosdaba ǰe. Surdaqu kuun bulee. Mun ulu bolumui. Ukuuluya keeesu, tolke-tur ulu oromui. Šiltaan ukai amin-tur qor kiesu, ulu ǰoqimui. Kundu mor-tu kuun bi! Ene maqa šiltaan ino ukuletkun: Erte J̌oči-Darmala Taičar qoyarun aduuban deermedulčeksen-o tula, J̌amuqa-anda či buruuya bulqa koitču ireǰu, Dalan-balǰut-ta qatqulduǰu, J̌erene-qabčiqaya nama-i tende ese-u ayüulaa či? Edoe nokočeya keeesu, ulu boluyu. Amin čino qairaasu, ese bolba či! keen ukuletkun. Edoe, čino uke-ber, čisu ulu qarqan nokčieǰu, yasu ino ile bu ketkun, saitur baritqun!» keen ǰarliq bolba. J̌amuqa-i tende nokčieǰu, yasu ino bariulba.

§ 202. Tedui šiskai-tourqa-tu ulus-i šidurqutqaǰu, Bars ǰil, Onan-no teriun-e quriǰu, yesun koltu čaqaan tuq baiuluat, Činkis-qaqan-na qan nere tende okba. Muqali-da ko-van nere tende-ku okba. J̌ebe-i Naiman-o Kučuluk-qan-i nekeulun, tende-ku ǰauraulba. Moŋqolǰin ulus-i ǰibšiyerun baraǰu, Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Ulus bayiululčan yabulduqsat-ta minqan minqalaǰu, Minqadun Noyat tušiǰu, soyürqal uke ukulesu!» keen ǰarliq bolba. Minqadun Noyat tušin nereidurun: 1) Munlik-ečike; 2) Boorču; 3) Muqali-ko-van; 4) Qorči; 5) Ilukai; 6) J̌určedai; 7) Qunan; 8) Qubilai; 9) J̌elme; 10) Tuke; 11) Dekai; 12) Toloan; 13) Onqur; 14) Čulqetai;

15) Boroqul; 16) Šiki-Qutuqu; 17) K̇uču; 18) Kokoču; 19) Qorq̇osun-Hüsun; 20) Quildar; 21) Šiluq̇ai; 22) J̌etai; 23) Taqai; 24) Čaq̇aan-qoa; 25) Alaq; 26) Sorqan-Šira; 27) Buluq̇an; 28) Qaračar; 29) Koko-Čos; 30) Süiketu; 31) Nayaa; 32) J̌uŋsu; 33) K̇učukur; 34) Bala; 35) Oronartai; 36) Dair; 37) Muke; 38) Buǰir; 39) Muŋkuur; 40) Doloadai; 41) Boken; 42) Qudus; 43) Maral; 44) J̌ebke; 45) Yüruqan; 46) Koko; 47) J̌ebe; 48) Udutai; 49) Bala-čerbi; 50) Kete; 51) Subeetai; 52) Muŋko; 53) Qalǰa; 54) Qurčaqus; 55) K̇ouki; 56) Badai; 57) Qišliq; 58) Ketai; 59) Čaurqai; 60) Uŋq̇iran; 61) Toqoan-Temur; 62) Meketu; 63) Qadaan; 64) Moroqa; 65) Dori-Buqa; 66) Iduqadai; 67) Širaqul; 68) Daoun; 69) Tamači; 70) Qauran; 71) Alči; 72) Tobsaqa; 73) Tuŋquidai; 74) Tobuqa; 75) Aǰinai; 76) Tuideker; 77) Sečaour; 78) J̌eder; 79) Olar-kureken; 80) Qiŋq̇iyadai; 81) Buq̇a-kureken; 82) Quril; 83) Ašiq-kureken; 84) Qadai-kureken; 85) Čiq̇u-kureken; 86) Alči-kureken; 87, 88, 89) q̇urban Miŋq̇at-Ikires; 90) Oŋq̇udun Alaquš-diq̇itquri-kurken; 91, 92, 93, 94 и 95) tabun Miŋq̇at-Oŋq̇ut,-Hoai-irken-neče aŋq̇ida, Moŋqol ulus-un Miŋq̇adun Noyadi Čiŋkis-qaq̇an-no nereidukset yeren tabun (95) Miŋq̇adun Noyat bolba.

§ 203. Kureket-lua niken-e. Basa Čiŋkis-daq̇an ǰarliq bolurun; «Ede nereidukset yeren tabun Miŋq̇adun Noyadi tušiet burun, tere dotora Čiŋkis-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Tusatan-a soyürqal oksu! «Boorču, Muqali teriuten Noyadi iretukai!» keekui-tur, ker dotora Šiq̇i-Qutuqu bulee. «Urira ot», keen Čiq̇i-Qutuqu-da ukuleesu, Šiq̇i-Qutuqu ukulerun: «Boorču, Muqali tan

Ken-eče hüleu tusa kilee?
Ken-eče hüleu kuču okulee?

Soyürqal okdekuya bi

Yaun dutau tusa ese bolulaa?
Yaun dutau kuču ese okulee bi?
Olekaitai bukui-eče
Undur bosoqa-tur čino
Eriun-tur edui saqal urq̇utala osču,
Oere ese setkiba ǰe bi.
Ala-tur šiekte eče
Altan bosoqa-tur čino aǰu
Aman-tur saqal edui urq̇utala osču,
Alǰiyas ese ketkiba ǰe bi.
Kol-duriyen kebteulǰu,
Koučilen oskeba ǰe nama-i;

Derkede-en kebteulǰu,
Deučilen oskeba ǰe namai!

Edoe nada yanbar soyürqal okomu?» keeǰuui. Tere uke-tur Činkis-qaqan Šiqi-Qutuqu-da ukulerun: «J̌irqoduar deu busu-u či? Oroču-deu-deen čimada soyürqal: Deuner-un qubiyar qubilaldu! Basa tusas-un čino tula, yesun aldal-tur bu aldatuqai!» keen ǰarliq bolba. Munke Tenkeri-de iheekdeǰu, kur-ulus-i ǰukleulǰu bukui-tur, či

Uǰeku-in nidun,
Sonosqu-in čikin

bolǰu, kur-ulus-i Eke-de Bidan-o deuner kout-te qubi irken-o nereer isikai tuurqatan-i iričeulǰu, qabdasun eudeten-i qaqačaulǰu, qubilaǰu ok! Ken-ber čino uke buši bu bolqatuqai! keen ǰarliq bolba. Basa Šiqi-Qutuqu-i: Kur ulusun qulaqai-i keseeǰu, qudal-i moqaaǰu, ukuuldekun yosutan-i ukuul, aldauldaqun yosutan-i aldaul! keen Kur Deere-in ǰarqu tušiba. Basa kür-irken-o qubi qubilaqsan-i, ǰarqu ǰarqulaqsan-i Koko Debter bičik bičiǰu, debterleǰu, uruqun uruqa kurtele Šiqi-Qutuqu-in Natur eyetulǰu yosulaǰu koko-bičik čaqaan čaarsun tur debterleksen-i bu yeutketukai! Yeutkekun haran aldaltan boltuqai! keen ǰarliq bolba. Šiqi-Qutuqu ukulerun: «Mino metu oroču-deu sačau denkečen qubi ker abqu? Soyürqaasu, široai yourqatu balaqasun-ača okku-i qaqan-no soyürqal medetukai!» keen očiǰuu. Ene uke-tur: «Oerun beye-ben či čaqlaba. Či mede!» keeba. Šiqi-Qutuqu oeriyen tein soürqaulun baraǰu qarču, Boorču Muqali-tan Noyadi uriǰu orouǰuu.

§ 204. Tende Činkis-qaqan ǰarliq bolǰu Munlik-ečike-de ukulerun:

«Toreku-lue
Torelduksen,
Osku-lue
Osulčeksen,
Olǰeitu qutuqtu či!

Tusa iheel čino kedun ber aǰuu ǰe! Tere dotora: Van-qan ečike Sankun-anda qoyar nama-i arqadan uriqsan-tur, aisurun ǰaura Munlik-ečike-in ker-tur qonoasu, či ese itqaasu,

Huirun bukui usun-tur
Hulalun bukui qal-tur —

oroqdaai buleai ǰe! Tere tusa-i sai setkiǰu, uruqun uruqa kurtele ker umartaqdaqu? Tere tusa setkiǰu, edoe sauri ene nou huǰaur-a saulǰu, hon-tur sara-

tur sataǰu, oklike soyürqal čimada oksu, mariyan asuqai! Uruqun uruqa kurtele!» keen ǰarliq bolba.

§ 205. Basa Činkis-qaqan Boorču-da ukulerun: «Učukan čaqtur širqa aqtatan naiman morit deermetteǰu, ǰaura qurban qonoǰu, nekeǰu aisuqui-tur, ǰolqalduba ǰe». Či tende ukulerun: Muntaniǰu aisuqui nokor-tur nokočeldusu!» keen, kertur ečike-duriyen ber kelen ukaiyu, kou-ben saan arun, nanbuqa sauluqa-ban keer-e burkuǰu, mino oqotur qoanqor-i talbiulǰu, nada oroq-šinqula-i či oesun qurdun qubi-i unoǰu, aduu-ban eǰen ukai talbiǰu, yaaraǰu keereče buet nama-lua nokočeǰu, basa qurban qonoq nekeǰu, širqa aqtatan-i deermeduksen kureen-tur kuruesu, kureen-o qiǰiar-a baiqun-i deermedun huldeǰu dutaaǰu abčiraba ǰe. Bida qoyar. Ečike čino Naqu-Bayan aǰuu. Či, qaqča koun ino, yau medeǰu nadur nokočeku bulee? Setkil-un külukiyer nokočeba ǰe či! Teuno qoina setkiǰu yabuǰu bi Belkutai-i ileǰu nokočeya keeesu, či

Bokotur qonqor-i unoǰu,
Boro ormuke-ben bokturču,

nokočen ireesu, qurban Merkit bidan-tur ireǰu, Burqan-ni qurbanta qučiulqui-tur, qučilduba ǰe či. Basa teuno qoina Tatar-irken-tur Dalan-nemurkes-te šitueelduǰu qonoasu, qura udur sueni urkulǰi ǰuserekui-tur, sueni nama-i noir atuqai, keen, nemurke-ben nemurukseer, mino deere qura ulu čuburiulun, sueni daustala baiǰu, oreele kolien qaqčan-da yeutkeǰu bulee či! Külukun čino belke aǰuu ǰe! Teuneče busu ali küluki čino ukuleǰu dausqu? Boorču, Muqali qoyar

J̌ob mino yabutala, ǰiktuǰu,
Buruu-i mino baitala itqaǰu,

— ene Oroan-tur kurkebe! Edoe burino deere sauri sauǰu, yesun aldal-tur bu aldatuqai! Boorču baraun qar-un Altai derelekun-o tumen medetukai! keen ǰarliq bolba.

§ 206. Basa Muqali-da Činkis-qaqan ukulerun: «Bida Qorqonaq-ǰubur-un Qutala-qan-no debseku saqlar modun-a baouasu, Muqali-da Tenkeri-in ǰaarin ǰaaqsan uke tendek-un tula, bi tende Kuun-Qoa-i setkiǰu, Muqali-da uke baralua. Teouber sauri deere sauǰu, Muqali-in uruqun uruqa kurtele Kur-irken-o Ko-van boltuqai! Qaraun-ǰidun-i derelekun-o tumen medetukai!» keen ǰarliq bolba.

§ 207. Činkis-qaqan Qorči-da ukulerun: J̌oanleǰu nama-i učukan bukui-eče eǰie turuq

Noitan nošilduǰu
Koiten košilduǰu
Neŋdu qutuq bolǰu
Yabuba ǰe či!»

Qorči, tere čaq-tur uk̇ulerun: «J̌oan ǰob boluasu, Teŋk̇eri-de setkil-tur k̇urk̇ekdeesu, nama q̇učin emestu bolq̇a! keelee či. Edoe ǰob tula soyürqaǰu, ede oroqsat irk̇en-o sain eme-i, sain oki uǰeǰu, sooŋq̇uǰu ab!» keen ǰarliq bolba. Basa: «Qorči q̇urban miŋq̇at Baarin-o deere, Toqai Ašiq qoyar-lua Adarq̇in-o Činos, Tooles, Teleŋk̇ut bolun tume duurču, Qorči medeǰu, Erdiši qutus Hoai-in irk̇en-tur k̇urtele nuntuq darqalan nuntuqlaǰu, Hoai-in ırk̇en-i daruulun, Qorči tumen medetuk̇ai!» keen ǰarliq bolba. «Qorči-dača eye uk̇aiyu, Hoai-in irk̇en ein tein bu yabutuq̇ai. Eye uk̇eu yau saaraqdaqu?» keen ǰarliq bolba.

§ 208. Basa Čiŋk̇is-qaq̇an J̌určedaya uk̇ulerun: «Erkin tusa čino Kereit-lua Qara-qalǰid-elet qatqulduqui-tur, heruǰu bukui-tur, Quildar-anda aman aldaba ǰe. Uile ino J̌určedai či uiletbe ǰe! Uiledurun, J̌určedai či dobtulǰu, J̌irk̇in-i, Tubek̇en-i, Duŋqaid-i, Quri-Šilemun-i, miŋq̇an turq̇aud-i, erkit čeriudi buk̇ude-i daruǰu, Yeke-Qol-tur k̇urču, Saŋk̇umun eŋk̇esk̇e qačar učumaq̇ar qarbuqsan-o tula, Muŋke Teŋk̇eri-de euden ǰiloa|nek̇ekdeba ǰe. Saŋk̇um-i ese širqaqsan boesu, yanbar maqa bolqun buleai bida! J̌určedai-i erkin yeke tusa tere bolba ǰe. Tere qaq̇ačaǰu, Qalqa huruu nouurun, J̌určedai-i undur aula-in nemur-a metu setkiǰu yabuqu bulee bi. Tere otcu, Balǰuna-naur usulara k̇urba ǰe. J̌iči Balǰuna-naur-ača morilarun, J̌určedai-i alq̇inčilaǰu, Kereit-tur morilaǰu, Teŋk̇eri Q̇aǰar-a k̇uču nemekdeǰu, Kereit-irk̇e muqutqaǰu daouliba. Erkit ulus omčalduǰu, Naiman Merkit čirai-ban quq̇uraǰu, baildun yadaǰu busaŋqaqdaba ǰe. Merkit Naimani busaŋqui soortur, Kereidun J̌aqa-K̇ambu ǰirin okiduen šiltaqiyar oerun qariyatan ulusiyaran tumtaq-a aqsan aǰuu ǰe. Nokoete daisun bolun, qaq̇ačaqsan-i J̌určedai uduǰu, arq̇a-bar J̌aqa-K̇anbu-i qaq̇ačan baraqsan-i q̇artaǰu bariǰu butueǰuu ǰe. Tere J̌aqa-K̇anbu-in ulus-i nokoete ulutkan talaba. J̌určedai-in nokoe tusa ino ene bi ǰe!

Alaldaqui udur
Ami-iyan orekseno tula,
Ukulduqui udur
Olumulekseno tula,

Čiŋk̇is-qaq̇an Ibaqa-beki-i J̌určedaye soyürqaǰu ok̇urun, Ibaqa-da uk̇ulerun: «Čima-i

Ulke-čeeji čino ukeui,
Ujeskulen tala maoui!

ese keebe je bi. Ebur-tur, kol-tur oroqsan, jerke-tur jerkelen baouqsan čima-i Jurčedaye soyürqarun, Yeke Tore setkiju, Jurčedai-in

Qatqulduan udur
Qalqa boluqsano,
Daisun kuun-tur
Dalda boluqsano,
Qaqačaqsan ulus
Qantutqaqsan-o,
Butaraqsan ulus
Bukutkelduksen

tusas-un ino, Tore setkiju čima-i okbe. Monoqoino, Mino uruq, Bidano oro sauju, ene metu tusa kiksen, Tore setkiju, Mino uke buši ulu bolqan, uruqun uruqa kurtele Ibaqa-in oro bu tasultuqai!» keen jarliq bolba. Basa Činkis-qaqan Ibaqa-da ukulerun: «Jaqa-Kanbu, ečike čino, čimada qoyar jaut injes čimada Ašiq-Temur baourči, Alčiq baourči qoyar okču bulee. Edoe Uruut-irken-tur či odurun, keriyes-iyen nada injes-eče-en Ašiq-Temur baourči-iyan nikan jaun-i okču ot!» keeju abua. Basa Činkis-qaqan Jurčedei-e ukulerun: «Ibaqa-iyen čimada okbe. Dorben minqat Uruudiyen či medeju ulu-u aqu či?» keen soyürqaju jarliq bolba.

IX

§ 209. Basa Činkis-qaqan Qubilaya ukulerun:

«Kučutu-in —
Kujuun,
Boko-in —
Bokse daruju
Okbe je či!

Ede Qubilai, Jelme, Jebe, Subeetai ta dorben noqasiyan setkiksen-tur jaoriulju ileeju,

Kur keeksen-tur
Kuru kankeun,
Qar keeksen-tur
Qada qaqalun,
Čaoken čilaun čaourun,

Čeel usun-i nitukun
Aba ǰe ta!

Qubilai, J̌elme, J̌ebe, Subeetai ta dorben noqas-iyan ǰoriqsan qaǰar-a ileǰu, Boorču, Muqali, Boroqul, Čilaun-Baatur ede dorben küluudiyen derkede-en aasu, qatqulduan udur boluasu, J̌určedai Quildar qoyar-i Uruut Maŋqudiyaran urida-an baiuluasu, bukude setkiliyen amuqu bulee bi!» keeba. «Či, Qubilai, čerikun uile bukude-i aqalaǰu ulu-u aqu? keen soyürqaǰu ǰarliq bolba. Basa Beduuno moǰirqaq-un tula bi maouilaǰu yabuǰu, miŋqan ese okbe. Či imada ǰob bi ǰe. Čima-lua miŋqalaǰu eyetulduǰu yabuqdaqu»! keeba. Basa «Mono qoina Beduuni uqat ǰe bida!» keeba.

§ 210. Basa Čiŋkis-qaqan Kenikedai Qunan-a ukulerun: «Ta Boorči, Muqali teriuten Noyat-ta, Dodai, Doqolqu tan čerbin-e ene Qunan

Qara sueni
Kendu čino,
Kekeen udur
Qara kerie bolǰu,
Nouukui-tur
Ese unǰiksen,
Unǰikui-tur
Ese nouuksen,
Bosu kuun-lue
Buši niur
Ese ǰubčiksen,
Ošitu kuun-lue
Oere niur
Ese ǰubčiksen,

Qunan, Koko-Čos qoyar-tur eyetuǰu uiletkun!» keen ǰarliq bolba. «Koudun Mino aqa J̌oči bi ǰe. Qunan, Kenikes-iyen teriuleǰu, J̌oči-in doro Tumeno Noyan boltuqai!» keen ǰarliq bolba. «Qunan, Koko-Čos, Dekai, Usun-ebukan, ede dorben

Uǰekseniyen
Ulu niun,
Sonosuqsan-iyen
Ulu qabčiqun bulee,

ede dorben bi ǰe».

§ 211. Basa Činkis-qaqan Jelme-de ukulerun: «J̌arčiudai ebuken kureke-ben urču, J̌elme olekai-teeče, Burqan-qaldun-ača baouǰu irerun,

Onan-no Deliun-boldaq-a namai torekui-tur, buluq̇an nelke okču buleai. Tere nočekseer

Bosoqa-in
Bool
Euden-o
Enču bolba ǰe.

J̌elme-in tusa ino oloan bi ǰe!

Torekui-lue
Torolduksen,
Oskui-lue
Osulčeksen
Buluq̇an nelke huǰaurtu,
Olǰetu qutuqtu, J̌elme,
Yesun aldal aldaasu,
Ereu bu orofuq̇ai!»

keen, ǰarbiq bolba.

§ 212. Basa Čiɒǩis-qaq̇an Tolun-a uǩulerun: «Ečiǩe koun oere miɒqan ker medeǩu bulee či. Ulus quriyaldun ečiǩe-deče orole ǰiur bolun, ǰiktulduǰu ulus quriyalduqsan tula čerbi nere okba ǰe. Edoe oerun oluqsan ǰoeksen-iyer-iyen oerun miɒqan bolǰu Turuqan-tur eyetulduǰu aqu či!» keen ǰarliq bolba.

§ 213. Basa Čiɒǩis-qaq̇an Oɒǩur-baourči-da uǩulerun: «Q̇urban Toquraut, tabun Tarqut, Muɒketu Qiyano ǩou či Oɒǩur, Čaɒšiut, Bayaudiyar, — ta Nadur nikan ǩureen bolǰu, či Oɒǩur

Budan-dur
Ese tooriba ǰe či.
Bulqa-dur
Ese qaq̇ačaba ǰe či.
Noitan —
Nošilduǰu,
Koiten —
Košilduǰu,

yabuba ǰe či! Edoe yanbar soyürqal abqu či?» keeesu, Oɒǩur uǩulerun: «Soyürqal soonquuluasu, Bayaut aqa-deu mino

Qari-qari tutum-tur
Bura-tara bi!

Soyürqaasu, Bayaut aqa-deu-yan čiulq̇asuq̇ai!» keeesu: «J̌e, tein! Bayaut aqa-deu-yan čiulq̇aǰu, či mede, minq̇an!» keen ǰarliq bolba. Basa Činkis-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Onk̇ur, Boroul qoyar baraun ǰaoun eteet, ta qoyar baourčin ideen tuk̇eerun, baraun eteet baiqsan sauqsan-a ulu dutaulun, ǰaoun eteet ǰerk̇eleksen eseksen-e ulu dutaulun, ta qoyar tein tuk̇eeesu, mino qoolai ulu qučin, setkil amuyu. Onk̇ur Boroul qoyar morilaǰu yabuǰu, idee oloan k̇uun-e tuk̇eetkun!» keen ǰarliq bolba. «Sauri saurun, yeke tusurk̇e-in baraun ǰaoun eteet idee basaalaǰu sautqun! Tolun tan-lua tublen sautuq̇ai!» keen, saurin ǰiaǰu okba.

§ 214. Basa Činkis-qaq̇an Boroqul-a uk̇ulerun: «Eke Mino Šiq̇i-Qutuqu, Boroqul, K̇uču, Kokoču, ta dorben-ni irk̇eno nuntuk-ača

Koser-eče olǰu,
Kol-duriyen duruǰu,
Končilen asaraǰu teǰierun
K̇uǰuun-eče tano tataǰu,
K̇uun-lue sačau bolq̇aǰu,
Ek̇em-eče tano tataǰu,
Ere-lue sačau bolq̇aǰu,

kouduen mana nokor seuder bolq̇asu! keen teǰieba ǰe. Tan-i teǰieksen hačiban eke-de maqa mino kedui hači tusa qariulba ta! Boroqul nadur nokočelduǰu,

Qurdun ayan-tur
Qura sueni qoosun
Ese qonoulba ǰe či.
Šituelelduǰu daisun-tur
Šulen uk̇ai
Ese qonoulba ǰe či.

Basa ebuk̇es ečik̇e-i baraqsat ošiten kišiten Totar-irk̇en-i doraidaulǰu, osuel osuen, kisal kisan, Tatar-irk̇en-i čiun-tur uliǰu, ulitkan qiduqui-tur, alaqdarun, Tatarun Qarq̇il-Šira ourčaq bolun q̇arču, ǰiči yadaǰu oloscu ireǰu, eke-tur k̇er-te oroǰu; sai eriulsun biyu bi! keeǰu: Sai eriulsun boesu, tende sau! k̇eekdeǰu, horeneǰi iseri-in alaun-a uǰuur-e sauǰu bukui-tur, Tolui tabun nasutu q̇adanača oroǰu ireǰu, ǰiči k̇uyiǰu q̇arču odun bukui-i, Qarq̇il-Šira bosuat, kouken-i suu-duriyan qabčiǰu, q̇arču yabuǰu aisurun, qituq̇aiban tenteleǰu, ǰuqulun yabuqui-tur, Boroqul-un k̇erk̇ai Altani eke-in k̇er-tur dorona sauǰu bulee. Eke qailaǰu: Koun baraba! keekui-lue, Altani udaaraldun k̇uyiǰu q̇arulčaǰu, Qarq̇il-Šira-in qoinača k̇uyičeǰu, šibilk̇er ino

bariǰu, nokoe q̇ariyariyan qituq̇ai ǰuqulun bukui q̇ar ino bariǰu tataquilua, qituq̇ai-ban aldaǰuui. K̇er-un umer-e J̌etai, J̌elme qoyar muqular qara huker telen alaǰu bukui-tur, Altani-in daoun-tur J̌etai, J̌elme qoyar suke bariǰu nodurq̇asiyan hulaadaǰu k̇uyiǰu ireǰu, Tatarun Qarq̇il-Šira-i suke-ber qituq̇ai-ber mun tende alaǰuui. Altani, J̌etai J̌elme q̇urban kouno amin aburaqsan ǰuldu temečelduesu, J̌etai J̌elme qoyar uk̇ulerun: Mani uk̇ai boesu, otor k̇uyiǰu k̇urču ese alaasu, Altani eme k̇uun yekin bulee? Kouno amin qor k̇urk̇ek̇u bulee! J̌uldu manaai bi ǰe! keeba. Altani uk̇ulerun: Mino daoun ese sonasuasu, ta ker irekun buleai? Nama-i k̇uyiǰu k̇uyičeǰu, sibilk̇er ino bariǰu, qituq̇ai ǰuquluqsan q̇ar ino tataǰu, qituq̇ai ese aldaqsan boesu, J̌etai, J̌elme qoyar-i k̇urču iretele, kouno amin-tur qor ulu-u k̇urk̇ek̇u bulee? keeba. Uk̇ulen baraasu, ǰuldu Altani-in bolba. Boroqulun k̇erk̇ai Boroqul-tur nokoe kilk̇un bolun, Tolui-in amin-tur tusa bolba. Basa Boroqul Kereit-lua Qarqalǰit-elet qatqulduqui-tur, Ok̇odai suǰiasu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroqul deere baoulduǰu, qaquqsan čisun ino amaariyan šimiǰu, sueni qonolduǰu, manaq̇ārši morin-tur unoulǰu saun yadaqu-i sundulaǰu, Ok̇odai-in qoinača teberiǰu, bekleksen čisun šimin-šimin amano ǰabaǰiyar hulaadaǰu, Ok̇odai-in amin esen k̇urk̇eǰu ireǰu bulee. Eke-in Mino teǰien ǰobaqsan hači qoyar koudun Mino amin-tur tusa bolba ǰe. Boroqul Nadur nokočeǰu

Darbaan uriya-dača,
Daoun dem-eče

ese qoǰidaba ǰe. Boroqul yesun aldal aldaasu, bu aldatuq̇ai!» keen ǰarliq bolba.

§ 215. Basa: «Okin uruq̇iyan soyürqal ok̇uya!» keeba.

§ 216. Basa Čiŋk̇is-qaq̇an Usun-ebuk̇en-e uk̇ulerun: «Usun, Qunan, Köko-Cos, Dek̇ai, ede dorben, uǰekseniyen sonosuqsan-iyan ulu niun-qabčin, ǰian aqun buleai. Moŋq̇olun Tore Noyan mor — beki bolqui yosun aǰuui. Baarin aqa-in uruq buleai. Beki mor bidan-o deere-ece. Beki Usun-ebuk̇en boltuq̇ai! Beki erk̇uet

Čaq̇an deel emusču,
Čaq̇an aqta unoulǰu,
Sauri deere saulǰu, takiǰu,

basa hon sara sataǰu, tein atuq̇ai!» keen ǰarliq bolba.

§ 217. Basa Čiŋk̇is-qaq̇an uk̇ulerun: «Quildar-anda qatqulduan-tur ami-yan oreǰu, aman neekseno tusa-in tula, uruqun uruqa k̇urtele onočidun abliqa abun atuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 218. Basa Čiŋkis-qaqan Čaqan-qoa-in koun Narin-Tooril-a ukulerun: «Ečike čino, Čaqan-qoa, Mino emune kičieju qatqulduqu bolun, Dalan-Baljut-ta qatqulduqui-tur, Jamuqa-da alaqdalua. Edoe Tooril ečike-yüen tusa onočidun abliqa abtuqai!» keekdeju, Tooril ukulerun: «Soyürqaasu, Nekus, aqa deu mino, qari-tutun bara-tara bi. Soyürqaasu, Nekus, aqa deu-yüen čiulqasuqai!» keeesu, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Tein boesu, Nekus aqa deu-en čiulqaju, či uruqun uruqa kurtele medeju uluu aqu?» keen jarliq bolba.

§ 219. Basa Čiŋkis-qaqan Sorqan-Sira-da ukulerun: «Nama-i učukan čaq-tur Taičiudun Tarqutai-Qiriltuq aqa deu-de naitaju bariasu, tende: aqa deu-deen naitaqdamu! keen, Sorqan-Šira Čilaun Činbo koudiyeriyen Qadaan-i okiniyan asaraulju niuju ajuu. Nama-i talbiju ileba je ta. Tere tusa sain-i tano setkiju,

Qara sueni — jaoudun-tur,
Kekeen udur — čeeji-tur,

setkiju yabuba je bi! Ta je Nadur Taičiud-ača udaan-a ireba je! Edoe Bi tani soyürqaasu, yanbar soyürqal taalaqun ta?» keeba. Sorqan-Šira Čilaun, Činbo koudiyeriyen bolun ukulerun: «Soyürqaasu, nuntuq darqalasu! Merkidun qajar Selaŋke-i nuntuqlaju darqalasu. Basa busu soyürqal Čiŋkis-qaqan medetukai!» keeba. Teun-tur Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Merkidun qajar Selaŋke-i nuntuqlaju, nuntuq ba darqalatqun-ku, uruqun uruqa kurtele qorčilaulju, otokleulju darqalatqun! Yesun aldal-tur ereu-tur bu orotuqai!» keen jarliq bolba. Basa Čiŋkis-qaqan Čilaun, Činbo qoyar-i soyürqarun: «Erte Čilaun, Činbo qoyar-un ukuleksen ukes setkiju, ker qandaqu ta? Čilaun Činbo, ta qoyar setkiliyen ukulekun boesu, dutaui-ban quiyun boesu, jaura kuun-e bu keleletkun! Oerun beyesiyer, amaar Nadur ta oesut setkiksen-iyen keleletkun! «Dutau-yüan oesun quitqun!» keen jarliq bolba. Basa: «Sorqan-Sira, Badai, Qišliq ta darqat basa darqalarun,

Oloan daisun-tur haoulju,
Olja oluasu,
Oluqsaar abutqun!
Oroa koreesun-tur abalaasu,
Oluqsaar abutqun!»

keen jarlq bolba. «Sorqan-Šira keeesu, Taičiudun Todeke-in haran ajuui je. Badai, Qišliq qoyar keeesu, Čeren-o aduučin ajuui je. Edoe Mino Turuq qorčilaulju, otokleulju darqalan jirqatqun!» keen jarliq bolba.

§ 220. Basa Čiŋkis-qaqan Nayaa-da ukulerun: «Širqotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben, tan-lua, Tarqutai-Qiriltuqi Bidan-tur bariju aisurun, jaura Qutuqul-noud-a kurču, tende Nayaa ukulerun: Tus qan-iyan ker tebčiju bariju odqun bida? keeju, tebčin yadaju talbiju ileju, Širqotu-ebuken Alaq Nayaa kout-lue-ben ireju, tende Nayaa bilčiur ukulerun: Tus qaniyan Tarqutai-Qiriltuqi qartaju aisurun, jiči tebčin yadaju talbiju ileju, ba Čiŋkis-qaqan-a kuču okure ireba. — Qaniyan qartaju ireesu, tus qaniyan qartaqsat haran monaqoina ker itekekdekun ede? keekdekun keejuu. Qaniyan tebčin yadaba keeesu, tende tus qaniyan tebčin yadaqsan Yosu Yeke Tore-i setkijuui! keen uke ino jobšieju, nikan uile-tur tusiya!» Edoe Boorču-da baraun qar-un Tumen medetukai, Muqali-da, ko-vaŋ nere okču, jaoun qar-un Tumen medeulba. Edoe Nayaa Tub-un Tumen medetukai!» keen jarliq bolba.

§ 221. Basa Jebe Subeetai qoyar oerun oluqsat joekseer iyen miŋqalatuqai! keebe.

§ 222. Basa Dekai-qoniči-da bukdeur-i čiulqaju miŋqa medeulbe.

§ 223. Basa Kučukur-moči-da irke dutaqdaju endeče tendeče qubčiju, Jadaran-ača Mulqalqu juk-iyer nokočelue. «Kučukur Mulqalqu qoyar niken-e miŋqalaju eyetulduju atqun!» keeba.

§ 224. Ulus baiululčaqsat jobolduqsad-i Miŋqadun Noyat bolqaju, miŋqa miŋqalaju, Miŋqadun, Jaudun, Harbadun Noyat tušiju; tumeleju, Tumedun Noyat tušiju, Tumedun Miŋqadun Noyat-ta soyürqal oktekun metus soyürqal okču, soyürqal jarliq bolqun-a bolju; Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Urida nayan kebteulsutu, dalan turqaq kešiktentu bulee. Edoe, Muŋke Teŋkeriyin Kučun-tur Teŋkeri Qajar-a kuču aoqa nemekdeju, Kur-Ulus-i šidurqutqaju, qaqča jilua-duriyan oroquluqsan-tur, edoe Nadur Kešikten Turqaq miŋqat miŋqadača ilqaju oroulutqun, kebteul qorčin turqaq oroulurun, tumen duurken oroulutqun!» keen jarliq bolba. Basa Čiŋkis-qaqan kešikten ilqaju oroulqui jarliq miŋqat-miŋqat-ta tuŋqarun: «Bidan-tur kešikten oroulurun, Tumedun Miŋqadun Jaudun Noyadun kout, duri-in kuuno kout ororun, erdemutan šil said-i, Bidan-o derkede yabuqun metus-i oroultuqai! Miŋqadun Noyadun koudi oroulurun, harban nokottu nikan deu ino daqaulju iretukai! Jaudun Noyadun koudi oroulurun, tabun nokot tu nikan deu-i daqaulju iretukai! Harbadun Noyadun koudi oroulurun, duri-in kuun-o koudi oroulurun, qurban nokottu nikan-ku deu-i daqaulju, hujaurača ulaa kuču jasaju, iletukai! Bidan-tur derkede yabuulqun-i bokelerun, Miŋqadun Noyadun kout-te harban nokot hujaur miŋqan jaun-ača qubčiju oktukai! Ečike-en okuksen qubi kešik boesu ino, qadiyar oluqsan joeksen ere aqta kedui boesu ino, enču qubi-ača aŋqida, Bidano kanleksen kemiyer

qubčiju, tein qubčiju jasaju oktukai! Jaudun Noyadun kout-te, duri-in kuun-o kout-te, qurban nokot mun-ku yosuar ino, enču qubi-ača aɒqida, mun tein qubčiju oktukai!» keen jarliq bolba. «Miɒqadun, Jaudun, Harbadun Noyat oloan kuun Bidan-o ene jarliq kurkeuluet, sonosuat burun, dabaqun haran aldaltan boltuqai! Bidan-tur kešik orouldaqun haran bultariju ulu bolqun haran, Bidano-derkede yabuqui-ban berkešieesu, busu-i oroulju, tere kuun-i ereuleju, niduno ečine qolo qajar-a ileya!» keen jarliq bolba. «Dotona Bidano derkede yabuju surulčasu, keeju, Bidan-tur irekun haran-i bu itqatuqai!» keeba.

§ 225. Čiɒkis-qaqan--no jarliq boluqsaar miɒqad-ača ilqaju, jaudun harbadun Noyadun koudi mun-ku jarlqiyar ilqaju, qarqaju ileju urida nayan kebteul buleai, naiman jaut bolqaba. Naiman jaut deere miɒqa duurketukai! keeba. Kebteul-tur oroqun-i bu itqatuqai! keen jarliq bolba. Kebteul-i Yeke-Neurin aqalaju, miɒqa medeju atuqai! keen jarliq bolba. Urida dorben jaut qorčin ilqaba. Ilqaju, qorčin-i Jelme-in koun Yesunte-e aqalaju, Tuke-in koun Bukidai-lue eyetulduju atuqai! keeba. Turqaut-lua qorčin kešik kešik-tur oroldurun, Yesuntee nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai! Bukidai nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Qorqudaq nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Lablaqa nikan kešik qorčini aqalaju orotuqai. Qor aqsaquya turqaudun kešik kešik qorčiniyan tein aqalaju oroultuqai. Qorčini miɒqan duurkeju, Yesuntee aqalaju atuqai! keen jarliq bolba.

§ 226. «Urida Okole-čerbi-lue oroqsat turqaut deere miɒqan duurkeju, Boorču-in uruq-ača Okole-čerbi medetukai! keeba. Nikan miɒqan turqaud-i Muqali-in turuq-ača Buqa nikan miɒqan turqaud-i medetukai! keeba. Ilukai-in uruq-ača Alčidai-i nikan miɒqan turqaud-i medetukai! keeba. Nikan miɒqan turqand-i Dodai-čerbi medetukai! Nikan miɒqan turqaud-i Doqolqu-čerbi medetukai! keeba. Nikan miɒqan turqaud-i Jurčedai-in uruq-ača Čanai medetukai! Nikan miɒqan turqaud-i Alči-in uruq-ača Aqutai medetukai! Nikan miɒqan turqaud-i Arqai-Qasar, Nikan Miɒqan ilqaqsan baatud-i medeju, oloan udur turqaq boltuqai! Qatqulduan udur urida baiju, baatut boltuqai! keen jarliq bolba. Miɒqat miɒqadača ilqaju ilekset naiman miɒqat turqaut bolba. Kebteul qorčin-lua qoyar-ku miɒqat bolba. Tumen kešikten bolba. Čiɒkis-qaqan jaliq bolurun: «Bida-no čaada Tumen Kešikten-i bekeleju, Yeke Qol bolun atuqai!» keen jarliq bolba.

§ 227. Basa Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun; Turqaud-un dorben kešiudun otokulekun-i tuširun, Buqa nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Alčidai nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Dodai-čerbi nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai. Doqolqu-čerbi nikan kešik kešikten-i medeju, kešikten-i jasaju orotuqai!

keen, dorben kešiudun Otokus-i tušiju kešik oroqui jarliq tuəqarun, kešik ororun, kešikun Noyan oerturiyen kešiklekset kešikten-i bukutken kešik oroju, qurban qonolduju yeutkeldutukai. Kešiktu kuun kešik hoaraasu, tere kešik hoaraqsan kešiktu-i qurban beries suituqai. Mun kesiktu basa nokoete kešik hoaraasu, doloan baries suituqai. Basa mun kuun beye qat ebečin ukai, kešikun Noyat-tur eye ukeu, basa mun kešiktu qurbanta kešik hoaraasu, qučin doloan beries soyuet. Bidan-tur yabuqui-ban berkešien ajuu. Ečine qolo jajar-a ileya! keen jarliq bolba. Kešiudun Otokus qutaar qutaar kešik-tur ene jarliq kešikten-i sonosqatqun. Ese sonosqaasu, kešiudun Otokus aldaltan boltuqai. Jarliq sonosuat burun, dabaasu, jarliq-un yosuar kešik hoaraasu, kešikten aldaltan blotuqai! keen jaliq bolbai. Kešiudun Otokus aqalaqdaba ele, keen, sačaun oroqsat Mino kešikten-i, Nadača eye ukai, bu hončidutqun! Jasaq koandeesu, Nada jiatqun. Mokoriulkun yosutan boesu, Bida mokoriulu je. Nišiqdaqun yosutan boesu, kebteulju nišit je. Aqalaba ele, keeju, sačaun kešikten-i Mino oerun qar kol kurkeju beriedeesu, berie-in qarin berie-ku, nodurqa-in qarin nodurqa-ku qariultuqai!» keeba.

§ 228. Basa Činkis-qaqan järliq bolurun: «Qadanadus Minqadun Noyadača, Mino kešiktu deere bi je. Qadanadus Jaoudun, Harbadun Noyadača, Mino kešiktu-in kotočin deere bi je. Mino kešikten-tur qadanadus Minqaliut sačaun bolju denkečen Mino kešiktu-tur kerelduesu, Minqaliudai kuun-i ereuleya!» keen jailiq bolba.

§ 229. Basa Činkis-qaqan jarliq bolurun, kešik kešiudun Noyat-ta jarliq tuəqarun: Qorčin turqaut kešik oroju, udur-un yabudal juk juk mor mor-turiyen yabuju, narano qaltaya kebteule jailaju, qadana qarču qonotuqai. Bidan-tur sueni kebteul qonon atuqai! Qorčin qor, baourčin ayaqasaba kebteule taulju ottuqai. Qadana qonoqsat qorčin turqaut baourčin Bidan-i šilen idetele, kiluetur sauju, kebteul-tur kelečileju; šilen iden baraasu, qorčin qor-tur, turqaq saurin-turien, baourčin ayaqa-saba-durian taaraldutuqai. Kešik kešik oroqun mun mun yosuar ene qauli-bar tein kitukai! keen jarliq bolba. Naran šinkeksen-o qoina, Ordo-in qoinaun uridaun ketukeljen yabuqu kuun-i bariju, kebteul bariju, manaqari kebteul ukes ino asaqtuqai! Kebteul kešik yeutkeldurun, belke ano taulju oroju iretukai. Yeutkeju qarqun kebteul taulju-ku qarču ottuqai! keeba. Kebteul sueni Ordo horčin kebteju, euden daruju baiqsat kebteul sueni oroqun haran-i ekit ano dalbaru murus ano bautala čabčiju oorutqun! Yaaral keleten haran sueni ireesu, kebteul-tur keleleju, ker-un umereče kebteul-lue qantu baiju keleleultukai! keeba. Kebteul-eče deere sauri ken-ber bu sautuqai. Kebteul-eče kelen ukai ken-ber bu orotuqai. Kebteulun dekeun

ken-ber bu yabutuqai. Kebteulun jaqaun bu yabutuqai. Kebteulun toa bu asaqtuqai. Kebteulun dekeun yabuqun haran-i kebteul barituqai. Jaqaun yabuqun haran-i kobteul barituqai. Toa asaquqsan kuun-i kebteul tere kuun-i tere-ku udur-un unoqsan aqta, emeeltu qadartu, emusuksen qubča-sun selte kebteul abtuqai! keen jarliq bolba. Eljikedai itekeltu boetele, jilda kebteulun dekeun yabuqu bolun kebteule ker bariqdalaa?

X

§ 230. Činkis-qaqan ukulerun:

«Euletai sueni
Erueketai ker mino
Eeren kebteju,
Eruk nota untaulju,
Ene oroan-tur kurkeksen,
Etokus kebteul mino!
Hodutai sueni
Ordo ker mino
Horčin kebteju,
Oroan dotora ese oqjatqaqsan,
Oljeitan kebteul mino,
Untur oroan-tur kurkeba.
Šiljirin bukui boroan-a,
Šilkutkan bukui juen-e,
Čitqun buqui qura-da,
Šiltesutai ker mino horčin,
Jirin ulu kin baiju,
Jiruke amuuluqsan,
Čin setkilten kebteul mino,
Jirqalan oroan-tur kurkebe.
İbulun bukui daisun dotora
Irketai ker mino horčin
Hirmes ulu kin
Itqaju baiqsat
Itekelten kebteul mino!
Uilsun qor
Ubis-kikui-tur,
Udal-ukai baidaltan,
Uriyarqun kebteul mino!
Qutan qor

Qubis-kikui-tur,
Qojit ese baiqsat,
Qurdun yabudaltan kebteul mino!
Oljeiten kebteul mino,
Otokus kebteul keetkun!
Okole-čerbi-lue
Oroqsat dalan turqaq-i
Yekes turqaut keetkun!
Arqai-in baatud-i
Otokus baatut keetkun!
Yesuntee Bukidai tan qorčin-i
Yekes qorčin keetkun!»

keen jarliq bolba.

§ 231. Yeren tabun minqadača mino beye čaada enčulen ilqaju ilekset tumen enču kešikten-i mino mona qoina oro sauqsan kout uruqun uruqa mino ede kešikten-i keries metu setkiju ulu kemuriulun saitur asaratqun! Ede tumen kešikten-i mino neǝduut qutuq keeju uluu aqduai? keeba.

§ 232. Basa Činkis-qaqan ukulerun: Ordo-in čerbin okid-i, kerun kout, temeečin-i, hukerčin-i kebteul basaalaju, Ordo-in ker terken-i asaratuqai. Tuq, kuurke, doro jida kebteul asaratuqai. Ayaqa-saba kebteul-ku asaratuqai. Bidano undan ideeni kebteul daruqalatuqai. Otkan ber miqan ideen-i kebteul daruqalaju bolqatuqai. Undan ideen-i qor qomsa boluasu, daruqalaqsat kebteul-eče eriya! keeba. Qorčin undan ideen tukeerun daruqalaqsat kebteul-eče eye ukai bu tukeetukai. Idee tukeerun, urida kebteul-eče teriulen tukeetukai! keeba. Ordo ker-tur oroqu qarqu-i kebteul jasatuqai! Euden-tur kebteulun eudečin ker čaada baituqai! Kebteul-eče qoyar oroju yeke Tusurke barin atuqai! Kebteul-eče Nuntuučin yabuju, Ordo ker baoultuqai! keeba. Bidani šibaoulaqui abalaqui-tur, kebteul Bidan-lua šibaoulaldun yabutuqai! Terken-tur jarimudiyan čaqlaju talbituqai! keeba.

§ 233. Basa Činkis-qaqan ukulerun: Bidano Beye čerik ese qaruasu, kebteul Bidanača anqida čerik bu qartuqai! keeba. Ein keeuluet, jarlik dabaju kebteuli naidaju čerik qarqaqun čerik medeku čerbin aldaltan boltuqai! keen jarbiq bolba. Kebteulun čerik ker ulu qarqaqdamui? keemui je ta. Kebteul-lu Mino Altan Amin saqimui. Šibaoulan, abalan yabuquitur joboldumui. Ordo qadaqalauldaju noukui-tur, oruktur terke asaramui. Mino Beye saqiju qonoqu qilbar-u bi? Ker-terken Yeke Auruq noukui-tur asaraqui qilbar-u bi? Tein dabqur qaqas qaqas yabudaltan keeju, Bidanača anqida oere čerik bu yabutuqai! keekui teimn bi je! keejuui.

§ 234. Basa ǰarliq bolurun: Šiki-Qutuqu-lua ǰarq̇u kebteul-eče ǰarq̇u sonosulčatuq̇ai! keeba. Kebteul-eče qor, numu, quyaq, ǰebe asaraǰu tukeeldutukai. Aqtas-ača ačaraǰu hoošin ačiǰu yabutuqai! keeba. Kebteul-eče čerbin-lue aurasu tukeeldutukai. Qorčin turqaudun nuntuq ǰiarun, Yesuntee Bukidai tan qorčin Alčidai, Okole, Aqutai tan turqaut Ordo-in baraun eteet yabutuq̇ai! keeba. Buqa, Dodai-čerbi, Doqolqu-čerbi, Canai tan turqaut Ordo-in ǰaoun eteet yabutuq̇ai! keeba. Arqai-in baatut Ordo-in urida yabutuqai! keeba. Kebteul Ordo ker terke asaraat, Ordo-in derkede ǰaoun eteet yabutuq̇ai! keeba. Burin kešikten turqaudi Ordo horčin Ordo-in ker-un koud-i, aduučin, qoničin, temeečin, hukerčin-i Ordo darun Dodai-čerbi uqaǰu atuq̇ai! keen tušiba. «Dodai-čerbi darun aǰu, Ordo-in qoinača

Qoq ideǰu,
Qomaul tuleǰu,

yabutuq̇ai!» keen ǰarliq bolba.

§ 235. Qubilai-Noyan-i Qarluut-tur čauraulba. Qarluud-un Arslanqan Qubilai-tur elsen ireǰuui. Qubilai-Noyan Arslan-qan-i abuat ireǰu Čiŋkis-qaq̇an-tur aulǰaulba. Ese bulqaba, keen, Čiŋkis-qaq̇an Arslan-i soyürqaǰu, oki okuye, keen, ǰarliq bolba.

§ 236. Subeetai-Baatur, temur terketu, Merkidun Toqtoa-in Qutu, Čilaun teriuten koud-i ino neken čauraǰu, Čui-muren-e kuyičeǰu muqutqaǰu ireba.

§ 237. J̌ebe Naimano Kučuluk-qan-i nekeǰu, Sariq-q̇un-a kuyičeǰu muqutqaǰu irebe.

§ 238. Uiudun Iduut Čiŋkis-qaq̇an-tur elčin ileǰuu. Atqiraq, Darbai qoyar elčin-iyer očiǰu ilerun:

«Eulen arilǰu,
Eke naran uǰeksen metu.
Molsun arilǰu,
Muren usun oluqsan metu.

Čiŋkis-qaq̇ano nere aldar sonosču, maši bayasba.—
Čiŋkis-qaq̇an soyürqaasu,

Altan buse-in qorq̇i-dača,
Al deel hurtesun-eče

oluasu, dabtuar koun čino bolǰu, kuču oksu,» keen očiǰu ileǰuui. Tere uketur Čiŋkis-qaq̇an soyürqaǰu, qariu ukuleǰu ilerun: «Oki ber okuya, dabtuar koun boltuq̇ai! Altan muŋku, subut, tanas, načit, dardas, torq̇at abuat,

İduut iretukai!» keeǰu ileęsu, İduut, soyürqaqdaba keen bayasču, altan, munəku, subut, tanas, torqot, načit, dardas, aurasun abuat, Iduut ireǰu, Činəkis-qaqan-tur aulǰaba. Činəkis-qaqan İduudi soyürqaǰu, Alaltun-i okbe.

§ 239. Taulai ǰil J̌oči-i, baraun qar-un čeriudiyer, Hoi-in irken-tur morilaulba. Buqa qaǰarčilaǰu otba. Oiradun Quduqa-beki tumen Oiradun urida elsen oroǰu irebe. İreǰu, J̌oči-i uduridutču tumen Oirat-duriyan qaǰarčilaǰu Šiqšit-tur oroulba. J̌oči Oirat, Buriyat, Barqun, Ursut, Qabqanas, Qanəqas, Tubas-i orouluat, tumen Kirkisut-tur kuruesu, Kirkisudun Noyat Edi, İnal, Aldier, Ole-bek-dikin Kirkisudun Noyat elsen oroǰu, čaqaa-nout šinəqot, čaqaa-nout aqtas, qaranout buluqat abuat ireǰu, J̌oči-da aulčaba. Šibir, Kesdiin, Bait, Tuqas, Tenəlek, Toeles, Tas, Baǰiqidača inaqši Hoai-in irken-i J̌oči orouljǔ, Kirkisud-un Tumedun, Minəqad-un Noyad-i Hoai-in irkeno Noyad-i abuat ireǰu, Činəkis-qaqan-tur čaqaanout šinəqodiyar, čaqaanout aqtasiyar qara-nout buluqadiyar aulǰaulba. Oiradun Quduqa-beki-i uqtun urida elsen tumen Oiradiyan uduridun ireba, keen, soyürqaǰu, koun-e ino Inalči-da Čečeiken-i okba. Inalci-in aqa Torelči-da J̌oči-in oki Holuiqan-i okba. Alaqa-beki-i Onəqut-da okbe. Činəkis-qaqan J̌oči-i soyürqaǰu ukulerun: «Koudun Mino aqa či kerteče sai qarčou, mor saitu oduqsan qaǰar-a ere aqta-i ulu širqan ulu ǰobaan, olǰeitu Hoai-in irke-i orouljǔ irebe či. İrke čimada oksu!» keen ǰarliq bolba.

§ 240. Basa Boroqul-Noyan-i Qori-Tumat irken-tur čauraulba. Tumat-irkeno Noyan Daiduqul-Soqor-i ukuesu, eme ino Botoqui-Tarqun Tumat-irken-i medeǰu aǰuu. Boroqul Noyan kurču, qurban haran yeke čerikeče urida yabura otču ude ǰilda uqamsar berke hoai-tur orumiyar yabuqun bolun, qaraula ano qoinaun dermetteǰu, horum booǰu, Boroqul-Noyan-i bariǰu alaǰuui. Tumat Boroqul-i alaǰuui, keen medeǰu, Činəkis-qaqan maši kilinəlaǰu, oesun morilan tuurbiasu, Boorču, Muqali qayar Činnəkis-qaan-i baitala itqaba. J̌iči Dorbetai Dorbo-Doqšin-i tuširun: Čerik qatanəquya ǰasaǰu, Munəke Tenəkeri-i ǰalbariǰu, Tumat-irken-i oroulun sori! keen ǰarliq bolba. Dorbo čerik ǰasarun, urida čerik-un yabuqu qaraulun saqiqu mor horum subes-tur hoqtorqui erbekelǰeulǰu, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer čeriut-tur ǰasaqlarun, čerikun tootu kuun ǰiruke yadaasu, nišiquya ere-tur harban musut urkeulǰu, suke, uqali, kirue, šiuči, ere-in ǰer-ǰebsek ǰasaulǰu, hulaan buqa-in yabuqsan moriyer mortur baiqsan modut hoqtočin, čabčiulǰu, kiruedeulǰu, mor bolqaǰu, aula deere qaruasu, Tumat irkeno eruke deereče kenet qurinlan sauqui-tur daouliba.

§ 241. Urida Qorči-Noyan Quduqa-beki qoyar Tumat-ta bariqdaǰu Botoqui-Tarqun-tur tende aǰuu. Qorči-in bariqdaqu yosun. Tumat-irkeno okit qoastan qučin emes abtuqai, keen ǰarliq boluqsan-tur, Tumat-irkeno

okit abqu, keen odqu bolun, urida elsekset irken ǰiči bulqa bolǰu, Qorči-Noyan-i bariǰuui. Qorči Tumat-da bariqdaǰuu, keen Čiŋkis-qaqan medeǰu, Hoai-in irkeno yabudal Quduqa medemuǰe! keeǰu, ileesu, Quduqa-beki basa bariqdaǰuu. Tumat-irken-i oroulun baraasu, Boroqul-un yasuno tula ǰaun Tumad-i okba. Qorči qučin okidi abuba. Quduqa-beki-de Botoqui-Tarqun-i okba.

§ 242. Čiŋkis-qaqan ǰarliq bolǰu, eke-de, kout-te, deuner-e irke qubiyaǰu okuye! keen okurun, ulus quriyaan ǰobaqsat Eke buyu ǰe, Koudun Mino aqa Joči bi ǰe, Deuner-un Mino nilqa Otčiqin bi ǰe! keeǰu, eke-de Otčiqino qubi kiet tumen irke okbe. Eke čimatču ese duŋqotba. Joči-de yesun miŋqat irke okba. Čaadaya naiman miŋqat irke okba. Okodaya tabun miŋqat irke okba. Toluya tabun miŋqat irke okba. Qasar-a dorben miŋqat irke okba. Alčidaya qoyar miŋqat irke okba. Belkutaya nikan miŋqan tabun ǰaut irke okba. Daaritai Kereit-lua bolulčaba, keen, niduno ečine ečitkeya! keebesu, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban ukulerun:

«Oerun qaliyan
Suenoeku metu!
Oerun keriyen
Ebdeku metu!

Sain Ečike-in Čino keries qaqča abaqa Čino qočorču amu. Ker tebčiku ino? Ese uqaqsan-tur butuqai! Sain Ečike-in Čino Nilqa Nuntuq huni butaraulčaǰu atuqai!» Keekdeǰu, qabar-ača huni kaŋšitala qaqas kelelekdeǰu: «Je, teli!» keen, Sain Ečike-i setkiǰu, Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban-o kelentur amurliba ǰe.

§ 243. «Bi Eke-de, Otčiqin-a tumen irke okču, Noyad-ača Kuču, Kokoču, Juŋsai, Qorqasun dorben-i tušiba. Joči-da Qunan Muŋkeur, Kete qurban-i tušiba. Čaadai-tur Qaračar, Muŋke, Idoqudai qurban-i tušiba». Basa Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Caadai kečeu biyu, narin aburitu biyu! Koko-Čos ude manaqar derkede aǰu, setkikseniyen kelelen atuqai!» keen ǰarliq bolba. Okodai-tur Iluke Dekai qoyar-i tušiba. Tolui-tur Jedai, Bala qoyar-i tušiba. Qasar-tur Jebke-i tušiba. Alčidai-tur Čaurqai-i tušiba.

§ 244. Qoanqotadai Muŋlik-ečike-in kout doloan buleai. Doloano dundadu Kokoču Teb-Teŋkeri bulee. Tede doloan Qoanqotan Qasar-i omereǰu ǰančiǰuui. Qasar, doloan Qoandotan-a omereǰu ǰančiqdaa, keen, Čiŋkis-qaan-a sokoduesu, Čiŋkis-qaqan busut-tur kiliŋlaǰu aqui-dunda keleleku bolun, Čiŋkis-qaqan kiliŋ-duriyen Qasar-i ukulerun: «Amitu-da ulu ilaqdaqu-ača bulee či! Ker ilaqdaa či?» keekdeǰu, Qasar nilbusu aldaat bosču yorčiǰu, Qasar mauilaǰu, qurban udur ese irebe. Tende Teb-Teŋkeri Čiŋkis-

qaan-a uḱulerun: «Muŋke Teŋḱeri-in ǰarliq qan ǰaarit uḱulemu: Nikante Temuǰin ulus barituqai! keemu. Nikante Qasari keemu. Qasar-i ese neŋdeesu, medee uḱai bi ǰe!» keekdeǰu, Činḱis-qaqan mun sueni morilaǰu, Qasari barira oduasu, Kuču Kokoču qoyar Qasari barira otba, keen ekede ǰaaǰuu. Eke medeet, sueni boet udaaran čaqaan temeen kolǰu, qarautai terḱetai sueni-de dulin yorčiǰu, naran urququi-lua ḱuruesu, Činḱis-qaqan Qasarun qančut huyaǰu, maqalai buse ino abču, uḱe ino asaqun bukui-tur eke-de ḱurteǰu, Činḱis-qaqan ḱeyekču(?) eke-deče emieba. Eke aurlaǰu ḱurču, terḱeneče baouat, eke oesun Qasarun huyaqsat qančut dalǰu (tailǰu) talbiat, maqalai buse ino Qasar-a okču, eke kiliŋlaǰu auriyan darun yadan, ǰabilan sauǰu, qoyar kokodiyen qarqaǰu, qoyar ebuduk deḱeun bisariylǰu uḱulerun: «Uǰebe yu? Kokoen kokan tano ene bi! Ede qadalun daun, qarbisuan qaǰaqsat, kui-iyen tasuluqsat! Qasar yekibe? Temuǰin ene nikan koko mino baraqu bulee. Qačiun, Otčiqin qoyaula bolǰu nikan koko ulu baraqu bulee. Qasar burun, buri kokot mino baraǰu, čecǰi mino aui boltala amurliulǰu, čeeǰi aui bolqaqu bulee. Teuber erdentu Temuǰin mino — čeeǰi erdentu. Qasar mino — qabu ḱuču erdentu tula,

Qarbučaǰu qaruqsan-i
Qarbuǰu oroulqu bulee.
Oqǰatču qaruqsan-i
Hontosaǰu oroulqu bulee.

Edoe, daisun ḱuun-i muqutqaba keeǰu, Qasar-i uǰen yadamui ta!» keeba. Eke-i amurliulun baraǰu, Činḱis-qaqan uḱulerun: «Eke-i qiliŋlaqdaǰu,

Ayun ba ayuba,
Hičen ba hičeba bi!»

ḱeeǰu: Ičuya bida! keeǰu ičuba. Eke-de ulu medeulun, ečineun Qasar-un irḱe ino abču, Qasar-a miŋqan dorben ǰaut irḱe okba. Eke medeǰu, teresetkil-tur otor dotoleksen yosun teimu. J̌alairtai J̌ebke tende qulaǰiǰu Barquǰin oroan buruutba.

§ 245. Teuno qoina yesun ḱeleten irḱen Teb-Teŋḱeri-tur quriǰu, Činḱis-qaqano kilue-deče oloan Teb-Teŋḱeri-tur quriqun bolba. Tein quriqui-tur, Temuḱe-Otčiqino qariyatan irḱen Teb-Teŋḱeri-tur otčuui. Otčiqin-Noyan oduqsan irḱe-ben quira Soqor neretu elči-en ileǰuui. Teb-Teŋḱeri Soqor elči-de uḱulerun: «Otčiqin ta ǰirin elčiten bolǰuui! keeǰu, Soqor elčin ino ašiqiǰu, yabuqan, emeel ino urḱeǰu qariulǰuui. Otčiqin Soqor elčin ačiqiǰu yabuqan ilekdeǰu, manaqarši Otčiqin oesun Teb-Teŋḱeri-tur otču uḱulerun: «Soqor elči-en ileesu, ašiqiǰu yabuqan ileǰuui. Edoe bi irḱe-ben quira

ireba!» keekdeǰu, doloan Qoaɒqotan Otčiqin-i endeče tendeče qaaǰu: «Soqor elčin-iyen ileku čino ǰob bi?» keeǰu, bariqu-ača tusqu-ača kikderun ayüǰu, Otčiqin-Noyan ukulerun: «Elči ileku minoai burμu!» keeǰuui. Doloan Qoaɒqotan ukulerun: «Buruu boesu, namančilan sokot!»-keeǰu Teb-Teɒkeri-in qoinača soketkeǰuui. Irke-ben ba ese okteǰu, Otčiqin manaqarši erte Čiɒkis-qaqan-i bosuai-uduu-e oroan dotora bukui-tur oroǰu, uilaat soketču ukulerun: «Yesun keleten irken Teb-Teɒkeri-tur čiuldaǰu, nada qariyatan irke-ben Teb-Teɒkeri-deče quyüra Soqor neretu elči ilelue. Soqor elči-i mino ašiqiǰu yabuqan emeel urkeǰu ilekdeǰu, bi oesun quyüra oduasu, doloan Qoaɒqotan-a endeče tendeče qaaǰu namančilaulǰu, Teb-Teɒkeri-in qoinača soketkeuldeba!» keeet uilaba. Čiɒkis-qaqan-i duɒqaduai uduu-e, Borte-uǰin oroan dotora oɒdeiǰu sauǰu, koanǰile-iyen ǰaqa-bar ebčeu-ben tuitču, Otčiqin-o uilaqu-i uǰeǰu, nilbusu aldaat ukulerun: «Yekikset Qoaɒqotan tede! Očiken Qasar-i omoreǰu ǰančiǰuku buleai. Edoe basa ene Otčiqin-i yekin qoinačaan soketkemui? Yanbar yosun bolumu? Bel ede čikot narat metus deuner-i čino ein oisulaldumui! Unen-ber mona qoina —

Neule metu beye čino
Nekus-oduasu,
Netkel metu ulus čino
Ken-e medeulkun tede?
Tulu(qa) metu beye čino
Tulbas-oduasu,
Tüel metu ulus čino
Ken-e medeulkun tede?

Čikot narat metu deuner-i čino ein üsutkun haran, mino qurban-dorben učuket maoun mandutula mino, yau medeulkun tede? Yekikset Qoaɒqotan buleai? Tede deuner-iyen teden-e tein kiulǰu ker uǰeǰu amu či?» keeet, Borte-uǰin nilbusun aldaba. Borte-uǰino ene uke-tur Čiɒkis-qaqan Otčiqin-a ukulerun: «Teb-Teɒkeri edoe ireku. Čidaqui-ača kerba uiletduesu či mede!» keeba. Teun-tur Otčiqin bosuat, nilbusuan arčiat qarču, qurban bokos-i beletču baiba. Qurumut atala Muɒlik-ečike doloan kout-lue-ben ireǰu, doloan buri oroǰu, Teb-Teɒkeri tusurke-in baraun eteet sauqui-lua, Otčiqin Teb-Teɒkeri-in ǰaqa ino bariǰu: «Očiken udur nama-i namančilan bulee či. Sorilduya!» keeǰu, ǰaqa ino bariǰu, euden ǰuk ireba. Teb-Teɒkeri Otčiqino eserku ǰaqa bariǰu barilduba. Teb-Teɒkeri-in maqalai, barilduqui-tur, qolu(m)ta teriun-e unaba. Muɒlik-ečike maqalai ino abču hunosču eburturiyen talbiba. Čiɒkis-qaqan ukulerun: «Qarču boko kuču temečeldutkun!»

keeba. Otčiqin Teb-Tenkeri-i čirču qarurun, eude bosoqa ǰaura, urida beleduksen qurban bokos eserku Teb-Tenkeri-i bariat čirču qarču, niruu ino ququlǰu, ǰaoun etekedun terkedun uǰuur-e oorču; Otčiqin oroǰu ukulerun: «Teb-Tenkeri nama-i namančilan bulee. Sorilduya keeesu, ulu bolun arqalaǰu kebtemu. Čaqtu nokor aǰuu!» keeesu, Munlik-ečike uqaǰu, nilbusu aldaat ukulerun:

«Dair Etuken-i
Danlasun-o tedui bukui-ece,
Dalai muren-i
Qoroqon-o tedui bukui-eče

nokočeba bi!» keekui-lue ǰirqoan Qoanqotan kout ino euden bosoǰu, qolumta toorin baiǰu, qančudiyan šimaliqaqdarun, Činkis-qaqan, kerelǰu šiqaqdaǰu: «Jaila, qaruya!» keeet qarqu-lua, Činkis-qaan-i horčin qorčin turqaut toorin baiba. Teb-Tenkeri-i terkedun uǰuur-e niruu ququlǰu oruqsan-i Činkisqaqan uǰeǰu qoituul-ača nikan boro qošiliq abčiraulǰu, Teb-Tenkeri-in deere ino talbiulǰu: «Kolke oroulutqun, nouya!» keeǰu, tendeče nouuba.

§ 246. Teb-i talbiqsan qošiliqun eruke tul(k)iǰu, euden daruǰu hara saqiuluasu, qutuar sueni, udur šira-da, ker-un eruke neeǰu beye selte qarcuu. Bolqaasu maqat teb ino tende bolqaqdaba. Činkis-qaqan ukulerun: «Teb-Tenkeri deunertur mino qar kol kurkeksen-o tula, deuner-un mino ǰaura oro ukai ulququ (ǰinkuku ~ yenkeku)-in tula Tenkeri-de ese taalaqdaǰu, ami-yan beye selte abču otba ǰe!» keeba. Činkis-qaqan Munlikečike-i tende dunqadurun: «Kouduen aburi ulu itqan, denkečen setkikun bolun, Teb-Tenkeri-in teriun-tur kurba ta! Tano teimu aburi uqaqsan boesu, Jamuqa, Altan, Qučar tan-o bolqaqdaqun buleai ta!» keeǰu, Munlik-ečike-i dunqatču, dunqadun baraǰu, ǰiči:

«Manaqaru ukuleksen-i
Udeǰi hudaruasn;
Ude-in ukuleksen-i
Manaqar hudaruasu,
Hičele maqa keekdeku-ele!

Urida uke baraqdalua. Je, teli!» keen soyürqaǰu ǰiči ǰaliraba: «Alus aburiyan tataqsan boesu, Munlik-ečike-in uruq-tur ken denkečekun buleai!» keeba. Teb-Tenkeri ukai bolqaat, Qoanqotan čirai ǰibturaǰuui ǰe.

XI

§ 247. Teuno qoina Činkis-qaqan Qonin jil Qitat-irken-tur morilaba. Fu-jou-i abču Huneken daba-ar dabaju, Süan-de-fu-i abču, Jebe Kuikunek-Baatur qoyar-i manlai ileba. Čabčiyal kurču, Čabčiyal dabaan-i bekilekdeju, tende Jebe ukulerun: «Ani uduju kodolkeju ireulun tende soriya!» keeju qariba. Qariqdaju Qitad-un čeriut nekeya! keen jolke aula butetele nekeju aiši, Süandefu-in qošiun-a kurču, Jebe qoinaqši hurban tataju dobtulju sundurču aisuqun dain-i daruba. Činkis-qaqan qol čerik daručaju, Qitad-i kodolkeju, Qara-Qitadun, Jurčedun Juino erekun omoqun čeriudi daruju, Čabčiyal-a kurtele hunjiu baitala qiduju, Čabčiyalun qaalqa Jebe abču dabaat, buliju dabaju, Činkis-qaqan Šira-dek-tur baouba. Jundu-i eereju qotot-qotot bala-qat-tur čeriut ileju eereulba. Jebe-i Dunčan balaqasun eereulun ileba. Dunčan balaqasun-tur kurču eereju, abun yadaju qariju jirqoan qonoq qajar-a kurču, kenetkeju jiči qarin tataat, qar kotoltan sueni dulikeju, kenet bukui-tur kurču, Dunčan balaqasu abuai.

§ 248. Jebe Dunčan balqasun-i abču qariju ireju, Činkis-qaqan tur neileba. Djundu-i eerekderun, Altan-qano Yeke Noyan Vanqin-činsan Altan-qana duratqarun: «Tenkeri Qajarun jayaan caq, Yeke Oro yeutkekui čaq-uu kurba? Monqol maši kučuteye ireju, bidano erekun omoqun Qara-Qitadun Jurčedun, Juino erkit čeriudi bureltele qidujuui. Itekeltu Čabčiyal-i ber buliju abčuui. Edoe bida basa čeriut jasaju qarqaasu, basa Monqol-a daruqdaasu qalaar balaqat balaqat-duriyan butaraqun tede. Jiči bidan-a qurauluasu ulu bolun, bidan-tur daisun bolju, ulu nokočekun tede. Altan-qan soyürqaasu Monqolun qan-tur edoet-tur elsen eyetuye! Eye-tur oroju Monqoli ičuasu, ičuqaqsan-o qoina basa busu setkil bida tende eyetuldut je. Monqolun ba ere aqta qajar heušieju kolčirkemui, keekde-mui. Qana ino oki okuya, altan-munkun aurasut-et čerik kuun-e kundute qarqaju okuya! Ene eye-tur mano oroqu uluu-i ker medeku?» Keen durat-qaasu, Altan-qan Vanqin-činsanun ene uke jobšieju: Ein boet boltuqai! keen elsen, Činkis-qaqan-a Kunju neretai oki qarqaju, altan-munqun aurasun et tabar čerikun kuune kučune medeulun daaqui-ača Jundu-ača qarqaju, Činkis-qaqan-tur Vanqin-činsan kurkeju ileba. Elsen ilekdeju, Činkis-qaqan eye-tur ano oroju qotat qotat-tur eeret baouqsat čeriudi qariulju ičuba. Vanqin-činsan Mojou-Fujou neretu qošiun-a kurtele Činkis-qaqan-i hudeju qariba. Aursun-et bidano čeriut daaqui-ača ačiju kibuudiyar ačia-ban tataju yabuba.

§ 249. Tere morilaqsaar Qašin-irken-tur yorčiba. Joriju kuruasu, Qašin-irkeno Burqan elsen: Baraun qar čino bolju, kuču oksu keen, Čaqa neretai oki Činkis-qaan-a qarqaju okba. Basa Burqan ukulerun: «Činkis-qaano

nere aldar sonosču ayüju alaai ba. Edoe Suldertu Beye Čino kurču irekdeju, Sulder-eče ayüba. Ayüju, ba, Taɒqut-irken, baraun qar Čino bolju kuču oksü!» keeba. «Kuču okurun,

Nunji nuntuqtan,
Noduksen balqasutan

bi je. Nokočeju,

Qurdun aya ayalaqui-tur,
Qurča bulqa bulqalduqui-tur,
Qurdun aya-tur
Kuyičen je yadamui je,
Qurča bulqa-tur
Bulqaldun je yadamui je ba!

Čiɒkis-qaan-a, soyürqaasu, ba Taɒu-irken

Undur deresun nemurete oskeju
Oloan temeet qarqaju
Qa bolqaju oksu!
Ormeke nekeju, aurasun bolkaju oksu!
Oorqu šibaoun surqaju quraulju
Saidi ino kurkeulun asuqai!»

keen očibo. Ukuleju uke-duriyen kurun, Taɒut irken-eceen temeet qubčiju, taoun yadatala abčiraju okba.

§ 250. Čiɒkis-qaqan tere morilaqsan-tur Qitat-irken-o Altan-qaan-i elseulju, oloan aursun abču, Qašin-irkeno Burqan-ni elseulju, oloan temeet abču, Čiɒkis-qaqan Qonin jil tere morilaqsan-tur Qitat-irkeno Aqutai neretu Altan-qan-i elseulju, Taɒut-irken-o Ilaqu-Burqan-ni elseulju qariju, Saari-keer baouba.

§ 251. Basa teuno qoina Jao-qoan-tur elsen ilekset Jubqan teriuten oloan elčiniyan Qitat-irkeno Altan-qaan-a jetkukdeju, Čiɒkis-qaqan Noqai jil Qitat-irken-tur basa morilaba. «Elsen baraju, Jao-qoan-tur ilekset elčin-i yekin jetkun buleai?» keen morilarun, Čiɒkis-qaqan Tuɒqoan amasar joriju, Jebe-i Čabčiyaliyar bolqaba. Čiɒkis-qaan-i Tuɒqoan amasariyar bolba keen Altan-qan medeju, Ile, Qada, Hobeketur-i qurban-i čeriut medeulju, čerik bokleju, Hulaan-dekilen-i maɒlailan jasaju, Tuɒqoan amasar-i temečen dabaa bu dabaulutqun! keen, Ile, Qada, Hobeketur qurban-i čeriut qurduilan ilejuui. Tuɒqoan amasar-i kuruesu, Qitadun čeriut qajar keen daaju ireba. Čiɒkis-qaqan Ile, Qada, Hobeketur qurban-lua bailduju,

Ile, Qada-i k̇odolk̇eba. Tolui Čuq̇u-k̇urik̇en qoyar koandelen-eče dobtulǰu, Hulaan-dek̇eleni ičuaǰu k̇urču, Ile Qada-i k̇odolk̇eǰu daruǰu, Qitad-i hunǰiu baitala qiduba. Qitat čeriudiyen qiduǰu baraqdaba! keen Altan-qan medeǰu, J̌uŋdu-dača q̇arču buruudun, Nan-k̇iŋ balaq̇asu oroǰuui. Hulekset čeriut ano turuǰu ukurun, oer ǰaura k̇uun-o miqa ideldujuui. Tolui, Čuq̇u-k̇urik̇en qoyar saitur uiletbe! keen, Čiŋk̇is-qaqan Tolui Čuq̇u k̇urik̇en qoyar-i maši soyürqaba.

§ 252. Čiŋk̇is-qaq̇an Qosivu-i baouat, J̌uŋdu-in Šira-keer baouba. J̌ebe Čabčiyal-un qalq̇a ebdeǰu, Čabčiyal-i bariqsat čeriudi k̇odolk̇eǰu, ireǰu Čiŋk̇is-qaq̇an-tur neilebe. Altan-qan J̌uŋdu-dača q̇arurun, J̌uŋdu dotora Qada-i Liu-šou bolq̇an tušiǰu oduqsan aǰuu. Čiŋk̇is-qaq̇an J̌uŋdu-in altan-muŋk̇un et aurasun yauke ino toolaulurun, Oŋk̇ur-baourči, Arqai-Qasar, Šiq̇i-Qutuqu q̇urban-i ileba. Ede q̇urban-i aisai keen, Qada eserk̇u uqtun, altatai hartai aursu bariat, J̌uŋdu dotoroča q̇arču eserk̇u ireba. Qada-da Šiq̇i-Qutuqu uk̇ulerun: «Urida ene J̌uŋdu-in et, mun J̌uŋdu Altan-qanoai aǰuu ǰe. Edoe J̌uŋdu Čiŋk̇is-qaqanoai bi ǰe. Čiŋk̇is-qaano et aurasu ečineun yekin qulaqču abčiraǰu ok̇umu či? Bi ulu abqu!» keeǰu, Šiq̇i-Qutuqu ese abua. Oŋk̇ur-baourči Arqai qoyar abuba. Ede q̇urban J̌uŋdu-in yauke toolaǰu ireba. Tende Čiŋk̇is-qaq̇an Oŋk̇ur, Arqai, Qutuqu qurban-ača: Qada yau okba? keen asaqba. Šiq̇i-Qutuqu uk̇ulerun: «Altatai hartai aurasu abčiraǰu ok̇ulue. Bi uk̇ulerun: Urida ene J̌uŋdu Altan-qaanoai aǰuu ǰe. Edoe Čiŋkis-qaanoai bolba ǰe. Či, Qada, Čiŋk̇is-qaanoai bolba ǰe. Či, Qada, Čiŋk̇is-qaano et ečineun qulaqču yekin ok̇umu či? keeǰu, bi ese abuba. Oŋk̇ur Alqai qoyar ok̇uksed-i ino abulaa!» keeba. Čiŋk̇is-qaq̇an tende Oŋk̇ur Arqai qoyar-i maši duŋqatba. Šiq̇i-Qutuqu-i: «Yeke Yosu setkiǰuui či!» keen maši soyürqaǰu:

«Uǰeku-in mino nidun,
Sonosqu-in mino čikin

bolǰu uluu aqu či?» keen ǰarliq bolba.

§ 253. Altan-qan Nan-k̇iŋ oroǰu oerien elsen murk̇uǰu, Teŋkeri neretu kou-ben ǰaun nokottu-i Čiŋk̇is-qaqan-tur boltuq̇ai keen ileǰu, imada elsekdeǰu, Čiŋk̇is-qaq̇an ičuya keen Čabčiyal-iyar tende ičurun, Qasar-i ǰaoun q̇arun čeriudiyer dalai k̇iǰin ilerun, Bei-k̇iŋ balaq̇asun-i elseulǰu, činana J̌určedun Fuqano-i daarin otču, Fuqano bulqa setkiesu qaulutqun! Elseesu ino, q̇iǰiar balaqat ano daarin Ula Nau muret k̇iǰin otču, Taour-muren oede dabaǰu, Yeke Auruq-tur neilen iretkun! keeǰu ileba. Qasar-lua Noyadača J̌určedai, Alči, Tolun-čerbi q̇urban-i ilelduba. Qasar Beik̇iŋ bala-q̇asun oroulǰu, J̌určedun Fuqano-i elseulǰu, mor-e bukun balaqasun-i oroulua t, Qasar Taour-muren oede ireǰu, Auruq-tur baouǰu ireba.

§ 254. Teuno qoina Čiŋkis-qaqan Sartaul-irken-e Uquna teriuten jaun elčiniyen jetkuju alaqdaju, Čiŋkis-qaqan ukulerun: «Altan arqamjiyan Sartaul-irken-e ker tasuldan buleai?» keen; Uquna teriuten jaun elčin-iyen osuel osuen, kisal kisan, Sartaul-irken-tur morilaya! keen, morilaquitur, tende Yesui-qatun Čiŋkis-qaan-a duratqan očirun: «Qaqan

Undur dabaa dabaan,
Orken muret ketulun
Urtu čaur čaurun,
Oloan ulus-ien
Jibšiyerun setkiba.

Toreksen ele amitan-tur muŋke ukai ajuu!

Neul-e metu Beye čino
Nekus-oduasu,
Netkel metu ulus-iyan
Ken-e kemu?
Tulu metu Beye čino
Tulbas-oduasu,
Tuyal metu Ulus-iyan
Ken-e kemu?

Toreksen dorben küluut kouduen ken-i ino keemu? Kout-te, deuner-e, oloan qaračus-a, mana ber maoun-a uqaju aquya duratqaqsan bolba. Jarliq medetukei!» Keen očiesu, Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Qadun ber kuun boesu, Yesuyin uke job-eče job! Ket ber, deuner, kout, ta ber Boorču Muqali tan ein ese duratqaba! Bi ber

Uridus-i ulu udaaraqui-aca
Umartaju ajuu.
Ukuleŋ-e ulu erustekui-eče
Untaraju ajuu!»

keeet: «Koudun mino aqa Joči bi je. Yau keemu? Či kelele!» keeba. Joči-i dunqatqu-in urida Čaadai ukulerun «Joči-i: kelele! keerun, Joči-yuu tušin ukulemui? Ene Merkidai čuloul jaura ker medeulkun bida?» keekui-lua Joči bosuat, Čaadai-in jaqa-tur tusču, ukulerun: «Qan Ečike-de busu ese keekdelue či! Nama-i ker ilqamui? Yanbar erdemiyer hüleu či? Qaqča kečaouberiyen maqa hüleu-ele či! Hontusaju čimada qartaasu, herekai-en hoqtolju oorusuqai! Abalduju čimada ilaqdaasu, unaqsan qajar-ača bu bossuqai! Qanečike-in jarliq medetukai!» keeba. Joči, Čaadai qoyar jaqača barilduju bain

bukui-tur, J̌oči-in q̇arača Boorču tataǰu, Čaadai-in q̇arača Muqali tataǰu bukui-tur, Čiŋk̇is-qaq̇an sin (sem) saun bi. Tende Koko-Cos ǰaoun eteet baiǰu uk̇ulerun: «Čaadai, yekin yaarayu či? Qan-ečik̇e čino koudun dotora čimadača ereǰu bulee! Tani torek̇u-in urida

Hodutai Teŋk̇eri
Horčiǰu bulee.
Oloan ulus bulqa bulee.
Oroan-duriyen ulu oroan
Olǰalaldun bulee.
Korisutai Etuk̇en
Korbeǰu bulee.
K̇ur ulus bulqa bulee.
Koanǰile-deen ulu k̇ebten,
Koruleldun bulee.
Teimu čaq-tur
K̇useǰu ese yabuba ǰe.
K̇urulčekui-tur bolba ǰe.
Buruutču ese yabuba,
Bulqalduqui-tur bolba ǰe.
Amaraǰu ese yabuba ǰe,
Alalduqui-tur bolba ǰe.
Boqda Qadun, Eke-yüen,
Tosun duran qorouǰu,
Sün ǰuruk̇en eedeulǰu
Uk̇ulemui či!
Buleen-eče bulet
Mun keeli-deče
Eseu toreleai ta?
Qalaun-ača qalat
Qaqča qaqunaq-ača
Eseu q̇arulaa ta?
J̌urk̇eneče toreksen Eke-yüen
Čimatqaasu,
Činar ino ǰekirču,
J̌alirauluasu ulu boli!
Keeli-deče toreksen Eke-yüen
K̇emuliuluasu,
K̇enoer ino

K̇esk̇eesu ulu boli!
Qan-ečik̇e tano
Qamuq ulus-i bayiulurun,
Qara teriu-ben qantuqalaǰu,
Qara čisu-ban nanbuqalaǰu,
Qara nidun-ben hirmes ulu kin
Qabtaqai čik̇i-ben dere tur ulu talbin,
Qanču-ban dereleǰu,
Qormai-ban debusču,
Šilusuniyan undalaǰu,
Sik̇i-en qonaqlaǰu;
Maŋlai-in kolesun —
Ula-tur k̇urtele,
Ula-in kolesun,
Maŋlai-tur q̇artala,
Olomlen kičien yabuqui-čaq-tur,
Eke tano qantubar ǰoboldurun:
Horaitala boqtalaǰu,
Hooǰitala buseleǰu,
Niitaitala boqtalaǰu,
Niduratala buseleǰu,
Taniyan osk̇erun:
J̌alq̇iqui ǰaura
J̌arim-iyan okču;
Qoolai-iyan qučiǰu,
Qotolai-iyan okču,
Qoosun yabuqui buleai.
Ek̇em-eče tano tataǰu
Ere-lue sačaun
Ken-e (ker) bolq̇aqu?
K̇uǰuun-eče tano tataǰu,
K̇uun-lue sačaun
Ken-e (ker) bolq̇aqu? keeǰu,
Bui tano arilq̇aǰu,
Burbi tano erk̇uulǰu,
Ere-in ek̇em-tur,
Aqta-in q̇arqan-tur
K̇urk̇eǰu, edoe tanoan
Sai u̇ǰesu! keen,

Setkiju eseu amui?
Boqta Qatun bidano
Naran metu kekeen,
Naur metu delker setkiltu bulee!»

keeba.

§ 255. Tendeče Čiɒkis-qaqan ukulerun: «Joči-i yekin tein keemui ta? Koud-un Mino aqa Joči ulu-u bi? Qoina tein bu keetkun!» keen jarliq bolba. Ene uke-tur Čaadai mučiljeju ukulerun: «Joči-in kučutu-i erdemun qariu ulu ukulen,

Amaar alaqsan
Ačiasu ulu boli,
Ukeer ukuuluksen
Ubčiesu ulu boli!
Koudun aqa
Joči ba qoyar bi je.
Qan-ečike-de
Qolbaran kuču oksu!
Daldariqsan-iyan
Dalbaru čabčildusu!
Qojidaqsan-iyan, borbiniyan
Qiɒquru čabčildusu!
Okodai-lu oruk bi,
Okodai-i keelduye!
Okodai Qan-ečike derkede aju,
Baraa Yeke Maqalain
Baoliya taniuluasu bolu je!»

keeba. Ene uke tur Čiɒkis-qaqan ukulerun: «Joči yau keemu? Kelele!» keeba. Joči ukulerun:

«Čaadai-lu ukuleba!
Čaadai ba qoyar
Qolbaaran kuču oksu!
Okodai-i keelduye!»

keeba. Čiɒkis-qaqan jarliq bolurun:

«Qolbaaratala yaun bi?
Otoken Eke aui bi,
Muret-usut oloan bi!

Salqu(m) šitu nuntuq aut kin
Qari daruulun salqaya! keeet,
Joči, Čaadai qoyar
Ukes-tur-iyen kurulčetkun,
Irken-e bu inieulutkun,
Haran-a bu qabqariulutqun!
Erte Altan Qučar qoyar
Ene metu uke baraldu̯ju,
Jiči ukes-tur-iyen
Ulu kurku-in tula,
Ker kikdeluai?
Yanbar bolqaqdaluai?
Edoe Altan Qučar
Qoyar-un uruud-ača
Tan-lua salqalduya.
Teden-i ujeju,
Yau osoldaqun ta?»

Keeet: «Okodai, yau keemu? Kelele!» keeba. Okodai ukulerun:

«Qaqan ečee soyürqaju,
Ukule keekdeesu,
Yau-ban ukuleku bi?
Ulu čidaqu keen ker ukuleku?
Čidaqui bar qatau̯čisuqai-ku!
Keemuje. Monaqoina maqa
Uruq-tur mino:
Olaŋ-tur qučiasu
Huker-e ulu idekdeku,
Oukun-tur qučiasu,
Noqaya ulu idekdeku toreesu,
Qandaqai ketus
Qulaqana sores aldaquyu-u?
Edui-yuen lu keemu!
Busu yau ukuleku bi?»

keeba. Ene uke-tur Čiŋkis-qaqan jarliq bolurun: «Okodai eimun ukes ukuleku boesu bolu je!» keeba. Basa: «Tolui, yau keemu? Kelele!» keeba. Tolui ukulerun: «Bi

Qaqan-Ečike-in nereiduksen
Aqayüan derkede aǰu,
Umartaqsan-i duratqaǰu,
Untaraqsan-i seriulǰu,
J̌e-in nokor, ǰeerde-in minaa bolǰu,
J̌e-deče ulu qoǰidan,
J̌erke-deče ulu čolaitan,
Urtu čaur čauraǰu,
Oqor bolqa bolqaǰu oksu!»

keen ukuleesu, Čiǝkis-qaqan ǰobšien ǰarliq bolurun:

«Qasar-un uruq
Nikan-nien medeul!
Alčidain uruq
Nikan-nien medeul!
Otčiqin-no uruq
Nikan-nien medeul!
Belkutai-in uruq
Nikenien medeul!
Tein setkiǰu, Mino uruqi
Niken-i medeulǰu,
Mino ǰarliq busu ulu bolqan
Ese hutaruasu,
Ulu endekun,
Ulu aldaqun ta!
Okodai-in uruqi:
Olaǝ-tur qučiasu
Huker-e ulu idekdeku,
Oukun-tur qučiasu,
Noqaya ulu idekdeku toreesu,
Mino uruq-tur niken-ou
Sain ulu toreku aǰuu?»

keen ǰarliq bolba.

§ 256. Čiǝkis-qaqan morilarun, Taǝuut-irkeno Burqan-tur elčin ilerun: «Baraun qar čino bolsu, keeluai či! Sartaul-irkeni altan arqamǰi-ben tasuldaǰu, olulčan morilaba bi. Baraun qar bolun morila!» keeǰu ileesu, Burqan-ni duǝqaduai uduuya urida Aša-Kanbu ukulerun: «Kuču yadan boetele Qan boltala yaun?» keeǰu, čerik ulu nemen, yeke uke ukuleǰu

ilejuui. Tende Činkis-qaqan ukulerun: «Aša-Kanbu-de ker ein ukulekden buleai?» keen: «Arqača an-dur boet kelbes-joriju ireesu, yau berketu buleai? Oere maqa kuun-tur joriju bukui-tur, je teli! Munke Tenkeri-de iheekdeesu, Altan jiloa batuda tataju ireesu, tende maqa boltuqai, teli!» keeju;

§ 257. Taolai jil Sartaul-irken-tur Araiyar daban morilarun, Činkis-qaqan qatun-ača Qulan-qatun-i abun ayalarun, deuner-eče Otčiqin-Noyan-i Yeke Auruq-tur tušiju morilaba. Jebe-i manlai ileba. Jebe-in kejike Subeetai-i ileba. — Subeetai-in, kejike Toqučar-i ileba. Ede qurbani ilerun: «Qadaun otču, Sultano činana qarču, bidani kurkeulun qansatqun!» keeju ileba. Jebe, tere otču, Qan-Melik-kun balaqat daariju, ulu koanden, qadaun nokčijuu. Teuno qoinača Subeetai, mun yosuar ulu koanden nokčijuu. Teuno qoinača Toqučar, Qan-Melikun qijiar balaqat qaulju, tariyajini ino daulijuui. Qan-Melik, balaqadiyan qauldaa, keen, daijin kodolju, Jalaldin-Soltan, Qan-Melik qoyar Činkis-qaano eserku morilajuui. Činkis-qaano urida Šiqi-Qutuqu manlai yabujuui. Šiqi-Qutuqu-lua bailduju, Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar Šiqi-Qutuqu-i daruju, Činkis-qaqan-tur kurtele daruju aisuqui-tur, Jebe, Subeetai Toqučar qurban Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyarun qoinača oroju, jiči ani daruju qiduat, Buqar, Semiskyab, Otarar balaqasun-tur ani ulu neileulun daruju Šin-muren-e kurtele huldeju yabugdarun, Šin-muren-tur čub-tusču oroqun bolun, oloan Sartauliyan tende Šin-muren-tur süeba je. Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyar amiyan qoroqun Šin-muren oede tutaaba. Činkis-qaqan Šin-muren oede yorčiju Batkesen-i daoliju otču, Eke-qoroqan Keun-qoroqan kurču Baruan-keeri baouju, Jaliyartai Bala-i Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari nekeulun ileju, Jebe Subeetai qoyari maši soyürqaju: «Jebe, či Jirqoadai neretu bulee. Taičuudača ireju Jebe bolba je či! Toqučari Qan-Melikun qijaar balaqat oerun duraar qaulju, Qan-Meliki daijiulba, jasaq bolqan mokoriuluya!» keen baraju, jiči ulu mokoriulun maši dunqatču, čerik medeku-eče ereulju baoulba.

§ 258. Tedui Činkis-qaqan Baruan-keer-eče qariju, Joči, Čaadai, Okodai qurban koudi baraun qarun čeriudiyer Amui-muren ketulju, Urunkeči balaqasu baoutqun! keen ilebe. Tolui-i Ilu Isebur teriuten oloan balaqat baoutqun! keen ilebe. Činkis-qaqan oesun Otarar balaqasu baouba. Joči, Čaadai Okodai qurban kout očiju ilerun: «Čeriut mano bukutba. Urunkeči balaqasu kurba. Kenoen ukeer yabuqun ba?» keen očiju ileesu, Činkis-qaqan jarliq bolurun: «Okodai-yüen ukeer yabutqun!» keeju ileba.

§ 259. Tedui Činkis-qaqan Otarar balaqasu oroulju, Otarar balaqasunača kodolju, Semiskyab balaqasu baouba. Semiskyab-balaqasun-ača kodolju, Buqar balaqasu baouba. Tende Činkis-qaqan Bala-i kuličen Altan-qoroqono niriun Soltano jusalan jusaju, Tolui-tur elčin ileba: «Hoan qalaun

bolba. Busut čeriut baout je. Či Bidan-tur neile!» keeju ileesu, Tolui Ilu, Isebur tan balaqat abču, Sisten balaqasu ebdeju, Čuq-čeren balaqasu ebden bukui-tur, elčin ene kelen kurkeesu, Tolui Čuq-ceren balaqasu ebdeet, qarin baouju ireet, Čiɒkis-qaqan-tur neileba.

§ 260. Joči Čaadai Okodai qurban kout Oruɒkeči balaqasu oroulju, qurbaula balaqat irken qubiyalduju, Čiɒkis-qaana qubi ese qarqajuu. Ede qurban kout baouju ireesu, Čiɒkis-qaqan Joči Čaadai Okodai qurban koudi čimatču, qurban udur ese auljaulba. Tende Boorču, Muqali, Šiqi-Qutuqu qurban očirun: «Očin-meljen aqsat — Sartaul-irkeno Soltani — doroitdaulju, balaqat irke ano abuai bida! Qubiyaju abdaqu Oruɒkeči balaqasun, qubiyalduju abqun kout — bukude Čiɒkis-qaanoai bi. Teɒkeri Qajar-a kuču nemekdeju, Sartaul-irkeni edui doroitdauluqsan-tur, ba oloan, ere aqta Čino, bayasču maqaiju amui! Qaan yekin ein kiliɒlaju amu? Kout buruuyan uqaju ayüba je. Qoiči-yüan surtuqai! Kout aburiyan alqasaujei! Soyürqaasu auljauluasu bolquyu?» keen očiesu, Čiɒkis-qaqan jaliraju, Joči Čaadai Okodai qurban koudi auljaulju, duɒqodurun:

Otokus ukes
Orkitču,
Qaučin ukes
Qadarču,
Baiqsan qajar-a
Baqta(n) aldatala,
Maɒlai-in kolesun
Arčin yadatala,

badarkiju, čimaliyar sueyuer duulqan bukui-dur, Qoaɒqai-qorči, Qoaɒtaqar-qorči, Sormaqan-qorči, ede qurban qorčin, Čiɒkis-qaana očirun: «Boro šibaoun baoliya-tur sai oroqu metu kout; sai edui ayalan surun bukui-tur, koudi šintalun, mene metu yekin ein dunqodumu? Kout ayüju setkiliyen alqasaujei! Naran šiɒkeku-eče urququ-da kurtele dain irken bi. Mani, Tobodut noqodiyan tukirču ileesu, dain-irkeni ba, Teɒkeri Qajar-a kuču nemekdeju, altan-munku, aurasun-tabar, irken-orqan Čimada abčirasuqai! Ali irken keeesu, ene horone Baqtat irkeno Qaliba-Soltan keeku bi keemui. Teun-tur ba ayalasuqai!» keen očiesu, Qaqan sooraju, ede ukes-tur jaliraju, Čiɒkis-qaqan jobšiyeju, jarliq bolurun, Qoaɒqai, Qoaɒtaqar, Sormaqan qurban qorčini soyürqaju, Adarqidai-Qoaɒqai, Doluɒqirdai-Qoaɒtaqar qoyari: «Mino derkede atuqai!» Otekedai-Čormaqani Baqtat-irkentur Qalibo-Soltan-tur ayalaulba.

§ 261. Basa Hindus-irken Baqtat-irken qoyarun jaura Aru maru madasari irkeno Abtu balaqasun-tur Dorbetai Dorbo-Doqšini ayalaulba.

§ 262. Basa Subeetai-Baaturi: umereši — Kanlin, Kibčaut, Bajiqit, Orosut, Majarat, Asut, Sasut, Serkesut, Kešimir, Bolar, Lalat — ede harban nikan aimaq qarin irken-tur kurtele, Idil Jayaq usutan muret ketulun, Kiwamen kermen balaqasun-tur kurtele — Subeetai-Baaturi ayalaulba.

§ 263. Basa Sartaul-irkeni abun baraju, Činkis-qaqan jarliq bolurun: Balaqat balaqat-tur Daruqačin talbiju, Urunkeči balaqasun-ača Yalawači Masqut nereten éčike kout, qoyar Qurumši oboqtan Sartaul ireju, balaqasun-o Yosu-dore Činkis-qaana ukuleju, Yosun-tur adali meden kelelekdeju, koudi ino Masqut Qurumši-i, bidano Daruqas-lua, Buqar, Semisken Urunkeči, Udan, Kisqar, Uriyan, Qusendaril teriuten balaqadi medeulun tušiju ečike-i ino Yalawači-i abčiraju, Qitadun Jundu balaqasu medeulun abčiraba. Sartaqtai kuun-neče Yalawači Masqut qoyarun balaqasuno Tore-yosun čidaqu-in tula, Qitat-irkeni medeulun Daruqas-lua tušiba.

§ 264. Sartaul-irken-tur doloan hoat yabuju, tende Jalairtai Bala-i kuličeju bukui-tur, Bala Šin-mureni ketulju, Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari Hindusun qajar-a kurtele nekeju, Jalaldin-Soltan Qan-Melik qoyari jabqaju, Hindusun qijiar irken-i daoliat, oloan temeet, oloan serkes-i abuat, irejuui. Tende Činkis-qaqan qariju, jaura Erdiši jusaju, doloduar hoan Taqiya jil namur Qara-tunna Ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere ubul ubuljeju, Tanut-irken-tur morilaya keen šini toa toulaju, Noqai jil namur Činkis-qaqan Tanut irken-tur morilaba. Qadundača Yesui-qadun-ni abču otba. Jaura ubul Arbuqa-in oloan quladi abalaasu Činkis-qaqan josotu-boro-i unoju bulee. Qulat daariju ireesu, josotu-boro urkuju, Činkis- qaan-ni morinača unaasu, mariyaban maši ebetču Čoorqat baouba. Tere sueni qonoasu, manaqar Yesui-qadun ukulerun: «Kout, Noyat keleleldutkun! Qaqan sueni mariya qalaun qonoba!» keeba. Tende Kout Noyat quraasu, Qoanqotadai Tolun-čerbi duratqan ukulerun: «Tanut-irken

Noduksen balaqasutan
Nunji nuntuq tan bi!
Noduksen balaqasu-ban
Uurču ulu otqun tede!
Nunji nuntuq-iyan keju
Ulu otqun tede!

Bida ičuǰu, Qaqan-no maraa seriuduesu, basa ǰiči morilat ǰe bida!» keeesu, burin Kout Noyat ene uke ǰobšieǰu, Činkis-qaan-a očiesu, Činkis-qaqan ukulerun: «Tanut-irken Bidan-i: ǰuruke yadaǰu qariba! keekun. Bida elčin maqa ileǰu, elčini mun ene Čoorqat-ta sobilaǰu, uke ano uqaǰu ičuasu bolu ǰe!» keeǰu, tende elčin-e dau bariulǰu ilerun: «Nidoni Burqan či ukulerun: Ba, Tanut-irken baraun qar Čino bolsu! keelue. Čimada tein keekdeǰu, Sartaul-irkene eyeduriyen ese oroqdaǰu, morilasu! Keen quyüǰu ileesu, či Burqan, uke-duriyen ulu kurun, čerik ba ulu okun, ukeer daariǰu ileǰu bulee. Oere ǰoriqsan-tur, qöina olulčasu! keen, Sartaul-irken-tur morilaǰu, Munke Tenkeri-de iheekdeesu, Sartaul-irkeni ǰuk-tur oroulǰu, edoe ireesu, Burqan-tur uke olulčasu, keen aisai!» keeǰu ileesu, Burqan ukulerun: «Daariqu uke bi ese ukulelue!» keeǰuui. Aša-Kanbu ukulerun: «Daariqu ukes bi ukulelua. Edoe ber boesu, ta Monqol qatquldua surču qatquldusu! keeesu, bi burun Alašai-nuntuq-tu

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu

biyu. Alašai ǰoriǰu, nadur iretkun! Tende qatqulduya! Altan-munkun, aurasun-tabar kerektu boesu, Eriqaya Eriǰeu-i ǰoritqun!» keeǰu ileǰuui. Ene uke-i Činkis-qaana kurkeesu, Činkid-qaqan mariya qalaun arun, ukulerun: «J̌e, teli! Eimu yeke ukuleulǰu, ker ičuqdaqui? Ukurun yeke uketur šiqan yabuya!» keeǰu: «Munke Tenkeri, Či mede!» keen, Činkis-qaqan Alašai ǰoriǰu kurču, Aša-Kanbu-lue qatqulduǰu, Aša-Kanbu-i daruǰu, Alašai deere qorqalaulǰu, Aša-Kanbu-i abču

Terme ker-tu,
Temeen ačiya-tu

irkeni ino hunesuer keistele talaulba.

«Erekun omoqun
Ere bin sait
Tanudi qiduǰu,
Eimun-teimun Tanudi
Čeriut kuun-e
Bariqsaar-oluqsaar abutqun!»

keen ǰarliq bolba.

§ 266. Činkis-qaqan časutu deere ǰusaǰu, Aša-Kanbu-lue aulalaqsat daiǰiqsat

Terme ker-ten
Temeen ačiya tan

Tanudi, čeriut ileǰu onoqsaar ulittele talaulba. Tendeče Boorču, Muqali qoyar-a soyürqarun: «Kučun-e medetele abtuqai!» keen ǰarliq bolba. Basa Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Boorču Muqali qoyar-a soyürqal okurun, Qitat irken-eče ese okulee!» keen: «Qitat-irkeno Juin-i, ta qoyar

Sačau qubiyalduǰu abutqun!
Sait Koudi ano
Šibaou-ban bariulǰu,
Daqaulǰu yabutqun!
Sait okidi ano
Oskeǰu, emes-iyen
Qormai ǰasaulutqun!

Qitat-irkeno Altan-qan-no itekelten inaut — Monqolun ebukes-ečikes-i baraqsan Qara-Qitat Juin-irken aǰuui ǰe. Edoe Mino itekelten inaut — Boorču Muqali, ta qoyar biyu ǰe!» keen ǰarliq bolba.

§ 267. Činkis-qaqan časutu-ača kodolǰu Uraqai-balaqasu baouǰu; Uraqai-balqasunača kodolǰu, Dormekai-balaqasu ebden bukui-tur, Burqan Činkis-qaqana aulǰara ireba. Tende Burqan aulǰarun altan sumes teriulen altan-munkun, ayaqa-saba yesun yesut; kout-okit yesun yesut; aqtas temeet-yesun yesut; eldebiyer yesun yesut ǰisuleǰu aulǰaqui-tur, Burqani euden buteun-a aulǰaulba. Tere aulǰaqui-tur, Činkis-qaqan dotore dura bulqaba. Qutaar udur Činkis-qaqan ǰarliq bolurun; Iluqu-Burqan-a Šidurqu nere okču Iluqu-Burqan Šidurqu-i irekdeǰu, tende Činkis-qaqan: Iluqu-i nokči-etkun! keen, Tolun-Čerbi-i: qardaǰu nokčietukai! keen ǰarliq bolba. Tende Tolun-Čerbi: Iluqu-i qardaǰu buteeba! keen očiesu, Činkis-qaqan ǰarliq bolurun: «Tanut-irken-tur uke olulčan aisuqui-tur, ǰaura Arbuqa-in qulat abalaasu, ebeduksen mariya Mino anatuqai! keen, amin beye Mino qaira-laǰu, uke duratqaqsan Tolun bi ǰe. Nokor kuuno qoroan uke-tur ileǰu, Munke Tenkeri-de kuču nemekdeǰu, qar-turiyan orouľǰu, ošien abuai ǰe Bida! Iluqu-in ene abču ireksen nouuku qarši, ayaqa-saba selte, Tolun abtuqai!» keen ǰarliq bolba.

§ 268. Tanut-irkeni daouliǰu, Iluqu-Burqani Šidurqu bolqaǰu, ima-i buteeǰu: «Tanut-irkeno eke ečike-i uruqun uruqa kurtele muquli-musquli-i ukai bolqan, idee idekui ǰaura: Muquli-musquli ukai! keen ukuulun ečitkan kelelen atqun!» keen ǰarliq bolba. Tanut-irken uke ukuleǰu, uke-tur ulu kurku-in tula, Tanut-irken-tur Činkis-qaqan nokoete ayalaǰu, Tanut-

irǩeni muqutqaǰu ireǰu, Q̇aqai ǰil Čiǝǩis-qaq̇an Teǝǩeri-tur qarba. Qaruq-san-a Yesui-qadun-na Taǝut-irǩen-eče maši okba.

§ 269. Quluq̇ana ǰil Čaadai, Batu teriuten Baraun Qarun Kout; Otčiq̇in-Noyan, Yeǩu, Yesuǝǩe turiuten J̌aoun Q̇arun Kout; Tolui teriuten Q̇ol Kout; Okit, Ǩureǩet, Tumedun Miǝq̇adun Noyat burin bolq̇aǰu, Kelureno Kodeu-aral-a ǩur-iyer quriǰu, Čiǝǩis-qaq̇an-a nereiduksen mun ǰarliq̇iyar, Oǩodai-qaq̇an-ni qan orǩuba. Čaadai aqa Oǩodai-qaqan-ni deuyüen qan erǩuǰu, Čiǝǩis-qaq̇an Ečiǩe-yüen Altan Amin saqin aqsat kebteul, qorčin, naiman miǝqat turqaut, Qan-Ečiǩe-in mino Beye čaada yabun aqsat enču tumen kešiǩten ino Čaadai-aqa Tolui qoyar Oǩodai-qan-a qan taoulba. Q̇olun Ulus-i mun yosuar taoulba.

§ 270. Oǩodai-qaq̇an oriyan qan erǩuulǰu, dotora yabuqun tumen kešikteni, Q̇olun Ulusi oer-duriyan bolqaulun baraǰu; urida Čaadai aqa-tur eyetuǰu, Čiǝǩis-qaq̇an Ečiǩe-yüen dorqut talbiqsat irǩeno, Baqtat-irǩeno, Qalibo-Soltan-tur ayalaqsan Čormaqan-qorči-in ǩeǰiǩe Oqotur Muǝǩetu qoyari ayalaulba. Basa urida Subeetai-Baaturi Kaǝlin, Kibčaut, Baǰiq̇it, Orusut, Asut, Sesut, Maǰar, Kešimir, Serǩesut, Bular, Keret-irǩen-tur ǩurtele, Adil J̌ayaq usutan muret ketulun, Meketmen, Kermen, Keibe teriuten balaqat-tur ayalaqsan Subeetai-Baatur tede irǩene berkeldukdeǰu, Subeetai-in ǩeǰiǩe Batu, Buri, Muǝǩe teriuten oloan Koudi morilaulba. Ede ayalaqsat burin Koudi Batu aqalatuq̇ai! keen ǰarliq bolba. Q̇ol-ača q̇aruqsadi Ǩuyük aqalatuq̇ai! keen ǰarliq bolba. Ede ayalaquni ulus medekun Kout kouduen-ǩu yeke kou ayalaultuq̇ai. Ulus ba ulu medekun Kout, Tumedun, Miǝq̇adun, J̌audun, Harbadun Noyat, oloan ǩuun ken ber boesu, kouduen aqa-i ayaultuq̇ai! Okit, Ǩureǩet mun yosuar kouduen-ǩu aqa-i ayaultuq̇ai! keen ǰarliq boluat, basa Oǩodai-qaq̇an uǩulerun: «Ene ba koudun aqa-i ayalaulqu yosun Čaadai-aqa-ača bolǰuu ǰe. Čaadai-aqa uǩuleǰu ilerun: Subeetai-in ǩeǰiǩe Kouduen aqa Buri-i ayalaulumu.» Koudun aqa ayalaasu, čeriǩ arbin q̇arqu. Čerik oloan boluasu, čirai deere ǩučutee yabuyu. Činadu daisun-ǩuun oloan qarin bi. Tere uǰuur-e — kečeun irǩen tede: qiliǝlaasu, oerun mese-duriyen ukukun irǩen tede! Meses qurčatan, keekdemui!» keeǰu ileǰuui. Oǩodai-qaq̇an uǩulerun: «Tere uǩe-tur Bidano ber Čaadai-aqa-in kičiaǝǩu ǩučuer Koudun aqa-i q̇arqaya! keen ǰuk-ǰuk duǝqaaǰu, Batu, Buri, Ǩuyiik, Muǝǩe teriuten Koudi ayalaulqui yosun eimu bi ǰe».

§ 271. Basa Oǩodai-qaq̇an Čaadai-aqa-tur eyetuǰu ilerun: «Čiǝǩis-qaq̇an Ečiǩe-yüen belen-tur sauba. Yanbar erdem-yer sauba? keen uǩulekdeǩu-yu bi? Čaadai-aqa-i ǰobšieesu, Qaqan-Ečiǩe Bidano Qitat-irǩeno Altan-qaq̇an-ni dorqut talbilua. Edoe bi Qitat-irǩen-tur morilasu!» keen

eyetuǰu ileesu, Čaadai-aqa ǰobšieǰu: «Yau alǰaqu (aldaqu)? Auruq-tur sain kuun tušiǰu, morilatqun! Bi endeče čeriut q̇arq̇aǰu ilesu!» keeǰu ileǰuui. Yekes Ordos-tur Oldaqar-qorči-i tušiǰu;

§ 272. Taolai ǰil Okodai-qaq̇an Qitat-irken-tur morilaǰu, Jebe-i manlai ileba. Tedui Qitadun čeriudi daruǰu hunǰiu baitala qiduat, Čabčiyali dabaaǰu, ǰuk-ǰuk qotot balaq̇at ano eereulun čeriut yabuulǰu, Okodai-qaq̇an ebetčin kurteǰu aman kelen ǰabqan alǰaqdarun, boes boes tolkečin-e tolkeleuluesu, Qitat-irkeno Q̇aǰar Usuno Eǰet Qat irken-orqo-ban daouliqdarun, balaq̇at qotodiyan ebdekderun, turkune adalamui, Irken-orqo, altan-munkun, aduusun, ideen ǰolia okkuya! keen abitlaasu, ulu talbiran dulet turkune adalamui. Uruq̇-un kuun-eče bolqu-yu? keen abitlaasu, Qaq̇an niduniyen neeǰu, usun q̇uyüǰu uuǰu: Yaun bolbi? keen asaqtaǰu, boes očirun: «Qitat-irkeno Q̇aǰar Usuno Eǰet Qat, q̇aǰar usuniyen ebdekderun, irken-orqo-ban daouliqdarun, turkune adalamui. Busu yaun ber ǰolia okuya keen abitlaasu, dulet turkun-e ǰiurmedemui. Uruqun kuuneče bolqu-yu? keeesu, talbiramui. Edoe ǰarliq medemu ǰe!» keen očiesu, ǰarliq bolurun: «Derkede Koudeče ken bi?» keeesu, Tolui-Koun derkede bulee. Ukulerun:

«Sutu Činkis-qaq̇an
Ečike bidano,
Deere aqa-nar
Doro deu-ner boetele,
Qaq̇an-aqa-i čima-i
Aqta metu soonq̇uǰu,
Irke metu biliǰu,
Yeke Oro-ban
Beye-tur Čino ǰiq̇uǰu,
Oloan ulus-i Deere Čino
Ačiǰu okba ǰe!
Nama-i burun,
Qaq̇an-aqa-in derkede aǰu,
Umartaqsan-i duratqaǰu,
Untaraqsan-i seriulǰu,
Yabu! keekdelue.
Edoe Qaq̇an-aqayan
Čima-i aldaasu bi,
Keno umartaqsani duratqaqu?
Keno untaraqsani seriulku?
Unen-ber Qaq̇an-aqa mino

J̌ob ese boluasu,
Oloan Moŋq̇ol ulus
Onečirekun,
Qitat irk̇en
Kibkaŋkun!
Qaq̇an-aqa-yüen
Orun-a bi bolsu!
Tulu-in niruun —
Bi tulbalba,
Kileme-in niruun —
Bi kiŋk̇ulba!
Ile-i — bi ilaqba,
Q̇ada-i — bi qatquba!
Niur q̇oa,
Niruun urtu —
Bi-k̇u bi ǰe!
Boes arbatqun,
J̌uk̇erutkun!»

keeǰu, boes ǰuk̇ereesu, ǰuk̇erken usu Tolui-Koun uuba. Qoran sauǰu uk̇ulerun: «Soqtaba bi! Soqtaqu-i mino serk̇utele onečit-učuk̇et, deuneriyen, belbisun beriyen berude oin-a k̇urtele asaraqu-i Qaq̇an-aqa medetuk̇ai! Ali ber uk̇e-ben uk̇ulelee bi, soqtaba!» keeet q̇arču otču ǰob ese boluqsan yosun teimu.

§ 273. Tedui Altan-qan-ni muqutqaǰu, seuse nere okǰu, altan-muŋk̇un, altatai hartu aurasun tabar, alašas seuses-i ano daouliǰu, Alqinči Tanmačin talbiǰu, Naŋq̇iŋ, J̌ụŋdu ǰuk ǰuk-tur balaq̇asun-tur Daruq̇ačin talbiǰu, tubsin tukel qariǰu, Qara-qorum-a baouba.

§ 274. Čormaqan-qorči Baq̇atat-irk̇en-i elseulǰuui. Tere q̇aǰar sain, et sain keekdemui, keen medeǰu, Ok̇odai-qaq̇an ǰarliq bolurun: «Čormaqan-qorči-i mun tende Tanma sauǰu: šira altan; širamal; altatan naqut; načidut dardas; subut; tanas; k̇uǰuk̇u urtus kol undur tobičaut; k̇uriŋ eleut; daus-i; kičidut; ačiana qačidut; laosasut—hoan-tur k̇urk̇eulǰu ilen atqun!» keeba.— Subeetai-Baaturun k̇eǰik̇e aylaqsat: Batu, Buri, K̇uyük, Muŋke, teriuten oloan Kout—Kaŋlin, Kibčaudi, Baǰiq̇idi oroulǰu; Eǰil, J̌ayaq, Mek̇et-balaq̇asu ebdeǰu, Orusudi qiduǰu, uluttele talaba. Asut, Sesut, Bolerman, Kerman-Kiwa teriuten balaqadun irk̇eni daouliǰu elseulǰu, Daruqačin, Tanmačin-i talbiǰu qariba. Urida J̌určes Solonqas-tur ayalaqsan J̌alairtai-qorči-in k̇eǰik̇e Yesuder-qorčini ayalaulba. Tanma sautuq̇ai! keen ǰarliq bolba.

§ 275. Batu Kibčaqčin ayan deereče Okodai-qaqan-na ečineče očiju ilerun: «Muŋke Teŋkeri-in Kučun-tur Qaqan-abaqa-in Su-tur Meket-balaqasun ebdeju, Orusut-irkeni daouliju, harban nikan qarin irkeni juk-tur oroulju, Altan jilua ičun tataju, salulčaqui qurin qurinlaya keelduju, yeke čačar bosqaju qurinlaqui-tur, bi ede bukun Koudun aqaqan boluqsan bolju, nikan-qoyar ayaqa otok urida uuba, keen, nadur Buri Kuyük qoyar maouilaju, qurin ulu qurinlan morilaqdaba. Morilaju, Buri ukulerun: Batu sača boet bolju, urida ker uuqun bulee?

Saqaltan emeket
Sačaun bolju.
Osükei-er turiju,
Olmii-er kečikilikui!»

keejuui. Kuyük ukulerun: «Tede qortan emekedi ebčeu tano jorqaldaya-či bida! Tedeeri! keejuui. Eljikidai-in Koun Harqasun ukulerun: Modun seul jubčiya, tedeni! keejuui. Ba burun: Busu heliketu bulqa irken-tur morilauldaju, job-u tob-u bolqu bolba? keeju bukui-tur, Buri Kuyük qoyar-a ein keekdeet, eye ukai tarqaqdaba. Edoe Qaqan-Abaqa medetukai!» keen očiju ilejuui.

§ 276. Batu-in ene uke-tur, Qaqan maši kiliŋlaju, Kuyüki ulu aulja-ulun ukulerun: «Ene dormekai keno ukes-tur doluskuju aqa kuune aman duuren ukuleyu? Qaqča ondeken huutukai! Mun aqa kuuno ebčeun-tur daisurqan ajuu!

Alqinči talbiju,
Harban quruud-un
Kimul ino qautala
Aulas metu balaqat-tur
Abariuluya!
Tanma talbiju,
Tabun quruud-un
Kimul ino tamutala
Dabtamal qataŋqu balaqat-tur
Abariuluya!

Či. beter maoui dormekai Harqasun, keni aŋkešikeju Bidano uruq-tur aman duuran yeke uke ukulen bulee? Kuyük Harqasun qoyari qantu ileye! Harqasuni mokoriuldeku bulee! Alaqčilaba — keekun ta! Buri-i burun keeesu, Batu-da ukule: Čaadai-aqa-da ukuleju iletukai — Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 277. Kond-eče Mankai, Noyadača Alčidai, Qoanqortai-janqi teriuten Noyat duratqan očirun: «Činkis-qaqan Ečike-in Čino ǰarliq:

Keer-un uile —
Keer-e ku noyalaqu bulee.
Ker-un uile
Ker-tur ku noyalaqu bulee.

Qaqan-ni soyürqaasu, Qaqan Kuyük-tur kilinlaǰu amu. Keer-un uile biyu. Batu-da tušiǰu ileesu bolqu-yu?» keen očiesu, ene uke-i Qaqan ǰobšiyen ǰaliraǰu, Kuyüki auljaulǰu sueyui-er uke dunqodurun: «Ayalaǰu odurun ǰaura

Boksetu kuuno —
Bokse ino ese huledeba
Keekdemu či.
Čirikun harano —
Čirai ququlǰu otba
Keeudemu či

Orusut-irkeni tere čino aur kilin-dur, ayüǰu oraqdaqsani bolqan aqu-yu či? Orusut-irkeni qaqčaar orouluqsan metu setkiǰu, omoq dura bariǰu, Aqa kuun-tur daisurqan aisu či! Činkis-qaqan Ečike-in Bidano ǰarliq-tur bi:

Oloan-ayüuli
Kun-ukuuli.

Keeku ese-u bulee? Qaqčaar tuniqsan metu, Subeetai Buǰek qoyarun qalqa-da yabuǰu, oloar buriyer qansaǰu, Orusut Kibčaudi orouljǰu, nikan-qoyar Orusut Kibčaudi olǰu, ešike-in šira oluai-ǰoeai-eduuye eremšiǰu, nikante ker-teče qarču, yauber qaqčaar tuniqsan metu, uke daou urisču ireǰu(u) či? Mankai, Alčidai, Qoanqortai-janqi tan-a

Dekdeksen ǰuruken-i
Derke nokor bolǰu
Todeeǰu(u).
Debulkui toqoan-i
Delekai šinaqa bolǰu
Amurliuldaǰu(u).

Je, teli! Keer-un uile — Batu-i keeleai. Kuyuk, Harqasun qoyar-i Batu medetukai!» keeǰu ileba. «Buri-i Čaadai-aqa medetukai!» keeba.

§ 278. Basa Okodai-qaqan ǰarliq bolurun: «Čiŋkis-qaqan Ečike-tur Mino yabuqsat kebteul, qorčin, turqaut, burin kešikteno yabudal tuŋqun duulqaqui ǰarliq tuŋqaarun, Qaqan-Ečike-in ǰarlq-iyar urida ker yabuqun buleai, edoe mun yosuar yabutuqai! keen ǰarliq bolurun: qorčin, turqaut uridu yosuar udur mor mor-duriyen yabuǰu, narataya kebteul ǰailaǰu, qadana qonotuqai! keen ǰarliq bolba. Sueni Bidan-tur ker-un horčin kebteul muquritaqai! Naran šiŋkekseno qoina, sueni yabuqun haran kebteul bariǰu qonotuqai. Oloan tarqaqsano qoina, qonoqsat kebteul-eče busut dotoqši ǰoričen oroqun harani bariqsat kebteul ekit ano dalbaru čabčiǰu oortuqai! Sueni yaaral keletu kuun ireesu, kebteul-tur keleleǰu, ker-un umere-če kebteul-lue qantu baiǰu keleleldutukai! Ordo-ker-tur oroqu qarqu-i Qoaŋqortai, Širaqan tan ǰasaut kebteul-lue qantu ǰasatuqai! Elǰikidai itekeltu boetele, ǰilda kebteulun dekeun yabuqu bolun kebteul-a bariqdalaa! keen ǰarliq busu ulu bolqaqu kebteul itekeltu bi ǰe! keen ǰarliq bolǰu, kebteulun toa bu asaqtuqai, kebteulun saurin dekeun bu yabutuqai, kebteulun ǰaqaun bu yabutuqai, kebteulun dekeun yabuqun, ǰaqaun yabuqun harani kebteul barituqai! Kebteulun toa asaqqu kuun-no tere udurun unoqsan aqta emeeltu-qadaartu-i, emusuksen qubčasun selte, kebteul abtuqai! Kebteulun saurino kenber deere bu sautuqai! Kebteul tuq keurke doro ǰida ayaqa-saba asaratuqai! Undan-ideeni otkan miqa kebteul daruqalatuqai! keen ǰarliq bolba.—Ordo ker terken asaratuqai! Bidano Beye čerik ese qaruasu, Bidanača aŋqida oere kebteul čerik bu qartuqai! Bidani šibaoulaqui abalaqui-tur, ǰarimudiyan Ordo ker terken-tur čaqlaǰu talbiǰu, Bidan-lua ǰarin kebteul yabutuqai! Kebteul-eče Nuntuučin yabuǰu Ordo baoultuqai! Euden čaada kebteul Eudečin bayituqai! Burin kebteul Qadaan minqa medetukai!» keen ǰarliq bolba.—Basa kebteulun kešik kešikun Noyat tuširun Qadaan Bulqadar qoyar nikan kešik bolǰu eyetulduǰu, nikan kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu, ǰasatuqai. Amal Čanar, qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu ǰasatuqai. Qadai Qoričar qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, Ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu, ǰasatuqai. Yalbaq Qaraudar qoyar eyetulduǰu, nikan kešik bolǰu, kešik oroǰu, ordo-in baraun ǰaoun eteet qaqas sauǰu ǰasatuqai. Basa: Qadaan Bulqadarun kešik, Amal Čanarun kešik, ede ǰirin kešiut, Ordo-in ǰaoun eteet nuntuqlaǰu kešik orotuqai. Qadai Qoričar qoyarun kešik, Yalbaq Qaraudar qoyarun kešik, ede ǰirin kešiut, Ordo-in baraun eteet nuntuqlaǰu kešik orotuqai! keeba. Ede dorben kešik kebteul Qadaan medetukai. Basa kebteul, Mino Beye čaada, Ordo horčin bayiǰu, euden daruǰu kebtetukai! Kebteul-eče Ordo-tur oroǰu qoyar haran Tusurke barituqai! keen ǰarliq bolba. Basa:

Qorčini Yesuntoe, Bukidai, Qorqudaq, Lablaqa, dorben, kešik kešik bolun, qor aqsaquya turqaudun dorben kešik kešik-tur ačidun qorčiniyan ǰasaǰu oroldutuqai! keen ǰaliq bolba. Basa turqaudun kešiudun Otokus-i urida meden aqsadun Uruq-ača tuširun, urida meden aqsan Alčidai, Qoaŋqortaqai qoyar eyetulduǰu nikan kešik turqaudi ǰasaǰu orotuqai. Temuder J̌eku qoyar eyetulduǰu nikan kešik turqaudi ǰasaǰu orotuqai. Maŋqutai keǰikeleuri medeet, nikan kešik turqaudi ǰasaǰu orotuqai. Basa Qaqan ǰarliq bolurun: Burin Noyat Elǰikidai-i aqalaǰu, Elǰikidai-in uke-er yabatqun! keeet, basa ǰarliq bolurun: Kešiktu kuun kešik oroqui-tur hoaraasu, urida ǰarlik-un yosuar, qurban beries suyütuqai. Mun kešiktu kuun basa nokoete kešik hoaraasu, doloan beries sueyütuqai. Basa mun kuun, obetčin šiltaa ukai, kešikun Otoku-tur eye ukai, qutaarta kešik hoaraasu, Bidan-tur yabuqui-iyan berkešien aǰuu. Qučin doloan beries süeyüet, qola qaǰar-a niduno ečine ileye! Basa: Kešikudun Otokus kešikleksen kešikteni ulu bukutkan kešik hoaraasu, kešiudun Otokusi ereuleye! Basa: Kešiudun Otokus qutaar qutaar kešik oroqui-tur, yeutkeldukui-tur, ene ǰarliq kešikten-e sonosqatuqai! J̌arliq sonosuat burun, kešikten kešik hoaraasu, ǰarliqun yosuar ereuleye! Ene ǰarliq kešikten-e ese sonosqaasu, kešiudun Otokus aldaltan boltuqai! Basa: Kešiudun Otokus sačaun oroqsat Mino kešiktu-i, Bidanača eye ukai, aqalaqdaba-ele, keen, bu onǰituqai. J̌asaq koanteesu, Bidan-a ǰaatuqai. Ukuuldeku yosutu boesu, Bida mokoriulut ǰe. Keseekdeku yosutu boesu, Bida süeyüt ǰe. Aqalaqdaba, keen, Bidan-a ulu ǰaan, oesut qar kol kurkeesu, nodurqa-in qarin — nodurqa, berie-in qarin—berie qariultuqai! keeba. Basa: Qadanadus Miŋqadun Noyadača Mino Kešikten deere bi ǰe! Qadanadus J̌audun Harbadun Noyadača Mino Kešikteno kotočin deere bi ǰe! Qadanadus Miŋqaliut Mino Kešikten-tur kerelduesu, Miŋqaliudai-i ereuleye! keen ǰarliq bolba.

§ 279. Basa Okodai-qaqan ukulerun: «Čiŋkis-qaqan Ečike-yüen ǰoban bayiuluqsan Ulus-i bu ǰoboaya.

Kol ano kosere,
Qar ano qaǰara

talbiulǰu ǰirqauluya. Qaqan-Ečike-yüen belen-tur sauǰu, irke ulu ǰoboan, Šulen-e ede ulus-ača surukun nikan šileku qonin hoan hoan-tur oktukai. Jaun qonidača nikan qonin qarqaǰu mun ǰaura ukeun dutaun-a oktukai. Basa: Aqa-Deu oloan ere aqta kešik čiuluasu, undan tere tudun irkeneče ker qubčiqdaqui? J̌uk ǰukun miŋqat miŋqadača keut qarqaǰu, saat, saarinčin tani aduulaat, Nuntuqči tan-i orošin tolet qarqaǰu, Unoqučin boltuqai. Basa: Aqa-Deu čiuluasu, oklike soyürqal okuye. Aurasun, sukes,

qot-numut, quyaq, ǰebe čaɒ-ut tusurču, balaq̇at saqiuluya. J̌uk ǰukeče Balaq̇ačin, Amučin ilq̇aǰu saqiultuq̇ai. Basa: Ulus irken-e nuntuq usu qubiyaǰu okuye. Nuntuq nuntuqlaulquya miɒq̇at miɒq̇adača Nuntuučin ilq̇aǰu q̇arq̇aasu bolqu-yu? Basa: Čoel q̇aǰar-a koreesun-eče busu ulu amui. Irken-e auya saqut. Čanai Tuurtai qoyar Nuntuučini teriuleǰu, čoel-un quduut eriulǰu qašituqai! Basa: Elčin haulurun, Elčino ba yabudal udaan bi. Ulus irken-e ba ǰobolaɒ bi. Edoe bida oq̇oata orošiulun, ǰuk ǰuk-un miɒq̇at miɒq̇adača J̌amčin Ulaačin q̇arq̇aǰu, saurit saurit ǰam talbiǰu, Elčin-i qadaq̇a ukai ulusiyar ulu bituulun, ǰamiyar haulq̇aasu bolqu -yu? Ede uiles-i Čanai Bolqadar qoyar uqaǰu bidan-a duratqaasu ǰob aqu-yu? keen setkiǰu Čaadai-aqa medetukai! Ede ukulekdekun uiles ǰoqiqui boesu ǰobšieesu Čaadai-aqa-ča boltuq̇ai! keeǰu ileesu, Čaadai-aqa asaqču, ileksen ede-ele uilesi bukude-i ǰobšieǰu: Tein boet kitukai! keeǰu ileǰuui. Basa Čaadai-aqa ukuleǰu ilerun: Bi endeče ǰamut eserku barildɒulsuq̇ai. Basa endeče Batu-tur elčin ilesukai. Batu ber eserku ǰamudiyen barildɒultuq̇ai! keeet, basa ukuleǰu ilerun: Bukuden-eče ǰamut talbiulqu uile ǰob-eče ǰob duratqaǰuui!» keeǰu ileǰuui.

§ 280. Tendeče Okodai-qaq̇an ukulerun: «Čaadai-aqa, Batu, teriuten Baraun Q̇arun Kout, Aqa-nar, Deɒner burin; Otčiq̇in-Noyan, Yeku teriuten J̌aoun Q̇arun Aqanar, Deɒner burin Kout; Q̇ol-un Okit, Kuriket, Tumedun, Miɒq̇adun, J̌audun Harbadun Noyat buriyer ǰobšieǰuui. J̌obšierun, Dalai-in Qaq̇an-no Šulen-e hoan-tur surukun nikan šilekun irke q̇arq̇aasu yaun bi? J̌aun qonidača nikan ǰusaq q̇arq̇aǰu ukeun dutaun-a okkui sain bi. J̌am talbiulǰu, J̌amučin, Ulaačin q̇arq̇aasu, oloan ulus-a amuq̇ulaɒ elčine ber yabuquya ilubte bi, keeesu, buriyer-ele ǰobšieǰuui! keen, Qaq̇ano ǰarliq: Čaadai-aqa-tur eyetuǰu, Čaadai-aqa-da ǰobšiekdeǰu, burin ulus-ača ǰuk ǰukun, miɒq̇at miɒq̇adača, Qaq̇an-no ǰarliq̇iyar, hoan-tur Šulen-e surukeče nikan šileku irke, ǰaun qonidača nikan ǰusaq qonin q̇arq̇aulba. Keut q̇arq̇aulǰu, Unoq̇učin saulba. Unoq̇učin, Balaq̇ačin, Amučin q̇arq̇aulba. J̌amučin, Ulaačin-i q̇arq̇aulǰu; saurin sauridun, q̇aǰar čaqlaulǰu, ǰam talbiulurun, Aračiyan Toqučar qoyari ǰasaulǰu, ǰam nikan saurin-tur q̇orin Ulaačin bolq̇aba. Saurin tudun-tur qoriat Ulaačin bolq̇aba. Ulaano aqtas šiusun-no qonit, saalin keut, tereken-tur kolku, huker terket Bidanača henleksen kemeče:

Oq̇or buq̇i dutauluasu
Orq̇oliyar qaq̇as
Aldaltan boltuq̇ai!
Q̇albuq̇a kekesun dutauluasu,

Qabar qaqas
Aldaltan boltuqai!»

keen jarliq bolbai.

§ 281. Okodai-qaqan ukulerun: «Ečike-yüen Yeke Oroan-tur sauju, Qaqan-Ečike-in qoina uilduksen Mino: Liqudun irken muqutqaba bi. Nokoe uile Mino: Elčin Bidano jaura otorlen haulqui basa kerek-jaraq joeulkuye jamut talbiulba. Basa nokoe uile: Usu-ukai qajar-a quduut eriulju qarqaulju, ulus irken usun ebesun-e kurkeulju, basa juk juk balaqadun irken-tur Alqinčin, Tanmačin talbiulju, ulus irkeno

Kol koser-e
Qar qajar-a

talbiulju aulba bi. Qaqan-Ečike-yüen qoina dorben uiles nemeba je. Basa: Qaqan-Ečike-deen Yeke Oro ba sauldaju, oloan ulus-iyan deere mino ačiju ottaju (okteju) boet, bor(o) darasun-a ilaqdaqu Mino buruu bolba. Nokoe buruu: Yosu ukai eme kuuno uke-tur oroju, Otčiqin-Abaqai ulusun okit abčiraulqu aljiyas bolba je. Ulusun Ejen-Qaqan boltala, yosu ukai aljiyas uile-tur doleskeku Mino nikan buruu ene bolba je. Basa: Doqolqu-i kekesuleku nikan buruu. Ker buruu? keeesu, Qan-Ečike-in Mino tusuan emune olumuleku Doqolqu-i kekesuleku buruu aljiyas. Edoe Mino emune ken tein olumuleju okku? Qaqan-Ečike Mino, burino emune, Dore kičieku kuun-e ulu uqan ösuleduksen-iyen oerien buruušibe bi. Basa: Tenkeri Qajar-a jayaatu toreksen koreesun-i aqa-deu juk oduuji! keen qaranlaju, qurua yourqa noduulju aqu bolun, aqa deu-deče čimaliqai uke sonosba bi. Buruu-ku bolba. Qaqan-Ečike-yüen qoina dorben uiles nemeba je bi. Dorben uiles buruu boljuui je!» keeba.

§ 282. Yeke Qurilta quriju, Quluqana jil, Qulan sara-da, Kelureno Kodee-aralun Doloan-boldaqa Šilkinček qoyar jaura Ordos baouju bukui-tur bičiju daousba.

Erten-ü xad-un ündüsülegsen törü yosun-u jokiyal-i tobčilan xuriyaγsan altan tobči kemekü orošibai

I (лл. 6—28)

§ 1. Töbed-ün eng terigün Küjügün-sandalitu-χaγan-eče saluγsan Dalai-Subin Altan-sandalitu-χaγan köbegün inu γurban buyu. Aχa anu Boroču, ded anu Šibaγuči, odχon anu Börte-Činova buyu. Öber jaγuraben maγulalduju, Börte-Činova umara jüg Tenggis dalai getülju, jad-un γajar-a ireged, ere ügei γova-Maral neretü ökin-i abču, jad-un γajar-a nutuγlan, Mongγol omoγtan bolba. Degere Tngri jayaγa-ber Tenggis dalai-yi getülju iregsen Börte-Činova γova-Maral χoyar Burχan-γalduna nutuγlaju aγsan ajuγu. Tere χoyar-eče Bata-Čaγan töröbe.

§ 2. Bata-Čaγan-u köbegün Tamačin neretü bülüge. Tamačin-u köbegün Xoričar-Mergen bülüge. Xoričar-Mergen-ü köbegün Aγujam-Boγurul bülüge. Aγujam-Boγurulun köbegün Sali-γaljaγu bülüge. Sali-γaljaγu-yin köbegün Yeke-Nidun neretü bülüge. Yeke-Nidun-u köbegün Sem-Soči neretü bülüge. Sem-Soči-yin köbegün Xaračus neretü bülüge.

§ 3. Xaračus-un köbegün Burχan-γaldun-u ebür eteged urusχu Budaγan-boγurčin-u terigün-e törügsen, Borjigidai-Mergen, Mongγoljin-γova gergeitü bülüge. Mongγoljin-γova deče törügsen, Bayan, Boroγčin-γova gergeitü, Boroldai-χubilai jalaγutu (köbegün tü), Dayir Boro χoyar külügüd moritu bülüge. Boroγčin-γova-deče törügsen Duva-Soχor, Dobu-Mergen χoyar bülüge.

§ 4. Duva-Soχor manglai dumda γaγča nidu tu bögetele γurban negüri (negüdel) γajar-a üjen bülüge.

§ 5. Nigen edür aχa degüü χoyaγula görögeleged, Burχan-γaldun-a degere γarubasu, tüyiren kerü-deče Tonggilang γoroχon (oi šiγui-yin kereče čünggürüg tala dögüm) uruγu nigen bölüg irgen negüjü ayisuχu-yi (irekü) aχa inu Duva-Soχor üjejü,

§ 6. ögülerün: «Tere Tonggilang γoroχon (čünggür tala dögüm) uruγu negüjü ayisuχui irgen-ü dotora, nigen χarautai (sekür ~ sekügür) tergen-ü öljige-de (ködegei aral-dur) suγuγsan nigen ökin-ü öngge gere (gerel)

endeče üǰegdemüi. Kümün-e ese ögdegsen bögesü, degüü-degen čimada γuγusu!» kemeǰü, Dobu-Mergen-i üǰere (aγulǰara) ilegebe.

§ 7. Tede irgen-dür kürbesü, ünen-kü kümün-e ese ögdegsen, γova sayin, nere ałdar yeke tei, Ałun-γova neretü ökin aǰuγu.

§ 8. Tede irgen Barγuǰin-Tümed-ün Eǰen Xoriłdai-Mergenü Barγuǰin-γova-deče törügsen Ałun-γova tere aǰuγu.

§ 9. Xoriłdai-Mergen γaǰar-tur (-iyen) bułaγad (bulγa) kerem-üd görökü γaǰad χoriłaǰu χoriłałduǰu (esergü-tesergü) öber ǰaγuraben maγuyiłan (maγu) bołułčaǰu, Xoriłar-un omoγ tan bołba. Burχan-γałduna görögeli (görögesün) ołan tu bui kemen, Burχan-γałduna-eče Burχan-Uriyangχai šing šing bayan-dur negüǰü ayisun aǰuγu. Xori-Tümed-ün Xoriłdai-Mergen-ü ökin, Ariγ-usun-a törügsen Ałungova-yi Dobu-Mergen-ü abuγsan yosun teyimü bülüge.

§ 10. Ałun-γova Dobu-Mergen-dür ireǰü, Belgünotei (Begünötei) nereten χoyar köbegün törübei.

§ 11. Duva-Soχor dörben köbegün tei bülüge. Tedui atała, Duva-Soχor ügei bołuγsan-u χoyina, dörben köbegün inu Dobu-Mergen abaγaγuγan uruγ-a (törül) ülü toγan doromǰiłaǰu, χaγaǰu (orkiγad) negübe. Dörben omoγtan bołba. Dörben-ü (Dörbed) ebügen tede bülüge.

§ 12. Tegün-ü χoyina Dobu-Mergen nigen edür dobočaγ öndür degere görögelen odbasu, oi dotora nigen kümün čeü (čögü) buγu ałaǰu ałaǰu ebdeged abid (boγuni) abirγa inu širaǰu saγun aǰuγu.

§ 13. Dobu-Mergen kürčü, nökür širołγa (ireküi-eše) kemeged; «Yaγun kümün bui či?» kemebesü, tere kümün ögülerun: «Bi Uriyangχan-u kümün bui!» kemeged, aγuškitu ǰüyil-tü arasun abču, busu bügüde miχan-i inu Dobu-Mergen-e ögbe.

§ 14. Dobu-Mergen tere miχan-i abču ayisuχui-dur (ireküi), ǰaγura nigen yadangki kümün öcüken köbegün-iyen köteľǰu ayisun aǰuγui.

§ 15. Dobu-Mergen ögülerün: «Či yaγun kümün bui?» kemebesü, tere kümün ögülerün: «Maγaliγ Bayaγudai-yin kümün bui! Eyin yadaǰu yabun amu bi! Ene köbegün-iyen čimada ögsü! Tere miχan-eče-γan nada öggümü či?» kemebesü,

§ 16. Dobu-Mergen tere čeu (čögü) buγu-yin örögösun γuya inu χuγulǰu ögčü, tere köbegün-i inu ger dotora ǰaruχu bülüge.

§ 17. Tedüi atała, Dobu-Mergen ügei bołba. Dobu-Mergen ügei bołuγsan-u χoyina, Ałun-γova ere ügei yabuǰu, Buγu-Xadagi, Boγuči-Sałǰi, Bodančar-mungχaγ nereten γurban köbegün törübei.

§ 18. Belgünetei, Begünetei χoyar köbegün inu eke-yügen ede köbegüdi törübei, kemen, ečine (dałda) ögüleldurün: «Aχa degüü üye χaya

kümün ügei bülüge! Ede köbegüd kenükei bołba? Ene Maγaliγ Bayaγudai kümün gerün daruγa bülüge: tegünükei bui ǰa!» kemen, kemeldüküi-yi (ögüleldüküi) Ałun-γova uχaǰu,

§ 19. χabur-un nigen edür ügüče kögšimel (kögšin) χonin-u miχa činaǰu, tabun köbegün-iyen χuriyaǰu ǰergelegülǰü saγułγaγad, niǰeged müsün-i bariγułǰu; «Köbegüd χuγułuγtun!» kemen ögbesü, köbegün inu χuγułǰu orkiba. Basa ǰiči tabuγad müsün χamtu čuγłaǰu ögbesü, ese χuγułbai.

§ 20. Tendeče eke inu Ałun-γova ögülerun: «Xoyar köbegüd minu, sereküi tan-u ede γurban köbegüd-i törübei, kemen, ken-u yaγun-u köbegüd bui, kemen seremüi ǰa. Sereküi ber tan-u ǰöb bui!

§ 21. «Söni büri šira čögüken kümün ireǰü, kegeli minu ilbiǰü, ger-te erüke dotoγa-yin gere-lüge oroǰu, naran saran giłbaran (mandun) γarχu čaγ-tur, šira noχai bołǰu, šilmałčiǰu γarču odum bülüge. Tegüber uχabasu, temdeg inu Tngri-yin köbegün bui ǰa! kemen sanam bülüge bi. Xaraču kümün-dür χanidχan (adalidχan) buu ögületkün! Mön-e χoyina χari-yin χad, ulus-un Eǰed bołbasu, tende uχaχun ǰa (medekü bui) ta! Xara terigütü kümün busu bui ǰa! Yaγun-čigi bołbasu (yambar ču bołba), ta χoyar-un nökür següder tan-u bołtuγai!» kemebesü, χoyar köbegüd ese dungγodba (daγun ese γarba).

§ 22. Basa Ałun-γova köbegüd-tegen surγał ögülerun: «Tabun köbegüd minu! Ta γaγča kebeli-eče törübei ǰa. Ta tabuγuła eye öbereten bołbasu, duγar-un γaγča müsün metü kilbar ilaγgaχun ta. Tere čuγ müsün metü nigen eye tü bołbasu, kene ber yakin bolχun (daruγdaχu) ta?» kemebe. Tedüi atała, Ałun-γova ügei bołba.

§ 23. Eke-yügen ügei bołuγsan-u χoyina, aχa-nar degüüner aduγuniyen χubiyaǰu abułčaba. Belgünütei, Begünütei, Buγu-Xatagi, Boγuči-Sałǰi dörben aχa-nar inu χubi abułčabai. Angχan-u degüü Bodančar-i mungχaγ bidaγu (büdügün?) buyu kemen, uruγ-a (törül-e) ülü toγan, χubi ese ögbe.

§ 24. Bodančar χubi ese kürteǰü, eyin atała-yaγun? kemeǰü, γooł daγaritu, γodoli segültü oroγ šingχuła-yi unuǰu: «Ukübesu abasu, ǰayaγan min-u medetügei!» kemen, Onan-mören uruγu odba. Oduγad, Onan-u Belčer-arał-a kürčü, ebesun embule (kürümel) gerkiǰü, tende aba (saγuba).

§ 25. Aγsan üǰügür-e (saγuγsan γaǰar-un öndur-e), nigen edür boroγčin χarčaγai χara χuru bariǰu idekü-yi üǰeǰü, γooł daγaritu γodoli segültü oroγ šingχuła-yin segül-un kiłγasu-ber urγałaǰu bariǰu (χarčaγai-yi) asaraba (teǰiyebe).

§ 26. Tendeče idekü idegen ügei bołǰu, börte činva-yin χorγołuγsan görögesün-i mariyaǰu χarbuǰu ałaγad, öberiyen ber ideged, χarčaγai-yuγan ber teǰiyeged, tere on γarba.

§ 27. Xoyitu on irejü χabur bołbasu, nuγud χałaγud irebesü, χarčaγai-yuγan tataju oγurbasu, (tałbibasu), χojiγuła tutum χongsiγud (deleddüged) üni önjigüle (saγul-a) tutum öngšigün ünüstetele nuγud χałaγud-i bariγułju iden büküi-dür,

§ 28. Tüyir-en (oi-yin) keru-deče Tünggelig γoroχan (dögüm) uruγu nigen bölüg irgen negüjü ayisuχui-yi Bodančar ujejü, χarčaγai-yuγan bariγad, tede irgen-dür odču, edür bariγułuγsan nuγusun-eče ögču, ösüg umdaγsan unaju, söni embüle-dür-iyen(ebesün kürümel)χariju χonujubülüge.

§ 29. Tede irgen Bodančar-un χarčaγai γuyibasu, ese ögbe. Tede irgen Bodančar-i kenükei bui yaγunuχai bui kemen asaγχu ügei. Bodančar ber tede irgen-i yaγun irgen kemekü 'ügei yabułčabai.

§ 30. Tedüi atała, Buγu-Xatagi aχa inu: «Degüü minu Bodančar ene mören uruγu odułuγa. Esen-ü, ukube-ü? kemen erin odbasu, tede Tonggilang (čönggür) γoroχan-a (dögüm-e) bükü irgen-eče: teyimü nigen kümün, teyimü moritu bülüge», kemen surabasu,

§ 31. Tede irgen ögülerün: «Morin kümün ber činu suraχui-dur adali teyimu kümün büi. Edür byri man-dur irejü, nuγusun-ečegen ögču, ösüg umdaγan uγuju odumu. Söni maγa (manaγar) χamiγa χonumu. Nigen boroγčin χarčaγai-tu bui. Öröne-umara-eče kii bołbasu, tere χarčaγai-yuγan bariγułuγsan nuγud χałaγud-un ödüd burγaliγ časun metü butaraju keyiscü iremü. Bi ber χarčaγai inu γuyibasu, ese ögbe.Edöge irekü čaγ inu bołba. Xorumχan küliye!» kemebe.

§ 32. Tedüi atała Tünggelig γoroχan ögöde nigen kümün ayisun irebesü, Bodančar mön ajuγu. Aχa inu Buγu-Xatagi degüü-yugen Bodančar-i üjeged, daχiju abuγad, ülü ögüleldün χarin χataribasu,

§ 33. Bodančar aχa-yuγan xoyina-eče daγaju yabuju ögülerün: «Beye terigütei degel jaχatai sayin!» kemebei. Aχa inu ese dongγudba (daγun ese γarba).

§ 34. Basa χorumχan yabułčan kijü (yabułčaju)) mön ögeben ögülebe. Ese dongγudba. Basä mön öge-ben ögülebesu, aχa inu ögülerün: «Duγareče yambar öge ögülemü?» kemebesü,

§ 35. Bodančar ögülerün: «Ta aχa-nar χubi abułčaju nadur ülü ögküyi ker medemü? Ene öge-yi ker ese medebe?» kemeged: «Duγar-un irgen yeke öčüken ügei, ekin terigün ügei, kiłbar bui! Bida teden-i daγuliya (dobtuluya)!» kemebesü,

§ 36. Buγu-Xatagi ögülerün: «Teyin kiküi-yi aχa-nar degüü ner-lüge eyetülduye!» kemeldüjü;

§ 37. ger-tür-iyen kürčü, aχa-nar degüü-ner-lüge eyetuldüjü, mön Bodančar-i γajarčiłaγułju, tede irgen-i daγuliχui-dur;

§ 38. Bodančar nigen tomon (büdügün) kegelitü eme-yi bariba. «Ɣaɣun kümün bui?» kemebesü, tere eme ögülerün: «Angχan-u nengdegsen Jarčiɣud Uriyangχadai-yin kümün bui!» kemebe . . . .

§ 40. Tere dumda kegelitü eme Bodančar-tur irejü, nuɣun köbegün törübe. Jad irgenükei gejü Jurčidai kemen nereyidübe. Tere Jurčidai-yin köbegün Tügüdei neretü bülüge. Tügüdei-yin köbegün Büri-Buliyaχu. Büri-Buliyaχu-yin köbegün Xara-Xadaɣan neretü bülüge. Jarčirad omoɣtan boɫba.

§ 41. Xoyina Bodančar-eče köbegün törübe. Bariju abuɣsan eme-eče törügsen köbegün, kemen, Baɣaridai gejü nereyidbe. Baɣaridai-yin köbegün Čiduχuɫ neretü bülüge. Tegün-ü köbegün inu maɣa metü törübe. Maɣa-Baɣarin omoɣtan boɫba. Baɣarin-u ebügen tere bülüge.

§ 42. Dobu-Mergen-ü Begüntei-yin uruɣ (törül) Begünüd omoɣtan boɫba. Buɣu-Xatagi-yin köbegün Xatagin omoɣtan boɫba. Xatagin-u ebügen tere bülüge. Boɣuči-Saɫji-yin köbegün Saɫjiɣud omoɣtan boɫba. Saɫjiɣud-un ebügen tere bülüge. Bodančar-un abalin emedeče törügsen Barim-Šikertü Xabiči-Baɣatur neretü bülüge. Borjigin omoɣtan boɫba . . . .

§ 44. Bodančari ügei boɫuɣsanu χoyina: nengdegsen Uriyangχadai kümün ger-ün daruɣa bülüge; tegünükei bui ja! kemen, jügelideče ɣarɣaɫuɣa. Jegüriyed omoɣtan boɫba, Jegüriyed-ün ebügen tere bülüge.

§ 45. Barim Šiker tü Xabiči-Baɣatur-un köbegün Bekir-Baɣatur neretü bülüge. Bekir-Baɣatur-un köbegün Maχa-Tudun neretü bülüge. Maχa-Tudun-u Nomaɫun-Torɣun gergei-eče doɫuɣan köbegün törüjükü. Angχan-u aχa inu Xači-Külüg, Xačin, Xačiɣu, Xačiɫa, Xaraɫdai, Xačiɣun, Način-Baɣatur nereten, ede doɫuɣan bülüge.

§ 46. Xači-Külüg-ün köbegün Xayidu neretü bülüge. Ömüšig (noyamšig) aburitu-yin tuɫa, Noyakin omoɣtan boɫba. Noyakin-u ebügen tere bülüge. Xačiɣu-yin köbegün Bariɫtai neretü bülüge. Idegen-i baruɣ-un tuɫa Barɫas omoɣtan boɫba. Xačiɫa-yin köbegün idegen-e baruɣun-a yeke beyetü-yin tuɫa yeke Baruɫa kemen nereyidbe. Baruɫas-kü omoɣtan boɫba. Erdemtü Baruɫa, Todakin terigüten Baruɫas-un ebügen tere bülüge. Xaraɫdai-yin köbegün buda metü χudkuɫaɣči, eki terigün ügei-yin tuɫa Budaɣun omoɣtan boɫba. Budaɣud-un ebügen tere bülüge. Xačiɣun-u köbegün Adarkidai neretü bülüge. Aχa degüü jaɣura ende tende kelejü yenggüküi-yin tuɫa (olgiyan ögületü) omoɣ jaɣura aduruɣči bui. Moχur saɣurin terigüten Adarkin omoɣtan boɫba. Adarkin-u ebügen tere bülüge. Način-Baɣatur-un köbegün Urɣutai, Mangχutai nereten bülüge. Urɣutai-yin köbegün Uruɣud bülüge. Mangχutai-yin köbegün Mangχud bülüge. Uruɣud Mangχud omoɣtan bülüge. Uruɣud, Mangχud-un ebüges tere bülüge. Način-Baɣatur-un abalin gergei-eče törügsen Šišiɣudai, Doχuɫɣutai

χoyar bülüge. Šišiγud, Doχulγud omoγtan bołba. Teden-ü ebüges tere bülüge.

§ 47. Xayidu-yin köbegün Bai-Šingχor-doγšin, Čirχai-Lingχoa, Čaujin-Örtögei γurban bui. Bai-Šingχor-doγšin-u köbegün Tumbiχai-Sečen neretü bülüge. Čirχai-Lingχoa-yin köbegün Šinggüm-Belge neretü bülee. Šinggüm-Belge-yin köbegün Isali-χaγan terigüten Tayičiγud omoγtan bołba. Tayičiγudun ebüges teyimü bülüge. Čirχai-Lingχoa-yin köbegunükei-eče törügsen Besüd neretü bülüge. Besüd omoγtan bołba. Besüd-ün ebüges tede bülüge. Čaujin-Örtögei-yin köbegün Oronar, Xongχotan, Aruład, Sünid, Xabturχad, Keyun-Gerges-ün ebüges tede bülüge.

§ 48. Tumbiχai-Sečen-ü köbegün Sem-Sečüle, Xabuł-χaγan χoyar bülüge. Sem-Sečüle-yin köbegün Bułtaču-Baγatur neretü bülüge. Bułtaču-Baγatur-un köbegün Mergen-Sečen neretü bülüge. Xabuł-Sečen-ü dołuγan köbegun-i angχan-u aχa inu Ökin-Barχaγ, Bartan-Baγatur, Xutuγtu-Münggür, Xutała-χaγan, Xulan-Baγatur, Tödegen, Xadaγan-ede dołuγan bülüge.

§ 49. Ökin-Barχaγ-un köbegün Juryatu-Yürke neretü bülüge. Köbegün inu Sečen-beki, Tayiču χoyar bülüge. Yürkin omoγton bołba. Yürkin-ü ebüges tede bülüge.

§ 50. Bartan-u Baγatur-un köbegün Yisügei-Baγatur, Nekün-tayiji, Menggetü-Kiya, Mergen-Yeketei, Daritai-odčigin tede tabun bülüge. Šüjigel-üjin-eče törüjükü. Šüjigel üjin Mongγol Tarγujin-Tarčiγujin-Yisütei-yin ökin ajuγu. Xutuγtu-Münggür-ün köbegün, Büri-Böke Onan-u tün-dür Yürkin-lüge χurimłaχui-dur Belgütei-Noyan-u mörü χaγa-čabčiγsan tere bülüge.

§ 51. Xutała-χaγan-u köbegün Joči, Kirmaγu, Ałtan γurban bülüge. Noyakid omoγton bołba. Xułan-Baγatur-un köbegün Yeke-Čeren bülüge. Badai, Kisiliγ χoyar darχad-un Noyan tere bülüge. Xadaγan, Tödegen χoyar uruγ ügegün bülüge.

§ 52. Xamuγ Mongγol-i Xabuł-χaγan meden yabuba. Xabuł-χaγan-u χoyina, Xabuł-χaγan-u öge-ber, dołuγan köbegün inu bögetele, Tayčiγud-un Senggüm-Belge-yin köbegün Amaγai-χaγan meden yabuba.

§ 53. Buyir-naγur, Kölen-naγur χoyarun jaγur-a urusχu mören-e bükün uruγ noyan Buyiruγud Tatar irgen-e Amaγai-χaγan ökin-iyen ögčü, öbesüben üdejü odχu bołγan, Tatar irgen, Jui-yin irgen kiyed (östen) Amaγai-χaγan-i bariju, Kitad-un Altan-χaγan-dur abču odχui-dur, Amaγai-χaγan Besüdei Bałγaγči neretü elči-ber-iyen ögülejü ilegerün: «Xabuł-χaγan-u dołuγan köbegün-u dotora χotula-da (bügüde-dür) ögüle! Minu arban köbegüd-un dotora Xadaγan-a tayiši-da ögüle! kemen ögülejü ilege-

iün: Xamuγ-un χaγanUłus-un Ejen bołju bögetele, öbesüben (öber-ün) ökin-iyen üdekü bołun Amaγai gegdekun (neretü bi), Tatar irgen-e bariγdaba. Tabun χuruγud-iyen kimuł tamdutała, arban χuruγud-iyen χadudtała, ači-yi minu aburan χuriyatχun!» kemejü ilegejükü.

§ 54. Tere čaγ-tur Bartan-Baγatur-un köbegün, Yisügei-Bagatur, Onan-mören-e šibaγułan büküi-dur, Merkedün Yeke-Čiledü Ołχonud irgen-eče ökin-i abču egüskejü ayisuχui-dur jołγaju, tergen-dür inu önggeyijü üjebesü, jisün bušitai (sayitai) ökin χatun-i üjejü, ger-tür-iyen χariju, aχa-yuγan Nekün-tayiši-yi degüü-yuγan Daritai-odčigin-i uduridču,

§ 55. Kürküi-lüge Čiledü ayuju, χurdun χuba-yuγan γuya deledduged, χuburi (γorbi) ałus buruγudułuγa, χoyina-eče inu γurbaγuła udaγaridun (daru) χataribasu, Čiledü χošiγu χušiju (öndeyin χatariju) tergen-dür-iyen irebesü, Ögelen-ujin ögülerün: «Duγar-un γurban arad-i uχaba-u či? Tede kümün-ü čirai čirai busu bui! Amin-dur činu χoor kürgekü medege ügei irgen bui. Amin ele činu bołbasu, χaraγa (sekür tergen) tutum χatud, öljige (ködegei arał) tutum ökin bui ja. Minu metü önggetü-yi ołdaχun ja. Busu daki neretei kümün učirabasu, Ögelen nereyidduyu ja. Či amin-iyen χoriyaγad (χorin) yorči (yabu), χoroγ, ünür-i minu ünüsčü yabu!» kemen, čamča-ben öggülüge. Morin tergen-eče naruyiju (?) abχui-dur, χoyina-eče inu aχa-nar degüü-ner γurbaγuła χošiγu χučiłduju (öndeyin χatarin χučiγulju) irebesü, Čiledü ayuju χurdun χuba-yuγan deleddüged, Onan-mören ögede dutaγaju talbiba.

§ 56. Xoyina-eče inu dołuγan γurbi dabatala nekejü, güyičen yadaju χariju ireged, Yisügei-Baγatur Ögelen-üjin-ü delbege (čiłbuγur)-eče bariju, aχa inu Nekün-tayiši uduridču, degüü inu Daritai-odčigin temegen kilijü ayisuχui-dur, ujin-eke yeke daγun ber uyiłaju ögülerün: «Aχa minu, Čiledu!

Kei ögede keкül-iyen keyisugseger
Keger γajar-a kegeli-ben ölüsügseger

bülüge. Edöge ker-ele kisü bi?» kemen, χoyar šibelger-iyen nigen-te aru degere, nigen-te ebčigün degere oγurču (orkiju): «Ker-ele kijü oduya?» kemeged,

Onan-mören dolkistała,
Oi büri daγuristała,

yeke daγu-ber yiłaju ayisuχui-dur, Daritai-odčigin jergečejü yabuγad, ögülerün:

«Dabariχu činu
Dabaγa ołan dababa.
Uyiłaχu činu
Usun ołan getülbe.
Xayiłabasu ülü sonosχu
Xarabasu ülü üǰegdem!

Sem bol (daγu buu γar)!» kemen idχaba. Ögölen-üǰin-i Yisugei-Baγatur-un abuγsan yosun eyimü bülüge.

§ 57. Amaγai-χaγan Xadaγan, Xutała χoyar nereyidugsenber, χamuγ Mongγoł, Tayičiγud Onan-u Xorχoγ-ǰigür-tür Xutała-yi χaγan bołγaba. Xadaγan-i tayiši bolγaba. Xadaγan-tayiši ber Mongγołun ebüdüg-eče ülekü bołtała debsebei (dabšibai).

§ 58. Amaγai-χaγan-u ös abun (abuya kemen), Xutała-χaγan, Xadaγan-tayiši χoyar Tatar irgen-dür čeriglen moriłaǰu, Tatar-un Köyiten-Barχa Tömüčin-lüge Xori-Buχa, J̌ili-Buχa terigüten Tatar-tur χadχułduǰu, Amaγai-χaγan-u öšil öšin, kisel kisen yadaba kemebe.

§ 59. Tende Yisugei-Baγatur Tatar-un Tömüčin, Xori-Buχa terigüten Tatar-i daγuliǰu (dobtułǰu) irebesü, tende Ögelen-ujin köl kündu bülüge. Onan-u Deligün-bołdaγ-a büküi-dür, Xara Morin ǰił-un, ǰun-u terigün sara-yin, arban ǰirγuγan-a, ułaγan dergel edur-ün, edür düli čaγ-tur, Činggis-χaγan törübe. Törüküi-dür-iyen baraγun γar-tur-iyen šaχai-yin tedüi χara nöǰin-i adχun törübe gekü. Bayar miliyaχui-dur Tatar-un Tömüǰinükei-yi abču iregsen-dur törübe kemen, temür ölögei-dür ölögeyidüǰü, Tömüǰin geǰü nereyiddügsen yosun eyimü bülüge.

§ 60. Yisügei-Baγatur-un Ögelen-üǰin-eče törügsen Tömüǰin, J̌oči-Xasar, Xačiγu, Tömüge-odčigin, tede dörben bülüge. Tömülen neretei nigen ökin bülüge. Tömüǰin yisun nasutu büküi-dür, J̌oči-Xasar dołuγan nasutai bülüge. Xačuγun tabun nasutai bükui-dür, Tömüge-odčigin γurban nasutai bülüge. Tömülün ölügei tü bülüge. Yisügei-Baγatur-un nögöge gergei Süǰigel eke-eče törügsen Begter, Belgetei χoyar bülüge.

§ 61. Yisügei-Baγatur Tömüǰin-i yisün nasutu büküi-dür, Ögelen-üǰin-ü törgüd Ołχonud irgen-eče ökin γuyisu kemeǰü, Tömüǰin-i abuγad yorčibai (odbai). Oduγad Čegčer Čuχurγu χoyar-un ǰaγura Xongkirad-un Deyi-Sečen ǰołγaba.

§ 62. Deyi-Sečen ögülerün: «Yisügei χuda! Xamiγa odumu či?» kemebesü, Yisügei-Baγatur ögülerün: «Ene köbegün-degen naγaču-nar Olχonud irgen-eče ökin γuyisu kemen, irelüge bi!» kemebe. Deyi-Sečen ögülerün: «Köbegün činu nidün-dür-iyen γałtu, niγur-tur-iyen gereltü köbegün buyu!

§ 63. «Yisügei χuda! Bi ǰegüdun ǰegüdülebe. Ene χoyar söni čaγan šongχor naran saran χoyar-i adχun nisču ireǰü, γar degere minu baγuba. Ene ǰegüdü-ben kümüne ülü ögülen aǰuγu. Bi naran saran χoyar-i χaraǰu üǰegden (üǰen) bülüge. Edöge ene šongχor adχuǰu ireǰü, γar-tur minu gegen čaγan bołγaba. Yambar ele sayin-i uǰekü? kemelüge bi. Yaγun bołbasu, šongχor anu, tan-u Kiyad irgen-ü sülde iremu ǰiγamu (ǰiγaγsan) aǰuγu».

§ 64. Bida Xongkirad irgen erte edür-eče

Xari ułus ulu temečen,
Xačar γova ökin-iyen,
Xaγan bołuγsan-dur tan-u
Xasaγ tergen-dür unuγułǰu,
Xara buγura kölgeǰü,
Xatariγułǰu odču,
Xatud-un saγurin-dur
Xamtu saγułγan bülüge.
Ułus irgen-i ülü temečen,
Öngge sayin ökin-iyen
Ölǰigetei tergen-dür unuγułǰu,
Öle buγura kölgeǰü,
Egüskeǰü odču,
Öndür saγurin-u,
Örögelen eteged tan-u

saγułγan bülüge. Erte edür-eče bida Xongkirad irgen χačar γova χatudtai, öngge sayin ökidtü bülüge. Jige ǰisüten, ökin önggeten bülüge.

§ 65. «Nuγun köbegün manu
Nutug-iyen χarayu.
Ökin uruγ manu
Öngge-ben üǰegülüyü!

Yisügei-Baγatur, χuda! Ökin min-u öčüken bui. Ger-tür minu odču üǰetügei!» kemeǰü, ger-tür-iyen baγułγaba.

§ 66. Ökin-i inu üǰebesü, ...oyin-dur-iyen oroγułba. Tömüǰin-eče inu nigen nasun (ilegüü) eke-ečegen arban nasutu aǰuγu. Söni χonuǰu, manaγarši anu γuyibasu, Deyi-Sečen ögülerün: «Ołan-ta γuyiłγaǰu ögbesü, degečilegdekü, čögükente γuyiłγaǰu ögbesü, doromǰiłaχu. Ökin kümün-ü ǰayaγan törügsen egüden-dür ötelekü yosun ügei aǰuγu. Ökin-iyen ögsügei bi! Köbegün-iyen kürgen-i (min-u) ta tałbiǰu od!» kemebesü, ǰa kemeǰü χuda bołułčaba. Yisügei-Baγatur ügulerün: «Köbegüd-iyen kürged-te

taɫbiǰu odsuγai! Köbegün min-u noχai-eče čočimdaγai bui. Buu čočiγuɫ!» kemeged, kötel morin-iyen beleg ögčü, Tömüǰin-i kürged-te taɫbiǰu odba.

§ 67. Yisügei-Baγatur χariǰu ireküi ǰaγura Čegčer-šira-kegere Tatar irgen-dür umdaγasurun, χurim-dur anu baγubasu, tede: «Erte dayisun aǰuγu! Yisügei-Kiyad (östen) irebe!» kemen, erten-ü daγuliγdaγsan-iyen kegesülen duradču, ösḷeldün χoora χoliǰu ögčiküi. J̌aγura maγui (ber yabun) odurun, γurban χonoγ yabuǰu, ger-tür kürčü yeke-de čilegerkebe.

§ 68. Yisügei-Baγatur ögülerün: «Minu dotora maγui bui! Oyira dergede ken bui?» kemebesü, Xongotan-i Čirχa-ebügen-ü köbegün Menglig oyira bui kemebesü, uriǰu iregülǰü ögülerün: «Čaχa (köbegün) Menglig! Öčügüketü bülüge bi! Köbegün-iyen Tömüǰin-i kürged-te taɫbiǰu χariǰu ayisuχui-dur, ǰaγura Tatar irgen χurimɫan aǰuγu. Umdaγasurun baγuɫuγa bi. Öšiyelegdebe. Dotora minu maγui bi. Öčüken χočoruγsan degüü-ner-iyen, belbesün, berged-iyen, ger asaraχui či mede! Köbegün-i min-u Tömüǰin-i ödterken odču abču ire, čaχa (niɫχa) minu Menglig!» kemeged nögčibei.

II (лл. 29—48)

§ 69. Yisügei-Baγatur-un öge-yi busu ülü boɫγan, Menglig odču Deyi-Sečen-e ögülerun: «Yisügei aχa Tömuǰin-i maši mörögedčü, örö-ben (ǰirüke) ebedümü. Tömüǰin-i abura irebe bi!» kemebe. Deyi-Sečen ögülerün: «Xuda köbegüniyen mörögedkü boɫbasu, odtuγai. Ödter üǰeǰü, odter iretügei!» Menglig Tömüǰin-i abuγad irebe.

§ 70. Tere χabur Amaγai-χaγan-u χatun Örbei, Soχotai χoyar χatun Yeke Iraγu (daγu) γarču aχui-dur, Ögelen-üǰin χoǰid odbasu, Örbei Soχatai γaruγsan (iraγu) inu idegen-eče χoǰidaγuɫbasu, Ögelen-üǰin Örbei, Soχatai χoyar-a ögülerün: «Yisügei-yi minu ükübe kemen, köbegüd-i minu yeke ülü boɫχui-eče, Yekes-ün kešig bilegür sarχud-eče yakin χoǰidaγulumui ta? Üǰeged odču ülü serigülün, ölisüged negükün boɫbai ta!» kemebe.

§ 71. Tere öge-dür Örbei Soχatai χoyar χatun ögülerün: «Amaγai-yi ükübe, kemen, Ögelen-e kürtele eyin kemegdekü boɫba.

Uriǰu ülü ögdekü mörtei či,
Učirabasu idekü yosutai či!
Kürgeǰü ülü ögdekü mörtei či,
Kürtebesü idekü yosutai či!

§ 72. «Ede ekes kobegüd-i nutuγ-tur gegeǰü negütkün! Buu böged abču yabutχun!» kemen, manaγarši edür-eče Tayičiγud Onan-mören ögede Tarγutai-Kiriɫtuγ, Tödegen-Kirte ten ködülerun (ger-iyen abun ködelǰü

yabuχun), Ögelen-iyen eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeǰü negügderün (negübei), Xongχotan-i Čirχa-ebügen odču idχan ögüleküi-dur Tödegen-Kirten ögülerün:

«Čegel usun nituraɫuγa,
(Čegen) čilaγun čaraɫuγa!» (čaγuraɫuγa?)

kemeged negüǰüküi. Čirχa-ebügen-i: «Ker idχaχu bülüge či?» kemeǰü, χoyina-eče inu ǰida-ber suγu χuduš inu ǰidalaǰu;

§ 73. Čirχa-ebügen yaratu boɫǰu, ger-tür-iyen ireǰü berke kebteküidür, Tömüǰin üǰere odbasu, tende Čirχa-ebügen ögülerün: «Sayin cčige-yin činu χuriyaγsan bida bürin uɫus-i Tayičiγud, aχa degüü tan-u, abču negüderün (negüküi-dür) idχabasu kemen oduɫuγa; eyin kigdebebi!» kemeǰükü. Tere öge-dür inu Tömüǰin uyiɫaγad γarču yorčiba. Tende Ögelen-üǰin irgen-iyen abču negügderün (negürün) beye-ber-iyen moriɫaǰu, ǰarim-ud irgen-i idχaǰuχu. Tede ber irgen ülü toγtan, Tayičiγud-un χoyina-eče negüǰüküi.

§ 74. Tayičiγud, aχa degüü anu, Ögelen-üǰin belbesün öčüken önöčin-i eke köbegüd-i nutuγ-tur gegeǰü negüǰüküi.

Ögelen-üǰin eme mergen törüǰü,
Önöčin köbegüd-iyen teǰiyerün,
Örnitele boγtaɫaǰu
Ögčitele büseleǰü,
Onan-mören ögede erte güyiǰü,
Ölirsün möyilsün tegüǰü
Ödur söni χoγoɫai-ban teǰiyebe.

Süldertei törügsen üǰin-eke
Suutan köbegüd-iyen teǰigerün,
Čögürsun široa bariǰu,
Södün gičigine uχuǰu,
Söni edur nögčiyebe.

Xatun törügsen üǰin-eke
Xad köbegün-iyen teǰiyerün,
Xayilasun široa bariǰu,
Xaɫdut temgün güyiǰü,
Xayiɫasun (χaliyarsun) manggirsun uχuǰu
Xantaɫa čadtaɫa idegülǰü teǰiyebe.

J̌arčimtai törügsen üǰin-eke,
J̌ayaγatu törügsen köbegün-iyen teǰiyerün,
J̌aba γooł-i ülü üleden,
J̌adχasun tömüsün uχuǰu,
J̌arčimtai sayitur teǰiyebe.

Γova törügsen üǰin-eke
Xutuγtan törügsen köbegüd-iyen teǰiyerün,
Γooł ǰaba ülü üleden,
Γoγursun maggirsun-iyer teǰiyebe.
Γova üǰin eke-yin
Γoγud manggir-iyar teǰiyegsen köbegüd inu
Xutuγtan sayid bołura kürbe.

Xatun üǰin-ü eke-yin
Xaliyarsun manggirsun-iyer teǰiyegsen köbegüd inu
Xad sayid bołura kürbe.

Sütei üǰin-ü
Südün kičigine-ber teǰiyegsen köbegüd inu
Sülsüten sečed bołura kürbei.

J̌arčimtai törügsen üǰin-eke-yin
J̌adχasun tömusün-iyer teǰiyegsen köbegüd inu
J̌ayaγatan sayid bołura kürbei.

§ 75. Ere sayid bołun baraǰu,
Erkün umdaγan-i eriye kemeldüǰü.
Eke-yin ači χariγułurun,
Elgügür geüge bariǰu
Eke-Onan-u ergi degere saγuǰu,
Eremdeg-ǰemdeg ǰiγasun geügileǰü,
J̌egü-ber elgügülǰü ǰamaγ dotora-kü
J̌edkün-geügileǰü, gölmi χubčiγur uyaǰu,
J̌irmud ǰiγasun-i šiγuǰu,
J̌iči eke-yi ačiłan teǰiyebe.

§ 76. Nigen edür Tömüǰin, Xasar, Begter, Belgetei dörbegüle χamtu saγuǰu, geügi tataχui-dur, nigen gegegen soχosun oroǰu, Tömüǰin Xasar

χoyar-eče Begter Belgetei χoyar buliyaǰu yabuba. Tömüǰin Xasar χoyaγuła ger-tur-iyen ireǰü, üǰin eke-dür ögülerün: «Öčügüdür bolǰoχui-yi (bolǰimur-i?) γodolidču (kereldun), mön teyin buliǰu abułuγa. Edöge basa gegegen soχosun geügi ǰaγuγsan-i Begter, Belgetei aχa degüü χoyar bulibai. Ker ałdaχun bida?» kemebe. Tere öge-dür üǰin-eke ögülerün; «Yegüǰi bütügei! (yaγun-u tuła) aχa-nar degüü-ner yakin teyin kildümü ta? Segü der eče busu nökür ügei, segül-eče öbere cöčige ügei, tere Tayičiγud aχa degüügiyin γašiγun berke aǰu, ken aburaχun?» kemeǰü bülüge. «Erten-ü Ałun-γova-yin tabun kobegüd metü yakin eye tan-u öbere bołbai? Ta bütügei! (teyimü bu uyiled!)» kemebe.

§ 77. Köbegüd inū ese dongγudba. Egüden orkiγad yorčiba. Begter ułχun degere širγa aγta tan yisün moridiyen χaraǰu saγun aǰuγu. Tömüǰin umara-eče, Xasar emüne-eče dałdułałduǰu, sumuban sołbičiǰu kürküi-lüge Begter üǰeged ögülerün: «Aχa degüü-lüge ałałduχui-dur nökür següder bołułčaya! Següder-eče nökür ügei, segül-eče busu čöčige ügei bülüge. Nökür kümün-ü γašiγun berke ese kü bülügei-üü? Edöge yakin namayi ta aman-u χaγasun (χalisun), nidun-u surmusun bołγamui? Bi yakin eyin aγdaba? γołumta-yi minu buu bürlegetkün, γaγča Belgütei-yi minu buu tebčitkün!» kemen, ǰabiłaǰu külčibei. Tömüǰin Xasar ta(n) emüno-eče inu χoyina-eče inu öter meleǰü odbai.

§ 78. Ger-türiyen χariǰu irebesü, üǰin-eke köbegün-iyen čirai uχaǰu, ögülerün:

«Xani-ben baraγsad,
Xataγuǰin saγunam.
Xałaγun-eče minu
Xaγałun γarurun,
Xara čisu γar-turiyen
Adχun törügsen bülüge.
Xarbisu-ban χačiχu noχai metü,
Xadan-dur dobtułχu sałbar metü,
Aγur-iyen darun yadaχu arsłan metü,
Amidu-yi ǰałgiχu mangγus metü!

Següder-türiyen doblułχu šongχor metü,
Sem-iyer ǰałgiχu čuraχa metü,
Botoγan-iyen borbin χaǰaχu buγura metü,
Boroγan edür dobtułχu čino-a metü!

J̌ulǰaγan-iyen kelin yadaǰu,
Idekü anggir metü;

Kebteši-yügen köndebesü,
Omögerikü čögübüri metü;
Bariǰu ülü saγaraχu bars metü,
Bałamut dobtułχu baruγ metü
Baraba ele ta!

Següder-eče busu nökür ügei,
Segül-eče cöčige ügei,

Tayičiγud aχa degüü-yin γašiγun daγusun yadan büküi-dür ker aya kemeǰü eyin kildün bui (kimûi) ta?» kemen, köbegüd-iyen öteges öge öriyedkün. χaγučin öges χadaγułun maši maγuyiłan ögülebe.

§ 79. Tedüi atała Tayičiγud-un Tarγutai-Kiriłtuγ turaχaγud-iyen uduridudču ireǰü, χułaγun sočiji, šilügen šiberčikü ireǰüküi. Tedüi ayuǰu, Ogelen-üǰin-eke, köbegüd aχanar degüü-ner Onan-u šiγui oi-dur širγułǰu, Belgetei modun χuγur-a tatałaǰu šibege (küriye) bariba. Xasar χarbułałduǰu, Xačuχun, Temüge, Temüǰin γurban-i ǰaba ǰaγura dürüǰü bülχałdun (dayiłun) büküi-dür, Tayičiγud daγudaǰu ögülerün: «Aχa-yuγan Tömüǰin-i ilege! Busud tan-u kereg-ügei!» kemegdeǰü Tömuǰin-i moriłaγułǰu, sem-iyer buruγudχan oi dotuγun ilegekü-yi Tayičiγud üǰeǰü üldeküi-dür, tegün-e öndür-ün šiγuidur orobasu, Tayičiγud orun yadaǰu, šiγui orčin-a sakiba.

§ 80. Tömüǰin šiγui-dotura γurban χonubasu γarsu (edöge) kemen mörin-iyen ködelǰü ayisuχui-dur, morin-eče emegel inu mültüriǰü χočorčuχu. Xaraǰu üǰebesü, kömüldürge kömüldürgelegse-bar, ołang ołangłaγsabar mültüriǰü χočorčuχu. Tedüi dotura-ben sedkirün: «Ołang-čigi bołtuγai (batu i ołbasu), kömüldürge ker mültürkü bülüge? Tngri minu idχan amui-uu?» kemen sedkiǰü, emegel-iyen toχudχun oruǰu basa γurban χonuba. Basa γarsu kemen ayisuχui-dur, šiγui-yin amsar-a χošiliγ-un tedüi gürü (čiłaγu) amsar-i inu böglen tusču: Tngri minu idχan amui uu? kemen, basa γurban χonuba. Yerü yisün χonoγ idegen-ügei aǰu: Nere ügei ber ker ükükui bui? kemen γarču ireǰü, tere χošiliγ-un tedüi čaγan gürü-yin orčin bükü γarbasu, ülü bołχu modun-i sumuči kituγa-ber oγtačiju, morin-iyen kötelün χałtariγułuγad γarχui-łuγa, Tayičiγud sakiǰu saγun aǰuγu.

§ 81. Bariǰu abuγad odču Tarγutai-Kiriłtuγ tan ułus irgen-dür-iyen kürčü, ǰasaγ ögüleldüǰü, Tömüǰin-i ayił tutum-dur-iyen niǰeged χonoγułǰu, bitügülün (kešün) yabuχui-dur, ǰun-u terigün sara-yin arban ǰirγuγan-a, ułaγan dergel edür, Tayičiγud Onan-u ergi degere χurimłałduǰu, naran šinggebesü ele tarχabai. Tende Tömüǰin-i tere χurim-dur kilbara keüked kümün-iyer sakiγułǰu bülüge. Xurim-un aran-i tarχaγułuγad tere kilbara

keüked kümün-i ginǰi baγu-ber-iyen ekin-i inu deleduged güyiǰü, Onan-u tün-dür (šiγui) orobai. Oroǰu kebteǰü üǰegdeküi-eče ayuǰu usun-u χargi-dur gedergü kebteǰü, baγu-ben usun uruγu urusχaǰu, niγur-iyen ile kebtebe.

§ 82. Tere aɫdaγsan kümün yeke daγu-ber: bariya tu (ginǰitu) kümün-i aɫdaba! kemen χayilaχui-dur, tarχaγsan Tayičiγud χuraǰu ireǰü, edür metü saraγur-a Onan-u tün-i bederibei (temečebei). Bederibesü (irebesü), usun-u χargi-dur gedergü kebteǰü bükui-dür Süldüdei-yin Torγan-Šira ǰob daγariǰü üǰeǰü, ögülerün: «Usun-a čilmei ügei, oγtorγuy-a mör ügei! χamiγaši odbai? kemeged: aχa degüü činu šidun aman belegüdüǰü ayisui. J̌öb ele kebteǰükü. Eyimü arγatu-yin tuɫa nidünduriyen γaɫtu, niγur-tur-iyen geretü bui kemen idχan aǰuγu. Či teyin-kü kebte(n), bi ülü ǰiγaǰu ögkü!» kemen nögčibe (önggeregülbe). Tayičiγud bederibesü (irebesü), bederiǰü (ireǰü) yadaǰu;

§ 83. χariǰu mön möriyer χariu bedereye (ireye) kemeldüǰü, mör-iyer χarin bederiǰü (ireǰü) ayisuχui-dur, basa Torγan-Šira ögülerün: «Tayičiγud noyan, bide gegen čaγan edür-iyer kübčin kümün-i aɫdaba. Xarangχui söni ker oɫχu? Möd-iyeriyen yabuγad, γaǰad-iyen yegüdken bederiǰü (γaǰaγun) tarχaǰu, manaγar edür čiγuɫun bederibesü (irebesü), χamiγa odχu?» kemegdeǰü, teyin boɫtuγai! kemeldüǰü, teyin bederiküi-dür, Torγan-Šira daγariǰu ögülerün: «Edüi bederiged tarχaǰu manaγar bederiye! (kemen, kümün-e buu ögüle) kemeldüǰü tarχaba. Namayi üǰelüge kemen, kümün-e buu ögüle! Edöge mani tarχaγuluγad, eke degüü-neriyen erin od!» kemen ögüleǰü χaribai.

§ 84. Teden-i tarχaγuɫuγad dotora-ben sedkirün: «Öčugen ayil bitegülün (kesün) asaraχui (teǰiyeküi)-dur, Torγan-Šira-yin ger-tür χonubasu, Čimbai, Čiɫaγun χoyar köbegün inu örö ǰirüke-ben ebedču, söni ginǰi baγuγu-yi minu suɫadχaǰu χonoγuɫun bülüge. Edöge basa Torγan-Šira namayi üǰeǰü ülü ǰiγan yorčiba (odba). Minu amin-i mön-kü tede aburamu-yu?» kemen Torγan-Sira-yin ger-i erin, Onan-mören ögede yorčibai.

§ 85. Ger-ün belge inu gegün-ü sün düsürügsen ösüg-iyen (ayiraγ) söni düli boɫtaɫa bülikü bülüge. Tere belge-ber bayin bayin sonusču bolγoγad, kürčü ger-tür inu oroχui-ɫuγa, Torγan-Šira ögülerün: «Eke degüüner-iyen erin od ese kelegsen buyu esekü kemelügei-üü (ese kelegsen buyu)? Ende yakin irebe?» kemebesü, Čimbai Čiɫaγun χoyar köbegün inu ögülerün: «Šibaγuχan turuγun-a (?) turumtay-a üldegdeǰü buta-dur χorγaɫabasu, buta ber aburayu! Šiɫγudun iregsen kümün-i yakin teyin kememü či?» kemeged, ečige-yügen ülü taγaɫan ginǰi baγuγu-yi anu čučaɫγu, γaɫ-dur tüleǰü, χoyitu ongγasutu χara tergen-dür niγuǰu, kümün-dür ülü kelen, Xadaγan neretü ökin degüü-düriyen asaraγuɫba.

§ 86. Γutaγar edür Tayičiγud irejü: «Ene baγuγu tu kümün χamiγa bołbai ja! Nökur jaγura bołbai ja. Nökür jaγura-ben nengjileldüye!» kemejü, ayil büri nengjigseger kü, Torγan-Šira-yin ger, tergen, iseri-yin ałam-dur (?) kürtele üjejü ese ołju, tere ongγasutu χara tergen-dür unuju (nengjijü) amsar-a bükü ongγasun tatałaju, köl-dür inu kürkui-dür Torγan-Širā ögülerün: «Yerü basa erimü! Xałaγun-a ongγasun dotora kobtegsen kümün ker daγusχu ajuγu? Sedkil-düriyen adali bołtała eri!» kemebesü, tere nengjigül baγuju irebe.

§ 87. Tere nengjigül-i oduγsan-u χoyina Torγan-Šira ögülerün: «Namayi ünesü-ber keyisken ałdaba či! Edöge ber bögesü, eke degüü-neriyen erin od!» kemejü, ama čaγan ermeg χułγačin-i unuγułju, del ekitü (χonin-u) χuraγa bołγaju kökür namaγa jasaju, emegel kete anu öggün, nigen numu χoyar sumu ögčü tałbiju ilegebe.

§ 88. Tomüjin tere oyidun (oi šiγui) šibegeleju χorγałaγsan γajarturiyen kürčü, ebesün-i ałurχai-ber möskijü, Onan mören ögede möskiged, örüne-eče Kimurχa-γoroχan-u oroju iren ajuγu. Tere ögede möskiged, Kimurχa γoroχan-u Beder-χošiγun-a χorčaχui bołtała(-bołdaγ-a?) jołγałduba.

§ 89. Tende neyileldüjü, tendeče odču Burχan-γałdun-u Gürelegü (görelekü) dotor-a Senggür-γoroχan-u Xara jirüken-ü Köke-naγur-a nutuγłaju bükü dür tarbaγa küčügüne ałaju iden bülüge.

§ 90. Nigen edür širγa aγta naiman mörid, ger-ün dergede bayiju bükü-dür, degeremčin irejü üjetele degermedčü odbai. Jabχaγun-iyer (yabaγad-iyer?) üjejü χočorbai. Belgütei oγotur dargi χongγor-i unuju, torbaγačiłara oduγsan ajuγu. Üdeši naran šinggegsen-ü χoyina, Belgütei dargi χongγor-tur tarbaγa ačiju nisχałajiγułun yabaγan köteljü: Širγa aγta bidan-u degerme abčü odba! kemebesü, Belgütei ögülerün: Bi nekesü! kemebe. Xasar ögülerün: «Či ülü čidaχu, bi nekesü!» kemebe. Tömüjin ögülerün: «Ta χoyar ülü čidaχu, bi nekesü!» kemejü, dargi χongγor-i unuju, širγa aγta tan-i ebesün-i ałurχai-ber möskijü, γurba χonoγ yabuju, manaγar erte nigen ołan sürüg aduγun-dur nigen keüked kümün gegün-i saγan bükü-dür jołγaju, širγa aγta tan-i surabasu, tere köbegün kümün ögülerün: «Ene manaγar erte, naran γarχui-yin urida, šarγa aγtatan naiman morid-i egüber üldejü yorčiba. Mör inu bi jiγaju ögsügei!» kemeged oγotur dargi χongγor-i tałbiγułju, oroγ singχuła-yi Tömüjin-e unuγułba. Öberiyen χuba-yuγan unuju, gertüriyen ülü odun, ečige eke-düriyen ülü ögülen, namaγa (χobuγa), saγułγa-ben keger-e tałbiju: «Nökür! Či mengdejü ayisui ajuγu (iregsen). Ere-yin eril-ele bögesü, nigen bui ja! Bi čimadur nöküčesü. Ečige minu Naχu-bayan kemegdemüi. Bi γaγča köbegün inu

Boγurči neretü bi!» kemeged, širγa aγta tan-i mör-iyer möskijü, γurban χonuju, üdesi naran χubar (dałda) tašin büküi-dür, nigen yeke küriye irgen-dür kürbesü, širγa aγta anu tere küriye-u kijaγar-a ebesün idejü bayiχui-yi üjeged, Tömüjin ögülerün: «Nökür, či ende bayi! Širγa aγta manu tere bui. Bi oroju üldejü γarγasuγai!» kemebesü, Boγurči ögülerün: «Nöküčesü kemen irelüge bi. Edöge ende yakin bayiχu bi?» kemeged, χamtu dobtułju oruγad, širγa aγta tan-i üldejü γarbai.

§ 91. Xoyina-eče inu ubur-subur (ułam-sułam) nekejü ayisun, nigen šingχuła moritu ułaγan degeltü kümün urγa-ban bariju γaγčaγar nekejü güyičejü irebe. Boγurči Tömüjin-e ögülerün: «Nökür numu sumu nada ača! Bi χarbułałdusu!» kemebesü, Tömüjin ögülerün: «Nökür, minu tułada, či erüstegüjei! Bi χarbułałdusu!» kemebesü, χarbułałduba. Tere čaγan moritu ułaγan degeltü kümün urγa-ber-iyen dokiju χočorba. Xoyitu nöküd inu ubur-subur güyičejüireküi-lüge, naran χuburi (dałda) tašin šinggejü odba. Dügüšin (burui) bołju, χoyitu nöküd inu baraγa bołdaju bayiju χočorba.

§ 92. Tere söni düliged, γurban edür söni dülijü, gerün oyira bołbasu, Tömüjin ögülerün: «Nokür, bi čima-eče anggida morid-iyen ker abχui bülüge? Bi kedüi-yi anu abunam?» kemebesü, Boγurči ögulerün: «Sayin nökür mengdejü irebe kemejü, tusa bołsu kemen irełüge bi. Ołjiłałčaju ab(a)su kemebesu, ečige-yin minu Naχu-bayan-u jögegsen γaγča köbegün-dür inu nada tügetele (baraši ügei) bui! Tuša bołuγsan minu yaγun bołχu?» kemejü ese abuba.

§ 93. Naχu-bayan-u ger-tür kürbe. Naχu-bayan köbegün-iyen Boγurči-yi jabχaju, nisun-niłbusun-ber aju saγuχui-dur genedte Boγurči kürbe. Naχu-bayan nigente dongγoddumui, nigente inigemüi: «Köbegün minu Boγurči ögüle, yaγun bołba?» kemebesü, Boγurči ögülerün: «Ene ken-ü sayin nökür mengdejü odun ajuγu. Nöküčejü odułuγa bi. Edöge irebe!» kemeged, aγułju odču, keger-e tałbiγsan namaγa-saγułγa-ben abču irebe. Tömüjin-e del-χuraγa ałaju, künesü öggüged, namaγa-degürge jasaju, künesülegülbei. Naχu-bayan ögülerün: «Xoyar jałaγus bui ta, nöküčeldütkün! Mön-e χoyina buu tebčileldütkün!» kemebe. Tömüjin tedü odču, γurban söni edür yorčiju, Senggür-γoroχan-a ger-türiyen kürbe. Ögelen-eke Xasar kiged degüü-ner inu erüjü saγun ajuγu. Üjejü bayasba.

§ 94. Tende Tömüjin Belgütei χoyar Deyi-Sečen-ü ökin Borte-üjin-i yisün nasutai büküi-dür üjejü iregsen-ber χaγačaju bülüge. Kerülen-mören uruγu erin odbai. Čigčer Čiχurχu χoyar-un jaγurā Deyi-Sečen Xongkirad tende ajuγu. Deyi-Sečen Tömüjin-i üjeged, bayasču ögülerün: «Tayičiγud aχa degüü nayidumu (eyedümü) kemen medejü, erüjü čögelei (čökürebei).

Naran-i üjebei-bi čimayi!» kemeged, Börte-üjin-i neyilegülüged egüskebei. Egüsken ayisurun (iréküi dür), Deyi-Sečen Kerülen-ü Jol-nuγudaeče, mariyan χalaγun bolju, Kerülen ögede χariba. Börte-üjin-ü eke Čotan neretei bülüge. Ökin-iyen üdejü Gürlegü dotora Senggür-γoroχan-a büküidür kürgejü irebei.

§ 95. Čotan-i χariγulun, Belgütei-yi ilegejü, Boγurči-yi nöküčeye kemen uriju ilegebe. Boγurči Belgütei-yi kürgegülüged, ečige-düriyen ülü kelen, bökötür χongγor-i unuju boro örmegen jangčin-iyen bögtörüged, Belgütei-lüge irebe. Tere nöküčegsen-ber nöküčegsen yosun anu teyimü buyu.

§ 96. Tendeče Senggür-γoroχan-eče negüjü, Kerülen-mören-ü terigüne Burgi-ergi-dür nutuγlan baγuju, Čotan eke-yin šidkül (emüskel) kemen χara bulγan daχu emüskejü bülüge. Tere bulγan daχu-yi Tömüjin, Xasar, Belgütei γurbaγula abču odču: «Erte edür χaγan-ečige-lüge man-u Kereyid irgen-ü Ong-χaγan anda kemeldügsen ajuγu. Ečige-lüge man-u anda kemeldügsen ečige metü buija. Ong-χaγan tusatu buyu!» kemen medejü Torχula-yin χara tün-e (šiγuy-a) büküi-dür odču, Ong-χaγan-dur Tömüjin köbegün ögülerün: «Erte edür ečige-lüge man-u anda kemeldügsen ajuγu. Ečige-kü buyu! kemen, gergei baγulγaju irelüge. Emüskel χara bulγan daχu ačiraba!» kemen ögülebe. Ong-χaγan maši bayasču ögülerün:

«Xara bulγan daχu-yin činu χariγu
Xaγačaγsan ulus-ičinu
Xamtudχaju ögsügei!
Bulγan daχu-yin činu χariγu
Butaraγsan ulus činu
Bütügelgejü ögsügei!

Bögere-yin bögsen, čegere-yin čegejin-dür atuγai!» kemebe.

§ 97. Tendeče χariju, ede öges-i eke-de ögülejü, bügüdeger bayasulčabai. Kerülen-ü Bürge-irge-de büküi-dür, Uriyangχadai kümün Jarčiγudaiebüge, körge-ben ögürčü, Jelme neretü köbegüd-iyen uduridču irejü ögülerün: «Terigün Onan-u Deligün-boldaγ-a büküi-dür, Tömüjin čimayi törüküi-dür bulγan öligei öggülüge bi. Ene köbegün-iyen Jelme-yi öggülüge bi. Očüken kemen abču odulγa. Edöge Jelme-yi:

Emegel-iyen toχoγul,
Egüden-iyen sakiγul!

kemejü ögbe!»

§ 98. Mön tende Kerülen-ü terigün-e Bürge-ergi-de büküi-dür, manaγar erte gerel-širal edür geyin büküi-dür (gere serge ür) Ögelen-eke-yin ger dotura ködelküi (ǰaruχui) χonoγčin-emegen ögülerün: «Eke, eke, ödtür bos, bos! γaǰar delberimüi, töbürige sonustamui! J̌aľγamšiγtan Tayičiγud ayisun ayu (iren amui)! Eke, ödtür bos!» kemebesü,

§ 99. Ögelen-eke ögülerün: «Köbegüd-i serigülütkün!» kemeged, Ögölen-eke ödtür-kü bosbai. Tömüǰin ten köbegüd odtürlen-kü bosuγad, morin-iyen bariǰu, Tömüǰin nigen morin unuba, Boγurči nigen morin unuba, J̌elme nigen morin unuba. Temülün-i Ögelen-eke degürbe. Nigen morin kötülbe. Börte-üǰin morin-i dutaba.

§ 100. Tömüǰin aχa-nar degüü-ner erte böged Burχan-γaľduna-du γarbai. Xonoγčin emegen Börte-üǰin-i χarγutai tergen-dür saγuľγaǰu, ed baraγan-ben oroγuľǰu, beye-ben tergen-dür saγuǰu, bögere alaγ üker-tür kölüged, aγuľa-dur yorčiχui-dur, Tönggülge (čöŋggür)-γoroχan-a (dögüm-e) ayisun büküi-dür, erü-baru-da edür geyin büküidür, esergü-eče čerig-ün arad (kümün) χatariǰu ergiǰü ireǰü: «Yaγun kümün či, kenükei bui?» kemen asaγba. Xonoγčin emegen ögülerün: «Bi Tömüǰinükei bui! Yeke ger-tür χonin kirγar-a irelüge bi. Edöge ongγašun tegeǰü, ger-türiyen χariǰu ayisui!» kemeǰüküi. Tendeče tede čerig ögülerün: «Tömüǰin ger-tür buyu-uu, ügei-üü? Ker keǰige (kedüi kiri) bui?» kemebesü, χonoγčin emegen ögülerün: «Ger-či oyira bui. Temüǰin-i bui ügei-yi ese medebe bi. Xoyina-eče bosuγad irelüge bi!» kemeküi-dür;

§ 101. Tede čerigüd tedüi χatariba. Xonoγčin emegen bögere alaγ üker-iyen deledüged, ödterken negükü boľγan, tergen-ü tenggeli χuγuraǰu odbai. Tenggeli-ben χuγuraγdaǰu yabuγan-iyer oi-dur kürčü oroya kemeldütele, daručan mön čerigüd Belgütei-yin eke-yi sundaľaγuľǰu χoyar köl-i inu čerbeǰigülǰü kürčü ireged: «Ene tergen dotura yaγun bui? kemebe. Xonoγčin ögülerün: «Ongγasun tegeǰü amu!» kemebe. Tede čerigüd-ün aχanar inu ögülerün: «Degüü-ner köbegüd, baγuǰu üǰetkün!» kemebe. Degüüner köbegüd anu baγuǰu, tergen-ü χaγaľγa negebesü, dotura inu χatun kümün saγun aǰu, tergen-eče čirčü baγuľγaǰu, χonoγčin emegen χoyar-i sundaľaγuľǰu abuγad,

§ 102. Tömüǰin-ü χoyina Burχan-γaľduna γurbanta χučiγuľǰu (dobtuľǰu), erüsün (iľaγad) yadaba. Eyin-teyin boľǰabašu (kügebesü), embü šibar, berke oi inu čadχuľang moγai širγubasu ülü boľχu berke oi-šiγui bülüge. Xoyina-eče inu daγaǰu erüsün yadaǰuχui. Tede γurban Merkid kemebesü, Uduyid-Merkid-ün Toγtoγa, Uas-Merkid-ün Dayir-Usun, Xaγad-Merkid-ün Xaγatai-Darmaľa, ede γurban Merkid erten-ü Ögelen-eke-yi Yeke-Čiledü-eče buliyaǰu abuľuγa kemen, edöge tere öšil öšin iregsen aǰuγu. Tede

Merkid ögülerün: «Ögelen-i ači aburan, edöge ami-yi anu ebüges-ečiges-ün ači-yi abubai bide!» kemeldüjü, Burχan-γałduna-eče baγuju, gertüriyen χariba. Tede Börte-üjin-i Čiledü-yin degüü, Čilgir-bökö-de asaraγułba.

§ 103. Tömüjin tende: γurban Merkid maγad buyu. Gertüriuen χaribasu esebesü kemen, χoyina-eče Belgütei, Boγurči, Jelme γurban-i γurban χonoγ daχułju Merkidi kügelgejü, Tömüjin Burχan-γałduna degere-eče baγuju, ebčigü-ben mögülidčü, ögülerün: χonoγčin eke-yi

«Solongγa bołju
Sonusχu-yin tuła,
Üne bołju
Üjekü-yin tuła,
Büdün beye buruγudun
Bökiye mör-tü
Buγu-yin orum orumłaju
Burγasun ger gerlen
Burχan-γałduna degere γarułuγa bi.

* * *

Xaγča amin-iyen χayiralan,
Xara mörtü,
Xandaγai-yin orum orumłan
Xałγasun ger gerlen
Γałduna degere γarba bi

* * *

Burχan-γałduna
Bögesün-ü tedui amin-iyen
Bołjiγułdaba,
Γałduna-Burχan-a
Xariyačin tedüi amin-iyen
Xałχałaγdaba bi.

Edöge Burχan-γaldun-i manaγar büri maniyasun, üdeši büri ujesügei! Uruγ-un uruγ-a minu uχatuγai!» kemen, naran esergü büse-ben küjügündegen elgüjü, malaγai-yi γat-tur-iyen segeldüjü, γar-iyen ebüdüg-tür-iyen daruju, γałduna jüg yisün-te sögüdčü, öčin sačuli sačuba.

III

§ 104. Tedüi kelelejü (kelelčijü), Tömüjin, Xasar, Belgütei γurbaγuła Kereyid-ün Ong-χan-dur Tuγulan-mören-ü χara-tün-e (šiγui) büküi-dür odcu ögülerün: «Γurban Merkid genen büküi-dür irejü, eme köbegüd-i minu daγuliju odba. Xaγan ečige minu aburaju, eme köbegüd-i ködeljü negülgejü ögtügei kemen irebe bi!» kemebesü, tere öge-yin χariγu Toγorił Ong-χaγan ögülerün: «Bi urida čimadur ese-kü ögülelügei-üü? Bulγan daχu abču irerün, ečige-yin čaγ-un anda kemeldügsen ečige minu buija! kemen, emüskel emüskegdebesü, tende bi ögülerün:

Bułγan daχu-yin činu χariγu
Butaraγsan ułus-i činu
Bütügeldüjü ögsügei!
Xara bułγan daχu-yin činu χariγu
Xaγačaγsan ułus-i činu
Xamtudχaju ogsü, kemen
Čegere (jeger-e)-yin čegejin,
Bögere-yin (taułai) bögsen-dür atuγai!

ese-kü kemelügei-üü bi? Edöge tere ögen-dür-iyen kürčü, —

Bułγan daχu-yin činu χariγu
Bügüde Merkid-i büreltele aγułju,
Börte-üjin-i činu nekegüljü ögsü!
Xara bułγan daχu-yin činu χariγu
Xamuγ Merkid-i γałdačiju,
Xatun Börte-yi činu
Xariγułju abču iresü bide!

Či Jamuχa degüü-de kele! gejü ilegebe. Jamuχa degüü (edöge) χorχoγjigür-e buija. Bi endeče χoyar tümen bołju jegün γar bołun moriłasu. Jamuχa degüü tendeče χoyar tümen bołju, baraγun γar bołun moriłatuγai Bidan-u bołjaγa Jamuχa degüü-deče bołtuγai!» kemebe.

§ 105. Tedüi Tömüjin, Xasar, Toγorił-χaγan-eče χariju irejü, gertür-iyen kürčü, Tömüjin Jamuχa-dur Xasar Belgütei χoyar-i ilegerün, Jamuχa anda-dur kürčü ogüle kemen ögülejü ilerün: «Γurban Merkid irejü, —

Örö-ben oγtarγu (ebedkü) bolba bi.
Ömeg nigeten bušuγu bide.
Öšil-iyen ker öšiku bide?
Ebür-iyen emteldebe bi.

Eligen-ü uruγ busuγu bide,
Ači-yuγan ker abχun bide?»

kemeǰu, J̌amuχa-da ögüleǰü ilegegsen öge edüi buyu. Basa: «Kereyid-ün Ong-χaγan-u ögülegsen öge-yi J̌umuχa-da ilegerün, erte edür Yisügei-χaγan ečige inu tusa sayin kigsen-i sedkiǰü, bi χoyar tümen bolǰu, bara-γun γar bolun morilasu. J̌amuχa degüü-de keleleǰü ilege. J̌amuχa degüü χoyar tümed ǰegün γar bolun morilatuγai. Χamtudχu bolǰaγa J̌amuχa degüü-deče boltuγai!» kemebe. Kemebesü, ede öges-i daγusχan baraǰu, J̌amuχa ögülerün: «Tömüǰin anda-yin —

Örö oγtarγu (ebedkü) bolba kemen medeǰü,
Örö minu ebedbe.
Ebür emteribe kemen medeǰü,
Elige minu ebedbe.
Öšil-iyen öšin,
Uduid, Uγas Merkid-i ülitkeǰü,
Üǰin-Börte-yi aburaya!
Χamuγ Asaγ-un Merkid-i γaldačiǰu,
Χatun Börte-üǰin-i
Χariγulan aburaya,
Ači-yuγan aburan, edöge
Gölme dabšiχui dur,
Kenggerge-yin daγu bolγaǰu,
Kökedeg Toγtoγa Buγura-keger-e buiǰa.
Χoi tayibalǰuχui-dur
Dayičigči Dayir-Usun
Iren Selengge χoyar-un ǰaγura
Du šiχa (ǰiχa)-da
Talun-aral-a (ködege) buiǰa.
Χamχaγulsun geyiskui-dür
Χara oi temečegči
Χaγatai Darmala edöge
Χaraču keger-e buiǰa.
Edöge bide dötülen,
Kilχu-mören oruǰu,
Saχal bayan ese atuγai!
Sal uyaǰu oruya!
Tere kökedeg Toγtoγa-yin
Erüke degere inu oruǰu,

Ergin egede inu
Émbürü daγariǰu,
Eme köbegüd-i inu
Ečültele aγuluya!
Xutuγ egede inu
Xuγuru daγariǰu
Xotala utus-i inu
Xoγosun bołtała aγułuya».

§ 106. J̌amuχa basa ögülerun: «Tömüǰin anda, Toγoril-χaγan aχa χoyar-a ögüle kemen ögüleǰü ilegerün:

Xaraγatu tuγ-iyen sacuba bi.
Xara buχa-yin arasun-iyer
Bürigsen bürkiren bükü,
Daγutu kenggerge-ben deledbe bi.
Xara χurdun-iyen unuba bi.
Xataγu degel-iyen emüsbe bi.
Xatan ǰida-ben bariba bi.
Xadχuratu sumu-ben ödülebe bi.
Xałaγun-Merkid-tur
Xadχułdun morilaya
Edöge böged kemen ögüle!

* * *

Urtu χaraγatu tuγ-iyen sačuba bi.
Üker arasun-iyer bürigsen
Ödken daγutu kengerge-ben deledbe bi.
Oroγ χurdun-iyen unuba bi.
Ötege sütü χuyaγ-iyen emüsbe bi.
Ükertü ildü-ben bariba bi.
Onitu sumu-ben onilaba bi.
Uduyid-Merkid-tür
Üküldüye bi böged kemen ögüle!

* * *

«Toγorił-χaγan aχa morilarun, Burχan-γałdun-u ebür-iyer Temüǰin-anda-yi ta Onan-mören-ü terigüne, Botoγan Boγurǰi-da bołǰaγał (bołǰiya) tende bołtuγai! Bi endeče Onan-mören ögede Botoγan-boγurǰi-da bołǰaγał γaǰar-a neyileldüye!» kemeü ögüleǰü ilegebe.

§ 107. J̌amuχa-yin ede öges-i inu Xasar Belgütei χoyar Tömüǰin-e ögüleǰü, Toγoriƚ ong-χaγan-a kürgebei. Toγoriƚ-χaγan J̌amuχa-yin ede öges-i kürgegülüged, sača χoyar tümed moriƚabai (χoyar tümen čerig-üd). Toγoriƚ-χaγan moriƚarun, Burχan-γaƚdun-u ebür Kerülen-ü Bürgi-ergi ǰorin ayisui kemen, Tömüǰin Bürgi-ergi-de bürün, mör-tür bui kemen, ǰayiƚaba. Tünggelig ögede negüǰü, Tas-γoroχan-a Burχan-γaƚdun-u ebür-e baγuǰu, Tömüǰin tende čerig egüskeǰü, Toγoriƚ-χaγan-u J̌iχa-Kambu nigen tümen, Toγoriƚ-χaγan nigen tümen Kimurχa-γoroχan-a Ayıƚ-χara-da baγuǰu büküi-dür, neyilen baγubai.

§ 108. Tömüǰin, Toγoriƚ-χaγan, J̌iχa-Kambu γurbaγuƚa χamtudču, tendeče ködelǰü, Onan-u terigün Botoγan-baγurǰida kürbesü, J̌amuχa boƚǰaƚ γaǰar-a γurban edür urida kürčüküi. J̌amuχa ede Tömüǰin, Toγoriƚ-χaγan, J̌iχa-Kambu tan-u čerig-üd-i üǰeged, J̌amuχa χoyar tümen čerig-iyen ǰasaǰu bayiǰuχui. Ede ber Tömüǰin, Toγoriƚ, J̌aχa-Kambuu tan čerigüd-iyen ǰasaγad-kü moriƚan, ǰiči neyileldüǰü taniƚduǰu J̌amuχa ögülerün:

«Boruγan ber bögesü —
Boƚǰaγaƚ (boƚǰiyan)-dur,
Xura ber bögesü
Xuraƚ-dur buu χoǰidaya!»

«Esegü kelelügei-üü (kemen ese kelebei-yu) bida? Mongγoƚ ǰa andaγartan busu-γu (bišiyu)? Xoǰidaγsan-i ǰerge tede γarγaya kü (kemen) esekü kemelügei-üü?» kemebe. J̌amuχa-yin ene öge-dür Toγoriƚ-χaγan ögülerün: «Boƚǰaγaƚ γaǰar-a γurban edür χoǰid boƚba! kemen γutuγuƚχu (doroyidaγuƚχū)-yi čimarƚaχu (buruγušiyaχui)-yi J̌amuχa-degüü medetügei!» kemebe. Boƚǰaγaƚ-un čimar (ǰime) edüi boƚγan ögüleldüǰü,

§ 109. Botoγan-boγurči-deče ködelǰü, Kiƚχu-mören-e kürčü saƚ uyaǰu getülüged, Buγura-keger-e Toγtaγa-beki-yin erüke degere-eče —

Ergin egede inu embürü daγariǰu,
Eme köbegüd-i inu
Ečültele daγulibai.
Xutuγ egede inu
Xuγuru daγariǰu,
Xotaƚa uƚus-i inu
Xoγosun boƚtaƚa daγulibai.

Toγtaγa-beki-yi kebtege bögetele kürküi bülüge. Kiƚχu-mören-e büküi ǰiγasučin, buƚγačin, görügečin taƚbiγsan tere ǰisun ǰaman (edür) söni dülin odčuχui. Tere-kele kürgegülüged, Uduyid Merkid-ün Toγtaγa-beki, Uas-

Merkid-ün Dayir-Usun χoyar χamtudču, Kilengge Selengge uruγu čöken beyes-iyen dutaγan buruγudčuχui.

§ 110. Merkid ułus Kelkei uruγu söni-de dörbejü yabuχui-dur, biden-ü čerig-üd dörbejü yabuχun Merkid-i söni-de kü daγulin (dobtułun) tałan yabuχui-dur, Tömüjin dörbejü ayisuχun irgen-dür: «Börte, Börte!» kemen daγudaju yabuχuǐ-dur učiraju Börte-üjin tede dörbegüljin irgen-dür büküi, Tömüjin-i daγu sonusču taniju, tergen-eče baγuγad güyijü irejü, Börte-üjin, χonoγčin χoyar Tömüjin-i jiłuγa čułbuγur-eče barijuχui. Saraγur (edür) bülüge. Üjebesü, Börte-üjin-i taniju teberiłdün jołγałdubai. Tende Tömüjin ber Toγorił-χaγan Jamuχa χoyar-a mön söni böged, ögülejü ilerün: «Erikü kereg-iyen ołba bi. Söni buu düliye! Ende baγuya!» kemejü ilegebei. Merkid-ün dörbijü ayisuχu-yi söni-de sandurču jaγura mön tende baγuju χonubai. Börte-üjin eyin jołγałduju, Merkid-eče abuγsan yosun eyimü buyu.

§ 111. Terigün urida Uduyid-Mekid-ün Toγtaγa-beki, Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun, Xaγad-Merkid-ün Xaγatai-Darmała ede γurba Merked ekilen γurban jaγun aran (kümün): edür-iyer Toγtaγa-yin degüü Yeke-Čiledü-eče Yisügei-Baatur Ögelen-i buliyaγdaju abdałai (buliyaju abubai) kemen, tegün-i öšil (öšiye) ačiran (abura) odču, Tömüjin-i Burχan-γałduna-da χočiγułχui (dobtułun kügeküi)-dür, Börte-üjin-i tende örüsčü (bariju), Čiledü-yin degüü Čilger-böke asaraγułuγsar ajuγu. Tere asaraγsabar anu Čilger-böke dayičiju γarun ögülerün:

«Xara keriye
Xalisu körisü
Idekü yosutu bögetele,
Xałaγun toγuruγud-i
Idesü kemen
Jasan ajuγu.
Xatar maγu Čilgir,
Xatun-üjin-dür
Xałaχu bołun
Xamuγ Merkid-e buruγu bołba.
Xaraču maγu Čilgir
Xara terigün-düriyen kürtekü bołba.
Γaγčaχan amin-iyen χorγułan,
Γarsu, χabčil-a širγusu!
Xałχa-da bołdaχuyu (bołumuyu)?
Xuładu-maγu šibaγun

Xuɫuγuna küčügüne
Idekü ǰayaγatu bögetele,
Xun-toγuraγud
Idesü kemen ǰasan aǰuγu.
Xoyar maγu bi Čilgir
Xutuγtai sutai üǰin-e
Xoričaǰu irekü boɫun,
Xotala Merkid-e buruγu boɫba.
Xokir maγu Čilgir,
Xokimai terigün-dür-iyen
Kürtekü boɫba bi.
Xoγosun-u (χuγursun-u) tedü i amin-iyen χoriγad,
Xorγatu χarangχui χabčil-a širγun daɫdalasu!
Xoγosun-u tedüi amin-i minu
Xorin ken-ele buɫχayu (buɫχamu)!»

kemeged dayiǰin dutaγaǰu;

§ 112. Xaγatai-Darmaɫa-yi erüsbe. Xoɫčirtu χabtasun baγu emüskeǰü γaɫdačaǰü yorčiγuɫbai (yabuγuɫbai). Belgütei eke-yügen abura odču, gertür inu baraγun egüde-ber oroχui-ɫuγa, eke inu nabtarχai nekei debeltei. ǰegün egüde-ber γaruγad, busu kümün-e ögülerün: «Köbegüd minu χad boɫǰuχu kemegdemüi. Bi ende maγu kümün-dür učiraǰu amu. Köbegüd-iyen čirai ker üǰekü?» kemeged, güyǰü šiγui oi-dur širγuǰuχui. Tedüi ese oɫdaɫuγa. Belgetei Noyan Merkidtei-yin kümün-i üǰebesü: Eke-yi minu abču ire! kemeǰü γodalidχu bülügc (oɫan-a daγurisχaba). Burχan-γaɫduna-dur χučiɫduγsan (dobtuɫuγsan) γurban ǰaγun Merkid-i uruγ-un uruγ-a kürtele ünesü-ber keyisken ülidkebei. Ülegsen eme köbegüd-i anu ebüridkü (asaraχu) metüs-i ebüridbei. Egüden-dür saγuɫγaχun metüs-i egüden-dür-iyen oruγuɫbai.

§ 113. Toγoriɫ-χaγan ǰamuχa χoyar-i Tömüǰin biširen ögülerün: «Xaγan ečige minu ǰamuχa-anda χoyaγuɫa nöküčegdeǰü, Tngri γaǰar-a küčü auγa nemegden, —

Erketü Tngri-de nereyidčü,
Eke Etügen-e kürgeǰü,
Ere neretü Merkid irged-i
Ebür ba anu oγtarγu (ebečitü) boɫγabai.
Aliba (Elige?)anu emtelbei bide.
Örö ba anu oγtarγu (ebečin) boɫγabai

Uruγ-un ba kümün-i ülidkebei bide.
Üligsen-i ba anu arbiłabai bide!»

Merkid irgen-i tedüi busangγaǰu (tałχa bołγaǰu), ičuya (χariya) kemeldübei.

§ 114. Uduyid Merkid dörberün, bułγan małaγatu, marał-un γodun γutułtu, ilgen ǰarγas usun-u χaliγun χaliγułuγsan (köbeglegsen) degeltü, tabun nasutu, Küču neretü, nidündür-iyen γałtu köbegüken-i biden-ü čerig-üd nutuγ-tu χočoraγsan-i ołǰu abčiraǰu (abču), Ögelen-eke-de sauxa (teǰiye) kemen ögbe.

§ 115. Tömüǰin, Toγorił-χaγan, J̌amuχa γurbaγuła χamtudču, Merkid-ün

Čorγan ger coγuriłaǰu
Čoγ eme köbegüd-i arbiłaǰu,

Orχon Selengge χoyar-un Šinei (kiχa) tałχun (tała) arał (ködege)-eče ičurun (χaribai), Tömüǰin, J̌amuχa χoyar χamtudču, Xorχoγ-ǰibur ǰorin ičubai. Toγorił-χaγan ičurun, Burχan-γałdun-i γarubai. Ükertü-ǰibur daγarin, Xuγuratu ebe-yin Uliyatu-χabčił daγarin, göröged-i inu abałaγad, Tuγuła-yin χara-tün (šiγui) ǰorin ičubai.

§ 116. Tömüǰin J̌amuχa χoyar Xorχoγ-ǰibur-a neylen baγuǰu, erten-ü anda bołułčaγsan-iyen duradułčan, tungχuduldun (bołχuy-a ögülen) amurałduba. Angχa urida anda bołułčarun, Tömüǰin arban nigen nasutai büküi-dur, J̌amuχa χurałtuγ šaχai Tömüǰin-e ögcü, Tömüǰin-ü čінggeltügtü naγadun-dur anu) šaχai-ber anda bołułčaǰu, Onan-u mösün-dür šaχałčaχuidur, tende anda kemeldülüge. Tegün-ü χoyin-a χabur ałanggir numutan χarbałałdun (temečeldün) büküi-dür, buγu-yin eber-iyer egüdügsen daγutu yor-iyen (numun-iyen) Tömüǰin-e ögčü, Temüǰin-ü arča mangłai tu γoduli arałǰiłduǰu andałałdubai. Nögöge-de anda kemeldügsen yosun anu.

§ 117. Urida ötöges-ün andačiłaχui öge sonusču, anda kümün amin nigen ülü tebčildün, amin-u arača (aburał) bołuyu! kemen amarałduχui yosun teyimü buyu. Edöge basa tungγusułduǰu (ögüleldüǰü) amuralduya kemeldüǰü, Tömüǰin Merkid-un Toγtaγa-yi arbiłaǰu (tegečileǰü) abuγsan ałtan büse-yi J̌amuχa-da büselegülbe. Toγtaγa-yin nekekei χaliγuni-J̌amuχa-da oruγułba (ögbe). J̌amuχa χariγu inu Uaas-Merkid-ün Dayir-Usun-i arbiłaǰu abuγsan ałtan büse-yi Tömüǰin-e büselegülbei. Dayir-Usun-i kü ebürtü önegün čaγan-i Tömuǰin-e unuγułba. Xorχoγ-ǰibur-un γooł-da Eger-gün-ü ebür-e saχałγar modun-a anda kemeldüǰü, amurałduǰu χurimłan tayiłan ǰirγałduǰu, söni könǰilen-degen χamtu χonułduχun bülüge.

§ 118. Tömüǰin J̌amuχa χoyar amurałdurun, nigen on bołǰu, nögüge on-u ǰarim amurałduǰu tere aγsan nutuγ-eče nigen edür negüye kemeldüǰü

negürün, ǰun-u terigün sara-yin arban ǰurγan-a ułaγan dergel edür negübe. Tömüǰin J̌amuχa χoyar χamtu tergen-ü urida yabuǰu ayisurun (oduγad), J̌amuχa ögülerün: — Tömüǰin anda!

«Aγuła šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-u
Xał čuχa kürtügei!
Ai ǰöb-üü?
Γoł šiχam baγuya,
Xoničin χurγačin bidan-u
Xoγołay-a kürtügei!
Xoriγ ügei busuγu-uu (bišiyu)?»

kemebe. Tömüǰin J̌amuχa-yin ene öge-yi uχan yadaǰu, sem-iyer bayiǰu χočorču, negüri (negüdel) dumda terged-iyen küliyeǰü, Tömüǰin ber Ögelen eke-de ögülerün: «J̌amuχa anda eyin ögülerun:

Aγuła šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-u
Xał čuχa kürtegei!
Ai ǰöb-üü?
Γooł šiχam baγuya,
Xoničin χurγačin bidan-u
Xoγolay-a kürtügei!
Xoriγ ügei bušiγu un?

kemen ögülemü. Bi ene öge-yi inu uχan yadaǰu χariγu inu yaγuba ese ögülebe. Eke-deče asaγuya kemen irebe!» kemebesü, Ogelen eke-yi dungγaduγa edüi (ögülekü-yin urida), Börte-üǰin ögülerün: «J̌amuχa anda uyidamuγai kemegden bülüge. Edöge biden-eče uyidχu čaγ inu bołba. Duγar-un J̌amuχa anda-yin kelelegsen kele biden-dür böged ǰigšikü metü ogë buyu. Bide ende buu baγuya! Ködölegsen-ber šiłuγuya! Γaγča söni dülin ködölüye!» kemebe.

§ 119. Börte-üǰin-ü öge-yi ǰöbšiyeǰü ülü baγuu, söni dülin ködülǰü ayisuχuidur, ǰaγura mör-tür Tayičiγud-i daγariba. Tayičiγud ber kökiǰü, mön soni ǰöricen Ǯamuχa ǰüg ködülbe kü. Tayičiγud-un Besüd-ün nutuγ-tur nigen öčüken Kökečü neretü köbegün-i nutuγ-tur χočoruγsan-i bidan-uχai abču ireǰü, Ögelen-eke-de ögbe. Ögelen-eke ger-tür-iyen teǰiyebe.

§ 120. Tere söni düliǰü, edür geyibesü üǰebesü, J̌ałayirun Xačuγun-Toχuraγun, Xarχai-Toχuraγun, ede γurban Toχuraγun aχa-nar degüü-ner söni düliłdüǰü ayisun aǰuγu. Basa Tarγud-un Xadaγan Dałdurχan aχa-nar

degüü-ner tabun Taryud ayisun aǰuyu. Basa Menggetü Kiyan-u köbegün Öngkür tan Čangšiyud Bayayud-iyer ayisun aǰuyu. Barłas-eče Xubiłai-Xudus aχa-nar degüü-ner irebei kü. Mangyud-eče J̌etei, Doχołχu-čerbi (törügüü noyan), aχa degüü χoyar irebei kü. Boyurči-yin degüü Egöle-čerbi Aralun-eče χayačaǰu, aχa-dur-iyen Boyurči-da neyilen irebei kü. J̌elme-yin degüü Čurχan, Sübegetei-Bayatur Uriyangχan-eče χayačaǰu J̌elme-dür neyilen irebei. Besüd-eče Degei, Küčügür aχa degüü χoyar irebei kü. Suldus-eče Čilgütei-Taχai, Tayičiyud-eče aχa-nar degüü-ner irebei kü. J̌ałayir-un Sira-Domoy, Arχai-Xasar-Bała köbegüd-iyer-iyen irebei kü. Xongχotan-eče Süketü-čerbi irebe. Sükegen-ü J̌egei, Xongdaχar-un köbegün Sükei-ǰegün irebe. Negüdei Čayan-yoa irebe. Olχonud Dai-Kinggetei. Xorłos-eče Sečegür. Dörben (Dörbed)-eče Moči-Bidügün irebe. Ikeres-uń göriged te (görögelen) yabuysabar irebei kü. Noyakin-eče J̌ünggei irebei. Oroχar-eče J̌iryuyan irebei kü. Barłas-eče Γoa-Sečen, Xaračar köbegüd-lüge-ben irebe. Basa Bayarin-u Xorči-Usun ebügen, Köke-Čos Menen-Bayarin-iyer irebei.

§ 121. Xorči ireǰü ögülerün: «Bodončar Boyda-yin bariǰu abuysan eme-deče törügsen ba J̌amuχa-łuya kegeli nigeten yayčatan (?) bülüge. J̌amuχa-deče ülü χayačaχun bülügei bi. J̌ayarin ireǰü nadur nidün-dür, üǰügülbei. Xuχuyčin (?) öngge ireǰü, J̌amuχa-yi orčiǰu (orčin toyorin) yabuǰu, ger tergen-i inu mörgülüged, J̌amuχa-yi mörgüǰü, örögelen eber-iyen χuyuraǰu, solǰir eber-tü bolǰu: Eber-i minu ača! kemen, J̌amuχa-yin ǰüg mörgülen mörgülen, široi sačun sačun bayimu. Xuχa (?) üker yeke ber gerlüge (barayan-i?) degere ergüǰü (ačiǰu) köłǰü ǰidküǰü, Tömüǰin-ü χoyina-eče yeke tergegür-iyer mögüren mögüren ayisurun (iremüi): Tengri yaǰar neyileǰü, Tömüǰin-i Ułus-un Eǰen bołtuyai! kemen, Ułus tegeǰü ayisui! kemen, ǰiyarin nidün-dür üǰügülǰü, nadur ǰiyamu! Tömüǰin, či Ułus-un Eǰen bołbasu, nama-yi ǰiyaysan-u tuła kerkiǰü ǰiryayułχu či?» kemebe. Tömüǰin ögülerün: «Unen teyin Ułus medegülbesü, Tümen-ü Noyan bołyasu!» kemebe. «Eligetü (?) törü-yi ǰiyaysan kümün nama-yi Tümen-ü Noyan bołyasu yayun ǰiryałang bui? Tümen-ü Noyan bołyayad, Ułus-un yoayoyas sayin ökid-i abχayułǰu, yučin ba emetü bołya! Basa kelelegsen-i (ögülegsen-i) minu kü sonos!» kemebe.

§ 122. Γoyas (yoa) terigüten Geniges nigen küriye (ayimay) irebe. Basa Daritai-odčigin nigen küriye irebe kü. J̌adaran-eče Muχuła-χuχu irebe. Unǰin-sayurin nigen küriye irebei kü. J̌amuχa-da-eče χayačan ködelüged, Kimurχa-yoroχan-u χaraya (üǰelde) bayuǰu büküi-dür, Sečen-beki, Tayiču χoyar nigen küriye; basa Tayiši-yin köbegün inu Altan Xučar-beki nigen küriye; basa Xutała χayan-u köbegün Ałtan-odčigin nigen küriye, —

J̌amuχa-deče χaγačan ködelǰü, Tömüǰin-i Kimurχa-γoroχan-u ayiłχaraγa-da baγuǰu büküi-dür, neyiłen baγuǰu, tendeče negüǰü Gürelgü dotora Senggür-γoroχan-u Xara-ǰirüken-ü Köke-naγur-tu baγuǰu.

§ 123. Altan, Xučar, Sečen-beki bükün eyetüleldüǰü, Tömüǰin-e ögülerün: «Čima-yi χaγan bołγaya! Čima-yi χaγan bołγabasu, —

Ołan dayin (dayisun)-dur
Ayałaǰu aγułǰu,
Öngge sayin ökid,
J̌indu (tere) ordo ger
Xari irgen-ü
Xačar γoa χatun
Xarγam sayin aγta
Xatariγułaǰu abču ireǰü ögsü!

* * *

Oroγa görögesün-i abałabasu,
Utaraǰu ögsü!
Oyin görögesün-i bederibesü,
Aru aγudałǰu γarγan ögsü!
Keger-ün görögesün-i
Kegeli inu nigedtele siχaǰu ögsü!
Xabčang šiχam dur inu
Xaγudał ügei örgügen ögsü!

* * *

Γun-u görögesün-i
Γuya inu nigedtele šiχaǰu ögsü!
Γurbi-yin görögesün-i
Xudχułǰu γarγan ögsü bi!

* * *

Xadχulduχui edür anu
Xałχa činu biši bołγabasu,
Xari-širi-eče manu
Xaγačaγułǰu,
Xara terigün-i manu
Xösür-tür-ber gegeǰü od!

* * *

Engke edür
Eye-yi činu ebdebesü,
Eres χara-deče,
Eme köbegüd-eče manu
Erügüljü,
Ejen ügei γajar-a gegejü od!»

Edüi öge baraldaju, eyin aman aldaju, Degere Möngke Tngri-dür-sačuliben sačuju yisün költü caγan tuγ-iyen χadχun bayiγulju, ... Činggis-χaγan nere ögčü χaγan bolγabai ...

§ 124. Činggis χaγan boluγad, Boγurči-yin degüü Egölen-čerbi χoor aγsaba (χorumsaγ, saγadaγ), Xačuχun-Toχuraχun χoor aγsaba. Engkür-Süyiketü-čerbi, Xadaγan, Daldurχan γurban ögülerün:

«Manaγar-un undan
Buu meküdegülsügei (dalaγulsuγai),
Üde-yin undan
Buu osoldasuγai!».

kemen baγurčin bolba. Degei ögülerün:

«Šineken irebe.
Šilun bolγaju,
Manaγar buu meküdegülesü,
Xonoγ-tur buu χojidaγulsu?
Alaγčiγud χonid-i aduγulaju,
Xotan dögürgesü,
Xoγolančar maγu bülüge bi,
Xonin adulaju
Čaγan miχa idesü!»

kemen, χonin aduγulabai. Degüü inu Küčügür ögülerün:

«Cögürgetei tergen-i činu
Buu cögüdegülsü,
Degesütei tergeni
Tergegür degere buu degedegülsü!»

kemejü, terečn (?) bolbai. «Dödei-čerbi ger dotura ger-iyin tudχar-i bekelesügei! kemebe. Xubilai, Čegülgetei, Xarχai-Toχuraχun γurbaγula Xasar-luγa nige bolun, üldüs

Küčirkegčid-i
Küjügün-i anu kerkigdekün (oγtałutχun),
Omorχoγ-ud-i
Omoriγud-i anu öngeljitkün!»

kemebe. «Belgütei, Xarałdai Toχuraγun χoyar-i

Aγta bariχu
Aγtačin bołtuγai!»

kemebe. Arχai-Xasar, Taχai, Sükei, Čaγurχan dörbegüle-yi:

«Xoła-yin χonočaγ (χonoγ),
Oyira-yin udura (uduridχał, γajarči) bołtuγai!»

kemebe. Sübegetei-Baγatur ögürerün:

«Xułaγana bołju
Xuriyałdusu,
Xara keriye bołju
Γadaγun bükün-i
Xorimałdasu (?).
Nemüriye šejegei (šajaγai) metü
Nemüreleldün suyisuγai.
Geriske (keriye) šejegei bołju
Ger jüg gerisleldün soriyasu!»

kemebe.

§ 125. Tendeče Činggis-χaγan χaγan bołju, Boγurči, Jelme χoyar-a ögülerün: «Ta χoyar nama-yi

Següder-eče busu nökur ügei-dür,
Següder bołju,
Sedkili minu amuγułbai ja ta.
Sedkil-dür atuγai!
Segül-eče busu cüčige ügei-dür,
Segül bołju,
Jirüken-i minu amuγułbai ja ta.
Čegeji dotura minu atuγai!»

«Ta χoyaγuła urida bayiγsan ber sanaju ülekü aχun ta?» kemebe. Basa Činggis-χaγan jarliγ bołurun: Tngri γajar-a küčü nemegdejü ibegegdebesü, ta Jamuχa-anda-eče nama-yi kemen sedkijü nöküčesü kemen iregsed,

öteges öljeyiten nökür minu ülekü bołutχun ta (degedü tedeger nöküčeldügsen arad)!» kemebe. Eyin kemejü jüg jüg-eče tüšibei.

§ 126. Činggis-χaγan-i χaγan bołγabai kemen Kereyidün Toγoriłχaγan-dur Taχai Sükei χoyar-i elči ilegebe. Toγorił-χaγan ögülerün: «Tömüjin köbegün-i minu χaγan bołγaχu tanu nai jöb! Ta Mongγoł χaγan ügegün ker aχun ta?

Ene eye (jang-iyen)
Buu tayiłutχun (ałdaraγułuχun)!
Aχa-ben (ber-iyen)
Tarχułutχun (?).»

kemejü ilegejüküi.

IV

§ 127. Arχai-Xasar, Čaγur-χan-χoyar-i Jamuχa-dur elči ilegebesü, Jamuχa ögülerün: «Ałtan-Xučar, Sečen-beki χoyar-a ögüle kemen ögülejü ilegeγün: Ałtan-Xučar, Sečen-beki! Ta χoyar Tömüjin anda bide χoyar-un jaγura—

Sübege sejijü (čičıjü),
Xabirγa χadχuju,

yakin χaγačaγułba ta? Anda bide χoyar-i ülü χaγačaγułun χamtu büküidür, Tömüjin anda-yi χaγan yakin ese bołγabai ta? Edöge yambar ele sedkil sedkijü χaγan bołγabai ta? Ałtan-Xučar, Sečen-beki, ta χoyar, ögülegsen öges-tür-iyen kürün, anda minu sedkil-i amuγułju, anda-da minu sayitur nöküčejü öggütkün!» kemejü ilegejüküi.

§ 128. Tegün-ü χoyina Jamuχa-yin degüü Tičar Ałma-yin ebür-e Ölgei-bułaγ-a bürün biden-ü Saγari-kegere bükü Joči-Darmała-yin aduγun degermedüre odču, Tičar Joči-Darmała-yin aduγun degermedčü abču odčuχui. Joči-Darmała aduγu-ben degermedčü odduju, nöküd-iyen jirüke yadaγdaju, mön Joči-Darmała nekejü odču, söni aduγun-iyen kijaγar-a kürčü, merin-iyen del degere elige-ber-iyen kebtejü kürčü, Tičar-un niruγun-i χuγura χarbuju ałaγad, aduγu-ben abuγad irejüküi.

§ 129. Degüü-ben Tičar ałaγdaba kemen, Jamuχa terigüten Jajiran arban γurban χari nöküčejü, γurban tümen bołju, Ałaγud-turχaγud-iyer dabaju, Činggis-χaγan-dur moriłaju ayisui kemen, Ikeres-eče Möleke-toγa, Borołdai χoyar Činggis-χaγan-i Gürelgü-de büküi-dür kelen kürgen irejüküi. Ene kelen (öge-yi) medeged, Činggis-χaγan arban γurban küriyed (ayimaγ) bülüge. Γurban-kü tümed bołju, Jamuχa-yin esergü inu moriłaju,

Dalan-baljud-a bayitduju, Činggis-χaγan Jamuχa tan-i ködelgegdejü, Onan-u Čarγan-χabčiγay-a χorobai. Jamuχa ögülerün: «Onan-u Čarγan-χabčiγay-a χorobai bide!» Ergijü χarirun kemeged, Činos-un köbegüd dalan toγon-dur bučalaju, Negüdei-Čaγan-γoba-yin terigün-i inu oγtalju, morin-u segül-dür čirčü odbai.

§ 130. Jamuχa-yi tendeče χariγuluγad, Uruγud-un Jurčidai Uruγud-iyen uduriduγad, Mangγud-un Xuyildur Mangγud-iyen uduriduγad, Jamuχa-eče χaγačaju, Činggis-χaγan-dur irebei. Xongχatan-u Menlgig ečige Jamu-χa-da aju, doluγan köbegün-lüge-ben irebei. Činggis-χaγan öber-tür-iyen ulus irebei kemen bayasču, Ögelen-üjin, Xasar, Jürken-ü Sečen-beki, Tayičutan bügüde eyetüldün jöbsiyeldüjü, Onan-u tün-dür χurimlaya kemeldüjü χurimlaχui-dur, urida Jürken-ü Sečen-beki Tayičutan Ögelen-eke terigülen Činggis-χaγan-i jalaba. Törül törügsen biden-ü öbere bisi, nigen bile. Maγu maγu-ber yabuχu buyu? gejü jalaχui-dur, Ögelen-eke jarliγ bolba: «Xoortan dayisun čöken, χooratu moγai-yi narin gejü buu sana, itegel ügei sereltei bui!» Kemebesü, Boγda Ejen jarliγ bolba: «Xabutu Xasar, či saγadaγ χadaγalan, Böke Belgetei či jasaγul bai! Xačuχu či mori χadaγala, oyitu Odčigin či minu dergede saγu! Yambar ba üyile medege-ügei buyu!» Gejü jarliγ bolba. Jurken maγu sedkijü nüke uχuju, degere inu esegei debisügsen ajuγu. Ejen esegei-yin dumda saγuχuya jabduγsan-dur, Odčigin Ejen-ü beye-eče tataγad, debisker-ün jiχa-du saγulγaba. Činggis-χaγan-a, Ögelen-üjin-e, Xasar γurban-a Sečen-beki nigen düsürge düsürčüküi. Basa Sečen-beki-yin öčüken eke Ebegey-e terigülen nigen düsürge düsürkü-yin tula, Xorijin-χatun, Xuγuγčin-χatun χoyar: «Mana ülü terigülen ker düsürüyü?» kemen, baγurči Čikürči-yi askijiγu. Baγurči Šikürči ögülerün: «Yisügei-Baγatur, Nekün-tayiši χoyar-i ügei-yin tula eyin askiγdaχu minu yaγun?» kemeged, yeke daγu-ber uyilajuχui.

§ 131. Tere χurim-i biden-eče Belgütei jasaγad, Jürkin-eče Büri-böke tere χurim-i jasan bülüge. Jürken-eče nigen eme kümün duγulju ireged, jöbdeki döröge-yi oγtalju abču odχu-yi Belgütei üjeged, tere eme-yin köl-i inu χuγu tašiju orkiba. Tendeče Büri-böke tere χulaγaiči-ben ömögeren, Belgütei-lüge nasuda abuldarun (nočoldubai), Belgetei baraγun χančuban mültüljü, ničügün yabuχu bülüge. Tere mültülügsen ničügün mörü inu Büri-böke ildü-ber χaγa čabčijuχui. Belgetei teyin čabčiγdaju bögetele, yaγun-a-ber ülü bolγan, ülü senggeren, čisun čuburiγulju yabuχu-yi Činggis-χaγan següder-tür saγuju χurim dotura-eče üjejü, γarču irejü ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge». kemeküi-dür, Belgütei ögülerün: «Manaγar edürei čabčiγsan bülüge. Minu tulada aχa degüü-dür eyetüldün büküi-dür bütügei (buu üyiled)! Bi ülü aljiχu, ilaγari bui!» kemebei.

§ 132. Belgetei tedüi idχabasu ülü bol͏un, modun-u gešigün-i χuγura tatal͏aǰu, itügesün bülegür čuγučiǰu abču askil͏al͏duǰu, J̌ürken-i il͏γaǰu, Xuγuγčiŋ-χatun, Xoriǰin-χatun χoyar-i buliǰu abubai .... Tegün-ü χoyina teden-i teyimü öge bayil͏uγa. J̌ürken ǰiči mön ǰokil͏duya kemeldüǰü, Xuγuγčin-χatun, Xoriǰin-χatun-i ičuγču (dakiǰu) ǰokil͏duya kemen, ičuχu nigečileldün (?) ǰokil͏dun büküi-dur, tere učira Kitad-un irgen-ü Al͏tan-χaγan Tatar-un Meküǰin-Segültü-yi eye-dür-iyen ülü oruγdarun (esc orubai kemen), Onggiyan-čingsang-i čerigüd-iyen buu saγara! kemeǰü ilegdeǰüküi. Onggiyan-čingsang Meküǰin-Segültü terigüten Tatar-i Ul͏ǰa ǰorin, aduγu idegens elte-yi türiǰü ayisui kemen medebei. Tere kelen-i medeged,

§ 133. Činggis-χaγan ögülerün: «Erte edür-eče Tatar irgen ebüges ečiges-i baraγsan östen kisten irgen bülüge. Edöge ene χanal͏γa-dur χabsaya bide!» kemeged, Toγoril͏-χaγan-dur elči ilegerün: «Al͏tan-χaγan-u Onggiyan-čingsang Tatar-un Meküǰin-Segültü terigüten tedeger Ul͏ǰa ögede türiǰü (kürčü) ayisui kememüi. Ebüges ečiges-i biden-i baraγsan Tatar-i χabsaya bide! Toγoril͏-χaγan ečige ödter iretügei!» kemen kelen kürgen elči ilegebei. Kelen kürgegülüged, Toγoril͏-χaγan ögülerün: «Köbegün ǰob! keleǰu ilegeǰüküi! Xamsaya bide!» kemeged, γutaγar edür čerig-iyen čuγulγaǰu, čerig egüskeǰu, Toγoril͏-χaγan ödterlen ireǰü, Činggis-χaγan, Toγoril͏-χaγan χoyar J̌ürken-ü Sečen-beki Tayiču terigüten J̌ürken-e keleleǰü ilegerün: Erte edür-eče ebüges ečiges-i biden-ü baraγsan Tatar-i edöge ene χanal͏γa-dur χamsaya, χamtu moril͏aya! geǰü ilegeǰüküi. J̌ürken-i iregdeküi-eče (iremü kemen) ǰirγuγan edür külčeǰü (küliyen) yadaǰu, Činggis-χaγan, Toγoril͏-χan χoyar χamtu čerig egüskeǰü, Ul͏ǰa uruγu Onggiyan-čingsan-l͏uγa χamsan ayisuχui-dur, Ul͏ǰa-yin χošiγun-du Šitügen Naratu šitügen-e Tatar-un Meküǰin-Segültü Tatar tende χaraγa bariǰuχui. Činggis-χaγan, Toγoril͏-χaγan χoyar χorγol͏aγsan Meküǰin-Segültü-yi tende al͏aǰu, mönggün ölegei tanatu könǰile-yi inu Činggis-χaγan tende abuluγa.

§ 134. Meküǰin-Segültü-yi al͏aba kemen, Činggis-χaγan Toγoril͏-χaγan χoyar Onggiyan-čingsang-un esergü odbai. Onggiyan-Čingsang Meküǰin-Segültü-yi al͏aǰuχui kemen medeǰü, maši bayasču Činggis-χaγan-a čaγ-un törü nere ögbe. Kereyid-ün Toγoril͏-χaγan-a Ong nere ögbe. Onggiyang-čingsang-un nereyidügseber tendeče (tegün-eče) bol͏bai. Onggiyan-čingsan ögülerün: «Meküǰin-Segultü-yi χabsaǰu al͏aγsan tanu Al͏tan-χaγan-a öčimüi bi. Egün-eče yeke nere inu Tao nere ögkü-yi Al͏tan-χaγan medetügei!» kemebe. Onggiyan-čingsang tendeče tedüi bayasču ičuba (χariba). Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar tende Tatari tuliǰu (tegši) χubiyal͏duǰu abul͏čaǰu ger-tür-iyen baγubai.

§ 135. Naratu-šitügen-e bayuγsan nutuγ-tur daγuliχui-dur (bayiłduχui) nigen öčüken köbegüken-i biden-ü (manu) čerig-üd nutuγ-eče ołǰu, ałtan egemeg dörbelǰitü, daǰi torγan bułγan-iyer dotorłaγsan eligebčitü köbegün-i abči ireǰü, Ögelen-eke-de sauχa (asara) kemen ögbe. Ögelen-eke ögülerün: «Sayin kümün-ü köbegün aǰuγu ǰa! Nökür sayitu kümün-ü uruγ bui ǰa!» Tabun köbegün-degen degüü ǰirγuduγar köbegün bołγan, Šigiχutuγ kemen nereyidčü eke asaraba.

§ 136. Činggis-χaγan-u aγuraγ Arγalitu- naγur-tur bülüge. Aγuraγtur χočoroγsan tabun aran-i (kümün-i) χubčin (degeremčin) tonoǰuχui. Arban aran-i ałaǰuχui. J̌ürken-e teyin kigdebei, kemen, biden-ü aγuruγtur χočoroγsad Činggis-χaγan-a ǰiγabasu, ene kelen (ōge) sonosuγad ayimaγ ču (?) kilinglen ögülerün: «Ker eyin kigden bülüge bide? Onan-u tündür χurimłaχui-dur, Belgetei-yin mörü mön kü čabčibai. J̌okiłduya kemebesü, Xuγuγčin-χatun, Xoriǰin-χatun χoyar-i ičuγaǰu ögbe (χariba?). Bide tegün-ü χoyina erten-ü östen kisten biden-ü ečiges ebüges-i baraγsan Tatar-i χabsan moriłaya kemen, J̌ürken-i ǰirγuγan edür küličeǰü (küliyeǰü) ešekü iregdebei (irelüge). Edöge dayisun basa dayisun-dur šiχan, dayisun mön-kü bołuyu!» kemeged, Činχgis-χaγan J̌ürken-dür moriłaba. J̌ürken-i Kerülen-ü Ködöge-arał-un Dołuγan-Bołdaγ-ud-ta büküi-dür, J̌ürken-i daγulibai. Sečen-beki Tayiču χoyar čöken beyes-iyen dutaγabai. Xoyina-eče anu nekeǰü, Teltü amsar-a güyičeǰü, Sečen-beki Tayiču χoyar-i baribai. Činggis-χaγan Sečen-beki Tayiču χoyar-a ögülerün: «Erte edür bide yaγu kemeldülüge?» kemebesü, Sečen-beki Tayiču χoyar ögülerün: «Ögülegsen ögen-dür-iyen ese kürbe, öge manu kürge!» kemeged, öges-iyen medereǰü tüšiǰü ögbei. Öges-i anu medereguǐǰü, mön tende gebei (ałabai).

§ 137. Sečen-beki Tayiču χoyar-i bütügeged (ałaγad) χariǰu, J̌ürken irgen Telketü-Bayan-u köbegün Гoba, Čiłaγun-χayiču, J̌ebege tede ǰürkendür aǰuγu. Гoba, Muχali Buχa χoyar köbegün-iyen aγułǰu, ögülerün:

«Bosuγa-yin činu
Boγoł bołtuγai!
Bosuγa-deče činu
Bołǰibasu,
Borbi anu oγtał!
Egüden-ü činu
Emčü boγoł bołtuγai!
Egüden-eče činu
Eyilbesü,
Eliged anu
Edkeǰü getkün!»

kemeǰü ögbe. Čiłaγun-Xayiču, Tüke-Xasar χoyar köbegüd-iyer-iyen basa Činggis-χaγan-dur aγułǰaǰu, ögülerün:

«Ałtan bosuγa-yi činu sakiǰu
Atuγai kemen ögbei bi.
Ałtan bosuγa-deče činu
Anggida odubasu,
Amin inu tasulǰu getkün!
Egüden-i činu
Ergüǰu ögtügei kemen ögbei bi.
Örgen egüden-eče činu
Öbere odubasu,
Örö inu nitulǰu getkün!»

kemen, J̌ebege-yi Xasar-a ögbei. J̌ürken-ü nutuγ-eče Boroγuł neretü öčöken köbegün-i J̌ebege abču ireǰü, Ögelen-eke-de ögbe.

§ 138. Merkid-ün nutuγ-eče ołuγsan Küčü neretü köbegün-i, J̌ürken-ü nutuγ-eče ołuγsan Boroγuł neretü Köbegün-i, Besüd-ün nutuγ-eče ołuγsan Kökečü neretü köbegün-i, Tatar-un nutuγ-eče ołuγsan Šigi-χutuγtu neretü köbegün-i—ede dörben-i ger dotura teǰiyeyrün Ögelen-eke asaraba. Köbegüd-tegen edür üǰekü-yin nidun, söni sonosχu-yin čikin bołγayu! kemen, ger dotura teǰigebei.

§ 139. Ede irgen-ü yosun J̌ürken bołurun, Xabuł-χaγan-u dołuγan köbegüd-ün aχa angχa Okin-Barχaγ bülüge. Köbegun inu Čorχatu-J̌ürki bülüge. Xabuł-χaγan-u köbegüd-ün aχa kemeǰü irgenükei dotura-eče iłγaǰu

Eligen-dür sülsütü,
Erekei-dür ončitu,
Aγuški dügüreng ǰirüketü,
Aman dügüreng aγurtan,
Eres tutum erdemten
Böke küčüten-i iłγaǰu ögčü,

aγurtan, kilingten, omoγtan, ǰorkimaγ kemegdekü, teyimü-teyimud, eyimü-eyimüd omoγtan irgen-i Činggis-χaγan ere-yin ere törüǰü doroyidaγułǰu, J̌ürken omoγtan-i ülidkebei (doroyidaγułbai). Tere ułus-i inu Činggis-χaγan öber-ün ömčü irgen (dotuγadu) bołγabai.

§ 140. Nigen edür Büri-böke-yi uriǰu, Belgetei χoyar-i abułduγułuγa (bariłduγułuγa) kemebei. Büri-böke J̌ürken bülüge. Urida Belgetei-yi örögelen γar-iyer bariǰu, örögelen köl-iyer tuyidču unaγaǰu ülü ködelgen daruχu bülüge. Büri-böke ülü iłaγdaχu kümün unaǰu ögbe. Belgetei darun

yadaǰu mörideǰü sayari (köl) degere γarču, Belgütei kinčas kiǰü Činggis-χaγan-i üǰeküi-lüge, Činggis-χaγan ilükei (bebekei)-ben ǰaγuba. Belgütei unan odχui degere inu aγtałaǰu (bayitała), χoyar aχa inu solbin tataǰu ögčü, niruγun inu obüdügleǰü χuγułǰu ałaba. Büri-böke niruγun-iyen χuγuraǰu ögülerün: «Belgütey-e ülü iłaγdaxu bülüge. Xaγan-eče ayuǰu arγadan unaǰu ariyaχu (emiyekü) bołun, amin-dur-iyen kürtebe bi!» kemeged ükübe. Belgetei niruγun inu χuγura tataǰu, čirčü orkiγad yorčiba. Xabuł-χaγan-u dołuγan köbegüd-ün aχa Ökin-Baraγ bülüge. Udaγadu (ded) Bartan-Baγatur bülüge. Köbegün inu Yisügei-Baγatur bülüge. Tegün-ü udaγadu Xutuγtu-Mönggür bülüge. Köbegün inu Büri-böke bülüge. Barilduγa Bartan-Baγatur-un köbegün-eče ałus Barłaγ-un omoγtan köbegüd-tür nöküčeǰü bołun, Büri-böke Ułus-un böke bögetele, Belgeteye niruγun-iyen χuγułdaǰu üküben.

§ 141. Tegün-ü χoyina Takiya ǰil-e Xadagin-u Baχu-Čorogu, Salǰiγud-un Irgidai-Baγatur, Dörben-ü Xaǰuγun-beki, Tatar-un Ałči, Tatar Jali-Buχa, Ikires-ün Tüke-Maχa, Xongkirad-un Terge-Emel-Ałχui, Γorłos-un Čindan-Čaγan, Naiman-u Buyiruγ-χaγan, Merkid-ün Toγtaγa-bekiyin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, Tayičiγud-un Tarγutai-Kirułtuγ, Xodun-Örčig, Mongγoł Aγaču-Baγatur terigüten edün χarin (ayimaγ) χamtudču, ałaχui bulχa (ałałduχui čerig) čiγułǰu eyin kemen, Jarčiradai Jamuχa-yi χaγan ergüye kemen, aǰirγa gegü čabčin ałaǰu, andaγar aman abču, tendeče Ergüne mören uruγu negüǰü, Kentei mören Ergüne-dü čidχuχu Širiyin aγu uχu-da, Jamuχa-da Gür-χa (χaγan nere) ergübei. «Xaγan ergüged, bide Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar-tur moriłaya!» Kemeldübei. Moriłaya kemeldügsen-i Γorłos-un Xoridai Činggis-χaγan-a Gürelgü-de büküi-dür ene kelen (öge-yi) kürgen irebei. Ene kelen kürčü ireged, Činggis-χaγan Ong-χaγan-a ene kelen kürgen ilegebei. Ong χaγan ene kelen kürgegülüged, Ong-χaγan čerig egüskeǰü, odterlen ireǰü, Činggis-χaγan-dur irebe.

§ 142. Ong-χaγan-i iregülüged, Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar χamtudču, Jamuχa-yin esergü inu moriłaya kemeldüǰü, Kerülen-mören uruγu moriłarun, Činggis-χaγan ber, Ałtan, Xučar, Daritai γurban-i mangłai yabuγułbai. Ede mangłai-eče uruγši-da basa χaraγuł ilegerün, Süyildü-de nigen saγurin χaraγuł tałbiba. Tegün-ü čaγana Čegčeger-e nigen saγurin χaraγuł tałbiba. Tegün-ü čaγana Čuχurχu-da nigen saγurin χaraγuł tałbiba. Biden-ü mangłai Ałtan, Xučar, Šenggür ten edüküye kürčü baγuya kemeldün büküi-dür, Čuχurχu-da tałbiγsan kümün aγułǰaǰu ireǰü, dayin (dayisun) ayisuχui kemen kelen kürgen irebe. Tere kelen ireged, ülü baγun dayin-kü esergü kelen abuya kemen yabuγułǰu kürülčeǰü kelen abču, ken

buyu kemen asaγbai. J̌amuχa-yin manglai Mongγol-eče Aγaču-Baγatur, Naiman-u Buyiruγ-χaγan, Merkid Toγtaγa-beki-yin köbegün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, ede dörben J̌amuχa-yin manglai yabuǰu, biden-ü manglai teden-dü ungšilduǰu (ögüleldüǰü), ǰilda boldaǰu (nigen küriye bolǰu) manaγar χadχulduya kemeǰü ičuǰu, γool-dur neyilen χonobai.

§ 143. Manaγarši yabuγulǰu kürülčeǰü bayilduǰu, doroγši degegši iχurildun ǰöbšiyerelcen büküi-dür, mön Buyiruγ-χaγan, Xuduχa χoyar ǰada meden bayildun aǰuγu. J̌adalaχu bolun, ǰada inu urbaǰu, mön degere ǰada bolǰiχu (kürčü); mön yabun yadaǰu nuras-tur χuladaγad, tengri-de ese taγalaγdaba bide kemeged, butaraǰuχui.

§ 144. Naiman-u Buyiruγ-χaγan Alta-yin ebür Uluγ-taγ ǰorin χaγa-γan ködelbei. Merkid-ün Toγtoγa-beki-yin köbegün Xutu Selengge ǰorin yabubai. Oyirad-un Xuduχa-beki oi temečen Šigšig ǰorin ködelbei. Tayičiγud-un Aγaču-Baγatur Onan-mören ǰorin χarin ködelǰüküi. J̌amuχa öberiyen Gür-χa (χaγan) ergügsen irgen-i tuliγad (daγaγulun) Ergüne-mören ǰorin χarin ködelǰüküi. Ong χaγan Ergüne uruγu J̌amuχa-yi nekebe. Činggis-χaγan Onan ǰüg Tayičiγud-un Aγaču-Baγatur-i nekebe. Aγaču-Baγatur ulus-tur-iyen kürüged, ulus-iyen dörbegülǰü ködelüged (yabuγulun) Aγaču-Baγatur Xutuγ-ögede Tayičiγud Onan-u činaǰi eteged Olχud-toraγ-tur čerigüd-iyen ǰasaǰu, χadχulduya kemen ǰasaǰu bayiǰuχui. Činggis-χaγan kürüged Tayičiγud-luγa χadχuldubai. Maši egegerün (ergigülün) χadχulduǰu, ǰilda boldaǰu (küriye tataǰu), mön χadχulduγsan γaǰar-a šituldu̇ǰu χonobai. Ulus ba dörbeǰü ayisurun, mön tende čerigüd-lüge χamtu küriyeleǰü χonobai.

§ 145. Činggis-χaγan tere χadχulduγsan-dur χubčisun-ben šilürteǰü (šibkerčü), čisun töridkebesü ülü bolun anduriγdarun, naran šinggegülün mön tende šituldu̇ǰu baγuǰu, böglegsen čisun-i J̌elme šimin šimin ama-ben čisudaǰu, söni düli boltala böglegsen čisun-i ama-ber-iyen tungγaγan (?) asχaγad ǰalgiγad, söni düli nögčibesü, Činggis-χaγan dotuna-γan sergüǰü ögülerun: «Čisun aγču maši berke, umdaγasumui bi!» kemebe. Tendeče J̌elme malγa γudusun degel χubčisun-iyen bügüde-yi tayilǰu, γaγča dotu-γaǰitai čiraman-ničügün šitüldüǰü büküi dayin dotuγur güyiǰü üǰebesü, činana küriyelegsen irgen-ü tergen-dür niγuǰu ösüg γarču yadaǰu, dörberün gegüniyen ülü saγan talbiγsan aǰuγu. Nigen yeke bürigesütei taraγ tergen-eče inu abču örgüǰü irebe. Jaγura edürün irged kümun-e ese üǰegdebe. Tengri-kü üǰegdebei ǰe. Taraγ bürigetü-yi abči ireged, mön J̌elme öbesüben kü usun eriǰü abčiraǰu (abču), taraγ ǰiγuraǰu, χaγan-a uuγulγaba. Γurbanta amuǰu uuǰu, χaγan ögülerün: «Dotura minu nidün geyibe!» kemeged, öndüyiǰü saγutala edür čayiba. Tere saγuγsan orčin J̌elme-yin šimin šimin

bögeljigsen čisun asχaγsan orčin γajar-a amaran (amaber) bögelšigsen-i Činggis-χaγan üjejü ögülerün: «Ene yaγun bołumu? Xoła asχabasu yambar ajuγu?» Tendeče Jelme ögülerün: «Čima-yi aturiγdarun (ami čiχuładarun büküi-dür), χoła odbasu, čima-ča ałjiyaχui-eče ayuju, yaγaraju jałgiχu-yi jałgiγad, asχaχui-yi asχaγad, mendüriju (yaγaraju), kebeli-dür minu kedüi oruba!» kemebe. Činggis-χaγan basa ögülerün: «Nama-yi eyimün bołju kebten bögetele, ničügün yakin güyijü oruba či? Bariγdabasu, nama-yi eyimüi-yi (eyin kebtekü) ülekü jiγaχu bülügei-üü či?» kemebe. Jelme ögülerün: «Minu sedkil eyin buyu. Ničügün odurun, kerber bariγdabasu, bi: tan-a oruju irekü duratu bülüge. Tegün-i minu medejü, nama-yi bariju ałaya kemen, χubčisun bügüdeyi tayilju, γaγča dotaγaji tayiłuγa-edüküy-e mültü ałdaγułju irebe bi! kemekü bülüge. Nama-yi ünen bołγaju, χubčisun ögčü asaraχu bülüge bi! Morin unuγad üjetele, ödter jaγura ülekü (türgen) irekü bülüge bi? Teyin sedkijü, χaγan-u angγaγsan sedkili örüsügei (amuγułsuγai) kemen, nidün χara (üjelte) odułuγa bi!» kemebe. Činggis-χaγan ögülerün: «Edöge yaγun ja kemekü? Erte edür γurban Merked irejü, Burχan-χałduna-du γurbanta χučiγułχui-dur, amin-i minu nigente abču γarułuγa či! Edöge basa angγaju bükü-i čisun-i amaγar šimejü, amin-i minu jałγabai či. Basa angγaju andurin büküi-dür, amin-iyen küčirejü, dayisun kümün-dür nidün-χara oruju, umdaγan γarγaju, amin-i minu oruγułbai. Ede γurban tusa-yi činu sedkil dotura atuγai!» kemen jarliγ bołba.

§ 146. Edür geyin barabasu, šitüldüjü χonoγsan čerig-üd söni bögetbutarajuχui. Küriyelegsen irgen künggen (tayiłun) ülü čidaχun kemen küriyelegsen γajar-eče ese ködeljüküi. Dörbegsen ułus-i ačaraya kemen Činggis-χaγan χonoγsan γajar-eče moriłaju, dörbekün irgen-i ičuγun (χariγułun) yabuχui-dur, dabaγan degere nigen ułaγan degeltü eme kümün Tömüjin! kemen yeke daγu-ber χayiłan uyiłan bayiχui-yi Činggis-χaγan sonusču: «Yaγun kümün-ü eme teyin χayiłan bui?» kemen asaγura ilegebesü, tere eme kümün ögülerün: «Torγan-Sira-yin ökin bi, Xadaγan neretü! Ere-yi minu ede čerig-üd bariju ałan buyu. Ere-yügen ałaγdarun, Tömüjin ereyi minu aburituγai! kemen ungšiju (daγudan) χayiłan uyiłaba bi!» kemebe. Tere kümün irejü, Činggis-χaγan-a ene öge-yi inu ögülejü ögbe. Činggis-χaγan sonosuγad χatariju kürčü baγuju teberildübe. Ere-yi inu biden-ü čerig-üd urida ałaχu bołuγujai! kemejü, tede irgen-e ilegejü, ere-yi inu aburabai. Ede irgen-i ičuγad (ičuγułuγad), Činggis-χaγan yeke čerig mön tende-kü χonobai. Xadaγan-u ere-yi inu uriju irejü dergede-gen saγułγabai. Manaγar edür Torγan-Šira, Jebe χoyar Tayičiγud-un Tödöge-yin arad ajuγu. Tede χoyar-ber irebei. Činngis-χaγan Torγan-Šira-dur ögülerün:

«Küjügun-deki
Kündü modun-i
Kösür-e oγuruγsan;
J̌aχa-daki
J̌erge-yin modun-i
J̌ayiłaγułuγsan ta!
Ečiges köbegüd-un ṫusa
Aǰuγu ǰa. Yakin udabai ta?»

kemebe. Torγan-Šira ögülerün: «Bi doturaki itegel sedkil bülüge. Yakin yaγaraχu? Yaγaraǰu irebesü, Tayičiγud-un Noyad minu χočoroγsan eme köbegün aduγun idegen-i minu unesü-ber keyiskekui tede, kemeǰü, ülü yaγaran, edöge χaγan-dür-iyen neyilen, edöge irebe bi!» kemebesü, ǰöb! kemebe.

§ 147. Činggis-χaγan ögülerün: «Güyildün bayiłduǰu iχuriłdun ǰöbšiyerelcen büküi-dür, tede niruγun degere-eče sumun ireǰü, minu ǰebeleku (χuyaγłaχu) aman čaγan χuła-yin aman niruγu inu χuγu χarbuγsan ken bülüge?» kemebe. Tere öge-dür J̌ebe ögülerün: «Aγułan degere-eče bi χarbułuγa! Edöge χaγan nama-yi üküglildebesü, ałaγan-u tedüi γaǰar-a ögöǰü χočorχu. Soyurχabasu, χaγan-u emüne

Čegel usun-i nituru
Čeügen čiłaγun čoru
Dobtułǰu ögsu!
Kür kemegdegsen γaǰar-a
Köke gürü—χuγu,
Γał kemegsen γaǰar-a
Xara gürü—χamχaru
Dobtułǰu ögsü!»

kemebe Činggis-χaγan ögülerün: «Duyisun-a yabuγsan kümün ałaγsan-iyen, dayisurχaγsan-iyen beye-ben niγuǰu, kele-ben bučaǰu ayu (ögüleyu). Mön bürin kemebesü, morin ałaγsan-iyen, dayisurχaγsan-iyen ülü bučan, mön ǰiγan buyu. Nöküčeltü kümün buyu. J̌irγuγadai neretü aǰuγu. J̌ebelekü ama čaγan χuła-yi minu aman-niruγun inu χarbuγsan-u tuła, J̌ebe kemen nereyidčü, ǰebeleye čima-yi, kemen, dergede minu yabu!» Kemen ǰarbiγ bołba. J̌ebe Tayičiγud-eče iregsen yosun teyimü bülüge.

V

§ 148. Činggis-χaγan tede Tayičiγud-i uruγ-un uruγ-a kürtele ünesü-ber keyisken kidübe. Ułus irgen-i anu ködelgeǰu ireǰü, Činggis-χaγan χubaχay-a ebülǰebe.

§ 149. Tegün-ü χoyina Ničügün-Baγarin-u Širketü-ebügen Ałaγ, Nayaγ-χa köbegüd-lüge-ben Tayičiγud-un Noyan Tarγutai-Kiriłtuγ-i oyimaǰu büχüi-dür, östü kümün bülüge, kemen, morin ülü čidaχu Tarγutai-yi bariǰu, tergen-dür unuγułǰu, Baγarin-u Širketü-ebügen Ałaγ, Nayaγ-χa köbegüd-lüge-ben, Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariǰu ayisuχui-dur, Tarγutai-Kiriłtuγ-un degüü-ner köbegüd inu buliyaǰu abuya kemen güyičeǰü ireǰüküi. Köbegüd degüü-ner-i inu güyičeǰü ireküi-lüge, Širketü-ebügen bosun yadaχu Tarγutai-yi tergen degere unaγułǰu, gedergü degere inu aγtałan saγuǰu, kituγa γarγaǰu ögülerün: «Köbegüd degüü-ner činu čimayi buliyaǰu abura irebei. Čimayi ese daki ałabasu, χaγan-iyen γartaba kemen, ałaχu. Ałabasu, daki mön-kü ałaγdaχu bi. Mön ele üküküi-düriyen, dere abun ükü-sü!» kemeged, degere inu aγtałaǰu, yeke kituγa-ber-iyen χoγołai inu oγtołura kürküi-dür, Tarγutai-Kiriłtuγ yeke daγu-ber degüü-ner köbegüd-tür-iyen χayiłaǰu kelerün: «Širketü namayi ałan buyu! Ałan barabasu, ükügsen bui amin-ügei beye-yi minu abču odču yaγun kiküi ta? Namayi ałara edüküye ödter χaritχun! Tömüǰin namayi ülü ałaχu. Tömüǰin öčüken čaγ-tür

Nidün-dür-iyen γałtu,
Niγur-tur-iyen gereltei

bülüge. Eǰen ügei nutuγ-tur χočorču amui kemen, abura odču, abču ireǰü, surγabasu surχu metü bui kemen, χarin örö ǰirüken metü surγaǰu surγan soyun yabułuγa. Ükügülbesü ükügülün yadaχu (čidaχu) bülügei-uu bi? Edöge oi inu oroǰu amu. Sedkil inu senggereǰü amu kemegdemüi. Tömüǰin namayi ülü ükügülkü! Köbegüd degüü-ner minu ödter χaritχun! Širketü namayi ałaǰu (ałaχui) üdereǰüküi (oyiraduba)» kemen, yeke daγu-ber χayiłaba. Köbegüd degüü-ner inu ögüleldürün: «Ečige-yügen amin aburaya kemen irebei bide. Širketü-ebügen ečige-yi biden-ü ükügülbesü, χoγosun amin-ügei beye inu yaγun kikü bide? Munda ałaγa edüküye ödter χariya! kemeldüǰü χariba. Teden-i ireküi-dür, aγułǰaγsad Ałaγ Nayaγa tan irebei. Tedeni iregülüged, ködelǰü ayisurun ǰaγura Xudχuł-nuγuda (nuγud-da) kürbesü, Činggis-χaγan biden-i tus χaγan-iyen γartaǰu iregsen yaγun itegel (ügei) ten arad ede! Biden-dür basa ker nöküčekün? Nöküčel ügegün arad buyu. Tus χaγan-iyen γartaγsan arad-i mökörigülütkün (maγu bołγaγtun)! kemen, mökörigüldekü bide. Munda Tarγutai-yi tałbiǰu ilegeǰü bide beyes-iyen Činggis-χaγan-a küčun öggör irebei bi kemeǰü oduya! Tarγutai-yi bariǰu ayisulaai kemebesü, tus χaγan-iyen tebčin yadaǰu üǰeged, ker ükügülkü? kemeged, tałbiǰu ilegeǰü, bi küčün ögsü, kemen irebei kemeye! kemebe. Nayaγa-yin ene öge ečiges köbegüd ǰöbšiyeldüǰü, Tarγutai-Kirił-

tuγ-i Xudχuł-nuγud-eče tałbiǰu ilegeǰü, mön Širketü-ebügen Ałaγ Nayaγa köbegün-lüge-ben irebesü, yakin kümün ireǰü?» kemebe. Širketü-ebügen Činggis-χaγan-a ögülerün: «Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariǰu ayisurun, ǰiči tus χaγan-iyen üǰeged: ker ükügülkü? kemeǰü tebčin yadaǰu, tałbiǰu ilegeǰü, Činggis-χaγan-a küčün ögsü kemen, irebe!» kemebe. Tegün-dür Činggis-χaγan ögülerün: «Tus χaγan-iyen Tarγutai-Kiriłtuγ-i γartaǰu iregsen bögesü, tus χaγaniyen γartaγsan aran-i tan-i yaγun χarγaγdaχu bülüge? Tani uruγ-iyer mökörigülkün (doroyidaγułχun) bülüge ta: tus χaγan-iyen tebčin yadaγsan sedkil tanu ǰöb bui!» kemen, Nayaγa-yi soyurχaba.

§ 150. Tegün-ü χoyina Činggis-χaγan-dur Kereyid-ün J̌iχa-Kambu Tarχud-ta büküi-dür nöküčere irebe. Tere iregsen-dür Merked χadχułdura irebesü, Činggis-χaγan J̌iχa-Kambu χoyar χadχułduǰu ičuγabai (darubai). Tende Tümen-Tübeken, Ołan-Dungχuyid butaraγsan Kereyid irgen ber Činggis-χaγan-dur oruǰu irelüge. Kereyid-ün Ongχaγan böged urida Yisügei-Baγatur-tur sayitur χaniłaγsan-dur, Yisügei-Baγatur-łuγa anda kemeldügsen aǰuγu. Anda kemeldügsen yosuu inu. Ong-χaγan ečige-yügen Xurčuχus-Buyiruγ χaγan degüü-neriyen ałaχu-yin tuła, Gür-χaγan abaγa-łuγa-ben bułχa (dayisun) bołułčaǰu, Xarχud-χabčał širγułduǰu ǰaγun kümün γarču Yisügei-Baγatur-tur irebesü, Yisügei-Baγatur namayi (tegün-i) öber-türiyen iregdeǰü (irebe kemen), öbesüben čerig moriłaǰu, Gür-χaγan-i Xašin ǰüg üldeǰü irgen orγon-i inu Ong-χaγan-a abču öggügsen-ü tuła, tende anda bołułčabai tere.

§ 151. Tegün-ü χoyina Ong-χaγan-u Erke-χara aχa-daγan ałaγdarun buruγudču odču, Naiman-u Inača-χaγan-dur oroǰuχui. Inača čerigüd ilegeǰü, ǰiči Ong-χaγan γurban bałγad bitün ǰoriǰu, Xara-Kitad-un Gür-χaγan-dur oduγsan aǰuγu. Tendeče bułχa bołun Uyiγud-un, Tangγud-un bałaγad daγarin, tabun imaγa širgüleǰü (aduγułan) saγałduǰu (saγaǰu), temegen-ü čisun χanaǰu ideged, yadaǰu Küseküi-naγur-a irebesü, Činggis-χaγan uridu Yisügei-Baγatur-łuγa anda kemeldügsen yosuγar Taki-Baγatur, Sükei-nigün, χoyar elči ilegeged, Kerülen-ü terigün-e Činggis-χaγan öbesüben esergü odču, ölöskü turuǰu irebei kemen, Ong-χaγan-i χubčiγur χubčiǰu, küriyen dotura oroγułǰu teǰigebe. Tere ebül ǰerge-ber negüǰü, Xubaχaya-yi ebülǰebe.

§ 152. Tende Ong-χaγan-u degüü-ner noyad ögülerün: «Ene χaγan aχa biden-ü —

Ügegün aburitu,
Ümekeï elige
Ebüridču yabuyu».

«Aχa degüü-yi bariba. Xara-Kitad-tur oruba. Ułus-i ǰobaγaba. Egün-i ker kikün bide? Erte edur kemebesu, dołuγan nasutu-yi Merkid ireged daγuliǰu odču, χara ałaγ išigen daχu emüskeǰü, Selengge-yin Buγura-kegere aχu-du üdübe kü (terigülbe kü). Xurčaχus-Buyiruγ-χaγan ečige inu ǰiči Merkid irgen-dür aγułǰu, köbegün-iyen tende aburaǰu irebasü, basa Tatarun Aǰi-χaγan arban γurban nasutu büküi-dür eke selte-yi daγuliǰu odču, temeged-iyen aduγułaγułun yabuχui-dur Aǰi-χaγan-i χoniči abuγad irebei ǰe. Basa tegün-ü χoyina Naiman-eče ayuǰu buruγudču, Sartaγuł γaǰar-a Čui-mören-e Xara-Kitad-un Gür-χaγan-dur odbai ǰa. Tende nigen on ülü daγusun ǰiči dayisun ködelǰü, Uyiγud-un, Tangγud-un γaǰar-iyer bitüǰü yaburun, yadaǰu tabun imaγan-i sirgüleǰü saγan, temegen-ü čisun χanaǰu ideǰü, γaγča soχor χaliγun moritai yadaǰu Tömüǰin-dür irebesü, χubčaγur-i χubčiǰu teǰigebei-ǰe. Edöge Tömüǰin köbegün-dür dayin yabuγsan-iyen umartaǰu, ümekei elige öbürleǰü yabumu. Ker kikün bide?» kemeldübei. Eyin ögüleldügsen öges-i Ałtan-Esüg Ong-χaγan eče ayalγułaǰu, Ałtan-Esüg ögülerün: «Bi ber ene eye-dür orołdułuγa-kü! J̌iči χaγan-iyen čimayi tebčin yadaba!» kemeǰü, tende Ong-χaγan Ilγaburi, Alin-tayiši tan degüü-ner-iyen nuγun-iyan bariγułǰuχui. Degüü-ner-eče J̌iχa-Kambu buruγudču Naiman-dur oroǰuχui. Teden-i bariyas selte oroγułǰu (kübšigülǰü), Ong-χaγan ögülerün: «Uyiγud Tangγud-un γaǰad-iyer ayisuχui-dur, yaγu kemeldülügei? Tanu metü yaγu sedkikü?» kemen, niγur-tur inu nilbuǰu bariyas-i anu tałbiγułba. Xaγan-a ele niłbuγdaba, kemeǰü, ger-tür ele bükün aran (kümün) bügüdeger bosču niłbuǰuγu.

§ 153. Tere ebül ebülčeǰü bülüge. Noχai ǰil-un namur inu Činggis-χaγan Čaγan-Tatar, Elči-Tatar, Dutaγad (Dutaγun)-Tatar, Aruχai-Tatar, tede Tatar-tur Dałan-nemürgen-e χadχułduχui-yin urida, Činggis-χaγan ǰasaγ ögüleldürün: «Dayisun kümün-i darubasu, tere ołǰa bidanuχai bui ǰa! χubiyałdum ǰa! Bidan-u nökür kümün-e ičuγaγdabasu, terigün-ü dobtułuγsan γaǰar-a egegerüye! Terigün-ü dobtułγan-dur ese egerügsen kümün-i mökörigülüye!» kemen ǰasałałdubai. Dałan-nemürgen-e χadχułduǰu, ködülgen daruǰu, Ułχui-silgegčid-eče ułus-tur anu neyilegülǰü daγulibai. Čaγan-Tatar, Elči-Tatar, Dutaγun-Tatar, Aruχai-Tatar erkin irgen-i tende muχudχaǰu, ǰasaγ ögüleldügsen öges-tür Ałtan, Xučir, Daritai γurbaγuła öge-dür-iyen ülü kürün, ołǰa-dur bayiǰuχui. Öge-dür-iyen ese kürbe kemen, J̌ebe Xubiłai χoyar-i ilegeǰü, ołǰałaγsad aduγun yaγuba abuγsad-i bügüdeyi abχaγułba.

§ 154. Tatar-i muχudχaǰu daγulin baraǰu, ulus irgen anu ker kikün, kemen, Činggis-χaγan Yeke Eye uruγ-iyer-iyen γaγča ger-tür oroǰu eyetüldübei:

«Erte edür-eče Tatar irgen
Ečiges ebüges-i bidan-u baraγsan bülüge.
Ečiges ebüges-ün
Öšil öšijü,
Kisel kisejü,
Čigün-dür ülijü,
Kiduju alaju öggüye!
Ülidtele kiduya,
Ülegsed-i boγoliduya,
Jüg-jüg χubiyalduya!»

kemen Eye baraldaju, ger-teče γarbasu, Tatar-un Yeke-Čerü Belgütei-eče: Jambar Eye eyetüldübei? kemen asaγbasu, Belgütei ögülerün: Tani bükü bügüde-yi Čigün-dür ülijü kiduya kemeldübei! kemejüküi. Belgütei-yin ene öge-dür Yeke-Čerü Tatar-tur-iyen tungχaγ talbiju χoraγuljuχui. χoraγuluγsan Tatar-tur biden-ü čerigüd egegeregün (ergičen irejü maši iröülgebei) maši samšijuχui (erustejüküi). χoraγuluγsan Tatar-a jobaju oroγulju, čigün-dür ülijü ülidken kiduχui-dur, Tatar ögüleldürün: Kumun tutum χančun-dur-iyen kituγa χančulaju, dere abun üküye! kemeldüjüküi. Maši-kü samšiyajuχui. Tedüi Tatar-i čigün-dür ülijü kidun baraju, tende Činggis-χaγan jarliγ bolba. Bide uruγ-iyer-iyen Yeke Eye barilduγsan-i Belgütei jiγaχu-yin tula Biden-ü čerigüd maši samšibai (erüstebei). Egün-ü χoyina Eke Eye-dür Belgütei buu orotuγai! Eye barildutala γadana bükün-i jasatuγai. Jasaγ-un keregür, χulaγai, χudal üyile tan-i jarγolaltuγai. Eye burobasu, umdan uuγsan χoyina Belgütei terigüten tende orotuγai! kemen jarliγ bolba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čerü-yin ökin Yisügen χatun-i Činggis-χaγan abuba. Taγalaγdarun Yisügen-χatün ögülerün: «Nadača egeči Yisüi neretei nada-eče deged (degere) χaγan kümün-e jokiχui ajuχuija! Sayi kürgen küregelen bülüge. Edöge man-a ene boduliγan-dur χamiγaši yorčibai?» kemebe. Ene öge-dür Činggis-χaγan ögülerün: «Egeči činu čima-eče sayin bögesü, erigüljü abčirabasu (abču irebesü), egeči-yügen irebesü, jayilaju ögküi-üü či?» kemebe. Yisügen-χatun ögülerün: «Χaγan soyurχabasu, egeči-yügen ele üjebesü, egeči-degen jayilasu!» kemebe. Ene öge-dür Činggis-χaγan jarliγ tungχaju erigülebesü, ögdegsen kürgen-lüge-ben oyilaju yabuχui-yi biden-ü čerigüd jolγajuχui. Ere inu dutaγajuχui. Yisüi-χatun-i abču irejüküi. Tende Yisügen-χatun egeči-yügen üjeged, urida ögülegsen öge-dür-iyen kürün, bosču saγuγsan saγurin-dur-iyen saγulγaju, mön öbesüben doora saγujuχu. Yisügen χatun-u öge-dür adali

boɫdaǰu, Činggis-χaγan oyin-dur-iyen oroγuɫǰu, Yisüi-χatun-i abču, ǰerge-dür saγuɫγaba.

§ 156. Tatar irgen-i daγulin baraǰu, nigen edür Činggis-χaγan γadana saγuǰu umdaɫaɫduχui-dur, Yisüi-χatun Yisügen-χatun-u dumda saγuǰu umdaɫaɫdun büküi-dür, Yisüi-χatun yeɫkede següresülebe. Tende Činggis-χaγan dotora-ben sedkiǰü, Boγurči Muχali tan noyan-i uriǰu, ögülerün: «Ta ende ele čiγuɫuγsan kumün-i öbere boɫγan tegüskegdekün!» kemen ǰarliγ boɫba. Tedüi ayimaγ ayimaγ-iyer-iyen bayibasu, nigen ǰaɫaγu gürmele kümün ayimaγ-eče öbere bayiba: «Či yaγun kümün?» kemen asaγbasu, tere kümün ögülerün: «Tatar-un Yeke-Čerü-yin Yisüi neretei ökin ögdegsen kürgen bülüge bi! Dayisun-a daγuliγdarun, ayuǰu buruγudču yabuǰu bülüge. Edöge amurlibai ǰa kemen sedkiǰü ireǰü oɫan aran (kümün) dotora yaγu taniχu kemen yabuɫuγa!» kemebe. Ene öge-yi Činggis-χaγan-a öčibešü, χaγan ǰarliγ boɫurun: «Mön-kü dayisun sedkiǰü oγurčaγ boɫǰu yabučiχu. Edöge yaγu kürere (kürgere) ireǰüküi? Ene metüs-i čigün-dür ülibei. Yaγun saγaramui! Nidun ečine kigdekün!» kemebe. Tedüi-kü mökörigübe (maγu boɫγaba).

§ 157. Tegün-ü χoyina mön Noχai ǰil-e Činggis-χaγan Tatar irgen-dür moriɫaγsan-dur Ong-χaγan Merked irgen-dür moriɫaǰu, Xatuγtai Čaγɫaɫun χoyar χatud inu abču, Xudu Čiɫaγun χoyar köbegün irgen selte-yi tüliǰu (oɫǰaɫaǰu), Činggis-χaγan-a ese ögbe.

§ 158. Tegün-ü χoyina Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar Naiman-u Küčügüd-ün Buyiraγ-χaγan-dur moriɫaǰu, Uɫuγ-taγ-un Soχoγ-usun-a büküi-dür kürčü, Buyiruγ-χaγan bayiɫdun yadaǰu, Aɫtai daban ködelbe. Soχoγ-usun-eče Buyiruγ-χaγan-i nekeǰü, Aɫtai dabaγuɫun, Xumšikir Ürünggü uruγu üldeǰü yabuχui-dur Yedei-Tabaɫuγ neretü noyan inu χaraγuɫ yabuǰu, biden-ü χaraγuɫ-a üldegdeǰü, aγuɫan ögede dutaγaχui boɫun, olang-iyen tasuraǰu tende bariɫuγa. Ürunggü uruγu üldeged Xuǰal-bas naγur-a güyičeǰü, Buyiruγ-χaγan-i tende muχudχaba (ečülgebe).

§ 159. Tendeče Činggis-χaγan, Ong-χaγan χoyar χariǰu ayisuχui-dur, Naiman-u χadχuɫduγči Köngsegü-Sabaraγ Bayidaraγ-belčer čerig ǰasaǰu χadχuɫduχu boɫun aǰuγu. Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar χadχuɫduya kemen čerig ǰasaǰu kürčü, ǰiɫda boɫdaǰu (küriye tataǰu), manaγar χadχuɫduya kemen ǰerge ǰasaǰu χonoba. Tende Ong-χaγan bayidaɫ-dur-iyen γaɫ-ud tülegülǰü, söni böged Xara-segül-ögede ködelǰüküi.

§ 160. Tende ǰamuχa Ong-χaγan-ɫuγa χamtu ködelǰü yaborun, Ong-χaγan-a Jamuχa ögülerün: «Tömüǰin anda minu urida-eče Naiman-dur elčitü bülüge. Edöge ese irebe. Xaγan, χaγan!

Inu(?) χayiruχan buyu ǰa!
Ajiraχu biłdaγur
Anda minu buyu!

Naiman-dur odčuχui ǰa! Oroχu bołun χuγurba!» kemeǰüküi. J̌amuχa-yin tere öge-dür Oročičidai-Kürüs-baγatur ögülerün: «J̌esüridčü yakin teyin šiłuγui (šiduryu) aχa degüü-yi ulgin (χaγaǰaγułun) ögüleyü či?» kemeǰüküi.

§ 161. Činggis-χaγan söni mön tende χonoǰu χadχłduγa kemebesü, edür geyigülüged üǰebesü, Ong-χaγan bayidał-dur-iyen γał ügei bołdaǰu: «Ede či nama-yi (minu) tülešin aǰuγu!» kemeged, tendeče ködelǰü, Eder-Ałtai-yin belčer-iyer ködelǰü, tere ködelügseber ködelǰü, Saγari-kegere baγuba. Tende Činggis-χaγan Xasar χoyar Naiman-u tubun uγan (?) arγa ese daγułuγsan-i (güyičegsen-i).

§ 162. Köngsegü-Sabraγ Ong-χaγan-u χoyina-eče nekeǰü, Senggüm-ün eme köbegün irgen orγon selte-yi tuliǰu abču, Ong-χaγan-u Telgetü-amsar-a büküi-dür ǰarimud aduγun idegen-i tuliǰu abuγad, χariǰuXui. Tere χoγur (ǰabsar)-tur Merked-ün Toγtaγa-yin Xudu Čiłaγun χoyar köbegün tende bürün irgen-ben abuγad χaγačaǰu, ečige-dür-iyen neyilen Selengge uruγu ködelǰüküi.

§ 163. Köngsegü-Sabraγ-a daγuliγdaǰu (daruγdaǰu), Ong-χaγan Činggis-χaγan-dur elči ilegerün: «Naiman-a irgen orγon-ben, eme köbegün-ben daγuliγdaba bi. Köbegün-ečegen dörben külüg-üd-i činu γuyiǰu ilegesügei bi. Irgen orγon-i minu aburaǰu ögtügei!» kemeǰü ilegeǰüküi. Činggis-χaγan tende Boγurči, Muχuli, Buruγuł, Čiłaγun-baγatur, ede dörben külüg-üd-iyen čeriγ ǰasaǰu ilegebe. Ede dörben külüg-üd-i kürkü-yin urida Ułaγan-χud-ta Senggüm bayiłduǰu bołun morin-daγan γuγuγdaǰu abdaχu bołǰu büküi-dür, ede dörben külüg-üd kürčü aburaγad, irgen orγon, eme köbegün bügüde-yi aburaǰu ögbei. Tende Ong-χaγan ögülerün: «Erte Sayin ečige-de inu ene metü odun baraγsan ulus-iyen aburaǰu ögdebe. Edöge basa köbegün odun baraγsan ułus-i minu dörben kölüg-üd-iyen ilegeǰü aburaǰu ögdebe. Ači χariγułχu-yi Tngri γaǰar-un ibegel medetügei!» kemeged.

§ 164. Basa Ong-χaγan ögülerün: «Yisügei-baγatur anda minu odun baraγsan ułus-i minu nigente aburaǰu ögbe. Tömüǰin köbegün edöge basa oduγsan ułus-i minu aburaǰu ögbe. Ede ečige köbegün χoyar odun baraγsan ułus-i nada χuriyaǰu öggürün, ken-ü emüne χuriyaǰu öggün ǰobamui? Bi ber edöge ötelbe. Nama-yi ötelǰü, öndud-ta χoǰidču, χadud-ta γarbasu, χamuγ ułus-i minu ken medekü? Degüü-ner minu aburi ügegün bui. γaγča köbegün minu ügeišitü γaγča bui. Tömüǰin köbegün-i Senggüm-ün

aχa bołγaǰu, χoyar köbegüd tü bołǰu amusuγaı!» kemeǰü, Činggis-χaγan-łuγa Ong-χaγan Tuγuła-yin χara-tün-e χuraǰu, ečige köbegün kemeldübei. Ečige köbegün kemeldükü yosun. Urida erte edür Yisügei-Baγatur ečige-lüge Ong-χaγan anda kemeldügsen yosuγar ečige köbegün kemeldükü yosun eyin öge ögüleldürün:

«Öle dayisun dur aγułurun,
Xamtu ber aγułuya!
Oroγa görögesün dür abałarun,
Nigen-e kü χamtu abałaya!»

kemeldübei. Basa Činggis-χaγan Ong-χaγan χoyar ögüleldürün: «Bida χoyar nayidabasu; —

Šidutu moγay-a
Šidürtebesü,
Šıdürken-dur buu oroya,
Šidu-ber ama-ber ołułčaǰu bišireye!
Arγatu moγay-a
Adartabasu,
Aturγan-dur inu buu oroya,
Ama-ber šidu-ber ołułčaǰu bišireye!»

kemen, teyin öge bariłduǰu amaraγłan yabubai.

§ 165. Tegün-ü χoyina amaraγ degere dabχur amaraγ bołuya kemen, Činggis-χaγan sedkiǰü Joči-da Senggüm-ün döi Čagur-begi-yi γuyurun, Senggüm-ün köbegun Tasaγ-ta biden-ü Xoǰin-begi-yi arałǰin öggüye kemen γuyubasu, tende Senggüm öberiyen yekečilen sedkiǰü, ögülerün: «Biden-ü uruγ teden-dür odbasu, alun-a bayiǰu, egegte (egenegte?) χoyimar-a saγuǰu aǰuγu. Teden-ü uruγ man-dur irebesü, χoyimar-a saγuǰu, alun-a χaran aǰuγu!» kemen öberiyen yekečilden sedkiǰü, biden-i doromǰiłan ögüleǰü, Čaγur-bigi-yi ülü öggün, ese taγałałǰuχui. Tere öge-dür Činggis-χaγan dotura-γan Niłχa-Senggüm-dür doora χočorčiχui kemen sedkibei.

§ 166. Teyin doora χočoraγsan-i Jamuχa uχaǰu, Γaχai ǰil-un χabur Jamuχa, Altan, Xučir, Kirtaχubai Ebügeǰin Onggin Sükegedei Toγorił Xačiγun-beki, ede bołun, nigen eyeten bołǰu negüǰü odču Jeǰeger-öndür-ün gerüde Berke-ałun-ta Nitχa-Senggüm-dür odču, Jamuχa-ułgin ögülerün: «Tömüǰin anda minu Naiman-u Tayan-χaγan-dur keletü (kelekü) elčitü buyu.

Ama inu ečige köbegün kemeǰu amu,
Aburi inu öbere buyu!

Itegejü amu ta? Ese uχabasu, tan-a yaγu bolχu? Tömüjin anda-dur morilabasu, bi köndelen-e oroldusu!» kemejüküi. Tendeče Altan Xučir χoyar ögülerün: «Ba Ögelen-eke-yin köbegüd-i —

Aχa-yi —
Alaju,
Degüü-yi —
Deskijü ögüye!»

kemejüküi. Ebügejin Onggin Kirtaγtai ögülerün:

«Γar inu
Γartaju,
Köl-inu
Köldejü ögsügei!»

kemebe. Toγoril ögülerün: «Arγača (arγalaya) kemebesü odču Tömüjin-ü ulus-i abuya! Ulusiyen abdabasu, ulus ügegün bolbasu, yakiχun tede?» kemejüküi. Xačuχun-beki ögülerün: «Nilχa-Senggüm köbegün, čima-yi yaγun sedkibesü

Urtu-yin üjügür-e,
Gün-ü iraγur-a

kürülčesü!» kemejüküi.

§ 167. Ede öges ögülegüljü, Nilχa-Senggüm ečige-dür-iyen Ong-χaγan-dur tedeger öges Sayiχan-Tödöger-iyer ögülejü ilejükü. Edeger öges ögülegdejü, Ong-χaγau ogülerün: «Köbegün-i minu Tömüjin-dür yakin teyin maγu sedkimü? Tngri-de ülü taγalaγdaχu bide. Jamuχa yabudaγ (χudal olgiyen) keletü bülüge. Jöb-üü, tab (buruγu)-uu ögülen buyu?» kemen eše taγalaju ilegejüküi. Basa Senggüm ögülejü ilegerün: «Amatu keletü kümün ögülen bögetele, yakin ülü biširegdekü?» kemen, jiči kümün-e ögülejü ilegeged yadaju, öbesüben beye-ber odču ögülerün: «Bel, čima-yi edüi büküi-dür, biden-i yaγun-a ber ülü bolγan buyu? Ene ber χaγan ečige čima-yi

Čaγan-a čačabasu,
Xara-da χaγabasu,

Xurčaχus-Buyiruγ χaγan ečige-yin činu joban edüi χuriyaju aγsan ulus-i činu man-a kü medegülkü ügei ken-e ber yakin medegülkü?» kemejuküi. Tere öge-dür Ong-χaγan ögülerün: «Čaχa (nilχa) köbegün-ben tebčijü, ečige-yin uruγ (törül) ima (eyimü) χari bolju maγu sedkibesü ker jokiχui?

Tngri-de ülü taγalaγdaχu bide!» kemejüküi. Tere öge-dür köbegün inu Nilχa-Senggün maγulaju, egüden orkiju γarčuχui. Jiči köbegün-yügen duran χayiralaju, uriju iregülju, Ong-χaγan ögülerün: «Tngri-de man-i taγalaγdaχu uu? Bide 'köbegün-i ker tebčisü, kememü. Ta čidan ele üyiledkü-ben ta medetkün!» kemejüküi.

§ 168. Tendeče Senggüm ögülerün: «Mön-lü biden-ü Čaγur-begi-yi γuyun bülüge. Edöge buγuljar idere iretkün! kemen edür boljaju, uriju iregüljü, tende bariya!» kemeldüküi. Ja kemen eye barilduju: «Caγur-begi-yi ögguye, buγuljar idere iretkün!» kemen ilegebei. Uriγdaju (urin ilebesü), Činggis-χaγan arban aran ·.ayisurun (odurun), jaγura Menglig ečige-yin ger-tür χonobasu, tende Menglig ečige ögülerün: «Čaγur-begi-yi γuyubasu, mön-lü biden-i doromjilaju ülü oggün bülüge. Edöge ker buruγuy-a buγuljar idere kemen urijuχui? Öber-iyen yekečilekün aran buruγuya (χudaliyer) ögsü kemen uriχun bülüge. Jöb-üü tab-uu sedkil bui? Köbegün uχaju odχu bui. Χabur bolba, aduγun biden-ü turaχan bui, aduγun-iyen tejigesügei! kemen šiltaju ireye, kemejü ülü odun, Buχatai Kičiχutai χoyar-i buγuljar idere ilegeye!» kemen ilegejüküi. Činggis-χaγan Menglig ečigeyin ger-teče ger-teden χaribai. Kičiχutai Buχatai χoyar-i kürküi-lüge seregdebe: «Bide maηaγar erte bosču bariya!» kemeldüjü;

§ 169. Teyin erte bosču bariya kemen barilduγsan-i Altan-u degüü Yeke-Čeren ger-turiyen irejü ögülerün: «Manaγar erte Tömüjin-i bariya, kemeldübe! Ene öge-yi Tömüjin-e kelen kürügegsen kümün-i ele jambar bolγaγdaχu?» kemejüküi. Teyin ögüleküi-dür, eme inu Alaχud kelelerün: «Tere deleme öge činu yaγun bolumu? Aran ba ünemšiyegüjei!» kemen teyin keleküi-dur, aduγuči inu Badai sün kürgere irejü, ene öge-yi sonosču χariba. Badai χariju, nökür aduγuči Kišiliγ-a Čeren-ü ögülegsen öges ögülejüküi. Čeren-ü köbegün, Narin-gegen, γadana saγuju, sumud-iyen ürün saγuju, ögülerün: «Duγar bide yaγu kemeldülügei? Kele-ben abdaχun ken-ü aman idχaχun?» kemejüküi. Teyin kemeged, Narin-gegen basa aduγuči Kišiliγ-a ögülerün: «Merked tei caγan aman caγan keger χoyar-i bariju abču ire, uyaju ene söni erte morilasu!» kemejüküi. Kišliγ yorčiju Badaya ögülerün: «Duγar-un kele činu (ögülegči) maγad bolba! Edöge bide χoyar Tömüjine kelen kürgen yorčiya!» kemen öge barilduju, Merked tei čaγan aman caγan keger χoyar morid-i bariju ireju uyaju, üdeši böged χonin-duriyen oroju, nigen χuraγa-ben alaju iširi-ber-iyen bolγaju, söni-de yorčiju, Činggis-χaγan-a söni kürčü, ger-ün umara-eče Badai Kišiliγ χoyar ögülerun, Yeke-Čeren-ü ögülegsen öges kiged köbegün anu Narin-gegen sumud-iyen ürün saγuju ögülegsen öges-i, Merked ten caγan aman čaγan keger χoyar aγta bariju uya kemegsen öges bügüde-yi ögülejü ögbei. Basa Badai Kišiliγ

χoyar ögülerün: «Činggis χaγan soyurχabasu ariyal̆ ügei bui: bučiju bariya kemen öge baril̆duba!» kemebe.

VI

§ 170. Teyin ögülegdejü, Činggis-χaγan Badai Kišiliγ χoyar-un öges biširejü, söni böged dergede bükün itegelten-e kelen kiged (ögülejü) könggelen keüked-iyen gegeged buruγuyil̆an, söni böged ködelbei. Maγu öndür-ün kerü-ber ködelerün, Maγu öndür-ün kerü-de Uriyangχadai Jelme-χoba-yi itejü (itegejü?), χoyina-ben čaγduγul̆san (čaγduγul̆ manul̆ bol̆γan) bol̆γasun (bol̆γan?), χaraγul̆ši (χaraγul̆)-yi tal̆biju ködeljü, tere ködelügseber manaγarši edür düli naran gelbeyigülüged Xal̆γačin-elet-te kürčü, üderin (üdelen) baγubai. Üderidčü baγuγad büküi-dür, Al̆čidai-yin aduγun aduγul̆aγsan Čiketei Jidar χoyar ögülerün: jüyile jüyile (jölge)-dür aγta-iyen aduγul̆un yabuχui-dur, χoyina Maγu-öndür-ün ebür-iyer Ul̆aγan-burχad (burγasun) daγarin ayisuχui dayisun-u toγosun-i üjejü, dayin kürbei (dayisun kürčü irebei) kemejü aγta-iyen üldeged ırejü, dayin kürbei kemegdejü üjebesü, Maγu-öndür-ün ebür-iyer Ul̆aγan-burχad daγarin toγosun γarču, Ong-χaγan tere nekejü aysun ajuγu kemejü, tende Činggis-χaγan toγosun-i üjeged, aγta-iyen bariγul̆uγad ačiyal̆aju moril̆abai. Tedüi ese üjebesü, genen bülüge. Tere ayisuχui-dur, Jamuχa Ong-χaγan-l̆uγa χamtu ayisul̆čan ajiγu. Tende Ong-χaγan Jamuχa-eče asaγčuχui: «Tömüjin köbegun-dur χadχul̆duχun metüs ken bui?» kemen asaγubasu, Jamuχa ögülerün: «Tede Uruγud Mangγud kemekü irgen bui. Tede irgen inu χadχuldumui ja!

Toγoriχu tutum
Töb jokiχu!
Degelkü tutum
Dem jokiχu!
Üčügüken-eče
Üldü jida-dur daduγsan irgen!
Tede χaraγčiγud al̆aγčiγud (χara al̆aγ) tuγtan bui.
Tede serelten irgen bui ja!»

kemejüküi. Tere öge-dür Ong-χaran ögülerün: «Teyin bögesü, bide teden-dür Jürken baγatud-iyen dobtul̆γaya! Jürken-ü gejige Tümen-tümeken-ü Način-širun-i dobtul̆γaya. Način širun-u gejige Ol̆an-Dunggiyad baγatud-i dobtul̆γaya. Dunggiyad-un gejige Ong-χaγan-u mingγan turχud-un gejige uduridun, Xori Šilmun tayiši dobtul̆tuγai! Mingγan turχud-un gejige bide Yeke-γool̆ dobtul̆uya!» kemejüküı. Basa Ong-χaγan ögülerün: «Jamuχa

degüü, biden-ü čerig-i či ǰasa!» kemeǰüküi. Tere öge-dür J̌amuχa öbere bultayildaǰu (ončoyiłan) γarču, nöküdtür-iyen: Namayi ǰasa kememüi! Anda-dur bi χadχułduǰu yadan yabułuγa. Ene čereg-i namayi ǰasa kememüi! Ong-χaγan nada eče dülede činaru, caγtu nökür buyu! Anda-dür kele oroγułuya, anda χataγuǰituγai!» kemeǰü, J̌amuχa Doroγun Činggis-χaγan-dur kele oroγułǰu ögüleǰü ilegerün: Ong-χaγan nada-eče asaγba — Tömüǰin köbegün-dür χadχułduχun metüs ken bui? kemen asaγbasu, bi ögülerün — Uruγud Mangχud-i tumbiłan (sereltei kemen) ögülebe. Minu öge-dur mön J̌ürken baγatud-iyen mangłayiłan ǰasałdubai. J̌ürkan-ü geǰige Tümen-Tümegen-ü köbegün Način-Šitun-i kemeldübei. Tegün-ü geǰige mön ełan Dungkiyad-i kemeldübei. Dungkiyad-un geǰige Ong-χaγan-u mingγan turγud-un χori-Šilmun tayiši-yi kemeldübei. Tegun-ü geǰige mön Ong-χaγan-u Yeke γoł čerig-iyen bayisu kemeldübei. Basa Ong-χaγan ögülerün: J̌amuχa dugüü ene čerig-i či ǰasa! kemen nama-yi tüsin ögülebei. Egüber uχabasu, caγtu nökür buyu. Čerig-iyen ǰasałdun yaγun čidaχu? Erte anda-dur bi χadχułduǰu yadan yabułuγa. Ong-χaγan nada-eče čaγtu aǰuγu. Buu ayu, χataγuǰi!» kemeǰü ilegebei.

§ 171. Ene kele (öge) iregülüged, Činggis-χaγan ögülerün: «Uruγud-un J̌určidai, či yaγun kememü? Mangłayiłan čimayi ǰasaba!» kemebe. J̌určidai-yin urida Xuyiłdur ögülerün: «Anda-yin emüne bi χadχułdusu! Mön-e χoyina önečin köbegün-i minu asaraχui-yi medetügei!» kemebe. J̌určidai ögülerün: Činggis-χaγan-u emüne bi Uruγud Mengχud-iyer χadχułdusu!» kemeǰüküi. Teyin kemeged J̌určidai Xuyiłdur χoyar Uruγud Mangχud-iyer-iyen Činggis-χaγan-u emüne ǰasaǰu bayiba. Bayiχui-łuγa dayin J̌ürken mangłayiłaǰu kürčü irebe. Ireküi-lüge Uruγud Mangχud esergü dobtułǰu J̌urken-i darubai. Daruǰu ayisuχui-dur Tümen-Tümegen-ü köbegün Način-Širun dobtulba. Dobtułǰu Način-Širum-dur Xuyildar χaγdaǰu, χadan-dur baγučiγu. Mangχud Xuyiłdar-un degere egerčigüi (ergečibei). J̌určidai Uruγud-iyer-iyen Tümen-Tümegen-i darubai. Daruǰu ködelgeǰü ayisuχui-dur Xori-Šilmun tayiši mingγan turγud-iyer dobtulba. J̌určidai basa Xori-Šilmun tayiši-yi ičüγaǰu (χariγułun) daruǰu ayisuχui-dur, Ong-χaγan-eče eye ügei Niłχa-Senggüm esergü dobtułχu bołun enggeske χačar-iyen χaγaǰu Senggüm mön tende unaǰuχui. Senggüm-i unaγdaǰu Kereyid bügüdeger Senggüm-ün degere egerčü (ergičeǰü) bayibai. Eyin daruǰu šinggeküi naran χubari (dałda) tašin büküi-dür bida-uχai egerčü (ergiǰü) Xuyiłdar-i unaγsan γaǰar-eče yaratu-yi abuγad γarču χariǰu Činggis-χaγan-dur bida-uχai Ong-χaγan-eče, χadχułduγsan γaǰar-eče χaγačaǰu, üdeši-de ködelǰü χaγačan χonobai.

§ 172. Bayiǰu χonoǰu, edür geyigülüged bügedkebesü (büridkebesü), Ögedei, Boroγuł, Boγurči ede γurban ügei aǰuγu. Činggis-χaγan ögülerün:

«Ögedei-lüge itegeltei Boroγuɫ, Boγurči χoyar χočorču aǰuγu. Ba üküǰü yaγu χaγačaχun tede?» kemebe. Bidan-uχai söni-de aγtas-iyen bariǰu χonoǰu, Činggis-χaγan ögülerün; «Xoyina-eče bidan-u nekeǰü irebesü, χadχuɫduya!» kemen ǰasaǰu bayiba. Edür geyin boɫγaǰu üǰebesü, χoyina-eče nigen kümün ayisuχui kürčü irebesü, Boγurči aǰuγu. Boγurči-yi kürčü iregülüged, Činggis-χaγan ögülerün: «Mönge Tngri medetügei!» kemeǰü ebčigü-ben mökülidbe (deledbe). Boγurči ögülerün: «Dobtuɫχui-dur morin-iyen χaγdaǰu yabuγan güyiǰü yabuχui-dur, mön Kereyid-ün Senggüm-ün degere egerčü (ergičeǰü) bayin büküi χoγor (ǰabsar) čöle-dür ačiyatai morin ačıyaben kelbeyigülǰü bayin büküi-yi ačiya inu oγtaɫaǰu inggirčaγ (χangγai)-dur unuǰu γarču bidan-u χaγačiǰu (saɫǰu) χariγsan mör-iyen möskin yabuǰu, mör oɫǰu edüi irebe bi!» kemebe.

§ 173. Basa χorumut ataɫa basa nigen kümün ayisuχui kürčü ayisuχui-dur, doora inu üǰebesü, köl-iyen unǰiɫǰaǰu γaγča kümün metü buyu. Iren barabasu, Ögedei-yin χoyina-eče Boroγuɫ aman-u ǰabaǰi-ber čisun čuburiγuγǰu kürčü irebe. Ögedei subǰisu-ben sumun-a tusdaǰu čisun anu aγdarun, Boroγuɫ böglegsen čisun-i šimeǰü, ǰabaǰin-iyer čisun čuburiγuɫǰu irebe. Činggis-χaγan üǰeǰü, nidün-ecegen nilbusun čuburiγuɫǰu duran inu aljiyaγad: «Γaɫ ödter tüligülütkün!» kemeǰü,γaɫ tüleǰü χaɫaγu daγaγuɫun, Ögedei-e umdan öggügülǰü, dayisun irebesü χadχuɫduya! kemeǰü bülüge. Boroγuɫ ögülerün: «Dayisun-u toγosun činaγši Maγu-öndür-ün ebür-iyer Uɫaγan-Burχad-un ǰüg toγosun urtuda γarču činaγši yorčibai!» kemebe. Boroγuɫ-un tere öge-dur irebesü χadχuɫduχun bülüge. Dayin buruγuɫan ködelbesü, bide čerig-iyen ǰübšireǰü χadχuɫduya kemeǰü ködelbei. Ködölürün Uɫχui-šilegečin ögede ködölüged, Daɫan-nemürges kürbei.

§ 174. Xoyina-eče Xadaγan-Daɫdurχan eme köbegün-eče-gen χaγačin irebe. Ireǰü Ong-γaγan-u öge kemen ögülerün: «Ong-χaγan köbegün-ben Senggüm-i üǰeǰü, manaγar enggeske χačir-iyen oγtaɫun χaγdaǰu, degere inu egegrčü (ergičeǰü) ögüǰüküi: Iɫaγdaχu metü dür iɫaγdaba! χaɫχu metü-dür χaɫχu boɫun, χayiran köbyün-ü minu χačar-tur γadaγasun χadaba. Köbegün-ü amin-i erüsün (aɫaγčiɫan, aɫγačiɫan) dobtuɫuya!» kemebesü tegün-dür Način-Sirun ögülerün: Xaγan bütügei (teyimü busu)! Ečine büküi köbegün engkerun iɫbusun ǰalma kiǰü ebui-ba-bui! kemen enerin ǰaɫbarimui bide. Edün törun baraγsan köbegün Senggüm-i γarγaya! Mongγoɫ-un oɫangkin Jamuχa-ɫuγa, Aɫtan Xučir-luγa biden-dür bui. Tömujin-lüge dayiǰiǰu γaruγsan Mongγoɫ χamiγa odχun? Tede uuta modun-i nemüre-de (χorγa) boɫbai. Teden-i ese irebesü, odču morin ǰundaγuɫ (χomoγoɫ) metü χormayiɫaǰu abčiraχun (ačaraχun) ǰa bide tedeger-i! kemebe. Način-

Širun-u ene öge-dür Ong-χaγan ögülerün: J̌a, teyin bögesü, köbegün ałǰuγuǰai! Köbegün ülü dengselgen asaratχun! kemeged, χadχułduγsan γaǰar-eče χarin ičubai». Kemebe.

§ 175. Tendeče Činggis- χaγan Dałan-nemürges-eče Xałχa uruγu ködelürün, toγa toγałałduǰu toγałabasu, χoyar mingγan ǰirγuγan ǰaγun arad bołbai. Nigen mingγan γurban ǰaγun arad Činggis-χaγan-łuγa Xałχa-yin öröneǰi eteged-iyer negübei. Nigen mingγan ǰurγan ǰaγun Xałχa-yin ǰegün eteged-iyer Uruγud Mangχud negübei. Teyin negüǰü ayisuχui-dur, görögesün-e abałan yabuχui-dur, Xuyiłdur yaran-iyen anaγa edüküye, Činggis-χaγan idχabasu ülü bołun, görögesün-dür dobtułχu bołun ügdereǰü nögčibe. Tende Činggis-χaγan Xałχa-yin oroχu-yin keltegei χada-da Xuyiłdur-un yasun inu talbiγułba.

§ 176. Xałχa-yin Buyir-naγur čidχuχu iǰaγur-a oyimelten Xongkirad bui kemen J̌určidai-yi Uruγud-iyer ilegeged . . . .

. . . .

§ 208. «J̌určidai-yi öndür aγuła-yin nemure metü sedkiǰü yabuχu bülüge bi. Tere odču Balǰuna-naγur usułara kürbei ǰe. J̌iči Bałǰuna-naγur-eče moriłarun J̌určidai, Arχai-χasar χoyar-i amin čiχułǰu (öberčileǰü) Kereyid-tür moriłaǰu, Tngri Γaǰar-a küčü nemegdeǰü, Kereyid irgen-i muχudχaǰu (ečüngeǰü) tulibai (ołǰałaba). Erkin ułus üküčildüǰü (ałałduǰu), Naiman Merked čiraban χuγuraǰu, bayiłdun yadaǰu busangγaγdabai ǰa (tarχabai). Merked Naiman-i busangγaχu (tarχaγaχui) χoγor (ǰabsar)-tur, Kereyid-ün J̌iχa-Kambuu Xoyar ökid-ün šiłtaγabar öberün χariyatu ułus-tur-iyen tumta aγsan aǰuγu. Nögögede dayisun bołun χaγačaγsan-i J̌určidai odču, arγa-ber J̌iχa-Kambuu-yi χaγačaγsan baraγsan-i γartaǰu bariǰu bütügeǰüküi (ałaǰuχui) ǰa. — Tere J̌iχa-Kambuu-yin ułus-i nögögede ülidken (bürelken) tałbibai (Boγda Eǰen). J̌určidai nögöge tusa inu ene buyu ǰa!» kemen

Ałałduχui edür
Amin-iyen öregsen-ü tuła,
Üküldüküi edür
Ölümlegsen-ü tuła,

Činggis-χaγan Ibaχa-beki-yi J̌určidaya soyurχaǰu öggürün: «Čimayi aburi üyile čegeǰi činu öskui-dür üǰesküleng tei maγui ese kemebe bi. Köl-i činu šibaritai, kölösün činu ünertei ese kemebei ǰe bi. Ebür-tür köl-dü oroγsan, ǰerge-dür ǰergelen saγuγsan čimayi J̌určidaya soyurχarun, Yeke törü-yi

sedkijü, J̌určidai-yin χadχulduγan edür χalχa boluγsan-u tula, dayisun-kümün-dür dalda boluγsan-u tula, χaγačaγsan ulus-i χamtudχaγsan-u tula, butaraγsan ulus-i bütügeldügsen-ü tusa-yin tula, törü-yi sedkijü čimayi ögbe. Mön-e χoyina Minu uruγ Bidan-u oro saγuju, ene metü tusa kigsen, Törü-yi sedkijü, Minu öge busu ülü bolγan, uruγ-un uruγ kürtele, Ibaχa-yin üliger buu tasultuγai!» kemen ǰarliγ bolba. Basa Ibaχa-da ögülerün: «Jiχa-Kambuu ečige činu imada (nadur) Ašig-Temür baγurči, Alčiχa-u χorči χoyar ǰaγun ǰaran ulus ögčü bülüge. Edöge Alčiχai irgen ǰaγun-i abču odču önürün sayin-iyen ende inǰes-ečegen Ašig-Temür baγurči-da nigen ǰaγun talbiju yorči(od)!» kemeba. Basa Činggis-χaγan J̌určidaya ögülerün: «Ibaχa-dur nigen ǰaγun-i tu ögbe. Uridu törü mingγan Uruγud-iyen či medeǰü ülegü (yabu) aχu či!» kemen ǰarliγ bolba.

IX

§ 209. Xubilaya ögülerün: «Küčütü-yin küǰugüü, bökeyin bögsen bütügeldübe či! Ede Xubilai, J̌elme, Sübegetei, J̌ebe ta dörben sudaχan-iyen (?) sedkigsen (törül-iyen sanaγsan)-dur ǰaruǰu ilegebesü kü

Kür kemegsen-dür,
Gürü kemkelün;
Γal kamegsen-dür
Xada χaγalun,
Čeügen čilaγun-i čaru
Čegel usun-i nitulun ögbei ǰe ta!

Xubitai, J̌ebe, J̌elme, Sübegetei ta dörben ünen-iyen ǰoriγsan γaǰar-a ilegeǰü, Boγurči, Tulai, Boroγul, Čilaγun-Baγatur ede dörben külüg-üd-iyen derge degen abubasu, χadχulduχun edür bolbasu, J̌určidai, Xuyildar χoyar Uruγud Mangχud-iyer-iyen uduriduγan bayiγulbasu, bükü sedkil-iyer amuχu bülüge bi!» kemebe. «Xubilai čerig-ün üyile bügüde-yi χaγalǰu (ilγaǰu) ülekü (medekü) aχu?» kemen soyurχaǰu ǰarliγ bolba. «Bidügün-i moǰiraγad Tulai-yi maγulaǰu yabuǰu mingγan-i imada (nadur) ese ögbe! Či imada ǰöb bui ǰa! Čima-luγa mingγalaǰu eyetüldüǰü yabuγdaχu!» kemebe. Basa mön χoyina Bedügün-i uχud (?) ta!

§ 210. Basa Činggis-χaγan Degedei-γoua-da ögülerün: «Ta, Boγurči, Muχali, terigüten noyad-ta Dödei Doχulχu tan čerbin ene χara söni kürgügetü činoa gegegen edür χara keriye bolǰu, negüküi-dür ese negügsen, nögčiküi-dür ese nögčigsen, bulχa kümün-lüge buši (busud-un) niγur ese ǰubčiγsan (χaraγsan), östü kümün-lüge öbere niγur ese ǰubčiγsan urbaγsan), Γoua, Köke-Čos χoyar-eče eye ügegü buu üyiledutkün!» kemen

ǰarliγ bolba. «Köbegüd-ün mini aχa ǰoči bui ǰa. Γoua Geniges-iyen terigüleǰü, ǰoči-yin doora Tümen-ü Noyan boltuγai! kemen ǰarliγ bolba. Γoua, Köke-Čos, Degei, Üsün-ebügen ede dörben üǰegsen-iyen ülü niγun, sonosuγsan-iyen ülü χabčiχun tede bui ǰa!»

§ 211. Basa ǰelme-de ögülerün: «ǰurčidai-ebügen kögürge-ben ögürčü, ǰelme neretei ölügei tei ene Burχan-χalduna-eče baγuǰu ireǰü, Onan-u Deligün-boldaγa namayi törükui-dür bulγan ölügei ögčü bülüge. Tere nöküčegsen-ber

Bosuγa-yin boγol
Egüden-ü emčü (ǰaruča)

bolbai ǰa. Jelme-yin tusa olan bui ǰa.

Törüküi-lüge törüldügsen,
Ösküi-lüge ösüldügsen

bulγan ölügei iǰaγurtu,, öljeyitü χutuγtu ǰelme, yisün endel-dür aldabasu, eregü-dür buu orotuγai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 212. Toluy-a ögülerün: «Ečige-eče köbegüd öbere mingγan-ber medekü bülüge či. Ulus χuriyatala ečige-deče obere ǰigür bolun ǰügeldüǰü ulus χuriyalduγsan-u tula, čerbi nere ögbei ǰe (eǰen noyan). Edöge öber-ün oluγsan ǰügegsen-iyer-iyen, öbere mingγan bolǰu, Turχud-tur eyetüldüǰü ülekü (medekü) aχu či!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 213. Basa Önggür-baγurčin-dur ǰarlig bolurun: «Γurban Toχuraγud, tabun Tarχud, Menggetü-Kiyan-u kübegün či, Önggür, Čangšiγud Bayaγud-iyer atuγai, nigen küriye bolǰu, či, Önggür

Budan-dur —
Ese tögeribei ǰe či.
Bulχa-dur —
Ese χaγačabai ǰa či.
Noyitan —
Nobšilduǰu,
Küyiten —
Köbšildüǰü,

yabuba ǰa či! Edöge yambar soyrχal abχu!» kemebesü, Önggür ögülerün: «Soyurχal songγoγulbasu, Bayaγud aχa degüü minu χari tutum-dur buratara bui. Soyurχabasu, Bayaγud-yügen čiγulγasuγai!» kemebesü: «ǰa, teyin bögesü, aχa-degüü-yügen čiγulγaǰu či mede! Mingγan-i.» kemebe (mede).

Basa ǰarliγ bołurun, «Önggür Boroγul χoyar baγurčin, baraγun ǰegün etegedün χoyar baγurčin, idegen tügegerün, baraγun eteged bayiγsad saγuγsan-a, ǰegün eteged ǰergelegsen aγsan-a ülü dutaγułun, ta χoyar-i teyin tügegebeșü, minu χoγołai ülü χučin, sedkil amuyu. Edöge Önggür Boroγuł χoyar moriłaǰu yabuǰu ołan kümün-e tügegdekün!» kemen ǰarliγ bołba. «Saγuri saγurun Yeke Düsürge-yin baraγun ǰegün eteged idege bišiłγan (činan) šaγutχun! Tołui-tan-lüge tüblen saγutuγai!» kemen saγurin ǰiγaǰu ögbe.

§ 214. Boroγuł-a ögülerün: «Eke minu Šigi-χutuγ, Boroγuł, Küču, Kökečü ta dörben-i irgen-ü nutuγ-eče

Köser-eče ołǰu
Köl-dür-iyen dürüǰü
Köbegünčilen asaraǰu teǰiyerün,
Küǰügün-eče tanu tataǰu,
Kümün-lüge sačaγu bołγaǰu,
Egem-eče tanu tataǰu,
Ere-lüge sačaγu bołγaǰu,

köbegün-degen Nadur nökür bołγasu kemen teǰiyebei ǰe. Teǰiyegsen ači Eke-de ba Nadur tusa χariγulbai ta.

Xadχułduχui dayisun-dur
Xoγosun ese χonoγułbai.
Šitüldüǰü büküi dayisun-dur
Šilun ügei χonoγułbai ǰe či.

Basa ebüges-i baraγsan östü kistü Tatar irgen-i doroyidaγułǰu öšil öšin, kišil kisen Tatar irgen-i čigün-dür üliǰü ülidkün kiduχui-dur ałaγdarun Tatar-un Xargił-Šira oγurčaγ bołun γarču, ǰiči yadaǰu ölösčü oroǰü Eke-dür ger-te sayi erigylsün (erigülün) buyu bi! kemebe. Sayi erigülsün bögesu—tende saγu! kemegdeǰü, örüneǰi iser-iyin üǰügür-e saγuǰu büküi-dür, Tołui tabun nasutu γadana-eče oroǰu ireǰü, ǰiči güyiǰü γarču odun büküi-yi Xargił-Šira bosuγad, köbegüken-i suγu-dur-iyen χabčiǰu γarču yabuǰu ayisurun (iren) kituγa-ben temtülǰü ǰuγułun yabuχui-dur, Boroγuł-un gergei Iłtai-eke ger-ün dotura bülüge. Eke χayiłaǰu — Köbegün baraba! kemeküi-lüge Iłtai-eke ger-teče udaγarałdun (daru daγan) güyiǰü γarułčaǰu, Xargił-Šira χoyina-eče güyičiǰü, šibelger inu bariǰu, nögöge γar-iyer-iyen χituγa ǰuγułun büküi-dur, γar-i inu bariǰu tataχui-łuγa χituγa-ban ałdačiχu, ger-ün ümere J̌etei J̌elme χoyar muχułǰin χara üker ǰemelen ałaǰu bükui-dür, Iłtai-yin daγun-dur J̌etei J̌elme χoyar süke χituγa

bariǰu, nuduryа-iyen ałaydaǰu güyiǰü ireǰü, Tatar-un Xargił-Šira-yi süke χituya-ber mön tede ałaǰuχu. Iłtai, J̌etei, J̌elme γurban kobegüken-i amin aburaγsan ǰiłdu (ǰöb-iyen ǰergečen) temečildübesü, J̌etei J̌elme χoyar ögülerün: Minu ügei bögesü, odter güyičeǰü ese ałabasu, Iłtai eme kümün bülüge (yaγaχiχu). Köbegüken-i amin-dur χour ülekü (ülü) kürkü (kürgekü) bülügei-uu? Jułdu (ǰob) manuχai bui ǰa! kemebe. Iłtai ögülerün: Minu daγun ese sonosbasu, ta ker öčikün bülüge? Namayi güyičeǰü šibelger inu bariǰu, χituγa ǰuγułuγsan γar inu tataǰu, χituγa ese ałdaγsan bögesü, Jetei J̌elme χoyar-i kürčü iretele, köbegüken-ü amin-dur χour ülekü kürgekü bülügei-üü?» kemebei. Ögülen barabasu, ǰiłdu Iłtai-yin bołbai. Boroγuł-un gergei Boroγuł-dur nögüge ǰigür bołun, Tołui-yin amin-dur tusa bołba. Basa Boroγuł Kereyid-lüge Xalχałaǰid-ałus χadχułduχui-dur, Ögedei χoyiši-ben sumun-a tusdaǰu unabasu, Boroγuł degere baγułdaǰu (baγuu) aχusan čisun inu amaγar-iyen šimiǰu, söni χaγačiłduǰu manaγarši morin-dur unuγułǰu saγun yadaχu-yi sundałaǰu, Ögedei-yin χoyina-ełe teberiǰü, böglegsen čisun-i inu šimin šimin aman-u ǰabaǰin-iyer ułγadaǰu, Ögedei-yin amin-i esen kürgeǰü ireǰü bülüge. Eke-yin minu ǰobaγsan ači χoyar köbe-güd-ün minu amin-dur tusa bołbai ǰa! Boroγuł nadur nököčeǰü,

Darbaγan uriγa tan
Daγun-dur dem-eče

ese χoǰidabai ǰa! Boroγuł yisun endel endebesü, buu ałdatuγai (erigü-dür buu orotuγai)!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 215. «Basa ökin uruγ-daγan soyurχał ögeküi-e!» kemebe.

§ 216. Basa Üsün-ebügen-e ögülerün: «Üsün, Γoua, Köke-Čos, Degei ede dörben üǰegsen sonosuγsan-iyen ülü niγun, ülü χabčin ǰiγan aχun bülüge. Mongγoł-un törü noyan mör beki bołχu yosun aǰuγu. Baγarin aχa-yin uruγ bülüge. Beki mör bidan-u dotura degere eče; beki mör Üsün-ebügen-dür bołtuγai! Beki ergürün, čaγan aγta unuγułǰu, čaγan degel emüskeǰü, saγurin-u degere saγułγǰu, degedü ene širen-dür šideǰü, takin atuγai!» kemen ǰarliγ bołbai.

§ 217. Basa Činggis-χaγan «Xuyiłdar anda χadχułduγan-dur amin-iyen öreǰü, urida aman negegsen tusa-iyen tuła, uruγ-un uruγ-a inu kür-tele önečid-un abliγa (ałba) abun atuγai!» kemen soyrχał ǰarliγ bołba.

§ 218. Basa Čaγan-γoua-yin köbegün Narin-Toγorił-a ǰarliγ bołurun: «Ečige činu, Čaγan-γoua minu emüne keǰigeǰü χadχułduχu bołun Dałan-bałǰud-ta χadχułduχui-dur J̌amuχa-da ałaγdałuγa. EdögeToγorił ečige-yügen tusa-yiün tula, önečid-ün abliγa abun atuγai» kemegdǰü, Toγorił ögülerün: «Soyurχabasu Eküs aχa degüü χari tutum bura tara bui. Eküs-

aχa degüü-yügen čiγulγasuγai!» kemebesü, ǰarliγ bolurun: «Teyin bögesü, Eküs aχa degüü-yügen čiγulγaǰu,či uruγun uruγ kürtele mingγan-i medeǰü ülekü (eǰelekü) aχu!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 219. Basa Toryon-Šira-da ǰarliγ bölurun: «Namayi öčüken čaγ-tur Tayičiγud-un Tarγutai-Kiriltuγ aχa degüü-de egerigdeǰü bariγdabasu, tende aχa degüü-degen nayidaγdamu (ilaγdamu) kemen, Torγan-Šira, Čilaγun, Čimbai köbegüd-türiyen, Xadaγan neretei ökin-degen asaraγulǰu niγuǰu aǰu namayi talbiǰu ilegebei ǰe ta. Tere tusa-yin sayin-i činu sedkiǰü, χara söni ǰegüden-dür, gegen edür čegeǰin-dür sedkiǰü yababai ǰa bi, tan-i. Edüi Tayičiγud-eče udaγan irebei ǰe ta! Edöge bi tani soyurχasu. Yambar soyurχal taγalaχun ta?» kemebe. Torγan-Šira Čilaγun Čimbai köbegüd-iyer-iyen bolun ögülerün: Nutuγ darχalasu! Merkid-ün γaǰar Selengge-yi nutuγlaǰu darχalasu!» kemebei. Tegün-dür χaγan ǰarliγ bolurun: «Merked-ün γaǰar-i Selengge-yi nutuγlaǰu darχalaγad uruγ-un uruγ-a kürtele χorčilaγulǰu ötüglegülǰü darχalaǰu, yisun endel-dür erigü-dür buu orotuγai!» kemen ǰarliγ bolba. Basa «Čilaγun Čimbai χoyar-un ögülegsen öges-i sedkiǰü ker aγdaχu? Čilaγun Čimbai, ta χoyar edöge sedkil-iyen ögületkün! Ögülekü bögesü, ǰaγur-a kümün-e buu kelegülütkün! Öbcrün beyes-iyer amaγar nadur öbesüben sedkigsen-iyen keletkün!» kemen ǰarliγ bolba. Basa «Torγan-Šira, Badai, Kišliγ ta χoyar tarχud basa darχalarun, olan dayisun-dur olǰa olbasu, oluγsabar abutχun! Oroγa görögesün-dür abalabasu, alaγsabar abutχun!» kemen ǰarluγ bolba. «Torγan-Šira kemebesü, Tauičiγud-un Tödege-yin aran aǰuγu ǰa. Badai Kisliγ χoyar kemebesü, Čeren-ü aduγuči aǰuγu ǰa. Edöge minu turuγ χorčilaγulǰu öteglegülǰü darχalan ǰirγatχun!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 220. Basa Nayaγa-da ögülerün: «Širketü-ebügen Nayaγa köbegüd-lüge-ben ta Tarγutai-Kiriltuγ-i Bidan-dur bariǰu ayisurun, ǰaγura Xudχulnuγud-a kürčü, tende Nayaγa ögülerün: Tus χaγan-iyan ker tebčiǰü bariǰu odχu bida? kemeǰü, tebčin yadaǰu talbiǰu ilegeǰü, Širketü-ebügen Alaγ Nayaγa köbegün-lüge-ben ireǰü, tende Nayaγa bildaγur ögülerün: Tus χaγan-iyan Tarγutai-Kiriltuγ-i γartaǰu ayisurun, ǰiči tebčin yadaǰu talbiǰu ilegeǰü bi. Činggis-χaγan-a küčü öggürün irebei. Tüs χan-iyan γartaǰu irebesü, tus χan-iyan γartaγsad arad mön-e χoyina ker itegegdekün ede? kemeküi bülüge. Xaγan-iyan tebčin yadabai kemebesü, tede tus χaγan-iyan tebčin yadaγsan Yosu Yeke Törü-yi sedkiǰüküi! kemen öge inu ǰöbšiyen ču nigen üyile-dür tür tüšiye! kemelüge. Edöge Nayaγa töb-ün tümen-i medetügei! kemen ǰarliγ bolba. Naiman širaγa morin-i nekeküi-dür, naran-i kiltus-kiǰü χarγui čaγ-tur učaraǰu, nasun büri küčü-ber ögbei! kemen Edöge Boγurči-da baraγun γar-un tümen-i medegülbei. Dayisun-i darul-

čaγsan olǰa-yi oroγulčaγsan morin-iyan del degere naran γarγaǰu, segül degere budan talbiǰu, dayisun-u mör-i tögörigülǰü, esen mendü abču ireg-sen, J̌alayirtai-yin sayin Muχuli küčün öggügsen olan bui!» kemen, göi ong čingsang tayiši čola ögčü, ǰegün γar-un tümen-i medegülbei.

§ 221. «Jebe Sübegetei χoyar öber-ün oluγsan ǰögegsen-beriyer mingγalatuγai!» kemebe.

§ 222. Basa Dedei χoniči-da bügdügüli čiγulγaǰu mingγan-i mede-gülbe.

§ 223. «Güčügür möči-de irgen dutaγdaǰu, endeče tendeče χubčiǰu, ǰerge-deče Muluχalaχu ǰüg-iyer nököčelügei. Güčügür Muluχalaχu χoyar nigen-e mingγalaǰu ayetüldüǰü aγdaχun!» kemebe.

§ 224. Ulus bayiγuluγsan-i ǰögeldügsed-i anu Mingγad-un Noyad bolγaǰu, mingγa mingγalaǰu, Mingγad-un Noyad, J̌aγud-un Noyad, Arbadun Noyad-ta Tümed-ün Noyad-ta soyurχal ögdekün metüs-e soyurχal-i ögčü, soy-urχal ǰarliγ bolχun-a bolǰu, ǰarliγ bolurun: «Urida nayan kebtegülsü tü dalan turχaγ-ud kešegtentü bülüge. Edöge Möngke Tngri küčün-dür, Tngri γaǰar-a küčün auγa nemegdeǰü, gür ulus-i soyurχaγdaǰu, γaγča ǰiluγa-dur-iyen oroγuluγsan-dur, edöge Nadur kešigten turχaγ-ud mingγad-eče ilγaǰu oroγulutχun (yabuγulutχun)! Kebtegül χorčin turχaγ-ud oroγulurun, tümen dügürgen oroγulutχun!» kemen ǰarliγ bolba: «Basa kešigten oroγulχui-dur ǰarliγ bolba. Mingγad mingγad-ta tungχaγarun (ilγan): Bidan-dur kešig-ten-i oroγulurun, tümed-ün, mingγad-un, ǰaγud-un Noyad-un köbegüd düri-yin kümün-ü köbegüd-i ororun (yabuγulun) erdemüd ten šil sayitan Bidan-u dergede yabuχun metus-i oroγultuγai (yabuγultuγai)! Mingγad-un Noyad-un köbegüd anu arban nöküdtü nigen degüü-yi daχaγulǰu iretügei! J̌aγud-un Noyad-un köbegüd-i anu oroγulurun, tabun nöküd-tü nigen degüü-yi daγaγulǰu iretügei! Arbad-un Noyad-un köbegüd-i anu düri-yin kümün-ü köbegüd-i oroγulurun γurban nöküd-tü nigen degüü-yi daγaγulǰu, ijaγur-un kü mingγan olaγa (olan-a) küčü ǰasaǰu, iretügei! Bidan-u dergede yabuγulχun-i böged-ün, mingγad-un Noyad-un köbegüd-te arban nöküd ijaγur-un mingγan ǰaγun-eče χubčiǰu (χubilaǰu) ögtügei! Ečige-yügen öggügsen χubi kešig bögesü beye γad-iyar oluγsan ǰögegsen ere aγta kedüi bögesü inu emčü χubi-eče anggida, Bidan-u kemlegsen kem-iyer χubčiǰu (χubilaǰu) teyin ǰasaǰu, ǰaγud-un Noyad-un kübegüd-te tabun nöküd bol-γan, arbad-un Noyad-un köbegüd-te düri-yin kümün-ü köbegüd-te γurban nöküd mön yosuγar emčü χubi-eče anggida mön teyin χubčiǰu (χubilaǰu) ögtügei!» kemen ǰarliγ bolba. «Mingγad-un, ǰaγud-un, arbad-un Noyad olan kümün Bidan-u ene ǰarliγ kürgegülüged sonosuγad bürün, dabaχun arad aldaltan (gem eregüü-tü) boltuγai! Bidan-dur kešig oroχun (yabuχun)

aran bultariχu ülü bolχun Bidan-u dergede yabuχui-ban berkešiyelebesü, busu kümün-i oroγulǰu, tere kümun-i erigüleǰü, nidun-u ečine χola γaǰar-a ilegeye! kemen ǰarliγ bolba. Dotona Bidan-u dergede yabuǰu surulčaǰu kemeǰü irekün arad-i buu idχatuγai!» kemebe.

§ 225. Xaγan-u ǰarliγ boluγsan-ber, mingγad-un ǰaγudun arbad-un Noyad-un köbegüd-i mön kü ǰarliγ-un yosuγar ilγaǰu γarγaǰu ireǰü aran kebtegül bolba. Tegün-i naiman ǰaγun bolγabai. Naiman degere mingγan dügürgetügei! kemebei. Kebtegül oroχun-i buu udaγatuγai! kemen ǰarliγ bolba: Kebtegül-i Yeke-Negürin aχalaǰu, mingγan medeǰü atuγai! kemen ǰarliγ bolba. Urida dörben ǰaγun χorčin-i ilγabai. Ilγaǰu, J̌elme-yin köbegün Yisüntege aχalaǰu, Tödei-yin köbegün Bükedei-ten-lüge eyetüldüǰü atuγai! kemebe. Turaχaud-luγa χorčin kešig kešig-tür oroldurun Yisüntüge nigen kešig χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Uradtan nigen kešig χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Albalan Albalan nigen kešig χorčin aχalaǰu orotuγai. Xour aγsaχuy-a turaχaud kešig kešig χorčin-i teyin aχalaǰu oroγultuγai! Xorčin-i mingγan dügürgeǰü Yisüntüge aχalaǰu atuγai! kemen ǰarliγ bolba.

§ 226. Urida Egöle-čirbi-luγa oroγsan turuγaud degere mingγan dügürgeǰü, Boγurči-yin uruγ-eče Egölen-čirbi medetügei! kemebe. Nigen kešig turaχaud mingγan-i Muχaliyin uruγ-eče Buχa medetügei! kemebe. Ilükei uruγ-eče Alčidai nigen mingγan turaχaud-i medetüγei! kemebe. Nigen mingγan turaχaudi Tödei-čirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turuχaud-i Doχolχu-čirbi medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i J̌určidai-yin uruγ (törül)eče Čanai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i Alči-yin uruγ-eče Aχutai medetügei! kemebe. Nigen mingγan turaχaud-i Arχai-χasar, nigen mingγan ilγaγsan baγatud-i medeǰü, olan edür χas bolǰu altan amin Minu sakituγai! Xadχulduγan edür urida bayiǰu baγatud bolǰu χadχuldutuγai! kemen ǰarliγ bolbai. Mingγad mingγad-eče ilγaǰu iregsed naiman mingγan turaχaud bolba. Basa ǰarliγ bolurun: «Bidan-u čaγada (činadu) tümen kešigten-i bökeleǰü Yeke γoul bolun atuγai!» kemebe.

§ 227. Basa ǰarliγ bolurun, Turaχaud dörben kešigüdün etögülekün-i tüširün, Buχa nigen kešig kesigten-i medeǰü, kešig ǰasaǰu orotuγai. Alčidai nigen kešig-i medeǰü kešegten-i ǰasaǰu orotuγai (yabutuγai). Tödei-čirbi nigen kešig kešigten-i medeǰü ǰasaǰu orotuγai. Doχulχu-čirbi nigen kešig kešigten-i medeǰü ǰasaǰu orotuγai! kemen kešig oroχui ǰarliγ tungχaγarun (ilegerün), kešig ororun, kešig-un Noyan öber-türiyen kešiglegsen kesigten bütügeǰü kešig oroǰu, γurban χonolduǰu yegüdketügei! Kešigtü kümün kešiγ oγarabasu, tere kešig oγaraγsan kümün-i γurban beriyes süyitügei (gübšitügei). Mön kešigtü nögöge kešig oγarabasu, doluγan beriyes süyitü-

gei. Mön kümün, beye γag (γar) ebečin ügei, kešig-ün Noyan-eče eye ügegü, mön kešigtü γurban-ta kešig oγarabasu, γučin doɫuγan beriyes süyidged, Biden-dur yabuχui-ben berkešiyen aǰuγu. Ečine χoɫa γaǰar-a ilegeye! kemen ǰarliγ boɫba. Kešigüd-ün Noyad öteges γutuγar kešig-tür ene ǰarliγ kešigten-e sonosuγad ese sonusχabasu, kešigüd-ün öteges aɫdaɫtan boɫtuγai! kemen ǰarliγ boɫba. J̌arliγ sonosuγad bürün dababasu, ǰarliγ-un yosuγar kešig oγarabasu, kešigüd-ten aɫdaɫtan boɫtuγai! kemen ǰarliγ boɫba. Kešigüd-ün öteges endebe ele kemen sačaγun oroγsan Minu kešigten-i Nada-eče eši ügegü bnu ǰasaγdaχun! J̌asaγ kündebesü, Nada ǰiγatχun! Mököri-güldekü (aɫaγuɫχu) yosutu bögesü, kebtegülün nišiχun ǰa! Aɫabai ele kemeǰü sačaγun kešigten-i Minu öberün γar köl kürgeǰü beriye beriyedebesü beriye-yin χariγu beriye kü, nidurγa-u χariγu nidurγa-ber χariγuɫtuγai! kemebe.

§ 228. Basa ǰarliγ boɫurun: «Γadaγadu Mingγad-un Noyad-eče Minu kešigtü degere bui ǰa. Γadaγadu J̌aγud-un Arbad-un Noyad-eče Minu kešigtü-yin köteči degere bui ǰa. Kešigten-dür Mingγaliγ-ud sačaγun boɫǰu denggečin, Minu kešigten-dür kereldübesü, Mingγaliγ-ud-un kümün-i eri-güleye (ǰasaγɫaya)!» kemen ǰarliγ boɫba.

§ 229. Basa ǰarliγ boɫurun, kešigüd-ün Noyd-a ǰarliγ tungχaγarun: χorčin turaχaud kešig oroǰu, edür-ün yabudaɫ mör mör-türiyen yabuǰu, naran-u γaɫtaya kebtegüle ǰayiɫaǰu, γadana γarču χonotχun! Bidan-dur söni kebtegül χonotuγai! Xorčin-dur χoyar baγurčin-i ayaγa saba kebtegül-e daγaɫγaǰu odtuγai! Γadana χonoγsan χorčin turaχaud baγurčin Bidan-i šilu idetele kiröge (ködöge)-dür saγuǰu, kebtegül-dür keleǰčeǰü (ögüleǰü), šilü iden barabasu, χorčin χourtu turχaud-tur-iyen baγurčin ayaγa saba-dur-iyen daγaɫγatuγai! Kešig mön mön ene χuli-ber teyin kitügei! kemen ǰarliγ boɫba. Naran šıngegsen-ü χoyina ordo-yin χoyiχun (χoyina) urduχun (emüne) ketügelǰin yabuχu kümün-i kebtegül bariǰu χonoǰu, manaγar kebtegül öges-i inu asaγtuγai! Kebtegül kešig yegüdkeldürün, beye anu toγoɫaǰu oroǰu iretügei. Yegüdkeǰü γarχun-a kebteül toγoɫaǰu γarču, toγoɫaǰu oroχu odtuγai! kemebei. Kebtegül söni ordo orčin kebteǰü, egüden daruǰu bayiγsan χoyina kebtegül söni oroχun aran-i ekid (terigün) anu daɫbiru (χaγa) müris (müren-dür) anu baγutaɫa (kürtele) čabčiǰu oγurtaχun (orkiγtun). Yaγaraɫ (yaγaraχu) keleten aran irebesü, kebtegül-tü keleɫčeǰü ger-ün umara-eče kebtegül-lüge χamtu bayiǰu kelelegültügei! kemebei. Kebtegül-eče degere saγuri ken ber buu saγutuγai. Kebtegül-eče kelen ügei ken ber buu yabutuγai! Kebtegül-ün degegün ken ber buu orotuγai! Kebtegül-ün ǰiχaχun ken ber buu yabutuγai! Kebtegül-ün toγa buu asaγ-tuγai. Kebtegül-ün degegün yabuχun aran-i kebtegül barituγai! Toγa asa-

χun (asaγaun) kümün-i kebtegül tere edür unuγsan aγta emegel χaǰaγartu-yi, emüsügsen χubčisun selte-yi kebtegül abtuγai! kemen ǰarliγ bołba. Elǰigedei itegeltü bögetele ǰiłda (ǰergečen) kebtegül-ün degegün yabuχu bołun kebtegül-ber bariłuγa.

X

§ 230. Basa ǰarliγ bołurun:

«Egületei söni
Erüketei ger-i Minu
Egeren (ergičen) kebteǰü,
Oron-dur nuta untaγułǰu,
Xan oron-dur kürgegsen
Öteges kebtegül Minu! —
Odutai söni
Ordo ger-i Minu
Orčin kebteǰü;
Oron dotura ese untaγsan
Ölǰei ten kabtegül Minu
Öndür oron-dur kürgebe. —
Šiγurγan boroγan-a
Šilgüdken büküi
J̌üsken-e čıdχun büküi χura-da
Šidesütei ger Minu orčin,
J̌ırim ülü kìn bayiǰu
J̌irüken amuγułuγsan
Čing sedkiltü Minu,
J̌irγałangtu oron-dur kürgebe. —
İbul-un büküi dayisun dotura
Erüketei ger-i Minu orčin
İrmes ülü kin
Idχaǰu bayiγsad
Itegelten kebtegül Minu!
Üyiles χour
Ubiskiχui-dur (ürbidkeküi)
Udał ügei bariłałdun
Uriyarχun kebtegül Minu! —
Xud χubis (χudχułaχui) kiküi-dür
Xoǰid ese bayiγsan
Xurdun yabudałtan kebtegül Minu!

Ölјeiten kebtegül-i Minu
Öteges kebtegül kemetkün!
Egöle čirbi-łuγa oroγsan
Dałan turaχaud-i
Yekes turaχaud kemetkün!
Yisütüge Bükedei ten χorčin-i
Yekes χorčin kemetkün!»

kemen ǰarliγ bolba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-eče Minu beye čiγada (šidar) amałan iłγaǰu iregsed tümen kešigten-i Minu mön-e χoyina Minu oro saγuγsan köbegün uruγud-ta Minu ede kešigten-i geriyes metü sedkiǰü ülü gemüri-gülün sayitur asaratχun! Ede tümen kesigten-i Minu ertekid (erten-ü) χutuγtan kemeǰü ülekü (ülemǰi) aγdaχui! kemebe.

§ 232. Basa ǰarliγ bołurun: Ordo-yin čirbi ökid-i ger-ün köbegüd temegečin, ükerčin-i kebtegül baγašiłaǰu (tobčiłaǰu) orgo ger tergen-i asaratuγai. Tuγ kögürge doro ǰida kebtegül asaratuγai. Ayaγa saba kebtegül-kü asaratuγai. Bidan-u undan idegen kebtegül-kü daruγałatuγai. Idegen miχa-yi kebtegül daruγałaǰu bołγatuγai. Undan idegen χour χomsa bołbasu, daruγałaγsan kebtegül-eče eriye! kemebei. Xorčin idegen undan tüge-gerün, daruγałaγsan kebtegül-eče eši ügei buu tügegetügei! kemebei. Ordo gertür oroχu γarχu-yi kebtegül ǰasatuγai. Egüden-dür kebtegülün, egüden-eče ger čaγada (ǰiχada) bayituγai. Kebteüle eče χoyar kümün oroǰu Düsürge barituγai! kemebei. Kebtegül-eče nutuγučin yabuǰu ordo ger bayułγatuγai! kemebei. Bidan-i šibaγułan abałan yabuχui-dur kebtegül Badan-łuγa abałałdun yabutuγai. Ger tergen-dür ǰarimud-iyan čaγłaǰu tałbituγai! kemebei.

§ 233. Basa ǰarliγ bołurun: Bidan-u beye čerig ese γarbasu kebtegül Bidan-eče anggida čerig buu γartuγai! kemebei. Eyin kemegülüged ǰarliγ dabaǰu kebtegüle nayidaǰu, čerig γarγaγad, čerig medekü čirbi ałdałtan bołtuγai! kemen ǰarliγ bołba. Kebtegül-i čerig ker ülü γarγaχui? kememüi ta. Kebtegül Minu ałtan amin sakimu. Šibaγułan, abałan ǰabuχui-dur ǰobałdumui. Ordo ger χadaγałałduǰu örüg-tür ger tergen asaramui. Minu amin sakiǰu χonoχu kil' ar-uu? Ger tergen, Yeke Aγuruγ sakiχui-dur asa-raχu kilbar-uu? Teyin dabχur χaγas χaγas yabudał kemeǰü Bidan-eče anggida öbere čirig buu yabutuγai kemeküi inu teyimü bui ǰa! kemeǰüküi.

§ 234. Basa ǰarliγ bołurun: Šigi-χutuγ-łuγa kebtegül numu χuyaγ ǰibe asaraǰu tügegeldütügei! kemebei. Aγtas-eče ačiraǰu ögešin ačiǰu yabu-tuγai! kemebei. Xorčin turaχaud-un nutuγ ǰiγarun Isütüge Bükedei tan

χorčin Aɫčidai Egöle Aχutai tan turaχaud ordo-yin baraγun eteged yabutuγai. Buχa, Dödei, Doχuɫχu, Čanai tan čirbi ordo-yin ǰegün eteged yabutuγai. Kebtegül ordo ger tergen-ü baraγun ǰegün eteged yabutuγai. Arχai-yin baγatud ordo-yin urida yabutuγai! kemebei. Kebtegül ordo ger tergen asaraγad, ordo-yin dergede baraγun ǰegün eteged yabutuγai! kemebei. Bürin kešigten turaχaud-i ordo orčin ordo-yin ger-ün köbegüd-i aduγučin, temegečin, ükerčin, χoničin-i ordo gerün Dödei-čirbi uχaǰu atuγai! kemen tüšigülbe. Dödei-čirbi darun aǰu, ardo-yin χoyina-eče

Xoγ abču,
Xomoγoɫ tüleǰü,

abutuγai! kemen ǰarliγ boɫba.

§ 235. Basa Xubiɫai Noyan-i Xarɫuγud-tur ǰaγuraγulbai (čeriglegülbei). Xarɫuγ-ud-un Arsɫan-χaγan Xubiɫai-dur ilsen ireǰüküi. Xubiɫai Noyan Arsɫan-χaγan-i abuγad ireǰu Boγda Činggis-χaγan-dur aγuɫǰaba. Eye boɫγaɫduba kemen Arsɫan-i soyrχaǰu Aɫχa-begi-yi ögbe. Xarɫuγ-ud-un Arsɫan-dur Aɫaχa-begi-yi ögčü egüskeküi-dür, Boγda Činggis-χaγan soyun ǰarliγ boɫurun . . . .

§ 236. Basa Sübegetei-Baγatur-i temür telgetü Merkid-ün Toγtaγa-yin Xudu, Čiɫaγun terigüten köbegün-i inu ayan ǰiγurɫaǰu (mordaǰu), Ču mören-e güyičeǰü muχudχaǰu (daruǰu) irebe.

§ 237. Basa J̌ebe Naiman-u Külüg-χaγan-i nekeǰü Kiris-γouɫ-a güyičeǰü Külüg-χaγan-i muχudχaǰu irebe.

§ 238. Uyiγud-un Iduγud Boγda Činggis-χaγan-dur elči ilegeǰüküi. Abirχa Dar' ai χoyar elčin-iyer öčiǰü ilegerün:

«Egülen ariɫǰu,
Gegen naran üǰegsen metü.
Moyiɫsun χayiɫaǰu,
Mören usun oɫuγsan metü».

«Boγda Činggis-χaγan-u nere aɫdar-i sonosču maši bayasba. Xaγan soyurχa' asu

Altan büse-yin χorkis-eče,
Aɫ degel-ün ürtesün-eče

oɫbasu, tabdaγar köbegün činu boɫǰu küčü ogsü!» kemen öčiǰü ilegeǰüküi. Tere öge-dür Boγda Činggis-χaγan soyurχaǰu ögüleǰu ilegerün: «Öki öggüye! Tabdaγar köbegün boɫtuγai. Aɫtan, mönggün, subud, tanaš, dardaš, način, torγud abuγad, Iduγud iretügei!» kemeǰü ilegebesü, Iduγud soyur-

χaγdabai kemen bayasču, aɫtan, mönggün, subud, tanas, torγud, način, dardas, aγursun abuγad irejü Iduγud basa Činggis-χaγan-a aγuɫjaba. Iduγud-i soyurχaju Iɫχaɫtun-begi-yi ögbe . . . .

§ 239. Basa Tauɫai jiɫ Joči-yi baraγun γar-un čerigüd-iyer Oi-yin irgen-dür moriɫaγuɫbai. Buχa γajarčilaju odba. Oirad-un Xuduχa-beki tümen Oirad urid ilsen oroju irebe. Irejü Joči-yi uduridču tümen Oirad-tur γajarčiɫaju Šing Šing-dur oroγuɫba. Joči Oirad, Buriyad, Barγud, Ubsus, Xabsaγ, Tumbas-i oroγuɫuγad, tümen Kerkisüd-tür kürbesü Kirkesüd-ün Noyad Idei, Inaɫ, Aɫdai-ere, Örbeg-tigid-un Noyad ilsen (eyedün) oroju, čaγan šongχor, čaγan aγtas, χara buɫaγan abuγad irejü Joči-da aγuljaba. Šiber, Kesdem, Bayid, Tuχas, Teleng, Tögeles, Tas, Bajigid-eče inaγšida Oi-yin irgen-i Joči oroγuɫju, Kirgisud-un tümed-un mingγad-un Noyad, Oi-yin irgen-ü Noyad-i abuγad irejü Boγda Činggis-χaγan-dur čaγan šongχor, čaγan aγtas, χara buɫaγad-iyer aγuɫjiba. Oirad Xuduχa-beki-yi uγtun urida ilsen (eyedün) tümen Oiradiyan uduridun irebe kemen jarliγ soyurχaju köbegün-e inu Inaɫči-de Sečeyigen-i ögbe. Inaɫči-yin aχa Törülči-de Joči-yin ökin Xoɫuyiχan-i ögbe. Sutu Boγda Činggis-χaγan Joči-yi soyurχaju ögülerün: «Köbegüd-ün Minu aχa Joči či ger-teče sayi mör sayitu γarču oduγsan γajar-a ere aγta-yi ülü širkiyan ülü jobaγan öljei tü Oi-yin irgen-i oroγuɫju irebe či. Irgen čimada ögsü!» kemen jarliγ bolba . . .

§ 240. Basa Boroγuɫ-Noyan-i Xori-tümed irgen-dür juγurɫaγuɫba (čerig mordaγuɫba). Tümed irgen-ü Noyan Dayidaχul-Soχur-i ükübesü, eme inu Botoχui-tarγun Tümed-ün irgen-i medejü ajuγu. Boroγuɫ-Noyan kürču, γurban aran Yeke čerig-ün urida yabura odču, üde jildan uχamsar berke oi-dur orum-iyer yabuχun boɫun (yabun ataɫa), χaraγuɫ inu χoriγad deremedtejü (genedte) oron baγuju, Boroγuɫ-Noyan-i bariju aɫajuγu. Tümed irgen Boroγuɫ-i aɫaba kemen medejü, Boγda Činggis-χaγan maši kilinglejü öbesüben moriɫan tuγurbibasu, Boγurči Muχali χoyar bayiɫγan idχabasu, jiči Dörbetei-Doγšin-i tüšijü ilegerün, čerig γadaγun-a jasuju, Möngke Tngri-yi jaɫbariju, Tümed irgen-i oroγuɫun sori! kemen jarliγ boɫba. Dörbei čerig jasarun, urida čerigüd yabuχu χaraγuɫ-un saγuχu mör orum subaγtur oγtarγu il egel sakiγuɫju, uɫaγan buχa-yin yabuγsan mör-iyer čerigüd jasaγuɫurun, toγatu kümün jirüken yadabasu, nišiχuya ere-dür arban müsud ergügüljü, süke, uli, kiröge, čogüči, ere-yin jer-jebseg jasaγuɫju, uɫaγan buχa-yin yabuγsan mör-tür bayiγsan modun-i oγtaɫun čabčiju kirögedegüljü, mör boɫγaju, aγuɫan degere γarbasu, Tümed irgen-ü erüke degere-eče ger-üd-tür χurimɫan saγuχui-dur daulibai (dobtuɫbai).

§ 241. Urida Xorči Noyan Xuduχu- beki χoyar Tümed-e bariγdaju Botoχui-tarγun-dur ajuγu. Xorči-yin bariγdaχu yosun: Tümed irgen-ü ökin

γoγas tau γučin eme abtuγai kemen ǰarliγ boluγsan-dur, Tümed irgen-dür ökın abχu kemen odχu bolun urida ilengsed (eyedügsen) irgen ǰiči bulχa (dayisun) bolǰu, Xorči Noyani bariǰuγu. Xorči Tümed-e (bariγdaǰuγu) bariǰuγu kemen Boγda Činggis-χaγan medeǰü, Oi-yin irgen-ü yabudal Xuduχa medemü ǰe kemeǰü ilegebesü, Xuduχa-beki basa bariγdaǰuγu. Tümed irgen-i oroγulun barabasu, Boroγul-un yasun-u tula ǰaγun Tümed-i ögbe. Xorčidur γučin ökin ögbe. Xuduχa-beki-da Botoχui-tarγun-i ögbe.

§ 242. Sutu Boγda Činggis-χaγan ǰarliγ bolǰu Eke-de, Köbegüd-e, Degüü-ner-e irgen ulus ömči öggüye kemen öggürün, Ulus χuriyan yabuγsan Eke bui ǰa. Köbegün-ü Minu aχa Jöči bui ǰa. Degüü-ner-ün Minu nilχa Odčigin bui ǰa, — kemeǰü Eke-de Odčigin-u χnbi-luγa tümen irgen-i Eke odχan degüü χoyar-a ögbe. Eke čimadču ese dungγodba. Jöči-de yisün mingγan irgen ögbe. Čaγaday-a naiman mingγan irgen ögbe. Ögedey-e tabun mingγan irgen ögbe. Toluy-a tabun mingγan irgen ögbe. Xasar-a dörben mingγan irgen ögbe. Alčiday-a χoyar mingγan irgen ögbe. Belgetey-e nigen mingγan tabun ǰaγun irgen ögbe. Darıtay-a, Kereyid-lüge bolulčiba kemen, nidun-u ečine ečüdkeye kemebesü, Boγurči, Muχali, Šigiχutuγ γurbaγula duradχarun:

«Γal-iyen sönügekü metü,
Öber-un ger-iyen
Ebdekü metü».

«Sayin Ečige-yin Činu geriyes, abaγa Cinu χočorču amu. Ker tebčikü? Ese uχaγsan-dur bütügei (barituγai). Sayin Ečige-yin Činu nilχa nutuγkin-i butaraγulčaǰu atuγai!» kemegdeǰü, χabar-eče üni senggetele χaγas kelelegdeǰü: ǰa, teli! kemen, Sayin Ečige-yi sedkiǰü, Boγurči Muχali Sigiχutuγ ede γurban-u kele-dür amurliba ǰa.

§ 243. Eke-de, odčigin-a tümen irgen ögčü, Noyad-eče Küčü, Kökečü, Jungχur, Xorγasun dörben-i tüšibe (ögbe). Jöči de Xuna, Müngkür, Kete γurban-i tüšibe. Čiγadai-dur Xaračar, Möngke, Induγtai γurban-i tüšibe. Basa ǰarliγ bolurun: Čaγadai kečegü buyu. Köke-Čos üde manaγar dergede aǰu, sedkigsen-iyen kelen atuγai! kemen ǰarliγ bolbai. Ögedei-dür Ilüke, Degei χoyar-i tüšibe. Tolui-dur Jedei, Bala χoyar-i tüšibe. Xasar-tur Jebeke-yi tüšibe. Alčidai-dur Čaγarχai-yi tüšibe.

§ 244. Xongχotan-u Menglig-ečige-yin doluγan köbegün bülüge. Doluγan-u dumdatu Kökečü Teb-Tngri bülüge. Doluγan Xongχotan Xasar-i ömegšiǰü ǰančiba. Xasar doluγan Xongχotan-a ǰančiγdaba kemen Boγda Činggis-χaγan-a sögüdbesü, Boγda Činggis-χaγan busud-a kilingleǰü aγur dumda kelelekü bolun, χaγan kilingleǰü Xasar-tur ögülerun: Amidu-da ülü

iłaγdaχui-eče bülüge či! Yakin iłaγdaba či? kemebesü, Xasar niłbusu ałdaγad bosču yorčiǰu, Xasar maγuyiłaǰu γurban edür ese irebe. Teb-Tngri Boγda Činggis-χaγan-a ireǰü: Möngke Tngri-yin ǰarliγ χaγan-i ǰiγan eyin ögülerun: Nigente Tömüǰin-i ułus barituγai! kememu. Nigente Xasar-i kememüi. Ede medebesü, medege ügei bui ǰa! kemegdeǰü (kemen ǰančiba bi). Boγda Činggis-χaγan moriłaǰu, mön söni Xasari barira odbasu, Küčü, Kökečü χoyar Xasar-i barira odba Eke-de kemen ǰiγaǰiχui. Eke medeged söni böged udaγaran (yaγaran), čaγan temegen költǰü χarγutai tergetei söni-de dülin yorčiǰu naran urγuχui-łuγa kürbesü, Boγda Činggis-χaγan Xasar-un χančun-i uyaǰu, małaγa büse inu abču öge inu asaγun üküi-dür, Eke inu kürču, Boγda Činggis-χaγan geyegčü (sočin) ene deče emiyebe. Eke aγurłaǰu kürčü tergen-eče baγuγad, Eke öbesüben Xasar-un uyaγsan χančun-i taiłǰu tałbiγad, małγa büse inu Xasar-a ögčü, Eke kilingleǰü, aγuriyen darun yadaǰu, ǰabiłan saγuǰu, χoyar küken-iyen γarγaǰu ebüdüg degegün bisaγariγułǰu: Öber-iyen üǰebesü, kükegsen küked (kükü) tanu ene bui! Ede γadaγun χarbisun-iyen χačiγsan, küyilsün-iyen tasułaγsan χasar yakiba? Temüǰin ene nigen küken-i minu baraχu bülüge. Xačuχun, Odčigin χoyaγuła bołǰu nigen-i baraχu bülüge. Xasar bürün χoyar büri küken-i minu baraǰu, čegeǰi minu maγui bołχu bülüge. Čegeǰi erdemtü Xasar minu tere küčü erdemtü-yin tuła

Xarbučiǰu γaruγsan-i
Xarbuǰu oroγułχu bülüge.
Öčiǰü γaruγsan-i
Oγtudču oroγułχu bülüge.

Edöge dayisun kümün-i muχudχaba (ečülgebe) kemǰü, Xasar-i üǰen yadamui ta! kemebe. Eke-yi amurłiγułun baraǰu, Boγda Činggis-χaγan ögülerün: Eke-yi genedte ireküi-lüge

Ayuχu-ber ayuba.
Ičikü-ber ičibe bi!

kemeǰü, ičuγa bida! kemen ičubai. Eke-de ülü medegülün ečinegün Xasar irgen-iyen abču, mingγan γurban ǰaγun irgen dayičiba. Eke medeǰü tere sedkil-iyer ödter tüligsen yosun teyimü bülüge . . . .
Jałayirtai Jekbe tegün-eče süľǰiǰü Baraγuǰin oron ǰüg buruγudba.

§ 245. Tegün-ü χoyina yisün keleten Teb-Tngri-dür χuriǰu, Činggis-χaγan-u gerüge (ger)-deče Teb-Tngri-dür χuraγad bołbai. Teyin χuraχui-dur Temüge-odčigin-e χariyatan irgen Teb-Tngri-dür odčuχui. Odčigin Noyan oduγsan irgen-ben γuyura Soχura neretü elčin-iyen ilegeǰüküi. Teb-Tngri

Soχur elči-de ögülerün: Odčigin ta χoyar ačitan (sayin) bołǰuχui! kemeǰü Soχur elči inu askiǰu ǰobaγan, emegel inu örgügülǰü χariγułǰuχui. Odčigin Soχur elči-ben askiγdaǰu ǰobaγan ilegegdeǰü, manaγarši Odčigin öbesüben Teb-Tngri-dür odču ögulerun: Soχur elčin-iyen ilegebesü, askiǰu yabuγan ilegeǰüküi. Bi irgen-ben γuyura irebe! kemegdeǰü (kemebesü), dołuγan Xongχotan Odčigin-i endeče tendeče χaγaǰu: Soχur elčin-iyen ılegekü činu ǰöb tü (buyu)? kemen bariχui tusχui-eče kigderün (ałaγdaχun-eče) ayuǰu, Odčigin Noyan ögülerün: Elči ilegekü minükei buruγu! kemeǰüküi. Dołuγan Xongχotan ögülerün: Buruγu bögesü, namančiłan sögüd! kemen Teb-Tngri-yin χoyina-eče sögüdkeǰüküi. Irgen-iyen ese ögdeǰü Odčigin manaγarsi erte, Činggis-χaγan-i bosuγa-edüi oron dotura büküi-dür, oroǰu uyiłaγad sögüdčü ögülerün: «Yisün keleten irgen Teb-Tngri čiγułǰu, nada (minu) χariyatan irgen-iyen-ben Teb-Tngri deče γuyura Soχur neretü elči-yi ilegelüge. Soχur elči-yi minu askiǰu ǰobaγan, emegel örgügülǰü ilegdeǰü, bi öbesüben γuyura odbasu, dołuγan Xongχotan endeče tendeče χaγaǰu namančilaγułǰu, Teb-Tngri-yin χoyina eče sögüdkegülbe!» kemen uyiłaba. Činggis-χaγan-i duγa- edüküye (ögüleküi-yin urida) Börte-üǰin oron dotura öndeyiǰü saγuǰu, könǰilen ǰiχa-ber ebčigü-ben tüyidčü, Odčigin-i uylłaχu-yi üǰeǰü niłbusun ałdaγad ögülerün: «Yakiγsan Xongχotan! Teden-i ömögleǰu, urida Xasar-i ǰančiχu, edöge basa ene odčigin-i yakin χoyina eče-γan sögüdkemü? Yambar yosun bülüge? Bel, čima-yi ene metü büküi-dür čigüd (köbegüd) naran metüs degüü-ner-i činu eyin ösüldümüi! Ünenber möne χoyina —

Negülen metü beye Činu
Negün odbasu,
Nedkel metü ułus Činu
Ken-e medegülkün tede?
Toli metü beye Činu
Tułbas odbasu,
Tün metü ułus Činu
Ken-e medegülkün tede?

Čigüd narat metü degüü-ner-e Činu eyin ösüldümüi ǰe! Ede aran γurban öčuked širγud-i (niłχas-i) minu mandutała yaγun medegülum tede? Yaγakiγsan Xongχotan bülüge? Degüü-ner-iyen teden-e teyin kigülǰü ker üǰeǰü amu Či?» kemeged, Börte-üǰin niłbusun ałdaba. Börte-üǰin-ü ene öge-dür Činggis-χaγan odčigin-e ögülerün: Teb-Tngri edöge irekü bui. Čidaχu-eče ker-ber üyiledbesü, či mede! kemebe. Tegün-dür Odčigin bosuγad, niłbusun arčiγad γarču, γurban bökes-i beledčü bayiba. Xorumud atała Menglig-ečige

doluγan köbegüd-lüge-ben irejü, doluγan büri orojü, Teb-Tngri Düsürge-yin baraγun eteged saγuχui-luγa Odčigin Teb-Tngri-yin jiχa inu bariju: Öčügüdür namayi namančilaγulun bülügei či! Sorilduya! kemejü, jiχa inu bariju egüden jüg čirbei. Teb-Tngri Odčigin-u esergü jiχa inu bariju barilduba. Teb-Tngri-yin malaγa barilduχui-dur γolumtan-u terigün-e unaba. Menglig-ečige malγa inu abču ungšiju (γašiγudan) ebür-tür-iyen dürübe. Činggis-χaγan ögülerün: Γarču böke küčü-ben temečeldütkün! kemebe. Odčigin Teb-Tngri-yi čirčü γarurun, egüden bosuγa alγura edüküye urida beledügsen γurban bökes esergü Teb-Tngri-yi bariγad čirču γarču niruγun-i inu χuγulju, jegün eteged-ün, terged-ün üjügür-e oγurči, Odčigin orojü ögülerün: Teb-Tngri namayi namančilaγulun bülüge. Sorilduya kemebesü, ülü bolun arγalaju kebtemüi. Čaγ-tur nökur ajuγu!» kemebesü, Menglig-ečige uχaju nilbusun aldaγad ögülerün: «Dayir Etügen-ü degelsün-ü tedüi büküi-eče, dalai mören-ü γoroχan-u tedüi büküi-dür nöküčebe bi!» Kemeküi-lüge doluγan Xongχotan köbegüd inu egüden-dür boscu, γolumta toγorin bayiju, χančun--iyen šimlaγudurun, Činggis-χaγan gerlejü (ger) šiχaγdaju (šiχam): Yaγaran γaruγa! kemeged γarχui-luγa Činggis-χaγan-u orčin χorčin turaχaud toγorin bayibai. Teb-Tngri-yi tergen-i üjügür-e niruγun-i χuγulju oγuruγsan-i Činggis-χaγan ujejü, nigen bora χošiliγ abčiraγulju, Teb-Tngri-yin degere inu talbiγulju: «Edöge negüye!» kemejü, tendeče negübei.

§ 246. Teb-Tngri-yi talbiγsan χošiliγ-un erüken tülijü, egüden daruju, aran-iyer sakiγulbai. Γutaγar söni edür šira erüke negejü beye inu γarčuχu. Bolγabasu (barildubasu) maγad Teb-Tngri inu tende bolγaγdaba, (alaγdaba). Činggis-χaγan ögülerün: «Degüü-ner-ün Minu γar köl kürgegsen-ü tula, Degüü-ner-ün Minu jaγura oro ügei jinggügdegsen-ü tula, Tngri-de ese taγalaγdaju, amin beye selte abču odbai ja!» kemebe. Činggis-χaγan Menglig-ečige eke-yi tende dungγudurun: «Köbegün-degen aburi ülü idχan denggečen sedkikü bolun, Teb-Tngri-yin terigün-dür kürbei ta. Tani teyimü-yi uχaγsan bögesü, Jamuχa, Altan, Xučar tan-u yosutan bolγaγdaχun bülüge tani!» kemejü Menglig-ečige-yi dungγodču, dungγoddun baraju jiči: «Manaγarši ögülegsen-i üdeši utarbasu, üde-yin ogülegsen-i manaγarši utarbasu, jejirü maγa kemegdekün! Urida öge baralduluγa. Teli!» kemen sourχaju jiči jalaraba: «Alus aburi-iyen tataγsan bögesü, Menglig-ečige-yin uruγ-tur ken denggečen bülüge?» Teb-Tngri-yi ügei boluγad, Xongχotan-u čirai šibturujuχui.

XI

§ 247. Basa sutu Boγda Činggis-χaγan, Xonin jil-e, Kitad irgen-dür morilabai. Yu-ju-yi abču, Ünegen-dabaγa-ber dabaju, Sun-ji-tu-yi abču, Jebe Güyigüng-Baγatur χoyar-i manglai ilogebe. Čabčiyal kürčü, Čabčiyal-

dabaγa-yi bekilegdeǰü, tende J̌ebe ögülerün: «Mani uduǰu ködelgeǰü iregülün, tende soriya! kemeǰü γarbai. Xariγdaǰu Kitad-un čerig-üd nekeye kemen J̌öke-aγuła bütütele nekeǰü ayisui. Sun-ǰi-tu-yin χošiγun-a kürčü, J̌ebe χoyinaγši urban tusču dobtułǰu sandurču ayisuχun dayin-i darubai. Činggis-χaγan-u čerig daruǰu, Kitad-i ködelgeǰü, Xara-Kitad-un J̌určid-un J̌uyin-u erekün (irgen) omoχun čerigüd-i daruǰu, Čabčiyał kürtele üngǰü bayitata kiduǰu, Čabčiyał-un χaγałγa J̌ebe abču, dabaγan buliyaǰu dabaǰu, Činggis-χaγan Šira-degter-e baγubai. J̌ungdu-yi egereǰü (sakiǰu) χotad χotad bałγasun-dur čerigüd ilegeǰü egeregülbei (sakiγułbai). J̌ebe Dungǰu bałγasun-dur kürčü egereǰü abun yadaǰu χariǰu, ǰirγuγan χonoγ gedergü γaǰar-a kürčü, genedkeǰü ǰiči χarin dutaγan, γar kötelte söni dülildüǰü, genedte büküi-dür kürču Dungǰu bałγasyn-i abubai.

§ 248. J̌ebe Dungǰu bałγasun-i abču, χariǰu ireǰü Činggis-χaγan-dur neyilebe. J̌ungdu-yi egeregderün (sakiγułurun), Ałtan-χaγan-u Yeke Noyan Ong-ging čingsang χaγan-a duradχarun: «Tngri γaǰar-un ǰayaγa čaγ Yeke oro yegüdkekü čaγ-i kürbei. Mongγoł maši küčütei ireǰü, Bidan-u erikün omoχun Xara-Kitad-un J̌určid-un J̌uin-u erkid (irgen) čerigüd-i daruǰu butaritała kiduǰuγu. Itegeltü Čabčiyał-i buliyaǰu abčiχui. Edöge bida basa čerig-üd ǰasaǰu γarγabasu, basa Mongγoł-a daruγdabasu, χałaγar bałγad bałγad-tur butaraγad, tede ǰiči bidan-a χuraγułbasu ülü bołun, bidan-dur dayisun bołǰu ülü nöküčekün tede. Ałtan-χaγan soyurχabasu, Mongγoł-un χaγan-dur eteget-tür ilsen oduya. Eye-dür oroǰu, Mongγoł ičubasu, ičuγsan-u χoyina basa busu sedkil bida tende eyetüldüm ǰe. Mongγoł-un ba ere aγta γaǰar egüskeǰü kölǰürkemüi—kemegdemüi. Xaγan-a inu ökin öggüye. Ałtan-mönggün aγursun-ed čerigüd-e inu kündü-de γarγaǰu öggüye. Ene eye-dür manu oroχu ülegü-yi ker medegdekü?» kemen duradχabasu, Ałtan-χaγan Ong-gin čingsang-un öge-yi ǰöbšiyeǰü, eyin böged bołtuγai, kemen, ilsen Činggis-χaγan-a Güngǰi neretü ökin γarγaǰu, ałtan-mönggün, aγursun ed-tavar čerig-ün kümün-e küčü medegülün daγaχui-eče J̌ungdu-eče γarγaǰu, Činggis-χaγan-dur Ong-ging čingsang kürgeǰü ilsen iregdeǰü, Činggis-χaγan eye-dür inu oroǰu, χotad χotad-tur egeren baγuγsan čerigüd-i χariγułǰu ičuγabai. Ong-ging čingsang Mo jeu U-jeu neretü χošiγun-a kürtele Činggis-χaγan-i üdeǰü χariba. Aγursun-ed, bidan-u čerigüd daχui-eče ačiǰu kib-ud-iyer ačiya-ban tataǰu yabubai.

§ 249. Moriłaγsan-dur Xašin irgen-dür yorčibai. Joriǰu kürbesü, Xašin irgen-ü Burχan ilsen (eyedün): Baraγun γar činu bołǰu, küčü ögsü kemen Čaγan neretei ökin Cinggis-χaγan-a γarγaǰu, basa Burχan ögülerün: «Činggis-χaγan-u nere ałdar-i sonosču aγuǰu χałγuri (?) ba. Edöge sülder

tü beye činu kürčü iregdeǰü, sülder-eče činu ayuba. Ayuǰu ba, Tangγud irgen, baraγun γar činu boɫǰu küčü ögsü! kemebei. Küčü öggürün,

Nunǰu nutuγtan
Nödügsen baɫγasun ger-tegen —

uɫus. Nöküčeǰü —

Xurdun ayan ayaɫaχui-dur,
Xurča buɫχa buɫχaɫduχui-dur,
Xurdun ayan-dur —
Güyičen yadamui ǰa.
Xurča buɫχa-dur —
Buɫχaɫdun yadamui ǰa.

Soyurχabasu, ba Tangγud irgen,

Öndür deren-ü emüne-de ösegeǰü
Oɫan temesün (tomüsün) γarγaǰu,
Sang boɫγaǰu ögsü.
Örmege nekeǰü aγursun boɫγaǰu ögsu!
Toγurχui šibaγun surγaγuɫǰu,
Sayid-i inu kürgegülün asuγai!

kemen öčibei. Ögüleǰü, öge-dür-iyen kürün, Tangγud irgen eče-gen temesün (aγursun) χubčiǰu (χuriyaǰu), daγan yadataɫa abčiraǰu (ačiraǰu) ögbe.

§ 250. Činggis-χaγan tere moriɫaγsan-dur Kitad irgen-ü Aɫtan-χaγani ilsegülǰü (eyedügülǰü), oɫan aγursun abcu, Xašin irgen-ü Bur-χan-i ilsegülǰü, oɫan temeged (tömüsün) abcu, Činggis χaγan, Xonin ǰil-dur, tere moriɫaγsan-dur Kitad irgen-ü Aχutai Aɫtan-χaγan-i ilsegülǰü (eyedügülǰü), Tangγud irgen-ü Iɫuχu-Burχan-i ilsegülǰü, Saγari-kegere baγubai.

§ 251. Basa tegün-ü χoyina J̌eunggun-dur ilsen (eyedüre) ilegsed J̌euχan terigüten oɫan elčin-i Kitad irgen-ü Aχutai Aɫtan χaγan-a ǰedkügdeǰü, Sutu Boγda Činggis-χaγan, Noχai ǰil-e, Kitad irgen-dür basa moriɫabai. Ilsen baraǰu (eyedün baraǰu bögetele), J̌ao-χuan-dur ilegegsen elčin-i yakin ǰedkükü (bariχu) bülüge? kemen, moriɫaǰu, Činggis-χaγan Tüng-guan amasar ǰoriǰu, J̌ebe-yi Čabčiyaɫ-iyer boɫγaba. Činggis-χaγan-i Tüng-gua-yin amasar-iyer boɫba kemen Aɫtan-χaγan medeǰü, Ile, Xadaγu, Bökedür γurbaγuɫa-yi čerig-üd medegülǰü, čerig bögelǰü, Uɫaγan-degelen-i mangɫayiɫan ǰasaǰu, Tüng-goa-yin amasar-i temečen, dabaγa buu dabaγuɫutχun kemen, Ile, Xadaγu, Bökedür γurbaγuɫa-yi čerig-üd χurduɫan ilegeǰüküi. Tüng-gua-yin amasar-a kürbesü, Kitad-un čerig-üd γaǰar kemen

daγaǰu irebe. Činggis-χaγan Ile, Xadaγu, Bökedür γurban-łuγa bayiłduǰu, ile, Xadaγu-yi ködelgebei. Čigü kürgen Tołui χoyar köndelen-eče dobtułǰu, Ułaγan degelen-i ičuγaǰu (daruǰu) kürčü Ile Xadaγu-yi ködelgeǰü, Kitad-i ünǰigü byitała kidubai. Kitad čerigüd-iyen kiduǰu baraγdabai kemen Ałtan-χaγan medeǰü, J̌ungdu-deče γarču buruγud-un Nang-ging (Nan-ǰing) bałγasun-dur oroǰuχui. Ülegsen čerigüd-i inu turaǰu ükürün ǰaγura kümün-ü miχa ideldüǰüküi. Tołui Čigü-kürgen χoyar-i sayitur üyiledebei kemen Činggis-χaγan maši soyurχaba.

§ 252. Činggis-χaγan Xoi-ši-yu-yi baγuγad, J̌ungdu-yin Šira-kegere baγuba. Jebe Čabčiyał-un χaγałγa ebdeǰü, Čabčiyał-i bariγsad čerigüd-i ködelgeǰü, ireǰü, Činggis-χaγan-dur neyilebe. Ałtan-χaγan J̌ungdu-eče γarurun, Xada neretü Noyan-i Liu-šiu bołγan tüšiǰü, oduγsan aǰuγu. Činggis-χaγan J̌ungdu-yin ałtan-mönggün ed-aγursun yaγun-i toγałaγu-łurun, Önggür-baγurči, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurban-i ilegebe. Ede γurban-i ayisui kemen Xada neretü Noyan uγtun, ałtan tai erdeni aγursun bariγad, J̌ungdu dotura-eče γarču esergü irebei. Xada-da Šigi-χutuγ ögülerün: «Urida J̌ungdu-yin ed mön Ałtan-χaγan-uχai aǰiγu. Edöge Činggis-χaγan-uχai bui ǰa! Činggis-χaγan-u ed-aγursun ečinegün (dałda) yakin χułuγuǰu abčiraǰu (abču) öggümui či? Bi ülü abχu!» kemeǰü Šigi-χutuγ ese abuba. Önggür-baγurči, Arχai-χasar abubai. Edeγurban J̌ungdu-yin ed-aγursun yaγun ǰisun toγałaǰu irebei. Tedüi Činggis-χaγan Önggür, Arχai-χasar, Šigi-χutuγ γurba-γuła-eče: «Tan-dur Xada yaγu ögbe?» kemen asaγba. Šigi-χutuγ ögülerün: «Altatai erdeni aγursun öggülüge. Bi ögülerün: Urida ene J̌ungdu-yin ed Ałtan-χaγan-uχai aǰuγu ǰa. Edöge Činggis-χaγan-uχai bołbai ǰa. Či, Xada, Činggis-χaγan-u ed ečinegün χułγaǰu yakin öggümüi či? kemeǰü ese abuba bi. Önggur Arχai χoyar öggügsen-i inu abułuγał» kemebe. Činggis-χaγan Önggür Arχai χoyar-i maši dungγodba. Šigi-χutuγ-i Yeke Yosun sedkiǰüküi! kemen, maši soyurχaǰu:

«Üǰekü-yin Minu nidün,
Sonosχu-yin Minu čikin —

bołǰu ülegü aχu či?» kemen ǰarlig bołba.

§ 253. Ałtan-χaγan Nanggin-dur oroǰu öberiyen ilsen mörgüǰü Tngri neretü köbegün-ben ǰaγun nöküd-tü-yi Činggis-χaγan-dur turaχaud bołtuγai kemen ilegeǰüküi. Imada ilegegdeǰü Činggis-χaγan ičuγa kemen Čabčiyał-iyer daban Xasar-i ǰegün γar-un čerigüd-iyer dałai geǰin ilegerün. Biiging bałγasun-a baγuγad, Biiging bałγasun-i elsegülǰü (eye-dür bołγaǰu) čaγana J̌ürčid-ün Yuχaχu-yi daγarin odču, Yuχan bułχa (dayisun) sodkibesü, aγułutχun! Ilsebesü inu (eyedübesü). bałγasun-i inu daγarin

ołan anu gejin (kesün || gesün) odču, Taγur-mören ögede dabaju Yeke Aγuraγ-tur neyilen iretkün! kemejü ilegebe. Xasar-łuγa Noyad-un Jurčidai, Elči, Tołun-Čerbi γurban-i ilegebei. Büging bałγasun-i oroγułju, Jurčid-un Joči-yi ilsegüljü (eyedügüljü), mör-tür büküi bałγasan-i oroγułuγad, Xasar Taγur-mören ögede irejü, Yeke Aγuraγ-tur baγuju kü irebei.

§ 254. Basa Činggis-χaγan,—Sartaγuł irgen Aχuna terigüten jaγun elčin-iyen jedkügdejü (bariγdaju) ałaγdaju, — Činggis-χaγan ögülerün: «Ałtan arγamji-ben ker tasułdan bülüge ni?» kemen, Uχuna terigüten jaγun elčin-iyen öšil öšin kesel kesen, moriłarun. . . ! . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

§ 256. Tangγud irgen-ü Burχan-dur elči ilegerün: «Baraγun γar činu bołsu! kemelüge či. Sartaγuł irgen-e ałtan arγamji-ben tasułduju, ołułčan moriłaba bi. Baraγun γar bołun moriła! kemen ilegebesü, Burχan-i dungγaduγa edügüye urida Esen-Kambu ögülerün: Küču yadan bögetele χaγan bołtała (bołχu) yaγun», kemejü, čerig ülü nemen, yeke öge ögülejükü. Tende Činggis-χaγan ögülerün: Esen-Kambu-da ker eyin ögülegdekü bülüge? kemen: Arγa-eče edüi böged kelbes joriju ilegebesü yaγun berke bülüge? Obere maγa kümün-dür joriju büküi-dür — je teli! Möngke Tngri-de ibegdebesü, Ałtan jiłuγa batuda tataju irebesü, tende maγa bołtuγai! Teli (oduya)!» kemejü;

§ 257. Taułai jil-e Sartaγuł irgen-dür Ałai tała moriłarun, Činggis-χaγan χatun-eče Xułan-χatun-i abun ayałarun, degüü-ner-eče Odčigin-Noyan-i Yeke χaγuruγ-tur tüšijü moriłabai. Jebe-yi mongłai ilegebe. Jebe-yin gejige Sübegetei-yi ilegebe. Sübegetei-yin gejige Taχučir-i ilegebe. Ede γurban-i ilegerün: Γadaγun Sułtan-u čaγana γarču, bidan-i kürgegülün χamsatχun! kemejü ilegebe. Jebe tere odču, χaγan Melig-ün bałγasun daγariju ülü könden γadaγun nögčijüküi (yabubai). Tegün-ü χoyina eče Sübegetei mön yosuγar ülü könden nögčijükü. Tegün-ü χoyinaeče Taχučir χaγan Melig-ün kijaγar bałγasun-i aγułju tariyačin-i daγulijuχui (dobtułjuχui). Xaγan Merig bułγad-iyen aγułdaγa kemen, dayijin güyidüldüjü, Jiłajin-ber Sułtan-dur neyilejüküi. Jiłajin-Sułtan, χaγan-Melig χoyar Činggis-χaγan-u esergü moriłajuχui. Činggis-χaγan-i urida Šigi-Xutuγ mangłai yabuju, Šigi-χutuγ-łuγa bayiłduju Jiłajin-Sułtan, χaγan-Melig χoyar Šigi-χutuγ-i daruju, Činggis-χaγan-dur daruju ayisuχui-dur, Jebe, Sübegetei, Taχučir γurban Jiłajin-i χaγan-Melig χoyar-un χoyina-eče oroju Jiłajin-i daruju kiduγad, Buχar, Semisgeb, Otöger bałγasun-dur anu ülü neyilegülün daruju, Šin-mören-e kürtele üldejü yaburun,

Sin-mören-dur čübtusču (unaǰu) oroχun bolun, Sartaγul-iyen tende Sin-mören-dür sönügebei (baraγdabai) ǰe. J̌ilaǰin-i Sultan, χaγan Merig χoyar amin-iyen χoriγad, Sin-mören ögede dutaγaba. Činggis-χaγan Sin-mören ögede yorčiǰu Bedkegsen-i (güyičegsen-i) daγuliǰu (daruǰu) odču, Eke-γoroχan, Gegün-γoroχan kürgeǰü (?), Baruγan-kegere baγuǰu, J̌alayirtai Bala-yi J̌ilaǰini Sultan χaγan-Melig χoyar-i nekegülün ilegeǰü, J̌ebe Sübegetei χoyar-i soyurχaba: «J̌ebe, či J̌urγuγadai neretü bülüge. Tayčiγud-eče ireǰü, J̌ebe bolbai ǰa!» Taχučir-i χaγan-Melig-ün kiǰaγar balγasun-i öber-ün dura-ber aγulǰu, χaγan Melig-i dayiǰiγulba, ǰasaγ bolγan-kü (ǰasaγlaχu bolγan) mökörigülüye (doroyidaγuluya) kemen baraǰu, ǰiči ülü möködrigülün, maši dungγodču, čerig medekün-eče inu erigüleǰü (ǰimelen) baγulγabai.

§ 258. Tedüi Činggis-χaγan baraγun-γar-eče χariǰu, J̌öči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün-i baraγun γar-un čerigüd-iyer Amui-mören getülǰü Urung-geči balγasun-a baγutχun! kemen ilegebei. Činggis-χaγan öbesüben Öteger balγasun-a baγuba. J̌öči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün öčiǰü ilegerün: «Činggis-χaγan čerig manu bügüde Urung-geči balγasun-a kürbe. Keniyen öge-ber yabuχun bolba?» kemen öčiǰü ilegebesü, Činggis-χaγan ǰarliγ bolurun; «Ögedei-yin öge-ber yabutχun!» kemeǰü ilegebe.

§ 259. Tedüi Činggis-χaγan Öteger balγasun-eče üldeǰü Simisanču balγasun baγuba. Čimisanču balγasun-eče üldeǰü Baχa balgasun-a baγuba. Tende Činggis-χaγan Bala-yi külčiǰü (küliyeǰü) Altan-γoroχan-u niruγun-a Sultan-a ǰusalang ǰusaba. . . . .

. . . .

. . . .

§ 260. Urung-geči-eče J̌öči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün Urung-geči balγasun-i oroγulǰu, γurbaγula irgen χubiyalduǰu, Činggis-χaγan-a χubi ese γarγaǰuχui. Ede γurban köbegün-i baγuǰu irebesü, Činggis-χaγan J̌öči, Čaγadai, Ögedei γurban köbegün-i čimadču (buruγušiyaǰu) γurban edür ese aγulǰibasu, tende Beγurči, Muχali, Šigi-χutuγ γurban öčirün: «Önčin melǰin (edüi tedüi) aγsad Sartaγul irgen-ü sultan-i (sülden-i) doroyidaγulǰu, balγad-un irgen-i anu abubai bida. Χubiyaǰu Urung-geči balγasun-i χubiyalduǰu abubasu, köbegün bügüde χaγan-uχai bui. Tngri γaǰar-a küčü nemegdeǰü, Sartaγul irgen-i edüi doroyidaγuluγsan-dur, ba olan ere eme činu bayasču erüǰü amüi. Χaγan yakin eyin kilingleǰü amui? Köbegün buruγui-ben uχaǰu yabuba ǰa! Χoyina-iyen surtuγai! Köbegün aburi-iyen aγsaγuǰai (ebderegüǰei)! Soyrχabasu, soyurχaǰu χaγulǰiyülsai!» Boγurči eyin kemen öčibesü, Činggis-χaγan ǰaliraǰu, J̌öči Čaγadai Ögedei γurban köbegün-i aγulǰiγulǰu dungγoddurun,

«Öteges-ün öges
Örkidün,
Xočaya ögen-i
Xadaγłaǰu,
Bayiγsan γaǰar-a
Buyandun (buyan-iyen) ałdatała,
Mangłai kölüsün
Arčin yadatata», —

badaraǰu čimłayaγa (čimai-yuγan) soyu-ger (ükükui) duγuła büküi-dür (büküi kürtele kemebesü), Xongγor χorči, Sorirun χorči öčirün: «Buruγušiyaχun küriyedür yakin oroχu metü? Köbegün sayi edüi χoła soyun (surγał) büküi-dü köbegüd-i šingtałun mene metü yakin eyin dungγodumui? Köbegün ayuǰu sedkil-iyen aγsaγuǰai (γangsaran χariγuǰai)! Narań šinggekui-e iruγar-tur kürtele dayin irgen bui. Mani Töbed odun türiǰü ilegebesü, ba, Tngri γaǰar-a küčü nemegdeǰü, ałtan-mönggün, aγursun ed-tavar, irgen orγon čimadu abčirasuγai (abču iresügei)! Ali irgen kemebesü, aχ-a (?) öröne baγuγad, Baγdan irgen-ü Xalibai Sułtan kemekü bui, kememü. Tegün-dür ba ayałasuγai!» kemen öcibesü, χaγan soγoraǰu, eden-ü ögen-dür ǰaliraǰu, ǰöbšiyeǰü ǰarliγ bołba: «Xongχai, Xongtaχar, Čiraχan γurban, Enderkedei γurban, Tödögedei Xongtaχar χoyar-i-Minu kürgede atuγai!» Ötögedei čadraγan-i Baγudun öges-tür, Xalibai Sułtan-dur ayałaγułba.

§ 261. Basa Idun irgen Baγadud irgen χoyar-un ǰaγura Aru Mörü Madaširi irgen-ü Abatu barγasun-dur Dörbetei Dörben-Doγšin-i ayałaγułba.

§ 262. Basa Sübegetei-Baγatur-i ümekei Xangła-yin, Kibčaγud, Orusad, Sangχud, Asud, Sasud, Serkesüd, Besmir, Bołor, Gerel, ede arban nigen ayimaγ χarin irgen-dür kürtele, Aǰił, Yayaγ usud-ta mören getülün, Küba-man Kerme bałγasun-dur kürtele Sübegetei Baγatur-i ayałaγułba.

§ 263. Basa Sartaγuł irgen-i abun aburaǰu (ačiraǰu) Činggis-χaγan ǰarliγ bołba. Bałγad-tur daruγči tałbiǰu, Örönggeče bałγasun-eče Yałamča Masaχud ečige köbegün χubi χoyar-a Xurmaki oboγ Sartaγuł ireǰü, bałγasun-u yosun törü-yi Činggis-χaγan-a ögüleǰü, yosun-dur χoyar ałdatała meden keleldüǰü, köbegün-i inu Masχun-χurumši-yi bidan-u daruγa-łuγa bułai. Šimisgen, Örönggeče, Uda, Sisegei, Üriyen, Küken-dari terigüten bałγasun-i medegülün šidüǰü, ečige-yi yaγun-eče abčiraǰu, Kitad J̌ungdu bałγasun medegülün abču irebei. Šartaγtai kümün-eče Yaliča Mangχud χoyar-un bałγasun-u törü yosun-i čidaχu-yin tuła, Kitad irgen-i sakiχui irgen-i medegülün darbaχan-łuγa tüšibe.

§ 264. Sartaγuł irgen-dür dołuγan od yabuǰu, tende J̌ałayirtai Bała-yi küliyeǰü büküi-dür, Bala Sin-mören-i getülǰü, J̌iłaǰini-Sułtan χaγan-Melig-i χoyar-i ǰobaγaǰu, Indus-un dumda kürtele nekeǰü yadaǰu, χariǰu, Indus-un kiǰaγar irgen-i duliγad (daruγad), ołan irgen, temeged (ed-aγursun) abuγad ireǰüküi. Tende Činggis-χaγan χariǰu, ǰaγura Ardis ǰusaǰu, dołoduγar on (bołǰu . . . . . . ködelüged), Takiya ǰil namur Tuγuła-yin χara-tün-e (šiγuy-a) Ordon-dur baγubai.

XII

. . . .

. . . .

. . . .

§ 268. Tangγud irgen-i oroγułǰu, Šidurγu-χaγan-i ałaǰu, Türmegei bałγasun-i ebdeǰü, Gürbelǰin-γoa χatun-i abču, Tangγud irgen-i uruγ-un uruγa kürtele, muχali müsküli ügei bołγan abuγad, Tangγud irgen-eče Yusui-χatun-dur maši ołan ögbe.- Tere ayan-dur Luuban-χan-i ǰusaǰu, Türmegei bałγasun-a Boγda Ejen kündü χałaγučiǰu, ałtan amin-iyen γar-χui čaγ-tur ǰarlig bołba . . . .

. . . .

χorin χoyaduγar on, Ułaγačin γaχai ǰil-dur, ǰiran ǰirγuγan nasun-dur-iyen, dołuγan sara-yin, arban χoyar-a Tngri bołba.

Mongoɫ-un niruča tobčaran[1]

I

§ 1. Činggis-χaχan-no hujaγur Degere Tenggeri-eče jayaγatu töregsen Börte-Čino ajuγu. Gergai ino χoai-Maraɫ ajiγai. Tenggis getüljü ireba. Onan müren-nö terigün-e Burχan-χaɫdun-na nutuγɫaju, töregsen Bata-Čiγan ajuγu.

§ 2. Bata-Čiχan-no köün Tamača. Tamača-in köün Xoričar-Mergan. Xoričar-Mergan-nö köün Aujan-Boroγuɫ. Aujan-Boroγuɫ-un köün Sali-Xačau. Sali-Xačau-in köün Yeke-Nidun. Yeke-Nidun-no köün Sin-Soči. Sin-Soči-in köün Xarču.

§ 3. Xarču-in köün, Borjigidai-Mergan, Mongγoɫjin-χoa gergai tur ajuγu. Borjigidai-Mergan-nö köün, Toroχoɫjin-Bayan, Boroγčin-χoa gergai-tü, Boroɫdai-Suyaɫbi jaɫaγu-tu, Dair Boro χoyar külüg-üd aγtastu bülege. Toroχoɫjin-no köün Duwa-Soχor, Dobun-Mergan χoyar bülege.

§ 4. Duwa-Soχor mangɫai dunda γaγča nidutu, γurban negürid γajar-a χaraχu bülege.

§ 5. Niken üdür Duwa-Soχor Dobun-Mergan degü-lüge-been Burχan-χaɫdun degere γarba. Duwa-Soγor Burχan-χaɫdun degereče χaraju, Tünggelig-γoroχan huruγu nigen böleg irgen nögüjü oroju ayisuχui χaraju üjejü.

§ 6. Ügülerun: «Tede nögüjü ayisuχun irgen-nö dotora nigen χarautai tergen-ö öljige-de, nigen ökin sayin biyu!» Güün-ne ese ögdegsen bögesü. Dobun-Mergen degü-degen čimada γuγuya, kemejü, Dobun-Mergan degü-yügen üjere ilebe.

---

[1] Настоящая транскрипция идет несколько далее предложенной Б. Я. Владимирцовым для передачи китайско-монгольского письма уйгуро-монгольским, так как отражает уже не частично, а по возможности полностью орфографические нормы этого последнего, следуя системе Б. Я. Владимирцова лишь в отношении орфографий сомнительного соответствия, совершенно непереложимых или особо важных для истории языка. Нестройность транскрипции в данном случае вполне оправдывается коренным несходством систем монгольской письменности. Сводить к единству многообразие орфографий автор находил преждевременным и пока мало полезным.

§ 7. Dobun-Mergan tede irgen-dür gürübesü, ünen-gü γoa sayin, ałdar nere yeke-tai, Ałan-γoa neretai, güün-ne ber ese ögdegai-üdüüi ökin ajuγu.

§ 8. Tede böleg irgen ber Köl-Barχujin tögüm-ün Ejen Barχudai Mergan-no ökin, Barχujin-γoa neretai ökin ni, Xori-Tumad-un noyan, Xoriłartai-Mergan-ne ögdegsen ajuγu. Xori-Tumad-un γajar-a Ariγ-usun-na Xoriłartai-Mergan-nö Barχujin-γoača töregsen, Ałan-γoa nere tai ökin tere.

§ 9. Xoriłartai-Mergan Xori-Tumad-un γajar-turiyen bułuγan kerem-ün görege-tai γajar-iyan χoriłałduju maγułałduju, Xoriłar oboγ-tu bołju, Burχan-χałdun-no göregesün görüüli sayitu, γajar sayin, kemen, Burχan-χałdun-no Ejed Burχan bosχaγsan Šinči-Bayan-uriyangχai-tur nögüjü ayisun ajuγu. Xori-Tumad-un Xoriłartai-Mergan-nö ökin, Ariγ-usun-na töregsen, Ałan-γoa-i, tende γuyuju, Dobun-Mergan-nö abuγsan yosun teyimü.

§ 10. Ałan-γoa Dobun-Mergan-tür irejü. χoyar köün töregülbi. Bügünötai, Belgünötai nereten bülege.

§ 11. Duwa-Soχor aχa ino dörben köütü bülege. Tedüi atała Duwa-Soχor aχa ino ügei bołuγsan-o χoina dörben köüd ino, Dobun-Mergan abaγa-yuγan uruγ-a ülü bołγan doromjiłaju, χaγačaju gejü nögüba. Dörben oboγtan bołju, Dörben irgen tede bołba.

§ 12. Tegün-ö χoina niken üdür Dobun-Mergan Toχočaγ-ündür deger-göregelejü γarba. Hoi dotora Uriyangχa-dai güün jöge buγu ałaju χabire γaar ino abit ino širaju büküi-i jołuγaju,

§ 13. Dobun-Mergan ügülerün: «Nökör širolχada!» keejüü. «Ögsü!» kemejü, aγuški-tu jiłdu arasun ino abču, jöge-in miχa gübčin-i Dobun-Mergan-ne ögba.

§ 14. Dobun-Mergan tere jöge-buγu-i ačiju, ayisuχu jaγura, niken yadaγu güün, köün-been kötöljü yabuχu-i jołγaju,

§ 15. Dobun-Mergan: «Yaγun güün či?» kemen asaγuasu, tere güün ügülerün: «Bi Maaliγ-Bayaudai, yadaju yabułai! Tere göregesün-ö miχanača nada ög, bi ene köün-been čimada ögsü!» keejüü.

§ 16. Dobun-Mergan tere üge-tür jöge buγu-in örele γuya ino χuγułju ögčü, tere köün-ni ino ačiraju, ger dotora jaruju aχu bülege.

§ 17. Teyin atara, Dobun-Mergan ügei bołba. Dobun-Mergan-i ügei bołuγsan-o χoina, Ałan-γoa, ere ügeigüi böged, γurban köüd töregülbi. Buγu-χatagi, Buχatu-Sałji, Bodončar-mungχaγ nereten bülege.

§ 18. Urida Dobun-Mergan-eče töregsen Belgünötai, Bügünötai χoyar köüd ino eke-yügen Ałan-γoa-in ečine ügüleldürün: «Ene eke bidan-o aχa-

degü üye-χaya güün ügei, ere ügeigüi bögetele, ede γurban köüd töregülbi. Ger dotora γaγča Maaliγ-Bayaudai güün biyu. Ede γurban köüd tegünö-ai bije!» kemen; eke-yügen ečine keleldüküi-i eke ano Ałan-γoa uχaju.

§ 19. Xabur niken üdür köngšilemel χonin činaju, Belgünötai, Bügünötai, Buχu-Xatagi, Buχatu-Sałji, Bodončar-mungχaγ, ede tabun köüd-iyen jergelen saγułju, nijiel müsüd χuγułutχun, kemejü ögba. Nijiel-i yaγu bayunχun? Xuγučiju oγorba. Basa tabun müsud χamtu čuγłaju: χuγułutχun! kemejü ögba. Tabuγuła tabun čuγtai müsüd güüleldün bariju bitüülju χuγułun yadaba.

§ 20. Tende Ałan-γoa eke ino ügüleba: «Ta, Belgünötai, Bügünötai, χoyar köüd mino, nama-i — ede γurban köüd-i töregülbi; ken-ö yaγun-o köüd biyu? — kemen sereldün keleldümüi. Serekü ber tano jöb!

§ 21. «Sünid büri čegegen-šira güün ger-ün erüke dotoγa-in gegeer oroju, kegeli mino biliju, gegegen ino kegeli-tür mino šinggegü bülege. Γarurun, naran sara-in kiliyer, šira noχai metü šičabałjaju γarχu bülege. Deleme yekin ügület ta? Tegüber uχaasu, temdeg ino Tenggiri-in köüd biyu je. Xara terigütü güün-tür χanidχan yekin ügület ta? Xamuγ-un χad bołuasu, χaračus tende uχat je!» kemeba.

§ 22. Basa Ałan-γoa köüd-tegen süyüer üge ügülerün: «Ta, tabun köüd mino, γaγča kegeli-eče töröba. Ta, duγar-un müsüd metü γaγča-γaγča bołuasu, tere nijiel sumud (müsüd) metü, kene-ber kilbara χuγułdaχun ta. Tere čuγtai sumud (müsüd) metü χamtu, niken eye ten bołuasu, kene-ber kilbara yekin bołχun ta?» kemebi. Atara, Ałan-γoa eke ino ügei bołbi.

§ 23. Eke-yügen Ałan-γoa ügei bołuγsan-o χoina aχa-nar degü-ner tabuguła aduγusun idege-ben χubiyałdurun, Belgünötai, Bügünötai, Buχu-Xadagi, Buχatu-Sałji dörbegüle abułčaba. Bodončar-a mungχaγ, budaγun (büdügün) biyu, kemen, uruγ-a ülü toγan, χubi ese ögba.

§ 24. Bodončar, uruγ-a ese toγaγdaju: Ende atara yaγun? kemejü, γoł daγaritu, γodoli segültü oroγ-šingχuła-i unoju: Üküesü ino ükü̈sügai! Aasu ino asuγai! kemejü, Onan-müren huruγu yorčiju tałbiba. Yorčiju, Bałjun-arał gürčü, tende ebesün embüle ger kijü, tende aba-saγuba.

§ 25. Teyin aχui-duriyen boroγčin χarčiχai χarkiru bariju iden büküi-yi üjejü, γoł daγaritu γodoli segül tü oroγ-šingχuła-in kiłγasun-bar huraγałaju bariju asaraba.

§ 26. Ideküi idegen ügei arun, čino-in gün-dür χorγaγsan göregesün mariyaju χarbuju ałaju ideldüged, čino-in idegsen-ni tenggüldüjü ideged, öerün χoγołai-daγan, χarčiγai-baan ber tejiyeldün tere hon γarba.

§ 27. Xabur bołuba. Noχod ireküi čaγ-tur χarčiγai-baan teilegüljü oγorba. Noχod χałaγud

Xojiγułas tutum — χongjiγud,
Hungjiγules tutum — χungšiγud,
Hünistele tałbiba.

§ 28. Düiren gerü-dača Tünggelig-γoroχan huruγu, böleg irgen nögüjü ireba. Bodončar tere irgen-tür χarčiγai-baan oγoruγad odču, üdür esüg čilejü, süni ebesün embüle-ger-düriyen irejü χonoχu bülege.

§ 29. Tede irgen Bodončar-un χarčiγai γuyuasu, ese ögba. Tede irgen Bodončar-i ken-ö-ai ba yaγun-o-ai be? kemen asaγχu ügei, Bodončar ber tede irgen-i yaγun irgen? kemen asaγułčaχu ügei yabułduba.

§ 30. Buγu-χatagi, aχa ino, Bodončar-mungχaγ degü-yügen, ene Onan-müren huruγu oduługa, kemen, erin irejü, Tünggelig-γoroχan huruγu nögüjü irese irgen-tür teyimü teyimü güün, teyimü morin tu bülege, kemen suraasu.

§ 31. Tede irgen ügülerün: «Güün ber, morin ber čino suraχu-tur adali biyu. Xarčiγai tu biyu. Üdür büri man-tur irejü, esüg čilejü, odumu. Süni maγa χaa χonoγa ajuγu. Hörene ümere-eče kei bołuasu, χarčiγai-bar bariγułuγsan noχud χałaγud-un ödün hüsun ano burγaliγ čašun metü butarajü keisčü iremü. Ende öire biyu je! Edöge iregü čaγ bołba. Xorumud güliče!» kemeba.

§ 32. Xoram atara Tünggeli-γoroχan ögede niken güün ayisun biyu. Gürčü ireasu, Bodončar mün ajuγu. Buγu-χatagi, aχa ino, üjeged tanijju abuγad, uduridču Onan-müren ögede χatarajü yorčiju tałbiba.

§ 33. Bodončar, Buγu-χatagi aχa-yuγan χoinača daγajü χatarajü yabuju, ügülerün: «Aχa, aχa! Beye terigütü, degel jaχatu sayin!» kemeba. Aχa ino Buγu-χatagi tere üge ino yaγuna-ber ese bołγaba.

§ 34. Basa mün üge ügüleesü, aχa ino yaγuna-ber ülü bołγan, χariγu ino ese doongγodba. Bodončar yabuju basa mün-gü üge ügüleba. Tere ügetür aχa ino ügülerün: «Tuγarača mün mün yaγun üge ügülemü či?» kemeba.

§ 35. Tendeče Bodončar ügülerün: «Tuγar-un Tünggelig-γoroχan-a bükün irgen yeke üčügan, maγui sayin, terigü šiira ügeigün; sačaγun bi. Kiłbar irgen bi! Bida teden-i χaγuliya (haγuluya)!» kemeba.

§ 36. Tendeče aχa ino ügülerün: «Je, teyin bögesü, ger-türiyen gürčü, aχa-nar degü-ner eyetüldüjü tede irgen-i χaγułuya (haγułuya)!» kemeldüjü.

§ 37. Ger-türiyen gürüged, aχa-nar degü-ner kemeldüjü moriłaju, müin Bodončar-i haγułγaba.

§ 38. Bodončar ałginči haułju, dumda kegelitai eme-i bariju, «Yaγujin (yayičam) güün či?» kemen hasaγba. Tere eme ügülerün: «Jarčiut Adandχan Uriyangχajin bi!» kemeba.

§ 39. Tede irgen-i aχa-nar degü-ner tabuγuła daγuliju, aduγun, idegen-e aran tutχara aχui saγuχui-a gürba.

§ 40. Tere dumda kegeli tai eme Bodončar-tur irejü köü törebi. Jad irgen-ö köün bülege, kemen, Jadaradai nere ögba (nereidba). Jadaran-o ebüge tere bołuba. Tere Jadaradai-in köün Tügüüdai neretü bülege. Tügüüdai-in köün Buri-Bulčiru bülege, Buri-Bulčiru-in köün Xara-Xadaan bülege. Xara-Xadaan-o köün Jamuχa bülege, Jadaran oboγtan tede bołuba.

§ 41. Tere eme basa Bodončar-ača niken köün töregülbi. Bariju abuγsan eme bülege, kemen, tere köün-i Baaridai nereidba. Baarin-o ebüge tere bołuba. Baaridai-in köün Čiduχuł-bökö, Čiduχuł-bökö emes ołotu bülege. Köün ino mene metü töreba. Menen-Baarin oboγtan tede bołuba.

§ 42. Belgünötai Belgünöd oboγtan bołuba. Bügünötai Bügünöd oboγtan bołuba. Buγu-χatagi Xatagin oboγtan bołuba. Buχutu-Sałji Sałjiüd oboγtan bołuba. Bodončar Borjigin oboγtan bołuba.

§ 43. Bodončar-un aburin eme-deče töregsen Barin-Šiiratu-Xabiči neretü bülege. Tere Xabiči-Baγatur-un eke-in inje iregsen Bodončar tataju bülege. Niken köün töreba. Jaouredai neretü bülege. Jaouredai urida jügeli-tü orun bülege.

§ 44. Bodončar ügei bołuγsan-o χoina tere Jaouredai-i ger daruγa Adangχa Uriyangχadai güün ałuγa! Tegünö-ai bije! kemejü, jügeli-deče γarγaju Jaoureid oboγtu bołuγaju, Jaored-ün ebüge tere bołuba.

§ 45. Xabiči-Baγatur-un köün Menen-Tudun bülege. Menen-Tudun-no köün Xači-Külüg, Xačin, Xačuła, Xačiun, Xarandai, Način-Baγatur, dołoγan bülege.

§ 46. Xači-Külüg-ün köün Xayidu Namołun-eke-deče töregsen bülege. Xačin-no köün Nayagidai neretei bülege Noyanšiγ aburitu tuła Noyakin oboγtan bołuba. Xačiu-in köün Barułatai nere tü bülege. Yeke beyetü, idegen-e baruγ bülege. Barułas oboγtan bołuba. Xačuła-in köün idegen-e baruγ tuła Yeke-Baruła, Üčügan-Baruła nereidčü, Barułas oboγtan bołγaju, Erdemtü-Baruła, Tödöen-Baruła terigüten Barułas tede bołuba. — Xarandai-in köüd budaγan χudχułaχu eki terigü ügegün tuła Budaγad oboγ tan tede bołuba. — Xačiun-no köün Adarkidai nere tü bülege. Aχa degü jaγura adaruγči tuła Adargin oboγ tan bołba. — Način-Baγatur-un köüd Uruγudai, Mangχutai nereten bülege. Uruγud, Mangχud oboγ tan tede bołuba. —

Način-Baγatur-un aburin eme-deče töregsen Šijuγudai, Doχoładai nereten bülege.

§ 47. Xayidu-in köün Bayišingχor-Doγšin, Čaraχai-Singχu, Čaojin-Örtegai, γurban bülege. Bayišingχor-Doγšin-o köün Tumbinai-Sečen. Čaraχai-Singχu-in köün Senggün-Bilge, Ambaχai tan Tayičiu oboγtan bołuba. Čaraχai-Lingχu-in berigen eme-deče töregsen Besütai neretü bülege. Besüd oboγtan tede bołuba. Čaojin-Örtegai-in köüd Oronar, Xongχotan, Aruład, Sönid, Xabturχas, Geniges oboγ tan tede bołuba.

§ 48. Tumbinai-Sečen-ö köün Xabuł-χaγan, Sin-Sečüle (Sem-Sečüle) χoyar bülege. Sem-Sečüle-in köün Bültečü-Baγatur bülege. Xabuł-χaγan-o köüd dołoγan bülege. Angχa yeke ino Ökin-Barχaγ, Bartan-Baγatur, Xutuγtu-Münggür, Xutuła-χaγan, Xutan, Xadaγan, Tödöen-odčigin ede dołoγan bülege.

§ 49. Ökin-Barχaγ-un köün Xutuγtu-Yürki (Jürki) bülege. Xutuγtu-jürki-in köüd Seče-beki, Tayiču χoyar bülege. Jürki oboγtan tede botuba.

§ 50. Bartan-Baγatur-un köüd Manggetü-Kiyan, Nekün-tayiji, Yesügai-Baγatur, Daritai-odčigin, — ede dörben bülege. Xutuγtu-Münggür-ün köün Büri-Bökö bülege. Onan-na tün-tür χurimłaχui-tur Belgütai-in muru χangχas čabčiγsan tere bülüge.

§ 51. Xutuła-χaγan-o köüd Joči, Girmau, Ałtan, — γurban bülege. Xułan-Baγatur-un köün Yeke-Čeren bülege. Badai, Kišliγ, χoyar darχadun, noyan tere bülege. Xadaγan, Tödöen χoyar uruγ ügegün bülege.

§ 52. Xamuγ Mongγoł-i Xabuł-χaγan meden aba: Xabuł-χaγan-no χoina, Xabuł-χaγan-no üge-ber dołoγan köüd-iyen bögetele, Sengüm-Bilge-in köün, Ambaχai-χaγan χamuγ Mongγoł-i meden aba.

§ 53. Buyur-naγur Kölen-naγur χoyar jaγura Uršiun-müren-ne bükün Airiud Buiruud Tatar irgen-e Ambaχai-χaγan ökin ögčü, öbesün ökin-iyen hüdejü odχu bołun, Tatar Juin irgen Ambaχai-χaγan-i bariju, Kitad-un Ałtan-χaγan-na abču odχui-tur, Ambaχai-χaγan Besütai güün Bałaγači elčin-iyer ügülejü ilerün, Xabuł-χaγan-no dołoγan köüd-ün dumda-du Xutuła-da ügülerün: «Harban köüd-ün dotora Xadaγan-tayiji-da ügüle, kemen ügülejü ilerün: Xamuγ-un χaγan, Ułus-un Ejen bołuju, öki-ben öbesün hüdeküi-ben namaγar kesetkün! Tatar irgen-e bariγdaa bi. Tabun χuruγud-iyen kimuł-tamutała, harban χuruγud-iyen χaγuttała (χaγułtała) hači mino aburan soritχun!» kemejü ilejügü.

§ 54. Tere čaγ-tur Yesügai-Baγatur Onan-müren-ne šibaγułan yabuχui-tur, Merkid-ün Yeke-Čiledü Ołχonoud irgen-eče öki abču egüskejü ayisuχun-i jołuγaju önggeijü ujeesü, öngge jisu bušitai öki χatu üjejü, ger-

türiyen χarin haulǰu, Nekün-tayiǰi, aχa-yuγan, Daritai-odčigin, degü-ben uduridču irejügüi.

§ 55. Gürküi-lüge Čiledü ayuǰu, gurdun χubitu aǰuγu. Xubi-yuγan γuya ino deledčü χuburi nambalis (dabalis) burudχui-luγa, χoinača ino γurbaγuła udaγarałduba. Čiledü χošiγun χučilis χariǰu tergen-düriyen irekü̈i-lüge, tende Hoelün-üǰin ügülerün: «Tede γurban haran-i uχaba-u či? Čirai čirai-ača busud bi. Amin-tur čino gürküi čiraitan bi. Amin ele čino bögesu, ölǰaige (ölǰige) tutum—ökid, χarau tutum—χatud bi. Amin ele čino bögesü, öki χatu ołui ǰe! Či busu neretei Hoelün taki nereidüyü ǰe. Či aminiyen χoroγ! Hünar mino hünasčü yabu!» kemen, čamča-ban mułtułǰu, mori degereče nörüidču abuχui-łuγa, γurbaγuła χošiγun χučiłduǰu gürču ayisuχułuγa Čiledü Xurdun-χubi-in γuya ino deledču ǰuχus dutaγaǰu, Onan-müren ögede dutaγaba.

§ 56. Γurbaγuła χoinača nekeǰü, dołoγan χuburi dabatała hüldeǰü χariǰu ireǰü, Hoelün-üǰin-i Yesügai-Baγatur delbege-deče kötölǰü, Nekün-tayiǰi aχa ino uduridču, Daritai-odčigin degü ino kiligü dergečeǰü ayisuχui-tur Höelün-üǰin ügülerün: «Aχa mino, Čiledü!

Kei ögede kögül-iyen keisümüser,
Keger γaǰar-a kegeli-ben ölösümser

bülii! Edoge ker-ele?» — Šibürged-iyen niken-te aru-degere-ben oγorču, niken-te ebür-an degere oγorču, niken-te uruγsi-da, niken-te χoinaγšida, — «Ker-ele kiǰü odumui?» kemeged,

Onan-müren-ni tołkistała,
Hoi ǰubur daγuristała,

yeke daγu-ber uyiłaǰu ayisuχui-tur, Daritai-odčigin dergečeǰü yabuǰu ügülerün:

«Teberigü čino dabaγad ołan dababa,
Uyiładχaχu čino usud ołan ketülba.
Xaiłabasu, χaraiǰu ülü üǰekü čima-i
Xaibasu, hauluχa ino ülü ołuχu či!

Sin (sem) boli!» kemeǰü idχaba. — Höelün-üǰin-i Yesügai tedüi ger-düriyen abčiraba. Höelün-üǰin-i abčiraγsan yosun teyimü.

§ 57. Ambaχai-χaγan-no (ni?) Xadaγan, Xutuła χoyar-i nereidčü ileg-seger, χamuγ Mongγoł Tayičiud Onan-no Xorχonaγ-ǰubur χuriyaǰu, Xutuła-i χaγan bołγaba. Mongγoł-un ǰirγałang debsen χurimłan ǰirγaχu bülege.

Xutuła-i χa (γa ~ γan) ergüged, Xorχonaγ-un saγłaγar modun horčin «χabirγa-ta — haułuχa, ebüdüg-te — ölked bołutała debseba.

§ 58. Xutuła, χaγan bołuγad, Xadaan-tayiǰi χoyar Tatar irgen-dür moriłaba. Tatar-un Koton-Baraχa, J̌ili-Buχa χoyar-tur harban γurban-ta χadχułduǰu, Ambaχai-χaγan-no ösül öšün, kisal kisan yadaba.

§ 59. Tende Yesügai-Baγatur Tatar-un Temüǰin-Üge, Xori-Buχa terigüten Tatar daγuliǰu ireasu, tende Höelün-üǰin kegeli-tai bürun, Onan-no Deligün-bołdaγ-a büküi-dür, ǰöb tende Činggis-χaγan töreǰügüi. Töreküitür, baraγun γar-türiyen šia-in tedüi nödün χadχun töreǰügüi. Tatar-un Temüǰin-üge-i abčiraγsan-tur töreba, kemen, Temüǰin nere ögküi teyimü.

§ 60. Yesügai-Baγatur-un Höelün-üǰin-eče Temüǰin, Xasar, Xačiun, Temüge, — ede dörben köüd töreba. Temülün nere tai niken öki törebi. Temüǰin-ni yesün nasutu büküi-tür, J̌oči-χasar dołoγan nasutu bülege, Xačiun-Elči tabun nasutu bülege. Temüge-odčigin γunan nasutu bülege. Temülün ölegetai bülege.

§ 61. Yesügai-Baγatur, Temüǰin-ni yesün nasutu büküi-tür, Höelün-eke-in törgüd Ołχonoγud irgen-tür naγaču-nar-ača ino öki γuyusu, kemen Temüǰin-i abuγad yorčiba. Odχui-tur Čegčer Čiχurχu χoyar-un ǰaγura Unggiradai Dei-Sečen-i ǰołγaba.

§ 62. Dei-Sečen ügülerün: «Yesügai χuda ken-tür ǰoriǰu ayisułaγa?» kemeǰügü. Yesügai-Baγatur ügülerün: «Ene köün-ö min-o naγaču-nar Ołχonoγud irgen-tür öki γuyusu, kemen, ayisułaγa!» kemeǰügü. Dei-Sečen ügülerün: «Ene köün čino nidün-türiyen γał̌tu, niγur-tur-iyen geretü köün bui.»

§ 63. Yesügai χuda, bi ene süni ǰegüdün ǰegüdülebe bi. Čaγan šingχor naran sara χoyar-i adχun nisču ireǰü, γar degere mino tuuba. Ene ǰegüdün-niyen güün-e ügülerün: Naran sara-i χaraǰu üǰegden bülege. Edöge ene šingχor adχuǰu abčiraǰu γar-tur mino tuuba. Čaγan baγuba. Yambar ele sai üǰegülümü, kemeǰü, Yesügai χuda ene ǰegüdün mino čima-i ele köün-been uduridču iregü-i ǰaγaγsan aǰuγu?

§ 64. Ba Unggirad irgen

Erte üdür-eče ǰege-in ǰisun,
Ökin-ö öngeten, ułus ülü temečed
Xačar γoa ökid-i
Xaγan bołuγsan-a tano
Xasaγ tergen-tur unoγułǰu,
Xara buγura kölgeǰü,
Xataraγułǰu odču,

Xatun saγurin-tur
Xamtu saγułumu ba!
Ułus irgen ülü temečed ba
Öngge sayid ökid-iyen ösgejü,
Öljige tai tergen-tür unoγułju,
Öle buγura kölgejü,
Egüskejü odču,
Ündür Saγurin-tur
Öregele eteged saγułχui ba!
Erteneče Unggirad irgen
Xatun χałχatan, ökid öčilten
Jege-in jisun, ökin-ö öngge-ber
Bülege ba!
§ 65. Noun (niγun) köüd mano
Nuntuγ χarayu,
Ökin köü mano
Öngge üjegdeyü!

«Yesügai χuda, ger-tür mino oduya! Ökin mino üčügügen biyu, χuda üjetügai!» kemejü, Dei-Sečen ger-türiyen uduridču baγułba.

§ 66. Öki ino üjebesü, niγur-türiyen gere tai, nidün-tür-iyen γałtai. Ökin-i üjejü, oin-tur-iyen oroγułba. Temüjin-eče niken nasun yeke, harban tai ajuγu. Börte nere tai. Süni χonoju, manaχaši öki ino γuyubasu, Dei-Sečen ügülerün: «Ołan taou γuyuγułju ögbesü, degejilegdegü, čögen taou γuyuγułju ögbesü doromjiłaγdaχu. Ökin güün-no jayaγan töregsen egüden-tür ötölgü ügei. Ökin-iyen be ögsü, köüniyen be güreged-te tałbiju od!» kemeba. Je bołułčaju, Yesügai-Baγatur ügülerün: «Köü-ben gürege-te tałbisu! Köü mino noχai-yača čočimtaou (čočimtaγu) bülege. Xuda, köü mino noχai-yača bu čočiun!» kemeged, kötöl morin-iyen belge ögčü, Temüjin-ni güreged-te tałbiju odču.

§ 67. Yesügai-Baγatur jaγura Čegčer-ün Šira-kegere Tatar irgen χurimłan büküi-tür jołuγaju, umdasču χurim-tur ano baγuba. Tede Tatar tanin ajuγu. «Yesügai Kiyan ireai!» kemeged, uridan-o daγuliγdaγsan keselen-en duradču, oisuladun (ösüledün) χujirju, χoro χoliju ögčiüi (ögčigüi). Jaγura maγui odču, γurban χonoγ yabuju, ger-türiyen gürüged, maγui bołju.

§ 68. Yesügai-Baγatur ügülerün: «Dotora mino maγui bi. Dergede ken bi?» kemejü, Xongχotadai Čaraχa ebügen-ö köü Münglig oira bi, kemejü, uriju iregüljü ügülerün: «Čaχa mino Münglig! Köüd üčüge tü bülege

bi. Köü-ben Temüǰin-i güriged-te tałbiǰu irerün, ǰaγura Tatar irgen-e oisulaγdaa bi. Dotora mino maγui biyu. Üčüged χočoruγsad, degü-ner-iyen, belbisün, bergen-iyen asaraχu-i či mede! Köü mino Temüǰin-i ötörken odču abču ire, čaχa mino Münglig!» keeed, nögčiba.

II

§ 69. Yesügai-Baγatur-un üge busi ülü bołγan, Münglig odču, Dei-Sečen-ne ügülerün: «Yesügai aχa Temüǰin-i maši möreljü öre-ben ebedümü. Temüǰin-i abura ireba!» keeǰüü. Dei-Sečen ügülerün: «Xuda köü-ben mörelgü bögesü, odtuγai! Üǰeǰü, ötör iretügai!» kemeǰü, Münglig-ečige Temüǰin-i abču ireba.

§ 70. Tere χabur Ambaχai-χaγan-no χatud Orbai Soχatai ǰirin yekes-e γaǰaru ineru γaruγsan-tur, Höelün-üǰin odču, χoǰid gürčü χoǰidaγuγułdaǰu, Höelün-üǰin Orbai Soχatai ǰirin-e ügülerün: «Yesügai-Baγatur-i ükübe-ü, kemeǰü, koüd-i mino yeke ülü bołuχui-yača yekes-ün kešig-eče, bileür-eče, sarχud-ača yekin χoǰidaγułumui ta? Üǰeged idekui ülü sergügülün nögükün bołba ta!» kemeǰüü.

§ 71. Tere üge-tür Orbai Soχatai ǰirin χatud ügülerün:

«Uriǰu ülü ögdeküi mör-tai či,
Učiraasu idegü yosutai či,
Güreǰü ülü ögdegü či,
Gürteesü idegü yosutai či!

Ambaχai-χaγan-ni üküle-ü (üküibe-ü) či, kemeǰü, Höelün-ne kürtele eyin kemegdekui bołbi!»

§ 72. Arγa-eče: «Eden-i ekes köüd-i nuntuγ-tur geǰü nögütkün, ta ber bu abču yabutχun!» kemeged manaγarši üdür-eče Tayičiud-un Tarγutai-Kiriłtuγ, Tödöen-Kirte tan Tayčiud Onan-müren huruγu ködölba. Höelün-üǰin-ni ekes köüd-i geǰü nögügderün, Xongχotadai Čaraχa-ebügen odču idχaχu-tur Tödöen-Kirte ügülerün:

«Čegel usun niduraługa,
Čegen čiłaγun čaγurałuγa!»

kemeged nöüüǰeai. Čaraχa-ebügen-i «Ker idχaχu či?» kemen χoinačá ǰidabar ǰoχudus χadχuǰuγu.

§ 73. Carχa-ebügan yaratu bołǰu geṛ-turiyen ireǰü kebdeküi-tür, Temüǰin üǰere odču, tende Xongχotan Čaraχa ebügan ügülerün: «Sayin Ečige-in čino χuriyaγdaγsan ułus-i manb bürin-ö ułus abču nögügderün, idχaχu bołun eyin kigdebe!» kemeǰü, tegün-tür Temüǰin uiłaγad γarču yorčiba.

Höelün-üǰin geǰü nögügderün, tuγłaǰu beye-ber moriłaǰu, ǰarimud irgen-i ičuγaba. Tede ber ičuγaγdaγsan irgen ülü toγtan, Tayičiγud-un χoinača nögüǰügüi.

§ 74. Tayičiγud aχa degü Höelün-üǰin-nì belbisün köüd üčüged, ekes-köüd-i nuntuγ-tur geǰü nögügdeǰü, —

Höelün-üǰin eme mergan töreǰü,
Üčüged köüdiyen teǰigerün,
Ukitała boγtaǰaǰu,
Xoǰitała büseleǰü,
Onan-müren ögede irada (irata) güyiǰü,
Ölirsün moiłsun tengüǰü (temgüǰü),
Üdür süni χoγołai teǰigebe.
Sülsü tai töregsen Üǰin-eke,
Su-tan köüd-iyen teǰigerün,
Čigörsün širo- bariju, sudun
Čičigina uχuǰu teǰigebe.
Eke-üǰin-nö
Xaliyarsun manggirsun-iyar teǰigegsed köüd
Xad bołura gürbei.
J̌arčimtai Üǰin-eke-in
J̌auχasu-bar teǰigegsed köüd
J̌asaγ tan sečed bołba.
§ 75. Γoa-üǰin-nö
Xoγosun manggirsu-ar teǰigegsed
Haułuχad köüd,
Hoilaud Sayid bołba.
Eres sayid bołun baraǰu,
Erekün omoγun ele boldaba.
Eke-yügen teǰigeya keleldüǰü,
Eke Onan-no ergi degere saγuǰu,
Elgügür geögi ǰasałduǰu,
Eremdeg ǰeremdeg ǰiγasu
Elgüǰü geügileǰü,
Čilüme χubčiγur huyaǰu,
J̌iramud ǰiγasu šigüǰü
J̌iči eke-yügen hači teǰigebe.

§ 76. Niken üdür Temüǰin, Xasar, Begter, Belgütai dörben χamtu sauǰu geögi tataχui dotora niken gegegen soχosun oroǰuγui. Temüǰin Xasar-

χoyar-ača Begter Belgütai χoyar buliǰu abuba. Temuǰin Xasar χoyar ger-tür ireǰü, Üǰin-eke-dü ügülerün: «Niken gegegen soχosun geögi ǰaγuγsan-i Begter Belgütai aχa degü χoyar-a buliǰu abdaba bi!» kemebesü, Üǰin-eke ügülerün: «Yegügüǰei! Aχa-nar degü-ner yekin kildümüü ta?

Següder-eče busu nökor ügei,
Segül-eče busu čičuγa ügei bi bida!

Tayičiγud aχa degü-iyen χašiγu ker aburaχun bida? kemeǰü bükü-tür, Erte Aɫan-eke-in tabun köüd metü yekin eye ügegün bi ta? Bütügai!» kemebai.

§ 77. Tendeče Temüǰin Xasar χoyar ülü taγaɫan ügülerün: «Öčigen niken-te biljiur γodoliduγsan-i teyin-gü buliǰu abuɫaγa. Edöge basa teyin-gü buliba. Xamtu ker aɫdaχun bide?» keeed, egüden oγorču γarču yorčiba. Begter huɫχun degere širγa aγta tan yesün mori χaraǰu saγu(n) bükü-tür, Temüǰin ümereče, daɫdadču, Xasar emüneče daɫdadču, sumu-ban sambaǰu gürkü-dür, Begter üǰeged ügülerün: «Tayičiγud aχa degü-in γašiγun daγusun yadan hači ken-e aburan čidaχun-o? kemeǰü bükü-tür, nama-i yekin

Nidun-o surimusun,
Aman-o χaγasun

boɫγamui ta?

Següder-eče busu nökör ugei,
Segül-eče busu čičuγa ügei-tür,

yekin teyin sedkiba ta? Γoɫumta mino bu bürelgetkun, Belgütai-i bu tebčitkun!» kemeged, ǰabiɫan saγuǰu küličaba. Temüǰin. Xasar χoyar emüneče ümereče öter mereǰü odba.

§ 78. Ger-tür ireǰü oroχui-ɫuγa, Üǰin-eke χoyar köükedü-yen čirai uχaǰu ügülerün: «Baraγsad!

Xaɫaγun-ača mino,
Xaɫat γarurun,
Γar-tur-iyen χara nödün,
Xadχun törelegi ene!
Xarbisun ban χaǰaχu
Xasar noχai metü,
Xada-tur dobtutχu
Xabɫan metü!
Aγur-iyen darun yadaχu

Arsłan metu;
Amidu ǰałgisu kemekü
Manggus metü;
Següder-türiyen dobtułχu śıngχor metü;
Sem-iyer ǰałgiχu čuraχa metü;
Botoχan-iyen borbi χaǰaχu buγura metü;
Boroγan-tur šiχaχu čino metü;
Köüd-iyen gelin yadaǰu,
Köüd-iyen idegü anggir metü;
Kebtegü-en (kebdeši-iyen) köndeesü
Ömergü čögebüri metü;
Bariǰu ülü saγaraχu bars metü;
Bałamut dobtułχu
Baru(γ) metü —
Baraba!
Següder-eče busu nökör ügei-tür,
Segül-eče busu čičuγa ügei-tür,

Tayičiγud aχa degü-in γašiγun daγusun yadan büküi-tür, hači ken-e aburaχun-o? kemeǰü büküi-tür, Ker aya, kemen, eyin kildümüi ta?» kemen, köüd-iyen

Xaγučin üges χadarun,
Ötögüs üges orkidun,

maši maγuyiłabai.

§ 79. Tedüi atała, Tayičiuγud-un Tarγutai-Kiriłtuγ turχaud-iyen uduridču: «Xoruγad γooǰiǰuγu (γuuǰiǰuχui). Šilüged šiberiǰügü!» kemen ireǰügü. Ayuǰu ekes köüd aχa-nar degü-ner šiγui hoi-tur χorγołaǰu, Belgütai mudud χuγuru tatałaǰu šibege bariǰu, Xasar χarbułałduǰu, Xačiun, Temüge, Temülün γurban ni ǰaba ǰaγura dürüǰü bułχałdun büküi-tür, Tayičiγud ungšiǰu ügülerün: «Aχa-ban Temüǰin-i ile, busud-i tan-o kereg ügei!» kemen ungšiγdaǰu, Temüǰin-i moriłaγułǰu buruγudχan, hoi-tur dutaγaǰu odχui-i Tayičiγud üǰeǰü hüldeǰü, Tergene ündür-ün šiγui hoi-tur širγuǰu orobasu, Tayičiγud oron yadaǰu, šiγui hoi-tur horčin sakiǰu,

§ 80. Temüǰin šiγui dotora γurban χonoǰu, γarsu kemen moriyen kötölǰü ayisuχui-tur, morin-ača emegel ino mültüreǰü χočorčuγu. Xariǰu üǰeesü, emegel kömüldürgelegseger ołangłaγsaγar mültüreǰü χočorčuγu. «Ołang či bołtuγai, kömüldürge basa ker mültüregü bülege? Tenggeri idχan aχuyu?» kemeǰü χariǰu basa γurban χonoba. Basa γarču ayisuχui-tur, šiγui amsar-a χošiliγ-un tedüi čaγan gürü amasar-a böglen unaǰuγu. «Teng-

geri idχan aχuyu?» kemejü, basa γurban χonoba. Basa yesün χonoγ idegen ügei aju: «Nere ügei ker ükügdeküi? Γarsu!» kemejü tere amasar böglen unaγsan χošiliγ-un tedüi čaγan gürü horčin, γarbasu ülü bolχu modud-i sumuči kituγai-yer-iyen hoγturiγad, moriyan χaltariγuluγad γarχui-luγa, Tayičiγud sakin ajuγu. Bariju abču odba.

§ 81. Temüjin-i Tarγutai-Kiriltuγ abču odču, ulus irgendüriyen jasaγlaju, ail-tur niken χonoγulun χonoγulun bitügülün yabuχui-tur, jun-o terigün sara-in harban jirwuan-a hulaγan tergel üdür Tayičiγud Onan-no ergi degere χurimlalduju, naran šinggeesü tarχaba. Temüjun-i tere χurim-tur gelbüre köün güün abčiraju bülege. Xurim-un haran-i tarχaγulun, tere gelbüre köün-eče buχau tataju abču, heki ino nikente deledüged güjü, Onan-no tün dotora kebteesü üjegdegü, kemejü, usun-o χarki-tur gedergü kebtejü, buχau-ban usun huruγu urusχan, ile kebtebe.

§ 82. Tere aldaγsan güün yeke daγu-bar: «Bariya güün aldaba!» kemen χailaχui-tur, tarχaγsad Tayičiγud χuriju irejü, üdür mötü saraul-a Onon-no tün-ni bederebe. Xarki-tur kebtejü bükü-i Süldüsün Sorχan-Šira jöb daγariju irejü ügülerün: «Jöb ele eyimü arγatu-in tula nidün-düriyen γaltu, niγur-turiyen geretü, kemen, Tayičiγud aχa degü-degen naidaγdan ajuγu. Či teyin ču kebte. Ülü jaγaχu bi!» keeed nögčiba. Basa χarin bedereye kemeldüküi-tur, Sorχan-Šira ügülerün: «Mün, mün mör-iyer-iyer ese üjegsen γajar-iyen üjeged, χarin bedereye!» kemeba. «Je, gü!» kemeldüba. Mün mün möriyer χarin bederejü, basa Sorχan-Šira daγariju ügülerün: «Aχa degü čino amaan šidu-ben bilegüden ayisu. Teyin kebte, χadaγuji gü! keeed nögčiba.

§ 83. Basa χarin bedereye kemeldüküi-tür, Sorχan-Šira ügülerun: «Tayičiγud köüd, ta gegegen čaγaγan üdür gübčin güü albaba. Edöge χarangχui süni ker olχun bida? Basa mün mün möriyer ese üjegsen γajar-iyen üjeged, χarin bedereged tarχaju, manaγar üdür čiγulju eriye. Xaa odχu, tere buχautu güün?» kemebe. Je kemeldüjü, χarin bederejü, Sorχan-Šira basa daγariju ügülerün: «Edüi bedereged, χariju manaγar eriye kemeldüba. Edöge mani tarχaγulun baraju, eke-ben degü-ner-iyen erin od! Nama-i üjeba, kemen, güün-e üjegdeesü, üjegdebe kemen bu kelele!» keeed nögčiba.

§ 84. Ani tarχaγulun baraju, dotora-ban sedkijü: «Öčigan ail bitügüljü χonaγulχui-tur, Sorχan-Sira-in ger-tür χonobasu, Čimbai Čilaγun, χoyar köüd ino, örö jirüge-ben ebedčü, süni nama-i üjejü, buχau mino abču sularaju χonoγaγululai. Edöge basa Sorχan-Šira nama-i üjejü, ülü jaγan nögčin aba. Edöge mün gü tede nama-i aburamu je!» kemejü, Sorχan-Sira-in ger erin, Onon-müren huruγu yorčiba.

§ 85. Ger-ün belge: sün tüsüreged, esüg-iyen süni-de üdür čaitaɫa hülekü bülege. Tere belge sonosču yabubasu, bülegür-ün daγu sonosču gürčü, ger-tür ino orobasu, Sorχan-Šira: Eke-ben, degü-neriyen erin od ese-ü kelelüge bi? Yekin ireba či?»kemeba. Čimbai Čiɫaγun, χoyar köüd ino ügülerün: «Šibaγuχan-i turimtai buta-tur χorγobasu, buta mün aburaǰuγui. Edöge bidan-tur iregün-i yekin teyin kememü či?» kemen, ečige-yügen üge ülü taγaɫan buχau-gi ino čučaɫǰu, γaɫ-tur tüliyeǰü, χoitu nungγasutu tergentür unoγuɫǰu, Χadaγan neretai düyii-ben: «Amitu güün-e bu kelele!» kemeǰü asaraγuɫba.

§ 86. Γutuγar üdür «Güün niγuba ǰe!» kemeldüǰü «öber ǰaγur-a nengǰileldüya!» kemeldüǰü nengǰileldüba. Sorχan-Sira-in ger-tür, tergantür, iseri-in doro gürtele nengǰiǰü, χoitu nungγasutu tergan-tür unoǰu, amasar-a büküi nungγasu tataɫaǰu köl-tür gürküi-tür, Sorχan Šira: «Ene basa eyimü χaɫaγun-a nunγasun dotora ker daγusχu?» kemebesü nengǰigülsün baγuǰu yorčiba.

§ 87. Nengǰigul-i oduγsan-ó χoina Sorχan-Šira ügülerün: «Nama-i hünesü-eŕ keisgan aɫdaba! Edöge eke-ben degü-ner-iyen erin od!» kemeǰü, aman čáγan eremüg huɫaγčin-i unoγuɫǰu, tel χuriγan boɫγaǰu, göür nambuχa ǰasaǰu, emegel ülü ögün, kete ülü ogün, χoyar sumu ögba. Tedüi ǰasaǰu ileba.

§ 88. Temüǰin teyin oduγad, šibegeleǰü χorγoɫagsan γaǰar-düriyen gürčü, ebesün-ö aɫurχai-bar Onan-müren ögede močigıǰü (mökiǰü, müškiǰü), höröneče Kimurχa-γoroχan oroǰu, iren aǰuγu. Tere ögede mörkiged, Kimurχa-γoroχan-no Beder χošiγun-a Xorčuχui-boɫdaγ-a büküi-tür ǰoɫuγaɫduba.

§ 89. Tende neileldüǰü odču, Burχan-χaɫdun-o ebür-e Gürelgü-dotora Sanggür-γoroχan-o Xara-ǰirügen-ö Kökö-naγur nuntuγɫaǰu aχui-tur, tarabaγad küčügür aɫaǰu iden bülege.

§ 90. Niken üdür širγa aγta tan naiman morid ger-ün dergede bayiǰu büküi-i degerme ireǰü, üǰetele degermedčü yorčiba. Yabuγad üǰeǰü χočorba. Belgütai oγodur dargi χongχor-i unoǰu tarbaγačiɫara odču bülege. Üdeši naran šinggeküno χoina, Belgütai dargi oγodur χongχor-tur tarbaγad očiǰu niγsaχaɫǰataɫa yabuγan kötölǰü ireba. Sirγa aγta tan-i degerme abču odba kemebesü Belgütai ügülerün: «Bi nekesü!» kemeba. Xasar ügülerün: «Či ülü čidaχu, bi nekesü!» kemeba. Temüǰin ügülerun: «Ta ülü čidaχu, bi nekesü!» kemeǰü, dargi χongχor-i Temüǰin unoǰu, širγa aγta tan-i ebesün-ö aɫurχai-bar möskiǰü (mörgiǰü), γurban χonoǰu, manaγar erte mörtür oɫan aduγun-tur, nigen gürümel-e, köün güün gegü saγan aχu-i ǰoɫγaǰu, širγa aγta tan-i surabasu, tere köün ügülerün: «Ene manaγar, naran urγu-

χu-in urida, širγa aγtatan naiman morid egüber hüldeǰü yorčiba. Mör ino bi ǰaγaǰu ögsü!» kemeged oγodur χongχor-i tałbiγułǰu, Temüǰin-ni oroγ šingχuła-i unoγułba. Mün öbesün χurdun χubi-i unoba. Ger-türiyen ba ülü odun, nambuχa saγułγa-ban kegere buχuǰu tałbiba. «Nökör, či bürün mungχaniǰu ayisu aǰuγu. Ere-in mung niken biǰe! Bi čima-tur nököčesu! Ečige mino Naχu-Bayan kemegdeyu. Bi γaγča köün ino bi, Boorču neretü bi!» keeed, širγa aγta tan-o mör-iyar ino möskiǰü (mörgiǰü), γurban χonoǰu, üdeši naran χuburi tašin büküi-tür, niken güriyen irgen-tür gürba. Širγa aγta tan naiman morid tere yeke güriyen-ö kiǰaγar-a ebesülen bayiǰu büküi-i üǰeba. Temüǰin ügülerün: «Nökör, či ende bayii! Bi širγa aγta tan, tende bi, hüldeǰü γarsuγai!» kemeba. Boorču ügülerün: «Nököčesü kemen irelege bi; ende yekin bayiχu?» keeed χamtu dobtulǰu oroγad, širγa aγta tan-i hüldeǰü γarba.

§ 91. Xoinača haran ubur-subur nekeǰü ayisu. Niken čaγaγan moritu güün uγurγa bariǰu γaγčaγar güyičeǰü ayisu. Boorču ügülerün: «Nökör, numu sumu nada ača, bi χarbułałdusu!» kemeba. Temüǰin ügülerün: «Mino tuła či erüstegüǰei, bi χarbułałdusu!» kemeǰü, esergü χarin χarbułałduba. Xoitus nököd güyičeǰü ireba. Naran šinggeǰü odba. Duušin bołǰu ayisu. Xoitu tede haran, baruan bołdaǰu bayiǰu, χočorba.

§ 92. Tere süni düliged, γurban üdür γurban süni düliǰü gürba. Temüǰin ügülerün: «Nökör, bi čima-dača anggida ede morid-iyen abuχu-u bülege? χubiayałduya, kedüi-i abχu kememü?» kemebe. Boorču ügülerün: «Bi sayin nökör-i čima-i mungχaniǰu ayisu, kemen, sayin nökör-e tusa bołsu, kemen, nököčeǰü ireba bi: ołǰa-u kemeǰü abχu bi? Ečige mino Naχu-Bayan neretü biyu. Naχu-Bayan-no γaγča köün bi bei-ü? Ečige-in mino ǰügegsen nada tügetele bi. Bi ülü abχu! Tusa bołuγsan mino yaγun tusa bołχu? Ülü abχu!» kemeba.

§ 93. Naχu-Bayan-no ger-tür gürba. Naχu-Bayan köü-ben Boorču-i ǰabχaǰu, nisun niłbusu-iyer aǰuγu. Genete gürteǰü, köü-ben üǰeǰü nikente uyiłamu, niken-te dongγodumu. Köün ino Boorču ügülerün: «Yaγun bołba. Sayin nökör mungχaniǰu ayisun aǰuγu. Nököčeǰü odułaγa bi. Edöge ireba!» keeed hayulǰu odču, buχuγsan nambuχa saγułγa-ban ačiraba. Temüǰin-ne tel χuriγan ałaǰu günesü ögüged, nambuχa degürge(n) ǰasaǰu günesülegülba. Naχu-Bayau ügülerün: «Xoyar ǰałaγus bei ta. Üǰegüldügtüt, mona χoina bu tebčildügtüt!» kemeba. Temüǰin odču, γurban süni, γurban üdür yorčiǰu, Sanggür-γoroχan-a ger-türiyen gürba. Höelün-eke, Xasar kiged degü-ner ino kerüǰü aǰu, üǰeǰü bayasba.

§ 94. Tendeče Temüǰin, Belgütai χoyar Dei-Sečen-nö Börte-üǰin-i yesün nasutu büküi-tür üǰeǰü iregseger χaγačaǰu bülege. Kelüren-müren

nuruγu erin odba. Čegčer Čiχurχu χoyar ǰaγura Dei-Sečen Unggirad tende aǰuγu. Dei-Sečen Temüǰin-i üǰeǰü maši yeke bayasču ügülerün: «Tayičiγud aχa degü činu nayitamu, kemen, medeǰü maši kerüǰü ǰököreai. Aran üǰebe ǰe čima-i!» kemeged, Börte-üǰin-i neilegülüged egüsgeba. Egüsgen ayisurun, Dei-Sečen ǰaγura Kelüren-o Uraγ-ǰoł-nudača χariba. Gergai ino, Börte-üǰin-ö eke, Sotan neretei büligi. Sotan, öki-yen hüdeǰü, Gürelgü dotora Sanggür-γoroχan-a büküi-tür gürgeǰü ireba.

§ 95. Sotan-i χariγułuγad, Belgütai-i Boorču-i nököčeya kemen uriǰu ileba. Boorču, Belgütai-i gürgegülüged, ečige-düriyen ülü kelelen, Bögötür-χongχor-i unoγad, boro örmüge-ben bögtürüged, Belgütai-lüge ireba. Tere nököčegseger nököčeküi yosun teyimü.

§ 96. Sanggür-γoroχan-ača nögügüǰü, Kelüren-müren-ö terigün, Bürgi-ergi-de, nuntuγłan baγuǰu, Sotan-eke-in šidkül, kemen, χara bułuγan daχu abčiraǰu bülege. Tere daχu-an Temüǰin, Χasar, Belgütai γurban abču odču: «Erde üdür Yesügai-χan ečige-lüge Kereid irgen-ö Vang-χan anda kemeldügsen aǰuγu; ečige-lüge mino anda kemeldügsen ečige metü bei ǰe!» kemen, Vang-χan-i Tuuła-in χara-tün-ne bei-yu, kemen medeǰü, odba. Vang-χan-tur Temüǰin gürčü ügülerün: «Erte üdür ečige-lüge mino anda kemeldügsen aǰuγu. Ečige-gü metü beyu ǰe!» kemeǰü «Gergai baγułǰu emüsgeǰü čimada abčiraba!» kemen, bułaγan daχu ögba. Vang-χan maši bayasču ügülerün:

«Χara bułuγan daχu-in χariγu
Χaγačaγsan ułus-i čino
Χamtudχaǰu ögsü!
Bułuγan daχu-in χariγu
Butaraγsan ułus-i čino
Bügüdkeldüǰü ögsü!
Bököre-in bögse-tür,
Čekere-in čegeǰi-tür —

atuγai!» kemeba.

§ 97. Tendeče χariǰu, Bürgi-ergi-de büküi-tür, Burχan-χałdunača Uriyangχadai güün, J̌arčiudai-ebüyen kügürge-ben ürčü (egürčü), J̌elme neretü köün-iyen uduridču ireǰü, J̌arčiudai ügülerün: «Onan-no Deligün-bołdaγ-a büküi-tür Temüǰin-i töröküi-tür bułuγan nelke ögülege bi. Ene köü-ben J̌elme-i ögülege-gü bi. Üčügan, kemen, abču odułuγa». Edöge J̌elme-i

Emegel-iyen toχuγuł,
Egüde-iyen negügül!

kemeǰü ögba.

§ 98. Kelüren-müren-no terigün-e, Bürgi-ergi-de, baγuǰu büküi-tür, niken manaγar, erde gerel širaɫ(an) üdur gein büküi-tür, Höelun-eke-in ger dotora ködölküi Xoaγčin-emegen bosču ügülerün: «Eke, öter bos! γaǰar derbelemüi, tübürigün sonostamui! J̌aɫγamšiγ tan Tayičiγud aχun-o? Eke öter bos!» kemebi.

§ 99. Höelün-eke ügülerün: «Köüd-i öter serigülütkün!» keeed, Höelün-eke öter-gü bosbi. Temüǰin tan köüd öterlen-gü bosuγad, morid iyen bariǰu, Temüǰin niken mori unoba. Höelün-eke niken mori unoba. Xasar niken mori unoba. Xačiun niken mori unoba. Temüge-odčigin niken mori unoba. Belgütai niken mori unoba. Boorču niken mori unoba. J̌elme niken mori unoba. Temülün-ni Höelün-eke ebür-türiyen degürba, niken mori kötöl ǰasaba. Börte-üǰin-e mori dutaba.

§ 100. Temüǰin aχa-nar degüner moriɫaǰu, etre böged Burχan ǰüg γarba. Xoaγčin-emegen, Börte-üǰin-i niγusu kemen böken (niken) χarautai tergen-tür unoγuɫǰu, bögere aɫaγ hüker kölǰü, Tenggeli(g)-γoroχan ögede ködölǰü ayisun büküi-tur hörü-baru-da, üdür gein büküi-tür, esergün-eče čerig haran χataraǰu hergiǰü gürčü ireǰü: «Yaγun güün či?» kemen hasaγba. Xoaγčin-emegen ügülerün: «Bi Temüǰinoai bi! Yeke ger-tür χonin kirγara irelege. Ger-türiyen χariǰu ayiši!» kemebe. Tendece ügülerün: «Temüǰin ger-tür biyu-u, ger keǰiye biyu?» kemebi. Xoaγčin emegen ügülerün:«Ger-či oira biyu! Temüǰin-i büküi-i ügei ese uχabai. Xoinača bosuγad irebi bi!» kemebi.

§ 101. Tede čerigüd tedüi χatariba. Xoaγčin emegen bögere alaγ hüker-iyen deledüged, öterlen negügü boɫun, tergen-ö tenggeli χuγus odba. Tenggeli-ben χuγuraγdaǰu yabuγadiyar hoi-tur güyiǰü oroya kemeldün büküi-tür, daruča müd čerig-üd Belgütai-in eke-i sundaɫaγuɫduǰu, χoyar köl ino čerbegeldügülǰü, χataraǰu gürčü ireged: «Ene tergen dotora yaγun tegeǰü amu?» kemeba. Xoaγčin-emegen ügülerün: Ungγasun tegeǰü amu!» kemebi. Tede čerigüd-ün aχa-nar ino ügülerün: Degü-ner köüd-iyen baγuǰu üǰetkün!» kemeba. Degü-ner köüd ino baγuǰu, χaatai tergen-ö χaγaɫγa abχui-luγa, dotora χatuγ ǰe güün saγuǰu, ima-i tergen-eče čirčü baγuɫǰu, Xoaγčin ǰirin-i sunduɫaγuɫǰu abuγad, Temüǰin-o χoinača ebesün-ö aɫurχai-bar mörgiǰü Burχan ǰüg γarba.

§ 102. Temujin-ö χoinača Burχan-χaɫdun-ni γurban-ta χuciγuɫǰu erüsün yadaba. Eyin teyin böɫǰiasü umubu šibar berke hoi ino čadχuɫang moγai-ya širγuasu ülü boɫχu berke šiγui χoinača ino daγaǰu, erüsün yadaǰuui. —Tede γurban Merkid aǰuγu. Uduid-Merkid-ün Toγtoγa, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Xaad-Merkid-ün Xaatai-Darmaɫa. Ede γurban Merkid erten-ö Höelün-eke-in Čiledü-dača buliǰu abtaɫaγai, kemen, edöge tere ösül ösün iregse(n) aǰuγu. Tede Merkid ügüleldürün: «Höelün-no hači

aburan edoge emes-i ino abuba. Hači-yen aburaba bida!» kęmeldüjü, Burγan-χaɫdun nača baγuju geit-türiyen ajiraba.

§ 103. Temüjin: «Tede γurban Merkid maγad geit-tür-iyen ajiraba-yu, bügčü-ü amui?» kemen, Belgütai, Boorču, Jelme γurban-i Merkid-ün χoinača uχaut-a γurban χonoγ daγaγuɫju, Merkid-i küngkegüljü, Temüjin Burχan degere-eče baγuju, ebčegü-ben möledčü, ügülerün: «Xoaγčin-eke-i

Solongγa boɫju
Sonosχu-in tuɫa
Ünen boɫju
Üjegu-in tuɫa
Büdün beye-en buruγudun,
Bugiya moritu,
Buχu-in horim horimɫaju,
Burγasun ger gerlen,
Burχan degere γaruɫaγa.
Burχan-χaɫdun-a
Bögesün-ö tedüi amin-yen
Büljigüldaba bi!
Γaγčaχan aminiyen χairaɫan,
Γaγča moritu,
Xandaγai horim horimɫaju,
Xaɫχasun ger gerlen
Xaɫdun degere γuruɫaγa bi.
Xaldun-burχan-na
Xalja-in tedüi amin-iyen
Xaɫχaɫaγdaba je bi!
Burχan-χaɫdun-i
Manaγar-büri maliyasuγai,
Üdür-büri öčisügai!
Uruγ-un uruγ mino uχatuγai!»

kemen, naran esergü büse-ben güjügün-düriyen erigelejü, maɫaγai-ban γar-turiyen seejigelejü, γar-iyen ebčegün-düriyen möledčü, naran jüg yesünte sögedčü, sačuli öčiüli ögbö! —

III

§ 104. Tedüi kelelejü, Temüjin Xasar Belgütai γurban Kereid-ün Van-χan-tur, Tuuɫa-müren-no Xara-tün-na büküi-tur odču ügülerün: «Γurban Merkid-te genen büküi-tür irejü, eme köü-ben daγuliju abdaba. Xan

ečige mino eme köü aburaǰu ögtügai, kemen ireba bi!» kemeba. Tere üge-in χarin Tooril-Vang-χan ügülerün: «Bi nidoni čimada ese-ü ügülelege? Buluγan daχu nada ačilarun (áčirarun), ečige-in čaγ-un anda kemeldügsen ečige metü biyu je, kemen, emüsgegdeesü, tende bi ügülerün:

Buluγan daχu-in χariγu
Butaraγsan ulus-i čino
Bügüdgeldüǰü ögsü!
Xara buluγan daχu-in χariγu
Xaγačaγsan ulus-i čino
Xamtudχalduǰu ögsü!

kemen,

Čekerai-in čegeǰi-tür atuγai,
Bökörai-in bögse-tür atuγai!

ese-ü kemelege bi? Edöge tere ügen-düriyen gürün;

Buluγan daχu-in χariγu
Bügüde Merkid-i büreltele,
Borte-üǰin-i čino aburaǰu ögsü bi!
Xara buluγan daχu-in χariγu
Xamuγ Merkid-i γaltačiǰu,
Xatun Börte čino
Xariγulǰu abčiraya bida!

Či J̌amuχa degü-de kelen kiǰü ile. J̌amuχa degü Xorχonaγ-ǰubur- biǰe. Bi endeče χoyar tümed morilasu, baraγun γar bolun; J̌amuχa degü χoyar tümed bolǰu ǰaoun γar bolun morilatuγai! Bidano bolǰaγan J̌amuχa-dača boltuγai!» kemeba.

§ 105. Temuǰin Xasar Belgütai γurban Tooril-χan-nača χariǰu, gertüriyen gürčü, Temüǰin J̌amuχa-tur Xasar Belgütai χoyar-i ilerün, J̌amuχa anda-da ügüle, kemen, ügüleǰü ilerün:

«Oro-ban hoγtorγu bolγaγdaa bi!
Önar niken tan busud-u bida?
Ösul-iyen ker ösükün?
Ebür-iyen hemtüldee bi.
Heligen-ö uruγ busud-u bida?
Hači-yen ker hačilaχun bida?»

kemeǰü ileba — J̌amuχa anda-da ügüleǰü ilegsen üge edüi. Basa Kereid-ün Tooriɫ-χan-no ügülegsen üges-i J̌amuχa-da ügüleǰü ilerün: «Erde üdür Yesügai-χan ečige-de mino tusa sayi kigdegsen-i sedkiǰü, nököčesü bi! Xoyar tümed bolǰu baraγun γar boɫun moriɫasu. J̌amuχa degü-de keleleǰü ile. J̌amuχa degü χoyar tümed moriɫatuγai, χamtudχu boɫǰaγan J̌amuχa degü-deče boɫtuγai!» kemeba. — Ede üges-i daγusχan baraǰu, J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin anda-i

Oro hoγtorγu boɫba, kemen medeǰü,
Öre mino ebedba.
Ebür hemterebe, kemen medeǰü,
Helige mino ebedba.
Osül-iyen ösün,
Uduid Uwas Merkid-i ülüdkeǰü,
Üǰin-Börte-yen aburaya!
Hači-yen aburān
Xamuγ χaad-Merkid-i γaɫtačiǰu,
Xatun-Börte-yügen
Xariγuɫun aburaya! Edöge tere
Gölme dabšiχui-tur,
Köürge-in daγu boɫγaǰu
Kökideg Toγtoγa Buura-kegere bei ǰe.
Dabčitu χor darbaɫǰaχui-tur
Dayiǰiγči Dair-Usun edöge
Orχon Selengge χoyar-un (ǰaγura)
Taɫχun-araɫ-a bei ǰe.
Xamχaγuɫsun keisküi-tür,
Xara hoi temečegči
Xaatai-Darmaɫa edöge
Xaraǰi-kegere bei ǰe.
Edöge bida dötelen,
Xiɫχo-müren-ni kingüs, —
Saχaɫ bayan esen atuγai! —
Saɫ huyaǰu oroya!
Tere kökideg Toγtoγa-in
Erüge degere ino oroǰu,
Erkim ögede ino
Embürü daγariǰu,
Eme-köün ino

Ečültele χaγułuya!
Xutuγ ögede ino
Xuγuru daγariju,
Xotoła ułus-i ino
Xoγosun bołtała χaγułuya!

§ 106. Jamuχa basa ügülerün: «Temüjin-anda, Tooril-χan-aχa χoyar-a ügüle, kemen, ügülerün: Bi bürün,

Xaraγatu tuγ-iyen sačuba bi.
Xara buχa-in arasun-niyer
Bürigsen burkiren büküi
Daγutu kögürge-ben deledba bi.
Xara χurdun-iyen unoba bi.
Xatangγu deel-iyen emüsba bi.
Xatan jida-ban bariba bi.
Xadχurasutu sumun-iyen onołaba bi.
Xaatai-Merkid-tür
Xadχułdun moriłaya böet kemen ügüle!
Urtu χaraγatu túγ-iyen sačuba bi.
Hüker-ün arasu-bar bürigsen
Ödken daγutu kögürge-ben deledbe bi.
Oroγ χurdun-iyen unoba bi
Hüdesütü χuyaγ-iyen emüsba bi.
Önggitü üldü-been bariba bi.
Onatu sumun-iyen onałaba bi.
Uduid-Merkid-tür
Üküldüya böet, kemen ügule!

Tooril-χan-aχa moriłarun, Burχan-χałdun-o ebür-iyer Temüjin anda-i daγariγad irejü Onan-müren-nö terigün-e, Botoχan-boorji-da, bołjałduya. Endeče moriłarun, Onan-müren Ögede, anda-in ułus ende bi. Anda-in ułus-ača niken tümen bi. Endeče niken tümen, χoyar tümen bołju, bołjał γajar-a neilelduya!» kemen ügülejü ileba.

§ 107. Jamuχa-in ede üges ino Xasar Belgütai χoyar irejü Temüjin-ne ügülejü, Tooril-χan-na kelen gürgeba. Tooril-χan Jamuχa-in ede üges gürügelüged, χoyar tümed moriłaba. Tooril-χan moriłarun, Burχan-χałdun-o ebür Kerülen-ö Bürgi-ergi jorin ayiši, kemen, Temüjin, Bürgi-ergi-de bürün, mör-tür bi, kemen, jaiłan, Tünggelig ögede nögüüjü, Tana-γoroχan-a Burχan-χałdun-o ebür baγuju, Temujin tendeče čerig egüsgejü,

Tooriľ-χan niken tümen, Tooril-χan-no degü, J̌aχa-Kambu, niken tümen χoyar tümediyer Kimurχa-γoroχan-o Aiľ-χara-γoľ-da baγuju büküi-tür neilen baγuba.

§ 108. Temujin, Tooriľ-χan, Jaχa-Kambu γurban χamtudču, tendeče gödöljü, Onan-no terigün, Botoχan-Boorji-da gürbesü, J̌amuχa boľjaľ γajar-a γurban üdür urida gürčüüi. J̌amuχa, ede Temüjin Tooriľ J̌aχa-Kambu tano čerigüd-i üjeged, J̌amuχa χoyar tümed čerigüdiyen jasaju bayijuui. Ede ber Temüjin, Tooriľ-χan, J̌aχa-Kambu tan čerigüdiyen jasaγad-kü, gürülčeju jiči tanilduju, J̌amuχa ügülerün:

«Boroγan ber boľuasu, —
Boľjaľ-tur,
Xura ber boľuasu, —
Xuraľ-tur bu χojidaya!

ese-ü kemeldülegai bida? Mongγoľ je andaγar-tan busud-u?

J̌e-deče χojidaγsan-i
J̌erge-deče γarγaya!

kemeldülegai!» kemeba. J̌amuχa-in üge-tür Tooriľ-χan ügülerün: «Boľjaľ γajar-a γurban üdur χojit bayiba, kemen, γoduľaχu-i čimarľaχu-i J̌amuχa-degü medetügai!» kemeba. Boľjaľun čimar edüi ügüleldüjü,

§ 109. Botoχan-boorjinača gödöljü; Kiľχo-müren-ne gürčü, saľ huyaju ketülüged, Buura-keger-e, Toγtoγa-beki-in —

Erüge degere-eče
Erkim öede amburu daγarin oroju,
Eme köü ino
Ečültele daγuliba.
Xutuγ öede ino
Xuguru daγariju
Xotoľa uľus ino
Xokiratala daγuliba.

Toγtoγa-beki-i kebtege bögetele gürkü-i Xiľχo-müren-ne bükün jiγačin, buľuγačin, göregülüčin taľbiγsad «dain iši», kemen, süni dülin kelen gürgen odčuui. Tere kelen gürgegülüged, Toγtoγa, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun χoyar χamtudču, Selangge huruγu Barχujin oron čöen beyes-iyen dutaγan buruγudčuui.

§ 110. Merkid-ün ułus Selangge huruγu süni-de dürbejü yabuχui-tur, bidano čerigüd dürbejü yabuχun Merkid-i süni-de-gü daruju daγulin tałan yabuχui-tur, Temüjin dürbejü ayisuχun irgen-tür: Börte, Börte! kemen ungšiju yabuχui-tur, učiraju Börte-üjin tede dürbekün irgen-tür bujuui. Temüjin-nö daγu sonosču taniju, tergen-eče baγuγad, güyijü irejü, Börte-üjin, Xoaγčin jirin Temüjin-o jiłuγa ilbur šüni taniju barijuui. Saraγuł bülege. Üjebesü, Börte-üjin-i taniju teberildün tuyałčaba. Tendeče Tooril-χan Jamuχa-anda χoyar-a, mün süni böged, ügülejü ilerun: «Erigü kereg-iyen ołba bi. Süni bu düliya. Ende baγuya bida!» kemejü ilebe. Merkid-ün ulus dürbejü ayisuχui-i süni-de sandurču ayisuχui jaγura mün tende baγuju χonoba. Börte-üjin-ni teyin jołuγałduju Merkid-eče aburaγsan yosun eyimü.

§ 111. Turun urida Uduid-Merkid-ün Toγtoγa-beki, Uwas-Merkid-ün Dair-Usun, Xaatai-Darmała ede γurban Merkid, γurban jaγud haran: «Üdür-ün erte Toγtoγa-beki-in degü, Yeke-Čiledü-deče, Yesügai-Baγatur-a Höelün-eke-i buliju abtałai,» kemen, tegün-i ösün hačiłan odčuui. Temüjin-i Burχan-χałdun-ni γurbanta χučiγułχui-tur, Börte-üjin-i tende erüsčü, Čiledü-in degü, Čilger-bökö-de asaraγułuγsan ajuγu. Tere asaraγsan-ar aju, Čilger-bökö, dayičiju γarurun, ügülerün:

«Xara keree
Xalisu-körisü idegü
Jaγaγatu bögetele,
Xałaγun toγuraγun-i
Idesü kemen
Ješin ajuγu.
Xatar maγui Čilger bi
Xatun-üjin-tür
Xałχu bołun
Xamuγ Merkid-te huntaou!
Xaraču maγu Čilger
Xara terigün-dürien kürtegü bołba.
Γaγčaχan amin-iyen χoroχun
Xarangγu χabčał širγusu;
Xałχa ken-e bołdaχu-yu bi?

* * *

Xuładu maγu šibaγun,
Xułuγana küčülüne

Idegü ǰayaγatu bögetele,
Xung toγuraγun-i
Idesü kemen ǰešin aǰuγu.
Hünar maγui Čilger bi
Xutuγtai Sutai Üǰin-i
Xuriyaǰu iregü bołun,
Xotoła Merkid-te
Huntaou bołba.
Xokir maγu Čilger
Xokimai terigün-düriyen
Gürtegü bołba bi.
Xorγosun-o tedüi amin-iyen
Xoroχun haratu,
Xarangγu χabčal-a širγusu!
Xorγasun-o tedüi amin-a mino
Xoriyaan ken-e bołdaχu-yu bi?»

kemeged, dayiǰin dutaγaǰuu.

§ 112. Xaatai-Darmała-i erüsbe. Abčiraǰu

Xabtasun buχau emüsgeǰü,
Xałdun-burχan-na ǰoriγułba.

Belgütai-in eke tere aił-tur baiǰu, kemen ǰaγaγdaǰu, Belgütai eke-yügen abura odču, ger-tür ino Belgütai baraγun-ber oroχu-łuγa, eke ino nabtarχai nekei deeltai ǰaoun egüden-ber γaruγad, γadana busu güün-e ügülerün: «Köüd mino χad bołǰuγu! kem gdemüi. Bi ende maγui güün-tür tübeǰü, edöge köüd-iyen niγur ker üǰeküi bi?» keeed, güyiǰü siγui hoi-tur širγuǰu, tedüi eriǰü ese ołdałai. Belgütai-noyan Merkidai ele yasutu güün-ni «Eke-i mino abčira!» kemeǰü γodolidχu bülege. Burχan-ni χučiłduγsad γurban ǰaγud Merkid-i uruγ-un uruγ-a gürtele hünesü-er keistele ülidgeba.

Hülegsed eme köün ano
Ebüridkün medüs-i
Ebüridba.
Egüden-tur oroγułdaχun medüs-i
Egüden-düriyen oroγułba.

§ 113. Toorił-χan J̌amuχa χoyar-i Temüǰin büširen ügülerün:

Xan ečige mino, J̌amuχa-anda χoyar-a nököčegdeǰü,
Tenggeri γaǰar-a güčü nemegdeǰü,

Erketü Tenggeri-de nereidčü,
Eke Etügen-e gürgeǰü,
Ere hačitu Merkid irgen-i
Ebür ba ano hoγtorγui boɫγaba,
Helige ba ano hemtelbe bida.
Oro ba ano hoγtorγui boɫγaba,
Uruγ-un ba güün-i ülüdgebe bida,
Hülegsed-i ba ano arbiɫaba ǰe bida!»

Merkid irgen-i tedüi busangχaǰu, ičuya kemeldüba.

§ 114. Uduid-Merkid dürberün, buɫuγan maχaɫai tu, maraɫ-un γodun γudusutu, ičidun ǰarγaγusun-o buɫuγan ǰaɫγaγsan deeltü, tabun nasutu, Küčü neretü, nidun-düriyen γaɫtu köüken-i bidano-o čirig-üd nuntuγ-tur χočoruγsan-i oɫǰu abčiraǰu, Höelün-eke-de saoχua ögču odba.

§ 115. Temüǰin, Tooriɫ-χan, J̌amuχa γurban χamtudču, Merkid-ün

Čorχan ger čoχoriγuɫǰu,
Čoγtai eme-i arbiɫaǰu,

Orχan, Selangge χoyar-un Taɫχun-araɫ-ača ičurun, Temüǰin Jamuχa χoyar χamtudču, Xorχonaγ-ǰubur ǰorin ičuba. Tooriɫ-χan ičurun, Burχan-χaɫdun-no gerü-ber Hökörtü-ǰubur daγarin, Xačauratu-subčit, Huliyatu-subčit daγarin, görügen ino abaɫaγad, Tuuɫa-in Xara-tün-ni ǰorin ičuba.

§ 116. Temüǰin J̌amuχa χoyar Xorχonaγ-ǰubur-a neilen baγuǰu, erten-ö anda boɫuɫčaγsan-iyen duraduɫčan, anda tukgχuɫduǰu, amaraɫduya kemeldüba. Angχa urida anda boɫuɫčarun, Temüǰin harban niken nasutu bükü-tür, J̌amuχa χuraɫtuγ šia Temüǰin-e ögčü, Temüǰinö čingχuɫtuγta šia anda boɫuɫčaǰu, anda kemeldügsen; Onan-no mölsün-tür šialǰaχui-tur, tende anda kemeldülegai. Tegün-ö χoina χabur aɫanggir numu-tan χarbiyaɫdun bükü-tür, J̌amuχa buraγu-in χoyar eber niγaǰu nükeleǰü, daγutu yori-iyen Temüǰin-ne ögčü, Temüǰin-no arča mangɫaitu γodoli araɫǰiǰu andačiɫaɫduba. Nököte anda kemeldügsen yosun teyimü.

§ 117. Uridus ötögus-un üge sonosču, anda güün amin niken ülü tebčildün, amino ariči boɫuyu kemen amaraɫduχui yosun teyimü. Edöge basa tungχuɫduǰu amaraya kemeldüǰü, Temüǰin Merkid-ün Toγtoγa arbiɫaǰu abuγsan aɫtan büse J̌amuχa andada büselegülba. Toγtoγa-in esgel χaliγun-i J̌amuχa andada unoγuɫba. J̌amuχa Uwas-Merkid-ün Dair-Usun-i arbiɫaǰu abuγsan aɫtan büse Temüǰin anda-da büselegülba. Dair-Usun-o-gü Ebertuünögün čaγaγan-i Temüǰin-e unoγulba. Xorχonaγ-ǰubur-un Xuɫdaχar-gün-ö ebür-e saγɫaγar modun-a anda kemeldüǰü amaruɫduǰu, χurimɫan hoiɫan ǰirγaɫduǰu, süni könǰile-degen γaγča γonoɫduχun bulege.

§ 118. Temüjin J̌amuχa χoyar amaraɫdurun, niken hon nököge hon-o ǰarim amaraɫduǰu, tere aγsan nuntuγ-ača niken üdür nögüye kemeldüǰü nögürün, ǰun-o terigün sara-in harban ǰirγoγan-a Huɫaγan-tergel üdür nögüba. Temuǰin J̌amuχa χoyar χamtu terged-ün urida yabuǰu ayisurun, J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin anda, anda!

Aγuɫa šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-o
Aɫačuχa gürtügai!
Гoɫ-tur šiχam baγuya,
Xoničid χuriγačid bidan-o
Xoγoɫai-a gürtügai!»

kemeba. Temüǰin J̌amuχa-in ene üge-i uχan yadaǰu, sem-iyer bayiǰu χočorču negüri dumda terged güličeǰü, negüri böged Temüǰin Höelün-ekede: «J̌amuχa anda ügülemü:

Aγuɫa-tur šiχam baγuya,
Aduγučin bidan-o
Aɫačuχa gürtügai!
Гoɫ-tur siχam baγuya,
Xoničid χuriγačid bidan-o
Xoγoɫai-a gürtügai!

kemen ügülemü. Bi ene üge ino uχan yadaǰu, χarin ino yaγuba ese ügüleba bi. Eke-deče asaγsu! kemen ireba bi!» kemeba. Höelün-eke-i dungχoduγa edügüye Borte-üǰin ügülerün: «J̌amuχa-anda uyidanγa kemegden bülege. Edöge bidan-ača uyidχu čaγ boɫba! Tuγar-un J̌amuχa-anda-in kelelegsen kelen bida-tur böged ǰešigü üge beyu. Bida bu baγuya! Ene ködölügseger šiliγuya; χaγačau, süni dülin ködölüya böged!» kemeba.

§ 119. Börte-üǰin-ö üge-ber ǰöbšiyeǰü, ülü baγun süni dülin gödolǰü ayisuχui-tur, ǰaγura mör-tür Tayičiγud-i daγariba. Tayičiγud ber kökiǰü mün süni böged ǰoričan J̌amuχa ǰüg gödölba-gü. Tayičiγud-un, Besüd-ün nuntuγ-tur niken öčügan Kököčü neretü köün-i nuntuγ χočoruγsan-ni bidanoai abuγad ireǰü, Höelün eke-de ögba. Höelün eke teǰigebe.

§ 120. Tere süni düliǰü üdür geiesü uǰeesü, J̌aɫair-un Xačiun-Toχuraun, Xaraχai-Toχuraun, Xaraɫdai-toχuraun ede γurban Toχuraun aχa-nar degü-ner süni düliɫdüǰü ayisun aǰuγu. Basa Tarχud-un Xadaγan Daɫdurχan aχa-nar degü-ner tabun Tarχud ayisun gü aǰuγu. Basa Münggetü-Kiyan-o köün Ünggür tan Čangšiγud Bayaγud-iyaran ayisun gü aǰuγu. Baruɫas-ača Xubiɫai Xudus aχa-nar degü-ner ireba. Mangχud-aca J̌etai Doχoɫχu-čerbi

aχa degü χoyar ireba. Boorču-in degü Ögölen-čerbi Aruład-ača χaγačaǰu, aχa-dur-iyen Boorču-tur neilen ireba-gü. J̌elme-in degü Čaurχan Sübeetai-Baγatur Uriyanχan-ača χaγačaǰu J̌elme-tur neilen ireba. Besüd-eče Degai Küčügür aχa degü χoyar ireba-gü. Süldüs-ača Čilgütai Taki Tayičiγudai aχa-nar degü-ner ireba-gü. Xongχotan-ača Süiketü-čerbi ireba-gü. Süke-ken-ö J̌egai Xongdaχor-un köün Śükegai-ǰeün ireba-gü. Neüdai Čaγaan-Uwa ireba-gü. Ołχonoγud-un — Kinggiyadai, Xorołas-ača Sečiür, Dörben-eče Moči-Bedüün ireba-gü. Ikires-un Butu, ende güreget-e yabuγsaγar, ireba-gü. Noyakin-ača J̌ingso ireba gü. Oronar-ača J̌irγoγan ireba-gü. Barułas-ača Suχu-Sečen Xaračar köünlüge-ben ireba-gü. Basa Baarin-o Xorči-Usun ebügan Kökö-Čos Menen-Baarin-iyeren niken güriyen ireba-gü.

§ 121. Xorči ireǰü ügülerün: «Bodončar boγdo-in bariǰu abuγsan eme-deče töregsen ba J̌amuχa-łuγa

Kegeli nike ten
Keke γaγča tan

bülegai ba. Jamuχa-dača ülü χaγačaχun bülege bi. J̌aarin ireǰü, nadur nidün-düriyen üǰegülba. Xoaγčin üniyen ireǰü, J̌amuχa-i horčiǰu yabuǰu, ger tergan ino mürgüleged, J̌amuχa-i mürgüǰü, öreele eberiyen χuγuraǰu, sołǰir eber-tü bołǰu: Eber mino aca, kemen, kemen, J̌amuχa-in ǰüg mögören mögören, široi sačun sačun bayimu.»

«Muχułar χoa hüker yeke gerlüge degere ergüǰü kölǰü ǰiktüǰü (ǰidküǰü), Temüǰin-ö χoinača yeke tergegür-iyer mögören mögören ayisurun: Teng-geri γaǰar eyetüldüǰü, Temüǰin-i Ułus-un Eǰen bołtuγai! kemen, Ułus tegeǰü abču ayisu! kemen, ǰaarit nidün-dür üǰegülǰü, nadur ǰiγana. Temüǰin, či Ułus-un Eǰen boluasu, nama-i ǰiγaγsan-o tuła, ker ǰirγaγułχu či?» Temü-ǰin ügülerün: «Ünen tere Ułus medegülüesü, Tümen-ö Noyan bołγasu!» kemeba. «Ele edü Töre-i ǰiγaγsan güün-ni nama-i Tümen-ö Noyan bolγasu, yaγun ǰirγałang bei? Tümen-ö Noyan bołγaγad, ułus-un γoas sayid ökid darχałan abχaγułǰu, γučin ba emes tü bołγa! Basa yaγu kelelegsen-i mino esergü sonos!» kemeba.

§ 122. Xunan terigüten Geniges niken gürie-en ireba gü. Basa Dari-tai-odčigin niken güriye-en ireba gü. J̌adaran-ača Mułχałχu ireba gü. Basa Unǰin-Saχaid nike güriyen ireba gü. J̌amuχa-dača tedüi χaγačan ködölüged, Kimurχa-γoroχan-a, Ał-χaraγana, baγuǰu büküi-tür, basa J̌amuχa-dača χaγačaǰu, J̌ürkin-ö Soorχatu-ǰurki-in köün, Sača-Beki, Taiču χoyar niken güreyen; basa Nekün-Tayiǰi-in köün, Xučar-beki, niken güreyen — ede, basa J̌amuχa-dača χaχačan ködölǰü, Temüǰin-i Kimurχa-γoroχan-o Ał-χara-

γana-da baγuǰu bükü̈i-tür, neilen baγuba. Tendeče nögüǰü, Gürelgü dotora Sanggür-γoroχan-o Xara-ǰürügen-ö Kökö-naγur baγuba.

§ 123. Altan, Xučar, Sača-beki bulun eyetüldüǰü, Temüǰin-e ügülerün: «Čima-i χan bolγaya! Temuǰin-i χan bołuasu, ba —

Ołon dain-tur ałginči haułǰu,
Öngge sayin
Ökin χatun,
Ordo ger χari irgen-ö
Xačar γoa χatun öki,
Γarγam sayin aγta
Xataraγułǰu ačiraǰu
Ögsü ba!

* * *

Oroa göregesün ab̄alaasu,
Utułaǰu ögsü ba.
Keger-ün göregesün-ö
Kegeli ino niketele šiχaǰu ögsü!
Xun-o göregesün-ö
Γuya ino niketele šiχaǰu ögsu ba!

* * *

Xadχułduχui üdür
Xała čino buši bolγaasu,
Xari-širi-deše,
Xatun eme-deče mano
Xaγačaγułǰu,
Xara terigü mano
Γaǰar-kösür-tür geǰü od!

* * *

Engke üdür
Eye čino ebdeesü,
Eres harad-ača,
Eme-köüd-eče mano
Heričeülǰü (erislegülǰü)
Eǰe ügei γaǰar-a geǰü od!»

* * *

Edüi üge baraɫduju, eyin aman-aɫdaju, Temüjin-i Činggis-χaγan kemen nereidčü, χan boɫγaba.

§ 124. Činggis, χaγan boɫuγad, Boorču-in degü Ögölai-čerbi χor aγsaba. Hačiun-Toχuraun χor aγsaba. Jetai, Doχoɫχu-čerbi aχa degü χoyar χor aγsaba. Önggür-Süiketü-čerbi, Xadaan-Daɫdurχan γurban ügülerün:

«Manaγar-un umdan
Bu megüsdegülsügai.
Üde-in umdan
Bu osoɫdasuγai!»

kemen baγurčin boɫba. Degai ügülerün:

Silegü irge
Šilen boɫγaju,
Manaγar bu megüsdesü.
Xonoγ-tur bu χojidasu.
Aɫaγčiγud χonid-i aduγuɫaju,
Aɫan dügürgesü.
Xongχoγčiγud χonid-i aduγuɫaju,
Xoton dügürgesü.
Xoγoɫančar maγui bülege bi.
Xonid aduγuɫaju,
Gönjiyasün idesü bi!»

Degai χonid aduγuɫaba. Degü ino Güčügür ügülerün:

«Čoorχatai tergen-i
Čiü ino bu čiüdaülsü
Tenggisgetai tergen-i
Tergegür degere bu tegülegülsü!»

kemejü ger tergen jayasu! kemeba. Dodai-čerbi ger dotora gergen tudχar-i basaaɫasuγai! kemeba. Xubiɫai, Čilgütai Xarχai-Toχuraun γurban-ni Xasarɫuγa bolun üldüs aγsaju:

«Gűčürgegün-i
Güjügüd ano kingγuritχun!
Omorχaχun-i
Omoriγud ongɫajitχun (onjaɫatχun)»

kemeba. Belgütai Xaraꝉdai-Toχuraun χoyar-i

«Aγta bȧrituγai
Aγtačin boꝉtuγai!»

kemeba. Tayičiγudai Xutu, Moriči, Muꝉχaꝉχu γurban-ni aduγu aduꝉatuγai! kemebe. Arχai-χasar, Taχai, Sükegai, Čaurχan dörben-ni

«Xoꝉa-in hoorčaγ,
Oira-in odola —

boꝉtuγai!» kemeba. Sübeetai-Baγatur ügūlerün:

«Xuꝉuγana boꝉǰu,
Xuriyaꝉdusu![1]
Xara kerie boꝉǰu
Xadaun bügün-i
Xarmaꝉdasu!
Nembee isgai boꝉǰu,
Nemürleldün sorisu!
Gerisge isgai boꝉǰu,
Ger ǰüg gerisgeldün sorisu!»

kemeba.

§ 125. Tende Činggis-χaγan χan bolǰu Boorču J̌elme χoyar-a ügülerün: «Ta χoyar nama-i

Següder-eče busu nökör ügei-tür,
Següder boꝉǰu,
Sedkil mino amuγuꝉba ǰe ta.
Sedkil-tür atuγai! kemeba.
Seül-eče busu čiua ügei-tür
Seül boꝉǰu,
J̌irüge mino amuγuꝉba ǰe ta.
Čegeǰi dotora mino atuγai!»

kemeba. «Ta χoyar urida bayiγsaar, ede bügün-i aχaꝉaǰu ülü-ü aχun ta?» kemebe. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Tenggeri γaǰar-a güčü nemeǰü iheegdeesü, ta J̌amuχa-anda-ača nama-i kemen sedkiǰü nököčesü kemen iregsed, ötögüs ölǰeten nököd mino ülü-ü boꝉuγuǰai ta!» kemeba. J̌üg, J̌üg tüšiba tan-i.

§ 126. Činggis-χaγan-ni χan boꝉγaba, kemen, Kereidün Tooriꝉ-χantur Daχai, Sügegai χoyari elči ileba. Tooriꝉ-χan: «Temüǰin köün-i mino χan boꝉγaχu nai ǰöb! Mongγoꝉ χad ügegün ker aχun ta?

Ene eye-ben
Bu öbdetkün!
Eye-ǰanggi-ben
Bu tałutχun,
J̌aχa-ban
Bu tamtułutχun!»

kemeǰü ileǰü;

IV

§ 127. Arχai-Xasar, Čaurχan χoyar-i J̌amuχa-tur elči ileesü, J̌amuχa ügülerün: «Ałtan Xučar χoyar-a ügüle, kemen, ügüleǰü ilerün: Ałtan Xučar ta χoyar Temuǰin-anda ba χoyar ǰaγura anda-in

Sübege sečiǰü
Xabirγa χadχuǰu,

yekin χaγačaγułba ta? Anda ba χoyar-i ülü χaγačaγułun χamtu büküi-tür, Temüǰin-anda-i χan yekin ese bołγaba ta? Edöge yambar ele sedkil sedkiǰü χan bołγaba ta? Ałtan, Xučar ta χoyar ügülegsen üges-tür-iyen gürün, anda-in sedkil amuγułǰu, anda-da mino sayiχa-tur gü nököčeǰü ögütkün!» kemeǰü ileǰü;

§ 128. Tegün-ö χoina J̌amuχa-in degü Taičar J̌ałama-in ebür-e Ölegaibułaγ-a bürün, bidan-o Saari-keger-e bügü J̌oči-Darmała-in aduγun degermedüre odčuui. Taičar J̌oči-Darmała-in aduγun degermedčü abču adčuui. J̌oči-Darmała aduγu-ban degermedčü oddaǰu, nököd-iyen ǰirüge yadaγdaǰu, mün J̌oči-Darmała nekeǰü odču, süni aduγunoan kiǰiγar-a gürčü, morinoan del degere helige-ber-iyen kebteǰü gürčü, Taičarun niruγu ino χuγuru χarbuǰu ałaγad, aduγu-ban abuγad ireǰüü.

§ 129. Degü-ben Taičar-i ałaγdaba kemen J̌amuχa terigüten J̌adaran harban γurban χarin nököčeǰü, γurban tümed bołǰu, Ałakud-turχaud-iyar dabaǰu, Činggis-χaγan-tur moriłaǰu, ayisai kemen, Ikires-eče Mütke-Totaγ Borołdai χoyar Činggis-χaγan-i Gürelgü-de büküi-tür, kelen gürgen ireǰüü. Ene kelen medeged, Činggis-χaγan harban güreged bülegai. Γurban gü tümed bołǰu, J̌amuχa-in esergü ino moriłaǰu, Dałan-bałǰud bayiłduǰu, Činggis-χaγan J̌amuχa-da tende gödölgegdeǰü, Onon-o J̌erene χabčiχay-a χorba. J̌amuχa ügülerün: «Onon-o ǰerene-de χorγaba bida!» kemeǰü χarirun, Činos-un köüd-i dałan toγoγod bučałγaǰu Negüdai-Čaγaγan-ua-in terigü ino hoγtołǰu, morin-o segül-tür čirčü odčuui.

§ 130. Tende J̌amuχa-i χariγułuγad, Uruud-un J̌ürčedai, Uruud-iyen uduriduγad, Mangχud-un Xuyułdar Mangχud-iyen uduriduγad J̌amuχa-dača

χaγačaju, Činggis-χaγan-tur ireba. Xongχodadai Münglig-ečige tende Jamuχa-tur aju, Münglig-ečige doloγan köüd-lüge-ben Jamuχa-dača χaγačaju, tende Činggis-χaγan-tur neilen ireba. Jamuχa-daca edün irgen ireba kemen bayasču, Činggis-χaγan, Höelün-üjin, Xasar, Jürkin-ö Sača-beki taičutan bolun, Onan-o tün-tür χurimlaya kemeldüjü χurimlarun, Činggis-χaγan-na, Höelün-üjin-ne, Xasar-a, Sača-beki-de kiged terigülen niken tüsürge tüsürčüüi. Basa Sača-beki-in üčügügen eke Ebegai-i terigülen niken tüsürkü-in tula, Xorijin-χatun, Xuurčin-χatun jirin: Nama ülü terigülen, Ebegai-i terigülen, ker tüsürüyü? kemen, baγurči Šikiur-i ašigijuui. Ašigiγdaju baγurči Šikiur ügülerün: «Yesügai-Baγadur Nekün-taiji χoyar ükükü-in tula eyin asigiγdaχui mino yaγun?» kemeged, yeke daγu-bar uyilajuui.

§ 131. Tere χurim bidan-ača Belgütai jasaγad, Činggis-χaγan-no aγta bariju bayin bülege. Jürkin-eče Büri-bökö tere χurim jasan bülege. Bidan-o kilües-eče Xadagidai güün čilbur χulaγuγsan-i χulaγai barijuui. Büri-bökö tere düü-ben hömösčü, Belgülai nasuda abaldurun, baraγun χanču-ban mültüljü ničügün yabuχu bulege. Teyin mültülegsen ničügün muru ino Büri-bökö üldü-er χangχas čabučijuu. Belgütai teyin čabčiγdaju böged, yaγuna ba ülü bolγan, ülü senggeren čisun čuburiγulju yabuγui-i Činggis-χahan seüder-tür saγuju, χurim dotorača üjejü γarču irejü ügülerün: «Ker eyin kigden büleai bida?» Kem küi-tür, Belgütai ügülerün: «Mer üdüüi bülege! Mino tula aχa degü-tür maγu χarin bolulčaγujai! Bi ülü aljaχu bi, ilaγari biyu! Aχa degü-tür sai ijilidülčen büküi-tür, aχa bütügai! Xorumut bayi!» kemeba.

§ 132. Činggis-χahan Belgütai tedüi idχaasu ülü bolun, modun-o gešigüd χuγuru tatalaju, itügesün bülegüd suγučiju abču ašigilalduju, Jürkin-i ilaγču, Xorijin-χadun, Xuurčin-χadun jirin-i buliju abuba. Jiči müd jokilduya kemegdejü, Xorijin-χadun Xuurčin-χadun jirin-i ičuγaju, jokilduya kemen elčileldün büküi-tür, Kitad irgen-ö Altan-χan Tatar-un Megüjin-Segültü ten eye-dür-iyen ülü oroγdarun, Ongging-čingsang-a čerigüd jasaju: Bu saγara böged! kemejü ilejüüi. Ongging-čingsang Megüjin-Segültü terigüten Tatar-i Ulja ögede aduγu idegen selte türijü ayiši, kemen kelen medeba. Tere kelen medeged,

§ 133. Činggis-χahan ügülerün: «Erte üdür-eče Tatar irgen ebüges ečiges-i baraγsad öšiten irgen bülege. Edöge ene χanalγa-tur χamsaya bida!» keeed, Tooril-χan-tur: «Altan-χan-o Onggin-čingsang Tatar-un Megüjin-Segültü terigüten Tatar-i Ulja ögede türijü ayiši! kememüi. Ebüges ečiges-i bidan-o baraγsad Tatar-i χamsaya bida. Tooril-χan-ečige, öter iretügai!» kemen, ene kelen gürgen elčin eleba. Ene kelen gürgegülüged,

Tooriɫ-χan ügülerün: «Köün mino ǰöb keleleǰü ileǰüü: χamsaya bida!» kemeged γutuγar üdür čerig-iyen čiγuɫγaǰu, čerig egüsgeǰü, Tooril χan öterlen igtüneǰü, Činggis-χahan Tooriɫ-χan χoyar J̌ürkin-ö Sača-beki Taiču terigüten J̌ürkin-e keleleǰü ilerün: «Erte üdür-eče ebüges ečiges-i bidan-o baraγsad Tatar-i edöge ene χanaɫγa-tur χamsaya, χamtu moriɫaya!» kemeǰü ileba. J̌ürkin-e iregdeküi-eče ǰirγoγan üdüd güličeǰü, yadaǰu Činggis-χahan, Tooriɫ-χan χoyar χamtu čerig egüscü, Uɫǰa huruγu Ongging-čingsang ɫuγa χamsan ayisuχui-tur, Ulǰa-in Xusutu-šitügen, Naratu-šitügen-e Tatar-un Megüǰin terigüten Tatar tende χoriǰuui. Činggis-χahan, Tooriɫ-χan χoyar teyin χorγaɫaγsad-i Megüǰin-Segültü-i χorγan-ača ino bariǰu, Megüǰin-Segültü-i tende aɫaǰu, münggün ölegai tanatu könǰile ino Činggis-χahan tende abuɫaγai.

§ 134. Megüǰin-Segültü-iaɫaba, kemen, Činggis-χahan Tooriɫ-χan χoyar ileba. Ongging-čingsang Megüǰin-Segültü-i aɫaǰuui, kemen medeged, maši bayasču, Činggis-χahan-a ǰautχuri nere ögba. Kereid-ün Tooriɫ-a ong (van) nere tende ögba. Ongχan nere Onggin-čingsang-un nereidügseer tendeče boɫba. Ongging-Čingsang ügülerün: «Megüǰin Segültü-i χamsaǰu aɫaγsan tano Altan-χan-a maši yeke tusa kiba ta. Ene tusa-i tano Altan-χan-a öčisü bi. Činggis-χahan-a egün-eče yeke nere nemeküi-i, ǰaotao nere oggü-i Altan-χan medetügai!» kemeba. Onggin-čindsang tendeče tedüi bayasču ičuba. Činggis-χahan Ong-χan χoyar tende Tatar-i daγuliǰu χubiyaɫduǰu abuɫčaǰu, ger-tür-iyen χariǰu baγuba.

§ 135. Tatar-un χorγaɫaγsan Naratu-šitügen-e baγuγsan nuntuγ-tur taɫaχui-tur, niken üčügan köüken-i gegsen-i bidan-o čerigüd nuntuγ-ača oɫǰuui. Altan egemed dörebčitü daǰe torγan buɫuγa-ar dotorɫaγsan heligebčitü üčügügan koüken-i ačiraǰu, Činggis-χahan Höelün-eke-de saoχua kemen ögba. Höelun eke ügülerün: «Sayin güün-no köün aǰuγu ǰe. Huǰaγur sayitu güün-nö uruγ biyu ǰe!» Tabun köüd-iyen degü ǰirγoduγar köün boɫγan, Šikikan-χuduχu kemen nereidčü eke asaraba.

§ 136. Činggis-χahan-o Auruγ Xariɫtu-naγur-a bülegai. Auruγ-ud-tur χočoruγsan-i J̌ürkin tabin haran-o χubčan tonoǰuui. Harban haran-i aɫaǰuu. J̌ürkin-e teyin kigdeba kemen bidan-o Auruγ-ud-tur χočoruγsad Činggis-χahan-a ǰaγabasu, ene kelen sonosuγad Činggis-χaγan maši kilinglaǰü ügülerün: «J̌ürkin-e ker eyin kigden bülegai bida? Onan-o tün-tür χurimɫaχui-tur, baγurči Šikiür-i müd gü ašigiba. Belgütai-in muru müd gü čabčiba. Jokiɫduya kemegdeǰü, Xoriǰin-χadun Xuurčin ǰirin-i ičuγaǰu ögba. bida. Tegün-ö χoina erten-ö öšiten kisten, ebüges ečiges-i bidan-o baraγsad Tatar-i χamsan moriɫaya kemen, J̌ürkin-i ǰirγoγan üdüd güličeǰü ese gü iregdeba. Edöge basa dayisun-tur šiχam—dayisun

müd gü bołui (boluyi, bołuγa)!» kemeged, Činggis-χahan J̌ürkin-tür morilaba. Jürkin-i Kelüren-ö Ködöge-arał-un Dołoγan-bołdaγ-ud-ta büküi-tür, irgen ino daγuliba. Sača-beki Taičar χoyari ǰögen (čöken) be(ye)s-iyen dutaγaba. Xoinača ano nekeǰü Teletü-amasar-a güyičeǰü Sača-beki Taiču χoyar-i bariba. Bariǰu Činggis-χahan Sača Taičü χoyar-a ügülerün: «Erte üdür bida γaγu kemeldülegai?» kemegdeǰü, Sača Taiču χoyar ügülerün: «Ügülegsen üge-dür-iyen ba ese gürba, üges-tür mano gürge!» kemeged, üges-iyen medereǰü tüšiǰü ögba. Öges-i ano mederegülǰü, üges-tür ano gürgen, bütegeǰü, mün tende gebe.

§ 137. Sača Taiču χoyar-i büteged, χariǰu J̌ürkin-ö irge gödölgeküitür, J̌ałair-un Teregetü-Bayan-o köün Güün-na, Čiłaγun-χayiči, J̌ebke γurban tede J̌ürkin-tür aǰuγui. Güün-na Muχali Buχa, χoyar köüd-iyeriyen, aγułǰaǰu ügülerün:

«Bosoγa-in čino
Boγoł bołtuγai!
Bosoγa-dača čino bułǰiasu,
Borbi ino hoγtoł!
Egüden-nö čino
Emčü boγoł bołtuγai!
Egüden-neče čino heilüesü,
Eliged ano edkeǰü getkün!»

kemeǰü ögba. Čiłaγun-χayiči Tüngge Xaši χoyar köüd-iyen Cinggis-χahantur aγułǰaǰu ügülerün:

«Ałtan bosoγa čino sakiǰu
Atuγai! kemen ögba bi.
Ałtan bosoγa-dača čino
Anggida oduasu,
Ami ino tasułǰu getkün!
Örgen egüden ergüǰü
Ögtügai! kemen ögba bi.
Örgen egüden-neče čino
Ögere oduasu,
Öre ino mideriǰü getkün!»

kemeba. «Jebke-i Xasar-a ögba. Jebke J̌ürkin-ö nuntuγ-ača Boroγuł neretü üčügan köüken-i abčiraǰu Höelun eke-de aγułǰan ögba.

§ 138. «Höelün-eke Merkid-ün nuntuγ-ača ołdaγsan Güčü neretü köüken-i; Tayičiγud-un dotora Besüd-ün nuntuγ-ača ołdaγsan Kököčü neretü

köüken-i, Tatar-un nuntuγ-ača ołdaγsan Šigikan-χutuχu neretü köüken-i; Jürkin-ö nuntuγ-ača ołdaγsan Boroγul neretü köüken-i ede dörben-i ger dotora tejigerün, Höelün eke köüd teyin

Üdür — üjegü-in nidun,
Süni — sonosχu-in čikin

kene bołγaχui-u?» kemen, ger dotora tejigebe.

§ 139. Ede Jürkin irgen-ö yosun, Jürkin bołurun, Xabuł χan-o dołoγan köüd-ün angχa aχa Ökin-Barχaγ bülege. Köün ino Sorχatu-jürki bülege. Jürkin bołurun, Xabuł-χan-o köüd-ün aχa kemejü, irge-nö-yen dotorača iłγaju

Helige-tür sülsütü,
Heregai-tür hončitan,
Aγüšgi dügüreng jirügetü,
Aman dügüreng aγurtan,
Ere tutum erdemud ten,
Bökös güčüten-i iłγaju ögčü, —

aγurtan, sülsütan, omoγtan jörkimes tuła Jürkin kemegdegü yosun teyimü. Teyimün omoγtan irgen-i Čingdis-χahan doraitaγułju, Jürkin oboγtu-i ülidkebe. Irgen-i ułus-i ino Činggis-χahan öberen emčü irgen bołγaba.

§ 140. Činggis-χahan niken üdür Büri-bökö Belgütai χoyar-i abałduγułuγa! kemeba. Büri-bökö Jürkin-tür bülege. Büri-bökö Belgütai-i örögele γar-iyar bariju, örögele köl-iyer töidčü, ülü gödölgen daruχu bülege. Büri-böko ułus-un bökö. Tende Belgütai Büri-bökö χoyar-i abałduγułba. Büri-bökö ülü iłaγdaχu güün unaju odba. Belgütai darun yudan mürüdejü, saari degere γarču, Belgütai ginčas kijü Činggis χahan-ni üjegü-lüge χahan ilügai jaγuba. Belgütai uχa ołju, degere ino aγtałaju, χoyar jaχas ino sołbin megejilen tataju, niruγu ino ebüdüglejü χuγułju ireba. Büri-bökö niruγuban χuγuraju ügülerün: «Belgütai-e ülü iłaγdaχu bülege bi. Xahan-nača ayuju arγadan unaχu aliyaχu bołun, amin-dur-iyen gürtebe bi!» kemeged üküjü ireba. Belgütai niruγu ino χuγuru tataγad čirčü oγorkiju yorčiba. Xabuł-χan-no dołoγan köüd-ün aχa Ökin-Barχaγ bülege. Udaγadu Bartan-Baγatur bülege. Köün ino Yesügai-Baγatur bülege. Tegün-ö udaγadu Xutuγtu-Müngler bülege. Köün ino Büri bülege. Bariłduγad Bartan-Baγatur-un köün-eče ałus Barχaγ-un omoγtan köüd-tür nököčekün bolun, Büri-bökö ułus-un bökö Belgütai-e niruγu-ban χuγułdaju üküba.

§ 141. Tegün-ö χoina, Takiya jił, Xadagin Sałjiud χamtudču, Xadagin-o Baχu-Corogi terigüten Xadagin Sałjiud-un Čirgidai-Baγatur terigü-

ten, dörben Tatar-tur jokiłduju, Dörben-ö Xajium-beki terigüten, Tatar-un Ałči, Tatar-un Jalin-buχa terigüten, Ikires-ün Tüge-Maχa terigüten, Unggirad-un Dergeg Emel Ałχui tan, Γorołas-un Conaγ-Čaχaun terigüten, Naiman-ača Güčüut Naiman-o Buyiruγ-χan, Merkid-ün Toγtoγa-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki, Tayiciud-un Tarγutai-Kiriłtuγ, Xodun-Orčang Auču-Baγatur tan, Tayičiud edün χarin Ałχui-bułaγ-a čiγułju, Jajiradai Jamuχa-i χan ergüye kemen, ajirγa geün keüs čabčirałduju, andaγarduju, tendeče Ergüne-müren huruγu nögüüjü, Xan-müren Ergüne-de čidχuχu Šinaa-in aumoγud-a, Jamuχa-i tende gür-χan ergüba. Gür-χan ergüged, Cinggis-χahan Ongχan χoyar-tur morıłaya kemelgüba. Moriłaya kemeldügsen-i Xorołas-un Xoridai Činggis-χahan-ni Gürelgu-de büküi-tür ene kele gürgejü irejüü. Ene kele iregülüged, Činggis-χahan Ongχan-tur ene kele gürgejü ileesü, Ongχan kele gürgegülüged, čerig egüsčü ötörlen Činggis-χahan-tur Ongχan gürčü ireba.

§ 142. Ongχan-ni iregülüged, Činggis-χahan Ongχan χoyar χamtndču, Jamuχa-in esergü ino moriłaya kemeldüjü, Kelüren-müren huruγu moriłarun, Činggis-χahan Ałtan, Xučar, Daritai γurban-i mangłai yabuγułba. Ongχan, Sanggüm, Jaχa-Kambu, Bilge-beki γurban-i mangłai yabuγułba. Ede mangłan-ača uruγši basa χarauł ilerün, Enegen-güilet-üd-e niken saurin χarauł tałbiba. Tegün-ö Čegčer-e niken saurin χarauł tałbiγułba. Tegün-ö činana Čiχurχu-da niken saurin χarauł tałbiγułba. Bidan-o manglan Ałtan, Xučar, Sanggüm tan Udkiya gürčü baγuya kemeldün büküi-tür, Čiχurχu-da tałbiγsan χarauł-ača güün haułju irejü, dayin ayiši kemen kele gürgen ireba. Tere kele ireged ülü baγun dayin-o esergü kele abuya kemen yabuju, gürülčejü, kele abču, ked bui? kemen asaγuasu, Jamuxa-in manglan Mongγol-ača Aučn-Baatur, Naiman-o Buyiruγ-χan, Merkid-ün Toγtoγa-beki-in köün Xutu, Oyirad-un Xuduχa-beki-ede dörben Jamuχa-in manglan yabujuui. Bidan-o mangłan teden-tür ungšiłałduju ungšiju, jiłda bołdaju, manaγar χadχułduya kemejü ičuju, γoł-tur neilen χonoba.

§ 143. Manaγarši yabuγułju gürülčejü Köiten bayiłduju, doroγši degegši iχuriχałdun jibšierülčen büküi tür, müd Buyiraγ-χan Xuduχu χoyar jada medekün ajuγui. Jadałaχun bołun, jada hurbaju müd degere jada bołjuu. Müd yabun yadaju noras-tur χuładuγad, Tenggeri-de ese taγałaγdaba bida kemeldüged butarajuui.

§ 144. Naiman-o Buyiruγ-χan Altai-in ebür Uluγ-taγ jorin χaγačan ködöljüüi. Merkid-ün Toγtoγa-in köün Xutu Selengge jorin ködöljüüi. Oyirad-uu Xuduχa-beki hoi temečen Šisgis jorin ködöljüüi. Tayčiud-un Aučn-Baγatur Onan jorin ködöljüüi. Jamuχa öberiyen χan ergügsed irgen-i daγuliγad Ergüne huruγu Jamuχa χarin ködöljüüi. Ani teyin butaraγdaju

Ongχan Ergüne huruγu J̌amuχa-i nekebe. Činggis-χaγan Onan ǰüg Tayiči-ud-un Auču-Baγatur-i nekeba. Auču-Baγatur uɫus-tur-iyen gürüged, uɫus-iyen dürbegülün ködölgeged, Auču-Baγatur Xodun-orčang Tayičiud Onan-o činaǰi eteged hülegüd turastan čerigüd-iyen ǰasaǰu χatχuɫduya kemen ǰasaǰu bayiǰuui. Čiinggis-χaγan gürüged Tayiǰi-ɫuγa χadχuɫduba. Maši ekerün ekerün χadχuɫduǰu ǰida boɫdaǰu, mün χadχuɫduγsan γaǰar-a šitulduǰu χonoba. Uɫus ba dürbeǰü ayisurun, mün gü tende čerigüd-lüge-ben χamtu güregeleǰü χonoɫduba.

§ 145. Činggis-χaγan tere χadχuɫduγan-tur suǰiyasu-ban šilürteǰü čisun töridgeesü ülü boɫun, yanduriγdarun, naran šinggegülün mün tende šitulduǰu baγuǰu, böglegsen čisun-i J̌elme šimin ama-an čisudaǰu, J̌elme busu güün ülü itegen sakiɫduǰu saγuǰu, süni düli boɫtaɫa böglegsen čisun-i ama-ar dügürang ǰaɫgiγad asχaγad süni düli nögčiesü, Činggis-χaγan dotora-an sergüǰü ügülerün: «Čisun χaγču baraba, umdasumu bi!» kemeba. Tendeče J̌elme maɫaχai (maχaɫai) χudusun deel χubčasun-iyen bügüde-i taɫǰu γaγča dotoaǰi tu čurama ničügün šitulduǰu bayiχun dayin dotoraun güyiǰü činana gürelčegsen irgen-ö tergen-tür ano unoǰu, esüg-üd eriǰü yadaǰu, dürberün geüd-iyen ülü saγan taɫbiγsad aǰuγu. Esüg oɫun yadaǰu, niken yeke bürietai taraγ tergen-eče ino abuγad ergüǰü ireba. J̌aγura odurun ba irerün ba güün-ne ese üǰegdebe: Tenggeri gü iheeba ǰe! Taraγ bürietu-i abčirat mün J̌elme öbesun gü usun eriǰü, abčiraǰu, taraγ ǰiγuraǰu χaan-a uγuɫba. Гurbanta amuǰu uǰu, χaγan ügülerün: «Dotora nidun mino geiba!» kemeged, öngdeiǰü saγutaɫa üdür geiǰü gegen boɫǰu üǰeesü, tere saγuγsan horčin J̌elme-in šimin šimin böglegseu čisun asχaγsan horčin namurχan boɫǰuu. Činggis-χaγan üǰeǰü ügülerün: «Ene yaγun boɫumu? χoɫo asχaasu yambar aǰuγu?» kemeba. Tendeče J̌elme ügülerün: «Čima-i yanduriγdarun χoɫo oduasu, čima-dača aɫǰiyaχui-ača ayuǰu yaγaraǰu ǰaɫgiχu-i ǰaɫgiγad asχaχu-i asχaγad anduriǰu kegeli-tür mino teki kedüi oroba!» kemeba. Činggis-χaγan basa ügülerün: «Nama-i eyimü boɫǰu kebten bögetele, ničügün yekin güyiǰü oroba či? Bariγdaasu, mama-i eyimü-i ülü-ü ǰiγaχu bülege či?» kemeba. J̌elme ügülerün: «Mino sedkil ničügün odurun kerber bariγdaasu: bi tan-tur oroχu duratu bülege; uχaǰu bariǰu aɫaya kemen χubčasun mino bügüde-i taɫǰu, γaγča emüdün taɫuγa-üdügüye mültüs aɫdaγuɫǰu, tan-tur edüi idüreǰü ireba bi! kemegü bülege. Nama-i ünen boɫγaǰu, χubčasun nada ögčü bülege. Bi Morin-unoγad üǰetele, edüi ǰaγura ülü-ü iregü bülege bi. Teyin sedkiǰü, χaan-o χangχaγsan sedkil erüssügai kemen, nidun-χara eyin sedkiǰü, oduɫuγa bi!» kemeba. Činggis-χaγan ügülerün: «Edöge yaγun kemegü? Erte üdür γurban Merkid ireǰü, Burχan-ni γurban-ta χučiγuɫχui-tur, amin mino niken-te abču γaruɫuγa či.

Edöge basa χaliǰu büküi čisun-i amar-ar šiminǰu, amin mino sengteleba či. Basa χangχaǰu yanturin büküi-tür, amin-niyen öreǰü, dayisun güün-tür nidun-χara oroǰu, umdan χangχaǰu, amin mino oroγulba či. Ede γurban tusas-i čino sedkil dotora mino atuγai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 146. Üdür gein baraasu, šitulduǰu χonoγsad čerig-üd süni böged butaraǰuui. Güregelegsed irgen küngken ülü čidaχun kemen, güregelegsed γaǰar-ača ese gödölǰüüi. Durbegsed ulus-i ičiγaya kemen, Činggis-χaγan χonoγsan γaǰar-ača morilaǰu, dürbekün irgen-i ičuγan yabuχui-tur, dabaγan degere niken hulaγan deeltü eme güün Temüǰin ǰe! kemen, yeke daγu-ar χailan uilan bayiχu-i Činggis-χaγan öbesun sonosču: yaγun güün-o eme teyin χailan buyu? kemen, asaγura güün ilebe. Tere güün odču asaγbasu, tere eme güün ügülerün: «Sorχan-Šira-in ökin bi, Xadaan neretai! Ere-i mino ende čerig-üd bariǰu alan biyu. Ere-yügen alaγdarun, Temüǰin-i ere-i mino aburatuγai kemen ungšiǰu χailaǰu uilaba bi!» kemeba. Tere güün ireǰü Činggis-χaan-a ene üge ügüleesü, Činggis-χaγan ene üge sonosuγad, χataraǰu gürčü, Činggis-χaγan Xadaan-tur baγuǰu teberildüba. Ere-i ino bidan-o čerig-üd urida alaǰuui. Tede irge ičuγaγad, Činggis-χaγan yeke čerig mün tende baγuǰu χonoba. Xadaan-i uriǰu iregülǰü, dergečen saγulba. Manaγarši üdür Sorχan-Šira J̌ebe χoyar, Tayičiud-un Tödöge-in haran aγsad, tede χoyar ber ireba gü. Činggis-χaγan Sorχan-Šira-i ügülerün:

«Güǰügün-deki
Kündü modun-i
Köser-e oouruγsan (oγuruγsan),
J̌aχa-daki
J̌arbiyal modun-i
J̌ailaγuluγsan ta!
Ečiges köüd-ün tusa
Aǰuγui ǰe ta!
Yekin udaba ta?»

kemeba. Sorχan-Šira ügülerün: «Bi dotora-an bölen idkel sedkiǰü bülegai. Yekin yaγaraχu bi? Yaγaraǰu urid ireesü, Tayičiud noyad mino χočoruγsan eme-köün, aduγun-idegen-i mino hünesü-er geisgekün tede kemeǰü, ülü yaγaran, edoge χaγan-dur-iyen neilen idüreǰü ireba ba!» kemeba. Kele-ben baraasu, ǰöb kemeba.

§ 147. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Köiten bayilduǰu iχuriχaldun ǰibšiyerülčen büküi-tür, tede niruγun degereče sumun ireǰü, mino ǰebelegü Aman-čaγan-γula-in aman-niruγu ino χuγus ken χarbulaγa, aγula dege-

reče?» kemeba. Tere üge-tür J̌ebe ügülerün: «Aγuła degereče bi χarbu-łaγa! Edöge χaan-a ükügüldeesü, hałaγan-o tedüi γaǰar högedčü χočorsu. Soyrχaγdaasu, χaan-o emüne

Čegel usun-i hoγtoru,
Čaogen čiłagun čaoru —
Dobtułǰu ögsü!
Gür! kemegsen γaǰar-a
Köke gürü kegürü,
Γar! kemegsen-tür
Xara gürü χamχaru —
Dobtułǰu ögsü!»

kemeba. Činggis-χaγan ügülerün: «Dayisun yabuγsan güün ałaγsan-iyen, dayisuraγsan-iyen beye-en niγuǰu, kele-ben bučaǰu ayu-yu? Ene bürün kemeesü — munda ałaγsan-iyen, dayisuraγsan-iyen ülü bučaǰu, munda ǰiγan biyu. Nököčeltü güün biyu! J̌irγoγadai neretü aǰuγu. Mün ǰebelegü Aman-čaγan-χuła-i mino aman niruγu χarbuγsan-o tuła, J̌ebe nereidčü ǰebeleye, ima-i!» kemen, J̌ebe nereidčü: «Dergede mino yabu!» kemen ǰarliγ bołba. J̌ebe Tayičiud-ača ireǰü nököčegsen yosun teyimü.

V

§ 148. Činggis-χaγan tende Tayičiud-i daγuliǰu, Tayičiutai yasutu güün-i Auču-Baatur, Xoton-Orčang, Xuduudar tan Tayičiud-i uruγ-un uruγ-a kürtele hünesü-er keisgen kiduba. Ułus irgen-i ino gödölgeǰü ireǰü, Činggis-χaγan Xubaχay-a übülǰeba.

§ 149. Ničügüd Baarin-n Širgüetü-ebügen, Ałaγ Nayaa köüd-lüge-ben, Tayičiud-un noyan Tarγutai-Kiriłtuγ hoiłaǰu büküi-i: «Öštü güün bülege!» kemen, moriłan ülü čidaχu tarγutai-i bariǰu, tergen-tür unoγułǰu, Širgüetü-ebügen, Ałaγ Nayaa köüd-lüge-ben, Tarγutai-Kiriłtuγ-i bariǰu ayisuχui-tur, Tarγutai-Kiriłtuγ-un köüd degü-ner ino buliǰu abuya kemen güyičeǰü ireǰüüi. Köüd degü-ner-i ino güyičeǰü ireküi-lüge, Širgüetü-ebügen bosun yadaχu Tarγutai-i tergen degere unoǰu, gedergü degere ino aγtałan saγuǰu, kituγai γarγaǰu, ügülerün: «Köün degü-ner čino čima-i buliǰu abura ireba. Čima-i χan-iyen γardaba kemen ese teki ałaasu, χan-iyen γardaba kemen ałaχu gü. Ałaasu teki mün gü ałaγdaχu gü bi! Mün ele ükükǘi-dür-iyen, dere abun üküsü!» kemeged, aγtałaǰu, yeke kituγai-iyar-an χoγo-łai ino χuγułara gürküi-tür, Tarγutai-Kiriłtuγ yeke daγu-ar degü-ner köüd-iyen χaiłaǰu kelelerün: «Širgüetü nama-i ałan biyu! Ałan baraasu, ükügsen amin-ügei beye mino abču odču yekigüǰei ta! Nama-i ałaγai-üdü-

güye öter χaritχun! Temüǰin nama-i ülü aɫaγu: Temüǰin-i üčügan čaγtur

Nidün-dür-iyen γal-tu,
Niγur-dur-iyen geriyetü

bülege kemen, eǰen ügei nuntuγ-tur χočorču amui kemen, abura odču abčiraju,

Surχaasu —
Surχu metü biyu kemen,
Sonin uriye daγaγan
Surχu metü,
Surγan süin yabuɫaγa,
Ükügülün kemeesü,
Ükügülün yadaχuyu bülege bi!
Edöge oi ino
Oroǰu amu!
Sedkil ino
Sengteleǰü amu!

kemegdemüi. Temüǰin nama-i ülü ükügülgü. Ta, köüd degü-ner mino, öter χaritχun! Širgüetü nama-i aɫaǰu iregüǰei!» kemen, yeke daγu-ar χaiɫaba. Köüd degü-ner ino ügüleldürün: «Ečige-in amin ino aburaya kemen ireba bida. Širgüetü amin ino ükügülün baraasu, χoγosun amin-ügei beye ino yekikün bida? Munda aɫaγai-üdügüye öter χariya!» kemeldüǰü χariba. Teden-i ileküi-tür, Aɫaγ Nayaa tan, Širgüetü-ebügen-ö köüd ino, heilügsed ireba. Teden-i iregülüged gödölǰü ayisurun, ǰaγura Xutuχul-noγud-a gürüesü, tende Nayaa ügülerün: «Bida ene Tarγutai-i bariǰu gürüesü, Činggis-χaγan bidan-i tus χan-iyen γardaǰu ireǰüüi, kemen, Činggis-χaγan bidan-i tus χan-iyen γardaǰu iregsed yaγun itegelten haran ede? Bidan-tur basa ker nököčekün? Nököčel ügegün haran! Tus χan-iyen γardaγsad haran-mökörigüldekün-üü? Bida munda Tarγutai-i endeče taɫbiǰu ileǰü, bida beyes iyen Činggis-χaγan-a güčü ögüra ireba ba! kemeǰü oduya! Tarγutai-i bariǰu ayisuɫaγai. Tus χan-iyen tebčin yadaǰu üǰeged, ker ükügülkün? kemeǰü taɫbiǰu ileǰü, ba büširen güčü ögsü kemen ireba ba kemeye!» kemeba. Nayaa-in ene üge ečiges köüd ǰöbšiyeldüǰü, Tarγutai-Kiriɫtuγ-i Xuduχuɫ-noγud-ača taɫbiǰu ileǰü, müd Širgüetü-ebügen, Aɫaγ Nayaa köüd-lüge-ben, ireesü, «Yekin ireǰü?» kemeba. Širgüetü-elügen Činggis-χaγan-a ügülerün: «Tarγutai-Kiriɫtuγ-i bariǰu ayisurun, ǰiči tus χan-iyen üǰeged ker ükügülküi kemeǰü, tebčin yadaǰu taɫbiǰu ileǰü, Činggis-χaγan-a güčü ögsü

kemen ireba!» kemeba. Tegün-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Xan-iyen Tarγutai-i γardaǰu iregsed bögesü, tus χan-iyen γardaγsad haran-i tan-i uruγ-iyer mököriüldekün bülege ta. Tus χan-iyen tebčin yadagsan sedkil tano ǰöb bi!» kemen Naγaa-i soyurχaba.

§ 150. Tegün-ö χoina Činggis-χaγan-tur Kereid-ün J̌aχa-Gambu Tersüd-te büküi-tür nököčere ireba. Tere iregsen-tür Merkid χadχuł-dura ireesü, Činggis-χaγan J̌aχa-Gambu kiged χadχułduǰu ičuγaba. Tende Tümen-Tübegan Olon-Dungχaid butaraγsan Kereid irgen ber Cinggis-χaγan-tur oroǰu iregülegai. Kereid-ün Ong-χan bürün, urida Yesügai-χaan-o čaγ-tur sayi bar el ałduγsan-tur, Yesügai-χan-łuγa anda kemeldüggsen aǰuγu. Anda kemeldüküi yosun ino. Ongχan ečige-yügen Xurčaχus-Buyiruγ-χan-o degü-ner-iyen ałaχu-in tuła, Gür-χan abaγa-łuγa-ban bułχa bołułčaǰu, Xaraun-χabčał širγuγułdaǰu, ǰaγun güün γarču, Yesügai-χan-tur ireesü, Yesügai-χan ima-i öber-düriyen iregdeǰü öbesün čerig moriłaǰu, Gür-χan-i Xašin hüldeǰü irge orγa ino Ong-χan-na abču ögügsen-ö tuła, anda bołułčaχu tede.

§ 151. Tegün-o χoina Ong-χan-no degü Erke-χara, Ongχan-aχa-daγan ałaγdarun, buruγudču odču, Naiman-o Inanča-χan-tur oroǰuui. Inanča-χan čerigüd ileǰü, ǰiči Ongχan, γurban bałaγad bitün yorčiǰu, Xara-Kitad-un Gür-χan-tur oduγsan aǰuγu. Tendeče bułχa bołun Uyiγud-un Tangγud-un bałaγad daγariγad, tabun imaγad širgügeleǰü saγałduǰu, temegen-ö čisun χanaǰu ideged, yadaǰu Güsegür-naγur-a ireesü, Činggis-χaγan uridu Yesügai-χan-łuγa anda kemeldügsen yosuγar Taχai-Baatur Sükegai-ǰeün χoyar-i elči ileged, Kelüren-ö terigün-eče Činggis-χaγan öbesün esergü odču, ölesču turuǰu ireba kemen, Ong-χan-a χubčir-i χubčiǰu ögčü, güreyen dotora oroγułǰu teǰigebe. Tere ebül ǰerge-er nöügüǰü Činggis-χaγan Xubaχaya-i übülǰeba.

§ 152. Tende Ong-χan-no degü-ner, noyad kiged ügüleldürün: «Ene χan aχa bidan-o

Ügegü aburitu
Hümegai helige
Ebüridčü yabuγu!

Aχa degü-i baraba. Xara-Kitad-tur ba oroba gü. Ułus ba ǰobaγamu. Edöge egün-i ker kikün bida? Erte üdür kemebesü, dołoγan nasutu-i Mirkid irgen daγuliǰu odču, χara ałaγ ešige daχu emüsgeǰü, Selengge-in Buura-keere Merkid-ün aur nödüba gü. Xurčaχus-Buyiruγ-χan ečige ino ǰiči Merkid irgen χaułǰu, köü-ben tende aburaǰu ireesü, basa Tatar-un Aǰai-χan harban γurban nasutu-i eke selte basa daγuliǰu odču, temeged-iyen adułaγułun

yabuχuitur, J̌ai-χan-o χoniči abuγad, horγuǰu ireba ǰe. Basa tegün-ö χoina Naiman-ača ayuǰu burnγudču, Sartaγuł-un γaǰar-a Čui-müren-e Xara-Kitad-un Gür-χan-tur odba ǰe. Tende niken hon ülü daγusun, ǰiči dayiǰin ǰödölǰü Uyiγud-un Tangγud-un γaǰar-iyar bitüǰü yaburun yadaǰu, tabun imaγad širgügelǰü saγaǰu, temegen-ö čisun χanaǰu ideǰü, γaγča soχor χari-un (coχor-χaliγun) moritu yadaǰu, Temüǰin köün-tür ireesü, χubčir-i χubčiǰu teǰigebe ǰe. Edöge Temüǰin köün-tür teyin yabuγsan-iyen umartaǰu, hümegai helige ebüridčü yabumu. Ker kikün bida? kemeldüba. Teyin ügüleldügsen üges-i Ałtun-Ašuγ Ongχan-a aiładχaǰuu. Ałtun-Ašuγ ügülerün: Biber ene eye tür orołdułaγa gü. J̌iči χan-iyen čima-i tebčin yadaba kemeǰü, tende Ongχan eyin ügüleldügsed Elhütür Xułbari Arin-tayiǰi tan degü-neriyen, noyad-ıyen bariγułǰuui. Degü-ner-eče J̌aχa-Gambu buruγudču, Naiman-tur oroǰuu. Teden-i bariyas selte ger-tür oroγułǰu, Ongχan ügülerün: «Bida Uyiγud-un Tangγud-un γaǰar-iyar ayisuχui-tur yaγu kemeldülegai? Tano metü yaγu sedkigü bi?» kemeged, niγur-tur ano niłbuǰu, bariyes ano tałbiγułba. Xan-a ele niłbuγdaǰu, ger-tür bükün haran bügudeger bosču niłbuǰuui.

§ 153. Tere übül übülǰeǰü, Noχai ǰił namur ino, Činggis-χaγan Čaγan-Tatar, Ałči-Tatar, Dutaud, Ałuχai-Tatar tede Tatar-tu Dałan-nemürges bayiłduǰu χadχułduχui-in urida Činggis-χaγan ǰasaγ ügüleldürün: «Dayisun güü daruasu, ołǰa-tur bu bayiya: darun baraasu tere ołǰa bidanoai biǰe—χubiyałdut bida. Nökör güün-e ičuγaγdaasu, türün-ö dobtułuγsan γaǰar-dur-iyen ekeerüya. Türün-ö dobtułγan-tur ese ekeerügsen güün-i mökörigülüya!» kemen ǰasaγłałduba. Dałan-nemürges χadχułduǰu Tatar-i gödölgeba. Daruǰu Ułχui-šilügelǰid-te ułus-tur ano neilegülǰü daγuliba. Čaγan-Tatar, Ałči-Tatar, Dutaud-Tatar, Ałuχai-Tatar erkid irge tende muχudχaǰu, ǰasaγ ügüleldügsen üges-tür Ałtan, Xučar, Daritai γurban, üges-tür ülü gürün, ołǰa-tur bayiǰuui. Üges-tür ese gürbe! kemen, J̌ebe Xubiłai χoyar-i ileǰü, ołǰałaγsad aduγun yauke abuγsad-i bügüde-i abχaγułba.

§ 154. Tatar-i muχudχaǰu daγulin baraǰu, ułus irgen ano ker kikün? kemen, Činggis-χaγan Yeke Eye uruγ-iyar-iyen γaγča ger-tür oroǰu eyetüldüba. Eyetüldürün:

«Erde üdür-eče Tatar irgen
ebüges ečiges-i baraγsan bülege.
Ebüges ečiges-ün
ösül ösüǰü,
kisal kisaǰu

čiüntür üliǰü
kidułu aǰaǰu ögüya!
Ülidtele kiduya!
Hülegsed-i boγoliduya,
J̌üg-ǰüg χubiyałduya!»

kemen eye barałduǰu, ger-teče γaruasu, Tatar-un Yeke-Čeren Belgütai-eče: Yambar eye eyetüldüba? kemen asaγǰuu. Belgütai ügülerün: «Tani bügüde-i čiün-tür üliǰü kiduya, kemeldüba!» kemeǰüü. Belgütai-in ene üge-tür Yeke-Čeren Tatar-dur-iyen tungχaγ tałbiǰu χorγaγłaǰuu. Xorγaγsad Tatar-tur bidan-o čerig-üd egerekün bołun maši samšiǰuu. Xorγałaγsad Tatar-i ǰoboǰu oroγułǰu, ülüdken čiün-tür üliǰü kiduχui-tur, Tatar ügüleldürün: «Güün tutum χančun-dur-iyen kituγai χančułaǰu dere abun üküya!» kemelдüǰü, basa maši gü samšiǰuu. Tedüi Tatar-i čiün-tür üliǰü kidun baraǰu, Čingggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Bida uruγ-iyar-iyen Yeke Eye barałduγsan-i Belgütai-in ǰaγaχu-in tuła, bidan-o čerig-üd maši samšiyaba. Egün-ö χoina Yeke-Eye-tür Belgütai bu orotuγai: Eye baratała γadana bükün-i ǰasatuγai. J̌asaγad, keregül-i, χułaγai, χudał üyileten-i ǰarγułatuγai. Eye baraasu, ötög uγsan-o χoina, Belgütai, Daaritai χoyar tende orotuγai!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 155. Tende Tatar-un Yeke-Čeren-ö ökin Yesügan-χatun-i Čingggis-χaγan tende abuba. Taγałaγdarun, Yesügan-χatun ügülerün: «Xaγan soyurχaasu nama-i (χan) güün-e bododa bołγaǰu asaramu. Nadača egeči Yesüi neretai nadača degere. Xan güün-e ǰokiχui aǰiai ǰe. Sai güregan güregelen büligi. Edöge maγa ene bodułγan-tur χaaγši yorčibai?» kemebai. Ene üge-tür Čingggis-χaγan ügülerün: «Egeči čino sayin bügsen bögesü, erigülüya. Egeči-en ireesü ǰayiłaǰu öggüyü či?» kemeba. Yesügan-χatun ögülerün: «Xaγan soyurχaasu, egeči-en ele üǰeesü, egeči-degen ǰayiłasu!» kemeba. Ene üge-tür Čingggis-χaγan ǰarliγ tungχaγaǰu erigülüesü, ögdegsen güregan-lüge χamtu hoiłaǰu yabuχu-i bidan-o čerig-üd ǰołγaǰuui. Ere ino tudaγaǰuu. Yesüi-χatun-i tende abčiraba. Yesügan-χadun egeči-en üǰeged, urida ügülegsen üge-tür gürün bosču, saγuγsan saγurin-dur-iyen saγułǰu, mün öbesün doro saγubai. Yesügan-χatun-o üge-tür adali bołdaǰu, Čingggis-χaγan oin-dur-iyen oroγułǰu, Yesüi χatu-ni abču, ǰerge-tür saγułba.

§ 156. Tatar irgen-i daγulin baraǰu, niken üdür Čingggis-χaγan γada saγuǰu umdałałdurun, Yesüi-χadun, Yesügan-χadun ǰirin-o dumda saγuǰu umdałałdun bükü-tür, Yesüi-χadun yekede segürelbi. Tende Čingggis-χaγan dotora-an sedkiǰü, Boorču Muχali tan noyad-i uriǰu iregülǰü ügülerün: «Ta ede ele čiγuluγsad haran bügüdeer ayimaγ ayimaγ bayitχun! Öber-eče busu

ayimaγ-un güün-i öbere böldeidketkün!» kemen ǰarliγ bołba. Tedüi ayimaγ ayimaγ-iyar-iyen bayiasu, niken ǰałaγui sayin gürümele güün ayimaγ-udača öbere bayiba. «Či yaγun güün bi?» kemebesu, tere güün ügülerün: «Tatar-un Yeke-Čeren-ö Yesüi neretai ökin ökdegsen güregan güün bülege bi. Dayisun-a daγuliγdarun, ayuǰu buruγudču yabuǰu, edöge amurliba ǰe kemen ireǰü, ołon haran dotora yaγu taniγdaχu kemeǰü yabułaγa!» kemeba. Ene üge-i Činggis-χaan-a öčiesü, ǰarliγ bołurun: «Mün-gü dayisu sedkiǰü, ʼoorčaγ bołǰu yabuǰuu. Edöge yaγu görüre ireǰüü. Ino metüs-i čiün-tür üliba. Yaγu saγaramui? Nidün-ö ečine getkün!» kemeba. Tedüi-gü mököriülba.

§ 157. Mün Noχai ǰil Činggis-χaγan-ni Tatar irgen-tür moriłaγsantur, Ongχan Merkid irgen-tür moriłaǰu, Toγtoγa-beki-i Barγuǰin-töküm ǰüg hüldeǰü, Toγtoγa-in yeke köün Tögüs-beki-i ałaǰu, Toγtoγa-in Xutuγtai Čaarun ǰirin ökid ino χatud ino abču, Xutu Čiłaγun χoyar köüd-i ino irge selte daγuliǰu, Činggis-χaγan-a yaγu ber ese ögba.

§ 158. Tegün-ö χoina Činggis-χaγan Ongχan χoyar Naiman-o Güčügüdün-Buyiruγ-χan-tur moriłaǰu, Ułuγ-taγ-un Soχoγ-usun-a büküi-tür gürčü, Buyiruγ-χan bayiłdun yadaǰu Ałtai daban gödölba. Soχoγ-usun-ača Buyiruγ-χan-ni nekeǰü, Ałtai dabaγułun, Xumšigir-un Ürünggü huruγu hüldeǰü yabuχui-tur, Yedi-Tubłuγ neretü noyan ino χarauł yabuǰu, bidan-o χarauł-a hüldegdeǰü, aγuła ögede tudaγaχu bołun, ołang-niyen tasuraγdaǰu, tende bariγdałuγa. Ürunggü huruγu hüldeged, Kišił-baši-naγur-a güyičeǰü, Buyiruγ-χan-ni tende muχudχaba.

§ 159. Tendeče Činggis-χaγan Ongχan χoyar χariǰu ayisuχui-tur, Naiman-o χadχułduγči Kögseü-Sabraγ Baidaraγ-belčir-e čerig ǰasaǰu, χadχułduχu bołun aǰuγu. Činggis-χaγan Ongχan χoyar χadχułduya kemen, čerig ǰasaǰu, gürčü ǰiłda bołdaǰu, manaγaru χadχułduya kemen ǰergeer χonoba. Tende Ongχan bayidał-dur-iyen γał-noγud tüleǰülǰü, süni böged, χara-segül ögede gödölǰüüi.

§ 160. Tende J̌amuχa Ongχan-łuγa χamtu gödölülčeǰü yaburun, Ongχan-a J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin, anda mino, urida-ča Naiman-tur elčitü bülege. Edöge ese ireba. Xan, χan!

Aχu χayiruχana —
Bi biyu ǰe!
Aǰiraχu bilduur —
Anda mino biyu!

«Naiman-tur odčuuiǰe: oroχu bołun χočorba!» kemeǰüüi. J̌amuχa-in tere üge-tür Ubčiγtai-Gürin-Baatur ügülerün: «J̌usuridču yekin teyin šiliγun aχa degü-yügen ułkin ǰingkün ügüleyü?» kemeba.

§ 161. Činggis-χaγan süni mün tende χonoǰu, χadχulduya kemen, manaγar erde üdür geigülün, Ongχan-o bayidal-tur üǰeesü, ügei bolдaǰu: «Ede-či bidan-i tülešilen aǰuγu!» kemeged, tendeče Činggis-χaγan gödölǰü, Eder-Altai-in belčir-iyer ketülǰü, tere gödölügseger gödölǰü, Saari-keger baγuba. Tendeče Činggis-χaγan Xasar χoyar Naiman-o tubuud-i uχaǰu, haran-a ese toγolai.

§ 162. Kögseü-Sabraγ Ongχan-o χoinača nekeǰü, Sanggüm-ün eme-köüd, irge-orγa selte daγuliǰu abču, Ong-χan-o, Tergetü-amasar-a bükün, ǰarimud irge aduγun idege daγuliǰu abuγad, χariǰuui. Tere soor-tur Merkid-ün Toγtoγa-in Xutu Čilaγun χoyar köüd tende bürün, irge-ben abuγad χaγačaǰu ečige-dür-iyen neilen Selengge huruγu gödölǰüüi.

§ 163. Kögseü-Sabraγ-a daγuliγdaǰu, Ongχan Činggis-χaγan-tur elči ileǰüüi. Elči ilerün: «Naiman-a irge-orγo-ban eme-köü-ben daγuliγdaba bi. Köün-neče-en dörben külüg-üd-i čino γuyuǰu ileba bi. Irge-orγo mino aburaǰu ögtügai!» kemeǰü ileǰüüi. Činggis-χaγan tende Boorču, Muχali, Boroχul, Čilaun-Baatur-ede dörben külüg-üd-i gürküi-in urida, Hulaγan-χud-ta Sanggüm bayilduχu bolun, morinoan γuya χaγdaǰu abdaχu bolǰu büküi-tür, ede dörben külüg-üd gürčü aburaγad, irge-orγa eme-köü bügüde-i aburaǰu ögba. Tende Ongχan ügülerün: «Erde sayin ečige-de ino ene metü odun baraγsan ulus-iyen aburaǰu ögtelege. Edöge basa köünö-en odun baraγsan ulus-i mino, dörben külüg-üd-iyen ileǰü, aburaǰu ögteba. Hači χariγulχu-i Tenggeri γaǰar-un iheel medetügai!» kemeba.

§ 164. Basa Ongχan ügülerün: «Yesügai-Baatur, anda mino, odun baraγsan ulus mino nikente aburaǰu ögba. Temüǰin köün basa oduγsan ulus mino aburaǰu ögba. Ede ečige köün χoyar odun baraγsan ulus nada χuriyaǰu ögürün, ken-ö emüne χuriyaǰu ögün ǰobomui? Bi ber edöge ötölba. Nama-i ötölǰü ündüd-te γaruasu χaγučidba. Bi χaγučidču χaldud-ta γaruasu, χamuγ ulus ken medegü? Degü-ner mino aburi ügeigün bi. Γaγča köün mino ügei metü Sanggüm γaγča biyu. Temüǰin köün-i Sanggüm-ün aχa bolγaǰu, χoyar köütü bolǰu, amusuγai!» kemeǰü, Činggis-χaγan-luγa Ongχan Tuula-in χara-tün-na χuriǰu, ečige köü kemeldüba. Ečige köün kemeldüküi yosun. Urida erte üdür Yesügai-χan ečige-lüge Ongχan anda kemeldügsen yosuγar ečige metü kemeǰü ečige köün kemeldüküi yosun teyimü. Üge ügüleldürün:

«Olon dayisun-tur haulurun,
Xamtu niken-e hauluya;
Oroa göregesün-tur abalarun,
Niken-e gü χamtu abalaya!»

kemeldübe. Basa Činggis-χaγan Ongχan χoyar ügüleldürün: «Bida χoyar-i nayidaǰu,

Sudutu moγay-a
Südürteesü,
Südürgen-tür bu oroya,
Sudu-er ama-ar ügüleldüǰü büšireya!
Araγatu moγaya
Adardaasu,
Adarγan-i ino bu abułčaya,
Ama-ar kele-er ołołčaǰu büšireya!»

kemen, teyin üge barałdaǰu amaaralin ałduba.

§ 165. Amaraγ degere dabχur amaraγ bołuya kemen, Činggis-χaγan sedkiǰü, Joči-de Sanggüm-ün doyi Čaur-beki-i γuyirun, Sanggüm-ün köün Tusaχa-da bidan-o Xoǰin-beki-i arałǰin ögüya kemen γuyiasu, tende Sanggüm öber-iyen yekeǰilen sedkiǰü ügülerün: «Bidan-o uruγ an-dur oduasu. ałaun-a bayiǰu, egenegče χoimar χaraǰu aǰuγu. Ano uruγ bidan-tur ireesü, χoimar-a saγuǰu, ałaun-a χaran aǰuγu!» kemen öber-iyen yekeǰilen sedkiǰü, bidan-i doromǰiłan ügüleǰü, Čaur-beki-i ülü ögün ese taγałaǰuui. Tere üge-tür Činggis-χaγan dotora-an Ongχan Niłχa-Sanggüm χoyar-tur dura χočorčuu.

§ 166. Teyin dura χočoruγsan-i Jamuχa uχaǰu, Γaχai ǰił χabur, Jamuχa, Ałtan, Xučar, Xardakidai Nöbükin Sügeetai, Toorił, Xačiun-beki, tede bołun niken eye ten bołǰu, nögügüǰü odču, Ješeer-ündür-ün gerü-de, berke eled-te, Niłχa-Sanggüm-tür odču, Jamuχa ułgin ügülerün: «Temüǰin anda mino Naiman-o Tayan-χan-tur keletü elčitü buyu!

Aman ino
Ečige köü kemeǰü amu.
Aburi ino
Öbere biyu!

Itegeǰü-ü amui ta? Ese nengdeesü, tan-a yaγu bołχu? Temüǰin anda-tur moriłaasu, bi küdelen-eče orołdusu!» kemeǰügüi. Ałtan Xučar χoyar ügülerün: «Ba Höelün-eke-in köün-i

Aχa-i —
Ałaǰu,
Degü-i —
Tebčiǰü

ögsügai!» kemejüüi, Ebügejin Noyakin γartaγad ügülerün:

«Γar ino
Γardaju,
Köl ino
Köldejü

ögsügai!» kemejügüi. Tooril ügülerün: «Arγača odču, Temüjin-i ulus ino abuya! Ulus-iyen abdaasu, ulus ügeigü boluasu, yekikün tede?» kemejüüi. Xačiun-beki ügülerün: «Nilχa-Sanggüm köün, čima-i yaγu sedkiesü,

Urtu-in —
Üjügür-e,
Gün-o —
Hiraγur-a

gürülčesü!» kemejü;

§ 167. Ede üges ügülegdejü, Nilχa-Sanggüm ečige-dür-iyen Ongχan-tur tedeger üges Sayiχan-Tödeen-iyer ügülejü ilejüüi. Edeger üges ügülegdejü, Ongχan ügülerün: «Köün-i mino Temüjin-tür yekin teyin sedkin biyu ta? Ejiye turuγ ima-ar-i bolju böged, edöge köün-tür mino teyin maγui sedkiesü, Tenggeri-de ülü taγalaγdaχun bida. Jamuχa yabudaγ keletü bülege. Jöb-ü töb-ü ügülen biyu?» kemen ese taγalaju ilejüüi. Basa Sanggüm ügülejü ilerun: «Amatu keletü güün ügülen bögetele, yekin ülü büširegdegü?» kemen jiči-γuči ügülejü ileged, yadaju öbesün beyen gedün odču ügülerün: «Bel (bol), čima-i edüi büküi čaγ-tur, bidan-i yaγuna ber ülü bolγan biyu. Ünen-ber χan ečige-en čima-i

Čaγaγan-a sačaasu,
Xara-da χaraasu,

Xurčaχus-Buyiruγ χan ečige-in čino joban edüi χuriyaju aγsan ulus-i čino mana-u medegülgü, kene-ber yekin medegülgü?» kemejüüi. Tere üge-tür Ongχan ügülerün: «Čaχa-yan, köü-ben ker tebčigü? Ejiye turuγ imaari bolju, maγui sedkiesü jokiχu-yu? Tenggeri-de ülü taγalaγdaχun bida!» kemejüüi. Tere üge-tür köün ino Nilχa-Sanggüm maγuilaju, egüden oγorču γarčuu. Jiči köün-ö-en Sanggüm-un duran χairalaju, uriju iregüljü, Ongχan ügülerün: «Tenggeri-de maγa taγalaγdaχun-o bida! Köün-i ker tebčisü kememüi! Ta čidan ele üyiledütkün, ta medetkün!» kemejüüi.

§ 168. Tendeče Sanggüm ügülerün: Müd-lu bidan-o Čaur-beki-i γuyun bülege. Edöge buuljar idere iretkün kemen, üdür boljaju iregüljü, tende bariya kemeldüjü je kemen, eye baralduju, Čaur-bekii ögüya, büljar idere

iretkün! kemen ilebe. Uriγdaǰu Činggis-χaγan harban haran ayisurun, ǰaγura Münglig-ečige-in ger-tür χonoasu, tende Münglig-ečige ügülerün: Čaur-beki-i γuyuasu, müd-łu bidan-i doromǰiłaǰu ülü ögün bülege. Edöge ker buruγuy-a buułǰar idere uriǰuu? Öed-iyen yekeǰilekün haran buruγuy-a yekin ögsü kemen uriχun bülegai? J̌öb-ü sedkil bi? Köün uχaǰu otdaχu χabur bołba, aduγun bidan-o turuχad bi, aduγu-ban teǰigeye, kemen šiłdaǰu ileye! kemeǰü ülü odun, Buχatai Kiratai χoyar-i buułǰar idetkün, kemeǰü ileǰü, Činggir-χaγan Münglig-ečige-in ger-teče χariba. Buχatai Kiratai χoyar-i gürküi lüge: «Seregdeba bida: manaγar erte bučiǰu bariya!» kemeldüba.

§ 169. Teyin bučiǰu bariya kemen üge barałduγsan-i Ałtan-o degü Yeke-Čeren, ger-dür-iyen ireǰü, ügülerün: «Manaγar erde Temuǰin-i bariya kemeldüba! Ene üge-i Tnmüǰin-e kelen gürgen odχu güün-i yambar-ele bołγaγdayu? kemeǰüüi. «Teyin ügüleküi-tür eme ino Ałaγčit ügülerün: «Tere deleme üge čino yaγun bołumui? Haran ba ünenmıgeüǰei!» kemeǰüüi. Teyin keleleküi-tür, aduγuči ino Badai šün gürgere ireǰü, ene üge-i sonosču χariba. Badai yorčiǰu nökör aduγuči Kišliγ-a Čeren-ö ügülegsen üges ügüleǰüü. Kišliγ ügülerün: «Bi basa odču uχasuγai» kemeǰü, ger-tür odčuui. Čeren-ö köün Narin-Keen γada saγuǰu, sumud-iyen hürün saγuǰu, ügülerün: «Tuγar bida yaγu kemeldülegai? Kele-ben abdaχun ken-ö ama idχaχun?» kemeǰüüi. Teyin kemeged, Narin-Keen basa aduči-daγan Kišiliγ-a ügülerün: «Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar-i bariǰu ačira! Huyaǰu, süni erte moriłaχu!» kemeǰüüi. Kišiliγ yorčiǰu, Baday-a ügülerün: «Tuγar-un kelen čino bołγaγaba, maγad bołba! Edöge bida χoyar Temüǰin-e kelen gürgen yorčiya!» kemen üge barałdaǰu, Merkidai Čaγaγan keger χoyari bariǰu ireǰü, huyaǰu, üdeši böged χoš-dur-iyen niken χuriγaban ałaǰu, iseri-iyer-en bołγaǰu, Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar belen huyaγsad-i unoǰu, sünide yorčiǰu, Činggis-χaγan-tur süni gürčü, ger-ün ümer-eče Badai Kišiliγ χoyar ügülerün, Yeke-Čeren-ö ügülegsen üges, köün-i ino Narin-Keen-no sumud-iyen hürün saγuǰu ügülegsen-i, Merkidai Čaγaγan-aman, Čaγaγan-keger χoyar aγtas bariǰu huya kemegsen üges bügüde-i ügüleǰü ögba. Basa Badai Kišiliγ χoyar ügülerün: «Činggis-χaan-i soyurχaasu, ariγał ügei bi: bučiǰu bariya kemen üge barałduba!» kemeba.

VI

§ 170. Teyin ügülegdeǰü, Činggis-χaγan Badai Kišiliγ-un üges büšireǰü, süni böged dergedegün bükün itegelten-e kelen kiged, könggelen yauke ben geged, buruiłan süni böged gödölba. Mao-ündür-ün gerü-er gödölürün, Mao-ündür-ün gerü-de Uriyangχadai J̌elme-γoa-i itegeǰü

χoina-an čaγduγułsun bołγan, χaraułsun tałbiǰu gödölǰu, tere gödölügseger, manaγarši üdür düli naran kelberigülün, Xara-χałǰid elet gürčü, üdelin baγuba. Üdelidčü büküi-tür, Ałčidai-in aγtas aduγułaγułsun Čigidai-Yadir, ǰüile-ǰüile noγoγan-tur aγtas-iyen aduγułan yabuχui-tur, χoinača, Mao-ündür-ün ebür-iyer, Hułaγan-burχad daγarin ayisuχui dayin-o toγosun-i üǰeǰü, dayin gürba kemeǰü, aγtas-iyen hüldeged ireǰü, dayin gürba kemegdeǰü — Mao-ündür-ün ebür-iyer, Hułaγan-burχad daγarin, toγosun γarγaǰu, Ongχan tere nekeǰü ayisun aǰuγui kemeǰü, tendeče Činggis-χaγan toγosun üǰeged, aγtas-iyen bariγułuγad ačaγałaǰu moriłaba. Tedüi ese üǰeesü, genet bülegai. Tere ayisuχui-tur, Jamuχa Ongχan-łuγa χamtu ayisułčaǰu ayisun aǰuγui. Tende Ongχan Jamuχ-ača asaγčuu: «Temüǰin köün-tür χadχułduχun metüs ked bi?» kemen asaγčuu. Jamuχa ügülerün: «Tende Uruud, Mangχud kemen irgen ino bi. Tede irgen χadχułdumui ǰe!

Toγoriχui tutum —
Toi ǰokiyu;
Derelegü gü tutum —
Dem ǰokiyu!
Üčügen-eče
Üldü ǰida-tur
Daduγsan irgen tede;
Xaraγčiud-ałaγčiud tuγtan bi tede;
Serelten irgen bi ǰe!»

kemeǰuui. Tere üge-tür Ongχan ügülerün: «Teyin bögesü, bida teden-tür Jirgin baγatud-iyen Xadagi tušiyałdun, Jirgin baγatud-iyen dobtułγaya! Jirgin-ö geǰige Tümen-Tübegenö Ačiγ-Sirun-i dobtułγaya! Töbegen-i geǰige Ołon-Dungχaid baγatud-i dobtułγaya! Dungχaid-un geǰige Ongχan-o mingγan turχaud-i uduridun Xori-Šilemün-tayiǰi dobtułtuγai! Mingγan turχaud-un geǰige bida, Yeke γoł, dobtułai ǰe!» kemeǰüüi. Basa Ongχan ügülerün: «Jamuχa degü! Bidan-o čerig či ǰasa!» kemeǰüüi. Tere öge-tür Jamuχa öre böldeidčü γarču, nököd-iyen ügülerün: «Ongχan ene čerig-iyen nama-i ǰasa kememü! Anda-tur bi χadχułdun yadan yabułuγa, ene čerig nama-i ǰasa kememüi. Ongχan dület nadača činaru aǰuγu! Čaγtu nökör biyu. Anda-tur kele oroγułuγa, anda χadaγučituγai!» kemeǰü, Jamuχa dołoun Činggis-χaγan-tur kele oroγułǰu ügüleǰü ilerün: «Ongaχan nadača asaγba, Temüǰin köün-tür χadχułduχun metüs ked bi? kemen asaγuasu, bi ügülerün: Uruud, Mangχud-i tumbułan ügüleba bi. Mino üge-tür mud Jirgin-iyen tumbułaǰu mangłayiłan ǰasałduba. Jirgin-ö geǰige Tümen-Tübegenö Ačiγ-Širun-i kemeldübe. Dungχaid-un geǰige Ongχan-no mingγan turχaud-un noyan χori-

Šilemün tayiǰi-i kemeldübe. Tegün-ö geǰige Ong-χan-no Yeke γoł čerig-iyer bayisu kemeldübe. Basa Ongχan ügülerün: J̌amuχa degü! Ene čerig či jasa! kemen nama-i tüšin ügulemüi. Egüber uχaasu, čaγtu nökör biyu! Čerig-iyen ǰasałdun yaγu čidaχun? Erde bi anda-tur χadχułdun yadaǰu yabułuγa. Ongχan nadača činaru aǰuγu! Anda, bu ayu, χadaγuǰi!» kemeǰü ileǰügü.

§ 171. Ene kele iregülüged Činggis-χaγan ügülerün: «Uruud-un J̌ürčedai ebin, či yaγu kememü? Čima-i mangłayıłaya!» kemeba. J̌ürčedai-i dungγodχu-in urida Mangχud-un Xuyiłdar-Sečen ügülerün: «Anda-in emüne bi χadχułdusu! Mona-χoina önečid köüd-i mino asaraχu-i anda medetügai!» kemeba. J̌ürčedai ügülerün: «Činggis-χaan-o emüne ba Uruud Mangχud mangłayiłan χadχułdusu!» kemeǰüüi. Teyin kemeged, J̌ürčedai Xuyiłdar χoyar Uruud Mangχud-iyar-iyen Činggis-χaan-o emüne ǰasaǰu bayiba. Bayiχui-łuγa, dayin J̌irgin-i mangłayiłaǰu gürčü ireba. Ireküi-lüge Uruud, Mangχud esergü dobtulǰu J̌irgin-i daruba. Daruǰu ayisuχui-tur, Tümen-Tübegen-ö Ačiγ-Šırun dobtułba. Dobtułǰu Ačiγ-Širun Xuyiłdari χadχuǰu bayułǰuu. Mangχud Xuyildar-un degere ekeerčüüi. J̌ürčedai Uruud-iyer-iyen dobtułǰu, Tümen-Tübegen-i daruba. Daruǰu gödölgeǰü ayisuχui-tur, Ölon-Dungχaid esergu dobłułba. J̌ürčedai basa Dungχaid-i daruba. Daruǰu ayisuχui-tur Xori-Šilemün-tayiǰi mingγan turχaud-iyar dobtułba. J̌ürčedai basa Xori-Šilemün-tayiǰi-i ičuγaǰu daruǰu ayisuχui-tur, Ongχan-nača eye ügeigü Sanggum-esergü dobtułχu bołun, enggesge χačar-iyen χaγdaǰu Sanggüm mün tende unaǰuu. Sanggüm-i unaγdaǰu Kereid bügüdeger Sanggüm-ün degere ekeerčü bayiba. Ani daruǰu, šinggeküi naran χuburi degere tašin büküi-tür, bidanoai ekeerčü Xuyiłdar-i unaγsan yaratu-i abuγad χariǰu, Činggis-χaγan bida-noai Ongχan-nača χadχułduγsan χaǰar-ača χaγačaǰu üdeši-de gödölǰü χaγačan χonoba.

§ 172. Bayiǰu χonoǰu, üdür geigülün bügüdkeesü, Ögödai, Boroχuł, Boorču γurban ügei aǰuüu. Činggis-χaγan ügülerün: Öγodai-lüge itegelten Boorču, Boroχul χoyar χočorčuu. Aǰu ber, üküǰü ber — yaγu χaγačaχun tede?» kemeba. Bidanoai süni-de aγtas-iyen bariǰu χonoǰu, Činggis-χaγan ügülerün: «Xoinača badan-o nekeǰü, χadχułduya!» kemen ǰasaǰu bayiba. Üdür gegegen bołγuǰu üǰeesü, χoyinača niken güün ayisu. Gürčü ireesü, Boorču aǰuγu. Boorču-igürčü iregülüged, Činggis-χaγan ügülerün: «Müngke Tenggeri medetugai!» kemeǰü ebčegü-ben mököeledba. Boorču ügülerün: «Dobtułχui-tur moriniyen unatała χaγdasu, yabuγan güyiǰü yabuχui-tur, mun Kereid Sanggüm-ün degere ekeer bayiχui soor čoło-tur ačiyatu morin ačiya-ban keberigülǰü bayin büküi-i ačiya ino hoγtołǰu, inggirčaγ-tur ino uroǰu γarču bidan-o χaγačaχu γaruγsan mör mütkin yabuǰu, ołǰu edüi ireba bi!» kemeba.

§ 173. Basa χorumut atała, basa niken güün ayisu. Gürčü ayisuχuitur, doro ino köl-iyen unǰiłǰaǰu ayisu. Üǰeesü, γaγča güün metü biyu; iren baraasu, Ögödai-in χoinača Boroχuł sundałaǰu, aman-o ǰabaǰin-iyar čisun čuburiγułǰu gürčü ireba. Ögödai suǰiyasu-ban sumun-a tusdaǰu, čisun ino χaγdarun, Boroχuł ama-ar-iyer šimiǰu, böglegsen čisun ǰabaǰin-iyar čuburiγułǰu ireba. Činggis-χaγan üǰeǰü, nidün-eče-iyen niłbusun čuburiγułǰu duran ałǰaγad: «Γał ötör tülegülüged, χałaγun daγaγułuγad, Ögödey-e umdan erigülǰü öggegülǰü, dayisun ireesü χadχułduya!» kemeǰü bülegai. Boroχuł ügülerün: «Dayisun-o toγosun činaγši Mao-ündür-ün ebür-iyer Hułaγan-Boruχad ǰüg toγosun urtuda γarču, činaγši yorčiba!» kemeba. Boroχuł tere üge-tür ireesü, χadχułduχun bülegai. Dayin-a buruγuiłan gödöldeesü, bida čerig-iyen ǰibšierčü, χadχułdut ǰe kemeǰü gödölba. Gödölürün, Ułχüi-Šilügelǰit ögede gödölüged, Dałan-nemürges oroba.

§ 174. Tende χoinača Xadaan-Dałdurχan eme-köün-eče χaγas ireba. Ireǰü Xadaan-Dałdurχan Ongχan-no üge kemen ügülerün: «Ongχan köü-ben Sanggüm-i ičuma-ar enggesge χačar unatała χaγdaǰu, degere ino ekeerčü, tende ügüleǰüüi:

Hilü χadχutan metü-tür
Hilü χadba.
Xałχutan metü-tür
Xatχun bołun,
Xairan köün-ö mino
Xačar-tur
Xadaγasun χadaγułba.

Köün-ö ami erüsün dobtułduya!» kemeesü, tegün-tür Ačiγ-Širun ügülerün: Χan, Χan! Bütügai!

Ečine bügü köü erirün,
Elbesün ǰałama kiǰü,
Abai-babai kemen
Erin ǰałbarimui bida.
Edün törün baraγsan
Köü Sanggüm-i asaraya!

Mongγoł-un ołankin, J̌amuχa-łuγa, Ałtan Xučar-łuγa bidan-tur bi. Temüǰin-lüge dayičiǰu γaruγsan Mongγoł χaa odχun tede?

Morin unoγa tan,
Modun nemüre ten

bołba tede! Ani ese ireęsü, odču morin-o ǰundauł metü χormaiłaǰu ačirat ǰe bida, tedeger-i!» kemeba. Ačiγ-Širun-o ene üge-tür Ongχan ügülerün: «J̌e, teyin bögesü, köün ałǰaγuǰai! Köün-i ülü dengselgen asaratχun!» kemeged, χadχułduγsan γaǰar-ača χarin ičuba. Kemeba.

§ 175. Tendeče Činggis-χaγan Dałan-nemürges-eče Xałχa huruγu gödölürün too tooładuba. Tooładuasu. χoyar mingγan ǰirwaan ǰaγud bołba. Niken mingγan γurban ǰaγud Činggis-χaγan Xałχa-in höreneǰi eted-iyer nögügüba. Niken mingγan γurban ǰaγud Xałχa-in doronaǰi eted-iyer Uruud Mangχud nögügüba. Teyin nögügüǰü ayisuχui-tur, günesün-e abałan yabuχui-tur, Xuyiłdar yaras-iyen anaγai-üdügüye Činggis-χaγan-a idχaasu ülü bołun, goregesün-tür dobtułχu bołun, hügdereǰü nögčiba. Tende Činggis-Xaγan Xałχa-in ornou-in keltegai χada-da yasun ino tałbiγułba.

§ 176. Xałχa-in Buyur-naγur-tur čidχuχu huǰaur-a Terge-Amel ten Unggirad bi kemen medeǰü, J̌ürčedei-i Uruud-iyar ilebe. Ilerün: «Unggirad irgen

Erte üdür-eče
J̌ee-in ǰisü-er,
Ökin-ö öngge-er . . .

kemebesü, elset ǰe. Müd bułχa ino kemebesü, χadχułdut ǰe bida!» kemeǰü ileesü, J̌ürčedai-tür elsen oroǰuui. Elsen oroγdaǰu, Činggis-χaγan yaγu ber ano ese köndeba.

§ 177. Tende Unggirad-i oroγułuγad odču, Tüngge-γoroχan-o doron-a baγuǰu, Činggis-χaγan Arχai-Xasar-a Sügegai-ǰeün χoyar-a daγu bariγułurun: «Tüngge-γoroχan-o dorona baγuba. Ebesün ber ino sayin bołǰuui. Aγtas mano üyeleba». Xan-ečige-de mino ügüle kemen ügülerün: «Xan, ečige mino! Yaγun čimar-tur nama ayuγułba či? Ayuγułχu bögesü, maγun berined-iyen noirχanχan yekin ülü ayuγułba či?

Ding saγuχui iseri boγunidχaǰu,
Degegši γarχui hüni dölüsgeǰü,
Yekin teyin ayuγułba či,
Xan, ečige mino?
Γałǰrγu-yu güün-e
Xadχuγdaba či,
Köndöledü güün-e
Kökigüldebe či!

Xan, ečige mino, bida χoyar yaγu kemeldü legai? Jorχałχun-o Hułaγan-noγud bołdaγ-ud-ta bida ese-ü ügüleldülügai?

Südütü moγay-a südürteesü,
Südürgen-tür ino bu oroya:
Südü-er ama-ar ołułčaju
Büšireya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, χan-ečige mino, südü-er ama-ar-u ołułčaju χaγačaba či?

Araγatu moγay-a adartaasu,
Adarχan-tur bu oroya:
Ama-ar kele-er ołułčaju
Büšireya ese-ü kemeldülegai?

Edöge, χan-ečige mino, ama-ar kele-er-ü ołułčaju anggičiraba či? Xan-ečige mino, bi

Čögen ber bögesü,
Ołon-ni ülü erigülgü bülege.
Maγui ber bögesü,
Sayin-i ülü erigülgü bülege bi.
Xoyar kilügütai tergen
Nököge kilügü-ben χuγuraasu,
Hüker ino ǰigdün yadayu.

Tere metü nököge kilügün čino bi ese-ü aǰuγu?

Xoyar gürdütai tergen
Nököge gürdü-ben χuγuraasu,
Nögügün yadayu.

Tere metü nököge gürdün čino bi ese-ü aǰuγu? Erte üdür kemebesü, Xurčaχus-Buyiruγ-χan, ečige-yügen χoina, döcin köüd-ün aχa kemeǰü, χan bołǰuu je či. Xan bołun baraǰu, degü-ner-iyen Tai-Temür tayiǰi, Buχa-Temür χoyar-i ałaba je či. Erke-χara, degü čino ałaγdarun, ami-en χoroγču γarču, Naimano Inanča-Bilge-χan-tur buruγudču oroǰuu je. Degü-ner-iyen ałaγči bołba, kemeǰü, Gür-χan abaγa čino čimadur morilaǰu ireesü, či ǰaγun güün ami-en χoroχun buruγudču, Selengge huruγu tudaγaǰu χaraun-χabčał širγułdaba je či. Jiči tendeče γarurun, Merkidün Toγtoγa-da Huǰaur-üǰin ökin-iyen niγurχan ögčü, Xaraun-χabčał-ača γarču, Yesügai-χan, ečige-tür mino, ireesü, či tende ügülerün: Gür-χan abaγa-dača ułus mino aburaǰu öggeegdeǰü, Yesügai-χan, ečige mino, čimada teyin kemen iregdeǰü, Tayičiud-ača Xunan, Baχaǰi χoyar-i uduridču, ułus čino aburaǰu ögsü kemen, čerig ǰasaǰu odču, Γurban-telesüd-te bükün Gür-χan-i χorin-

γučin güün-i Xašin ǰüg hüldeǰü, ulus čino abuxaǰu ögba ǰe. Tendeče ireǰü Tuula-in Xara-tün-ne χan ečige mino Yesügai-χan-luγa anda boluľčaǰu, tende Ongχan ečige mino büširen ügülerün: Ene tusa-in čino hači uruγ-un uruγ-a čino hači χariγuľχu-i degere Tenggeri γaǰar-un iheel medetügai! kemen büširegsen aǰuγu ǰe či. Tegün-o χoina Erge-χara Naiman-o Inanča-Bilge χan-nača čerig-üd γuyuǰu, čima-tur moriľaǰu ireesü, či ami-an χoroχun ulus-iyen geǰü čöen güün tudaγaǰu γarču, Xara-Kitad-un Gür-χan-tur Čui-müren-e Sardauľ-un γaǰar-a odba ǰe či. Niken hon ülü daγusun, basa Gür-χan-nača dayiǰiǰu γarču, Uiγud-un Tangγud-un γaǰar-iyar yadaǰu ayisurun, tabun imaγad širgöleǰü saγaǰu ideǰü, temegen-ö čisun χanaǰu ideǰü, γaγča Soχor-χalium moritu ireba ǰe či. Xan ečige-in čima-i teyin yadaǰu ayisu kemen medeǰü, urida Yesügai-χan, ečige-lüge mino anda kemeldügsen-ö tula sedkiǰü, Taχai, Sükegai χoyar-i esergü čino elči ileged, basa bi öbesün Kelüren-ö Bürgi-ergi-deče uγdun yorčiǰu, Güsegür-naγur-a ǰoluγaľduba ǰe bida. Čima-i yadaǰu ireba kemen, χubčir-i χubčiǰu, čima-da ögüged, uridu ečige-tür mino anda kemeldügsen yosuγar Tuula-in Xara-tün-ne bida χoyar-un ečige köün kemeldügsen yosun tere ülü bi? Tere übül čima-i güre-en dotora oroγulǰu teǰigebe ǰe. Übül übülǰeǰü, ǰusaǰu, namur ino Merkid irgen-ö Toγtoγa-beki-tür moriľaǰu, Xadiγliγ-niruγun-o mürüče-segül χadχulduǰu, Toγtoγa-beki-i Barγuǰin-tögüm ǰüg hüldeǰü, Merkid irge daγuliǰu, olon aduγu, ordo-ger ano, tariyad ano bügüde-i abču, χan-ečige-de ögba ǰe bi.

Ölesügsen-i čino
Üdür düli-de
Ese gürgeba ǰe bi.
Turuγsan-i činó
Sara-in ǰarim-a
Ese gürgeba ǰe bi.

Basa bida Gücügürtai-Buyiruγ-χan-i Uluγ-taγ-un Soχoγ-usun-ača Altai da baγulun hüldeǰü, Ürünggü huruγu oduγad, Kičiľ-baši-naγur-a moχudχaǰu abuai ǰe bida. Tendeče χariǰu ayisuχui-tur, Naiman-o Kögseü-Sabraγ Baidaraγ-belčir-e čerig-üd-iyen ǰasaǰu bayiľduχui-tur, üdeši ǰiľda bolďaǰu, manaγaru erde χadχulduya kemen ǰasaľduǰu χonoasu, χan-ečige mino či bayidaľ-dur-iyen γaľ-noγud tülegülǰü, süni-de Xara-segül ögede gödölba ǰe či. Manaγar erde üǰeesü, bayidaľ-dür-iyen ügei boldarun, čima-i gödolдeǰü: Ede či bidan-i tülešilen aǰuγu! kemeǰü, bi ber gödölǰü, Eder-Altai-in belčir-iyer ketülǰü ireǰü, Saar-i keere baγuba ǰe. Tende čima-i Kögseü-Sabraγ nekeǰü, Sanggüm-ün eme-köü, irge-orγa bügüde-i abuγad, χan-ečige-in

čino Tergetü-amasar-a bükün ǰarimud irgen, aduγun-idegen čino daγuliǰu oduasu, Merkid-ün Toγtoγa-in koöün Xudu, Čiłaγun χoyar, irge-orγa-bariyen čima-tur bürün, tere soor-tur ečige-tür-iyen neilen Barγuǰin oron čimadača dayiǰin gödölǰüüi ǰe. Tende χan-ečige mino či: Naiman-o Kögseü-Sabraγ-a irge-orγa-ban daγuliγdaba bi. Köün mino dörben külügüd-iyen ögčü ile! kemeǰü ileesü, čino metü ülü sedkin, tende bi Boorču, Muχali, Boroχuł, Čiłaγun-Baγatur-ede dürben külüg-üd-iyer-iyen čerig-üd ǰasaǰu ileesü, ede dörben külüg-üd-ün mino urida Hułaγan-χud-ta Sanggüm' bayilduχu bołun, morino-an γuya χaγdaǰu abdaǰu bołǰu büküi-tür, ede dörben külüg-üd mino gürčü, Sanggüm-i aburaγad, eme-köü, irge-orγa selte bügüde-i aburaǰu ögüesü, tende χan-ečige mino·büširen ügülerün: Köüno-en Temüǰin-e odun baraγsan irge-orγa-ban dörben külüg-üd-iyen ileǰü ögteba! kemeǰü bülege. Edöge χan-ečige mino yambar čimar-tur mino čimadba či? Čimar-un yosun-tur elčin ile! ilerün, Xubariχuri, Idürgen χoyar-i ile! Xoyar-i ese ileesü nököǰi-i ile!» kemeǰü ileesü;

§ 178. Ede üges-tür Ongχan ügülerün: «Ai soiluγ!

Köün-eče-en χaγačaχu-yu?
Töre-deče χaγačaba.
Hiličegü-yu?
Üyile-deče hiličeba bi!»

kemen, dura ałǰaγad ügülerün: «Edöge köü-ben üǰeǰü maγui sedkiesü, ene metü čisu-ban γarγaγdasu!» kemen andaγaǰu, šigi χuruγuno-an toli onubči kituγai-bar χadχuǰu, čisun čiburiγułǰu' üčügügan daγtai-tur kiǰü: Köün-e mino-ög! kemeǰü ileba.

§ 179. Basa Činggis-χaγan J̌amuχa anda-da ügüle kemen ügülerün: «Χan-ečige-deče mino üǰen yadaǰu χaγačaγułba či. Urida bosuγsan bidan-o χan-ečige-in kökö čung uγuχu bülege. Nada urida bosču uγdarun naidaba ǰe či. Edöge χan-ečige-in kökö čung baratχun, kedüi ǰe χoroχun ta!» kemeǰü ileba. Basa Činggis-χaγan Ałtan, Xučar χoyar-a ügüle kemen ügülerün: «Ta γoyar nama tebčiǰü ile-üü gesü kemelegai ta? Juγaǰu-u gesü kemelegai ta? Xučar-i čima-i Nekün tayiǰi-in köün kemeǰu, bidan-ača či χan boł kemesü, ese bołba ǰe či. Ałtan-i čima-i Xutuła-χan-łu meden yabułuγa, ečige-yügen meden aγsaγar či χan boł kemeesü, ese-gü bołba ǰe či. Degereeče Bartan-Baatur-un köün kemeǰü Sača, Tayiču χoyar-i ta χad bołutχun kemeǰü yadaǰu ǰe bi. Tani χad bołutχun kemeǰü yadaǰu tan-o či χan boł kemegdeǰü, meden yabuba ǰe bi! Tani χad bołuγsan bögesü, ołon dayin-tur ałginči haułχaγdaasu, Tenggeri-de iheegdeesü dayisun güün-ni daγuliχui-tur,

Xačar γoa öki χatun eme-i,
Γarγa(m) sayin aγta abčirajū,
Ögügai bülege je bi!
Oroa göregesün-tur uturaγułdaasu,
Xada-in göregesün —
Xa ino niketele šiχaju
Ögügai bülege je bi!
Keger-ün göregesü —
Kegeli ino niketele šiχaju
Ögügai bülege je bi!
Edöge ečige-de mino
Sayitur nököčejü ögütkün!
Uyidangχa kemegdegü je ta.
Čautχuri-in turuγ ele ajuγui —
Bu kemegülütkün!
Γurban müred-ün terigün
Kene-ber bu baγułutχun!»

kemejü ileba.

§ 181. Basa Činggis-χaγan Sanggüm anda-da ügüle kemen ügülerün:

«Degel-tü töregsen köün —
Bi ajuγu je.
Ničügün töregsen köün —
Či ajuγu je!»

Xan-ečige bidan-o bida χoyar-i sačaγu asaraχu bulege. Jaγura oroγdaχui-ača Sanggüm anda nama naidaju hüldeba je či. Edöge χan-ečige-in bidan-o jürüge ino ülü joboγan, üde manaγarši oroju γarču sergügejü yabu! Üyen-ö sedkil-iyen ülü tałbin χan ečige-i amidu bögetele χan bołsu kemen, χan-ečige-in bidan-o sedkil jobaγaju bu ałγasaγuł! kemeged: Sanggüm anda nadur elči ile! Ilerün, Bilge-beki, Tödöyan γoyar-un nököd-i ile! kemejü ileba. Nadur elčin ilerün: Xan-ečige-χoyar elčin ile; Sanggüm-anda-χoyar-gü elčin ile; Jamuχa-anda-χoyar gü elčin ile; Ałtan-χoyar-gü elčin ile; Xučar-χoyar-gü elčin ile; Ačiγ-Širun-χoyar-gü elčin ile; Xačiun-χoyar-gü elčin ile! kemen, Arχai-χasar, Sügegai-jeün χoyar-iyar edüi üges daγu bariγułju ileba. Ede üges eyin ügülegdeju, Sanggüm ügülerün: «Keli χan-ečige kemegü bülege? Kiduγači-ebügen ese-ü kemegü bülege? Nama keli anda kemen bülege? Toγtoγa-böe sartaγčin χonin-o segül jübčijü yabuyu ese-ü kemegü bülege? Edeger üges-ün arγas uχaγdaba: χadχułduγan-o terigüd üges bi!

Bilge-beki, Tödöyan χoyar χadχułduχui tuγ bosχatχun, aγtas tarγułaγułutχun, — ariyał ügei bi ǰe!» kemeba. Tedüi Ongχan-nača Arχai-χasar χariχui-tur, Sügegai-ǰeün-ü eme-köün tende, Tooril-tur, aǰuγu. Odχu ǰirüge yadaǰu, Sügegai-ǰeün Arχai-ača χočorčuui. Arχai ireǰü ede üges Činggis-χaγan-a ügüleba.

§ 180. Basa Činggis-χaγan Tooril degü-de ügüle kemen ügülerün: «Degü kemegü yosun: Tumbinai, Čaraχai-Lingχu χoyar-un Oγda boγol-iyar biłaǰu ireba ǰe. Oγda-boγoł-un köün Sübegai-boγoł bülege. Sübegai-boγoł-un köün Kököčü-Kirsaan bülege. Kököčü-Kirsaan-o köün Yegai-Χongtaχar bülege. Yegai-χongtaχar-un köün Tooril či! Kenö ułus-ud ögsü kemen ǰusuridun yabuyu či? Mino ułus Ałtan, Xučar χoyar kene ber ülü medegülkün buyu ǰe! Čima-i degü kemegü yosun —

Borχa-in mino
Bosoγa-in boγoł;
Elinčüg-ün mino
Egüden-ö emčü boγoł —

kemeǰü-ilegü-i mino eyimü!»

§ 182. Tedüi Činggis-χaγan oduγad, Bałǰuna-naγur baγuba. Tende baγuχui-tur Čoos-čaγan Xorułas ǰöb tende učirałduba. Tede Xorułas ülir bułχan elsen ireba. Onggüd-ün Ałaχuši-digitχuri-dača Asan-sartaγ tai čaγan temegetü mingγan irges taγuǰu, Ergüne-müren Iłuruγu bułγad, kermen χudałduǰu abura ayisurun, Balǰuna usułan oroχui-tur učiraba.

§ 183. Činggis-χaγan mün Bałǰuna usułan büküi-tur, Xasar eme-köüben Yegü, Yesüngge, Tuχu tan γurban koüd-iyen Ongχan-tur geǰü, čögen beyes nököd-iyer-iyer γarču aχa-yuγan kemen Činggis-χaγan-i erin, Xaraun-ǰidun-o niruγud kigüriǰü ołun yadan, yadaǰu širi-širbusu ideǰü yabuγad, Bałǰuna-da Cinggis-χaγan-tur neileba. Χasar-i iregülüged bayasču, Činggis-χaγan Ongχan-tur elčin ileya kemen eyetüǰü, J̌aouredai Xariudar, Uriyangχadai Čaχurχan χoyar-iyar ügüleǰü: χan-ečige-de Xasar-un üge kemen ügületkün kemen ügülerün:

«Aχa-an χaraǰu —
Xaraγa ino ǰabχaba.
Xayiǰu —
Haułχa ino ołun yadaba.
Xayiłaǰü —
Daγu-bań ese sanosdaba.
Hod χaraǰu,

Ur(u)-ban derejü bołju
Gebtemü bi.
Eme-köün mino —
Xan-ečige-tur bi.
Itegemji ere-en ołuasu,
Xan-ečige-tür odχu bi!

kemejü ileba kemen ügületkün!» Basa ügürelün: «Ba tani udaγaran gödöljü, Kelüren-o Arγał-geögi-de bołjałduya: ta tende iretkün!» kemen bołjalduju, tedüi Xariudar, Čaχurχan-i χoyar-i ileged, Jürčedai, Arχai χoyar-i ałginčiłaju, Bałjuna-naγur-ača Činggis-χaγan udaγaran egüsülčejü γarun morilaγsaγar, Kelüren-o Arγał-geögi-de gürba.

§ 184. Xariudar, Čaχurχan χoyar Ongχan-tur gürčü, Xasar-un üge kemen endeče ügülejü ilegsen üges ügülejüüi. Ongχan, ałtan terme bosχajü, χurimłan genet ajuγui. Xariudar, Čaχurχan χoyar-un üge-tür Ongχan ügülerün: «Teyin bögesü, Xasar iretügai!» kemejü itegemji Itürgen-i ileye kemen ileldüjüüi. Tedüi ireged, bołjał γajara Arγał-geögi-de gürküi-lüge, barua yeke-i üjejü, Itürgen-elčin χarin tutaγajuu. Xariudar-un morin χurdun ajuγu. Xariudar güyičejü bariχu jürüge yadaju, uridaun-χoinaun ino hoγtoriχan yabuχui-tur, Čaχurχan-o morin udaγan ajuγu. Xoinača sumun-o gürküi üjügür-e, Itürgen-ö ałtan amegel tü χara aγta-in χuyang hujaur saγutała χarbujuu. Tende Itürgeni Xariudar, Čaχurχan χoyar bariju Činggis-χaγantur abčiraba. Činggis-χaγan Itürgen-tür ülü keleldün: «Xasar-tur abču odutχun! Xasar medetügai!» kemeba. Abču oduasu, Xasar Itürgen-tür ülü keleldün, mun tende čabčiju gebe.

§ 185. Xariudar, Čaχurχan χoyar Činggis-χaγan-a ügülerün: «Ongχan genet bi. Ałtan terme bosχaju χurimłamui. Ötörlen igülgüjü, sünid düli düligejü, nengden bučiya!» kemeba. Ene üge-i jöbšiyejü, Jürčedai, Arχai χoyar-i ałginčiłaγułju, sünid düliged gürčü, Jejeer-ündür-ün jerχabčiχai-in amasar-a büküi-tür bučiba. Гurban süni, γurban üdüd bułχaγdarun bučiju bayibasu, γutuγar üdür yadaju müd oroba. Ongχan Sanggüm χoyar-i süni ker-ber γaruγsan-i ese medegdeba. Ene bułχałduγči Jirgin-ö Xadaγ-Baatur ajuγu. Xadaγ-Baatur oroju irejü ügülerün: «Гurban süni, γurban üdüd bułχałdurun, tus χan-iyen üjeged bariju ker alaγułχu kemen, tebčin yadaju, ami-en χoroχun küngketügai» kemen, suoraułun bułχałdułaγa bi Edöge üküglildeesü — üküsü! Činggis-χaγan-a soyrχaγdaasu — güčü ögsü!» kemeba. Činggis-χaγan Xadaγ-Baatur-un üge-i jobšiyejü jarliγ bołurun: «Tus χan-niyen tebčin yadaju, amin χoroχun küngketügai kemen bułχajduχu ere — tere ülü-ü bi? Nököčegdegü güün bülege!» kemeged, soyurχaju ülü ükügülün, Xuyiłdar-un amin-o tuła Xadaγ-Baatur-i jaγun Jirgin-i

Xuyiłdar-un eme-köüne ino güčü ögtügai! Noγun köün töreesü, Xuyiłdar-un uruγ-un uruγ-a gürtele daχaǰu güčü ögtügai! Ökin köün töreesü, ečige-eke ano öberün dura-ar bu χudałatuγai! Xuyiłdar-un eme-köün-ö emüne ümere-en ǰarutuγai! kemen soyurχan ǰarliγ bołba. Xuyiłdar-Sečen-ö aman urida nekegsen-ö tuła, Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Xuyiłdar-un uruγ-un urug-a gürtele, Xuyiłdar-un tusa-in tuła, önečid-ün abliχa abun atuγai!» kemen ǰarliγ bołba.

VII

§ 186. Tedüi Kereid irgen dorayitaγułǰu ǰüg-ǰüg χubiyaǰu tałaγułba. Sułdudai Taχai-Baatur-un tusa-in ino tuła, niken ǰaγun ǰirgin-i ögba. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun; Ongχan-no degü ǰaχa-Kambu ǰirin ökid aǰuγui. Egečimet ino Ibaχa-beki-i Činggis-χaγan öbesün aburun, döimet Sorχaγtani-beki-i Tołuy-a ögba. Tere šiłtaγan-iyar J̌aχa-Kambu-yi imada χariyatan emčü irge-ber tumdaa nököge kildün bol kemeǰü ese tałaγułba.

§ 187. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Badai Kisliγ χoyar-un tusa-in ano tuła Ongχan-no ałtan terme saγuγsaγar, ałtan gürüe, ayaγa-saba selte Ongχoǰid Kereid-i kešigten ano bołtuγai! Xorčiłaγułǰu, ötögle-gülǰü, uruγ-un uruγ-a gürtele darχałan ǰirγatχun!

Ołon dayin-tur haγułuasu,
Ołǰa ołuasu,
Ołuγsaγar abutχun!
Uraγa göregesün ałaasu,
Ałaγsaγar abutχun!»

kemen ǰarliγ bołba. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Badai Kišliγ χoyar-un amin ǰaγura tusa gürgegsen-ö tuła, Müngke Tenggeri-de iheeg-deǰü, Kereid irge dorayidaγułǰu, ündürün oron-tur gürba ǰe. Mona-χoina uruγ-un uruγ-a mino oron-tur saγuǰu, ene metü tusa gürgegsed-i ułam ułam uχatuγai!» kemen ǰarliγ bołba. Kereid irge daγułiγu kene ber ese dutatała tügegeldüba. Tümen-Tübegen-i tügegeldüǰü tügetele abułčaba. Ołon-Dungχaid oγuγa üdür-e ülü gürgen tałaγułba ǰe. Čisutu tonoγ abuγči J̌irgin-baγatud-i ǰisuǰu χubiyaǰu gürgeldün yadaba. Kereid irge tedüi χoru-γaǰu, tere übül Abǰiya-ködeger-i übülǰeba.

§ 188. Ongχan Sanggüm χoyar beyes-iyer-iyen dayiǰiǰu γarču oduγad, Didiγ-saχał-un Nekün-usun-a Ongχan hangγaǰu oruχu bołun, Naiman-o χarauł Xorisu-beči-tur oroǰuui. Xorisu-beči Ongχan-ni bariǰuu. Bi Ongχan biyu kemebesü, ülü tanin ese bušircǰü tende ałaǰuu. Sanggüm Didig-saχał-un Nekün-usun-a ülü oron, γadaun yorčiǰu čöl-tür oroǰu usurχarun, χuład

hiłuγatuǰu bayiχun-i Sanggüm baγuǰu mariyaǰuu. Sanggüm-ün nökör Kökökü aγtači emetü Sanggüm-lüge γurbaγuła aǰuγu. Mori-en Kököčü aγtači daγan bariγulǰuui. Kököčü aγtači aγta ino kötölüged χarin χatarǰuui. Eme ino ügülerün:

«Ałtatai-i emüskü-tür,
Amtatai-i idekü-tür,
Kököčü mino kemegü bülege!
Xan-niyen Sanggüm-i
Yekin teyin tebčiǰü geǰü
Odun buyu či?» kemeǰü,

eme ino χočorǰuu. Kököčü ügülerün: «Sanggüm-i erelesü kemen buyu ǰe či!» kemeǰüüi. Tere üge-tür eme ino ügülerün: «Eme güün noχai niγurtai kemegdei ǰe bi. Ałtan ǰantaou ber ino ög! Usun ber utχuǰu uγutuγai!» kemeǰüüi. Tendeče Kököčü aγtači ałtan ǰantaou ino ab kemen χoinaγši oruγad χatarǰuu. Tedüi ireged, Činggis-χaγan-tur Kököčü aγtači ireǰü, Sanggüm-i teyin čöl-tür geǰü ireba bi kemen, tende ügüleldügsen üges-iyen bügüde-i tegüs ügüleǰü ögüesü, Činggis-χaγan ǰarbiγ bołurun; eme-i ino soyurχaǰu. mün Kököčü aγtači-i tus χan-niyen eyin tebčiǰü ireǰüüi, eyimü güün edöge ken-tür nököceesü itegegdegü kemeǰü čabčiǰu geba.

§ 189. Naiman-o Tayang-χan-no eke Gürbesü ügülerün: «Ongχan erten-ö ötögü yeke χan bülege. Terigü ino abčiratχun. Mün bögesü — taiya bida!» kemeǰü, Xorisu-beči-tür elči ileǰü, terigü ino hoγtołǰu abčiraγułǰu, taniǰu, čaγan tołoγ degere tałbiǰu, berined-iyen berilegülǰü, otöglegülǰü, χuγurdaγułǰu, ayaγa bariǰu taiǰuui. Tende teriün teyin taiγdarun iniyeǰüü. Iniyeba! kem n Tayang-χan kemkerü gečikileǰüüi. Tende Kökseü-Sabraγ ügüleǰüü: «Ükügsen χan-güün-ö terigün ino ta-gü hoγtołǰu abčirat, nökögete ta-gü kemkerit: yaγun ǰokiχui? Noχano bidan-o χučaχui daγun maγui bołbai. Inanča-bilge-χan ügülelege:

Eme ǰałaγui,
Ere bi ötölba.
Ene Tayang-i
Elbesü-er töregülülege.
Ayi, Torłuγ töregsen köün mino!
Törülmiši ołon,
Doromǰin maγui ułus mino
Asaraǰu barin čidaχu-yu?

kemelege. Edöge noχano daγun idürekü̈i (irögekü̈i) χučał χučamui. Xadunno bidan-o Gürbesü-in ǰasaγ χurča bołbai. Xan mino Torluγ-Tayang ǰögöleng buyu či. Šibaγułaχu abałaχu χoyar-ača buši sedkil-erdem ügei bui!» kemegdeǰü, tende Tayang-χan ügülerün: «Ene dorona čögeked Mongγoł bi kemegdemüi. Tede irgen ötögü yeke erten-ö Ongχan-ni χor-iyar-iyen ayuγułǰu dayiǰiγułǰu ükügülba. Edöge mün χan bołsu kemen aχun-o tede? Tenggeri degere naran sara χoyar gerelten gegegen bołtuγai kemen naran sara χoyar bi ǰe. Γaǰar degere χoyar χad ker bołχu? Bida odču tede ked Mongγoł-i abčiraya!» kemeǰüüi. Teün-tür eke ino Gürbesü ügülerün: «Yekigüǰei! Tedeger-i Mongγołirgen

Hünör maγutan,
Xubčasu baratutan

bülegai. Anggida χoło büǰü bütügai! Šiliun berined ökid-i ano maχa abčiraγułǰu, γar köl ano uχiyaγułǰu, üniyed χonid-iyen maγa saγaγułχun ele!» kemeǰüüi. Tegün-tür Tayang-χan ügülerün: «Teyin bögesü, yaγutan aχun tede? Mongγoł-tur odču, χor ano maγa abčiraya!» kemeǰüüi.

§ 190. Edeger üges-tür Kögseü-Sabraγ ügülerün: Ayi, yeke üge ügület ta! Ayi, Torluγ χan, niγutχun! Kögseü-Sabraγ-a idχaγułuγad bürün, Torbidaš neretü elči Ongγud-un Ałaχuš-digitχuri-da ügüleǰü ilerün: «Ene dorona čögeken Mongγoł bi kemegdemüi. Či baraγun γar boł, bi endeče χamsaǰu, tede ked Mongγoł-un χor ano abuya!» kemeǰü ileǰüü. Tere ügetür Ałaχuš-digitχuri χariγu ügülerün: «Baraγun γar bołun ülü čidaχu bi!» kemeǰü ileged, Ałaχuš-digitχuri Yuχunan neretü elčiyer-iyen Činggisχaγan-a ügüleǰü ilerün: «Naiman-o Teyan-χan χor čino abura iremüi. Nama-i baraγun γar boł kemeǰü ileǰüü. Bi ese bołba. Edöge bi čimada serigülǰü ileba. Ireǰü χor-iyen abdaγuǰei či!» kemeǰü ileǰüüi. Jöb tende Činggis-χaγan Temegen-keger-i abałaǰu, Tülkinčegüd-i χomorču büküi-tür, Ałaχuš-digitχuri-in ilegsen Yuχunan elči ene kelen gürgen ireba. Ene kelentür aba degere böged ker kikün kemeldüesü, ołon güün ügülerün: «Aγtas bidan-o turuχad bi. Edöge yekikün bida?» kemeldüǰüüi. Tegün-tür Odčiginnoyan ügülerün: «Aγtas turuχad kemen yekin šiłtaγdaχu? Mino aγtas tarγud bi. Eyimü üges sonosču yekin saγuγdaχu?» kemeba. Basa Belgütai-noyan ügülerün:

«Amidui bögetele
Nökör-e χor-iyan abdaasu,
Aγsan yaγun tusa bi?
Töregsen ere-de üküesü,
Taki χor-numun-lüge-ben,

Yasun-łuγa nikene kebteesü,
Ülü-ü sayin bi?
Ṅaiman irgen ułus yeketü
Irge ołotu
Kemen yeke üge ügülen aǰuγu.
Bida ene ano yeke üge-tür
Šiχam morilaǰu odču,
Ano χor abuasu berked-üü aǰuγu?
Oduasu ołon aduγun ano
J̌oγsaǰu ülüü χočoruγuǰei?
Ordo-ger ano egüreǰü
Ülü-ü χočoruγuǰei?
Ołon ułus ano ündür etüged-tür
Xorura ülü-ü γaruγuǰei?

Müd ene eyimü yeke üge ügülegülǰü ker saγuγdaχu? Morilaya böged!» kemeba.

§ 191. Belgütai-noyano ene üge-i ǰöbšiüeǰü, Činggis-χaγan aba baγuγad Abǰiχa-köteger-eče gödölǰü, Xałχa-in Ornou-in keltegai χada baγuǰu, toγa-ban toγołałduǰu, mingγan tende mingγałaǰu, mingγan-o noyan, ǰaγun-o noyan, harban-o noyan tende tüšiba. Čerbin-i tende-gü tüšiba. Dodai-čerbi, Doχołχu-čerbi, Ögöle-čerbi, Tołun-čerbi, Bučaran-čerbi, Süiketü-čerbi — ede ǰirwaan čerbin-i tende tüšiba. Mingγan mingγałan, ǰaγu ǰaγułan, harban harbałan baraǰu noyan kebteül, dałan turχaud tende kišigten ilγaǰu oroγułurun, mingγad-un, ǰaγud-un noyad-un köüd-i degüner-i urtu duru-in güün-ö köüd-i oroγułurun, erdemten beye šil sayitan ilγaǰu oroγułba. Tende Arχai-χasar-i soyurχaǰu baγatud-i ilγaǰu mingγałatuγai, χadχułduγan üdür emüne mino bayiǰu χadχułdutuγai, ołon üdür turχaγ kešigten mino bołtuγai! kemen ǰarliγ bołba. Dałan turχaud-i Ögöle-čerbi aχałaǰu atuγai, Xudus-χałčan-łuγa eyetüldüǰü atχun! kemeba.

§ 192. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun, χorčin turχaud kešigten, baγurči, egüdenči, aγtači üdür kešig oroǰu, naran šinggegü-in urida kebteül-e ǰaiłaǰu, aγtas-tur-iyen γarun χonotuγai. Kebteül süni ger horčin kebtegün-iyen kebtegülǰü, egüden-tür bayiχun-iyen kešiglen bayiγułtuγai. Xorčin turχaud manaγari-ino Bidan-i sülen ideesü, kebteül-tür keleleǰü, χorčin turχaud, baγurčin, egüdečin mün mün mör-düriyen yabutuγai. Saγurin-duriyen saγutuγai, γurban süni, γurban üdür kešig üdür-iyen dagusču, mün-gü yosuγar γurban süni χonołduǰu yegüdgelduǰü, süni kebteül atuγai. Xorčin kebteǰü χonotuγai! kemen ǰarliγ bołba. Tedüi mingγan mingγałan

baraǰu, čerbi tüšiǰü, nayan kebteül, daɫan turχaud kešigten (kesegten) oroγuɫǰu, Arχai-χasar-a baγatud iɫγaǰu, Xaɫχa-in Ornou-in keɫtegai χada-dača Naiman irgen-tür morilarun:

§ 193. Xuɫaγana ǰil, ǰun-o terigün sara-in harban ǰirwaan üdür, Huɫaγan tergel-e, tuγ sačuγad moriɫarun, Kelüren ögede Jebe Xubıɫai χoyar-i aɫginčiɫaǰu yabuγad, Saari-keer-i gürüesü, Xangχarχan-o terigüte Naiman-o χarauɫ tende aǰuγu. Bidan-o χarauɫ-a hüldeldüǰü, bidan-o χarauɫ-ača niken šingχuɫa morin maγuχan emegeltü-i Naiman-o χarauɫ-a abtaǰuui. Naiman-o χarauɫ tere morin abču ügüleldürün: Mongγoɫ-un aγtas turuχad aǰuγu! kemeldüǰüüi. Bidan-o Saari-keer-i gürčü, tende toridču ker kikün kemeldüesü, tende Dodaı-čerbi Činggis-χaγan-a duradχarun: «Bidanɫu ǰöen (čögen) bi; ǰöen degere čileǰü ireba. Eyin-gü toridču aγtas-iyen čadtaɫa, ene Saari-keer-i delgen baγuǰu, amitu ele güün tutum, ere in tabun anggi-da, γaɫ-noγud tüleǰü, γaɫ-iyar oγǰadχaya! Naiman irgen oɫon kemegdemüi. Xan ano ger-teče ese γaruγsan tenggi kemegdemüi. Γaɫ-iyar hülürgegültele, bidan-o aγtas ber čadumuǰe. Aγtas-iyen čadχan, Naimano χarauɫ-i hüldeged daruɫčaǰu, γoɫ-tur ano neilegülün, tere samaγui-tur χadχuɫduasu boɫχu-yu?» kemen duradχaasu, ene üge-i ǰobšiyeǰü, Činggis-χaγan ǰarliγ boɫurun! Teyin böged γaɫ-noγud tülegülütkün! kemen, čerig-üd-te ǰasaγ tungχaba. Tedüi Saari-keer-i delgen baγuǰu, amitu ele güün tabun anggi-da γaɫ-noγud tülegülba. Süni Naiman-o χarauɫ Kangχarχan-o terigün-eče süni oɫon γaɫ üǰeǰü: Mongγoɫ-i ǰoekan (čögeken) ese-gü kemen bü legai? Hodun-nača oɫon γaɫtan bi! kemen Tayan-χan-tur maγuχan emegeltü šingχuɫaχan morin ögčü ileged: Mongγoɫ-un čerig-üd Saari-keer-i bütetele baγuɫuγa! Üdür-tür üdür-ün aχun-o hodun-nača oɫon γaɫtan bi! kemeǰü ileǰüüi.

§ 194. Xarauɫ-un ene kele gürteǰü, Tayang-χan Xangγai-in Xačirusun-a aǰuγui. Ene kele gürgegülüged, Güčülüg-χan köün-dür-iyen keleleǰü ilerün: «Mongγoɫ-un aγtas turuχad aǰuγui. Hodun-nača oɫon γaɫtan kememüi. Mongγoɫ oɫon aǰuγui. Edöge bida

Xamtudun baraasu,
Xaγačaχui berke boɫχun-o?
Xamtudun baraasu,
Xara nidun-niyen
Xirmes üɫü kikün tede.
Xačar-iyen χadχuɫduasu,
Xara čisun γaruasu,
Xaɫtariɫ ügei

Xatanggin Mongγol-tur
Xamtuduasu bolχu-yu?

Mongγol-un aγtas turuχad kemegdemüi bida. Ułus-iyen Ałtai gabaγułun, segügülün gödöljü, čerig-iyen ǰibšierčü, ani üdüǰü yabuǰu, Ałtai-in ölkes gürtele noχai kerel kereǰü yabuǰu, bidan-o aγtas tarγud bi. Kegeli segügülün, Mongγol-un aγtas čingγardaγułun, niγur degere ano asχaya bida!» kemeǰü ileǰüüi. Tere üge-tür Güčülüg-χan ügülerün: «Anaayin! Eme Tayang ǰirüge yadarun ene üges ügüleǰüüi. Mongγol-un ołon χa-ača ireǰüüi? Mongγol-un ołungkin Jamaχa-łuγa ende, bidan-tur bi!

Kündü eme-in šigeküi γaǰar-a
Ese γaruγsan,
Gürdün-ö tuγul-un belčigel-tür
Ese gürügsen,
Eme Tayang-ǰirüge yadarun
Ese-ü ede üges ügüleǰü ileǰüüi?»

kemen, elčin-eče ečige-yügen eberetele berteteje ügüleǰü ileǰüüi. Ene üge-tür Tayang-χan, öber-iyen emečilegden ügülegdeǰü, Tayang-χan ügülerün:

«Güčütü omoγtu Güčülüg,
Gürülčeküi ałałduχui üdür
Maγa ene omoγ-iyen bu tałbituγai!
Gürülčen χamtudun baraasu,
Xaγačaχui maγa berke bi ǰe!»

kemeba. Tere üge-tür Tayang-χan-no doro medeǰü Yeke Noyan Xorisu-beči ügülerün: «Inanča-Bilge, χan ečige čino, sača nökör-e ere-in aru, aγta-in γarγam'ese üǰegülülege. Edöge či manaγar erte böged yekin ǰirüge yadamu či? Čima-i eyin ǰirüge yadaχui-i medegsen bögesü, χadun ber güün bögesü, eke-i čino Gürbesü-i abčiraǰu, čerig ülü-ü ǰasaγułχu bülege? Čima χairan Kogseü-Sabraγ-a ötöldeküi yaγun čerig-ün bidan-o ǰasał sülbergüi bołbai! Mongγol-un čaγ ǰayaγan bi ǰe ese bołbai. Ayi, Turluγ-Tayang! Yadaγu metü ele buyu či!» kemeged, χor-iyen deledüged, buruγu χataraba.

§ 195. Tegün-tür Tayang-χan kilingleǰü ügülerün:

«Ükügü amin,
J̌oboγu beye, —
Bügüde niken
Buyu ǰe!

Teyin bögesü, χadχuľduya!» kemeǰü, Xačir-usun-ača gödölǰü, Tamir huruγu yabuγad, Orχon-i ketülǰü, Naχu-χun no doronaǰi χormai daγarin Čakirmaud gürčü aisuχui tur, Činggis-χaγan-no χaraul üǰeǰü: Naiman gürčü aisai! kemen kelen gürgeesü, ene kelen gürgegülüged, Činggis-χaγan ǰarliγ boľurun: «Oľon-nača — oľon, ǰöen-neče — ǰöen χor boľumu ǰe?» kemeged, esergü ano moriľaǰu, χarauľ-i ano hüldeged, čerig ǰasarun:

«Xaraγana yorčil-e yorčiǰu,
Naγur bayiľduγa bayiľduǰu,
Šiuči χadχuľduya!»

kemeldüba. Teyin kemeged, Činggis-χaγan öbesün aľginčiľaǰu, Xasar-i γol ǰasaγuľba. Odčigin-noyan-i kötöd ǰasaγuľba. Naiman, Čakirmaud-ača ičuǰu, Naχugün-nö ebür aγuľa-in χormai-kiǰim bayiǰuui. Tedüi Naiman-o χarauľ-i bidan-o χaraul hüldeged, Naχu-günnö ebür Yeke γoľ-tur ano neiletele hüldeged gürčüüi. Teyin hüldeǰü gürkui-i Tayang-χan üǰeǰü, J̌amuχa tende Naiman-ľuγa čerig moriľaǰu ireldüǰu tende aǰu, Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγčuu: «Tede yaγud oľon χonid čino hüldeǰü, χoton-tur gürtele hüldeǰü iregü metü, ede yaγud haran teyin hüldeǰü aisai?» kemen asaγba. J̌amuχa ügülerün: «Temüǰin anda mino dörben noχais-i güün-nö miχa-ar teǰigeǰü ginǰileǰü huyaǰu aχu bülege. Tede χaraul-i bidan-o hüldeǰü aisuχun tede biǰe. Tede dörben noχais

Širemün manglai tan,
Šiuči χošiγu tan,
Šibüge kele ten,
Temür öre ten.
Üldü minaa tan,
Šiüder-i ideǰü,
Kei unoǰu yabut tede!
Aľaľdaχui üdür
Haran-o miχa idet tede.
Gürülčegü üdür
Güün-ö miχa günesület tede!
Ginǰi-ben mültüldeǰü,
Edöge ese-ü buγsaǰu aγsad
Bayascu teyin šilemelǰen
Aisai tede!»

kemeǰüüi. «Tede dörben noχais ked tede kemeesü,

J̌ebe Xubiłai χoyar,
J̌elme Sübeetai χoyar —

tede dörben bi!» kemeǰüüi. Tayang-χan ügülerün: «Ele tede doromǰi-ača χoło bayiya!» kemeǰü, ihuriǰu, aγuła asan bayiba. Tegün-o χoinača duyałǰu toγoriγaǰu aisuχun-i üǰeǰü, basa Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγčuu: «Tede yaγud —

Erte tałbiγsad unoγan
Eke-yügen sün kököǰü,
Eke-yügen horčin torolun
Güyiǰü unoγad metu,
Yekin tede toγoriγan aisai tede?»

kemen asaγčuui. J̌amuχa ügülerün: «Tede —

J̌idatu ere-i ǰiγuǰu,
Čisutu tonoγ tonoγčin
Üldütü ere-i hüldeǰü,
Unaγaǰu ałaǰu,
Ub tonaγ abuγčin
Urund Mangγud kemegdet tede!
Edöge ese-ü bayasču tede
Duyałan aisai tede?»

kemeǰüü. Tendeče Tayang-χan ügülerün: «Ele teyin bögesü, tede doromǰi-ača χolo baiya!» kemeǰü, basa χoinaγši aγuła abarin bayiba. Tegün-ö χoinača aisuχun öesegsen (ölesügsen) šibaγun metü šilemelǰeǰü χušiγuraǰu aisuχun ken biyu? kemen Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγčuu. J̌amuχa ügülerün: «Ene aisχu Temüǰin, anda mino!

Gübčin beye ino
Siremü-er širegdegsen;
Šibüge-de χadχuχuya čoło ügeigü.
Temür-iyer dabtaγsan:
Tebene-de χadχuχuya čoło ügeigü.

Temüǰin, anda mino, öesegsen šibaγun metü, ein šilemelǰen aisu łu! Üǰebeyüü ta? Naiman nököd Mongγoł-i üǰeesü, ešige-in γodu ülü hülegülküi eče hülegai ta! Üǰetkün!» kemeba. Ene üge-tür Tayang-χan ügülerün: «Ele amsaari aγuła abarin bayiya!» kemeǰü, aγuła abariǰu bayiǰuu. Basa

Tayang-χa J̌anmuχa-dača asaγurun: «Basa tere χoinača ǰuǰaγan-a aisuχun ken buyu?» kemen asaγba. J̌amuχa ügülerun:

«Höelün-eke niken köü-ben
Güün-ö miχa-bar teǰigeǰü bülege.
Γurban alda beyetü,
Γunaǰin bodo idešitü,
Γurban dabχur χuyaγ emüsčü,
Γurban buχa ǰidgügülǰü aisuǰe!
Xortu güün-i
Xotola-i ǰalgiasu,
Xoγolai-duriyen ülü tordayu.
Gübčin ere-i emgüesü,
Öre ülü ǰasayu.
Aγurlaasu,
Angγua sumu-ban
Deliǰü talbiasu,
Aγula alus bükün
Harban-χorin haran-i
Ülgetele χarbuyu!
Gereldügsen nökör-i,
Keer ketüs bügün-i,
Keibür sumu-ban
Deliǰü talbiasu,
Kelkitele-ülketele χarbuyu:
Yekede deliǰü χarbuasu,
Yesün ǰaγud alda γaǰar-a χarbuyu.
Tatan deliǰü χarbuasu,
Tabun ǰaγud alda γaǰar-a χarbuyu.
Güün güün-neče busu —
Gürelgü-Mangγus töregsen,
J̌oči-χasar kemegdeyü!
Tere buyu ǰe!»

kemeǰüüi. Tendeče Tayang-χan ügülerün: «Ele tein bögesü, aγula-in ündür temečeye! Degegši abarıtχun!» kemeǰü, aγula abarin bayiba. Basa Tayang-χan J̌amuχa-dača asaγurun: «Tegün-ö χoinača aisuχun ken buyu?» kemeǰüüi. J̌amuχa ügülerün: «Tere —

Höelün eke-in
Nilχa köün Odčigin!

Heligetü kemegdeyü.
Erte untaγči,
Oraya bosuγči.
Baruan-ača ber
Ülü χočoruyu.
Bayidał-ača ber
(Ülü) χočodayu!»

kemeǰüü. Tayang-χan ügülerün: «Tein bögesü, aγuła-in horgil-degere γaruya!» kemeǰüüi.

§ 196. J̌amuχa Tayang-χau-a ede üges ein ügüleged, Naiman-nača χaγačan böldeidčü γarču, Činggis-χaγan-na kele oroγułǰu ilerün, anda-da ügüle kemen ügüleǰü ilerün: «Tayang-χan —

Üge-tür mino üküdküǰü
Ögede temečen urγuǰu γarba.
Ama-ar ałaγdaǰu ayuǰu,
Aγuła abarin γarba.
Anda χataγuǰi! Müd —
Aγula-tur γarba.

Ede esergülegü čirai ügeigün bi. Bi bürün — Naiman-ača χaγačaba!» kemeǰü ileǰüüi. Činggis-χaγan, naran ǰiłda bołdaǰu, Naχu-gün-nö aγuła-i büselgün bayiǰu χonoba. Tere süni Naiman buruγuiłan gödölkün bołun, Naχu degerečе χułałču (χułγuǰu), degere degere-en χutaγłałduǰu, yasu hüsü-ben kemkerü unałduǰu, hüngǰiu bayitała daručaǰu üküldüǰüüi. Manaγaši ino Tayang-χan-i muχudχaǰu abuba. Güčülüg-χan ögere aγsaγar ǰöen güün dayiǰin gödölǰü güyičegderün, Tamir-a güregeleǰüü. Tere güregen-düriyen bayin yadaǰu gödölǰü tudaγaǰu γarču odba. Naiman irgen-ö ułus-i Ałtai-in ölke de muχudχaǰu χuriyaba. J̌amuχa-łuγa aγsad J̌adaran, Xatagin, Sałǰiud, Dörben, Tayičiud, Unggirad kiged tende-gü oroba. Tayang-un eke Gürbesü-i Činggis-χaγan abčiraγułǰu ügülerün: «Či Mongγoł-un hünir maγui kemeǰü ese-ü bülege? Edöge yekin ireba či?» kemeǰü, Činggis-χaγan abułaγa.

§ 197. Mün Xułuγana ǰil namur Xaradał-huǰaur-a Merkidün Toγtoγa-beki-lüge Činggis-χaγan bayiłduǰu, Toγtoγa-i ködölgeǰü, Saari-keer-e irge orγa ułus ino daγuliba. Toγtoγa Xudu Čiłaun köüd-lüge-ben ǰöen güün beyes-iyen tudaγaǰu γarba. Tedüi Merkid irgen daγuliγdarun, Hoas-Merkidün Dair-Usun öki-en Xułan-χatun-i Činggis-χaγan-na üǰegülsü kemen, abču aisurun, ǰaγura čerig-üd-te ǰedgügdeǰü, Baaridai Naya-noyan-tur učiraǰu, Dair-Usun ügülerün: «Ene öki-en Činggis-χaγan-na üǰegülsü kemen

aisu bi!» kemeǰüüi. Tende Naya-noyan ügülerün: «Ökin-i čino bida χamtu üjegülüye!» kemen töridgeǰüüi, Töridgerün. Dair-Usun-i: «Či γaγčaγar oduasu, ǰaγura čerig-üd, samaγui čaγ-tur, čima-i ber ülü aγułχu, öki taki čino samaγuraχu!» kemeǰü, γurban üdür, γürban süni töridgeǰüüi. Tendeče Xułan-χatun-łuγa Dair-Usun-i abuγad, χamtu Naya-noyan Činggis-χaγan-tur gürgebe. Tendeče Činggis-χaγan Naya-i, yekin tödegeǰü aba či, kemen maši kilingłaǰu: «Xatangγuy-a maraan asaγču, ǰasaγ bołγaya!» kemen, asuγun büküi-tür, Xułan-χatun ügülerün: «Nayaa ügülelege, Čінggis-χaγan-no yeke noyan buyu bi, bida χamtu öki čino χaγan-na üjegülüya! Jaγura čerig-üd samaγuraχu! kemen idχałuγa. Edöge Nayaa-dača busud čerig-üd-tür učiraasu, samaγu-tur [tüiküi-tür] oroχuyu aǰuγu! Xai, ene Nayaa-tur učiraχui mano sayin bołba. Edöge Nayaa-daca asaγtała, χaγan soyurχaasu, Tenggeri-in ǰayaγar ečige eke töregülügsen mariyan-nača asaγuasu!...» kemen öčigülǰüüi. Nayaa asaγdarun:

«Xaγan-nača busu niγur mino ügei biǰe!
Xari irgen-ö χačar γoa öki χadun,
Γarγan sayin aγta učiraasu,
Xaγan-noan gü kemeǰü amu ǰe bi!
Egün-eče busu sedkil mino bögesü,
Üküsü bi!» kemeǰüüi.

Činggis-χaγan Xułan-χadun-no öčil ǰöbšiyeǰü, mün üdür-iyer böged bołγan soriasu, Xułan-χadun-no očil adali bołdaǰu, Činggis-Xaγan Xułan-χadun-ni soyrχaǰu taγałaba. Nayaa-in üges adali bołdaǰu, ǰobšiyeǰü; «Ünen ügetü aǰuγu!» kemen, «Yeke üyile tüšisü!» kemen soyurχaba.

VIII

§ 198. Merkid irgen daγułiǰu, Toγtoγa-beki-in yeke köün Xudu-in χadud, Tuχai Doregene ǰirin-eče Doregene-i tende Ögödai-χaγan-na ögba. Merkid-ün ǰarimud ułus dayiǰiǰu Tayiχał χorγa χorγałaǰuui. Tende Čing-gis-χaγan ǰarliγ bołurun, Sorχan-Šira-in köün Čimbai-i noyałaǰu, ǰaoun (ǰegün) γar-un čerig-üd-iyer χorγałaγsad Merkid-i egeregülün ileba. Toγtoγa Xudu Čiłaun köüd-iyer-iyen ǰoen beyes dayiǰiǰu γaruγsan-i Činggis-χaγan nekeǰü, Ałtai-in ebüre übülǰeǰü, Hüker ǰił χabur, Arai-yar dabaǰu oduasu, Naiman-o Güčülüg-χan ułus-iyen abχaγułǰu, tere dayiǰiǰu γaruγsaγar ǰöen güün Merkid-ün Toγtoγa χoyar neileǰü, Erdis-ün Buχdurma hujaur-a χamtudču, čerig-iyen ǰasaǰu aǰuγui. Činggis-χaγan gürčü bayilduasu, Toγtoγa tende šiba-in sumun-a tusdaǰu unaǰuu. Köüd ino yasu ino barin yadaǰu, beye-i ino abču odun yadaǰu, terigü ino hoγtołǰu abču yorči-

juu. Tende Naiman Merkid bołun χamtudču bayiłdun yadaǰu, buruγuiłan gödölürün, Erdiši ketülürün čubtusču ołongki-en usun-tur ükügülǰüüi. Jöen γaruγsad Naiman Merkid Erdiši ketülün baraǰu, χaγačan gödölǰüüi. Naiman-o Güčülüg-χan Uyiγurtai Xarłuud-i daγarin Sartauł-un γaǰar-a Čuimüren-e bükün Xara-kitad-un Gür-χan-tur neilen odčuui. Merkid-un Toγtoγa-in köüd Xudu, Xał (γał), Čiłaun terigüten Merkid Kanglini Kibčaγud-i daγarin yorčiǰuui. Tendeče Činggis-χaγan χariǰu, Arai-yar dabaǰu, Auruud-tur baγuba. Čimbai Tayiχał χorγa χorγałaγsad Merkid-i muχudχaǰuui. Tende Merkid-i Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun, kiduχun-i ano kiduγułǰu, hülegsed-i ano čerig-üd-te tałaγułba. Basa urida oroγsad Merkid Auruud-ača dayiǰin bosčuui. Auruud-tur bükün Kötöčin bidan-o teden-i daruǰuu. Tende Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Tungdaχa ba aγułuya! kemelüge. Müd ele dayiǰin aǰuγu!» kemen, Merkid-i ǰüg ǰüg hülittele χubiyaγułba.

§ 199. Mün Hüker ǰił
Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun,
Sübeetai-i, temür tergetü-i,
Toγtoγa-in χudu, γał, Čiłaun,
Terigüten köüd-i ino
Nekegülün ilerün,
Sübeetaya Činggis-χaγan
J̌arliγ bołǰu daγu bariγułurun:
«Toγtoγa-in Xudu, Γał, Čiłaun,
Terigüten köüd ino,
Odun oγǰadču, χarin χarbučaǰu,
Uγurγatu χułan, sumutu buχa
Bołǰu odba. Teden-i,
J̌igürtü bołǰu nisču,
Tenggeri-tür γaruasu,
Či, Sübeetai, šingχor bołǰu,
Nisčü ülü-ü bariγuǰii?
Tarbaγan bołǰu kimusu-ariyan małtaǰu,
Γaǰar-tur oroasu,
Čalir bołǰu čokiǰu eriǰü,
Ülü-ü güyičegü či?
Jiγasun bołǰu, tenggis dałai-tur oroasu,
Či, Sübeetai, gölmi χubčiγur bołǰu,
Šigüǰü χubčiǰu ülü-ü abχu či?

Basa ündür dabaγan daban,
Örgen müren ketülün ileba čima-i.
Γaǰar-un χoła-i sedkiǰü,
Čerig-ün ułaγa,
Turuγai-üdügüye χairałatχun!
Günesü ben —
Baraγai-üdügüye χučiγatχun!
Aγta turun baraasu,
Xairałaasu ülü bołuγi.
Günesün baran baraasu,
Xučaasu ülü bałuyi.
Mör-tür tano göregesün ołon bi ǰe!
Ałus sedkiǰü yabuχui-tur,
Čerig-ün güün-i
Göregesün-tür bu haγułγatχun!
Kem ügei bu abałatχun!
Čerig-ün güün-e
Günesüne nemeesün,
Önggegü-en bołtuγai kemen
Abałabasu kemleǰü abałatχun!
Kemten abad-ača anggida,
Čerig-ün güün-ö
Emegel-ün χudurγa
Bu χudurγałaγul, —
Xadaar ülü nemürgen,
Sudałbiǰu yabutuγai!
Tein ǰasałduǰu yabuasu,
Čerig-ün güün haγułun ker čidaχu?
Ein ǰasaγłaǰu böged,
J̌asaγ dabaγsad-i bariǰu nišituγai!
Bidan-o ǰarliγ dabaγsad-i,
Bidan-a taniγdaχun metüs-i
Bidan-a odču iletkün,
Bidan-a ülü taniγdaχun ołon-i
Mün tende böged mökörigülütkün!
Müren-o činaun möseldükün ta —
Mün yosuγar yabutχun!
Aγuła-in činaun ałγasałduχun ta —
Anggida ögere bu sedkitkün!

Müngke Tenggeri-de
Güčü auγa nemegdeǰü,
Toγtoγa-in köüd-i
Γar-dür-iyen oroγulуasu,
Bidan-tur abčiretaĺa yaγun bi?
Tende ta getkün!»
Kemen ǰarliγ boĺba.
Sübeetaye basa
Činggis-χaγan ügülerün:
«Bi üčügan čaγ-tur
Γurban Merkid-ün Uduid-ta
Burχan-χaĺdun-i γurban-ta
Xučiγuĺǰu, ayuγuĺdaĺaγa bi!
Teimü öšiten irgen-i
Edöge basa aman kelen aĺdaǰu odčuui.
Urtu-in üǰügür-e,
Gün-nö hiruγar-a
Gürülčetügai kemen,
Nekegülün üǰüüren,
Temür terge deledčü,
Hüker ǰil ǰaγuraγuĺba:
Bidan-i ečine ber bögesü,
Ile metü; χoĺa-ber bögesü,
Oira metü sedkiǰü yabuasu,
Degere Tenggeri-de ber
Iheegdemüi ǰa ta!»
Kemen ǰarliγ boĺba.

§ 200. Naiman Merkid-i muχadχan baraasu, J̌amuχa Naiman-ĺuγa bürün, tende ulus-iyen abdaasu, mün tabun nököd-tu oγorčaγ boĺǰu, Tangĺu degere γarču, uχulǰa aĺaǰu širaǰu iderün, tende J̌amuχa nököd tein ügüleǰüü: «Ken-ö köüd ene üdür uγuĺǰa aĺaǰu ein idemü?» kemeǰüü. Tere uχuĺǰa-in miχa iden büküi ǰaγura tabun nököd ino J̌amuχa-i γardaǰu bariǰu, Činggis-χaγan-tur abčiraǰuu. J̌amuχa nököd-tegen bariǰu iregdeǰü: Xaγan anda-da ügüle!

«Xara keriye
Xarambai noχosun
Bariǰu boĺba.
Xaraču boγoĺ

Xan-tur-iyen
Гar gürgegü bołba.
Xaγan, anda mino,
Yaγu endegü (ögdegü)?
Boro χuładu,
Borčin sono
Bariǰu bołba.
Boγoł nekün,
Budun Eǰen-iyen
Bosču nengdeǰü
Bariχu bołba.
Boγda, anda mino,
Yaγu ögdegü (endegü)?»

kemen ügüleesü, J̌amuχa-in tere üge-tür, Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Tus χan-duriyen γar gürgegsen güün-i ker aγułdaχu? Teimün güün ken-tür nököčegü? Tus χan-duriyen γar gürgegsed haran-i, uruγ-a ano gürtele, mökörigülütkün!» kemen ǰarliγ bolba. Mün J̌amuχa-in ile, ima-i γardaγsan haran-i mököriguľǰü ögba. Činggis-χaγan J̌amuχa-da ügüle kemen ügülerün:

«Edöge bida χoyar χamtudba: nököčeya!
Öregele kilgün bołułčaǰu aasu,
Ögermičilen χaγačan sedkimü či?
Edöge niken-e χamtu aǰu,
Umartaγsan-iyan duradχałduǰu,
Umtaraγsan-iyan serigülülčeǰü aya!
Ögere ber anggida yabubasu,
Ölǰetü χutuγtu anda mino bülege.
Ünen üküldüküi üdür
Öre ǰürüge-ben ebedgü bülege či.
Anggida ber ögere yabuasu,
Ałałduχui üdür —
Aγušigi ǰürüge-ben ebedgü bülege či.
Keli kemeesü?
Kereid irgen-lüge,
Xara-χałǰit eled-te,
Xadχułduχui-tur,
Ongχan ečige-de
Ügülegsed üges-iyen seregülǰü
Ilegsen tusa čino biǰe.

Basa Naiman irgen-i
Üge-er ükügüljü,
Ama-ar ałaju,
Ayuγułaγsan-iyan
Adalidχatuγai kemejü,
Kele ilegsen čino
Tusa bołjuui je!»

kemen.

§ 201. ügüleesü, Jamuχa ügülerün:

«Erte üdür, üčüged čaγ-tur,
Xorχonaγ-jubur-a,
Ülü šinggeküi idege ideldüjü,
Xan anda-łuγa anda kemeldürün,
Ülü umartaχui üges ügüleldüjü,
Gönjile-degen
Xaγałdaju aγdajuu je!
Köndöledü-de kökigüldejü,
Xałjirγu-da χadχuγdaju,
Xaγačan baraju:
Γadaγatu üges ügüleldülege! kemen,
Xara niγur-iyen
Xaγułdaχui-ača
Xalidun yadan,
Xan anda-iyan
Xałaγun čirai üjen yadaju
Yabuba je bi!
Ülü umartaχu üges
Ügüleldülege! kemen,
Hułaγan niγur-iyen
Übčigdekui-eče
Urtu sedkiltü anda-iyen,
Ünen čirai üjen yadaju
Yabuba je bi!
Edöge χan, anda mino,
Soyurχaju, nama-i
Nököčeya kemejüüi.
Nököčeküi čaγ-tur
Ese nököčeldüba bi.

Edöge anda
Toγoıiγai ułus-i
Tübšidkeba.
Xari-tutum-i
Xamtudχaba či.
Xan oron čima-dur ǰoriba.
Delegai edöge
Belen bołuγsan-tur,
Nököčeǰü yaγun tusa bołχu bi?
Munda anda-in χara süni-nö
J̌audun-tur čino oroχu bi.
Gegegen üdür-ün sedkil čino
J̌obaγaχu bi.
J̌aχa-in čino bögesün,
J̌aking-un čino örügesün
Bołχu bi.
Arbin emegetü bülege bi.
Anda-ača ałus-i sedkigü bołun,
Ałǰias bołdaba bi.
Edöge ene töıelki-tür
Anda ba χoyar-un
Urγuχui naran-nača
Šinggeküi naran-tur gürtele
Nere mino gürba ǰe.
Anda sečen eke-tü,
Törülki külüg töreǰü,
Erdemten degü-ner-tü;
Örlüg-üd nököd-iyer-iyen,
Dałan γurban aγtas-iyar-iyan bolǰu,
Anda-da hülegdeba ǰe!
Bi bürün eke ečige-deče
Üčügan χočorču,
Degü-ner ügeigü.
Eme mino domoγči!
Itegel ügeigü nököd-tü...
Tegüber Tenggeri-eče ǰayaγatu
Anda-da hülegdeba ǰe.
Anda soyurχaasu,
Nama-i ötör nögčegesü,

Anda ǰürüge-ben
Amùmu ǰe či!
Anda soyurχaǰu ał̌aγułurun,
Čisu ülü γarγan ał̌aγul!
Üküǰü gebteesü,
Ölüg yasun mino
Ündür Etügen-tür egüri turuγ,
Uruγ-un uruγ-a čino gürtele
Iheeǰü ögsü,
Hirüger bołuyu ǰe bi!
Ügülegsen üges mino
Ülü umartan,
Üde manaγar duradču,
Ügüleldütkün ta!
Edöge nama-i ötörletügai!»

kemen ügüleesü, edeger üges-tür ino Činggis-χaγan ügülerün: «Anda mino anggida ber yabuǰu, bidan-tur aman dügüren keleleǰü, amin-tur χor sedkiǰü-i ino ese sonosdaba ǰe. Surdaχu güün bülege. Mün ülü bołumui. Ükügülüya kemeesü tölge-tür ülü oromui. Šiłtaγan ügei amin-tur χor kiesü ülü ǰokimui: kündü mörtü güün bi. Ene maγa šiłtaγan ino ügületkun: Erte J̌oči-Darmała Taičar χoyar-un aduγu-ban degermedülčegsen-ö tula J̌amuχa anda, či buruγuya bułχa köitčü ireǰü, Dałan-bałǰud-ta χadχulduǰu, J̌erene-χabčiγaya χorγoǰu, nama-i tende ese-ü ayuγułuγa či? Edöge nököčeya kemeesü, ülü bołuyu. Amin čino χairaasu, ese bołba či! kemen ügületkun. Edöge čino üge-ber čisu ülü γarγan nögčigetügai kemen ügüle!» kemeged, «Čisu ülü γarγan nögčigeǰü, Yasu ino ile bu getkün, sayitur baritχun!» kemen ǰarliγ bołba. J̌amuχa-i tende nögčigeǰü, yasu ino bariγułba.

§ 202. Tedüi sisgai toγurγatu ulus-i šiduryudχaǰu, Bars ǰil, Onan-no terigün-e χuriǰu, yesün költü čaγaγan tuγ bayiγułuγad, Činggis-χaγan-na χan nere tende ögba. Muχali-da Go-vang nere tende ögba. J̌ebe-i Naiman-no Güčülüg-χan-i nekegülun tende gü ǰaγuraγułba. Mongγolǰin ułus-i ǰibšiyerün baraǰu, Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Ułus bayiγułčan yabułduγsad ta mingγan mingγałaǰu, mingγad-un noyad tüsiǰü, soyrχał üge ügülesü!» kemen ǰarliγ bołba. Mingγad-un noyad tüšin nereidürün: 1) Münglig-ečige; 2) Boorču; 3) Muχali-Gö-wang; 4) Xorči; 5) Ilügai; 6) J̌ürčedai; 7) Xunan; 8) Xubiłai; 9) J̌elme; 10) Tüge; 11) Degai; 12) Tołoan; 13) Onggür; 14) Čülgetai; 15) Boroχuł; 16) Šigiχutuχu; 17) Güčü; 18) Kököčü; 19) Xorγosun; 20) Hüsün; 21) Xuyiłdar; 22) Šilügai; 23) J̌etai; 24) Taχai; 25) Čaγaan-γoa; 26) Ałaγ, 27) Sorχan-Šira;

28) Bułuγan; 29) Xaračar; 30) Kökö-Čos; 31) Süiketü; 32) Nayaa; 33) Ĵungsu; 34) Güčügür; 35) Bała; 36) Oronartai; 37) Dair; 38) Müge; 39) Buĵir; 40) Münggüür; 41) Dołoadai; 42) Bögen; 43) Xudus; 44) Marał; 45) Ĵebke; 46) Yuruχan; 47) Kökö; 48) Ĵebe; 49) Udutai; 50) Bała-čerbi; 51) Kete; 52) Sübeetai; 53) Müngkö; 54) Xałĵa; 55) Xurčaχus; 56) Geügi; 57) Badai; 58) Kišliγ; 59) Ketai; 60) Čaurχai; 61) Unggiran; 62) Toγoan-Temür; 63) Megetü; 64) Xadaan; 65) Moroχa; 66) Dori-Buχa; 67) Iduχadai; 68) Širaχul; 69) Daγun; 70) Tamači; 71) Xauran; 72) Ałči; 73) Tobsaχa; 74) Tungχuyidai; 75) To-Buχa; 76) Aĵinai; 77) Tüideger; 78) Sečaour; 79) Ĵeder; 80) Ołar-güregen; 81) Kinggiyadai Buχa-güregen; 82) Xuril; 83) Ašiγ-güregen; 84) Xadai-güregen; 85) Čigü-güregen; 86) Ałči-güregen; 87, 88, 89) γurban mingγad unggirad; 90) Butu-güregen; 91, 92) χoyar mingγad ikires; 93) Onγud-un Ałaχuš-digitχuri-gürgen; 94, 95, 96, 97, 98) Tabun mingγad Ongγud,— hoi-in irgen-eče anggida, Mongγoł ułus-un mingγad-un noyad-i Činggis-χaγan-no nereidügsen yeren tabun mingγad-un noyad bołba.

§ 203. Güreged-lüge niken-e. Basa Činggis-χaγan ĵarliγ bołurun, edöge nereidügsed yeren tabun mingγad-un noyad-i mingγan tüšiged bürün, tere dotora Činggis-χaγan ĵarliγ bolurun; «Tusatan-a soyurχał ögsü kemen, Boorču, Muχali terigüten noyad-i iretügai!» kemeküi-tür, ger dotora Šigi-χutuχu bülege. Urira od kemen Šigi-χutuχu-da ügüleesü, Šigi-χutuχu ügülerün: «Boorču Muχali tan —

Ken-eče hülegü tusa kilege?
Ken-eče hülegü güčü ögülege?
Yaγun-dutaγu tusa ese bołułaγa?
Yaγun dutaγu güčü ese ögülege bi?
Ölegaitai büküi-eče
Ündur bosoγa-tur čino
Erigün-tür edüi saχał urγutała ösčü
Ögere ese sedkiba ĵe bi.
Ała-tur šigegte-eče
Ałtan bosoγa-tur čino aĵu,
Aman-tur saχał edüi urγutała ösču,
Ałĵiyas ese getkiba ĵe bi.
Köl-düriyen kebtegülĵü,
Köüčilen ösgeba ĵe nama-i.
Dergede-en kebtegülĵü
Degüčilen ösgeba ĵe nama-i!

Edöge nada yambar soyurχał ögümü?» kemeǰüüi. Tere üge-tür Činggis-χaγan Šigi-χutuχu-da ügülerün: «J̌irγoduγar degü busu-u či? Oroču degü-degen, čimada, soyurχał degü-ner-ün χubi-yar χubiłałdu. Basa tusas-un čino tuła yesün, ałdał-tur bu ałdatuγai!» kemen ǰarliγ bolba. Müngke Tenggeri-de iheegdeǰü, gür ułus-ı ǰüglegülǰü bükü-tür, či —

Üǰegü-in nidün,
Sonosχu-in čikin

bołǰu, gür ulus-i Eke-de, Bidan-a, Degü-ner-e, Köüd-te χubi irgen-ö nere-er isgai tuγurγatan-i (č)iričegülǰü, χabdasun egüde-ten-i χaγačaγułǰu χubiłaǰu ög! Ken ber čino üge buši bu bołγatuγai! kemen ǰarliγ bołba,— Basa Šigi-χutuχu-i: «Gür ułus-un χułaγai-i kesegeǰü, χudal-i moχaγaǰu, ükügüldekün yosutan-i ükügül, ałdaγułdaχun yosutan-i ałdaγuł! kemen Gür Degere-in J̌arγu tüšiba. Basa Gür irgen-ö χubi χubiłaγsan-i, ǰarγu ǰarγułaγsan-i Kökö Debter bičig bičiǰü debterleǰü, uruγ-un uruγ-a gürtele Šigi-χutuχu-in Natur eyetüǰü yosułaǰu kökö bičig čaγaan čaarsun-tur debterlegsen-i bu yegütketügai. Yegütkekün haran ałdałtan bołtuγui!» kemen ǰarliγ bołba. Sigi-χutuχu ügülerün: «Mino metü oroču degü sačaγu dengrečen χubi ker abχu? Soyurχaasu, široai yoγurχatu bałaγasun-ača öggü-i χaγan-no Soyurχał medetügai!» kemen öčiǰüü. Ene üge-tür. «Öberün beyeben či čaγłaba, či mede!» kemeba. Šigi-χutuχu öber-iyen tein soyurχaγułun baraǰu γarču Boorču Muχali tan noyad-i uriǰu oroγułǰuu.

§ 204. Tende Činggis-χaγan, ǰarliγ bołǰu, Münglig-ečige-de ügülerün

«Töregü-lüge
Töreldügsen,
Ösgu-lüge
Ösülčegsen,
Ölǰeitü χutuγtu či!»

«Tusa iheel čino kedün ber aǰuγu ǰe! Tere dotora: Ongχan-ečige Sanggün-anda χoyar nama-i arγadan uriγsan-tur, aisurun ǰaγura Münglig-ečige-in ger-tür χonoasu, Münglig-ečige či ese idχaasu,

Huyarun bükü usun-tur,
Hułałun bükü γał-tur —

oroγdaγai bülegai ǰe! Tere tusa-i sai sedkiǰü uruγ-un uruγ-a gürtele ker umartaγdaχu? Tere tusa sedkiǰü edöge saγuri ene nou huǰaur-a saγułǰu, hon-tur sataǰu öglige soyurχal čimada ögsü, mariyan asuγai, uruγ-un uruγ-gürtele!» kemen ǰarliγ bołba.

§ 205. Basa Činggis-χaγan Boorču-da ügülerün: Üčügan čaγ-tur sirγa aγtatan naiman morid degermedteǰü, ǰaγura γurban χonoǰu nekeǰü aisuχui-tur ǰolγalduba ǰe. Či tende ügülerün: Mungtaniǰu aisuχui nökür-tür nököčeldüsü! kemen, ger-tür ečige-düriyen ber kelen ügeigü, gegü-ben saγan arun, nambuγa saγulγa-ban kegere bürgüǰü, Mino oγotur χongγor-i talbin γulǰu, Nada oroγ šingχula-i unoγulǰu, či öbesün χurdun χubi-i unoǰu, aduγu-ban eǰen ügei talbiǰu yaγa:aǰu, kegere-eče büed nama-luγa nököčeǰü, basa γurban χonoγ nekeǰü, širγa aγtatan-i degermedügsen güregen-tür gürüesü, güreen-ö kiǰiγar-a bayiχun-i degermedün hüldeǰü dutaγaǰu ačiraba ǰe bida χoyar. Ečige čino Naχu-Bayan aǰuγu. Či, γaγča köün ino, yaγu medeǰü Nadur nököčegü bülege? Sedkil-ün külüg-iyer nököčeba ǰe či! Tegün-ö χoina sedkiǰü yabuǰu, Bi Belgütai-i ileǰü nököčeya kemebesu, či

Bökötür χongγor-i unoǰu,
Boro örmöge-ben böktürčü.

nököčen ireesü, γurban Merkid bidan-tur ireǰü, Burχan-ni γurbanta χučiγulχui-tur, χučilduba ǰe či. Basa tegün-ö χoina Tatar irgen-tür Dalannemürges-te šitügeldüǰü χonoasu, χura üdür süni ürgülǰi ǰüsereküi-tur, süni nama-i noir atuγai kemén, nemürge-ben nemürügseger, Mino degere χura ülü čuburiγulun, süni daγustala bayiǰu, öregele köl-iyen γaγčan-da yegüdkeǰü bülege či. Külüg-ün čino belge aǰuγu ǰe! Tegün-eče busu ali külüg-i čino ügüleǰü daγusχu? Boorču, Muχali χoyar

J̌öb Mino yabutala ǰigtüǰü,
Buruγu-i Mino bayitala idχaǰu —

ene Oron-tur gürgeba. Edöge bürin-ö degere saγuri saγuǰu, yesün aldaltur bu aldatuγai! Boorču baraγun γar-un Altai derelegün-ö tümen medetügai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 206. Basa Muχali-da Činggis-χaγan ügülerün: «Bida Xorχonaγjubur-un Xutula-χan-no debsegü saγlar modun-a baγuasu, Muχali-da Tenggeri-in ǰaarin ǰaaγsan üge temdeg-ün tula, Bi tende Güün-γoa-i sedkiǰü, Muχali-da üge baraluγa. Tegüber saγuri degere saγuǰu, Muχali-in uruγ-un uruγ-a gürtele Gür irgen-ö Gö-Vang (Ong) boltuγai!» kemen Gö-Vang nere ögba. «Muχali Gö-Vang ǰegün γar-un Xaraun-ǰidun-i derelegün-ö tümen medetügai!» kemen ǰarliγ bolba.

§ 207. Činggis-χaγan Xorči-da ügülerün: «J̌öngleǰü Nama-i üčügan büküi-eče eǰiye turuγ

Noitan nobšilduǰu (nošiłduǰu),
Köiten kobšilduǰu (köšildüǰü),
Nengdü χutuγ bołǰu,
Yabuba ǰe či!

Xorči tere čaγ-tur ügülerün: J̌öng ǰöb bołuasu, Tenggeri-de sedkil-tür gürgegdeesü, nama γučin emestü bołγa kemelege či. Edoge ǰob tuła soyurχaǰu, ede oroγsad irgen-ö sain eme-i sain oki üǰeǰü, γučin emes soongγuǰu ab(a)!» kemen ǰarliγ bołba. Basa: «Xorči γurban mingγad Baarin-o degere Taχai Ašiγ χoyar-łuγa Adarkin-o Činos, Tooles, Telenggüd bolun tüme dügürčü, Xorči medeǰü, Erdiš-i χüdus Hoi-in irgen-tür gürtele nuntuγ darχałan nuntuγlaǰu, Hoi-in irgen-i daruγułun, Xorči tümen medetügai!» kemen ǰarliγ bołba. «Xorči-dača eye ügeigü Hoi-in irgen ein tein bu yabutuγai. Eye ügegü yabuχu-i yaγu saγaraγdaχu?» kemen ǰarliγ bołba.

§ 208. Basa Cinggis-χaγan J̌ürčedaya ügülerün: «Erkim tusa čino: Kereid-łuγa Xara-χałǰit eled χadχułduχui-tur, herüǰü büküi-tür, Xuyiłdar anda aman ałdaba ǰe. Üile ino J̌ürčedai či üiledba ǰe. Üiledürün, J̌ürčedai či dobtułǰu, J̌irgin-i, Tübegen-i, Dungχaid-i, Xuri-Šilemün-i, mingγan turχaud-i erkid čerig-üd-i bügüde-i daruǰu, Yeke γoł-tur gürčü, Sanggüm-ün enggesge χačar učumaγ χarbuγsan-o tuła, Müngke Tenggeri-de egüden ǰiłoγa negegdeba ǰe. Sanggüm-i ese širχaγsan bögesü, yambar maγa bołχun bülegai bida? J̌ürčedai-i erkim yeke tusa tere bołba ǰe. Tere χaγačaǰu, Nałχa huruγu nögürün, J̌ürčedai-i ündür aγuła-in nemüre metü sedkiǰü yabuχu bülege bi. Tere odču, Bałǰuna-naγur usułara gürba ǰe. J̌iči Bałǰuna-naγur-ača moriłarun, J̌ürčedai-i ałginčiłaǰu, Kereid-tür moriłaǰu, Tenggeri γaǰar-a güčü nemegdeǰü, Kereid irge muχudχaǰu daγuliba. Erkid ułus137 ončałdaǰu, Naiman Merkid čirai-ban χuγuraǰu, bayiłdun yadaǰu busangγaγdaba ǰe. Merkid Naiman-i busangχui soor-tur Kereid-ün J̌aχa-Gambu ǰirin ökiduen šiłtaγ-iyar öberün χariyatan ułus-iyar-an tumutaχa aγsanaǰuγu ǰe. Nökögete dayisun bołun χaγačaγsan-i J̌ürčedai üdüǰü, arγa-bar J̌aχa-Gambu-i χaγačan baraγsan-i γartaǰu bariǰu bütügeǰüü ǰe. Tere J̌aχa-Gambu-in ułus-i nökögete ülüdkan tałaba. J̌yrčedai-in nököge tusa ino ene bi ǰe!

Ałałduχui üdür
Ami-yan öregsen-ö tuła,
Üküldüküi üdür
Ölmüregsen-ö tuła —

Činggis-χaγan Ibaχa-beki-i J̌ürčedaye soyurχaǰu ögürün, Ibaχa-da ögülerün: Čima-i

Ülge-čegeǰi ügegüi,
Üǰesküleng tała maγui —

ese kemeba ǰe bi. Ebür-tür, köl-tür oroγsan, ǰerge-tür ǰergelen baγuγsan cima-i J̌ürčedaye soyurχarun, yeke Töre sedkiǰü, J̌ürčedai-in

Xadχułduγan üdür
Xałχa bołuγsan-o,
Dayisun güün-tür
Dałda bołuγsan-o,
Xaγačaγsan ułus
Xamtudχaγsan-o,
Butaraγsan ułus
Bügüdgeldügsen tusas-un ino,

Töre sedkiǰü čima-i ögba. Mono χoina, Mino uruγ Bidan-o Oro saγuǰu, ene metü tusa kigsen, Töre sedkiǰü, Mino üge buši üłü bołγan, uruγ-un uruγ-a gürtele, Ibaχa-in oro bu tasułtuγai!» kemen ǰarliγ bołba. Basa Činggis-χaγan Ibaχa-da ügülerün: «J̌aχa-Gambu ečige čino čimada χoyar ǰaγud inǰes čimada Ašiγ-Temür baγurči, Ałčiγ baγurči χoyar ögčü bülege. Edöge Uruud irgen-tür či odurun, geriyes-iyen Nada inǰes-eče-en Ašiγ-Temür baγurči-en niken ǰaγun-i ögčü od!» kemeǰü abua. Basa Činggis-χaγan J̌ürčedaye ügülerün: «Ibaχa-iyen čimada ögba. Dörben mingγad Uruud-iyen či medeǰü ülü-ü aχu či?» kemen soyurχaǰu ǰarliγ bołba.

IX

§ 209. Basa Činggis-χaγan Xubiłaya ügülerün:

«Güčütü-in —
Güǰügün,
Bökö-in —
Bögse daruǰu

ögba ǰe či! Ede Xubiłai, J̌elme, J̌ebe, Sübeetai ta dörben noχas-iyen sedkigsen-tür ǰoriγułǰu (ǰaoriułǰu) ileesü,

Gür kemegsen-tür
Gürü kemkelün,
Γar kemegsen-tür
Xada χaγałun,
Čaogen čiłaun-i čaoułun (čoγurun)
Čeel usun-i nitułun

abai ǰe ta! Xubiłai, J̌elme, J̌ebe, Sübeetai ta dörben noχas-iyen ǰoriγsan γaǰar-a ileǰü, Boorču, Mūχali, Boroχuł, Čiłaun-Baγatur ede dörben külügüd-iyen dergede-en aasu, χadχułduγan üdür bołuasu, J̌ürčedai Xuyiłdar χoyar-i Uruud Mangχud-iyaran urida-an bayiγułuasu, bügüde sedkil-iyen amuχu bülege bi! kemeba. Či, Xubiłai, čerig-ün üile bügüde-i aχałaǰu ülü-ü aχu?» kemen soyurχaǰu ǰarliγ bołba. Basa: Bedüün-o moǰirχaγ-un tuła, bi maγuiłaǰu yabuǰu mingγan ese ögba. Či imada ǰöb bi ǰe. Čima-łuγa mingγałaǰu eyetüldüǰü yabuγdaχu! kemeba. Basa: Mono χoina Bedüün-i uχat ǰe Bida! kemeba.

§ 210. Basa Činggis-χaγan Genigedai Xunan-a ügülerün: «Ta, Boorču Muχali terigüten noyad, ta, Dodai Doχołχu tan čerbin-e ene Xunan

Xara süni —
Gendü čino,
Gegeen üdür —
Xara keriye bołǰu,
Nögüküi-tür
Ese ünǰigsen,
Ünǰiküi-tür
Ese nögügsen,
Busu güün-lüge
Buši niγur ese ǰübčigsen,
Öšitü güün-lüge
Ögere niγur ese ǰübčigsen.

Xunan Kökö-Čos χoyar-ača eye ügegü bu üyiletkün! Xunan Kökö-Čos χoyar-tur eyetüǰü üyiletkün!» kemen ǰarliγ bołba. «Köüd-ün Mino aχa Joči bi ǰe. Xunan Geniges-iyen terigüleǰü, Joči-in doro tümen-ö noyan bołtuγai!» kemen ǰarliγ bołba. Xunan Kökö-Čos Degai Usun-ebügen ede dörben

Üǰegsen-iyen
Ülü niγun,
Sonosuγsan-iyen
Ülü χa' čiχun bülege.

Ede dörben bi ǰe.

§ 211. Basa Činggis-χaγan J̌elme-de ügülerün: J̌arčiudai-ebügen güregeben ürčü J̌elme ölegai-teeče Burχan-χałdun-ača baγuǰu irerün, Onan-no Deligün-bołdaγ-a nama-ǐ töreküi-tür, bułγan nelke ögčü bülegai. Tere nököčegseger

Bosuγa-in
Boγoł,
Egüden-o
Emčü bołba ǰe.

J̌elme-in tusa ino'ołon bi ǰe.

Törekü̈i-lüge
Töröldügsen,
Öskü̈i-lüge
Ösülčegsen,
Bułγan nelke huǰaurtu,
Ölǰetü, χutuγtu J̌elme,
Yeüsn ałdaasu,
Eregü-tür bu orotuγai!»

kemen ǰarliγ bołba.

§ 212. Basa Činggis-χaγan Tołun-a ügülerün: «Ečige köün öere mingγa ker medegülülege či? Ułus χuriyałdun ečige-deče öröle ǰiür bołun ǰigtüldüǰü ułus χuriyałduγsan tuła čerbi nere ögbe ǰe. Edöe öerün ołuγsan ǰöcgsen-iyer-iyen öerün mingγa bołǰu Turuχan-tur eyetüldüǰü ülü-ü aχu či?» keen ǰarliγ bołba.

§ 213. Basa Činggis-χaγan Önggür baourči-da ügülerün: «Γurban Toχuraut, tabun Tarγud, Münggetü Kiyan-o köü, či Önggür, Čangšind Bayaud-iyar, ta nadur niken güreen bołǰu, či Önggür

Budan-tur —
Ese tooriba ǰe či,
Bułχa-tur —
Ese χaγačaba ǰe či.
Noyitan —
Nobšilduǰu,
Köyiten —
Köbšiłdüǰü yabuba ǰe či!

Edöe yambar soyurχal abχu či?» keeesü, Önggür ügülerün: «Soyurχał soongγuuluasu, Bayaud, aχa deü mino, χari χari tutum-tur bura tara bui. Soyurχaasu, Bayaud, aχa deü-iyen čiułγasuγai!» keeesü: «J̌e, teyin! Bayaud, aχa deü-iyen čiułγaǰu či mede, mingγan!» keen ǰarliγ bołba. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Önggür Borouł χoyar baraun ǰaoun eteet ta χoyar baourčin ideen tukeerün, baraun eteet bayiγsan sauγsan-a ülü dutaułun,

ǰaoun eteet ǰergelegsen esegsen-e ülü dutaułun, ta χoyar-i teyin tugeeesü, mino χoołai ülü χučin sedkil amuyu. Edöe Önggür Borouł χoyar moriłaǰu γabuǰu idee olon güün-e tugeetkun!» keen ǰarliγ bołba. «Sauri saurun Yeke Tüsürge-yin baraun ǰaoun eteet idee basaałaǰu sautχun! Tołun-tan-łua tüblen sautuγai!» keen saurin ǰiaǰu ögba.

§ 214. Basa Činggis-χaγan Boroχuł-a ügülerün: «Eke mino Šigi-χutuχu, Boroχuł, Güčü, Kököčü ta dörben-ni irgen-o nuntuγ-ača

Köser-eče ołǰu,
Köl-dür-iyen dürüǰü,
Köüčilen asaraǰu teǰierün,
Güǰüün-eče tano tataǰu,
Güün-lüe saačaun bołγaǰu;
Egem-eče tano tataǰu,
Ere-lüe sačaun bołγaǰu,

köüdüen mana nökör seüder bołγasu, keen, teǰiyebe-ǰe. Tani teǰiyegsen hači-ban eke-de maγa mino kedüi hači tusa χariułba ta! Boroχuł nadur nököčeldüǰü,

Xurdun ayan-tur
Xura süni
Xoosun ese χonoułba ǰe či!
Šitüeleldüǰü büküi dayisun-tur
Šülen ügei ese χonoułba ǰe či!

Basa ebügęs ečige-yi baraγsad öšiten kišiten Tatar irgen-i doroyidaułǰu, ösül ösün, kisal kisan, Tatar irgen-i čiun-tur üliǰü ülitkan kiduχui-tur ałaγdarun, Tatar-un Xargil-Šira, ourčaγ bołun γarču, ǰiči yadaǰu ölöčü oroǰu ireǰü, eke tür ger-te oroǰu: «Sayi eriülsün buyu bi!» keeǰü, sayi eriülsün böesü, tende sau! keegdeǰü, höreneǰi iseri-yin ałaun-a üǰüür-e sauǰu büküi-tür, Tołui tabun nasutu γadan-ača oroǰu ireǰü, ǰiči güyiǰü γarču odun büküi-yi Xargil-Šira bosuad, köüken-i suu-dur-iyen χabčiǰu, γarču γabuǰu ayisurun, kituγai-ban temteǰü ǰuγułun yabuχui-tur, Boroχuł-un gergai Ałtani eke-yin ger-tür dorona sauǰu bülege. Eke χayiłaǰu — köün baraba! — keeküi-lüe, Ałtani udaarałdun güyiǰü γarułčaǰu, Xargil-Šira-yin χoyinača güyičeǰü, šibilger ino bariǰu, nököe γar-iyar-iyen kituγai ǰuγułun büküi γar ino bariǰu tataχui-łua, kituγai ban ałdaǰuui. Ger-ün ümer-e J̌etai J̌elme χoyar muχułar χara hüker telen ałaǰu büküi-tür, Ałtani-yin daoun-tur J̌etai J̌elme χoyar süke bariǰu noduγas-iyen hułaadaǰu güyiǰü ireǰü, Tatar-un Xargil-Šira-yi süke-ber, kituγai-bar mün tende ałaǰuui. Ałtani

J̌etai J̌elme γurban köün-o amin aburaγsan ǰuldu temečeɫduesü, J̌etai J̌elme χoyar ügülerün: Mani ügei böesü, ötör güyiǰü ese aɫaasu, Aɫtani eme güün yekin bülege? Koün-o amin-tur χor gürgegü bülege! J̌uldu manoi bii ǰe! keeba. Aɫtani ügülerün: Mino daoun ese sonosuasu, ta ker irekün bülegai? Namayi güyiǰü güyičeǰü, šibilger ino bariǰu, kituγai ǰuγuɫuγsan γar ino tataǰu, kituγai ese aɫdaγsan böesü, J̌etai J̌elme χoyar-i gürčü iretele, köün-o amin-tur χor ülü-ü gürgegü bülege? keeba. Ügülen baraasu, J̌uldu Aɫtani-yin boɫba. «Boroχuɫ-un gergai Boroχuɫ-tur nököe kilgün boɫun, Toɫui-yin amin-tur tusa boɫba. Basa Boroχuɫ Kereyid-ɫua Xara-χaɫǰid-eled χadχuɫduχui-tur, Ögödai suǰasu-ban sumun-a tusdaasu, unaasu, Boroχuɫ deere baouɫduǰu χaχuγsan čisun ino amaar-iyen šimiǰü, süni χonoɫduǰu, manaγarsi morin-tur unouɫǰu, saun yadaχu-yi sunduɫaǰu,Ögödaiyin χoyinača teberiǰü, böglegsen čisun šimin šimin, aman-o ǰabaǰi-iyar huɫaadaǰu, Ögödai-yin amin esen gürgeǰü ireǰü bülege. Eke-yin mino teǰiyen ǰobaγsan hači χoyar köüd-ün mino amin-tur tusa boɫba ǰe! Boroχul nadur nököčeǰü,

Darbaan uriya-dača,
Daoun dem-eče —

ese χoǰidaba ǰe. Boroχuɫ yesün aɫdaɫ aɫdaasu, bu aɫdatuγai!» keen ǰarliγ boɫba.

§ 215. Basa ökin uruγ-iyen soyrχal ögüya! keeba.

§ 216. Basa Činggis-χaγan Usun-ebügen-e ügülerün: «Usun, Xunan, Kökö-Čös Degai-ede dörben-üǰegsen-iyen, sonosuγsan-iyen, ülü niun χabčin, ǰian aχun bülegai. Mongγoɫ-un Töre Noyan mör Beki boɫχui yosun aǰuui. Baarin aχa-yin uruγ bülegai. Beki mör bidano dotora Deere-eče. Beki Usun-ebügen boɫtuγai! Beki ergüed,

Čaγaan deel emüsčü,
Čaγan aγta unouɫǰu,
Sauri deere saulǰu takiǰu, —

basa hon sara sataǰu teyin atuγai!» keen ǰarliγ boɫba.

§ 217. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Xuyiɫdar anda χadχuɫduan-tur ami-iyen öreǰü, urida aman neegsen-no tusa-yin tuɫa, uruγ-un uruγ-a gürtele önöčid-ün abliχa abun atuγai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 218. Basa Činggis-χaγan Čaγan-γoa-yin köün Narin-Tooriɫ-a ügülerün: «Ečige čino Čaγan-γoa mino emüne kičiyeǰü, χadχuɫduǰu boɫun, Daɫan-baɫǰud-ta χadχuɫduχui-tur, J̌amuχa-da aɫaγdaɫua. Edöe Tooriɫ ečige-yüen tusa önöčid-ün abliχa abtuγai!» keegdeǰü, Tooriɫ ügülerün: «Soyurχaasu, Negus aχa deü mino χari tutun bura tara bi. Soyurχaasu,

Negüs aχa deü-yüen čiuɫγasuγai!» keeesü, Činggis-χaγan jarlıγ boɫurun: «Teyin böesü, Negüs aχa deü-iyen čiuɫγaǰu, či uruγ-un uruγ-a gürtele medeǰü ülüü aχu?» keen ǰarliγ boɫba.

§ 219. Basa Činggis-χaγan Sorχan-Šira-da ügülerün: «Namayi üčügan čaγ-tur, Tayičund-un Tarγutai-Kiriɫtuγ aχa deü-de nayitaǰu bariasu, tende aχa deü-deen nayitaγdamu, keen, Sorχan-Šira, Čiɫaun Čimbai köüd-iyer-iyen asarauɫǰu niuǰu aǰu, namayi taɫbiǰu ileba ǰe ta. Tere tusa sayin-i tano sedkiǰü;

Xara süni — ǰaoudun tur,
Gegeen üdür — čeeǰi-tür

sedkiǰü yabuba ǰe bi! Ta ǰe nadur Tayičiud-ača udaan-a ireba ǰe. Edöe bi tan-i soyurχaasu, yambar soyurχal taaɫaχun ta?» keeba. Sorχan-Šira, Čiɫaun Čimbai köün-iyer-iyen boɫun, ügülerün: «Soyurχaasu, nuntuγ darχaɫasu! Merkid-ün γaǰar Selengge-yi nuntuγɫaǰu darχaɫasu. Basa busu soyurχaɫ Činggis-χaγan medetügai!» keeba. Teün-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Merkid-ün γaǰar Selengge-yi nuntuγɫaǰu nuntuγ ba darχaɫatχun gü uruγ-un uruγ-a gürtele χorčiɫauɫǰu, ötögleüljü darχaɫatχun! Yesün aɫdaɫ-tur ereü-tür bu orotuγai!» keen ǰarliγ boɫba. Basa Činggis-χaγan Čiɫaun Čimbai χoyar-i soyurχarun: «Erte Čiɫaun Čimbai χoyar-un ügülegsen üges sedkiǰü ker χandaχu? Ta, Čiɫaun Čimbai, ta χoyar sedkil-iyen ügülekün böesü, dutaui-ban γuyiχun böesü, ǰaura güün-e bu keleletkün! Öerün beyer-iyer amaar nadur ta öesüd sedkigsen-iyen keleletkün! Dutau-i-an öesün γuyutχun!» keen ǰarliγ boɫba. Basa Sorχan-Šira, Badai, Kišiliγ-ta darχad basa darχaɫarun:

«Oɫon dayisun-tur haouɫǰu,
Oɫǰa oɫuasu,
Qɫuγsaar abutχun!
Oroa göreesün-tür abaɫaasu,
Oɫoγsaar (aɫaγsaar) abutχun!»

keen ǰarliγ boɫba. Sorχan-Šira keeesü, Tayičiud-un Todege-yin haran aǰuui ǰe. Badai Kišiliγ χoyar keeesü, Čeren-ö aduučin aǰuui ǰe. Edöe mino turuγ χorčiɫauɫǰu, ötögleüljü darχaɫan ǰirγatχun! keen ǰarliγ boɫba.

§ 220. Basa Činggis-χaγan Nayaa-da ügülerün: «Širγotu-ebügen, Alaγ Nayaa köüd-lüe-ben tan-ɫua, Tarγutai-Kiriɫtuγ-i bidan-tur bariǰn ayisurun, ǰaura Xutuχuɫ-noud-a gürčü, tende Nayaa ügülerün: Tus χan-iyen ker tebčiǰü bariǰu odχun bida? keeǰü, tebčin yadaǰu taɫbiǰu ileǰü, Širγotu-ebügen Aɫaγ Nayaa köüd-lüe-ben ireǰü, tende Nayaa bilǰiur ügülerün: Tus

χan-iyen Taryutai-Kiriłtuy-i yartaǰu ayisurun, ǰiči tebčin yadaǰu, tałbiǰu iǰeǰü, ba Čìnggis-χaan-a güčü ögüre ireba. Xan-iyen yartaǰu ireesü, tus χan-iyen yartaysad haran mönö χoyina ker itegdekün ede keegdekün! keeǰüü. Xan-iyen tebčin yadaba keeesü, tende tus χan-iyen tebčin yadaysan Yosu Yeke Töre-yi sedkiǰüüi! keen üge ino ǰöbšiyeǰü, niken üyile-tür tüsiye keelegai. Edöe Boorču-da baraun yar-un tümen medetügai! Muχali-da Guo-wang nere ögčü, ǰaoun yar-un tümen medeülba. Edöe Nayaa tüb-ün tümen medetügai!» keen ǰarliy bołba.

§ 221. Basa: «J̌ebe Sübeetai χoyar öerün ołuysad ǰoegseer-iyen mingyałatuyai!» keeba.

§ 222. Basa Degei χoniči-da bügdeül-i čiułyaǰu mingya medeülba.

§ 223. Basa Güčügür moči-da irge tutaydaǰu, endeče tendeče χubčiǰu, J̌adaran-ača Mułχałχu ǰüg-iyer nököčelüge. «Güčügür Mułχałχu χoyar niken-e mingyałaǰu eyetüldüǰü atχun!» keeba.

§ 224. Ułus bayiułułčaysad ǰobołduysad-i mingyad-un noyad boł-yaǰu, mingya mingyałaǰu, mingyad-un ǰaud-un harbad-un noyad tüšiǰü, tümen tümeleǰü, tümed-ün noyad tüšiǰü, tümed-ün mingyad-un noyad-ta soyurχał ögtekün metüs-e soyurχał ögčü, soyurχał ǰarliy bołχun-a bołǰu, Čìnggis-χayan ǰarliy bołuruu: «Urida nayan kebteülsütü, dałan turχay kešigten tü bülege. Edöe müngke tenggeri-yin güčün-tür, tenggeri-yaǰar-a güčü aoya nemegdeǰü, gür ułus-i šiduryudχaǰu, yayča ǰiłua-dur-iyen orou-łuysan-tur, edoe nadur kešigten turχay mingyad-ača iłyaǰu oroułutχun! Oroułurun, kebteül χorčin turχay oroułurun, tümen düürgen oroułutχun!» keen ǰarliy bołba. Basa Čìnggis-χayan kešigten iłyaǰu oroułχu-yi ǰarliy mingyad mingyad-ta tungχarun: «Bidan-tur kešigten oroułurun, tümed-ün, mingyad-un, ǰaud-un noyad-un köüd duri-yin güün-o köüd ororun, erdem-ten šil sayid-i bidan-o dergede yabuχun metüs-i orouł'tnyai. Mingyad-un noyad-un köüd-i oroułurun, harban nököd-tü, niken deü ino daχaułǰu ile-tügai. Jaud-un noyad-un köü-i oroułurun, tabun nököd tü niken deü-yi daχaułǰu iłetügai. Harbad-un noyad-un köüd-i oroułurun, duriyin güün-o köüd-i oroułurun, yurban nökör tü, niken-gü deü-yi daχaułǰu, huǰaur-ača ułaa güčü ǰasaǰu iletügai. Bidan-tur dergede yabuulχun-i bekelerün, mingyad-un noyad-un köüd-te harban nököd huǰaur mingyan ǰaun-ača χubčiǰu ögtügai. Ečige-iyen ögügsen χubi keseg böesü ino, beye yad-iyar ołuysan ǰöegsen ere ayta kedüi böesü ino, emčü χubi-ača anggida bidano kemlegsen kem-iyer χubčiǰu, teyin χubčiǰu ǰasaǰu ögtügai. J̌aud-un noyad-un köüd-te tabun nököd, harbad-un köüd-te duriyin güün-o köüd-te yurban nükod, mün-gü yosuar ino, emčü χubi-ača anggida, mün teyin χubčiǰu ögtügai!» keen ǰarliy bołba. Mingyad-un ǰaud-un harbad-un noyad ołon

güün bidano ene ǰarliγ gürgeülüed sonosuad bürün, dabaχun haran aldaltan boltuγai. Bidan-tur kešigten oroulda̧χun haran, buldariǰu ülü bolχun haran bidano dergede yabuχui-ban berkešiyeesu, busu-yi oroulǰu, tere güün-i ereüleǰü, nidun-o ečine χolo γaǰar-a ileye!» keen ǰarliγ bolba. Dotona bidano dergede yabuǰu surulčasu keeǰu bidan-tur irekün haran-i bu idχatuγai!» keeba.

§ 225. Činggis-χaan-o ǰarliγ boluγsaar, mingγad-ača ilγaǰu, ǰaud-un harbad-un noyad-un köüd-i mün-gü ǰarliγ — iyar ilγaǰu γarγaǰu ileǰü, urida nayan kebteül bülegai — naiman ǰaud bolγaba. Naiman ǰaud deere mingγa düürgetügai! keeba. Kebteül-tür oroχun-i bu idχatuγai! keen ǰarliγ bolba. Kebteül-i Yeke-Neürin aχalaǰu, mingγa medeǰü atuγai! keen ǰarliγ bolba. Urida dörben ǰaud χorčin ilγaba. Ilγaǰu χorčin-i J̌elme-yin köün Yesüntee aχalaǰu, Tüge-yin köün Bügidai-lüe eyetüldüǰü atuγai! keeba. Turχaud-luγa χorčin keseg keseg-tür oroldurun, Yesüntee niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Bügida̧i niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Xorχuda̧γ niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Lablaχa niken keseg χorčin-i aχalaǰu orotuγai. Xor aγsaχuya turχaud-un keseg keseg χorčin-iyen teyin aχalaǰu oroultuγai. Xorči-i mingγan düürgeǰü, Yesüntee aχalaǰu atuγai! keen ǰarliγ bolba.

§ 226. Urida Ögelȩ-čerbi-lüe oroγsad turχaud deere mingγan düürgeǰü, Boorču-yin uruγ-ača Ögele-čerbi medetügai — keeba. Niken mingγan turχaud-i Muχali-yin uruγ-ača Buχa niken mingγan turχaud-i medetügai — keeba. Ilügai-yin uruγ-ača Alčidai-yi niken mingγan turχaud-i medetügai. Niken mingγan turχand-i Dodai-čerbi medetügai, niken mingγan tur χaud-i Doχolχu-čerbi medetügai — keeba. Niken mingγan turχand-i J̌ürčedai-yin uruγ-ača Čanai medetügai, niken mingγan turχaud-i Alči-yin uruγ-ača Aχutai medetügai, niken mingγan turχaud-i Arχai-χasar mingγan ilγaγsan baatud-i medeǰü, olon üdür tarχaγ boltuγai. Xadχulduan üdür urida bayiǰu baatud boltuγai! keen ǰarliγ bolba. Kebteül χorčin-luγa χoyar-gü mingγad bolba. Tümen kešigten bolba. Činggis-χaγan ǰarliγ bolurun: «Bidano čaada tümen kešigten-i bekeleǰü Yeke γol bolun atuγai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 227. Basa Činggis-χaγan ǰarliγ bolǰu, turχaud-un dörben kešiud-ün ötögülegün-i tüširün, «Buχa niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai. Alčidai niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai. Doχolχu-čerbi niken keseg kešigten-i medeǰü, kešigten-i ǰasaǰu orotuγai!» keen, dörben keseüd-ün ötügüs-i tüšiǰü, keseg oroχui ǰarliγ tungχarun, keseg ororun, keseg-un noyan öer-tür-iyen keseglegsed kešigten-i bügütkeǰü, keseg oroǰu γurban χonolduǰu yeudkeldütügai. Kešigtü güün keseg

hoaraasu, tere keseg hoaraγsan kešigtü-yi γurban beriyes suyituγai. Mün kešigtn basa nököete keseg hoaraasu, doloan beriyes suyituγai. Basa mün güün, beye γad öbečin ügei, keseg-un noyad-tur eye ügeü, basa mün kešigtü γurbanta keseg hoaraasu, γučin doloan beriyes süyüed, bidan-tur yabuχui-ban berkešiyen ajuu. Ečine χolo γajar-a ileye, keen jarliγ bolba. Keseüd-ün ötögüs γutaar γutaar keseg-tür ene jarliγ kešigten-e sonosχatχun. Ese sonosχaasu, keseüd-ün ötogus aldaltan boltuγai. Jarliγ sonosuad bürün dabaasu, jarliγ-un yosuar keseg hoaraasu, kešigten aldaltan boltuγai, keen jarliγ bolba. Keseüd-ün ötögus aχalaγdaba ele keen, sačaun oroγsad mino kešigten-i nadača eye ügei bu hončidutχun. Jasaγ köndeesü, nada jiatχun. Mököriülkün yosutan böesü, bida mököriülüye. NišiγdaXun yosutan böesü, kebteüljü nišit je. Aχalaba ele keejü, sačaun kešigten-i mino öerün γar köl gürgejü beriyedesü, beriye-yin χariγu beriye-gü, nodurγa-yin χariγu nodurγa-gü χariγultuγai!, keeba.

§ 228. Basa Činggis-χaγan jarliγ bolun: «Γadanadus mingγad-un noyad-ača mino kešigtü deere bi je. Γadanadus jaud-un harbad-un noyad-ača mino kešigtü-yin kötöčin deere bi je. Mino kešigten-tür γadanadus mingγaliγud sačaun bolju denggečen mino kešigtü-tür kereldüesü, mingγaliγudai güün-i ereüleye!» keen jarliγ bolba.

§ 229. Basa Činggis-χaγan jarliγ bolurun, Keseg keseüd-un noyad-ta jarliγ tungχarun: «Xorčin turχaud keseg oroju, üdür-ün yabudal jüg jüg mör mör-tür-iyen yabuju, naran-o γaltaya kebteül-e jayilaju, γadaha γarču χonotuγai. Bidan-tur süni kebteül χonan atuγai. Xorčin χor, baourčin ayaγa saba kebteüle tauljn odtuγai. Γadana χonoγsad Xorčin, turχaud baourčin bidani šülen idetele kilüe-tür sauju, kebteül-tür kelečilejü, šülen iden baraasu, χorčin χor-tur, turχaγ saurin-dur-iyen, baourčin ayaγa saba-dur-iyen taaraldutuγai. Keseg keseg oroχun mün mün yosuar, ene χauli-bar teyin kitügai! keen jarliγ bolba. Naran šinggegsen-o χoyina ordo-yin χoyinaun uridaun ketügeljen yabuχu güün-i bariju, kebteül bariju, χonoju, manaγari kebteül üges ino asaγtuγai. Kebteül keseg yeüdkeldürün, belge ano daulju oroju iretügai. Yeüdkejü γarχun kebteül taulju-gü γarču odtuγai! keeba. Kebteül süni ordo horčin gebtejü, eüten daruju bayiγsad kebteül süni oroχun haran-i ekid ano dalbaru murus ano bautala čabčiju oorutχun. Yaaral keleten haran süni ireesü, kebteül-tür kelelejü, ger-ün ümereče kebteül-lüge χamtu bayiju keleleültügai! keeba. Kebteül-eče deere sauri ken ber bu sautuγai. Kebteül-eče kelen ügei ken ber bu orotuγai. Kebteül-ün degeün ken ber bu yabutuγai. Kebteül-ün jaχaun bu yabutuγai. Kebteül-ün toa bu asaγtuγai. Kebteül-ün degeun yabuχun haran-i kebteül barituγai, jaχaun yabuχun haran-i kebteül barituγai. Toa asaγu-

san güün-i tere-gü üdür-ün unoγsan aγta emeeltü χadartu-yi, emüsügsen χubčasun selte kebteül abtuγai! keen ǰarliγ bołba. Elǰigedai itegeltu böetele, ǰiłda kebteül-ün degeün yabuχu bołun, kebteül-e ker bariγdałuγa?»

X

§ 230. Čingis-χaγan ügülerün:

«Eületai süni
Örügetai ger mino
Eeren kebteǰü,
Örüg nota untaułǰu,
Ene oron-tur gürgegsen
Ötögüs kebteül mino.

* * *

Hodutai süni
Ordo ger mino
Horčin kebteǰü
Oron dotora ese oγǰadχaγsan
Ölǰeten kebteül mino
Üntür oron-tur gürgebe.

* * *

Silǰirin büküi boroon-a,
Šilgütkan büküi ǰüen-e,
Čidχun büküi χura-da
Šiltesütai ger mino horčin,
J̌irin ülü kin bayiǰu,
J̌irüge amuułuγsan,
Čing sedkilten kebteül mino,
J̌irγałang oron-tur gürgebe.

* * *

Ibülün büküi dayisun dotora
Irgetai ger mino horčin
Hirmes ülü kin
Idχaǰu bayiγsad
Itegelten kebteül mino!
Uyiłsun χor
Hubis kiküi-tür,

Udał ügei bayidałtan,
Uriyałχun kebteül mino.
Xutan χor
Hubis kiküi-tür
Xoǰit ese bayiγsad,
Xurdun yabudałtan
Kebteül mino,
Ölǰeten kebteül mino,
Ötögüs kebteül keetkün.
Ögöle-čerbi-lüge
Oroγsad dałan turχaγ-i
Yekes turχaud keetkün.
Arχayin baatud-i
Ötögus baatud keetkün.
Yesüntee Bugidai tan χorčin-i
Yekes χorčin keetkün!»

keen ǰarliγ bołba.

§ 231. Yeren tabun mingγad-ača mino beye čaada enčülen iłγaǰu iregsed tümen emčü kešigten-i mino mona χoyina mino oro sauγsan köüd urug-un urug-a mino ede kešigten-i geriyes metü sedkiǰü ülü gemüriülün sayitur asaratχun. Ede tümen kešigten-i mino nengduud χutuγ keeǰü ülüü aγduai? keeba.

§ 232. Basa Činggis-χaγan ügülerün, ordo-yin čerbin ökid-i, ger-ün köüd temeečin-i hükerčin-i kebteül basaałaǰu, ordö-yin ger tergen-i asaratuγai. Tuγ güürge doro ǰida kebteül asaratuγai. Ayaγa saba kebteül-gü asaratuγai. Bidano undan ideen-i kebteül daruγałatuγai. Ötkan ber miχan ideen-i kebteül daruγałaǰu bołγatuγai. Undan ideen-i χor χomsa bołuasu, daruγałaγdaγsad kebteül-eče eriye! keeba. Xorčin undan ideen tügeerün, daruγałaγsad kebteül-eče eye ügei bu tügeetügai. Idee tügeerün, urida kebteül-eče teriülen tügeetügai! keeba. Ordo ger-tür oroχu γarχu-yi kebteül ǰasatuγai. Eüten-tür kebteül-ün eüdečin ger čaada bayituγai. Kebteül-eče χoyar oroǰu Yeke tüsürge barin atuγai! keeba. Kebteül-eče nuntuučin yabuǰu ordo ger baoułtuγai! keeba. Bidani šibaoułaχui abałaχui-tur, kebteül bidan-łuγa šibaoułałdun abałałdun yabutuγai, tergen-tür ǰarimud-iyen čaγłaǰu tałbituγai! keeba.

§ 233. Basa Činggis-χaγan ügülerün: «Bidano beye čerig ese γaruasu, kebteül bidan-ača anggida čerig bu γartuγai! keeba. Eyin keeülüed, ǰarliγ dabaǰu, kebteül-i nayidaǰu, čerig γarγaχun čerig medegü čerbin ałdałtan bołtuγai! keen ǰarliγ bołba. Kebteül-ün čerig ker ülü γarγaγdamui?

keemüi je ta. Kebteül-lü mino aľtan amin sakimui. Šibaoul'an abaľan yabuχui-tur, joboľdumui. Ordo χadaγaľauľdaju nöüükü̈i-tür, ölüg-tür terge asaramui. Mino beye sakiju χonoχu kilbar-u bi? Ger tergen Yeke Auruγ nöüükü̈i-tür sauχui-tur asaraχui kilbar-u bi? Teyin dabχur χaγas χaγas yabudaľtan keejü, bidan-ača anggida öere čerig bu yabutuγai keeküi teyimü bi je!» keejüüi.

§ 234. Basa jarliγ bolurün, Šigi-χutuχu-ľuγa jarγu kebteül-eče jarγu sonosuľčatuγai! keeba. Kebteül-eče χor numu χuyaγ jebe asaraju tügeeldütüγai. Aγtas-ača ačaraju hööšin ačiju yabutuγai! keeba. Kebteül-eče čerbinlüge aurasu tügeeldütügai! keeba. Xorčin turχaud-un nuntüγ jiarun, Yesüntee Bukidai tan χorčin, Aľčidai, Ögöle, Aχutai tan turχaud ordo-yin baraun eteet yabutuγai! keeba. Buχa, Dodai-čerbi, Doχoľχu-čerbi, Čanai tan turχaud ordo-yin jaoun eteet yabutuγai! keeba. Bürin kešigten turχaud-i ordo horčin ordo-yin ger-ün köüd-i, aduučin, χoničin, temečin, hükerčin-i ordo darun Dodai-čerbi uχaju atuγai! keen tüšibe. Dodai-čerbi darun aju, ordoyin χoyinača

Xoγ idejü,
Xomauľ tülejü

yabutuγai!» keen jarliγ boľba.

§ 235. Xubiľai noyan-i Xarľuud-tur jauraulba. Xarľuud-un Arsľanχan Xubiľai-tur elsen irejüüi. Xubiľai noyan Arsľan-χan-i abuad irejü, Činggis-χaγan-tur auľjauľba. Ese būľχaba keen, Činggis-χaγan Arsľan-i soyurχaju, oki ögüye! keen jarliγ boľba.

§ 236. Sübeetai baatur temür tergetü Merkid-ün Toγtoa-yin Xudu, Čiľaun teriüten köüd-i ino neken jauraju, Čui-müren-e güyičejü muχudχaju ireba.

§ 237. Jebe Naiman-o Güčülüg-χan-i nekejü, Sariγ-χun-a güyičejü Güčülüg-i muχudχaju ireba.

§ 238. Uiγud-un Iduut Činggis-χaγan-tur elčin ilejüü. Atkiraγ Darbai χoyar elčin-iyer öčijü ilerün:

Eülen ariľju,
Eke naran üjegsen metü.
Mölsün ariľju,
Müren usun oľugsan metü,

Činggis-χaγan-o nere aľdar sonosču, maši bayasba. Činggis-χaγan soyurχaasu,

Aľtan büse-yin korgi-dača.
Aľ deel-ün hürtesün-eče

ołuasu, dabtuar köün čino bołǰu, güčü ögsü! keen öčiǰü ileǰüüi. Tere ügetür Činggis-χaγan soyurχaǰu χariγu ügüleǰü ilerün: Öki ber ögüya, dabtuar köün bołtuγai! Ałtan münggü, subud tanas, načid dardas torγad abuad Iduut iretügai! keeǰü ilebesü, Iduut soyurχaγdaba keen bayasču, ałtan münggü, subud tanas, načid dardas aursun abuad, Jduut ireǰü, Činggis-χaγan-tur aułǰaba. Činggis-χaγan Iduud-i soyurχaǰü Ał-Ałtun-i ögba.

§ 239. Tałłai jil Joči-yi baraun γar-un čeriüd-iyer hoiyin irgen-tür moriłaułba. Buχa γaǰarčiłaǰu odba. Oyirad-un Xuduχa-beki Tümen-Oyirad-un urida elsen oroǰu ireba. Ireǰü, Joči-yi uduridču, Tümen-Oyirad-duriyen γaǰarčilaǰu, Šiγsit-tur oroułba. Joči Oyirad, Buriyad, Barχun, Ursud, Xabχanas, Xangχas, Tubas-i oroułuad, Tümen-Kirgisud-tur güreesü, Kirgisud-un noyad Yedi-Inał, Ałdier, Öre-beg-digin Kirgisud-un noyad elsen oroǰu, čaγaa-noud šingχod, čaγaa-noud aγtas, χara-noud bułuχad abuad ireǰü, Joči-da aułǰaba. Šibir, Kesdiin, Baid, Tuχas, Tengleg, Toeles, Tas-Baǰigid-ača inaγši hoi-yin irgen-i Joči oroułǰu, Kirgisud-un tümed-ün ming, γad-un noyad-i hoi-yin irgen-o noyad-i abugad ireǰü, Činggis-χaγan-tur čaγaa-noud šingχod-iyar, čaγaa-noud aγtas-iyar, χara-noud bułaχad-iyar aułǰaułba. Oyirad-un Xuduχa-beki-yi uγtun, urida elsen Tümed-Oyirad-iyen uduridun ireba, keen, soyurχaǰu köün-e ino Inałči-da Čečeigen-i ögba. Inałči-yin aχa Törelči-da Joči-yin öki Holuiχan-i ögba. Ałaχa-beki-yi Ongγud-a ögba. Činggis-χaγan Joči-yi soyrχaǰu ügülerün: «Köüd-ün mino aχa, či ger-teče sayi γarču, mör sayitu obuγsan, γaǰar-a ere aγta-yi ülü širχan ülü ǰobaan ölǰeitü hoi-yin irgen-i oroułǰu ireba či. Irge čimada ögsü!» keen ǰarliγ bołba.

§ 240. Basa Borouł-noyan-i Xori-tümad irgen-tür ǰauraułba. Tümad irgen-ö noyan Daiduχał-Soχor üküesü, eme ino Botoχui-tarγun Tümad irgen-i medeǰü aǰuu. Boroχuł-noyan gürčü, γurban haran Yeke-čerig-eče urida yabur-a odču, üde jilda uχamsar berke hoi-tur horum-iyar yabuχun bołun, χarauł-a ano χoyinaun dermedteǰü horum booǰu, Boroχuł-noyan-i bariǰu ałaǰuui. Tümad Boroχuł-i ałaǰuui keen medeǰü, Činggis-χaγan maši kilinglaǰü, öesün moriłan tuurbiasu, Boorču Muχali χoyar Činggis-χaan-i bayitała idχaba. Jiči Dörbe tai Dorbai-doγšin-i tüširün, čerig χatangγuya ǰasaǰu, Müngke Tenggeri-yi ǰałbariǰu, Tümad irgen-i oroułun sori! keen ǰarliγ bołba. Dorbai čerig ǰasarun, čerig-ün urida yabuχu χarauł-un sakiχu mör horum sübes-tür hoγtorγui erbegeǰeülǰü, hułaan buχa-yin yabuγsan mör-iyer čerig-üd-tür ǰasaγłarun, čerig-un tootu güün ǰirüge yadaasu, nišiχuya ere-tür γurban müsüd ürgeülǰü, süke, uχali, kirüe, šiuči ere-yin ǰerǰebseg ǰasaułǰu, hułaan buχa-yin yabuγsan mör-iyer mör-tür bayiγsan

modud hoγtočin čabčiuľǰu, kirügedeüljü mör boľγaǰu, auľa deere γaruasu, Tümad irgėn-o erüge deereče genet χurimľan sauχui-tur daouliba.

§ 241. Urida Xorči-noyan Xuduχa-beki χoyar Tümad-ta bariγdaǰu, Botoχui-tarγun-tur tende aǰuu. Xorči-yin bariγdaχu yosun. Tümad irgen-ö ökid γoas-tan γučin emes abtuγai, keen, ǰarliγ boľuγsan-tur, Tümad irgen-ö ökid abχu keen odχu boľun, urida elsegsed irgen ǰiči buľχa boľǰu, Xorči-noyan-i bariǰuui. Xorči Tümad-ta bariγdaǰuu keen Činggis-χaγan medeǰü, hoi-yin irgen-ö yabudaľ Xuduχa medemü ǰe! keeǰü ileesü, Xuduχa-beki basa bariγdaǰuu. Tümad irgen-i oroulun baraasu, Boroχuľ-un yasun-o tuľa ǰaun Tümad-i ögba. Xorči γučin ökid-i abuba. Xuduχa-beki-de Botoχui-tarγun-i ögba.

§ 242. Činggis-χaγan ǰarliγ boľǰu, eke-de köüd-te deüner-e irge χubiyaǰu ögüya keen ögörün, uľus χuriyaan ǰobaγsad eke biyu ǰe. Köüd-ün mino aχa J̌oči bi ǰe. Deüner-ün mino niľχa Odčigin bi ǰe, keeǰü, eke-de Odčigin-o χubi kied tümen irge ögba. Eke čimadču ese dungχodba. J̌oči-de yesün mingγad irge ögba. Čaadaya naiman mingγad irge ögba. Ögödaya tabun mingγad irge ögba. Toľuya tabun mingγad irge ögba. Xasar-a dörben mingγad irge ögba. Aľčidaya χoyar mingγad irge ögba. Be'gütaya niken mingγan tabun ǰaud irge ögba. Daaritai Gereyid-ľuγa boľuľčaba keen, nidun-o ečine ečidgeya! keebesü, Boorču. Muχali, Šigi-Xutuχu γurban ügülerün:

Öerün γaľ-iyen
Sünoegü metü!
Öerun ger-iyen
Ebdegü metü!

Sayin ečige-yin čino geriyes, γaγča abaγa čino χočorču amu. Ker tebčigü ino? Ese uχaγsan-tur bütügai! Sayin ečige-yin čino niľχa nuntuγ hüni butarauľčaǰu atuγai! keegdeǰü, χabar-ača hüni γangšitaľa χaγas keleleg-deǰü, «ǰe, teli!» keen, sayin ečige-yi sedkiǰü, Boorču, Muχali, Šigi-Xutuχu γurban-o kelen-tür amurliba ǰe.

§ 243. Bi eke-de, Odčigin-a tümen irge ögčü, noyad-ača Güčü, Kököčü, J̌ungsai, Xorγasun dörben-i tüšibe. J̌oči-da Xunan, Müngkeür, Kete γurban-i tüšibe. Čaadai-tur Xaračar, Müngke, Idoχudai γurban-i tüšibe. Basa Čin-gis-χaγan ügülerün: «Čaadai kečeü biyu, narin aburitu biyu. Kökö-Čos üde manaγar dergede aǰu, sedkigsen-iyen kelelen atuγai!» keen ǰarliγ boľba. Ögödai-tür Ilüge, Degai χoyar-i tüšibe. Toľui-tur J̌edai Baľa χoyar-i tüšibe. Xasar-tur J̌ebke-yi tüšibe. Aľčidai-tur Čaurχai-yi tüšibe.

§ 244. Xongotadai Münglig-ečige-yin köüd doɫoan bülegai. Doɫoan-o dumdatu Kököčü-Tebtenggeri bülege. Tede doɫoan Xongχotan Xasar-i ömeγejü jančijuui. Xasar doɫoan Xongχotan-a ömerejü jančiγdaa keen, Činggis-χaan-a sögödüesü, Činggis-χaγan busud-tur kilinglajü aχui dumda kelelegü boɫun, Činggis-χaγan kiling-dür-iyen Xasar-i ügülerün: «Amitu-da ülü iɫaγdaχu-ača bülege či! Ker iɫaγdaa či?» keegdejü, Xasar, niɫbusu aɫdaad, bosču yorčiju, Xasar mauyiɫaju γurban üdür ese ireba. Tende Tebtenggeri Činggis-χaan-a ügülerün: «Müngke Tenggeri-yin jarliγ χan jaarid ügülemü. Nikente Temüjin uɫus barituγai, nikente Xasar-i keemü. Xasar-i ese nengdeesü, medee ügei bi je!» keegdejü, Činggis-χaγan mün süni moriɫaju, Xasar-i barira oduasu, Güčü, Kököčü χoyar Xasar-i barira oduba, keen eke-de jaajuu. Eke medeed süni böed udaaran, čaγaan temeen köljü, χarautai tergetai süni-de bülin yorčiju, naran uγγuχui-ɫuγa gürüesü, Činggis-χaγan Xasar-un χančud huyaju, maχaɫai büse ino abču, üge ino asaγun büküi-dür, eke-de gürtejü Činggis-χaγan geegčü, eke-deče emiyeba. Eke aurɫaju gürčü, tergen-eče baouad, eke'öesün Xasar-un huyaγsad χančud daɫju taɫbiad, maχaɫai büse ino Xasar-a ögčü, eke kilingɫajü, aur-iyen darun yadan, jabiɫan sauju, χoyar kököd-iyen γarγaju, χoyar ebüdüg degeün bisariuɫju, ügülerün: «Üjebe-yü? Kögögsen kökön tano ene bi! Ede χadaɫun daun χarbisu-an χajaγsad, küi-iyen tasuɫuγsad, χasar yekibe? Temüjin ene niken kökö mino baraχu bülege. Xasar bürün, büri kököd mino baraju, čeeji mino aui boɫtaɫa amurliuɫju, čeeji aui boɫγaχu bülege. Tegüber erdemtü Temüjin mino čeeji erdemtü! Xasar mino χarbu güčü erdemtü tuɫa,

Xarbuɫčaju γaruγsan-i
Xarbuju orouɫχu bülege.
Oγjaɫču γaruγsan-i
Hontučaju orouɫχu bülege.

Edöe dayisun güün-i muχadχaba keejü, Xasar-i üjen yadamui ta! keeba. Eke-yi amurliuɫun baraju, Činggis-χaγan ügülerün: Eke-yi kilingɫaγdaju, ayun ba ayuba, hičen ba hičeba bi!» keejü, ičuya bida, keejü ičuba. Eke-de ülü medeülün, ečineün Xasar-un irge ino abču, Xasar-a mingγan dörben jaud irge ögba. Eke medejü, tere sedkil-tür ötör dotoraγsan yosun teyimü. Jaɫayirtai Jebke tende χuɫajiju, Barγujin oron buruudba.

§ 245. Teün-ö χoyina yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür χuriju, Činggis-χaano kilüe-deče oɫon Tebtenggeri-tür χuriχun boɫba. Teyin χuriχui-tur, Temüge-Odčigin-a χariyatan irgen Tebtenggeri-tür odčuui. Odčigin-noyan oduγsan irge-ben γuyira Soχor neretü elči-iyen ilejüüi. Tebtenggeri Soχor elči-de ügülerün: «Odčigin ta jirin elčiten boɫjuui!» keejü, Soχor

elči-yi ino ašigiju, yabuγan emeel ino ürgejü χariułjuui. Odčigin Soχor elči-iyen ašigiju yabuγan ilegdejü, manaγarši Odčigin öesün Tebtenggeri-tür odču ügülerün: «Soχor elči-iyen ileesü, ašigiju yabuγan ilejüü. Edöe bi irge-ben γuyira ireba!» keegdejü, dołoan χongχotan Odčigini endeče tendeče χaaju: «Soχor elči-iyen ilegü čino job bi?» keejü, bariχu-ača, tusχu-ača kigderün, ayuju Odčigin-noyan ügülerün: «Elči ilegü minoai buruu!» keejüü. Dołoan χongχotan ügülerün: «Buruu böesü, namančiłan sögöd!» keejü, Tebtenggeri-yin χoyinača sögödgejüüi. Irge-ben ba ese ögtejü, Odčigin manaγarši erte, Činggis-χaan-i bosuai üdüüye, oron dotora büküi-tür, orojü uyiłaad sögödčü ügülerün· «Yesün keleten irgen Tebtenggeri-tür čiułdaju, nada χariyatan irge-ben Tebtenggeri-deče γuyura Soχor neretü elči ilelüge. Soχor elči-yi mino ašigiju, yabuγan emeel ürgejü ilegdejü, bi öesün γuyura oduasu, dołoan χongχotan-a endeče tendeče χaaju, namančiłaułju, Tebtenggeri-yin χoyinača sögödkeüldebe!» keeed uyiłaba. Činggis-χaan-i dungγoduai üdüüye, Börte-üjin oron dotora öngdeyijü sauju, könjile-iyen jaχa-bar ebčeü-ben tüyidčü, Odčigin-o uyiłaχu-yi üjejü, niłbusu ałdaad ügülerün:» Yekigsed χongχotan tede!» Öčigen Xasar-i ömörejü jančiju-gü bülegai. Edöe basa ene Odčigin-i yekin χoyinača-an sögödgemüi, yambar yosun bołumui? Boł, ede jigöd-narad metüs deüner-i čino eyin oyisułałdumui! Ünen-ber mönö-χoyina —

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü ułus čino
Ken-e medeülkün tede?
Tułu metü beye čino
Tułbas oduasu,
Tüel metü ułus čino
Ken-e medeülkün tede?

Jigöd-narad metü deüner-i čino eyin oyisuładχun haran mino γurban-dörben üčüged maoun mandutała mino yau medeülkün tede? Yekigsed χongχotan bülege tede? Deüner-iyen teden-e teyin kiüljü ker üjejü amu či?» keeed, Börte-üjin niłbusun ałdaba. Börte-üjinö ene üge-tür Činggis-χaγan Odčigin-a ügülerün: «Tebtenggeri edöe iregü čidaχui-ača ker ba üyileddüesü, či mede!» keeba. Teün-tür Odčigin bosuad, niłbusu-an arčiad γarču, γurban bökös-i beledčü bayiba. Xuumut atała Münglig-ečige dołoan köüd-lüge-ben irejü, dołoan büri orojü, Tebtenggeri tüsürge-yin baraun eteet sauχui-łuγa, Odčigin Tebtenggeri-yin jaχa inó barijn: «Öčigen üdür namayi namančiłan bülege či, soriłduya!» keejü, jaχa ino bariju, eüten jüg čirba. Tebtenggeri

Odčigino esergü ǰaχa bariǰu, barilduba. Tebtenggeri-yin maχalai, barilduχui-tur, γolumta teriün-e unaba. Münglig-ečige maχalai ino abču, hünösčü, ebür-tür-iyen talbiba. Činggis-χaγan ügülerün: «Γarču bökö güčü temečeldütkün!» keeba, Odčigin Tebtenggeri-yi čirčü γarurun, eüten, bosoχa ǰaura urida beledügsen γurban bökös esergü Tebtenggeri-yi bariad čirčü γarču, niruu ino χuγulǰu, ǰaoun eteed-ün terged-ün üǰüür-e oorču, Odčigin oroǰu ügülerün: «Tebtenggeri namayi namančilan bülege. Sorilduya keeesü, ülü bolun arγalaǰü gebtemü: čaγtu nökör aǰuu!» keeesü, Münglig-ečige uχaǰu, nilbusn aldaad ügülerün:

«Dayir Etügen-i
Danglasun-o tedüi büküi-eče,
Dalai müren-i
Γoroχano tedüi büküi-eče —

nököčeba bi!» keeküi-lüge ǰirγoan χongχotan köüd ino eüten bosoǰu, γolumta toorin bayiǰu, χančud-iyen šimali χaγdarun, Činggis-χaγan gereljü šiχaγdaǰu: «J̌ayila, γaruya!» keeed, γarχu-luγa Činggis-χaan-i horčin χorčin turχaud toorin bayiba. Tebtenggeri-yi terged-ün üǰüür-e niruu χuγulǰu ooruγsan-i Činggis-χaγan üǰeǰü. χoyituul-ača niken boro χošiliγ abčiraulǰu, Tebtenggeri-yin deere ino talbiulǰu: «Kölge oroulutχun, nöüüya!» keeǰü, tendeče nöüüba.

§ 246. Teb-i talbiγsan χošiliγ-un erüge tüliǰü, eüten daruǰu hara sakiuluasu, γutuar süni, üdür šira-da, ger-ün erüge neeǰü, beye selte γarčuu. Belkaasü, maγad Teb ino belkagdaba. Činggis-χaγan ügülerün: «Tebtenggeri deüner-tür mino γar-köl gürgegsen-ö tula, Deüner-ün mino ǰaura oro ügei ǰingügü-yin tula, Tenggeri-de ese taalaγdaǰu, ami-en beye selte abču odba ǰe!» keeba. Činggis-χaγan Münglig- ečige-yi tende dungγodurun: «Köüduen aburi ülü idχan, denggečen sedkikün bolun, Tebtenggeri-yin teriün-tür gürbe ta! Tano teyimü aburi uχaγsan böesü, J̌amuχa Altan Χučar tano yosutan bolγaγdaχun bülegai ta!» keeǰü, Münglig-ečige-yi dungγodču, dungγodun baraǰu, ǰiči:

Manaγaru ügülegsen-i
Üdesi hudaruasu;
Üde-yin ügülegsen-i
Manaγar hudaruasu,

hičele maγa! Keegdegü ele, urida üge baraγdaluγa. J̌e, teli!» keen soyurχaǰu, ǰiči ǰaliraba: «Alus aburi-en tataγsan böesü, Münglig-ečige-yin uruγ-

tur ken denggečekün bülegai?» keeba. Tebtenggeri-yi ügei bolγaad, Xong-χotan čirai jibturajuui je.

XI

§ 247. Teünö χoyina Cinggis-χaγan, Xonin jil, Kitad irgen-tür morilaba. Fu-jou-yi abču, Hünegen-dabaar dabaju, Süan-de-fu-yi abču, Ĵebe Güigüneg-Baatur χoyar-i manglai ilebe. Čabčiyal gürčü, Čabčiyal-dabaan-i bekilegdejü, tende jebe ügülerün: «Ani üdüjü gödölgejü ireülün, tende soriya!» keejü χariba. Xariγdaju, Kitad-un čerig-üd nekeye keen, jölke aula bütetele nekejü ayiši. Süan-de-fu-yin χošiun-a gürčü, Ĵebe χoyinaγši uurba. Tataju dobtulju sundurču aisuχun dayisun-i daruba. Činggis-χaγan γol-čerig daručaju, Kitad-i gödölgejü, Xara-Kitad-un Ĵürčed-ün Ĵuin-o erekün omoγun čerig-üd-i daruju, Čabčiyal-a gürtele hunjiu bayitala kiduju, Čabčiyal-un χaalγa Ĵebe abču dabaad buliju dabaju, Činggis-χaγan Šira-degtür baouba. Ĵung-du-yi eerejü χotod χotod balaγad-tur čerig-üd ilejü eereülba. Ĵebe-yi Dung-čang balaγasun eereülün ileba. Dung-čang balaγasun-tür gürčü, eerejü abun yadaju, χariju jirγoan χonoγ γajar-a gurčü, genetgejü jiči χarin tataad, γar kötöltan süni düliligejü, genet büküi-tür gürčü, Dung-čang balaγasu abuai.

§ 248. Ĵebe Dung-čang balaγasun-i abču χariju irejü, Činggis-χaγantur neyilebe. Ĵun-du-yi eeregderün, Altan-χan-o yeke noyan, Onggin-čingsang, Altan-χan-a duradχarun: «Tenggeri γajar-un čaγ, yeke oro yeüdgeküi čaγ-uu gürbe? Mongγol maši güčüteye irejü, bidano erekün omoγun Xara-Kitad-un Ĵürčed-ün Ĵuino erkid čerig-üd-i daruju büreltele kidujuui. Itegeltu Čabčiyal-i ber buliju abčuui. Edöe bida basa čerig-üd jasaju γarγaasu, basa Mongγol-a daruγdaasu, χalaar balaγad balaγad-dur-iyen butaraχun tede. Jiči bidana χuraulιuasu, ülü bolun; bidan-tur dayisun bolju, ülü nököčekün tede. Altan-χan-i soyurχaasu, Mongγol-un χan-tur edö-et-tür elsen eyetüye. Eye-tür orojo, Mongγol-i ičuasu, ičuγaγsan-o χoyina basa busu sedkil bida tende eyetüldüt je. Mongγol-un ba ere aγta γajar heüšiyejü kölčirgemüi, keegdemüi. Xan-a ino öki ögüya. Altan munggün, aurasun-ed čerig-ün güün-e kündüte γarγaju ögüya. Ene eye-tür mano oroχu ülü-ü-yi ker medegdegü?» keen duradχaasu, Altan-χan Ongging-čingsangun ene üge jöbšiyejü, eyin böed boltuγai! keen elsen; Činggis-χaan-a güngjü neretai öki γarγaju, altan münggün, aurasun ed-tabar čerig-ün güün-e güčün-e medeülün daaχui ača γarγaju, Činggis-χaγan-tur Ong-ging-čingsang gürgejü ireba. Elsen iregdejü, Činggis-χaγan eye-tür ano oro-ju, χotad χotad-tur eered baouγsad čerig-üd-i χariuljiu ičuba. Onggin-čing-sang Mojou, Fu-jou neretü χošiun-a gürtele Činggis-χaan-i hüdejü, χariba.

Aurasun ed bidano čerig-üd daaχui-ača ačiju, kibuud-iyar ačiya-ban tataǰu yabuba.

§ 249. Tere moriɫaγsaar, Xašin irge-tür yorčiba. J̌oriǰu gürüesü, Xašin irgen-ö Burγan elsen: «Baraun γar čino boɫǰu, güčü ögsü!» keen, Čaγa neretai öki Činggis-χaan-a γarγaǰu ögba. Basa Burχan-χan ügülerün: «Činggis-χaano nere aɫdar sonosču, ayuǰu aɫaai ba. Edöe süldertü beye čino gürčü, iregdeǰü, sülder-eče ayuba. Ayuǰu, ba, Tangγud irgen, baraun γar čino boɫǰu, güčü ögsü!» keeba. Güčü ögürün:

«Nunji nuntuγtan,—
Nödügsen baɫγasutan

bi je! Nököčeǰü,

Xurdun aya ayaɫaχui-tur,
Xurča buɫχa buɫχaɫduχui-tur,
Xurdun ayan-tur
Güyičen je yadamui je.
Xurča buɫχa-tur
Buɫχaɫdun je yadamui je ba.

Činggis-χaan-i soyurχaasu, ba Tangγud irgen

Ündür deresün-ö nemüre-te ösgeǰü,
Oɫon temeed γarγaǰu,
Kiya boɫγaǰu ögsü,
Örmege nekeǰü,
Aurasun boɫγaǰu ögsü.
Oorχu šibaoun surγaǰu χurauɫǰu,
Sayid-i ino gürgeülun asuγai!»

keen öčibe. Ügüleǰü üge-dür-iyen gürün, Tangγud irgen-eče-en temeed χubčiǰu, taoun yadataɫa abčiraǰu ögba.

§ 250. Činggis-χaγan tere moriɫaγsan-tur, Kitad irgen-ö Aɫtan-χaan-i elseülǰü, oɫon aurasun abču, Xašin irgen-o Burχan-ni elseülǰü, oɫon temeed abču, Činggis-χaγan Xonin jil tere moriɫaγsan-tur, Kitad irgenö Aχutai neretü Aɫtan-χan-i elseülǰü, Tangγud irgenö Iɫaχu-Burχan-ni elseülǰü, χariǰu Saari-keer-i baouba.

§ 251. Basa teünö χoyina J̌ao-goan-tur elsen ilegsed J̌ubχan teriüten oɫon elčid-iyen Kitad irgen-ö Aχutai, Aɫtan-χaan-a ǰedgügdeǰü, Činggis-χaγan, Noχai jil, Kitad irgen-tür basa moriɫaba. Elsen baraǰu, J̌ao-goan-

tur ilegsed elčin-i yekin ǰedkün bülegai? keen moriłarun, Činggis-χaγan Tung-goan amasar ǰoriǰu, Jebe-yi Čabčiyał-iyar bołγaba. Činggis-χaan-i Tung-goan amasar-iyar bołba keen Ałtan-χan medeǰü, Ile Xada Höbögetür γurban-a čerig-üd medeülǰü, čerig bögleǰü, Hułaan-Degelen-i mangłayiłan jasaǰu, Tung-goan amasar-i temečen, dabaa bu dabaułutχun! keen, Ile, Xada, Höbögetür γurban-i čerigüd χurduyiłan ileǰüüi. Tung-goan amasar-a gürüasü, Kitadun čerig-üd γaǰar keen daaǰu ireba. Činggis-χaγan Ile Xada Höbögetür γurban-łuγa bayiłduǰu, Ile Xada-yi gödölgeba. Tołui Čügü-gürigen χoyar köndelen eče dobtułǰu, Hułaan-Degelen-i ičuaǰu gürčü. Ile Xada-yi gödölgeǰü daruǰu, Kitad-i hunǰiu bayitała kiduba. Kitad čerig-üd kiduǰu baraγdaba keen, Ałtan-χan medeǰü, Jung-du-dača γarču buruudun, Nan-ging bałaγasu oroǰuui. Hülegsed čerig-üd ano turuǰu ükürün, öer ǰaura güünö miχa ideldüǰüüi. Tołui Čügü-gürigen χoyar sayitur üyiledbe keen, Činggis-χaγan Tołui Čügü-gürigen χoyar-i maši soyurχaba.

§ 252. Činggis-χaγan Xošiu-yi baouad. Jung-du-yin Šira-keer baouba. Jebe Čabčiyał-un χałγa ebdeǰü, Čabčiyał-i bariγsad čerig-üd-i gödölgeǰü ireǰü, Činggis-χaγan-tur neyilebe. Ałtan-χan Jung-du-dača γarurun, Jung-du-dotora Xada-yi, lü-šou bołγan, tüšiǰü oduγsan aǰuu. Činggis-χaγan Jung-du-yin ałtan-münggün, ed-aursun yauke ino toołaułurun, Önggür-baourči, Arχai-χasar, Šigi-χutuχu γurban-i ilebe. Ede γurban-i ayisai keen, Xada esergü uγdun, ałtatai hartai aurasu bariad. Jung-du dotorača γarču, esergü ireba. Xada-da Sigi-χutuχu ügülerün: «Urida ene Jung-du-yin ed, mün Jüng-du, Ałtan-χanoai aǰuu je. Edöe Jung-du Činggis-χaanoai bi je, Činggis-χaano ed-aurasu ečineün yekin χułaγču abčiraǰu ögümü či? Bi ülü abχu!» keeǰü, Šigi-χutuχu ese abuad, Önggür-baourči, Arχai χoyar abua. Ede γurban Jung-du-yin ed yauke toołaǰu ireba. Tende Činggis-χaγan Önggür, Arχai, Xutuχu γurban-ača: «Hada yau ögba?» keen asaγba. Šigi-χutuχu ügülerün: «Ałtatai hartai aurasu abčiraǰu ögülüge. Bi ügülerün: Urida ene Jung-du Ałtan-χanoai aǰuu je. Edöe Činggis-χaanoai bołba je. Či, Xada, Činggis-χaano ed ečineün χułaγču yekin ögümü či? keeǰü, bi ese abuba. Önggür, Arχai χoyar ögügsed-i ino abułaγa!» keeba. Činggis-χaγan tende Önggür, Arχai χoyar-i maši dungγodba. Šigi-χutuχu-yi: Yeke Yosu sedkiǰüü či! keen, maši soyrχaǰu:

«Üjegü-yin mino nidun,
Sonosχu-yin mino čikin

bołǰu ülü-ü aχu či?» keen ǰarlıγ bołba.

§ 253. Ałtan-χan Nan-ging oroǰu, öer-iyen elsen mürgüǰü, Tenggeri neretü köü-ben ǰaun nököd-tü-yi Činggis-χaγan-tur turχaγ bołtuγai! keen

ilejüü. Imada elsegdejü, Činggis-χaγan ičuya keen, Cabčiyał-iyar tende ičurun, Hasar-i jaoun γar-un čerig-üd-iyer dałai gijin ilerünn, Bei-ging bałaγasu baoutχun, Bei-ging bałaγasun-i elseüljü, činana Jürčed-ün Fuχa-no-yi daarin odču; Fuχano bułχa sedkiesü, haułutχun; elseesü ino, gijiar bałaχad ano daarin, Uła-nau müred odču, Taour müren öede dabaju, Yeke Auruγ-tur neyilen iretkün! keejü ileba. Xasar-łuγa noyad-ača Jürčedai, Ałči, Tołun-čerbi γurban-i ileldübe. Xasar Bei-ging bałaγasun orouljü. Jürčed-ün Fuχano-yi elseüljü, mör-e bükün bałaγasun-i oroułuad, Xasar Taour müren öede irejü, Yeke Auruγ-tur baouju ireba.

§ 254. Teünö χoyina Činggis-χaγan Sartaul irgen-e Uχuna teriüten jaun elčin-iyen jedgüjü ałaγdaju, Činggis-χaγan ügülerün: «Ałtan arγamji-iyen Sartauł irgen-e ker tasułdan bülegai?» Uχuna teriüten elčin-nöen ösül ösün, kisał kisan Sartauł irgen-tür moriłaya keen, moriłaχui-tur, tende Yesüi-χadun Činggis-χaana duradχan öčirün: «Xaγan

Üntür dabaa daban,
Örgen müred ketülün;
Urtu jaur jauran
Ołon ułus-iyen

jibšierün sedkiba. Töregsen ele amitan-tur müngke ügei ajuu.

Neüle metü beye čino
Negüs oduasu,
Netkel metü ułus-iyen
Ken-e gemü?
Tułu metü beye čino
Tułbas oduasu,
Tuyał metü ułus-iyen
Ken-e gemü?

Töregsen dörben külüüd köüdüen ken-i ino keemü? Köüd-te, deüner-e, ołon χaračus-a, mana ber maoun-a uχaju aχuya uχaγsan-iyen duradχaγsan bołba. jarliγ medetügai!» keen öciesü, Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Xadun ber güün böesü, Yesüi-yin üge jöb-eče jöb! Ked ber deüner, köüd, ta ber Boorču Muχalitan, eyin ese duradχaba. Bi ber

Uridus-i ülü udaaraχui-ača
Umartaju ajuu.
Üküleng-e ülü erüsteküi-eče
Untaraju ajuu!»

keeed: «Köüd-ün mino aχa J̌oči bi ǰe. Yau keemü či? Kelele!» keeba. J̌oči-yi dungγodχu-yin urida, Čaadai ügülerün: «J̌oči-yi kelele kelerün, J̌oči-yuu tüšin ügülemüi? Ene Merkidai čölögül ǰaura... ker medeülkün bida?» keekùi-lüge J̌oči bosuad, Čaadai-yin ǰaχa-tur tüsču, ügülerün: «Χan ečige-de busu ese keegdelüge: či namayi ker iłγamui? Yambar erdem-iyer hüleü či? γaγča kečaoü-ber-iyen maγa hüleü ele či. Hontučaǰu čimada γardaasu, heregai-iyen hoγtołǰu oorsuγai. Abałduǰu čimada iłaγdaasu, unaγsan γaǰar-ača bu bossuγai. Χan ečige-yin ǰarliγ medetügai!» keeba. J̌oči Čaadai χoyar ǰaχača bariłduǰu bayin büküi-tür, J̌oči-yin γar-ača Boorču tataǰu, Čaadai-yin γar-ača Muχaii tataǰu buküi-tür, Čiŋggis-χaγan sonosču sem saun bi. Tende Kökö-Čos, ǰaoun eteet bayiǰu, ügülerün: «Čaadai yekin yaarayu či? Χan ečige čino köüd-ün dotora čimadača ereǰü bülege. Tani töregü-yin urida —

Hodutai tenggeri
Horčiǰu bülege.
Ołon ułus bułχa bülege.
Oron-duriyen ülü oron,
Ołǰałałdun bülege.
Könǰile-deen ülü gebten,
Görüleldun bülege!

Teyimü čaγ-tur —

Güseǰü ese yabuba ǰe.
Gürülčeküi-tür bołba ǰe.
Buruudču ese yabuba,
Bułχałduχui-tur bołba ǰe.
Amaraǰu ese yabuba ǰe,
Ałałduχui-tur bołba ǰe.
Boγda χadun, eke-yüen,
Tosun duran χoruułǰu,
Sün ǰürügen eedeülǰü
Ügüiemüi či.
Büleen-eče χałat (büled).
Mün keeli-deče
Ese-ü törelegai ta?
Χałaun-eče χałat
Γaγča χaχunaγ-ača
Ese-ü γarułaγa ta?

J̌ürügen-eče töregsen,
Eke-yüen čimadχaasu,
Činar ino ǰekirčü,
J̌aliraułuasu ülü boli.
Keeli-deče töregsen,
Eke-yüen gemüriülüesü
Genoer ino
Gesgeesü ülü boli!
Xan. ečige tano,
Xamuγ ułus-i bayiγułurun,
Xara teriü-ben χantuχałaǰu,
Xara čisu-ban nambuχałaǰu,
Xara nidün-ben hirmes ülü kin,
Xabtaγai čiki-ben dere-tür ülü tałbin,
Xančn-ban derelejü,
Xormai-ban debisčü,
Šiłusun-iyen undałaǰu,
Šigi-en χonoγłaǰu,
Mangłai-yin kölesün —
Uła-tur gürtele,
Uła-yin kölesün —
Mangłai-tur γartała
Ołomłan kičiyen yabuχui čaγ-tur,
Eke tano χamtubar ǰobołdurun:
Horayitała boγtałaǰu,
Hooǰitała büseleǰü,
Niyitayitała boγtałaǰu,
Niduratała büseleǰü,
Tan-iyen ösgerun:
J̌ałgiχui ǰaura —
J̌arim-iyen ögöü;
Xoołai-iyen χučiǰu,
Xotołai-iyen ögčü,
Xoosun yabuχui bülegai.
Egem-eče tano tataǰu,
Ere-lüge sačaun kene bołγaǰu,
Güǰüün-eče tano tataǰu,
Güün-lüge sačaun kene bołγaǰu, keeǰü,
Bui tano arilγaǰu,

Burbi tano ergüüljü
Ere-yin egem-tür
Aγta-yin γarγam-tur gürgejü,
Edöe tanoan sai üjesü,
Keen sedkijü ese-ü amui?
Boγda χadun bidano
Naran metü gegeen,
Naur metü sedkiltü bülege!»

keeba.

§ 255. Tendeče Činggis-χan ügülerün: «Joči-yi yekin teyin keemüi ta? Köüd-ün mino aχa Joči ülü-ü bi? Xoyina teyin bu keetkün!» keen jarliγ bolba. Ene üge-tür Čaadai müčiljejü ügülerün: «Joči-yin güčütü-yi erdem-ün χariu ülü ügülen,

Amaar alaγsan
Ačiasu ülü boli;
Ügeer üküülügsen
Übčiesü ülü boli!

Köüd-ün aχa Joči ba χoyar bi je. Xan ečige-de χolbaran güčün ogsü!

Daldariγsan-iyen
Dalbaru čabčildasu!
Xojidaγsan-iyen
Borbin-iyen kinggüru čabčildasu!

Ögödai-lü oruγ bi. Ögödai-yi keeldüye! Ögödai χan ečige-yin dergede aju, baraa Yeke Maχalai-yin baouliya taniuluasu bolu je!» keeba. Ene üge-tür Činggis-χaγan ügülerün: «Joči yau keemü? Kelele!» keeba. Joči ügülerün:

«Čaadai-lu ügülebe.
Čaadai ba χoyar
Xolbaaran güču ögsü!
Ögödai-yi keeldüye!»

keeba. Činggis-χaγan jarliγ bolurun:

«Xolbaaratala yaun bi?
Ötögen-Eke aui bi:
Müred-usud olon bi!
Salγušitu nuntuγ audkin,

Xari daruułun sałγaya keeed,
Joči Čaadai χoyar
Üges-tür-iyen gürulčetkün,
Irgen-e bu ineeülütkün,
Haran-a bu χobχariułutχun!
Erte Ałtan Xučar χoyar
Ene metü üge barałdaju,
Jiči üges-tür-iyen
Ülü gürgü-yin tuła
Ker kigdelügai?
Yambar bołγaγdałuγai?
Edöe Ałtan Xučar
Xoyar-un uruγud-ača
Tan-łuγa sałγałduya.
Teden-i üjejü,
Yau osołdaχun ta?»

keeed: «Ögödai yau keemü? Kelele!» Ögödai ügülerün:

«Xaγan ečee soyurχaju
Ügüle keegdeesü,
Yau-ban ügülegü bi?
Ülü čidaχu keen
Ker ügülegü?
Čidaχui bar χataučisuγai gü
Keemü je — möna χoyina maγa
Uruγ-tur mino
Ołang-tur χučiasu,
Hüker-e ülü idegdegü;
Öükün-tür χučiasu,
Noχaya ülü idegdegü töreesü,
Xandaγai ketüs,
Xułuγana sores ałdaχu-yu?
Edüi-yüen je keemü,
Busu yau ügülegü bi?»

keeba. Ene üge-tür Činggis-χaγan jarliγ bołurun: «Ögödai eyimün üges ügülegü böesü bołu je!» keeba. «Basa Tołui yau keemü? Kelele!» keeba. Tołui ügülerün: «Bi,

Xaγan-ečige-yin nereyidügsen
Aχa-yuan dergede aǰu,
Umartaγsan-i duradχaǰu,
Untaraγsan-i seriülǰü,
J̌e-yin nökör,
J̌eerde-yin minaa bolǰu,
J̌e-deče ülü χoǰidan,
J̌erge-deče ülü čolayitan,
Urtu čaur čauraǰu,
Oγor bolχa bolχaǰu ögsü!»

keen ügüleesü, Činggis-χaγan ǰöbšiyen ǰarliγ bolurun:

«Xasar-un uruγ
Niken-iyen medeül,
Alčidai-yin uruγ
Niken-iyen medeül,
Belgütai-yin uruγ
Niken-iyen medeül!
Teyin sedkiǰü, mino uruγ-i
Niken-i medeülǰü,
Mino ǰarliγ busu ülü bolγan,
Ese hudaruasu,
Ülü endekün, ülü aldaγun ta:
Ögödai-yin uruγ-i
Olang-tur χučiasu,
Hüker-e ülü idegdegü;
Öükün-tür χučiasu,
Noχaya ülü idegdegü töreesü,
Mino uruγ-tur neken-ou
Sayin ülü töregü aǰuu?»

keen ǰarliγ bolba.

§ 256. Činggis-χaγan morilarun, Tangγud irgen-ö Burχan-tur elčin ilerün: «Baraun γar čino bolsu! keelüge či. Sartaul irgen-e altan arγamǰi-en tasulǰaǰu, olulčan morilaba bi. Baraun γar bolun morila!» keeǰü ileesü, Burχan-ni dungγoduai üdüüya, urida Aša-Gambu ügülerün: «Güčü yadan böetele, χan boltala yaun?» keeǰü, čerig ülü nemen yekc üge ügüleǰü ileǰüü. Tende Činggis-χaγan ügülerün: «Aša-Gambu-da ker eyin ügülegden bülegai keen, arγača an-dur böed kelbes ǰoriǰu ireesü yaun berketü bülegai? Öere maγa güün-tür ǰoriǰu büküi tür. — ǰe, teli, Mungke Tenggeri-de

iheegdeesü. altan ǰiłoa batuda tataǰu ireesü, tende maγa bołtuγai, teli!» keeǰü.

§ 257. Taołai ǰil, Sartauł irgen-tür Arai-yar daban moriłarun, Čing-gis-χaγan χatun-ača Χułan-χatun-i abun ayałarun, deüner-eče Odčigin-noyan-i Yeke-Auruγ-tur tüšiǰü, moriłaba. Jebe-yi mangłai ilebe. Jebe-yin geǰige Sübeetai-yi ilebe. Sübeetai-yin geǰige Toχučar-i ilebe. Ede γurban-i ilerün: γadaun odču, Sułtano činana γarču, bidan-i gürgeülün, χamsatχun! keeǰü ileba. Jebe tere odču, χan Melig-ün bałaγad daariǰu, ülü könden γadaun nögčiǰüü. Teünö χoyinača Sübeetai mün yosuar ülü könden nögčiǰüü. Teünö χoyinača Toχučar χan Melig-ün kiǰiar bałaγad χaułǰu, tariyaǰin-i ino daouliǰuui. Χan Melig bałaγad-iyen χauldaa keen, dayiǰin gödölǰü. Jałałding-sołtan-tur neyileǰüü. Jałałding-Sołtan, Χan-Melig Χoyar Činggis-χaano esergü moriłaǰuui. Činggis-χaano urida Šigi-χutuχu mangłai yabuǰuui. Šigi-χutuχu-łuγa bayiłduǰu, Jałałding-sołtan, χan-Melig χoyar Šigi-χutuχu-yi daruǰu, Činggis-χaγan-tur gürtele daruǰu ayisuχui-tur, Jebe, Sübeetai, Toχučar γurban Jałałding-Sołtan, Χan-Melig χoyar χoyinača oroǰu, ǰiči ani daruǰu kiduad, Buχar, Semisgab, Otrar bałaγasun-tur ani ülü neyileülün daruǰu, Šin müren-e gürtele hüldeǰü yabuγdarun Šin müren-tür čubtusču oroχun bołun, olon Sartauł-iyen tende Šin müren-tür süeba ǰe. Jałałdin-Sołtan, Χan-Melig χoyar ami-en χoroχun Šin müren öede tutaaba. Činggis-χaγan Šin müren öede yorčiǰu, Badkesen-i daouliǰu odču, Eke-χoroχan, Geün-γoroχan gürčü, Baruan keeri baouǰu, Jałayartai Bała-yi Jałałding-Sołtan, Χan-Melig χoyar-i nekeülün ileǰü, Jebe, Sübeetai χoyar-i maši soyrχaǰu: «Jebe, či Jirχoadai neretü bülee. Tayičiud-ača ireǰü, Jebe bołba ǰe či!» Toχučar-i Χan-Melig-ün kiǰaar bałaγad öerün duraar χaułǰu. Χan-Melig-i dayiǰiułba ǰasaγ bołγan, mököriülüya keen, baraǰu, ǰiči ülü mököriülün, maši dungγodču, čerig medegü-deče ino ereüleǰü baoułba.

§ 258. Tedüi Činggis-χaγan Baruan keer-eče χariǰu, Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd-i baraun γar-un čeriüd-iyer Amui müren ketülǰü, Ürünggeči bałaγasu baoutχun keen ileba. Tołui-yi Iłu, Isebür teriüten ołon bałaγad baoutχun keen ileba. Činggis-χaγan öesün Udirar bałaγasu baouba. Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd öčiǰü ilerün: «Čerig-üd mano bügüdba. Ürünggeči bałaγasu gürba. Keno-en ügeer yabuχun ba?» keen öčiǰü ileesü, Činggis-χaγan ǰarliγ bołurun: «Ögodai- yüen ügeer yabutχun!» keeǰü ileba.

§ 259. Tedüi Činggis-χaγan Udurar bałaγasu oroułǰu, Udurar bałaγasun-ača gödölǰü, Semisgab bałaγasu baouba. Semisgab bałaγasun-ača gödölǰü, Buχar bałaγasu baouba. Tende Činggis-χaγan Bała-yi güličen. Ałtan-γorχano nirun Sołtano ǰusałang ǰusaǰu, Tołui-tur elčin ilebe: «Hon χałaun bołba. Busud četig-üd baout ǰe. Či bidan-tur neyile!» keeǰü ileesü,

Tołui Ilu, Isebür tan bałaγad abču, Sisten bałaγasu ebdejü, Čügčelen bałaγasu ebden büküi-tür, elčin ene kelen gürgeesü, Tołui Čügčeren bałaγasu ebdeed, χarin baoujü ireed, Činggis-χaγan-tur neyileba.

§ 260. Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd Örünggeči bałaγasu oroułju. γurbauła bałaγad-irgen χubiyałduju, Činggis-χaana χubi ese γarγajuu. Ede γurban köüd-i baouju ireesü, Činggis-χaγan, Joči Čaadai Ögödai γurban köüd-i čimadču, γurban üdür ese auljaułba. Tende Boorču, Muχali, Šigi-χutuχu γurban öčirün: «Öcin meljen aγsad Sartauł irgen-ö Sołtan-i doroyidaułju, bałaγad-irge ano abuai bida. Xubiyaju abdaχu Örünggeči bałaγasun, χubiyałduju abχun köüd-bügüde Činggis-χaanoai bi! Tenggeri γajar-a güčü nemegdejü, Sartauł irgen-i edüi doroyidaułuγsan-tur, ba ołon, ere aγta čino, bayasču maχayiju amui. Xaγan yekin eyin kilinglaju amu? Köüd buruu-en uχaju ayuba je. Xoyiči-yuan surtuγai! Köüd aburi-en ałγasaujei! Soyurχaasu auljaułuasu bołχu-yu?» keen öčiesü, Činggis-χaγan jaliraju, Joči, Čaadai, Ögödai γurban köüd-i auljaułju dungγodurun:

Ötögüs üges
Orkidču,
Xaučin üges
Xadarju,
Bayiγsan γajar-a
Baγta(n) ałdatała,
Mangłai kölesün
Arčin yadatała

badarkiju, čimaliyar süyüer duułχan büküi-tür, Xongχai-χorči Xongtaχar-χorči, Čormaχan-χorči, ede γurban χorčin, Činggis-χaan-a öčirün: «Boro sibaoun baoułiya-tur sai oroχu metü köüd, sai-edüi ayałan surun büküi-tür, köüd-i šintalun mene metü yekin eyin dongγodumu? Köüd ayuju, sedkiliyen ałγasaujei! Naran šinggegü-eče urγuχu-da gürtele dayin irgen bi. Mani Töböd-üd noχod-iyen tukirču ileesü, dayin irgen-i ba Tenggeri γajar-a güčü nemegdejü, ałtan-münggü, aurasun-tabar, irgen-orγan čimada abčirasuγai. Ali irgen keeesü, ene höröne Baγtat irgenö Xalibai-sołtan keegü bi, keemüi. Teün-tür ba ayałasuγai!» keen öčiesü, χaγan sooraju, ede üges-tür jaliraju, Činggis-χaγan jöbšiyejü jarliγ bołurun, Xongχai, Xongtaχar, Čormaχan γurban χorčin-i soyurχaju, Adargidai Xongχai, Dołunggirdai Xongtaχar χoyar-i: «Mino dergede atuγai». Ötegedai Čormaχan-i Baγtat irgen-tür Xalibai-sołtan-tur ayałaułba.

§ 261. Basa Hindus irgen Baγtat irgen χoyar-un jaura Aru-Maru Madasar-i irgenö Abtu bałaγasun-tur Dörbetai Dorbai-Doγšin-i ayałaułba.

§ 262. Basa Sübeetai-baatur-i ümereši Kanglin Kibča-ud, Bajigid, Orosud, Majarad, Asud, Sasud, Serkesüd Kešimir, Bołar, Laład-ede harban niken ayimaγ χarin irgen-tür gürtele, Idił, Jayaγ usutan müred ketülün, Kiwamen Kermen bałγasun-tur gürtele, Sübeetai-Baatur-i ayałaułba.

§ 263. Basa Sartauł irgen-i abun baraju, Činggis-χaγan jarliγ bołurun; bałaγad bałaγad-tur daruγačin tałbiju, Ürünggeči bałaγasun-ača Yaławači Masχut nereten ečige köüd χoyar Xurumši oboγtan Sartauł ireju, bałaγasun-o yosu töre Činggis-χaan-a ügüleju, yosun-tur adali meden kelelegdeju, köüd-i ino Masχut Xurumši-yi bidano daruγas-łuγa Buχar, Semisgan, Ürünggeči, Udan, Kisχar, Uriyang, Güsendaril teriüten bałaγad-i medeülün tüsiju. ečige-yi ino Yaławači-yi abčiraju, Kitad-un Jung-du bałaγasu medeülün abčiraba. Sartaγtai güün-neče Yaławači Masχut χoyar-un bałaγasun-o töre yosun čidaχu-yin tuła, Kitad irgen-imedeülün, daruγaslnγa tüšiba.

§ 264. Sartauł irgen-tür dołoan hod yabuju. tende Jałayirtai Bała-yi güličeju büküi-tür, Bała Šin-müren-i ketülju, Jałałdin-Sołtan, Xan-Melig χoyar-i Hindus-un γajar-a gürtele nekeju, Jałałdin-Sołtan, Xan-Melig χoyar-i jabχaju, Hindus-un dumda gürtele eriju, yadaju χariju, Hindus-un kijiar irgen-i daoliad, ołon temeed, ołon serkes-i abuad ireju̇ü̇i. Tende Činggis-χaγan χariju, jaura Erdiši jusaju. dołoduar hon, Takiya jil namur, Tuła-yin χara-tun-na, ordos-tur baouba.

XII

§ 265. Tere übül übüljeju, Tangγud irgen tür morilaya keen, šini toa toułaju, Noχai jil namur, Činggis-χaγan Tangγud irgen-tür morilaba. Xadundača Yesüi-χadun ni abču odba. Jaura übül Arbuχa-yin ołon χuład-i abałaasu, Činggis-χaγan josotu-boro-ÿi unoju bülege. Xuład daariju ireesu. josotu-boro ürgüjü, Činggis-χaγan-ni morin-ača unaasu, mariya-ban maši ebedčü Čoorχat baouba. Tere süni χonoasu, manaγar Yesüi-χadun ügülerün: «Köüd noyad keleleldutkun! Xaγan süni mariya χałaun χonoba!» keeba. Tende köüd noyad χuraasu, Xongχotadaŕ Tołun-čerbi duradχan ügülerün: «Tangγud irgen

Nödügsen bałaγasu-tan
Nunji nuntuγtan bi.
Nödügsen bałγasu-ban,
Üürčü ülü odχun tede.
Nunji nuntuγ-iyen
Geju ülü odχun tede!

Bida ičuju, χaγan-o maraa seriüdüesü, basa ǰiči moriłat ǰe bida!» keeesü, bürin köüd noyad ene üge ǰöbšiyeǰü, Činggis-χaγan-a öčiesü, Činggis-χaγan ügülerün: «Tangγud irgen bidan-i ǰürüge yadaǰu χariba keekün. Bida elčin maχa ileǰü elčin-i mün ene Čoorχat-ta sobiłaǰu, üge ano uχaǰu ičuasu bołuǰe!» keeǰü, tende elčin-e dau bariułǰu ilerün: «Nidoni Burχan či ügülerün: ba Tangγud irgen baraun γar čino bołsu, keelüge. Čimada teyin keegdeǰü, Sartauł irgen-e eye-dür-iyen ese oroγdaǰu, moriłasu keen γuyuǰu ileesü, či, Burχan, üge-dür-iyen ülü gürün, čerig ba ülü ögün, ügeer daariǰu ileǰü bülege. Öere ǰoriγsan-tur χoyina ötułčasu keen, Sartauł irgen-tür moriłaǰu, Müngke Tenggeri-de iheegdeesü, Sartauł irgen-i ǰüg-tür oroułǰu, edöe Burχan-tür ügé ołułčasu keen ayisai!» keeǰü ileesü, Burχan ügülerün: «Daaringγu üge bi ese ügülelüge!» keeǰüüi. Aša-Gambu ügülerün: «Daaringγu üges bi ügülüge. Edöe bēr böesü, ta Mongγol χadχułdua surču χadχułdusu! keeesü, bi bürün, Ałašai nuntuγ-tu

Terme ger tü,
Temeen ačiya tu

biyu. Ałašai ǰoriǰu, nadur iretkün! Tende χadχułduya! Altan-münggün, ayrasun-tabar kereg-tü böesü, Eriχaya Eri-ǰou-i ǰoritχun!» keeǰü ileǰüüi. Ene üge-yi Činggis-χaγan-a gürgeesü, Činggis-χaγan mariya χałaun arun, ügülerün: «J̌e, teli! eyimü yeke üge ügüleülǰü, ker ičuγdaχui? Ükürün, yeke üge-tür šiχan yabuya!» keeǰü, «Müngke Tenggeri či mede!» keen, Činggis-χaγan Ałašai ǰoriǰu gürčü, Aša-Gambu-lüge χadχüłduǰu, Aša-Gambu-yi daruǰu, Ałašai deere χorγołaułǰu, Aša-Gambu-yi abču,

Terme gertü,
Temeen ačiyatu

irgen-i ino hünesü-er keyistele tałaułba.

«Erekün omoγun
Ere Bin-Sayid
Tangγud-ud-i kiduǰu,
Eyimün-teyimün Tangγudud-i
Čeriüd güün-e
Bariγsaar ołuγsaar abutχun!»

keen ǰarliγ bołba.

§ 266. Činggis-χaγan Časutü deere ǰusaǰu, Aša-Gambu-lüge aułałaγsad dayiǰiγsad

Terme ger-ten,
Temeen ačiyatan

Tangγudud-i čerig-üd ilejü, onaγsaar ülidtele talaulba. Tendeče Boorči, Muχali χoyar-a soyurχarun, güčün-e medetele abtuγai! keen jarliγ bolba. Basa Činggis-χaγan jarlıγ bolurun, Boorču, Muχali χoyar-a soyurχal ögürün, Kitad irgen-eče ese ögülege, keen, Kitad irgen-ö Juin-i ta χoyar

Sačau χubiyalduju abutχun!
Sayid köüd-i ano
Sibaoy-ban bariulju,
Daχaulju yabutχun!
Sayid ökid-i ano
Ösgejü, emes-iyen
Xormai jasaulutχun!

Kitad irgen-ö Altan-χan-no itegelten inaγ-ud Mongγolun ebüges ečiges-i baraγsan, Xara-Kitad Juin irgen ajuui je. Edöe mino itegelten inaγ-ud Boorču Muχali, ta χoyar, biyu je! keen jarlıγ bolba.

§ 267. Činggis-χaγan Časutu-ača gödoljü, Uraχai balaγasu baouju, Uraχai balaγasun-ača gödöljü, Dörmegai balaγasu ebden büküi-tür, Burχan Činggis-χaγan-a auljara ireba. Tende Burχan auljarun, altan sümes teriülen, altan-münggün, ayaγa-saba yesün-yesüd, noud-okid yesün-üesüd, aγtas-temeed yesün-yesüd, eldeb-iyer yesün-yesüd jisulaju auljaχui-tur, Burχan-i eüden büteün-a auljaulba. Tere auljaχui-tur, Činggis-χaγan dotore dura bulχaba. Γutaar üdür Činggis-χaγan jarlıγ bolurun, Iluχu-Burχan-a Šiduryu nere ögčü, Iluχu-Burχan Šiduryu-yi iregdejü, tende Činggis-χaγan Iluχu-yi nögčietkün! keen, Tolun-čerbi γardaju nögčietügai! keen jarliγ bolba. Tende Tolun-čerbi Iluχu-yi γardaju, büteebe keen öčiesü, Činggis-χaγau jarliγ bolurun: «Tangγud irgen-tür üge olulčan ayisuχui-tur, jaura Arbuχa-yin χulad abalaasu, ebedügsen mariya mino anatuγai keen, amin beye mino χayiralaju, üge duradχaγsan Tolün bi je. Nökör güün-ö χoron ügetür irejü, Müngke Tenggeri-de güčü nemegdejü, γar-dur-iyen oroulju, öš-iyen abuai je. Bida Iluχu-yin ene abču iregsen nöüügü χarši, ayaγa-saba selte Tolun abtuγai!» keen jarliγ bolba.

§ 268. Tangγud irgen-i daouliju, Jluχu Burχan-i Šiduryu bolγaju, imayi büteejü, Tangγud irgen-ö eke ečige-yi uruγ-un uruγ-a gürtele muχuli musχuli-yi ügei bolγan, idee idekü jaura: Muχuli musχuli ügei keen üküülün ečidkan keelen atχun! keen jarliγ bolba. Tangγud irgen üge ügülejü, üge-tür ülü gürkü-yin tula, Tengγud irgen-tür Činggis-χaγan nököete ayalaju, Tangγud irgen-i muχudχaju irejü, Γaχai jil, Činggis-χaγan Tenggeri-tür γarba. Γaruγsan-o χoyina Yesüi-χadun-a Tangγud irgen-eče maši ögba.

§ 269. Xuɫuγana ǰil Čaadai, Batu teriüten baraun γar-un köüd; Odčigin-noyan, Yegü, Yesünge teriüten ǰaoun γar-un köüd; Toɫui teriüten γoɫ köüd, ökid, güreged, tümed-ün mingγad-un noyad bürin boɫǰu, Kelürenö Ködeü-araɫ-a, gür-iyer χuriǰu, Činggis-χaγan-o nereyidügsen mün ǰarliγiyar, Ögödai-χaγan-ni χan ergüba. Čaadai aχa Ögödai χaγan-ni, deü-yüen, χan ergüǰü, Činggis-χaγan ečige-yüen altan amin sakin aγsad kebteül χorčin naiman mingγad turχaud, χan ečige-yin mino beye čaada yabun aγsad ömčü tümen kešigten-i ino Čaadai aχa Toɫui χoyar χaγan-na taouɫba. Γoɫ-un uɫus-i mün yosuar taouɫba.

§ 270. Ögödai-χaγan ori-iyan χan ergüülǰü, dotona yabuχun tümen kešigten-i, γol-un uɫus-i öer-dür-iyen boɫγauɫun baraǰu, urida Čaadai aχatur eyetüǰü, Činggis-χaγan ečige-yüen dorχut taɫbiγsad irgenö. Baγtat irgen-ö Xalibai-soɫtan-tur ayaɫaγsan Čormaχan-χorči-yin geǰige Oχotur, Münggetü χoyar-i ayaɫauɫba. Basa urida Sübeetai-Baatur-i Kānglin, Kibčaud, Baǰigid, Orosud, Asud, Sesüd, Maǰar, Kešimir, Sergesüd, Buɫar, Kelet irgen-tür gürtele, Adiɫ, Jayaγ usutan müred ketülün, Meketmen Kermen Kiyebe teriüten baɫaγad-tur ayaɫaγsan Sübeetai-Baatur tede irgen-e berkeldügdeǰü, Sübeetai-yin geǰige Batu, Büri, Güyüg, Müngke teriüten oɫon köüd-i moriɫauɫba. Ede ayaɫaγsad bürin köüd-i Batu aχaɫatuγai! keen ǰarliγ boɫba. Γoɫ-ača γaruγsad-i Güyüg aχaɫatuγai! keen ǰarliγ bolba. Ede ayaɫaχun-i ulus medekün köüd köüdüen-gü yeke köü ayaɫauɫtuγai. Uɫus ba ülü medekün köüd tümed-ün, mingγad-un, ǰaud-un harbad-un noyad oɫon güün kenber böesü, köüdüen aχa-yi ayaɫauɫtugai. Ökid güriged mün yosuar köüdüen gü aχa-yi ayaɫauɫtuγai! keen ǰarliγ boɫuad, basa Ögödai-χaγan ügülerün: «Ene ba köüd-ün aχa-yi aχaɫauɫχu yosun Čaadai aχa-ača boɫǰuu ǰe. Čaadai aχa ügüleǰü ilerün: Sübeetai-yin geǰige köüdüen aχa Büri-yi aχaɫauɫumu. Köüdün aχa ayaɫaasu, čerig arbin γarχu. Čerig oɫon boɫuasu, čirai deere güčüteye yabuyu. Činadu dayisun güün oɫon χarin bi. Tere üǰüür-e kečeün irgen tede. Kilingɫaasu, öerün mese-düriyen ükükün irgen tede. Meses χurčatan, keegdemüi!» keeǰü ileǰüüi. Ögodai-χaγan ügülerün: «Tere ügetür bidano ber Čaadai aχa-yin kičiyangγü güčü-er koüd-ün aχa-yi γarγaya!» keen, ǰüg-ǰüg tungχaaǰu, Bata, Büri, Güyüg, Müngge teriüten köüd-i ayaɫauɫχui yosun eyimü bi ǰe.

§ 271. Basa Ögödai-χaγan Čaadai aχa-tur eyetüǰü ilerün: «Činggis-χaγan ečige-yüen belen-tür sauba. Yambar erdem-iyer sauba keen ügülegdegü-yü bi? Čaadai aχa-yi ǰöbšiyeesü, χaγan, ečige bidano, Kitad irgeno Aɫtan-χan-ni dorχut taɫbiɫuγa. Edöe bi Kitad irgen-tür moriɫasu!» keen eyetüǰü ileesü, Čaadai aχa ǰöbsiyeǰü: «Yau aɫǰaχu? Auruγ-tur sayin güün tüšiǰü moriɫatχun!

Bi endeče čerig-üd γarγaǰu ilesü!» keen ilejüüi. Yekes Ordos-tur Ołdaχar-χorči-yi tüšiǰü,

§ 272. Taołai ǰil Ögödai-χaγan Kitad urgen-tür moriłaǰu, J̌ebe-yi manglai ileba. Tedüi Kitad-un čerig-üd-i daruǰu, hunǰiu bayitała kiduad, Čabčiyał-i dabaǰu, ǰüg-ǰüg χotod bałaγad ano eereülün čerig-üd yabuułǰu, Ögödai-χaγan Šira-deg-tür baoyba. Tende Ögödai-χaγan ebedčin gürteǰü, aman kelen ǰabχan ałǰaγdarun, böes böes tölgečin-e tölgeleülüesü: «Kitad irgenö γaǰar usun-o eǰed χad irgen orγo-ban daouliγdarun, bałaγad χotodiyen ebdegderün, türgen-e adałamui. Irgen-orγa, ałtan-münggün, aduusun-ideen ǰolia ögüya keen abitłaasu, ülü tałbiran düled-türgen-e adałamui. Uruγ-un güün-eče bołχu-yu?» keen abitłaasu, χaγan nidün-iyen neeǰü, usun γuyuǰuui. Yaun bołbai? keen asaγtaǰu, böes öcirün: «Kitad irgenö γaǰar usuno eǰed χad γaǰar usun-iyen ebdegderün, irgen-orγa-ban daouliγdarun, turgen-e adałamui. Busu yaun ber ǰoliγ-a ögüya keen abit-łaasu, düled türgen-e ǰiür medemüi. Uruγun güün-eče bołχu-yu? keeesü tałbiramui. Edöe ǰarliγ medemü ǰe!» keen öčiesü, ǰarliγ bolurun: «Dergede köüd-eče ken bi?» keeesü Tołui köün dergede bülee, ügülerün:

«Sutu Činggis-χaγan,
Ečige bidano,
Deere aχa-nar,
Doro deüner böetele,
Xaγan aχa-yi, čimayi,
Aγta metü songγuǰu,
Irge metü biliǰü,
Yeke oro-ban
Beye-tur čino ǰiγuǰu;
Ołan ułus-i deere čino
Ačiǰu ögba ǰe.
Namayi bürün:
Xaγan aχa-yin dergede aǰu,
Umartaγsan-i duradχaǰu,
Untaraγsan-i seriülǰü
Yabu keegdelüge.
Edöe χaγan aχa-iyan
Čimayi ałdaasu bi,
Kenö umartaγsan-i duradχaχu,
Kenö untaraγsan-i seriülgü?
Ünen-ber χaγan, aχa mino,

Jöb ese bołuasu,
Ołon Mongγoł ułus
Önečirekün!
Kitad irgen —
Kibχangχun!
Xaγan aχa-yuan
Orun-a bi bołsu!
Tułu-yin niruun —
Bi tułbałba.
Kileme-yin niruun —
Bi kinggülbe.
Ile-yi bi iłaγba,
Гada-yi bi χadχuba.

Niur γoa, niruun urtu bi-gü bi ǰe! Böes, arbatχun, ǰügerütkün!» keeǰü, böes ǰügerüesü, ǰügergen usu Tołui köün uuba. Xoram sauǰu, ügülerün: «Soγtaba bi! Soγtaχu-yi mino sergütele, önečid üčüged, deüner-iyen, belbisün-beriyen berüde oyin-a gürtele asaraχu-yi χaγan-aχa medetügai! Ali-ber ügeben ügülelee. Bi soγtaba!» keeed, γarču ogču, ǰöb ese bołuγsan yosun teyimü.

§ 273. Tedüi Ałtan-χan-ni muχudχaǰu, seu-se nere ögčü, altan-müngün, ałtatai hartu aurasun tabar, ałašas, seuses-i ano daouliǰu, alginči tanmačin tałbiǰu, tübšin tükel χariǰu, Xara-χorum-a baouba.

§ 274. Čormaχan-χorči Baγtat irgen-i elseülǰüü. Tere γaǰar sayin, ed sayin keegdemüi, keen medeǰü, Ögödai-χaγan ǰarliγ bołurun, Čormaχan-χorči-yi mün tende tanma sau'u, šira ałtan, širamał ałtatan naχud načidud dardas, subud tanas, güǰüü urtus köl ündür tobičaud, güring eleüd, daus-i, kičidud, ačiyan-a χačidud, łaosasud hon-tur gürgeülǰü ilen atχun! keeba. Sübeetai-Baatur-un geǰige ayałaγsad Batu, Büri, Güyüg, Müngge teriüten ołon köüd Kanglin-Kibčaud-i, Baǰigid-i oroułǰu, Eǰil, Jayaγ, Meget bałaγasu ebdeǰü, Orosud-i kiduǰu, ülüttele tałaba. Asud, Sesüd, Bołarman, Kerman-Kiwa teriüten bałaγad-un irgen-i daouliǰu elseülǰü, daruγačin tanmačin-i tałbiǰu χariba. Urida J̌ürčed, Sołangγas-tur ayałaγsan J̌ałayirtai χorči-yin geǰige Yesüder-χorči-yi ayałaułba. Tanma sautuγai! keen ǰarliγ bołba.

§ 275. Batu Kibčaγčin ayan deere-eče Ögödai-χaγan-a elčineče öčiǰü ilerün: «Müngke Tenggeri-yin güčün-tür, χaγan abaγa-yin su-tur Meget bałaγasun ebdeǰü, Orosud irgen-i daouliǰu, harban niken χarin irgen-i ǰügtür oroułǰu, ałtan ǰiłoa ičun tataǰu, sałułčaχui χurim χurimłaya keeldüǰü,

yeke čačir bosχaǰu χurimłaχui-tur, bi ede bükün köüd-ün aχaχan bołuγsan bołǰu, niken-χoyar ayaγa ötög urida uuba keen, nadur Büri, Güyüg χoyar maouyiłaǰu, χurim ülü χurimłan moriłaγdaba. Moriłaǰu, Büri ügülerün: Batu sača böed bołǰu, urida ker nuχun bülege?

Saχałtan emeged
Sačaun bołǰu,
Ösügei-iyer türiǰu,
Ölmü-iyer gečikileküi!

keeǰüü. Güyüg ügülerün: Tede emeged-i ebčeüd ino ǰorγałduya či, bida, tedeer-i! keeǰüüi. Elǰigidai-yin köün Harγasun ügülerün: Modun seül ǰübčiya, teden-i! keeǰüüi. Ba bürün, busu heligetü bułχa irgen-tür moriłaułdaǰu, ǰöbi-töbi bołχu bołba, keeǰü büküi-tür, Büri Güyüg χoyara eyin keegdeed, eye ügei tarχaγdaba. Edoe χaγan abaγa ǰarliγ medetügai! keen očiǰü ileǰüüi.

§ 276. Batu-yin ene üge-tür χaγan masi kilingłaǰu, Güyüg-i ülü aułǰaułun, ügülerün: «Ene dörmegai ken-ö üges-tür dölüsgüǰü, aχa güün-i aman düüren ügüleyü. Γarča öndegen hüütügai! Mün aχa güün-ö ebčeün-tür dayisurχan aǰuu!

Ałginči tałbiǰu,
Harban χuruud-un
Kimuł ino χaütała,
Aułas metü bałaγad-tur
Abariuluya!
Tanma tałbiǰu,
Tabun χuruud-un
Kimuł ino χautała
Dabtamał χatangγu bałaγad-tur
Abariułuya!

Či beter maoui dörmegai Harγasun ken-i enggešigeǰü bidano uruγ-tur aman düüren yeke ügülen bülege! Güyüg Harγasun χoyar-i χamtu ileye! Harγasun-i mököriüldeǰü bülege. Ałaγčiłaba keekün ta! Büri-yi bürun, Batuda ügüle! Čaadai aχa-da ügüleǰü iletügai, Čaadai aχa medetügai!» keeba.

§ 277. Köüd-eče Manggai, noyad-ača Ałčidai, Xongχortai, J̌anggi eriüten noyad duradχan öčirün: «Činggis-χaγan, ečige-yin čino ǰarliγ:

Keer-ün üyile —
Keer-e gü noyałaχu bülege,

Ger-ün üyile
Ger-tür gü noyałaχu bülege.

χaγan ni soyurχaasu, χaγan Güyüg-tur kilingłaǰu amu. Keer-ün üyile buyu. Batu-da tüšiǰü ileesü bołχu-yu?» keen öčiesü, ene üge-yi χaγan ǰöbšiyen ǰaliraǰu, Güyüg-i aułǰaułǰa, süyü-er üge dungγodurun: «Ayałaǰu odurun ǰaura

Bögsetü güün-ö —
Bögse ino ese hüledeba,
Keegdemü či.
Čerig-ün haran-o —
Čirai χuγułǰu odba,
Keegdemü či!

Orosud- irgen-i γaγčaar oroułuγsan metü sedkiǰü, omoγ dura bariǰu, aχa-güün-tür dayisurχan ayisu či. Činggis-χaγan, ečige-yin bidano, ǰarliγ-tur bui:

Ołon — ayuuli,
Gün — üküüli!

keegü ese-ü bülege? Γaγčaar tuniγsan metü, Sübeetai, Büǰeg χoyar-un χałχa-da yabuǰu, ołoar büriyer χamsaǰu, Orosud, Kibčaud-i oroułǰu, niken-χoyar Orosud Kibčaud-i ołǰu, esige-yin šiira ołuγai. Jöeai-üdüüye eremšiǰü, nikente gerteče γarču, yauber γaγčaar tuniγsan metü üge daou urisču ireǰu či, Manggai, Ałčidai, Xongγortai, J̌anggi tan-a

Degdegsen ǰürügen-i
Derge nökör bołǰü tödeeǰü,
Debülküi toγoan-i
Delegai šinaγa bołǰu amurliułdaǰu,

ǰe, teli! Keer-ün üyile Batu-yi keelegai. Güyüg, Harγasun χoyar-i Batu medetügai!» keeǰü ileba. «Büri-yi Čaadai aχa medetügai!» keeba.

§ 278. Basa Ögödai-χaγan ǰarliγ bolurun: «Činggis-χaγan, ečige-tür mino, yabuγsad kebteül, χorčin, turχaud bürin kešigten-ö yabudał tungχun duułχaχui ǰarliγ tungχaarun, χaγan ečige-yin ǰarliγ-iyar urida ker yabu-χun bülegai. Edöe mün yosuar yabutuγai!» keen ǰarliγ bolurun, χorčin, turχaud uridu yosuar üdür mör-mör-düriyen yabuǰu, narataya kebteül-e ǰayiłaǰu, γadana χonotuγai! keen ǰarliγ bołba. Süni bidan-tur kebteül χono-tuγai. Eüten-tür ger-ün χorčin kebteül bayituγai. Ordo-yin χoyinaun uri-

daun kebteül muχuritu̇γai. Naran šinggegsen-ö χoyina süni yabu̇χun haran kebteül bariǰu χonotu̇γai. Ołon tarχaγsan-o χoyina χonoγsad kebteül-eče busu̇d dotoγši ǰoričen oroχun haran-i bariγsad kebteüi ekid ano dałbaru̇ čabčiǰu̇ oortuγai. Süni yaarał keletü güün ireesü, kebteül-tür keleleǰü, gerün ümereče kebteül-lüge χamtu̇ bayiǰu kelełeltügai. Ordo ger-tür oroχu̇ γarχu̇-yi Xongχortai, Širaχan tan ǰasauł kebteül-lüge χamtu ǰasatuγai. Elǰigidai itegeltü böetele ǰiłda kebteül-ün degeün yabuχu bołun, kebteül-e bariγdałaγa keen, ǰarliγ busu ülü bołγaχu kebteül itegeltü biǰe! keen ǰarliγ bołǰu, kebteül-ün toa bu asaγtuγai. Kebteülün saurin degeün bu yabutuγai. Kebteül-ün ǰaχaun bu̇ yabutuγai. Kebteül-ün degeün yabuχun, ǰaχaun yabuχun haran-i kebteül barituγai. Kebteül-ün toa asaχu güün-ö tere üdür-ün unoγsan aγta emeeltü γadaartu-yi emüsügsen χubčasun selte kebteül abtuγai. Kebteül-ün saurin-o deere kenber bu sautuγai Kebteül tuγ keürge doro ǰida ayaγa-saba asaratuγai. Undan ideen-i ötkan miχa kebteül daruγałatuγai! keen ǰar.iγ bołba. Ordo ger tergen kebteül asaratuγai. Bidano beye čerig ese γaruasu, bidan-ača anggida öere kebteül čerig bu γartuγai. Bidan-i sibaoułaχui abałaχui-tur, ǰarimud-iyen ordo ger tergentür čaγłaǰu tałbiǰu, bidan-łuγa ǰarim kebteül yabutuγai. Kebteül-eče nuntuγčin yabuǰu, ordo baoułtuγai. Eüten čaada kebteül eüdečin bayituγai. Bürin kebteül Xadaan mingγa medetügai! keen ǰarliγ bołba. Basa kebteül-ün keseg keseg-ün noyad tüširün: Xadaan, Bułaχadar χoyar niken keseg bolǰu̇ eyetüldüǰü, niken keseg oroǰu, ordo-yin baraun ǰaoun eteged χaγas sauǰu ǰasatuγai. Amał, Čanar χoyar eyetüldü'ü, niken keseg bołǰu, keseg oroǰu̇, ordo-yin barau̇n ǰasun eteed χaγas ǰasatu̇γai. Xadai, Xoriχačar χoyar eyetüldüǰü, niken keseg oroǰu, ordo-yin baraun ǰaoun eteed χaγas sauǰu ǰasatuγai. Yałbaγ, Xaraudar χoyar eyetüldüǰü, niken keseg bołǰu keseg oroǰu̇, ordo-yin ǰaoun eteed χaγas sauǰu̇ ǰasatuγai. Basa Xadaan, Bułχadar-u̇n keseg, Amał, Čanar-un keseg, ede ǰirin keseg-üd ordoyin ǰaoun eteed nuntuγłaǰu, keseg orotuγai. Xadai, Xoriχačar χoyar-un keseg Yałbaγ, Xaraudar χoyar-un keseg, ede ǰirin keseg-üd, ordo-yin baraun eteed nuntuγłaǰu, keseg orotuγai! keeba. Ede dörben kes g kebteül Xadaan medetüg i. Basa kebteül mino beye čaada ordo horčin bayiǰu, eüten daruǰu kebtetügai. Kebteül-eče ordo-tur oroǰu χoyar haran tüsürge barituγai! keen ǰarliγ bołba. Basa χorčin-i Yesüntee, Bukidai, Xorχudaγ, Labłaχa, dörben keseg-keseg bołun, χor aγsaχuya turχaud-un dörben keseg keseg-tur ačid-un χorčiniyen ǰasaǰu, orołdutuγai! keen ǰarliγ bolba. Basa turχaud-un keseg-üd-ün ötögüs-i urida meden aγsad-un uruγ-ača tüširün: urida meden aγsan Ałčidai, Xongχortaχai χoyar eyetüldüǰü niken keseg turχaud-i ǰasaǰu orotuγai. Temüder, Ǐegü χoyar eyetülgüǰü, niken keseg turχaud-i ǰasaǰu̇

orotuγai. Mangχutai Gešigeleür-i medeed, niken keseg turχaud-i jasaju orotuγai. Basa χaγan jarliγ bołurun: Bürin noyad Eljigidai-yi aχałaju, Eljigidai-yin üge-er yabutχun! keeed, basa jarliγ bołurun: Kesegtü güün keseg oroχui-tur hoaraasu, uridu jarliγ-un yosuar γurban beries süyütüγai. Mün kesegtü güün basa nököete keseg hoaraasu, dołoan beriyes süyütuγai. Basa mün güün öbedčin šiłtaa ügei, keseg-ün ötögü-tür eye ügei γutaar-ta keseg hoaraasu, bidan-tur yabuχui-iyen berkešiyan ajuu. Γujin dołoan beriyes süyüed, χoła γajar-a nidun-o ečine ileya. Basa keseüd-ün ötögüs keseglegsen kesegten-i ülü bügüdkan keseg hoaraasu, keseüd-ün ötögüs-i ereülüya. Basa keseüd-ün ötögüs γutaar γutaar keseg oroχui-tur yeüdkeldüküi-tür, ene jarliγ kešigten-i sonosχatuγai. Jarliγ sonosuad bürün, kešigten keseg hoaraasu, jarliγ-un yosuar ereülüya. Ene jarliγ kešigten-e ese sonosχaasu, keseüd-ün ötögüs ałdałtan bołtuγai. Basa keseüd-ün ötögüs sačaun oroγsad mino kesegtü-yi bidan-ača eye ügei, aχałaγdaba ele keen, bu onjituγai. Jasaγ könteesü, bidan-a jaatuγai. Ukü üldegü yosutu böesü, bida mököriülüt je. Keseegdegü yosutu böesü, bida süyüt je. Aχałaγdaba keen, bidan-a ülü jaan öesüd γar köl gürgeesü, noduryα-yin χariu — noduryα beriye-yin χarin — beriye χariułtuγai! keeba. Basa γadanadus mingγad-un, noyad-ača mino kešigten deere bi je. Γadanadus jaud-un harbad-un noyad-ača mino kešigten-ö Kötöčin deere bije. Γadanadus mingγaliud mino kešidten-tür kereidüesü, mingγaliudai-yi ereüleya! keen jarliγ bołba.

§ 279. Basa Ögödai-χaγan ügülerün: «Činggis-χaγan ečige-yüen joban bayiułuγsan ułus-i bu yoboaya.

Köl ano köser-e,
Γar ano γajar-a

tałbiułju jirγaułuya. Xaγan ečige-yüen belen-tür saunju, irge ülü jobaan, šülen-e ede ulus-ača sürüg-ün niken šilegü χonin hon hon-tur ögtügai. Jaun χonid-ača niken χonin γarγaju, mün jaura ügeün dutaun-a ögtügai. Basa aχa deü ołon ere aγta kešigten čiułuasu, undan tere tutum irgen-eče ker χubčiγdaχui? Jüg jüg-ün mingγad mingγad-ača geüd γarγaju, saaad, saalinčin tan-i aduułaad, nuntuγči tan-i orošin, töled γarγaju, unoγučin bołtuγai. Basa aχa deü čiułuasu, öklige soyurχal ögüya. Aurasun-sükes, χod-num-ud, χuyaγ-jebe, tsang-ud tusurču, bałaγad sakiułuya. Jüg jug-eče bałaγačin amučin iłγaju sakiułtuγai. Basa ułus irgen-e nuntuγ usu χubiyaju ögüya. Nuntuγ nuntuγłaułχuya mingγad mingγad-ača nuntuγčin iłγaju γarγaasu bołχu-yu? Basa čöl γajar-a göreesün-eče busu ülü amui. Irgen-e auya saut. Čanai, Uiγurtai χoyar nuntuučin-i teriüleju, čöl-ün χuduγ-ud eriüljü χašituγai. Basa bida elčin haułurun, ułus bitüülun haułγamui. Haułχun elčinö

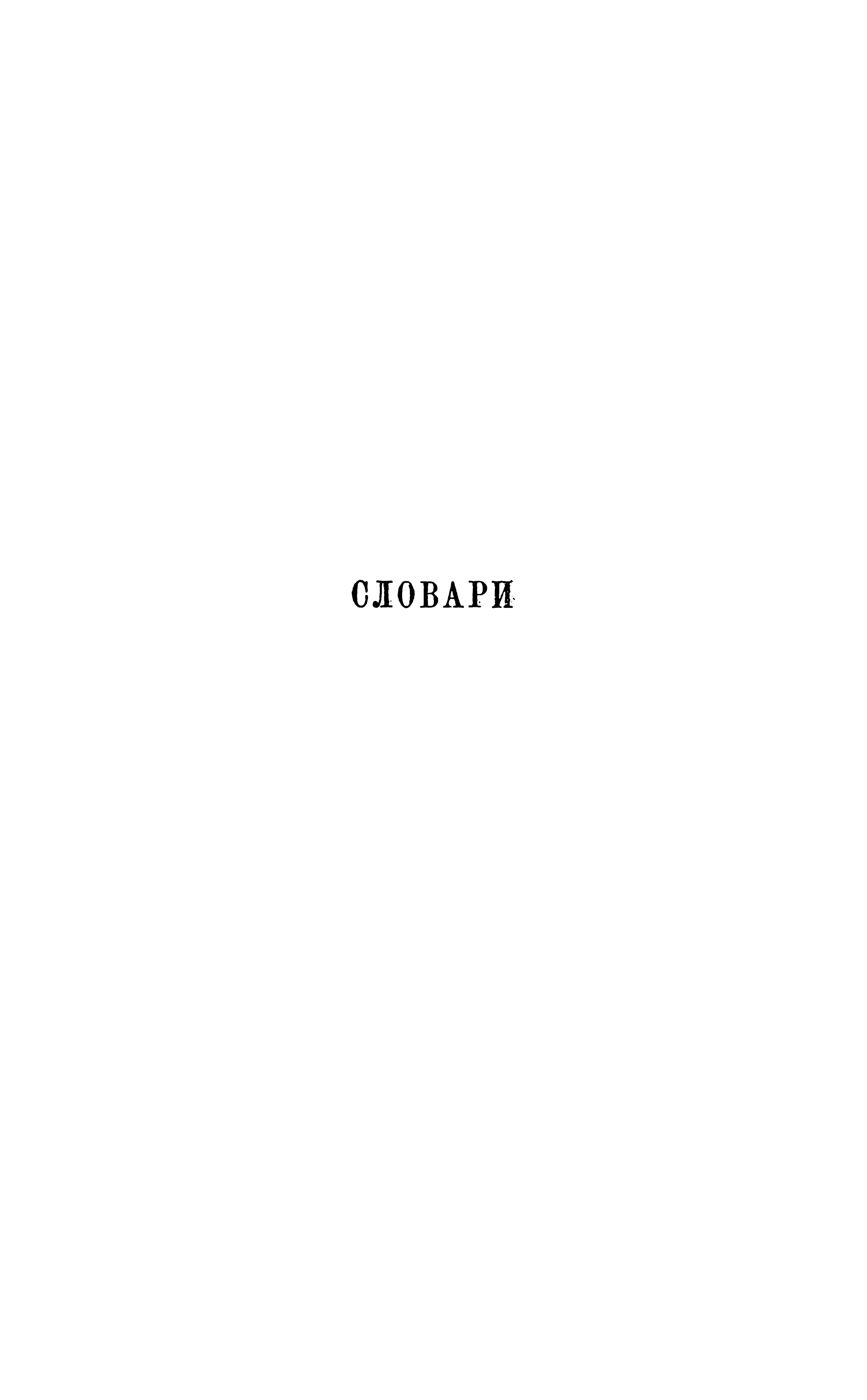
ba yabudal udaan bi. Ulus irgen-e ba ǰobolang bi. Edöe bida oγoata orošiulūn, ǰüg ǰüg-ün mingγad mingγad-ača ǰamučin ūlaačin γarγaǰū, saurid saurid ǰam talbiǰu, elčin-i γadaγa ügei ūlūs-iyar ülü bitüülün, ǰam-iyar haulχaasu bolχu-yu? Ede üyiles-i Čanai Bolχadar χoyar uχaǰu bidan-a duradχaasu ǰöb aχu-yu? keen sedkiǰü, Čaadai aχa medetügai! Ede ügülegdekün üyiles ǰokiχui böesü, ǰöbšiyeesü, Čaadai aχa-ča boltuγai! keeǰü ileesü, Čaadai aχa asaγču ilegsen ede ele üyiles-i bügüde-yi ǰöbsiyeǰü, teyin böed kitügai! keeǰü ileǰüüi. Basa Čaadai aχa ügüleǰü ilerün: Bi endeče ǰamud esergü barilduulsuγai! Basa endeče Batu-tur elčin ilesügai. Batu ber esergü ǰamud-iyen barilduultuγai! keeed, basa ügüleǰü ilerün: Bügüde-eče ǰamud talbiulχu üyile ǰob-eče ǰöb duradχaǰuui!» keeǰü ileǰüüi.

§ 280. Tendeče Ögödai-χaγan ügülerün: «Čaadai-aχa, Batu teriüten baraun γar-un köüd aχanar deüner bürin; Odčigın-noyan, Yegü teriüten ǰaoun γar-un aχanar deüner bürin köüd; γol-ūn ökid, güriged; tümed-ün, mingγad-un, ǰaud-un, harbad-un noyad-un büriyer ǰöbšiyeǰüüi. Jöbšiyerün: Dalai-yin χaγan-no šilen-e hon-tur sürüg-ün niken šilegü irge γarγaasū yaun bi? Jaun χonid-ača niken ǰusaγ γarγaǰū, ügeün dūtaun-a ögküi sayin bi. Jam talbiulǰu, ǰamučin ulaačin γarγaasu, olon ūlus-a amuγūlang, elčin-e ber yabūχuya ilübte bi, keeesü, büriyer ele ǰöbšiyeǰüüi, keen, χaγan-o ǰarliγ: Čaadai aχa-tur eyetüǰü, Čaadai aχa-da ǰöbšiyegdeǰü, bürin ulus-ača niken ǰusaγ χonin γarγaulba. Geüd γarγaulǰū unoγūčin saulba. Unoγučin, balaγačin, amučin γarγaulba. Jamūčin ulaačin-i γarγaulǰu, saurin saurid-un γaǰar čaγlaulǰu, ǰam talbiulurūn, Aratsen Toχūčar χoyar-i ǰasaulǰu, ǰam niken saurin-tur χorin ulaačin bolγaba. Saurin tutum-tur χoriγad ulaačin bolγaba. Ulaan-o aγtas, šiusūn-o χonid, saalin geüd, tergen-tür kölgü hüker terged endeče bidan-ača emlegsen kem-eče oχor būgi dūtaulυasu, orγol-iyar χaγas aldaltan boltuγai. Xalbuγa kekesün dūtaulυasū, χabar χaγes aldaltan boltuγai!» keen ǰarliγ bolba.

§ 281. Ögödai-χaγan ügülerün: Ečige-yüen Yeke Oron-tūr sauǰū, χaγan ečige-yin χoyina üyiledügsen mino Šiχudun irgen-tür ayalaǰū, Liχud irgen muχudχaba bi. Nököe üyile mino. Elčin bidano ǰaura öterlen haulχui, basa kereg-ǰarag-iyan ǰöeülgüi-e ǰamud talbiulba. Basa nököe üyile. Usu ügei γaǰar-a χudūγ-ud eriülǰü γarγaūlǰu, ulus irgen usun ebesün-e gürgeülbe. Basa ǰüg-ǰüg balaγad-un irgen-tür alginčin, tanmačin talbiǰū, ulus irgenö köl köser-e, γar γaǰar-a talbiulǰu aulba bi. Xaγan ečige-yüen χoyina dörben üyiles nemeba ǰe. Basa χaγan ečige-deen Yeke oro ba saulda ǰu, olon ulus-iyen deere mino ačiǰu odtaǰu böed ber darasun-a ilaγdaχū mıno buruu bolba. Niken buruu mino ene bolba ǰe. Nököe buruu—yosu ügei eme güüno üge-tür oroǰu, Odčigin abaγa-yin ulus-ūn ökid abčiraulχu

ałǰiyas bołba ǰe. Ułus-un Eǰen χaγan böetele, yosu ügei ałǰiyas üyile-tür dolesgegü mino niken buruu ene bołba ǰe. Basa Doχułχu-yi kegesülegü niken buruu. Ker buruu keeesü, χan ečige-yin mino tusu-an emüne ölümlegü Doχułχu-yi kegesülegü niken buruu ałǰiyas. Edöe mino emüne ken teyin ölümleǰü öggü? Xaγan ečige-yin mino bürin-ö emüne Töre kičıyegü güün-i ülü uχan ösüledügsen-iyen öer-iyen buruušiyaba bi. Basa Tenggeri γaǰar-ača ǰayaatu töregsen goreesün-i aχa deü ǰüg oduuǰi keen, χaramłaǰu χurua yourχa nödüülǰü ǰedgüǰü aχu bolun, aχa deüdeče čimaliχai üge sonosba bi. Buruu-gü bołba. Xaγan ečige-yüen χoyina dörben üyiles nemeba ǰe bi, dörben üyiles buruu bołǰuui ǰe! keeba.

§ 282. Yeke χuriłta χuriǰu, χułuγan ǰil, Xuran sara-da, Kelüren-ö Ködee-arał-un Dołoan-bołdaγ-a Šilginčeg χoyar ǰaura Ordos baouǰu büküitür, bičiǰü daousba.

СЛОВАРИ

В ПОРЯДКЕ СЛЕДОВАНИЯ ПАРАГРАФОВ ТЕКСТА

Монгольские слова и выражения XIII в. даны, прежде всего, в транскрипции, выражающей подлинное китайско-монгольское письмо памятника, и в значениях, усвоенных монголо-китайским надписным словарем П. Кафарова, с поправками и дополнениями по его же китайско-русскому словарю, а также и словарям Куврера, Джайлса и др. Во всех возможных случаях приведены слова и значения из современного монгольского письменного языка и разговорных диалектов, в принятой у нас научной латинизованной транскрипции, по словарям Ковалевского, Голстунского и др., с предварительным знаком mo.

Перед словами, заимствованными у А. Mostaert'а, а также в случаях ссылок на него, ставится знак М и цифра, обозначающая страницу «Le dialecte Monguor» (Pei-p'ing, 1933). Index расположен сначала по порядку параграфов текста, а затем повторен в алфавитном порядке.

Имена, географические названия и термины выделены в особые алфавитные указатели второго тома.

§ 1

hujaur начало, происхождение; mo. ujaγur ~ ijaγur начало, основание, корень; род, происхождение, первоначально, старинный род; квадр. hu-ja-ḥur; халх. joʒӯр ~ jaʒaӄӯр ~ ïʒaӄӯр ~ iʒaӄӯр, мджр. fujuri id. (Cf. Владим., Ср. грамм., стр. 187 и др.).

teŋkis озеро; mo. tenggis ~ tenggis dałai море внутреннего бассейна, большое озеро.

§ 4

neuri кочевье, дневной кочевой переход; mo. negüku, negüdel кочевать, кочевье.

§ 5

huruu вниз по течению; mo. uruγu id.

nouku кочевать; mo. negükü id.

aisuqu итти, ехать; mo. ayisui приближается; aγašiχu приближаться, двигаться; aγaši нрав, поведение, «подход»; клм. āšna приближается; āšiχu своевольничать; ašiγ приход, прибыль; нарыв, зоб.

§ 6

qarau ~ mo. χaraγu защита, прикрытие, покровительство, М., р. 164.
qarautai terke крытый возок.
oljike ~ mo. öljige кибитка тележная.

§ 8

ariq usun-na toreksen cf. mo. ariγ usun-a törügsen рожденный от непорочной девы. Ковал., стр. 148.

§ 9

oboq bolqu составить особое колено рода.

§ 12

hoi (hoai) лес; mo. oi id.
jao (joe) buqu 3-летний олень; mo. čögü buγu id.
qabirqar ребро; mo. χabirγa верхнее переднее ребро; ger-ün χabusun унина юрты. М. р. 166; χabisun, χawisu, χabusun.
abit желудок (зверя).

§ 13

širolqada дай жареного мяса.
jildu arasun задняя часть туши с кожей.

§ 16

orele quya одна нога (зверя); mo. öreli (örögesün) γuya id.
ququlqu отломить, оторвать, отделить; mo. χuγulχu id.
jaruqu служить, быть в услужении; mo. jaruχu id.

§ 18 и 19

uye-qaya kuun родной человек, родня мужа; Hausgenosse (Haenisch).
χonšilemel qonin впрок солено-вяленое мясо барана; mo. χaγsamal χonin вяленая баранина; julma χonin замороженная туша барана (Владим., Общ. строй, стр. 39); ягненок последнего зимнего месяца (Haenisch); mo. širimal проваренный, чистый, плавленый.
saulqu посадить; mo. saγulγaχu id.
nijiel по одному.
bayunqun оставить; трудно; задержка; затруднение.
oorqu бросить, отбросить; mo. oγurχu id.
musu ~ sumu древко стрелы; mo. müsü хворостинка; sumu стрела.
qantu ~ χamtu вместе, сообща.
kuuleldun bariqu держать поочереди.
bituulku ~ bitügülekü держать, зажимать в горсти.

§ 21

biliku гладить, поглаживать; mo. ilikü id.
kili входящий луч; mo. kili линия, борозда, черта.

šičabalǰaqu лазить, лезть, царапаться, пробираться.
deleme выдумки, пустое; mo deľemei id.
ukulet ∼ ögülem (ui) говорят; скажут.
tiyaou-ber ∼ teou-ber ∼ tewuber ∼ tegüber вследствие того.
tendek ∼ temdeg мета, отметка; знак, признак.
yekin ∼ yākin как, почему.
uqat ǰe ∼ uχam(ui)ǰa поймут пожалуй.

§ 22

süyu-er uke ukulerun наставительно говорил; mo. soyoľ наставление.
qilbar-a легко, свободно, просто.
nikan eyeten единодушные.

§ 23

budaou ∼ büdüwü (n) ∼ büdügün грубый, дикий.

§ 24

oroq širəqula белая лошадь с черной спиной.
embule шалаш; хижина; балаган; mo. kürmel id.

§ 25

qaraχuru куропатка; mo. χarkiru id.
huraqalaqu ∼ uraγaľaχu ловить силком.
kun утес, скала; kun-tur qorqaqsan окруженный в скалах.
mariyaqu подсматривать, подкрадываться.
tenkulduku подбирать; mo. tegü id.
hon (hoan) год; hon qarba зиму прожил, год прожил благополучно; cf. клм. весеннее приветствие: mendü γarba ta! благополучно зиму прожили (из зимы вышли)!

§ 27

noqot (d) утки; mo. nuγusun id.
teileulku заставить голодать; mo. teyilkü сводить желудок, корчи живота.
qalaout ∼ χaľaγud гуси.
qojiulas сухие деревья, пни; mo. χoǰiγuľa засохший пень дерева, часть ствола растения после рубки.
hunǰiules сухие деревья, пни; mo. öngši сухие сучья; жердь, тычина.
hunisku обонять; mo. ünüskü, ünür id. M., p. 105: hünür id.
qoanšiu ∼ qonšiut вонь, вонючие части; mo. χongǰusun задница; широнг. konǰösy id. M., p. 123.
qunšiut вонь; клм. χungšig смрад, гниль.

§ 28

duiren keru-dača ∼ tüyire (n) gerü-deče за хребтом позади (кит.), из-за темного бора северного склона горы.

duiren oi ∼ mo. tüyiren oi темный лес < tüyirekü теряться, заблудиться.
keru бор за горой, к северу от гор; mo. kerü лес на северном склоне горы; мнгр. geri северная, не освещенная солнцем сторона. M., p. 133.
bolek irken ∼ bölug irgen кучка народа (в смысле части племени; колено), толпа.
esuk ∼ esüg кобылье молоко, кумыс.
esuk čileku пить с дороги кумыс; mo. čilekü, клм. čiłaχu устать (с дороги).

§ 31

maqa может быть, не знаю, вероятно; mo. maγad id.
qao ∼ qaa где, где-нибудь.
horene запад; mo. öröne ǰüg id.
umere север; mo. umara jug id.
odun hüsun перья и пух; mo. ödün üsün id.
burqaliq časun летящий снег, метель, снежный вихрь; mo. burγanimui дождит при солнце; burγanaγ мелкий дождь.
oire ∼ oyira близко.
qorumut немножко, несколько минут; mo. χorum миг, момент.
kuličeku ∼ küličekü ждать, подождать.

§ 32

qoran ∼ qoram ∼ qorum ∼ χorum миг, момент.

§ 35

kurku ∼ kürkü достигнуть, прибыть.
šiira копыто, низ ноги; mo. šigira часть ноги ниже колена, голяшки, ножки (у животного). M., pp. 397, 436.
qauliqu ∼ qauluqu ∼ qaulqu полонить, захватить; mo. χaγułχu облупить, ободрать.
alkinči ∼ alkimči (alqumči?) передовой, соглядатай, проводник, гид.
haulaqu ∼ haulqu бежать, скакать; mo. aγułγačin военный курьер, гонец; широнг. χolqo в галоп; mo. öüluna скачет. M., p. 180.

§ 38

yauǰin ∼ yauǰim ∼ yayičam какой, что за?

§ 39

daouliqu ∼ dawuliqu брать в плен, разорять; mo. tauliχu ∼ taγuliχu угонять.
tutqar (a) прислуга.

§ 41

mene множество; mo. mene вот, эвот, вот сколько.

§ 43

ǰikeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); mo. ǰüküli баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие. Ковал., стр. 2424.
ker darua постоянный посетитель, завсегдатай, свой человек в доме.

§ 44

alua ~ aluγa < aχu быть.
ebuke предок.

§ 46

eki-teriu главы, начальники, начальство.
eki-teriu ukai безначалие, анархия.
budaan каша.
qutqulaqu мешать руками; mo. χudχulaχu мешать, взбалтывать.
adaruqči спорщик, задира; mo. atarχaχu завидовать, быть недоброжелательным.
aburin eme самим (насильно) взятая жена; mo. первая, старшая жена.
toreksen ~ koun сын от жены, по обычаю взятой, от старшей жены.

§ 53

hüdeku ~ üdekü провожать.
harban ~ arban десять.
keseku мстить; mo. kesegekü обуздывать, отучать; клм. kesekü мстить.
kimultamuqu содрать ногти на руках; mo. kimusun ногти; tamuχu сучить, ссучивать, прясть.
aburaqu воздать; mo. aburaχu спасти.

§ 54

oki abču euskeku водворять в дом невесту.
onkeiku приподняться; mo. önggeyikü id. (о цене).
bušitai особенный, исключительный; mo. busu ~ biši.
qatu ханша, дама, особа.

§ 55

nambalis || dabalis переходить, переезжать; через; mo. namnaχu стрелять на скаку; nambulčaχu двигаться, шевелиться.
qučilis кругом объехать; кругом; mo. χučiχu накрывать, объехать, обложить.
haran человек, люди.
qoroq! Спасай же, спасай уж! mo. χoroχu id.
hunar ~ ünür запах.
hunasku ~ ünüskü нюхать; целовать.
čanča ~ čamča рубаха.
multulku ~ mültülekü спустить, снять.
noruitku наклониться с коня (для принятия чего-нибудь); mo. nörü поясница.
ǰuqus поспешно.

§ 56

quburi холм; mo. kübür скат.
huldeku ~ üldekü гнать; преследовать.
delbeke поводья; mo. > delbe насквозь; клм. delbelge извозничество; калым.
kiliku derkečeku в непосредственной близости, рядом ехать; mo. kelkü связанный, соединенный; kili+kü; ǰergečekü поместиться рядом < dergede.
keisumuser bulee никогда не развевал.
obusumuser bulee никогда не голодал.
šiburke пучки волос; клм. šiberlig чехлы для женских кос.
hoi (hoai) лес.
ǰubur долина.
qaraiqu ~ χarayiχu прыгать, броситься, вскочить.
qalaiqu ~ χaƚayiχu снизойти.
qa:qu ~ χayiχu всматриваться, искать.
qaulqa (qaul-) бег, след. Cf. M., p. 180.
šin boli ~ sem boƚ замолчи.

§ 57

debseku прыгать, плясать.
saqlaqar ~ saγlaγar развесистый, ветвистый.
horčin ~ orčin кругом, вокруг.
qauluqa выбоины от бега, езды; след; haulqu бежать, скакать; клм. χāƚγa след, колея, дорога.
olkek куча пыли, песку; mo. elgeg сито, решето; elgegdekü отбивать пыль, просевать.

§ 58

osül osüen мстя, отмщая; mo. ös; öšiye id.
kisal kisan воздавая, обуздывая; mo. kesege обуздывать; клм. kesekü мстить

§ 59

šiai животный камень (!?); клм. šaχai альчик; баранья лодыжка (употр. в детских играх); халх. šiχa бабка, лодыжка, казан; мнгр. šgē ступня ноги (животного, человека); mo. šiγai лодыжка ноги. M., pp. 59, 378.
nodun сгусток крови; халх. nöǰi запекшаяся кровь; клм. nöǰi комки ссевшейся крови.

§ 62

kere рассвет, заря; mo. geriye id.

§ 63

tuuqu спускаться, нисходить; mo. tuu- (too) сходить, нисходить; дух нисходит на шамана.
ǰee родня по женской линии; клм. ǰē вторая степень родства в женском колене; ǰē küken внучка от дочери, племянница по матери; ǰē köwün

внук от дочери, племянница по матери; халх. ǰige id.; мнгр. ǰie племянницы, внучки по сестре или дочери. M., p. 86.
oreele etet на стороне, подле; mo. öregesun ~ öregele половина (чего-нибудь парного).
ole темный; клм. ölö сизый; халх. ölö сиво-пегий.
očiltei докладывающий (?); набожный, покорный к старшим; mo. öčikü докладывать.
noun дитя; mo. niγun отрок, мальчик.

§ 66

ǰoentaou ~ čoentaou мало, не много раз; mo. čöken; др. čöen id. M., p. 451.
doronǰilaqu ~ doromǰilaqu унижать, оскорблять.
otolku ~ ötölkü состариться.

§ 67

undasču ~ umdasču испытывая жажду.
qurin ~ qurim пир.
kečel ~ kesel вражда, отмщение, возмездие.
oisulatqu тайно извести (mo. öšiyelegdekü?).
quǰirqu отравить; mo. χuǰir ~ χučir бедственный.

§ 68

čaqa дитя.

§ 69

moreleku постоянно думать, тосковать; mo. mörügede сильно желать, постоянно думать; клм. möredekü id. M., p. 238.
ore ~ örö внутренность, сердце, душа.

§ 70

yekes предки, тени, духи; yekes-e qaǰaru ineru qaruqsan пошли на кладбище предков (для принесения жертв).
bileur остатки жертвенных яств.

§ 71

küreku просить, молить.

§ 72

čeel usun глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды.
nidulaqu высохнуть, исчезнуть; mo. nitulaχu погибнуть, исчезнуть.
čaoken ~ čegegen ~ čegen светлый, белый, чистый, прозрачный.
čaouraqu разбиться; mo. čuγura треснуть, лопнуть.
ǰoqudus по спине, вдоль спины.

§ 73

ičuqaqu возвратить назад, заставить вернуться, уйти; mo. oči уйти.

§ 74

uqitala крепко, плотно.
boqtalaqu одевать свекровью (?) шапку.
irata вниз по течению; mo. ildara (?).
qojitala buseleku высоко подтянуть поясом платье.
olirsun дикое яблоко; mo. olir id.
moilsun ~ moyiłasun черемуха.
tenkuku ~ tegükü собирать, подбирать, выталкивать, рвать; мнгр. temgü ~ tunggu id. M., p. 482.
suelsutai ~ sülsutai имеющий печень; мужественный, смелый; mo. sülsü желчь.
sutu счастливый. Cf. Владим., Общ. строй, стр. 145, 146.
čikersun можжевельник; mo. čigirsun лыковая рогожа.
širo ~ širi тара, вьюк, посудина и т. п.
sudun ~ sudusun медиц. корень (?); mo. südüs Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая.
čičikina растение (?).
qaliyarsun ~ χaliyar черемша, дикий чеснок.
ǰarčintai ~ ǰarčimtai законный, правильный, правосудный.
auqasu корень какого-то (?) полезного в хозяйстве растения.

§ 75

qauluqa выбоина, след, дорога, путь.
hoilaut поднявшиеся вверх; mo. oiłaχu подниматься вверх.
keoki ~ geügi крюк, крючок, удочка.
ekeulku загнуть; mo. ekegülkü притрава для ловли рыбы.
ǰebke ~ ǰebege ленок (рыба).
qadara ~ χadara хайрюз (рыба).
čilume-qubčiur сети, невода; mo. χubčiγur невод; клм. čalma петля, укрюк.
huyaqu ~ uyaχu связать, сплести.
ǰiramut ǰiqasu мелкая рыбка; клм. ǰirmaχai плотвица, малявка.
hači ~ ači воздаяние, благодарность, сыновняя почтительность, любовь.

§ 76

soqosun блестящая рыбка (?).
qantu ~ χamtu вместе, сообща.
yekuuǰeai! Перестаньте, оставьте! mo. yakiχu что делать, как быть; yaγakiγuǰai! Как бы чего не вышло!
čičua плеть, кнут, хлыст. Cf. M., p. 392.
butukai! Не сметь так поступать! mo. bitegei отрицание перед повелительной формой.

§ 77

očiken ~ öčögdur вчера, намедни, только что.
boljiur — mo. bolǰomur.

aldaqu совместно жить < mo. aχu.
hulqun одинокая гора; mo. ulχun неровное место, пригорок, холм (?).
sumbaqu крепко натянуть; mo. sumbaγa сила, крепость.
surimusun ~ surmusun ресница, волосок.
qaqasun заноза (в зубах).
burelkeku разбить; mo. bürilge разорить.
mereku стрелять; mo. miriyaχu подстерегать.

§ 78

baraqsat душегубцы; baraχu кончить, прикончить.
qalaun утроба, горячее место; mo. χalaγun теплый.
qalat свирепо; mo. χalaχu разъяриться.
qarbisu место, послед; mo. χarbisu матка; послед.
qasar noqai большая собака; mo. χasar обычная кличка злых собак.
šiqaqu ~ mo. šiχaχu заглядывать, высматривать.
keliku гнаться (?); mo. kelikü увести за собой.
čuraqa ~ mo. čurχai щука.
joeburi шакал; mo. čögebüri; халх. dööberi id.
baru ~ baruq название зверя (?); клм. baruγ ~ baraγ noχoi дворняга.
qadaraqu приискивать выражения; mo. χadarχu распарывать, расшивать; разбирать, разъяснять, анализировать.
orkitku приводить примеры; mo. örgedkü расширяться, распространяться (в толкованиях).

§ 79

quruqat ~ χurγad ягнята, «кургашки».
qoojiqu линять; mo. γuujiχu id.
šiluket слюни; mo. šilusun id.
šiberiku убрать, подобрать; šiluket šiberijuui слюни подобрали (с возрастом); mo. šiberikü загородить; šibege ограда, заграждение.
huldeku ~ üldekü гнать, преследовать.

§ 80

qošiliq палатка, юрта; клм. χoš второстепенная юрта при главной, без огневища; временная походная юрта, пара, двоица; mo. χos пара.
hoqtoriqu срубить, срезать; mo. oγtolχu id.

§ 81

jasaqlaqu поступить по закону; клм. jasaγlal наказание; jasaγlal ügei безнаказанно.
kelbur слабый, слабосильный; mo. kilber легкий, дешевый.
bituulku переходить от одного к другому; скитаться; mo. bitükü скитаться.
buqau колодка (арестантская); mo. boγu, клм. bōχu, мнгр. bōχu связать, заключить в оковы; преградить, запрудить. M., pp. 26, 28.
qarqi течение, стремление; mo. χargitu usun зáводь, стоячая, спокойная вода.

§ 82

saraul свет луны; клм. sarūl ясная месячная ночь.
arq̇atu имеющий способности, способный.
ƀariya ꝁuun захваченный человек; клм. ƀariya арест.
ƀederekü производить розыски, искать.

§ 85

turintai ~ turimtai самец хищной птицы.
ƀuta чаща; мнгр. ƀuda, орд. ƀuta густо (пучками) растущие травы или кустарники. М., р. 31.
čučalqu снять; mo. čučalχu распутать, размотать.
nuəq̇asu овечья шерсть; mo. ongγasu id.; мнгр. ngu̯āse, орд. uəgu̯asu. М., р. 292.
kol нога, подножие; дно (cf. клм. köl) в противоположность amsar устье, горло, вход.

§ 86

huni дым; hunesu зола; mo. ünesü, мнгр. funieǰe, орд. ünesü id. М., р. 107.
ꝁour небольшой кожаный мех; mo. kögür кувшин для вина; nanƀuq̇a ~ namƀuq̇a большой мех; mo. namaγa бочонок.
tel приплод, стельность; mo. töl id.
tel quriq̇an ягненок, вскормленный двумя овцами; mo. delχurγan 2—3-летняя овца.

§ 88

močiꝁiku итти по следу; mo. möski id. < mör kikü.

§ 89

kučuꝁur разновидность крысы; mo. küčügene небольшая крыса; мнгр. k'udźirgu горная крыса. М., р. 208.

§ 90

oq̇odur голохвостый; клм. oγotur куцый.
darq̇i быстрый (?); mo. dargil быстрина; клм. dargiyatai быстрый, бурный.
qoəqor желтая лошадь; mo. χongγor саврасый. М., р. 172.
nisqalǰaqu ехать трясцой, едва двигаться; mo. nisχaɫχu двигаться, шевелиться.
ꝁurumel шалаш; mo. kürümeli id.
ƀuqaqu накрыть, покрыть; mo. boγuχu завязать; boχuɫ стог.
muəqaniqu измучиться, бедовать, быть в затруднении; клм. mongχaniχu надрываться; блуждать.
moə огорчение; mo. mundχu затрудняться; клм. mundχu оскудеть, истощиться; помутиться.
quƀuri хребет; mo. χuƀari полоса, доля; küƀügür горбина, свод.

tašiqu касаться; mo. tašiχu склоняться (о солнце), падать косвенными лучами.

§ 91

ubur-subur один за другим.
erusteku быть схваченным, пропасть; mo. erüste id.
doqiqu указывать; mo. dokiχu кивать, махать.
duušin сумерки.
baruan boldaba сделалось темно; mo. barüi ~ bürüi сумерки.

§ 92

olje чужое добро; mo. olǰa добыча.
tuketele предовольно; mo. tügekü раздавать.

§ 93

ujelduku любить друг друга; мнгр. uǰiä испытывать; терпеть; благоволить. M., p. 165.
keruku ~ ǰokoreku печалиться; mo. kerükü скитаться, не находить себе места, нищенствовать, отчаиваться.

§ 94

ǰokoreku ~ keruku отчаяться, потерять надежду; mo. čökereku отчаяться, пасть духом; клм. čökörökü, халх. čuχariχu id.
aran ~ arai (?) едва, только что.
hudeku ~ üdekü провожать.

§ 96

šidkül подарок при церемонии представления свекрови, теще.
burki геогр. название; mo. burgi водоворот, стремнины. Ковал., стр. 1262.
erki-burgi ~ burgi-ergi подмытый яр, водоворот.
čegere грудь, мысль, душа; mo. čeger ~ čewer чистота, целомудрие; запретное; почетное; бур. čeger передняя часть туши мясной.

§ 97

urkuku нести на себе; mo. ergükü взвешивать, поднимать.
nelke пеленки.

§ 98

kerel širal udur kein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiäŋgeri širladźia рассвело. M., p. 400.
kodolkui прислуга, работница; mo. ködölmüriči id.
derbelku трястись; mo. derbekü трепетать; клм. derbekü подниматься.
tuburiun свист стрел; mo. toboraγ пыль; tübürgen топот.
ǰalqamšiqtai беспокоящий, постоянно надоедающий; ǰaɫγa ~ ǰaɫγamǰi связь, преемство, последовательность, постоянство.

§ 100

heru-baru темно; barus не ясно; barui-bürüi сумерки; клм. örö bolχu брезжит, светает.
boko ~ bökö силач; дышло, оглобли.
herkiku ~ ergikü кружить (-ся).
daručamut те, что только что были, давешние; mo. darui mön.

§ 101

čerbekeldeulku заставить повиснуть; клм. čerbekü плавно двигаться, реять, порхать.
qatuq боярыня; mo. χatun id.
qaatai terke ~ qarautai terke крытый возок.

§ 102

erusku добыть, схватить; mo. erüstekü быть схвачену.
qučiulqu объехать; mo. χučiγulku покрыть, обложить.
boljiku избегать, сторониться; клм. böljökü блевать; рваться, как бы стреляя; метаться. Cf. § 137.
umubu ~ umbu опасный, вязкий, тинистый; mo. ombaχu плавать; oimaχu переходить вброд; мнгр. humbaa dawa переходить вброд. M., p. 182.
ajiraqu итти; вернуться; mo. ajiraχu id.
keit дом, домà; mo. keyd монастырь.

§ 103

maqat ~ maγad действительно.
bukčuu засада; mo. bögčüyikü скорчиться, съежиться, притаиться (?); клм. bög ~ bögsö нижняя часть тела; bögšikü трусить (ягодицами), бежать труском; bögtörkü положить на спину лошади; bögtörökö привязать к седлу (позади задней луки); bögtörgö крестец у лошади; bögdeyikü скорчиться.
uqaulqu высмотреть, выяснить; mo. uχaγul уяснить.
kuəkeulku заставить, дать далеко уехать; mo. köngküyikü осесть, спуститься, понизиться, впасть (глаза); орд. k'öək'ī быть пустым. M., p. 196.
moeledku ~ moledku бить, ударять; mo. mölekü облупить, обнажить; mörilekü бить тупым; клм. möltö прочь; möltörikü развязать, освободиться.
soloəqa ~ solongγa крот.
unen горностай; mo. ünen хорек.
buqiya mori лошадь со связанными поводом ногами; mo. bokiya неповоротливый, толстый, неуклюжий.
horin ~ horim ~ horom тропа; mo. orom след.
horinlaqu ~ horomlaqu итти тропой.
burqasun вяз; mo. burγasun ива, тальник.

boeljiulku спастись, избежать опасности; mo. bögeljikü рвать, блевать; клм. bölji, мнгр. borǰia id. M., p. 28; mo. bolǰaγulγu отсрочить, дать отсрочку. Cf. § 102, 137.
qarča ~ qalǰa (?) ~ mo. χalǰa пузырек, рожок.
qalqasun сломанные ивовые ветви.
maliyaqu приносить жертву.
seeǰikleku повесить, подвесить; malaqai-ban qar-tur-iyen s. повесить (за шнур) шапку на свою руку; клм. södökü поднимать подмышки; söǰiglekü сидеть на седле наискось, набок.
erigeleku повесить на шею; mo. erikelekü вешать на шею четки.

§ 104

čeker ~ čeger (?) грудь, мысль, душа; mo. čeger, клм. čewer чистый, целомудренный; запрет; почетное; бур. čeger грудная (почетная) часть туши.
bokore ~ mo. bögere почки.
nidoni прошлый год; mo. nidunun ǰil id.
bureltele oksu сразу уничтожу; mo. bürilekü исчезнуть, уничтожиться, разрушиться.

§ 105

oro место; супруга; mo. oro постель, ложе.
hoqtorqu пустой; mo. oγtorγoi небо; пустой воздух.
onar род, семья; клм. önör многосемейный.
hantulde ~ hemtulde быть лишенным половины; mo. emtelekü зазубрить.
helike ~ elige печень; родня.
hači hačilaqu обиду отмстить; mo. ači воздаяние.
kolme подседельник; mo. gölmi чепрак, попона; kiǰim id.
qaldačiqu предать огню, разорить.
uludku уничтожить, истребить.
dabšiqu похлопывать; mo. tabšiχu трепать, похлопывать; мнгр. daše-, орд. dabši id. M., p. 47.
kokidek легко пугающийся (трус?); mo. kökikü поощрять, возбуждать; клм. kökökü подстрекать, задирать > kököděg задира, зачинщик; mo. kökideglekü поступать подло.
dabčitu qor с крышкой лук; mo. dabčitu с длинной тетивой.
darbalǰiqu быстро колебаться; отпрянуть; mo. darbalǰa развеваться (знамя, флаг).
doteleku итти ближним путем; mo. döte близко.
kiokus поперек.
saqal bayan название травы (свиная щетина).
sal huyaqu ~ sal uyaχu связать плот.
erkin (m) oede важнейший дверной запор (?).
qutuq oede святой, благовещий дверной запор (?).
amburu daariqu наехавши сбить; mo. embürekü разрушиться.
qaoulqu истребить; mo. χaγulχu облупить, ободрать.

oede ~ eede дверной запор; mo. egüde (?).
qanqaulsun — χamqaulsun высокая трава; mo. χamχuul желтая полынь; χamχaγ id. M., p. 157.

§ 106

qaraatu издали видный; mo. χaraγatu достигаемый зрением, видный; χaraγa шарик на знамени.
qatqurasutu имеющий кожу персика; mo. χadχura χarγana дикий персик.
qatan сталь; mo. χatang, χatangγu твердый, закаленный.
otkan нечистый, глухой (звук); mo. ödken густой, хриплый.
hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием насквозь; mo. üderi ремень, которым боковые доски седла пришиваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются термé.
oŋkitu имеющий рукоятку; mo. onggi рукоять.
qodulaqu взыскивать; mo. γutuγul срамить, поносить; клм. γutaχu id.
čimarlaqu упрекать; mo. čimadχu делать выговор; ǰemelekü ~ ǰimelekü id.; ǰime выговор; ǰimetu виноватый; клм. ǰeme id.

§ 109

qoqiratala до конца, досконально; mo. χokiraχu засыхать, увядать.

§ 110

durbeku поспешно (в страхе) бежать; mo. derbekü трепетать, биться.
uŋšiqu громко окликать, звать; mo. ungšiχu читать (вслух).
saraur ~ saraul свет месяца.
tusulčan быстро, торопливо, вдруг; mo. tus(ulča) наткнуться, встретиться, достигнуть, попасть в руки; naran tusba солнце озарило.
tuyalčan вдруг; mo. tuyalaχu просиять; teberin tusalčaba пали друг другу в объятия; teberin tuyalčaba обнялись и друг друга озарили.
ilbur бброть.
sandurqu ~ sandarχu разметаться, рассеяться, притти в замешательство.

§ 111

qalisu ~ χalisu кожа, шелуха.
korisu ~ köresün кожица, кора, дерн.
toquraun ~ toγuriγun журавль.
ǰešiku желать; mo. ǰeselqe потребность, надобность; ǰisükü просить.
qatar китайского значения не дано; mo. χatar чаша, таз; лошадиная рысь; χatarχaχu ожесточиться, ухудшиться (болезнь).
qalqu bolqu раздражать, задирать, вызывать, привлекать, возбуждать; mo. χalaχu приблизиться; пристать, прилипнуть.
huntaou ~ huntau бедствие; mo. untaγu обольщение, мираж; untaγun перемена в лице (от гнева, страха).
kučulun мышонок; mo. küčile крыса.
širku углубиться, войти; mo. širγuχu вползти, пробраться.

ǩun лебедь; mo. χung id.
qunar китайского значения не дано; mo. χunar платье.
hunar ~ hunir запах; mo. ünür, орд. unir id. M., p. 108.
quriyaqu взять себе; mo. χuriyaχu собрать.
qokir ~ χokir мусор, хлам.
qoqimai ~ χokimai сухой, засохший.

§ 112

nabtarqai nekei deel рваный овчинный тулуп.
tubeǩu спариться, соединиться; mo. töbeg хлопоты, труды, маята, страда; töbegtei хлопотливый, маятный.
q̇odolidqu стрелять костяною стрелой; mo. γodolidχu стрелять тӧмаром.
daijin обратно, назад; бунт, восставать.
qučilduqu окружать; mo. χučiχu покрыть, накрыть; χučiγuľχu напасть врасплох.
ulitkeku истребить; mo. ülikü поднять рычагом; мнгр. fuli шевелить; расковырять. M., p. 105.

§ 114

q̇odun звериные ножки; mo. γotu звериная лапа.
q̇udusu сапоги; mo. γ̆utusun обувь; клм. γodosun сапоги.
ičidun беленый; mo. ičikin id.
ǰarqaqusun кожа; mo. ǰarγa ломоть, обрезок.
ǰalq̇aqsan подобранный (мех); mo. ǰaľγaχu сращивать, соединять.
saoqua подарок вещами.

§ 115

čorqan ǩer китайского значения не дано; mo. čor лучок; клм. čorγo носок, трубка для перегонки водки.
čoqoriulqu сломать, разрушить; mo. čoχoriγuľ клином колоть.

§ 116

tuŋqulduqu возобновить; mo. tungχaγľa объявить, провозгласить; tungχuγulχu процедить, очистить; sedkil-i maši t. очистить мысль, душу.
yori гремучая стрела.
quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (Cervus pygargus).
čiŋqultuqtu налитый медью; mo. čingγaliγtu крепкий, с закрепой.
molsun лед.
šia бедряная кость; крестец; клм. šaχai альчик.
šialǰaqu метать альчики (бабки), играть в альчики.
alaŋkir numa деревянный лук; mo. aľanggir id.; aľanggira ~ čimeg украшение.
arča туя, кипарис (Cypressus funebris); mo. arča можжевельник; тальник; род кипариса.
anda čiralduba сделались друзьями; mo. čireldükü вовлекать друг друга.

§ 117

arići помощник, избавитель.
oskel ~ eskęl давно не рожавшая кобыла.
qariun ~ qaliun черногривая и чернохвостая кобыла; mo. χaliγun выдра, бобр; χaliγun mori светлосерая лошадь с черною гривою и черным хвостом.
saqlaqar ~ saγłaγar густой, ветвистый.
toilaqu прыгать, танцевать; mo. toyiłχu лягать, бодаться.

§ 118

tergel ~ delger полный; широкий.
alačuq палатка, шатер. mo. ałču углубление в альчике, «альча̀».
šiqan ~ šiχam близко, скоро, около.
uidaəqa скучающий, тяготящийся старым, нерадивый.
boet именно.
ǰešiku желать, задумать, иметь в виду.
šiliuqu ~ šiłuγudχu держать прямо, стараться, торопиться; клм. šułūn быстрый, скорый.
boet лучше; вот так-то, вот же, же.

§ 119

kokiku испугаться; mo. kökikü подзадорить, привести в возбуждение.
ǰaoričan смешаться, перепутываться, ошибаться.

§ 121

koke младенческая сорочка; место, послед; mo. köge ~ kögesün слюна; пена; прибой.
Yeke Kerluke подпоры «Великой» юрты.
murkuleku ~ mörgölkü беспрерывно бодаться.
ǰiktuku тащить, везти.
ǰaaqu обвинять, подавать в суд; mo. ǰaγałdu id.; ǰaγaliγai суд, расправа; ǰarγu (o) id.; мнгр. d́žiā обвинять. M., p. 75; mo. ǰiγaχu показать; донести.
ǰaarin знамение, коим божество изъявляет свою волю.
yeke terkeur ~ tergegür большой тракт, шлях.
töre обряд, церемония, обычай, закон. Cf. M., p. 434.

§ 123

alkinči ходящий впереди дозором, разведчик, шпион, глава разведки, головной пикет; mo. ałχum + či (?).
haulqu бежать, скакать; mo. aγułγačin гонцы, военные курьеры. M., p. 180.
qari дом; mo. qari-sari утварь, домашние принадлежности.
qarqan ~ qarqam строение крупа; mo. χarγam заднее лядвие; «статьи» конские.

oroa дикий, хитрый; mo. oruγa излучистый, извилистый.
uturaqu впереди (прежде) всех итти (uduridχu?); mo. udurχu пороть, распарывать; otorχai пополам разрезанный; клм. otuľaχu отрубать, рассекать.
niketele вместе; mo. nigedkü объединиться.
šiqaqu стиснуть; mo. šiχaχu id.
qun утес, обрывистый берег, край пропасти.
qala приказ; mo. χaľa знак, сигнал к смене.
qari-širi дом и имущество.
kosuer ~ kosür безлюдный (?); mo. kösür ~ köser земля, почва, пол.
eres harat дом и имущество; mo. eres arad крепостные люди.
hiričeul разъединить; mo. iraχu ~ irajaχu разрезывать на пласты, рассекать; erislegülkü оторвать.

§ 124

mekusleulku дать почувствовать недостаток; mo. meküs ~ möküs скудный, слабый; meküstekü быть недостаточным; клм. möködekü уменьшиться, убавиться.
šileku irke 2-летний кладеный баран; irgen 4-летний кладеный баран, валух; šilekü выбирать, отбирать.
alaqčiut qonit пестрые овцы.
qotoan ~ qoton круг, загон, курень; клм. χoton хутор.
alan до тележных рядов (?).
qoanqoqčiut qonit желтые овцы.
qoaŋjiyasun ~ konjiyasun требуха; mo. χongǰosun задница; желудок; внутренности.
čoorqatai terke телега с замкóм; mo. čoγurγa замóк.
čiu чека; mo. čikin (халх. разг.) id.; čig ~ čikin правильный, правило.
čiudeulku дать упасть, уронить (чеку).
qoolončar жадный; лакомка.
teŋkesketai terke китайского значения не дано; mo. tenggege мощь; искусство.
teuleulku дать изломаться; mo. degülikü подпрыгивать, соскакивать.
ǰayaqu наладить; mo. ǰayaγa определить, предназначить.
basaalaqu управлять.
keriske защитный (?); mo. keriske перила.
kiŋkuriku отрезывать; mo. kingγurγa резец, нож с 2 лезвиями; серп.
omoru верхняя часть груди; mo. omoruu ключицы.
kučurkeku показать усердие; mo. küčürkekü насильничать.
hoorčaq название стрелы; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий; исплеванный.
onlaǰiqu китайского значения не дано. Cf. § 128: onǰaldaqu прекратить, уничтожить; mo. ončoyiľγaχu отделять насторону; ončoγoyiľχu отделиться; onča единственный.
qarmalduqu вместе собирать, загребать; mo. χormaldu id.

§ 126

ǰaŋki связанное; mo. ǰanggiya связь.
tantulqu ∼ tamtulqu стаскивать (?); mo. tamtuɫ разрезать, отсечь, уничтожить; мнгр. tändeli id., M., p. 408.
talaqu ∼ tayiɫχu снять, развязать.

§ 127

subee поясничная впадина (?); mo. sübege бок; живот, утроба.
sečikü сечь, пересекать; mo. sejikü бодать.
qabirqa бок; mo. χabirγa нижние ребра.
qormalduqu собирать; mo. χormaχu подбирать; загребать.

§ 129

χari род, племя; mo. χari-sari подданные. M., p. 330.

§ 130

tusurke кувшин; mo. düsurge лейка.
ašikiqu прибить, побить; mo. askiχu бить, оскорблять.

§ 131

kilues место, где сходят с коня; коновязь (?); mo. kelkiye связь.
hoimosku ∼ hömosku защищать; mo. ömörekü id.
abalduqu бороться. Cf. M., p. 21.
multulku обнажить; mo. mültulkü спустить.
qanqas ∼ qamqas čabčiqu рассечь; mo. χamχa id.
seŋkereku обращать внимание; mo. senggerekü изучать, упражняться.
mer uduui bulee! Еще не ранен ведь! mo. mer edüi! Пустяки, мелочи, пустое!
ulu aljaaqu bi не беда, не опасно.
bi ilaari biyu я дружелюбен; mo. il союзники, друзья.
ijilidulča свыкаться; горячий (?); mo. ijilidkü свыкаться, соединяться; ijil γouɫ «спаренная река»; Волга, Итиль.
qorumut baii! Лучше перестань, остановись! mo. χorum миг; клм. χorombai! Прочь!

§ 132

itugesun кожаный мех.
bileur пест, песты; mo. bilegür мутовка, колотушка.
jirin две, обе.
ičuqu уйти; вернуться; mo. oči ∼ eči id.
ǰokilduqu помириться; mo. ǰokiɫduχu быть в согласии, согласиться.
saaraqu сомневаться; mo. saγmaγɫaχu сомневаться, колебаться; клм. saaraχu медлить; уменьшаться, убавляться.
turiku теснить, оттеснить, гнать; mo. türikü гнать, турить.

§ 133

qanalq̇a случай; mo. χanał̇γa кровопускание.
igtuneku китайского значения не дано; mo. ig веретено; igdekü прясть; igču ~ igči часто, густо, полнехонько; орд. igčam неотложное дело. M., Text., p. 690; igtunekü ~ igtun irekü (?) безотлагательно прибыть.
tana большая жемчужина; mo. tana перламутр.

§ 135

eemek doreb̌čitu кольца имеющий; mo. egemeg серьги, ушные колечки; döröb̌či шнурочек; плетушка и пр.
daji torq̇an золотом вышитый шелк; mo. taji штоф, парча двухцветная.
helik̇eb̌či набрюшник; mo. eligeb̌či нагрудник.
saoqoa ~ saγuγa (?) подарок.

§ 136

auruq становище стариков и детей; mo. aγurχai гнездо; могила.
tonaqu снять, раздеть; mo. tonoχu ограбить.

§ 137

buljiqu уклониться; mo. bułtarχu уклониться; bułǰar ~ mułtar id. Cf. § 102.
borb̌i нижняя жила (?); mo. borb̌i сухожилие выше пятки, ахиллесова пята.
enču ~ emču собственный; mo. ömči наследство; клм. ömči ~ önči id.
heiluku удалиться; mo. eyilkü удалиться, убежать; keyilkü зевать, пропускать часть караула.
etkeku ~ otkeku отрезать; mo. ödkege вырвать.
mideriku пнуть, лягнуть; mo. mitaraχu ~ matara гнуться, сгибаться; оробеть; nitulχu отрезать (Ałt. t.).
ore сердце; mo., клм. örö id.

§ 139

hončitai (n) стреляющий (-e); mo. ontois ~ ontos стрелять вверх.
sülsutu имеющий желчь, мужественный; mo. sülsün желчь.
herek̇ai большой палец; mo. erekei id.
aurtan твердые, мужественные; mo. aγurtan гневные, суровые.
ǰorkimes непобедимый; клм. ǰörmög смелость, отвага; отчаянный, предприимчивый.

§ 140

ab̌alduulqu приказать бороться.
oroele qar-iyar одною рукой.
oroele kol-iyer одною ногой.
toidqu бороться; сделать подножку; mo. töyiddekü быть стеснену, задерживаему; toyidoγor хромой.
murudeku ~ mo. mörüdkü взять за плечи.
saari крестец, кожа с крупа (лошади, мула, осла); mo. saγari кожа, сафьян.

kinčaskiku обернуть голову; mo. kimča ∼ šiγum правило, линия, мерило.
mekejilekü взять, схватить, держать.
ilukai нижняя губа.
aqtalaqu оседлать, сесть верхом; mo. aγtaɫaχu охолостить.
solbiqu перехватить; mo. solbiχu срастить; смотать.

§ 141

edun qarin ∼ duqar-un qarin эти племена.
keus поперек, сразбега; mo. χaγas пополам.
šinaa остров, нанос; mo. šina лесистая вершина горы.
aunou угол, выдающийся (?).

§ 142

jilda вечер.

§ 143

jibšiyerulcaqu ударять друг друга, сшибаться; подниматься вверх и спускаться вниз; mo. jibšiyerekü обойти слева направо.
ihuri-qaldaqu мять, теснить друг друга; mo. iderkeldü сопротивляться; ibčuu тесный.
jada medekun умеющий наводить ветер и дождь; mo. jada bari волшебством вызывать ненастье.
jadalaqu совершать навождение.
hurbaqu сделаться наоборот; mo. urbaχu перемениться.
noras рвы; mo. nura яр, ров, круча.
huladqu упасть, оступиться (?); mo. uɫa ступня, подошва; uɫadχu подложить подметки.

§ 144

hüleut остальные; mo. ilegüü id. Cf. M., p. 106.
turastai смелый; mo. duratai охотник, желающий; durasχu ∼ durašiχu; durašiltan.
ekerun-ekerun с переменным успехом; mo. egere вертеть, кружить.
šituldiqu стоять один против другого; mo. šitu опираться.
durbeku в страхе бежать.
kureeleku поставить лагерь.

§ 145

sujiasu шейная жила (?); mo. küjügün-ü uyas сгиб шеи.
šilurteku быть ранену; mo. šili шейная жила, шея; šili küjügün затылок, загривок; šilürtekü гнуться в противную сторону.
toritkeku ∼ töridkekü удержать, остановить.
onturiqdaqu притти в смятение; томиться; трепетать; mo. yanduriγda трястись в телеге; yadaraχu изнемогать; клм. yantaraχu биться, испытывать бедствие.

šituldu стоять друг против друга; mo. šiderte приблизиться.
čisudaqu окровавить.
asqaqu плевать; mo. asχaχu выплескивать.
qaqqu сохнуть; mo. χaγsaχu запечься; χakiχu перестать, исчезнуть, пропасть.
qudusun сапоги; mo. γutusun обувь; клм. γodosun сапоги.
talqu ~ mo. tayiłxu снимать.
dotaaǰi штаны; mo. dotor ömdö подштанники.
čurama ničukun красный-голый; голый, голышом.
esuk кобылье молоко.
burietai taraq сливки в посуде; mo. büriye труба, рог, роговая труба; taraγ bürikü заквашивать молоко.
ibeeku хранить; mo. ibegekü покровительствовать.
ǰiuraqu разводить, разбавлять; mo. ǰiγura растирать.
borčin ~ mo. orčin вокруг.
namurqan грязь, мокроты; mo. namursun струп.
teki также; mo. daki id.; teke сторона, в сторону.
emudun ~ mo. ömödon штаны.
multus догола; mo. mültus едва-едва, как раз.
iduleku ~ idureku преследовать, догнать, достигнуть.
unoa ~ unoγa средство передвижения.
erusku вырвать; избавить; схватить.
qaliqu сохнуть; mo. χalimał сушеное на солнце мясо.
kaŋqaqu томиться жаждой; утолить; mo. γang сухой, жаркий, зной; χangγaχu напоить.
nidun qara китайского значения не дано; mo. nidun χara зрачок; nidun χaraγa взгляд, мина, мңг.
senteleku оживить; раскрыть (-ся), расшириться; mo. sentelkü мешать, размешать; разрыть.
oreku уйти, покинуть; mo. amin-iyen örekü жертвовать своею жизнью.

§ 146

kuŋkeku убежать; mo. künggekü облегчить свою ношу.
derbekset беглецы, беженцы.
derkečan — ǰergečen рядом.
idureku успеть; нагнать.
ǰarbiyal шейная колодка; mo. čarbaγ клей.
oourqu бросить; mo. oγurχu id.

§ 147

iburiqaldun ǰibšierulčan bukui-tur когда мы в пылу битвы перестраивались; mo. ǰiγsałčaχu строиться рядами.
ǰebeleku mori боевой конь; mo. ǰebelekü биться метательными копьями.
aman čaqan qula беломордый саврасый.
aman niruu замочная кость; клм. aman nurγun шейный позвонок.

ƀalaq̇an ладонь; mo. ałaγa id.
ƀoeku марать, замарать; mo. ögekü(n) жир, сало; клм. ögödkü засалить, замараться.
čeel usuṅ глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды; низменные места; клм. čeel ~ čegel мочажина; непросыхающее место.
čaoken ~ čegen светлый.
ƀoqtoru пересечь, поперек; mo. oγtołχu пересекать.
čaoru doƀtulǰu oksu вдребезги разобью; mo. čuru трещина; čoγurχu треснуть, лопнуть; клм. čōroγ прорубь.
ǩur-дойди! mo. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздувать мех; клм. köörö задыхаться от волнения, приходить в ярость.
koko ǩuru синий камень.
keuru ~ čaoru ~ ƀoqtaru ~ qan(m)γaru ~ čoγuru ~ kegürü.
ƀučaqu избегать, отказываться; mo. ƀučaχu возвращаться, пятиться назад; клм. ƀučaχu возвращаться, упрямиться, запираться.
ƀurun что касается; mo. ƀołƀasu ~ ƀürün id.
munda наоборот, но; munda — munda не только, но и.
kür — γar, слова команды: вперед, назад!

§ 149

qoailaqu ~ ƀoilaqu войти в лес; cf. oyiła запомнить, заметить; uyiła плакать; mo oi, oiyła- бежать в лес.
aqtalaqu оседлать, сесть верхом.
qartaqu поднять руку на . . . ; mo. γar daaχu (?).
teki также, опять-таки; mo. daki затем, опять, еще.
yekiuǰei? Для чего? mo. yaγakiγuǰai! Как бы чего не случилось!
alan ƀaraƀa совсем убил, прикончил; ƀaraχu в значении показателя perfectum'а.
senteleku раскрыться, расшириться, развиться. Cf. § 145.
sonin urie daaqan новый 3-годовалый жеребенок; клм. üriye dāγan жеребенок по 3-му году.
ireuǰei как бы не пришел, дошел до . . . , опасно, что . . .
süiku обучать; surqan süein yaƀułaa уча ходил, учил.
ƀeilukset отделившиеся; mo. eyilkü убежать, оторваться, удалиться; oyiγsan eyilügsen kümün разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы.
mokoriku (mokoriulda-) отрубить голову; mo. moχorła изувечить, замучить; mökögekü умертвить.
munda напротив, но.
aisulaa прибыл (и).
ečiǩes kout родные. Cf. § 146.
ǰiči только, но; mo. ǰiči затем, также.

§ 150

el мирный.
aldugu жить друг с другом, относиться друг к другу < mo. aχu быть.

huldeku ~ mo. üldekü гнать, прогнать.
irke-orqa народ и жилища, семьи и их имущество.

§ 151

bitun по; через; mo. bitükü скитаться по...
bulqa bolqu восстать, возмутиться.
širkueleku схватить, держать; привязаться, крепко держаться, тащить, тянуть; mo. širgügekü чесать, тереть; дразнить; мнгр. surγu обмазывать, оштукатуривать; sürči намазывать. M., p. 364.
qanaqu пускать кровь; mo. čisun χanaχu id.
kiet и другие; множ. число (sign. plur.).

§ 152

ešiken баран; mo. ešigen козленок.
humekai ~ mo. ümekei зловонный, тухлый, смердящий.
ebüritku иметь, питать (вражду); таить, держать за пазухой, лелеять, воспитывать.
aur ступа; mo. aγud ~ aur ~ uur id.
noduku ~ mo. nidu ~ nödü толочь.
qaulqu ~ mo. χaγulχu облупить, ободрать.
horquqn ~ mo. orγuχu бежать, совершать побег.
bituku следовать, миновать; mo. bitüku скитаться.
qariun (qaliun) mori желтый конь с черной гривой и хвостом.
aburitqu иметь склонность, питать.
bariyas узы; клм. bariya арест.

§ 153

qubiyaldut je! ~ qubiyaldum ja! Поделимся!
ekeeruku вернуться в строй; mo. egerekü оборачиваться, кружиться, возвращаться.
turun-o начальный, перво-; mo. törün-ü id.
mokoriulku отрубить голову.
muqutqaqu истребить; mo. moχutaľa до конца, вполне; клм. muχudχa тушить.
yauke все, что; то, что.

§ 154

osül osuju, kisal kisaku мстить, отмщать; cf. mo. kisu ~ χusu скоблить, очищать; орд. gusu id. M., p. 202.
čiun конец оси; cf. mo. jegün игла; мнгр. čiu id.; орд. juu id, клм. jüün id.
ulittele kiduya до конца истребим.
hulekset ~ ülegsed остальные.
boolidqu обращать в рабство.
anbar ~ yambar какой, который.

sanšiqu понести потери; mo. samši, samšiyaχu израсходоваться, понести потери, быть погублену.
ulutkeku перебить, истребить.
otoq угощение вином; mo., клм. otoγ род, поколение; мнгр. sdog пук, пучок. М., р. 336.

§ 155

bodulqan рассеяние, смута; mo. budaliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. budaliyan путаница, сумбур.
hoilaqu скрыться в лес.

§ 156

senorelku вздыхать; mo. següresun вздох, стон; següresü aldaχu глубоко, тяжко вздохнуть, издать стон; мнгр. suriēǰe id. M., р. 365; Alt. t. següresüleků id.
saiqu ∼ saiku расставить; mo. seyičikü раскладывать, разрезать, разбирать.
bolteitkeku выделить особо; mo. bułtayiłγa высунуть, выпятить.
sain kurumele kuun человек благородного происхождения; mo. gürumel üsün заплетенные косы; gürümel büse плетеный пояс.
oorčaq разбойник; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий.
koruku шпионить; mo. gürükü плести.

§ 159

qatquldugči боец; mo. ülü χadχułduγči неподвижный, спокойный; χadχułduχu сражаться.
aqu остающийся, пребывающий, постоянный.
qairaqana жаворонок; mo. χayiraγana чайка.
aǰiraqu рассеянный, разлетающийся; aǰiraχu итти, шествовать, переходить, перелетать.
bilduur пташка, жалующаяся небу.
ǰusuritqu льстить; mo. ǰusurła лгать, льстить.
šiliun ∼ mo. šiluγun честный.
ulkiqu злословить, клеветать; mo. olgi id.
ǰinkuku клеветать; mo. yenggü поносить, хулить.

§ 161

tulešileku готовить пищу, жарить; cf. Р. Э., ч. I, стр. 115: подвергнуть бедствию и огню; mo. tule спалить, разорить, напасть, причинить беду.
tubuut действительное положение вещей; mo. töbeg хлопоты, затруднения, заботы; töb как раз то, что есть; центральное, существенное.

§ 162

irke orqa народ и жилища; mo. örke дымник; юрта.
ǰarimut половина; mo. ǰarimud некоторые, иные.
soor спор, битва; mo. sor жертва духам; soriχu испытывать, пробовать, метать жребий.

belčir ущелье, устье; mo. belčir скрещение, перекресток, расстанок, слияние; клм. belčir id.
amasar горная падь, устье.

§ 164

oroa дикий.
qaldut-ta на скалы, на горы < qaldun гора, скала.
naidaqu завидовать; mo. nayidaχu надеяться; nayitaχu чихать; насмехаться. М., p. 269; nayidanggui ненависть, зависть, недоброжелательство.
südurteku подстрекать.
südürken подстрекательство; mo. südürgen язвы на ногах у лошади.
araatu с зубами; mo. araγa клыки; коренные зубы; aratu зубчатый, с зубцами.
adarqaqu китайского значения не дано; mo. ataγarχa соперничать, завидовать; ataγan зависть, ревность.
abulčaqu вместе брать; mo. abuɫča брать, принимать вместе; схватываться; бороться; склеиваться, смыкаться; Мукаддимат, стр. 94: abulča распределять.
qaldun скала, пик.

§ 165

alaun-a за дверью, за порогом.
eenekče только, исключительно; mo. egenegče тайно; egenegte čaγ bükün всегда, вечно.
küdelen поперек; mo. köndelen поперек, наперерез.
neŋdeku опередить, предупредить; mo. nengde превзойти.

§ 166

arqa-ča лучше, не лучше ли.
qartaqu взять; халх. γarta связать руки.
koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldekü стоять; dörbö köldekü стоять на четвереньках.

§ 167

turuq (tuluq?) опора; mo. tuɫγa ~ tuluγ id.
imaari ~ ima-ber через него, при его посредстве.
tob усилительная частица; ǰob-u tob-u верно ли, нет ли, mo. ǰöb töb busu неверно, неточно.
bol положение (?); mo. boɫ ~ boɫbasu что касается.

§ 168

buulǰar сговорный пир.
šiltaqu отклонить; mo. šiɫtaχu отговариваться, отказываться; извиняться.
sereudeku догадаться; mo. seregde быть разгадану.
bučiqu окружить; mo. buγu кольцо.

§ 169

unenmikeku принять за правду; mo. ünemšiye id.
sumud-iyen huruku точить, чинить свои стрелы; mo. ürükü тереть терпугом, чесать, чистить, полировать; клм. ürübtür терпуг.
qoš жилище, дом; клм. χoš второстепенная юрта без огневища; походная, временная юрта; пáра, двóица.
ariyal ukei bi сомненья нет; mo. araγan медленный; araγalaχu действовать медленно, осмотрительно.
iseri кровать; mo. iseri скамья, табурет.

§ 170

keru северная сторона горы; mo. kerü бор, роща на северном склоне горы.
koaŋkelen ~ koŋkelen налегке; mo. könggele облегчить.
uderiku ~ uderitku отдыхать и кормить лошадей; mo. üdele id.
aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком.
čaqdaulsun поставленный сторожить.
qaraulsun поставленный досматривать.
keleriulku косить, склоняться; mo. kelberi id.
juile-juile там и сям.
kenet внезапность, неожиданность.
den ~ dem помощь, подкрепление.
toi китайского значения не дано; клм. tö пядень; mo. töyire приходить в смятение.
tooriqu кружиться, окружать.
tob центр, глубина; правильность, прямота.
derelku возвращаться; mo. tegerelče id.; tegere id.
sereltei берегущий себя; mo. sereltei бдительный.
itekeku опираться; mo. itege полагаться, верить (с дат. и вин. падежами).
tušiyaldu противопоставить; mo. tusiyaldu встретиться, столкнуться.
boldeitku выделиться, выйти; ore boldeitku отдельно выйти; mo. boltayildu ~ bölteyi высовываться. Cf. § 156.
dulet превосходя; клм. dülēd безостановочно, все время.
tumu глава, первый; мнгр. tumbu ~ t'ombu первенец (у животного); mo. tomi шеф, глава: орд. t'omi id.; tomi ekener первородящая женщина; mo. tomila командировать по выбору; клм. tumu вздевать на кол шаманскую жертву. M., p. 431.
tumbulaqu быть, стоять во главе.

§ 171

ebin дядя.
mono qoina впоследствии ~ mo. mön-ü χoyina (?).
quburi хребет; mo. χubari полоса, участок.
tašiqu касаться; mo. tašiχu косвенно падать.

§ 172

mokoeleku бить, ударять; mo. mökori обложить, окружить; möre облупить, обнажить.
qaqdaqu быть застрелену.
ekeer кругом; mo. egere ~ ēre вертеть, ворочать, обступить кругом. Cf. Владим., Грамм., стр. 194.
soor борьба.
keleliulku покривиться; mo. kelberi искривиться, высунуться.
iəqirčaq однорядное седло; mo. yanggirčaγ седло для перевозки тяжестей (bât). M., p. 295.
mutkiku итти следом, следовать; mo. möski id.

§ 173

jabaji углы рта, челюсти.
sujiyasu шейный позвонок.
qaqdaqu запираться, ссыхаться.
qalaun daaulqu прижечь; mo. daγaγul подвергнуть.
jibšiyereku построить; mo. jiγsaγala построить (войска); jübšiyere обойти кругом слева и остановиться справа. Ковал., стр. 2410.
qatquldut je ~ χadχuldum ja пожалуй будет сражаться.

§ 174

ičumaar стрелою.
qaqdaqu быть подстреленным.
hilu слишком, чересчур; mo. ilegüü ~ ilegüü. Cf. M., p. 106.
qatqutai задира, mo. χadχudar id.
qalqutai драчун; mo. χalχu ~ χaluχu приставать, задирать.
erusku вырвать, отнять; mo. erustekü быть схваченным.
ečine позади; mo. ečine тайно.
elbesun китайского значения не дано; mo. elbesün приманка, корм; elberil ублажение, почитание.
jalama китайского значения не дано; мнгр. jalama молитвенный лоскуток (-тки). M., p. 84.
abi-babi китайского значения не дано; сирийск. Авва. Cf. Haenisch, прим. к § 174 текста.
edun все эти.
juədaul помет (конский); mo. χomoγol id.
ačirat je ~ ačaram ja принесем.
deəselkeku трясти; mo. dengselge качать; трясти.

§ 175

horeneji западный; mo. örönedu id.
hukdereku снова открыться (о ране); mo. ügdere возобновиться.

§ 176

elset ǰe ~ elsem ǰe пожалуй войдем в переговоры.
qatquldut ǰe ~ qadχułdum ǰa пожалуй сразимся.
koande ~ konde тронуть, шевелить; mo. köndē id.

§ 177

uyeleku обгуляться (?); mo. uyaga разнежиться; üyerle наводниться; üyelekü разделить на сочления, части.
čimar-tur во гневе.
noirqanqan ~ noirqan-ban (?) выспаться (?); mo. noyir сон, дремота; noyirsuχu спать, почивать.
ding то же, что iseri (?).
boqunitqu понизиться; mo. boγonidχu укоротиться, осесть.
huni дым; mo. uniyar пар, туман. M., p. 107.
doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться; изогнуться; извиваться.
qalǰirqu посторонний, чужой; mo. χałǰirχai голый, облезший; γałǰir кривой, косой.
kondeletku недоброжелательный, перечащий; mo. köndeled сбить с пути, стать поперек дороги, заградить.
kokiuldeku быть подстрекаемым; mo. kökigülku возбудить ревность.
süderteku быть подстрекаемым.
ǰoęn ~ čoen малый, в малом числе; mo. čögen id. Cf. M., p. 454.
kiluku оглобли; mo. kelku ~ kelkiya связь.
ǰikduku тащить, везти; mo. ǰegügdekü быть возиму, носиму.
niurqaqu задабривать, подольщаться; mo. ńiγurčiłaχu лицемерить.
širqulqu быть загнанным; mo. širγułχu ~ širγuχu пробраться.
širkolku держать; mo. širgü ~ šürgü тереть, чесать; мазать; šigüre течь, проникать; сеять, цедить; χamuran šigürekü все без различия захватывать.
čimar упрек, укор; гнев.
čimatqu хулить, корить.
čimar-un yosun китайского значения не дано; mo. čimarχa ~ čimarła жадничать, барышничать; снова пускать в оборот, повторять.
ŋokoǰi второй.

§ 178

ai soiluq глубокий вздох (воскл.); mo. söyilekü задыхаться; с трудом дышать.
daq берестяной бурачок; mo. taγ застежка, пуговичка, шарик с кисточкой; daγ ~ taγ. Cf. M., p. 38.
hiličeku ~ hiričeku отделиться, отойти, уклониться; mo. erisle быстро отрубить, порвать и т. п.
šiki quruun ~ mo. šigeǰei ~ клм. šigiči мизинец.
toli щелкать (?).
unubči qituqai нож; mo. onubči ножичек, которым делают ушки у стрел.

§ 179

čuŋ ~ čung чарка.
naidaqu завидовать; mo. nayidangγui ненависть, зависть.
qoroqun убыль, расход; mo. χoroχu понести ущерб; погибнуть.
juququ действовать обходом, смотря по обстоятельствам; клм. ǰuγun двуличный, лицемер < ǰuγuda.
ile лично; mo. ile открыто, явно.
qarqan ~ qarqam бедра, стегна; mo. γarγam зад, лядвия, задние части у скота; «статьи».
oroa ƙoreesun дикий зверь.
utaraulqu выгонять из круга облавы.
qa передние лапы; mo. χa стегно.
ƙun скала; mo. gün глубокий.
uidaŋqa ленивец, пренебрегающий; mo. uyidχu скучать; пренебрегать.
turuq надежда, доверие; mo. tuɫγa опора, поддержка, колонна; мнгр. turγa id. M., p. 432.

§ 180

bilaqu пленить; mo. biɫa красить; напитаться.
jusuritqu льстить; mo. ǰusurɫa лгать.
borqai прапрадед. Cf. Р. Э.: 1-й предок — ečige; 2-й — ebüge; 3-й — elinčig; 4-й — budatur; 5-й — budaukur; 6-й — yürki; 7-й — dutaqun. Р. Э., ч. I, стр. 69.

§ 181

uyen старый, прежний; mo. uyan изворотливый.
alqasaqu отделиться; mo. aɫγasa не радеть, забывать; aɫγasaγuɫ волновать, соблазнять.
keli когда; mo. keǰiye id.
sartaqčin туркестанский.
ǰubčiku вить, завивать; mo. ǰübčikü закручивать.
ariyal сомнение.
qiquriqu следить, итти следом; клм. kiχuurtai злопамятный.
širi širbusun сухие жилы.
qauluqa дорога, след (?).
hot звезды; mo. odud id.
urban deretu bolǰu kebtemu bi лежу, имея подушкой землю ~ mo. γar-iyen dereleǰü uruγu kebtekü лежать на земле, имея подушкой свою руку. Ковал., стр. 452.

§ 184

ƙenet неожиданный; неосторожный, беспечный; mo. genedte внезапно.
terme праздничный шатер; клм. terme ~ terem решетка юрты.
iteƙemǰi надежный, верный; mo. itegemǰitu id.
barua тень; mo. baraγa нечто виднеющееся.

qoqtoriq̇aqu пересечь поперек; mo. oγtolχu отрезать, пересечь.
q̇uyan крестец; клм. γuyan ляжка.
ujuur край; mo. üjügür id.
hujaur основание; mo. ijaγur id.

§ 185

ik̇ulk̇uku торопиться, делать быстро(?); mo. ig веретено; igdekü прясти веретеном.
neədeku накрыть, напасть; mo. nengde превзойти, предупредить; enngden тем более; свободно.
suoraulqu начать биться; mo. suγuraγul дать возможность вырваться.
noun koun внуки; mo. noγun мальчик.
qudalaqu родниться, свататься.
onečid-un abuliqa сиротское пособие; mo. abulγa принятие, взятка.

§ 186

ek̇ečimet старшая дочь.
doimet младшая дочь.
tumdaa ∼ tumda сохранить целым.

§ 187

k̇urue винница.
ulan ∼ ulam постепенно, преемственно.
oquqa весь, целый; mo. oγuγada id.
tonoq грабеж, разорение; mo. tono обирать, грабить.
jisuku рассеять, разрезать; mo. jisükü искрошить, разрезать.

§ 188

qaəqaqu ∼ mo. χangγa напиться, утолить жажду.
haəq̇aqu ∼ mo. angγaχu жаждать, хотеть пить.
čual ∼ čöl пустыня, гоби.
usurqaqu нуждаться в воде, искать воду; mo. usurχaγ водянистый.
hiluaqdaqu быть кусаемым оводами; mo. iluγa овод.
antatai ∼ amtatai сладкий.
ereleku мужем себе сделать; mo. erelegči eme распутница.
keekdei ∼ kemegdeye.
jantaou чарка.
toloq большая кошма; клм. toloγ кошмяная полость.
berileku выполнять церемонии снохи.
otokleku ∼ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару. Cf. Каф., прим. к тексту, стр. 139.
qur daulqu тренькать.
kemk̇eru вдребезги; mo. kemkere раздробиться, раскрошиться.
abčirat ∼ abčiram (ui) приносят.
elbesun жертвоприношение; mo. elberi почитать.

torluq китайского значения не дано; mo. dorliγ ~ sayin očirtu ~ sayin vačir название одного духа, гения-хранителя.
torulmiši китайского значения не дано. Haenisch: Schwächling (слабого здоровья) (?).
doromǰin низкий, подлый.
idurekui близкий, наступающий; mo. irögekü̈i вещий.
baratutai темный; mo. baraγan темного цвета.
šiliun красивый; mo. šili отбирать.

§ 190

qomorqu окружать; mo. χomorχu достигнуть, догнать; χomorγu охотничий круг.
šiqan ~ šiχam близко, вплоть, сейчас же.
boet ~ böged тотчас, лучше.

§ 191

utu длинный; mo. urtu, клм. utu id.
utu duru-yin kuun человек свободного состояния (длинной воли); cf. mo. urtu küči поденщик.
ǰoqsoqu отдыхать; mo. ǰoqso останавливаться, делать временную остановку
ekureku опустеть (?); mo. egür взвалить на себя, нести.

§ 192

horčin ~ orčin вокруг.

§ 193

toritqu стать, остановиться; mo. torχu быть задержану.
aŋqi место; mo. anggi часть.
oqǰatqaqu попусту намеренно тревожить; mo. oγǰam вспыльчивый, запальчивый.
taŋqi китайского значения не дано; mo. tanggi умеренный, воздержанный в пище, сытый немногим.
hulurkeulku привести в смущение, недоумение; mo. külurke заставить потеть, «в пот вогнать».
unduqu прибавляться; mo. unduyiχu подниматься вверх, высунуться, выпятиться кверху.

§ 194

kirmes kiku мигнуть.
sekuulku свернуть, подтянуть, отступить; mo. sekügülkü поднять платье, подсучиться.
ǰibšierku выправить; mo. ǰibšiyere обойти слева направо.
uduqu заманить; mo. üdügekü заманить в засаду.
olkes пригорок, пригорье; mo. ölgö полуденная сторона горы; вершина.
noqai kerel kereǰu yabuqu биться, драться; mo. noχai bitegei marta не забывай же этого; noχai kilber весьма удобно, легко, без затруднения.

čaǝqardaul утомить; mo. čingγarχu укрепить, укрепиться в силах, наливаться; клм. čingγar! Сильнее!
anaain так и есть; Haenisch: schon wieder уж опять.
oluǝkin большая половина.
eberiku болеть; mo. eberle болеть, заболеть.
berteku быть оскорблену, страдать; mo. bertekü быть изранену, исколоту.
emečileku уподобить женщине.
kurulčeku сойтись лицом к лицу.
doro medeku подчиненный.
qarqam ~ γarγam тыл, зад.
sulberkui послабление, нерадение; mo. sülberkü склониться, притти в упадок.
buruu одиноко, особо; mo. buruγu в противоположную сторону; buruγu χanduχu обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом.

§ 195

qaraqana густая трава; mo. χarγana Robinia ferox, Robinia spinosissima, золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация.
baidu bailduqu стать, выстроиться.
qatquldua qatquldugu биться, сражаться.
šiuči долото, резец. Cf. M., p. 101.
kotot заводные кони, арьергард. M., p. 204.
kijin ~ kijim вдоль по; mo. kijim попона, чепрак.
kinǰileǰu huyaqu привязать на железную цепь.
širemun медная руда; mo. širemun бронза.
šibuke шило.
ore сердце; mo. örö внутренности.
minoa плеть, нагайка; клм. maliya id.
yabut ~ yabum (ui) идут, пойдут.
idet ~ idem (ui) едят, будут есть.
buqsaqu удерживать.
kunesulet ~ künesülem (üi) продовольствуются.
šilemelǰeku пускать слюни; mo. šülesün слюна; šiľabaľǰaχu сильно дышать, запыхаться; клм. šilbeľǰekü озираться.
qušiuraqu выдаваться вперед; mo. χošiγun мыс.
oeseksen ~ mo. ölösügsen голодный, проголодавшийся.
širemu медь; mo. širemü бронза.
širekdeku плавить; mo. širaγdaχu обжигать.
tabtaqu сбивать; обивать; mo. dabtaχu ковать, оковывать.
tebene большая игла; mo. tebene id.
qodu ножки; mo. γotu лапы животного (зверя).
ǰitkuulku заставить тащить; mo. ǰidkügül понукать, заставить ревностно трудиться.
tordaqu быть препятствуемым; mo. tordaχu быть задержану, застревать.
enkuku ~ emkuku глотать; mo. emkükü жевать, взять в рот.
ore сердце; ore ulu ǰasayu сердце не удовлетворено.

jasaqu довольствоваться.
ulkeku ~ mo. ölgükü навесить, нацепить, нанизать.
kerelduku ~ mo. kereldükü ссориться, драться.
ketus bukun находящийся по ту сторону.
kelkiku нанизывать, продевать.

§ 196

bolteitku стоять отдельно, особо; mo. bölteykü выпятиться, выйти вперед.
urquqû тревожиться; mo. urγu подниматься, восходить; orγu убежать.
ukutkuku одурить, усыпить; mo. üküdkü упасть в обморок.
huŋjiu пень; mo. üngši сучья сухие; пни.
qutaqlalduqu суматоха; mo. χotaγaľaľdu нагромождаться, валиться друг на друга; χutaγaľaľdu колоть друг друга ножами.
qulalqu падать; mo. χuľγuχu скользить, скатываться.
husu волосы; mo. üsü id.
muqutqaqu довести до крайности; mo. moχutaľa до крайности.
daijiqu удалиться, бежать.
quriyaqu забрать.

§ 197

toritkeku оставить у себя; mo. töridkekü задержать.
aulqu оставить в живых; mo. aχu, aγuľχu.
qataŋquya maraan asaqču строго и тщательно допросив.
mariyan-aca asaququ исследовать органы.
qai неизвестно; mo. χai! Кто его знает!
očiulku доложить; mo. öčikü id.
ocil доклад.
bolqan soriqu производить освидетельствование.
abqaulqu ~ ab[illegible]qu лишиться; попустить, чтобы взяли.

§ 198

hujaur ~ ijaγur исток, начало.
šiba метание, шибание; mo. šab-sab свист стрелы.
čubtusku тонуть; mo. čibbükü, клм. čibkü id.
kotoči домочадец; mo. kötči проводник, слуга, свита; клм. kötči лакей, прислуга. Cf. Kotčiner название родового объединения у калмыков.
tun daqaba ~ tundaqaba (?) весь, сполна; mo. tong совсем, совершенно; daγa последовать, покориться; tundaqa постоянный, нетронутый.
aulqu оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; mo. aχu, aγuľχu id.
hulittele ~ huluttele до конца, полностью, доканывая; мнгр. fulie остаться, быть в остатке; mo. üle id.

oqjatqu встревожиться, испугаться; mo. oγjam торопливый, запальчивый.
uqurqa укрюк; mo. uγurγa лассо́.

ǰiurtu крылатый; mo. ǰigürtü id.
bariuǰü ~ bariγuǰai! Поймать бы тебя! ~ bariχu či? Не поймаешь ли ты?
čalir лопата; mo. čalir пешня, лом.
čoqiqu откопать; mo. čokiχu бить, выбить.
Teŋkis dalai Каспийское море (?).
kolmi сеть; mo. gölmi невод.
qubčiur невод; mo. χubčiγur сеть рыболовная.
qučaqu ~ qučiqu беречь; mo. χučiχu закрывать, беречь.
haulqaqu велеть скакать.
kem ukai не в срок, не в урочное время, сверх меры.
oŋkeku увеличение; mo. önggeyikü вздорожать, приподняться, увеличиться.
kemleku ~ mo. kemnekü ограничивать сроком.
qudurqa ~ mo. χudurγa подхвостник; задняя лука.
qudurqalaqu ~ mo. χudurγała продевать хвост в пахви.
qadaar ~ mo. χaǰar узда.
nemurkeku вздевать; mo. nemürgekü накинуть.
sudalbiqu разнуздывать; mo. suła talbi пустить на свободу, разнуздать.
nišiqu ~ mo. nišiχu бить.
mokoriulku казнить; mo. mökörigulkü изувечить.
moselduku отделиться; mo. möskikü итти следом; möltörkü отпасть, отделиться.
alqasalduqu отделиться; mo. ałγasa быть невнимательным; клм. ałχa ладонь; mo. ałaγa sałγaχu разъединить ладони.
auqa ~ mo. auγa величие.
aman kelen aldaqu клясться.
uǰuureku доходить до верха, края; mo. üǰürke увлекаться, возбуждать.
ǰauraulqu ~ čauraulqu приказать отправляться в поход, послать; mo. ǰaγuraγułχu велеть стиснуть зубы; велеть беречься, принять меры предосторожности. M., p. 95.
ečine позади, не на виду; mo. ečine заочно, тайно.

§ 200

oorčaq разбойник; mo. oγurčaγ брошенный, одинокий, пропащий; oγurχu бросить.
uqulǰa ~ mo. uγułǰa дикий баран.
qaranbai ~ qarambai noqosu особая порода уток (диких, черных).
qar qartaqu наложить руки.
qar kurkeku довести руки, наложить руки.
borčin sono порода диких уток; mo. borǰin sono курчавая утка.
nekun домочадец.
budun eǰen свой господин; mo. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu.
neŋdeku замышлять, окружить, mo. nengde превзойти; предупредить.
quladu ~ mo. χuładu ~ χułdu коршун-мышелов; клм. sariči id.
okdeku назначить; mo. ögdekü быть дану, отдану, должно дать.
auldaqu быть оставлену в живых.
ile лично.

kilkun оглобля.
oermičileku другим сделаться; отделиться; mo. öberečile переиначить.
keli? когда?

§ 201

ulu širəkekui несваримый.
konjile ~ mo. könjile одеяло.
qaqaldaqu взаимно разделять.
qoandolet ~ kondolet клевреты (?); противники, супостаты.
kokiuldeku наговаривать, подстрекать.
qaljirqu фальшивый, злой; mo. γalǰir кривой, косой.
qatqulduqu язвить.
qadaqadu ukes важные, задушевные речи.
qauldaqu быть ободранным, сдернутым.
qalidqu облупиться; mo. χalidχu взлететь, воспарить; клм. χalidχu коснуться, притронуться.
ubčikdeku быть содранным; mo. übčigde подвергнуться сдиранию кожи.
toqoriqai круглый, весь; mo. toγoriγ круг.
joriqu указать, утвердить, присудить.
belen готовый.
munda напротив.
boesun ~ mo. bögesun вошь.
jakiə ~ jaking подкладка, подоплека.
orukesun ~ mo. örgesun колючка.
arbin пространные речи говорящий; mo. arbin экономный, бережливый; скорый; скоро; много; благообразный.
ene torelki-tur в этой жизни.
torulki уродившийся; от природы.
külüg аргамак, неутомимый, неукротимый.
orluut ~ örlüg-ud «урлуки», приближенные сановники; < ore излюбленные наперсники.
hülekdeku ~ mo. ülegdeku быть превзойденным.
domoqči ~ arbin «длинноречивый»; болтун mo. domoγ былина, легенда.
itekel опора, подпора
oluk yasun мертвые кости; mo. ölüg неодушевленный предмет.
Etuken Земля (божество).
eure долго; mo. egüri вечно, навеки.
turuq далеко; mo. turuγ расстояние, величина.
hiruer (l) молитва; mo. irögel id.
hujaur с самого начала.
oere torulkitu одинокую жизнь имеющий, одинокий.
huleu torulkitu много (с избытком) живых образов имеющий, многосемейный (?).
aman duuren keleleku говорить с полным ртом; говорить зловредные слова.
surdaqu kuun человек, который способен научиться; mo. surta быть обучену.
tolke гадание; mo. tölge жребий; приметы.

ǩundu mortu ǩuun важного пути человек; важный человек.
maqa не — ли; быть может.
ƅuruuya ƅulqa koitču ireku нарочито замыслить возмущение; mo. köyitükü спустить тетиву (у лука).
qorqoqu загнать.

§ 202

ǰaouraulqu ~ ǰauraulqu ~ mo. ǰaγuraγuƚ послать в поход.
ǰibšiyereku установить порядок; устроить, упорядочить.
šiskai войлок. M., p. 346.
tourqa «юрточная юбка»; mo. toγurγa войлочная стена у юрты.
šidurqutqaqu подчинить своей власти; mo. šidurγudχa велеть поступить прямо, честно; направить на путь истинный.
ƅüliu ~ ƅüleu много; mo. ilegüü лишний, слишком.
oleǩai ~ mo. ölögei колыбель; клм. ölökoi id.
eriun подбородок.
ala нога; mo. aƚa промежность.
šiekte урыльник; mo. šigesün, šigekü моча, мочиться; клм. šigeg нечистоты, навоз.
ǩetkiku ~ ǩotkeku ходить, ступать; mo. kete бродить, переступать; gödkekü поносить, обвинять.
oroču поздно родившийся (?); oroču deu сводный брат (?).
ǰukleulku управить, упорядочить; mo. ǰüglegül направить в сторону, переставить, перенести.
iričeulku (čiričeulku) уделить, выделить.
qabdasun досчатый; mo. χabtasun id.
keseeku обуздать, наказать; mo. kösegekü искоренить.
moqaaqu обнаружить; mo. mököge уничтожить.
ǩur deere-in ǰarqu высший общегосударственный суд.
kökö debter синяя тетрадь, реестр, таблицы.
čaarsun бумага; клм. čaarsn бумажные деньги.
široai yourqatu имеющий глинобитные стены; mo. yoγura месить.
čaqlaqu рассудить; mo. čaγƚaχu мерить, весить, определять; čaγƚaši üge неисчислимый.
debterleku сделать таблицы; mo. debterle сшить, связать в тетрадь, переплести, свести в реестр.

§ 204

ƅuiruqu ~ mo. uyaraχu наводниться, разлиться.
ƅulalqu ~ mo. uƚaƚχu покраснеть.
nou угол.
sataqu рассуждать; mo. setüƅ задача, тема.
maliyaqu прислуживать; mo. mariyaχu подкрадываться, ходить на цыпочках.

§ 205

muɒtaniqu ~ muɒqani бедовать; быть в затруднении, измучиться; mo. mungχaniχu растеряться, сбиться с толку.
nanbuqa ~ nambuqa кожаный мех; mo. namaγa бочонок.
sauluqa ~ mo. saγuĺγa, suuĺγa ведро, подойник.
oqotor голохвостый; mo. oχotor куцый; клм. oγotor бесхвостый.
qoanqor ~ qoɒqor желтый конь; mo. χongγor светлосоловый, рыжий; клм. χongγor саврасый.
oroq širɒqula белый с черным хвостом конь.
buet ~ boet тотчас.
širqa ~ mo. širγa соловый, палевый.
qijiara ~ kiǰaγar-a подле, с краю.
huldeku ~ mo. üldekü отогнать.
külukier ~ külüg-iyer геройски.
bokotur ~ mo. bökötör горбатый.
bokturku навьючить; mo. bögterkü перекинуть через седло.
ǰuserekui ~ mo. ǰüserekü̈i проливной дождь, непрерывный дождь.
nemurke войлочная рубаха; mo. nemürge дождевой плащ, епанча, дождевик. М., р. 270.
ǰiktuku тащить; mo. ǰügegdekü быть влекому, тащиму.
derelekun прилежащий к чему; mo. derele лежать на подушке.

§ 206

debseku прыгать, плясать; mo. debse топать, стучать; debkečikü плясать.
ǰaarin откровение духа; знак, коим божество указывает свою волю. М., р. 83.
saqlar ~ mo. saγĺaγar густой, развесистый; uke baralua слова сбылись.

§ 207

ǰoaɒleku предсказать, предвещать; mo. ǰöng откровение, предсказание.
eǰie доселе.
turuq далеко; mo. turuγ величина, расстояние.
noitan сырость.
nobšilduqu вместе мокнуть.
kobšilduku вместе холодать, коченеть; mo. köšikü стынуть.
neɒdu qutuq счастливый дух, гений-хранитель; mo. nengde гораздо, весьма, более.
qudus по, через; mo. χudu через; χudu γarχu пройти насквозь.
daruulaqu надсматривать, охранять; mo. daruγaĺa id.
saaraqdaqu сомневаться; mo. saγar-ügei несомненно; клм. saara убавиться, ослабнуть, медлить.

§ 208

erkin ~ erkim главный.
heruku ~ keruku печалиться; mo. kerü скитаться; слоняться.
učumaq разновидность стрелы (эпическое название).

nemur заслон, защита; mo. nemürge плащ; клм. nemer шалаш.
muqutqaqu сокрушить.
ončaldaqu прекратить, уничтожить; mo. ončoχai отдельный; ončoyiľγaχu отделить.
busaŋqaqdaqu совершенно рассеяться; mo. busaniχu разориться.
soor борьба; mo. sor жребий, испытание; жертва.
ǰirin две, обе.
tumutaq-a aqsan сохранился пребывающим (в неприкосновенности); mo. tumaχu вздевать на кол жертвенное мясо.
uduku ~ mo. üdükü заманить.
arqa-bar посредством стратагемы.
talaqu завладеть; mo. taľa отнимать, грабить; taľaχai голый, плешивый. M., p. 411.
oreku выйти, кончиться; mo. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; ami-ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь.
olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; mo. ölmürün orošiχu ~ ölmerin-, elberen aχu ~ ölberkü натрудиться, изнуриться, истощиться.
ulke čeeǰi грудь; mo. čegeǰi грудь; память; разум; ölgei ясный, светлый ölge светлая (полуденная) сторона горы; бур. ölge нитка жемчуга.
tala лик, лицо; mo. taľa сторона, бок.
tore закон, справедливость; mo. törü право, закон, церемонии, учтивость, долг, подарок учтивости. M., p. 434.
mono qoyina на будущие времена.
oro вакансия, место.
tasulqu прекращать.
inǰes приданое; mo. inǰi id.
keries-iyen okku подарить на память.

§ 209

ǰaouriulqu ~ ǰaγuraγuľχu ~ ǰoriγuľχu указать.
kankeruku ~ mo. χamχaraχu ~ kemkelekü раздробить.
qaqalaqu разбивать.
čaoken ~ čegen ясный.
čaouraqu ~ mo. čoγuraχu, клм. čoor треснуть, лопнуть, раздробиться.
čeel глубокий; mo. čegel обильный ключами.
nitulaqu остановить; mo. nituľaχu отрезать, перерезать; уничтожить.
ǰoriqsan qaǰar указанное место.
moǰirqaq строптивость, упрямство; mo. moduči, халх. muǰiyan, мнгр. moǰi плотник, столяр.
maouilaqu ~ mo. maγuyiľaχu выговаривать; быть недовольну.
uqat ~ uχam (ui), поймут.
unǰiku остановиться; mo. önǰikü дневать, отдыхать.
bosu kuun худой человек; mo. bosuγa yabuγči kümün человек, идущий с поднятым лицом.
ǰubčiku закрывать; mo. niγur ǰübčikü закрыть лицо; потерять стыд.
niuqu ~ qabčiqu таить, скрывать; mo. niγu ~ χabči id.

§ 211

kureke ~ mo. kegürge кузнечный мех.
urču ~ egürčü, подняв, неся на себе.
nelkes пеленки; mo. nilχa младенец.

§ 212

orole половина; клм. örӧli, mo. örögesun половина чего-либо па́рного.
ǰiktulduku вместе тащить.
ǰoeku стяжать, приобрести; mo. ǰögekü id.

§ 213

noitan сырой, влажный.
nobšiqu мокнуть; mo. nöǰi сгусток крови; nobši ~ nöši ~ nöǰi влажное.
koiten холодный.
kobšiku мерзнуть; mo. köšikü стынуть, коченеть.
bura-tara там и сям рассеянный.
qučiqu подавиться, поперхнуться; mo. χučaχu лаять.
yeke tusurke «великая винница» (у монгольских императоров).
basaalaqu распоряжаться; mo. bišilγaχu прилежно заниматься.
tublen лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться.

§ 214

duruqu держать; mo. dürükü сунуть, вдвинуть.
šituelduku стоять напротив.
ourčaq разбойник; mo. oγurčaγ покинутый, одинокий.
eriulsun ищущий, просящий, нищий.
horeneǰi западный.
iseri лавка, скамья.
suu-duriyen под бок; mo. suγu-dur-iyen подмышки.
tenteleku щупать; mo. temterikü шарить; мнгр. tendili id. M., p. 415.
ǰuqulqu выхватить, вытащить; mo. ǰiγu tata id.
qailaqu кричать.
haraqu кончить, прикончить, убить.
udaaralduqu тотчас последовать.
šibilker хохол, коса, пучок; клм. šiberlig чехол, надеваемый на косу (у женщин).
muqular безрогий, комолый; mo. muχur id. M., p. 244.
huladaqu окрасить красным.
ǰuldu главная заслуга.
kilkun оглобля.
sujiyasu шейная артерия.
elet песчаная степь; mo. elesü песок.
tusdaqu быть раненым; mo. tusχu достать, попасть.
qaquqsan čisun ~ beglegsen čisun запекшаяся кровь; mo. χaγaχu остановить, запереть; χaχaχu подавиться.
hači ~ ači заслуга.

darbaan китайского значения не дано; mo. darbaχu развеваться по ветру.
daoun dem ответный голос; mo. dem подмога.

§ 216

sataqu рассуждать, совещаться; mo. setüb тема; клм. seter животное, посвященное божеству.

§ 217

oreku выйти, кончиться; mo. örekü погибнуть; amin-iyen örekü жертвовать своею жизнью.
abliqa получение милости.

§ 219

naidaqu завидовать, ненавидеть.
udaana медленно, поздно.
qorčilaulqu заставить носить лук.
otokleulku заставить провозглашать чару.
qandaqu забыть; mo. χandu отвернуться.
quiqu ~ mo. γuyiχu ~ γuyuχu просить.
turuq приближенный.

§ 222

bukdeuli ~ buk deuri (?) бродящих, туда и сюда ходящих; mo. bögsen, клм bög ~ bögsen низ, нижняя часть; dēgür верх, наверху.

§ 223

moči ~ moǰi плотник; mo. moduči, халх. muǰiyan id.

§ 224

oktekun имеющий право получить; mo. ögdekün тот, кому следует дать.
tuŋqaqu объявлять; mo. tungχaγ, tungχaγla id.
duriin kuun ~ urtu dura-yin kümün (§ 191) человек свободного состояния.
šil sain красивой наружности; šili шея, затылок; šilitei сильный.
bekeleku делать усилие; mo. bekilekü укреплять, подкреплять, усиливать.
beye qad-iyar один, сам, самостоятельно; mo. beye γar-iyer самолично, собственными руками.
enču ~ emču собственный; mo. ömči id.
kanleksen ~ mo. kemlegsen установленный.
sonosuat burun ~ sonosuγad bürün когда услышат.
bultariqu ~ mo. bultariχu избегать труда, лениться.
ǰukiyer прямо; mo. ǰüger так, просто.

§ 227

hoaraqu ~ horoqu уклониться, избегать, пропустить явку; mo. χoroχu убывать; oγura ~ orki id.; мнгр. fōro быть парализованным. M., p. 100.
soiqu ~ soyu ~ süyu поучать; mo. soyu учить, исправлять, наказывать.

hoančiqu ~ honči ~ hončiqu чинить самоуправство, произвол; mo. onča единственный, исключительный; χonǰi присваивать, делать злоупотребление.
koandeku ~ kondeku двигать, трогать, шевелить; возбуждать; mo. köndekü id.
mokoriulku отрубить голову; mo. mökögekü истребить, умертвить.
nišit-ǰe ~ nišim (ui) ǰa! Будем бить палками!

§ 228

kotočin «заводные» (вожаки заводных коней); товарищи; оруженосцы (?) гвардейцев.

§ 229

taulqu поручить, отдать; mo. daγaγuł велеть принять на себя; taγuγułχu заставить гнать перед собою.
kilue среди коней (коновязь?); mo. kelkiye связь, привязь, нитка.
qauli ~ mo. χauli правило, обычай, закон.
qoinaun — uridaun спереди — сзади.
ketukelǰeku ходить поперёк; mo. getülge переправить.
belke ~ mo. belge свидетельство, знак, значок.
dalbaru вдребезги.
bautala на́прочь.
yaaral спешное дело.
dekeun выше, сверху, над; помимо.
ǰaqaun между.
qadar ~ mo. χaǰar узда.
ǰilda поздно.

§ 230

oruketai имеющий верхнее отверстие; mo. erüke, клм. örkö дымник юрты.
oruk nota спокойно и тихо; mo. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко.
oqǰatqaqu встревожить; mo. oγǰam внезапно.
šilǰireku движущийся; mo. šilǰekü сплетать, плести.
šilkutku заставить дрожать; mo. šilgüdkü соревноваться; запыхаться.
ǰuen холод, мороз. M., p. 89.
šiltesutai ker юрта, имеющая плетеные стены.
ǰirin две, пара; ǰirin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. M., p. 96.
čiŋ искренний; mo. čing верный, непоколебимый.
ibuluŋ смуты.
irketai подземный; халх. irge надземная часть покрова юрты, подол у юрты.
hirmes ulu kin во мгновение ока; mo. irmekü мигать.
uilsun qor берестяной колчан; mo. uyisun береста.
ubiskikui только тронуть, едва притронуться.
uriyarqun бодрый, благодушный; mo. uriyałaχu манить, звать.
qubis kikui прикоснуться; mo. kübikü бить, щелкать.

§ 231

kemuriulku досаждать; mo. gemere упрекать, винить; клм. gemürükü тревожиться, беспокоиться.
keries оставленное на память; mo. geriyes öge (bičig) завещание.
neŋduut верные; mo. nengdekü превзойти.
qutuq счастливый дух; mo. χutuγ святость; счастье.

§ 232

ordo-in čerbin okit придворные дамы.
ker-un kout домочадцы.
hukerčin коровий пастух.
basaalaqu заведывать.
ker terken дом-телега; юрта на колесах.
kuurke барабан.
doro ǰida низ копья; копейное древко (?).
daruqalaqu инспектировать, заведывать.
otkan капище; мнгр. sdōgu -utuγu -ötegü, ötegün-i (sdōgun-i) ger гробница, гроб, «Дом старости». M., p. 337; mo. ötken густой; грубый.
qor qomusa bolqaqu причинить расход; mo. χoor γomsa bolγaχu причинить хоть малейший ущерб.
čaada вблизи; клм. čayiši подальше, за.
yeke tusurke «великая винница»; mo. düskü капать, лить.
nuntuučin становщик, заведывающий становьями; mo. nutuγ кочевье; nutuγčin заведывающий кочевьем, землеустроитель.
šibaouraqu пускать соколов, охотиться с соколами.
ǰarimut половина.
čaqlaqu расчислять (по времени), сообразоваться.

§ 233

oruk спокойствие, неподвижность; mo. ölüg вещь, неодушевленный предмет.
Yeke Auruq ханский стан со старыми и малыми; mo. aγurχai гнездо; могила.
noukui-tur, oluk-tur ~ noukui-tur, sauqui-tur и на кочевке, и на стоянке.
dabqur qaqas qaqas yabudaltan имеющий важные и многоразличные обязанности.

§ 234

ačaraqu убирать.
hoošin веревка; mo. ööšin сеть, невод.
aurasu ткань, холст; mo. aγursun шелковые ткани; вещи, пожитки.
nuntuq ǰiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья.
darun постоянно.
qoq крошеная трава, солома; mo. χoγ мусор, отбросы, навоз.
qomoul сухой помет; mo. χomoγol лошадиный помет.

§ 235

čauraulqu ~ ǰauraulqu послать в поход; mo. ǰaγura ~ ǰaγuraγul принять меры предосторожности. M., p. 95.
neken ǰauuraqu исполнить поручение преследования.

§ 236

muqutqaqu доконать; mo. mökügekü истребить, умертвить; muχudχaχu притупить.

§ 238

molsun ~ mo. mösün лед.
qorqi снурок.
al красный, алый; mo. al id.
hurtesun лоскуток, обрезок; mo. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки.
tana большой жемчуг; mo. tana перламутр.
načit шитые золотом ткани.
dardas парчевые ткани; mo. dardas штоф, расшитый узорами.

§ 239

Holuiqan Елюйхан, дочь Чингис-хана; клм. ölüi сизый; cf. известное имя Елюй-Чуцай.

§ 240

ude ǰilda поздно вечером.
uqamsar незаметно; mo. uχamsar berke oi невообразимо густой лес.
horum ~ mo. orum след, тропа.
dermedteku быть перехваченным; mo. terme решетка, заграждение.
boqoqu ~ mo. boγoχu преграждать.
tuurbiqu хотеть сделать; mo. toγurbi предпринять.
sübe вход; mo. sübe проход, отверстие.
hoqtorqui намеренно; фальшиво; mo. oγtorγui небо; воздух; пустота.
erbekelčeku показать, развернуть силу; mo. erbelčekü мелькать, мерещиться; клм. elbeger подвижный, хитрый.
tootu по числу, полный; считанный, отборный.
musut прутья; mo. müsüd id.
urkeulku заставить нести на спине; mo. ergügul id.
uqali ~ mo. uχali тесло.
šiuči долото.
hoqtočiqu ~ mo. oγto сечь, рубить.
qurinlaqu ~ χurimlaχu пировать.
qoastan okit прекрасные девицы.

§ 241

bulqa bolqu поднять, произвести восстание.

§ 242

ǰoboqsat eke потрудившаяся мать.
nilqa наименьший.
tumen irke okba ~ tümen örkö ögbe отдал 10 000 юрт.
ečitkeku ~ mo. ečüdkekü велеть прикончить.
süneeku ~ mo. sönögekü потушить.
keries память.
huni дым.
kanšiku повергнуть к стопам(?); mo. gemši скорбеть, говорить скорбно, сокрушаться.
qaqas отдельно.
ǰe, teli! Согласен!

§ 243

kečeu жестокий, упрямый; mo. kečegü трудный, крутой.

§ 244

dundadu ~ dumdadu средний.
omereǰu ǰančiqu умыслить, сговориться прибыть; mo. omerikü защищать, вступиться за.
qarautai terke крытая телега.
huyaqu ~ uyaχu привязать, связать.
keekku изумиться, испугаться; mo. geyigde быть накрытым, раскрытым, уличенным.
dalqu ~ mo. tayiľχu развязать.
bisariulqu наполнить, закрыть.
ǰirin двое.
qadalun daun ~ qadarun daun пословица(?); mo. χadārχu расшивать; разъяснять. Cf. § 78.
aui bolqu облегчать; mo. aγui обширный; великодушный.
kilue стоянка коней; mo. kelkiye связь, привязь.
qulaǰiqu испугаться.

§ 245

ašikiqu прибить; mo. nišikü ударять, бить; клм. āšiχu поступать самовольно; мнгр. aš восклицание боли. M., p. 15.
qaaqu окружить; mo. χaγa закрыть, пресечь.
ǰirin две; пара, чета; mo. ǰiren id.; мнгр. ǰür. M., p. 96.
tuitku закрыть, прикрыть; mo. tüyidkü стеснить, задержать, придержать.
očiken намедни; mo. öčögüdür id.
bel притом; тем более; mo. boľ(?).
čikot лиственница; mo. ǰigesün сахарн. тростник; клм. ǰegesün тростник, чáкан (род камыша).
oisulalduku тайно губить; mo. ösleldü питать вражду.
neule сухое дерево.

netkel конопля в беспорядке, разметанная конопля.
tulu столб, колонна; mo. tulγa id.
nekus otqu упасть; mo. nögči пройти; скончаться.
tulbas otqu упасть.
tyal стая птиц; mo. tögel полнота, множество; töl приплод.
oisutku (oisuladku?) губить.
učuket ~ mo. öčüged малютки.
sorilduqu тягаться; mo. sor жребий.
hunosku ~ mo. ünüskü нюхать, целовать.
dair великий; mo. dayir самец.
daəlasun комок земли; мнгр. dangłasun id. M., p. 43.
šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; mo. šimała засучивать; šimaliγa, šimaliγaγda id. M., p. 371.
kerelǰu гневно; клм. kerēlekü образовать ряд, стоять друг подле друга.
horčin ~ mo. orčin вокруг.
qošiliq палатка, юрта; клм. χoš пара, двойня; второстепенная юрта без огневища; cf. χoši кедр, сжигаемый при религиозных церемониях. M., p. 384.
kolke телега; клм. kölgön перевозочные средства.

§ 246

tuliku закрыть; mo. tülkikü задвинуть, закрыть.
bolqaqu освидетельствовать; mo. belgele толковать приметы.
bolqaqdaqu удостовериться; mo. belgegde приписать значение, остановиться на том толковании, что...
ǰiəkuku (допускает также чтение ulququ) клеветать; mo. yenggegun брань, хула; olgiχu злословить, хулить, порицать; yenggükü id.
manaqaru ukuleksen утром сказанное; mo. manaγar-un ögülegsen id.
hudaraqu отменить, нарушить; mo. udara пороть, распарывать. M., pp. 46, 333.
hičele стыдно; mo. iči ~ eči. Cf. M., p. 389.
ǰalaraqu шествовать и т. п.
ǰibturaqu сократиться, уменьшиться; mo. šibturχu соскользнуть, спуститься, скатиться вниз; клм. šubtur id.

§ 247

bekilekdeku быть укрепленным.
udu ~ mo. üdü выманить.
ǰolke долина с речкой посредине. M., p. 440; клм. ǰałγa «балка», овраг, сухое русло.
buteku запрудить; mo. bütekü покрыться.
hurbaqu ~ mo. urbaχu обернуться.
sundulqu следовать один за другим; mo. sundułaχu преследовать по пятам.
erekun omoqun мужественный и храбрый.
hunǰiu груды гнилушек; mo. üngši сухие сучья. Cf. § 27.

qaalq̇a крепость, застава; mo. χaγaǐγa проход, ворота.
q̇ar kotoltan каждый человек ведет заводну́ю лошадь.

§ 248

burelku уничтожить; mo. bürilekü исчезнуть, разрушиться.
qalaar непременно (?); mo. χaǐa смена.
edoet-tur на время.
eyetuldut ǰe ~ eyetuldum (ui) ǰe сговоримся ведь.
heušieku быть вредным, несвойственным. M., p. 101; мнгр. hüükü гнить, портиться; mo. ükü id.; клм ügsen гнилой.
koljirkeku подвергнуться, появиться повальным болезням; mo. költikü согреться.
čerik-un kuun-e kundu-te ~ čerik-un kuun-e kučun-e (?) в меру подъема (по силам) для солдат. Cf. Haenisch, p. 120.
hudeku ~ üdekü провожать.
daaqui-ača посильно взять; mo. daγa поднять.

§ 249

ǰoriqu направляться.
alaai ~ aǐuγa < aχu.
suldetu величественный; mo. süldetü благодатный, покровительствуемый богами.
nunǰi nuntuqtan имеющие оседлые стойбища; mo. nunǰi малорослый.
noduksan построенный; mo. nödükü толочь, месить, утрамбовывать землю.
bulqalduqu биться, сражаться.
deresun колючая трава; mo. deresun белоствольный злак, из которого плетут шляпы; степной ковыль; клм. deresün тростник; мнгр. dierese вид высокого злака, общего степным местам. M., p. 52.
nemure защита, попона.
qa вассал, mo. kiya адъютант, паж.
oorqu šibaoun запускаемая (ловчая) птица.
taouqu ~ taγuχu гнать.

§ 251

hunǰiu груда гнилушек; mo. üngši сухие сучья, жерди.
hülekset ~ ülegsed остальные.

§ 252

liu-šou наместник.
yauke штука, вещь; mo. yeüǰi тюк, штука; yaγuki всякое.
hartai узорчатый, с разводами; mo. artai полосатый, узорчатый, травчатый.
ečineun заочно; mo. ečinen тайно, сзади.
abua ~ abuγa ~ abuba взял.

§ 253

imada ему.
dalai kijin по берегу моря, вдоль по, подле; mo. keyen ~ keyege кромка., край, кромка (верхняя) у бабки (альчика), в детской игре называемая «тагáн».
haulqu гнать, преследовать.

§ 254

jetkuku (~ χaγaχu) препятствовать, останавливать, заграждать.
arqanji ~ arγamji пеньковая веревка (аркан).
kisal kisaqu отмстить; mo. kisa придираться, задирать.
čaur čauraqu ~ jaur jauraqu походом итти.
jibšieruku управлять, исправлять; mo. jibšiyer с почетом обходить справа налево.
neule большое дерево.
nekus otqu падать, свисать; mo. negüski удаляться; nögči миновать, проходить.
netkel конопля.
tulu столп, колонна, столб.
tulbas otqu упасть.
tuyal стая птиц.
ukuleə смерть.
erusteku быть похищенным.
čuloul китайского значения не дано; mo. čölögül ссылка, изгнание.
ilqaqu отделять, избирать; mo. ilγa разбирать, отличить, выделять.
hüleku ~ ilegü превосходящий.
hoantučaqu ~ hontučaqu состязаться в стрельбе; mo. ontusχu стрелять вверх.
herekai ~ mo. erekei большой палец.
hoqtolqu ~ oγtol отсечь.
abalduqu бороться.
sin ~ sim ~ sem молча.
ereku надеяться; mo. erekü id.
horčiqu вращаться, переворачиваться; mo. orči id.
korisutai имеющий кожу; поверхность; mo. köresütei id.
korbeku оборачиваться; mo. körbekü кувыркаться.
koruleldukи взаимно нападать; mo. kereldu ссориться.
kuseku думать; mo. küsekü желать.
kurulčeku взаимно преступать; mo. kürülče касаться друг друга.
amaraqu любиться (?); mo. amara быть спокойным, утешаться, благоденствовать.
qoruulqu сседаться; mo. χoroγul убавить; уменьшить.
eedeulku разделять, отрывать; mo. egedegülkü скиснуть, свернуться.
buleen шероховатый; mo. büliyen теплый.
bulet (другое чтение: qałat) вдруг, нечаянно.

qalaun горячий; зрелый; утроба.
qaqunaq сорочка.
čimatqaqu ~ mo. čimadχu упрекать; хулить; порочить.
ǰekirku охладеть; mo. ǰekürkü остыть.
ǰaliraulqu потратить; mo. ǰalirayul угашать; отвлекать.
kemuriulku ~ kemliulku оскорбиться; mo. gemnegül ~ gemlegül огорчать.
kenoer ~ kenol огорчение; mo. genükü тосковать, горевать.
keskeku ~ mo. geyiskekü рассеивать, развевать.
(h)qantuqalaǰu скоро хватая (на коне); mo. amtuγu едва-едва; чуть-чуть; amturi спешить; χala смена.
nambaqa мешок, бурдюк; mo. namaγa id.; nambulča трястись.
hirmes миг; mo. kirma ~ клм. kirme мигать.
qabtaqai ~ mo. χabtaγai сплюснутый, тонкий.
šiki ~ mo. šigi miχa застрявшая в зубах кожица десны; десны между зубов.
olomlaqu подпругою укрепить.
kičiyen осторожно.
horoitala ~ uqitala (§ 74) крепко, плотно; клм. oroidχu стоять наверху; опаздывать; вечереть.
boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку. Cf. § 74.
qoǰitala büselcku высоко подпоясаться. Cf. § 74; другое чтение: hooǰitala; cf. mo. ooǰi телогрейка; ooǰitai женщина.
boqtolqu надевать свекровью шапку; клм. boγtolχu воздерживаться, терпеть.
niitaitala плотно, крепко; mo. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену.
nidurtala плотно, крепко; mo. nidurχu бить кулаком.
ǰarim половина.
qučiqu глотать.
qotolai все, весь, целый.
kene? Как?
burbi пята.
erkuulku поддерживать, поднимать.

§ 255

mučilǰeku насмешливо улыбаться; mo. mišigelče ~ клм. mišēkü улыбаться.
qolbaraqu вместе итти, сопутствовать; mo. χolboraχu вертеться взад и вперед; скользить; χolbolda связаться, быть спарену, парою итти.
daldariqu ~ mo. daldari уклониться, укрыться.
dalbaru по плечо; mo. dalba парус; махало.
kinkuru пересечь, поперек; mo. kinγara голень, берцо.
oruk великодушный.
baraa тень; mo. baraγan темный.
baouliya наставление; клм. būliχu приручать; поощрять; būli палочка в носу верблюда для понукания.
otoken ~ etügen земля (божество).
salqušitu отдельный, удельный; mo. salaγatai развилистый.
aui пространный.
autqiqu распространять.

kurulčeku довести, исполнить.
qabqariulqu клеветать, сплетничать; mo. χobči сплетник.
olaŋ ~ mo. ölöng мурава.
qučiqu обернуть что чем, завернуть.
eukun ~ mo. ögekun сало.
qaŋdaγai лось, сохатый.
ketus поперек, через; ketü чрезмерно; через, мимо.
sores послушно, охотно; клм. sörö вверх по течению, напротив; прямо, напрямки.
je-in nokor согласный, отклик, эхо.
minaa плетка, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id.
solaitqu ~ čolaitqu пустовать, недоставать; mo. suładχu освободиться, ослабнуть; čölöyidkü закатываться, падать, приходить в упадок, растрачиваться.
čaur čauraqu походом итти; mo. ǰaγuraχu принимать меры предосторожности.
oqor короткий; mo. oχur краткий, непродолжительный.
endeku ~ mo. ende ~ anda ошибаться; нарушать.
aldaqu потерять.

§ 256

olulčaqu взыскать; доказать.
kelbes напротив, прямо.
je teli! Довольно, баста; так и быть!

§ 257

taolai заяц; mo. taułai ~ tuułai ~ tuuli id.
qadaun в обход.
činana по ту сторону.
koandeku ~ konde ~ mo. könde трогать, затрагивать.
qaulqu грабить; mo. χaγułχu ободрать, облупить.
čubtusču стремглав; mo. čub частица усиления.
süeeku погибнуть; mo. sügege досаждать, наказать.
qoroqu спасаться; mo. χoroγda прятаться, укрываться.
daoliqu ограбить; mo. tauliqu гнать, угнать.
ereuleku обвинять; подвергать взысканию.

§ 259

baout je ~ baγum (ui) ǰa остановимся пожалуй.

§ 260

očin meljen aqsat непокорные; mo. melje спорить, оспаривать.
maqaiqu, значения не дано; mo. maγayiča кидать бабки; бросать, закидывать.
bayasču maqaiqu радоваться и веселиться.

alqasaqu облениться; mo. alγasaχu быть рассеянным, нетвердым, невнимательным.
jaliraqu прекратить гнев, успокоиться, утихнуть; mo. jaliraχu лениться; отстраниться; погаснуть.
orkitku приводить примеры; mo. örged расширяться; распространяться в толкованиях.
qadarqu приискивать примеры; mo. χadarχu распарывать, расшивать.
badarqiqu пылать, гореть, пламенеть; mo. badarki id.; клм. bedergi иск, домогательство.
čimal выговор; mo. čimadχu стыдить, выговаривать.
sueyu стыд, раскаяние; mo. soyu учить, просвещать, исправлять.
duulqaqu наставлять; клм. duulγaχu доводить до сведения.
baouliya выучка, приучение; первое напускание (ловчей птицы).
šintaraqu отступить; mo. šintala ломать, сокрушать; šintaraγul пугать, приводить в смущение.
mene вот, сейчас; столько.
tukirqu науськивать; mo. dokirχu id.
sooroku разрешиться; успокоиться; mo. sörkü противоречить, противодействовать.
aliraqu утихнуть гневу.

§ 262

qari irgen страны и народы; иноплеменники.
daraqači охранный воевода.
jabqaqu потеряться, исчезнуть.
serke баран; mo. serke легченый козел.

§ 265

nunji неподвижный.
josotu boro название масти лошади; mo. jusutu красноглинистый.
maraa ~ mariya плоть, тело.
morilat je ~ morilam (ui) je пожалуй поедем.
sobilaqu испытывать; mo. sobila смотреть; присматривать.
nidoni в прошлом.
olulčaqu требовать отчета.
juk-tur oroulqu поставить на надлежащее место.
daariəqu насмешливый, задевающий.
surqu привыкать.
šiqan ~ šiqam опираясь; близко, возле.

§ 266

onoqu считать; mo. onoχu попасть; достигнуть.
aulalaqu взбираться на гору.
inaq верный; mo. inaγ любимец; друг.

§ 267

baouqu осадить.
jisuleku подобрать под цвет; mo. ǰisüle придавать цвет.
buteuna в тени; mo. bitegün закрытый; последний.
dotora dura bulqaba стошнило; стеснение в груди; mo. dura buliχu чувствовать отвращение, усталость.
irekdeku сделаться.
nokčieku умертвить.
uke olulčaqu требовать отчета.
nouuku qarši походный дворец; mo. yabuχu ordon id.

§ 268

muquli-musquli китайского значения не дано; клм. muχuli крепостной, раб; человек, отданный взамен имущества в уплату долга или штрафа.
ečitkaku истребить; me. ečüdke велеть прикончить.

§ 269

kur-iyer все полностью.
taoulqu поручить, назначить, внушить; mo. taγuľ пройти, миновать, превозмочь; toγuľ-duγuľ пройти насквозь; совершиться; проницать, понимать, разуметь; соединяться; иметь сообщение.

§ 270

orį младший, юный.
dorqut неоконченное; mo. dorγun недостаток, неполный, неисполненный.
berkeldukdeku трудно становится; mo. berkede становиться трудным.
arbin грозный; mo. arbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный.
qarin страна.
tunqaaqu распределить; mo. tungχaγľa оповестить повсюду, опубликовать; tügegekü id.

§ 271

aljaqu ~ aljiya ~ ǰalira быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик, M., p. 161.
Yeke Aurnq ~ Yeke Ordos Великий Стан, Великий Двор.

§ 272

hunšiu ~ mo. üngši гнилушки; сухие деревья.
eereulun ~ baoulun окружить, осадить, атаковать.
aljaqdaqu прийти в затруднение; mo. alǰiya быть удручену.
tolkečin гадальщик; mo. tölgečin id.
turkene крепко, крайне; mo. turgen быстрый.
adalaqu насылать навождение; mo. adaľaχu неистовствовать, бесноваться.

ǰoliya за тело свое, за самого себя; mo. ǰoliγ выкуп, залог, вызволение, избавление.
abitlaqu гадать; cf. abit внутренности, желудок зверя. Cf. § 12.
talbiraqu распространиться; распуститься, успокоиться, отпустить (?).
dulet сильнее и сильнее.
ǰikurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); mo. ǰigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; ǰigürle окрылиться.
soonqquqn избирать.
irke ~ irge 4-летний, взрослый баран.
biliku ощупывать, распознавать, соображать.
ǰiuqu указать.
kibkaəqu возрадоваться.
orun-a bolqu заменить, стать на чье место.
tulu название рыбы; mo. tulu рыба таймéнь.
tulbalqu рассекать; mo. tuɫbur бурав, пробойник; tuɫγura свихнуть, свернуть; cf. tulbas otqu повалиться, упасть.
kileme название породы рыбы; mo. kilime осетр.
kiəkulku переломить; mo. kemkele id.
ilqaqu ~ mo. iɫaχu превзойти, победить.
ilei пред лицом.
arbaqu читать заклинания.
ǰukeruku отчитывать заклинаниями воду; cf. ǰukeli.
ǰukerken usu отчитанная вода.
qoran ~ qorum немного времени.
oin чувство.

§ 273

seu-se ~ кит. сяо-сы служка, прислуга.
hartu ~ artu узорчатый.
alašas кони.
alqinči ~ aɫχümči (?) дозорный, передовой.
tanma иностранный полк.
tanmačin баскáки; монгольские командиры иностранных полков (Каф., стр. 255).

§ 274

tubšin tukel мирный и спокойный; mo. tügel полный.
altatan naqut златотканные парчи.
načidut dardas златотканные штофы с цветами.
tanas большие жемчуга; mo. tanas перламутры.
kujuku urtus tobičaut западные кони с длинными шеями.
kurin eleut название верблюдов; mo. kürin темногнедой.
daus ~ mo. toγos ~ греч. ταῶς павлин.
kičidut название породы верблюдов.
qačidut название породы мулов.

laosut ~ mo. łuusud мулы.
qarin irken страны и народы.

§ 275

ičun tataqu отступить, возвращаться.
salulčaqui qurin ~ sałułčaχui χurim пир разлуки, прощальный пир.
čačar палатка; mo. čačar, клм. čačir шатер.
osuekei ~ osükei ~ mo. ösügei пята.
turiku толкать, гнать, турить; mo. türi id.
olmii ступня; mo. ölmöi стопа ноги.
kečikileku топтать; mo. geškikü id.
ǰorqalduqu дрова рубить; mo. ǰorχu ~ ǰorγuχu строгать.
harqasun ~ mo. arγasun ~ мнгр. harγał. M., p. 161 ардал, сухой помёт.
ǰubčiku привязать; mo. ǰübčikü завернуть, привернуть, закрутить.
busu heliketu другой печени, не родной.
bulqa irken восставший, враждебный народ.
ǰob-tob? Так ли? mo, ǰöb-töb правильно, справедливо.

§ 276

dormekai низкий; mo. türimkei дерзкий, насильник.
doluskuku внимать; mo. tölüǰikü возрастать, воспитываться.
duuren полный; mo. dügüren id.
huuku сгнить; mo. ügesun, ögeri гной; Мукад-димат-ал-Адаб: husan ~ hüsen, мнгр. fü гнить; орд. ōrö гной; клм. ügsen гнилой. M., p. 101.
daisurqaqu сделаться врагом, проявлять враждебные чувства.
kimu(l) ноготь; mo. kimusun id.
qautala ~ qaultala до конца; mo. χaγułχu сдирать, обдирать.
tamutala до конца; mo. tamuχu сучить, ссучивать.
dabtamal основание; mo. dabtamał сплющенный, кованый.
ankešikeku учиться; mo. angγaskiku зевать; angγayiχu открывать; angχaraχu внимать, прислушиваться.
mokoriuldeku заслуживать казни.
alaqčilaqu быть пристрастным; mo. ałaγčiła быть различным, нетвердым, непостоянным.
ǰaliraqu погаснуть, смягчиться.
sueyu ~ süyu поучение; mo. soyuχu поучать, исправлять.
hüledeku ~ mo. ülødkü оставить.

§ 277

ququlǰu otqu обдирать.
aur дух; вспышка; mo. aγur воздух, пар; ярость, гнев; aγuški легкие.
omoq dura храброе сердце.
ayuul страх.
ukuul смерть.
tuniqu завершить, закончить.

šiira ~ šira копыто; mo. šigira часть ноги ниже колена; голяшки, ножки (у животных).
ǰoeku ~ mo. ǰögekü завести, приобрести.
eremušiku ~ mo. eremšikü чваниться.
urisku нести перед собой; mo. üriskü сделать прежде, предупредить.
derke nokor близкий друг; mo. dergede близко, около.
todeeku ~ mo. tödegekü останавливать.
debulku кипеть; mo. dabuľχu ~ debülkü сильно волноваться, кипеть, бить ключом.
delekai широкий; mo. delkei пространное, мир, вселенная.
šinaqa ~ mo. šinaγa ковш.
beter китайского значения не дано; mo. beder пятно, пежина, пегий.

§ 278

muqurіqu размещаться вокруг; mo. moχuľayidχu сделать круглым; округлить; mökörigülkü окружить, обложить; клм. mököröl круг, шар, все круглое.
tuŋqun duulqaqu ~ mo. tungχaγľaχu объявить во всеобщее сведение; клм. duuľγaχu провозглашать, объявлять во всеобщее сведение.
ǰasaul, ǰasaut название чина, ясаул, ясаулы.
dekeun мимо.
ǰaqaun промеж, между.
qadaar узда.
otkan ка́пище; mo. ödken грубый, густой; ötegü гробница, гроб. Cf. § 232.
ačid-un очередные.
onǰiqu ~ qonǰiqu ~ honǰiqu чинить самоуправство, злоупотреблять; mo. χonǰi id. Cf. § 227.
mokoriulut ǰe ~ mokoriulum ǰe подвергал казни.

§ 279

saarinčin китайского значения не дано; mo. saγali дойная корова; saγaliči доильщик, доярка, saari круп у лошади; кожа.
tolet посменно; mo. tölükü платить; замещать.
unaqačin пастух жеребят.
qot колчаны.
čaŋ-ut (кит. цан) магазины, житницы.
tusurku вливать; вносить; mo. düsürkü лить, вливать.
balaqačin смотритель магазина.
amučin смотритель кладовых.
nuntuučin становщик, распорядитель кочевьями, землеустроитель.
auya saut ~ aγuya saγum(ui) могут свободно жить.
qašiqu обложить кирпичом; mo. χašiχu огородить.
haulqu ехать, бежать.
qadaqa чрезвычайно важное дело.
bituulku проезжать через; mo. bitükü странствовать, ездить, разъезжать.
sukes серебряные слитки; mo. süke топор.

§ 280

Dalai-in Qaan «море-каган»; император.
šileǩun irǩen 2-летний баран.
ǰusaq годовалый баран; ǰusaγ ǰür 2-летняя серна.
ilubte удобно; mo. ilüb прибыль, барыш.
saulqu ~ mo. saγuɫγa посадить.
ǰamučin дорожный, ямской смотритель.
ulaačin станционный всадник.
čaqlauulqu соображаться, сообразовываться.
šiusun qonit пайковые овцы; mo. šigüsun натуральная кормовая повинность (баранами).
saalin ǩeut дойные кобылы.
kolǩu huker ~ mo. kölgö üker упряжные коровы, быки.
enleksen kem ~ mo. kemlegsen kem определенная, установленная мера, срок.
orq̇ol голова; шея; mo. uruγuɫ губы.
qolbuq̇a ~ mo. χol пара, чета; связка.
qolbuq̇a ~ mo. χaɫbuγa ложка; особый гвоздь.
kekesun ~ mo. gegesun ступица у колеса.
buǩi веревка.

§ 281

kerek-ǰaraq потребности.
ǰoeulku заставлять везти; mo. ǰögekü id.
alq̇inčin дозорный, надзиратель.
darasun виноградное вино; mo. darasun хмельной напиток; вино (некуреное).
doleśkeku значение не дано; mo. töriyesün оброк.
alǰias uile вина, погрешность, ошибка.
keǩesuleku тайно извести; mo. gegesü спицы у колеса.
olumleku вперед (?); ölümlekü укрепить подпругою, подвязать седло; oɫum брод.
ťore закон, правда.
osuleduksen тайно изведенный; mo. öšiyelekü враждовать, мстить, ненавидеть.
oduq̇uǰi ~ oduγuǰai! Как бы не ушел!
qaranlaqu ~ χaramɫa жадничать.
qurua укрепление, изгородь; mo. χoruγa id.
yourq̇a стена; mo. ǰuγurγa ~ клм. ǰuurχu месить, замешивать, разводить в воде.
noduulku велеть построить; mo. nödükü трамбовать землю.
ǰedkuku ~ mo. ǰedkükü преградить.
čimaliqai недовольный; mo. čimaɫaχai жадный.

§ 282

qulan sara ~ quran sara 7-й месяц; mo. χuran üyiledkü sara название первого месяца в году.

В ПОРЯДКЕ МОНГОЛЬСКОГО АЛФАВИТА[1]

А

aisuqu итти, ехать; приехать, прибыть. 5, passim; aisulaa прибыл(и). 149.
ai, soiluq глубоко вздохнуть; выражение глубокого вздоха. 178; mo. söyilekü задыхаться, с трудом дышать.
aui пространный; mo. aγui id. 255.
auya saut ~ aγuy-a saγum(ui). 279.
aui bolqu облегчать; mo. aγui пространный, обширный; великодушный. 244.
auqa ~ mo. auγa величие. 199.
autkiku распространять. 255.
aula asan у горы, под горой. 195.
aulalaqu взбираться на гору. 266.
aulqu оставить в живых, дать жить, оставить в прежнем положении; <mo. aχu. 197, 198.
auldaqu быть оставленным в живых. 200.
aur ступа; mo. aγud ~ aur ~ uur id. 152.
aur дух; вспышка; mo. aγur воздух, пар; ярость, гнев; aγuški легкие. 277.
aurasu ткань, холст; mo. aγursun шелковые ткани; вещи, пожитки. 234.
auruq становище стариков и детей; обоз; mo. aγurχai гнездо; могила. 136.
aurtan твердые, мужественные; mo. aγurtan гневные, суровые. 139.
anaain так и есть (Каф.); schon wieder (Haenisch). 194.
anbar ~ yambar. 154.
antatai ~ amtatai. 188.
anturiqdaqu притти в смятение, томиться, трепетать; mo. yanduriγda трястись на телеге; клм. yantara биться, испытывать бедствие; cf. yadara изнемогать. 145.
anda čiralduba сделались друзьями; mo. čireldü вовлекать друг друга. 116.
aŋki место; mo. anggi часть. 193.
aŋkešikeku учиться; mo. angγaski зевать; angγayiχu открывать; angγaraχu внимать, прислушиваться. 276.
aqu остающийся, пребывающий, постоянный. 160.
aqtalaqu сесть верхом, оседлать; mo. aγta мерин; aγtała холостить. 140, 149.
abalduqu ~ abalduul бороться, заставить бороться (М., p. 21). 131, 140, 254.

[1] Цифры означают параграфы текста.

abi-babi китайского значения не дано; cf. Haenisch, прим. к § 174_4: сирийское abba. 174.
abit желудок (животного, зверя). 12.
abitlaqu гадать (по внутренностям животных?). 12, 272.
abua ~ abuγa ~ abuba. 252.
abulčaqu брать, принимать вместе, разбирать; mo. abułča id. и бороться, склеиваться, смыкаться. 164.
aburaqu воздать. 53.
aburin eme первая, главная жена. 43, passim.
aburitqu иметь, питать; mo. aburidχu иметь, питать склонность. 152.
abqaulqu ~ abdaqu лишиться, попустить, чтобы взяли. 198.
abliqa получение милости. 217.
abčirat, kemkerit ~ abčiram (ui), kemkerim (ui). 189.
asqaqu плевать; mo. asχaχu выплескивать. 145.
ašiq̇iqu прибить, ударить; mo. aski бить, оскорблять; мнгр. aš восклицание боли (M., p. 15). 130, 245.
adalaqu насылать навождение; mo. adała неистовствовать, бесноваться. 272.
adarqan (adarqaqu) китайского значения не дано; mo. ataγarχu соперничать, завидовать, ревновать, недоброжелательствовать; ataγan зависть, ревность. 164.
aduulaulsun поставленный пастухом, табунщиком. 170.
al алый, красный; mo. ał id. 238.
ala нога; mo. ała промежность. 203.
alaai ~ ałuγa < aχu. 249.
alauna за дверью, за порогом. 165.
alan до тележных рядов (?); тележный кузов, днище. 124.
alan baraba совсем убил; baraχu как вспомогательный глагол для образования perfectum'а и совершенного вида. 149.
alanq̇ir numa деревянный лук; mo. ałanggir ~ id.; alanggir ~ čimeg. 116.
alaqčiut qonit пестрые овцы. 124.
alaqčilaqu быть пристрастным; mo. ałaγčiła быть различным, нетвердым, непостоянным. 276.
alašas кони. 273.
alačuγ палатка, шатер; mo. ałču углубление в альчике, «альча̀». 118.
alua ~ ałuγa < aχu. 44.
alqasaqu отделиться; mo. ałγasaχu нерадеть, забывать, быть нетвердым, невнимательным.
ałγasaγułχu волновать, соблазнять. 181.
alq̇asaqu облениться. 260.
alqasaldu отделиться; mo. ałaγa sałγaχu разъединить ладони. 199.
alqinči передовой дозор, соглядатай, проводник, гид, головной пикет; mo. ałχum шаг. 37, 123, 273, 281, passim.
altatan naqot златотканные парчи. 274.
aldaqu потерять. 255.
alduqu (< aqu) жить друг с другом, совместно жить. 77; относиться друг к другу. 150.

aljaqu китайского значения не дано; mo. alǰiyaχu ~ ǰaliraχu быть ленивым, праздным, нерадивым, откладывать в долгий ящик (M., p. 161). 271.
alǰaqda притти в затруднение; mo. alǰiyaχu быть удручену. 272.
alǰias uile вина, ошибка. 281.
aman niruu замочная кость; клм. aman nurγun шейный позвонок. 147.
aman duuren keleleku говорить зловредные слова. 201.
amančaqan qula беломордый саврасый. 147.
aman kelen aldaqu клясться. 199.
amasar горное устье, падь. 162.
amaraqu любиться (?); mo. amaraχu быть спокойным, утешаться, благоденствовать. 254.
amusari страшно (?). 195.
amučin смотритель кладовых. 279.
amburu daariqu наехавши сбить; mo. embüreküi разрушиться. 105.
ačaraqu убирать. 234.
ačid-un очередные. 278.
ačirat ǰe ~ ačaram ǰa. 174.
ayuul страх. 277.
aǰiraqu итти; вернуться. 102; рассеянный, разлетающийся. 160; mo. aǰiraqu итти, шествовать, переходить.
araatu с зубами; mo. araγa клыки, коренные зубы; aratu зубчатый; с зубцами. 164.
aran ~ (?) arai. 94.
ariči помощник; спасающий. 117.
arial сомненье. 181.
arial ukai bi сомненья нет. 169; mo. araγan медленный; araγalaχu действовать медленно, осмотрительно.
arbaqu читать заклинания. 272.
arbin грозный; mo. arbin умеренный; убористый; важный; спорый; значительный. 270.
arbin говорящий пространные речи; mo. arbin споро, много; благообразный. 201.
arqa-ča лучше, не лучше ли? 166.
arqa-bar посредством стратагемы. 208.
arqatu имеющий способности, способный. 82.
arqanǰi ~ arγamǰi пеньковая веревка, аркан. 254.
arča туя, кипарис (Cypressus funebris); mo. arča можжевельник; тальник; род кипариса. 116.

E

eenekče только, исключительно; mo. egenegče тайна, таинство; egenegte čaγ bükün всегда, вечно. 165.
eedeulku разделять; отрывать; mo. egedegülkü скиснуть, свернуться. 254.
eemek dorebčitu имеющий кольца; mo. egemeg серьги, ушные колечки; döröbči шнурочек; плетушка и т. д. 135.
eereulun ~ baoulun окружать, осаждать, атаковать. 272.

eukun ~ mo. ögekün сало. 255.
eure долго; mo. egüri вечно, навеки. 201.
ene törelki-tur в этой жизни. 201.
endeku ошибаться; нарушать. 255.
enleksen kem определенная, установленная мера, срок; mo. kemlegsen kem id. 280.
enču ~ emču собственный, неотъемлемый; mo. ömči наследство. 137, 224.
enǩuku ~ emǩuku глотать; mo. emküki жевать, взять в рот. 195.
ebereku болеть, заболеть; mo, eberlekü id. 194.
ebin дядя. 171.
ebuǩe предок. 44.
eburitku иметь, питать, таить, держать за пазухой, лелеять, нежить, воспитывать. 152.
esuk ~ mo. esüg кобылье молоко, кумыс. 28, 145.
esuk čileku с дороги пить кумыс; mo. čilekü ~ клм. čiľaχu устать (с дороги). 28.
ešiǩen баран; mo. ešigen козленок. 152.
etuǩen земля (божество). 201.
etkeku ~ otkeku отрезать; mo. ödkegekü вырвать, оторвать. 137.
edun все эти. 174.
edun χarin эти племена. 141.
edoet-tur на время. 248.
el мирный. 150.
elet песчаная степь; mo. elesü песок. 214..
elbesun жертвоприношение; mo. ilbegesün приманка, корм; elberikü почитать, ублажать; elberil почитание. 189.
elset ǰe ~ elsem (ui) ǰe. 176.
emečileku уподобить, назвать, сделать женщиной. 194.
emudun ~ mo. ömödün штаны. 145.
embule ~ kürümeli ~ kürümel шалаш, хижина, балаган. 24.
ečine позади, не на виду; mo. ečine тайно, заочно, в отсутствие. 18, 174, 199.
ečineun заочно; mo. ečinen id. 252.
ečitkeku ~ mo. ečüdkeǩü велеть прикончить. 242, 268.
ečiǩes kout родные. 146, 149.
eǰie доселе. 207.
eyetuldut ǰe ~ eyetuldum (üiǰe). 248.
ekeulku загнуть; mo. ekegülkü притрава для ловли рыбы. 75.
ekerun-ekerun с переменным успехом; mo. egerekü вертеть, кружить. 144.
eki teriu главы, начальники; eki teriu uǩai безначалие, анархия. 46.
eǩeer кругом; mo. egere ~ eere вертеть, ворочать, обступить кругом (cf. Владим., стр. 194). 172.
eǩeeruku вернуться в строй; mo. egerekü оборачиваться, кружиться, возвращаться. 153.
eǩečimet старшая дочь. 186.
ekureku опустить (?); mo. egürkü взять на себя, нести. 191.

ereuleku обвинить, подвергать взысканию. 257.
eres harat дом и имущество; mo. eres arad крепостные люди. 123.
ereleku сделать мужем, залучить мужа; mo. erelegči eme распутница. 188.
eremušiku ~ eremšiku чваниться. 277.
ereku надеяться; mo. erekü id. 254.
erekun omoqun мужественный и храбрый. 247.
eriun подбородок. 203.
erikeleku вешать (на шею); mo. erikeleku вешать на шею четки. 103.
erusku добыть, схватить; mo. erustekü быть схваченным. 102, 145, 174.
erusteku быть схваченным, похищенным, пропасть. 91, 254.
erbekelčeku показать, развернуть силу; mo. erbelče мелькать, мерещиться; клм. erbeger подвижной, хитрый. 240.
erkin ~ erkim главный. 208.
erkin oede, qutuq oede главный дверной запор (?); святой, благовещий. 105; mo. egüde (?) дверь.
eriulsun ищущий, просящий, нищий. 214.
erkuulku поддерживать, поднимать. 254.

I

inaq верный; mo. inaγ любимец, друг. 266.
inqirčaq однорядное седло; mo. yanggirčaγ седло для перевозки тяжестей (M., p. 295). 172.
injes приданое; mo. inji id. 208.
iheeku хранить; mo. ibegekü покровительствовать. 145.
iquriqalduqu мять, теснить друг друга. 143, 147.
ihuriqu отодвинуться; mo. eterikü подняться кверху. 195.
ibuluə смуты. 230.
iseri кровать, лавка, скамья; mo. iseri скамья, табурет. 169, 214.
itekel опора, подпора. 201.
itekemji надежный, верный; mo. itegemjitü id. 183, 184.
itekeku опираться; mo. itegekü полагаться, верить (cum dat. et accusat.). 170.
itukesun кожаный мех. 132.
ideen-e barug жадный до еды. 46.
idet ~ idem (ui). 195.
iduleku ~ idureku преследовать, достигать. 145; успеть, нагнать. 146.
idureku близкий, наступающий; mo. irögeküi вещий, предвещающий. 189.
ile лично; mo. ile открыто, явно. 179, 200.
ile-i пред лицом. 272.
ilukai нижняя губа. 140.
ilubte удобно; mo. ilüb прибыль, барыш. 280.
ilqaqu ~ mo. ilγaχu отделять, выбирать. 254.
ilqaqu ~ mo. ilaγuχu превзойти, победить. 272.
ilbur óброть. 110.
imaari (ima-ber) через него, при посредстве него. 167.
imada ему. 253.

ičidun (ičikin) белёный. 114.
ičun tataqu отступать, возвращаться. 275.
ičuqaqu возвратить назад, заставить вернуться, уйти обратно; mo. očї уйти. 73.
icuqu ~ eči, oči уйти, возвратиться. 132.
ijilidulčaqu свыкаться; mo. ijilidkü соединяться, свыкаться (ijil γouł). 131.
ikulkuku делать поспешно (?). 185.
iktuneku id.; mo. ig веретено; igde прясть; igčü ~ igči часто, густо; полнехонько; орд. igčam неотложное дело (M., Texta, p. 690); igtüneku ~ ~ igtunirekü безотлагательно прибыть. 133.
irata вниз по течению. 74.
ireujei как бы не пришло, не дошло до..., опасно, что... 149.
irekdeku сделаться. 267.
iričeulku (čiričeulku) уделить, выделить. 203.
irke ~ mo. irge 4-летний баран. 272.
irke-orqa народ и жилища, семьи. 150, 162.
irketai подземный (?); халх. irge наземная часть покрова у юрты, подол юрты. 230.

O ~ ö

oesuksen ~ mo. ölösügsen голодный. 195.
oede ~ eede дверной запор; mo. egüde (?).
oere torulkitu одинокий. 201.
oermičileku сделаться другим, отчуждаться, отделиться; mo. öberčilekü переиначивать. 200.
oin чувство. 272.
oisudqu (oisuladqu) губить. 245.
oisuladqu тайно губить, извести. 67.
oisulaldu тайно губить; mo. ösleldü питать злобу, вражду. 245.
oire ~ mo. oyira. 31.
oorqu ~ mo. oγurχu бросить, отбросить. 19, 146.
oorqu šibaoun запускаемая птица. 249.
oorčaq ~ ourčaq разбойник, вор; mo. oγurčaγ брошенный, покинутый, одинокий. 156, 200, 214.
onar род, семья; клм. önör многосемейный. 105.
onečid-un abuliqa следующее сиротам пособие; mo. abułγa принятие, получка. 185.
onoqu считать; mo. onoχu попасть, достигнуть, постигнуть. 266.
onubči qituqai нож; mo. onubči ножичек, которым делают ушки у стрел. 178.
onlajiqu ~ onjilaqu китайского значения не дано; mo. ončoyiłγa ~ ončoγoyiłχu отделять на сторону, отделиться (< onča). 124.
onjałdaqu прекратить, уничтожить. 208; mo. ončoχai отдельный.
onjiqu ~ qonjiqu чинить самоуправство, злоупотреблять; mo. χonjiχu id. 227, 278.
onkeiku приподняться (для заглядывания); mo. önggeyikü приподняться (о цене). 54.

oŋkeku увеличить; mo. önggeyikü id. 199.
oŋkitu имеющий рукоятку; mo. onggi рукоятка. 106.
oqodur голохвостый; mo. oχotor, клм. oγotor куцый, бесхвостый. 205.
oqotor ~ oqodur. 90.
oqor короткий; mo. oχor краткий, непродолжительный. 255.
oquqa целый, весь; mo. oγuγada id. 187.
oqǰatqaqu попусту намеренно тревожить; cf. mo. oγǰam вспыльчивый, запальчивый. 193, 230.
oqǰatqu встревожиться, испугаться. 199.
oḃoq bolqu составить особое родовое колено. 9.
osuel (osül) osuen ~ mo. öš (iye) ošin мстя, отмщая. 58, passim.
osuleldugsen тайно изведенный; mo. öšiyele враждовать, ненавидеть. 281.
osuekei ~ mo. ösügei пята. 275.
oskel ~ eskel давно нерожавшая (заяловелая) кобыла. 117.
otok угощение вином (М., р. 336). 154.
otoken ~ etuken земля (божество). 255.
otokleulku заставить возглашать чару. 219.
otokleku ~ кит. хэчжань выкрикивать чарку, провозглашать чару (cf. Каф., прим. к Стар. сказ., стр. 139).
otkan нечистый, глухой; mo. ödken густой, хриплый. 106.
otkan капище; мнгр. sdōgu ~ utuγu ~ ötegü; ötegün-i (sdōgun) ger гробница, гроб, «дом старости» (М., р. 337). 232, 278.
oduuǰi ~ mo. oduγuǰai! Как бы не ушел! 281.
odun hüsun ~ mo. odün üsün перья и пух. 31.
olaŋ ~ mo. ölöng мурава. 255.
ole темный; клм. ölö сизый; халх. ölö сиво-пегий. 64.
olekai ~ mo. ölögei ~ клм. ölököi колыбель. 203.
olirsun ~ mo. olir дикое яблоко. 74.
oloan-taou многократно, много раз. 66.
olomlaqu укрепить подпругу. 254.
oluŋqin большая половина. 194.
olusumuser bulee никогда не голодал. 56.
olulčaqu взыскать; доказать. 256; требовать отчета. 265.
olumuleku ~ olmureku вести жаркий бой; mo. ölmürün orošiχu ~ elmerin orošiχu утрудиться, изнуриться; ölberekü ~ ölberkü изнуриться от голода. 208.
olumleku вперед (?); mo. oĺum брод. 281.
oluk yasun мертвые кости; mo. ölüg неодушевленный предмет. 201.
olmii ~ mo. ölmöi стопа (ступня) ноги. 275.
olje чужое добро; mo. olǰa добыча. 92.
olǰike кибитка тележная. 6.
olkes пригорок, пригорье; mo. ölgö полуденная сторона горы, холма; вершины. 194.
olkek кучи пыли, песку; mo. elgeg решето; elgegde отбивать пыль, просеивать. 57.

omereǰu ǰanċiqu умыслить, сговориться прибыть; mo. ömerikü защищать, вступиться за. 244.
omoq dura храброе сердце. 277.
omoru верхняя часть груди; mo. omoruu ключица. 124.
očiulku доложить; mo. öčikü id. 197.
očil доклад. 197.
očiltei докладывающий; набожный; почтительный к старшим. 64.
očin melǰen aqsat непокорные; mo. melǰekü спорить, оспаривать. 260.
očiken вчера, намедни, только что; mo. öčügüdür id. 77, 245.
oki abču euskeku везти домой невесту. 54.
oktekun имеющий право получить; mo. ögdekü тот, кому следует дать. 224.
okdeku назначить; mo. ögdekü быть дану, отдану; должно дать. 200.
ore ~ mo. örö сердце, внутренности. 69, 137, 195, passim.
ore ulu ǰasayu сердце его не удовлетворено. 195.
oreele etet на стороне, подле; mo. öregele ~ öregesun половина (чего-либо парного). 64.
orele quya одна нога (зверя). 16.
oreku уйти, покинуть; выйти, кончиться; mo. örekü исчезнуть, погибнуть, пропасть; ami-ben örekü жертвовать своею жизнью, отдать свою жизнь. 145, 208, 217.
ori младший, юный. 270.
oro место; супруга; вакансия; mo. oro постель, ложе. 105, 208.
oroa (oloa) хитрый; дикий. 123, 164; извилистый.
oroa koreesun дикий зверь. 179.
oroele qariyar, -koliyer одной рукою, ногою. 140.
orole ~ oroele ~ orele ~ oreele ~ mo. orögesun. 212.
oroq šiŋqula белый с черной спиной конь. 24, 206.
oroču deu позже родившийся (младший), сводный (?) брат. 203.
orun-a bolqu заместить, стать на чье место. 272.
oruk спокойствие, неподвижность; великодушие; mo. ölüg вещь, неодушевленный предмет. 233, 235.
oruk nota спокойно и тихо; mo. ölüg неодушевленный предмет; nuta крепко. 230.
orukesun ~ mo. örgesün колючка. 201.
oruketai имеющий верхнее отверстие; mo. erüke ~ клм. örkö дымник юрты. 230.
orqol мозг; голова; шея (??); mo. uruyul губы. 280.
ordo-in čerbin okit придворные дамы. 232.
orluut ~ mo. örlüg-üd «урлуки», наперсники, «излюбленные люди». 201.
orkidku приводить (примеры); mo. örgedkü расширяться; распространяться (в толкованиях). 78, 260.

U ~ ü

uidaŋqa скучающий, тяготящийся старым, ленивец, пренебрежительный; mo. uyid скучать, пренебрегать. 118, 179.
uilsun qor берестяной колчан; mo. uyilsun береста. 230.

unen горностай; mo. ünen хорек. 103.
unenmišikeku ~ mo. ünemšiye принимать за правду. 169.
unoa ~ mo. unoγa средство передвижения. 145.
unoqučin пастух жеребят. 279.
undasču ~ umdasču. 67.
unduqu прибавиться; mo. unduyiχu подняться вверх, выпячиваться. 193.
unǰiku остановиться, сделать остановку; mo. önǰikü дневать, отдыхать. 260.
unšiqu громко окликать; mo. ungši читать (вслух). 110.
uqaulqu высмотреть, выяснить. 103.
uqat ǰe ~ uχam (ui) ǰa. 21, 209.
uqali тесло́. 240.
uqamsar незаметно; cf. mo. uqamsar berke oi невообразимо густой лес. 240.
uqitala крепко, плотно. 74.
uqulǰa ~ mo. uγulǰa дикий баран. 200.
uqurqa укрюк; mo. uγurγa лассо́. 199.
ubis-kikui только тронуть, едва притронуться. 230.
ubur-subur один за другим. 91.
ubčikdeku быть содранным; mo. übčigde подвергнуться сдиранию кожи. 201.
usurqaqu нуждаться в воде, искать воду; mo. usurχaγ водянистый. 188.
utu длинный; mo. urtu, клм. utu id. 191.
utu duru-in kuun человек свободного состояния («длинной воли»); cf. mo. urtu küči поденщик. 191.
uturaqu впереди (прежде) всех итти; mo. udurχu пороть, распарывать, потрошить; otorχai пополам разрезанный; клм. utulaχu отсекать, отрубить, рассекать. 123.
udaan-a медленно, поздно. 219.
udaaraldu тотчас последовать. 214.
ude ǰilda поздно вечером. 240.
uderiku ~ uderitku отдыхать и кормить лошадей; mo. üdele id. 170.
uduqu ~ mo. uduχu, üdükü, üdügekü выманить, заманить в засаду. 194, 208, 247.
ulaačin станционный всадник. 279, 280.
ulan ~ ulam постепенно, преемственно. 187. mo. ulam-ulam ~ uruγ-un uruγ-a всегда в будущем, навеки веков.
ulittele kiduya истребим до конца. 154.
ulitkeku истреблять; cf. mo. ülikü поднять рычагом; мнгр. fuli шевелить, ковырять; распахивать (M., p. 105). 112.
ulkeku ~ ulkiku ~ mo. ölgi ~ ölgü злословить, клеветать; навесить, нацепить. 160, 195.
ulu alǰaaqu bi! Не беда, не опасно! 131.
ulu šinkekui несваримый. 201.
ulutkiku перебить, истребить. 154.
ulutku уничтожить, истребить. 105.
ulke čeeǰi грудь; mo. čegeǰi грудь; память; разум; ölgli ясный, светлый; ölge светлая, полуденная сторона горы; бур. ölge нить жемчуга. 208
umere ~ mo. umara ǰüg север. 31.

umubu ~ umbu опасный; вязкий, топкий, тинистый; cf. mo. ombaχu плавать, oyimaχu переходить вброд; мнгр. humbaa-dawā переходить вброд (M., p. 182). 102.
učumaq (instrum. učumaar) название стрелы. 174, 208.
očuket ~ mo. öčüken малютки. 245.
ujelduku любить друг друга; cf. мнгр. ujiä испытывать; терпеть; благоволить (M., p. 465). 93.
ujuur ~ mo. üjügür край. 184.
ujuureku доходить до верха, края; mo. üčürke увлекать, возбуждать. 199.
uyen старый, прежний; mo. uyan изворотливый. 181.
uye-qaya kuun родной человек, родня мужа. 18.
uyeleku обгуляться (?); mo. uyaraχu разнежиться; üyelekü разделить на части, сочления. 177.
ukutkuku одурить, усыпить; mo. üküdkü упасть в обморок.
ukuul смерть. 277.
ukuleŋ смерть. 254.
uke olulčaqu требовать отчета. 267.
uke baralaa слова сбылись. 206.
ukuleku говорить; ukulet ~ ukuləm (ui) 6, 21.
urisku нести перед собой; mo. ürisküi сделать прежде, предупредить. 277.
uriyarqun бодрый, благодушный; mo. uriyaʟa манить, звать. 230.
urququ тревожиться; mo. urγuχu подниматься, восходить; orγuχu убежать. 196.
urban deretu bolju kebtemu bi лежу, имея подушкой землю; cf. mo. γar-iyer derelejü uruγu kebtekü лежать на земле, имея подушкой свою руку (Ковал., стр. 452). 183.
urču ~ egürču. 211.
urkeulku заставить нести на спине; mo. ergügül id. 240.
urku ~ mo. egürkü нести на себе. 97.

N

naidaqu завидовать, ненавидеть; mo. nayidaχu надеяться; nayita, nayit чихать; насмехаться (M., p. 269); nayidangγui ненависть, зависть, нодоброжелательство. 164, 179, 219.
nanbuqa ~ nambuqa большой кожаный мех; mo. namaγa бочонок, мешок, бурдюк. 87, 205, 254.
nabbtarqai nekei deel рваный овчинный тулуп. 112.
namurqan грязь, мокроты; mo. namursun струп. 145.
načit шитые золотом ткани. 238.
načidut dardas златотканные штофы с цветами. 274.
neule сухое дерево. 245; большое дерево 254.
neuri ~ mo. negüdel кочевка, переезд. 4.
neŋdeku опередить, предупредить. 165; накрыть, напасть. 185; замышлять, окружить. 200; mo. nengde превзойти, предупредить; nengden тем более, свободно.
neŋdu qutuq счастливый дух, гений-хранитель. 207.

neəduut верные. 231.
netkel конопля размётанная 245, 254.
nelke ~ nelkes пеленки; cf. mo. niľχa младенец. 97, 211.
nemure защита, попона. 249.
nemur ~ nemüre; mo. nemürge плащ; клм. nemer шалаш. 208.
nemurkeku вздевать; mo. nemürgekü заставить накидывать. 199.
nemurke войлочная рубаха; mo. nemürge дождевой плащ, епанча, дождевик (М., p. 270). 205.
neken ǰauuraqu исполнить поручение преследования. 236.
nekun домочадец. 200.
neќus otqu падать, упасть, нависать; mo. negüskikü удаляться. 245, 254.
niitaitala плотно, крепко; mo. neyidkü быть ссучену, связану, скреплену. 254.
niuqu ~ qabčiqu таить, скрывать, утаивать; mo. niγu-, χabči id. 210.
niurqaqu задабривать, подольщаться; mo. niγurčila лицемерить. 177.
niqsaqalǰaqu ехать трясцой, едва двигаться; mo. niγsaľa двигаться, шевелиться. 90.
nišiku ~ mo. nišiku бить. 199.
nišit je ~ nišim (üi) je! Будем бить палками! 227.
nitulaqu остановить; mo. nituľa отрезать, перерезать. 209.
nidoni в прошлом 265; в прошлом году 104; mo. nidunun ǰil id.
nidun qara китайского значения не дано; mo. nidun χara зрачок; nidun χaraγa взгляд, мина. 145.
nidulaqu ~ nitulaqu высохнуть, исчезнуть; mo. nituľaχu погибнуть, исчезнуть. 72.
nidurtala плотно, крепко; mo. nidurχu бить кулаком. 254.
nilqa наименьший. 242.
niǰiel по одному. 19.
nikan eyeten единодушие. 22.
niketele вместе; mo. nigedkü объединиться. 123.
noitan сырой, влажный, сырость. 207, 213.
noirqanqan выспаться (?); noirqan-ban (?); mo. noyir сон, дремота. 177.
nou угол. 204.
noun дитя; mo. niγun отрок. 64.
noun koun внуки. 185.
nouku ~ mo. negükü кочевать. 5.
nouuќu qarši походный дворец. 267.
noukui-tur, oluk-tur ~ noukui, sauqui-tur. 233.
noqoi kerel kereǰu yabuqu биться, драться; cf. mo. noχai bitegei marta не забывай этого; noχai kilber весьма удобно, легко, без затруднения. 194.
noqot ~ mo. nuγusun-ud утки. 27.
nobšikü мокнуть; mo. nöǰi сгусток запекшейся крови; nöši ~ nöǰi ~ nöbši. 213.
nobšilduku вместе мокнуть. 207.
noduulku велеть построить; mo. nödükü толочь, утрамбовывать. 281.

nodun сгусток крови; халх. nöǰi запекшаяся кровь; клм. nöǰi куски ссевшейся крови. 59.
noduku ~ mo. nidü ~ nödü толочь. 152.
noduksan построенный; mo. nödükü толочь, месить, трамбовать землю. 249.
nokoǰi второй. 177.
nokčieku умертвить. 267; mo. nögcige id.
noras рвы; mo. nura яр, круча. 143.
noruitku наклониться с коня (для принятия чего-либо); mo. nöru поясница. 55.
nuntuučin становщик, распорядитель кочевьями. 279, 232.
nuntuq jiaqu объявлять становище; указывать, отводить кочевья. 234.
nunǰi nutuqtan имеющие оседлые стойбища; mo. nunǰi малорослый. 249.
nunǰi неподвижный. 265.
nuŋqasu овечья шерсть; mo. ongγasu id.; мнгр. ŋguāse, орд. uŋguasu id. (M., p. 292). 85.

H

haulqaqu велеть скакать. 199.
haulqu гнать, преследовать, ехать, бежать, скакать; mo. aγulγačin военные курьеры, гонцы (M., p. 180). 37, 123, 253, 279.
hauluqa бег, след(?) (M., p. 180). 56, 57.
qauluqat kout китайского значения не дано. 75.
hantuldeku (~ emtülegde-) быть лишенным половины; mo. emtelekü зазубрить, притупить, иступить. 105.
haŋqaqu жаждать; mo. angγa id. 188.
halaqan ~ mo. alaγa ладонь. 147.
hači ~ mo. ači воздаяние. 53; благодарность, сыновняя любовь, почтительность. 75; заслуга. 214.
hači hačilaqu отмстить обиду. 105.
haran человек, люди. 55.
harban ~ arban. 53, passim.
Harqasun ~ Arγasun собственное имя; cf. мнгр. harγal (M., p. 161). 275.
hartai узорчатый, с разводами; mo. artai полосатый, узорчатый, травчатый. 252, 273.
heiluku удалиться; mo. eyilkü удалиться, убежать; keyilekü зевать, пропускать час караула. 137.
heilukset отделившиеся; cf. mo. oyiγsan eyilügsen kümun разбежавшиеся, рассеявшиеся, беглецы. 149.
heušieku быть вредным, несвойственным (о климате); mo. ükü гнить, портиться; клм. ügsen гнилой; мнгр. hüükü гнить (M., p. 101). 246.
helike печень; родня. 105.
helikebči набрюшник; mo. eligebči нагрудник. 135.
herekai ~ mo. erekei большой палец. 139, 254.
heru-baru темно; mo. barui-bürüi сумерки; клм. örö bolχu брезжить, светать; barus неясно. 100.
heruku печалиться; mo. kerükü скитаться, слоняться. 208.
herkiku кружить, (-ся); mo. ergi id. 100.

hiličeku ~ hiričeku отделиться, отойти, уклоняться; mo. erisle быстро отрубить, порвать. 178.
hilu слишком, чересчур; mo. ülegü ~ ilegü (cf. M., p. 106). 174.
hiluatqu быть кусаемым оводами; mo. iłaγa овод. 188.
hičele стыдно; mo. iče ~ iči id. 246.
hiričeulku разъединить; cf. mo. ira ~ iraǰa разрезать на пласты, рассекать; erislegülkü оторвать. 123.
hiruer (l) молитва; mo. irögel id. 201.
hirmes миг; миганье; mo. irmekü ~ kirmaχu ~ клм. kirmekü мигать. 230, 254.
hoai ~ hoi ~ mo. oi лес. 12, 56, passim.
hoailaqu ~ hoilaqu войти в лес, скрыться в лесу. 149, 155; cf. mo. oyiła id.
hoantusqu ~ hontusqu состязаться в стрельбе; mo. ontusχu стрелять вверх. 254.
hoaraqu ~ qoroqu уклоняться, избегать, пропускать явку; mo. χoroχu убывать, отсутствовать; oγura ~ orki бросить; мнгр. fōro быть парализованным (M., p. 100). 227, 278.
hoeku марать, замарать; mo. ögekün жир, сало; клм. ögödkü засалить, замарать. 147.
hoilaut поднявшееся вверх; mo. oyiła подниматься вверх. 75.
hoimosku ~ hömosku защищать; mo. ömörekü id. 131.
hoošin веревка; mo. ööšin сеть, невод. 234.
hoorčaq название стрелы; mo. oγurčaγ выброшенный, брошенный, одинокий.
hončitan стреляющие; cf. mo. ontoyisχu ~ ontosχu стрелять вверх. 139.
hoqtolqu ~ oγtołχu отсечь. 254.
hoqtočiqu ~ mo. oγtočiχu сечь, рубить. 240.
hoqtoriqaqu пересечь поперек; mo. oγtołχu отрезать, пересечь. 184.
hoqtoriqu ~ mo. oγtołuχu срубить, срезать. 80.
hoqtorqu пустой; mo. oγtorγui небо, воздух, пустота. 105.
hoqtorqui намеренно, фальшиво; mo. oγtorγui пустота, воздух, небо. 240.
hoqtoru пересечь; поперек; mo. oγtołχu id. 147.
hot звезды; mo. odud звезды. 183.
Holuiqan Олуйхан, дочь Чингис-хана; cf. известное имя Елюй-Чуцай; клм. ölüi сизый. 239.
horene ~ mo. öröne ǰüg запад. 31.
horeneǰi ~ örönedü западный. 175, 214.
horin ~ horim ~ horom тропа; mo. orom след. 103.
horinlaqu ~ mo. oromłaχu итти тропой. 103.
horoitala ~ uqitala крепко, плотно. 74, 254.
horum ~ mo. orum след, тропа. 240.
horququ mo. orγuχu бежать, совершить побег. 152.
horčin ~ mo. orčin вокруг. 57, 145, 192, 245.
horčiqu ~ mo. orčiχu вращаться, переворачиваться. 254.
huiraqu ~ mo. uyaraχu наводниться, размыться. 204.
huon ~ hon год; hon qarba зиму прожить, год прожить благополучно; cf. клм. новогоднее весеннее приветствие mende γarba ta слава богу из зимы вышли (прозимовали). 26.

huuku ~ heuku ~ hüüku сгнить; mo. ügesun, ügeri, орд. ȫrö, мнгр. fū, Mukaddimat. mo. husan ~ hüsen, клм. ügsen гнилой (M., p. 101), 276.
hunar ~ hunir запах; mo. ünür id. (M., p. 108). 55, 108.
hunesun зола; mo. ünesü (M., p. 107). 87.
huni дым; mo. uniyar пар, туман (M., p. 107). 87, 107, 242.
hunosku ~ hunasku ~ hunisku ~ mo. ünüskü нюхать, целовать (M., p. 105). 27, 55. 245.
huntaou бедствие; mo. untuγun перемена в лице (от гнева, страха). 111.
huŋǰiu гнилушка, сухое дерево; mo. üngši жердь, сухие сучья, пни. 27, 196, 247, 251, 272.
huŋǰiules сухие деревья, пни; mo. üngši, öngši жердь, пень, тычина, сучья. 27.
hüsu ~ mo. üsü волосы. 196.
hudaraqu отменить, нарушить; mo. udarχu пороть, распарывать (M., p. 46, 333). 246.
hudesu ремень, которым прикрепляют одну вещь к другой продеванием насквозь; mo. üderi ремень, которым боковые доски седла пришиваются к луке; клм. üder ремешок, которым скрепляются тэрме. 106.
hudeku ~ mo. üdekü провожать. 53, 94, 248.
huladaqu окрасить красным. 214.
huladqu падать, оступиться; mo. uła ступня; uładχu подложить подметки. 143.
hulalqu ~ mo. ułaľχu покраснеть. 204.
huledeku ~ mo. üledkü оставить. 276.
huleu превосходящий. 254.
hülekset ~ mo. ülegsed остальные. 154, 251.
hulekdeku ~ mo. ülegdekü быть превзойденным. 201.
huliu ~ hüleu много; mo. ilegü слишком. 203.
hüleu torulkitu многосемейный. 201.
hüleut остальные; mo. ilegüü (cf. M., p. 106). 144.
hulittele ~ huluttele до конца, полностью доканывая (M., p. 106). 198.
hulurkeulku привести в недоумение, смущение; mo. külürkekü заставить потеть, вогнать в пот. 193.
hulqun одинокая гора; mo. ułχun неровное место, пригорок, холм. 77.
huldeku ~ mo. üldekü гнать, преследовать, отогнать, прогнать. 56, 79, 150, 205.
humekai ~ mo. ümekei зловонный, тухлый, смердящий. 152.
huǰaur ~ mo. iǰaγur основание, начало, происхождение. 1, 184, 198, 204.
huyaqu ~ mo. uyaχu привязать, связать, сплести. 75, 244.
hukerčin коровий пастух. 252.
hukdereku снова открыться (о ране); mo. ügderekü возобновиться. 175.
huraqalaqu ~ mo. uraγałaχu ловить силком. 25.
huruu ~ mo. uruγu вниз по течению. 5.
hurbaqu сделать наоборот, обернуться; mo. urbaχu перемениться. 143, 247.
hurtesun лоскуток, обрезок; mo. ürtesün id.; клм. ürtüsün опилки, обрезки. 238.

Q (χ, γ)

qa передние лапы; mo. χa стегно. 179.
qa вассал; mo. kiya адъютант, паж. 249.
qaaqu окружить; mo. χaγa закрыть, пресечь. 245.
qaatai terke ~ qarautai terke крытый возок. 101.
qalqa крепость, застава; mo. χaγalγa проход, ворота. 247.
qauliqu ~ qauluqu ~ qaulqu полонить, захватить; mo. χaγulχu облупить, ободрать.
qauluqa ~ hauluqa выбоина от бега, след; клм. χaalγa дорога, след, колея (М., p. 180). 57.
qai неизвестно; mo. χai! Кто его знает? Ищи его! 197.
qaiqu ~ mo. χayiχu всматриваться, искать. 56.
qailaqu кричать. 214.
qairuqana жаворонок; mo. χayiraγana чайка. 160.
qao ~ qaa где, где-нибудь. 31.
qaoulqu истребить; mo. χaγulχu облупить, ободрать. 105.
qautala до конца; mo. χaγulχu. 53, 276.
qauli правило. 229.
qauluqa дорога, след. 183.
qaulqu грабить, облупить. 152, 257.
qauldaqu быть ободранным, сдернутым. 201.
qoram ~ qorum немного времени. 272.
quraltuq дикая коза, малая пятнистая козуля (Cervus pygargus). 116.
qanaqu пускать кровь; mo. čisun χanaχu. 151.
qanalqa случай; mo. χanalγa кровопускание. 133.
qanqaulsun ~ qamqaulsun высокая трава; mo. χamχaγ желтая полынь; χamχuul сбдовое растение (М., p. 157). 105.
qanqas (qamqas) čabčiqu рассечь; mo. χamχa id. 51, 131.
χantu ~ χamtu. 19, 76, passim.
qantuqalaqu скоро хватать (на коне); mo. amtuγu едва-едва, чуть-чуть; amturiχu спешить. 254.
qandaqai лось, сохатый. 255.
qandaqu забыть; mo. χanduχu отвернуться. 219.
qabirqa бок; mo. χabirγa верхние передние ребра (М., p. 166). 127.
qabirqar ребра. 12.
qabqariulqu клеветать, сплетничать; mo. χobχoro облупить, ободрать. 255.
qabtaqai сплюснутый, тонкий; mo. χabtaγai id. 254.
qabdasun досчатый; mo. χabtasun id. 203.
qaqas отдельно. 242.
qaqasun заноза (в зубах). 77.
qaqalaqu разбивать. 209.
qaqaldaqu взаимно разделять. 201.
qaqunaq сорочка. 254.
qaquqsan čisun ~ bekleksen čisun запекшаяся кровь; cf. mo. χaγaχu остановиться; χaχaχu подавиться. 214.

qaqqu сохнуть; mo. χaγsaχu запечься; χakiχu перестать, исчезнуть, пропасть. 145.
qaqdaqu запираться, ссыхаться. 173.
qaqdaqu быть подстреленным. 172, 174.
qasar noqai род большой собаки; χasar noχai обычная кличка злых собак. 78.
qašiqu обложить кирпичом; mo. χašiχu огородить. 279.
qataŋ сталь; mo. χatang ~ χatangγu твердый, жесткий, закаленный. 106.
qataŋquya maraan asaqču строго и тщательно допросив. 197.
qatar значение не дано 111; mo. qatarχu ожесточиться (болезнь); keter свирепый; язвительный.
qatu дама. 54.
qatuq боярыня. 101.
qatqutai задира; mo. χadχudar id. 74.
qatquldua qatquldugu биться. 195.
qatquldaqu язвить. 201.
qatquldugči боец; cf. mo. ülü χadχulduγči неподвижный, спокойный. 159.
qatquldut je ~ qatquldum (mui) ja. 173, 176.
qatqurasutu имеющий кожу персика; mo. χadχura ~ χarγana дикий персик. 106.
qadaar ~ mo. χajar узда. 199, 229, 278.
qadaun в обход. 257.
qadaqa чрезвычайной важности дело. 279.
qadaqadu ukes важные речи, задушевные. 201.
qadalun daun ~ qadarun daun пословица (?); mo. χadarχu распиливать; распарывать; разъяснять. 78, 244.
qadara ~ mo. χadara хайрюз. 75.
qadarqu распарывать; разбирать, разъяснять. 78, 260.
qala приказ; χała знак, сигнал к смене. 123.
qalaar непременно; mo. χała смена. 248.
qalaiqu ~ mo. χałayiχu снизойти. 56.
qalaun горячее место; горячий; зрелый; утроба; mo. χałaγun теплый. 78, 254.
qalaun daaulqu прижечь; mo. daγaγuł подвергнуть. 173.
qalaout ~ mo. γałaγud гуси. 27.
qalat свирепо; mo. χałaχu разъяриться. 78.
qaliqu сохнуть; mo. χalimał сушеное мясо. 145.
qalisu ~ mo. χalisu кожа, шелуха. 111.
qaliyarsun ~ mo. χaliyar черемша, дикий чеснок. 74.
qaljirqu посторонние, ближние. 177.
qaljirqu фальшивый; злой; mo. χaljir кривой; косой. 201.
qalidqu облупиться; mo. χali (d) взлететь, воспарить. 201.
qalqasun ивовые прутья. 103.
qalqu bołqu раздражать, задирать; mo. χałaχu приблизиться, пристать. 111.
qalqutai драчун. 174.
qaldačiqu предать огню, разорить. 105.

qaldun скала, пик. 164.
qaldut-ta на скалы, в горы. 164.
qalbuqa ~ mo. χol̃buγa пара, чета; связка. 280.
qačidut название породы мулов. 274.
qaraatu издали видный; mo. χaraγa шарик на знамени; χaraγatu достигаемый зрением, видный; клм. χarān ügei малозаметный. 106.
q̇araiqu ~ mo. χarayiχu прыгнуть, броситься, вскочить. 56.
qarau ~ mo. χaraγu защита, прикрытие; покровительство (M., p. 164). 6.
qarauutai terk̇e крытый возок, телега. 6, 244.
qaraulsun поставленный досматривать. 170.
qaranbai ~ qaramb̃ai noqosu название породы черной утки. 200.
qaranlaqu ~ χaraml̃a жадничать. 281.
qaraquru ~ χarkiru куропатка. 25.
qaratu ~ ḫaratu значение не дано; mo. aratu зубчатый, с зазубринами. 111.
qari дом; mo. χari-sari утварь, домашние принадлежности. 123.
qari-širi дом и имущество. 123.
qarin irk̇en страны и народы. 262, 274.
qariun mori черпохвостая и черногривая желтая кобыла; mo. χaliγun выдра, бобр; χaliγun mori светлосерая лошадь с черными гривой и хвостом. 117, 152.
qarin род, племя, страна; mo. χari-sari подданные (M., p. 330). 129, 270.
q̇arq̇an ~ q̇arq̇am тыл, зад, бедра, стегна, строение крупа; mo. γarγam зад, лядвия, задние кости у скота; статьи. 123, 179, 194.
qarq̇ana ~ qaraq̇ana густая трава; mo. χarγana Robinia ferox spinosissima, золотарник, жидовинник, сибирский гороховик, сибирская акация. 195.
qarb̃isu место, послед; mo. χarb̃isu матка; послед. 78.
q̇ar q̇ardaqu наложить руки. 200.
q̇ar kotoltan люди, ведущие заводных лошадей. 247.
q̇ar k̇urk̇eku довести руки, наложить руки. 200.
q̇artaqu ~ q̇ardaqu поднять руку на; взять; mo. γartaχu связать руки. 149, 166.
qarmalduqu ~ qormalduqu вместе собирать; mo. χorma загребать. 124.
qarča китайского значения не дано; mo. χal̃ǰa пузырек, рожок. 103.
qark̇i течение, стремление; mo. χargitu usun заводь, стоячая, спокойная вода. 81.
qinčaskiku обернуть голову; kimča ~ šiγum правило, линия, мерило. 140.
qiquriqu следить, итти следом; cf. клм. kiχurtai злопамятный. 183.
qiǰiar-a ~ mo. kiǰaγar-a подле, с краю. 205.
qoaŋqor ~ qoŋqor желтый конь; mo. χongγor светлосоловый, рыжий; клм. χongγor саврасый. 205.
qoaŋšiut ~ qoŋšiut вонь; mo. χongǰosun задница, задняя часть (M., p. 123). 27.
qoastan okit прекрасные девицы. 240.
qoinaun ~ uridaun спереди — сзади. 229.
qoolončar жадный; лакомка. 124.
qooǰiqu линять; mo. γuuǰiχu id. 79.

qoaɒqoqčiut qonit желтые овцы. 124.
qoɒqor ∼ mo. χongγor саврасый (M., p. 172). 90.
qoɒǰiyasun, белые кишки, требуха (?); mo. χonǰγosun задняя часть, внутренности. 124.
qoq искрошенная трава, солома; mo. χoγ мусор, отбросы, навоз. 234.
qoqimai ∼ mo. χokimai сухой, засохший. 111.
qoqir ∼ mo. χokir мусор, хлам. 111.
qoqiratala до конца, досконально; mo. χokiraχu засохнуть, увянуть. 109.
qoš жилище, дом; клм. χoš временная походная юрта; пара, двойка; mo. χos пара. 169.
qošiliq ∼ qoš (M., p. 384). 245.
qot колчаны. 279.
qotoan круг, загон, курень; клм. χoton хутор. 124.
qotolai все, весь, целый. 254.
q̇odolitqu стрелять костяною стрелой; mo. γodolidχu стрелять тбмаром. 112.
q̇odu ножки; mo. γotu лапа животного. 190.
q̇odun ∼ q̇odu. 114.
q̇odulaqu взыскивать; mo. γuɫuγuɫχu срамить, поносить; клм. γutaχu id. 108.
qolbaraqu вместе итти, сопутствовать; mo. χolboɫda связаться, быть спарену, итти парою. 255.
qomoul сухой помет; mo. χomoγuɫ лошадиный помет. 234.
qomorqu окружать; mo. χomorχu достигнуть, догнать; χomorγu охотничий круг. 190.
qoǰiulas сухие пни; mo. χoǰiγuɫa id., 27.
goǰitala busele подпоясаться, высоко подтянув платье (cf. qooǰi). 74.
qor qomusa bolq̇aqu причинить расход; mo. χour χomsa boɫγaχu причинить хоть малейший ущерб. 232.
qoran ∼ qorum миг, момент. 32.
qoriyan подворье, двор; mo. χoriyan id. 111.
qoroq спасайся же, спасайся уж; imperat. < χoro. 55.
qoroqu спасаться; χorγoduχu прятаться, укрываться. 257.
qoroqun убыль, расход; mo. χoroχu понести ущерб, погибнуть. 179.
qoroulqu сседаться; mo. χoroγuɫ убавить; убить. 254.
qoruq̇at ∼ mo. χurγad ягнята, «кургашки». 79.
qorumut немного, несколько минут; mo. χorum миг, момент. 31.
qorumut bai лучше перестать, остановись; клм. χorombai прочь! 131.
qorqi шнурок. 238.
qorq̇oqu загнать. 201.
qorq̇osun ∼ mo. χorγosun овечий помет. 111.
qorčilaulqu заставить носить лук. 219.
q̇uiqu ∼ mo. γuyiχu ∼ γuyuχu просить. 219.
quur daulqu тренькать. 189.
q̇uɒ утес, обрывистый берег, край пропасти.
qunar китайского значения не дано; mo. χunar платье. 111.
quɒǰiut вонь; клм. χungšiγ смрад, гниль. 27.

quqⓠulqu отломить, оторвать, отделить. 16.
quqⓠulǰu otqu обдирать. 277.
qubis-kikui прикоснуться; mo. kübikü бить, щелкать. 230.
qubiyaldut ǰe ~ χubiyaldum(ui)ǰe поделимся. 153.
quburi хребет; холм; mo. χubari полоса, доля; kübügür горбина, свод; kübür скат. 56, 90, 171.
qubčiur невод; mo. χubčiγur рыболовная сеть. 199.
qutan qor ивовый колчан. 230.
qutaqlaldu суматоха; χotaγałałduχu нагромождаться; χutaγałału колоть ножами друг друга. 196.
qutuq счастливый дух; mo. χutuq святость. 231.
qutus по, через; mo. χutu id.; χudu ~ χutu γarχu пройти насквозь. 207.
qutqulaqu месить, мешать руками; mo. χudχuła мешать, взбалтывать. 46.
qudalaqu родниться, свататься. 185.
qudusu сапоги; mo. χutusun обувь; клм. γodosun сапоги. 114, 145.
qudurqa, χudurqala ~ mo. χudurγa, χudurγułaχu подхвостник, продеть хвост в пахви. 199.
qulan ~ quran sara 7-й месяц; mo. χuran üyiledkü sara первый месяц в году. 282.
quladu ~ mo. quldu коршун-мышелов; клм. sariči id. 200.
qulalqu падать; mo. χułγuχu скользить, скатываться. 196.
qulaǰiqu испугаться. 244.
qučaqu ~ qučiqu беречь; mo. χučiχu закрывать, укрывать, беречь. 199.
qučiqu обернуть, завернуть что чем. 255.
qučiqu глотать. 254.
qučiulqu объехать; mo. χučiγułχu покрыть. 102.
qučiqu подавиться, перхать; mo. χučaχu лаять. 213.
qučilis кругом объехать. 55.
qučilduqu окружить; mo. χučiχu покрыть; mo. χučiγuł нападать врасплох. 112.
quǰirqu отравить. 67.
quyan крестец; клм. γuyan ляжка. 184.
qurin ~ qurim. 57.
qurinla ~ qurimła. 50, 240.
quriyaqu забрать, взять себе. 111, 196.
qurua укрепление, изгородь; mo. χoruγa id. 281.

Ƀ

ƀaiunqun оставить, трудно; задержка, затруднение. 19.
ƀaidu ƀailduqu стать, выстроиться. 195.
ƀaouqu осадить. 267.
ƀaouliya наставление, выучка; клм. ƀūliχu поощрять; ƀūli палочка в носу верблюда для понукания. 255, 260.
ƀaout ǰe ~ ƀaγum (ui) ǰa. 259.
ƀautala напрочь, прочь. 229.

ƀasaalaqu управлять, распоряжаться; mo. ƀišilγaχu прилежно заниматься. 124, 213, 232.
ƀalaqačin смотритель магазина. 279.
ƀadarqiqu пылать, гореть, пламенеть; mo. ƀadarki id; клм. ƀedergi иск, домогательство. 260.
ƀaraa тень; mo. ƀaraγan темный. 255.
ƀaraqu кончить, прикончить, убить. 214.
ƀaraqsat губители, душегубцы. 78.
ƀaratutai темный; mo. ƀaraγan id. 189.
ƀariuǰii ~ ƀariquči (?) ~ ƀariγuǰai (?). 199.
ƀariya kuun арестованный человек; клм. ƀariya арест. 152.
ƀariyas узы. 152.
ƀaru ~ ƀaruq название зверя; cf. клм. ƀaraγ noχoi дворняга. 78.
ƀarua ~ ƀaraa тень. 183, 184.
ƀaruan boldaƀa сделалось темно. 91.
ƀura-tara там и сям рассеянный. 213.
ƀeter китайского значения не дано; mo. ƀeder пятно, пежина, пегий.
ƀederiku производить розыски, искать. 82.
ƀel притом, тем более: mo. ƀol, ƀolbasu id. 245.
ƀelen готовый. 201.
ƀelčir ущелье, устье; mo. ƀelčir скрещение, перекресток, расстанок, слияние. 162.
ƀelke ~ mo. ƀelge свидетельство, знак. 229.
ƀeye qat-iyar один, сам, самостоятельно; mo. ƀeye γar-iyer самолично, собственными руками. 224.
ƀekeliku делать усилие; mo. ƀekile укреплять, усиливать. 224.
ƀekilekdeku быть укрепленным. 247.
ƀerileku выполнять церемонии снохи. 189.
ƀerkeldukdeku ~ mo. ƀerkegde становиться трудным, затруднительным. 270.
ƀerteku быть оскорблену, страдать; mo. ƀertekü быть изранену, исколоту. 194.
ƀisariulqu наполнить; закрыть. 244.
ƀituulku переходить от одного к другому, проезжать через; mo. ƀitükü странствовать, разъезжать. 19, 81, 279.
ƀitun по, через; mo. ƀitükü скитаться по. 151.
ƀituku ~ mo. ƀitükü. 152.
ƀidano čaada ближайший к нам, неразлучный, состоящий при нас. 226.
ƀi ilaari ƀiyu я дружелюбен; mo. il союзники, друзья. 131.
ƀilaqu пленить. 180.
ƀileur (t) остатки жертвенных яств. 70; пест, песты. 132; mo. ƀilegür мутовка, колотушка, пест.
ƀiliku гладить, поглаживать. 21; ощупывать, распознавать, соображать; mo. ilikü гладить; ƀilig знание, распознавание: 21, 272.
ƀilduur пташка, жалующаяся небу. 160.
ƀoesun вошь. 201.
ƀoet тотчас; лучше; именно; вот так-то; вот же, же. 118, 190.

boolitqu обратить в рабство. 152.
boqoqu ~ mo. boγo преграждать. 240.
boqunitqu понизиться; mo. boγunidχu укоротиться, осесть. 177.
boqtalqu ~ boqtolqu чесать голову; надевать свекровью шапку; клм. boγtoľχu воздерживаться, терпеть. 74, 254.
bosu kuun худой человек; mo. bosuγa yabugči kümün идущий с поднятым лицом. 210.
bodulqan рассеяние, смута; mo. buduliyan суматоха, замешательство, беспорядок; халх. buduliyan путаница, сумбур. 155.
bol положение (?); mo. boľ, boľbasu. 167.
bolek irken часть племенного колена. 28.
bolqan soriqu освидетельствовать. 197.
bolqaqu освидетельствовать; mo. belgele толковать приметы. 246.
bolqaqdaqu удостовериться; mo. belgegdekü приписать значение, остановиться на таком-то толковании. 246.
boldeitkeku выделить особо; mo. buľtayiľγa ~ bölteyilge высунуть, выпятить. 156.
boldeitku выделиться; ore boldeitku отдельно стать. 170, 196.
boljiur ~ mo. boljomur жаворонок. 77.
boljiqu избегать, посторониться. 102.
boko силач; mo. böke id.; дышло, оглобли. 100.
bokotur ~ mo. bökötür горбатый. 205.
bokor ~ mo. bögere почки. 104.
bokturku ~ mo. bögterkü навьючить, перекинуть через седло. 205.
borbi нижнее сухожилие (?); mo. borbi ахиллесова пята, сухожилие выше пятки. 137.
borčin sono название породы утки; mo. borjin sono курчавая утка. 200.
buet ~ boet тотчас. 205.
bueljiulku спастись, избежать опасности; cf. клм. böljikü рвать, блевать, метаться; mo. bögelji cf. boľjaγaχu (M., p. 28). 103.
buuljar сговорный пир. 168.
buqau колодка; cf. клм. bōχu вязать; прудить, преграждать; mo. boγu (M., p. 26, 28). 81.
buqiya лошадь со связанными поводом ногами; mo. bokiya неповоротливый, толстый. 103.
buququ накрыть, покрыть; mo. buγuľ стог; boγoχu завязать. 90.
buqsaqu удерживать. 195.
busaŋqaqdaqu совершенно рассеяться; mo. busaniqu разориться. 208.
busu heliketu другой печени, не родной; mo. busu eligetü id. 275.
bušitai особенный, исключительный. 54.
buteuna в тени; mo. bitegün закрытый. 267.
buteku запрудить, mo. bütekü покрыться. 247.
buta чаща; мнгр. buda, орд. buta густо, пучками растущие травы или кустарники (M., p. 31). 85.
butukai ~ mo. bitegei но не в качестве отрицания при imperativ, а изолированно, в значении: не сметь делать подобного (о чем идет речь). 76.

budaan каша. 41.
budaoun ~ mo. büdügün грубый, дикий. 23.
buduun ejen свой господин; mo. bodun настоящий; клм. bodo ~ budu. 200.
bulien шереховатый; mo. büliyen теплый. 254.
bulet вдруг, нечаянно; по Кафарову допускается еще и другое чтение: qalat. 254.
bulqa irken восставший, враждебный народ. 276.
bulqa bolqu произвести восстание. 241, 151.
bulqalduqu биться, сражаться. 249.
bultariqu избегать труда, лениться; mo. bultari id. 224.
buljiqu уклониться; mo. bulta ~ халх. buljarid 137.
bučaqu избежать; mo. buča возвращаться, пятиться назад. 147.
bučiqu окружить; mo. boγu кольцо. 168.
buqi (ki) веревка. 280.
bukdeuli ~ bukdeuri (accusat.) бродячих, туда-сюда ходящих; mo. bögsen нижняя часть; degür верх, наверху; клм. bög ~ bögsen низ. 222.
bukčuu засада; mo. bögčüyikü, клм. bögdeyikü скорчиться. 103.
bureltele oksu сразу (сполна ?) уничтожу; mo. bürilkü исчезнуть, уничтожиться, разрушиться. 104.
burelkeku разбить; mo. bürilge разорить. 77.
burelku уничтожить; mo. bürilekü исчезнуть, разрушиться. 248.
burietai taraq сливки в посуде; mo. taraγ bürikü заквашивать молоко; büriye труба, рог, роговая труба. 145.
buruu одиноко, особо; mo. buruγu в противоположную сторону; buruγu χanduχu обратиться в противоположную сторону, сделаться врагом. 194.
buruuya koitču ireku нарочито замыслить возмущение; mo. köyitükü спустить тетиву. 201.
burun что касается; а; mo. bolbasu ~ bürün. 147.
burqaliq časun летящий снег, метель, снежный буран; mo. burγanaγ мелкий дождь; burγanimui дождь идет (при солнце). 31.
burqasun вяз; mo. burγasun ива, тальник. 103.
burbi ~ borbi пята. 254.
burki геогр. название; cf. mo. bürgi водоворот, стремнина. 96.

S

saaraqu сомневаться; клм. saaraχu медлить; mo. saγarmaγlaχu сомневаться. 132.
saaraqda сомневаться; mo. saγar ügei несомненно. 207.
saari крестец; кожа с крупа; mo. saγari кожа, сафьян.
saarinčin китайского значения не дано; mo. saγalinčin доильщица. 279.
sain kurumele kuun человек благородного происхождения; mo. gürümel üsün заплетенные косы; gürümel büse плетеный пояс. 156.
saiqu расставить; mo. sayičikü раскладывать, разрезывать, разбирать. 156.
saalin keut дойные кобылы. 280.
saoqua подарок. 114, 135.

saulqa подойник; mo. suulγa ведро. 205.
saulqu ~ mo. saγulγa посадить. 19, 280.
sanšiqu понести потери; mo. samši ~ samšiya израсходоваться, быть погублену. 154.
sandurqu ~ mo. sandarχu разметаться, рассеяться, притти в замешательство. 110.
saqal layan название травы: «свиная щетина». 105.
saqlaqar ~ saqlar ~ mo. saγlaγar развесистый, ветвистый. 57, 117, 206.
sal huyaqu ~ mo. sal uyaχu связать плот. 105.
salulčaqui qurin ~ mo. salulčaχui χurim пир разлуки, прощальный пир. 275.
sataqu рассуждать; совещаться; mo. setüb задача, тема; клм. seter животное, посвященное божеству. 204, 216.
salqušitu отдельный; удельный; mo. salaγatai развилистый. 255.
saraur ~ saraul свет луны; клм. saruul ясная, месячная ночь. 82, 110.
sartaqčin туркестанский. 181.
seejikleku повесить, привесить (за шнур). 103.
seourelku вздыхать; mo. següresu aldaχu издать стон, глубоко вздохнуть; següresüle id. (M., p. 365). 156.
seu-se ~ кит. сяосы — служка, слуга. 273.
senteleku оживить; раскрыть (-ся), расшириться; развиться; mo. sengteleků разметать, раздуть. 145, 149.
seŋkereku обращать внимание; mo. senggerekü изучать, упражняться. 131.
sečiku пересекать; mo. sejikü бодать. 127.
sekuulku свернуть, подтянуть; отступить; mo. segügül засучить, засучиться, подсучиться. 194.
sereltei берегущий себя; mo. sereltei бдительный. 170.
serekdeku догадаться; mo. seregdekü быть разгадану. 168.
serke баран; mo. serke легченый козел. 262.
sin ~ sim ~ sem молча. 254.
sin boli ~ sem bol! Замолчи! 56.
siskei войлок (cf. M., p. 346). 252.
soiqu поучать; mo. soyuχu учить, исправлять, наказывать. 227.
sooŋqoqu избрать. 272.
soor борьба, спор, битва; mo. sor жертва духам; soriχu испытывать, метать жребий. 162, 172, 208.
sooraulqu начать биться. 185.
sooroqu разрешиться, успокоиться. 260.
sonin urie daaqan новый трехгодовалый жеребенок; клм. üriye daaγan жеребенок по третьему году. 149.
sonosuat burun ~ sonosuγad bürün когда услышат. 224.
soqosun какая-то блестящая рыбка. 76.
sobilaqu испытывать; mo. sobila смотреть, просматривать. 265.
solaitqu ~ čolaitqu пустовать, недоставать; mo. suladχu освободиться, ослабнуть; čölöyidkü падать, приходить в упадок. 255.
soloŋqa крот. 103.
solbiqu перехватить; mo. solbiχu скрестить; смотать. 140.

sores послушно, охотно; клм. söröö прямо, напрямик. 255.
sorilduqu тягаться; mo. sor жребий. 245.
sueeku погибнуть; mo. sönögekü погасить, уничтожить; sügegekü досаждать; наказать. 257.
suelsutai имеющий печень; мужественный, смелый; mo. sülsü желчь. 74.
sueyu ~ süyu поучение; стыд, раскаяние; 260; mo. soyuχu поучать, исправлять. 276, 260.
süiqu обучать; surqan süin yabuɫaa уча ходил, учил. 149.
suuduriyan под бок; mo. suγu-dür-iyen к себе подмышку. 214.
sün kokoku ~ sün kökekü сосать сосцы, молоко. 195.
süyut ǰe ~ soyum (ui) ǰa. 278.
suneeku ~ mo. sönügekü потушить. 242.
sundulqu следовать один за другим; mo. sunduɫaχu преследовать по пятам. 247.
sube вход; mo. sübe проход, отверстие. 240.
subee поясничная впадина; mo. sübege бок; живот, утроба. 127.
sutu счастливый. 74.
sudun ~ sudusun какой-то медиц. корень; mo. südüs Sanguisorba carnea, корни которого употребляют вместо чая. 74.
sudalbiqu разнуздывать; mo. suɫa taɫbiχu пустить на свободу (разнуздать). 199.
südurteku быть подстрекаемым. 177.
sulberkui послабление, нерадение; mo. sülberkü склоняться, упадать. 194.
sülsutu имеющий желчь; mo. sülsün желчь. 139.
suldertu величественный; mo. süldetü благодатный, покровительствуемый богами. 249.
sumud-iyan huruqu точить, чинить стрелы; mo. ürükü тереть терпугом; клм. ürübtür терпуг. 169.
sumbaqu крепко натянуть; mo. sumbaγa сила, крепость. 77.
suǰiasu шейная жила, артерия, позвонок; mo. küǰügün-u uyas сгиб шеи. 145, 173, 214.
süyuer uke ukulerun стала наставительно говорить; mo. soyoɫ наставление. 22.
sukes серебряные слитки; mo. süke топор. 279.
surimusun ~ surmusun ресница; волосок. 77.
surqu привыкать. 265.
surdaqu kuun человек, способный научиться; mo. surta быть обучену. 201.
šia бедряная кость; крестец; клм. šaχai альчик (бараний). 116.
šialǰaqu метать бабки; играть в альчики. 116.
šiira копыто; mo. šigira часть ноги ниже колена; голяшки; ножки (у животных) (М., pp. 397, 436). 35, 277.
šiekte урыльник; mo. šigesün, šigekü; клм. šigeg нечистоты, навоз. 203.
šiusun qonit пайковые (?) овцы; mo. šigüsü натуральная продовольственная повинность. 280.
šiuder роса; mo. següder id. 195.
šiuči долото, резец (cf. M., p. 401). 240.

šinaqa ~ mo. šinaγa ковш. 277.

šintaraqu отступить; mo. šintaraγuĺ пугать, приводить в смущение; уничтожать; šintaĺa ломать, сокрушать. 260.

šiqan ~ šiqam близко, вплоть, сейчас же, около; опираясь, возле. 118, 190, 265.

šiqaqu заглядывать, высматривать. 8; стиснуть, сдавить. 123; mo. šiχaχu id. 78, 123.

šiba мстание, шибание; mo. šab-šab свист стрелы. 198.

šibaun сокол. 195.

šibaouraqu пускать соколов. 232.

šiberiku убрать, подобрать; mo. šiberikü загородить; šibege ограда, заграждение. 79.

šibilker хохол, коса, пучок; клм. šiberlig чехол для кос у женщин. 214.

šibuke шило. 195.

šiburke ~ šibelker ~ šiberlig. 56.

šituldukи стоять друг против друга; mo. šidertekü сблизиться, приблизиться 144, 145, 214.

šidurqutqa подчинить своей власти; mo. šidurγudχa велеть поступать прямо, честно, наставить на путь истинный. 202.

süderteku подстрекать. 164.

südurken подстрекательство; mo. südürgen язвы на ногах у лошади. 164.

šidkul подарок при церемонии представления свекрови—теще. 96.

šil sain красивой наружности; mo. šili шея; затылок; šilitei сильный. 224.

šilemeljeku пускать слюни; mo. šilesün слюни; siĺa-baĺja сильно дышать, задыхаться; клм. šibelče озираться. 195.

šilekun irke 2-летний кладеный баран; mo. irgen 4-летний баран; šilikü отбирать. 280, 189.

šiliun красивый. 189; mo. šiĺuγun честный.

šiliuqu держать прямо; стараться, торопиться; клм. šiĺuun быстрый, скорый. 118.

šilurteku быть ранену; mo. šilurtekü гнуться в противную сторону; šili küjügun затылок, загривок. 144.

siluket слюни (pl); mo. šilusun id. 79.

šiltaqu отклонить; mo. šiĺtaχu отговориться, отказаться, извиниться. 168.

šilt sutai ker юрта с плетеными стенами. 230.

šiljireku движущийся; šiljekü сплетать. 230.

šilkutku заставить дрожать; mo. šilgüdkü соревновать, запыхаться. 230.

šimaliqaqdaqu заворачивать; снимать; mo. šimaĺaχu засучивать; šimaliγaχu, šimaliγaγda id. (M., p. 371). 245.

šičabaljaqu лазить, лезть, пролезать. 21.

šiai животный камень (?); клм. šaχai альчик; mo. šiγai лодыжка; альчик (M., p. 378). 59.

šiki quruun мизинец; mo. šigejei, id. клм. šigiči.; халх. šigču 178.

šiki ~ mo. šigi miχa застрявшее в зубах мясо десны, десны между зубов. 254.

širemu (n) медь, медная руда; mo. širemu (n) бронза. 195.

sirekdeku плавить; mo. širaγda жарить. 195.
širi širbusun сухие жилы. 183.
širimal проворный; чистый; плавленый. 19.
široai yourq̇atu имеющий глинобитные стены; mo. yoγuraχu месить. 203.
širolq̇ada жареного мяса дай. 13.
širq̇a ~ mo. širγa соловый, палевый. 205.
širk̇olku держать; mo. širgükü тереть; χamuran šigüle загребать, захватывать. 177.
širk̇üle хватать, крепко держать, тянуть (M., p. 364). 151.
širqulqu быть загнанным; mo. širγul, širγu пробраться, пролезть. 177.
širk̇u углубиться, войти; mo. širγu id. 111.

T

taouqu ~ mo. taγuχu гнать. 249.
taolai ~ mo. taulai, tuulai, tuuli заяц. 257.
taoulqu поручить, назначить, внушить; mo. daγaγul велеть принять на себя. 229.
tana (s) большие жемчуга; mo. tana (s) перламутр. 133, 238, 274.
tantulqu ~ tamtulqu стащить; mo. tamtul отрезать, отсечь (M., p. 408). 126.
tanmačin баскак, монг. командир иностранного полка; tanma иностранный полк (Каф., стр. 255). 273.
taŋqi китайского значения не дано; mo. tanggi умеренный, воздержанный в пище. 193.
tabtaqu сбивать, обивать; mo. dabta ковать, оковать. 195.
tasulqu прекращать. 208.
tašiqu касаться; mo. tašiχu склоняться (о солнце). 90, 171.
tala лик, лицо; mo. tala сторона, бок. 208.
talaqu завладеть; mo. talaχu отнимать, грабить (M., p. 411). 208.
taluqu ~ talqu ~ mo. tayilχu снять, развязать. 126, 145.
talbiraqu распространиться, расшириться; распуститься; успокоиться, ослабеть, болезнь «отпустила». 272.
tamutala до конца; mo. tamuχu сучить, ссучивать. 276.
teileulku заставить голодать; mo. teyilkü сводить желудок, корчи в животе.
teunoai его, принадлежащий ему. 18.
teuleulku дать изломаться; mo. degülikü подпрыгивать, соскакивать. 124.
tenteleku щупать; mo. temteri, мнгр. tendili шарить (M., p. 415). 214.
tendek ~ mo. temdeg. 21.
teŋk̇esk̇etai terk̇e китайского значения не дано; mo. tenggege мощь; искусство. 124.
teŋkis dalai Каспий (?) 199.
teŋk̇ulduku подбирать. 26.
teŋk̇uku ~ mo. tegükü собирать, подбирать, рвать; мнгр. temgü ~ tenggü id. (M., p. 482). 74.
tebene большая игла; mo. tebene id. 195.

tel приплод, стельность; mo. töl. id; tel quriqan ~ mo. del χurγan ягненок, вскормленный двумя овцами; 2—3-летняя овца. 87.
teki также, опять-таки; mo. daki затем, опять; teke сторона, в сторону. 145, 149.
terme праздничный шатер; клм. terme решетка юрты. 184.
terkel ~ delger. 118.
tiaober ~ mo. tegüber. 21.
toi значение не дано; клм. tö пядень (мера длины по распяленным пальцам руки); mo. töyirekü приходить в смятение. 170.
toitku бороться, сделать подножку (?) mo. töyidde быть задержану, стеснену; toyidoγor хромой. 140.
toilaqu прыгать, танцевать; mo. toyilχu лягать, бодаться. 117.
tootu по числу, полный, считанный, отборный. 240.
tooriqai круглый, весь; mo. toγoriγ круг. 201.
tooriqaqu окружить; mo. toγoriγuĺ окружать (для почета). 195.
tooriqu кружиться, окружать. 170.
tourqa юбка у юрты; mo. toγurγa войлочная стена у юрты. 202.
tonoq грабеж, разорение; mo. tono грабить. 187.
tonequ снять, раздеть. 136.
tob усилительная частица; центр, глубина, правильность, прямота: ǰob-u tob-u (?) cf. mo. ǰöb töb busu неверно, неточно. 167. 170.
todeeku ~ mo. tödegekü останавливать. 277.
tolet посменно; mo. tölükü платить; замещать, заменять. 279.
toli щелкать (?). 178.
toloq большая кошма; клм. toĺoγ кошмяная полость. 189.
tolke гадание; mo. tölge жребий, приметы. 201.
toquraun ~ mo. toγuriγun журавль. 111.
tore закон, справедливость; mo. törü право, закон, церемонии, учтивость (M., p. 434). 121, 178, 208, 281, passim.
toritkeku ~ mo. töridke удержать, остановить. 145, 197.
toritku стать, остановиться; mo. torχu быть задержану, зацепиться. 193.
torolun быстро; mo. toroĺča вместе задержаться; клм. töröĺče чуть виднеться, торчать. 195.
torulmiši der sich gereinigt hat (Haenisch). 189.
torulki уродившийся, от природы. 201.
tordaqu быть препятствуемым; mo. tortaχu быть задержану, застрять. 195.
torluq китайского значения не дано; mo. Dorliγ ~ sayin očirtu ~ vačir название духа, гения-хранителя. 189.
tuitku закрыть, прикрыть; mo. tüyidkü стеснить, задержать, придержать. 245.
tuire keru-deče из-за темного бора; mo. töyire ~ tüyire теряться, заблудиться. 28.
tuuqu спускаться; mo. tuuχu (tooχu) сходить, нисходить (дух на шамана). 63.
tuurbiqu хотеть сделать; mo. toγurbi предпринимать. 240.
tuniqu завершить, закончить.

tuŋqaqu ~ tuŋqaaqu объявить, распределить; mo. tungχaγ, tungχaγla id. 224, 270.
tuŋqun duulqaqu ~ mo. tungχaγla ~ клм. duulγa провозгласить, объявить. 278.
tuŋqulduqu возобновить (дружбу); mo. tungχuγul процедить, очистить. 116.
tuŋdaqa ~ tumdaq-a в целости, в полной сохранности (пребывающий). 186, 198, 208.
tuqirqu науськивать; mo. dokirχu id. 260.
tubeku спариваться, соединяться. 112.
tubuut действительное положение вещей; mo. töb как раз то, что есть; töbeg-üd хлопоты, заботы. 161.
tuburiun свист стрел; mo. tübürgen топот; toboroγ пыль. 98.
tubšin ~ tukel тихий и мирный; mo. tügel полный. 274.
tublen лицом на север; клм. töblökü направлять против кого, целиться. 213.
tusulčan быстро, торопливо; tusulča наткнуться, столкнуться; другое чтение: tuyalčan < tuyalča озарить. 110, 111.
tusurku вливать; вносить; mo. düsür id. 279.
tusurke кувшин; mo. düsürge лейка. 130.
tusdaqu быть ранену; mo. tusχu настигнуть, достать. 214.
tušiyalduqu противостоять; mo. tušiyaldu встретиться, столкнуться. 170.
tutqar прислуга. 39.
tulešileku готовить пищу; причинить бедствие (Р. Э.). 161.
tuliku ~ mo. tulki закрыть, замкнуть. 246.
tulu столб, колонна; mo. tulγa id. 245, 254.
tulu название рыбы; mo. tulu рыба таймень. 272.
tulbas-odqu упасть, повалиться. 245, 254; mo. tulγaraχu свихнуться.
tulbalqu рассекать; mo. tulbur бурав, пробойник. 272.
tulkečin гадальщик; mo. tölgeči id. 272.
tumen irke okba ~ tümen örkö ögbe. 242.
tumu первый (cf. M., p. 431). 170.
tumutaq-a aqsan сохранился пребывающим. 208.
tumbulaqu быть первым, во главе (M., p. 431). 170.
tumda-a сохранившийся целым. 186.
tuyal стая птиц, mo. tögel толпа, множество; töl приплод. 245, 254.
tuketele вполне довольно; mo. tügekü раздавать, распределять. 92.
turastai смелый; mo. duratai охотник, желающий; durasχu, durašiχu; durašiltan. 144.
turiku толкать, гнать; mo. türikü id. 275, 132.
turintai ~ mo. turimtai самец хищной птицы. 85.
turuno ~ mo. törün-ü начальный, первоначальный. 153.
turuq приближенный. 219.
turuq опора; надежда, доверие; mo. tulγa, мнгр. turγa id. (M., p. 432). 167, 179.
turuq далеко; mo. turuγ расстояние, величина. 201, 207.
turken-e крепко, крайне; mo. türgen быстрый. 272.

D

daaqui-ača посильно взять, сколько в силах взять; mo. daγaχu поднять. 248.
daarioqu насмешливый, задевающий. 265.
daisurqaqu стать врагом, проявлять вражду. 276.
daiǰiqu удаляться, бежать; обратно, назад; бунт, восставать. 112, 196.
dair великий; mo. dayir самец. 245.
daoun dem ответный голос; mo. dem подмога. 214.
daouliqu ~ mo. taγuli брать в плен, угонять, умыкать. 39, 257.
daus ~ mo. toγos ~ греч. ταώς павлин. 274.
daolasun комок земли (M., p. 43). 245.
daq берестяной бурачок; mo. taγ застежка, пуговица (cf. M., p. 38: daγ, taγ). 178.
dabalis ~ nanbalis переходить, переезжать, через; cf. mo. namnaχu стрелять на скаку; nambułča шевелиться. 55.
dabqur qaqas qaqas yabudaltan имеющий важные и многоразличные обязанности. 233.
dabšiqu похлопывать; mo. tabšı-; орд. dabši трепать, похлопывать (M., p. 47). 105.
dabtamal основание; mo. dabtamał сплющенный, кованый. 276.
dabčitu qor лук с крышкой; mo. dabčitu с длинной тетивой. 105.
dalai-in qaqan «море-каган,» император. 280.
dalai kiǰin по берегу моря, вдоль по, подле; mo. keyen ~ keyege кромка, край; кромка (верхняя) у бабки (альчика), так называемый в игре «тага́н». 253.
dalqu ~ talqu ~ mo. tayilχu развязать, снять. 244.
dalbaru вдребезги; по плечо; mo. dałba парус, рыбьи крылья. 229, 255.
daldariqu уклониться, укрыться. 255.
daǰi torqan золотом вышитый шелк; mo. taǰi штоф, парча двухцветная. 135.
daraqači охранный воевода. 262.
darasun виноградное вино; mo. darasun хмельной напиток, некуреное вино. 281.
daruulqu надсматривать, охранять; mo. daruγała id. 207.
darun постоянно. 234.
daruqalaqu инспектировать, заведывать. 232.
daručamut те, что только что были, давешние. 100.
darbaan китайского значения не дано; mo. darbaχu развеваться по ветру. 214. (cf. dalba).
darbalǰiqu быстро колебаться; отпрянуть; mo. darbałǰa развеваться по ветру. 105.
dardas парчевые ткани; mo. dardas штоф, расшитый узорами. 238.
darki китайского значения не дано; cf. mo. dargil быстрина; клм. dargiyatai быстрый, бурный. 90.
deeǰilekdeku быть в почете, в уважении, принимать начаток deeǰi. 66.
den ~ dem помощь, подкрепление. 170.

deŋselkeku трясти; mo. dengselge качать, толкать, трясти. 174.
debulku кипеть; mo. dabuľχu ~ debülkü сильно, волноваться, кипеть, бить ключом. 277.
debseku прыгать, плясать, mo. debsekü топать, стучать; debsečikü плясать. 57, 206.
debterleku сделать таблицы; mo. debterle сшить, связать, переплести, свести в реестр. 203.
deleme выдумки, пустое; mo. demei id. 21.
delbeke поводья; mo. delbe насквозь; клм. delbēkü расходиться, распространяться. 56.
delekai широкий; mo. delkei мир, пространство. 277.
dekeun мимо; выше, сверху, над. 229, 278.
deresun колючая трава; mo. deresün белоствольый злак для плетения шляп (M., p. 52). 249.
derelekun примыкающий; mo. derelekü лежать на подушке. 205.
derelku возвращаться: mo. tegere ~ tegeri поворотить, возвратиться. 170.
derbelku трястись; mo. derbekü трепетать. 98.
derbekset беглецы. 146.
dermetteku быть перехваченным; mo. terme решетка, заграждение; degerme грабеж, захват. 240.
derke nokor близкий друг; mo. dergede близко, около. 277.
derkečan ~ mo. ǰergečen рядом. 146.
diŋ скамья (?). 177.
doimet младшая дочь. 186.
doqiqu указывать; mo. dokiχu кивать, махать, подзывать. 91.
dotaaǰi штаны; халх. dotor ömdö подштанники. 145.
doteleku итти ближайшим путем; mo. döte близко. 105.
dotora dura bulqaba стошнило, стеснило в груди; mo. dura buliχu чувствовать отвращение, усталость.
doloun тайно. 170.
doleskeku китайского значения не дано; mo. töriyesün оброк; tologesun заем. платеж. 281.
doluskeku рассеяться; клм. dölörekü изгибаться, изогнуться. 177.
doluskuku внимать. 276.
domoqči ~ arbin многоречивый; mo. domoγ былина, легенда. 201.
doro medeku подчиненный. 194.
doro ǰida низ копья, копейное древко (?) 232.
doronǰilaqu ~ mo. doromǰiľaχu. 66.
doromǰin низкий, подлый. 189.
dorqut не оконченное; mo. dorγun недостаток, неполный, не выполненный. 270.
dormekai низкий; mo. türimgei дерзкий, насильник. 276.
duiren keru-dača за хребтом позади. 28.
duušin сумерки. 91.
duulqaqu наставлять; клм. duuľγa доводить до сведения. 260.
duuren полный; mo. degüren наполнившись; dügüreng полный.

dundadu ~ dumdadu. 244.
dulet превосходя. 170; сильнее и сильнее. 272; клм. duleed безостановочно. 170, 272.
duyalqu прыгать от радости; mo. tuyaɫa сиять, блистать. 195.
duras селезёнка; durastan имеющие селезёнку ~ смелые.
duriin kuun человек свободного состояния; urtu-dura-in kuun id. 191, 224.
duruku держать; mo. dürükü всунуть. 214.
durbeku в страхе, поспешно бежать; mo. derbekü трепетать, биться. 110, 144.

L

laosut ~ mo. ɫuusud мулы. 274.
liu-šou наместник. 252.

M

maouilaqu ~ mo. maγuyiɫaχu выговаривать, быть недовольным. 209.
manaqaru ukuleksen утром сказанное; mo. manaγar-un ögülegsen id. 246.
maqa может быть, не знаю, вероятно, не ли; mo. maγad id. 31, 201.
maqaiqu значение не дано; bayasču maqaiqu радоваться и веселиться (?). 260.
maqat ~ mo. maγad действительно. 103.
maliyaqu приносить жертву. 103; прислуживать. 204; mo. mariyaχu ходить на цыпочках. 103, 204.
maraa ~ mo. mariya плоть, тело. 265.
maraan-ača asaququ исследовать органы. 197.
mariyaqu подсматривать, подкрадываться. 26.
mene вот, сейчас; вот сколько. 260.
mekejileku взять, схватить, держать. 140.
mekusdeulku дать почувствовать недостаток; mo. möküsdekü быть недостаточным; mökögekü истребить; möködeku уменьшиться, убавиться. 124.
mer uduui bulee еще не ранен ведь; mo. mer edüi пустяки, мелочи, пустое. 131.
mereku стрелять; mo. miriyaχu подстерегать. 77.
minaa плеть, хлыст; клм. maliya, бур. manaa id. 195, 255.
mideriku пнуть, лягнуть; mo. mitara ~ matara сгибаться; оробеть; A. t. nituɫχu отрезать. 137.
moeledku ~ möledku; ebčeu-ben m. бить, ударять в грудь; mo. mölekü облупить, обнажить. 103.
moilsun ~ mo. moyiɫasun черемуха. 74.
mono qoina впоследствии, на будущие времена. 171, 208, 209, passim.
moɷ огорчение; cf. mo. mundaχu затрудняться; клм. munda оскудеть; помутиться. 90.
moqaaqu обнаружить; mo. mököge уничтожить. 203.
moselduku отделиться; mo, mös ~ mör ~ möškikü итти следом. 199.
molsun ~ mo. mösün лед. 116, 238.
moči плотник; халх. mujan; mo. modoči id. 223.

močikiku итти следом; mo., клм. moski, möški id. 88.
mojirqaq строптивость, упрямство; мгр. moji ~ mo. moduči плотник. 209.
mokoeleku ~ moeledku ~ möledku ~ mo. mölekü. 172.
mokoriulku отрубить голову; mo. mökörigül изувечить. 149, 153, 199, 227, passim.
mokoriulut je ~ mokoriulum je. 278.
mokoriuldeku заслуживать казни. 276.
mokoriku ~ mokoriulku. 149.
morelku постоянно думать, тосковать; клм. möredekü id.; mo. mörügede id. (M., p. 238). 69.
morilat je ~ morilam je. 265.
muŋtaniqu ~ muŋqaniqu бедовать, быть в затруднении, измучиться; mo. mungχaniχu растеряться, сбиться с толку. 90, 92, 205.
munda напротив, наоборот; munda — munda не только, но и. 147, 149, 201.
muqutququ истребить, сокрушить, довести до крайности, доконать; клм. muχadχa притупить; mo. mükügekü истребить. 153, 196, 208, 236.
muqular безрогий; комолый; mo. muχur (cf. M., p. 244). 214.
muquli musquli значение не дано; клм. muχuli крепостной человек, раб. 268.
muquriqu размещаться вокруг; mo. mökörigül окружить, обложить. 278.
musu, musut прутья, древко стрелы; mo. müsüu id. (cf. sumu). 19, 240.
mutkiku итти следом; mo. möski id. 172.
multus догола; mo. mültüs едва-едва. 145.
multulku ~ mültülkü оголить, обнажить, снять, спустить. 55, 131.
mučiljeku насмешливо улыбаться; mo. mišigelče ~ клм. mišeekü улыбаться. 255.
murudeku ~ mo. mörodö взять за плечи. 140.
murkuleku ~ mo. mörgülkü беспрерывно бодаться. 121.

Č

čaada вблизи; клм. čayiši подальше, за. 232.
čaarsun бумага; клм. čaarsn бумажные деньги. 203.
čaouraqu разбиться; mo. čoγuraχu ~ клм. čoorχu треснуть, лопнуть, раздробиться. 72, 147, 209.
čaoru dobtulju oksu вдребезги разобью; mo. čuru трещина; клм. čoogoγ прорубь. 147.
čaoken ~ mo. čegen ясный, светлый, белый, чистый, прозрачный. 72, 147, 209.
čauraulqu ~ jauraulqu велеть итти в поход; mo. jaγuraχu велеть стиснуть зубы; принять меры предосторожности (M., p. 95). 235.
čaur čauraqu ~ jaγur jaγuraχu итти походом. 254, 255.
čanča ~ čamča рубаха. 55.
čaŋ-ud (кит. цан) магазины, житницы. 279.
čaŋqardaulqu утолить; mo. čingγarχu отвердеть, окрепнуть силами, наливаться; клм. čangγar сильней. 194.
čaqa дитя; тур. čaqa id. 68.

čaqlaulqu соображаться, сообразовываться. 280.
čaqlaqu расчислять, вычислять (время), рассуждать; mo. čaγła мерить, весить, определять; čaγłaši ügei неисчислимый. 203, 232.
čaqdaulsun поставленный сторожить; халх. čaγda id. 170.
čalir лопата; mo. čalir пешня, лом. 199.
čačar палатка; mo. čačar, клм. čačir id. 275.
čeel usun глубокие воды; mo. čegel usun ключевые воды; низменные места, мочажины; клм. čeel id. 72, 147, 209.
čeker ~ čekere грудь; мысль, душа; mo. čeger, клм. čewer чистота, целомудрие. 96. 104.
čerikun kuun-e kučune ~ čerikun kuune kundu-te сколько ратникам по силам. 248.
čerbekeldeul заставить повиснуть, свиснуть; клм. čerbekü колыхаться, реять, плавно качаться. 101.
čiu (n) конец оси, чека́; mo. ǰegün игла; мнгр. čiu, орд. ǰuu, клм. ǰuun, халх. čikin чека́; čig, čike, čikin правильный, правило. 124, 154.
čiudeulku дать упасть, уронить (чеку). 124.
činana по ту сторону. 257.
čiŋ искренний; mo. čing верный, непоколебимый. 230.
čiŋqultuqtu налитый медью (свинцом?); mo. čingγaliγ крепкий, с закрепой. 116.
čisudaqu окровавить 145.
čilume qubčiur сети, невода; mo. χubčiγur невод; клм. čalma петля, укрюк. 75.
čimatqu хулить, корить. 177.
čimatqaqu упрекать; mo. čimadχa хулить, порочить. 254.
čimal выговор. 260.
čimaliqai недовольный; mo. čimałaχai жадный. 281.
čimar упрек, укор, гнев. 177.
čimar-un yosun китайского значения не дано; mo. čimarχaχu жадничать, барышничать; снова пускать в оборот; повторять. 177.
čimar-tur во гневе. 177.
čimarlaqu упрекать; mo. čimadχu делать выговор; ǰemeleku ~ ǰimele id.; ǰime выговор; клм. ǰeme id.; ǰimetü виноватый, подсудимый. 108.
čičiqina растение (?). 74.
čičua плеть, кнут, хлыст (M., p. 392). 76.
čikersun можжевельник; халх. čigirsun лыковая рогожа 74.
čikot лиственница; mo. ǰigesün сахарный тростник; sünesün лиственница; клм. ǰegesun тростник, ча́кан. 245.
čoen ~ ǰoen малый, в малом числе; mo. čöken id. (M., p. 454). 177.
čoorqan ker китайского значения не дано; mo. čor дуга, лучок; клм. čorγo носок, трубка для перегонки водки. 115.
čoorqatai terke телега, имеющая замо́к; mo. čoγurγa замо́к. 124.
čoqiqu откопать; mo. čoki бить, выбивать. 199.
čoqoriulqu сломать; mo. čoχoriγuł клином колоть. 115.
čual ~ čül значение не дано; mo. čöl гоби, пустыня. 188.

čuɒ чарка. 179.
čubtusču стремглав (?). 257.
čubtusqu тонуть; mo. čibbükü id.; халх. čibikü, клм. čibkü вязнуть, тонуть. 198.
čuloul китайского значения не дано; mo. čölögül ссылка, изгнание. 254; čölölge id.
čučulaqu снять. 85,
čuraqa ~ mo. čurχai щука. 78.
čurama ničikun красный; голый, голышом. 145.

ǰ

ǰaaqu обвинять, подавать в суд, доказывать; mo. ǰaγaldu подавать жалобу, привлекать к суду; ǰaγaliγai суд, расправа; клм. ǰarγo id.; мнгр. dźia id. (M., p. 75). 121.
ǰaarin знамение (коим божество изъявляет свою волю); откровение духа (M., p. 83). 121, 206.
ǰao buqu ~ ǰoé buqu ~ mo. čögü buγu трехлетний олень. 12.
ǰaoriulqu ~ ǰauraulqu ~ čauraul указать, приказать отправиться в поход; mo. ǰaγuraγul велеть стиснуть зубы, велеть беречься (M., p. 95). 199, 202, 209, passim.
ǰaoričan смешиваться, перепутываться, переплетаться, ошибаться. 119.
ǰauqasu корень какого-то полезного в хозяйстве растения. 74.
ǰantaou чарка. 188.
ǰaɒqi связанное; mo. ǰanggiya связь, привязь. 124.
ǰaqaun промеж, между. 229, 278.
ǰaqin подкладка, подоплека. 201.
ǰabaǰi углы рта, челюсти. 173.
ǰabqaqu уйти, потеряться; mo. ǰabχaχu потеряться, пропасть, 93, 262.
ǰasaul, ǰasaut название должности, ясаул (-ы). 278.
ǰasaqu довольствоваться. 195.
ǰasaqlaqu поступить по закону; клм. ǰasaγlal наказание; ǰasaγlal ügei безнаказанно. 81.
ǰadalaqu совершать навождение. 143.
ǰada medekun умеющий наводить ветер и дождь; mo. ǰada bariχu волшебством вызывать ненастье. 143.
ǰalama китайского значения не дано; мнгр. ǰalama молитвенный лоскуток (M., p. 84). 174.
ǰalaraqu шествовать. 246.
ǰaliraulqu потратить; mo. ǰaǰiraγul угашать, отвлекать. 254.
ǰaliraqu погаснуть, смягчиться, прекратить гнев. 260, 276.
ǰalqaqsan подобранный (мех); mo. ǰalγaχu сращивать, соединять. 114.
ǰalqamšitai беспокоящий, постоянно надоедающий, назойливый; mo. ǰalγamǰi связь, преемство; настойчивость, назойливость. 98.
ǰamučin дорожный смотритель, ямской надзиратель. 279, 280.
ǰayaqu наладить; mo. ǰayaγaχu определить, предназначить. 124.
ǰarim, ǰarimut половина; mo. ǰarim некоторые. 162, 232, 254.

ǰarqaqusun ~ ǰarq̇aq̇usun кожа; mo. ǰarγa ломоть, кусок, обрезок. 114.
ǰaruqu служить, быть в услужении. 16.
ǰarčintai ~ ǰarčimtai законный, правильный, правосудный. 74.
ǰarḃiyal шейная колодка; mo. čarḃaγ клей. 146.
ǰee родня по женской линии; клм. ǰee 2-я степень родства в женском колене: халх. ǰige id.; мнгр. ǰie племянницы, внучки по сестре или дочери (M., p. 86). 64.
ǰe-in nökür согласный отклик. 255.
ǰebeleḱu mori боевой конь; mo ǰebele биться метательными копьями. 147.
ǰe ḃolulča сказать да, дать слово, согласиться. 66.
ǰeḃke ~ mo. ǰebege ленок (рыба). 75.
ǰešiku желать, задумать, иметь в виду. 111, 118.
ǰe teli! согласен! 242; довольно, баста; так и быть. 256, 277.
ǰedḱuku (‖χaγaχu) ~ mo. ǰedküḱü преграждать, останавливать, заграждать. 254, 281.
ǰekirku охладеть; mo. ǰekürkü остыть. 254.
ǰiuku настигать; mo. ǰegüḱü заарканить; расставить сеть. 195.
ǰiuku указать. 272.
ǰiuraqu разводить, разбавлять; mo. ǰiγura растирать. 145.
ǰiurtu ~ mo. ǰigürtü крылатый. 199.
ǰiŋḱuku (другое чтение: ulq̇uqu) клеветать; mo. yenggü клеветать; хулить, бранить; yenggün брань, хула; olġi злословить, порицать. 160, 246.
ǰibšierulčaku ударять друг друга, сшибаться; поднимать вверх и спускать вниз. 143.
ǰibšieruku ‖ ǰibšiereku ‖ ǰibšierku построить. 143, 173; выправить. 194; установить порядок, упорядочить. 202; управлять, исправлять. 254; mo. ǰiγsaγaḱa построить (войско); ǰöbšiyere обойти кругом слева. 143, 173, 194, 202.
ǰibturaqu сократиться, уменьшиться; mo. šibturχu соскользнуть, скатиться. 246.
ǰisuleku подобрать под цвет; mo. ǰisüleḱü придавать цвет. 267.
ǰisuku рассеять; разрезать; mo. ǰisüḱü искрошить, разрезать. 187.
ǰilda вечер, поздно. 142, 229.
ǰildu arasun задняя половина туши с кожей. 13.
ǰiči только; но; mo. ǰiči затем, также, еще. 149.
ǰiḱeli жертвоприношение небу путем подвешивания мяса на шесте (родовое жертвоприношение); mo. ǰüküli баран, воткнутый шаманом на шест; заклятие (Ковал., стр. 2424). 43.
ǰitḱuulku заставить тащить; mo. ǰidkügül понукать, заставлять ревностно трудиться. 195.
ǰiḱurmedeku еще сильнее, еще пуще взяться (о болезни); mo. ǰigirkü трепетать от ужаса, трястись от стужи; ǰigürleḱü окрылиться; ǰigür крылья. 272.
ǰiktuku ~ ǰikduku ~ ǰitkuku тащить, везти; трудиться, усердствовать. 121, 177, 205.
ǰiktulduku вместе тащить. 212.

ǰiramut ǰiq̇asu мелкая рыбка; клм. ǰirmaχai плотва, малявка. 75.
ǰirin две, два, пара, под пару, чета; mo. ǰiren, мнгр. ǰür id. (М., p. 96). 132, 208, 230, 245.
ǰirin ulu kin baiqu стоять, не давая потревожить. 230.
ǰoaŋleku предсказать, предвещать; mo. ǰöng откровение, предсказание. 207.
ǰoeulku доставлять, везти; mo. ǰögekü id. 281.
ǰoentaou мало, не много раз; čoen ~ ǰoen мало, малый (М., p. 454). 66.
ǰoeburi шакал; mo. čögebüri; халх. dööberi id. 78.
ǰoeku стяжать, приобрести, завести; mo. ǰöge. 212, 277.
ǰoqudus по спине, вдоль спины. 72.
ǰoqsoqu отдыхать; mo. ǰoγso останавливаться; делать временную остановку. 191.
ǰob-tob так ли; mo. ǰöb-töb правильно, справедливо. 275.
ǰobaqsat eke потрудившаяся мать. 242.
ǰosotu boro название масти лошади; mo. ǰusutu красноглинистый. 265.
ǰolia за тело свое, за самого себя; mo. ǰoliγ выкуп, залог; вызволение, избавление; сжигаемый «дзолик». 272.
ǰolk̇e долина с речкой посредине; клм. ǰal̇γa «балка», овраг, сухое русло (cf. М., p. 440). 247.
ǰoqilduqu помириться; mo. ǰokil̇du быть в согласии, согласиться. 132.
ǰȯriqu направиться; указать, утверждать, присудить. 201, 249.
ǰoriqsan q̇aǰar указанное место. 209.
ǰorq̇alduqu рубить дрова; mo. ǰorχu ~ ǰorγuχu строгать. 275.
ǰorkimes непобедимый (?); cf. клм. ǰörmög смелость, отвага; отчаянный, предприимчивый. 139.
ǰuen холод, мороз (М., p. 89). 230.
ǰuile-ǰuile там и сям. 170.
ǰuŋdaul помет. 174.
ǰaq̇aqu действовать обходом, смотря по обстоятельствам; cf. клм. ǰuγun двуличный, льстец, лицемер >ǰuγunda, ǰuγuudul̇γa. 179.
ǰuqus поспешно. 55.
ǰuq̇ulqu выхватить, вытащить; mo. ǰiγu tata id. (Г. Х., II). 214.
ǰubur долина. 56.
ǰubčiku вить, завивать. 181; закрывать. 210; привязать. 275; mo. ǰübčikü закрутить, завернуть, закрыть лицо, потерять стыд (niγur ǰübčikü). 181, 210, 275.
ǰusaq годовалый баран; mo. ǰasaγ ǰür 2-летняя серна. 280.
ǰuserekui ~ mo. ǰüserekü проливной дождь. 205.
ǰusuritqu льстить; mo. ǰusurl̇a лгать, льстить. 160, 180.
ǰuldu главная заслуга. 214.
ǰuk-iyer прямо; mo. ǰüger так, просто. 224.
ǰuk-tur oroulqu поставить на должное место. 265.
ǰukereku отчитывать заклинаниями воду. 272.
ǰukerk̇en usu отчитанная, заговоренная вода. 272.
ǰukleulku управить, упорядочить; mo. ǰüglegül направить в сторону, переставить, перенести. 203.

Y

yaaral спешное дело. 229.
yauke все, что; то, что. 153; штука, вещь; mo. yeüǰi тюк, штука; yaγuki всякое. 252.
yauǰin ~ mo. yayičam какой, что за..? 38.
yabut ~ yabum (ui). 195.
yeke auruq стан со старыми и малыми ~ yeke ordos. 233, 271.
yeke terkekur большой тракт, шлях. 121.
yeke tusurke «великая винница», буфет. 213, 232.
yeke kerluke подпоры великой юрты. 121.
yekes предки; yekese qaǰaru ineru qaruqsan пошли на кладбище предков (для принесения жертв). 70.
yekiuǰei ~ yekuuǰei для чего; перестаньте, оставьте; mo. yaγakiγuǰai как бы чего не вышло. 76, 149.
yekin ~ mo. yakin. 21.
yourqa стена; mo. yoγurγaχu месить, замешивать, разводить в воде; клм. ǰuurχu id. 281.
yori гремучая стрела. 116.

K

kaŋqaqu ~ qaŋqaqu ~ aŋqaqu томиться жаждой, утолить жажду; mo. angγa томиться жаждой; γang зной; χangγaχu напоить. 145.
kanšiku повергнуть к стопам (?); mo. gemšikü скорбеть, говорить со скорбью, сокрушаться. 242.
kanleksen ~ mo. kemlegsen установленный. 224.
kankeruku ~ qamqaraqu ~ mo. kemkelekü раздробить. 209.
kankeru ~ kemkeru вдребезги; mo. kemkere раздробиться, раскрошиться. 189.
ke ~ mo. kei, kii ветер. 195.
keekdeii ~ kemegdeye. 188.
keus поперек; с разбега. 141.
keuru ~ čaoru ~ hoqtaru ~ qanqaru ~ kekuru; mo. kegürte раздувать мехом. 147.
kene? Как? 254.
kenoer огорчение; mo. genükü тосковать, горевать. 254.
keseeku обуздать, наказать; mo. kesegekü искоренить. 203.
keseku мстить; клм. kesekü id. 53, 58.
ketu kelkeku ходить поперек; mo. getulge переправиться. 229.
ketus bukun находящийся по ту сторону. 195.
ketus поперек, через; mo. ketü через, мимо, чрезмерно. 255.
keleliulku ~ keleriulku ~ mo. kelberigülkü покоситься, склониться. 170, 172.
keli когда; mo. keǰiye id. 181, 200.
kelbes напротив, прямо. 256.
kelkiku ~ mo. kelkikü нанизывать, продевать. 195.
kem ukai не в срок, в неурочное время, сверх меры. 199.
kemuriulku оскорбиться; mo. gemnegül огорчать. 254.

kemleku ~ mo. kemne ограничивать сроком. 199.
kečen жестокий, упрямый; mo. kečegü трудный, крутой. 243.
kečel ~ kesel вражда, отмщение, возмездие. 67.
kekesun ступица у колеса; mo. gegesun id. 280.
kekesule тайно извести. 281.
kerek-ǰaraq потребности. 281.
keriyes память. 242.
keruku ~ ǰokoreku печалиться, отчаяться; mo. kerükü скитаться; нищенствовать; отчаиваться, не находить себе места. 93, 94; mo. čökerekü отчаяться, пасть духом; клм. čökökö, халх. čuχari id.
kiet и другие; множ. число. 151.
kiŋkus поперек. 105.
kinkulku переломить; mo. kemkele id. 272.
kiŋkuru пересечь; mo. kingγara голень, берцо. 255.
kisal kisaqu отомстить; mo. kisaχu придираться, задирать; kesegekü обуздывать, отучать. 58, 254.
kibkaŋku возрадоваться. 272.
kileme название рыбы; mo. kilime осетр. 272.
kili входящий луч, линия, черта, борозда; mo. kili id. 21.
kiliku derkečeǰu ехать рядом в непосредственной близости; mo. kelku связанный, соединенный; kili граница, борозда; ǰergečekü помещаться рядом. 56.
kilue стоянка коней, коновязь (?); mo. kelkiye связь, привязь. 131, 229, 245.
kilues место, где сходят с коня (?). 131.
kilbara легко, свободно, просто. 22.
kiluku ~ kilkun оглобля; mo. kelkü ~ kelkiya связь. 177, 200, 214.
kimal tamu ободрать ногти на руках; mo. kimusun ногти; tamuχu сучить, ссучивать, прясть. 53.
kimul ~ kimu ~ kimal ноготь. 276.
kičien осторожно. 254.
kičidut название породы верблюдов. 274.
kiǰin ~ kiǰim вдоль по; mo. kiǰim попона, чепрак. 195.
kiŋǰileulǰu huyaqu привязать на железную цепь. 195.
kirmes kiku мигнуть 194.
koanšilemel qonin солено-вяленое впрок мясо; ягненок последнего зимнего месяца; mo. χaγsamal вяленый; ǰulma χonin замороженная туша барана (Владим.: Общ. строй, стр. 39). 19.
koandeku ~ kondeku трогать, двигать, шевелить, возбуждать; mo. könde id. 176, 227, 257.
koandolet ~ kondolet клевреты (?); поперечники. 201.
koanǰile ~ konǰile ~ mo. könǰile одеяло. 201.
koaŋkelen ~ koŋkelen налегке; mo. könggelekü облегчать. 170.
koiten холодный. 213.
kondoletku недоброжелательный, перечащий; mo. köndöled сбить с пути; стать поперек дороги, заградить. 177.
kobšilduku вместе холодать, коченеть; mo. košikü стынуть. 207, 213.

kosuer ~ kösur безлюдный (?); mo. kösur ~ köser земля, пол, почва. 123.
kotot заводные кони, арьергард (M., p. 204). 195.
kotoči ~ kotočin домочадец; заводные; товарищи гвардейцев; mo. kötöči проводник, слуга, свита; cf. клм. Kötčiner название племенной «кости» у Дербетов. 198, 228.
kol нога, подножие; дно—в противоположность amsar устье, горло, вход. 86.
koldeku взять; халх. köldekü связать ноги; клм. köldẹkü стоять. 166.
koljirkeku подвергнуться повальным болезням; mo. kölji согреться, перегреться. 248.
kolke телега; клм. kölgön перевозочные средства. 245.
kolku huker упряжные быки, коровы. 280.
koke младенческая сорочка; место, послед; mo. köge (sün) слюна, пена. 121.
kokiuldeku быть подстрекаемым; mo. kökigülkü возбудить ревность. 177, 201.
kokidek легко встревожить (?); mo. kokikü поощрять, возбуждать; kökökü подстрекать, подзадоривать. 105.
kokiku испугаться; mo. kökikü подзадорить. 119.
koko debter синяя тетрадь, таблица.
koko kuru синий камень. 147.
korisu ~ mo. köresün кожица, кора, дерн. 111.
korisutai имеющий кожу, поверхность; mo. köresütei id. 254.
koruleIduku взаимно нападать; mo. kereldükü ссориться. 254.
korbeku оборачиваться; mo. körbekü кувыркаться (cf. urbaχu). 254.
kundu mortu kuun важного пути человек, важный человек. 201.
künkeulku заставить (дать) далеко уехать; mo. künggen легкий; орд. könkī быть пустым (M., p. 196). 103.
künkeku убежать; mo. künggekü облегчить. 146.
kudelen поперек; mo. köndelen id. 165.
küluk неутомимый человек; аргамак. 201.
külukiyer геройски. 205.
kučukur разновидность крысы; mo. küčügene маленькая крыса (M., p. 208). 89.
kučulun мышонок; mo. küčile крыса. 111.

K̇

keekku изумиться, испугаться. 244.
keisumser bulee никогда не развевал. 56.
keit дома; mo. keyid скит, монастырь. 102.
kenet внезапность, неожиданность; неосторожный; беспечный; mo. genedte внезапно. 170, 184, passim.
keskeku ~ mo. geyiskekü рассеивать. 254.
ketkiku ~ kodtkeku ходить, ступать; mo. ketekü бродить. 203.
keliku гнаться (?); mo. keliku увести, угнать за собой. 78.
kelbur слабый, слабосильный; mo. kilber дешевый, легкий. 81.

ǩemuriulku досаждать; mo. gemerekü упрекать, винить; клм. gemürükü тревожиться, беспокоиться. 231.
ǩečikileku топтать; mo. geskikü id. 275.
ǩere рассвет, заря; mo. geriye id. 62.
ǩerel širala ~ udur ǩein bukui-tur на рассвете; мнгр. tiäŋgeri širlaǰia воздух пожелтел (M., p. 400). 98.
ǩerelduku ~ mo. kereldükü ссориться, драться. 195.
ǩerelǰu гневно; клм. kereelekü образовать ряд; стоять друг подле друга. 245.
ǩeriske защитный; mo. kereske перила. 124.
ǩeru к северу от гор; бор за горой; mo. kerü бор, роща позади гор (M., p. 133). 28, 170.
ǩer-un kout домочадцы. 232.
ǩer terǩen дом-телега; юрта на колесах (?). 232.
ǩer darua постоянный посетитель дома, свой человек в доме. 44.
ǩeries оставленное на память; mo. geriyes öge (bičig) завещание. 231.
ǩeries-iyen okku подарить на память. 208.
ǩiŋkuriku отрезывать; mo. kingγurγa резец, нож с двумя лезвиями, серп. 124.
ǩeoǩi ~ mo. geügi крюк, крючок, удочка. 75.
ǩour небольшой кожаный мех; mo. kögür кувшин для вина. 87.
ǩodolkui прислуга, работница; mo. ködölmüriči. 98.
ǩolme подседельник; mo. gölme ~ kiǰim чепрак, попона. 105.
ǩolmi сеть; mo. gölmi невод. 199.
ǩoruku шпионить; mo. görükü плести. 156.
ǩuuleldun bariq̇u держать по очереди. 19.
ǩuurǩe барабан. 232.
ǩun скала, утес; ǩun-tur qorq̇aqsan окруженный в скалах; mo. gün глубокий. 26, 179.
ǩuŋ лебедь; mo. χung id. 111.
ǩunesulet ~ künesülem (ui). 195.
ǩuseku думать; mo. küsekü желать. 254.
ǩuličeku ~ mo. küličekü ждать, поджидать. 31.
ǩučurǩeku показать усердие; mo. küčürkekü насильничать. 124.
ǩuǰuku urtus tobičat западные кони с длинными шеями. 274.
ǩur китайского значения не дано; mo. kegür ~ küür громи, вперед, нападай; kegürgedekü раздувать мехом; клм. köörökü задыхаться от волнения, приходить в ярость. 147.
ǩur-iyer все полностью. 269.
ǩur deere-in ǰarq̇u высший (общегосударственный) суд. 203.
ǩureeleku поставить лагерь. 144.
ǩureǩe ~ mo. kegürge кузнечный мех. 211.
ǩureku просить, молить. 71.
ǩurin eleut название породы верблюдов; mo. kürin темногнедой. 274.
ǩurue винница. 187.

k̇urulčeku взаимно преступать; mo. kürülčekü касаться друг друга; довести, исполнить; сойтись лицом к лицу. 194, 254, 255.
k̇urumel шалаш; mo. kürümeli id. 90.
k̇urku ~ mo. kürkü достигнуть, прибыть. 35.

Редактор издательства А. М. Барабанов. Подписано к печати 25 января 1941 г. РИСО № 855—441.
М 30258. Объем $38^3/_4$ печ. л. 44,5 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Цена книги [illegible]0 руб.

Типо-литография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, Заказ № 801

